
HDI
HL 1RD4 R

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

С. СВЕРДЛОВЪ

1890.

1890

ЗА ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

А. Ѳ. КОНИ

ЗА ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

Судебныя рѣчи (1888—1896).
Юридическія сообщенія и замѣтки.
Воспоминанія и біографическіе очерки.
Приложенія.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1898

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ПАМЯТИ

КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА ѲЕОДОРОВИЧА

ОДОЕВСКАГО.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Юридическія сообщенія и замѣтки.

Воспоминанія и біографическіе очерки.

Приложенія.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Второе изданіе книги *«За послѣдніе годы»* содержитъ, подобно первому, вышедшему въ 1896 году, — *обвинительныя рѣчи* и *кассаціонныя заключенія*, произнесенныя авторомъ въ судебныхъ засѣданіяхъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената съ 1888 по 1896 г. — и служитъ, поэтому, продолженіемъ вышедшей тремя изданіями книги *«Судебныя рѣчи»* (1868—1888 г.) — Отдѣлъ *воспоминаній и біографическихъ очерковъ* въ настоящемъ изданіи дополненъ очеркомъ жизни Өеодора Петровича Гааза и некрологомъ Александра Даниловича Шумахера; — въ отдѣлѣ *приложеній,* не подходящихъ подъ три главныя рубрики книги, — прибавлено письмо о «задачахъ трудовой помощи»; въ концѣ книги помѣщены — *алфавитный указатель* объясненій и ссылокъ юридическаго характера и *указатель* приводимыхъ *статей закона.*

Первое изданіе этой книги было посвящено *памяти Өеодора Петровича Гааза.*

Предполагая принять участіе въ Международномъ Тюремномъ Конгрессѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1890 году, и произнести рѣчь объ извѣстномъ англійскомъ филантропѣ Джонѣ Говардѣ, авторъ, собирая свѣдѣнія о русскихъ его послѣдователяхъ, встрѣтился съ данными, относящимися къ дѣятельности старшаго врача Московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 по 1853 годъ — доктора Өеодора Петровича Гааза.

Чѣмъ дальше шло ознакомленіе съ разбросанными по различнымъ изданіямъ замѣтками и воспоминаніями о Гаазѣ, тѣмъ ярче и привлекательнѣе выступала, въ своей величавой простотѣ, его, совсѣмъ забытая, личность, заслоняя собою образъ Говарда.

Разборъ обширнаго архивнаго матеріала по дѣламъ и журналамъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, разсмотрѣніе рукописей и писемъ Гааза—и сношенія съ людьми, лично его знавшими или слышавшими о немъ отъ его друзей или близкихъ знакомыхъ,—дали возможность подробно изучить сердечную глубину и нравственную высоту этого человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его трудовой, всецѣло отданной на служеніе человѣчеству, жизни.

Результатомъ этого изученія былъ рядъ публичныхъ чтеній о Гаазѣ въ пользу голодающихъ въ 1892 году. Къ сожалѣнію—авторъ былъ лишенъ возможности, за недосугомъ, придать надлежащее для печати развитіе тѣмъ очень краткимъ замѣткамъ, по которымъ читались эти лекціи, а также дополнить ихъ разнообразными данными, полученными уже впослѣдствіи. Онъ не терялъ впрочемъ надежды сдѣлать это въ недалекомъ будущемъ. Составляя первое изданіе книги «за послѣдніе годы», онъ не могъ, однако, отрѣшиться отъ воспоминанія о тѣхъ часахъ, которые въ теченіе этихъ лѣтъ были проведены имъ въ изученіи личности и жизни Гааза и въ бесѣдахъ о немъ. Поэтому, не ожидая «недалекаго будущаго» онъ съ благодарнымъ чувствомъ посвятилъ свою книгу *памяти Θеодора Петровича Гааза*, ограничившись сообщеніемъ лишь самыхъ краткихъ о немъ свѣдѣній.

Въ январѣ и февралѣ 1897 года очеркъ жизни и дѣятельности Гааза былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» и вслѣдъ затѣмъ изданъ отдѣльною книжкою, съ портретомъ, въ количествѣ 4000 экземпляровъ, вызвавъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ органахъ печати внимательное къ себѣ отношеніе и сочувственные отзывы объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Такимъ образомъ цѣль посвященія—напомнить, по мѣрѣ возможности, русскому обществу о Θеодорѣ Петровичѣ Гаазѣ—была достигнута и надо надѣяться, что путемъ изданія дешевыхъ брошюръ и общедоступныхъ пересказовъ о его жизни, его имя будетъ ограждено на будущее время отъ обычнаго у насъ забвенія.

Поэтому, помѣщая свой очеркъ о Гаазѣ въ настоящемъ изданіи, авторъ считаетъ нынѣ возможнымъ посвятить книгу памяти другого выдающагося общественнаго и литературнаго дѣятеля—*князя Владиміра Θеодоровича Одоевскаго*.

Надѣясь со временемъ изложить подробно содержаніе публичнаго чтенія о князѣ Одоевскомъ (въ ноябрѣ 1897 года, въ Соляномъ городкѣ, въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія), составитель этой книги рѣшается напомнить, въ самыхъ краткихъ чертахъ о томъ, кто такой былъ тотъ, кому она посвящена.

Князь Владиміръ Θеодоровичъ Одоевскій родился въ Москвѣ 30 іюля 1803 г. и былъ послѣднимъ представителемъ одной изъ старѣйшихъ вѣтвей рода Рюриковичей, происходя по прямой линіи отъ князя черниговскаго Михаила Всеволодовича, замученнаго въ 1246 г. въ Ордѣ и причтеннаго къ лику святыхъ. Окончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, онъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», а затѣмъ, сблизившись съ Грибоѣдовымъ и Кюхельбекеромъ, издавалъ въ 1824—1825 гг. альманахъ «Мнемозина». Въ 1826 г. поступилъ на службу въ вѣдомство иностранныхъ исповѣданій и долгое время редактировалъ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Въ 1846 г. былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской публичной библіотеки и директоромъ Румянцевскаго музея. Съ переводомъ въ 1861 г. музея въ Москву, назначенъ сенаторомъ московскихъ департаментовъ сената и состоялъ первоприсутствующимъ 8 департамента. Скончался 27 февраля 1869 г. и погребенъ на кладбищѣ Донскаго монастыря.

Таково его внѣшнее «прохожденіе службы». Но внутри этихъ «формулярныхъ» рамокъ помѣщается жизнь, посвященная служенію лучшимъ сторонамъ духовной природы человѣка и высшимъ потребностямъ общественнаго строя. Человѣкъ самаго разносторонняго и глубокаго образованія, вдумчивый и воспріимчивый мыслитель, талантливый и оригинальный писатель, Одоевскій чутко отзывался на всѣ явленія современной ему научной и общественной жизни. Вліяніе университетскаго пансіона, руководимаго замѣчательнымъ по своему гуманному направленію педагогомъ Прокоповичемъ-Антонскимъ и лекціи горячаго послѣдователя Шеллинга, молодого профессора Павлова, сказались въ тѣхъ взглядахъ, съ которыми вступилъ Одоевскій въ жизнь, не измѣнивъ имъ затѣмъ ни въ чемъ существенномъ.

Исканіе во всемъ и прежде всего правды («Ложь въ искусствѣ, ложь въ наукѣ и ложь въ жизни, писалъ онъ въ свои преклонные годы,—были всегда и моими врагами, и моими мучителями: всюду я преслѣдовалъ ихъ и всюду они меня преслѣдовали»), уваженіе къ человѣческому достоинству и душевной свободѣ, проповѣдь снисхожденія и дѣятельной любви къ людямъ, восторженная преданность наукѣ и стремленіе всесторонне вникнуть въ организмъ духовной и физической природы отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества—вотъ характерныя черты его произведеній и его образа дѣйствій. Онѣ проявляются уже въ его первыхъ литературныхъ опытахъ — въ полемикѣ съ Булгаринымъ, въ письмахъ къ «Луж-

ницкому старцу», въ «Старикахъ», гдѣ въ прозрачной и ядовитой аллегоріи выставляются жалкія и отрицательныя стороны служебной и общественной жизни. Красной нитью проходятъ онѣ черезъ все собраніе его сочиненій, изданное въ трехъ томахъ въ 1844 г. и съ тѣхъ поръ цѣликомъ не повторенное. Въ немъ Одоевскій является не только какъ занимательный повѣствователь или, по его собственному выраженію, *сказочникъ*, но и какъ научный мыслитель и популяризаторъ нравственно-философскихъ, экономическихъ и естественно-историческихъ ученій.

Зорко слѣдя за открытіями въ наукѣ и за новыми теоріями, онъ, въ той или другой формѣ, знакомитъ съ ними своихъ читателей. Его языкъ — живой и образный, иногда слишкомъ богатый сравненіями и метафорами, — въ передачѣ сложныхъ и отвлеченныхъ понятій очень опредѣлителенъ и ясенъ. Въ немъ почти постоянно слышится, подмѣченный Бѣлинскимъ, «безпокойный и страстный юморъ», а нѣкоторыя страницы напоминаютъ блестящіе ораторскіе пріемы. Главное мѣсто среди сочиненій Одоевскаго принадлежитъ безспорно «Русскимъ ночамъ» — философской бесѣдѣ между нѣсколькими молодыми людьми, въ которую вплетены, для иллюстраціи высказываемыхъ ими положеній, разсказы и повѣсти, отражающіе въ себѣ задушевныя мысли, надежды, симпатіи и антипатіи автора. Такъ, напримѣръ, разсказы «Послѣднее самоубійство» и «Городъ безъ имени» представляютъ, на фантастической подкладкѣ, строго и послѣдовательно до конца доведенный законъ Мальтуса о возрастаніи населенія въ геометрической прогрессіи, а произведеній природы въ ариѳметической, со всѣми изъ этого послѣдствіями, — и теорію Бентама, кладущую въ основаніе всѣхъ человѣческихъ дѣйствій исключительно начало полезнаго, какъ цѣль и какъ движущую силу. Лишенная внутренняго содержанія, замкнутая въ лицемѣрную условность, свѣтская жизнь находитъ себѣ живую и яркую оцѣнку въ «Насмѣшкѣ мертвеца» и, въ особенности, въ патетическихъ страницахъ «Бала» и описаніи ужаса передъ смертью, испытываемаго собравшеюся на балѣ публикою. Стремленіе къ чрезмѣрной спеціализаціи знаній съ утратой сознанія объ общей между ними связи и гармоніи, — на что всегда жестоко нападалъ Одоевскій, — даетъ сюжетъ для «Импровизатора» и ряда другихъ разсказовъ.

Въ «Русскихъ ночахъ» особенно выдаются два разсказа: «Бригадиръ» и «Себастьянъ Бахъ»; первый—потому, что въ немъ авторъ, за пятьдесятъ лѣтъ до появленія «Смерти Ивана Ильича», затрогиваетъ ту же самую — и по основной идеѣ и по ходу разсказа— тему, которую впослѣдствіи, конечно съ неизмѣримо большимъ

талантомъ, разработалъ графъ Л. Н. Толстой; а второй—потому, что здѣсь (а также и въ «Послѣднемъ квартетѣ Бетховена») авторъ, излагая, съ изящною простотой, трогательную біографію Баха, высказалъ свою восторженную любовь къ музыкѣ — «величайшему изъ искусствъ» — серьезному изученію исторіи и теоріи которой онъ посвятилъ въ значительной мѣрѣ свою жизнь. Еще въ 1833 г. онъ написалъ «Опытъ о музыкальномъ языкѣ», много занимался затѣмъ вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ своего любимаго инструмента — органа, и даже изобрѣлъ самъ особый инструментъ, названный имъ энгармоническимъ клавесиномъ. Отдавшись, послѣ переселенія въ Москву, изученію древней русской музыки, онъ читалъ о ней лекціи у себя на дому; въ 1868 г. издалъ «Музыкальную грамоту или основанія музыки для не музыкантовъ» и открылъ московскую консерваторію рѣчью «объ изученіи русской музыки не только какъ искусства, но и какъ науки». Его совѣтами неоднократно пользовался Глинка, когда писалъ свою оперу «Жизнь за Царя», успѣхъ которой былъ отпразднованъ въ квартирѣ Одоевскаго пѣніемъ шутливаго канона (...«веселися Русь! нашъ Глинка — ужъ не глинка, ужъ не глинка, а фарфоръ»), сочиненнаго Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Вьельгорскимъ и положеннаго на музыку самимъ Глинкою и Одоевскимъ. Смерть застала Одоевскаго за усиленными заботами объ устройствѣ въ Москвѣ съѣзда археологовъ (онъ былъ однимъ изъ учредителей археологическаго общества, а также Императорскаго географическаго общества), во время котораго ученики консерваторіи должны были подъ его руководствомъ исполнять древніе русскіе церковные напѣвы... Это старинное пѣніе раздавалось на его скромныхъ похоронахъ...

Среди повѣстей и разсказовъ, не вошедшихъ въ «Русскія ночи» выдѣляются: большая повѣсть «Саламандра», полуисторическій, полуфантастическій сюжетъ которой, навѣянъ на автора изученіемъ крайне интересовавшей его исторіи алхиміи и изслѣдованіями Я. К. Грота о финскихъ легендахъ и повѣрьяхъ, — и серія полныхъ злой ироніи разсказовъ изъ свѣтской жизни («Новый годъ», «княжна Мими», «княжна Зизи»). Сатирическія сказки («О мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ», «О господинѣ Кивакалѣ» и др.), изъ которыхъ иныя отличаются мрачнымъ колоритомъ и, въ виду господствовавшихъ тогда въ правящихъ сферахъ взглядовъ, большою смѣлостью — составляютъ переходъ отъ фантастическихъ разсказовъ, гдѣ чувствуется сильное вліяніе Гофмана, къ ряду прелестныхъ и остроумныхъ нравоучительныхъ («Душа женщины», «Игоша», «Необойденный домъ»), а также дѣтскихъ сказокъ, одинаково чуждыхъ, какъ дѣланной чувствительности, такъ и слиш-

комъ ранняго, безжалостнаго ознакомленія дѣтей съ ужасами жизни и ея скорбями. Значительная часть послѣднихъ сказокъ была издана отдѣльною книжкой подъ названіемъ «Сказокъ дѣдушки Иринея», и для людей, дѣтство которыхъ совпало съ пятидесятыми годами, «Червячекъ» и, въ особенности «Городокъ въ табакеркѣ», вѣроятно, остались памятными на всю жизнь.

Одною изъ выдающихся сторонъ литературной дѣятельности Одоевскаго была забота о просвѣщеніи народа, въ способности и добрыя духовныя свойства котораго онъ страстно вѣрилъ,— забота тѣмъ болѣе цѣнная, что крайне рѣдко встрѣчалась въ то время и многими разсматривалась какъ неумѣстное чудачество. Долгіе годы состоялъ онъ редакторомъ «Сельскаго Обозрѣнія», издававшагося министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; вмѣстѣ съ другомъ своимъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, выпустилъ въ свѣтъ книжки «Сельскаго чтенія» въ двадцати тысячахъ экземпляровъ, подъ заглавіями: «Что крестьянинъ Наумъ твердилъ дѣтямъ по поводу картофеля», «Что такое чертежъ земли и на что это пригодно», (исторія, значеніе и способы межеванія) и т. д.; написалъ для народнаго чтенія рядъ «Грамотокъ дѣдушки Иринея»—о газѣ, желѣзныхъ дорогахъ, порохѣ, повальныхъ болѣзняхъ и о томъ, «что вокругъ человѣка и что въ немъ самомъ», и, наконецъ, издалъ «Пестрыя сказки Иринея Гомозейки», написанныя языкомъ, которымъ восхищался знатокъ русской рѣчи Даль, находившій, что нѣкоторымъ изъ придуманныхъ Одоевскимъ поговорокъ и пословицъ можетъ быть приписано чисто народное происхожденіе (напримѣръ «дружно не грузно, а врозь хоть брось», «двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ»...).

Искренно преданный интересамъ литературы, не принадлежа ни къ какому исключительному кружку, сочувствуя и помогая всему честному и даровитому, что въ ней появлялось, Одоевскій дорожилъ званіемъ литератора и гордился имъ. Другъ Пушкина и кн. Вяземскаго, онъ радушно раскрывалъ свои двери для всѣхъ товарищей по перу, брезгливо относясь лишь къ Булгарину и Сенковскому, которые его терпѣть не могли, и ставя свои занятія литературою выше всего, что давалось ему его знатнымъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. «Печать, говорилъ онъ, дѣло великое» и сравнивалъ ее съ осёлкомъ, о который разбиваются выдуманныя репутаціи умныхъ людей. «Честная литература—писалъ онъ—точно брандвахта, аванпостная служба среди общественнаго коварства». Всегда стоя на стражѣ противъ всякихъ двусмысленныхъ и нечистыхъ пріемовъ, онъ предупреждалъ писателей о грозившихъ имъ съ какой-либо стороны опасностяхъ, въ тре-

вожныя времена горячо заступался за нихъ, гдѣ только могъ, и настойчиво заботился о расширеніи круга изданій. Его хлопотамъ обязаны были своимъ разрѣшеніемъ «Отечественныя Записки». Привѣтствуя облегченіе цензурныхъ правилъ въ 1865 г. (о чемъ онъ и прежде писалъ въ составленныхъ имъ обстоятельныхъ запискахъ о цензурѣ и ея исторіи у насъ), Одоевскій настойчиво высказывался противъ взятой изъ наполеоновской Франціи системы предостереженій и ратовалъ за отмѣну безусловнаго воспрещенія ввоза въ Россію враждебныхъ ей книгъ.

До пятидесятыхъ годовъ по своимъ взглядамъ на отношеніе Россіи къ Западу Одоевскій приближался во многомъ къ славянофиламъ, хотя никогда систематически къ нимъ не примыкалъ. Эпилогъ «Русскихъ ночей» написанъ на тему о гніеніи Запада, о всеразъѣдающей лжи, охватившей со всѣхъ сторонъ западнаго европейца, о томъ, «что намъ, поставленнымъ на рубежѣ двухъ міровъ— прошедшаго и будущаго, — новымъ и свѣжимъ, непричастнымъ преступленіямъ старой Европы, предстоитъ все оживить и вписать нашъ духъ въ исторію ума человѣческаго, какъ наше имя вписано на скрижаляхъ побѣды...». Но уже и въ это время онъ высоко ставилъ Петра, а личное знакомство съ «гнилымъ Западомъ» во время поѣздокъ заграницу, начиная съ 1856 г. (въ 1859 г. онъ былъ депутатомъ Имп. публичной библіотеки на юбилеѣ Шиллера въ Веймарѣ), заставило его измѣнить свой взглядъ на смыслъ европейской цивилизаціи. Это выразилось съ особою силою въ запискахъ и бумагахъ его, составляющихъ интереснѣйшее собраніе замѣчаній по поводу всевозможныхъ вопросовъ, хранящееся въ публичной библіотекѣ и отчасти напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 и 1874 гг. Не закрывая глазъ на «нашу прирожденную болѣзнь» и сходясь въ этомъ съ Кавелинымъ («Задачи этики»), Одоевскій указываетъ на ея признаки—«общенародную лѣнь ума, непослѣдовательность и недостатокъ выдержки», и негодуетъ на то наше свойство, которое онъ вызываетъ «рукавоспустіемъ». «Идеализмъ въ народѣ—пишетъ онъ—является бо̀льшею частью въ видѣ терпимости къ другимъ народамъ и пониманіи ихъ. Просвѣщеніемъ выработывается достоинство человѣка вообще, полупросвѣщеніемъ—лишь націонализмъ, т.-е. отрицаніе общечеловѣческихъ правъ. Народность—великое слово, но смыслъ его, доведенный до крайности, приводитъ къ безсмысленному и рабскому подражанію прошлому; народность — одна изъ наслѣдственныхъ болѣзней, которою умираетъ народъ, если не подновить своей крови духовнымъ и физическимъ сближеніемъ съ другими народами...» Возражая противъ нападокъ на переворотъ Петра, Одоев-

скій пишетъ: «тѣ, что толкуютъ о какомъ то допотопномъ славяно-татарскомъ у насъ просвѣщеніи, то пусть оно при нихъ и остается, пока они не покажутъ намъ русской науки, русской живописи, русской архитектуры въ до-петровское время; а такъ какъ по ихъ мнѣнію вся эта допотопная *суть* сохранилась лишь у крестьянъ— т. е. у крестьянъ, неиспорченныхъ такъ называемыми балуй-городами, какъ напр. Петербургъ, Москва, Ярославль и др.,—то мы можемъ легко увидѣть сущность этого допотопнаго просвѣщенія въ той безобразной кривулѣ, которою нашъ крестьянинъ царапаетъ землю на его едва взбороненной нивѣ, въ его посѣвахъ кустами, въ неумѣніи содержать домашній скотъ, на который ни съ того ни съ сего находитъ чума, такъ—съ потолка, а не отъ дурного ухода, въ его курной избѣ, въ его потасовкѣ женѣ и дѣтямъ, въ особой привязанности свекровъ къ молодымъ невѣсткамъ, въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и, наконецъ, въ безграмотности» («Русскій Архивъ», 1874, № 2). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ до конца вѣрилъ въ русскаго человѣка и его богатые задатки. «А всетаки русскій человѣкъ—первый въ Европѣ не только по способностямъ, которыя дала ему природа даромъ, но и по чувству любви, которое чуднымъ образомъ въ немъ сохранилось, несмотря на недостатокъ просвѣщенія, несмотря на превратное преподаваніе религіозныхъ началъ, обращенное лишь на обрядность, а не на внутреннее улучшеніе. Ужъ если русскій человѣкъ прошелъ сквозь такую передѣлку и не забылъ христіанской любви, то стало быть въ немъ будетъ прокъ—но это еще впереди, а не назади» (тамъ же).

Преобразованія Александра II, обновившія русскую жизнь, встрѣтили въ Одоевскомъ восторженное сочувствіе. Онъ предлагалъ считать въ Россіи новый годъ съ 19 февраля и всегда, въ кругу друзей, торжественно праздновалъ «великій первый день свободнаго труда», какъ онъ самъ выразился въ стихотвореніи, написанномъ послѣ чтенія манифеста объ упраздненіи крѣпостного права. Когда въ 1865 г., въ извѣстной газетѣ «Вѣсть», была помѣщена статья, въ которой проводился, подъ предлогомъ упорядоченія нашего общественнаго устройства, проектъ дарованія дворянству такихъ особыхъ преимуществъ, которыя въ сущности, были бы возстановленіемъ крѣпостного права, только въ другой формѣ, — князь Одоевскій написалъ горячій протестъ, въ которомъ говорилъ, что задача дворянства состоитъ въ слѣдующемъ: 1) приложить всѣ силы ума и души къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостного состоянія, нынѣ съ Божіей помощью

уничтоженнаго, но бывшаго постояннымъ источникомъ бѣдствій для Россіи и позоромъ для всего ея дворянства; 2) принять добросовѣстное и ревностное участіе въ дѣятельности новыхъ земскихъ учрежденій и новаго судопроизводства, и въ дѣятельности этой почерпать ту опытность и знаніе дѣлъ земскихъ и судебныхъ, безъ которыхъ всякое учрежденіе осталось бы безплоднымъ за недостаткомъ исполнителей; 3) не поставлять себѣ цѣлью себялюбивое охраненіе однихъ своихъ сословныхъ интересовъ, не искать розни съ другими сословіями передъ судомъ и закономъ, но дружно и совокупно со всѣми вѣрноподданными трудиться для славы Государя и пользы всего отечества и 4) пользуясь высшимъ образованіемъ и бо̀льшимъ достаткомъ, употреблять имѣющіяся средства для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа, съ цѣлью усвоить ему успѣхи наукъ и искусствъ, насколько то возможно для дворянства... Протестъ этотъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ кругахъ Москвы ожесточенное негодованіе противъ Одоевскаго: его обвиняли въ измѣнѣ своему имени, въ предательствѣ дворянскихъ интересовъ, въ содѣйствіи прекращенію «Вѣсти». Въ заключительныхъ строкахъ письма, написаннаго по этому поводу, князь Одоевскій, съ негодованіемъ опровергнувъ эти обвиненія, говоритъ: «мои убѣжденія—не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всѣми доступными для меня способами: перомъ — на сколько то позволялось тогда въ печати, а равно и въ правительственныхъ сношеніяхъ, изустною рѣчью не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ официіальныхъ комитетахъ,—вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостничества и указывалъ на гибельное вліяніе олигархіи въ Россіи; болѣе 30 лѣтъ моей публичной жизни доставили мнѣ лишь новые аргументы въ подкрѣпленіе моихъ убѣжденій. Учившись съ молоду логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнить моихъ убѣжденій въ угоду какой-бы то ни было партіи. Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому не навязывалъ моихъ мнѣній, но зато выговаривалъ ихъ всегда во всеуслышаніе весьма опредѣлительно и рѣчисто, а теперь уже поздно мнѣ переучиваться. Званіе русскаго дворянина, моя долгая, честная, чернорабочая жизнь, не запятнанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами, наконецъ, если угодно, и мое историческое имя—не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ робкомъ безмолвіи,—которое могло бы быть принято за знакъ согласія,—въ дѣлѣ, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моей судейской должности, а именно:

безусловномъ равенствѣ передъ судомъ и закономъ, безъ различія званія и состояній!».

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдилъ Одоевскій за начатою въ 1866 г. тюремною реформою и за введеніемъ работъ въ мѣстахъ заключенія, еще въ «Русскихъ ночахъ» указавъ на вредную сторону исправительно-карательныхъ системъ, основанныхъ на безусловномъ уединеніи и молчаніи. Обновленный судъ нашелъ въ немъ горячаго поборника. «Судъ присяжныхъ, писалъ онъ, не тѣмъ хорошъ, что судитъ справедливѣе и независимѣе судей чиновниковъ. Очень можетъ статься, что умный чиновникъ разсудитъ дѣло толковѣе и рѣшитъ справедливѣе, нежели присяжный не-юристъ... Судъ присяжныхъ важенъ тѣмъ, что наводитъ на осуществленіе идеи правосудія такихъ людей, которые и не подозрѣвали необходимости такого осуществленія; онъ воспитываетъ совѣсть. Все, что есть прекраснаго и высокаго въ англійскихъ законахъ, судахъ, полиціи, нравахъ — все это выработалось судомъ присяжныхъ, т. е. возможностью для каждаго быть когда-нибудь безконтрольнымъ судьею своего ближняго, но судьею во всеуслышаніе, подъ критикою общественнаго мнѣнія. Никогда *общественная правдивость* не выработается тамъ, гдѣ судья—чиновникъ, могущій ожидать за рѣшеніе награды или наказанія отъ министерской канцеляріи («Русскій Архивъ», 1874, № 7).

Смущенный слухами о возможности, подъ вліяніемъ признаковъ политическаго броженія, измѣненія коренныхъ началъ, вложенныхъ въ преобразованія Александра II, князь Одоевскій, незадолго до своей смерти, рѣшилъ начать историческое изслѣдованіе «о Россіи во второй половинѣ XIX вѣка» и въ тоже время составилъ всеподданнѣйшую записку для Государя, въ которой, указывая вредное вліяніе на нравственное развитіе молодежи того, что ей пришлось видѣть и слышать въ частной и общественной жизни въ дореформенное время, при господствѣ крѣпостного права и безсудія, умолялъ о сохраненіи и укрѣпленіи началъ, положенныхъ въ основу реформъ. «Исторія Царя, писалъ онъ, — въ законахъ его царствованія». Записка была представлена Государю уже послѣ кончины князя Одоевскаго, и Александръ II написалъ на ней: «прошу благодарить отъ меня вдову за сообщеніе письма мужа, котораго я душевно любилъ и уважалъ».

Князю Одоевскому принадлежитъ починъ въ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ; по его мысли основана въ Петербургѣ больница для приходящихъ, получившая впослѣдствіи наименованіе Максимиліановской; онъ же былъ учредителемъ Елисаветинской дѣтской больницы въ Петербургѣ. Въ осуществленіи задуманныхъ имъ

способовъ придти на помощь страждущимъ и «малымъ симъ» Одоевскій встрѣчалъ поддержку со стороны великой княгини Елены Павловны, къ тѣсному кружку которой онъ принадлежалъ. Главная его работа и заслуга въ этомъ отношеніи состояла въ образованіи въ 1846 г., *Общества посѣщенія бѣдныхъ* въ Петербургѣ. Широкая и разумно-поставленная задача этого общества, организація его дѣятельности на живыхъ, практическихъ началахъ, обширный кругъ его членовъ, привлеченныхъ княземъ Одоевскимъ — сразу выдвинули это общество изъ ряда другихъ благотворительныхъ учрежденій и создали ему небывалую популярность среди всѣхъ слоевъ населенія столицы. Посѣщеніе бѣдныхъ, обязательное для каждаго члена общества не менѣе раза въ мѣсяцъ, три женскихъ рукодѣльни, дѣтскій «ночлегъ» и школа при немъ, общія квартиры для престарѣлыхъ женщинъ, семейныя квартиры для неимущихъ, лѣчебница для приходящихъ, дешевый магазинъ предметовъ потребленія, своевременная, разумная личная помощь деньгами и вещами—таковы средства, которыми дѣйствовало общество, помогая, въ разгаръ своей дѣятельности, не менѣе какъ 15 тыс. бѣдныхъ семействъ. Благодаря неутомимой и энергической дѣятельности своего предсѣдателя Одоевскаго, совершенно отказавшагося на все время существованія общества отъ всякихъ литературныхъ занятій, средства общества росли и дошли до 60 тыс. ежегоднаго дохода. Одоевскій отдавалъ все свое время и всѣ свои силы этому обществу, умѣряя кротостью и добротою всѣ неизбѣжныя и иногда очень острыя столкновенія въ распорядительныхъ собраніяхъ общества и заботясь, прежде всего, о томъ, чтобы въ его дѣятельность не закрались бюрократическая рутина и формальное отношеніе къ дѣлу.

Необычная дѣятельность общества, приходившаго въ непосредственныя сношенія съ массою бѣдныхъ, стала, однако, подъ вліяніемъ событій 1848 года, возбуждать подозрѣнія — и оно было присоединено къ Императорскому человѣколюбивому обществу, что значительно стѣснило его дѣйствія, лишивъ ихъ свободы отъ канцелярской переписки, а отчеты общества, составлявшіеся самимъ Одоевскимъ, необходимой и своевременной гласности, поддерживавшей интересъ и сочувствіе къ обществу. Кончина почетнаго попечителя общества, герцога Максимиліана Лейхтенберскаго, нанесла новый ударъ обществу, а послѣдовавшее затѣмъ воспрещеніе военнымъ участвовать въ немъ лишило его множества дѣятельныхъ членовъ. Мало по малу общество стало распадаться и, несмотря на усилія князя Одоевскаго спасти свое любимое дѣтище отъ гибели, должно было въ

1855 г. прекратить свои дѣйствія, обезпечивъ, по возможности, своихъ дряхлыхъ пенсіонеровъ и воспитанниковъ. Новый почетный попечитель, великій князь Константинъ Николаевичъ, желая почтить «самоотверженную дѣятельность князя Одоевскаго», вступилъ въ переписку объ исходатайствованіи ему видной награды, но во время узнавшій о томъ Одоевскій отклонилъ ее письмомъ, исполненнымъ достоинства, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «я не могу избавить себя отъ мысли, что, при особой мнѣ наградѣ, въ моемъ лицѣ будетъ соблазнительный примѣръ человѣка, который принялся за дѣло подъ видомъ безкорыстія и сроднаго всякому христіанину милосердія, а потомъ, тѣмъ или другимъ путемъ, всетаки достигъ награды... Быть такимъ примѣромъ противно тѣмъ правиламъ, которыхъ я держался въ теченіе всей моей жизни; дозвольте мнѣ, Ваше Императорское Высочество, вступивъ на шестой десятокъ, не измѣнять имъ...»

Отдалъ, подобно своему другу Заблоцкому-Десятовскому, Одоевскій свою долю участія и городскимъ дѣламъ, исполняя обязанности гласнаго общей думы въ С.-Петербургѣ и живо интересуясь ходомъ городского хозяйства. Когда дума, снабжая домовладѣльцевъ обывательскими грамотами, получила такую обратно отъ одного изъ нихъ, съ надменнымъ заявленіемъ, что, происходя изъ стариннаго московскаго дворянскаго рода и «не причисляя себя къ среднему роду людей» онъ не считаетъ возможнымъ принять присланный думою документъ, Одоевскій — прямой потомокъ перваго варяжскаго князя — немедленно обратился въ думу съ письменною просьбою о выдачѣ ему обывательской грамоты.

Послѣдніе годы его въ Москвѣ протекли среди внимательныхъ и усидчивыхъ занятій новымъ для него дѣломъ. Онъ изучалъ съ крайнею тщательностью и добросовѣстнымъ терпѣніемъ запутанныя гражданскія дѣла, восходившія на разрѣшеніе 8-го департамента сената, производя лично сложныя вычисленія по спорамъ объ убыткахъ, о подтопахъ и т. п. У него собирались старые друзья — Погодинъ, Соболевскій, Кошелевъ; часто бывалъ и Н. А. Милютинъ.

Человѣкъ небольшого роста, съ проницательными и добрыми глазами на блѣдномъ продолговатомъ лицѣ, съ тихимъ голосомъ и привѣтливыми манерами, часто одѣтый въ оригинальный широкій бархатный костюмъ и черную шапочку, вооруженный старомодными очками, Одоевскій принималъ своихъ посѣтителей въ кабинетѣ, заставленномъ музыкальными и физическими инструментами, ретортами, химическими приборами («у нашего нѣмца на все свой *струментъ* есть», говаривалъ онъ съ улыбкой) и заваленномъ книгами въ старинныхъ переплетахъ. Средства у него были очень

скромныя, да и тѣми онъ дѣлился щедрою рукою съ кѣмъ только могъ. Женатый на сестрѣ С. С. Ланского, заботившейся о немъ съ материнской нѣжностью, онъ не оставилъ ни дѣтей, ни какого либо состоянія. За три года до смерти, старческою рукою, снова взялся онъ за перо, чтобы въ горячихъ строкахъ статьи: «Недовольно!», полныхъ непоколебимой вѣры въ науку и нравственное развитіе человѣчества и широкаго взгляда на задачи поэзіи, отвѣтить на проникнутое скорбнымъ уныніемъ, «Довольно» Тургенева.

С.-Петербургъ, 28 января, 1898 г.

— — — —

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ

ОБВИНИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ

I.

По дѣлу объ оскорбленіи въ печати помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова.

Въ литературномъ приложеніи къ газетѣ «Гражданинъ» за апрѣль 1889 г. была напечатана, подписанная буквою «К.», статья, подъ заглавіемъ «Таранчинка» въ которой разсказывалось о переселеніи народа «Таранчи» изъ Кульджи въ нашу Семирѣченскую область, послѣ передачи Кульджи Китаю. Въ статьѣ сообщалось, между прочимъ, о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказались таранчи послѣ переселенія, благодаря гнету и произволу мѣстной администраціи, въ особенности благодаря ближайшему ихъ начальнику, волостному старшинѣ, нынѣ умершему, Бушри Джалилову, назначенному русскими властями,—человѣку въ высшей степени жестокому, самовластному и корыстному, доведшему трудолюбивыхъ и покорныхъ таранчей до полнѣйшаго раззоренія и нищеты и озлобившему ихъ противъ Россіи. Далѣе разсказывается исторія притѣсненій имъ нѣкоего Амира Хамзы, у коего Бушри отнялъ жену; сообщается о томъ, какъ Бушри заставилъ составить общественный приговоръ о высылкѣ Амира Хамзы въ Сибирь, держалъ его въ подземельѣ и т. д.; засимъ указывается, что доносъ, сдѣланный Амиромъ русскимъ властямъ, не имѣлъ никакихъ послѣдствій и что даже слѣдователь, раскрывшій нѣкоторыя злоупотребленія Бушри, подвергся административному взысканію. Все это, какъ сказано въ статьѣ, происходило отъ пристрастія и потворства русскихъ властей вообще, а въ особенности помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова, о коемъ на стр. 224, 230, 231, 235, 238, 239 и 240 разсказа напечатаны оскорбительные отзывы, содержащіе злословіе и брань, съ указаніемъ обстоятельствъ, позорящихъ служебную дѣятельность Аристова, его честь и доброе имя.

По поводу этой статьи, находящійся въ отставкѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Аристовъ, на основаніи 1213[5] ст. Уст. угол. судопр., обратился къ прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты, ходатайствуя о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности автора статьи отставного есаула

Бонифатія Карпова и редактора-издателя газеты «Гражданина» князя В. П. Мещерскаго за допущенную по отношенію къ нему клевету и оскорбительную ложь. По производствѣ предварительнаго слѣдствія по сему дѣлу, были преданы суду, какъ отставной есаулъ Карповъ, такъ и князь В. П. Мещерскій, но за послѣдовавшею 20 октября 1892 года смертію Карпова дѣло о немъ опредѣленіемъ судебной палаты прекращено. Относительно же князя Мещерскаго С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ предъявленное къ нему обвиненіе, въ засѣданіи 16 декабря 1892 года нашла, что авторъ статьи «Таранчинка», обвиняя Аристова въ опредѣленныхъ позорящихъ дѣяніяхъ, заключающихся въ томъ, что онъ, Аристовъ, зная о незаконныхъ поборахъ управителя карагуйской волости Бушри Джалилова съ таранчей и о похищеніи, какъ тѣмъ же Джалиловымъ, такъ и управителемъ карамской волости, Абубахри-Кутлуковымъ денегъ, выданныхъ имъ областнымъ правленіемъ для раздачи неимущимъ переселенцамъ таранчамъ, изъ корыстныхъ видовъ прикрывалъ, какъ эти, такъ и многія другія злоупотребленія и въ числѣ ихъ попытку Бушри сослать таранча Амиръ-Хамзу въ Сибирь по неправильно составленному общественному приговору,—взводитъ на Аристова обвиненіе несправедливое и, какъ выводъ всего приведеннаго, дозволяетъ себѣ рядъ крайне рѣзкихъ и оскорбительныхъ для Аристова выраженій, называя его «чиновникомъ съ неодолимою наклонностью къ наживѣ», «покровителемъ главныхъ грабителей и лихоимцевъ, брошенныхъ въ острогъ», «болѣе крупнымъ воромъ» и т. п.

Оглашеніе въ печати такихъ позорящихъ обстоятельствъ, вредящихъ доброму имени и служебному достоинству лица, безъ подтвержденія справедливости ихъ, заключаетъ въ себѣ всѣ существенные признаки дѣянія, предусмотрѣннаго 1039 ст. Улож. о наказ., отвѣтственнымъ же въ данномъ случаѣ, за напечатаніе статьи «Таранчинка», согласно 1044 ст. Улож. о наказ., оказывается издатель-редакторъ газеты «Гражданинъ» князь Владиміръ Мещерскій, который и подлежитъ одному изъ наказаній, перечисленныхъ въ 1039 ст. Улож. о наказ.

Обращаясь къ опредѣленію этого наказанія и руководствуясь въ этомъ отношеніи указаніями 149 ст. Улож., Судебная Палата нашла, что ссылка князя Мещерскаго на допущенный редакціею недосмотръ при напечатаніи инкриминируемой статьи, свидѣтельствуя объ отсутствіи внимательности, съ которою глава редакціи названной газеты долженъ былъ относиться къ разсмотрѣнію и назначенію для печатанія матеріала, сообщаемаго случайнымъ корреспондентомъ, не можетъ служить къ оправданію подсудимаго и что неосмотрительное и неосторожное пользованіе печатнымъ словомъ, этимъ могущественнымъ орудіемъ гласности, вообще приноситъ весьма существенный и неисчислимый вредъ, въ случаяхъ же, подобныхъ настоящему, приноситъ вредъ и непоправимый, такъ какъ общественный дѣятель, публично оскорбленный и опозоренный, прибѣгая къ защитѣ той же печати, путемъ опроверженія несправедливо взведенныхъ на него обвиненій, не можетъ разсчитывать ни на то, что такое опроверженіе дойдетъ до всѣхъ тѣхъ, кѣмъ прочтена оскорбительная статья, ни на то, что его самозащита окончательно сгладитъ произведенное уже неблагопріятное впечатлѣніе. По симъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что князь Мещерскій самъ не является авторомъ статьи, направленной противъ Аристова и долженъ быть признанъ виновнымъ лишь въ напечатаніи ея, Судебная Палата сочла правильнымъ остановиться въ данномъ случаѣ на одномъ изъ менѣе строгихъ, перечисленныхъ въ 1039 ст., взысканій, и избрать изъ нихъ какъ наиболѣе соотвѣтствующее его виновности, заключеніе въ тюрьмѣ по 3

степени 38 ст. Улож. о наказ. Но имѣя, сверхъ сего, въ виду, что князь Мещерскій тотчасъ, по обнаруженіи своей ошибки, принялъ мѣры къ напечатанію опровержения Аристова и тѣмъ старался отвратить хотя нѣкоторыя изъ вредныхъ послѣдствій своего дѣянія, Судебная Палата, руководствуясь 9 п. 134 и 135 ст. Улож. о наказ., нашла справедливымъ означенное по 3 степени 38 ст. наказаніе смягчить для князя Мещерскаго на одну степень и переходя къ 1 степени 39 ст. Улож., назначить ему это наказаніе въ средней мѣрѣ, за отсутствіемъ въ дѣлѣ особо увеличивающихъ или особо уменьшающихъ вину его обстоятельствъ, и такимъ образомъ подвергнуть князя Мещерскаго аресту на одинъ мѣсяцъ на военной гауптвахтѣ, согласно 57 ст. Улож. о наказ. По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ Судебная Палата опредѣлила: издателя-редактора газеты «Гражданинъ» князя Владиміра Петровича Мещерскаго подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ.

На этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Блокъ, подалъ въ Правительствующій Сенатъ апелляціонный отзывъ, а гражданскій истецъ Аристовъ объясненія противъ отзыва. Въ апелляціонномъ отзывѣ присяжный повѣренный Блокъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: 1) во 1-хъ, статья Карпова была напечатана въ приложеніи къ «Гражданину» безъ просмотра ея княземъ Мещерскимъ, который и не подозрѣвалъ ея оскорбительности, а когда узналъ объ этомъ, то тотчасъ послалъ извинительную телеграмму Аристову, предлагая ему напечатать опроверженіе, каковое и было напечатано въ августовской книжкѣ, съ исключеніемъ изъ него только ругательныхъ выраженій и что, такимъ образомъ, князь Мещерскій сдѣлалъ все, что могъ отъ него требовать Аристовъ; во 2-хъ, что князь Мещерскій не можетъ подлежать отвѣтственности за силою 2 части 1039 статьи Уложенія, такъ какъ обстоятельства, относящіяся въ этой статьѣ къ Аристову, подтверждены представленными, при производствѣ по дѣлу документами, несмотря на все стараніе Аристова ограничить возможность представленія такихъ доказательствъ, какъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, такъ и въ Судебной Палатѣ. Въ подтвержденіе того, что по дѣлу доказаны обстоятельства, напечатанныя въ статьѣ и относящіяся къ Аристову, апелляторъ указывалъ на имѣющіяся въ дѣлѣ—письмо Гурде къ Карпову и заявленіе Гурде судебному слѣдователю, а равно и на резолюцію губернатора Иванова на рапортъ Аристова, свидѣтельствующія о злоупотребленіяхъ по должности Аристова,—на отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 декабря 1889 г., въ коемъ указывается на злоупотребленія и хищенія, допущенныя при раздачѣ пособій переселившимся таранчамъ,—на отношеніе степного генералъ-губернатора къ Аристову отъ 21 октября 1888 г.,—на отношенія губернатора Иванова и рапортъ военному губернатору за № 22509, изъ коихъ видны злоупотребленія, допущенныя Аристовымъ при распредѣленіи пособій и ссудъ, предназначавшихся жителямъ города Вѣрнаго, пострадавшимъ отъ землетрясенія,—на объясненіе Карпова и подтверждающіе его документы относительно высылки Амиръ-Хамзы и злоупотребленій Бушри;—въ 3-хъ, апелляторъ полагаетъ, что къ князю Мещерскому нельзя примѣнить и 1040 ст. Улож., такъ какъ у него не было явнаго умысла нанести должностному лицу или установленію оскорбленія, каковой умыселъ составляетъ необходимое условіе для примѣненія закона. Въ объясненіи на этотъ отзывъ Аристовъ, со своей стороны, указывалъ: 1) что никакой извинительной телеграммы ему князь Мещерскій не посылалъ, и апелляторъ вѣроятно ошибочно говоритъ о телеграммѣ отъ 1 апрѣля, присланной ему княземъ Мещерскимъ по совершенно другому дѣлу; 2) что изъ

опроверженія, напечатаннаго въ августовскомъ приложеніи къ «Гражданину» выпущены небранныя выраженія, а мѣста, фактически опровергавшія напечатанное въ статьѣ, въ подтвержденіе чего Аристовъ приводитъ самыя исключенныя мѣста; 3) что никакихъ стѣсненій въ представленіи доказательствъ онъ не дѣлалъ, а лишь ходатайствовалъ, и нынѣ повторяетъ это ходатайство, объ изъятіи изъ числа документовъ, письма и заявленія Гурде, какъ неправильно включенныхъ въ число документовъ, находящихся въ производствѣ по обвиненіи редактора Куплетскаго, не пріобщенномъ къ настоящему дѣлу, а равно и тѣхъ документовъ, которые не находились въ рукахъ Карпова во время напечатанія статьи и которые, слѣдовательно, не могутъ служить доказательствомъ по дѣлу; 4) что документы, на которые ссылается апелляторъ, какъ подробно изложено въ объясненіи, не подтверждаютъ обстоятельствъ, приведенныхъ въ статьѣ «Таранчинка», и въ особенности не доказываютъ какого либо пристрастнаго отношенія его, Аристова, къ злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей, или преступнаго участія въ оныхъ, такъ какъ всѣ объясненія его степному генералъ-губернатору признаны удовлетворительными, и никакого уголовнаго или дисциплинарнаго производства о немъ не возбуждено. По всѣмъ этимъ основаніямъ Аристовъ ходатайствовалъ о признаніи князя Мещерскаго виновнымъ по 1039 и 1040 ст. Улож. о наказ., а апелляціоннаго отзыва его не заслуживающимъ уваженія.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената *9-го ноября 1893 года.*

Господа Сенаторы! Защищая отъ опозоренія въ печати честь, достоинство и доброе имя гражданина, уголовный законъ дѣлаетъ существенное различіе между личностью оскорбленнаго. Онъ ограждаетъ угрозою уголовныхъ каръ отъ оскорбленій въ печати частнаго человѣка, не допуская вторгнуться въ личную, не подлежащую общественному контролю, жизнь—ни праздному любопытству, ни болѣзненному исканію производящихъ впечатлѣніе извѣстій и житейскихъ положеній, заимствованныхъ изъ области домашнихъ отношеній. Согласно 1 части 1039 ст. Улож. о наказ. и 1213[5] Уст. угол. суд., въ ихъ послѣдовательномъ разъясненіи судебною практикою, въ подобныхъ случаяхъ судъ даже не долженъ и входить въ обсужденіе, дѣйствительно ли существуетъ оглашенное въ печати позорящее обстоятельство и даетъ ли оно, само по себѣ, основаніе для оскорбляющихъ честь обиженнаго выводовъ и соображеній. Иначе смотритъ законъ на опозореніе должностныхъ лицъ. Здѣсь частный характеръ ихъ дѣятельности уступаетъ мѣсто государственному или общественному служенію, выражающемуся въ осуществленіи ими опредѣленныхъ обязанностей и въ пользованіи точно указанными правами. А такъ какъ способъ исполненія этихъ обязанностей можетъ не соотвѣтствовать цѣли, для которой установлена извѣстная должность, а пользованіе правами можетъ перейти далеко за законные предѣлы и выразиться въ проявленіяхъ различнаго рода произвола, то дѣятельность должностного

лица не можетъ и не должна быть сокровенной отъ всѣхъ взоровъ. Начало французскаго законодательства о печати: «la vie privée doit être murée», лежащее въ основѣ понятія о диффамаціи частнаго лица, будучи распространено на должностныхъ лицъ, могло бы повлечь за собою огромныя злоупотребленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда карательное правосудіе еще не успѣло или не умѣло добраться до творящаго неправду, а частному обличенію заранѣе заграждены уста. Поэтому-то, ст. 1039 Улож. и отличаетъ случай, въ которомъ виновный въ опозореніи является нарушителемъ личнаго спокойствія, необходимаго для поддержанія нарушеннаго порядка въ человѣческихъ отношеніяхъ, отъ случая, гдѣ въ лицѣ обвиняемаго, подъ поверхностнымъ и внѣшнимъ обличіемъ оскорбителя, можетъ скрываться лишь борецъ за правду, иногда, быть можетъ, только слишкомъ запальчивый. Законъ вовсе не думаетъ, путемъ уголовныхъ каръ, создавать вокругъ такого вопіющаго о житейской и служебной неправдѣ голоса—искусственную и неизбѣжную пустыню. Допуская доказывать существованіе позорящихъ обстоятельствъ, послужившихъ точкой опоры для оскорбительнаго отзыва, законъ дѣлаетъ лишь одно ограниченіе—онъ устраняетъ показанія живыхъ свидѣтелей и сводитъ доказательства невиновности къ письменнымъ документамъ. Гласное оскорбленіе, нанесенное кому либо, неизбѣжно пробуждаетъ и волнуетъ страсти, вызываетъ на сцену острую воспріимчивость и впечатлительность сторонниковъ и противниковъ, которые, по уровню своего развитія и положенія, могли бы окрашивать подлежащія обсужденія обстоятельства въ односторонній и ложный свѣтъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ непониманія служебныхъ отношеній и должностныхъ задачъ. Поэтому, законъ желаетъ имѣть *безстрастныя* свидѣтельства, усматривая ихъ въ письменныхъ доказательствахъ. Но для разрѣшенія дѣла по всей справедливости, допущенія письменнаго доказыванія было бы, однако, мало; обстоятельства могутъ быть приведены вѣрно и существованіе ихъ можетъ быть несомнѣннымъ, но выводы о ихъ сцѣпленіи между собою, ихъ взаимномъ удѣльномъ вѣсѣ, ихъ значеніи въ дѣятельности опозореннаго, могутъ быть невѣрны, произвольны и поспѣшны; отдѣльныя событія изъ служебной жизни должностного лица могутъ казаться неопытному или близорукому взору дурно характеризующими это лицо, тогда какъ компетентное объясненіе этихъ событій, въ органической связи съ другими, или съ исключительными или временными условіями служебной дѣятельности, можетъ показать, что для выводовъ обвиняемаго нѣтъ разумныхъ и оправдывающихъ ихъ основаній.

Нельзя требовать однако отъ частнаго лица, чтобы оно, стоя предъ одной внѣшней стороной служебной дѣятельности опозореннаго, обладало достаточнымъ матеріаломъ для представленія объясненій и о ея внутренней сторонѣ, ибо, даже являясь косвенно потерпѣвшимъ отъ незаконныхъ дѣйствій должностного лица, обличи-

тель все таки въ значительной степени представляетъ собою зрителя этихъ дѣйствій и если общая картина ихъ его возмущаетъ, то ему зачастую невѣдомы пружины, двигающія этими дѣйствіями. Лишь самъ опозоренный, стоящій, такъ сказать, за кулисами своей служебной дѣятельности, можетъ удовлетворительно объяснить связь этихъ дѣйствій между собою и ихъ правильность, несмотря на ихъ кажущуюся неприглядность. Въ этомъ его объясненіи и состоитъ обвиненіе имъ подсудимаго, въ этомъ же выражается и его широкое оправданіе себя предъ усомнившимся въ немъ. Должностное лицо, понимающее свою отвѣтственность передъ обществомъ и государствомъ, не можетъ не сознавать, что публичное обличеніе его въ неправильныхъ дѣйствіяхъ ставитъ и его какъ бы въ положеніе обвиняемаго и что въ задачу суда входитъ и необходимость убѣдиться въ томъ, что оно дѣйствительно не подало повода къ основательнымъ сомнѣніямъ въ законности своихъ дѣйствій и къ опасеніямъ за ихъ чистоту. Разрѣшеніе этой задачи не можетъ связываться никакими предустановленными доказательствами, а должно быть основано на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти, матеріаломъ для котораго служитъ совокупность всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Правительствующій Сенатъ, въ приговорѣ по дѣлу Бебутова, въ 1878 году, высказалъ, что вопросъ о доказанности, или недоказанности обвиненія въ опозореніи, долженъ быть разрѣшаемъ по общему началу уголовнаго судопроизводства, т. е. по совокупности всѣхъ разсматриваемыхъ обстоятельствъ и можетъ быть рѣшенъ отрицательно не только по доказательствамъ, представляемымъ самимъ подсудимымъ, но даже и по доказательствамъ обвиняющей стороны. Въ приговорѣ по дѣлу Аксакова, въ 1870 году, Сенатъ призналъ, что письменныя доказательства суть не только формальные акты и оффиціальная переписка должностныхъ лицъ, но и всякія удостовѣренія, лишь бы онѣ не были даны по поводу возникшаго или могущаго возникнуть дѣла объ опозореніи. Наконецъ, въ приговорѣ по дѣлу Надеждина, въ 1888 году, Сенатъ вмѣнилъ суду въ обязанность разсматривать — опровергнуто-ли должностнымъ лицомъ взведенное противъ него обвиненіе для того, чтобы дать возможность — ему, оправдать себя и этимъ способомъ получить дѣйствительное удовлетвореніе, а суду уяснить себѣ обстоятельства дѣла настолько, чтобы на нихъ можно было твердо построить внутреннее убѣжденіе. Поэтому, весьма часто, обвиняемому въ опозореніи предстоитъ представить доказательства, дающія фактическую подкладку для его выводовъ, потерпѣвшему — представить данныя, разрушающія эти выводы, даже несмотря на эту фактическую подкладку, а на судѣ лежитъ обязанность рѣшить дѣло по обсужденіи всего представленнаго матеріала и вынести приговоръ, который долженъ давать удовлетвореніе не только жалобщику, не только обществу, которое можетъ быть справедливо встревожено извѣстіемъ о попраніи закона или о его постыдномъ

бездѣйствіи, но и живому органу этого общества, печати, которая, раскрывая страницы своихъ повременныхъ изданій, дала возможность донестись до общаго слуха стону далекихъ, обездоленныхъ и слабыхъ, иногда заглушаемому ворохами канцелярскихъ отписокъ о томъ, что—«все обстоитъ благополучно».

Обвиняя редактора-издателя «Литературныхъ приложеній» къ газетѣ «Гражданинъ» кн. Мещерскаго въ опозореніи напечатаніемъ этнографически—обличительной повѣсти есаула Бонифатія Карпова «Таранчинка», отставной помощникъ Семирѣченскаго военнаго губернатора д. с. с. Аристовъ въ сущности утверждаетъ, что въ предѣлахъ той области мѣстныхъ должностныхъ отношеній, во главѣ которыхъ онъ стоялъ и изображеніе которыхъ вплетено въ романическую ткань разсказа Карпова «все обстояло благополучно» и что, такимъ образомъ, всѣ указанія на бездѣйствіе ввѣренной ему власти и на употребленіе ея не на добро, есть ни что иное, какъ злостная выдумка. Съ этимъ взглядомъ согласилась и Петербургская Судебная Палата.

Обращаясь къ оцѣнкѣ правильности этого взгляда и имѣя въ виду разнообразный матеріалъ, содержащійся въ разсказѣ «Таранчинка», изъ котораго могутъ быть сдѣланы тѣ или другіе выводы, необходимо установить, на какомъ именно матеріалѣ должно строиться обвиненіе, въ данномъ случаѣ, въ опозореніи. Въ силу 889 ст. Уст. угол. суд. разрѣшеніе дѣлъ въ апелляціонной инстанціи производится въ предѣлахъ принесеннаго отзыва, который, по существу своему, является опроверженіемъ, какъ первоначально введеннаго обвиненія, такъ и послѣдовавшихъ выводовъ суда по этому обвиненію. На основаніи 1213^5 ч. 2 ст. 1213^7 и ст. 1213^8 Уст. угол. суд. прокуроръ обязуется начать преслѣдованіе по жалобамъ и сообщеніямъ потерпѣвшихъ оскорбленіе, при чемъ въ нихъ должно быть точно опредѣлено, въ чемъ именно заключается преступленіе или проступокъ. Поэтому, разсмотрѣніе дѣла во второй инстанціи не можетъ выходить изъ предѣловъ обжалованнаго приговора, который, въ свою очередь, долженъ быть построенъ исключительно на матеріалѣ обвиненія, приведенномъ въ обвинительномъ актѣ и почерпнутомъ изъ точныхъ указаній жалобы потерпѣвшаго. Разсматривая съ этой точки зрѣнія ставимыя въ вину обвиняемому мѣста изъ разсказа «Таранчинка», надлежитъ признать, что князь Мещерскій обвиняется въ томъ, что допустилъ напечатать позорящія честь и доброе имя д. с. с. Аристова обстоятельства, сводимыя, въ сущности, къ указанію на покровительство Аристовымъ волостному управителю Бушри, которому все сходило съ рукъ и который безпрепятственно обиралъ несчастныхъ таранчей; на употребленіе Аристовымъ своей власти для этого покровительства и для метанія «Вѣрненскаго Олимпа громовъ и молній въ боговъ второй величины»,—къ указанію на Аристова, какъ на человѣка огромнаго честолюбія и неодолимой наклонности къ наживѣ, для

котораго важно лишь полученіе жалованья, а тамъ «хоть трава не рости», при чемъ Аристовъ сравнивается съ присылаемыми на далекія окраины выжимками и отбросами изъ бюрократіи внутреннихъ губерній и называется, въ качествѣ покровителя главныхъ лихоимцевъ и грабителей, «болѣе крупнымъ воромъ», который при гоненіи на этихъ лицъ присмирѣлъ, какъ улитка втянулся въ свою скорлупу и подалъ въ отставку, не выдержавъ луча божественнаго свѣта, подобно нечистому—и, наконецъ, къ указанію на то, что несмотря на внезапную и загадочную, приписываемую молвою самоотравленію, смерть Бушри, преступныя дѣла котораго бросали густую тѣнь подозрѣнія на занимавшихъ высокіе посты въ мѣстной областной администраціи, его не анатомировали.

Несомнѣнно, что первое изъ позорящихъ обвиненій, взведенныхъ Карповымъ на Аристова, заключается въ указаніи на дружбу его съ Бушри, и покровительство послѣднему, дававшее свободу его произволу и вымогательствамъ.

Разсматривая эту часть обвиненія, Судебная Палата употребила терминологію, которая едва-ли можетъ быть признана правильною, какъ съ юридической, такъ и съ бытовой точки зрѣнія. «Хотя,—говоритъ Палата—злоупотребленія по раздачѣ таранчамъ Высочайшаго пособія на водвореніе и устройство и подтверждаются, но ссылка на *попустительство* или, какъ выражено авторомъ, *покровительство* со стороны Аристова не можетъ считаться справедливой, ибо въ представленныхъ доказательствахъ не содержится указаній, которыя дозволяли бы вывести заключеніе о виновности Аристова *въ прямомъ и завѣдомомъ сообщничествѣ въ растратѣ упомянутыхъ пособій»*. Не говоря уже о томъ, что для суда обязательно разсматривать выраженіе автора въ ихъ точной передачѣ, нельзя не замѣтить, что въ этой аргументаціи слово «покровительство» чрезвычайно быстро принимаетъ несвойственныя этому слову размѣры, обращаясь въ попустительство, т. е. въ завѣдомое допущеніе преступленія и, затѣмъ, преображается даже въ прямое участіе въ преступленіи, т. е. изъ слова, характеризующаго благосклонное отношеніе Аристова къ личности человѣка, совершавшаго злоупотребленія, создается представленіе не только о совершеніи Аристовымъ преступленія, указаннаго въ 14 ст. Улож. о нак., но даже и предусмотрѣннаго 13 ст. Улож. Но по терминологіи нашего закона попуститель преступленія существенно и рѣзко отличается отъ сообщника, а покровительство, по своему житейскому характеру, не можетъ быть смѣшиваемо съ попустительствомъ, ибо оно можетъ не заключать въ себѣ никакой завѣдомой преступности, а является лишь слѣдствіемъ излишней довѣрчивости или слишкомъ поспѣшно сложившихся убѣжденій въ порядочности покровительствуемаго лица и въ вѣрѣ въ его честность.

Мы пошли бы слишкомъ далеко, если бы стали обычное, къ

сожалѣнію, въ нашей жизни «радѣніе родному человѣчку» или доброму знакомому подводить подъ рубрику попустительства его опредѣленнымъ преступнымъ дѣйствіямъ. Въ этихъ случаяхъ покровительства центръ тяжести лежитъ въ довѣріи къ лицу и въ недовѣріи къ приписываемымъ ему поступкамъ, въ ослѣпленіи его мнимыми нравственными качествами и въ защитѣ, на этомъ основаніи, его отъ кажущихся несправедливыми обвиненій. Наоборотъ, въ попустительствѣ центръ тяжести лежитъ въ сочувствіи преступному дѣлу, совершаемому личностью, ищущей не довѣрія и уваженія, а лишь облегченія въ осуществленіи задуманнаго зла. Поэтому, слѣдуетъ принимать слова Бонифатія Карпова о покровительствѣ Аристовымъ Бушри въ точномъ смыслѣ этого слова. Но это не значитъ еще, чтобы обвиненіе въ такомъ покровительствѣ представлялось безразличнымъ для чести и добраго имени должностного лица. И простое покровительство представляется, само по себѣ, противнымъ обязанностямъ службы, обличая, по меньшей мѣрѣ, пристрастіе къ *одному*, на ряду съ равнодушіемъ ко *всѣмъ остальнымъ*. Поэтому, если не будетъ представлено письменныхъ доказательствъ, указывающихъ на несомнѣнность такого покровительства въ томъ или другомъ случаѣ, или же дающихъ матеріалъ къ основательному подозрѣнію, что оно существовало, то въ разсматриваемомъ дѣлѣ имѣются признаки опозоренья должностного лица.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристовъ, жалующійся на опозоренье, занималъ должность помощника военнаго губернатора Семирѣченской области. Въ эту область, съ 1881 по 1883 годъ, переселился маленькій, трудолюбивый магометанскій народецъ,— «таранчи», въ количествѣ около 50,000 человѣкъ. Его отдаленное прошлое неизвѣстно, но ближайшее было полно страданій подъ управленіемъ алчной и, изощрившейся въ притѣсненіяхъ, мѣстной китайской администраціи. Вздохнувъ свободно въ теченіе десяти лѣтъ, въ которыя Россія владѣла Кульджею и Пріилійскимъ краемъ, таранчи очутились затѣмъ, при возвратѣ Кульджи Китаю, лицомъ къ лицу съ повтореніемъ прежнихъ терзаній, неуклонно ведшихъ ихъ къ вымиранію. Они рѣшились поголовно выселиться въ Россію и, съ дозволенія нашего правительства, осѣли въ Семирѣченской области, ставъ въ прямое подчиненіе областному правленію. Это правленіе, состоящее изъ ряда отдѣленій по разнымъ родамъ дѣлъ, дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ помощника военнаго губернатора. Оно представляетъ собою, въ своемъ общемъ присутствіи, высшее административно-судебное мѣсто области, совмѣщая въ себѣ гражданскій и уголовный судъ по общимъ законамъ, казенную палату, губернское правленіе и т. д. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ отправленіе правосудія, вѣданіе хозяйственными дѣлами и направленіе дѣятельности мѣстной исполнительной власти, оно представляетъ главный органъ управленія въ

краѣ. Поэтому, предсѣдатель такого учрежденія, члены котораго суть, притомъ, его непосредственные подчиненные, представляетъ по отношенію ко всему, стоящему ниже его, лицо, облеченное громадною властью и вліяніемъ,— по отношенію же къ стоящимъ выше его — степному генералъ-губернатору и военному губернатору области — посредника между ними и мѣстнымъ населеніемъ, выразителемъ и истолкователемъ нуждъ и упованій котораго онъ является. Нужно ли говорить о значеніи такого должностного лица и о тѣхъ отвѣтственныхъ заботахъ, которыя налагаетъ на него это званіе, особливо относительно пришлаго, чуждаго населенія, замѣняющаго *знаніе* закона и своихъ правъ *вѣрою* въ сердце и правду своихъ новыхъ русскихъ правителей? Всегда ли, однако, соблюдена была относительно ихъ эта правда и направлены на нихъ эти заботы? Правительство, входя въ стѣсненное положеніе переселенцевъ, спѣшившихъ уйти изъ оставленнаго нами края до новаго водворенія въ немъ китайской администраціи, ассигновало на расходы по устройству ихъ быта на первое время 50,000 руб., по главному интендантскому управленію и 50,000 руб. по министерству иностранныхъ дѣлъ, для ссудъ на скотъ и обсѣмененіе полей. Ближайшее распредѣленіе этихъ пособій должно было быть произведено по распоряженіямъ волостныхъ управителей, подъ надзоромъ, какъ и за всѣмъ, кромѣ военнаго дѣла въ краѣ, областного правленія. Оказалось, однако, какъ увѣдомляетъ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ 4 декабря 1889 г. за № 229 и какъ признаетъ и Судебная Палата, что изъ этой суммы, назначенной на самыя насущныя надобности переселенцевъ и распоряженіе которою требовало особой добросовѣстности, растрачено 27,718 руб., т. е. болѣе одной четвертой части. Можно найти разныя наименованія этому явленію, но во всякомъ случаѣ нельзя выраженіе автора «Таранчинки» объ «обирательствѣ несчастныхъ таранчей» признать неимѣющимъ фактическаго основанія и упрекъ, сдѣланный имъ главѣ надзора за волостными управителями, совершенно незаслуженнымъ.

Переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ данныхъ, на которыхъ построено спеціально обвиненіе авторомъ статьи Аристова въ покровительствѣ волостному управителю Бушри Джалилову и подвергнувъ подробному разбору постановленія областного правленія по судебнымъ дѣламъ о таранчѣ Амиръ Хамзѣ Сатіевѣ и о Бушри Джалиловѣ — нельзя не придти къ заключенію, что дѣйствія хорунжаго Бушри не встрѣтили въ общемъ присутствіи областного правленія, гдѣ предсѣдательствовалъ Аристовъ, ни того тревожнаго вниманія, которое долженъ возбуждать въ начальствѣ рядъ жалобъ на подчиненнаго, ни достаточно внимательнаго выясненія, не оставляющаго сомнѣнія въ томъ, чтобы по отношенію къ Бушри не сложился взглядъ, исполненный предвзятаго доброжелательства. Такъ, когда поручикъ Ливенцовъ, слѣдователь по лживому и раздутому обвиненію противъ Амиръ Хамзы въ поку-

шеніи на убійство и грабежѣ, наткнулся, по отношенію къ Бушри, оказывавшему, по признанію самого областного правленія, незаконное вмѣшательство въ первоначальное изслѣдованіе этого дѣла туземнымъ судомъ,— на обвиненіе самого Бушри въ совершеніи ряда злоупотребленій и поборовъ и изслѣдовалъ ихъ, то вмѣсто постановленія о дальнѣйшемъ производствѣ *слѣдственныхъ* дѣйствій о преступныхъ дѣйствіяхъ Бушри, все производство было препровождено непосредственному начальству Бушри, для истребованія отъ него объясненій и производства, буде окажется нужнымъ для ихъ провѣрки — *дознанія*, а объ отвѣтственности слѣдователя Ливенцова былъ возбужденъ вопросъ истребованіемъ отъ него объясненій на основаніи 253 ст. II т. ч. 1. При производствѣ дознанія, старшины трехъ селеній и нѣкоторыя частныя лица заявили рядъ обвиненій противъ управителя и брата его — кандидата управителя Джамальэддина въ вымогательствѣ денегъ, подкрѣпляя ихъ письменными документами, росписками и 15 предписаніями этихъ лицъ. Обвиненія эти сводились къ присвоенію Бушри 6,800 руб. изъ 9,000 руб., ассигнованныхъ на пособіе таранчамъ, къ захвату въ свою пользу лучшихъ изъ отведенныхъ имъ земель, къ принужденію къ исполненію разнородныхъ, произвольныхъ, личныхъ, въ его пользу, повинностей,— къ обложенію торговцевъ оброкомъ за право торговли, къ обязанію мѣстныхъ жителей выдѣлать въ ихъ пользу 15,000 кирпичей, и т. п., и, наконецъ, ко взысканію по 10 руб. за выдачу замужъ дочерей и къ полному воспрещенію выдавать ихъ за киргизовъ и сартовъ, т. е. за мужчинъ изъ того населенія, среди котораго осѣли таранчи. Для провѣрки этихъ обвиненій, изъ которыхъ каждое связывалось съ опредѣленными личностями потерпѣвшихъ, допрошенныхъ Ливенцовымъ, былъ употребленъ оригинальный пріемъ: были спрошены 50 выборныхъ домовладѣльцевъ, няходящихся въ зависимости отъ Бушри, какъ отъ волостного управителя. Они, конечно, все отрицали также, какъ и Бушри, который призналъ лишь, что, дѣйствительно, воспрещалъ браки таранчинкамъ потому, что «таранчи, какъ недавно переселившіеся, никого не знаютъ, а потому могутъ послѣдовать жалобы и дрязги». Такимъ образомъ, *слѣдствіе* обратилось въ дознаніе, а *дознаніе* въ опросъ какихъ-то *выборныхъ свидѣтелей* вмѣсто потерпѣвшихъ — и все заключилось прекращеніемъ переписки, съ предупрежденіемъ таранчей, что въ будущій разъ за обремененіе начальства ложными, основанными на интригахъ, жалобами они будутъ привлечены къ отвѣтственности — и съ разъясненіемъ Бушри и управляемому имъ обществу, что сборы съ народа безъ утвержденнаго приговора (чего по сборамъ, въ коихъ обвинялся Бушри, сдѣлано не было) суть *сборы незаконные*. О воспрещеніи же браковъ въ опредѣленіи областного правленія не сказано было ничего. Повидимому, этому воспрещенію былъ приданъ характеръ анекдотическаго эпизода, не заслуживающаго вниманія.

Быть можетъ, на далекой окраинѣ трудно было и требовать большаго,—и если у насъ судъ обязанъ творить «правду и милость», то въ данномъ случаѣ оказалось возможнымъ скромно и со смиреніемъ ограничиться лишь половиною задачи—и взять изъ этой формулы лишь *милость,* предоставивъ таранчамъ искать *правду* въ какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ или мѣстѣ. Не такъ, однако, посмотрѣлъ на этотъ предметъ непосредственный начальникъ д. с. с. Аристова—военный губернаторъ Семирѣченской области, генералъ-маіоръ Ивановъ, извѣстившій 5-го декабря 1889 года, за № 24183 судебнаго слѣдователя, что на служебномъ докладѣ своего помощника онъ положилъ слѣдующую резолюцію: «я не разъ уже имѣлъ случаи убѣдиться, что помощникъ мой, Аристовъ, докладывалъ мнѣ ходъ дѣла въ неправильномъ видѣ (напримѣръ, о разрѣшеніи содержать при уѣздныхъ управленіяхъ джигитовъ на счетъ туземнаго населенія) и что о злоупотребленіяхъ въ волостяхъ по раздачѣ жителямъ правительственныхъ пособій и ссудъ на первоначальное домообзаводство и устройство необходимаго хозяйства—*злоупотребленіяхъ, получившихъ начало и развившихся на глазахъ у г. Аристова* (какъ, напримѣръ, захватъ самой удобной земли и воды должностными и вліятельными лицами изъ туземцевъ, отъ 200 до 500 десятинъ, въ однѣ руки, захватъ ими же денегъ и хлѣба большими количествами, письменные подлоги по дѣлу раздачи этихъ правительственныхъ ссудъ и многія жалобы на это народа)—*не докладывалъ мнѣ рѣшительно ничего,* пока, наконецъ, довѣренные переселенцевъ не подали мнѣ прошенія и не открылась истина путемъ производства дознанія и слѣдствія лицами, командированными степнымъ генералъ-губернаторомъ». Г. Аристовъ не можетъ укрываться отъ тѣхъ выводовъ, которые сами собою возникаютъ при ознакомленіи и съ опредѣленіемъ общаго присутствія и съ резолюціею генерала Иванова, за *коллегіальностью* устройства общаго присутствія. Коллегіальность, въ большинствѣ случаевъ, только тогда не пустое, лишенное дѣйствительнаго содержанія слово, когда члены коллегіи обладаютъ фактическою или юридическою независимостью отъ предсѣдателя. Но такой независимости не было въ областномъ правленіи Семирѣчья. Когда члены пробовали быть тверды въ своемъ мнѣніи, г. Аристовъ съ ними не соглашался, и его мнѣніе долгое время безусловно уважалось довѣрчивымъ начальствомъ, пока генералъ-маіоръ Ивановъ не взглянулъ на его дѣятельность подъ другимъ угломъ зрѣнія. Да и кромѣ того, онъ аттестовалъ своихъ сослуживцевъ, а аттестація и независимость требуютъ особой, тепличной атмосферы, чтобы процвѣтать одна на ряду съ другою, или исключительныхъ нравственныхъ качествъ съ обѣихъ сторонъ. Въ предписаніи на имя Аристова, отъ 29-го октября 1888 года, за № 3966, степной генералъ-губернаторъ Колпаковскій указываетъ, что Аристовъ былъ у прежняго губернатора единственнымъ докладчикомъ

по дѣламъ гражданскаго управленія областью, а въ отсутствіе его дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, что онъ выступилъ по поводу назначенія слѣдствія надъ Бушри, письменно, горячимъ защитникомъ этого «извѣстнаго всѣмъ семирѣченцамъ своею неблагонадежностью человѣка», и что онъ высказывался противъ мнѣнія своихъ подчиненныхъ о назначеніи изслѣдованія о денежныхъ злоупотребленіяхъ по отношенію къ таранчамъ или тормозилъ ихъ въ этомъ отношеніи предположенія, и что онъ, наконецъ, въ виду многочисленныхъ жалобъ таранчей на злоупотребленія Бушри и его брата и на то, что производившій дознаніе о расхищеніи пособій чиновникъ самъ воспользовался частью этихъ денегъ, докладывалъ бывшему губернатору объ административномъ *выдвореніи* жалобщиковъ въ другія волости и отдаленные кишлаки и безъ разрѣшенія генералъ-губернатора приводилъ въ исполненіе эти произвольныя мѣры. Военный же генералъ-губернаторъ Ивановъ заявляетъ, съ своей стороны въ упомянутой уже резолюціи, что при самомъ вступленіи его въ должность, Аристовъ аттестовалъ ему лучшихъ чиновниковъ области самыми худшими и, наоборотъ, усиленно поддерживалъ плохихъ своею рекомендаціею, пока, по ходу дѣлъ, губернаторъ не убѣдился «въ совершенно противномъ и не понялъ желанія Аристова выдворить изъ области тѣхъ, кто не потворствовалъ его незаконнымъ распоряженіямъ».

При такомъ отношеніи Аристова къ сослуживцамъ, есть полное основаніе считать его душою главнѣйшихъ постановленій областного правленія и съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ извѣстное значеніе для дѣла опредѣленія общаго присутствія отъ 4 марта и 11 декабря 1886 года по дѣлу Амиръ-Хамзы-Сатіева. Изъ нихъ видно, что волостной съѣздъ казіевъ приговорилъ Сатіева по *неподсудному себѣ дѣлу* за открытое похищеніе дочери, лошади и халата у Ашуръ-Мамеда и за покушеніе на убійство послѣдняго—къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. По слѣдствію обвиненіе въ грабежѣ и покушеніи на убійство оказались лишенными всякаго основанія и дѣло было передано областнымъ правленіемъ суду казіевъ лишь въ отношеніи увоза дочери Ашуръ-Мамеда. Судъ казіевъ приговорилъ обвиняемаго къ тюрьмѣ на полтора года, на что, по закону, не имѣлъ права, такъ какъ свыше года лишенія свободы назначать не можетъ. Только при вторичномъ разсмотрѣніи этого дѣла, общее присутствіе областного правленія замѣтило, что потерпѣвшій *никогда не заявлялъ претензіи на увозъ его дочери* и что дѣло подлежитъ прекращенію. При этомъ правленіе не могло, однако, обойти молчаніемъ незаконнаго, вопреки § 22 положенія о народномъ судѣ у таранчей, вмѣшательства въ разбирательство дѣла Сатіева волостного управителя Бушри. А вѣдь это разбирательство окончилось присужденіемъ *къ ссылкѣ въ Сибирь человѣка*, оказавшагося невиновнымъ и не подлежащимъ преслѣдованію. Приведенныхъ данныхъ, конечно, только отчасти

приподымающихъ покровъ надъ отношеніемъ хорунжаго милиціи Бушри къ подвластному ему населенію, вполнѣ достаточно, чтобы задаться вопросомъ, какъ могъ онъ оставаться въ своей должности и какъ можно было на жалобы таранчей отвѣчать лишь платоническими указаніями Бушри на то, что при исполненіи извѣстныхъ формальностей дѣйствія его *были бы законными?!* Этотъ вопросъ возникаетъ тѣмъ настойчивѣе, что самъ г. Аристовъ, въ одномъ изъ своихъ запальчивыхъ и дерзкихъ по формѣ рапортовъ генералъ-губернатору Колпаковскому, ссылается на высказанное имъ въ 1882 году тогдашнему военному губернатору мнѣніе о Бушри, какъ о человѣкѣ «двуличномъ, алчномъ къ наживѣ, не останавливающимся предъ средствами достигнуть своихъ выгодъ и вообще съ низкимъ нравственнымъ уровнемъ», прибавляя при этомъ, впрочемъ, что «таковы *всѣ* таранчи и *всѣ* азіатцы». Не входя въ разсмотрѣніе правильности этого обобщенія и этическо-этнографической оцѣнки, сдѣланной г. Аристовымъ азіатцамъ, нельзя не признать, что Бушри былъ болѣе чѣмъ нежелательнымъ должностнымъ лицомъ, оставлять въ неразборчивыхъ рукахъ котораго власть можно было лишь по крайнему личному расположенію къ нему. Поэтому, указаніе автора «Таранчинки» на то, что Бушри «все сходило съ рукъ», благодаря чему онъ могъ продолжать обирать несчастныхъ таранчей, не лишены основанія, а упрекъ Аристову въ томъ, что метая съ Вѣрненскаго Олимпа громы на боговъ второй величины, какъ, напримѣръ, въ слѣдователя, поручика Ливенцова, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ «покровительствовалъ» Бушри — заслуженъ, а, слѣдовательно, и справедливъ.

Но не въ одномъ «покровительствѣ» Бушри обвинялъ есаулъ Бонифатій Карповъ—Аристова. Онъ усматривалъ въ немъ «неодолимую наклонность къ наживѣ». Обвиненіе это выражено въ слишкомъ категорической формѣ—и наклонность къ наживѣ, конечно, не такой органическій порокъ, который можно бы признавать совершенно неодолимымъ. Къ сожалѣнію, однако, изъ письменныхъ документовъ по дѣлу явствуетъ, что наклонность эта, если и не была неодолима, то во всякомъ случаѣ была настолько сильна, что вызывала въ дѣятельности г. Аристова эпизоды, не согласные съ нравственными условіями поведенія должностного лица,— особливо такъ поставленнаго, какъ помощникъ военнаго губернатора. Во флотѣ существуетъ правило, что, при наступленіи бѣдствія, капитанъ корабля *послѣдній* пользуется средствами спасенія. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристовъ былъ капитаномъ большого административнаго корабля, а по поводу общественнаго бѣдствія воспользовался помощью однимъ изъ *первыхъ*, да еще и ставъ при этомъ въ нѣсколько натянутыя отношенія съ истиною. Когда городъ Вѣрный, столицу Семирѣченской области, постигло землетрясеніе, обратившее часть его въ развалины,—наряду съ разнородными и обильными пожертвованіями изъ

Россіи, послѣдовало Высочайшее ассигнованіе 15,000 руб. для выдачи ссудъ, на весьма льготныхъ условіяхъ, чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для возобновленія ихъ домовъ. По распоряженію мѣстной власти былъ образованъ комитетъ, который распредѣлилъ чиновниковъ этого вѣдомства на двѣ категоріи—«имѣвшихъ дома», и «не имѣвшихъ домовъ, *но желающихъ ихъ построить»*, при чемъ, прежде всего, конечно, должна была быть, по возможности, удовлетворена первая категорія. Въ списокъ нуждающихся въ такомъ пособіи, составленный въ областномъ правленіи, гдѣ предсѣдательствовалъ г. Аристовъ—въ *первой* категоріи помѣщенъ онъ самъ, съ опредѣленіемъ ссуды въ 2,250 руб., т. е. въ размѣрѣ на одного человѣка 15% всего, что дано правительствомъ. Хотя въ письмѣ на имя военнаго губернатора г. Аристовъ и призналъ себя имѣющимъ право на ссуду, какъ домовладѣлецъ, но оказалось, что онъ никогда имъ не былъ, *а жилъ въ домѣ своей жены*. Напрасно искать въ объясненіяхъ Аристова на исполненныя справедливаго, хотя и сдержаннаго гнѣва, запросы генерала Колпаковскаго, оправданія такому дѣйствію. Ссылка на то, что списокъ будто бы составленъ командующимъ войсками, опровергается рапортомъ послѣдняго отъ 8 февраля 1889 г. за № 872, который при этомъ заявляетъ, что Аристову было отлично извѣстно, что одному изъ тянущихся къ этой ссудѣ уже было отказано потому именно, что онъ жилъ въ домѣ своей жены; ссылка же на то, что комитетъ, куда былъ препровожденъ списокъ изъ областного правленія, долженъ былъ самъ знать, кто и гдѣ живетъ, нисколько не обѣляетъ того, кто воспользовался недосмотромъ или заблужденіемъ комитета. Не имѣетъ значенія и утвержденіе Аристова, что не онъ поставилъ собственноручно цифру ссуды. Можно этому охотно повѣрить, тѣмъ болѣе, что это могла сдѣлать услужливая рука подчиненнаго. Важно то, что онъ *получилъ* эту ссуду, какъ *домовладѣлецъ*, важно то, что онъ допустилъ занести въ этотъ списокъ, въ эту компанію фиктивныхъ домовладѣльцевъ какъ себя, такъ и другихъ чиновниковъ, жившихъ въ домахъ женъ или родственниковъ. «Ассигнуя 15,000 вуб., правительство желало, пишетъ степной генералъ-губернаторъ,—раздать *ссуды* чиновникамъ-домовладѣльцамъ, а не ихъ женамъ и вообще родственникамъ, которые имѣли право на *пособіе изъ присланныхъ пожертвованій наравнѣ съ другими домовладѣльцами*, а между тѣмъ, большая часть этихъ денегъ, благодаря неправильно составленному списку, переданному въ комитетъ, роздана не по назначенію». Изъ массы заявленій Аристова, имѣющихся въ дѣлѣ, видно, что онъ знающій юристъ. Поэтому, имущественное объединеніе себя и супруги своей въ одномъ лицѣ, ему непростительно, какъ противорѣчащее основному правилу нашего семейнаго права. Быть можетъ, слишкомъ прямолинейно называть это оффиціальное объединеніе для полученія ссуды преступленіемъ служебнаго подлога, предусмотрѣннымъ въ

362 ст. Улож. о наказ., какъ это дѣлаетъ непосредственный начальникъ г. Аристова, но можно ли сказать, что онъ, забывая о своемъ высокомъ положеніи въ краѣ, протягивая, безъ всякаго на то права, и скрывая истину, руку къ седьмой части всего, что прислано было на потребу пострадавшимъ подчиненнымъ его и сослуживцамъ, не далъ самъ повода Бонифатію Карпову усмотрѣть въ его дѣйствіяхъ признаки наклонности къ наживѣ? Такимъ образомъ, д. с. с. Аристовъ, являющійся здѣсь, чтобы поддерживать гражданскій искъ, оцѣненный имъ въ рубль, истраченный для покупки книжки, гдѣ помѣщена «Таранчинка», можетъ съ твердымъ основаніемъ жаловаться лишь на употребленіе преувеличеннаго эпитета «неодолимая» по отношенію къ его наклонности къ наживѣ. Но о преувеличенныхъ и злорѣчивыхъ эпитетахъ рѣчь еще впереди; къ нимъ принадлежитъ и бранное слово, употребленное Карповымъ, при описаніи разгрома, постигшаго тѣхъ, кого называетъ Карповъ «главными лихоимцами и грабителями».

Обращаясь къ оскорбительной для Аристова характеристикѣ его, какъ чиновника, равнодушнаго къ дѣлу, для котораго «хоть трава не рости», лишь бы получить каждое 20 число свое большое жалованье, надо замѣтить, что представленные къ дѣлу документы не рисуютъ особой рачительности Аристова въ области его непосредственнаго начальствованія. Такъ, изъ приказа военнаго губернатора отъ 24 августа 1888 года, за № 140, видно, что при ревизіи областного правленія онъ нашелъ по судному отдѣленію 58 и по распорядительному 84 нерѣшенныхъ дѣла, при чемъ оказалось, что съ февраля по май разсмотрѣно всего лишь *два дѣла*, что многія изъ нихъ тянутся болѣе десяти лѣтъ, а одно длится *девятнадцать лѣтъ!* Обращая вниманіе Аристова на *неподвижность* дѣлъ, военный губернаторъ указываетъ на настоятельную необходимость скорѣйшаго разрѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ должности, чтобы оказать вліяніе на мѣстныхъ начальствующихъ лицъ и на развившіяся въ краѣ въ послѣдніе годы въ *высшей степени злоупотребленія.* Изъ резолюціи того же губернатора 12 сентября 1888 года, оказывается, что по областному правленію вообще въ остаткѣ къ 1 января 1888 года 2,279 нерѣшенныхъ дѣлъ. Все это рисуетъ непривлекательную картииу дѣятельности учрежденія, состоящаго подъ надзоромъ и руководствомъ д. с. с. Аристова. Машина работаетъ, очевидно, медленно и на немолчные запросы слагающейся кругомъ жизни новаго края отвѣчаетъ лѣнивымъ скрипомъ неповоротливыхъ канцелярскихъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе наемною рукою. Но, быть можетъ, за то, болѣе чѣмъ умѣренная работа ея хороша и солидна по существу? Non multa, sed multum! На это отвѣчаетъ степной генералъ-губернаторъ 29 октября 1888 года. «Угнетаемые своими волостными главарями, таранчи, пишетъ онъ,— не находя защиты у областной администраціи, вынуждены были, наконецъ, прибѣгнуть

къ моей защитѣ и даже принести свои жалобы о заступничествѣ противъ угнетателей и противъ администраціи къ ступенямъ Монаршаго престола». Указывая, затѣмъ, на рядъ собранныхъ имъ фактовъ, генералъ Колпаковскій находитъ, что «дѣятельность областного начальства представляется не только слабою, но и принявшею, *вопреки существующимъ законоположеніямъ*, неосновательное направленіе». Для всякаго, знакомаго съ условною осторожностью и традиціонной неопредѣлительностью нашего канцелярскаго языка, не любящаго ставить точку надъ «і», ясно, *что значитъ* это «неосновательное направленіе, вопреки существующимъ законоположеніямъ» — и есаулъ Карповъ, характеризуя это направленіе, какъ незаконное и исполненное равнодушія, свойственнаго «отбросамъ и выжимкамъ бюрократіи», только перевелъ сдержанную рѣчь высшаго начальника края на общедоступный языкъ, указавъ притомъ на поговорку, которая, къ сожалѣнію, въ виду удостовѣренія генералъ-губернатора, могла имѣть не переносное, а прямое значеніе. При томъ «неосновательномъ направленіи», которое отдавало таранчей на произволъ «угнетателей», дѣло дѣйствительно могло дойти до того, что у нихъ не изъ чего стало бы и травѣ рости, несмотря на незыблемость благодатнаго 20 числа для чиновъ областного управленія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, едва ли слѣдуетъ раздѣлять негодованіе жалобщика на Карпова, написавшаго, что онъ присмирѣлъ, какъ улитка, втянулся въ свою скорлупу и подалъ въ отставку, когда начались болѣе строгіе порядки, съ пріѣздомъ новаго военнаго губернатора Иванова. Что дѣятельность д. с. с. Аристова подверглась, по должности помощника военнаго губернатора, сильному осужденію именно съ осени 1888 года — не подлежитъ сомнѣнію. Уже 24 августа въ приказѣ губернатора осуждается «неподвижность» дѣлопроизводства областного правленія, 12 сентября кладется «краткая, но сильная» резолюція о докладахъ Аристова, 20 октября генералъ-губернаторъ требуетъ объясненій о характерѣ всей служебной его дѣятельности, а 21 октября требуетъ объясненій по поводу ссуды, вызванной землетрясеніемъ, которое, прекратившись для всѣхъ, повидимому, лишь только началось по отношенію къ жалобщику. Послѣдняя бумага по дѣлу подписана Аристовымъ 26 декабря, а 27 апрѣля 1889 года онъ уже уволенъ приказомъ, состоявшимся въ Петербургѣ, отъ должности. Если припомнить, что отъ Вѣрнаго до Петербурга 4,920 верстъ, и что почта шла между этими городами около 17—20 дней, то нельзя не видѣть, что отставка Аристова непосредственно связана съ измѣнившеюся у начальника точкою зрѣнія на его дѣятельность, и что если она послѣдовала и по прошенію, то рука, подписавшая это прошеніе, вѣроятно, безъ особой охоты и не съ радостью разрушила результатъ долголѣтней службы въ сопряженныхъ съ властью и вліяніемъ должностяхъ. Бывшій по-

мощникъ Семирѣченскаго военнаго губернатора старается въ своихъ объясненіяхъ представить себя жертвою мѣстныхъ интригъ и мелкой мстительности генералъ-маіора Иванова, разсыпая обвиненія на всѣхъ, принимавшихъ участіе въ разъясненіи его служебной дѣятельности. Но когда противъ человѣка, сознающаго себя неповиннымъ и занимающаго притомъ видный и высокій, по мѣстному положенію, постъ, начинается походъ недоброжелателей, направленный къ опороченію его службы,—то такой человѣкъ, если только онъ не слабый и больной волею, не сдастся безъ борьбы, не поспѣшитъ уйти, а поищетъ справедливости выше или потребуетъ суда надъ собою. Трудно допустить, чтобы должностное лицо, безъ протеста во имя своихъ правъ и добраго имени, говорило недовольному начальнику: «вы, находящійся на мѣстѣ безъ году недѣля, считаете меня, стараго и опытнаго дѣятеля, негоднымъ и недобросовѣстнымъ, ну и Богъ съ вами, я уйду и, предоставивъ вамъ свободу клеветать на меня и находить опору для вашихъ отзывовъ въ ссылкѣ на мой уходъ, буду ждать случая оправдаться обвиненіемъ автора какой-нибудь случайной повѣсти по 1039 ст. Улож. о наказ.».

Переходя, наконецъ, къ разбору разсказа о самоотравленіи Бушри, нельзя найти въ немъ чего-либо непосредственно оскорбительнаго для Аристова. Указаніе на то, что самоубійцу не вскрывали, не содержитъ еще въ себѣ обвиненія въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, ибо могутъ быть столь явные случаи самоубійства, когда вскрытіе и не представляется нужнымъ, а упоминаніе о тѣни, бросаемой преступленіями Бушри на областную администрацію, имѣетъ признакъ злословія, а не опозоренья, предусмотрѣннаго 1039 ст. Улож. о наказ.

Такимъ образомъ, документами, пріобщенными къ дѣлу, разрушается обвиненіе, взводимое Аристовымъ на Карпова, а за смертью его, на князя Мещерскаго. Жалобщикъ, въ объясненіи на апелляціонную жалобу, ходатайствуетъ объ изъятіи большинства этихъ документовъ изъ разсмотрѣнія. Но что же, въ такомъ случаѣ, разумѣетъ онъ подъ *письменными доказательствами,* установленными закономъ? Приговоры суда? Но приговоры суда, устанавливающіе виновность должностного лица въ какихъ-либо преступленіяхъ, сами по себѣ исключаютъ всякую возможность обвиненія въ опозореніи этого лица опубликованіемъ, въ легкой журнальной формѣ, того, что заковано въ стальныя латы уголовнаго рѣшенія. Обвиненіе въ опозореніи въ печати возбуждается именно въ случаяхъ оглашенія такихъ обстоятельствъ, до которыхъ еще не добрался своею осмотрительною и тяжеловѣсною походкою уголовный законъ. Эти обстоятельства могутъ быть оцѣниваемы въ настоящемъ дѣлѣ по разнороднымъ документамъ, изъ которыхъ надо лишь исключить все то, что имѣетъ свойство личныхъ препирательствъ и злобныхъ выходокъ, могущихъ придать дѣлу ко-

мическій характеръ. Таковы обзыванія гг. Аристовымъ и Карповымъ другъ друга именами дѣйствующихъ лицъ изъ «Горя отъ ума» и взаимные упреки въ незнаніи миѳологіи и исторіи, или, напримѣръ, приводимое жалобщикомъ доказательство наглости Карпова, состоящее вь томъ, что, при разбирательствѣ у мирового судьи, Карповъ, «почему-то именовавшій себя писателемъ», на вопросъ противной стороны «какія же его произведенія?», указывая на находившагося тутъ же въ камерѣ судьи своего сына, воскликнулъ: «вотъ мое лучшее произведеніе!» Такія доказательства были бы комичны, если бы онѣ не были трагикомичны въ виду того, что за тремя томами дѣла, гдѣ онѣ разсыпаны въ изобиліи, стоитъ цѣлая хроника страданій бѣднаго, довѣрчиваго народа...

Представляемыя по дѣлу данныя рисуютъ такое отношеніе д. с. с. Аристова къ своимъ обязанностямъ, что для обвиненія Карпова, а слѣдовательно, и кн. Мещерскаго въ преступленіи. предусмотрѣнномъ 1039 ст. Улож. о наказ., нѣтъ основаній. И долговременная служба Аристова, и его образованіе — онъ кандидатъ университета — лишь особо оттѣняютъ тѣ стороны его дѣятельности, которыя вызвали печатный протестъ Карпова. Его служебный опытъ и его ученая степень — должны были служить ручательствомъ, что онъ отнесется надлежащимъ образомъ къ высокой задачѣ, выпавшей на его долю. Не простое чиновничье служеніе, не обычное, по заведенному порядку, хожденіе въ должность — лежало на немъ, какъ на одномъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей далекой восточной окраины. Это было исполненіемъ своего рода исторической миссіи, состоявшей въ томъ, чтобы принять въ объятія Россіи гонимый судьбою народецъ, искавшій — подъ ея мощнымъ покровомъ жизни и въ ея сердцѣ справедливаго къ себѣ отношенія. Это надо было сдѣлать умѣло, съ любовью и безкорыстіемъ, не заставляя новыхъ сыновъ Россіи почувствовать себя сразу пасынками своей великой пріемной матери. Генералъ Колпаковскій достаточно ясно обрисовалъ положеніе таранчей въ первыя семь лѣтъ пребыванія ихъ въ нашихъ предѣлахъ. Но тотъ, кто становится между правителемъ цѣлой области и мѣстнымъ населеніемъ, какъ преграда, мѣшающая взглядамъ правителя проникнуть въ дѣйствительность и о котораго, какъ бы объ стѣну, разбиваются справедливыя сѣтованія этого населенія — тотъ несетъ на себѣ тяжкую нравственную отвѣтственность и не можетъ вопіять объ оскорбленіи своей чести, когда находится человѣкъ, подымающій голосъ, чтобы обратить вниманіе общества и правительства на такой вредный порядокъ вещей. Обличитель можетъ сдѣлать это запальчиво, съ криками негодованія и бранью, но судъ, отдѣливъ все шумное и нарушающее пристойность, съумѣетъ взглянуть въ ядро сказаннаго и не долженъ покарать за указаніе на неприглядныя и мрачныя явленія общественной или государствен-

ной службы. Обвиняемый въ настоящее время Аристовымъ редакторъ-издатель «Гражданина» князь Мещерскій оправдывается тѣмъ, что онъ не читалъ вовсе «Таранчинки», поручивъ это своему секретарю. Но если бы, однако, онъ читалъ, какъ надлежитъ это дѣлать, въ виду 1044 статьи Уложенія о наказаніяхъ, редактору, то и тогда, не говоря, конечно, объ отдѣльныхъ бранныхъ выраженіяхъ этого произведенія, онъ не нарушилъ бы обязанностей редактора, давъ мѣсто произведенію Бонифатія Карпова. Князь Мещерскій могъ бы въ этомъ случаѣ сказать, что печатая существенныя части статьи, въ которыхъ Аристовъ видитъ поруганіе себѣ, онъ исполнилъ лишь нравственный долгъ журналиста, состоящій въ борьбѣ, путемъ печатнаго оглашенія, съ проявленіями грубаго произвола и явнаго неисполненія или искаженія должностными лицами обязанностей, налагаемыхъ на нихъ потерявшимъ ихъ уваженіе закономъ.

Въ виду этихъ соображеній, являясь въ настоящемъ дѣлѣ представителемъ обвинительной власти, я заявляю, что, пользуясь правомъ, предоставленнымъ мнѣ 740 ст. Уст. угол. суд., отказываюсь отъ обвиненія князя Мещерскаго въ опозореніи д. с. с. Аристова и нахожу, что приговоръ Петербургской Судебной Палаты подлежитъ, въ этомъ отношеніи, отмѣнѣ.

Отвергая, однако, отвѣтственность обвиняемаго за *опозореніе* предусмотрѣнное въ ст. 1039 Улож., судъ обязанъ разсмотрѣть— нѣтъ ли въ томъ, что напечатано имъ, признаковъ *поруганія*, т. е. той брани и злословія, о коихъ говорится въ 1040 ст. Улож., и если признаетъ, что въ формѣ напечатаннаго или въ способѣ его распространенія усматривается умыселъ нанести должностному лицу оскорбленіе, то долженъ присудить обвиняемаго по 1040 ст. Наличность брани и злословія въ статьѣ «Таранчинка» несомнѣнна. Обозваніе «крупнымъ воромъ», хотя бы даже въ томъ смыслѣ, какъ понимало это слово наше старое право, сравненіе Аристова съ «выжимками и подонками бюрократіи внутреннихъ губерній» и противоположеніе его «умнымъ и честнымъ патріотамъ» и т. п. не могутъ не считаться тѣмъ видомъ выраженій, который воспрещенъ закономъ въ цѣляхъ общественнаго порядка и необходимой пристойности житейскихъ отношеній, а оглашеніе этихъ выраженій въ печатномъ періодическомъ сборникѣ, такъ сказать, во всеуслышаніе, при непосредственной и неподлежащей спору ихъ оскорбительности, указываетъ на явное желаніе автора нанести обиду. При томъ умыселъ, требуемый закономъ, для наказуемости брани и злословія, состоитъ въ знаніи того, что оглашаемое, какъ это уже подробно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1886 г., по дѣлу Лангауза, *объективно* оскорбительно. Законъ, во второй части ст. 1039 Улож. предоставляетъ печати обличать злоупотребленія, а судебная практика, какъ, быть можетъ, докажетъ и приговоръ по этому дѣлу, облегчаетъ авторамъ и редакторамъ возможность пред-

ставленія доказательствъ того, что они служили не чувству личной мести или случайнаго озлобленія, а одной изъ высокихъ задачъ печати, этого, подчасъ невидимаго, но громко затѣмъ вопіющаго свидѣтеля неправды, творимой въ предполагаемой тьмѣ и безгласности. Но эта задача должна исполняться съ достоинствомъ, съ спокойною увѣренностью, сосредоточивая вниманіе читателя на значеніи совершеннаго, а не наличныхъ, случайныхъ и временныхъ свойствахъ совершителя. На первомъ планѣ должно быть то или другое, печальное или тревожное обстоятельство, а не обидные отзывы, не ядовитые эпитеты. Отъ отсутствія брани и ругательствъ правда ничего не теряетъ, а достоинство печати только выигрываетъ, ибо нельзя, указывая обществу на больныя мѣста въ его жизни, въ то же время понижать его развитіе и обращать вспять его воспитаніе, пріучая его къ заурядному употребленію грубыхъ и поносительныхъ выраженій, которыя, обыкновенно, болѣе рисуютъ лишь раздраженіе говорящаго, чѣмъ свойства бранимаго.

Поэтому, согласно 1044 ст. Улож. о наказ., по которой отвѣтственность за содержаніе статей обращается *во всякомъ случаѣ*, какъ на главнаго виновника, на редактора, — князь Мещерскій долженъ быть признанъ виновнымъ по 1040 ст. Улож., ибо его ссылка на секретаря редакціи, ни съ точки закона, ни съ точки зрѣнія существа редакторскихъ обязанностей, принята въ оправданіе быть не можетъ. При избраніи мѣры наказанія надо, однако, принять во вниманіе, что напечатавши статью, содержащую оскорбительныя для Аристова выраженія, редакторъ «Гражданина», тотчасъ же по полученіи заявленія оскорбленнаго, извинился предъ нимъ и помѣстилъ въ журналѣ существенное содержаніе его опроверженія. Поэтому, представляется справедливымъ, на основаніи 135 ст. Улож., назначить Мещерскому наказаніе по 3 степ. 39 ст. Улож. въ видѣ ареста на военной гауптвахтѣ на срокъ не менѣе 3 дней.

Правительствующій сенатъ призналъ редактора-издателя газеты «Гражданинъ» князя Владиміра Мещерскаго виновнымъ въ томъ, что въ апрѣльской книжкѣ приложеній къ газетѣ «Гражданинъ» онъ напечаталъ разсказъ «Таранчинка», содержащій въ себѣ злословіе и брань по отношенію къ помощнику Семирѣченскаго военнаго губернатора, дѣйствительному статскому совѣтнику Аристову, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ ст. 1040 Улож., а обвиненіе его по 1039 ст. Улож., въ виду представленныхъ по дѣлу доказательствъ, лишеннымъ основанія и приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты по этому обвиненію подлежащимъ отмѣнѣ, а потому опредѣлилъ: — подсудимаго князя Владиміра Мещерскаго, на основаніи 1040, 149, 134 и 135. 38, 2 степени 39 и 57 ст., подвергнуть аресту на военной гауптвахтѣ на десять дней.

II.

Дѣло о редакторѣ-издателѣ газеты „Гражданинъ" князѣ В. П. Мещерскомъ, обвиняемомъ въ опозореніи въ печати военныхъ врачей.

Въ № 238 газеты «Гражданинъ» за 1892 годъ, была напечатана въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «Наскоро», безъ подписи автора, нижеслѣдующая замѣтка: «Намъ пишутъ: Законодатель, введеніемъ всеобщей воинской повинности, разомъ прекратилъ неправду и возвысилъ обязанность военной службы до того положенія, какое должна она занимать въ государствѣ, обезпечивая развитіе внутреннихъ силъ отечества.—Охрана и защита отечества сдѣлались обязанностью всякаго гражданина. На первыхъ же порахъ мы встрѣтились съ поползновеніемъ богатыхъ людей торговаго міра какъ нибудь избѣжать тяжелую для нихъ повинность. И оно естественно: судьба капиталовъ, нажитыхъ годами, иногда подвергалась риску, такъ какъ въ иномъ сынѣ отецъ лишался самой надежной опоры. Эта забота возвысила цѣнность рекрутскихъ квитанцій, давъ неожиданно большія средства людямъ бѣднымъ, семьи которыхъ неправильно привлечены были къ отбытію повинности въ прежнее время. Нынѣ мы узнаемъ, что цѣны на рекрутскія квитанціи, коихъ осталось уже на перечетъ, упали и почему? Говорятъ, что обходятся 3 тыс. рублями, нужными, при повѣрочномъ освидѣтельствованіи коммисіей военныхъ врачей, для признанія негодности къ службѣ. Это явленіе, печальное до глубочой боли. Если въ дѣло святое вносится корыстное зло и притомъ людьми, посвятившими себя наукѣ и человѣчеству, то какой же свѣтъ получаетъ тогда эта великая реформа? А что это вѣрно,—мы имѣемъ въ доказательство факты. Напримѣръ, въ одномъ воинскомъ присутствіи былъ въ прошлый призывъ принятъ сынъ одного зажиточнаго крестьянина. Онъ обратилъ вниманіе всѣхъ членовъ присутствія своимъ необыкновеннымъ тѣлеснымъ развитіемъ, здоровымъ цвѣтомъ лица, атлетическимъ, можно сказать, сложеніемъ. Довольно того, что объемъ грудной клѣтки превышалъ на 4 вершка норму, тогда какъ при ростѣ выше 5 вершковъ, допускается уменьшеніе

противъ нормы до ²/₃, при общемъ хорошемъ состоянiи организма. Словомъ, это была краса всего призыва. Каково же было удивленiе присутствiя, когда повѣрочная коммисiя при военномъ госпиталѣ вернула его, найдя слабымъ, и потребовала обычнаго объясненiя. Не знаемъ, что скажетъ коммисiя на новое постановленiе присутствiя, которое на вопросъ ея отвѣтило, что крестьянинъ этотъ замѣчательнаго развитiя и совершенно здоровъ и что присутствiе при такомъ заключенiи остается и нынѣ. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что крестьянинъ, желая, чтобы сынъ былъ забракованъ на мѣстѣ, предлагалъ военному врачу при прiемѣ 500 руб., кушъ для него весьма значительный; но врачъ отвергъ такое предложенiе и первый подалъ голосъ за совершенную способность къ военной службѣ его сына. Мы могли бы указать и не одинъ фактъ изъ нашей собственной практики, но въ этомъ нѣтъ надобности. Надо замѣтить, что здѣсь наносится ущербъ и казнѣ. Если бы такая убыль пополнялась слѣдующими по жребiю, могли бы тогда возникать отъ нихъ жалобы на неправильность заключенiй коммисiи; но какъ такое правило не узаконено, эти прискорбныя факты проходятъ безслѣдно и вносятся въ практику. Мы заявляемъ это въ виду предстоящаго призыва, чтобы лица, отъ коихъ это зависитъ, обратили внимание на зло, внѣдрившееся въ самое святое наше дѣло». По поводу этой замѣтки, по распоряженiю военнаго министра было потребовано, чрезъ главное управленiе по дѣламъ печати, отъ редактора-издателя газеты «Гражданинъ» князя Мещерскаго, указанiе тѣхъ военныхъ врачей, на которыхъ въ его газетѣ возводится обвиненiе въ лихоимствѣ, и такъ какъ онъ требуемаго указанiя не сдѣлалъ, объяснивъ, что эти свѣдѣнiя сообщены ему уѣзднымъ предводителемъ дворянства, не подписавшимъ на сообщенiи своего имени и что онъ не можетъ указать, откуда именно прислана была замѣтка, то военное министерство, усматривая въ этой статьѣ бездоказательное обвиненiе въ лихоимствѣ и черезъ то оскорбленiе врачей военнаго вѣдомства, сообщило объ этомъ прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты на основанiи 1213[5] ст. Уст. угол. суд., на предметъ возбужденiя противъ редактора-издателя газеты «Гражданинъ» обвиненiя по 1039 ст. Улож. о наказ. Засимъ, по обвинительному акту товарища прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты, князь Мещерскiй былъ преданъ суду по обвиненiю его по ст. 1039 и 1044 Улож. о наказ.

Разрѣшая это дѣло, Судебная Палата нашла, что изъ разсматриваемой статьи съ несомнѣнностью видно, что авторъ ея, говоря о «корыстномъ злѣ, вносимомъ въ святое дѣло», обвиняетъ военныхъ врачей въ лихоимствѣ и считаетъ однимъ изъ послѣдствiй таковаго злоупотребленiя паденiе цѣнъ на рекрутскiя квитанцiи. Подобное огульное опороченiе дѣятельности военныхъ врачей, заключающее въ себѣ признаки злословiя, осложняется указанiемъ въ разбираемой статьѣ на то, что одна повѣрочная коммисiя возвратила новобранца, отличавшагося необыкновенно здоровымъ и сильнымъ тѣлосложенiемъ, а при сопоставленiи такого распоряженiя повѣрочной коммисiи съ тѣмъ, что этотъ новобранецъ сынъ зажиточнаго крестьнина, становится неоспоримымъ намѣренiе автора указать, что военные врачи, входящiе въ составъ этой коммисiи, дозволили себѣ, изъ корыстныхъ цѣлей, злоупотребить своей властью и что такимъ образомъ, авторъ, взводитъ на этихъ врачей опредѣленный поступокъ, противный правиламъ чести. На основанiи изложеннаго и имѣя въ виду, что издатель газеты «Гражданинъ», въ подтвержденiе правдивости приводимаго имъ сообщенiя не представилъ никакихъ доказательствъ, Судебная Палата признала, что статья о военныхъ врачахъ заключаетъ въ себѣ всѣ существенные признаки опозоренiя въ печати этихъ должностныхъ лицъ. Принимая, за-

тѣмъ, во вниманіе, что хотя въ статьѣ никто изъ военныхъ врачей не названъ по имени и не сказано въ какой мѣстности происходилъ приведенный случай освобожденія отъ воинской повинности вполнѣ пригоднаго лица, а говорится вообще о военныхъ врачахъ и въ особенности о тѣхъ, которые входятъ въ составъ повѣрочныхъ коммисій,— что врачи, состоящіе на службѣ въ военномъ министерствѣ, составляютъ, безъ сомнѣнія, установленіе правительственное, подвѣдомственное военному медицинскому управленію,—что, какъ для наличности преступленія, состоящаго въ оскорбительномъ отзывѣ о какомъ-либо отдѣльномъ лицѣ, не требуется непосредственнаго названія оскорбленнаго лица и достаточно, если будетъ ясно, что оскорбленіе относится къ опредѣленной личности, такъ и для наличности преступленія, состоящаго въ оскорбительномъ отзывѣ о правительственномъ или общественномъ установленіи, нѣтъ надобности, чтобы это установленіе было названо съ полною точностью и опредѣленностью, обозначающею, напримѣръ, мѣстность, въ коей дѣйствуетъ это установленіе, — что разбираемая статья, заключая въ себѣ, опозореніе военныхъ врачей, состоящихъ при военныхъ госпиталяхъ и образующихъ повѣрочныя коммисіи новобранцевъ, безспорно относится ко всѣмъ вообще и къ каждому въ особенности изъ врачей этой категоріи и поэтому относится къ цѣлому установленію,—Судебная Палата нашла, что въ статьѣ газеты «Гражданинъ», заключаются указанія на такого рода обстоятельства, относящіяся къ служебной дѣятельности военныхъ врачей, и приводятся такія о нихъ сужденія, которыя представляются оскорбительными для этихъ врачей и могутъ повредить чести, достоинству и доброму имени этого правительственнаго установленія, вслѣдствіе чего редакторъ-издатель этой газеты князь Мещерскій, на точномъ основаніи 1044 ст. Улож. о наказ. и долженъ быть признанъ отвѣтственнымъ за дѣянія, предусмотрѣнныя 1039 ст. Улож. о наказ. Останавливаясь на объясненіяхъ, представленныхъ княземъ Мещерскимъ въ свою защиту, Судебная Палата нашла, что указаніе на отсутствіе у него умысла нанести оскорбленіе установленію военныхъ врачей не можетъ служить основаніемъ къ оправданію его, такъ какъ онъ не могъ не сознавать оскорбительнаго значенія печатаемой имъ статьи и такъ какъ отзывы, подобные настоящему, прежде оглашенія ихъ въ печати должны, по крайней мѣрѣ, подлежать тщательной провѣркѣ; ссылка же князя Мещерскаго на то, что въ той же статьѣ помѣщенъ и одобрительный отзывъ о врачѣ, отклонившемъ подкупъ, за освобожденіе отъ воинской повинности сына зажиточнаго крестьянина, прежде всего, не уничтожаетъ оскорбительности этой статьи по отношенію ко всѣмъ прочимъ военнымъ врачамъ, но кромѣ сего, общее направленіе разбираемой статьи можетъ дать основаніе къ истолкновенію и этой части ея въ томъ смыслѣ, что врачъ отклонилъ полученіе съ отца новобранца 500 рублей въ виду сравнительной ничтожности предложеннаго подкупа, вслѣдствіе чего и это объясненіе князя Мещерскаго, какъ крайне шаткое, во вниманіе принято быть не можетъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ и, находя въ дѣлѣ данныя для смягченія назначеннаго по ст. 1039 Улож. о наказ., Палата, руководствуясь, 149, 135 ст., 3 степени 38 ст., 1 степени 39 и 57 ст. Улож. о наказ., приговорила подвергнуть князя Владиміра Мещерскаго аресту на военной гауптвахтѣ на шесть недѣль.

На этотъ приговоръ повѣренный князя Мещерскаго, прис. повѣр. Блокъ, принесъ апелляціонный отзывъ, въ которомъ онъ ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора Палаты по слѣдующимъ основаніямъ: во 1-хъ, на основаніи точнаго смысла 1213^5 ст. Уст. угол. суд., мѣста, занимаемаго въ Уложеніи ст. 1039 и

разъясненій Правительствующаго Сената, дѣла о нарушеніи законовъ о печати, а въ томъ числѣ и о диффамаціи, могутъ быть возбуждаемы непосредственно прокурорскою властью лишь въ томъ случаѣ, когда въ нихъ, независимо отъ посягательства на права частныхъ лицъ или учрежденій, заключается нарушеніе благоустройства и благочинія, а по сему настоящее дѣло должно быть отнесено, согласно 1213[5] ст. Уст. угол. суд., къ числу тѣхъ, возбужденіе по коимъ уголовнаго преслѣдованія могло исходить лишь отъ «присутственнаго мѣста, установленія или должностного лица», и прокурорская власть, согласно закону, могла только поддерживать предъявленное обвиненіе на судѣ. Во 2-хъ, воздужденіе настоящаго дѣла прокурорскою властью, по сообщенію военнаго министерства, представляется неправильнымъ. По этому дѣлу, можно говорить о двухъ категоріяхъ лицъ, будто бы оскорбленныхъ замѣткою «Гражданина»: о военныхъ врачахъ вообще, или же о врачахъ, входящихъ въ составъ коммисій освидѣтельствованія. Но о врачахъ вообще въ этой замѣткѣ ничего оскорбительнаго не говорится, такъ какъ ихъ дѣло именуется святымъ и они названы людьми, посвятившими себя наукѣ и человѣчеству, если же и упоминается о недобросовѣстности нѣкоторыхъ врачей, то рядомъ съ этимъ указанъ и противоположный примѣръ; кромѣ того военные врачи не составляютъ такого тѣсно опредѣленнаго государственнаго установленія, по отношенію къ коему оскорбленіе одного сочлена являлось бы оскорбленіемъ всего установленія. Военные врачи являются лишь разновидностью корпораціи врачей вообще, т. е. лицами, связанными единствомъ профессіональныхъ знаній и занятій, а не государственнымъ установленіемъ. Тоже нужно сказать и объ учиненномъ будто бы оскорбленіи врачей, входящихъ въ составъ повѣрочныхъ коммисій, такъ какъ въ статьѣ «Гражданина» нѣтъ огульнаго порицанія врачебныхъ членовъ всѣхъ коммисій, а указано только на неблаговидныя дѣйствія нѣкоторыхъ коммиссій, и такъ какъ эти коммисіи не имѣютъ значенія должности или установленія, ибо признакомъ должности, по указанію авторитетовъ науки государственнаго права, является характеръ постояннаго учрежденія, для осуществленія извѣстныхъ, возложенныхъ на него государствомъ, обязанностей, или извѣстныхъ государственныхъ цѣлей; испытательныя же коммисіи имѣютъ характеръ временнаго порученія и врачи, въ нихъ входящіе, имѣютъ значеніе экспертовъ, какъ это видно изъ Циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 марта 1876 года и приказа по военному вѣдомству отъ 21 мая 1875 года. Кромѣ того, по ст. 91 Уст. о воин. повин. въ испытательныя коммисіи, кромѣ врачей военныхъ, входятъ гражданскіе, и военные врачи могутъ быть замѣнены гражданскими, а поэтому представительнымъ органомъ этихъ коммисій не можетъ явиться министерство военное, ибо они не исключительно подчинены этому министерству, а также и министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 3-хъ, по содержанію замѣтки въ ней нельзя видѣть признаковъ диффамаціи. Указаніе на то, что среди врачей встрѣчаются лица недобросовѣстныя, ничего преступнаго не заключаетъ, такъ какъ было бы лицемѣріемъ утверждать, что въ обширной корпораціи врачей всѣ преисполнены рвенія къ общему благу; съ другой стороны, изъ статьи «Гражданина» нельзя вывести, чтобы авторъ ея, или князь Мещерскій, считали всѣхъ врачей недобросовѣстными и допустить такое предположеніе логически невозможно. Законъ и практика требуютъ для диффамаціи, чтобы лицо, общество или установленіе, коимъ приписывается позорящее обстоятельство, были или прямо названы, или опредѣлены признаками достаточно характеристическими для установленія тѣхъ, къ кому диффамація относится, чего не существуетъ въ

данной статьѣ, такъ какъ указаніе на то, что въ извѣстное дѣло вносится растлѣвающая корысть или вредное направленіе, не заключаетъ въ себѣ признаковъ оскорбленія всѣхъ лицъ этой профессіи,— и признаніе въ такихъ отзывахъ печати наличности диффамаціи, сдѣлавъ невозможнымъ публичное обсужденіе дѣятельности различныхъ общественныхъ профессій — адвокатовъ, писателей и т. п., крайне стѣснило бы права печатнаго слова, тогда какъ законъ нашъ требуетъ только осторожности въ сужденіяхъ о дѣятельности опредѣленныхъ лицъ или учрежденій, но не воспрещаетъ судить о томъ, что хорошо или дурно въ общественномъ смыслѣ. Кромѣ того, самое указаніе на причины удешевленія за послѣднее время рекрутскихъ квитанцій изложено въ этой статьѣ въ видѣ предположеній и слуховъ, а не въ видѣ прямого утвержденія. Что же касается приведеннаго въ статьѣ отдѣльнаго случая недобросовѣстности пріемной коммисіи, то такъ какъ при этомъ не указано ни мѣсто, ни время его совершенія, то, на основаніи статьи, нѣтъ возможности опредѣлить, какой именно повѣрочной коммисіи приписывается эта недобросовѣстность. По всѣмъ симъ основаніямъ апелляторъ находилъ, что выводы Судебной Палаты о томъ, что статья «Гражданина» позоритъ военныхъ врачей, состоящихъ при военныхъ госпиталяхъ и образующихъ повѣрочныя коммисіи, представляются неправильными, а потому и ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора Палаты и объ оправданіи его довѣрителя.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *9-го ноября 1893 года.*

Господа Сенаторы! Основаніемъ для обвинительнаго приговора Судебной Палаты послужила статья газеты «Гражданинъ», въ которой, среди изложенія обстоятельствъ одного случая и разсужденій общаго характера о значеніи общеобязательной воинской повинности, сказано, между прочимъ, что при введеніи этой повинности на первыхъ же порахъ явилось поползновеніе богатыхъ людей торговаго міра какъ-нибудь избѣжать тяжелой для нихъ обязанности; забота объ этомъ возвысила цѣнность рекрутскихъ квитанцій, но нынѣ, по свѣдѣніямъ автора статьи, оказывается, что цѣна на рекрутскія квитанціи, которыхъ осталось уже на перечетъ, упала; говорятъ, что обходятся 3 тыс. руб. сер., нужныхъ при повѣрочномъ освидѣтельствованіи коммисіей военныхъ врачей для признанія негодными къ службѣ.— Это вѣрно, говорится далѣе, въ доказательство есть факты, изъ которыхъ не на одинъ можно бы указать въ случаѣ надобности,— это явленіе, печальное до глубокой боли, такъ какъ какой же свѣтъ получаетъ великая реформа, если въ самое святое наше дѣло внѣдрилось корыстное зло, которое вносится притомъ людьми, посвятившими себя наукѣ и человѣчеству.

Въ апелляціонной жалобѣ на приговоръ Палаты объясняется, что въ статьѣ этой нѣтъ тѣхъ признаковъ оскорбительности, которые давали бы суду право примѣнять 1039 ст. Улож., такъ какъ въ ней высказано, въ видѣ слуха какъ бы *предположеніе,* и не въ смыслѣ огульнаго осужденія дѣятельности испытательныхъ коммисій, а тѣмъ болѣе дѣятельности военныхъ врачей,— а въ смыслѣ

сообщенія, что иногда происходятъ указанныя случаи, хотя и спорадическіе, при чемъ дѣятельность врачей называется «дѣломъ святымъ» и говорится, что они «посвятили себя наукѣ и человѣчеству».

Такое толкованіе смысла и содержанія статьи не можетъ быть признано правильнымъ. Она говоритъ именно не о спорадическихъ случаяхъ, а, напротивъ, обобщаетъ отдѣльные случаи въ *печальное явленіе*, составляющее послѣдствіе зла, *внѣдрившагося* въ святое дѣло. Мимолетно брошенное слово «говорятъ», которое само по себѣ не лишало бы сообщаемое оскорбительнаго характера, какъ то уже неоднократно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ,— немедленно обращается въ утвержденіе *факта* и притомъ *вѣрнаго* и настолько общеизвѣстнаго, что нѣтъ и надобности подкрѣплять его примѣромъ. Наконецъ то, что апелляціонная жалоба относитъ къ *прославленію* врачей, въ дѣйствительности обращено къ ихъ посрамленію. Не дѣятельность врачей называется «дѣломъ святымъ», а осуществленіе общей воинской повинности, которое искажается корыстнымъ зломъ, вносимымъ этими врачами, вопреки тому, что они посвятили себя служенію наукѣ и человѣчеству.

Статья эта не подкрѣплена никакими фактическими, опредѣленными указаніями на конкретные случаи злоупотребленій,— а въ подтвержденіе справедливости указываемыхъ въ ней обстоятельствъ, дѣйствительно могущихъ вызывать «печаль до глубокой боли», не приведено ни одного доказательства, несмотря на разрѣшеніе, даваемое 2 ч. 1039 ст. Улож. и 1213^5 ст. Уст. угол. суд. Хотя авторъ статьи утверждаетъ, что могъ бы указать не на одинъ фактъ изъ своей собственной практики, однако, обратившись къ посредству «Гражданина» для оглашенія о злѣ, внѣдрившемся въ дѣло, онъ не снабдилъ, затѣмъ, послѣ возникновенія дѣла, редактора «Гражданина» ни однимъ изъ этихъ фактовъ, чтобы дать ему возможность воспользоваться оправданіемъ, предоставляемымъ закономъ обвиняемому въ опозореніи должностныхъ лицъ, установленій или обществъ.

Поэтому, это есть *голословное* утвержденіе, оскорбительность котораго для тѣхъ, кого оно касается, не подлежитъ сомнѣнію. Эти лица прямо обвиняются въ томъ, что представляя за деньги въ невѣрномъ или извращенномъ видѣ болѣзненное состояніе или физическое недоразвитіе новобранцевъ, освобождаютъ ихъ отъ воинской повинности, т. е. за взятки, въ прямой ущербъ государственной пользѣ и справедливости, снимаютъ тяжесть и опасность военной службы съ людей зажиточныхъ. Но они не названы — эти оскорбляемые. Наименованы лишь званіе ихъ и спеціальное занятіе. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ: можетъ ли быть оскорблена совокупность людей, именуемыхъ военными врачами, входящихъ въ составъ коммисій для повѣрочнаго освидѣтельствованія новобранцевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ апелляціонной

жалобѣ дается рѣшительный и притомъ отрицательный. Можно ли однако, признать его вѣрнымъ и неопровержимымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что общее понятіе совокупности людей обнимаетъ собою различные случаи. Такая совокупность можетъ быть громадна по своимъ размѣрамъ и неуязвима въ своей необъемлемости и безличіи. Это будетъ — народъ ,раса, племя, общество вѣрующихъ, связанное однимъ исповѣданіемъ. Предъ такими колоссами, какъ русскій народъ, или романское племя, или христіане, магометане, буддисты, всякое оскорбленіе безсильно складываетъ крылья, и звукъ его замираетъ, какъ тщетная и смѣшная попытка. Тамъ, гдѣ Провидѣніе и историческія судьбы сложили массу людей въ единое цѣлое по политической или бытовой организаціи, по крови или по идеалу Божества, носимому въ душѣ, тамъ попытка опозорить такое единеніе заставляетъ лишь сожалѣть о скудоуміи возмнившаго, что онъ *въ силахъ* оскорбить. Есть случаи, когда такая совокупность представляетъ нѣчто неопредѣленное и весьма условное, по свойству отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ ея составъ, по даннымъ для оцѣнки каждой изъ нихъ. Въ этой неопредѣленности и условности, зависящей отъ совершенно произвольнаго установленія признаковъ, дающихъ право причислить того или другого къ общей совокупности — кроется и невозможность оскорбить такое единеніе. Поэтому нельзя, напримѣръ, оскорбить однимъ актомъ такую идеальную совокупность лицъ, какъ, напримѣръ, ученыхъ, художниковъ, артистовъ, сочинителей, педагоговъ, юристовъ и т. п. Ибо гдѣ общіе отличительные признаки, одинаковые у каждаго изъ этимъ лицъ? Гдѣ и въ чемъ искать ихъ? Въ собственномъ сознаніи каждаго, или въ общественномъ признаніи, или въ общественномъ положеніи, или же, наконецъ, въ народномъ взглядѣ? Но эти источники могутъ стоять въ противорѣчіи между собою. Несомнѣнно, что судья верховнаго судилища, что профессоръ права, что юристконсультъ какого-нибудь вѣдомства — юристы, но вѣдь юристомъ считаетъ себя и ходатай отъ Иверскихъ воротъ, и поставщикъ «достовѣрныхъ лжесвидѣтелей» по извѣстнаго рода дѣламъ. А сколько личныхъ претензій на званіе ученаго, артиста, художника! Въ то же единеніе, гдѣ царственно сіяетъ Пушкинъ, протискивается и полуграмотное ничтожество, произведенія котораго «бухаютъ» въ Лету; самодовольная ограниченность, прочитавшая двѣ популярныя брошюры, считаетъ себя подчасъ принадлежащею къ кругу ученыхъ, вмѣстѣ съ членами академіи наукъ,— а народъ, по своему распредѣляя названія, иронически употребляетъ слова сочинитель, художникъ и артистъ — для обозначенія понятій совсѣмъ иного порядка. Наконецъ, такая совокупность можетъ представлять нѣчто собирательное, гдѣ общее названіе или наименованіе группы людей заключаетъ въ себѣ крайнее разнообразіе ихъ занятій, положенія, образованія и взаимныхъ отношеній, и гдѣ такое названіе вовсе не служитъ и не можетъ служить

отличительнымъ признакомъ, который опредѣлялъ бы званіе и занятіе каждаго, входящаго въ общую совокупность. Поэтому вопросъ о возможности оскорбленія цѣлаго сословія, какъ таковаго, возникшій въ нашей судебной практикѣ еще въ 1866 г., но не дошедшій до Сената, вѣроятно, подлежалъ бы разрѣшенію въ отрицательномъ смыслѣ. Трудно себѣ представить, какъ можно оскорбить, напримѣръ, дворянство, мѣщанство или чиновничество. Это все нѣчто слишкомъ неопредѣленное по своему объему, неясное и разнородное по видовымъ признакамъ. Дворянинъ и чиновникъ призываются къ завѣдыванію отдѣльною отраслью управленія,— засѣдаютъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ,— но дворянинъ и чиновникъ стоятъ въ то же время на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, а первый, можетъ быть, несмотря на носимый имъ громкій титулъ, неграмотенъ и самъ пашетъ свою землю, какъ это оказалось въ уголовномъ дѣлѣ объ истязаніяхъ по одной изъ внутреннихъ губерній,— и оба могутъ быть, независимо отъ своего чина и родового происхожденія, обывателями ночлежнаго пріюта. Нельзя обнять такое пестрое разнообразіе людей въ одномъ, для всѣхъ и за всѣхъ одинаково чувствуемомъ оскорбленіи. Необходима большая точность, болѣе опредѣленныя границы оскорбленнаго, отвлеченнаго и безформеннаго тѣла. Нужны территоріальныя или спеціальныя указанія: дворянство такихъ-то губерній, мѣщанство такого-то города, чиновники такого-то вѣдомства.

Но могутъ быть случаи, когда совокупность оскорбляемыхъ обнимаетъ собою единеніе людей, имѣющихъ не только опредѣленный, отличительный признакъ, не только твердо очерченную профессію, но и представляющихъ одну изъ составныхъ частицъ сложнаго государственнаго механизма. Здѣсь оскорбленіе вполнѣ мыслимо. Оно дѣйствительно и, во многихъ случаяхъ, даже болѣе чувствительно, чѣмъ прямое оскорбленіе отдѣльнаго лица. Таковъ, именно, настоящій случай. Дѣло идетъ о военныхъ врачахъ, т. е. о должностныхъ лицахъ, имѣющихъ опредѣленный и неизбѣжный *образовательный цензъ,* принадлежащихъ къ *одному вѣдомству,* даже къ спеціальной самостоятельной *части* этого вѣдомства,—носящихъ *одинаковую форму,* связанныхъ *дисциплинарными отношеніями,* какъ въ порядкѣ подчиненности, такъ и къ порученному имъ дѣлу,—приносящихъ одну и ту же *научную присягу,* т. е. дающихъ такъ называемое факультетское обѣщаніе, наконецъ, имѣющихъ одно и то же *занятіе,* требующее *спеціальныхъ знаній* и запрещенное тѣмъ, кто этихъ знаній не имѣетъ. Тутъ нѣтъ ничего неуловимаго, неопредѣленнаго, отвлеченнаго отъ жизни. Когда мы говоримъ объ ученомъ, о христіанинѣ, о дворянинѣ — то предъ нами, если только не имѣть въ виду знакомое лицо, никакого точнаго представленія не возникнетъ. Но здѣсь является

живое представленіе о живомъ, въ его строго очерченной дѣятельности, образѣ.

Такимъ образомъ, оскорбительныя указанія статьи «Гражданина» относятся къ опредѣленнымъ должностнымъ лицамъ, наличное число коихъ, распредѣленіе по учрежденіямъ и мѣстностямъ, имена, фамиліи и возрасты, можно за каждый данный періодъ опредѣлить по служебно-статистическимъ спискамъ. Статья идетъ, однако, дальше и еще яснѣе указываетъ кругъ оскорбляемыхъ. Въ ней говорится не только о званіи и профессіи ихъ вообще, но и о *спеціальномъ видѣ приложенія* ихъ знаній на практикѣ, на службѣ тому, что въ старой Руси называлось «великимъ государевымъ дѣломъ». Говорится о *военныхъ врачахъ, производящихъ повѣрочныя освидѣтельствованія лицъ, призываемыхъ на военную службу.* И мѣста такого освидѣтельствованія, и кто его производитъ, съ точностью опредѣлены въ законѣ. По силѣ 91 ст. Устава объ общей воинской повинности, къ освидѣтельствованію и пріему лицъ, подлежащихъ назначенію въ военную службу, въ присутствія уѣздныя, окружныя и городскія, назначаются по два медика отъ гражданскаго и военнаго управленія, а въ присутствія губернскія или областныя, для переосвидѣтельствованія, также по два медика; на томъ же основаніи это переосвидѣтельствованіе производится, между прочимъ, и по жалобѣ подлежавшаго пріему, согласно ст. 149 и 208 тѣхъ же Уставовъ, а также, какъ говоритъ ст. 19 Наставленія присутствіямъ по пріему новобранцевъ и ст. 148 Устава — въ случаяхъ, когда такое лицо объявляетъ себя страдающимъ падучею или иною скрытною болѣзнью, или же у врачей встрѣчается затрудненіе или сомнѣніе въ распознаваніи болѣзни. Въ постановленіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, опредѣляющихъ условія и способы осуществленія правилъ содержащихся въ Уставахъ объ общей воинской повинности, изложены указанія, гдѣ именно надо совершать испытанія, необходимыя для точнаго переосвидѣтельствованія. Лица, подлежащія испытанію въ лечебномъ заведеніи, непремѣнно отправляются, говорятъ Циркуляры отъ 31 января 1886 года № 3 и 18 іюня № 19, въ *военные госпитали,* а за неимѣніемъ таковыхъ въ данной мѣстности въ *мѣстные полковые лазареты.* Въ случаяхъ же отступленія отъ *этого общаго правила,* уѣздныя и воинскія присутствія должны каждый разъ доводить до свѣдѣнія губернскаго присутствія, съ объясненіемъ причинъ, о всѣхъ молодыхъ людяхъ, отправленныхъ на испытаніе въ гражданскія больницы, вмѣсто военныхъ лазаретовъ. Такимъ образомъ, роль военныхъ врачей въ освидѣтельствованіяхъ и переосвидѣтельствованіяхъ точно опредѣлена: они участвуютъ наравнѣ съ гражданскими врачами въ освидѣтельствованіи и у нихъ въ рукахъ, въ видѣ общаго правила, почти всецѣло находится переосвидѣтельствованіе. Ихъ-то, именно ихъ, врачей полковыхъ лазаретовъ и военныхъ госпиталей, и имѣлъ въ виду авторъ статьи

«Гражданина». Это видно не только изъ прямыхъ выраженій статьи, но и изъ приводимаго въ ней примѣра, безъ указанія на виновныхъ. Когда, говорится въ этомъ примѣрѣ, зажиточный крестьянинъ желалъ, чтобы сынъ его былъ забракованъ *на мѣстѣ*, онъ предложилъ *военному врачу* при *пріемѣ 500 р.*,—но тотъ отвергъ это предложеніе и первый подалъ голосъ за совершенную способность къ военной службѣ его сына;—каково-же было удивленіе всего присутствія, когда *повѣрочная коммисія при военномъ госпиталѣ* вернула его, найдя слабымъ».

Итакъ, оскорбительныя для чести и достоинства должностныхъ лицъ утвержденія автора статьи направлены на совокупность призываемыхъ къ переосвидѣтельствованію новобранцевъ врачей, посвятившихъ себя тяжелому и слабо вознаграждаемому «служенію наукѣ и человѣчеству». Законъ говоритъ объ опозореніи должностныхъ лицъ, установленій и обществъ. Значитъ-ли это, что онъ признаетъ ненаказуемымъ опозореніе цѣлой группы должностныхъ лицъ, объединенныхъ одною дѣятельностью и въ ней-то, именно, и оскорбленныхъ? Жизнь давно уже и настойчиво выдвигаетъ требованіе о защитѣ чести такихъ объединенныхъ лицъ, и наша судебная практика, въ рядѣ рѣшеній признала уже, въ принципѣ, возможность опозоренія полка, а полкъ не есть ни установленіе, ни свободно сложившееся общество, ни должностное лицо. Это группа должностныхъ лицъ, сложившаяся въ іерархическую пирамиду. На ряду съ этимъ и въ наукѣ уголовнаго права развивается понятіе объ оскорбленіи чести лицъ, составляющихъ юридическое или фактическое, постоянное или временное единеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда однимъ актомъ оскорбляются всѣ члены единенія. Наконецъ, и въ новѣйшихъ законодательствахъ является признаніе возможности оскорбленія, направленнаго на цѣлыя группы должностныхъ лицъ. Такъ, ч. 3 § 270 Венгерскаго уголовнаго кодекса говоритъ объ оскорбленіи арміи, флота, ландвера — или же самостоятельной ихъ части. Да и можетъ-ли быть иначе? Утверждать, что отсутствіе личныхъ, съ именемъ и фамиліей, указаній лишаетъ напечатанное позорящее извѣстіе его оскорбительнаго характера, значило-бы идти въ разрѣзъ съ требованіями житейской правды. Отсутствіе такихъ указаній обозначаетъ лишь, что *всѣ* подходящіе подъ общее, но точное опредѣленіе, заслуживаютъ презрѣнія за свои дѣянія. Правительствующій Сенатъ, въ рядѣ рѣшеній и приговоровъ, начиная еще съ 1867 года, установилъ, что для отвѣтственности по 1039 и 1040 статьямъ Уложенія вовсе нѣтъ необходимости называть оскорбленныхъ поименно, а достаточно указаній, по которымъ можно-бы, по внутреннему убѣжденію судей, опредѣлить, о комъ идетъ рѣчь.

Поэтому оскорбительность не упраздняется и даже не уменьшается отъ *не названія*. Не уменьшается отъ этого и ѣдкая сила оскорбленія. Эта сила даже увеличивается. При безъименномъ

оскорбленіи оно тяготѣетъ надъ всѣми, кто замкнутъ въ оскорбленной группѣ по своимъ занятіямъ и должности. При наименованіи должностного лица, всѣ товарищи его по профессіи остаются въ сторонѣ, и общественное мнѣніе знаетъ, *отъ кого именно* слѣдуетъ ждать оправданій; знаетъ это и опозоренный и смываетъ этотъ позоръ судебнымъ или инымъ путемъ, или-же сгибается подъ его давящей тяжестью. Но когда названа цѣлая группа, подозрѣніе падаетъ на всѣхъ и каждаго; каждый мысленно зритъ себя подводимымъ къ позорному столбу; безславіе бѣжитъ впереди каждаго изъ группы, возбуждая противъ него предубѣжденіе и заставляя относиться къ нему съ подозрительностью или насмѣшливымъ недовѣріемъ. «А, это ты — изъ тѣхъ, которыхъ такъ отдѣлали и изобличили», вотъ что слышится ему изъ-за условной вѣжливости житейскихъ отношеній. Едва-ли душевныя муки подвергшагося несправедливому групповому оскорбленію, легче мукъ подвергшагося личному оскорбленію. Тамъ онѣ или заслужены или смягчаются возможностью оправданія, а тутъ!? Для личнаго оправданія — нѣтъ почвы, нѣтъ яснаго повода. Да и какъ оправдываться? Affirmanti—non neganti incumbit probatio. Обвиненіе брошено огульно и бездоказательно, какъ-же опровергнуть эту бездоказательность? Какъ представлять отрицательныя доказательства по вопросу о своей честности? Ужели производить о себѣ старинный повальный обыскъ и о результатахъ его сообщать всякому встрѣчному, въ которомъ подозрѣвается читатель или слушатель оскорбительнаго отзыва? Это невозможно не только фактически, но и нравственно. Въ нашемъ обществѣ, быть можетъ подъ вліяніемъ горькихъ воспоминаній прежняго, подчасъ возникаетъ съ особою силою подозрительность къ цѣлымъ служебнымъ группамъ, — и иногда злорадно распространяется на цѣлыя вѣдомства, безъ пощады, примѣняясь и къ тѣмъ, кто въ нихъ достоинъ безусловнаго и нерѣдко глубокаго уваженія. Мы лѣнивы разбирать людей и потому любимъ клички и ярлыки, которые налѣпляемъ широкими взмахами клейкой кисти. При такихъ условіяхъ оправданія только усиливаютъ подозрительность. «Ты сердишься — ты не правъ», — говорила античная поговорка. «Ты оправдываешься — ты должно быть виноватъ», — говоритъ современный, житейскій, близорукій опытъ, опирающійся на пословицу «на ворѣ и шапка горитъ». Поэтому-то выступать отдѣльнымъ обвинителемъ при групповомъ опозореніи чрезвычайно трудно. Иногда — и очень часто — это значитъ къ ранамъ, прiятымъ отъ опозоренія, приложить раны сосредоточенной на себѣ подозрительности и двусмысленнаго сочувствія. Остается, въ большинствѣ случаевъ, молчаливо, съ притворнымъ равнодушіемъ нести клеймо незаслуженнаго стыда — и испытывать на себѣ то, что такъ образно называлъ нашъ знаменитый писатель «постояннымъ страхомъ, и гнѣвомъ, и болью *неопредѣленныхъ* подозрѣній». Такимъ образомъ, неуказаніе лица — только облегчаетъ нравственную и юридическую

отвѣтственность дѣйствительно виновнаго и, въ то-же время, кладетъ тяжелое бремя на душевное спокойствіе невиновныхъ.

Но результаты такихъ оскорбленій не въ одномъ причиненіи личныхъ страданій. У нихъ есть и обще-вредный характеръ. При частомъ и безнаказанномъ повтореніи такія оскорбительныя обобщенія, связываясь въ представленіи общества съ извѣстной профессіею, пріучаютъ терять къ ней уваженіе, стыдиться ея, краснѣть за свою къ ней прикосновенность. Званіе, которое не носится съ спокойною гордостью исполняемаго долга, легко обращается въ нѣчто ненавистное самому носителю, а трудъ его представляется первымъ попавшимся подъ руку средствомъ заработка. Безнаказанная бездоказательность презрительнаго отношенія къ дѣятельности должностного лица должна подавлять малодушныхъ, разрушать у нихъ энергію и самоуваженіе, убивая всякое побужденіе къ улучшенію своего дѣла, которое заранѣе опозорено. Она должна отнимать у твердыхъ духомъ согрѣвающее сознаніе общественнаго уваженія, столь часто нужное въ минуты одинокой служебной борьбы за правду и пользу...

Можно привести рядъ практическихъ примѣровъ оскорбленій профессоровъ, контрольныхъ ревизоровъ, судей и т. п. построенныхъ по образцу, даваемому статьею «Гражданина», и доказать оскорбительность такихъ примѣрныхъ опозореній для всѣхъ и каждаго изъ членовъ той или другой группы должностныхъ лицъ, но лучше перейти прямо къ возраженіямъ, которыя представлены и могутъ еще быть представлены противъ обвинительныхъ выводовъ.

Намъ стараются доказать, — что изъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что военные врачи, какъ и врачи вообще, приглашаются въ присутствіе по воинской повинности лишь какъ эксперты. Поэтому это вовсе не должностныя лица, тѣмъ болѣе, что, по ученію профессора Градовскаго, въ его «Началахъ государственнаго права», должность есть установленіе постоянное, чѣмъ она и отличается отъ временныхъ порученій, получаемыхъ отъ власти и частными лицами, каковы, напримѣръ, порученія, даваемыя извѣстнымъ медикамъ изслѣдовать санитарныя условія той или другой мѣстности. Что врачи приглашаются какъ эксперты — это явствуетъ вполнѣ точно изъ самаго закона. По 91 Уст. «участіе врачей въ дѣлахъ присутствія ограничивается подачею мнѣній о годности лица, подлежащаго пріему». Но это эксперты, обязанныя быть таковыми, въ силу своей должности, которая есть установленіе постоянное. Они привлечены къ участію въ воинскихъ присутствіяхъ не какъ частныя лица, получающія служебное порученіе, а какъ служащіе, въ кругъ дѣятельности которыхъ входитъ, въ силу самаго закона, производство подобной экспертизы. Если стать на точку зрѣнія этого возраженія, то надо отвергнуть служебный характеръ дѣятельности ряда должностныхъ лицъ въ коммисіяхъ, предметъ которыхъ лишь соприкасается съ ихъ

прямою службою. Несомнѣнно, что частныя лица, получившія временное порученіе правительства, остаются частными лицами, но должностное лицо, получившее такое порученіе, остается должностнымъ. Теперь привлекаютъ и частныхъ лицъ къ участію, напримѣръ, въ санитарныхъ исполнительныхъ коммисіяхъ, образуемыхъ для борьбы съ холерою, но это не значитъ, что должностныя лица, входящія, съ той или другой ролью, въ составъ этихъ же временныхъ коммисій, теряютъ свой должностной характеръ. А воинскія присутствія, военные госпитали и лазареты притомъ учрежденія постоянныя. Въ примѣрѣ Градовскаго имѣется въ виду извѣстный врачъ, какъ частное лицо,—но, напримѣръ, профессоръ военно-медицинской академіи и членъ медицинскаго совѣта, покойный Эйхвальдъ, посланный изучать ветлянскую чуму, былъ и тамъ, на мѣстѣ, должностнымъ лицомъ и за опозоренье его въ печати пришлось бы отвѣчать по 2 ч. 1039 ст. Улож. Наконецъ, отрицаніе должностного характера за военными врачами, производящими повѣрочное испытаніе, должно влечь и отрицаніе ихъ уголовной отвѣтственности за преступленіе должности въ доказанномъ случаѣ полученія взятки. Но если это такъ, то зачѣмъ же тогда и «обращать вниманіе» военнаго начальства на дѣянія лицъ, не состоящихъ къ нему въ отношеніяхъ служебной подчиненности?

Намъ, вѣроятно, повторятъ затѣмъ старое, избитое возраженіе, которое обыкновенно дѣлается по дѣламъ о проступкахъ, совершаемыхъ путемъ печати. Признаніе виновности редактора «Гражданина» въ данномъ случаѣ, было бы *стѣсненіемъ свободы печати!* Но такое утвержденіе будетъ неправильно. Если оскорбительность напечатаннаго не доказана, если справедливость позорящихъ обстоятельствъ ничѣмъ не подтверждена, то признаніе виновности является не стѣсненіемъ свободы печати, а необходимымъ ограниченіемъ произвола печати, который не имѣетъ никакихъ практическихъ или нравственныхъ основаній претендовать на безнаказанность. Несомнѣнно, что по своей распространенности, по внушаемой къ себѣ вѣрѣ, печатное слово усугубляетъ нанесенное путемъ его оскорбленіе. Почему же, однако, то, что представляется внѣ спора оскорбительнымъ, когда оно дѣлается на словахъ, становится безнаказаннымъ, когда оно звучитъ со столбцовъ газеты? Если-бы авторъ статьи явился въ собраніе военныхъ врачей и сказалъ, обращаясь къ нимъ: «всѣ вы лихоимцы, позорящіе святое дѣло обороны страны;—продажная помощь ваша обходится всего въ три тысячи рублей!», то несомнѣнно, что онъ самъ первый счелъ бы невозможнымъ думать о своей полной безнаказанности. Но почему же, когда это самое оповѣщено на всю Россію, когда онъ мысленно собралъ предъ собою военныхъ врачей и бросилъ имъ этотъ тяжкій и незаслуженный—незаслуженный потому, что недоказанный—упрекъ, онъ оказывается несовершившимъ ничего достойнаго осужденія? Какъ бы велика ни была общественная задача печати,

никто не можетъ требовать, чтобы на алтарь ея свободы,—безропотно, безъ надежды на защиту,—отдѣльныя личности и цѣлыя группы ихъ приносили свою честь и доброе имя. Высокая задача печати достигается и безъ такихъ напрасныхъ жертвъ и, притомъ, проще. Такъ и въ данномъ случаѣ — авторъ, заявляющій, что у него есть много примѣровъ лихоимства военныхъ врачей при переосвидѣтельствованіи новобранцевъ, поступилъ бы и законнѣе, и цѣлесообразнѣе, назвавъ эти примѣры «en toutes lettres». Это соотвѣтствовало бы задачѣ закона, давая полную возможность, при отрицаніи этихъ примѣровъ со стороны обличаемыхъ, выяснить справедливость ихъ путемъ, указаннымъ во 2 ч. 1039 ст. Улож. Это было-бы цѣлесообразнѣе потому, что давало-бы возможность немедленно прижечь больныя мѣста и искоренить недугъ тамъ, гдѣ онъ проявился и доказанъ.

Не давая фактическихъ указаній, авторъ, очевидно, нѣсколько смутнаго мнѣнія о высшемъ начальствѣ военныхъ врачей. Въ каждомъ уѣздѣ Россійской Имперіи есть уѣздное воинское присутствіе, не говоря уже о присутствіяхъ губернскихъ—и въ каждомъ производятся переосвидѣтельствованія. Ужели авторъ полагалъ, что, подъ вліяніемъ его огульно обвинительной замѣтки высшій начальникъ, если только онъ не презираетъ вѣдомство, во главѣ котораго стоитъ, можетъ выразить, путемъ почти неосуществимаго по своей громадности дознанія, оскорбительное недовѣріе къ каждому военному врачу, призываемому къ переосвидѣтельствованію? Въ огульныхъ обобщеніяхъ тамъ, гдѣ потребны факты, кроется главное основаніе къ отвѣтственности лицъ, напечатавшихъ статью въ «Гражданинѣ». Если такое обобщеніе сдѣлано безъ всякихъ фактическихъ данныхъ, то оно является злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ, напрасно смущающимъ читателей и волнующимъ общество; если же при наличности какихъ-либо фактовъ, имѣющихся въ распоряженіи автора или редактора, форма огульнаго обвиненія употреблена съ цѣлью, оскорбивъ всѣхъ, отнять у нѣсколькихъ, которые могли-бы быть названы, возможность защищаться на почвѣ 1039 ст. Улож., то судъ не имѣетъ права ни одобрить, ни оправдать такого пріема. Не можетъ онъ этого сдѣлать, зная, что въ теченіи послѣдняго десятилѣтія до Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, доходило 11 большихъ и сложныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ по воинскимъ присутствіямъ, по которымъ были преданы суду и осуждены—одинъ предсѣдатель присутствія, одинъ начальникъ земской стражи, 4 начальника уѣздовъ, 4 дѣлопроизводителя, 1 бургомистръ, 2 гминныхъ войта, 11 факторовъ, 3 писаря, 1 уѣздный фельдшеръ, 2 *городскихъ врача, 3 уѣздныхъ врача и лишь одинъ военный врачъ.*

Обращаясь къ вопросу о неправильномъ возбужденіи преслѣдованія по этому дѣлу, надо замѣтить, что за военнымъ министромъ такое право отрицается на основаніи 1213^5 ст. Уст. угол. суд.,

которая говоритъ о возбужденіи прокуроромъ преслѣдованія виновныхъ въ оскорбленіи должностныхъ лицъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ и сообщеніямъ *потерпѣвшихъ оскорбленіе*. Съ такимъ отрицаніемъ согласиться нельзя. Прежде всего, ст. 1213[5] нигдѣ точно не указываетъ, кто именно можетъ считаться потерпѣвшимъ отъ преступленій, указанныхъ въ 1039 и 1040 ст. Улож. Опредѣленіе этого должно быть предоставлено судебной практикѣ, которая, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ или въ рядѣ однородныхъ, должна выяснить, кто въ дѣйствительности пострадалъ, кто раненъ, а иногда и убитъ нравственно разрывомъ заготовленнаго на типографскомъ станкѣ снаряда. Что законъ имѣетъ въ виду не однихъ прямо и непосредственно пострадавшихъ, видно изъ того, что 1213[5] ст., ссылась на ст. 297 Уст. угол. суд., говоритъ о жалобахъ и объявленіяхъ. Но объявленіе о преступленіи не требуетъ даже, чтобы объявитель былъ потерпѣвшимъ отъ преступнаго дѣянія. По ст. 298 Уст. угол. суд., ему достаточно быть очевидцемъ. Поэтому и надъ потерпѣвшимъ оскорбленіе въ печати, который обращается къ прокурору съ объявленіемъ, нельзя разумѣть одного непосредственно оскорбленнаго, о которомъ говорится въ ст. 301 и 302 Уст. угол. суд. Да и самыя объявленія, названныя въ ст. 1213[7] Уст. угол. суд. извѣщеніями, а также и жалобы, по содержанію своему отличены отъ тѣхъ жалобъ потерпѣвшаго, о которыхъ говорится въ ст. 303 Уст. угол. суд.—При этомъ и сообщенія присутственныхъ мѣстъ о преступленіяхъ печати существенно отличаются отъ сообщеній тѣхъ же мѣстъ объ общихъ преступленіяхъ. Послѣднія по ст. 309 не безусловно обязательны, какъ поводъ къ начатію слѣдствія,—первыя же согласно ст. 1213[8] всегда обязываютъ прокурора начать преслѣдованіе. Все это показываетъ, что по дѣламъ печати понятія о жалобѣ и объ объявленіи сливаются между собою и что вслѣдствіе этого личность потерпѣвшаго можетъ и должна быть понимаема шире и глубже, чѣмъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ.

Поэтому потерпѣвшимъ, имѣющимъ право на начатіе дѣла объ опозореньи, можетъ быть не одно лицо, на которое непосредственно направлено оскорбленіе. Наше право узаконяетъ, въ ст. 18 Мирового Устава, иски родителей за обиду дѣтямъ, иски мужей за обиду женъ, иски опекуновъ и лицъ, имѣющихъ попеченіе надъ малолѣтними; обида, выразившаяся въ обольщеніи и другихъ посягательствахъ на цѣломудріе взрослыхъ женщинъ или дѣвицъ, даетъ, по примѣчанію къ ст. 1532, право преслѣдованія обидчика не только родственникамъ, но и всякимъ лицамъ, обязаннымъ по званію своему имѣть о нихъ попеченіе. Если же признать, что по дѣламъ печати понятіе о потерпѣвшемъ шире обыкновеннаго, то нѣтъ основанія отрицать и права возбуждать преслѣдованіе за такимъ лицомъ, которое несетъ нравственную и юридическую отвѣтственность за законность и правильность дѣйствій лю-

дей, подвергшихся опозоренію. Такое лицо обязано имѣть надзоръ за своими подчиненными—оно ихъ избираетъ, аттестуетъ, утверждаетъ—и оно, въ извѣстной и даже очень большой мѣрѣ, отвѣтственно въ томъ, кому вручаетъ оно власть и кого ставитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, обществомъ и разнообразными явленіями быстро текущей жизни. Ужели для попечителя учебнаго округа могло бы быть безразлично, если бы учителей его округа назвали поголовно пьяницами или взяточниками,—или для главнаго управленія Краснаго Креста ничего бы не значило, если бы сестеръ милосердія въ отрядахъ, организованныхъ имъ на время военныхъ дѣйствій, опозорили огульнымъ обвиненіемъ въ корыстолюбіи или развратномъ поведеніи? Развѣ такія обвиненія не бросаютъ оскорбительнаго упрека и въ надзирающую власть,—не указываютъ на ея постыдное бездѣйствіе и нравственную неразборчивость? Правительствующій Сенатъ уже встрѣчался съ такими вопросами въ своей приктикѣ. Въ приговорахъ по дѣламъ Зарубина въ 1878 г. и Іозефовича въ 1888 г. онъ объяснилъ, что по праву надзора за подчиненными и по обязанности отвѣтствовать за нихъ, начальство не можетъ быть лишено права возбуждать преслѣдованіе за ихъ опозоренье. Такъ, командиръ полка, признанъ имѣющимъ право приносить жалобу за оскорбленіе полка, а за управляющимъ бывшимъ IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, имѣющимъ аттрибуты министра, признано право возбудить, предложеніемъ почетному опекуну, уголовное преслѣдованіе за опубликованіе обстоятельствъ, позорящихъ дѣятельность служащихъ родовспомогательнаго заведенія. При этомъ Правительствующій Сенатъ высказалъ, что отъ оскорбленій такого рода страдаютъ не только эти лица, но и всѣ тѣ, отъ кого зависитъ дать дѣятельности учрежденія то или другое направленіе, принять мѣры къ исправленію зла и т. д. Такого же взгляда держатся и многіе западные кодексы. Такъ, при оскорбленіи войска, флота или ихъ части, уголовное преслѣдованіе возбуждается, согласно § 270 Венгерскаго кодекса, по долгу службы, т. е. начальствомъ, помимо жалобы оскорбленныхъ; по § 196 Германскаго Уложенія, при нанесеніи оскорбленія чиновнику или духовному пастырю, или же члену вооруженной силы, право возбужденія уголовнаго преслѣдованія принадлежитъ не только самимъ непосредственно оскорбленнымъ, но и ихъ начальству; по смыслу 447 и 450 ст. Бельгійскаго Уложенія, диффамація противу должностныхъ лицъ влечетъ за собою преслѣдованіе въ порядкѣ публичнаго обвиненія, независимо отъ жалобы обиженнаго; на основаніи 267 и 269 ст. Нидерландскаго Уложенія, оскорбленіе въ печати должностного лица преслѣдуется властью и безъ жалобы потерпѣвшаго.—Наконецъ, по французскому «закону о свободѣ печати» 29 іюля 1881 г., согласно п. 3 ст. 47 § 2, въ случаѣ опозоренія должностныхъ лицъ преслѣдованіе возбуждается по ихъ жалобѣ или же въ публичномъ по-

рядкѣ (b'office), *по жалобѣ министра*, въ вѣдомствѣ котораго они состоятъ. Этотъ же взглядъ, затѣмъ, проведенъ и въ проектѣ нашего новаго Уложенія, въ ст. 82, по которой—буде оскорбленія нанесены должностному лицу, уголовное преслѣдованіе возбуждается не только по жалобѣ потерпѣвшаго, но и по заявленію его непосредственнаго начальства.

Поэтому отрицаніе права начальства, связаннаго нравственно и дисциплинарно съ оскорбленными должностными лицами, на возбужденіе преслѣдованія, не находитъ себѣ опоры въ соображеніяхъ апеллятора. Не надо забывать, что есть вѣдомства, гдѣ подчиненные не только тѣсно связаны въ своемъ дѣлѣ требованіями и предписаніями начальства, отъ котораго они получаютъ общій тонъ и указанія пріемовъ дѣятельности, но гдѣ они по особымъ правиламъ дисциплины не могутъ заявлять никакихъ претензій безъ разрѣшенія начальства. Но гдѣ есть разрѣшеніе, тамъ должна быть допущена и замѣна. Гдѣ основаніе для лишенія начальства права умѣло и авторитетно заступиться за честь подчиненнаго, который, быть можетъ, не обладаетъ средствами и умѣньемъ для защиты себя? Если будетъ сдѣлано сообщеніе, оскорбительное для чести унтеръ-офицеровъ желѣзнодорожной полиціи вообще,—ужели ихъ главное начальство лишено права защитить ихъ, несмотря на то, что ихъ дѣйствія находятся подъ іерархическимъ контролемъ, и что они сами, непосредственно, не имѣютъ, по правиламъ воинской дисциплины, и права приносить кому-либо жалобу иначе какъ «по командѣ?» Есть, наконецъ, вѣдомства, гдѣ обвиненіе въ нарушеніи своихъ обязанностей средними или низшими служащими—кладетъ тѣнь на все учрежденіе, въ его совокупности, подрывая къ нему довѣріе въ корнѣ. Таковы, напр., телеграфное и почтовое вѣдомства. Ужели главное начальство этихъ вѣдомствъ можетъ оставаться равнодушнымъ, если появится бездоказательное сообщеніе, что за нѣсколько рублей въ каждой почтово-телеграфной конторѣ можно узнать тайну телеграфной или почтовой корреспонденціи?

Скажутъ, что каждый изъ обиженныхъ можетъ *самъ* жаловаться.

Но складъ общественной жизни, но психологія отдѣльнаго оскорбленнаго, при групповомъ опозореньи, но практическій исходъ такой жалобы—говорятъ противъ осуществимости такой защиты отъ поруганія. Я уже говорилъ объ этомъ раньше подробно,—и считаю достаточнымъ указать лишь на то, что по отношенію къ каждому жалобщику обидчикъ будетъ въ состояніи сказать: «я вовсе не имѣлъ въ виду васъ,—съ чего вы взяли, что я говорю о васъ,—развѣ у васъ, или вѣрнѣе *за вами* есть причины думать, что весь этотъ срамъ, этотъ позоръ и поношеніе именно васъ касаются?» И если оскорбленныхъ много, то обидчикъ можетъ долго и безнаказанно торжествовать, съ каждымъ новымъ оправ-

даніемъ принижая и запугивая нравственно тѣхъ, кто еще не имѣлъ смѣлости пожаловаться. Вотъ почему есть полное основаніе допустить одно лицо, которое по праву заслонитъ грудью всѣхъ оскорбленныхъ и, будучи отвѣтственно за ихъ служебную нравственность и добропорядочность, такъ какъ имѣетъ власть и обязанность заботиться о той и о другой, потребуетъ доказательствъ справедливости оглашеннаго, а при ихъ отсутствіи — наказанія оскорбителя. Такимъ лицомъ въ настоящемъ дѣлѣ является военный министръ. Что военные врачи, входя въ составъ особой части военной силы, находящейся въ вѣдѣніи военнаго министерства, дѣйствуютъ подъ высшимъ надзоромъ военнаго министра, который опредѣляетъ, увольняетъ, награждаетъ и предаетъ суду — это несомнѣнно. Согласно общему наказу министрамъ, въ томѣ I ч. 2 св. законовъ, министръ, по ст. 156, долженъ понуждать всѣ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій,— имѣя за ними надзоръ, взыскивая съ нихъ, по силѣ 157 ст., въ случаѣ неправильнаго исполненія и предавая суду въ случаѣ важныхъ преступленій. Министръ самъ, на основ. ст. 208,— подвергается отвѣтственности, когда, оставивъ власть ему данную безъ дѣйствія, небреженіемъ своимъ попуститъ важное злоупотребленіе или государственный ущербъ. Самъ авторъ статьи, конечно, имѣлъ въ виду высшее начальство военныхъ врачей, когда онъ говорилъ о нанесеніи ущерба казнѣ зломъ, внѣдрившимся въ святое дѣло охраны и защиты отечества и заявлялъ объ этомъ злѣ, въ виду предстоящаго призыва, съ тѣмъ, чтобы лица, отъ которыхъ это зависитъ, обратили на него свое вниманіе. Мѣста, гдѣ проявилось зло—не указаны, безчестные дѣятели, прививающіе этотъ ядъ къ одному изъ главнѣйшихъ отправленій современнаго государства— не названы... никто не рѣшается подать личной жалобы... не прямое ли средство узнать все недосказанное, потребовавъ, на основаніи 2 ч. 1039 ст. Улож., судебнымъ порядкомъ предъявленія доказательствъ?

Какъ глава вѣдомства, заключающаго въ себѣ и военныхъ врачей, военный министръ имѣлъ право возбуждать преслѣдованіе тамъ, гдѣ всѣмъ имъ брошено огульное обвиненіе, которое является опозореніемъ, покуда не будетъ доказано, что оно, къ стыду и несчастію, истинно. Онъ былъ даже, по долгу отвѣтственности своей предъ государствомъ, обязанъ начать преслѣдованіе. Изъ Высочайшаго манифеста о введеніи въ Имперіи общей воинской повинности видно, что осуществленіе великой мысли Монарха сдѣлать защиту отечества общимъ дѣломъ народа, соединивъ на этомъ святомъ дѣлѣ всѣ званія и сословія, было, прежде всего, задачею труда тогдашняго военнаго министра Милютина. Изъ военнаго министерства вышли, такимъ образомъ, первоначальныя основанія реформы, «встрѣтившей,—по словамъ манифеста,—въ рус-

скихъ сердцахъ сочувственный отголосокъ и вызвавшей въ неподлежавшихъ рекрутскому сословію радостное желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ тягости военной службы, желаніе, принятое Державнымъ законодателемъ съ отраднымъ чувствомъ гордости и благоговѣйной признательности къ Провидѣнію, вручившему ему скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій». Можетъ ли, поэтому, военное министерство, въ лицѣ своего главы, замкнуться въ олимпійскомъ спокойствіи, когда на всю Россію оглашено, что его органы даютъ, сознательно и корыстно, возможность проявляться и внѣдряться постыднымъ явленіямъ, чуждымъ всему тому, что наполнило сердце незабвеннаго монарха гордостью и признательностью Провидѣнію за свой народъ? Имѣетъ ли право военный министръ предоставить личной иниціативѣ каждаго изъ этихъ органовъ безрезультатную борьбу противъ заявленія, которое не можетъ не волновать общество, указывая на вопіющую несправедливость и кладя порочащую тѣнь на осуществленіе дѣла, затрогивающаго законные интересы цѣлаго государства, ради которыхъ существуетъ и самое военное министерство? Онъ отвѣтственъ предъ высшею властью, представительницей русскаго народа, отвѣтственъ предъ священной памятью Творца общей воинской повинности, если *правда* все то, что напечатано объ общемъ характерѣ дѣятельности его подчиненныхъ органовъ на мѣстахъ осуществленія этой повинности; онъ и есть законный, естественный преслѣдователь виновныхъ, если это—*неправда*...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, обвинительный приговоръ Судебной Палаты, въ существѣ своемъ, подлежитъ утвержденію, а апелляціонный отзывъ—оставленію безъ послѣдствій. Обращаясь къ опредѣленію, на основаніи 1039 и 1044 ст. Улож. наказанія обвиняемому, необходимо принять во вниманіе, во-первыхъ, что въ статьѣ «Гражданина» нельзя усмотрѣть *личныхъ побужденій* нанести оскорбленіе и, во-вторыхъ, что законъ, исходя изъ того начала, что въ дѣлахъ о преступленіяхъ печати существенно важно признаніе *виновности* подсудимаго, какъ доставляющее удовлетвореніе оскорбленному торжественнымъ заявленіемъ суда о неосновательности брошеннаго обвиненія,—предоставляетъ суду, согласно 135 ст. Улож. смягчать наказаніе обвиняемому не только на двѣ, по ст. 774 Уст. угол. суд., но и на нѣсколько степеней, по его усмотрѣнію. Поэтому я полагаю подвергнуть кн. Мещерскаго наказанію по 3 степ. 39 ст. Улож. въ высшей мѣрѣ, т. е. въ размѣрѣ ареста на семь дней, по совокупности съ другимъ, состоявшимся о немъ приговоромъ по дѣлу Аристова.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ признать князя Владиміра Мещерскаго виновнымъ въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1039 Улож. и подлежащимъ за это нарушеніе законовъ о печати денежному взысканію въ сто пятьдесятъ рублей, подвергнувъ его по совокупности съ учиненнымъ имъ нарушеніемъ законовъ о печати же, по дѣлу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аристова, аресту на военной гауптвахтѣ на десять дней.

III.

По дѣлу земскаго начальника Харьковскаго уѣзда кандидата правъ Василія Протопопова, обвиняемаго въ преступленіяхъ по должности.

Протопоповъ былъ преданъ суду Харьковской Судебной Палаты по обвиненію въ томъ, что въ сентябрѣ 1890 года, въ Харьковскомъ уѣздѣ, онъ, при исполненіи обязанностей участковаго земскаго начальника: 1) грозилъ полицейскимъ городовымъ «бить морды», если не будутъ дѣлать ему чести; 2) на сельскомъ сходѣ грозилъ, если будетъ продолжаться шумъ, перебить половину собравшихся на сходъ крестьянъ, а крестьянамъ, которые будутъ обращаться съ жалобами и прошеніями, угрожалъ, что «жалобы будутъ на мордѣ, а прошенія — на задней части тѣла»; 3) на сельскомъ сходѣ объявилъ крестьянамъ, что каждаго, совершившаго похищеніе и неуважающаго родителей и старшихъ будетъ до суда жестоко бить; 4) ударилъ крестьянина Ворвуля за то, что тотъ, не замѣтивъ его, Протопопова, идущаго по площади, не снялъ передъ нимъ шапки; 5) арестовалъ крестьянина Слѣпущенко, безъ соблюденія правилъ и нанесъ ему же побои; 6) нанесъ побои крестьянину Сѣрому и арестовалъ его безъ соблюденія установленныхъ правилъ и 7) на сельскомъ сходѣ ударилъ палкою крестьянина Старченко.

На слѣдствіи, между прочимъ, выяснилось, что въ слободѣ Должикѣ, Харьковскаго уѣзда, 27-го сентября 1890 года, между крестьянами возникли безпорядки и сопротивленіе властямъ, продолжавшіеся до 5-го октября того же года. Для возстановленія порядка, помимо полицейскихъ мѣръ, были вызваны на мѣсто происшествія войска. Къ уголовной отвѣтственности за участіе въ этихъ безпорядкахъ были привлечены 18 крестьянъ, изъ которыхъ 14 приговоромъ Харьковской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, были признаны виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 263, 265 и 266 ст. Улож. о наказ. и присуждены къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу обнаружились разныя имѣвшія связь съ упомянутымъ дѣломъ, противозаконныя дѣйствія Протопопова по службѣ.

Въ то же время золочевскій купецъ Миронъ Сѣрый подалъ Харьковскимъ — губернатору и прокурору Окружного Суда жалобы на Протопопова за нанесеніе имъ побоевъ сыну просителя, Михаилу Сѣрому.

Харьковское губернское присутствіе, которому были сообщены жалобы Сѣраго и извлеченныя изъ слѣдственнаго производства свѣдѣнія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Протопопова, возбудивъ противъ него уголовное преслѣдованіе, передало дѣло судебному слѣдователю и въ результатѣ явилось преданіе Протопопова суду, по постановленію совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, за вышеупомянутыя преступленія.

На судебномъ слѣдствіи въ Палатѣ, Протопоповъ не призналъ себя виновнымъ ни въ одномъ изъ приписываемыхъ ему дѣяній, добавивъ, что онъ дѣйствительно побилъ Сѣраго и лишилъ его свободы, безъ составленія о томъ протокола, но это не можетъ быть вмѣнено ему въ вину, такъ какъ онъ былъ крайне возмущенъ поступкомъ Сѣраго, сильно избившаго крестьянина Забійворота, почему и не могъ сдержать своего порыва.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, которыя разобраны въ помѣщаемой ниже обвинительной рѣчи и сопоставивъ между собою противорѣчія показаній свидѣтелей, изъ коихъ нѣкоторые подтвердили свои разсказы судебному слѣдователю лишь послѣ того, какъ они были прочитаны, Харьковская Судебная Палата нашла, что судебнымъ слѣдствіемъ подтверждены во всѣхъ частяхъ обвиненія, предъявленныя къ Протопопову, котораго и приговорила къ исключенію изъ службы. Докладъ дѣла въ Палатѣ закончился сообщеніемъ формулярнаго списка Протопопова, изъ котораго видно, что онъ прослужилъ земскимъ начальникомъ только два съ половиною мѣсяца, и что раньше на службѣ нигдѣ не состоялъ.

На приговоръ Палаты Протопоповъ принесъ Правительствующему Сенату апелляціонную жалобу, которая и разсматривалась въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *23-го февраля 1893 года.*

Господа Сенаторы! Кандидатъ правъ и бывшій земскій начальникъ Харьковскаго уѣзда Протопоповъ жалуется на несправедливость приговора Судебной Палаты и съ фактической, и съ юридической точки зрѣнія. Неправильно истолковавъ понятія о превышеніи власти и о нарушеніи правилъ при лишеніи свободы въ примѣненіи къ *недоказаннымъ* обстоятельствамъ, Палата, по его заявленію, постановила крайне суровый приговоръ, разрушающій его служебную карьеру и не принимающій во вниманіе его молодость и неопытность. Поэтому прежде всего приходится обратиться къ *фактической* сторонѣ дѣла и взвѣсить степень доказанности вмѣненныхъ подсудимому въ вину обстоятельствъ. Протопоповъ, опредѣленный на должность земскаго начальника 1-го сентября 1890 года и вступившій въ нее 8-го сентября, 23-го ноября былъ уже отъ нея уволенъ. Намъ неизвѣстна вся его дѣятельность за этотъ кратковременный періодъ, но съ достовѣрностью можно сказать, что въ небольшой начальный промежутокъ ея, съ 8-го по 27-е сентября, въ теченіе всего 19 дней, подсудимый, въ кругу подвѣдомственныхъ ему мѣстностей, ознаменовалъ себя служебными дѣйствіями, энергическій характеръ которыхъ имѣлъ результатомъ

преданіе его, по постановленію совѣта министра внутреннихъ дѣлъ,— суду и тѣсно связанъ, какъ усматривается изъ того же постановленія и изъ показанія двухъ компетентныхъ свидѣтелей—управляющаго экономіею князя Голицына Бауера и начальника Харьковскаго жандармскаго управленія Вельбицкаго, съ безпорядками въ слободѣ Должикѣ, результатомъ коихъ были вызовъ войскъ для возстановленія порядка, судъ надъ 18-ю крестьянами этой слободы и присужденіе 10 изъ нихъ въ арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ правъ и 4-хъ къ содержанію въ тюрьмѣ. По личному мнѣнію подсудимаго, всѣ его дѣйствія носили отпечатокъ энергіи человѣка, вступившаго въ новую дѣятельность одушевленнымъ лучшими и самыми горячими желаніями искоренить безпорядки, накопившіеся въ послѣднія десятилѣтія. Иначе смотритъ на эти дѣйствія Харьковская Палата, усматривающая въ нихъ насиліе и злоупотребленіе властью. Средняго пути между этими двумя взглядами нѣтъ — и, по изученіи существа дѣла, я присоединяюсь не ко взгляду Протопопова, а ко взгляду Палаты.

Власть имѣетъ сама въ себѣ много привлекательнаго. Она даетъ облеченному ею сознаніе своей силы,—она выдѣляетъ его изъ среды безвластныхъ людей,—она создаетъ ему положеніе, съ которымъ надо считаться. Для самолюбія заманчива возможность приказывать, рѣшать, приводить въ исполненіе свою волю и, хотя бы въ очень узкой сферѣ, карать и миловать; для суетнаго самомнѣнія отраденъ видъ сдержанной тревоги, плохо скрытаго опасенія, искательныхъ и недоумѣвающихъ взоровъ... Поэтому люди, относящіеся серьезно къ идеѣ о власти, получая эту власть въ свои руки, обращаются съ нею осторожно,—а вызванные на проявленіе ея—въ благородномъ смущеніи призываютъ себѣ на память не только свои права, но также свои обязанности и нравственныя задачи. Но бываютъ и другіе люди. Обольщенные прежде всего созерцаніемъ себя во всеоружіи отмежеванной имъ власти,—они только о ней думаютъ и заботятся—и возбуждаются отъ сознанія своей относительной силы. Для нихъ власть обращается въ сладкій напитокъ, который быстро причиняетъ вредное для службы опьяненіе. Вино власти бросилось и въ голову Протопопову. Мы не знаемъ, что онъ думалъ о своей новой должности, когда возможность полученія ея впервые выросла передъ нимъ, не знаемъ и того, какъ готовился онъ къ ней со времени назначенія до дня вступленія,—но вступилъ онъ очевидно съ твердымъ представленіемъ, что ему надо проявить власть простѣйшимъ и, по его мнѣнію, не возбуждающимъ никакого сомнѣнія средствомъ. «Я всегда билъ и буду бить мужиковъ», заявлялъ онъ, по словамъ свидѣтеля Евсея Руденко. «При постоянномъ обращеніи съ народомъ исполненіе обязанности не можетъ не сопровождаться иногда рѣзкимъ словомъ, безъ чего и служба была бы невозможна», заявляетъ онъ самъ. Но прежде разбора отдѣльныхъ случаевъ его дѣятельности по водворенію по-

рядка—или, вѣрнѣе, по производству безпорядка во ввѣренномъ ему участкѣ, нужно замѣтить, что свидѣтели по дѣлу распадаются, какъ и всегда, на двѣ категоріи—свидѣтелей обвиненія и свидѣтелей оправданія. Но разнятся они между собою не только по значенію фактовъ, о которыхъ показываютъ, но и по личнымъ свойствамъ своимъ. Свидѣтели обвиненія — обыкновенные люди, память которыхъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе къ событію,— при чемъ показанія ихъ въ существѣ одинаковы и при слѣдствіи, и на судѣ, хотя между тѣмъ и другимъ прошло довольно много времени. Если нѣкоторые изъ нихъ, а именно городовые заштатнаго города Золочева—Борохъ и Семенъ Гладченко—и забываютъ на судѣ нѣкоторыя подробности, то стоитъ предъ ними прочесть первоначальныя ихъ показанія, какъ они ихъ тотчасъ и вполнѣ подтверждаютъ. Это тѣ свидѣтели «здраваго ума и твердой памяти», на которыхъ всегда спокойно можетъ опираться правосудіе. Иными свойствами обладаетъ большинство свидѣтелей, подтверждающихъ оправданія Протопопова. Память или совершенно измѣняетъ имъ на судѣ, такъ что они «ничего не помнятъ», или же, напротивъ, чрезвычайно просвѣтляется, обратно пропорціонально количеству времени, прошедшему отъ событія и отъ слѣдствія.

9-го сентября, Протопоповъ, на другой день вступленія въ должность, является въ Золочевъ и дѣлаетъ выговоръ двумъ городовымъ, не узнавшимъ въ немъ земскаго начальника, а затѣмъ приказываетъ старшему городовому Ивану Гладченко сказать имъ, что если они не будутъ вѣжливѣе, то онъ «будетъ бить имъ морды». Такъ опредѣляется имъ съ первыхъ же шаговъ внутреннее содержаніе и внѣшнее проявленіе своей власти по отношенію къ подчиненнымъ. Иванъ Гладченко, подтвердившій такое приказаніе у судебнаго слѣдователя, нынѣ отрицаетъ его, но получившіе его отъ него, Борохъ и Семенъ Гладченко, при всей своей сдержанности, не забыли, что именно такъ передалъ имъ приказаніе Протопопова старшій городовой. «Я говорю однимъ языкомъ, городовой другимъ, объясняетъ подсудимый, но оба мы имѣли въ виду сказать одно и то же». Но старшій городовой—не случайный и болтливый собесѣдникъ земскаго начальника, а подчиненный, получившій приказаніе сдѣлать внушеніе нижнимъ чинамъ и передающій слова начальства, конечно, безъ произвольныхъ варіантовъ. Поэтому, довѣряя его первому показанію, я вполнѣ соглашаюсь и съ подсудимымъ. Да, они оба «имѣли въ виду сказать одно и то же»—и сказали это. За внушеніемъ городовымъ надлежащаго страха слѣдуетъ приведеніе въ порядокъ, въ томъ же Золочевѣ, Ворвуля, который, «обернувшись» на призывъ подсудимаго «эй! рыжій — поди сюда!» и прервавъ разговоръ съ собесѣдникомъ, получилъ ударъ палкою по плечу, сопровождаемый ругательствомъ за то, что, стоя задомъ къ проходившему по площади Протопопову, не поклонился ему. Это подтвердилъ на судѣ

свидѣтель Лебединцевъ. Надзиратель Аксененко при слѣдствіи заявлялъ, что, стоя въ отдаленіи, видѣлъ лишь, какъ подсудимый грозилъ палкою Ворвулю. Свидѣтель Лебединцевъ, тоже стоявшій въ отдаленіи, видѣлъ, что подсудимый ударилъ Ворвуля, какъ ему показалось, три раза. Приходится, однако, повѣрить потерпѣвшему, что онъ получилъ лишь одинъ ударъ, при чемъ заблужденіе Лебединцева о числѣ ударовъ объясняется тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ Протопопова, онъ Ворвуля, «не ударилъ, а только жестикулировалъ его», что подтверждаетъ и Аксененко, говорящій, что «угрозы Протопопова скорѣе имѣли видъ жестикуляціи». Эта «жестикуляція» не безъ основанія могла быть принята Лебединцевымъ за удары, одинъ изъ которыхъ дѣйствительно и былъ полученъ Ворвулемъ. Интересное единство въ выраженіяхъ между подсудимымъ и Аксененко по поводу «жестикуляціи» нарушается, однако, когда дѣло идетъ о томъ, чѣмъ именно жестикулировалъ Протопоповъ. «Если бы во время выговора Ворвулю я даже и коснулся его *тоненькою тросточкою*, объясняетъ послѣдній, то нельзя же это считать ударомъ *палкою*». Къ сожалѣнію, тоненькая тросточка—не магическій жезлъ, прикосновеніе котораго не можетъ быть вмѣняемо въ вину, да и Аксененко—эта опора оправданій подсудимаго—говоритъ объ угрозахъ палкою...

Съ 24-го сентября неправильный взглядъ Протопопова на свою задачу принимаетъ особенно широкіе размѣры и проявляется съ крайнею рѣзкостью. Явившись на сходъ въ Золочевъ, гдѣ для выбора волостныхъ судей собрано было до тысячи человѣкъ, онъ приступаетъ къ объясненію этой толпѣ «значенія реформы». Приказавъ, согласно показанію свидѣтелей Завадскаго и Семена Гладченко, полицейскому «дать по мордѣ» мальчику, выглядывавшему въ шапкѣ изъ-за забора и сбить шапку,—Протопоповъ указалъ, по его словамъ, что крестьяне должны жить по-братски, избѣгая сутяжничества и столкновеній, оканчивающихся судомъ,—и, по единогласному удостовѣренію ряда допрошенныхъ палатою свидѣтелей, заявилъ требованіе, чтобы крестьяне не подавали ему жалобъ и прошеній, угрожая, что если они этому не подчинятся, то «всякая жалоба будетъ на мордѣ, а прошеніе на... задней части тѣла подающихъ». Когда при выборахъ судей посредствомъ выкрикиванія фамилій поднялся шумъ, Протопоповъ, выйдя изъ себя и стуча палкою по столу, началъ кричать сходу: «тише, а то я васъ половину перебью», что удостовѣряется свидѣтелями, чего и самъ онъ въ существѣ не отрицаетъ, объясняя, что когда ему удавалось прекратить шумъ не сразу, онъ раздражался и могъ произнести какую нибудь угрозу по адресу крестьянъ. Во время схода крестьянинъ Слѣпущенко, будучи хмѣльнымъ, сочувственно повторялъ народу слова подсудимаго и былъ за это, по приказанію послѣдняго, вполнѣ основательному, «удаленъ», «убранъ» или «арестованъ». Сила не въ томъ, въ какой редакціи было

дано это приказаніе:—нельзя же допускать пьяную и неумѣстную болтовню на сходѣ,—а сила въ томъ, что по окончаніи схода, какъ усматривается изъ показанія 7 свидѣтелей, Протопоповъ, проходя мимо арестантской или, какъ выражаются свидѣтели, «каютки» и услышавъ просьбы Слѣпущенко объ освобожденіи, велѣлъ его выпустить и кланявшагося въ ноги съ мольбою о прощеніи избилъ до крови кулаками и ногами, приказавъ снова посадить. Слѣпущенко просидѣлъ пять часовъ и протокола объ его арестѣ составлено не было. Оправдываясь по поводу послѣднихъ событій, подсудимый опирается на показанія надзирателя Аксененко, доктора Арефьева и городового Бороха. Съ характеромъ объясненій перваго мы уже знакомы, да и притомъ заявляя на судѣ, что онъ не слышалъ ничего о мѣстѣ, гдѣ окажутся у прибѣгающихъ къ помощи земскаго начальника прошенія и жалобы. Аксененко ссылается на свое показаніе на предварительномъ слѣдствіи, а тамъ онъ говорилъ, что не всегда былъ на мѣстѣ, гдѣ происходили объясненія подсудимаго со сходомъ.—Борохъ положительно не слышалъ угрозы сходу, а остальныхъ свидѣтелей Протопоповъ не почелъ за нужное объ этомъ распрашивать. Но вѣдь не шопотомъ же говорилъ онъ со сходомъ и, быть можетъ, отрицательныя показанія членовъ схода, стоявшихъ предъ подсудимымъ, сильнѣе убѣдили бы насъ въ томъ, что угрозъ не было, чѣмъ слова подначальнаго человѣка, городового Бороха. Остается врачъ Арефьевъ, гимназическій товарищъ Протопопова и другъ его по университету, находившійся при подсудимомъ во время разъѣздовъ по службѣ. Показаніе его пришло изъ далека, изъ Бреста, Гродненской губ., записано въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ («дверь была немного пріотворена, но я не слышалъ ударовъ, а слышалъ, что Протопоповъ будто толкнулъ Скрипку въ двери», говорится въ немъ) и дѣйствительно отрицаетъ произнесеніе подсудимымъ угрозъ и разъясненій о прошеніяхъ, побитіе Слѣпущенко и т. д. Но почтенное чувство дружбы и товарищества можетъ иногда невольно умалять въ нашихъ глазахъ рѣзкость образа дѣйствій друга, особливо когда наше показаніе противъ него могло бы положить большую гирю на чашу обвиненія. Тутъ и сожалѣніе, и боязнь повредить близкому человѣку, и разныя другія хорошія *личныя* чувства могутъ заслонять отъ насъ *общественную* обязанность не закрывать глаза на дѣянія неправаго. Наконецъ, можетъ возникать и боязнь упрека въ нравственной солидарности съ неодобрительными дѣйствіями товарища. Докторъ Арефьевъ ѣздилъ по волостямъ съ Протопоповымъ. Для чего? Конечно, не для подачи медицинскаго пособія, которое могло, пожалуй, оказаться нужнымъ при своеобразномъ взглядѣ подсудимаго на свои задачи. Изъ любопытства? Или для практическаго назиданія, имѣя намѣреніе самому пойти по служебнымъ стопамъ товарища? Но тогда какъ же можно было не вразумить друга, не напомнить ему объ уваженіи

къ человѣческому достоинству, не удержать чрезмѣрной энергіи, пожирающей новобранца съ вредомъ для него и для окружающихъ? Какъ быть просто любознательнымъ наблюдателемъ всего, что творилъ Протопоповъ съ 8-го по 27-е сентября? Отвѣтъ одинъ—этого ничего не творилось. Но рядъ свидѣтелей говоритъ, напротивъ, что творилось. Нуженъ выборъ. Палата, видѣвшая этихъ свидѣтелей во-очію, слышавшая ихъ показанія, данныя подъ присягою и подъ огнемъ перекрестнаго допроса,—вѣритъ имъ. Приходится и намъ имъ повѣрить.

За сходомъ въ Золочевѣ быстро слѣдуютъ остальныя происшествія, принявшія, по отношенію къ подсудимому, уголовную окраску. 25-го сентября къ нему пришелъ крестьянинъ Забійворота съ жалобою на сына крестьянина Мирона Сѣраго, нанесшаго ему побои. Лежащія на земскомъ начальникѣ обязанности прямо указываютъ на образъ дѣйствій, обязательный въ этомъ случаѣ. Его повидимому, и захотѣлъ держаться Протопоповъ. Онъ послалъ Забійворота къ врачу для освидѣтельствованія слѣдовъ побоевъ. Оставалось затѣмъ передать дѣло въ волостной судъ и наблюсти за скорымъ и справедливымъ рѣшеніемъ. Но 26-го сентбяря, собравшись ѣхать въ этотъ день въ Мироновку, Протопоповъ приказалъ привести въ волостное правленіе сына Сѣраго, чтобы, какъ онъ объясняетъ, «поговорить съ нимъ относительно его вчерашняго поступка». Очевидно, что для этого разговора нужно было дознать, какой именно изъ сыновей Сѣраго виновенъ въ этомъ поступкѣ, такъ какъ Забійворота не могъ назвать его по имени. Сначала хотѣли привести Игната, но посланный за нимъ сторожъ Олейниковъ выяснилъ, что виновнымъ могъ быть не Игнатъ, а Михаилъ Сѣрый. Отъ вторичной посылки уже за Михаиломъ и оттого, что онъ долженъ былъ запереть содержимую имъ гостинницу—произошло неизбѣжное промедленіе. Подсудимый объясняетъ, что Сѣрый, будто бы, выразилъ нежеланіе «идти къ начальнику», но судебнымъ слѣдствіемъ это ничѣмъ не подтверждено, а удостовѣрено лишь то, что при самомъ входѣ Сѣраго въ волостное правленіе Протопоповъ спросилъ его: «слыхалъ ли ты о новомъ законѣ?» и началъ его бить кулаками по лицу, говоря: «я васъ выучу по своему, чтобы вы знали новые порядки». Обученіе продолжалось четверть часа и при томъ такъ усердно, что не только лицо Сѣраго было разбито въ кровь, которая перепачкала и его одежду, но Протопоповъ не пожалѣлъ и собственныхъ рукъ, разбивъ себѣ на нихъ пальцы. Затѣмъ, безъ всякаго протокола Сѣрый былъ посаженъ въ карцеръ. Побоевъ Сѣрому не отрицаетъ и самъ подсудимый, только въ нихъ и сознаваясь. Это сознаніе было для него, впрочемъ, неизбѣжно, ибо вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ на сходъ въ Мироновку, гдѣ, по показанію 8 свидѣтелей, произнесъ рѣчь о томъ, что отнынѣ у крестьянъ не должно быть ни кражъ, ни неуваженія къ родителямъ и старшимъ, а если это будетъ продолжаться, то виновныхъ

онъ будетъ *до суда* жестоко бить и исколотитъ такъ, какъ *сейчасъ* поколотилъ одного богача въ Золочевѣ: «до сихъ поръ рука болитъ, перчатки снять невозможно!» Такимъ образомъ, опьяненіе ложнымъ взглядомъ на свою власть совершило свой кругъ. Начавшееся угрозами «побить морды» 9-го сентября—26-го сентября оно выражается уже въ похвальбѣ совершившимся въ этомъ смыслѣ фактомъ. Наконецъ, 27 числа подсудимый въ Должикѣ, на выборѣ волостныхъ судей. Когда предложеніе его идти въ церковь помолиться предъ выборами встрѣчаетъ заявленія, что собравшіеся были наканунѣ въ церкви, а крестьянинъ Старченко громко возражаетъ, что «нонче не праздникъ», то онъ, съ возгласомъ: «что, что?!» бросается на него, въ толпу, съ поднятою палкою. Это приводитъ толпу въ волненіе, ему кричатъ — «за что сунулись драться! ничего не разъяснили, а стали биться», раздаются крики — «бьютъ насъ, бьютъ! бей его!» — и начинаются безпорядки, которые, быстро разростаясь, продолжаются до 5-го октября, требуя призыва военной силы и вызывая строгій судебный приговоръ.

Подсудимый оправдывается тѣмъ, что народъ былъ вообще возстановленъ противъ власти земскихъ начальниковъ, что ходили слухи о предстоящемъ, будто-бы, возстановленіи крѣпостного права, что Сѣрый пользовался прежде, по своему вліянію, явною безнаказанностью, которой надо было положить предѣлъ. Я готовъ согласиться, что все это именно было такъ, что быть можетъ нужно было установить въ нѣкоторыхъ изъ обществъ, подвѣдомыхъ Протопопову, бóльшее благочиніе и согнуть выю какихъ нибудь міроѣдовъ подъ справедливое ярмо закона. Но этого слѣдовало достигнуть законными мѣрами и пріемами. Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. даетъ для этого средства. Оно вводитъ земскаго начальника въ близкое соприкосновеніе со всѣми сторонами сельской жизни, вооружаетъ его судебною и административною властью, даетъ ему контроль надъ мѣстными крестьянскими учрежденіями. Онъ можетъ судить виновнаго, онъ можетъ лишать свободы не исполняющаго его законныя требованія, онъ можетъ «бить его рублемъ», т. е. штрафовать. И твердое, но справедливое проявленіе такой власти, спокойное, неотвратимое и неизбѣжное, въ связи съ доброжелательнымъ и вѣрнымъ объясненіемъ новаго закона крестьянамъ, безъ сомнѣнія, сразу разсѣяло бы всѣ народные толки о немъ и произвело доброе дѣйствіе, замѣнивъ тревожные слухи ободрительными фактами. Какъ же поступаетъ Протопоповъ? «Горячія» рѣчи о необходимости мира и согласія онъ сопровождаетъ бранью и побоями, постоянно приходитъ въ такое состояніе, когда, по его же собственнымъ словамъ, «разсудокъ уступаетъ мѣсто раздраженію», грозитъ и хвалится этими дѣйствіями предъ смущенною и безъ того толпою, запрещаетъ прибѣгать къ себѣ за защитою нарушенныхъ правъ,

и вызываетъ, наконецъ, вѣрную оцѣнку своей системы въ упрекахъ этой толпы: «ничего не разъяснили, а начали биться». Вся извѣстная намъ по дѣлу дѣятельность его съ 8-го по 27-е сентября представляетъ нѣчто въ родѣ музыкальной фуги, въ которой звуки раздраженія и презрѣнія къ закону все расширяются и крѣпнутъ, постоянно повторяя одинъ и тотъ же начальный и основной мотивъ «побить морду». И этими-то средствами думалъ онъ внушить спокойствіе, уваженіе къ старшимъ и къ порядку, зная, что именно этихъ-то средствъ, о которыхъ ходили смутные и злые толки, и боялся тотъ народъ, съ которымъ ему нужно было стать въ близкія отношенія. Онъ думалъ внушить не опасеніе законной отвѣтственности, а просто житейскій страхъ. Но однимъ страхомъ, и только страхомъ, не поддерживается уваженіе и не создается спокойствіе. Имѣя возможность разсѣять ложные слухи о «новомъ законѣ», Протопоповъ, безразсудно относясь къ своей задачѣ и грубо-самонадѣянно къ области своей дѣятельности, такъ «по своему училъ новымъ порядкамъ», что усиливалъ волненіе, и предшествуемый правдивыми, къ сожалѣнію, слухами о своихъ подвигахъ, далъ въ Должикѣ окончательный толчекъ возродившимся безпорядкамъ. Кстати, я долженъ припомнить, что, по словамъ подсудимаго, свидѣтелямъ его поведенія въ Должикѣ нельзя довѣрять, ибо они всѣ были привлеченными къ суду за участіе въ безпорядкахъ. Это неправда. Изъ 8 свидѣтелей, допрошенныхъ по этому поводу, лишь двое — Чайка и Крапка — были въ числѣ привлеченныхъ. Поэтому надлежитъ признать, что фактическая сторона обвиненія доказана и что съ этой точки зрѣнія приговоръ Палаты долженъ быть утвержденъ.

Перехожу къ *юридической* сторонѣ дѣла. Протопоповъ признаетъ неправильнымъ примѣненіе къ нему 1 части 348 ст. Улож., говорящей о взятіи кого либо подъ стражу, хотя и по законнымъ, достойнымъ уваженія причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ. Палата усмотрѣла несоблюденіе этихъ правилъ въ отсутствіи установленныхъ ст. 61 Полож. о земскихъ участковыхъ начальникахъ протоколовъ объ арестованіи Слѣпущенко и Сѣраго. Подсудимый находитъ, что протоколъ по 61 ст. не есть постановленіе, ограждающее личную свободу, ибо онъ долженъ быть составляемъ и при наложеніи штрафа, а лишь простое письменное изложеніе приказа начальника объ арестованіи, для составленія котораго нѣтъ ни формы, ни срока; протоколъ этотъ не относится къ заключенію подъ стражу, о которомъ говорится въ 348 ст. Улож. и въ 187 ст. Правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ, а есть лишь результатъ наложенія дисциплинарнаго и притомъ дискреціоннаго взысканія, которое почитается, согласно 64 ст. Положенія, окончательнымъ и тотчасъ же приводится въ исполненіе. Но съ этими возраженіями никакъ нельзя согласиться. Въ ст. 61 совершенно точно сказано, что о каждомъ случаѣ ареста

до трехъ дней или денежнаго взысканія до шести рублей долженъ быть составленъ особый протоколъ. Содержаніе подъ стражею по ст. 348 Улож. имѣетъ въ виду всякаго рода мѣста заключенія, не исключая и волостного правленія, какъ это разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ еще въ 1871 и 1874 годахъ по дѣламъ Тарабанина и Казинцева, почему всякое арестованіе уполномоченнымъ лицомъ есть лишеніе свободы, соотвѣтствующее взятію подъ стражу. Несоставленіе протокола по 61 статьѣ прежде всего нарушаетъ права арестованнаго. Несомнѣнно, что онъ не можетъ жаловаться въ порядкѣ инстанцій на наложеніе взысканія по 61 ст., опровергая дѣйствительность оказаннаго имъ неисполненія законныхъ требованій земскаго начальника; но если это требованіе вовсе не было предъявлено или было въ явномъ противорѣчіи съ закономъ, не вытекало изъ правъ земскаго начальника и составляло превышеніе имъ власти, т. е. преступное со стороны его дѣйствіе, то арестованный имѣетъ точно также несомнѣнное право, на точномъ основаніи 66, 121, 132, 135 и 136 ст. Полож. о зем. начальн. и ст. 1085 Уст. угол. суд., обратиться къ начальству земскаго начальника — губернатору или губернскому присутствію съ жалобою или съ просьбою о вознагражденіи за вредъ и убытки. Для выясненія правильности этихъ жалобъ, для провѣрки при ревизіяхъ законности дѣйствій земскихъ начальниковъ и должны быть составляемы протоколы по 61 ст. Особой формы ихъ и не нужно. Она ясно указана содержаніемъ ст. 61. Протоколъ, очевидно, долженъ содержать въ себѣ изложеніе причинъ заарестованія, указаніе на то, какое именно требованіе не исполнено и опредѣленіе срока ареста или размѣра денежнаго взысканія. Онъ долженъ быть составленъ немедленно по наложеніи взысканія, въ первую свободную для того минуту. Безъ такого протокола не останется никакого слѣда распоряженія, не будетъ на лицо основанія для права жалобы на превышеніе власти, права, которое возникаетъ тотчасъ по отбытіи наказанія,—не будетъ и матеріала для надзора начальства и для ревизіи по ст. 66, 101 и 102 Положенія, которая можетъ наступить ежечасно. Предоставить земскому начальнику составлять такой протоколъ когда ему вздумается, не указывая для этого срока,—значитъ подвергать должностное лицо соблазну составлять такіе протоколы лишь при наступленіи ревизіи, по памяти, которая нерѣдко измѣняетъ людямъ, имѣющимъ сложныя обязанности; — значитъ, съ другой стороны, подвергать считающаго себя обиженнымъ соблазну прибѣгать къ лживымъ увѣреніямъ, что онъ безконтрольно и безслѣдно былъ засаженъ на бо́льшій срокъ, или уплатилъ бо́льшую сумму взысканія, чѣмъ разрѣшаетъ законъ. Ссылка на 187 ст. Правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ—не представляется убѣдительною для подтвержденія той мысли, что только постановленіе о протоколахъ по той статьѣ служитъ для огражденія правъ арестуемаго. И эта 187 ст. и ст. 430 Уст. угол.

суд. говорятъ объ арестованіи не наказаннаго, а лишь обвиняемаго. Если обвиняемому разрѣшается жаловаться на неосновательность его арестованія по ст. 422 Правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ и ст. 491 Уст. угол. суд. и, конечно, на незаконность этого арестованія, то не можетъ же послѣднее право быть отнято у наказаннаго. На этой почвѣ могли бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, развиться злоупотребленія и со стороны тѣхъ, кто подвергаетъ аресту и со стороны тѣхъ, кто фактически осуществляетъ этотъ арестъ. А чтобы оставить это право жалобы—законъ требуетъ составленія протокола по 61 ст. Не убѣждаетъ меня и ссылка на то, что наказаніе по 61 ст. есть дисциплинарное взысканіе. Во-первыхъ, это взысканіе, только болѣе мягкое и не требующее формальнаго производства, за нарушенія вовсе не дисциплинарнаго характера, а въ сущности предусмотрѣнное 29 ст. Мирового Устава,—а во-вторыхъ, и дисциплинарное наказаніе налагается не безслѣдно. Если бы предсѣдатель суда арестовалъ кого нибудь изъ публики на сутки, по ст. 155 Учр. суд. уст. или оберъ-прокуроръ подвергъ чиновника канцеляріи аресту на семь дней по 262 и 267 ст. того же Учрежденія такъ, просто, на словахъ, не отдавъ письменнаго приказа, съ указаніемъ причины и срока арестованія, онъ подлежалъ бы, по моему мнѣнію, уголовной отвѣственности по I ч. 348 ст. Улож.

Поэтому Протопоповъ, не составившій послѣ схода въ Золочевѣ протоколовъ объ арестованіи Слѣпущенко и затѣмъ объ арестованіи Сѣраго—во всякомъ случаѣ нарушилъ 348 ст. Улож. и притомъ безъ всякаго къ тому повода. Я допускаю, что земскій начальникъ, присутствуя во время выборовъ на сходѣ и вынужденный арестовать нарушителя порядка, можетъ не имѣть времени писать протоколъ, подобно тому, какъ предсѣдатель, арестуя, во время судебнаго засѣданія такого нарушителя, не можетъ прерывать, для писанія постановленія, судебнаго слѣдствія или, въ особенности, преній, — но затѣмъ, освободясь отъ присутствованія, требующаго непрерывности, оба они *должны* оформить свое распоряженіе. И подсудимый поступилъ бы болѣе правильно и законно, если бы посвятилъ хоть частицу того времени, въ теченіе котораго онъ утруждалъ себя нанесеніемъ побоевъ Сѣрому и Слѣпущенко, на написаніе приказовъ объ ихъ арестованіи. Ему не слѣдовало бы жаловаться на эту часть приговора. Прокуратура и Палата отнеслись къ нему мягко и онъ подвергнутъ слабѣйшему изъ всѣхъ наказаній по 1 ч. 348 ст.—строгому замѣчанію, тогда какъ онъ могъ быть, по моему мнѣнію, обвиняемъ прокуратурою, отъ которой зависитъ, согласно 1096 ст. Уст. угол. суд. и рѣшенія Сената по дѣлу Алексѣева 1880 г. за № 36, — квалификація преступныхъ дѣяній должностныхъ лицъ, по 2 ч. 348 ст., подвергающей виновнаго въ арестованіи кого-либо, безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, наказанію какъ за противозаконное ли-

шеніе свободы,—гораздо болѣе строгому, чѣмъ замѣчаніе. Онъ ничѣмъ не доказалъ, чтобы имъ было предъявлено Сѣрому законное требованіе, которое Сѣрымъ не было исполнено—и, слѣдовательно, не доказалъ, что имѣлъ достойныя уваженія причины для примѣненія къ нему 61 ст. Полож. о земск. начальн. Я не хочу сказать этимъ, что по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, къ подсудимому неправильно примѣнена первая часть ст. 348 Улож.,—но думаю указать этимъ какъ преувеличены жалобы Протопопова на чрезмѣрную суровость приговора.

Обращаюсь къ обвиненію въ *превышеніи власти*. Казалось бы, что о немъ не можетъ быть и спора. Что такое всѣ судимыя дѣянія Протопопова, во всей своей совокупности, какъ не одно сплошное превышеніе имъ ввѣренной ему власти?! Законъ не можетъ предусмотрѣть заранѣе всѣхъ разнообразныхъ способовъ и случаевъ злоупотребленія чиновникомъ своими правами. Это злоупотребленіе обусловливается мѣстомъ и временемъ. По существу своему административная дѣятельность объемлетъ такія разнообразныя стороны практической жизни, такъ живо и близко соприкасается со всѣмя ея сторонами, что законодатель никогда не могъ бы выполнить удовлетворительно задачу, рѣшивъ заранѣе перечислить всевозможные случаи превышенія власти въ области административныхъ дѣйствій. Потребности и условія жизни быстро растутъ, видоизмѣняясь и развиваясь, а законъ вырабатывается съ осторожною оглядкою и вдумчивостью. Онъ лишенъ возможности заранѣе отмѣтить *все*, что можетъ сдѣлать органъ власти,—но онъ даетъ ему, въ рядѣ своихъ постановленій, общія руководящія начала и основныя правила дѣятельности, онъ вручаетъ ему своего рода компасъ, который всегда и при всѣхъ условіяхъ указываетъ *гдѣ сѣверъ* и какъ надо направлять свой путь. Поэтому и наше Улож. о наказ. въ общей главѣ о превышеніи власти и о противозаконномъ ея бездѣйствіи, перечисляя въ ст. 344—350 отдѣльные, точно обозначенные случаи превышенія власти, вовсе не упоминаетъ о таковыхъ же случаяхъ бездѣйствія, а въ ст. 338 по 343, опредѣливъ общія понятія и условія превышенія и бездѣйствія власти, назначаетъ за то и другое, смотря по обстоятельствамъ и послѣдствіямъ, различныя наказанія. Должностное лицо признается, говоритъ между прочимъ ст. 338 Улож., превысившимъ власть ему ввѣренную, когда, выступивъ изъ предѣловъ и круга дѣйствій, предписанныхъ ему по званію или должности, учинитъ что либо въ отмѣну или *вопреки* существующихъ узаконеній, или предпишетъ, или приметъ мѣру, которую могъ бы установить лишь новый законъ и т. д. Дѣйствуй по закону, а не вопреки ему, говоритъ эта статья чиновнику, не присвоивай себѣ права, принадлежащаго лишь власти законодательной, но если ты находишь нужнымъ сдѣлать какое нибудь распоряженіе, на которое у тебя нѣтъ прямого уполномочія отъ твоего высшаго началь-

ства, то испроси таковое, а не дѣйствуй съ самонадѣянным самоволіемъ. Это требованіе съ достаточною полнотою указываетъ на образъ поведенія должностного лица, ставя основаніемъ ему законъ или основанное на законѣ же разрѣшеніе высшаго начальства. Съ достаточною полнотою—потому, что невѣдѣніемъ закона, на основаніи 62 ст. законовъ основныхъ и 99 ст. Улож. о наказ. никто отговариваться не можетъ, что чиновники приносятъ, на основ. 714 ст. Уст. о службѣ гражд., присягу «исправлять свою должность по существующимъ Уставамъ и Учрежденіямъ», и что наконецъ, по ст. 715 того же Устава, «всякій служащій долженъ поставить себѣ въ непремѣнную обязанность вѣдать законы и Уставы государственные», не простирая, какъ говорится въ ст. 717, «своей власти за предѣлы, предназначенные ей закономъ»,—который долженъ быть исполняемъ безъ «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій». Вотъ почему совершенно справедливо составители нашего новаго Уложенія признаютъ, что превышеніе власти, предусмотрѣнное 338 и 341 ст. настоящаго Уложенія, соотвѣтствуетъ превышенію полномочій, присвоеніемъ себѣ власти законодателя,—вотъ почему Уголовный Кассаціонный Департаментъ еще въ 1870 г., въ рѣшеніи по дѣлу Егорова, № 377, высказалъ, что нарушеніе основныхъ формъ и обрядовъ, установленныхъ для дѣятельности должностного лица, есть превышеніе власти, предусмотрѣнное 338 ст. Улож. А что, какъ не рядъ дѣйствій, вопреки закону и съ нарушеніемъ всякихъ допустимыхъ закономъ пріемовъ и формъ, представляютъ всѣ мѣры, которыми знакомилъ съ «новыми порядками» крестьянъ Протопоповъ? Эти мѣры выросли какъ сильные и быстрые побѣги изъ бывшей ихъ зерномъ мысли, что для водворенія того, что подсудимый называлъ *порядкомъ*, никакой законъ не писанъ, никакая власть не имѣетъ предѣловъ въ своемъ усмотрѣніи. Но мысль эта ложная и опровергается цѣлью изданія Положенія объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. Этотъ законъ вызванъ, какъ то выражено въ именномъ Высочайшемъ указѣ Сенату, одною изъ главныхъ причинъ, затрудняющихъ правильное развитіе благосостоянія въ сельскомъ населеніи Россіи, состоящею въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, соединяющей попечительство надъ сельскими обывателями съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Положеніе о земскихъ начальникахъ должно, по мысли закона, «устранить этотъ недостатокъ и поставить мѣстную власть въ подобающее ей и согласное съ пользою государства положеніе». Поэтому, самъ нарушая благочиніе, которое онъ былъ призванъ охранять, вызывая въ имѣющихъ съ собою дѣло людяхъ опасеніе за свою безопасность,—нарушая ихъ права побоями, бранью и угрозами,—подсудимый кореннымъ образомъ искажалъ идею и задачу *учрежденія*, которому онъ служилъ

и превышалъ, дѣйствуя *вопреки* существующимъ *узаконеніямъ* и *уставамъ,* свою власть, создавая себѣ не подобающее и не согласное съ пользою государства положеніе.

Однимъ изъ выдающихся проявленій наличности превышенія власти въ дѣйствіяхъ подсудимаго является приказаніе его не смѣть подавать ему прошеній и жалобъ, сопровождаемое угрозою принимать ихъ «на мордѣ» и «на задней части тѣла». Оно сдѣлано на сходѣ, при разъясненіи собравшимся крестьянамъ новаго закона, сдѣлано лицомъ, прибывшимъ какъ представитель ново-установленной власти, права и обязанности котораго темному люду не могутъ быть въ точности извѣстны. Поэтому это не пустая и не простая угроза. Это есть предвареніе, подъ угрозою беззаконной расправы, о томъ, что пользованіе правомъ жаловаться, искать защиты у власти—отнынѣ въ участкѣ подсудимаго осуществленію не подлежитъ. Внушеніе сдѣлано властью опредѣленно и вразумительно—и притомъ человѣкомъ, который доказалъ уже и которому предстояло тотчасъ же опять доказать, что онъ шутить не любитъ и что выраженіе о мордѣ не одна лишь метафора,—человѣкомъ, который и въ апелляціи своей говоритъ о произнесеніи «довольно рѣзкихъ» рѣчей съ цѣлью показать, что онъ не изъ тѣхъ начальниковъ, распоряженія которыхъ могутъ быть не исполняемы и который упрекаетъ Сѣраго въ томъ, что тотъ сразу подаетъ жалобы губернатору, прокурору и въ Уѣздный Съѣздъ на побои, имѣетъ намѣреніе жаловаться министру и лишь сознавъ, что въ земскомъ начальникѣ можно нажить «опаснаго врага», начинаетъ дѣйствовать другимъ путемъ. Поэтому Судебная Палата совершенно правильно признала это внушеніе приказаніемъ, составляющимъ преступленіе, предусмотрѣнное 1 ч. 341 ст. Улож. Такое приказаніе было распоряженіемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ прямыми обязанностями земскаго начальника.

По ст. 54 Полож. онъ обязанъ принимать словесныя и письменныя просьбы всегда и вездѣ. Не говоря уже о прошеніяхъ и жалобахъ, которыя подаются ему какъ судьѣ, и случаи подачи которыхъ, такъ сказать, разсыпаны по всѣмъ «правиламъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ», онъ долженъ, какъ попечитель о нуждахъ сельскихъ обывателей, принимать жалобы—по 26 ст. Полож. неправильно избранныхъ на должности крестьянъ, по 28 статьѣ—на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленій, по 33 ст.—на отказы въ надѣлахъ малолѣтнимъ и продажу ихъ имущества, по 34 ст.—на приговоры сельскихъ обществъ объ удаленіи порочныхъ членовъ и непринятіи опороченныхъ судомъ въ свою среду и по 38 ст.—на дѣйствія опекуновъ малолѣтнихъ крестьянъ. Нужно ли говорить о значеніи, которое могутъ имѣть эти жалобы и для жалобщика, и для надзирающей инстанціи, въ лицѣ Уѣзднаго Съѣзда, и для общественнаго порядка? Достаточно вспомнить, что постановленія,

о которыхъ говорится въ 34 ст.—суть прямыя послѣдствія 48 и 49 ст. Улож. о наказ., и что ими опредѣляется, въ значительной мѣрѣ, дальнѣйшая судьба жалобщика, а обязанность прислушиваться къ жалобамъ на обиду малолѣтнихъ касается одного изъ очень больныхъ мѣстъ нашего сельскаго быта. Наконецъ, по праву надзора за дѣятельностью волостного суда, земскій начальникъ обязанъ принимать, по ст. 30, жалобы на рѣшенія этого суда и по 31—представлять Уѣздному Съѣзду жалобы на приговоры о тѣлесномъ наказаніи. Послѣднія жалобы при обсужденіи закона о земскихъ начальникахъ были предметомъ особаго разсужденія и предположеніе предоставить право принесенія ихъ лишь совершеннолѣтнимъ было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ въ виду исключительнаго характера этого наказанія, требующаго возможной осмотрительности и того, что, благодаря вліянію школы, уровень умственнаго развитія крестьянской молодежи значительно повысился, а съ тѣмъ вмѣстѣ развилось въ ней и чувство собственнаго достоинства. Приказаніе не подавать всѣхъ этихъ жалобъ, ставя преграду между Уѣзднымъ Съѣздомъ и населеніемъ, освобождая подсудимаго отъ значительной части обязательнаго труда, придавая законному праву жаловаться характеръ личнаго противодѣйствія желанію земскаго начальника,—было въ сущности отказомъ въ правосудіи, а отказъ этотъ, по смыслу 13 ст. Уст. угол. суд., касается по 341—343 ст. Улож. о наказ. Поэтому присужденіе Протопопова къ законной отвѣтственности за превышеніе власти является, по моему мнѣнію, справедливымъ.

Остается сказать объ указаніяхъ на суровость приговора, выразившуюся въ исключеніи подсудимаго изъ службы. Палата не приняла во вниманіе объясненій Протопопова о своей *молодости*... И правильно сдѣлала! По закону земскимъ начальникомъ можно быть съ 25 лѣтъ, какъ и мировымъ судьею, судебнымъ слѣдователемъ и присяжнымъ засѣдателемъ. Этотъ возрастъ обезпечиваетъ извѣстный житейскій опытъ, вдумчивость и выдержку, необходимые для того, чтобы пользоваться властью, проявленіе которой отражается на судьбѣ другихъ людей. Протопоповъ на пять лѣтъ—ему было въ 1890 году 30 лѣтъ—ушелъ впередъ отъ этого срока. Когда же признаетъ онъ себя зрѣлымъ человѣкомъ, считая тридцатилѣтній возрастъ еще такимъ, къ которому примѣнимо мѣрило, созданное жизнію для молодости, смотрящей на все неопытными, отуманенными легкомысленною радостью существованія, глазами? Не менѣе неосновательна и ссылка его на новизну дѣла и незнаніе чѣмъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ. Приступая къ новому дѣлу по собственному желанію, онъ долженъ былъ изучить законъ, который считалъ себя призваннымъ исполнять. Законъ этотъ очень не великъ. На подробнѣйшее изученіе по нему своихъ правъ и обязанностей достаточно одной недѣли. Да и содержаніе его въ большей части ничего новаго не представляетъ для того, кто вы-

держалъ экзаменъ изъ Уголовнаго и Гражданскаго Судопроизводства и долженъ былъ знать, что такое Мировой Уставъ и Уложеніе о наказаніяхъ. Характерныя стороны народнаго быта тоже должны быть извѣстны подсудимому. Онъ мѣстный помѣщикъ,—а, слѣдовательно, знакомъ съ народомъ не изъ книжекъ. Не помѣшала же новизна дѣла мировымъ посредникамъ перваго призыва съ честью и безупречно исполнить свои обязанности.

Протопоповъ ссылается на то, что приговоръ Палаты уничтожаетъ его права на дальнѣйшую службу. Такимъ образомъ пропали годы его университетскаго ученія и преимущества, даваемыя степенью кандидата правъ! Да,—пропали! Это грустно, но заслужено. Напрасно ищетъ онъ въ ссылкѣ на свои университетскіе годы основаніе для особаго снисхожденія. Своею дѣятельностью онъ доказалъ, что они прошли для него безслѣдно. Студентъ обязанъ выносить изъ университета не одинъ багажъ систематизированныхъ свѣдѣній, но и нравственные завѣты, которые почерпаются въ источникѣ добра, правды и серьезнаго знанія, называемомъ наукою; эти завѣты и въ концѣ жизни свѣтятъ студенту и умиляютъ его при мысли объ университетѣ. Наука о правѣ въ своихъ обширныхъ развѣтвленіяхъ вездѣ говоритъ о началахъ справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Поэтому тотъ, кто черезъ годъ съ небольшимъ по окончаніи курса бросилъ эти завѣты и начала, какъ излишнее и непрактичное бремя,—кто, вмѣсто благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвѣщеніе народа, со смиреннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности предъ закономъ,—вмѣнилъ спасительныя указанія этого закона въ ничто, напрасно ссылается на свой дипломъ. Званіе кандидата правъ обращается въ пустой звукъ по отношенію къ человѣку, дѣйствія котораго обличаютъ въ немъ *кандидата безправія*. Лишены значенія и указанія аппеляціи на третировку имени подсудимаго неразборчивымъ общественнымъ мнѣніемъ, и совѣты суду, не прислушиваться къ этому мнѣнію, а просвѣщать его. Общественное мнѣніе дѣйствительно было бы очень не разборчиво, если бы его не смущалъ образъ дѣйствій Протопопова и если бы оно находило его заурядным и не стоющимъ вниманія явленіемъ. Суду не слѣдуетъ служить органомъ общественнаго мнѣнія, которое бываетъ измѣнчиво и слагается иногда случайно, подъ слишкомъ разнородными и неуловимыми вліяніями. Но судъ, оставаясь живымъ организмомъ, а не мертвымъ механизмомъ, не можетъ не отражать въ своемъ приговорѣ голоса общественной совѣсти, которая выражается и въ твердомъ словѣ закона, и въ проникающемъ этотъ законъ духѣ. И если предъ судомъ есть доказанное обстоятельство, оскорбляющее *такую* совѣсть,—судъ исполняетъ свою обязанность, произнося слово осужденія безъ той ложной чувствительности, за которою столь часто скрывается черствое равнодушіе къ положенію потерпѣвшихъ.

Подсудимый настаиваетъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ приговора Палаты во всѣхъ частяхъ, кромѣ одной, и объ открытіи ему вновь дверей государственной службы. Будучи въ настоящемъ дѣлѣ прокуроромъ апелляціоннаго суда,—т. е. представителемъ обвинительной власти,—я выражаю надежду, что Правительствующій Сенатъ оставитъ приговоръ Палаты въ силѣ, а ходатайство подсудимаго безъ послѣдствій. Уставъ о службѣ гражданской т. III св. зак. опредѣляетъ въ ст. 712 «общія качества должностного лица и общія обязанности, которыя должны быть всегда зерцаломъ всѣхъ его поступковъ». Къ нимъ принадлежатъ: здравый разсудокъ, человѣколюбіе, радѣніе о должности, правый и равный судъ всякому состоянію и т. д. Мы видѣли, какъ часто гнѣвъ потемнялъ здравый разсудокъ подсудимаго,—мы знакомы съ характерными способами выраженія имъ своего *человѣколюбія*,—мы знаемъ, какъ радѣніе о должности обращалось у него въ радѣніе о своей власти,—намъ извѣстно, *какъ* облегчалъ онъ обращеніе къ своему правому и равному суду... Онъ не можетъ безъ опасенія причиненія дальнѣйшаго вреда поручаемому ему дѣлу оставаться матросомъ на кораблѣ государственной службы. Его слѣдуетъ высадить за бортъ—и когда онъ, предавшись частной жизни, сольется съ массою людей, не имѣющихъ никакой власти—онъ взглянетъ на послѣднюю снизу вверхъ и, вѣроятно, пойметъ, какъ дурно для другихъ и опасно для себя распоряжался онъ тою властью, которая была ему, съ довѣріемъ, дана...

Правительствующій Сенатъ утвердилъ обвинительный приговоръ Судебной Палаты.

КАССАЦІОННЫЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

I.

По дѣлу Парфенова, обвиняемаго по 1554 ст. Уложенія. (Раскольничій бракъ и многобрачіе).

27-го сентября 1893 года Московская Судебная Палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсмотрѣла дѣло мѣщанина Парфенова по обвиненію въ томъ, что состоя съ 13-го мая 1883 года въ бракѣ съ Суконщиковой, заключенномъ по раскольничьему, безпоповщинскому обряду и записанномъ въ надлежащую метрическую книгу, 20-го іюля 1892 года, по принятіи имъ православія, вступилъ въ новый бракъ съ крестьянкой Кутилиной, обвѣнчавшись съ нею въ Москвѣ, въ церкви исправительной тюрьмы, при чемъ скрылъ свой первый бракъ — и признавъ Парфенова виновнымъ, на основаніи 2 отд. 1554 ст., а также 2 степ. 20 ст. Улож. о наказ. приговорила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе въ не столь отдаленныя мѣста Сибири, съ преданіемъ церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства.

На этотъ приговоръ подана была присяжнымъ повѣреннымъ Розенблюмомъ кассаціонная жалоба, въ которой указывается, что ст. 1554 Улож. о наказ. предусматриваетъ вступленіе во второй бракъ при существованіи перваго брака, совершеннаго по обрядамъ православной церкви, и строгость наказанія въ этомъ случаѣ обусловливается нарушеніемъ брака, освященнаго церковью и признаваемаго, по ученію церкви, таинствомъ. Важное значеніе религіознаго элемента брака въ глазахъ закона видно изъ сопоставленія 1554 ст. со ст. 1558 Улож. о наказ., карающихъ совершенно различно двоеженство у христіанъ и у не-христіанъ. Несправедливо, поэтому, и несогласно съ духомъ закона подвергать одинаковому наказанію за нарушеніе брака, освященнаго церковью, и брака раскольничьяго, совершаемаго посредствомъ записи въ полицейскія книги. До изданія закона 19-го апрѣля 1874 года о бракахъ раскольниковъ, браки эти совершенно не признавались закономъ. Но этотъ законъ, урегулировавшій гражданскія семейныя отношенія раскольниковъ, не имѣлъ конечно въ виду уровнять религіозное значеніе раскольничьяго брака съ бракомъ, освя-

щеннымъ церковью. Въ силу ст. 8 Правилъ 19-го апрѣля 1874 года, при записи браковъ раскольниковъ въ полицейскія книги никакихъ удостовѣреній о предварительномъ совершеніи какихъ-либо раскольничьихъ брачныхъ обрядовъ не требуется; очевидно законъ придаетъ раскольничьему браку лишь значеніе исключительно *гражданскаго брака*, а отсюда ясно, что примѣненіе къ нарушенію раскольничьяго брака строгой кары, назначенной по 1554 ст., противно истинному смыслу закона. Развивая подробно это положеніе, прис. пов. Розенблюмъ находитъ, что въ виду неопредѣленности закона, къ данному случаю, по аналогіи, могла быть примѣнена лишь ст. 1558 Улож., а никакъ не 1554 того же Уложенія. Еще болѣе неправильно примѣненіе къ Парфенову 2 части 1554 ст., въ силу которой необходимо, чтобы было доказано, что лицо, обязанное прежнимъ супружествомъ, скрыло это для вступленія въ новый противозаконный бракъ и объявило себя свободнымъ, слѣдовательно, одного умолчанія недостаточно, а необходимо положительное дѣйствіе.

По общему правилу, преступленіе наказуемо при наличности злого, преступнаго умысла и это особенно важно въ настоящемъ дѣлѣ, въ виду заявленія подсудимаго, что онъ не объявилъ о первомъ бракѣ потому, что по присоединеніи къ православію онъ считалъ этотъ бракъ ничтожнымъ, изъ приговора же Палаты не видно, признала ли она это объясненіе обвиняемаго не существеннымъ или отвергла его какъ несогласное съ обстоятельствами дѣла. Изъ приговора даже не видно, въ чемъ именно усмотрѣно *скрытіе* перваго брака, не установлено даже того, чтобы подсудимаго спрашивали о существованіи другого брака.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Угол. Касс. Департамента Правительствующаго Сената *11-го октября 1894 года.*

Подлежащее разрѣшенію Правительствующаго Сената дѣло представляется весьма серьезнымъ по существу и значенію возникающаго въ немъ бытового и правоваго вопроса, впервые въ судебной практикѣ поставленнаго прямо и категорически. Первое и существенное указаніе кассаціонной жалобы возбуждаетъ вопросъ о томъ, что такое *бракъ раскольниковъ* и каково его юридическое и нравственное значеніе? Знаменуетъ ли такой бракъ *семейный союзъ*, направленный къ охраненію общественнаго порядка и нравственности, или же онъ—простое *блудное сожитіе*, послѣдствія котораго предусмотрѣны въ 994 ст. Улож. о наказ.? Опредѣленіями и указами подлежащихъ властей и учрежденій, состоявшимися въ 1808, 1826—1834, 1840 и 1852 годахъ браки раскольниковъ между собою были изъяты изъ разбирательствъ духовныхъ и гражданскихъ начальствъ, при чемъ такіе браки, вѣнчанные внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, не признавались за законные, а за сопряженія любодѣйныя, почему къ дѣтямъ отъ нихъ не прилагались гражданскіе законы о наслѣдствѣ и самыя дѣти считались законными лишь послѣ своего присоединенія къ православію или единовѣрію при жизни родителей, вмѣстѣ съ однимъ изъ нихъ или послѣ смерти одного изъ нихъ. Такое непри-

знаніе супружескихъ союзовъ между раскольниками, выводя ихъ семейный бытъ изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ, открывало, какъ то было признано временнымъ комитетомъ, Высочайше учрежденнымъ въ 1864 г. подъ предсѣдательствомъ графа Панина, — обширное поле своеволію и ничѣмъ не сдержанному разгулу страстей, губительно дѣйствующему на нравы. Поэтому возникло предположеніе привести раскольниковъ къ болѣе нормальнымъ и болѣе согласнымъ съ началами государственнаго благоустройства условіямъ семейной жизни путемъ заведенія особыхъ книгъ, въ которыя вписывались бы случаи рожденія и смерти раскольниковъ и супружества между ними, съ тѣмъ, чтобы супружескіе союзы, записанные опредѣленнымъ порядкомъ въ эти книги, считались не подлежащими оспариванію. Послѣдствіемъ всесторонняго обсужденія этихъ предположеній въ Государственномъ Совѣтѣ явился законъ 19-го апрѣля 1874 г., въ силу котораго, на основаніи 78 ст. X т. ч. 1, браки раскольниковъ, записанные въ метрическія книги, установленныя приложеніемъ къ 1093 ст. законовъ о состояніяхъ, пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи силу и послѣдствія законнаго брака, т.-е. тѣ послѣдствія относительно законности рожденія дѣтей и права ихъ на наслѣдованіе по закону, которыя указаны въ 119, 120, 1121 и 1127 ст. X т. ч. 1 Зак. Гражд. И такъ—это есть бракъ и бракъ законный.

Но если бракъ раскольниковъ, записанный въ метрическія книги, есть бракъ законный, то, въ виду способа закрѣпленія его передъ лицомъ гражданскаго начальства, не есть ли онъ такъ-называемый *гражданскій бракъ*, какъ то утверждаетъ повѣренный жалобщика? Этотъ бракъ, говоритъ онъ, совершается посредствомъ записи въ полицейскія книги и законъ, конечно, не имѣя въ виду уравнивать религіозное значеніе его съ бракомъ, освященнымъ церковью, очевидно, придаетъ ему особое значеніе, значеніе гражданскаго брака. Съ несомнѣнностью и очевидностью такого вывода дозволительно, однакоже, не согласиться. Прежде всего бракъ раскольниковъ совершается вовсе не записью въ метрическія книги. Онъ ею лишь узаконяется. Законъ въ ст. 78 X т. ч. 1 прямо говоритъ, что бракъ раскольниковъ чрезъ записаніе въ метрическія книги пріобрѣтаетъ силу и послѣдствія законнаго брака, при чемъ запись эта доказываетъ самое существованіе брака,—а ст. 11 и 13 правилъ о метрической записи браковъ въ т. IX говорятъ о «раскольникѣ, желающемъ, чтобы бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу», и о лицахъ, «имѣющихъ свѣдѣнія о препятствіяхъ къ записи брака въ метрическую книгу». При обсужденіи проекта закона 19-го апрѣля 1874 г. было высказано, что установленіе брака исключительно гражданскаго не соотвѣтствовало бы духу нашего законодательства, которое всегда признавало брачный союзъ союзомъ по преимуществу духовнымъ, распространяя силу этого основного правила на всѣхъ вообще под-

данныхъ имперіи. Поэтому, если обрядамъ раскольниковъ и не можетъ быть присвоено одинаковое значеніе съ обрядами не только православной церкви, но и другихъ признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, а потому необходимо требовать для узаконенія раскольничьихъ браковъ соблюденія особой формальности, *имѣющей видъ* гражданскаго акта, то по весьма важнымъ нравственнымъ уваженіямъ нельзя считать желательнымъ, чтобы раскольники ограничивались, при вступленіи въ бракъ, исполненіемъ лишь означенной формальности безъ какого-либо духовнаго обряда и низводили такимъ образомъ брачный союзъ свой до значенія простого контракта, требующаго лишь явки въ полицейское управленіе. Вслѣдствіе этихъ соображеній Государственный Совѣтъ полагалъ, устраняя вполнѣ вмѣшательство власти въ богослуженіе и обряды раскольниковъ, выразить въ новомъ законѣ ту общую мысль, что гражданскій актъ усвоиваетъ юридическую силу лишь такому союзу мужа съ женою, которому они положили нравственную основу молитвою и испрошеніемъ у Бога благословенія по правиламъ своего вѣрованія.—Вотъ какое значеніе и смыслъ имѣетъ выраженіе закона «браки раскольниковъ *пріобрѣтаютъ* силу и послѣдствія законнаго брака». Поэтому, возраженія повѣреннаго обвиняемаго, сводящіяся въ сущности, къ противоположенію брака у православныхъ и гражданскаго договора у раскольниковъ, не могутъ быть признаны уважительными, и Алексѣевъ-Парфеновъ, вступившій въ бракъ при существованіи не расторгнутаго раскольничьяго брака, записаннаго въ метрику,—правильно привлеченъ къ отвѣтственности за двоебрачіе.

Это привлеченіе и самое примѣненіе къ его дѣянію 1554 ст. Улож. вовсе не выражаетъ собою уравненія религіознаго значенія обоихъ браковъ, какъ говорится въ кассаціонной жалобѣ. Такое уравненіе выходитъ изъ области вѣдѣнія уголовнаго суда и путемъ примѣненія карательнаго закона достигнуто быть не можетъ. Наказывая за двоебрачіе, законъ вовсе не касается вопроса о предпочтительности одного брака предъ другимъ, о бо́льшемъ или меньшемъ религіозномъ вѣсѣ того или другого,—онъ не ограждаетъ ту или другую вѣру и обязательства, налагаемыя ея таинствами, не наказываетъ въ этомъ случаѣ и за супружескую невѣрность впавшаго въ многобрачіе супруга. Онъ ограждаетъ *начало единобрачія*, необходимое для устойчивости общественнаго порядка въ культурномъ государствѣ, нужное для поддержанія и для обезпеченія правильнаго развитія наростающихъ поколѣній и потребное для приданія нравственнаго элемента союзу, заключаемому обыкновенно подъ вліяніемъ физическаго влеченія, но долженствующаго быть не только maris et foeminae conjunctio, но и consortium omnis vitae. Вотъ почему преслѣдованіе за многобрачіе возбуждается не по частной жалобѣ, какъ за прелюбодѣяніе,—вотъ, почему Правит. Сенатъ въ рѣшеніи 1885 г. по дѣлу Гринфельда призналъ, что для на-

казуемости двоебрачія достаточно, чтобы второй бракъ былъ съ внѣшней стороны правильнымъ, хотя бы и былъ совершенъ даже по обрядамъ не того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ подсудимый; а въ рѣшеніи 1889 г. по дѣлу Хмѣльника высказалъ, что заключеніе даже чисто гражданскаго брака безъ церковнаго благословенія тамъ, гдѣ такой бракъ установленъ, не устраняетъ отвѣтственности по 1554 ст. Улож. въ случаѣ вступленія затѣмъ того же лица въ другой бракъ по обрядамъ церкви въ странѣ, гдѣ не допускается гражданскій бракъ.

Еще менѣе основательно утвержденіе повѣреннаго Алексѣева-Парфенова, что примѣненіе къ нарушенію раскольничьяго брака наказанія, опредѣленнаго 1554 ст. Улож. противно истинному смыслу закона, ибо въ ст. 40 правилъ 19 апрѣля 1874 г., говорящей о примѣненіи къ преступленіямъ раскольниковъ противъ союза брачнаго Уложенія о наказаніяхъ, упоминается лишь о раскольникахъ, а не о тѣхъ, кто, подобно обвиняемому въ настоящемъ дѣлѣ, обратился въ православіе,—самый же бракъ раскольника, совершенный полицейскимъ порядкомъ, не есть бракъ христіанскій, и съ точки зрѣнія закона долженъ считаться даже ниже брака не христіанъ. *Во-первыхъ*, Алексѣевъ-Парфеновъ обвиняется не въ нарушеніи постановленій о бракахъ раскольниковъ (Улож. Раздѣлъ XI, гл. I отд. 4 ст. 1585^1—1585^3), а въ противозаконномъ вступленіи въ бракъ (гл. I отд. 1 ст. 1554), т.-е. въ нарушеніи святости семейнаго союза вступленіемъ во второй бракъ при существованіи перваго; *а во-вторыхъ*, законъ, установляющій силу и послѣдствія брака раскольниковъ, изложенъ въ главѣ II разд. I, т. X ч. 1, которая озаглавлена: «О бракахъ лицъ *христіанскаго* не-православнаго исповѣданія между собою и съ лицами исповѣданія православнаго и *о метрической записи браковъ раскольниковъ*» и предшествуютъ главѣ III, говорящей о бракахъ не-христіанъ между собою и съ христіанами. Только при непониманіи значенія, которое имѣетъ въ русскомъ языкѣ слово «расколъ» и при забвеніи причинъ и условій происхожденія того важнаго историческаго и бытового явленія русской жизни, которое характеризуется этимъ словомъ, можно утверждать, что узаконенный властью бракъ раскольниковъ долженъ стоять въ глазахъ закона и въ народномъ воззрѣніи, коего законъ является разумнымъ выразителемъ, даже ниже брака у не-христіанъ и въ томъ числѣ, слѣдовательно, у кочевыхъ языческихъ племенъ крайняго сѣвера, гдѣ заключеніе брачнаго союза выражается, согласно примѣчанію къ ст. 331 Свода степныхъ законовъ инородцевъ Восточной Сибири, полною уплатою калыма и увозомъ невѣсты.

Вообще то обстоятельство, что предъ вступленіемъ во второй бракъ, при существованіи перваго, Алексѣевъ-Парфеновъ перешелъ изъ раскола въ православіе, не можетъ имѣть для оцѣнки его дѣйствій никакого значенія. Переходъ въ православіе не дол-

женъ служитъ средствомъ для расторженія надоѣвшихъ или нежелательныхъ супружескихъ узъ, или способомъ осуществленія низменныхъ и эгоистическихъ вожделѣній. Переходя въ лоно православія, человѣкъ долженъ быть движимъ свободнымъ, глубокимъ и искреннимъ побужденіемъ души, чуждымъ разсчету удобства и выгоды, или голосу страсти. Эта мысль неоднократно находила себѣ подтвержденіе въ отмѣнѣ постановленій, связывавшихъ съ принятіемъ православія или вообще христіанства какія либо льготы или смягченія. Но разрѣшеніе бывшему раскольничеству по переходѣ въ православіе вмѣнять свой первый бракъ въ ничто или въ очень немногое—было бы именно такою льготою, несправедливость которой еще усугублялась бы тѣмъ просторомъ для разгула страстей, устраненіе котораго входило въ цѣль законодательства при установленіи условій узаконенія раскольничьихъ браковъ. Семья, находящаяся постоянно подъ угрозою фактическаго разрушенія и нравственнаго разложенія, вслѣдствіе возможности каждому изъ супруговъ безнаказанно вступить въ новый бракъ лишь перейдя въ православіе,—была бы лишь пародіею на семейный союзъ, проникнутой притомъ взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идя логически, надо, признать, что при разрѣшеніи раскольнику, вслѣдствіе принятія имъ православія, вступленія въ новый бракъ, его старый бракъ долженъ признаваться уже не бракомъ, а простымъ сожитіемъ. Поэтому, даже не вступая въ новый бракъ, а оставаясь въ старомъ союзѣ, онъ, по принятіи православія, въ сущности остается въ небрачномъ сожитіи, т.-е. въ блудѣ. Но возможно ли, чтобы вступленіе раскольника въ число чадъ православной церкви было сопряжено съ приниженіемъ его семейнаго быта до степени блуднаго сожитія?! Не такъ смотритъ церковь и ея Учители. Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ (глава VII, 12, 13 и 14) апостолъ Павелъ говоритъ: «аще который братъ жену имать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея: и жена да не оставляетъ мужа, святится бо мужъ не вѣренъ о женѣ вѣрнѣ и жена не вѣрна о мужѣ вѣрнѣ, иначе бо чада ваша не чиста были бы». Утверждаясь на этихъ словахъ апостола, св. Іоаннъ Златоустъ въ 19 бесѣдѣ своей говоритъ: «жену имѣя невѣрну, званъ былъ еси,—вѣры ради не изгоняй жену». Наконецъ, шестой Вселенскій Соборъ торжественно призналъ силу и правильность брака, заключеннаго до вступленія въ церковь одного изъ супруговъ, постановивъ въ правилѣ 72: «аще нѣціи, невѣрніи суще, законнымъ бракомъ совокупишася и потомъ мужъ убо невѣрный приступитъ къ вѣрѣ, жена же еще лестію одержима есть и аще волитъ жити съ вѣрнымъ мужемъ—да не разлучаются». Именно на этомъ широкомъ, терпимомъ и проникнутомъ надеждою на духовное просвѣтленіе невѣрующаго взглядѣ церкви и основаны, очевидно, соображенія, легшія въ основаніе законовъ о бракахъ

лицъ новокрещенныхъ, изображенные въ ст. 79 до 84 т. X ч. 1 Зак. Гражд., при чемъ по силѣ первой изъ нихъ, лицо не-христіанскаго вѣроисповѣданія, по воспріятіи св. крещенія, можетъ пребывать въ *единобрачномъ* сожитіи съ некрещеною женою и бракъ ихъ остается въ силѣ и безъ утвержденія онаго вѣнчаніемъ по правиламъ православной церкви. По силѣ 81 ст. переходъ въ православіе еврея не расторгаетъ его брака, если оставшаяся въ іудействѣ супруга пожелаетъ жить съ обратившимся, а на основаніи ст. 84 бракъ не-христіанъ остается въ своей силѣ и тогда, когда оба супруга перейдутъ въ христіанство, хотя бы онъ былъ совершенъ въ степеняхъ родства, церковью возбраненныхъ. Но если такія постановленія существуютъ относительно не-христіанъ, то тѣмъ болѣе примѣнимы они къ раскольникамъ. Не даромъ же, по свидѣтельству знатока взаимныхъ отношеній православія и раскола, архимандрита Никольскаго Единовѣрческаго монастыря Павла (въ расколѣ извѣстнаго Павла Прусскаго), для освѣщенія брачнаго сожитія супруговъ, изъ коихъ одинъ изъ раскола перешелъ въ православіе, церковь вовсе не требуетъ церковнаго вѣнчанія, а признаетъ достаточнымъ одно согласіе супруговъ и благословеніе священника. По всѣмъ этимъ основаніямъ, Алексѣевъ-Парфеновъ правильно и вполнѣ согласно со смысломъ закона признанъ состоявшимъ въ первомъ законномъ бракѣ съ Капитолиною Суконщиковой во время вступленія имъ во второй бракъ съ Еленою Кутилиною.

Второй вопросъ, могущій возникнуть по дѣлу и возбуждаемый отзывомъ Консисторіи — о дѣйствительности перваго брака Алексѣева-Парфенова, въ виду того, что, «какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла», послѣдній не достигъ еще въ 1883 году, когда заключенъ этотъ бракъ, брачнаго возраста, требуемаго 3 и 78 ст. X. т. ч. I. Не говоря уже о томъ, что самъ повѣренный жалобщика признаетъ въ своей кассаціонной жалобѣ этотъ вопросъ относящимся къ существу дѣла и, слѣдовательно, не подлежащимъ разрѣшенію въ кассаціонномъ порядкѣ, надо замѣтить, что изъ слѣдственнаго дѣла вовсе не вытекаетъ съ убѣдительностію, чтобы Василію Алексѣеву-Парфенову было въ 1883 году лишь 17 лѣтъ отъ роду, а не 20 лѣтъ, какъ показалъ онъ тогда, для внесенія въ метрическую книгу, приставу 4-го участка Мѣщанской части гор. Москвы, ибо предположеніе о томъ, что ему было 17 лѣтъ, основано на справкѣ изъ слободской книги Напрудной слободы, въ которой значится, что у Алексѣя Парфенова былъ сынъ Василій, 7 лѣтъ къ 6 декабря 1873 года, зачисленный въ ополченіе въ 1887 году. Но точность и достовѣрность такой записи въ слободской книгѣ вовсе не стоитъ внѣ сомнѣнія и во всякомъ случаѣ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ внесеннымъ въ метрическую книгу заявленіемъ четырехъ свидѣтелей поручителей, предупрежденныхъ объ отвѣтственности за ложное показаніе, согласно ст. 15

прилож. къ ст. 1093 Закон. о состояніяхъ. Но и независимо отъ этого, вопросъ о недѣйствительности перваго брака не можетъ быть нынѣ возбужденъ, по точному указанію закона, ни по существу, ни въ порядкѣ кассаціонномъ. Дѣла о признаніи браковъ между раскольниками подлежатъ, согласно ст. 1356 Уст. гражд. судопр., суду гражданскому; въ этомъ же судѣ дѣло о признаніи недѣйствительнымъ брака, заключеннаго прежде достиженія однимъ изъ супруговъ брачнаго совершеннолѣтія (Зак. гражд. ст. 3), можетъ быть, на основ. ст. 1356[7] Уст. гражд. суд., начато только тѣмъ изъ супруговъ, который вступилъ въ бракъ во время такого несовершеннолѣтія, причёмъ это допускается лишь до времени достиженія имъ установленнаго для совершенія браковъ возраста, и лишь въ такомъ случаѣ, когда бракъ не имѣлъ послѣдствіемъ беременности жены. Эти соображенія настолько жизненны и понятны, что нѣтъ надобности развивать ихъ. Обвиняемый никакого дѣла о недѣйствительности своего перваго брака не начиналъ, до вступленія во второй бракъ признавалъ себя мужемъ своей первой жены восемь слишкомъ лѣтъ и имѣлъ отъ брака съ нею троихъ дѣтей. Очевидно, что ст. 1356[7] никакого примѣненія здѣсь имѣть не можетъ, а самъ судъ, непосредственно при обсужденіи уголовнаго дѣла, возбуждать вопросъ о недѣйствительности перваго брака, по несовершеннолѣтію одного изъ супруговъ, не имѣетъ права, какъ не имѣла на это права и Московская Духовная Консисторія, вышедшая въ своихъ разсужденіяхъ по настоящему дѣлу изъ предѣловъ возложенной на нее ст. 1013 Уст. угол. суд. обязанности. Иначе, признавъ такое право за судомъ, пришлось бы въ случаяхъ, напр., женоубійства, допустить возбужденіе судомъ вопроса о примѣненіи карательнаго закона о простомъ убійствѣ, а не о квалифицированномъ на томъ лишь основаніи, что судъ усматриваетъ недостиженіе брачнаго совершеннолѣтія однимъ изъ супруговъ при совершеніи брака за много лѣтъ до судимаго дѣянія.

Признавая поэтому вполнѣ правильнымъ примѣненіе къ винѣ Алексѣева-Парфенова ст. 1554 Улож., нельзя, однако, согласиться съ Судебною Палатою въ выборѣ части этой статьи. Несомнѣнно, что безъ *умолчанія* о первомъ бракѣ нельзя впасть сознательно въ двоебрачіе. Нельзя же прійти къ священнику съ просьбою о совершеніи брака и съ заявленіемъ, что уже состоишь въ бракѣ. О такомъ именно умолчаніи и говоритъ 1 ч. 1554 ст. Улож. Поэтому вторая часть этой статьи, говорящая о *сокрытіи* перваго брака и *объявленіи себя свободнымъ*, имѣетъ въ виду положительныя дѣйствія, вводящія въ заблужденіе,—имѣетъ въ виду совершеніе обмана, направленнаго на сомнѣвающихся или могущихъ усомниться, на причтъ, на семью невѣсты и т. д. Когда, однако, простого обмана мало, а приходится подтверждать его письменными актами, и акты эти, конечно, ложные, то примѣняется 3-я часть 1554 ст. Ул. По настоящему дѣлу Палата въ вопросѣ о ви-

новности указываетъ, что подсудимый вступилъ въ новый бракъ, обвѣнчавшись въ церкви исправительной тюрьмы, *при чемъ скрылъ* свой первый бракъ, а въ приговорѣ говоритъ, что онъ, получивъ свидѣтельство управы на вступленіе въ бракъ, скрылъ, что состоитъ уже въ бракѣ и вступилъ во второй бракъ. Изъ сопоставленія вопроса и приговора не только не ясно, отъ кого же именно и когда именно скрылъ свой первый бракъ подсудимый, но и въ чемъ выразилось это сокрытіе? Если сокрытіемъ считать умолчаніе, то здѣсь примѣнима лишь первая часть 1554 ст., если же сокрытіе состояло изъ опредѣленныхъ активныхъ дѣйствій, направленныхъ на опредѣленныхъ лицъ, то это должно было быть опредѣленно и выражено. Поэтому, находя, что къ установленной Палатою виновности Алексѣева-Парфенова неправильно примѣнена 2 ч. 1554 ст. вмѣсто первой, полагаю—оставивъ приговоръ Палаты о виновности подсудимаго въ силѣ, отмѣнить приговоръ о наказаніи его, передавъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другой Департаментъ той же Палаты.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Палаты относительно опредѣленія подсудимому Алексѣеву-Парфенову наказанія, за неправильнымъ примѣненіемъ 2-й ч. 1554 ст. Улож., отмѣнить, передавъ это дѣло для постановленія новаго приговора по сему предмету въ ту же Палату въ другомъ составѣ присутствія, а въ прочихъ частяхъ жалобу оставить безъ послѣдствій.

II.

По дѣлу объ убійствѣ псаломщика Кедрова. (Нарушеніе тайны исповѣди).

1-го апрѣля 1893 года, въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ состоялся приговоръ по дѣлу объ убійствѣ псаломщика Ропшинской церкви Кедрова, при чемъ оба обвиненные, А. Ивановъ и А. Поповъ, были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы: Поповъ—на 15 лѣтъ, а Ивановъ—на 6 лѣтъ. На этотъ приговоръ были принесены двѣ кассаціонныя жалобы, при чемъ каждый изъ обвиненныхъ присоединился къ жалобѣ другого.

Въ жалобѣ защитника Иванова указывалось, что примѣненіе къ признанному утвердительнымъ отвѣтомъ присяжныхъ засѣдателей дѣянію Иванова ст. 14, 121, 124 и 1454 Улож. о наказ. противно законному понятію объ укрывательствѣ. Защита весьма подробно развивала свои мотивы, при чемъ ссылалась на кассаціонныя рѣшенія Сената и на сочиненія такихъ авторитетовъ, какъ Жиряевъ (его магистерская диссертація «О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи», Дерптъ, 1850 г.); Лохвицкій («Курсъ русскаго уголовнаго права», 1871 г.); профессоръ Кистяковскій («Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права», 1882 г.) и Таганцевъ («Курсъ русскаго уголовнаго права», 1880 г.). Мнѣнія, высказанныя этими учеными, указываютъ, что дѣятельность укрывателя преступника должна имѣть не косвенный, а прямой, физическій, матеріальный характеръ, соотвѣтствующій буквальному понятію сокрытія. Къ установленному рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей дѣянію Иванова не можетъ быть примѣнено никакого карательнаго закона, а посему приговоръ суда, за неправильнымъ примѣненіемъ 14, 121, 124 и 1454 ст. Улож. о наказ. и за нарушеніемъ 1 ст. Улож. о наказ., подлежитъ отмѣнѣ.

Кромѣ того, въ жалобахъ указывалось на другія нарушенія, допущенныя судомъ по настоящему дѣлу, а именно на невызовъ эксперта доктора-медицины Данилло для совмѣстнаго съ психіатромъ Чечоттомъ разъясненія вопроса о вліяніи поврежденій черепа на сознаніе у Кедрова и пр.; на то, что до выбора присяжныхъ засѣдателей они не были спрошены о томъ, не желаетъ ли кто

отвести себя отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла по тѣмъ или другимъ причинамъ; главнымъ же нарушеніемъ выставлялось то, что въ прямое нарушеніе 2 п. 704 ст. Уст. угол. суд., воспрещающаго священнику свидѣтельствовать о признаніи, сдѣланномъ ему на исповѣди,—священникъ Ѳаворскій и на предварительномъ слѣдствіи, и на судѣ, былъ допрошенъ о сознаніи, сдѣланномъ ему на предсмертной исповѣди обвиняемымъ Осипомъ Яковлевымъ, оговорившимъ А. Попова въ убійствѣ Кедрова. Свидѣтель священникъ Ѳаворскій былъ приглашенъ къ умиравшему Осипу Яковлеву въ качествѣ духовника и, по содержанію сдѣланнаго ему признанія, не могъ быть вовсе допущенъ къ свидѣтельству. Между тѣмъ, изъ показанія, даннаго на предварительномъ слѣдствіи Ѳаворскимъ, повтореннаго и даже прочтеннаго вновь на судѣ, совершенно очевидно, что онъ только въ качествѣ духовника покойнаго Осипа Яковлева имѣлъ къ нему доступъ въ тюрьму и, напутствуя его въ загробную жизнь, исполнялъ лишь обязанности его исповѣдника. Указывалось, наконецъ, что, обсуждая значеніе показанія свидѣтеля священника Д. Попова, товарищъ прокурора Саблинъ въ рѣчи своей заявилъ, что считаетъ необходимымъ откровенно высказать свой взглядъ на роль этого свидѣтеля, являющагося несомнѣннымъ укрывателемъ совершеннаго убійства. Далѣе, по поводу поведенія церковныхъ сторожей, не явившихся въ домъ Кедрова на зовъ о помощи и по поводу объясненій священника Попова, что сторожа не могли оставить церковь, къ охраненію которой они приставлены, товарищъ прокурора, приписывая такое ихъ поведеніе спеціальному приказанію священника Попова, воскликнулъ: «это не храмъ Божій, а вертепъ разбойниковъ, и во главѣ этого разбойничьяго вертепа поставилъ себя священникъ Д. Поповъ». При такой запальчивости рѣчи, у присяжныхъ засѣдателей не могло сложиться правильнаго убѣжденія въ виновности подсудимыхъ. Далѣе, указывается на погрѣшности въ руководящемъ напутствіи предсѣдательствовавшаго, на умолчаніе о толкованіи сомнѣнія и на другія нарушенія.

Дѣло разсматривалось въ засѣданіи Угол. Касс. Департ. Правит. Сената *25-го января 1894 года.*

Прис. повѣр. *Н. І. Холева,* поддерживавшій жалобу Иванова, съ особою подробностью остановился на доказываніи отсутствія укрывательства въ признанныхъ судомъ дѣйствіяхъ Иванова и на нарушеніяхъ судопроизводственныхъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, наиболѣе существенно-важнымъ представляется допросъ священника Ѳаворскаго, какъ свидѣтеля, о признаніи, сдѣланномъ ему на исповѣди обвинявшимся по этому же дѣлу Осипомъ Яковлевымъ. Недопущеніе къ свидѣтельству священниковъ, присяжныхъ повѣренныхъ и защитниковъ, установленное 704 ст. У. У. С., въ мотивахъ къ этой статьѣ государственной канцеляріи объясняется тѣмъ, что «показанія этихъ лицъ были бы нарушеніемъ тайны, ввѣренной свидѣтелю такого званія, въ которомъ онъ можетъ приносить пользу обществу лишь при надлежащемъ довѣріи къ его скромности». Законодатель былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы лица, обращеніе къ помощи которыхъ немыслимо безъ полнаго довѣрія и откровенности, не дѣлались бы, злоупотребляя своимъ положеніемъ, вѣроломными предателями. А съ другой стороны, чистое и высокое дѣло правосудія требуетъ и чистыхъ средствъ: ст. 405 У. У. С. воспрещаетъ домогаться сознанія ни обѣщаніями, ни ухищреніями; законъ чуждается такихъ способовъ раскрытія истины, которые, нося предосудительный характеръ ухищреній, обмана или нарушенія довѣрія возмущаютъ собою нравственное чувство. Наконецъ, исповѣдь, особенно предсмертная, съ напутствіемъ въ загробную жизнь, есть величайшее таинство, которое нельзя профанировать утилитарными цѣлями уголовнаго сыска.

Изъ показанія священника Ѳаворскаго видно, что, приглашенный начальникомъ тюрьмы исповѣдать и пріобщить больного старика О. Яковлева, онъ послѣ причастія сталъ увѣщевать его, въ виду того, что онъ готовится отойти въ вѣчность, сказать, правду ли показалъ онъ, что убилъ Кедрова А. Поповъ, а не Курочкинъ; на это Яковлевъ отвѣтилъ: «онъ», на дальнѣйшіе вопросы не отвѣчалъ и на утро скончался. Показаніе это необходимо вызываетъ вопросъ: не есть ли увѣщаніе и напутствіе духовника послѣ причастія такой видъ духовной помощи, на который не распространяется запрещеніе свидѣтельства? Нѣтъ сомнѣнія, что какое либо дробленіе единаго акта исповѣди и причастія на отдѣльные моменты, его составляющіе, не можетъ быть допущено безъ нарушенія глубокаго, сокровеннѣйшаго смысла этого великаго таинства. Всѣ отдѣльные моменты эти объединены общимъ, непрерывающимся молитвеннымъ настроеніемъ исповѣдываемаго и высоко-религіознымъ подъемомъ души его, жаждущей исцѣленія и прощенія. Все пребываніе о. Ѳаворскаго у изголовья умирающаго было цѣльнымъ, единымъ, длившимся актомъ: напутствуя Яковлена въ загробную жизнь и увѣщевая его не уносить въ могилу роковой тайны, о. Ѳаворскій еще совершалъ таинство исповѣди — духовное, высоко-религіозное общеніе еще продолжалось. Поэтому, здѣсь важенъ не порядокъ ритуала, а субъективное настроеніе исповѣдываемаго, который въ лицѣ своего исповѣдника видѣлъ не суетнаго слугу земныхъ властей, а посредника между собою, кающимся грѣшникомъ, и Всемилостивѣйшимъ Творцомъ. Здѣсь важны полное довѣріе и откровенность исповѣдываемаго къ духовному отцу своему; а это довѣріе, разумѣется, не прекращается и не умаляется послѣ причастія.

Въ общихъ чертахъ, указываемыя жалобщиками нарушенія могутъ быть распредѣлены на три группы:—по *оцѣнкѣ* доказательствъ, по веденію судебнаго засѣданія и по *добыванію* доказательствъ. Обращаясь къ первой изъ нихъ, надо замѣтить, что Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній съ 1885 г. по выдающимся дѣламъ Мироновича, Кетхудова, Пятаковскаго и Симбирско-Саратовскаго банка установилъ коренныя правила для закрѣпленія, въ виду кассаціоннаго производства, нарушеній, могущихъ случиться во время преній сторонъ или при объясненіяхъ ихъ по отдѣльнымъ дѣйствіямъ на судѣ, согласно 3 п. 630 ст. Уст. уг. суд., а также допущенныхъ въ руководящемъ напутствіи предсѣдателя присяжнымъ засѣдателямъ. Въ силу этихъ правилъ — нарушенія при преніяхъ и объясненіяхъ должны закрѣпляться *немедленно* по окончаніи ихъ ходатайствомъ сторонъ о внесеніи въ протоколъ; неправильности напутствія должны быть установлены надлежащими заявленіями *по удаленіи* присяжныхъ въ совѣщательную комнату. При неисполненіи этого—замѣчанія на протоколъ о допущенныхъ нарушеніяхъ, протоколомъ не подтверждаемыхъ, лишены всякой силы, доколѣ не будутъ подтверждены заключеніемъ суда, отъ памяти членовъ котораго, обремененныхъ массою дѣлъ, нельзя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовать сохраненія отрывочныхъ обстоятельствъ. Отъ безусловности этого порядка можно, однако,

въ интересахъ сторонъ и въ цѣляхъ правосудія, допустить два отступленія. Слѣдуетъ предоставить сторонамъ дѣлать замѣчанія на руководящее напутствіе не только по удаленіи присяжныхъ на совѣщаніе, но и по провозглашеніи ихъ рѣшенія. Этимъ, въ случаѣ объявленія рѣшенія, согласно съ интересами стороны, устранились бы безплодныя замѣчанія ея на напутствіе—и въ то же время судъ всегда былъ бы еще въ состояніи провѣрить и удостовѣрить ихъ правильность. Слѣдуетъ также признать — и это тѣсно связано съ достоинствомъ суда и въ особенности его предсѣдателя,— что ссылки на запамятованіе, на невозможность, за краткимъ временемъ, удостовѣрить тѣ или другія толкованія, допущенныя въ напутствіи, не могутъ всегда и безусловно устранить отъ кассаціоннаго обсужденія указанія на неправильность такихъ толкованій, хотя бы о нихъ и не было своевременно заявлено.

Несомнѣнно, что по прошествіи десяти или пятнадцати дней, предсѣдатель можетъ отказываться припомнить, а судъ удостовѣрить,—были ли имъ даны или сдѣланы тѣ или другія толкованія и сопоставленія мелочныхъ данныхъ дѣла и были ли имъ употреблены именно тѣ самыя выраженія, которыя ему приписываются. Но иначе ставится вопросъ, когда жалоба стороны указываетъ на толкованія, идущія въ разрѣзъ съ коренными правилами судопроизводства или съ основными началами оцѣнки и пониманія доказательствъ. Въ этихъ случаяхъ, несмотря на запоздалое заявленіе стороны, предсѣдатель не можетъ и не долженъ говорить «не помню», ибо это «не помню» не исключаетъ возможности произнесенія того, что, однако, немыслимо въ устахъ понимающаго свои обязанности судьи. Если сторона, хотя бы и запоздало, утверждаетъ, что предсѣдатель объяснилъ присяжнымъ, напр., что справки о *старой* судимости сами по себѣ составляютъ доказательство *новой* виновности, или что собственное сознаніе, даже не согласное съ другими обстоятельствами дѣла, установляетъ виновность подсудимаго, или что отсутствіе цѣли и побужденія при предумышленномъ убійствѣ не имѣетъ никакого значенія и т. п., — то въ заключеніи по замѣчаніямъ на протоколъ предсѣдателемъ должно быть или опредѣлительно заявлено — «этого не было», или же, въ сознаніи поспѣшности и необдуманности своего заключенія, сказано—mea culpa! Поэтому слѣдуетъ признать, что право отзываться запамятованіемъ есть право не безусловное, а зависитъ отъ существа указаній на свойство и значеніе того или другого мѣста въ разъясненіи предсѣдателя.

Гдѣ, однако, нѣтъ такихъ серьезныхъ указаній, а есть лишь заявленія о фактическихъ упущеніяхъ или неправильностяхъ напутствія, сдѣланныя притомъ лишь послѣ объявленія приговора, тамъ вина въ невозможности провѣрить и обсудить эти заявленія лежитъ всецѣло на жалобщикѣ, который и несетъ ея послѣдствія. По этимъ основаніямъ, *въ настоящемъ* дѣлѣ нѣтъ матеріала для

признанія нарушенія 630, 735—739, 801—812 ст. Уст. угол. суд. въ указаніяхъ защиты на неуважительное и даже прямо оскорбительное отношеніе въ рѣчи обвинителя къ священнику Димитрію Попову, не находящихъ себѣ подтвержденія въ протоколѣ и опровергаемыхъ заключеніемъ суда по запоздалымъ и ничѣмъ не удостовѣреннымъ указаніямъ на фактическія неправильности руководящаго напутствія, предметомъ коего были обстоятельства, не затронутыя въ судебныхъ преніяхъ. Если бы, впрочемъ, послѣднее и было подтверждено судомъ, то и тогда оно не представляло бы никакого нарушенія. Предсѣдатель, хозяинъ и руководитель судебнаго разсмотрѣнія, вовсе не механическій, лишенный всякаго почина, пересказыватель доводовъ сторонъ и приведенныхъ ими обстоятельствъ. Онъ обязанъ держаться въ предѣлахъ судебнаго слѣдствія, но имѣетъ право группировать добытый на этомъ слѣдствіи матеріалъ, не стѣсняясь упущеніями и умышленную или невольною забывчивостью сторонъ, и имѣя въ виду тѣ вопросы по существу дѣла, которые должны возникнуть у присяжныхъ при окончательномъ его обсужденіи. Руководящее напутствіе имѣетъ цѣлью облегчить и уяснить присяжнымъ разрѣшеніе поставленныхъ имъ вопросовъ;—основаніемъ же вопросовъ, согласно 751 ст. Уст. уг. суд., служатъ не только выводы обвинительнаго акта и заключительныя пренія, но и судебное слѣдствіе, а потому предсѣдатель имѣетъ полное право ссылаться на данныя этого слѣдствія, совершенно независимо отъ сторонъ. Наконецъ, нѣтъ въ дѣлѣ признаковъ нарушенія 801—804 ст. Уст. угол. суд. неразъясненіемъ со стороны предсѣдателя присяжнымъ ст. 405 Уст. угол. суд., воспрещающей домогаться сознанія обвиняемаго обѣщаніями, ухищреніями, угрозами и другого рода домогательствами. Показанія смотрителя тюремнаго замка Гросса, на которое слѣдовало, по мнѣнію жалобщиковъ, направить это разъясненіе—не было занесено въ протоколъ также, какъ не было занесено и ходатайство о разъясненіи присяжнымъ значенія такого показанія, а о сомнительномъ достоинствѣ его, какъ основаннаго на мемуарахъ подсаженнаго къ обвиняемому арестанта, присяжнымъ засѣдателямъ и безъ того сдѣлалось извѣстнымъ изъ пререканій между сторонами по поводу требованія прокурора о прочтеніи замѣтокъ этого арестанта, пререканія, при которомъ судъ сталъ, въ своемъ опредѣленіи объ отказѣ, на сторону защиты.

Признавая, поэтому, первую группу указанныхъ нарушеній не заслуживающею уваженія, я долженъ высказать такое же мнѣніе и о второй группѣ, не находя никакихъ нарушеній ни въ воспрещеніи защитѣ касаться личности свидѣтеля Бологовскаго, говорившаго о дрожаніи рукъ у подсудимаго Попова во время похоронъ убитаго псаломщика, такъ какъ такое воспрещеніе вытекало изъ дисциплинарной власти предсѣдателя, основанной на 611 ст. Уст. угол. суд.,—ни въ отказѣ въ вызовѣ эксперта-психіатра Да-

нило, при наличности другого эксперта по той же специальности— Чечотта, на что судъ, по 692 ст. Уст. угол. суд., имѣлъ право, — и не усматривая существеннаго нарушенія въ упущеніи исполненія требованія ст. 647 Уст. угол. суд., въ виду того, что стороны своевременно не заявляли о незаконности состава присутствія присяжныхъ и жалобу свою въ Сенатъ тоже никакими фактическими указаніями въ этомъ отношеніи не подкрѣпляютъ.

Переходя къ указаніямъ на нарушенія относительно *добыванія* доказательствъ, необходимо остановиться на характеристикѣ требованій и правилъ судебной этики, нашедшихъ себѣ обширное и глубоко продуманное примѣненіе на страницахъ судебныхъ Уставовъ. Коренясь въ самой формулѣ присяги судей, присяжныхъ и свидѣтелей, и проходя красною нитью по статьямъ Устава уголовнаго судопроизводства,—эти правила или прямо рекомендуются закономъ къ руководству—каковы, напримѣръ, предписаніе предсѣдателю предостерегать присяжныхъ отъ одностороннихъ увлеченій (ст. 803), прокурору — не преувеличивать значенія доказательствъ, не извлекать изъ дѣла только уличающія подсудимаго обстоятельства, заявлять суду по совѣсти объ уважительности оправданій подсудимаго (ст. 739, 740) и т. д. или же вытекаютъ изъ смысла статей процесса, построеннаго въ началѣ свободнаго внутренняго убѣжденія, вырабатываемаго путемъ судебнаго состязанія. Въ этихъ правилахъ видное мѣсто занимаетъ установленіе пріемовъ добыванія доказательствъ. Нашъ современный процессъ не опредѣляетъ вѣса доказательствъ по ихъ родамъ и видамъ, не опредѣляетъ ихъ числомъ, какъ это дѣлалось во второй части стараго XV тома. Преступность извѣстнаго факта, виновность въ немъ извѣстнаго лица, могутъ быть доказываемы разнообразнѣйшими данными, выхваченными прямо изъ жизни и взятыми изъ архивной пыли, словесными и письменными. Но законъ, опирающійся на требованія судебной этики, требуетъ, однако, чтобы источникъ, откуда почерпаются эти данныя, не возбуждалъ сомнѣній ни съ какой стороны и былъ доступенъ строгой провѣркѣ. Законъ страшится допущенія доказательствъ, полученныхъ въ обстановкѣ, связанной съ тайною, или отъ лицъ, находящихся въ ненормальномъ состояніи душевныхъ силъ. Поэтому онъ воспрещаетъ въ ст. 405 вліять на обвиняемаго, волнуя его то угрозами, то обольщеніями, — не дозволяетъ присяжнымъ въ ст. 695 собирать свѣдѣнія по дѣлу внѣ судебнаго засѣданія, т.-е. изъ невѣдомыхъ суду и, быть-можетъ, не чистыхъ источниковъ,— обязываетъ въ ст. 717 предсѣдателя стараться, путемъ увѣщанія, очистить показанія свидѣтелей отъ вліянія дружбы и вражды и отъ давленія страха. Поэтому, наконецъ, обставляя допросъ подъ присягою разными условіями, онъ совершенно устраняетъ отъ свидѣтельства, согласно ст. 93 и 704 Уст. угол. суд. безумныхъ и сумасшедшихъ, — защитниковъ по отношенію къ сдѣланному ихъ

довѣрителями признанію и священниковъ по отношенію къ признанію, сдѣланному имъ на исповѣди.

Правило, изложенное во 2 п. 704 ст. имѣетъ за собою длинную исторію въ нашемъ уголовномъ правѣ—и въ каноническихъ постановленіяхъ. Отдавая преимущество свидѣтельскому показанію духовнаго лица передъ свѣтскимъ, нашъ старый процессъ, еще съ конца XVII столѣтія, запрещалъ священникамъ объявлять въ свидѣтельство то, что духовныя ихъ дѣти скажутъ имъ на исповѣди. Номоканонъ при требникѣ 1662 года, воспрещая открывать тайну исповѣди, грозитъ за это тяжкою карою, указывая, что «сицевому» слѣдуетъ «ископати языкъ созади». Повидимому, тайна исповѣди до начала XVIII вѣка считалась безусловною. Но когда «начало славныхъ дней Петра» — омрачили мятежи и великому преобразователю пришлось войти въ судъ даже съ роднымъ сыномъ—отъ храненія тайны исповѣди, прикрывающей враждебные и разрушительные замыслы противъ Государя и государства — духовныя лица были разрѣшены. Духовный регламентъ, въ пунктахъ 9, 10 и 13 «Прибавленій о правилахъ причта церковнаго» — обладая «жестокимъ наказаніемъ» открытіе тайны исповѣди, дѣлаетъ въ пунктѣ 11-мъ и 12-мъ исключеніе по отношенію къ умыслившимъ государственное преступленіе, «кои объявляя намѣряемое зло, покажутъ себѣ, что не раскаиваются, но ставятъ себѣ въ истину и намѣренія своего не отлагая, не яко грѣхъ исповѣдуютъ» и къ тѣмъ, «кто, вымысливъ или притворно учинивъ, разгласитъ ложное чудо». Согласно съ этими постановленіями въ «наставленіи о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ», изданномъ впервые между 1765 — 1775 годахъ, содержится слѣдующее правило относительно исповѣди — «да блюдетъ пресвитеръ исповѣданнаго грѣха никому да не откроетъ, ниже да не намѣтитъ въ генеральныхъ словахъ или другихъ какихъ примѣтахъ, но точію, какъ *вещь запечатлѣнную* держитъ у себѣ, вѣчному предавъ молчанію. Выключаются отъ сего оныя дѣла, о коихъ въ Духовномъ Регламентѣ подъ числами 11 и 12 изображено». Это же начало проведено и въ Уставѣ евангелическо-лютеранской церкви, на основаніи ст. 718 котораго проповѣдникъ обязанъ хранить въ ненарушимой тайнѣ все, на исповѣди ему ввѣренное и не можетъ открывать сего даже и по требованію судебныхъ мѣстъ, безъ согласія самого сознавшагося. «Если, говорится въ ст. 720 Устава, для предупрежденія преступленія или же для прекращенія вредныхъ послѣдствій совершеннаго уже злодѣянія необходимо обнаружить оное передъ начальствомъ, а исповѣдывающійся не соглашается самъ сознаться предъ судомъ въ своемъ проступкѣ или отвратить инымъ образомъ имѣющій отъ сего произойти вредъ, то ему отказывается въ разрѣшеніи отъ грѣховъ и въ допущеніи къ святому причастію, *но сказанное на исповѣди сохраняется въ тайнѣ*». Изъ этого строгаго и категорическаго правила изъемлются лишь, на основаніи ст. 719,

случаи, когда обнаруженіе открытаго на исповѣди необходимо для отвращенія опасности, грозящей Монарху, Императорскому дому или государству.

Имѣя въ виду эти правила и исходя изъ религіозно-нравственнаго значенія исповѣди, судебные уставы подтверждаютъ въ ст. 93 и 704 Уст. угол. суд. и въ 84 и п. 5 ст. 371 Уст. гражд. суд. соблюденіе тайны, высказанной на исповѣди, воспрещая допускать духовныхъ лицъ къ свидѣтельству по этому предмету. При этомъ имѣется въ виду исключительно исповѣдь, ибо, какъ сказано въ мотивахъ къ ст. 704 Уст. угол. суд. случаи и способы поданія духовной помощи, если они выходятъ изъ предѣловъ исповѣди, могутъ быть весьма разнообразны и неопредѣленны и недопущеніе въ сихъ случаяхъ къ свидѣтельству священниковъ могло бы послужить препятствіемъ къ раскрытію истины. Несомнѣнно, что здѣсь имѣлись въ виду различные случаи, въ коихъ обращаются къ священнику, не какъ къ разрѣшителю грѣховъ властью, данною ему Господомъ, не какъ къ духовнику, а какъ къ служителю церкви, поставленному для совершенія ея обрядовъ и для совокупныхъ моленій съ прибѣгающими къ молитвѣ о здравіи живыхъ, объ упокоеніи усопшихъ. При обычной житейской обстановкѣ въ такихъ случаяхъ священникъ можетъ сдѣлаться очевидцемъ преступнаго дѣянія, или узнать и услышать о немъ, не требуя, во имя великаго таинства покаянія и въ обстановкѣ благоговѣйнаго страха, сознанія въ немъ и не побуждая къ нему. Судебная практика знаетъ случаи, когда, напр., призванному для служенія панихиды священнику приходилось быть свидѣтелемъ домашнихъ пререканій, поднимавшихъ уголъ завѣсы надъ преступною обстановкою, окружавшею умиравшаго въ послѣднія его минуты—или когда совершающему отпѣваніе доводилось усмотрѣть слѣды содѣяннаго преступленія, а приступающему къ вѣнчанію открывать плохо скрытые признаки готовящагося преступленія. Устраненіе свидѣтельскаго показанія священника въ такихъ случаяхъ было бы отказомъ отъ достовѣрнаго, яркаго и весьма важнаго доказательства, ведущаго за собою или замыкающаго цѣлую цѣпь уликъ. Поэтому-то и считается не подлежащимъ принятію къ дѣлу, въ качествѣ доказательства, лишь показаніе объ открытомъ *на исповѣди*. Кѣмъ открытомъ? Считать, что это относится лишь до обвиняемаго или подсудимаго, не представляется возможнымъ. Во-первыхъ, это противорѣчило бы каноническому взгляду на тайну исповѣди, безразличную по отношенію къ положенію исповѣдующагося; во-вторыхъ, нѣтъ законныхъ основаній съуживать нравственныя требованія уголовнаго процесса противъ такихъ же въ процессѣ гражданскомъ, по смыслу котораго не допускается свидѣтельства о томъ (ст. 371 Уст. гр. суд.), что повѣрено на исповѣди однимъ изъ тяжущихся, или третьимъ въ дѣлѣ лицомъ или, наконецъ, совершенно постороннимъ тяжбѣ лицомъ. Притомъ покаяніе можетъ быть приносимо

въ такихъ грѣхахъ, которые связаны съ преступленіемъ другого лица. Исповѣдующійся можетъ чинить признаніе въ такомъ дѣяніи, въ которомъ виновенъ не одинъ онъ. Таковы всѣ двустороннія преступленія—блудъ, кровосмѣшеніе, прелюбодѣяніе и т. п. Онъ можетъ, затѣмъ, каяться въ поступкѣ, за который онъ лично никакому наказанію не подлежитъ, но который, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно указываетъ на наказуемое преступленіе другого и при томъ опредѣленнаго лица. Таковы случаи недонесенія и укрывательства, предусмотрѣнные въ 128 ст. Улож. о наказ. Возможны случаи признанія въ равнодушіи или постыдной слабости, благодаря которымъ не разрушилась обстановка, благопріятная для совершенія преступленія надъ беззащитнымъ или слабымъ, надъ «однимъ изъ малыхъ сихъ»; возможны случаи признанія въ отсутствіи чувства любви и уваженія къ близкимъ, къ роднымъ, за которыми вѣдомы возмущающія душу беззаконія. Наконецъ, нельзя отрицать и такого печальнаго случая, когда на исповѣди будетъ учинено признаніе въ ложномъ доносѣ или показаніи на невиновнаго, но и тутъ, не смотря на понятность побужденій, оглашеніе такого признанія только потому, что оно сдѣлано не подсудимымъ или обвиняемымъ, было бы нарушеніемъ тайны исповѣди. Оглашать его—значило бы признать полное безсиліе правосудія выяснить истину въ дѣлѣ какими-либо иными путями, кромѣ раскрытія предъ людьми того, что дотолѣ было сокровенно для всѣхъ, исключая Бога. При томъ разрѣшеніе такого оглашенія было бы отрицаніемъ значенія покаянія для душевнаго подъема человѣка, на устраненіе вреда отъ грѣховнаго дѣйствія котораго не можетъ не воздѣйствовать и самое чувство, заставившее его учинить признаніе, и горячее слово увѣщанія духовнаго отца и, наконецъ, отказъ въ св. причастіи. Поэтому всякое признаніе на исповѣди, кѣмъ бы оно ни было сдѣлано и чего бы не касалось, не можетъ быть, на основаніи 704 ст. Уст. угол. суд. предметомъ свидѣтельства.

Другой существенный вопросъ, вытекающій изъ 704 ст., касается предѣловъ отношеній исповѣдующагося къ своему духовнику. Можно ли признать, что тотчасъ по окончаніи исповѣди и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, немедленно сопровождающаго ее причащенія, разспросъ исповѣдывавшагося, сопровождаемый увѣщаніями и угрозами отвѣта за грѣхи, составляетъ простую, случайную бесѣду, содержаніе которой ничего общаго съ внутреннимъ значеніемъ исповѣди не имѣетъ и подлежитъ, поэтому, пересказу? Иными словами, установляется ли исповѣдью живая духовная связь *безбоязненнаго довѣрія* между человѣкомъ, очистившимъ совѣсть покаяніемъ, и служителемъ алтаря, разрѣшившимъ его грѣхи, связь, продолжающаяся за внѣшніе предѣлы исповѣди? Или же священникъ, только-что вѣщавшій исповѣдующемуся въ стѣнахъ храма или въ таинственномъ и невозмутимомъ уединеніи частнаго жилища «се Христосъ невидимо стоитъ пріемля исповѣданіе твое,

не устрашися, ниже убойся и да не скроеши что отъ мене, но не обинуяся рцы вся, да пріимеши оставленіе отъ Господа... Азъ же точію свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ Нимъ вся, елика рѣчеши ми»—и отпустившій ему затѣмъ грѣхи, непосредственно вслѣдъ затѣмъ становится частнымъ человѣкомъ, могущимъ воспользоваться отвѣтами на свои вопросы, чтобы стать свидѣтелемъ уже не передъ Богомъ, а предъ людскимъ судомъ,—дѣлается случайнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ трудно говорить «не обинуясь» безъ страха за послѣдствія разговора для себя и для другихъ? Думается, что утвердительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ не удовлетворилъ бы нравственнаго чувства, не соотвѣтствовалъ бы и правильному пониманію высокаго значенія духовнаго отца, раскрытая предъ которымъ душа покаявшагося можетъ тотчасъ же боязливо и недовѣрчиво замыкаться, какъ только онъ сотворилъ крестное знаменіе на главѣ его. Это значило бы сразу уничтожить просвѣтленное и облегченное настроеніе грѣховною заботою о лукавой осторожности и смѣнять восхищенное и умиленное состояніе души, увѣровавшей въ то, что она прощена, малодушнымъ страхомъ и стремленіемъ ко лжи. Поэтому надлежитъ, во всякомъ случаѣ, признать, что покуда не прервалось вызванное исповѣдью непосредственное общеніе между духовнымъ отцомъ и исповѣдывавшимся, до тѣхъ поръ признаніе, полученное первымъ при посредствѣ напоминанія о сдѣланномъ покаяніи, объ отвѣтственности предъ Богомъ, о смертномъ часѣ,—полученное, такъ сказать, на почвѣ исповѣди—должно быть разсматриваемо, какъ предусмотрѣнное 704 ст. Уст. угол. суд.

У насъ статья эта еще не подвергалась оцѣнкѣ и разбору, но германскій процессъ именно такъ и смотритъ на показанія подобнаго рода. Имперскій Уставъ угол. суд. въ § 52 постановляетъ объ отказѣ отъ свидѣтельства духовныхъ въ отношеніи того, что имъ довѣрено при исполненіи обязанностей духовнаго отца, хотя бы они и были уже освобождены отъ обязанности молчанія, понимая дѣятельность духовнаго отца весьма широко и говоря о томъ, «was ihnen bei Ausuebung der Seelsorge anvertraut ist». То же самое повторено и въ § 348 Имперскаго Уст. гражд. судопр., который, предоставляя священнику давать показанія, воспрещаетъ касаться въ нихъ того, что связано съ нарушеніемъ обязанностей молчанія. Широкій взглядъ этихъ статей на храненіе духовнымъ отцомъ ввѣренныхъ ему тайнъ подтверждается и толкованіями ихъ извѣстнымъ профессоромъ каноническаго права въ пражскомъ университетѣ Ферингомъ, въ его учебникѣ церковнаго права. «Онъ не долженъ показывать, говоритъ ученый авторъ о священникѣ, nicht ein Mal ueber dasjenige was ihm auszer der Beichte—внѣ исповѣди—aber in seiner Eigenschaft als Seelsorger anvertraut ist». Этого требуетъ, говоритъ онъ далѣе—sigillum confessionis. Но эта «печать исповѣди» и есть именно та «вещь запечатлѣнная», предаваемая вѣч-

ному молчанію, о коей говорится въ книгѣ «о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ»—и нашъ уголовно-процессуальный законъ не можетъ ставить служителя православной церкви въ смыслѣ предъявленія нравственныхъ требованій къ его показанію—ниже служителей церквей иновѣрныхъ.

Приложеніе высказанныхъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла приводитъ къ выводу, что при производствѣ его допущено существенное нарушеніе 444 ст. Уст. угол. суд., вовлекшее за собою и нарушеніе ст. 704 того же Устава. Въ ночь на 18-е ноября 1891 года псаломщику церкви Благовѣщенія, близъ Ропши, въ Петергофскомъ уѣздѣ, Кедрову были нанесены смертельныя поврежденія, отъ которыхъ онъ умеръ на третій день. Придя въ сознаніе, псаломщикъ, на распросы урядника, письменно оговорилъ Грибачева, но послѣ привода послѣдняго оговоръ этотъ снялъ. Заподозрѣнный въ преступленіи вслѣдствіе явно лживыхъ объясненій, 70-ти-лѣтній работникъ умершаго, Яковлевъ, жившій вмѣстѣ съ нимъ, далъ рядъ разнорѣчивыхъ показаній, въ которыхъ приписывалъ нанесеніе поврежденій Кедрову сначала неизвѣстному лицу, потомъ мѣщанину Курочкину и, наконецъ, брату мѣстнаго священника Попову. Содержась подъ стражею, Яковлевъ впалъ въ болѣзненное состояніе и умеръ 3-го августа 1892 года, а 17-го августа на допросѣ у слѣдователя смотритель петергофской тюрьмы заявилъ, что приглашенный 2-го августа для исповѣди Яковлева отецъ Іосифъ Ѳаворскій на вопросъ: «сказалъ ли Яковлевъ, кто убилъ Кедрова?» отвѣтилъ, что на строгое послѣ исповѣди внушеніе открыть передъ смертью истиннаго виновника, Яковлевъ назвалъ Попова. 2-го октября Ѳаворскій, вызванный къ слѣдователю, подтвердилъ показаніе смотрителя, объяснивъ, что послѣ исповѣди и причастія, Яковлевъ, на увѣщаніе сказать, готовясь отойти въ вѣчность правду о томъ, кто убилъ Кедрова, отвѣтилъ: «*Онъ*», несомнѣнно, по содержанію вопроса, относя это къ Попову, и затѣмъ, на дальнѣйшіе вопросы, будучи очень слабъ, молчалъ. Показаніе это, какъ подтверждающее одинъ изъ оговоровъ, сдѣланныхъ Яковлевымъ, занесено въ обвинительный актъ на ряду съ косвенными противъ Попова уликами—и было повторено въ судебномъ засѣданіи по дѣлу. Но по смыслу ст. 444 и 704 Уст. угол. суд., этому показанію не должно быть мѣста ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ. Оно представляетъ собою свидѣтельство духовнаго лица о томъ, что ему сказано не какъ простому посѣтителю или собесѣднику, а какъ духовному отцу въ обстановкѣ, неразрывно связанной съ исповѣдью. Взаимныя при этомъ отношенія Яковлева и отца Ѳаворскаго содержатъ въ себѣ всѣ условія, при которыхъ свидѣтельство не допускается. Ѳаворскій былъ приглашенъ въ тюремный замокъ для исповѣди, какъ священникъ, а не какъ частное или иное должностное лицо. Цѣль его прихода—единственная и исключи-

тельная—отпущеніе грѣховъ человѣку, близящемуся къ кончинѣ, совершенное наединѣ. Разспросъ имъ этого человѣка — не солгалъ ли онъ, правду ли говоритъ онъ — есть прежде всего разспросъ о грѣхѣ, входящій въ содержаніе исповѣди и вытекающій изъ нея столь органически, что не только слабому и больному, съ готовымъ потухнуть сознаньемъ, но и здоровому человѣку—едва ли легко отдѣлить, гдѣ, при этомъ разспросѣ, кончается *духовный отецъ*, предъ которымъ душа раскрывается, какъ книга, и гдѣ начинается будущій *свидѣтель по уголовному дѣлу*. Свидѣтельство объ этомъ, не могущее быть признано допускаемымъ доказательствомъ по самому своему происхожденію, — не можетъ быть имъ признано и по существу своему. Въ сущности свидѣтельство отца Ѳаворскаго есть показаніе Яковлева, данное въ условіяхъ не установленныхъ закономъ и вызывающихъ сомнѣніе по отношенію къ дѣйствительному содержанію его. Оно дано Яковлевымъ in articulo mortis, подъ хладнымъ дыханіемъ смерти, въ изнеможеніи, въ невозможности что либо добавить къ односложному слову, которое нуждается въ комментаріяхъ допрашивающаго. Гдѣ ручательство, что стоя на порогѣ другой жизни, Яковлевъ ясно сознавалъ, о *чемъ* его спрашиваютъ и *что* онъ отвѣчаетъ? Гдѣ ручательство, что разсудокъ хилаго старика, потрясенный и близостью смерти, и дѣйствующею на душу обстановкою исповѣди въ тюрьмѣ, сохранилъ до конца свою ясность? Для допущенія свидѣтельства вообще, законъ въ 1 п. 704 ст. Уст. угол. суд. требуетъ обладанія здоровыми умственными силами. Но гдѣ разрушается тѣло, гдѣ такая сильная слабость, что кромѣ односложнаго слова ничего болѣе нельзя добиться,—тамъ нѣтъ ручательства, что и духовныя силы не помрачились. Думается, что правосудію можетъ быть иногда оказана плохая услуга выставленіемъ въ видѣ доказательства словъ, сказанныхъ, на настоянія духовника, коснѣющимъ языкомъ въ предсмертной, прерывающейся бесѣдѣ. Судебная власть достаточно вооружена средствами розыска и изслѣдованія, чтобы не нуждаться въ *такихъ* доказательствахъ для обличенія дѣйствительно виновныхъ.

Допущенное судебнымъ слѣдователемъ, не исправленное обвинительною камерою, а затѣмъ повторенное на судѣ нарушеніе 444 и 704 ст. Уст. угол. суд., само по себѣ существенное, не было умалено и необходимымъ предостереженіемъ по отношенію къ оцѣнкѣ и сопоставленію косвенныхъ уликъ присяжными засѣдателями. Имъ не было сказано о толкованіи сомнѣнія въ пользу подсудимаго. Это подтверждается заключеніемъ суда по замѣчаніямъ на протоколъ. Вопросъ о значеніи указанія присяжнымъ на толкованіе сомнѣнія возникалъ въ судебной практикѣ не разъ. Заявлялось, что законъ обязываетъ внушать присяжнымъ, что *всякое* сомнѣніе непремѣнно должно быть истолковано въ интересахъ подсудимаго; съ другой стороны указывалось на то, что въ судебныхъ уста-

вахъ нѣтъ правила, которое предписывало бы это дѣлать. Дѣйствительно такого правила, какъ опредѣленнаго закона, нѣтъ! Есть однако судебный обычай, явившійся результатомъ многолѣтняго опыта въ тѣхъ странахъ, гдѣ раньше чѣмъ у насъ была отмѣнена система предустановленныхъ, формальныхъ доказательствъ. Въ силу этого обычая, философская формулировка оснований котораго встрѣчается еще у Декарта, а юридическая разработка сдѣлана Бентамомъ, Уильзомъ, Жиряевымъ и др., убѣжденіе въ виновности не признается сложившимся, доколѣ существуетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе, которое, тѣмъ самымъ, склоняетъ вѣсы въ пользу обвиняемаго. Конечно, это не всякое, мимолетное и не провѣренное сомнѣніе, являющееся плодомъ вялой работы лѣниваго ума и сонной совѣсти,—нѣтъ! это сомнѣніе, остающееся послѣ долгой, внимательной и всесторонней оцѣнки каждаго изъ доказательствъ въ отдѣльности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ, въ связи съ личностью обвиняемаго. Руководящій присяжныхъ судья долженъ призвать ихъ къ особому усилію ума и совѣсти, и въ дѣлахъ, гдѣ обвиненіе строится на уликахъ, сказать имъ: «взвѣсьте каждую улику самое по себѣ и, отвергнувъ изъ нихъ всѣ, возбуждающія въ васъ серьезное сомнѣніе по своему происхожденію, характеру или свойству,—оставьте только несомнѣнныя—и затѣмъ совокупите ихъ воедино, свяжите логической и послѣдовательной работой мысли, ступая осторожно и утверждаясь на каждомъ шагу — и если эта совокупность не возбудитъ въ васъ сомнѣнія, остающагося, несмотря ни на что, скажите, что человѣкъ, задавшій своими дѣйствіями вамъ всю эту работу — *виновенъ* — скажите это смѣло и безъ колебаній». Къ такому толкованію обязываетъ не прямое указаніе закона, но его духъ, но основные пріемы точнаго мышленія, составляющіе въ своемъ родѣ non scripta sed nata lex. Этотъ духъ сквозитъ въ предписанныхъ 769 и 813 ст. Уст. угол. суд., о раздѣленіи голосовъ судей и присяжныхъ поровну; имъ проникнуты и 2 п. 801, а также ст. ст. 803 и 804 Уст. угол. суд., ибо общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, о которыхъ обязанъ говорить предсѣдатель, должны, безъ сомнѣнія, состоять и въ преподаваніи присяжнымъ общихъ указаній, какъ производить оцѣнку уликъ и доказательствъ и дѣлать изъ нея твердые выводы. Не надо забывать, что 2 часть XV тома еще задолго до судебной реформы указывала, что нѣсколько несовершенныхъ доказательствъ (къ каковымъ, между прочимъ, относился оговоръ чрезъ подсудимыхъ), совокупно взятыхъ, могутъ составить совершенное доказательство — лишь когда они *исключаютъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго,*—и что составители судебныхъ уставовъ, проектируя главу о судебныхъ доказательствахъ, находили нужнымъ включить въ нее слѣдующее обязательное правило: «подсудимый признается невиновнымъ, доколѣ противное не будетъ доказано; всякое сомнѣніе о винѣ или о степени вины под-

судимаго объясняется въ его пользу». Вотъ почему категорическое указаніе на значеніе разумнаго сомнѣнія должно входить въ руководящее напутствіе въ дѣлѣ, гдѣ обвиненіе было основано на косвенныхъ уликахъ и на оговорѣ заподозрѣннаго, подкрѣпляемомъ свидѣтельствомъ, которое законъ отвергаетъ рѣшительно и безусловно.

Обращаюсь, наконецъ, къ жалобѣ фельдшера Иванова. Нельзя не видѣть, что признаніе его виновнымъ въ томъ, что—«не принимая никакого участія въ нанесеніи смертельныхъ поврежденій Кедрову, но зная, кѣмъ таковыя нанесены, и желая скрыть дѣйствительнаго виновника, навлекши подозрѣніе на мѣщанина Василія Курочкина, онъ представилъ полицейскому уряднику листокъ бумаги, съ написаннымъ на немъ словомъ «Курочкинъ», заявивъ, завѣдомо для себя ложно, что будто бы самъ Кедровъ написалъ это слово добровольно и сознательно въ отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ о томъ, кѣмъ именно были нанесены Кедрову поврежденія черепа, вслѣдствіе каковыхъ дѣйствій его Курочкинъ и былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго»,— исключаетъ всякую возможность видѣть въ дѣяніяхъ его безприсяжное ложное показаніе при дознаніи. Ссылаясь на тщательную и вполнѣ правильную разработку вопроса объ укрывательствѣ по взглядамъ теоріи уголовнаго права и по кассаціоннымъ рѣшеніямъ, представленную защитникомъ Иванова, присяжнымъ повѣреннымъ Холева, вполнѣ присоединяюсь къ выводу его о томъ, что въ дѣяніи Иванова нѣтъ признаковъ *укрывательства* преступленія, за каковое онъ осужденъ судомъ. Но, отрицая возможность выводить изъ отвѣта присяжныхъ обвиненіе въ укрывательствѣ, нельзя не признать, что въ дѣяніи Иванова есть полная наличность *ложнаго доноса*, предусмотрѣннаго 943 ст. Улож. о наказан. и разъясненнаго рѣшеніями Правительствующаго Сената 1875 года по дѣлу Сизова, и 1887 года по дѣламъ Вильде, Макаренко и Гутовича, при чемъ указаніе на то, что заявленіе сдѣлано было лишь уряднику, который не предупредилъ, согласно 307 ст. Уст. угол. суд. заявителя объ отвѣтственности за ложные доносы— не имѣетъ значенія въ виду рѣшенія Сената 1888 года по дѣлу Ряжкина и Попова и того обстоятельства, что урядникъ являлся хотя и низшимъ, но непосредственнымъ органомъ власти, на обязанности которой лежало возбужденіе преслѣдованія противъ Курочкина. По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ я считаю необходимымъ—отмѣнить рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, предписавъ Судебной Палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры, составить новое опредѣленіе, исключивъ изъ матеріаловъ для обсужденія на основаніи 444 и 704 ст. Уст. угол. суд. показаніе священника Ѳаворскаго,—и, во всякомъ случаѣ, за нарушеніемъ 14 и 943 ст. Улож. о наказ. отмѣнить приговоръ суда о наказа-

нiи Иванова, передавъ дѣло въ другое отдѣленiе суда для постановленiя новаго приговора по рѣшенiю присяжныхъ.

Правительствующiй Сенатъ опредѣлилъ: за неправильнымъ примѣненiемъ 14 ст. Улож. о наказ. и за нарушенiемъ 444, 521 и 2 п. 704 ст. Уст. угол. суд., приговоръ Петербургскаго Окружного Суда отмѣнить, предписавъ Судебной Палатѣ составить новое опредѣленiе по дѣлу и дать оному дальнѣйшiй ходъ въ установленномъ закономъ порядкѣ.

III.

По дѣлу Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара.

16-го мая 1894 г. вечеромъ въ гостинницѣ «Европа» заняли номеръ молодой человѣкъ въ формѣ студента Института инженеровъ путей сообщенія и дама. На другой день, около часа пополудни, изъ этого номера послышались, одинъ за другимъ, два выстрѣла и затѣмъ въ коридоръ вышла женщина со словами: «я совершила преступленіе и ранила себя; скорѣе доктора и полицію».

По произведенному прибывшими полиціей и докторомъ осмотру и по выясненіи личности находившихся въ этомъ номерѣ, оказалось, что у окна номера лежитъ трупъ студента Института инженеровъ путей сообщенія, Александра Степановича Довнара. Смерть его произошла отъ нанесенной ему безусловно смертельной огнестрѣльной раны, выстрѣломъ изъ револьвера, произведеннымъ сзади, снизу вверхъ, въ весьма близкомъ разстояніи, не болѣе 2, 3-хъ вершковъ, при чемъ пуля вошла въ верхнюю часть шеи, на 1/2 вершка ниже затылочнаго бугра. Стрѣлявшая въ Довнара и ранившая себя женщина оказалась мѣщанкою Ольгою Васильевною Палемъ; нанесенная ею себѣ рана въ грудь, по заключенію врача, должна быть признана, хотя и не смертельною, но принадлежащею къ разряду тяжкихъ.

По произведенному за симъ предварительному слѣдствію, обвинительнымъ актомъ, утвержденнымъ С.-Петербургскою Судебною Палатою 22-го декабря 1894 г., Ольга Палемъ, на основаніи 201 ст. Уст. угол. суд., предана суду С.-Петербургскаго Окружного Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ убійствѣ студента Александра Довнара съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1454 Улож. о наказ.

Дѣло объ убійствѣ Довнара разсматривалось въ судѣ 14—18 февраля сего года, при чемъ по окончаніи судебнаго слѣдствія присяжнымъ засѣдателямъ были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Виновна ли подсудимая симферопольская мѣщанка Ольга Васильева Палемъ въ томъ, что, задумавъ заранѣе лишить жизни студента Александра

Довнара, она купила револьверъ съ патронами, снаряженными пулями, пригласила Довнара на свиданіе въ гостинницу «Европа» по набережной рѣки Фонтанки, въ С.-Петербургѣ, взяла съ собою туда револьверъ съ патронами и въ номерѣ этой гостинницы 17-го мая 1894 года выстрѣлила въ него, Довнара, изъ револьвера въ голову, сзади, на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ, въ то время, когда Довнаръ повернулся къ ней спиною и этимъ выстрѣломъ тогда же, на мѣстѣ, лишила его жизни, причинивъ ему смертельное поврежденіе головы?

2) Если подсудимая Ольга Васильева Палемъ не виновна по первому вопросу, то не виновна ли она въ томъ, что 17-го мая 1894 г. въ номерѣ гостинницы «Европа» по набережной рѣки Фонтанки, въ С.-Петербургѣ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но однако и не случайно, а въ состояніи раздраженія отъ нанесеннаго ей студентомъ Александромъ Довнаромъ оскорбленія, она, съ цѣлью лишенія жизни Александра Довнара, выстрѣлила въ него изъ револьвера въ голову и этимъ выстрѣломъ тогда же, на мѣстѣ, лишила его жизни, причинивъ ему смертельное поврежденіе головы?

На оба вопроса присяжные отвѣтили «нѣтъ не виновна», а посему судъ, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. суд., призналъ Ольгу Палемъ по суду оправданною.

На этотъ приговоръ принесены кассаціонный протестъ товарища прокурора Окружного Суда и кассаціонная жалоба повѣреннаго гражданской истицы, матери Довнара, по второму мужу Шмитъ, въ коихъ они ходатайствовали объ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и приговора суда, а повѣренный гражданской истицы—и опредѣленія Судебной Палаты о преданіи Ольги Палемъ суду.

Основаніемъ своего ходатайства и прокуроръ, и повѣренный гражданской истицы указывали прежде всего на нарушенія, допущенныя судомъ при постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ.

Въ семъ отношеніи изъ протокола судебнаго засѣданія видно:

«По выходѣ суда въ зало засѣданія и по занятіи присяжными засѣдателями и участвующими въ дѣлѣ лицами своихъ мѣстъ, предсѣдатель прочелъ проектъ вопросовъ, предоставивъ сторонамъ сдѣлать на вопросы свои замѣчанія. Со стороны товарища прокурора и повѣреннаго гражданской истицы замѣчаній не послѣдовало. Защитникъ подсудимой просилъ поставить дополнительный вопросъ по 96 ст. Улож. о наказ. о томъ, не совершила ли подсудимая преступленія въ припадкѣ умоизступленія. По удаленіи присяжныхъ засѣдателей въ особую комнату, охраняемую стражею, судъ удалился для совѣщанія. По выходѣ суда въ зало засѣданія и занятіи присяжными засѣдателями и участвующими въ дѣлѣ лицами своихъ мѣстъ, предсѣдатель предложилъ товарищу прокурора дать свое заключеніе по содержанію ходатайства защиты. Товарищъ прокурора заявилъ, что ходатайство защиты о постановкѣ вопроса по признакамъ 96 ст. Улож. о наказ. онъ полагалъ бы оставить безъ удовлетворенія, такъ какъ для постановки такого вопроса необходимо освидѣтельствованіе подсудимой въ порядкѣ 353—355 ст. Уст. угол. суд. и для постановки его судебнымъ слѣдствіемъ не обнаружено данныхъ. Предсѣдатель обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ вопросомъ: не имѣютъ ли они сдѣлать какихъ либо замѣчаній на вопросы. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей заявилъ: «мы присоединяемся къ ходатайству защиты». На вопросъ предсѣдателя, кто именно изъ присяжныхъ засѣдателей заявляетъ о постановкѣ дополнительнаго вопроса, двое присяжныхъ засѣдателей отвѣчали, что изъ состава присяжныхъ засѣда-

телей четверо высказываются въ пользу вопроса, предположеннаго защитою. Судъ удалился для совѣщанія по уходѣ присяжныхъ засѣдателей въ особую комнату, охраняемую стражею. По выходѣ суда въ зало засѣданія и занятіи присяжными засѣдателями и участвующими въ дѣлѣ лицами своихъ мѣстъ, товарищъ прокурора просилъ предоставить ему, до постановленія судомъ опредѣленія по существу сдѣланныхъ присяжными засѣдателями замѣчаній на вопросы, высказать заключеніе по содержанію означенныхъ замѣчаній. Предсѣдатель заявилъ, что признаетъ предъявленіе товарищемъ прокурора заключенія несвоевременнымъ, такъ какъ постановленіе суда уже состоялось и подлежитъ провозглашенію, послѣ чего предсѣдатель объявилъ, что Окружной Судъ, принимая во вниманіе, что нѣкоторые присяжные засѣдатели присоединились къ ходатайству защиты о постановкѣ вопроса по 96 ст. Улож. о наказ., что означенный вопросъ, какъ онъ формулированъ защитой, не могъ быть вполнѣ усвоенъ присяжными засѣдателями, поручилъ предсѣдателю разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ значеніе этого вопроса и условія его постановки и пригласить присяжныхъ засѣдателей къ новому обсужденію проектированныхъ судомъ вопросовъ по соображеніи ихъ съ разъясненіемъ предсѣдателя. Затѣмъ предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ содержаніе 96 ст. Улож. о наказ. и установленный ст. 353—355 Уст. угол. суд. порядокъ освидѣтельствованія обвиняемаго въ случаѣ возникшаго сомнѣнія въ ненормальномъ состояніи его умственныхъ способностей и указалъ при томъ, что изслѣдованія въ этомъ порядкѣ произведено не было, такъ какъ на предварительномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о такомъ болѣзненномъ состояніи подсудимой, которое подходило бы подъ дѣйствіе 96 ст. Улож. о наказ. Затѣмъ предсѣдатель, на основаніи 762 ст. Уст. угол. суд., вручивъ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей вопросный листъ, пригласилъ ихъ обдумать свои замѣчанія и для сего удалиться въ особую комнату. Присяжные засѣдатели удалились въ особую комнату, охраняемую стражею. По выходѣ ихъ въ зало засѣданія старшина присяжныхъ засѣдателей заявилъ, что присяжные засѣдатели съ своей стороны не имѣютъ сдѣлать какихъ либо возраженій на предположенные судомъ вопросы и отъ постановки дополнительнаго вопроса о совершеніи подсудимой преступленія въ припадкѣ умоизступленія отказываются. Окружной Судъ, обсудивъ ходатайство защиты о постановкѣ вопроса по признакамъ 96 ст. Улож. о наказ. и принимая во вниманіе, что на судебномъ слѣдствіи не обнаружено такихъ обстоятельствъ, которыя указывали бы на совершеніе подсудимой преступленія въ припадкѣ болѣзни, доходящей до умоизступленія, что постановка такого вопроса могла быть допущена только при условіи предварительнаго соблюденія порядка, описаннаго въ ст. 353—355 Уст. угол. суд., постановилъ ходатайство защиты оставить безъ послѣдствій. Судъ утвердилъ вопросы въ прочитанной формѣ. Засимъ окончательно поставленные вопросы были подписаны предсѣдателемъ и членами».

Въ этомъ жалующіеся усматривали:

1) Нарушеніе 762 ст. Уст. угол. суд., на основаніи коей «вопросы, постановленные судомъ излагаются письменно, прочитываются вслухъ и исправляются или дополняются по тѣмъ замѣчаніямъ сторонъ или кого либо изъ присяжныхъ засѣдателей, которыя судъ признаетъ уважительными. Въ случаѣ требованія сторонъ или присяжныхъ засѣдателей, судъ даетъ имъ время обдумать свои возраженія и вручаетъ списокъ вопросовъ». Въ виду этого судъ долженъ былъ самъ разрѣшить, въ томъ или другомъ смыслѣ, предъявленное

ходатайство, но не имѣлъ основанія удалять всѣхъ присяжныхъ для совѣщанія, причемъ очевидно заявившее ходатайство меньшинство, составлявшее $^1/_3$, должно было быть поглощено большинствомъ, что и вызвало отвѣтъ отъ имени всѣхъ присяжныхъ, что они не настаиваютъ на постановкѣ дополнительнаго вопроса. Эти нарушенія 762 ст. приводили къ тому, что а) разрѣшеніе возможности постановки дополнительнаго вопроса по ст. 96 Улож. было перенесено, вопреки закону, на присяжныхъ засѣдателей и б) что присяжные, заявившіе о ходатайствѣ, хотя и отказались, въ виду большинства, отъ постановки вопроса, но этимъ очевидно не устранилось ихъ сомнѣнія о психическомъ состояніи Палемъ во время убійства, какое сомнѣніе представлялось при разрѣшеніи окончательнаго вопроса о виновности особенно важнымъ потому, что предсѣдательствовавшій въ заключительномъ словѣ не указалъ присяжнымъ, какъ они должны поступать въ случаѣ возбужденія между ними при рѣшеніи дѣла вопроса о невмѣняемости Палемъ. Относительно этого указанія протеста и жалобы въ протоколѣ судебнаго засѣданія не содержится никакого указанія, но въ замѣчаніяхъ на протоколъ товарища прокурора значится: предсѣдатель «не объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что если они, обсуждая предложенные имъ вопросы, придутъ къ сомнѣнію въ нормальности умственныхъ способностей Ольги Палемъ въ моментъ совершенія ею преступленія, то должны, оставивъ вопросы о виновности безъ отвѣта, вернуться въ залъ засѣданія и заявить суду о встрѣченномъ ими сомнѣніи»,—а судъ въ своемъ заключеніи по этимъ замѣчаніямъ удостовѣряетъ, что «предсѣдатель, упомянувъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей потребовать дополнительнаго объясненія, согласно 808 ст. Уст. угол. суд., не указалъ имъ на необходимость воспользоваться этимъ правомъ и въ томъ случаѣ, если при рѣшеніи вопроса о виновности подсудимой, у нихъ возникнетъ сомнѣніе въ томъ, что преступленіе совершено ею въ припадкѣ болѣзни, доводящей до безпамятства».

Вмѣстѣ съ симъ, въ приведенныхъ дѣйствіяхъ суда товарищъ прокурора усматривалъ и нарушеніе 619 ст. Уст. угол. суд., по силѣ коей «всѣ постановленія по спорамъ и пререканіямъ сторонъ могутъ исходить только отъ суда, который въ вопросахъ, относящихся къ порядку производства дѣла, выслушиваетъ предварительно заключеніе прокурора». Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ предсѣдательствующій не только не предложилъ ему дать заключеніе по поводу ходатайства присяжныхъ, но даже отказалъ ему высказать свое мнѣніе по сему предмету, въ виду уже состоявшагося опредѣленія суда. Между тѣмъ такое частное опредѣленіе могло подлежать и измѣненію, въ виду тѣхъ соображеній, которыя онъ могъ бы представить суду. Въ этихъ дѣйствіяхъ суда усматривалось существенное нарушеніе 549 ст. Уст. угол. суд. Такъ какъ судъ, въ виду невозбужденія на предварительномъ слѣдствіи вопроса о психическомъ состояніи Ольги Палемъ и непроизводства освидѣтельствованія ея въ порядкѣ 353—356 ст. Уст. угол. суд. не могъ поставить дополнительнаго вопроса по 96 ст. Улож., то онъ, какъ полагаютъ жалобщики, долженъ былъ, возобновивъ судебное слѣдствіе, обсудить возбудившееся сомнѣніе по существу, и засимъ, если бы нашелъ это сомнѣніе основательнымъ, представить на основаніи 549 ст. Уст. угол. суд., Судебной Палатѣ для производства, въ установленномъ порядкѣ, освидѣтельствованія обвиняемой. Для такой передачи дѣла въ Палату, по мнѣнію жалобщиковъ, независимо отъ ходатайства присяжныхъ засѣдателей и защиты о постановкѣ вопроса по ст. 96 достаточныя основанія вытекали изъ данныхъ судебнаго слѣдствія, изъ показаній эксперта Руковича, д-ра Зельгейма и врача дома предварительнаго заключенія, изъ показаній

другихъ лицъ, тамъ служащихъ, и изъ прочитанныхъ на судѣ писемъ и другихъ актовъ.

По этому пункту кассаціонной жалобы изъ протокола суда видно: «По просьбѣ защитника, ему было разрѣшено предсѣдателемъ предложить дополнительные вопросы эксперту Руковичу. Защитникъ предложилъ эксперту вопросъ о психическомъ состояніи подсудимой. Товарищъ прокурора просилъ о занесеніи этого вопроса въ протоколъ. На этотъ вопросъ и на дальнѣйшіе вопросы защитника экспертъ далъ свое заключеніе о состояніи здоровья подсудимой; сущность заключенія эксперта по ходатайству защиты заносится въ протоколъ; экспертъ объяснилъ, что подсудимая страдаетъ крайней возбудимостью нервной системы, нервностью и рѣзко выраженной неврастеніей; психически подсудимая совершенно здорова и нѣтъ никакихъ данныхъ сомнѣваться въ нормальности ея. По окончаніи допроса эксперта защитникомъ, товарищъ прокурора предложилъ эксперту вопросъ: можно ли изъ отвѣтовъ эксперта на вопросы защиты вывести заключеніе, что подсудимая дѣйствовала сознательно, на что экспертъ далъ утвердительный отвѣтъ. Вопросъ товарища прокурора и отвѣтъ на него эксперта по требованію защитника заносятся въ протоколъ».

Кромѣ того въ замѣчаніи на протоколъ товарища прокурора указано, «что, по допросѣ свидѣтеля доктора Зельгейма сторонами, экспертъ Руковичъ предложилъ вопросъ о томъ, въ какомъ психическомъ состояніи онъ засталъ подсудимую въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за убійствомъ и покушеніемъ на самоубійство. Предсѣдатель остановилъ эксперта, напомнивъ ему, что онъ вызванъ для дачи заключенія по вопросу о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, нанесенныхъ Ольгою Палемъ Довнару и себѣ,—и предложилъ Руковичу не выходить изъ предѣловъ этой экспертизы. Возражая на ограниченіе экспертизы въ означенныхъ рамкахъ, защитникъ заявилъ, что предполагаетъ допрашивать эксперта Руковича и о психическомъ состояніи подсудимой во время совершенія ею преступленія, что имъ и было исполнено. По предложенію предсѣдателя экспертъ Руковичъ продолжалъ допросъ свидѣтеля Зельгейма, причемъ спросилъ названнаго свидѣтеля, въ какомъ состояніи онъ засталъ подсудимую вслѣдъ за совершеніемъ ею преступленія, прося свидѣтеля выражаться научно и объяснить—было ли то «неврозъ» или «психозъ». Докторъ Зельгеймъ отвѣчалъ: «всякое убійство есть психозъ». Правильность этого замѣчанія удостовѣрена судомъ. Сверхъ сего, какъ видно изъ производства во время предварительныхъ къ суду распоряженій, защитникъ подсудимой входилъ 21-го января 1895 г. въ судъ съ такого рода ходатайствомъ: «что въ виду того, что мнѣ отказано въ допросѣ частнаго врача Спасской части г. Руковича, какъ свидѣтеля, и что онъ остается такимъ образомъ въ процессѣ въ качествѣ свѣдущаго лица, удостовѣряющаго между прочимъ, что страданіе Палемъ крайнею возбужденностью нервной системы и рѣзко выраженною неврастеніею, хотя и констатированныя имъ какъ болѣзненныя, не имѣютъ однакоже ничего общаго съ болѣзнями психическими, я имѣю честь просить о вызовѣ: нижепоименованныхъ (профессора Бехтерева, врачей Лебедева и Блуменау) экспертовъ для опроверженія столь категорическаго и едва ли вѣрнаго заключенія г. эксперта Руковича. Во всякомъ случаѣ защита Палемъ считаетъ своею обязанностью заботиться о болѣе всестороннемъ и дѣйствительно научномъ изслѣдованіи этого затронутаго предварительнымъ слѣдствіемъ вопроса». Въ этомъ его ходатайствѣ судъ опредѣленіемъ 21-го января 1895 г. отказалъ по тѣмъ между прочимъ соображеніямъ, «что названные эксперты, согласно указанію защиты,

подлежать вызову въ судъ для выясненія болѣзненнаго состоянія подсудимой въ области психическаго разстройства, между тѣмъ ни на предварительномъ слѣдствіи, ни при разсмотрѣніи дѣла въ обвинительной камерѣ Судебной Палаты вопросъ о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей подсудимой Палемъ возбуждаемъ не былъ, а Окружной Судъ съ своей стороны не находитъ въ обстоятельствахъ дѣла основанія къ возбужденію означеннаго вопроса. По изложеннымъ основаніямъ Окружной Судъ находитъ, что вышесказанная экспертиза, какъ относящаяся къ вопросу, не вытекающему изъ обстоятельствъ дѣла и подлежащему разрѣшенію въ особомъ порядкѣ, указанномъ въ 353—356 ст. Уст. угол. суд., не можетъ быть допущена на судебномъ слѣдствіи».

Слѣдующее основаніе для отмѣны приговора протестъ и жалоба видѣли въ нарушеніи предсѣдательствующимъ ст. 801 и 812 Уст. угол. суд. неразъясненіемъ присяжнымъ засѣдателямъ, что разрѣшая вопросы, имъ предложенные, они могутъ дать на нихъ ограничительные отвѣты, между прочимъ признавъ Палемъ дѣйствовавшей безъ намѣренія убить Довнара, а лишь съ намѣреніемъ нанесенія ему раны, неожиданно для нея окончившейся его смертью, чтобы соотвѣтствовало преступленію, предусмотрѣнному 1484 ст. Улож. Между тѣмъ, по мнѣнію жалобщиковъ, основаніемъ для такого разъясненія могло служить какъ сознаніе Палемъ на судѣ, — что для нея случайной была лишь смерть Довнара, а не направленный въ него выстрѣлъ, такъ и оглашенное на судѣ письмо Палемъ къ Кандинскомъ отъ 28-го мая 1894 г., въ каковомъ письмѣ Палемъ, между прочимъ, пишетъ: «Саша убитъ совершенно случайно, такъ какъ я хотѣла только себя и то не убить, а только поранить, чтобы у него явилось раскаяніе и угрызеніе совѣсти, для того, чтобы онъ на мнѣ женился... Къ несчастью, въ это утро онъ слишкомъ сильно вызывалъ во мнѣ ревность и, не щадя меня, оскорблялъ, какъ только могъ. Я, не помня себя отъ самаго сильнаго оскорбленія, выхватила револьверъ, была ли цѣль убить или напугать его—не помню, помню только, что я выстрѣлила, онъ упалъ».

По поводу этого пункта жалобы въ протоколѣ не содержится никакихъ указаній, но въ замѣчаніи на протоколъ указано: «что, во-первыхъ, по вопросу о своей виновности Ольга Палемъ, какъ въ объясненіяхъ своихъ по поводу показаній свидѣтелей, такъ и въ послѣднемъ словѣ заявляла, что убить Довнара намѣренія не имѣла и, во-вторыхъ, что въ своемъ руководящемъ напутственномъ словѣ предсѣдатель не объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ право ихъ дать ограничительные отвѣты на каждый изъ предложенныхъ имъ вопросовъ черезъ добавленіе къ утвердительному отвѣту словъ, отрицающихъ у Палемъ намѣреніе лишить Довнара жизни». И это замѣчаніе удостовѣрено судомъ, такъ какъ въ его заключеніи подтверждается, «что подсудимая, отвѣтивъ отрицательно на предложенный ей въ порядкѣ 679 ст. Уст. угол. суд. вопросъ о виновности въ предумышленномъ убійствѣ, въ послѣдующихъ своихъ объясненіяхъ по поводу отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій неоднократно говорила, что убить Довнара не хотѣла, и что въ объясненіяхъ предсѣдателя, данныхъ присяжнымъ засѣдателямъ, согласно 801—815 ст. Уст. угол. суд., было упомянуто о правѣ ихъ при утвердительномъ разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимой въ предумышленномъ убійствѣ дать ограничительный отвѣтъ, отвергнувъ заранѣе обдуманное намѣреніе, но ни въ отношеніи этого вопроса, ни при объясненіи второго вопроса о виновности ея въ убійствѣ въ раздраженіи, не было указано, что присяжные засѣдатели, признавая подсудимую виновную по

первому или второму изъ предложенныхъ имъ вопросовъ, могутъ въ то же время отвергнуть намѣреніе подсудимой лишить Довнара жизни».

Кромѣ того повѣренный гражданской истицы указывалъ, что изложенныя выше нарушенія, допущенныя на судебномъ слѣдствіи, съ неизбѣжностью вытекали изъ нарушеній, допущенныхъ при самой обстановкѣ обвиненія на судъ, при утвержденіи Палатою обвинительнаго акта съ нарушеніемъ 531 и 534 ст. Уст. угол. суд., и при томъ въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, неполненіемъ существеннаго пробѣла по дѣлу, оставленнаго предварительнымъ слѣдствіемъ, а съ другой стороны, внесеніемъ въ предварительное слѣдствіе много лишняго, долженствовавшаго только затемнить разсмотрѣніе дѣла на судѣ, и въ особенности съ присяжными.

Въ первомъ отношеніи жалобщикъ указывалъ на непроизводство при предварительномъ слѣдствіи освидѣтельствованія Палемъ въ порядкѣ 353—356 ст. Какъ объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ на судѣ предсѣдательствовавшій, это произошло потому, что на предварительномъ слѣдствіи не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о такомъ болѣзненномъ состояніи подсудимой, которое бы подходило подъ ст. 96 Улож.; но это указаніе, по мнѣнію жалобщика, не точно. Для такого рода предположеній предварительнымъ слѣдствіемъ установлены были нижеслѣдующіе данныя. А) Допрошенные, въ качествѣ свидѣтелей, нижепоименованныя лица показали: 1) Стефанъ Матеранскій, товарищъ и другъ покойнаго Довнара, «если она (Палемъ) начинала какую нибудь сцену, ссору, то возбужденіе ея росло, росло, доходило до предѣловъ, которые трудно себѣ представить, не будучи очевидцемъ; она постепенно взвинчивала свои нервы до крайняго напряженія, при чемъ летали по комнатѣ и головамъ присутствующихъ тарелки, чернильницы, бездѣлушки, затѣмъ начинали у нея стучать зубы, оня начинала вся дрожать, глаза принимали страшное выраженіе и кончалось обыкновенно тѣмъ, чта она схватывала столовый ножъ. чтобы зарѣзаться, или выскакивала на балконъ, чтобы броситься внизъ». Передавая далѣе одну изъ вспышекъ гнѣва или ревности Палемъ, тотъ же свидѣтель говоритъ: «она (Палемъ) со страшно вращающимися бѣлками глазъ, съ безсмысленнымъ взглядомъ, машетъ столовымъ ножемъ, дѣлая видъ, что желаетъ заколоться или зарѣзаться. Я велѣлъ позвать доктора и ушелъ». 2) Василій Кандинскій: «прожилъ я съ Палемъ года два... и убѣдился, что это очень нервная раздражительная женщина, страдавшая по временамъ галлюцинаціями, иногда ей чудились видѣнія...» 3) Полковникъ Александръ Калеминъ: «Ольга Палемъ очень нервна и впечатлительна и нервы доводили ее даже до галлюцинацій». 4) Александръ Палтовъ, секретарь министра путей сообщенія: «при разговорахъ со мной Ольга Палемъ производила на меня впечатлѣніе женщины больной психически, съ совершенно разстроенными нервами». 5) Геня Палемъ, мать подсудимой: «Меня (Ольга Палемъ) была скромная и добрая дѣвушка, только была очень ужъ нервная, обмороки съ нею случались часто». 6) Дарья Степанова, горничная Ольги Палемъ: «Палемъ страдала разстройствомъ нервовъ, часто находилась въ истерикѣ, послѣ чего лежала въ кровати нѣсколько дней». 7) Екатерина Журавлева, фельдшерица дома предварительнаго заключенія: «о характерѣ Ольги Палемъ могу сказать только, что она взбалмошная и необузданная, она человѣкъ невозможный, неперевариимый». 8) Александра Крылова, помощница начальника дома предварительнаго заключенія: «въ одну камеру съ Палемъ помѣщена была арестантка Гордина для присмотра за нею, оттого, что Палемъ иногда приходила въ неистовство и въ это время рвала на себѣ волосы и билась головою о стѣну». 9) Игнатій Садов-

скій, швейцаръ дома, въ которомъ проживали Довнаръ и Палемъ въ концѣ 1893 г.: «я былъ позванъ братомъ Довнара и, когда вошелъ въ квартиру, засталъ слѣдующее: Палемъ стоитъ въ передней, трясется отъ волненія и кричитъ что-то. Изъ другой комнаты выходитъ Довнаръ и кричитъ: позовите околоточного надзирателя, ее, Палемъ, нужно отправить въ сумасшедшій домъ. На это я замѣтилъ, что тутъ нуженъ докторъ, а не полиція». 10) Докторъ Митропольскій, временно исправлявшій должность врача при домѣ предварительнаго заключенія: «на галлюцинаціи не помню, чтобы она (Палемъ) мнѣ жаловалась. Вообще она производила на меня впечатлѣніе особы нервной, съ повышенною нервною возбужденностью». 11) Докторъ Исаакъ Чацкинъ: «мнительность ея (Палемъ) переходила за предѣлы обычной мнительности такихъ больныхъ, у меня иногда мелькало подозрѣніе на не совсѣмъ нормальное психическое состояніе Поповой (Палемъ)». 12) Докторъ Морицъ, описывая отношенія Палемъ къ Довнару, говоритъ: «выписка Довнара (изъ больницы) освободила меня отъ большой заботы, до этого момента я боялся какой нибудь неожиданной насильственной развязки, каковая и послѣдовала». Б) Въ письмѣ отъ 25-го сентября 1893 г. къ В. С. Кандинскому мать покойнаго Довнара, А. М. Шмитъ, писала: «она (Палемъ) больна вслѣдствіе той ужасной жизни, которую она ведетъ съ моимъ сыномъ... сама требуетъ попеченія, какъ больная женщина. Поэтому вы не оставите Ольги Васильевны, такъ какъ она, при ея разстроенныхъ нервахъ, можетъ худо окончить». Приведенныя выше показанія свидѣтелей о болѣзненномъ состояніи Ольги Палемъ, подтверждаются цѣлымъ рядомъ писемъ и записокъ ея за мартъ—май мѣсяцы 1894 г. Въ этихъ письмахъ Палемъ постоянно жалуется на болѣзненное состояніе своего здоровья: «я должна совсѣмъ погибнуть отъ моей тоски», «тоска совсѣмъ мнѣ сдавила грудь и горло, я даже не въ состояніи ѣсть», «да неужели же мнѣ пропасть отъ такой сильной тоски, совсѣмъ нечѣмъ дышать, я задыхаюсь», «больно свободно духъ перевести, какъ будто вся грудь обварена кипяткомъ...» В) Болѣзненное состояніе Ольги Палемъ, дающее поводъ предположить, что преступленіе могло быть учинено ею въ припадкѣ умоизступленія подтверждается и особымъ протоколомъ, составленнымъ судебнымъ слѣдователемъ 7-го сентября 1894 г., о поведеніи Палемъ въ камерѣ слѣдователя и о бывшемъ съ нею тогда болѣзненномъ припадкѣ. При наличности указанныхъ выше данныхъ, на основаніи 355[1] ст. Уст. угол. суд., какъ полагаетъ повѣренный гражданской истицы, надлежало произвести освидѣтельствованіе Ольги Палемъ въ состояніи умственныхъ способностей для удостовѣренія въ томъ, не учинила ли она убійства Довнара въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія. Только такое освидѣтельствованіе, результаты наблюденія надъ Палемъ психіатровъ и заключеніе врачей спеціалистовъ по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ давали бы возможность и право оспаривать возбужденное защитою и возникшее у нѣкоторыхъ присяжныхъ засѣдателей сомнѣніе о невмѣняемости Палемъ. Основывать же свои возраженія на основаніи своего личнаго убѣжденія и весьма категорическаго, но мало мотивированнаго заключенія полицейскаго врача-хирурга, представлялось противнымъ закону (355 ст. Уст. угол. суд.). Равнымъ образомъ, какъ полагалъ жалобщикъ, Палата, по силѣ 534 ст. Уст. угол. суд., должна была устранить изъ предварительнаго слѣдствія рядъ данныхъ, внесенныхъ въ него въ нарушеніе 367 и 449 ст. Уст. угол, суд. Такое нарушеніе выразилось: 1) въ осмотрѣ при понятыхъ и пріобщеніи къ дѣлу многихъ писемъ и другихъ документовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. Къ числу таковыхъ относятся, напр.: письмо къ Г. А. Тройницкому, письмо

А. М. Шмитъ о поведенiи ея меньшого сына, конвертъ съ письмами на имя Палемъ отъ одного офицера и записка Палемъ о неблаговидномъ поступкѣ другого офицера, нѣсколько писемъ Александра Довнара, въ которыхъ ничего не говорится о Палемъ и напротивъ того упоминается о лицахъ и обстоятельствахъ, никакого отношенiя къ дѣлу объ убiйствѣ не имѣющихъ; 2) въ осмотрѣ книгъ банкирской конторы Хаиса; 3) въ истребованiи отъ Одесской и С.-Петербургской контрольныхъ палатъ свѣдѣнiй о деньгахъ, полученныхъ Довнаромъ, для извлеченiя каковыхъ свѣдѣнiй только въ Одессѣ осмотрѣно было 537 книгъ Одесской почтовой конторы и несомнѣнно гораздо большее число книгъ С.-Петербургскаго почтамта; 4) въ осмотрѣ дѣла сыскного отдѣленiя канцелярiи С.-Петербургскаго градоначальника, путемъ каковаго осмотра оглашены были на судѣ полицейскiя справки и протоколы дознанiя, т. е. документы, оглашенiю не подлежащiе и притомъ касавшiеся лицъ, къ дѣлу объ убiйствѣ не имѣвшихъ никакого отношенiя. Какъ полагалъ жалобщикъ, Судебная Палата при разсмотрѣнiи дѣла обязана исключить изъ слѣдственнаго производства всѣ документы, оглашенiе которыхъ на судѣ, по формальнымъ условiямъ, можетъ быть обязательно (ст. 574, 626, 687 Уст. угол. суд.), но которые не имѣютъ существеннаго для дѣла значенiя, усложняютъ дѣло и только вслѣдствiе ошибки, допущенной судебнымъ слѣдователемъ, даютъ законное право оглашать на судѣ такiя данныя и такiя обстоятельства, которыя, при точномъ соблюденiи законовъ о производствѣ предварительнаго слѣдствiя, на основанiи закона же не могутъ подлежать оглашенiю. По этимъ основанiямъ жалобщикъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ и самаго опредѣленiя о преданiи Палемъ суду.

Дѣло слушалось въ Уголовномъ Кассацiонномъ Департаментѣ 21-го октября 1895 г.

Рѣшенiе присяжныхъ засѣдателей по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнiю Правительствующаго Сената, вызвало крайнiя и противорѣчивыя мнѣнiя, страстная поспѣшность которыхъ во всякомъ случаѣ превосходитъ ихъ основательность и обдуманность. Съ одной стороны это рѣшенiе выставляется образцомъ правосуднаго урока изъ области личной нравственности, направленнаго на защиту тягостнаго положенiя покинутой женщины,—съ другой стороны въ немъ усматривается яркое доказательство непригодности суда присяжныхъ, не дающаго, своими оправдательными приговорами, удовлетворенiя чувству справедливости и безопасности. Но не въ такихъ одностороннихъ мнѣнiяхъ и не въ неумѣстныхъ рукоплесканiяхъ, встрѣтившихъ провозглашенiе этого рѣшенiя, содержится истинная оцѣнка его правильности. Она должна исходить изъ вопроса о томъ, состоялся ли приговоръ присяжныхъ въ такихъ условiяхъ, которыя, по закону, даютъ ему силу судебнаго рѣшенiя. Если эти условiя не соблюдены,—если присяжнымъ не была дана возможность свободно выразить всѣ оттѣнки своего внутренняго убѣжденiя по дѣлу, или они не были ознакомлены съ полнотою своихъ правъ по отвѣту на вопросы о виновности, или если они

были призваны высказаться въ области имъ не подлежащей или же, наконецъ, обсуждали дѣло, сущность котораго затемнена усиленнымъ нагроможденіемъ излишнихъ и чуждыхъ разсматриваемому преступленію подробностей, — то о значеніи ихъ приговора и о степени его правильности говорить *преждевременно*, ибо при такой обстановкѣ — есть *отвѣтъ* присяжныхъ, но *приговора* — нѣтъ.

Обращаясь къ дѣлу объ убійствѣ Ольгою Палемъ студента Довнара, — надлежитъ признать, что такія условія соблюдены не были и что состоявшійся о ней приговоръ не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія. На судѣ правильно устроенномъ, каждое обвиненіе въ убійствѣ подлежитъ обсужденію не только съ точки зрѣнія совершившагося преступнаго событія, но и по тому, *что* хотѣлъ совершить виновный въ этомъ событіи, *какъ* и *когда* возникла въ немъ и окрѣпла преступная воля и была ли она проявленіемъ свободнаго самоопредѣленія, а не результатомъ болѣзненно-помраченнаго сознанія. Поэтому, призывая присяжныхъ для отвѣта на вопросъ о виновности, законъ заботится о томъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія при разсмотрѣніи и разрѣшеніи дѣла одного или нѣкоторыхъ изъ этихъ коренныхъ вопросовъ, имъ была предоставлена возможность подвергнуть ихъ своему обсужденію. Этой возможности присяжнымъ засѣдателямъ въ дѣлѣ Палемъ предоставлено не было и имъ не было указано на полноту ихъ правъ въ этомъ отношеніи.

Подсудимая была предана суду по обвиненію въ убійствѣ студента Довнара по заранѣе обдуманному намѣренію, для чего она пригласила его на свиданіе, т. е. по обвиненію въ *предумышленномъ* убійствѣ, по признакамъ 1454 ст. Улож. Судъ постановилъ дополнительный вопросъ объ убійствѣ въ *запальчивости и раздраженіи*, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1455 ст. Улож. Оба вопроса, различаясь видомъ умысла, сходны, однако, въ одномъ—въ *цѣли лишить жизни* жертву преступленія. Но подсудимая, какъ видно изъ протокола суда, заключенія его на замѣчанія сторонъ и изъ обвинительнаго акта, виновною себя въ производствѣ выстрѣла въ Довнара, съ цѣлью лишить его жизни, не признавала, а заявляла, что стрѣляла по направленію къ Довнару съ цѣлью его напугать и что такимъ образомъ смерть его произошла случайно. Поэтому и на основаніи 801 и 812 ст. Уст. угол. суд. присяжнымъ должно было быть разъяснено, что они имѣютъ право дать на каждый изъ поставленныхъ вопросовъ *ограничительный* отвѣтъ именно по отношенію къ умыслу Палемъ лишить Довнара жизни. Этимъ имъ давалась бы возможность, въ случаѣ признанія ими объясненій подсудимой справедливыми вполнѣ или отчасти, признать ее виновною въ нанесеніи, безъ умысла на убійство, смертельнаго поврежденія Довнару. Безъ указанія же на право дать такой ограничительный отвѣтъ, присяжные были замкнуты въ предѣлахъ

вопросовъ, центромъ тяжести которыхъ была цѣль лишить жизни и, если они почему либо отрицали эту цѣль, то были поставлены въ безвыходное положеніе—или признать Палемъ виновною *свыше содѣяннаго,* или *оправдать* ее, не имѣя возможности осудить за то, въ чемъ она, по убѣжденію ихъ, виновна. Между тѣмъ, объясненіе подсудимымъ своей вины, провѣряемое личнымъ впечатлѣніемъ присяжныхъ и развертывающееся передъ ними картиною обстоятельствъ дѣла, имѣетъ на судѣ по внутреннему убѣжденію, не стѣсняемому формальными доказательствами, весьма важное значеніе. Не даромъ Судебные Уставы, въ противоположность отжившимъ судебнымъ порядкамъ, поставили однимъ изъ главныхъ условій уголовнаго разбирательства право, а по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ даже обязанность подсудимаго присутствовать на судѣ,— не даромъ и не безплодно ему присвоено всегда и во всемъ касающемся предъявленнаго къ нему обвиненія — послѣднее слово. Въ виду этого и кассаціонная практика всегда придавала особое значеніе разъясненію присяжнымъ права ихъ давать ограничительные отвѣты и изъ рѣшеній 1876 года № 48 и въ особенности 1880 г. № 41 по дѣлу Игумновой вытекаетъ, что умолчаніе объ этомъ правѣ только тогда не составляетъ нарушенія, когда по содержанію вопроса *не существуетъ возможности* ограничительнаго отвѣта. Но преступленій, гдѣ такой возможности нѣтъ, не много и убійство ни въ какомъ случаѣ къ нимъ не принадлежитъ. Поэтому мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нарушеніемъ и притомъ въ виду особой важности въ процессѣ постановки вопросовъ и разъясненія способовъ отвѣта на нихъ — съ нарушеніемъ существеннымъ.

Этому нарушенію по отношенію къ *содержанію отвѣта* присяжныхъ на вопросы — соотвѣтствуетъ и другое, столь же, если даже не болѣе важное, нарушеніе по отношенію къ *содержанію вопросовъ* или, точнѣе, къ *объему* того, что предоставлено было обсужденію присяжныхъ. Возможность осужденія невиновнаго всегда волнуетъ посторонняго наблюдателя. Она всегда должна тревожить совѣсть судьи, вызывая въ немъ сознательную и иногда очень трудную борьбу между возникающими сомнѣніями и слагающеюся увѣренностью. Но сомнѣніе въ виновности при наличности преступнаго событія можетъ быть различное. Оно можетъ направляться на *виновность* обвиняемаго въ совершеніи приписываемыхъ дѣйствій или на его *вмѣняемость.* Бездоказательное, лишенное всякаго основанія осужденіе должно такъ же болѣзненно отражаться на душѣ всякаго, въ комъ не замерло чувство справедливости и человѣколюбія, какъ и осужденіе человѣка съ померкшимъ или изступленнымъ разсудкомъ, переставшимъ освѣщать ему его пути и дѣянія. И то и другое осужденіе суть своего рода общественныя несчастія. Поэтому, если у судей или присяжныхъ возникаетъ сомнѣніе въ томъ, не находились ли душевныя

силы подсудимаго при содѣяніи имъ преступнаго дѣла въ болѣзненномъ состояніи, исключающемъ возможность вмѣненія,—и если это сомнѣніе не мимолетно и неуловимо, а выражено точно и опредѣленно, оно должно найти себѣ возможный способъ разрѣшенія въ постановляемыхъ судомъ вопросахъ, а не висѣть на воздухѣ между словами «да, виновенъ», и «нѣтъ, не виновенъ».

По дѣлу Палемъ такое сомнѣніе у присяжныхъ возникло, когда защита ходатайствовала, какъ записано въ протоколѣ о постановкѣ дополнительнаго вопроса по 96 ст. Улож. о наказ., о томъ, не совершила ли подсудимая преступленіе въ припадкѣ умоизступленія, ибо къ этому ходатайству присоединились четыре присяжныхъ засѣдателя, несмотря на выслушанное ими заключеніе лица прокурорскаго надзора объ оставленіи домогательства защиты о постановкѣ вопроса безъ удовлетворенія. Это было по существу своему, заявленіе одной трети присяжныхъ о томъ, что имъ представляется сомнительнымъ, чтобы подсудимая стрѣляла въ Довнара, сознавая смыслъ своихъ дѣйствій и имѣя возможность управлять ими. Разрѣшеніе этого сомнѣнія въ ту или другую сторону представляется чрезвычайно важнымъ въ интересахъ истиннаго правосудія. Оставлять это сомнѣніе не только безъ надлежащаго разъясненія, но и безъ предоставленія ему законнаго способа выразиться при обсужденіи виновности подсудимой, — значило и по вопросу о вмѣняемости ставить присяжныхъ въ такое же безвыходное положеніе, какъ и по вопросу о составѣ преступленія. Когда присяжному засѣдателю, сомнѣвающемуся въ здравомъ разсудкѣ подсудимаго при совершеніи его дѣянія, предоставляется на выборъ лишь обвиненіе или оправданіе, едва ли возможно сомнѣваться въ его выборѣ. Относясь совѣстливо къ своимъ обязанностямъ и памятуя, что отъ его слова очень часто зависитъ вся судьба человѣка, имъ судимаго, — присяжный засѣдатель, конечно, скажетъ это слово за оправданіе—и скажетъ его не только въ силу глубокаго правила in dubio mitius, но и изъ чувства *нравственнаго самосохраненія*. Судъ не принялъ, однако, мѣръ къ разъясненію и дальнѣйшему разрѣшенію сомнѣнія, на которое такъ ясно указывала внушительная для всякаго голосованія треть присяжныхъ. Судъ *устранилъ* это сомнѣніе, признавъ достаточнымъ преподать присяжнымъ засѣдателямъ описаніе порядка освидѣтельствованія сумасшедшихъ и умоизступленныхъ по 353—355 ст. Уст. угол. суд. и указать имъ, что при *предварительномъ слѣдствіи* не обнаружено обстоятельствъ, вызывающихъ предположеніе о болѣзненномъ состояніи подсудимой, предусмотрѣнномъ 96 ст. Улож. о наказ. Такое устраненіе надлежитъ признать вполнѣ неправильнымъ и стѣсняющимъ свободу сужденій присяжныхъ засѣдателей.

Оно, во-первыхъ, *нецѣлесообразно по своему пріему*. Приглашеніемъ присяжныхъ обдумать свое ходатайство въ совѣщательной комнатѣ, послѣдствіемъ чего былъ отказъ ихъ отъ этого

ходатайства, судъ ставилъ себя въ возможность услышать подтвержденіе этого ходатайства. Но онъ *зналъ*, однако, что и на это подтвержденіе, хотя бы даже оно исходило отъ всѣхъ присяжныхъ, безусловно необходимо отвѣтить *отказомъ*, ибо твердыя и не подлежащія никакому колебанію указанія Сената, идущія еще съ 1867 по 1892 годъ, начиная съ дѣла Протопопова и кончая дѣломъ Сергѣева, воспретили постановку вопросовъ о невмѣненіи безъ предварительнаго соблюденія порядка освидѣтельствованія по 353—355 ст. Уст. угол. суд. Къ чему же было это безплодное совѣщаніе присяжныхъ? Въ судебномъ дѣлѣ все излишнее и напрасное является вреднымъ тормазомъ для правильнаго исхода.

Во-вторыхъ, это устраненіе является *нарушеніемъ правильнаго теченія дѣла на судѣ*. Совѣщаніе большинства присяжныхъ о томъ, слѣдуетъ ли ставить не могущій быть поставленнымъ вопросъ о причинахъ невмѣненія, вытекающихъ изъ сомнѣнія, возникшаго у меньшинства,—есть совѣщаніе по существу дѣла, есть предрѣшеніе отвѣта на вопросъ объ отвѣтственности подсудимаго, при которомъ необходимо обсудить всѣ обстоятельства дѣла въ ихъ совокупности. Отказъ присяжныхъ отъ своего ходатайства въ данномъ случаѣ есть выраженіе подчиненія меньшинства мнѣнію большинства, которое можетъ быть результатомъ нежелательнаго для правосудія компромисса въ узкихъ предѣлахъ уже поставленныхъ вопросовъ. Но законъ требуетъ, чтобы рѣшительное совѣщаніе присяжныхъ по существу предъявленнаго предъ ними обвиненія происходило не только послѣ утвержденія судомъ вопросовъ, но и послѣ руководящаго напутствія предсѣдателя, разъясняющаго смыслъ, значеніе и способы разрѣшенія этихъ вопросовъ и преподающаго основанія для сужденія о силѣ доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Принимая во вниманіе, что окончательное совѣщаніе присяжныхъ продолжалось, какъ видно изъ протокола, 35 минутъ, а процедура обсужденія ходатайства о постановкѣ вопроса по 96 ст. Улож. судомъ и присяжными заняла 2 часа и 10 минутъ, нельзя не признать, что совѣщаніе присяжныхъ, занявшее, вѣроятно, нѣкоторую часть этого времени, было именно тѣмъ преждевременнымъ обсужденіемъ имѣющихъ послѣдовать отвѣтовъ, которое существенно нарушаетъ законную хронологію судебнаго разсмотрѣнія дѣла.

Въ-третьихъ — это устраненіе представляетъ собою *смѣшеніе области суда и присяжныхъ*. По силѣ 762 ст. Уст. угол. суд., каждый изъ присяжныхъ имѣетъ право дѣлать замѣчанія относительно дополненія или исправленія поставленныхъ судомъ вопросовъ, но отъ суда зависитъ признавать ихъ уважительными или нѣтъ. Это дискреціонное право суда, за исключеніемъ лишь случаевъ отказа въ постановкѣ вопросовъ о причинахъ, исключающихъ вмѣняемость, когда основательность такого отказа подлежитъ, согласно рѣшеніямъ 1869 г. № 536 и 1871 г. № 1401, провѣркѣ

Правительствующаго Сената. Отказъ суда, несомнѣнно, долженъ основываться на соображенiи обстоятельствъ, выясненныхъ на судебномъ слѣдствiи, и если удовлетворенiе ходатайства присяжныхъ стоитъ въ зависимости отъ разрѣшенiя вопросовъ судопроизводственныхъ, то вопросы эти долженъ разрѣшить судъ, одинъ судъ, который исключительно призванъ къ этому. Возлагать на присяжныхъ разрѣшенiе процессуальныхъ вопросовъ—значитъ выводить ихъ изъ принадлежащей имъ области вѣдѣнiя. Между тѣмъ, судъ по настоящему дѣлу, предпославъ совѣщанiю присяжныхъ о постановкѣ вопроса по 96 ст. Улож. изложенiе порядка свидѣтельствованiя душевно-больныхъ, установленнаго 353—355 ст. Уст. угол. суд., предоставилъ имъ рѣшить, слѣдуетъ ли имъ настаивать на своемъ ходатайствѣ въ виду невыполненiя этого порядка при предварительномъ слѣдствiи, т.-е. рѣшить вопросъ процессуальный, сводящiйся къ тому, возможно ли судить о душевномъ состоянiи Палемъ безъ исполненiя цѣлаго сложнаго судопроизводственнаго обряда. Съ другой стороны, не предпринявъ никакихъ дѣйствiй къ разъясненiю присяжнымъ возникшаго по дѣлу въ средѣ ихъ сомнѣнiя и поставивъ ихъ въ такое положенiе, что они пришли къ необходимости отказаться отъ ходатайства по поводу этого сомнѣнiя, судъ, тѣмъ самымъ, принялъ на себя окончательное разрѣшенiе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ по существу дѣла, постановка котораго на основанiи 763 ст. безусловно обязательна, если только на судебномъ слѣдствiи онъ *возникалъ* и притомъ существуетъ *законный способъ* для собранiя надлежащихъ и всесторонне провѣренныхъ для разрѣшенiя его матерiаловъ.

Оба эти послѣднiя условiя по дѣлу Палемъ существовали. Вопросъ *о болѣзненномъ душевномъ состоянiи* на судебномъ слѣдствiи возникалъ. Судъ въ своемъ постановленiи по поводу постановки вопросовъ утверждаетъ, что на судебномъ слѣдствiи не обнаружено обстоятельствъ, указывающихъ на совершенiе подсудимою преступленiя въ припадкѣ болѣзни, доходящей до умоизступленiя, — но это утвержденiе не можетъ быть признано правильнымъ. Судебные Уставы вовсе не требуютъ для возбужденiя вопроса объ умоизступленiи подсудимаго «обстоятельствъ, указывающихъ» на таковое, т. е. доказательствъ,—напротивъ ст. 355[1], примѣнимая, согласно ст. 356 и примѣч. къ ст. 353 Уст. угол. суд. и рѣшенiя Сената за 1892 г. № 20 по дѣлу Сергѣева, къ возникновенiю вопроса объ умоизступленiи не только при предварительномъ, но и на судебномъ слѣдствiи, указываетъ лишь на «открытiе обстоятельствъ *дающихъ поводъ предполагать*, что преступное дѣянiе учинено въ припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленiе или совершенное безпамятство». Поэтому нужны лишь своего рода *косвенныя улики* нарушеннаго равновѣсiя душевныхъ силъ, а не *доказательства* такого болѣзненнаго состоянiя. Такiя доказательства нужны лишь для примѣненiя 96 ст.

Улож. по судебному *приговору*. И такіе «поводы предполагать» во время судебнаго слѣдствія по дѣлу возникали въ извѣстномъ изобиліи. Прежде всего въ числѣ данныхъ, предложенныхъ на обсужденіе суда обвинительнымъ актомъ, на выводахъ котораго строится, согласно 751 ст. Уст. угол. суд., главный вопросъ о виновности, указано на возбужденное состояніе Палемъ, не только послѣ совершенія убійства, но и осенью 1893 года, выразившееся въ нанесеніи, съ крикомъ, ударовъ подсвѣчникомъ одновременно Довнару и *себѣ* и въ производствѣ въ больницѣ, гдѣ лежалъ въ тифѣ Довнаръ, сценъ, въ которыхъ подсудимая проявляла «страстный, отчаянный характеръ». Затѣмъ подобныя же данныя были изложены на судебномъ слѣдствіи. Было допрошено восемь лицъ и оглашены показанія трехъ лицъ, совокупность которыхъ рисуетъ отчетливую картину, дающую основательный «поводъ предполагать», о которомъ говоритъ 355 ст. Уст. угол. суд. Показанія свидѣтелей не занесены, согласно закону, въ протоколъ судебнаго засѣданія, но содержаніе того, что слышалъ отъ нихъ судъ и присяжные, опредѣляется 718 ст. Уст. угол. суд., а отсутствіе указаній на противорѣчіе въ показаніяхъ и на примѣненіе 722 ст. того же Устава прочтеніемъ прежняго показанія указываетъ на то, что на судѣ свидѣтелями повторены всецѣло показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Итакъ вотъ эта картина: въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ, до 14 лѣтъ, Палемъ является нервною, крайне раздражительною дѣвочкою, при чемъ приступы раздраженія сопровождаются обмороками; въ періодъ зрѣлости эта нервность продолжается и усиливается, ее сопровождаютъ иногда пугающія близкихъ галлюцинаціи, истерика, крайній упадокъ силъ, приводящій ее на нѣсколько дней въ безпомощное состояніе; на секретаря министра путей сообщенія она производитъ впечатлѣніе женщины больной психически; когда чѣмъ либо вызывается въ ней припадокъ гнѣва или раздраженія, она быстро приходитъ въ изступленное состояніе, бросаетъ и швыряетъ все, что попадетъ подъ руку, хватается за ножъ, угрожая себѣ и другимъ, вся трясется и глядитъ безсмысленнымъ взглядомъ, со страшно вращающимися бѣлками; «смотришь» говоритъ Кураева, «она уже лежитъ гдѣ попало, ее трясетъ, она стонетъ, зубами *клокочетъ*, лицо блѣдное»... Такова она *до* убійства Довнара. Но и *послѣ* убійства она отдается своимъ порывамъ, не взирая ни на что. По свидѣтельству помощницы начальника дома предварительнаго заключенія, она приходитъ иногда въ неистовство, рветъ на себѣ волосы, бьется головою объ стѣну, швыряетъ разными предметами и т. д. На судѣ читалась, наконецъ, ея переписка. Уже за два слишкомъ мѣсяца до убійства она жалуется на смертную тоску, давящую до боли горло и грудь, какъ будто обваренную кипяткомъ. Все это слышали присяжные засѣдатели и на все это должны были обратить, согласно принятой присягѣ, «всю силу своего разумѣнія».

Но не одни только приведенныя обстоятельства дѣла развертывались передъ судомъ, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, безъ выводовъ и обобщеній. Они подвергались анализу, который, по смыслу своему, соотвѣтствовалъ возбужденію вопроса о свойствѣ вмѣняемости обвиняемой. Не только защитникъ былъ допущенъ допрашивать врача Руковича, вызваннаго въ качествѣ эксперта, *о психическомъ состояніи* подсудимой во время совершенія ею преступленія, при чемъ послѣднимъ высказано, что Палемъ страдаетъ крайнею возбужденностью нервной системы и рѣзко выраженною неврастеніей,—но и Руковичъ, въ свою очередь, получилъ разрѣшеніе допрашивать доктора Зельгейма о душевномъ состояніи подсудимой вслѣдъ за убійствомъ Довнара. Изъ удостовѣренныхъ судомъ замѣчаній на протоколъ видно, что на требованіе научныхъ выраженій и на желаніе знать, было ли психическое состояніе Палемъ, описываемое Зельгеймомъ, «психозомъ» или «неврозомъ», Зельгеймъ «ничто же сумняшеся» отрѣзалъ Руковичу, что «всякое убійство есть психозъ».

Въ виду этихъ данныхъ нельзя утверждать, чтобы вопросъ о душевной нормальности вовсе не возникалъ и не былъ затронутъ на судебномъ слѣдствіи. Онъ возникалъ ясно и вразумительно,— и притомъ по поводу состоянія, указаннаго именно 96 ст. Улож. и IV къ нему приложеніемъ, а также ст. 355[1] Уст. угол. суд. Законъ говоритъ именно о припадкахъ *болѣзни,* доводящихъ до умоизступленія и безпамятства. Если на обязанности суда не могло и не должно было лежать точное и окончательное опредѣленіе, суть ли несомнѣнные и удостовѣренные на судѣ свидѣтелями истерическіе припадки Палемъ, названные Руковичемъ рѣзко выраженною неврастеніей, результаты той именно болѣзни, о которой говоритъ 96 ст. Улож., то еще менѣе судъ имѣлъ основаніе принимать на себя окончательное разрѣшеніе такого спеціальнаго невропатологическаго вопроса и рѣшать, что рѣзкая неврастенія не можетъ быть болѣзнью, приводящею въ изступленіе.

Судъ безусловно долженъ обладать полнотою юридическихъ свѣдѣній, но *желательно*, чтобы въ дѣйствіяхъ его сказывалось и знакомство съ сопредѣльными съ юриспруденціею знаніями, съ широкою областью судебной медицины, хотя бы настолько, чтобы устанавлять границу, до которой идетъ усмотрѣніе судьи и за которою начинается разъясненіе спеціалиста, свѣдущаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія надо замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ истерію перестали считать капризомъ и принадлежностью сварливыхъ женщинъ, а увидѣли въ ней серьезную болѣзнь, бывающую и у мужчинъ, и съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный Бирдъ начертилъ мастерскою рукою картину неврастеніи, стоящей часто на самой опушкѣ сумасшествія, — достаточно развернуть серьезное руководство по судебной психопатологіи, чтобы найти цѣнныя и подробныя указанія на «быстротечное помѣшательство на почвѣ неврастеніи»,

такъ называемое furore morboso,—на «истерическій невропсихозъ» и на скоропреходящее душевное разстройство у истерическихъ больныхъ, между прочимъ, выражающееся въ меланхолическомъ порывѣ—raptus melancholicus hystericus. Разъясненій спеціалиста не должны чуждаться или опасаться ни судъ, ни обвинительная власть. Не имѣющее юридической обязательной силы, провѣряемое на судѣ указаніями здраваго смысла, житейскаго опыта и логикою фактовъ, сопоставляемое съ другими, мнѣніе это, почерпнутое противъ изъ спеціальнаго наблюденія, никакой опасности для правосудія не представляетъ и, если нѣсколько усложняетъ процессъ, то зато уменьшаетъ вѣроятность роковой ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда за устраненіемъ надлежащей экспертизы каждому присяжному приходилось бы дѣлаться психіатромъ «на свой счетъ и страхъ», или прислушиваться къ случайнымъ мнѣніямъ какого нибудь самозваннаго знатока. Если судъ не соглашается съ объясненіями эксперта, если обвинитель споритъ противъ нихъ—у всѣхъ, слѣдящихъ за отправленіемъ правосудія, остается сознаніе, что все-таки свѣдущій человѣкъ имѣлъ возможность предстать предъ судомъ, что онъ сказалъ ему и сторонамъ классическое «бей! но выслушай» и что житейская правда дѣла, къ которой всемѣрно долженъ стремится судъ, освѣщена со всѣхъ сторонъ. Эта правда учитъ насъ, что въ каждомъ человѣкѣ, несмотря на духовное развитіе его, сидитъ звѣрь, стремящійся, при раздраженіи или возбужденіи, растерзать, истребить, удовлетворить свою похоть и т. д. Когда человѣкъ владѣетъ этимъ, сидящимъ въ немъ звѣремъ—онъ нормаленъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и обществу; когда онъ *сознательно* даетъ звѣрю возобладать въ себѣ и не *хочетъ* съ нимъ бороться—онъ впадаетъ въ грѣхъ, онъ совершаетъ преступленіе; но когда онъ *безсиленъ* бороться сознательно—тогда онъ больной. Призовите перваго въ судьи, покарайте второго, но не наказывайте, а лѣчите третьяго, и если есть поводъ къ сомнѣнію, кто стоитъ предъ вами—второй или третій—призовите на помощь науку и не стѣсняйтесь потерею времени и труда. Изслѣдованіе истины стоитъ этой потери!

Поводы къ возбужденію сомнѣнія возникли притомъ не внезапно, ибо еще во время приготовительныхъ къ суду распоряженій защита ходатайствовала о вызовѣ экспертовъ психіатровъ, и еще въ первый день пятидневнаго засѣданія экспертъ Руковичъ, допрошенный по предмету поврежденій, причиненныхъ выстрѣломъ, былъ, по ходатайству защиты и старшины присяжныхъ, оставленъ въ залѣ засѣданій, изъ чего видно, что уже тогда признавалось необходимымъ выслушать мнѣніе свѣдущаго по врачебной части лица и притомъ не только о тѣлесныхъ поврежденіяхъ Довнара. Это сомнѣніе ясно выразилось въ ходатайствѣ присяжныхъ. Его нельзя было оставить неразрѣшеннымъ, надлежащимъ, указаннымъ въ законѣ, порядкомъ, или считать, что оно разъяснено кореннымъ

образомъ и безповоротно двумя выслушанными присяжными діаметрально противоположными мнѣніями—доктора Руковича о томъ, что припадки рѣзко выраженной неврастеніи не имѣютъ ничего общаго съ психическими болѣзнями—и доктора Зельгейма, о томъ, что всякое убійство—психозъ.

Вотъ почему суду надлежало отнестись съ глубокимъ вниманіемъ къ ходатайству присяжныхъ и, вмѣсто безплодной процедуры совѣщанія о постановкѣ не могущаго быть поставленнымъ вопроса, обратиться къ законному исходу, указанному 549 ст. Уст. угол. суд. и рѣшеніемъ Сената по дѣлу Сергѣева 1892 года № 20, которымъ признаны правильными дѣйствія суда, усмотрѣвшаго *въ заявленіи защитника и объясненіяхъ подсудимаго* поводъ къ предположенію о страданіи послѣдняго болѣзнью, приводящею въ умоизступленіе, и представившаго о томъ Судебной Палатѣ для разрѣшенія ею, не представляется ли необходимымъ освидѣтельствованіе подсудимаго по 353—355 ст. Уст. угол. суд, Сомнѣніе *присяжныхъ*, выраженное согласно 762 ст. Уст. угол. суд., конечно имѣетъ еще большій вѣсъ и значеніе, чѣмъ заявленіе стороны или слова подсудимаго и составляетъ доказательство возникновенія въ дѣлѣ новаго обстоятельства, не бывшаго въ виду, или упущеннаго изъ виду обвинительною камерою, на разрѣшеніе которой и должно быть о томъ представлено на основаніи 549 ст. Уст. угол. суд. Это былъ единственный правильный исходъ изъ дѣла. Многодневный трудъ суда и присяжныхъ не могъ бы при этомъ считаться потеряннымъ, ибо результатомъ его явилась необходимость освѣтить одну изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣла, да и, наконецъ, что значитъ потеря труда предъ такимъ шагомъ, который обезпечиваетъ полученіе, въ предѣлахъ человѣческой возможности, правосуднаго рѣшенія? Вслѣдствіе этихъ соображеній, приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей надъ Палемъ не могутъ быть оставляемы въ силѣ за нарушеніемъ 762, 812 и 549 ст. Уст. угол. суд.

Всестороннее разсмотрѣніе дѣла не было бы, однако, исчерпано, если бы ограничиться только что приведеннымъ выводомъ. Онъ не объемлетъ *всѣхъ* нарушеній, допущенныхъ по дѣлу. Рѣшеніе присяжныхъ не можетъ считаться состоявшимся въ нормальныхъ условіяхъ и тогда, когда сущность дѣла затемнена и усложнена нагроможденіемъ излишняго, не относящагося къ изслѣдуемому преступленію матеріала, и когда судебное разслѣдованіе далеко переходитъ за границы, опредѣляемыя сущностью отношеній обвиняемаго къ преступному событію, и вторгается въ безпредѣльную область житейскихъ обстоятельствъ, разворачиваемыхъ не для выясненія судимаго преступленія, *а по поводу* этого преступленія. Чрезмѣрное расширеніе области судебнаго изслѣдованія, внося въ дѣло массу свѣдѣній, быть можетъ иногда и очень занимательныхъ въ бытовомъ отношеніи, создаетъ однако предъ присяжными

пеструю и нестройную картину, въ которой существенное перемѣшано со случайнымъ, нужное съ только интереснымъ, серьезное со щекочущимъ праздное или болѣзненное любопытство. Этимъ путемъ невольно и неизбѣжно создается *извращеніе уголовной перспективы*, благодаря которому на первый планъ вмѣсто печальнаго *общественнаго* явленія, называемаго преступленіемъ, выступаютъ сокровенныя подробности *частной жизни* людей, къ этому преступленію не прикосновенныхъ. Приэтомъ самый виновникъ всего дѣла постепенно окутывается туманомъ, отходитъ на задній планъ и стушевывается, уступая, незамѣтнымъ образомъ, свое мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ одному изъ тѣхъ *отвлеченныхъ обвиняемыхъ,* которые, подъ именемъ слабаго характера, страсти, темперамента, увлеченія, общественной среды, бытовыхъ неустройствъ и т. п., даютъ удобный поводъ высказаться свойственной у насъ многимъ *жестокой чувствительности,*—жестокой къ пострадавшему или обиженному и чувствительной къ виновнику мрачнаго или злобнаго дѣянія.

Жалоба гражданскаго истца съ подробностью перечисляетъ не относящіяся, по его мнѣнію, къ дѣлу обстоятельства, изслѣдованіе которыхъ было допущено при производствѣ слѣдствія о Палемъ. Допущеніе судомъ ихъ разсмотрѣнія давало бы основаніе къ усмотрѣнію неправильности въ дѣйствіяхъ суда *по охраненію задачи изслѣдованія* при признаніи, что судъ имѣлъ право и законные способы для полнаго устраненія такого разсмотрѣнія. Право это, однако, какъ то разъяснено рѣшеніемъ 1878 года № 34, судъ имѣетъ во всей полнотѣ лишь по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ и свидѣтельскимъ показаніямъ, *впервые* предъявляемымъ или даваемымъ на судебномъ слѣдствіи. Но право это существенно ограничено касательно тѣхъ доказательствъ, которыя добыты предварительнымъ слѣдствіемъ, были въ виду обвинительной камеры и подлежатъ на судѣ лишь *провѣркѣ*—по отношенію къ свидѣтелямъ, на основ. 521, 538, 574, 718, 722 и 726 ст., а по отношенію къ вещественнымъ доказательствамъ и къ письменнымъ актамъ предварительнаго слѣдствія—на основ. 687 и 697 ст. Уст. угол. суд., въ силу коихъ протоколы осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и выемокъ по требованію сторонъ безусловно подлежатъ прочтенію, а вещественныя доказательства подлежатъ осмотру и оглашенію. Точно также прочно установлена въ законѣ и въ кассаціонной практикѣ безусловная, подъ угрозою отмѣны рѣшенія, обязанность суда *вызывать*, по требованію сторонъ, допрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей. Несомнѣнно, что, въ силу 611 ст. Уст. угол. суд., и на основаніи рѣшенія Сената 1887 года, № 11, по дѣлу Маслова, предсѣдатель имѣетъ право устранить изъ показанія свидѣтеля, допрашиваемаго на судѣ, разсказъ объ обстоятельствахъ, не идущихъ къ дѣлу, но примѣненіе это можетъ быть связано съ такими практическими

затрудненіями, которыя весьма смягчають значеніе допущеннаго въ этомъ отношеніи бездѣйствія. Свидѣтель былъ вызванъ къ слѣдователю иногда издалека, провелъ томительные часы въ ожиданіи допроса; по разспросѣ его, слѣдователь призналъ, что то, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать, *относится къ дѣлу;* занесъ все это въ протоколъ, имъ подписанный, заявилъ ему, что все сказанное и записанное онъ долженъ подтвердить присягою . . . но наступилъ день засѣданія по дѣлу и этому же свидѣтелю, явившемуся по повѣсткѣ чрезъ полицію, сдѣлавшему, быть можетъ, большой путь, оставившему свои занятія или уволенному отъ нихъ начальствомъ, снова проведшему тревожные часы и даже дни въ ожиданіи допроса, принявшему затѣмъ торжественно присягу, выслушавшему увѣщанія предсѣдателя и угрозы карою за лжесвидѣтельство, приходится сказать; «идите, вы не нужны, извѣстное намъ, *но не присяжнымъ,* показаніе ваше къ дѣлу не относится». Но свидѣтель можетъ съ изумленіемъ, даже со справедливымъ негодованіемъ спросить себя: «зачѣмъ же меня тревожили?» и принять затѣмъ все происшедшее къ свѣдѣнію уже и на тотъ случай, когда онъ со своимъ показаніемъ дѣйствительно будетъ относиться къ дѣлу. Да и на одномъ ли свидѣтелѣ можетъ отразиться такое примѣненіе 611 ст.? Рѣшители дѣла—присяжные засѣдатели—и у нихъ можетъ родиться всегда вредное для правосуднаго исхода дѣла подозрѣніе, что отъ нихъ что-то скрываютъ, о чемъ-то предъ ними стараются умолчать, и притомъ о такомъ, что, однако, уже было изслѣдовано самою же судебною властью. Это «что то», записанное тамъ, въ дѣлѣ, лежащемъ на судебномъ столѣ, о чемъ не позволяютъ говорить свидѣтелю, несмотря на отобранную присягу показать правду, должно смущать совѣсть присяжныхъ и вести ихъ къ произвольнымъ догадкамъ, порождающимъ и произвольное рѣшеніе. Наконецъ, какъ это нерѣдко, къ сожалѣнію, случается, не относящіяся въ сущности къ дѣлу показанія внесены въ обвинительный актъ и уже выслушаны присяжными. Идея послѣдовательна, надо признать и обвинительный актъ въ надлежащихъ частяхъ неотносящимся къ дѣлу, но на это ни предсѣдатель, на основаніи 611 ст., ни весь судъ права не имѣютъ, ибо обвинительный актъ утвержденъ Судебною Палатою, которая признала его соотвѣтствующимъ закону и одобрила списокъ вызываемыхъ по нему свидѣтелей. Поэтому центръ тяжести нарушенія, приводящаго къ извращенію уголовной перспективы, лежитъ не въ судебномъ, а въ предварительномъ слѣдствіи и въ дѣятельности лицъ и учрежденія, наблюдающихъ за правильностью и законностью его производства. Отсюда вытекаетъ необходимость и по дѣлу Палемъ обратиться къ періоду, предшествовавшему преданію ея суду. Этимъ опредѣлится и то звено дѣла, на которомъ можетъ сосредоточиться отмѣна приговора.

По закону, изображенному въ 531 и 534 ст. Уст. угол. суд.,

Судебная Палата, въ качествѣ обвинительной камеры, выслушавъ словесный докладъ о поводѣ, по которому возникло дѣло и о всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ обращается ея вниманіе на соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и прочитываются въ подлинникѣ существенные протоколы, постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду, лишь признавъ слѣдствіе достаточно полнымъ и произведеннымъ безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она должна обратить слѣдствіе къ дополненію или законному направленію. Такимъ образомъ, на Палатѣ лежатъ двѣ обязанности: оцѣнка слѣдствія по существу и надзоръ за законностью его производства. Оцѣнка *полноты* слѣдствія, по свойству всякаго преступленія вообще, должна быть направлена на разрѣшеніе вопросовъ о томъ, есть ли основаніе считать *событіе* преступленія совершившимся? есть ли основаніе къ обращенію заподозрѣннаго или привлеченнаго къ дѣлу *обвиняемаго* въ *подсудимаго?* и выяснены ли всѣ данныя его *личности* въ отношеніи общественномъ (права состоянія), судебномъ (судимость), физическомъ (возрастъ) и психическомъ (вмѣняемость)? Изъ послѣднихъ данныхъ—самыя важныя, самыя чреватыя послѣдствіями для правосудія, безъ сомнѣнія, тѣ, которыя касаются психическаго состоянія обвиняемаго, ибо только *сознательная воля* обращаетъ противозаконное нарушеніе общественныхъ и личныхъ правъ въ преступленіе, а не въ несчастіе.

Обращаясь къ разсмотрѣнію того, исполнена ли Судебною Палатою ст. 534 Уст. угол. суд. въ надлежащемъ ея объемѣ, необходимо замѣтить, что хотя по общему, практически установившемуся, правилу Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не входитъ въ существо и способы производства предварительнаго слѣдствія, но изъ этого имъ же самимъ, въ интересахъ поддержанія судебнаго порядка, установленъ рядъ исключеній. Сенатъ въ рядѣ рѣшеній призналъ, что и нарушенія при предварительномъ слѣдствіи подлежатъ его обсужденію, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они, *во-первыхъ,* такого рода, что не могли быть исправлены на судѣ, *во-вторыхъ*—когда они могли имѣть вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ, и *въ-третьихъ*—когда они не могли быть своевременно обжалованы. Къ этому послѣднему виду нарушеній необходимо съ полнымъ основаніемъ и послѣдовательностью отнести и тѣ случаи, когда эти нарушенія *не могли вообще* быть фактически обжалованы, потому что *обжалованію не подлежали,* или когда несмотря на очевидность ихъ, *не было жалобщика,* т. е. лица, которое заступалось бы за нарушенныя свои права. Такіе случаи касаются преимущественно свидѣтелей, право и спокойствіе которыхъ могутъ быть грубо нарушаемы напраснымъ призывомъ и требованіемъ ненужныхъ, а иногда и очень тягостныхъ разоблаченій. Свидѣтели, по смыслу 492 ст. Уст. угол. суд., могутъ жаловаться

лишь на притѣсненія и взысканія, которымъ они подверглись при слѣдствіи. Рѣчь идетъ, очевидно, не о привлеченіи ихъ къ допросу, да притомъ слѣдственное производство не открыто свидѣтелю, какъ обвиняемому, онъ не можетъ поэтому жаловаться уже въ силу того, что *не знаетъ*, почему его допрашиваютъ. Сюда же относится и случай, когда потерпѣвшаго нѣтъ, какъ, наприм., въ настоящемъ дѣлѣ, въ живыхъ, или когда обвиняемый находится въ такомъ состояніи, что въ его померкшемъ сознаніи нѣтъ пониманія значенія ни производимыхъ дѣйствій, ни своихъ интересовъ, и гдѣ обвинительная власть дѣйствуетъ односторонне. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде всего страдаетъ начало правосудія, которому можетъ прійтись, вслѣдствіе предвзятаго взгляда слѣдователя на дѣло, пережить оскорбительныя минуты, если въ его положеніе не войдетъ Судебная палата или, при ея бездѣйствіи, Сенатъ. Рѣшеніе 1869 года, за № 724, окончательно устанавливающее начало кассаціоннаго обжалованія опредѣленій Судебныхъ Палатъ о преданіи суду, доказываетъ, что Сенатъ не считаетъ возможнымъ умывать руки относительно дѣятельности Судебной Палаты, да это было бы и не возможно, ибо, на основаніи рѣшенія 1867 года, № 204, судъ не вправѣ входить въ обсужденіе правильности и полноты слѣдствія, по которому состоялось опредѣленіе Палаты, а между тѣмъ судебное слѣдствіе по матеріалу своему есть повтореніе слѣдствія предварительнаго. Тамъ, гдѣ Палата не исполнила своихъ обязанностей по 534 ст. Уст. угол. суд. и гдѣ судъ обязанъ ей безусловно подчиняться, Сенатъ *долженъ* войти въ оцѣнку ея дѣйствій и, слѣдовательно, въ разсмотрѣніе тѣхъ нарушеній и пробѣловъ слѣдствія, по коему она не предписала дослѣдованія или не дала дѣлу законнаго направленія. Не сдѣлать этого при указаніяхъ кассаціонныхъ жалобъ, значило бы поставить во всѣхъ случаяхъ бездѣйствія палаты по 534 ст. Уст. угол. суд. уголовное дѣло въ такое положеніе, что Сенатъ можетъ *исправлять* его, въ смыслѣ устраненія нарушеній, ограниченно и только сверху внизъ—до Палаты, а слѣдователь и прокуратура зато могутъ почти безнаказанно *портить* его снизу вверхъ, тоже до Палаты. Не было ли бы это похоже на заявленіе авторитетнаго техническаго учрежденія, что оно можетъ ремонтировать и укрѣпить грозящее паденіемъ зданіе только отъ крыши до бельэтажа, а колеблющееся основаніе зданія должно оставить безъ прикосновенія?! Строго держась кассаціонной роли, Сенатъ, по возможности, чтобы не сказать слишкомъ, воздерживался отъ разсмотрѣнія дѣйствій палатъ по 534 ст. Уст. угол. суд.; но практика его въ этомъ отношеніи должна быть расширена. Этого требуютъ интересы правосудія, это вызывается и практическими требованіями судебнаго дѣла. Въ нашей слѣдственной части проявляются болѣзненные припадки, грозящіе обратиться въ хроническій недугъ. Эти припадки надо лѣчить мѣстными судебными средствами, а при бездѣйствіи мѣстной судебно-

врачебной инстанціи нужно прибѣгнуть къ средствамъ кассаціи и надзора. Въ слѣдствіи, производимомъ односторонне, безъ яснаго и твердо очерченнаго, основаннаго на смыслѣ и духѣ уголовнаго закона, плана, утрачиваются строгіе дѣловые контуры его анатомическаго строенія, преподанные судебными уставами, оно извращается, однѣ его части атрофируются, другія вздуваются и опухаютъ. Неполное съ одной стороны, и чрезмѣрно-обремененное съ другой, оно всегда грозитъ недоумѣніями и осложненіями на судѣ, а слѣдователь, между тѣмъ, безъ руководящей идеи о производимомъ имъ дѣлѣ, стоитъ безпомощно предъ моремъ житейскихъ фактовъ и подбираетъ безъ разбора все, что оно приноситъ съ пескомъ, иломъ и грязью къ ногамъ...

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ дѣйствіямъ Петербургской Судебной Палаты по дѣлу Палемъ и останавливаясь прежде всего на достаточной *полнотѣ* слѣдствія, нельзя не видѣть, что этой полноты въ дѣйствительности не существуетъ. На многочисленныя основанія, дававшія поводъ предполагать ненормальное психическое состояніе Палемъ, и требовавшія, именно въ интересахъ полноты слѣдствія, возбужденія на основаніи 355[1] ст. Уст. угол. суд. вопроса объ исполненіи слѣдователемъ обряда освидѣтельствованія, указаннаго въ ст. 353—355 того же Устава—уже было мною указано. Но въ виду Палаты были и еще другія данныя, не подлежавшія провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи—и данныя въ своемъ родѣ краснорѣчивыя. Не говоря уже о показаніи доктора Чацкина, у котораго, въ виду переходившей обычные предѣлы у нервно-больныхъ мнительности Палемъ, мелькало подозрѣніе о ненормальномъ ея психическомъ состояніи, достаточно указать на самое первое показаніе Палемъ о томъ, что она не желаетъ ничего отвѣчать, ибо *слишкомъ высоко себя ставитъ* въ связи съ безразсуднымъ заявленіемъ о лицѣ, которому она, пожалуй, «кое-что» разскажетъ — и на составленный слѣдователемъ 7-го сентября 1894 года протоколъ о томъ, что вслѣдствіе отказа освободить Палемъ на поруки, она грозила убить себя, зашагала въ волненіи по камерѣ, зашаталась, упала въ судорогахъ и слезахъ, произнося безсвязныя слова: «Саша...» «на могилу...» и т. д.—и затѣмъ, жалуясь на ознобъ и жаръ, стала рыдать. Этого мало. Слѣдователь предпринялъ даже нѣкоторые шаги, предписываемые 353 ст. Уст. угол. суд. Онъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, не страдала ли чѣмъ либо обвиняемая, и допрашивалъ ея родителей; онъ призвалъ и судебнаго врача, доктора Руковича, смѣшавъ при его допросѣ въ одно—экспертизу психическаго состоянія Палемъ съ экспертизою разстоянія, на которомъ былъ произведенъ выстрѣлъ. Но все это дѣлалось какъ-то нерѣшительно, ощупью и не додѣлывалось. Такъ, напр., 353 ст. предписываетъ разспросить обвиняемую и освидѣтельствовать ее чрезъ судебнаго врача, но этого исполнено не было, а Руковичъ, какъ видно изъ точнаго содержанія протокола отъ

12-го сентября 1894 года, не свидѣтельствовалъ надлежащимъ порядкомъ Палемъ, а былъ приглашенъ дать свое заключеніе на основаніи прочитанныхъ ему протоколовъ и свидѣтельскихъ показаній, какъ будто наука и практика допускаютъ возможность постановленія такого «заочнаго психіатрическаго приговора». На обязанности обвинительной камеры лежало принять мѣры къ разрѣшенію слѣдователемъ вопроса о вмѣненіи прямо и согласно съ указаніями закона, не оставляя эту важную область изслѣдованія незатронутою со всѣхъ сторонъ и въ то же время не разъясненною указаннымъ въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства порядкомъ. Возвращеніе слѣдствія къ дослѣдованію и освидѣтельствованіе Палемъ по 353—355 ст. этого Устава,—въ случаѣ признанія ея подлежащею вмѣненію, дало бы возможность суду и присяжнымъ выслушать *настоящихъ* экспертовъ-психіатровъ и устранило бы, путемъ постановки вопроса по 96 ст. Улож., неразрѣшимое столкновеніе сомнѣнія присяжныхъ съ формальнымъ требованіемъ судопроизводства. Излишне говорить, насколько выигрывало бы отъ этого спокойное отправленіе правосудія.

Но если исполненіе первой части 534 ст. Уст. угол. суд. Палатою не можетъ быть признано правильнымъ, то не менѣе неправильно и обсужденіе ею слѣдствія съ точки зрѣнія его соотвѣтствія требованіямъ Устава уголовнаго судопроизводства. Судебной Палатѣ на основаніи 2 ч. 249 ст. Уст. угол. суд. принадлежитъ надзоръ за состоящими въ округѣ ея опредѣленными лицами, къ числу которыхъ относятся и судебныя слѣдователи. Надзоръ этотъ, согласно рѣшеніямъ общаго собранія 1875 года за № 63 и 1880 года за № 25, касается всѣхъ нарушеній законнаго порядка, которыя Палата усмотрѣла и обнаружила или о коихъ инымъ образомъ освѣдомилась;—онъ производится въ силу 249[1] ст. Учр. суд. уст. и по дѣламъ доходящимъ въ установленномъ порядкѣ до ея разрѣшенія. Поэтому, усмотрѣвъ, при обсужденіи вопроса о преданіи суду, нарушеніе законнаго порядка при производствѣ предварительнаго слѣдствія, обвинительная камера имѣетъ право возстановить этотъ порядокъ, отмѣнивъ тѣ дѣйствія и распоряженія слѣдователя, которыя идутъ въ разрѣзъ съ лежащею на немъ задачею и съ его обязанностями. Ст. 250 Учр. суд. уст. прямо указываетъ на то, что высшее судебное мѣсто, обнаружившее неправильное дѣйствіе подвѣдомственнаго ему лица, *разъясняетъ* ему, въ чемъ именно состоитъ неправильность или упущеніе въ каждомъ данномъ случаѣ, *отмѣняетъ* постановленія и распоряженія, противныя законному порядку, и принимаетъ мѣры къ *возстановленію нарушеннаго порядка*. Именно согласно съ этими своими правами должна дѣйствовать обвинительная камера, когда, усмотрѣвъ нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, она, согласно 534 ст. Уст. угол. суд., *обращаетъ дѣло къ законному направленію*. Практически говоря—это зна-

чить, что Палата, найдя, что какое либо слѣдственное дѣйствіе произведено безъ указанныхъ въ законѣ основаній или безъ соблюденія гарантій, или посредствомъ способовъ, не указанныхъ и даже прямо воспрещенныхъ закономъ, отмѣняетъ это дѣйствіе и признаетъ его ничтожнымъ, вслѣдствіе чего и протоколъ, въ который занесено это дѣйствіе, долженъ признаться какъ бы несуществующимъ, при чемъ къ нему, конечно, не можетъ примѣняться и ст. 687 Уст. угол. суд. Пользованіе этимъ правомъ надзора, ставя обвинительную камеру на довлѣющую ей высоту, должно служить могущественнымъ средствомъ для внутренняго улучшенія слѣдственной части и для огражденія законныхъ правъ тѣхъ изъ частныхъ лицъ, которыя не могутъ, какъ уже было мною указано, обжаловать слѣдственныя дѣйствія. Предоставлять Палатѣ разсматривать и отмѣнять только тѣ дѣйствія слѣдователя, которыя признаны правильными обжалованнымъ опредѣленіемъ Окружного Суда—значитъ умалять роль Палаты, какъ первой по времени и притомъ единственной инстанціи, которая разсматриваетъ оконченное слѣдствіе во всей его совокупности. Обвинительная камера является фильтромъ, пройдя сквозь который слѣдствіе должно представляться и полнымъ, и законнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Только въ такомъ видѣ оно не подѣйствуетъ на судебное слѣдствіе подчасъ искажающимъ и разлагающимъ образомъ. Поэтому обвинительной камерѣ, соблюдающей 534 ст. Уст. угол. суд., надлежитъ обращать вниманіе не только на полноту слѣдствія, но и на его содержаніе въ смыслѣ законности и отсутствія вредныхъ для дѣла излишествъ, не стѣсняясь узкими формальными взглядами въ примѣненіи своего живого и жизненнаго права надзора. Практика указываетъ случаи, гдѣ Палата даже по неправильно и по ошибкѣ попавшему къ ней дѣлу въ порядкѣ частнаго обвиненія, измѣняла, *въ порядкѣ надзора*, квалификацію и обращала дѣло къ публичному обвиненію. Такъ поступила Московская Судебная Палата по дѣлу Крутицкаго, обративъ обвиненіе въ обольщеніи несчастной гимназистки въ дѣло объ изнасилованіи—и Сенатъ одобрилъ такое ея распоряженіе. Та же Палата уничтожила, какъ незаконную, экспертизу двухъ извѣстныхъ артистокъ по вопросу о душевномъ возбужденіи молодой дебютантки, вслѣдъ за дебютомъ изнасилованной въ элегантно устроенной западнѣ. Но если бы Палата обратила вниманіе на протоколъ этой экспертизы, разсматривая при отсутствіи жалобы это дѣло по 534 ст. Уст. угол. суд. — уже ли она должна бы дать этому акту существовать и даже разрабатываться на судѣ, отказавшись отъ своего права надзора. Это былъ бы взглядъ мертвенный и чуждый интересамъ *настоящаго* правосудія.

Вопросъ о предѣлахъ изслѣдованія—вопросъ важный и трудный. Но эти предѣлы имѣютъ такое серьезное значеніе, что установленіе ихъ необходимо. Большинство юристовъ не сомнѣвается,

что отправною точкою изслѣдованія должно быть *событіе* преступленія. Оно подлежитъ обслѣдованію вполнѣ и со всевозможною подробностью, ибо въ ней, въ этой подробности, очень часто содержится и указаніе на внутреннюю сторону преступленія. Точно также подробно долженъ быть изслѣдованъ и законный составъ преступленія. Здѣсь точность и даже мелочность изслѣдованія имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу. Но затѣмъ должны быть, сообразно свойству каждаго преступленія и по каждому дѣлу, установлены предѣлы, до которыхъ должно идти изслѣдованіе. Такъ, не всѣ предшествовавшіе преступленію событія, а лишь ближайшія къ нему и съ нимъ связанныя могутъ имѣть значеніе для дѣла. Обстановка, въ которой совершено преступленіе, или въ которой находились обвиняемый и жертва преступленія, а также движущій и притомъ даже объективный мотивъ дѣйствій обвиняемаго, конечно, подлежатъ изслѣдованію, равно какъ и личность обвиняемаго, уже потому, что они содержатъ въ себѣ часто задатки снисхожденія. Но предѣлы этого изслѣдованія, особливо по отношенію къ личности, зависятъ отъ рода преступленія и отъ доказанности событія. Личность должна быть, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, изслѣдована «постольку, поскольку она вложилась въ фактъ преступленія». Тамъ, гдѣ самое событіе на лицо, дѣло требуетъ и допускаетъ меньшій объемъ изслѣдованія, но гдѣ дѣло идетъ объ отрицаемомъ обвиняемымъ событіи, какъ напр., изнасилованіи, поджогѣ застрахованнаго имущества, подлогѣ завѣщанія и т. п., тамъ обвиненіе, какъ это уже было мною заявлено Сенату въ заключеніи по дѣлу Назарова, можетъ быть доказано или опровергнуто доказательствами, разъясняющими такія стороны личности и жизни обвиняемаго, въ которыхъ выразились свойства, вызвавшія движущія побужденія его судимаго дѣянія или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи. Но идти далѣе этого — значитъ вторгаться въ такую область, которая суду не подлежитъ, да ему и не нужна для правильнаго исполненія его задачи. Онъ разсматриваетъ *не жизнь обвиняемаго* вообще, а преступное дѣяніе, онъ осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а не за жизнь его. Иначе судебному изслѣдованію и, да позволено будетъ сказать, любопытству отдѣльныхъ судебныхъ дѣятелей не будетъ предѣла. Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ ни въ отношеніи обвиняемаго, ни тогда, когда подобные пріемы изслѣдованія направляются на потерпѣвшаго, когда о немъ производится своего рода дознаніе чрезъ окольныхъ людей, при чемъ его жизнь и личность раскапываются съ самою мелочною подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса — достоинъ ли онъ былъ постигшей его участи?—какъ будто житейское поведеніе потерпѣвшаго можетъ изъять его изъ покровительства закона,

и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Такого взгляда, конечно, у судебной власти существовать не можетъ и не существуетъ; но поэтому и дѣйствія ея по собиранію доказательствъ не должны никому давать повода думать, что собранный ею матеріалъ можетъ послужить для проведенія въ жизнь такого превратнаго и противорѣчащаго условіямъ общежитія взгляда.

Обращаясь къ исполненію Судебною Палатою второго требованія 534 ст. Уст. угол. суд., надо признать, что оно ею не исполнено, также какъ не исполнена и 537 ст. Уст. угол. суд., безъ сомнѣнія обязывающая обвинительную камеру оцѣнивать обвинительный актъ не только по квалификаціи дѣянія, но и по его содержанію и способу изложенія. Изслѣдованіе, не относящихся къ дѣлу подробностей, нашло себѣ выраженіе прежде всего въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Палемъ: въ немъ, послѣ изложенія событія преступленія, указано, что, *по выраженію* Ольги Палемъ, Довнаръ былъ человѣкъ безхарактерный, гаденькій и нахальный; онъ закладывалъ ея вещи, пользовался ея деньгами и присвоилъ себѣ часть мебели, купленной ею на деньги, полученныя отъ Кандинскаго, а затѣмъ подробно изложена провѣрка такого взгляда обвиняемой на убитаго ею Довнара, предпринятая на предварительномъ слѣдствіи, при чемъ ея собственное прошлое рисуется на пространствѣ двадцати девяти слишкомъ лѣтъ, начиная съ того дня, когда «у симферопольскаго еврея Мордки и жены его Гени Палемъ родилась дочь Меня». На обязанности обвинительной камеры лежало опредѣлить, какія части обвинительнаго акта представляются излишними, вредящими ясности и цѣльности дѣла, и поэтому несоотвѣтствующими цѣлямъ правосудія, и придать этому важному документу, формулирующему собою обвиненіе и предшествующему судебному разсмотрѣнію дѣла,—серьезный и дѣловой характеръ. Это требованіе Палатою не было исполнено. Не видно въ опредѣленіи Палаты и слѣдовъ разсмотрѣнія пріемовъ и дѣйствій судебнаго слѣдователя съ точки зрѣнія ихъ законности и правильности.

Правительствующій Сенатъ не можетъ оцѣнивать дѣйствія обвинительной камеры по разсмотрѣнію существа и результатовъ тѣхъ или другихъ слѣдственныхъ дѣйствій, но его долгъ, не нарушая своего кассаціоннаго характера и, не входя въ существо дѣла, оцѣнить *характеръ дѣйствій* слѣдователя въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ созданы нарушенія, не могущія быть исправленными на судѣ или обжалованными. Такъ ст. 265 Уст. угол. суд. обязываетъ слѣдователя приводить въ извѣстность обстоятельства, оправдывающія обвиняемаго.—Въ чемъ оправдывающія?—Конечно, въ дѣяніи, а не въ поведеніи и образѣ жизни до совершенія преступленія. — Но какое отношеніе къ этой статьѣ можетъ имѣть оглашеніе переписки и рядъ допросовъ о принятіи обвиняемою православія за 15 лѣтъ

до преступленія, объ отношеніяхъ ея къ родителямъ за то же время, о ихъ средствахъ, объ обстоятельствахъ ея крещенія и объ отношеніяхъ ея къ крестному отцу? Какое отношеніе къ обвиненію ея въ убійствѣ покинувшаго ее сожителя имѣетъ допросъ ряда свидѣтелей о томъ, состояла ли она въ разное время и иногда задолго до совершенія преступленія съ нимъ или съ кѣмъ либо другимъ въ интимныхъ половыхъ отношеніяхъ? при чемъ одному свидѣтелю приходится отвѣчать на вопросъ о томъ, думалъ ли онъ на ней жениться.—Такъ, ст. 266 Уст. угол. суд. обязываетъ слѣдователя собирать доказательства.—Это, конечно, доказательства небезразличныхъ, съ точки зрѣнія уголовной, обстоятельствъ, а доказательства преступленія, согласно его законному составу. Но какое отношеніе можетъ имѣть къ этимъ доказательствамъ по дѣлу объ убійствѣ обширное изслѣдованіе о матеріальныхъ средствахъ потерпѣвшаго и обвиняемой, переписка о заложенныхъ въ частномъ ломбардѣ и въ обществѣ для храненія движимостей вещахъ, о хранящихся въ Государственномъ банкѣ на текущемъ счету деньгахъ и о записяхъ пересылки денегъ въ болѣе чѣмъ 537 почтовыхъ книгахъ, задавшее, вѣроятно, не мало работы контрольнымъ палатамъ? Могутъ ли быть основательнымъ образомъ причислены къ нимъ письма лицъ, нуждавшихся въ денежной помощи или покровительствѣ Палемъ, на которыхъ она клала рѣзкія резолюціи? На основаніи ст. 371 Уст. угол. суд., вещественныя доказательства, могущія служить *къ обнаруженію преступленія*, пріобщаются къ дѣлу съ подробнымъ описаніемъ ихъ въ протоколѣ, при чемъ эти протоколы и самыя доказательства оглашаются и предъявляются на судѣ. Законъ и кассаціонная практика воспрещаютъ, однако, прочтеніе на судѣ актовъ полицейскаго дознанія, не подходящихъ подъ требованіе 687 ст. Уст. угол. суд. Но пріобщеніе цѣлыхъ полицейскихъ производствъ, содержащихъ въ себѣ при этомъ обстоятельства, касающіяся частной жизни совершенно постороннихъ лицъ, составляетъ несомнѣнный обходъ этого закона, не говоря уже о вторженіи въ жизнь людей, къ дѣлу никакого касательства не имѣющихъ. Вслѣдствіе этого, признавая нужнымъ пріобщить какое либо дѣло къ слѣдственному производству, судебный слѣдователь обязанъ съ точностью указать и описать въ протоколѣ лишь то, что прямо относится къ изслѣдуемому преступленію, не припутывая къ нему обстоятельствъ постороннихъ, отъ чего законъ удерживаетъ, на основаніи 718 ст. Уст. угол. суд., даже и простыхъ свидѣтелей. Поэтому дѣло сыскного отдѣленія, оглашенное на судѣ, могло подлежать пріобщенію и описанію въ протоколѣ только въ опредѣленныхъ, прямо относящихся до преступленія Палемъ, частяхъ.

Такъ, наконецъ, ст. 357 Уст. угол. суд., относящаяся до изслѣдованія *событія* преступленія, дозволяетъ производить обыски и выемки лишь въ случаяхъ *основательнаго* подозрѣнія о *сокрытіи* обвиняемаго или предмета преступленія, или веществен-

наго доказательства,—причемъ, конечно, выемки по отношенію къ письменнымъ доказательствамъ можно производить лишь тогда, когда хранитель отказывается ихъ выдать добровольно. Эти слѣдственныя дѣйствія до такой степени вносятъ смуту въ жизнь частнаго человѣка и въ отношенія къ нему окружающихъ, что должны быть предпринимаемы съ особенною осторожностью. Но можно ли считать требованіе 537 ст. *объ основательномъ подозрѣніи сокрытія* соблюденнымъ въ виду постановленія судебнаго слѣдователя о производствѣ въ Одессѣ у купца Кандинскаго обыска и выемки его переписки и торговыхъ книгъ, когда онъ еще не былъ допрошенъ, а слѣдовательно и не думалъ отрицать тѣхъ своихъ отношеній къ обвиняемой, подтвержденіемъ которыхъ могли бы служить эти книги и переписка, и не заявлялъ никакого отказа въ ихъ представленіи. При этомъ отобраніи торговыхъ книгъ, не смотря на просьбу Кандинскаго объ оставленіи ихъ у него для веденія торговыхъ дѣлъ и отчетности, происшедшее 11-го іюня и заключившееся 31-го октября производствомъ *бухгалтерской экспертизы* этихъ книгъ для опредѣленія того, какія суммы высылались на имя Палемъ и Довнара, представляетъ собою явное нарушеніе ст. 529 и 530 Уст. торг., въ силу которыхъ такія книги составляютъ ненарушимую коммерческую тайну и только въ случаѣ признанія несостоятельности по опредѣленію суда отбираются у несостоятельнаго и разсматриваются кѣмъ слѣдуетъ. Излишне говорить, что подобная безцѣльная любознательность слѣдователя, сопровождаемая предъявленіемъ книгъ постороннимъ лицамъ, понятымъ и экспертамъ, нарушающая существенные интересы торговаго лица и могущая подорвать его кредито-способность, составляетъ своего рода опасность для спокойнаго существованія лицъ непричастныхъ къ преступленію. Такая незаконная любознательность, граничащая съ произволомъ, можетъ заставить общество обратиться къ справедливому извращенію старой русской поговорки: «Не бойся суда—говорила она—а бойся судьи». Судебная реформа отучила бояться судей, а пріучила ихъ уважать. Но тамъ, гдѣ вполнѣ добросовѣстный судья не будетъ отдавать себѣ яснаго отчета въ цѣли и значеніи своихъ дѣйствій, тамъ само учрежденіе суда заставитъ общество взирать на него со страхомъ и говорить: «не бойся судьи, а бойся суда».

Не касаясь разбора дальнѣйшихъ указанныхъ гражданскимъ истцомъ осложненій и неправильныхъ приростовъ слѣдствія по дѣлу Палемъ, тянувшагося, благодаря имъ, по ясному и неопровержимому событію, пять мѣсяцевъ, — нельзя отрѣшиться отъ мысли, что эти наслоенія могли существенно затемнить истинную сущность дѣла и что такую свою роль они могутъ выполнить и вновь, если обвинительною камерою не будутъ приняты мѣры къ устраненію ихъ при самомъ разсмотрѣніи слѣдствія. Поэтому одной отмѣны приговора было бы недостаточно для возстановленія закон-

наго порядка въ этомъ дѣлѣ; отмѣна должна идти дальше и глубже и коснуться самаго опредѣленія Судебной Палаты о преданіи суду, обязавъ ее въ точности примѣнить къ дѣлу 537, а по отношенію къ обвинительному акту — и 538 ст. Уст. угол. суд. Такое рѣшеніе Правительствующаго Сената вызывается не только существенными нарушеніями, допущенными по настоящему дѣлу, но и требуется интересами правильнаго отправленія правосудія вообще. Это рѣшеніе должно настойчиво указать обвинительнымъ камерамъ ихъ обязанность быть на стражѣ правильнаго производства предварительнаго слѣдствія и разрѣшить окончательно роковой судебный вопросъ: «et ques custodit custodes ipsos?»

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отмѣнить и опредѣленія Палаты о преданіи Палемъ суду за нарушеніемъ 534 ст. Уст. угол. суд. и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ порядкѣ преданія суду въ другой составъ той же Судебной Палаты.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, приговоръ Спб. Окружного Суда и опредѣленіе спб. Судебной Палаты о преданіи суду за нарушеніемъ 549 и 534 ст. Уст. угол. суд. отмѣнить, передавъ дѣло въ Спб. Судебную Палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія и дальнѣйшаго производства въ установленномъ закономъ порядкѣ.

IV.

По дѣлу доктора Іегера съ профессоромъ Манасеинымъ (Опозоронье въ печати иностранца).

---

24 марта 1892 г. прокурору Петербургскаго Окружного Суда была предъявлена жалоба отъ имени профессора Густава Іегера, живущаго въ Штутгартѣ,— на издателя-редактора газеты «Врачъ», профессора В. А. Манасеина, по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1040 ст. Улож. о наказ. Эта жалоба, на основаніи 303[1] ст. Уст. угол. суд., была передана судебному слѣдователю 14-го участка гор. С.-Петербурга для примирительнаго разбирательства и производства предварительнаго слѣдствія и по ней состоялось постановленіе слѣдователя, который нашелъ, «что изъ текста 306—308 ст. Уст. угол. суд. видно, что жалоба, если она возводитъ на кого-либо обвиненіе, должна быть принесена жалобщикомъ лично; что и указъ Правительствующаго Сената 21-го февраля 1884 г. безусловно но допускаетъ у судебныхъ слѣдователей представительства потерпѣвшаго чрезъ повѣреннаго и что поэтому въ данномъ случаѣ нѣтъ законнаго повода къ начатію слѣдствія; независимо отъ сего представляется необходимость принять еще и слѣдующія обстоятельства; г. Іегеръ, считающій себя оскорбленнымъ въ газетѣ «Врачъ», постоянно живетъ въ Штутгартѣ; законы создаются для удовлетворенія потребностей страны; преступленіемъ называется нарушеніе закона, установленнаго для огражденія безопасности и благосостоянія гражданъ въ предѣлахъ даннаго государства, почему г. Іегеръ, какъ живущій внѣ Россіи, не можетъ пользоваться охраною россійскихъ законовъ въ той мѣрѣ, какъ живущіе въ Россіи, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой являются отвѣтственными иностранцы по 172 ст. Улож. о наказ. за преступленія и проступки, совершенные ими заграницею противъ россійскихъ подданныхъ; но такъ какъ условій, означенныхъ въ сей статьѣ по отношенію къ Манасеину, нѣтъ, то онъ и не подлежитъ никакой отвѣтственности по россійскимъ законамъ». По всѣмъ этимъ основаніямъ судебный слѣдователь постановилъ: за отсутствіемъ законнаго повода и достаточныхъ основа-

ній къ начатію слѣдствія (262 ст. Уст. угол. суд.), жалобу прис. повѣр. Берлина, съ приложеніями, возвратить ему.

На это постановленіе слѣдователя прис. пов. Берлинъ подалъ въ Окружной Судъ частную жалобу, въ коей, опровергая тѣ основанія, по которымъ слѣдователь возвратилъ ему жалобу, указываетъ, во-первыхъ, что законъ нашъ не предусматриваетъ случая возвращенія жалобы судебнымъ слѣдователемъ, напротивъ того, циркулярнымъ указомъ общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ 30-го ноября 1889 года, предписывается въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдователь находитъ, что предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато, примѣняясь къ 227 ст. Уст. угол. суд., представлять дѣло въ Окружной Судъ, отъ котораго и зависитъ рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи его. Во-вторыхъ, относительно вопроса объ участіи повѣренныхъ при примирительномъ разбирательствѣ прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что указъ 1889 года, на который ссылается слѣдователь, говоритъ только о гражданскихъ истцахъ, но не о частныхъ обвинителяхъ; что въ данномъ случаѣ на слѣдователей возложена функція мировыхъ судей, предшествующая предварительному слѣдствію, что и выражено въ 301[1] ст. Уст. угол. суд., а потому слѣдователь обязанъ руководствоваться 35 и 43 ст. Уст. угол. суд., разъясненныхъ рѣшеніями Правительствующаго Сената, которыми сторонамъ разрѣшена подача жалобъ и чрезъ повѣреннаго. Лишь по окончаніи примирительнаго разбирательства, и только въ это время,—можетъ возникнуть вопросъ о допущеніи повѣреннаго къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Обязывать же потерпѣвшаго, безразлично—иностранца или русскаго подданнаго, при огромныхъ разстояніяхъ въ Россіи, пріѣзжать за тысячи верстъ для личнаго присутствія при примирительномъ разбирательствѣ было бы въ большинствѣ случаевъ равносильно полному преградженію всѣхъ путей получить удовлетвореніе за понесенную обиду; въ большинствѣ случаевъ это было бы равносильно обезпеченію полной безнаказанности оскорбителю. По этимъ соображеніямъ жалобщикъ просилъ отмѣнить постановленіе слѣдователя, предложивъ ему дать дѣлу законный ходъ.

Окружный судъ нашелъ, что циркулярный указъ Сената имѣлъ цѣлью уравновѣсить положеніе сторонъ во время предварительнаго слѣдствія, разъяснивъ, что законъ, не допуская въ этой стадіи уголовнаго процесса защиту для обвиняемыхъ, не представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прочимъ, участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ пользоваться представительствомъ повѣренныхъ. Поэтому, очевидно, послѣдніе не могутъ являться на предварительномъ слѣдствіи ни отъ лица гражданскихъ истцовъ, ни отъ лица частныхъ обвинителей, или вообще, какъ выражается указъ Сената — отъ лица потерпѣвшихъ отъ преступленія или проступка. Если сравнить 303[1] ст. Уст. угол. суд., съ текстомъ 135 и 593 ст. Уст. угол. суд., то окажется, что по силѣ послѣднихъ двухъ статей имѣющихъ примѣненіе во время судебнаго производства, дѣло прекращается за неявкою частнаго обвинителя, или его повѣреннаго, между тѣмъ, какъ въ 303[1] ст. прямо сказано, что дѣло прекращается за неявкою обвинителя, безъ всякаго упоминанія о возможности замѣны его повѣреннымъ при склоненіи къ миру судебнымъ слѣдователемъ. Принявъ рекомендуемую прис. пов. Берлиномъ мѣру устраненія неудобства личной явки частнаго обвинителя, пришлось бы установить такой порядокъ, при которомъ только состоятельный человѣкъ пользовался бы при данныхъ условіяхъ возможностью оградить свои интересы. Между тѣмъ, при примѣненіи къ разсматриваемому случаю 292 ст. Уст. угол. суд., по силѣ которой слѣдователь предлагаетъ про-

живающему въ отдаленной мѣстности частному обвинителю окончить дѣло миромъ посредствомъ сношенія съ представителемъ мѣстной слѣдственной власти, гдѣ проживаетъ обвинитель, устраняется необходимость явки его къ примирительному разбирательству по мѣсту производства слѣдствія. Находя поэтому, что слѣдователь не вправѣ былъ по силѣ 262 ст. Уст. угол. суд. начать дѣло и приступить къ примирительному разбирательству безъ законнаго повода, т. е. безъ жалобы Iегера, Окружной Судъ постановилъ жалобу прис. пов. Берлина оставить безъ послѣдствій, признавъ, что по силѣ дѣйствующаго закона представительство частныхъ обвинителей чрезъ повѣренныхъ не допускается во время производства судебными слѣдователями примирительнаго разбирательста и слѣдствія.

Судебная Палата, «раздѣляя всецѣло соображенія, изложенныя въ постановленіи судебнаго слѣдователя и въ опредѣленіи Окружного Суда» и не усматривая никакихъ данныхъ, могущихъ дать законный поводъ къ преслѣдованію Манасеина по 1040 ст. Улож. о наказ. оставила эту жалобу безъ послѣдствій. Тогда прис. пов. Берлинъ подалъ на означенное опредѣленіе Палаты частную жалобу въ Правительствующій Сенатъ, но Палата, выслушавъ заключеніе товарища прокурора, опредѣлила: жалобу прис. пов. Берлина возвратить ему какъ не подлежащую представленію въ Сенатъ. Предметомъ разсмотрѣнія Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената *1-го декабря 1892 г.* была жалоба повѣреннаго Iегера на это послѣднее опредѣленіе Петербургской Судебной Палаты.

Обращаясь прежде всего къ вопросу о порядкѣ разрѣшенія Сенатомъ жалобы повѣреннаго доктора Iегера, я нахожу, что по отношенію къ жалобамъ на частныя опредѣленія второй инстанціи, общее теченіе кассаціонной практики представляетъ значительныя уклоненія. Потребности жизни, отражаясь на отправленіи правосудія, выдвигаютъ на пути этого теченія такіе мели и пороги, что съ ними приходится считаться и отступать ради нихъ отъ общаго правила. Поэтому начало недопущенія кассаціоннаго обжалованія частныхъ опредѣленій второй инстанціи, выраженное въ 893 и 894 ст. Уст. угол. суд. и подтвержденное рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній съ 1867 по 1876 г., допускаетъ, однако, рядъ исключеній. Такъ, признаны возможными кассаціонныя жалобы на опредѣленія второй инстанціи объ оставленіи безъ движенія просьбы о прекращеніи дѣла миромъ (1874 г., № 467) и на допущеніе нарушеній формъ и обрядовъ судопроизводства при разсмотрѣніи судомъ второй степени частной жалобы (1884 г., № 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатомъ было (рѣшенія 1868 года, № 441, и 1872 года, № 1017) высказано, что подача кассаціонной жалобы на частное опредѣленіе второй инстанціи, хотя бы и не подлежащее, въ силу 893 и 894 ст. Уст. угол. суд., обсужденію въ кассаціонномъ порядкѣ, не освобождаетъ эту инстанцію отъ обязанности представить жалобу въ Сенатъ. Въ рѣшеніи 1872 г. по дѣлу Васильева Правительствующій Сенатъ категорически выразилъ, что законъ

не дѣлаетъ различія въ томъ отношеніи, подана ли кассаціонная жалоба на такое постановленіе Палаты, которое можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, или на такое, которое обжалованію не подлежитъ—и не предоставляетъ опредѣленіе подобнаго значенія частной жалобы тому судебному мѣсту, на дѣйствія котораго она приносится. Поэтому Петербургская Судебная Палата обязана была представить кассаціонную жалобу Іегера въ Сенатъ, не входя въ обсужденіе вопроса, подлежитъ ли она разсмотрѣнію Сената.

Но жалоба эта въ дѣлѣ. Существо ея извѣстно, и ограничиться формальнымъ указаніемъ, что она по силѣ 893 и 894 ст. Уст. угол. суд., дѣйствительно представляется не подлежащею разрѣшенію въ кассаціонномъ порядкѣ, было бы неправильно. Несомнѣнно, что жалобы на частныя опредѣленія судебныхъ мѣстъ могутъ имѣть двоякій характеръ. Надо отличать опредѣленія по жалобамъ на нарушенія, допущенныя *при* производствѣ дѣла отъ опредѣленій по жалобамъ на нарушенія *въ* производствѣ дѣла. Первыя опредѣленія всегда и исключительно относятся къ данному частному случаю по дѣлу и касаются, напр., мѣры пресѣченія, принятой противъ того или другого лица, обезпеченія гражданскаго иска, наложенія штрафа за неявку и т. п. Ими ничего не устанавливается на будущее время, ничего не предрѣшается. Иного рода вторыя опредѣленія. Ими по поводу нарушеній *въ* самомъ производствѣ дѣла устанавливается *практика*, дается толкованіе на будущее время, указывается дальнѣйшій путь направленія всѣхъ однородныхъ и подобныхъ разрѣшаемому дѣлъ и вопросовъ. Кассаціонный судъ не исполнялъ бы своей важной задачи, если бы уклонялся отъ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ на опредѣленія послѣдняго рода, которыми не только примѣняется, но *истолковывается* законъ и созидается особый порядокъ по существеннымъ вопросамъ судопроизводства, связывающій на будущее время практику всѣхъ судовъ того или другого судебнаго округа. Вотъ почему, въ рядѣ рѣшеній, Правительствующій Сенатъ отмѣнялъ въ кассаціонномъ порядкѣ неправильныя опредѣленія о подсудности, хотя бы и дошедшія до него по жалобамъ на частныя опредѣленія, также какъ и по такимъ же поводамъ возстановлялъ порядокъ, нарушенный неправильнымъ допущеніемъ частнаго обвиненія вмѣсто публичнаго и наоборотъ. Опредѣленіе С.-Петербургской Судебной Палаты по жалобѣ Іегера представляетъ собою именно опредѣленіе о производствѣ дѣла, а не о нарушеніяхъ при производствѣ дѣла. Оно установляетъ особыя условія для примирительнаго разбирательства у слѣдователей, по закону 1891 г.—и для принесенія жалобъ по дѣламъ частнаго обвиненія. По мнѣнію Палаты, оно укрѣпляетъ соотвѣтствующій мысли закона порядокъ производства,—по мнѣнію жалобщика, оно являетъ собою отказъ въ правосудіи. Можетъ ли Сенатъ предоставить окончательное разрѣшеніе такого

вопроса второй инстанціи и умыть себѣ руки въ дѣлѣ столь существенно затрогивающемъ нравственные интересы частныхъ лицъ, зная притомъ, что вопросъ этотъ, при существованіи опредѣленія Судебной Палаты, не можетъ и дойти до него въ общемъ кассаціонномъ порядкѣ? Конечно нѣтъ!

Есть и другое основаніе къ разсмотрѣнію нынѣ же опредѣленія Палаты. Статья 250 Учр. суд. уст. о порядкѣ *надзора* возлагаетъ на Сенатъ, какъ высшее надзирающее за дѣятельностью судовъ мѣсто, обязанность охранять правильность дѣятельности подчиненныхъ учрежденій, простирая свой надзоръ на такія судопроизводственныя дѣйствія ихъ, которыя не восходятъ на его разсмотрѣніе въ общемъ порядкѣ судопроизводства, при чемъ этотъ надзоръ касается всѣхъ нарушеній закона, какимъ бы изъ законныхъ путей свѣдѣнія о нихъ ни дошли до Сената—будутъ ли они обнаружены при разсмотрѣніи дѣла или дойдутъ по жалобѣ частныхъ лицъ или, наконецъ, по сообщенію должностныхъ лицъ.

Въ 1888 г. по дѣлу Безродновой, Правительствующій Сенатъ, примѣняя 250 ст. Учр. суд. уст., указалъ широкіе предѣлы этого примѣненія и практическіе его результаты, состоящіе не только въ разъясненіи допущенной неправильности, но и въ немедленной отмѣнѣ распоряженія судебныхъ мѣстъ, представляющихся неправильными.

Обращаясь, поэтому, къ оцѣнкѣ существа обжалованнаго опредѣленія Палаты, надо замѣтить что Палата «всецѣло раздѣлила соображенія, изложенныя въ постановленіи судебнаго слѣдователя 14-го участка гор. С.-Петербурга, отъ 3-го апрѣля 1892 г., и въ опредѣленіи Окружного Суда отъ 22-го апрѣля». Съ этими соображеніями, однако, затруднительно согласиться не только всецѣло, но даже и въ какой либо ихъ части. Прежде всего представляется неправильнымъ требованіе, чтобы признающій себя потерпѣвшимъ отъ статьи газеты «Врачъ», и потому имѣющій права частнаго, согласно 1040 ст. Улож. о нак., обвинителя, докторъ Іегеръ предъявлялъ жалобу непремѣнно лично, а не чрезъ повѣреннаго. Рѣшеніе Сената 1884 г., № 11, на которое ссылается и судъ и судебный слѣдователь, говоритъ исключительно о гражданскихъ истцахъ, не имѣющихъ права представительства при слѣдствіи, нисколько не предрѣшая вопроса о частныхъ обвинителяхъ. Сенатъ вовсе не высказывался въ этомъ рѣшеніи, какъ полагаетъ судъ, о всѣхъ «прочихъ участвующихъ въ дѣлѣ» лицахъ. Напротивъ, онъ опредѣлительно и точно указалъ лишь на «потерпѣвшихъ отъ преступленія, заявившихъ искъ о вознагражденіи», т. е. на гражданскихъ истцовъ, противопоставивъ имъ обвиняемыхъ, тоже лишенныхъ представительства при слѣдствіи. По отношенію же къ частному обвинителю еще въ 1869 г., по дѣлу Овчинникова № 922, Правительствующій Сенатъ призналъ, что изъ 135, 118 и 585 ст. Уст. угол. суд. вытекаетъ право такого обвинителя имѣть

повѣреннаго, при чемъ послѣдній можетъ быть уполномоченъ имъ только лишь на подачу жалобы или и на веденіе всего дѣла. Такой взглядъ Сената вполнѣ вытекаетъ изъ смысла основныхъ правилъ о различіи въ порядкѣ преслѣдованія. Согласно ст. 5 и 6 Уст. угол. суд. по дѣламъ, начинаемымъ не иначе, какъ по жалобѣ и прекращаемымъ примиреніемъ, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ предоставляется исключительно *частнымъ обвинителямъ*, если же дѣло не принадлежитъ къ прекращаемымъ примиреніемъ, то судебное преслѣдованіе лежитъ на прокурорскомъ надзорѣ, а принесшій жалобу признается лишь *гражданскимъ истцомъ*. Такимъ образомъ *потерпѣвшій отъ преступленія*, жалующійся на причиненную ему обиду, вредъ или убытокъ, и возбуждающій своею жалобою уголовное дѣло, является въ глазахъ закона, смотря по роду учиненнаго надъ нимъ преступнаго дѣянія—или обвинителемъ или лишь истцомъ. Государственная власть, охраняя общій порядокъ и предоставляя свою судебную защиту обиженному, вслушивается въ его жалобу, и оцѣнивъ ее, поступаетъ двояко. Она говоритъ жалобщику: «здѣсь не одинъ ты обиженъ, вмѣстѣ съ твоими правами нарушены и мои; это дѣло мое, мнѣ нужно, въ цѣляхъ поддержанія общественнаго строя и порядка, удовлетвореніе; дѣло поведетъ *мой* повѣренный—прокуроръ, а ты можешь просить объ обезпеченіи твоего вознагражденія за убытки и доказывать ихъ затѣмъ на судѣ, присоединясь къ моему повѣренному въ выясненіи вины нашего *общаго* обидчика». Или же эта власть объявляетъ жалобщику: «*мои* интересы въ твоемъ дѣлѣ не затронуты, это дѣло касается твоихъ личныхъ счетовъ съ обидчикомъ,—веди его самъ, доказывая и выясняя вину его,—а я помогу только тѣмъ, что во *избѣжаніе самосуда*, предоставлю въ твое распоряженіе подлежащіе судебные и исполнительные органы; первые разберутъ справедливость твоей жалобы и обидчика, если онъ дѣйствительно виновенъ, присудятъ, а вторые—его, если ты того пожелаешь, накажутъ...»

Такая двойственная роль представителей обвиненія строго проведена въ судебныхъ уставахъ. Если въ силу ея, государственная власть, какъ обвинительница, имѣетъ тоже своего повѣреннаго—прокурора, нѣтъ никакого логическаго основанія отрицать за частнымъ обвинителемъ право имѣть тоже своего повѣреннаго, который можетъ и долженъ пользоваться всѣми правами принадлежащими прокурору и вытекающими изъ его положенія, *какъ стороны*, а не какъ блюстителя закона, поставленнаго въ особыя *служебныя* отношенія къ представителямъ судебной власти. Лишить частнаго обвинителя этого права—значило бы создать для него *privillegium odiosum*. Дѣла частнаго обвиненія обыкновенно глубоко затрогиваютъ честь, доброе имя и спокойствіе потерпѣвшаго. Обвиняемыми являются зачастую люди умные, развитые, понимающіе сущность и способы своей защиты, находящіеся всегда на свободѣ и

могущіе посовѣтоваться съ опытными юристами. Такими обвиняемыми, напр., по ст. 1535 Улож. могутъ являться адвокаты, ибо, какъ разъяснилъ Сенатъ по дѣлу Дорна, оклеветаніе кого либо въ рѣчи на судѣ подходитъ подъ 1 ч. 1535 ст. Ими могутъ явиться, по 2 ч. той же статьи и по ст. 1039 и 1040, корреспонденты и редакторы газетъ, авторы книгъ. Потерпѣвшій можетъ жить очень далеко отъ мѣста совершенія преступленія,—его матеріальное, его служебное положеніе могутъ лишать его возможности прибыть въ мѣсто производства слѣдствія,—наконецъ, чуткій къ вопросамъ о своей чести и добромъ имени, онъ можетъ не имѣть никакихъ спеціальныхъ знаній, необходимыхъ для успѣшнаго «обличенія» обвиняемаго, какъ частный обвинитель. Не надо забывать притомъ, что, напримѣръ, дѣла о клеветѣ принадлежатъ къ самымъ труднымъ въ смыслѣ состязанія обвинителя и обвиняемаго, въ представленіи и опроверженіи доказательствъ. Требованіе личной явки и присутствія при слѣдствіи и судѣ и воспрещеніе имѣть защитника своихъ интересовъ создастъ не только въ этомъ случаѣ неравенство положенія сторонъ, но явится, въ большинствѣ случаевъ, затрудненіемъ добиться правосудія, почти равносильнымъ отказу въ немъ. Стоитъ представить себѣ, напримѣръ, потерпѣвшаго отъ напечатанной въ столичной газетѣ корреспонденціи, содержащей въ себѣ клевету, живущаго во Владивостокѣ или въ Самаркандѣ, которому необходимо явиться лично къ слѣдствію или махнуть рукою на все, подъ опасеніемъ обусловить своею неявкою оправданіе обвиняемаго, т. е. въ сущности признаніе правдивости его вымысла. Нельзя не сознаться, что при такомъ положеніи вещей, когда возможность защиты своей чести дѣлается обратно пропорціональною разстоянію между обидчикомъ и обиженнымъ, право послѣдняго на судебную защиту обращается въ горькую иронію, въ своего рода nudum jus. Поэтому не только жалоба можетъ быть подаваема частнымъ обвинителемъ чрезъ законно уполномоченнаго повѣреннаго, но ему слѣдуетъ разрѣшить участіе чрезъ своего повѣреннаго и въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, въ предѣлахъ, указанныхъ 304 ст. Уст. угол. суд. Этому нисколько не противорѣчитъ рѣшеніе Сената о гражданскомъ истцѣ, не пользующимся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правами частнаго обвинителя. Допущеніе его повѣреннаго было бы дѣйствительнымъ нарушеніемъ равноправности, ибо, такимъ образомъ, къ повѣренному государства — прокурору, вооруженному при слѣдствіи правами, указанными въ 278 — 281 ст. Уст. угол. суд., присоединялся бы, въ явное отягощеніе положенія обвиняемаго, еще и повѣренный истца, домогающагося вознагражденія. Правительствующій Сенатъ даже и вопросъ о повѣренномъ послѣдняго рода разрѣшаетъ не безусловно, а именно въ рѣшеніи 1888 года по дѣлу фирмы «Ванъ Дюзеръ» онъ призналъ, что воспрещеніе гражданскому истцу имѣть повѣреннаго при слѣдствіи не распространяется на повѣренныхъ

юридическихъ лицъ по 26 и 27 ст. Уст. гражд. суд. Но если такимъ образомъ возможно участіе въ слѣдствіи даже повѣреннаго истца, когда этотъ истецъ юридическое лицо, то тѣмъ болѣе возможно участіе повѣреннаго частнаго обвинителя.

Переходя къ другимъ соображеніямъ, высказаннымъ судебнымъ слѣдователемъ и судомъ, я нахожу, что если бы даже и признавать, совершенно, впрочемъ, неправильно и вопреки установившейся у многихъ мировыхъ судей практики, — что къ примирительному разбирательству долженъ являться жалобщикъ лично, а не его повѣренный, то и тогда судебный слѣдователь XIV участка не имѣлъ законнаго основанія возвращать жалобу повѣренному Іегера, а долженъ былъ направить слѣдствіе, согласно 301[1] ст. Уст. угол. суд., за неявкою обвинителя, къ прекращенію по 277 ст., на что прямо указывается какъ въ текстѣ 303[1] ст., такъ и въ представленіи министра юстиціи Государственному Совѣту о введеніи новаго порядка примирительнаго разбирательства по дѣламъ частнаго обвиненія. Возвращать жалобы, считающіяся, согласно 303 ст. Уст. угол. суд., достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія, слѣдователямъ не предоставлено, какъ не предоставлено имъ, по 309 ст. Уст. угол. суд., собственною властью оставлять безъ послѣдствій сообщенія полицейскихъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ или лицъ о преступленіяхъ. Точно также и указаніе слѣдователя на текстъ 306 — 308 ст. Уст. угол. суд., будто бы безусловно требующій принесенія жалобы лично—не является правильнымъ, ибо во-первыхъ—возможна присылка жалобы по почтѣ и притомъ даже не слѣдователю, а представителю мѣстной полицейской власти или даже предсѣдателю суда въ томъ случаѣ, когда иногородному неизвѣстно, въ какомъ слѣдственномъ участкѣ города должно производиться слѣдствіе по его жалобѣ и—во-вторыхъ—лишь 307 ст. Уст. угол. суд. указываетъ на немедленный разспросъ *жалобщика,* но разспросъ этотъ съ указаніемъ отвѣтственности за ложный доносъ вовсе не является существеннымъ условіемъ для начатія слѣдствія, какъ то разъяснено уже Сенатомъ въ рѣшеніи 1888 года за № 22 по дѣлу Ряжкина, да и въ дѣлахъ объ оскорбленіи чести путемъ печати онъ не имѣетъ смысла, ибо фактъ напечатанія на лицо, а за неправильную квалификацію этого факта, какъ за ложный доносъ, жалобщикъ отвѣчать не можетъ. Но если можно жалобу прислать, конечно, съ удостовѣреніемъ личности писавшаго,—то можно поручить и повѣренному таковую представить. Опровергая такое право, Окружной Судъ становится на почву экономическихъ соображеній и находитъ, что установленіе его оказалось бы несправедливымъ исключеніемъ въ отношеніи громаднаго большинства неимущихъ лицъ, не могущихъ замѣнить себя повѣренными, такъ что устраненіе неудобства личной явки коснулось бы только состоятельныхъ лицъ. Не говоря уже о томъ, что въ вопросѣ о разъясненіи судопроизводственныхъ

правъ нельзя становиться на экономическую точку зрѣнія, надо замѣтить, что, идя послѣдовательно, можно возражать и противъ права на защиту въ уголовномъ дѣлѣ чрезъ повѣреннаго, ибо и тамъ состоятельный человѣкъ фактически поставленъ въ лучшее положеніе возможностью обратиться къ болѣе надежной и опытной, а потому и дороже себя цѣнящей силѣ. Для облегченія неудобства неимущихъ въ пріисканіи повѣренныхъ существуетъ совѣтъ и консультація присяжныхъ повѣренныхъ; дѣло идетъ не объ установленіи *обязанности* имѣть повѣреннаго, а о предоставленіи такого *права* — и каждому долженъ быть свободенъ выборъ между личною явкою и присылкою повѣреннаго. Требовать съ отдаленныхъ концовъ Россіи частныхъ обвинителей въ Петербургъ, отрицая за ними право имѣть повѣренныхъ только потому, что между ними могутъ оказаться такіе, которымъ не только пригласить повѣреннаго, но быть можетъ и лично пріѣхать не на что — не значило ли бы замѣнять имущественное неравенство между нѣкоторыми изъ частныхъ обвинителей — установленіемъ общаго для всѣхъ затрудненія въ отысканіи правосудія, тѣмъ болѣе, что для бѣднаго вѣроятно не менѣе отяготительно явиться лично издалека, бросивъ свой заработокъ, какъ и обратиться къ повѣренному.

Затѣмъ Окружной Судъ, поддерживая постановленіе слѣдователя, нашелъ, что въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, должна быть примѣняема 292 ст. Уст. угол. суд., по силѣ которой слѣдователь предлагаетъ проживающему въ отдаленной мѣстности частному обвинителю окончить дѣло миромъ посредствомъ сношенія съ представителемъ мѣстной слѣдственной власти. Но такое толкованіе 292 ст. Уст. угол. суд., не вытекаетъ ни изъ ея текста, ни изъ идеи примирительнаго разбирательства. Статья эта имѣетъ въ виду такія слѣдственныя дѣйствія, которыя касаются участвующихъ въ дѣлѣ такъ сказать единолично и ничего не предоставляютъ ихъ волѣ по отношенію къ дальнѣйшему продолженію дѣла. Поэтому она и говоритъ о допросѣ, по присланнымъ допроснымъ пунктамъ, обвиняемыхъ или свидѣтелей. Но совсѣмъ иное дѣло примиреніе. Спрашивать иногда за 1,000 верстъ жалобщика, только предъ тѣмъ отправившаго, вѣроятно по зрѣломъ обсужденіи предпринимаемаго шага, свою жалобу, не желаетъ ли онъ примириться съ обидчикомъ, значитъ — спрашивать его, не желаетъ ли онъ признать, что поступилъ необдуманно, не провѣривъ себя. Это была бы лишенная всякаго внутренняго смысла формальность, сводящаяся къ канцелярской волокитѣ. Въ основѣ примирительнаго разбирательства лежитъ мысль о разъясненіи недоразумѣнія, объ объясненіи, о возможности ослабленія оскорбленнаго чувства подъ вліяніемъ встрѣчи съ признающимъ свою ошибку или неосторожность обидчикомъ. Недаромъ 303 ст. Уст. угол. суд. требуется непремѣнно явка двухъ сторонъ къ разбирательству, иначе

дѣло или прекращается, или получаетъ судебный ходъ. Жалобщикъ можетъ издалека довѣрить своему повѣренному стать «съ очей на очи» съ обвиняемымъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, примириться съ нимъ, но совершать обрядъ примиренія чрезъ судебныхъ слѣдователей на двухъ концахъ Имперіи, въ обстановкѣ канцелярскаго и заочнаго, а не устнаго дѣлопроизводства, нѣтъ никакихъ законныхъ оснований. Кромѣ того, разсуждая о примѣненіи 292 ст. Уст. угол. суд., Окружной Судъ, очевидно, упускаетъ изъ виду, что по настоящему дѣлу обвинитель живетъ не только въ другомъ судебномъ округѣ, но и въ другой странѣ, въ столицѣ Вюртемберга, Штутгартѣ, гдѣ отдѣльныя порученія судебнаго слѣдователя XIV участка города С.-Петербурга едва ли имѣютъ силу, тѣмъ болѣе, что § 420 устава уголовнаго судопроизводства Германской имперіи, установляя обрядъ примирительнаго разбирательства по дѣламъ частнаго обвиненія (по коимъ, согласно §§ 414 и 418, всегда допускается повѣренный обвинителя) ограничиваетъ его примѣненіемъ лишь къ лицамъ, живущимъ въ *одномъ общинномъ округѣ*.

Въ постановленіи судебнаго слѣдователя есть и вторая часть, касающаяся международныхъ правовыхъ отношеній. «Законы создаются для удовлетворенія потребностей страны, — говорится въ этомъ постановленіи, — преступленіемъ называется нарушеніе закона, установленнаго для огражденія безопасности и благосостоянія гражданъ въ предѣлахъ даннаго государства, почему Іегеръ, какъ живущій внѣ Россіи, не можетъ пользоваться охраною россійскихъ законовъ въ той мѣрѣ, какъ живущіе въ Россіи, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой являются отвѣтственными иностранцы по 172 ст. Улож. о наказ. за преступленія и проступки, совершенные ими за границею противъ россійскихъ подданныхъ, а такъ какъ условій, означенныхъ въ сей статьѣ, по отношенію къ редактору «Врача» нѣтъ, то онъ и не подлежитъ никакой отвѣтственности по россійскимъ законамъ». Съ этимъ постановленіемъ «всецѣло» согласилась Судебная Палата. Такимъ образомъ, въ Петербургскомъ судебномъ округѣ создается особая и весьма опредѣлительная практика, основанная на толкованіи основныхъ началъ государственнаго и международнаго права. Но ни съ такою практикою, ни съ такимъ толкованіемъ я со своей стороны не могу согласиться. Во-*первыхъ* — приводимая въ постановленіи 172 ст. Улож. о наказ. не примѣнима къ возбуждаему въ немъ вопросу. Если основываться на ней, то надо признать, что виновный въ преступленіи, преслѣдуемомъ въ порядкѣ частнаго обвиненія и совершенномъ въ Россіи относительно иностранца, подлежитъ исключительно иностранному суду и лишь въ случаѣ, если его задержатъ за границею, или онъ будетъ выданъ россійскимъ правительствомъ. Покуда же онъ не совершилъ такой неосторожности, или Россія не поступилась своими державными правами и не отдала своего под-

даннаго, совершившаго преступленіе на родной территоріи, на расправу чужому суду, — онъ безнаказанъ и можетъ свободно и безпрепятственно нарушать иногда самыя существенныя общечеловѣческія права иностранцевъ. Такое положеніе вещей не допустимо. Оно нарушало бы основныя начала международнаго общенія цивилизованныхъ государствъ и шло бы въ разрѣзъ съ исторіею международнаго права, цѣлымъ рядомъ примѣровъ подтверждающею, что еще съ конца прошлаго столѣтія преступленія, совершенныя въ одномъ государствѣ противъ лицъ, живущихъ въ другомъ государствѣ, считались наказуемыми и подсудными мѣстнымъ судамъ.

Во-вторыхъ—не о 172 ст. Улож. о наказ. должна идти рѣчь, а о 174 статьѣ. Она говоритъ, что если по возвращеніи въ отечество русскаго подданнаго, совершившаго преступленіе противъ правъ одного изъ подданныхъ иностранной державы, на него поступятъ жалобы или обвиненія, то онъ подлежитъ суду мѣстныхъ русскихъ судовъ. Но если вернувшійся русскій подданный за преступленіе, учиненное противъ иностранца, судится русскимъ судомъ, то почему же постоянно проживающій въ Россіи, за такое же дѣяніе, не только не будетъ подсуденъ русскому суду, но и вовсе не будетъ судимъ? Развѣ, напримѣръ, честь и доброе имя имѣютъ территоріальный характеръ и за пограничною заставою утрачиваютъ для человѣка свой смыслъ и значеніе? Развѣ иностранецъ можетъ быть уязвляемъ клеветою и имѣть право на защиту и на наказаніе обидчика только отъ Петербурга до Вержболова или Волочиска, а въ Эйдкуненѣ или Подволочискѣ становится уже беззащитнымъ, а русскій защищенъ французскимъ судомъ отъ печатныхъ посягательствъ на его честь только отъ Парижа до Аврикура, а въ Дейтшъ-Аврикурѣ теряетъ уже возможность смыть съ себя, путемъ приговора французскаго суда, пачкающее его пятно?

Законы пишутся не только «для удовлетворенія потребностей страны», какъ говорится въ постановленіи судебнаго слѣдователя. Многіе изъ нихъ имѣютъ цѣлью не одну финансовую, военную и внутреннюю политику страны, а общія потребности человѣка, вытекающія изъ присущихъ его духу свойствъ и изъ тѣхъ предписаній, которыя, среди грома и молній, даны на Синаѣ и безъ которыхъ не мыслимо человѣческое общежитіе. Эти законы, нарушеніе которыхъ повсюду въ цивилизованномъ мірѣ вызываетъ кару, представляютъ гарантію личной безопасности всякаго живущаго въ предѣлахъ международнаго союза и жалоба на нарушеніе ихъ не должна и не можетъ останавливаться предъ пограничною таможнею. Такъ и смотрѣла до сихъ поръ, судя по доходившимъ до Правительствующаго Сената дѣламъ, наша практика. Достаточно припомнить дѣло *турецкаго* подданнаго Берга, проживавшаго въ *Вѣнѣ*, присланная которымъ жалоба на редактора «Новаго Времени», была не только принята Окружнымъ Судомъ, но и разсмо-

трѣна въ апелляціонномъ порядкѣ Судебною Палатою. Эта практика стояла на правильномъ пути и по тому же пути, навѣрное, пошелъ бы и французскій судъ, если бы къ нему могъ обратиться, вставъ изъ гроба, съ жалобою извѣстный русскій публицистъ, именемъ котораго безцеремонно распорядились недавно парижскія газеты. Разбиравшееся еще въ 1861 году въ парижскомъ судѣ первой инстаціи дѣло объ оскорбленіи фельдмаршала Воронцова — эмигрантомъ княземъ Долгоруковымъ и газетою «Courrier du Dimanche» указываетъ, какъ смотритъ на вопросъ о подсудности оскорбленія иностранцевъ Франція.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я полагалъ бы опредѣленіе Палаты отмѣнить, предписавъ ей дать дѣлу Іегера установленный ходъ.

Правительствующій Сенатъ постановилъ резолюцію, согласную съ заключеніемъ.

V.

По дѣлу Дѣйств. Статск. Совѣтника Алабина, обвиняемаго въ бездѣйствіи власти.

Бывшій предсѣдатель Самарской губернской земской управы дѣйств. ст. сов. Алабинъ былъ преданъ суду Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей за бездѣйствіе власти, выразившееся въ томъ, что осенью 1891 г. вступилъ въ сдѣлки съ купцомъ Шихобаловымъ на поставку для населенія, пострадавшаго отъ неурожая, муки 5 сорта, и съ фирмою Дрейфусъ и К° на поставку разнаго зернового хлѣба на сумму около 700,000 р. и имѣя возможность обезпечить добросовѣстное исполненіе обязательствъ, принятыхъ на себя ими, не предпринялъ ничего съ этою цѣлью а, напротивъ, заключивъ условіе съ Дрейфусомъ чрезъ лицо совершенно ему незнакомое,—въ видѣ муки 5 сорта пріобрѣлъ безъ всякой надобности и вопреки постановленію земскаго собранія продуктъ совершенно негодный для населенія, не озаботился о наблюденіи за качествомъ купленнаго имъ хлѣба ни на мѣстѣ отправки, ни на мѣстѣ его полученія, а когда недоброкачественность была обнаружена, не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію дальнѣйшихъ злоупотребленій,—послѣдствіемъ чего была доставка фирмою Дрейфуса для населенія Самарской губерніи хлѣба съ умышленною примѣсью куколя и другихъ сорныхъ травъ, а Шихобаловымъ—гнилой муки, употребленіе которой вызвало заболѣваніе болѣе тысячи человѣкъ крестьянъ и явилось одной изъ причинъ, обусловившихъ смерть крестьянки Анастасіи Стальновой. Это дѣяніе признано было 1 департ. Сената соотвѣтствующимъ по признакамъ своимъ бездѣйствію власти, имѣющему важныя послѣдствія, т. е. преступленію, предусмотрѣнному 339 и 2 ч. 341 ст. Улож. о нак.

Дѣло слушалось лѣтомъ 1895 года въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ въ особомъ отдѣленіи Московской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, приговоромъ которой Алабинъ былъ оправданъ. На этотъ приговоръ принесенъ былъ товарищемъ прокурора Судебной Палаты кассаціонный

протестъ, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора, какъ потому, что его права были стѣснены отказомъ въ прочтеніи протоколовъ осмотровъ, вопреки ст. 687 Уст. угол. суд., такъ и потому, что въ разсужденіяхъ Судебной Палаты, приведшихъ ее къ выводу, что Алабинъ виновенъ лишь въ неумѣлости, допущено явное нарушеніе ст. 797 того-же Устава.

Этотъ протестъ разсматривался въ Сенатѣ *24 ноября 1895 г.*

Лѣтомъ 1891 г. многія губерніи средней и восточной Россіи постигло великое бѣдствіе. Неурожай достигъ такихъ размѣровъ, что сталъ грозить голодомъ сельскому населенію, не собравшему со своихъ сожженныхъ солнцемъ и обвѣянныхъ изсушающимъ вѣтромъ нивъ ни средствъ для прокормленія себя въ ближайшемъ будущемъ, ни зеренъ для обсѣмененія полей. Бѣдствіе это съ особенною силою коснулось и Самарской губерніи. На тревожныя ходатайства экстреннаго губернскаго собранія, правительство отвѣтило 22-го іюля открытіемъ кредита въ 150,000 р., который затѣмъ постепенно до конца 1891 г. былъ увеличенъ еще на 4,700,000 руб. Но бѣда не ходитъ одна. Къ безплодію кормилицы — земли присоединились безпорядки въ организаціи, распредѣленіи и способахъ помощи, благодаря которымъ большія жертвы правительства иногда оказывались совершенно не достигавшими своей цѣли и пропадали даромъ. Эти безпорядки приписывались дѣятельности нѣкоторыхъ должностныхъ и частныхъ лицъ, которыя взяли на себя, въ той или другой формѣ, дѣло продовольствія голодающаго населенія. Возникло большое дѣло о злоупотребленіяхъ по поставкѣ хлѣба въ страждующія мѣстности агентами торговой фирмы Дрейфусъ и К° въ Одессѣ. Оконченное въ 1894 г. обвинительнымъ приговоромъ присяжныхъ, оно восходило на разрѣшеніе Правительствующаго Сената по жалобѣ осужденныхъ Айнгорна, Бернштейна, Вайнштейна, Кульберга и Шехтера. Сенатъ оставилъ этотъ приговоръ въ силѣ—и нынѣ ему снова предстоитъ высказаться по другому, связанному не только съ тою-же тяжелою годиною, но и съ процессомъ Дрейфуса, дѣлу.

Предсѣдатель самарской губернской земской управы д. с. с. Алабинъ, преданный, по постановленію I департамента Сената суду, по обвиненію въ бездѣйствіи власти при исполненіи своихъ обязанностей по продовольствію страдавшаго отъ неурожая мѣстнаго населенія,—бѣдствію, имѣвшему важныя послѣдствія и предусмотрѣнному 339 и 2 ч. 341 ст. Улож. о наказ., приговоромъ Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, состоявшимся въ Нижнемъ-Новгородѣ 12—15-го іюня 1895 года оправданъ. Въ протестѣ тов. прокурора Громницкаго указывается на нарушеніе 687 и 797 ст. Уст. угол. суд. какъ на основаніе къ отмѣнѣ этого приговора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію *перваго* изъ этихъ основаній и оставаясь въ предѣлахъ изложенія неоговореннаго тов. прокурора протокола судебнаго засѣданія, надлежитъ замѣтить, что предъявленная имъ Палатѣ просьба о прочтеніи всѣхъ протоколовъ и документовъ, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ, заявленная предъ началомъ преній и послѣ прочтенія, согласно ст. 626 Уст. угол. суд., показаній неявившихся по законнымъ причинамъ свидѣтелей, заключала въ себѣ, по самому существу своему, двѣ части. Первая относилась къ протоколамъ осмотровъ, обысковъ, выемокъ и освидѣтельствованій, указаннымъ въ ст. 687 Уст. угол. суд., и *обязательнымъ* къ прочтенію по требованію одной изъ сторонъ, что вытекаетъ изъ содержанія этой статьи, категорически разъясненной еще въ 1872 г. рѣшеніемъ за № 396; вторая часть касалась документовъ, чтеніе которыхъ обязательно лишь, если эти документы пріобщены къ дѣлу, какъ вещественныя доказательства — и не обязательно для суда во всѣхъ прочихъ случаяхъ, если имъ будетъ признано, какъ это подробно указано въ рѣшеніяхъ по дѣламъ саратовско-симбирскаго банка и почтоваго чиновника Кетхудова, что документы эти — или не относятся къ дѣлу, или-же содержаніе ихъ можетъ быть возстановлено другимъ, болѣе живымъ и непосредственнымъ путемъ, наприм., допросомъ свидѣтелей. Поэтому Палата, выслушавъ просьбу тов. прокурора о разрѣшеніи ему ссылаться въ рѣчи своей на протоколы и документы, поименованные въ обвинительномъ актѣ, и возраженіе подсудимаго противъ такого способа оглашенія судебнаго матеріала, имѣла право потребовать отъ обвинителя поименованія, на какіе, именно, документы желалъ онъ ссылаться, небудь несогласія на то Алабина и затѣмъ обсудить, подлежатъ-ли они прочтенію, или нѣтъ. Но Палата не имѣла никакого основанія требовать поименованія каждаго протокола и освидѣтельствованія, уже указаннаго въ обвинительномъ актѣ, такъ какъ по 687 ст. Уст. угол. суд. она не имѣла права отказать въ прочтеніи *ни одного изъ этихъ документовъ*. Лишенный возможности избавить судъ отъ выслушиванія притупляющаго память, бѣглаго и однообразнаго чтенія многочисленныхъ протоколовъ осмотровъ, при чемъ немногое существенное тонетъ обыкновенно въ массѣ несущественнаго, товарищъ прокурора, какъ онъ совершенно правильно указываетъ въ своемъ протестѣ, вынужденъ былъ потребовать прочтенія *всѣхъ* протоколовъ.

Судебныя пренія—самая живая, подвижная, измѣнчивая въ содержаніи и объемѣ часть судебнаго состязанія. И обвинитель, и защитникъ, если только они не исполняютъ своихъ обязанностей механически, но говорятъ свои рѣчи подъ впечатлѣніемъ выводовъ изъ всей совокупности судебнаго слѣдствія, а не произносятъ того, что французы ѣдко называютъ «une improvisation soigneusement preparée»—не могутъ заранѣе опредѣлить, какой фактъ, цифра, показаніе изъ судебнаго слѣдствія имъ понадобятся. Поэтому, когда имъ не поз-

воляютъ на все законно подлежащее упоминанію ссылаться, они, ограждая свою свободу въ будущей аргументаціи, имѣютъ право— и даже обязаны—настаивать на прочтеніи всего, что подлежитъ по закону прочтенію и можетъ содержать въ себѣ данныя для этой аргументаціи. Палата не уважила законнаго въ этомъ отношеніи домогательства товарища прокурора и стѣснивъ тѣмъ его право и свободу въ преніяхъ, пошла еще дальше, сама установивъ какіе изъ протоколовъ она приметъ въ соображеніе при разрѣшеніи дѣла. Такое постановленіе Палаты не только составляетъ своего рода предустановленіе и предуказаніе доказательствъ, чуждое нашему процессу и Судебнымъ Уставамъ, но представляетъ прямое нарушеніе правилъ о разсмотрѣніи и изслѣдованіи доказательствъ. Законъ требуетъ, чтобы въ вопросъ о виновности входили не только выводы обвинительнаго акта, но также и тѣ измѣненія, развитія и дополненія, которымъ они подвергались на судѣ и въ преніяхъ; смыслъ закона и указаніе практики Сената настойчиво указываютъ, что въ преніяхъ не должно быть ничего, не провѣреннаго на судебномъ слѣдствіи, а между тѣмъ Палата, не выслушавъ еще преній, заранѣе объявляетъ, какія письменныя доказательства, не прочитанныя на судѣ, она приметъ во вниманіе. Такимъ образомъ, отправляясь отъ невозможности замѣнить прочтеніе протоколовъ ссылкою на нихъ, Палата довольно неожиданно приходитъ къ возможности разсмотрѣть и оцѣнить протоколы даже и безъ ихъ прочтенія. Такое дѣйствіе всегда являлось-бы серьезнымъ кассаціоннымъ нарушеніемъ, а въ виду того, что въ основаніи всего дѣла Алабина положены, именно, осмотры и освидѣтельствованія, это нарушеніе имѣетъ характеръ не только серьезнаго, но и существеннаго.

Переходя ко *второму* нарушенію, надо замѣтить, что, устанавливая въ отличіе отъ немотивированнаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей мотивированный приговоръ суда безприсяжнаго, Уставъ уголовнаго судопроизводства въ ст. 797 опредѣляетъ условія, которымъ по формѣ и содержанію своему долженъ соотвѣтствовать послѣдній приговоръ. Въ немъ неминуемо должны находить себѣ мѣсто предметы обвиненія, выведенные въ обвинительномъ актѣ или въ жалобѣ частнаго обвинителя и въ заключительныхъ преніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соображеніе обвиненія какъ съ представленными по дѣлу обстоятельствами и уликами, такъ и съ законами. Иными словами, приговоръ, постановленный съ соблюденіемъ 797 ст., долженъ содержать въ себѣ всѣ существенныя части предъявленнаго къ подсудимому обвиненія и оцѣнку каждой изъ нихъ, съ точки зрѣнія ея значенія и доказанности, съ подведеніемъ затѣмъ образовавшагося отъ этой оцѣнки результата подъ точное опредѣленіе карательнаго закона. Упоминаніе въ ст. 797 не только о заключительныхъ преніяхъ имѣетъ цѣлью указать, что и выводы обвинительнаго акта подлежатъ въ виду

751 ст. Уст. угол. суд. обсужденію суда, хотя-бы въ преніяхъ обвиненіе и было измѣнено, ограничено или всецѣло оставлено, ибо даже и отказъ прокурора отъ обвиненія по 740 ст. Уст. угол. суд. не снимаетъ съ суда обязанности постановить самостоятельное рѣшеніе по первоначально предъявленному обвиненію. Выводы обвинительнаго акта, согласно 520 ст. Уст. угол. суд. и рѣшенію Сената 1870 г. № 505, должны вытекать изъ данныхъ, соотвѣтствующихъ признакамъ преступленія, и слѣдовательно стоять въ непосредственной связи съ законнымъ составомъ преступленія. Поэтому этотъ актъ, чтобы удовлетворять требованія закона, долженъ содержать въ себѣ основанное на обстоятельствахъ дѣла изложеніе всѣхъ необходимыхъ элементовъ *состава преступленія*, взводимаго на подсудимаго. Обвинительный актъ не удовлетворяетъ своему назначенію, если хотя-бы одинъ изъ этихъ элементовъ состава преступленія въ немъ опущенъ,—и основанное на немъ обвиненіе должно быть отвергнуто. Но и судебный приговоръ, въ которомъ хотя-бы одинъ изъ такихъ элементовъ былъ оставленъ безъ обсужденія, обойденъ молчаніемъ или не подвергнутъ обсужденію въ томъ видѣ или объемѣ, какой имъ приданъ обвинительнымъ актомъ, не соотвѣтствуетъ требованію закона. Въ немъ вопреки 797 ст. Уст. угол. суд. «нѣтъ соображенія всѣхъ предметовъ обвиненія». Предоставляя суду постановить приговоры по внутреннему убѣжденію, почерпнутому изъ обстоятельства дѣла—законъ требуетъ, однако, чтобы выводу судей о виновности или невиновности подсудимаго предшествовала опредѣленная, полная и всесторонняя работа судейскаго анализа. Съ этой точки зрѣнія судъ можетъ отвергнуть существованіе въ дѣлѣ одного или нѣсколькихъ элементовъ состава преступленія, но онъ обязанъ прежде тщательно разсмотрѣть каждый изъ нихъ и сообразить относящійся къ нему предметъ обвиненія съ имѣющимися по дѣлу обстоятельствами. Гдѣ этого не сдѣлано—тамъ несомнѣнное нарушеніе 797 ст. Уст. угол. суд.

Такое нарушеніе усматривается и въ приговорѣ Палаты по дѣлу Алабина.

Обвиненіе, взведенное на Алабина, предусмотрѣно въ ст. 339 Улож. о нак., говорящей о неупотребленіи виновнымъ въ надлежащее время всѣхъ указанныхъ или дозволенныхъ средствъ для предупрежденія или остановки злоупотребленій или безпорядка, чтобы чрезъ-то предохранить ввѣренную ему часть общества или государства отъ ущерба или вреда. Приступая къ обсужденію этого обвиненія, Московская Судебная Палата признала необходимымъ держаться указаній, сдѣланныхъ Сенатомъ въ 1888 году по дѣлу врача Дрейпельхера, который обвинялся въ бездѣйствіи власти. Сущность этихъ указаній сводится къ тому, что должностное лицо, какъ это было разъяснено и въ рѣшеніи 1882 г. по дѣлу Мравинскаго, можетъ быть обвиняемо въ бездѣйствіи власти не только, когда имъ не исполнены прямыя предписанія закона, но даже и

тогда, когда оно не приметъ всѣхъ тѣхъ, не идущихъ въ разрѣзъ съ закономъ и возможныхъ мѣръ, необходимость принятія которыхъ вытекала изъ свойства служебныхъ обязанностей этого лица или изъ возложеннаго на него порученія по службѣ, буде, конечно, бездѣйствіе обвиняемаго не объясняется исключительно проявленною имъ небрежностью, нераспорядительностью или ненаходчивостью, отвѣтственность за которую опредѣляется для должностныхъ лицъ другими постановленіями Уложенія (ст. 410). Такимъ образомъ, суду преподанъ способъ обсужденія обвиненій въ бездѣйствіи власти.

Онъ долженъ изслѣдовать сначала, есть-ли въ данныхъ дѣла достаточныя указанія на признаки такого бездѣйствія и, не найдя ихъ или усомнившись въ ихъ значеніи, *обязанъ* затѣмъ разсмотрѣть, нѣтъ-ли въ этихъ данныхъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 410 ст. Улож. т. е. нерадѣнія въ отправленіи должности. Иными словами, судъ, не усмотрѣвъ по отношенію къ обвиняемому того *отсутствія исполненія* имъ своего служебнаго долга, которое въ 432 ст. Улож. называется «пребываніемъ въ противозаконномъ бездѣйствіи» и вызываетъ вредъ для государственнаго или общественнаго организма,—обязанъ рѣшить, не проявлялъ-ли обвиняемый *плохого исполненія* своего долга, при чемъ обыкновенное теченіе службы, совершаемое небрежно, ненаходчиво и нераспорядительно, могло вызвать запущеніе или видимый безпорядокъ въ дѣлахъ. Поэтому Московской Палатѣ предстояли двѣ задачи: оцѣнка обстоятельствъ дѣла съ точки зрѣнія *бездѣйствія* власти—и съ точки зрѣнія *нерадѣнія*.

Первую изъ нихъ она выполнила неудовлетворительно—второй не выполнила вовсе. Составъ преступленія бездѣйствія власти въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣляется уголовнымъ закономъ, представляетъ слѣдующіе элементы: вредъ или ущербъ, нанесенные государству, обществу или отдѣльной части,—злоупотребленіе или безпорядокъ, вызвавшіе этотъ вредъ,—существованіе мѣръ, своевременное принятіе которыхъ могло-бы предупредить эти злоупотребленія или безпорядокъ—и, наконецъ, непринятіе этихъ мѣръ обвиняемымъ или несвоевременное ихъ принятіе безъ уважительныхъ причинъ. На наличности этихъ элементовъ должно строиться обвиненіе — изъ всесторонняго обсужденія ихъ долженъ состоять судебный приговоръ. Онъ долженъ содержать въ себѣ, независимо отъ обстоятельствъ дѣла, соображенія, приведшія судей къ тому или другому отвѣту, при чемъ между соображеніями этими, отвѣтомъ и выводомъ изъ отвѣта должна быть тѣсная связь и полное соотвѣтствіе. Только при этихъ условіяхъ, говоритъ Сенатъ, въ рѣшеніи по дѣлу Скублинской въ 1892 г. отвѣтъ судей можетъ считаться выраженіемъ ихъ прочнаго и твердаго убѣжденія, почерпнутаго, притомъ, не изъ отдѣльно взятыхъ обстоятельствъ дѣла, а изъ всей ихъ совокупности, и изложеннаго въ выводѣ, состав-

ляющемъ завершеніе послѣдовательнаго и отчетливаго обсужденія вопроса о виновности подсудимаго. По отношенію къ отдѣльнымъ элементамъ преступленія, въ которомъ обвинялся Алабинъ,—изложенныя требованія не могутъ считаться выполненными.

Во-первыхъ—вредъ. Въ опредѣленіи 1-го департамента, вошедшемъ затѣмъ въ обвинительный актъ, указано на него подробно, но въ соображеніяхъ приговора нѣтъ точнаго и яснаго опредѣленія ни его матеріальной, ни его нравственной стороны. Между тѣмъ, данныхъ, подлежащихъ обсужденію въ этомъ отношеніи, въ актѣ приведено достаточно. По части вреда *матеріальнаго*—указано на 1,272 случая тяжелыхъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній, вызванныхъ употребленіемъ муки 5-го сорта, да еще и гнилой, исчезавшихъ съ прекращеніемъ употребленія этой муки,—приведенъ даже случай смерти, обусловленный, въ числѣ другихъ причинъ, общимъ ослабленіемъ организма умершей, питавшейся такою мукою. Рядомъ съ этимъ указаніе на покупку негодной для продовольствія и даже вредной муки подлежало обсужденію и въ отношеніи установленія наличности *ущерба* въ смыслѣ безплодной утраты всей израсходованной на эту муку суммы, взятой изъ полученной земствомъ продовольственной ссуды.

По части вреда *нравственнаго*—необходимымъ представлялось обсудить значеніе отобранія правительствомъ 18-го ноября 1891 года, вслѣдствіе безпорядковъ въ организаціи продовольствія въ Самарской губерніи, этого дѣла изъ рукъ земства и порученія его мѣстной администраціи, послѣ такъ еще недавно, въ іюлѣ и августѣ, оказанной, въ этомъ отношеніи, этому земству широкой поддержки и оцѣнить причину такого рѣзкаго перехода отъ полнаго довѣрія къ полному недовѣрію мѣстнымъ земскимъ органамъ. Къ области этого-же вреда, подлежавшаго установленію, несомнѣнно относилось, наконецъ, и нравственное состояніе потерпѣвшихъ отъ неурожая и переносящихъ всѣ бѣдствія наступившей голодовки, которымъ отвѣчаютъ, что имъ разрѣшена помощь и, затѣмъ, осуществляютъ ее мукою, составляющею смѣсь отрублей,—которыхъ, по показанію свидѣтелей, даже лошади не ѣдятъ—съ амбарной пылью. Надлежало обсудить—какое значеніе для поддержанія въ народѣ необходимой во время бѣдствія бодрости могла имѣть такая помощь и не поселяла-ли она отчаянія въ сердцѣ бѣдствующаго населенія, испытывавшаго на себѣ примѣненіе знаменательныхъ словъ: «Если братъ твой спроситъ у тебя хлѣба—и дашь ему камень...» Палата ограничилась ссылкою на то, что изъ 28 тысячъ пудовъ муки 5-го сорта только 5,102 пуда попали въ тѣ мѣстности, гдѣ проявились признаки отравленія ею, но не вошла вовсе въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, былъ-ли хлѣбъ, выпеченный изъ муки, купленной у Шихобалова, *вообще годенъ* для употребленія и каково было положеніе тѣхъ нуждающихся, которые хотя и не заболѣли отъ такой муки, но получили изъ

нея хлѣбъ, по показанію свидѣтелей, и по экспертизѣ, совершенно негодный, имѣвшій видъ лепешки, съ толстой, твердой, похожей на кирпичъ корою, облекавшій густую, полужидкую массу, имѣвшую видъ замазки. Между тѣмъ разсмотрѣніе этой стороны предъявленнаго обвиненія представлялось весьма существеннымъ, ибо въ Самарской губерніи населеніе нуждалось не въ увеличеніи пищевыхъ средствъ, не въ улучшеніи пищи, а прямо въ пищѣ, такъ какъ ея не было вовсе...

Во-вторыхъ, нѣтъ отвѣта Палаты и относительно точнаго опредѣленія *свойства злоупотребленія,* указываемаго обвинительнымъ актомъ, какъ причина вреда. Злоупотребленіе, по выводамъ обвиненія, состояло въ предоставленіи голодающему населенію не только муки 5-го сорта, негодной самой по себѣ къ употребленію въ пищу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, затхлой и гнилой. Надлежало установить — обѣ-ли эти причины вызвали вредъ, или одна изъ нихъ и какая, именно, такъ какъ отъ этого зависѣло и опредѣленіе того, на чьей непосредственной винѣ лежитъ причиненный вредъ и какія, именно, мѣры должны были быть приняты для предупрежденія этого злоупотребленія. Иными словами, нужно было выяснить, вслѣдствіе-ли полной негодности, вообще, въ пищу, безъ посторонней примѣси, муки, купленной у Шихобалова—населеніе получило вмѣсто дѣйствительной фиктивную помощь, которая, согласно мнѣнію экспертовъ, лишь обманывала голодъ, не утоляя его, или же съѣдобная, сама по себѣ, мука оказалась негодною, вредною вслѣдствіе своей испорченности? Въ первомъ случаѣ, центръ тяжести злоупотребленій, вызвавшихъ вредъ, лежалъ бы въ покупкѣ муки у Шихобалова, во второмъ—*въ поставкѣ* муки *Шихобаловымъ.*

Въ третьихъ—мѣры. Даже замыкаясь въ узкіе предѣлы временнаго признанія правильности закупки у Шихобалова муки 5-го сорта, обвиненіе указывало на то, что въ первыхъ трехъ договорахъ съ Шихобаловымъ отъ 4-го, 14-го и 21-го октября 1891 года о покупкѣ у него 36,000 пудовъ этой муки нѣтъ условій ни о надлежащемъ качествѣ муки, ни о послѣдствіяхъ неисполненія договора; что пробы купленной муки не были разосланы въ волостныя правленія, которымъ приходилось получать ее, и что, наконецъ, губернская земская управа, въ лицѣ своего предсѣдателя Алабина, не распорядилась поставить пріемщиковъ для муки, чѣмъ вполнѣ развязала руки купцу Шихобалову на отпускъ затхлой и гнилой трухи. Судебная Палата лишь упомянула объ оправдательныхъ объясненіяхъ Алабина, что въ виду особыхъ условій спроса и предложенія на хлѣбномъ рынкѣ, вслѣдствіе неурожая, не было возможности быть слишкомъ требовательнымъ при заключеніи условій и обставлять договоры всѣми гарантіями строгаго и точнаго исполненія ихъ, особенно въ виду довѣрія, внушаемаго такими солидными продавцами, какъ Шихобаловъ и Дрей-

фусъ и К°. Но она не вошла въ обсужденіе того, допустимо ли, вообще, подобное исполненіе довѣренности повѣреннымъ и, въ особенности тамъ, гдѣ повѣреннымъ является предсѣдатель губернской управы и гдѣ, въ виду надвинувшагося общественнаго бѣдствія, никакое позднѣйшее вознагражденіе,—быть можетъ, да и то еще весьма гадательно, могущее быть присужденнымъ судомъ гражданскимъ,—не возмѣститъ грозящаго немедленно, непоправимаго ничѣмъ впослѣдствіи, вреда. Не вошла она также и въ оцѣнку значенія такихъ договоровъ, въ которыхъ обязанности безпрекословно платить — съ одной стороны, соотвѣтствуетъ полный произволъ поставщика—съ другой, благодаря чему цѣлое голодающее населеніе отдается «auf Gnade und Ungnade» *солиднаго* Шихобалова и не менѣе солидныхъ факторовъ Дрейфуса... *и не заключеніе* которыхъ, быть можетъ, по обсужденіи Палатою всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ ихъ совокупности, оказалось-бы, все-таки меньшимъ зломъ, чѣмъ ихъ заключеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Палата оставила вовсе безъ обсужденія указаніе на неразсылку пробъ муки, которая, однако, могла-бы составить хотя какую-нибудь гарантію для точнаго исполненія договора съ Шихобаловымъ, а по отношенію къ пріемщикамъ привела,—какъ правильно заключаетъ товарищъ прокурора,—соображенія, не вытекающія изъ ею-же установленныхъ обстоятельствъ дѣла. Паровая вальцовая мукомольная мельница Шихобалова, находится въ г. Самарѣ и Палата, въ виду этого, не имѣла никакого основанія, вопреки 119 и 766 ст. Уст. угол. суд., говорить о невозможности Алабину имѣть нѣсколькихъ пріемщиковъ въ разныхъ мѣстахъ, когда достаточно было одного пріемщика въ одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, *въ-четвертыхъ,—непринятіе или несвоевременное принятіе мѣръ*. Для разрѣшенія этого вопроса по дѣламъ о бездѣйствіи власти суду всегда необходимо войти въ разсмотрѣніе размѣровъ власти, которою располагалъ обвиняемый, способа его дѣятельности и заботы его объ исправленіи допущенныхъ упущеній.

По отношенію къ *размѣрамъ власти* Алабина, обвиненіе указывало, что губернское земское собраніе вооружило его, какъ предсѣдателя управы, широкими полномочіями и снабдило, благодаря правительственной ссудѣ, большими средствами, такъ что въ половинѣ октября 1891 г. у него въ распоряженіи было свободныхъ денегъ на продовольствіе 531,000 руб. Поэтому, признавая или отвергая обвиненіе въ бездѣйствіи власти, Палатѣ надлежало обсудить: а) не былъ-ли Алабинъ въ дѣйствительности лишенъ возможности распоряжаться этими средствами, и б) не были-ли ему поставлены какія-либо ограниченія или препоны въ дѣятельности по борьбѣ съ послѣдствіями неурожая? По *первому* изъ этихъ вопросовъ обвиненіе признавало, что хотя размѣръ платы за пудъ муки въ 1 р. 20 к. и былъ въ августѣ указанъ земскимъ

собраніемъ, но что это было лишь смѣтнымъ предположеніемъ, которое безусловно обязательнаго характера для будущаго не имѣло и имѣть не могло; что въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій управѣ преподано не было и что, наконецъ, самъ Алабинъ покупалъ муку у Шихобалова по 1 р. 22 к. и 1 р. 31 к. за пудъ. Оцѣнивая эти указанія обвинительной власти, надлежало войти въ обсужденіе значенія обязательности смѣтныхъ предположеній и сообразить это съ тѣмъ, не было-ли возможнымъ, по данныхъ дѣла, указываемымъ въ обвинительномъ пунктѣ, купить годный для пищи хлѣбъ по цѣнѣ между 1 р. 20 к.—1 р. 30 к., а муку 5 сорта еще дешевле. Для этого слѣдовало подвергнуть разбору *четыре* фактическихъ ссылки обвинительнаго акта на существованіе такой возможности и *восемь* такихъ-же ссылокъ на нахожденіе во время заключенія договора съ Шихобаловымъ большого количества продажнаго хлѣба въ Самарѣ по цѣнѣ, опредѣленной купцами Строгановымъ, Минаковымъ и Половинкинымъ въ 1 руб. 30 к. за пудъ, что дѣлало совершенно излишнимъ покупку негодныхъ суррогатовъ по равной и даже высшей цѣнѣ. Въ связи съ этимъ подлежало разсмотрѣнію и повѣрочному анализу приводимое въ обвинительномъ актѣ показаніе члена управы Бострома о томъ, что, бывши въ Балаковѣ, онъ сторговалъ тамъ около 1,500 пудовъ ржи по 1 р. 20 к., о чемъ 22-го сентября лично сообщилъ Алабину, прибавляя, что въ Балаковѣ много хлѣба у другихъ торговцевъ и что въ Самарѣ на пристани находится 50,000 пудовъ продажной пшеницы, каковое его сообщеніе оставлено было подсудимымъ безъ всякаго вниманія. Но Палата этого не сдѣлала. При этомъ надо замѣтить, что бездѣйствіе и превышеніе власти суть разныя стороны одной и той-же медали. Есть случаи, гдѣ онѣ соприкасаются между собою, есть и такіе, гдѣ бездѣйствіе можетъ устраняться, переходя въ превышеніе власти. Законъ во 2 ч. 340 ст. Улож. говоритъ о тѣхъ ненаказуемыхъ и дозволительныхъ проявленіяхъ превышенія власти, когда должностное лицо, въ какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе рѣшительной мѣры, отложить которую до высшаго разрѣшенія было нельзя безъ видимаго вреда по настоятельности самаго дѣла. Поэтому, для оцѣнки правильности оправданій обвиняемаго въ бездѣйствіи власти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ссылался на формальныя ограниченія этой власти, не соотвѣтствовавшія поступившимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, не только вполнѣ цѣлесообразно, но и необходимо войти въ разсмотрѣніе — не представлялось-ли ему возможнымъ противопоставить чрезвычайнымъ обстоятельствамъ и чрезвычайныя мѣры, состоящія въ дозволенномъ самимъ закономъ превышеніи формальныхъ ограниченій. Живое отношеніе къ дѣлу и принятіе его къ сердцу въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны побуждать должностное лицо къ этому. Пусть не говорятъ, что этимъ рекомендуется превышеніе

власти, — нѣтъ! Но есть случаи въ жизни общественной, когда общее несчастіе ставитъ предъ власть имущимъ такую дилемму: или бездѣйствіе власти, или ненаказуемое, принимаемое самимъ уголовнымъ закономъ ея превышеніе. Поэтому, быть можетъ, Палата не только не уклонилась-бы отъ своей задачи, но исполнила-бы ее съ особою жизненностью, если-бы она вошла въ обсужденіе вопроса, не представлялось-ли бы превышеніе Алабинымъ смѣтныхъ предположеній земства тѣмъ спасительнымъ превышеніемъ власти, которое указывалось ему самое силою вещей и осудить его за которое едва-ли у кого-либо повернется языкъ.

Второй вопросъ — объ ограниченіяхъ въ дѣятельности. По выводамъ обвиненія, единственнымъ ограниченіемъ было — постановленіе чрезвычайнаго земскаго собранія отъ 16-го сентября 1891 г. — о покупкѣ хлѣба исключительно *въ зернѣ* во избѣжаніе фальсификаціи. По мнѣнію Палаты — ограниченіемъ было учрежденіе для усиленія состава губернской управы, — два изъ трехъ членовъ которой были командированы для закупки хлѣба, а одинъ велъ текущія дѣла, — особой комиссіи по вопросамъ продовольствія, при чемъ Алабинъ долженъ былъ дѣйствовать и дѣйствовалъ съ ея вѣдома и согласія. Изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что категорическія при слѣдствіи и прочитанныя въ засѣданіи показанія членовъ этой комиссіи о томъ, что Алабинъ дѣйствовалъ самостоятельно, прибѣгая лишь изрѣдка къ совершенно частнымъ съ ними объясненіямъ, были нѣсколько видоизмѣнены въ Палатѣ, при чемъ членъ комиссіи графъ Толстой даже заявилъ, что показалъ у слѣдователя иначе потому, что «торопился». Основывая свой выводъ о роли комиссіи на послѣднихъ показаніяхъ, Палата должна была войти въ оцѣнку этихъ разнорѣчій, указавъ, почему она отдаетъ имъ предпочтеніе и, во всякомъ случаѣ, сопоставить ихъ съ приведеннымъ въ актѣ осмотра постановленій чрезвычайнаго земскаго собранія отъ 25-го октября письменнымъ заявленіемъ членовъ комиссіи о сложеніи ими съ себя полномочій, такъ какъ «случайность участія комиссіи въ дѣлахъ губернской управы лишаетъ ея членовъ возможности принимать активное участіе въ направленіи дѣлъ и ставитъ ихъ, по большей части, лишь свидѣтелями совершившихся фактовъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій, измѣнить которые не представляется возможности. Такое положеніе заставляетъ ихъ признать, что комиссія не можетъ съ успѣхомъ выполнить той громадной и отвѣтственной задачи, которая возложена на нее собраніемъ, почему члены комиссіи считаютъ своимъ долгомъ сложить съ себя данныя имъ полномочія».

По отношенію къ *способу дѣятельности Алабина* обвиненіемъ было указано, что, заключивъ договоръ съ Шихобаловымъ, губернская управа послала 4-го октября увѣдомленіе объ этомъ Самарской уѣздной управѣ, которая извѣстила подлежащія во-

лостныя правленія 7-го, 8-го, 9-го и 10-го октября, сообщившія, въ свою очередь, нуждающимся сельскимъ обществамъ, которыя выбрали уполномоченныхъ и отправили ихъ въ Самару получать отъ приказчиковъ Шихобалова муку 5-го сорта. Это полученіе произошло въ промежутокъ времени отъ 8-го до 10-го октября;—11-го октября въ уѣздной управѣ получено разъясненіе губернской управы о томъ, какъ приготовлять хлѣбъ изъ муки 5-го сорта, уже розданной подлежащимъ крестьянамъ. Въ разъясненіи этомъ, подкрѣпленномъ впослѣдствіи отпечатанными 22-го октября наставленіями, говорилось, что мука 5-го сорта, будучи смѣшана *на половину* съ ржаною, даетъ превосходный хлѣбъ и что также хорошій хлѣбъ получается, если смѣшать $^2/_3$ пшеничной муки съ $^1/_3$ ржаной, о чемъ и сообщается для вразумленія берущихъ ссуду для соображеній при выдачѣ муки. Въ виду этихъ указаній обвиненія, на обязанности Палаты лежало обсудить, *своевременно-ли* явилось это «вразумленіе» и какое значеніе могло оно имѣть *по существу своему,* если принять во вниманіе крайнюю нужду населенія въ хлѣбѣ и то, что, какъ писалъ управѣ 19-го октября губернаторъ Свербеевъ, большинство населенія ни ржаной муки, ни средствъ къ ея пріобрѣтенію не имѣетъ, такъ что выдача въ ссуду негодной муки равносильна неполученію никакого пособія. Этимъ путемъ возможно было выяснить: можетъ-ли, должно-ли это вразумленіе быть разсматриваемо какъ серьезная мѣра, направленная на помощь нуждающимся, въ которой лишь предубѣжденная односторонность можетъ видѣть жестокую иронію надъ голодающими, уже въ половинѣ октября, по показанію допрошеннаго Палатою свидѣтеля Шишкова, питавшимися размолотою соломою, «перекати-полемъ» и «отвратительнымъ» киселемъ изъ старыхъ арбузныхъ корокъ—или-же оно можетъ считаться, по выраженію протеста, лишь «бумажнымъ успокоеніемъ совѣсти», чтобы не сказать—«бумажною замѣною совѣсти»...

Наконецъ, относительно *заботъ объ исправленіи упущеній*—надо замѣтить, что пребывающій въ бездѣйствіи можетъ одуматься, спохватиться и приложить всю силу своего разумѣнія, чтобы по мѣрѣ силъ поправить упущенное или допущенное. Обвиненіе указывало на постановленія сельскихъ обществъ Дубоваго Умета и Колывани отъ 10-го и 13-го октября о ходатайствѣ предъ земскою управою о замѣнѣ «размолотой затхлой отруби», изъ которой «нельзя уладить хлѣба въ данномъ видѣ», на заявленія управѣ священника сельца Подосеновки, и на сообщенія управѣ земскаго начальника Самойлова, который, получивъ послѣ того, 11-го октября, отъ Алабина отвѣтъ на необходимость примѣшивать къ мукѣ 5-го сорта до 50 проц. ржаной, пожаловался, наконецъ, губернатору, увѣдомленному въ свою очередь 21-го октября, губернскою управою, что жалобы на негодность муки не имѣютъ никакихъ основаній. Палатѣ надлежало обсудить: не обязывали-ли Алабина

всѣ эти сообщенія и ходатайства принять хоть какія-либо мѣры къ улучшенію снабженія хлѣбомъ и къ устраненію вкравшагося въ это дѣло по меньшей мѣрѣ безпорядка; надлежало разрѣшить и то, насколько съ такою обязанностью Алабина, вытекавшею уже изъ одного сообщенія земскаго начальника Самойлова, отъ 11-го октября, согласовались заключенія *14-го и 21-го октября* новыхъ условій съ Шихобаловымъ на поставку муки 5-го сорта, покупка которой, наконецъ, была запрещена управѣ, постановленіемъ экстреннаго губернскаго собранія, созваннаго 27-го октября.

Въ виду всего сказаннаго надо признать, что п. 1 и 2 ст. 797 Уст. угол. суд. нарушены въ приговорѣ по дѣлу Алабина. Не всѣ предметы обвиненія соображены съ доказательствами и уликами — и не на всѣ существенныя части состава преступленія, взведеннаго на подсудимаго, имѣется полный, точный и проникнутый внутреннею связью отвѣтъ. *Кассаціонный судъ* не имѣетъ права говорить *суду по существу* — какой приговоръ слѣдуетъ постановить. Это выходитъ изъ его задачи и не соотвѣтствуетъ имѣющимся въ его распоряженіи средствамъ. Но, не касаясь вывода изъ обстоятельствъ дѣла, онъ можетъ, охраняя смыслъ ст. 797 Уст. угол. суд., требовать, чтобы выводъ этотъ былъ основанъ на обсужденіи всѣхъ данныхъ дѣла. Онъ обязанъ сказать суду по существу — «признавай или отвергай что хочешь, это твое право, но обсуди все—это твоя обязанность». Именно, это долженъ, по настоящему дѣлу, сказать Правительствующій Сенатъ Московской Судебной Палатѣ по дѣлу Алабина.

Но не одно указанное нарушеніе 797 ст. усматривается въ настоящемъ дѣлѣ. Она требуетъ *соображенія обвиненія съ законами,* т. е. правильнаго примѣненія къ сдѣланнымъ судомъ изъ обвиненія выводамъ взгляда и указаній закона. Это требованіе нарушено также.

Палата, въ заключительномъ своемъ выводѣ, оправдывая Алабина, нашла, что неудовлетворительное веденіе дѣла продовольствія пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи объясняется только *неумѣлостью* Алабина распорядиться среди тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать, имѣвшимися у него средствами, а не бездѣйствіемъ, съ его стороны, власти. Не говоря уже о томъ, что простого утвержденія о неумѣлости человѣка, находившагося въ службѣ 48 лѣтъ, бывшаго управляющимъ удѣльною конторою и палатою государственныхъ имуществъ, губернаторомъ въ Болгаріи и Самарскимъ городскимъ головою—недостаточно, самое понятіе о *неумѣлости,* какъ свойствѣ, оправдывающемъ служебныя преступленія, неизвѣстно нашему закону. Въ Уставѣ о службѣ гражданской перечислены въ 712 и 714 статьяхъ необходимыя качества должностныхъ лицъ, но нигдѣ не говорится объ *умѣніи,* такъ какъ оно само собою предполагается въ лицѣ, принявшемъ то или другое званіе, а указывается,

напротивъ, на радѣніе о должности. Оно—это радѣніе—требуетъ отъ служащаго, между прочимъ, *человѣколюбія, усердія къ общему добру и покровительства скорбящему*, вмѣняя должностнымъ лицамъ въ *главнѣйшее поношеніе*—упущеніе должности и нерадѣніе по части блага общаго, имъ ввѣреннаго. Поэтому, при обвиненіи въ упущеніяхъ послѣдняго рода—можетъ быть или осужденіе, или оправданіе по *невиновности*, но не *по неумѣлости*. Осужденный можетъ быть признанъ, по обстоятельствамъ дѣла, виновнымъ въ бездѣйствіи власти по 339 или въ нерадѣніи по 410 ст. Улож.; онъ можетъ быть оправданъ по 771 ст. Уст. угол. суд., когда факты, въ которыхъ должны выражаться бездѣйствіе или нерадѣніе, *не доказаны*, не говоря уже о законныхъ причинахъ невмѣняемости. Но внѣ этихъ трехъ исходовъ—четвертаго нѣтъ. Это ясно и вполнѣ опредѣленно выражено именно въ рѣшеніи Сената по дѣлу Дрейпельхера, которое Палата положила «во главу угла» своего приговора. Начало неумѣлости, какъ основанія къ оправданію, не допустимо потому, что, получивъ право гражданства, оно явилось-бы разлагающимъ по отношенію къ началу долга, на которомъ зиждется всякое служеніе. Это начало было-бы *опаснымъ*, такъ какъ въ силу его представлялась-бы возможность, относясь легкомысленно, невнимательно, высокомѣрно или бездушно къ общественному бѣдствію и даже усугубивъ его своимъ отношеніемъ къ дѣлу, уходить изъ-подъ карающей длани закона и драпироваться въ удобную и безопасную мантію неумѣлости. Это начало было-бы *несогласнымъ съ требованіями нравственности*, такъ какъ при допущеніи его призываемый, по долгу службы, на помощь противъ общаго несчастія и рѣшаясь взяться за дѣло, сталъ-бы руководствоваться, вмѣсто смиренія предъ важностью задачи и строгой провѣрки себя и своихъ силъ,—одними лишь аппетитами къ власти, вліянію и разнаго рода наградамъ.

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что нарушеніе 687 ст. Уст. угол. суд., одинаково касается бездѣйствія власти относительно Шихобалова и Дрейфуса и К°, надлежитъ отмѣнить приговоръ Московской Судебной Палаты по этому дѣлу и передать его для новаго разсмотрѣнія въ другую, ближайшую къ Самарѣ Судебную Палату.

Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей за нарушеніемъ 687, 766 и 797 ст. Уст. угол. суд. отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ Казанскую Судебную Палату.

VI.

По дѣлу Леонида Линевича, обвиняемаго въ покушеніи на отцеубійство.

Мѣщанинъ Леонидъ Линевичъ, онъ же Левенштейнъ, обвинялся въ покушеніи на убійство своего незаконнаго отца, Леона Линевича, и проживавшей съ послѣднимъ Михневой, по статьямъ 9, 1449 и 1454 Уложенія о наказаніяхъ. На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были поставлены С.-Петербургскимъ Окружнымъ Судомъ слѣдующіе вопросы:

1) доказано ли, что подсудимый, задумавъ причинить Леону Линевичу выстрѣломъ изъ револьвера тѣлесное поврежденіе и притомъ лишить его жизни, съ этою цѣлью пришелъ съ заряженнымъ револьверомъ въ квартиру Леона Линевича и выстрѣлилъ съ указанною выше цѣлью въ упоръ въ голову Леона Линевича, но случайно послѣдній остался живъ, хотя онъ отъ этого выстрѣла и получилъ тяжкую рану въ правый глазъ, повлекшую за собой навсегда полную потерю зрѣнія на этотъ глазъ?

2) доказано ли, что тотъ же подсудимый тогда же и тамъ же, задумавъ лишить жизни Элеонору Михневу, выстрѣлилъ въ нее изъ заряженнаго имъ для указанной цѣли пулями револьвера, но случайно промахнулся?

3 и 4) если доказаны описанныя въ 1 и 2 вопросахъ преступленія, то доказано ли точно, что при совершеніи ихъ подсудимый находился въ такомъ припадкѣ болѣзни, который привелъ его въ состояніе умоизступленія или совершеннаго безпамятства?

По предложеніи сторонамъ и присяжнымъ засѣдателямъ проекта означенныхъ вопросовъ, защитникъ подсудимаго просилъ разъяснить: будетъ ли судомъ постановленъ вопросъ о виновности подсудимаго? Предсѣдательствовавшій объяснилъ защитнику, что судомъ проектированы только два вопроса: первый о совершеніи подсудимымъ преступленія, при чемъ въ этомъ вопросѣ изложены всѣ признаки, входящіе въ составъ приписываемаго подсудимому преступнаго дѣянія, и второй о причинѣ невмѣненія въ вину, при чемъ судъ руководство-

вался рѣшеніями Прав. Сен. за 1884 г. №№ 13 и 14. Затѣмъ старшина присяжныхъ засѣдателей также обратился къ предсѣдательствовавшему за разъясненіемъ: будетъ ли подлежать ихъ разрѣшенію вопросъ о психической болѣзни подсудимаго и должны ли они разсматривать вопросъ о виновности подсудимаго? На это предсѣдательствующій объяснилъ, что, отвѣтивъ утвердительно на первый вопросъ и отрицательно на второй, присяжные тѣмъ самымъ признали бы подсудимаго виновнымъ и подлежащимъ уголовной отвѣтственности, и что посему присяжные неизбѣжно обязаны разрѣшить вопросъ о психическомъ состояніи подсудимаго.

Вслѣдъ за симъ судъ утвердилъ проектированные вопросы, которые были вручены старшинѣ предсѣдательствовавшимъ, по произнесеніи имъ заключительной рѣчи и объясненій присяжнымъ ст. 801—815 Уст. угол. суд.

Присяжные на 1-й и 3-й вопросы отвѣтили: да, доказано, на 2-й нѣтъ, не доказано, а 4-й оставили безъ отвѣта. Согласно такому рѣшенію присяжныхъ, судъ, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. суд. и 96 ст. Улож. о наказ., постановилъ о подсудимомъ оправдательный приговоръ, съ отдачею его въ больницу для душевно-больныхъ, для лѣченія и присмотра, до совершеннаго его выздоровленія отъ болѣзни, припадки которой приводятъ его въ умоизступленіе.

На этотъ приговоръ товарищъ прокурора С.-Петербургскаго Окружного Суда принесъ кассаціонный протестъ, въ которомъ объяснилъ, что присяжные, признавъ по первому вопросу доказаннымъ, что подсудимый стрѣлялъ въ Леона Линевича по обдуманному намѣренію и съ цѣлью лишить его жизни, тѣмъ самымъ установили, что подсудимый совершилъ это преступленіе сознательно, но затѣмъ, разрѣшая вопросъ о его душевномъ состояніи, признали, что при совершеніи описаннаго покушенія на убійство подсудимый дѣйствовалъ совершенно безсознательно; что равнымъ образомъ изъ отрицательнаго отвѣта присяжныхъ на второй вопросъ не видно, что именно они признали недоказаннымъ: фактъ ли стрѣльбы въ Михневу, точно установленный на судѣ, или же виновность подсудимаго. Такія противорѣчія, неясность и неопредѣленность въ отвѣтахъ присяжныхъ засѣдателей являются, по мнѣнію товарища прокурора, послѣдствіемъ неправильной и несогласной съ рѣшеніемъ Прав. Сен. 1892 г. № 20 постановки вопросовъ о событіи преступленія, такъ какъ въ эти вопросы, при изложеніи объективныхъ обстоятельствъ преступнаго покушенія на жизнь Линевича и Михневой, были включены судомъ и субъективные признаки—обдуманное намѣреніе и цѣль лишенія жизни. Подобные же отвѣты присяжныхъ не могутъ быть приняты въ основу судебнаго приговора. Кромѣ того, товарищъ прокурора указывалъ на то, что судомъ были нарушены ст. 754, 658, 804, 809, 810 и 813 Уст. угол. суд., и просилъ объ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ и приговора суда.

Дѣло слушалось въ Уголовн. Кассац. Департаментѣ 1-го марта 1894 года.

Признавая доводы, содержащіеся во второй части протеста, не имѣющими значенія для отмѣны приговора, я полагаю, что рѣшеніе присяжныхъ о Леонидѣ Линевичѣ не можетъ имѣть силы, требуемой отъ него закономъ, въ виду обстоятельствъ, приведенныхъ въ первой части протеста. Придавая особенную важность правильной постановкѣ вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ и считая ее дѣломъ, которое должно вызывать особое вниманіе и

обдуманный трудъ со стороны суда, Правительствующій Сенатъ всегда стремился упорядочить эту постановку, допуская, въ случаѣ ея неправильности, отмѣну приговора даже при отсутствіи своевременныхъ, въ судебномъ засѣданіи, возраженій сторонъ. Въ 1884 году рѣшеніями по дѣламъ Мельницкаго и Свиридова устранена возможность, при отсутствіи сомнѣнія о вмѣненіи въ вину подсудимому, согласно ст. 92 Улож., содѣяннаго имъ и при невыдѣленіи по требованію гражданскаго истца или по усмотрѣнію суда или же при наличности подстрекателя, въ особый вопросъ-событія преступленія,—постановки двухъ вопросовъ о «содѣяніи» преступленія и о «виновности» въ немъ. Съ этого времени, за исключеніемъ случаевъ сомнѣнія въ событіи преступленія, постановка раздѣльныхъ вопросовъ, обнимаемыхъ, согласно 754 ст. Уст. угол. суд., однимъ общимъ вопросомъ о виновности, сдѣлалась возможною лишь въ случаяхъ существованія въ дѣлѣ обстоятельствъ, могущихъ указывать на невмѣняемость. Поэтому Правительствующій Сенатъ и высказалъ категорически, что, ставя вопросъ о причинахъ невмѣненія, судъ обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставить присяжнымъ еще два вопроса—*о событіи преступленія*, если самое бытіе таковаго возбуждаетъ сомнѣніе или обусловливается наличностью гражданскаго истца или подстрекателя, и о *содѣяніи преступленія;* или же поставить лишь одинъ вопросъ—о содѣяніи, когда для выдѣленія вопроса о событіи нѣтъ законныхъ основаній. Съ этимъ указаніемъ и стала сообразоваться судебная практика. Но отказавшись отъ постановки параллельныхъ вопросовъ объ учиненіи преступленія не въ состояніи невмѣняемости и о виновности, эта практика, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, усвоила себѣ пріемъ, не могущій считаться правильнымъ, а именно, она стала допускать постановку двухъ вопросовъ, изъ которыхъ въ первомъ судъ спрашиваетъ присяжныхъ засѣдателей — доказано-ли, что подсудимымъ учинено преступное дѣяніе сознательно и добровольно и со всею полнотою внутренней стороны состава преступленія, а во второмъ — доказано ли, что при совершеніи этого дѣянія подсудимый находился въ состояніи болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или совершенное безпамятство? При такой постановкѣ, вслѣдствіе заблужденія присяжныхъ относительно взаимнаго соотношенія этихъ вопросовъ, въ сущности одинъ другой исключающихъ, стали получаться отвѣты: «да, доказано» — на оба вопроса, толкуемые затѣмъ въ смыслѣ оправданія подсудимаго по невмѣняемости.

Правительствующій Сенатъ еще въ 1892 г. въ рѣшеніи по дѣлу Сергѣева указалъ на неправильность такой постановки вопросовъ, утвердительный отвѣтъ на которые вызываетъ внутреннее и непримѣримое противорѣчіе въ рѣшеніи присяжныхъ. Сергѣевъ обвинялся въ томъ, что произвелъ съ умысломъ, почти въ упоръ, три выстрѣла въ начальника станціи Прохоровка, Забудскаго, не слу-

чайно и не по неосторожности, а съ цѣлью лишить его жизни, что и было признано присяжными въ утвердительномъ отвѣтѣ на первый вопросъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ими же было признано, что убійство Забудскаго было совершено подсудимымъ въ состояніи совершеннаго безпамятства, вслѣдствіе припадка временнаго умопомѣшательства, вызваннаго злоупотребленіемъ спиртными напитками. Находя, что такой отвѣтъ представляетъ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ намѣренное и сознательное дѣяніе не можетъ быть совершаемо въ состояніи, обусловливающемъ полную безсознательность дѣйствій, Правительствующій Сенатъ высказалъ, что противорѣчіе это является послѣдствіемъ неправильной постановки перваго вопроса, въ который совершенно излишне былъ введенъ субъективный признакъ виновности, вмѣсто изложенія объективныхъ обстоятельствъ, при которыхъ послѣдовало лишеніе жизни потерпѣвшаго. То же самое высказано Сенатомъ и при отмѣнѣ оправдательнаго приговора по дѣлу о дворянинѣ Кишенскомъ, относительно котораго было признано, что онъ нанесъ поручику Вржещу смертельный ударъ кинжаломъ, хотя и въ запальчивости и раздраженіи, но, однако, не случайно, а съ цѣлью ранить его, и что въ то же время онъ совершилъ означенное дѣяніе въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія, т. е. не сознательно. Нынѣ разрѣшенію Сената предлежитъ протестъ на однородный приговоръ по дѣлу Линевича и, очевидно, настала необходимость для устраненія на будущее время внутреннихъ противорѣчій въ отвѣтахъ, установить точную редакцію тѣхъ двухъ коренныхъ вопросовъ о вмѣненіи дѣянія и объ учиненіи дѣянія, которые преподаны руководящими рѣшеніями 1884 года.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на вопросы и отвѣты по дѣлу Линевича — они не могутъ быть признаны могущими послужить основаніемъ къ правильному, непререкаемому рѣшенію. Если стать на точку зрѣнія *правильности вопросовъ*, то отвѣтъ представитъ собою непониманіе присяжными того, что у нихъ спрашивали. Такъ какъ при отрицательномъ отвѣтѣ на второй вопросъ судъ долженъ считать утвердительный отвѣтъ на первый вопросъ—признаніемъ виновности, то, очевидно, что въ этомъ первомъ вопросѣ содержатся всѣ признаки сознательнаго, разумнаго и отвѣтственнаго дѣйствія Леонида Линевича. И дѣйствительно, вся внутренняя сторона преступленія здѣсь на лицо. Тутъ есть прежде всего «умыселъ» и притомъ въ тягчайшемъ своемъ видѣ, т. е. въ видѣ «предумышленія» («задумавъ причинить поврежденіе и притомъ лишить жизни»); есть приведеніе его въ исполненіе, т. е. надлежащее дѣйствіе съ преступною и опредѣленною «цѣлью» («съ этою цѣлью пришелъ на квартиру и выстрѣлилъ въ упоръ»); есть описаніе «способа», избраннаго подсудимымъ для осуществленія своего злого намѣренія («задумавъ лишить жизни выстрѣломъ изъ ре-

вольвера») и, наконецъ, есть указаніе и на средство, соотвѣтствующее этому способу («пришелъ... съ заряженнымъ револьверомъ»). Но признавая, такимъ образомъ, Леонида Линевича сознательно и отвѣтственно учинившимъ то, что описано въ вопросѣ, какъ преступленія, нельзя одновременно съ этимъ, какъ то сдѣлали присяжные, находить, что «описанное преступленіе» сдѣлано въ изступленіи ума и при полномъ отсутствіи памяти, т. е. сознанія.

Если же стать на точку зрѣнія *правильности отвѣтовъ*, то пришлось бы признать, что судъ помѣстилъ въ первомъ вопросѣ не признаки разумныхъ и сознательныхъ, хотя и преступныхъ дѣйствій, направленныхъ на обдуманное лишеніе жизни человѣка, а въ сущности лишь въ разныхъ редакціяхъ поставилъ одинъ и тотъ же вопросъ о невмѣненіи, признавъ тѣмъ самымъ, что и сознательно преступныя и опасно-безумныя дѣйствія характеризуются одними и тѣми же свойствами и признаками, даже и во всей подготовительной къ нимъ работѣ человѣческаго мышленія. Очевидно, что здѣсь есть обоюдная неправильность, обусловленная главнымъ образомъ редакціею вопросовъ. Присяжныхъ спрашивали не о событіи, состоявшемъ въ томъ, что Леону Линевичу было нанесено повреждені выстрѣломъ, который произвелъ подсудимый, а спрашивали: доказано ли преступленіе подсудимаго, и если доказано, то доказано ли умоизступленіе и полное безпамятство? Отвѣтить утвердительно лишь на второй вопросъ безъ утвердительнаго отвѣта на первый они, по самой редакціи вопросовъ, не могли; а, давъ оба утвердительныхъ отвѣта, создали рѣшеніе неясное по смыслу и противорѣчивое по содержанію.

Это противорѣчіе, однако, отрицается защитою Линевича потому, что все то, что описывается въ первомъ вопросѣ, какъ сознательныя дѣйствія подсудимаго, можетъ имѣть мѣсто и при помраченіи и даже полной утратѣ сознанія, такъ какъ «лишь неопытные юристы, не знакомые съ азбукою психіатріи», могутъ считать неизбѣжнымъ признакомъ душевнаго разстройства безсмысленныя рѣчи и дикія тѣлодвиженія, не имѣющія ни цѣли, ни основанія. Дѣйствительно, не только наука, но и простой житейскій печальный опытъ учатъ, что буйный бредъ вовсе не исключительный признакъ умопомѣшательства. Напротивъ, видѣвшій душевно-больныхъ, читавшій о нихъ, знаетъ, что сосредоточенно смотрящій въ одну точку, молчаливый, ушедшій въ себя меланхоликъ, отдавшійся бесѣдѣ съ неземнымъ, представляющимся ему, міромъ, или съ ужасомъ видящій во всемъ посягательство на свою личность,—не только не менѣе больной, чѣмъ тотъ, кто корчится, съ пѣною у рта, въ конвульсіяхъ безумной ярости, — но онъ даже болѣе больной, болѣе безнадежный, чѣмъ послѣдній. Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что между непосредственною разумностью или, вѣрнѣе, послѣдовательностью дѣйствій невмѣ-

няемаго человѣка и сознательнымъ отношеніемъ его не къ тому или другому своему движенію, а ко всему поступку, взятому во всей совокупности его причинъ и послѣдствій, есть огромная разница. Въ омраченномъ умѣ, въ больномъ мозгу умалишеннаго, безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ, не нарушено представленіе о томъ, что вслѣдъ за ударомъ ножемъ въ живое тѣло пойдетъ кровь и этому тѣлу сдѣлается больно или что отъ прижатія собачки пистолета произойдетъ выстрѣлъ, отъ котораго человѣкъ, составляющій предметъ гнѣва или страха, упадетъ и, быть можетъ, прекратитъ свое существованіе и т. д. Поэтому, производя выстрѣлъ, ударяя ножемъ, всыпая ядъ, поджигая чужое имущество, такой умалишенный будетъ, въ огромномъ числѣ случаевъ. въ предѣлахъ непосредственныхъ своихъ дѣйствій, проявлять и логичность и извѣстную, иногда очень обдуманную, послѣдовательность. Но *за этими предѣлами*, внѣ ихъ, напрасно искать логики и сознательнаго отношенія къ нравственнымъ и общественнымъ условіямъ окружающей жизни. Страдающій первичнымъ помѣшательствомъ съ бредомъ преслѣдованія будетъ дѣйствовать противъ человѣка который ему кажется, на основаніи безумнѣйшихъ представленій, лютымъ врагомъ, или жаловаться на него, при такъ называемомъ сутяжномъ помѣшательствѣ,—такимъ образомъ, что сами по себѣ эти дѣйствія, эти домогательства и жалобы будутъ послѣдовательны и логичны, но отправная точка въ нихъ, но затаенная ихъ цѣль будутъ лежать въ области безумныхъ представленій, толкающихъ больного идти въ разрѣзъ съ нравственностью, закономъ, и здоровыми требованіями природы.

Когда у заболѣвающаго душевно является навязчивая идея, онъ гонитъ ее прочь, вооружаясь всѣми силами остающагося разсудка, но она стучится опять и опять, все чаще и настойчивѣе, сначала наводя страхъ, затѣмъ вызывая отвращеніе, потомъ примиряя съ собою и, наконецъ,—вступая побѣдительницею въ умственный міръ больного и извративъ его,—создаетъ въ немъ уже цѣлый рядъ вытекающихъ одно изъ другого болѣзненныхъ представленій. Подъ вліяніемъ этихъ представленій душевное разстройство разростается и смыкается въ цѣлый кругъ больныхъ идей, образовъ и ощущеній. Внутри этого безумнаго круга есть и логика, и послѣдовательность и видимая, обманчивая, разумность, но нѣтъ здороваго сознанія: внутри его можетъ быть *знаніе* больнымъ того, что онъ дѣлаетъ, но нѣтъ *пониманія*, истиннаго значенія и свойства того, что онъ дѣлаетъ; есть автоматическая цѣлесообразность движеній, но нѣтъ свободнаго самоопредѣленія поступковъ. Поэтому-то ст. 95 нашего Уложенія и говоритъ о невмѣненіи въ вину дѣйствія содѣяннаго человѣкомъ, относительно котораго нѣтъ сомнѣнія, что онъ, по состоянію своему, не можетъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія; а ст. 96 на томъ же основаніи не вмѣняетъ въ вину дѣйствій, учиненныхъ больнымъ въ точно

доказанномъ припадкѣ умоизступленія или безпамятства. Поэтому-то законъ въ ст. 97 Улож. требуетъ не простого, а надлежащаго, т. е. широкаго, съ яснымъ пониманіемъ причинъ и послѣдствій дѣянія — разумѣнія, освобождая отъ отвѣтственности лунатиковъ (сонноходцевъ), дѣйствующихъ въ припадкѣ своего нервнаго разстройства, при чемъ, какъ извѣстно, этимъ дѣйствіямъ свойственна иногда поразительная внѣшняя послѣдовательность. Сообразно съ этимъ Правительствующій Сенатъ, еще въ 1869 году, въ рѣшеніи по дѣлу Чернилкина высказалъ, что вмѣненіе есть раскрытіе причинной связи между сознательною волею обвиняемаго и преступнымъ его дѣяніемъ, т. е. такой связи, при которой нарушеніе, называемое преступленіемъ, являлось бы послѣдствіемъ воли человѣка, сознавшаго, что онъ дѣйствуетъ именно противу закона и поставившаго себѣ ясную цѣль, для достиженія которой неминуемо должны быть нарушены уставы государства и права общества или частнаго лица. Исходя изъ этого же взгляда Правительствующій Сенатъ въ 1884 году, въ рѣшеніи по дѣлу Мельницкихъ, указалъ, что признаніе присяжными доказаннымъ, что подсудимые спрятали и растратили часть денегъ, принадлежащихъ воспитательному дому, не давало уже права признавать ихъ невиновными, такъ какъ въ дѣйствіяхъ этихъ усматриваются два существенныхъ внутреннихъ элемента преступнаго дѣянія — сознательность и произвольность. Поэтому надлежитъ признать, что въ вопросѣ о преступленіи, т. е. такомъ, гдѣ описывается не только событіе, послужившее поводомъ къ судебному изслѣдованію и могущее оказаться случайнымъ или ненаказуемымъ, но и внутренняя сторона дѣянія, т. е. умыселъ, степень и способъ приведенія его въ исполненіе и противозаконная цѣль, къ которой стремился обвиняемый, — имѣется въ виду не внѣшняя послѣдовательность дѣйствій *невмѣняемаго* человѣка, а полнота сознательной воли человѣка *вмѣняемаго* и потому отвѣтственнаго.

Вслѣдствіе этого и для устраненія недоразумѣній, вызываемыхъ указанною неправильною постановкою вопросовъ, необходимо ставить вопросы, при сомнѣніи о вмѣненіи на основаніи пункта 3 ст. 92 Улож. о нак., въ такомъ порядкѣ, чтобы *первымъ* являлся вопросъ о существенной причинѣ невмѣняемости. Это будетъ и вполнѣ логично, ибо прежде чѣмъ разрѣшать въ подробности, какъ и что именно сдѣлалъ подсудимый, присяжнымъ надлежитъ уяснить себѣ, съ кѣмъ имѣютъ они дѣло — съ здоровымъ или больнымъ душевно человѣкомъ? Такъ, вѣроятно, они разсуждаютъ и теперь въ своей совѣщательной комнатѣ, обращаясь прежде всего къ оцѣнкѣ душевнаго равновѣсія въ той личности, о судьбѣ которой имъ предстоитъ высказаться. Такимъ образомъ, если нѣтъ необходимости выдѣлять вопросъ о событіи, первый вопросъ долженъ быть редактируемъ приблизительно, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ образомъ: «Доказано-ли, что подсудимый, стрѣляя въ по-

терпѣвшаго (или поджигая его домъ, или нанося ему ударъ топоромъ и т. п.) послѣдствіемъ чего была смерть (или увѣчье, раны и т. п.) послѣдняго, находился въ припадкѣ болѣзни, приводящей въ умоизступленіе или совершенное безпамятство?» Второй вопросъ, согласно формулѣ, твердо установленной въ 1884 г. Сенатомъ, долженъ затѣмъ быть изложенъ приблизительно въ такомъ видѣ: «Если болѣзненное состояніе, описанное въ первомъ вопросѣ, не доказано, то доказано ли, что описанный въ немъ выстрѣлъ произведенъ подсудимымъ не случайно, а съ умысломъ (или съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или же въ запальчивости и раздраженіи) лишить потерпѣвшаго жизни и т. д. (слѣдуютъ фактическія обстоятельства преступленія). Если же возникаетъ необходимость выдѣлить вопросъ о событіи, то первый изъ этихъ вопросовъ долженъ распасться на два отдѣльныхъ — о событіи и о вмѣненіи, при чемъ отвѣтъ о событіи спрашивается прежде всего.

На основаніи всего сказаннаго, находя нарушеніе 816 ст. Уст. угол. суд. въ томъ, что присяжные, несмотря на неразрѣшимое противорѣчіе въ ихъ отвѣтахъ, не были обращены къ новому совѣщанію, и 754 ст. Уст. угол. суд. въ томъ, что въ первый вопросъ были введены субъективные признаки преступнаго *дѣянія*, вмѣсто объективныхъ признаковъ *событія* — я признаю необходимымъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ по этому дѣлу отмѣнить, передавъ его въ другое отдѣленіе того же суда.

Правительствующій Сенатъ постановилъ: за нарушеніемъ 754, 755 и 816 ст. Уст. угол. суд. рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ С.-Петербургскаго Окружного Суда отмѣнить и передать дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другое отдѣленіе того же Суда.

VII.

По дѣлу штабсъ-капитана Сазонова, обвиняемаго въ присвоеніи документа и подлогѣ.

Штабсъ-капитанъ Сазоновъ, по довѣренности крестьянъ, братьевъ Крутовыхъ, 8-го іюня 1876 года, совершилъ на имя своей жены, Сазоновой, закладную крѣпость на имѣніе Ковнаты въ суммѣ 20,000 руб., срокомъ на три года. Въ январѣ 1882 г. по иску Сазоновой къ Крутовымъ былъ выданъ исполнительный листъ для взысканія по закладной, а въ 1883 году Крутовы предъявили къ Сазонову искъ о разсчетахъ. Въ виду неуспѣшности этого иска, Крутовъ подалъ прокурору Окружного Суда прошеніе, въ которомъ прямо обвинялъ Сазонова въ подложности росписки, представленной имъ въ Соединенную Палату Уголовнаго и Гражданскаго Суда, въ которой сказано слѣдующее: «1876 года іюня 10-го дня. Даю сію росписку повѣренному нашему отставному штабсъ-капитану Владиміру Федорову Сазонову въ томъ, что закладная крѣпость на имѣніе наше Ковнаты, на имя Маріи Осиповой Сазоновой, на сумму двадцать тысячъ рублей, совершенная имъ въ Витебской Соединенной Палатѣ Уголовнаго и Гражданскаго Суда 1876 г. іюня 8-го дня, за № 202—249, мною отъ него, Сазонова, для передачи Сазоновой, получена». Крутовъ увѣрялъ, что эта росписка сдѣлана на одномъ изъ чистыхъ листовъ съ подписью его, Крутова, данномъ Сазонову для написанія прошенія. Назначено было предварительное слѣдствіе, въ результатѣ котораго явилось преданіе Сазонова суду по обвиненію въ томъ, что лѣтомъ 1876 года, получивъ совершенную имъ на имя своей жены, въ качествѣ повѣреннаго крестьянъ Павла и Никифора Крутовыхъ, закладную крѣпость на принадлежащее послѣднимъ имѣніе Ковнаты, не передалъ Крутовымъ ни означенной закладной, ни слѣдовавшихъ по ней денегъ въ количествѣ 20,000 рублей, и во 2-хъ, въ томъ, что съ цѣлью сокрыть присвоеніе себѣ закладной крѣпости на имѣніе Ковнаты, подложно, отъ имени Павла Крутова, составилъ росписку отъ 10-го іюня 1876 году, удостовѣряющую полученіе послѣднимъ отъ него, Сазонова, упо-

мянутой закладной, воспользовавшись для совершенія сего ввѣренною ему Павломъ Крутовымъ бланковою подписью послѣдняго для написанія прошеній, при чемъ означенную росписку представилъ въ августѣ 1883 года въ бывшую Витебскую Соединенную Палату Уголовнаго и Гражданскаго Суда въ опровержение иска Крутовыхъ о разсчетахъ по вышеупомянутой закладной.

Согласно этимъ пунктамъ обвиненія, на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было постановлено два вопроса о виновности Сазонова, во 1-хъ, въ присвоеніи закладной крѣпости и, во 2-хъ, въ подлогѣ росписки. На оба эти вопроса послѣдовали отвѣты: «да, виновенъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія». Витебскій Окружной Судъ, обращаясь къ опредѣленію законныхъ послѣдствій рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, нашелъ: 1) что первое изъ преступныхъ дѣяній, въ совершеніи котораго признанъ виновнымъ подсудимый Владиміръ Сазоновъ, составляетъ присвоеніе ловѣреннымъ имущественнаго документа — въ данномъ случаѣ закладной крѣпости на сумму 20,000 руб.,—предусмотрѣнное 1711 ст. Улож. о наказ.; 2) что въ виду учиненія Сазоновымъ упомянутаго, обнаруженнаго лишь въ 1888 г. преступленія—лѣтомъ 1876 года—онъ, Сазоновъ, не можетъ подлежать за таковое наказанію на основ. 2 п. 158 ст. Улож., согласно которому наказаніе отмѣняется за давностью, когда со времени учиненія преступленія прошло восемь лѣтъ; 3) что второе изъ преступленій, совершенныхъ Сазоновымъ составляетъ преступное пользованіе бланковою подписью, предусмотрѣнное 1694 ст. Улож., и 4) что въ виду признанія Сазонова заслуживающимъ снисхожденія, наказаніе должно быть понижено на одну степень. Въ виду этого Окружной Судъ постановилъ: лишить Сазонова всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Тобольскую губернію.

Въ кассаціонной жалобѣ на этотъ приговоръ защитника подсудимаго указывается во-первыхъ, что Сазоновъ былъ преданъ суду за такое дѣяніе, которое не составляетъ никакого преступленія, такъ какъ по смыслу 177 ст. Уст. о наказ., уголовная отвѣтственность грозитъ за присвоеніе движимаго имущества, ввѣреннаго для сохраненія или для опредѣленнаго употребленія и дѣйствіе виновнаго только тогда наказуемо, когда оно расходится съ програмой, предначертанной ему лицомъ, ввѣрившимъ имущество. Но Сазоновъ, удерживая закладную Крутовыхъ или передавая своей женѣ, лишь буквально исполнилъ возложенную на него по договору съ Крутовымъ обязанность: онъ оставилъ въ свою пользу документъ, который долженъ былъ служить обезпеченіемъ долга Крутовыхъ. Во-вторыхъ, указывается на неправильное опредѣленіе значенія росписки; въ-третьихъ, на отказъ суда въ просьбѣ защиты объ отсылкѣ росписки Крутова въ Петербургскій Окружной Судъ, для изслѣдованія ея въ устроенной тамъ мастерской, снабженной соотвѣтственными приспособленіями; въ-четвертыхъ, что утвердительный отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей на первый вопросъ не могъ вызвать примѣненія къ Сазонову 1711 ст. Улож. за отсутствіемъ признаковъ состава преступленія. Непередача Крутовымъ ни закладной крѣпости, ни денегъ, заемъ которыхъ у Сазонова доказывался этой закладной, сама по себѣ не составляетъ вовсе преступленія. Присвоеніе наказуемо, когда присвоенное имущество ввѣрено для сохраненія или другого какого-либо употребленія, когда присвоеніе совершено вопреки воли лица, ввѣрившаго имущество, когда отвѣтомъ присяжныхъ засѣдателей установлено противорѣчіе между цѣлью, съ которой имущество было ввѣрено подсудимому, и употребленіемъ, сдѣланнымъ изъ него обвиняемымъ. Иначе уго-

ловная репрессія должна была бы постигнуть каждаго кредитора, обращающаго въ свою пользу долговой документъ, передаваемый ему должникомъ.

Изъ протокола Судебнаго засѣданія усматривается, что послѣ объявленія рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и по выслушаніи заключенія товарища прокурора о наказаніи, подсудимый Сазоновъ произвелъ въ себя выстрѣлъ изъ револьвера, съ намѣреніемъ лишить себя жизни.

Настоящее дѣло слушалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *8-го апрѣля 1891 года.*

Кассаціонная жалоба повѣреннаго подсудимаго Сазонова содержитъ въ себѣ указанія на нарушенія судопроизводственныя и на неправильное толкованіе преступнаго характера его дѣйствій. Нарушенія перваго рода усматриваются жалобщикомъ въ томъ, что Окружной Судъ отказалъ ему въ вызовѣ экспертовъ Арнгольда и Голике и фотографа Буринскаго, замѣнивъ ихъ учителями мѣстныхъ гимназій и уѣзднаго училища, между тѣмъ, какъ Арнгольдъ и Голике производили изслѣдованіе росписки на предварительномъ слѣдствіи. Окружной Судъ основалъ свой отказъ на 691 ст. Уст. угол. суд. въ виду того, что Голике и Арнгольдъ производили экспертизу не въ мѣстѣ судебнаго слѣдствія. Такое постановленіе Окружного Суда представляется дѣйствительно неправильнымъ и тогда же, какъ видно изъ производства, встрѣтило возраженія со стороны одного изъ членовъ присутствія. Оно неправильно, потому что по смыслу ст. 578 и 690—692 Уст. угол. суд. судъ можетъ производить экспертизу въ своемъ засѣданіи не только по собственному усмотрѣнію, но и по замѣчаніямъ присяжныхъ засѣдателей и ходатайству сторонъ, коимъ нѣтъ законнаго основанія отказывать въ выслушаніи указываемыхъ ими экспертовъ, если эксперты эти производили свои изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи, ибо тогда относительно ихъ вступаютъ въ дѣйствіе общія правила ст. 573—578 Уст. угол. суд. По ст. 573 Уст. угол. суд. свидѣтели или эксперты, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, должны быть вызваны въ судъ, если требованіе объ этомъ предъявлено въ установленный закономъ срокъ; исключеніе сдѣлано въ ст. 691 Уст. угол. суд., на которую неправильно ссылается Окружной Судъ, только для свѣдущихъ людей, производившихъ судебно-химическое или микроскопическое изслѣдованіе не въ мѣстѣ нахожденія суда, при чемъ они замѣняются мѣстными врачами и фармацевтами. Слѣдовательно, во всѣхъ случаяхъ, когда показаніе свѣдущаго человѣка относится не къ области врачебно-химическаго или микроскопическаго изслѣдованія и онъ былъ допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, ходатайство о вызовѣ его къ судебному слѣдствію для суда обязательно. Поэтому, отказъ въ вызовѣ экспертовъ Арнгольда и Голике состав-

ляетъ несомнѣнное нарушеніе правъ подсудимаго Сазонова. Но, принимая во вниманіе, что вызванные судомъ эксперты-учителя чистописанія дали категорическое и единогласное заключеніе объ отсутствіи въ роспискѣ признаковъ подлога, тогда какъ Арнгольдъ и Голике признавали существованіе такихъ признаковъ, слѣдуетъ признать, что допущенное судомъ нарушеніе не обратилось во вредъ подсудимому, почему и не можетъ быть признано на столько существеннымъ, чтобы служить къ отмѣнѣ приговора. Что же касается жалобы на то, что, по выслушаніи явившагося въ засѣданіе фотографа Буринскаго, судъ не пріостановилъ засѣданія и не отправилъ для изслѣдованія въ состоящую при С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ камеру для фотографическихъ изслѣдованій спорную росписку, то жалоба эта не заслуживаетъ уваженія, какъ потому, что назначеніе производства такого новаго изслѣдованія предоставлено по 692 ст. Уст. угол. суд. усмотрѣнію суда, такъ и потому, что въ законѣ и въ циркулярѣ министерства юстиціи обязательно указаны центральныя мѣста для изслѣдованія лишь по отношенію къ изслѣдованіямъ судебно-медицинскимъ и къ поддѣльнымъ кредитнымъ знакамъ, т. е. Медицинскій Совѣтъ и Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

Оставляя затѣмъ безъ обсужденія остальные пункты жалобы на судопроизводственныя нарушенія, какъ лишенные достаточныхъ основаній, обращаюсь къ вопросу о неправильномъ преданіи Сазонова суду и признаю въ этомъ отношеніи жалобу заслуживающею полнаго уваженія, въ виду того, что изъ дѣла усматривается чисто гражданскій, договорный характеръ тѣхъ отношеній, которыя существовали между Крутовыми и Сазоновымъ, почему эти отношенія не давали законныхъ основаній ни прокурорскому надзору, ни Судебной Палатѣ обращать *отвѣтчика по гражданскому иску въ обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи,* фактическіе признаки котораго въ томъ видѣ, какъ они изложены въ утвержденномъ Палатою обвинительномъ актѣ и въ вопросахъ суда не заключаютъ въ себѣ состава уголовно наказуемаго дѣянія. Изъ производства по дѣлу Сазонова видно, что 8-го іюня 1876 г. Сазоновымъ, по довѣренности Крутовыхъ, совершена закладная на имѣніе ихъ Ковнаты на имя жены подсудимаго Маріи Сазоновой, въ суммѣ 20,000 р.; 10-го декабря 1879 г. эта закладная, по истеченіи трехлѣтняго срока, была представлена ко взысканію и Витебскою Соединенною Палатою постановлено было взыскать съ Крутовыхъ въ пользу М. Сазоновой 23,600 р. Противъ такого присужденія Крутовы не возражали, находя, что между ними и Сазоновыми существуютъ и предстоятъ разсчеты, въ силу которыхъ присужденіе по закладной будетъ погашено. Лишь 14-го марта 1883 года, т. е. почти черезъ семь лѣтъ, Крутовы предъявили въ Витебской Соединенной Палатѣ искъ къ Сазонову, въ которомъ ходатайствовали

или о признаніи, что по закладной въ пользу Сазоновыхъ съ нихъ слѣдуетъ всего 6,237 р., или о присужденіи имъ по разсчету съ Сазоновыми обратно 22,762 р. и объ обязаніи Сазонова возвратить имъ ихъ векселя на сумму 19,900 р. Разсмотрѣвъ это дѣло, переданное изъ Соединенной Палаты, по случаю введенія судебной реформы, Витебскій Окружной Судъ 25-го мая 1884 г. въ искѣ Крутовымъ отказалъ, устранивъ споръ о подлогѣ росписки въ полученіи закладной, заявленный во время производства дѣла, какъ опровергнутый заключеніями свѣдущихъ людей. 17-го мая 1885 года Петербургская Судебная Палата по 1-му департаменту, разсмотрѣвъ апелляціонную жалобу Крутовыхъ на это рѣшеніе, оставила жалобу безъ послѣдствій и рѣшеніе утвердила. На это рѣшеніе Палаты Крутовы подали кассаціонную жалобу и Правительствующій Сенатъ 9-го іюня 1887 г. отмѣнилъ рѣшеніе, потому что Палата не вошла въ обсужденіе основательности соображеній суда, послужившихъ къ устраненію спора о подлогѣ. Вслѣдствіе этого 15-го февраля 1888 г. Петербургская Судебная Палата, по 2-му департаменту, разсмотрѣвъ рѣшеніе Витебскаго Окружного Суда во всемъ его объемѣ вновь постановила рѣшеніе это утвердить. На это послѣднее рѣшеніе Судебной Палаты Крутовъ снова подалъ кассаціонную жалобу и вмѣстѣ съ тѣмъ 25-го іюня 1888 года обратился съ прошеніемъ къ судебному слѣдователю, въ коемъ ссылаясь на то, что въ рѣшеніи Палаты, устранившемъ споръ о подлогѣ росписки безъ предъявленія прямого обвиненія, высказано, что Крутовы не лишены права обратиться къ уголовному суду съ прямымъ обвиненіемъ кого-либо въ подлогѣ этой росписки, просилъ привлечь Сазонова къ уголовному суду по обвиненію въ подлогѣ росписки о полученіи закладной для передачи женѣ своей, при чемъ указывалъ, что преступленіе это предусмотрѣно 1692 и 1694 стат. Улож. о наказ., т. е. составляетъ написаніе на бланкѣ потерпѣвшаго безъ его разрѣшенія убыточнаго или вреднаго для него акта. При производствѣ слѣдствія 22-го декабря 1889 г. къ Сазонову было предъявлено обвиненіе по этимъ статьямъ и затѣмъ отъ него потребованъ залогъ въ 100 тысячъ рублей, до представленія коего онъ былъ заключенъ подъ стражу. По жалобѣ Сазонова Витебскій Окружной Судъ, признавъ такой размѣръ залога неправильнымъ и основаннымъ на бездоказательныхъ домогательствахъ Крутова, постановилъ отмѣнить принятую судебнымъ слѣдователемъ мѣру пресѣченія и отдать Сазонова на поручительство, съ денежною отвѣтственностью въ 20,000 руб., обративъ въ этомъ своемъ постановленіи вниманіе судебнаго слѣдователя на вопросъ о томъ, можетъ ли составленіе спорной росписки заключать въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 1692 и 1694 ст. Улож. о наказ. Между тѣмъ 13-го февраля 1890 года Гражданскій Кассаціонный Департаментъ оставилъ жалобу Крутовыхъ на рѣшеніе

2-го департамента Судебной Палаты безъ послѣдствій и такимъ образомъ рѣшеніе Палаты объ *отказѣ Крутовымъ въ искѣ* и объ устраненіи спора о подлогѣ росписки *вошло въ законную силу.*

По окончаніи предварительнаго слѣдствія прокурорскимъ надзоромъ составленъ былъ обвинительный актъ противъ Сазонова, въ который было введено, не предъявленное ему и не бывшее предметомъ предварительнаго слѣдствія, обвиненіе по 1711 ст. Улож. въ присвоеніи выписи закладной крѣпости. Этотъ обвинительный актъ утвержденъ былъ Спб. Судебною Палатою и послужилъ основаніемъ для постановки вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ, на которые они дали утвердительные отвѣты о виновности Сазонова. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приводитъ, однако, къ убѣжденію, что они не содержатъ въ себѣ признаковъ преступленія и являются послѣдствіемъ смѣшенія понятій о гражданскомъ о уголовномъ правѣ, при чемъ законнымъ или безразличнымъ въ смыслѣ гражданскаго права дѣйствіямъ придается характеръ уголовнаго дѣянія. *Первый вопросъ* о томъ, виновенъ ли Сазоновъ въ непередачѣ Крутову закладной крѣпости на имя М. Сазоновой и въ присвоеніи ея себѣ и въ непередачѣ занятыхъ подъ закладную 20,000 руб., представляется неправильнымъ и по формѣ и по содержанію.

По формѣ онъ неправиленъ потому, что въ послѣдней своей части содержитъ указаніе на дѣяніе, не имѣющее уголовнаго характера. Непередача повѣреннымъ полученныхъ имъ денегъ довѣрителю безъ установленія, что деньги эти присвоены или растрачены, не составляетъ еще само по себѣ преступленія, а даетъ лишь право на истребованіе отъ повѣреннаго отчета въ порядкѣ исковаго и исполнительнаго производства и вызываетъ собою уголовное преслѣдованіе — какъ это неоднократно разъяснено Правительствующимъ Сенатомъ—лишь послѣ признанія гражданскимъ судомъ повѣреннаго обязаннымъ возвратить полученную имъ сумму довѣрителю и при обнаруженіи, что повѣренный этой суммы возвратить не можетъ или не хочетъ, такъ какъ онъ ее присвоилъ или растратилъ. Между тѣмъ введеніе такого обстоятельства въ вопросъ присяжнымъ засѣдателямъ несомнѣнно должно было повліять на представленіе ихъ о преступномъ характерѣ дѣйствій Сазонова и могло заставить ихъ думать, что Сазоновъ, — даже вопреки обвинительному акту, — обвиняется въ присвоеніи 20,000 руб., тогда какъ не только въ предшествовавшемъ гражданскомъ производствѣ указывалось на то, что закладная была выдана *по разсчетамъ* между Сазоновымъ и Крутовыми, при чемъ она служила лишь обезпеченіемъ настоящихъ и будущихъ денежныхъ обязательствъ Крутовыхъ, но даже и въ прошеніи самого Павла Крутова, возбудившаго уголовное преслѣдованіе, было заявлено, что ему отъ Сазонова не слѣдовало никакихъ денегъ, такъ

какъ закладная служила лишь обезпеченіемъ прежняго его долга Сазонову въ суммѣ 10,900 руб. и могущихъ вновь возникнуть между ними обязательствъ, о чемъ занесено и въ обвинительный актъ.

Этотъ вопросъ неправиленъ и *по содержанію,* ибо дѣяніе повѣреннаго залогодателя, передающаго выпись закладной не ему, а залогопринимателю, не только не заключаетъ въ себѣ признаковъ какого либо преступленія, но и вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу самой залоговой сдѣлки и точному указанію примѣчанія къ ст. 1650 и статей 1651 и 1652 I ч. X т. Зак. Гражд., при чемъ надлежитъ признать, что совершеніе закладной крѣпостнымъ порядкомъ дѣлаетъ нахожденіе выписки закладной въ рукахъ залогопринимателя не имѣющимъ для опредѣленія правъ залогодателя никакого значенія, ибо каждая изъ сторонъ участвовавшихъ въ сдѣлкѣ, т. е. и залогодатель, и залогоприниматель, имѣютъ право потребовать отъ старшаго нотаріуса или изъ крѣпостного отдѣленія выпись или копію съ закладной крѣпости для удостовѣренія своихъ правъ. Въ настоящемъ дѣлѣ, такъ какъ Крутовы сами признаютъ, что закладная была совершена согласно ихъ желанію и состоявшемуся между ними и Сазоновой соглашенію, то и выпись должна была находиться въ рукахъ Сазоновой, какъ принявшей имѣніе Ковнаты въ залогъ, и Сазоновъ, передавъ выпись своей женѣ, не только не совершилъ уголовнаго преступленія, но даже ничѣмъ не нарушилъ правъ своихъ довѣрителей. Поэтому всѣ разсужденія обвинительнаго акта о доказанности или недоказанности разсчетовъ по закладной крѣпости на имѣніе Ковнаты, подкрѣпляемыя свидѣтельскими показаніями, представляются не только излишними, но и неправильными, такъ какъ ими нарушается точный смыслъ 1643 ст. I ч. X т., опредѣляющій условія совершенія закладныхъ и цѣлый рядъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента (1879 года, № 128, 1880 г., № 247 и 1881 г., № 121), коими признано, что коль скоро закладная совершена съ соблюденіемъ условій, указанныхъ 1643 ст., то опровергать ея содержаніе свидѣтельскими показаніями не дозволяется. Допущеніе опроверженія или провѣрки содержанія крѣпостныхъ актовъ, не заподозрѣнныхъ въ подложности, свидѣтельскими показаніями, внесло бы смуту и неустойчивость въ весь гражданскій бытъ и отняло бы всякое значеніе у закона, устанавливающаго твердое и непререкаемое доказательство укрѣпленія правъ на недвижимое имущество. Поэтому, нельзя не признать, что первый вопросъ суда, построенный на обвинительномъ актѣ, основанъ на обстоятельствахъ, не подлежащихъ вѣдѣнію суда уголовнаго и не могущихъ быть вмѣняемыми въ вину подсудимому, и что самое преданіе его суду по этому обвиненію представляется вполнѣ неправильнымъ и являетъ собою одинъ изъ тѣхъ—къ сожалѣнію, нерѣдкихъ—примѣровъ, когда власть, пре-

дающая суду, придаетъ съ излишнею поспѣшностью гражданскимъ правоотношеніямъ уголовную окраску. Достаточно припомнить хотя бы бывшее недавно въ разсмотрѣніи Сената дѣло Пятаковскаго и Фирсова, по которому присяжныхъ засѣдателей спрашивали: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что утвердился одинъ въ правахъ наслѣдства къ имуществу своей матери, зная, что другія лица имѣютъ, къ этому имуществу тоже наслѣдственныя права, и съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, по предварительному соглашенію съ Фирсовымъ, совершилъ закладную на его имя на наслѣдственный домъ, во владѣніе коимъ онъ былъ введенъ?—какъ будто для утвержденія въ правахъ наслѣдства каждый наслѣдникъ обязанъ ожидать ходатайства всѣхъ остальныхъ, быть можетъ и не желающихъ воспользоваться своимъ правомъ на наслѣдство, а двусторонній гражданскій актъ, какъ закладную, можно совершить безъ предварительнаго соглашенія!? Введеніе такимъ образомъ присяжныхъ засѣдателей въ оцѣнку чисто-гражданскихъ отношеній можетъ—если Правительствующій Сенатъ не положилъ этому предѣла надлежащими разъясненіями—привести въ концѣ концовъ къ тому, что присяжныхъ засѣдателей будутъ спрашивать: доказано ли пріобрѣтеніе подсудимымъ права собственности на извѣстное имущество или не виновенъ ли векселедатель въ томъ, что передалъ вексель векселедержателю, вмѣсто того, чтобы оставить его у себя?

Обращаясь ко второму вопросу, надлежитъ замѣтить, что ст. 1694 Улож. караетъ того, кто пользуясь ввѣренною ему бланковою подписью для написанія какого-либо акта, самовольно напишетъ другой актъ, убыточный или вредный для ввѣрившаго бланкъ и употребитъ для своей выгоды бланковую подпись, почему, для примѣненія этой статьи необходимо, чтобы надъ бланковой надписью былъ написанъ *актъ* и чтобы этотъ актъ былъ *убыточенъ* или *вреденъ,* т. е. чтобы пользованіе бланкомъ было обращено въ выгоду обвиняемаго и во вредъ бланкодателя. Можетъ ли быть признанная росписка, въ коей значится, что Крутовъ получилъ отъ Сазонова закладную крѣпость для передачи ее Маріи Сазоновой такимъ актомъ, о которомъ говорится въ 1694 и 1692 ст. Уст. угол. суд.? Согласно послѣдней статьи *актами* признаются тѣ письменныя сдѣлки, которыя въ дѣлахъ исковыхъ, тяжебныхъ и торговыхъ могутъ быть принимаемы за доказательство права на имущество или принятія какихъ либо обязанностей. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Пояркова 1877 г., № 90 и въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, разъясняющихъ 1694 и 1692 ст. призналъ, что для примѣненія ст. 1694 необходимо внесеніе въ бланкъ обязательства или отказа отъ какихъ либо правъ лица, давшаго бланкъ; поэтому не всякое пользованіе бланкомъ подходитъ подъ ст. 1634, а лишь такое, которое устанавливаетъ извѣстныя гражданскія правоотношенія между

лицомъ, давшимъ бланкъ и другимъ физическимъ или юридическимъ лицомъ: написаніе надъ бланкомъ текста, который не устанавливаетъ никакого обязательства, или свидѣтельствуетъ обстоятельство, которое никакого обязательства устанавливать не можетъ, не подходитъ подъ 1694 ст. Поэтому росписка, о которой идетъ рѣчь во второмъ вопросѣ, представляется не содержащею въ себѣ главнаго признака преступленія, предусмотрѣннаго 1694 ст. Улож.— это не есть актъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ законъ уголовный. Не будучи актомъ, эта росписка не соотвѣтствуетъ и другимъ требованіямъ 1694 ст., т. е. вредности и убыточности написаннаго надъ бланкомъ, потому что, какъ уже было сказано, полученіе и передача выписи закладной, совершенной крѣпостнымъ порядкомъ и никѣмъ не оспариваемой, залогопринимателю, никакихъ правъ залогодателя не нарушаетъ и никакихъ выгодъ одному по отношенію къ другому не доставляетъ. Поэтому существованіе спорной росписки ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ, что Сазоновъ составилъ вредный или убыточный для Крутовыхъ актъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что въ самомъ обвинительномъ актѣ указано, что вошедшимъ въ законную силу рѣшеніемъ Спб. Судебной Палаты 15-го февраля 1888 года, признано, что даже доказанность подложности, росписки 10-го іюня 1886 г. не можетъ имѣть никакого значенія для разрѣшенія вопроса о безденежности закладной въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, то самое написаніе такой росписки, если бы оно и было доказано, не содержащей въ себѣ при этомъ какого либо обязательства, представляется совершенно безцѣльнымъ и не подходящимъ подъ указаніе 1694 ст. Такимъ образомъ, постановка перваго и второго вопросовъ о виновности Сазонова представляетъ собою подкрѣпленіе предъ присяжными засѣдателями обвиненія въ дѣяніи *не преступномъ* обвиненіемъ въ дѣяніи *не предусмотрѣнномъ* 1694 ст. Улож., при чемъ связь обоихъ вопросовъ, поставленныхъ судомъ, не могла не подѣйствовать и на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, которое столь удручающимъ образомъ повліяло на подсудимаго.

Подробное разсмотрѣніе кассаціонныхъ рѣшеній, относящихся до 1692 и 1694 ст. Улож., приводитъ къ выводу, что все уголовное производство противъ Сазонова возбуждено неправильно, что въ дѣяніяхъ его нѣтъ признаковъ преступленія и что, сверхъ того, опредѣленіе о преданіи его суду состоялось безъ соображенія предшествовавшаго гражданскаго производства, въ нарушеніи 29 ст. Уст. угол. суд. Поэтому и руководствуясь ст. 1 Уст. угол. суд. и ст. 1 Улож. о наказ., я полагаю отмѣнить по настоящему дѣлу все производство, начиная съ преданія суду, возстановивъ этимъ нарушенное правильное соотношеніе между гражданскимъ производствомъ и уголовнымъ преслѣдованіемъ и удовлетво-

ривъ справедливое въ этомъ отношеніи домогательство подсудимаго.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, приговоръ Витебскаго Окружного Суда и все производство по настоящему дѣлу, начиная съ преданія суду, отмѣнить за силою 29 ст. Уст. угол. суд. со всѣми послѣдствіями и предписать Окружному Суду объ освобожденіи Сазонова изъ-подъ стражи.

VIII.

По дѣлу о злостномъ банкротствѣ купца Акимова и о 12-ти его соучастникахъ.

(ГРАЖДАНСКІЙ ИСКЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ДѢЛѢ).

Съ 25-го января по 6-е февраля 1890 года въ Полтавскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло о бывшемъ 1-й гильдіи Елисаветградскомъ купцѣ Алексѣѣ Тимофеевѣ Акимовѣ, обвинявшемся въ злостномъ банкротствѣ на сумму свыше 700,000 руб. сер. и кромѣ того—о купцахъ: Титѣ и Петрѣ Ковалевыхъ, Зинделѣ и Бенціанѣ Рѣзниковыхъ и Пейсахѣ Ковалевскомъ, мѣщанахъ: Василіи и Александрѣ Здорикахъ и Александрѣ Котовѣ, коллежскомъ регистраторѣ Владимірѣ Бѣлявскомъ, кандидатѣ правъ Михаилѣ Фонбергѣ и присяжныхъ повѣренныхъ Александрѣ Всеволожскомъ и Николаѣ Ивановѣ, преданныхъ суду за участіе въ злостномъ банкротствѣ означеннаго Акимова. Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей всѣ тринадцать подсудимыхъ оправданы. Тѣмъ же рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей договоры: а) совершенный Акимовымъ 21-го февраля 1884 г. объ отчужденіи товара, хранившагося въ Елисаветградѣ въ особомъ складѣ, на сумму 120,000 руб., въ собственность купца Рѣзникова; б) совершенный 12-го апрѣля 1884 г. объ отчужденіи мануфактурнаго товара Акимова на сумму свыше 200,000 руб., помѣщавшагося въ оптовомъ и розничномъ магазинахъ въ Елисаветградѣ, въ домѣ наслѣдниковъ Рѣзникова, въ собственность Елисаветградскаго купца Тита Ковалева; в) совершенный 17-го апрѣля 1884 года объ отчужденіи мануфактурнаго товара Акимова, на сумму 100,000 руб., находившагося въ гор. Николаевѣ, въ собственность купеческаго сына Петра Ковалева; г) передаточная надпись объ уступкѣ купцу Рѣзникову правъ на постройки въ с. Кривой-Рогъ; д) сдѣлки о передачѣ товара, прибывшаго изъ Москвы на имя Акимова, въ количествѣ 65 мѣстъ, купцу Рѣзникову; е) сдѣлки о передачѣ товара Акимова, на сумму свыше 29,000 руб., хранившагося въ складѣ въ Елисаветградѣ, по особой фактурѣ, купцу Броуну, и ж) сдѣлки о передачѣ векселей лицъ, кредитовавшихся въ мануфактурномъ магазинѣ Акимова, купцу Рѣзникову, на сумму до 100,000 руб. и купцу Ковалеву до 40,000 руб.,—признаны совершенными *безденежно*, съ цѣлью сокрытія ука-

заннаго въ этихъ договорахъ и сдѣлкахъ имущества Акимова отъ дѣйствительныхъ его кредиторовъ и избѣжанія тѣмъ платежа имъ долговъ, вслѣдствіе чего дѣйствительные кредиторы Акимова не получили удовлетворенія своихъ претензій. Признавъ всѣ эти договоры и сдѣлки недѣйствительными, Окружной Судъ, вслѣдствіе признанія подсудимыхъ невиновными, постановилъ гражданскій искъ, на основаніи 31 ст. Уст. угол. суд., оставить безъ разсмотрѣнія.

Въ кассаціонной жалобѣ уполномоченные конкурснаго управленія присяжные повѣренные Пржевальскій и Илларіоновъ указывали, во-1-хъ, на нарушеніе 750 и 751 ст. Уст. угол. суд. тѣмъ, что судъ отказалъ гражданскому истцу въ постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ какъ относительно факта, такъ и виновности Акимова въ отпускѣ повѣренному Бродскаго, Заславскому, съ цѣлью сокрытія имущества во вредъ кредиторовъ, по прекращеніи уже Акимовымъ платежей, товара на сумму свыше 44,000 руб., при чемъ фактура на отпущенный товаръ была умышленно помѣчена заднимъ числомъ, а также таковыхъ же вопросовъ, по требованію прокурора, относительно Пейсаха Ковалевскаго, обвиняемаго въ сокрытіи товара Акимова въ Кременчугѣ. Отказъ суда въ просьбѣ о постановкѣ этихъ вопросовъ, главнымъ образомъ, потому, что относительно этого дѣянія не было категорически заявлено обвиненія, по мнѣнію гражданскихъ истцовъ, неправиленъ, ибо въ дѣйствительности преступный фактъ находится на лицо и о немъ говорилось въ преніяхъ. Такое постановленіе суда не только нарушаетъ интересы гражданскаго истца, но и не соотвѣтствуетъ задачѣ уголовнаго суда, исключающей мысль о безнаказанности преступленія. Во-2-хъ, гражданскіе истцы указывали на нарушеніе 801 и 802 ст. Уст. угол. суд. тѣмъ, что предсѣдатель, въ своемъ заключительномъ словѣ присяжнымъ засѣдателямъ, допустилъ невѣрное въ фактическомъ отношеніи и несогласное съ тѣмъ, что происходило на судебномъ слѣдствіи, изложеніе существенныхъ и важныхъ для обвиненій обстоятельствъ дѣла, что было удостовѣрено занесенными, по просьбѣ обвинителей и гражданскаго истца, въ протоколъ подлинными выраженіями его рѣчи. Въ-3-хъ, жалобщики указывали на нарушеніе 802, 803, 804 и 812 ст. Уст. угол. суд. неправильнымъ объясненіемъ, со стороны предсѣдательствующаго, присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ и обязанностей при дачѣ отвѣтовъ на предложенные ихъ разрѣшенію вопросы, результатомъ чего и послѣдовалъ приговоръ, которымъ не только всѣ подсудимые, при несомнѣнной наличности преступленія и при сознаніи главнаго обвиняемаго, оправданы, но которымъ отвергнута всецѣло фиктивность даже такихъ договоровъ, которые признавались фиктивными и безденежными со стороны самихъ обвиняемыхъ. Наконецъ, жалобою указывалось на нарушеніе 6, 31, 2 п. 776, 779 и 821 ст. Уст. угол. суд. Отвѣтами присяжныхъ засѣдателей на нѣкоторые изъ вопросовъ, подлежавшихъ ихъ обсужденію, установлено безденежное, во вредъ кредиторовъ, отчужденіе мануфактурнаго товара по четыремъ договорамъ и кромѣ того, фиктивная передача векселей, а также и то, что, вслѣдствіе указанныхъ въ вопросахъ преступныхъ фактовъ, дѣйствительные кредиторы Акимова, по объявленіи его несостоятельнымъ должникомъ, не получили удовлетворенія своихъ претензій. Въ виду признанной связи фиктивнаго отчужденія имущества съ невозможностью полученія кредиторами удовлетворенія ихъ претензій, гражданскій истецъ просилъ судъ не только признать сдѣлки несостоятельнаго недѣйствительными, но и присудить съ подсудимыхъ, участвовавшихъ въ совершеніи ихъ, ту сумму, которая не дополучена кредиторами и доказывается какъ занесенными въ протоколъ судебнаго засѣданія показаніями свидѣтелей, такъ и

формальнымъ удостовѣреніемъ конкурснаго управленія, учрежденнаго по дѣламъ несостоятельнаго Акимова, въ размѣрѣ 622,930 руб. 44 коп. Судъ однакоже отказалъ въ этомъ ходатайствѣ, не мотивировавъ свой отказъ никакими соображеніями, хотя просьба истца и была заявлена на основаніи 6 ст. Уст. гражд. суд. На основаніи этой статьи, разъясненной рѣшеніями Сената, приводимая судомъ, въ его приговорѣ статья 31 Уст. угол. суд. не устраняетъ разрѣшенія гражданскаго иска судомъ уголовнымъ въ томъ случаѣ, когда признано событіе преступленія и совершеніе онаго обвиняемымъ, хотя бы оно и не было вмѣнено ему въ вину. Изъ отвѣтовъ, данныхъ присяжными засѣдателями, видно, что они не вмѣнили подсудимымъ совершенныя ими преступленія, но при этомъ рядъ преступныхъ фактовъ былъ признанъ доказаннымъ и участіе въ нихъ обвиняемыхъ было несомнѣнно установлено, потому что въ каждомъ вопросѣ факта опредѣленно и точно указаны не только событія, но и лица, принимавшія непосредственное участіе въ совершеніи фиктивныхъ сдѣлокъ и договоровъ о безденежномъ переводѣ имущества Акимова во вредъ дѣйствительныхъ его кредиторовъ. Окружной Судъ долженъ былъ необходимо войти въ разсмотрѣніе цифры заявленнаго убытка, причиненнаго подсудимыми, въ виду признанія какъ факта преступленія, такъ и его виновниковъ. Не исполнивъ этого, судъ не удовлетворилъ справедливыхъ требованій представителей гражданскихъ интересовъ лицъ потерпѣвшихъ и конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго Акимова, ибо одно признаніе недѣйствительности договоровъ, при отсутствіи въ наличности имущества, составлявшаго ихъ предметъ, не представляетъ собою никакого вознагражденія за тѣ убытки, которые понесли кредиторы, довѣрившіе Акимову въ кредитъ товаровъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей и получившіе, вслѣдствіе преступнаго сокрытія и перевода имущества въ чужія руки, по десяти копѣекъ за рубль. Поэтому кассаторы ходатайствовали передъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ какъ приговора Полтавскаго Окружного Суда, такъ и рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и о передачѣ дѣла на новое разсмотрѣніе въ Харьковскій Окружной Судъ.

Засѣданіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по этому дѣлу происходило *16-го октября 1890 года.*

Въ кассаціонной жалобѣ гражданскихъ истцовъ по дѣлу купца Акимова и сообщниковъ его по злостному банкротству на сумму до 700,000 р., окончившемуся въ Полтавскомъ Окружномъ Судѣ оправдательнымъ приговоромъ по всѣмъ обвиненіямъ и отрицаніемъ событія преступленія въ цѣломъ рядѣ случаевъ, указываются нарушенія, какъ по производству дѣла, такъ и по разрѣшенію гражданскаго иска.

Между нарушеніями по производству дѣла прежде всего указывается на неправильный отказъ въ постановкѣ *дополнительныхъ вопросовъ.* Постановка дополнительныхъ вопросовъ можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія источника, содержанія и условій ихъ постановки судомъ. *Источникомъ* дополнительныхъ вопросовъ является 751 ст. Уст. угол. суд., въ силу которой основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы

обвинительнаго акта, но и судебное слѣдствіе вмѣстѣ съ заключительными преніями, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ и измѣняютъ эти выводы. Обвинительный актъ всегда является результатомъ лишь предварительнаго слѣдствія; ему соотвѣтствуетъ приговоръ суда, который есть результатъ судебнаго слѣдствія. Это судебное слѣдствіе можетъ имѣть предметомъ и такія обстоятельства, которыя были лишь слегка намѣчены, или вовсе не очерчены на предварительномъ слѣдствіи, а потому не могли найти себѣ мѣста въ обвинительномъ актѣ. Обвинительный актъ есть увертюра судебнаго разбирательства, въ которомъ могутъ быть разработаны и иные, новые мотивы. Поэтому составители судебныхъ уставовъ и признали, что не одинъ обвинительный актъ служитъ основаніемъ для постановки вопросовъ, такъ какъ судебное слѣдствіе не есть механическая провѣрка обвинительнаго акта, а должно быть самостоятельною работою сторонъ по основаніямъ и поводамъ, даннымъ этимъ актомъ. Согласно съ этимъ, по внутреннему смыслу 751 ст. Уст. угол. суд., главная почва для постановки вопросовъ есть судебное слѣдствіе, почему источникомъ новыхъ, не предусмотрѣнныхъ фактическою стороною обвинительнаго акта, вопросовъ, могутъ быть новыя доказательства. Эти доказательства должны быть *фактическія,* т. е. опираться на обстоятельства дѣла, а не на соображенія; должны быть предъявлены на судебномъ слѣдствіи и провѣрены на судѣ. Притомъ основными доводами, коими оправдывается постановка дополнительныхъ вопросовъ, никогда не могутъ служить одни пренія, но непремѣнно и судебное слѣдствіе. Правительствующій Сенатъ въ рѣшенія 1867 года № 492 по дѣлу Тачкиной призналъ, что постановкою новаго дополнительнаго вопроса не нарушается 751 ст. Уст. угол. суд., если въ протоколѣ есть указаніе на предъявленіе на судебномъ слѣдствіи фактическихъ доказательствъ, вошедшихъ въ этотъ вопросъ; согласно рѣшенію 1868 года № 47 по дѣлу Юшкевичевыхъ, ходатайство о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ должно непремѣнно опираться на фактическіе признаки, выясненные на судебномъ слѣдствіи, а не на такіе, которые,—какъ сказано въ рѣшеніи 1870 г. № 634 по дѣлу Фролова—не были провѣрены на судѣ. Признаніе того, что пренія, сами по себѣ, не могутъ служить основаніемъ для постановки дополнительныхъ вопросовъ, является неизбѣжнымъ уже потому, что при правильно веденномъ судебномъ слѣдствіи недопустимо упоминаніе въ преніяхъ о томъ, что не было провѣрено на судебномъ слѣдствіи. Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи за 1874 годъ № 534 по дѣлу Некрасова, указалъ, что въ требованіи о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ по какому либо обстоятельству только потому, что стороны упоминали о немъ въ преніяхъ, не подтверждая его доводами, почерпнутыми изъ судебнаго слѣдствія, должно быть отказано. Поэтому слѣдуетъ признать, что если извѣстныя обстоятельства, сами по себѣ не без-

различныя съ точки зрѣнія карательнаго закона, были предметомъ судебнаго слѣдствія, то они могутъ быть и источникомъ дополнительныхъ вопросовъ.

Обращаясь къ *содержанію* этихъ вопросовъ, необходимо замѣтить, что, во всякомъ случаѣ, вопросы должны заключать въ себѣ указаніе на преступленіе, хотя Правительствующій Сенатъ шелъ въ этомъ отношеніи, въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ, и дальше, а именно допускалъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ постановку вопросовъ по обстоятельствамъ, не содержащимъ въ себѣ признаковъ преступленія, именно тогда, когда преступный характеръ сихъ обстоятельствъ обусловливался отвѣтами на другіе вопросы (1871 г. № 1200 по дѣлу Ильнискаго и 1875 г. № 29 по дѣлу Колосова) и обязывалъ судъ дополнять выводы обвинительнаго акта постановкою такихъ вопросовъ, которые содержали бы въ себѣ указанія на пропущенные въ этомъ актѣ признаки преступленія (1871 г. № 1061 по дѣлу Филиппова). Если такимъ образомъ кассаціоннымъ судомъ допущена постановка вопросовъ о существенныхъ признакахъ дѣянія, не указанныхъ въ обвинительномъ актѣ и самихъ по себѣ могущихъ не имѣть въ отдѣльности преступнаго характера, то тѣмъ болѣе обязательна для суда постановка вопросовъ о фактическихъ данныхъ, *имѣющихъ преступный характеръ*, если только по источнику своему они имѣютъ указанное законное происхожденіе, т. е. вытекаютъ изъ судебнаго слѣдствія.

Переходя къ *значенію* дополнительныхъ вопросовъ, нельзя не замѣтить, что даже и постановка вопросовъ, коими устанавливается новое, не предусмотрѣнное въ актѣ, отягощающее вину обстоятельство, не измѣняющее, однако, сущности преступленія, а лишь опредѣляющее его характеръ, не подходитъ подъ запрещеніе, сдѣланное въ ст. 752, относительно вопросовъ о не предусмотрѣнныхъ актомъ дѣяніяхъ, подвергающихъ подсудимаго болѣе строгому наказанію. Такъ Правительствующій Сенатъ, въ извѣстномъ рѣшеніи 1870 г. по дѣлу объ убійствѣ австрійскаго военнаго агента Аренберга и въ рѣшеніи 1872 года по дѣлу Хромова, объяснилъ, что вопросы о новыхъ обстоятельствахъ, хотя бы и увеличивающихъ вину, но не измѣняющихъ ни рода, ни вида, ни свойства преступленія, не предусмотрѣны 752 ст. Въ рѣшеніяхъ, разъясняющихъ примѣненіе этой статьи, Сенатомъ, между прочимъ, указано, что въ каждомъ случаѣ существеннаго измѣненія обвиненія, суду предоставляется обсудить, возможно ли, не стѣсняя средствъ обвиненія и защиты, постановить рѣшеніе безъ дополнительнаго предварительнаго слѣдствія, а съ простымъ предупрежденіемъ подсудимаго о томъ, что онъ можетъ просить о пріостановленіи засѣданія по 734 ст. Уст. угол. суд. для того, чтобы приготовиться, возражать противъ новаго доказательства, при чемъ, какъ указано въ рѣшеніи Сената по дѣлу Плеханова 1867 г. № 374, отсутствіе занесенія въ протоколъ положительнаго требованія защиты объ отсрочкѣ за-

сѣданія, лишаетъ подсудимаго права жаловаться на постановку противъ него вопроса съ болѣе важнымъ обвиненіемъ. Очевидно поэтому, что если преступное дѣяніе, раскрытое судебнымъ слѣдствіемъ, *однородно,—равнозначуще* по сопровождающему его наказанію и *одинаково* по способу совершенія съ тѣмъ, о которомъ говорится въ обвинительномъ актѣ, то о примѣненіи ст. 752 не можетъ быть рѣчи и дополнительный вопросъ можетъ быть поставленъ въ приведенныхъ выше условіяхъ источника и содержанія, безъ нарушенія правъ подсудимаго. Такимъ образомъ, требованіе сторонъ о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ по обстоятельствамъ, бывшимъ предметомъ судебнаго слѣдствія и преній и не влекущимъ за собою усиленія наказанія, при чемъ они относятся къ одному и тому же роду преступныхъ дѣяній и совершаются одинаковымъ способомъ—есть требованіе законное.

Поэтому, переходя къ *условіямъ* постановки такихъ вопросовъ, необходимо признать, что отказъ суда можетъ быть основанъ на томъ, что обстоятельства, о которыхъ ставится вопросъ, совершенно безразличны въ уголовномъ отношеніи или соотвѣтствуютъ болѣе тяжкому, по роду наказанія, преступленію,—или же, наконецъ, не были предметомъ судебнаго слѣдствія. При отсутствіи такихъ указаній, или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, отказъ суда представляется неправильнымъ.

Изъ протокола судебнаго засѣданія, по дѣлу Акимова, усматривается, что гражданскій истецъ и обвинители ходатайствовали о постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ о фактѣ и о виновности Акимова въ отпускѣ повѣренному Бродскаго товара на 44,000 р., послѣ прекращенія Акимовымъ платежей, по фактурѣ, умышленно помѣченной заднимъ числомъ, съ цѣлью сокрытія имущества во вредъ кредиторамъ, а также—объ отправкѣ Пейсахомъ Ковалевскимъ товара Акимова въ Кременчугъ съ тою же цѣлью. Изъ того же протокола видно, что въ засѣданіи 30-го января допрошены свидѣтели и подсудимый Акимовъ по первому изъ этихъ дѣяній, а равно также изслѣдовалось и второе. Отказъ суда въ постановкѣ вопросовъ основывается на томъ, что въ судебныхъ преніяхъ эти обстоятельства приводились лишь какъ улики, что по нимъ не было заявлено категорическаго обвиненія, что ими не замѣнялись выводы обвинительнаго акта, и что постановка сихъ вопросовъ нарушила бы интересы подсудимыхъ. Оставляя безъ обсужденія указаніе на отсутствіе измѣненія выводовъ обвинительнаго акта, какъ могущее служить лишь основаніемъ для постановки дополнительныхъ вопросовъ, я полагаю, что и три остальныя основанія не могутъ быть признаны заслуживающими уваженія. Признаніе отсутствія категорическаго обвиненія должно быть связано съ признаніемъ ясно выраженнаго нежеланія прокуратуры поддерживать обвиненіе по преступнымъ фактамъ, указаннымъ въ обвинительной рѣчи. Если преступное дѣяніе подсудимаго было изслѣдовано на

судебномъ слѣдствіи и доказываемо въ рѣчи, то едва ли можетъ возникать вопросъ объ отсутствіи категорическаго обвиненія, такъ какъ о заключеніи рѣчи обвинителя непремѣннымъ указаніемъ на то, въ какомъ именно дѣяніи, обозначенномъ *словами закона,* обвиняетъ онъ подсудимаго, никакими правилами не постановлено. Для обвинительной рѣчи не представляется возможнымъ устанавливать какую либо опредѣленную форму. Рѣчь обвинителя можетъ содержать въ себѣ подробное изложеніе доказательствъ преступности дѣянія подсудимаго и обрываться по окончаніи этого изложенія безъ заключительной формулы, — это будетъ, такъ сказать, эпическій характеръ рѣчи, каковымъ, между прочимъ, отличались рѣчи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ обвинителей. Иной обвинитель можетъ придавать заключенію своей рѣчи характеръ, если можно такъ выразиться, дидактическій, и заключать обвиненіе указаніемъ на родъ и свойство преступленія въ общей картинѣ болѣзненныхъ явленій общественной жизни. Наконецъ, прокуроръ можетъ придавать своей рѣчи наиболѣе легкій для обвинителя харектеръ словообильнаго обвинительнаго акта, или словесной докладной записки о преступленіи. Если нельзя и не желательно обязывать дѣйствующую на судѣ сторону говорить по одному шаблону и втискивать живое содержаніе обвиненія въ канцелярскія рамки предустановленныхъ формъ, то нельзя и говорить объ отсутствіи категорическаго обвиненія тамъ, гдѣ обвинитель разработывалъ доказательства виновности на судѣ, группировалъ и оцѣнивалъ ихъ въ своей рѣчи и требовалъ по нимъ постановки особаго вопроса. Все то, что имѣетъ своимъ предметомъ преступленіе и вошло въ обвинительную рѣчь, имѣетъ своею цѣлью и обвиненіе—развѣ бы прокуроръ выразилъ нежеланіе поддерживать это обвиненіе указаннымъ въ ст. 740 способомъ.

Еще менѣе можно согласиться съ опредѣленіемъ въ томъ, что обстоятельства, указанныя обвинителемъ, представляли собою лишь улики, но не самостоятельное обвиненіе. Улики—это обстоятельства, которыя лишь въ извѣстной совокупности, связанныя между собою цѣпью умозаключеній и логикою фактовъ, могутъ составить доказательство. Это отдѣльные кусочки, разноцвѣтные камушки, сами по себѣ не имѣющіе ни цѣнности, ни значенія, и только въ рукахъ опытнаго и добросовѣстнаго мастера, связанные крѣпкимъ цементомъ мышленія, образующіе болѣе или менѣе цѣнную картину. Поэтому, обстоятельства сами по себѣ представляющія законченную картину преступнаго дѣянія, со всѣми его законными признаками, не могутъ считаться простыми уликами, а освѣщая собою характеръ дѣятельности подсудимаго и по другимъ однороднымъ преступленіямъ, являются въ то же время основаніемъ для самостоятельнаго обвиненія. Поэтому сокрытіе товара отъ кредиторовъ путемъ передачи его въ чужія руки и по положеной фактурѣ въ видахъ и устройства злостной несостоятельности, не можетъ считаться простыми уликами,

а есть самостоятельное преступленіе. Статья 1862 Уст. торг. говоритъ, что несостоятельность есть подложная и называется злонамѣреннымъ банкротствомъ, когда неоплатность соединена съ умысломъ и подлогами, при чемъ въ ст. 1166 Уложенія указывается, что злостнымъ должникомъ, признается тотъ, кто съ умысломъ, во избѣжаніе платежа долговъ, переукрѣпитъ свое имѣніе или передастъ его безденежно въ другія руки, или подставитъ ложныхъ заимодавцевъ, или инымъ образомъ скроетъ свое имѣніе. Тѣмъ самымъ намѣчены различные способы совершенія одного и того же предумышленнаго и строго обдуманнаго преступленія, колеблющаго торговый кредитъ,—съ которымъ государство должно бороться и въ интересахъ потерпѣвшихъ, и въ интересахъ экономическаго быта страны. Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе одно и тоже, то и нѣтъ никакого основанія отказывать въ постановкѣ вопроса о совершеніи злостнаго банкротства однимъ изъ этихъ способовъ, хотя бы таковой и не предусматривался наравнѣ съ другими въ обвинительномъ актѣ. Уложеніе о наказаніяхъ знаетъ цѣлый рядъ преступленій, по которымъ возможна такая постановка дополнительныхъ вопросовъ, въ случаѣ если на судебномъ слѣдствіи обнаружится совершеніе преступленія, за которое подсудимый преданъ суду, но совершеніе не тѣмъ способомъ, который указанъ въ обвинительномъ актѣ. Такъ, при преданіи суду по 264 ст. за вооруженное сопротивленіе безъ насилія возможна постановка дополнительнаго вопроса о сопротивленіи съ насиліемъ, но безъ оружія; по ст. 1405 и 1406 Улож. возможна постановка вопроса о порчѣ или подчисткѣ и переправкѣ акта состоянія по отношенію къ подсудимому, который обвиняется въ похищеніи подлиннаго или составленіи подложнаго акта о состояніи. Въ области торговыхъ преступленій по 1174 ст. вполнѣ правильна будетъ постановка дополнительнаго вопроса о несоблюденіи установленныхъ для веденія торговыхъ книгъ правилъ или о несохраненіи нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ въ цѣлости, по отношенію къ купцу, который преданъ суду за веденіе торговыхъ книгъ съ помарками и приписками. А по 1640 и 1645 ст. Улож., предусматривающимъ грабежъ и кражу во время пожара или наводненія, вполнѣ возможенъ дополнительный вопросъ объ обнаруженной на судебномъ слѣдствіи кражѣ или грабежѣ, совершенныхъ во время другого несчастнаго случая, послѣдовавшаго уже послѣ прекращенія пожара или наводненія, которые упомянуты въ обвинительномъ актѣ. Такимъ образомъ, судъ не имѣетъ права отказывать въ постановкѣ, по обстоятельствамъ судебнаго слѣдствія, дополнительнаго вопроса о томъ, не виновенъ ли подсудимый, преданный суду за кражу во время пожара, въ томъ, что совершилъ это преступленіе уже послѣ пожара въ неподвергшемся пожару помѣщеніи, гдѣ умиралъ человѣкъ, обожженный на этомъ пожарѣ,—или въ томъ, что по прекращеніи наводненія совершилъ

кражу въ домѣ, куда былъ перенесенъ трупъ утонувшаго при этомъ наводненіи, пользуясь отчаяніемъ и растерянностью семьи.

Есть, наконецъ, преступленія, въ которыя другія самостоятельныя преступленія входятъ какъ составныя части, или какъ руководящее побужденіе. И тутъ нѣтъ основанія отказать представителю обвиненія въ постановкѣ самостоятельнаго дополнительнаго вопроса: не виновенъ ли подсудимый въ дѣяніи, составляющемъ эту часть преступленія, или служащемъ источникомъ этого побужденія. Такъ, при обвиненіи въ убійствѣ по ст. 1459 Уложенія, нельзя отказать въ постановкѣ вопроса о насильственныхъ дѣйствіяхъ, въ связи съ которыми находится это убійство, и по дѣлу о грабителѣ лишившемъ жизни преслѣдовавшаго его ограбленнаго, кромѣ вопроса объ убійствѣ, можетъ быть поставленъ и дополнительный вопросъ о грабежѣ.

Въ практикѣ Петербургскаго Окружного Суда было громкое въ свое время дѣло француженки-гувернантки, обвинявшейся въ отравленіи своего воспитанника, вслѣдствіе ревности, вызванной, по мнѣнію обвинительной власти, предшествовавшею ея съ нимъ половою связью, т. е. дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ 993 ст. Улож. По обвинительному акту былъ поставленъ лишь вопросъ объ убійствѣ, но судъ, безъ сомнѣнія, не могъ бы отказать обвинителю въ постановкѣ вопроса объ умышленномъ развращеніи нравственности ввѣреннаго попеченію подсудимой отрока.

Поэтому отказъ Полтавскаго Окружного Суда въ постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ, указывавшихъ на преступленіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что это преступленіе приводится лишь какъ улика, представляется вполнѣ неправильнымъ. Наконецъ, въ виду того, что о дѣйствіяхъ Акимова съ товаромъ на 44,000 руб. и Пейсаха Ковалевскаго съ товарами Акимова—излагалось на судебномъ слѣдствіи, нельзя говорить о нарушеніи правъ защиты отсутствіемъ возможности приготовиться къ новому доказательству, ибо отъ защиты всегда зависѣло по 734 ст. Уст. угол. суд. потребовать пріостановки засѣданія,—что, впрочемъ, не было бы для суда обязательнымъ, если бы онъ признавалъ, что провѣрка такого доказательства возможна—какъ то объяснилъ Правительствующій Сенатъ, по дѣлу Мѣшкова 1871 года № 1266—и въ предѣлахъ текущаго судебнаго слѣдствія. Нельзя основывать право стороны на неисполненіи ею своихъ обязанностей,—и если защита не опровергала своевременно обстоятельства о сокрытіи Акимовымъ товара на 44,000 р. и о сокрытіи П. Ковалевскимъ товара Акимова или не требовала пріостановки засѣданія, то неисполненіемъ, въ этомъ отношеніи, своей обязанности, она не пріобрѣтала никакихъ правъ въ ущербъ интересамъ обвиненія. Если же защита исполнила эту свою обязанность и, разбивая выставленныя на судебномъ слѣдствіи доказательства, боролась противъ выводовъ ихъ

и въ преніяхъ, то въ законныхъ интересахъ ея по отношенію невиновности подсудимаго въ сущности безразлично, войдутъ ли эти обстоятельства въ матеріалъ для сужденія о виновности подсудимаго какъ улики, или будутъ выставлены какъ самостоятельное преступленіе. Поэтому необходимо признать, что отказомъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса объ Акимовѣ существеннымъ образомъ нарушены интересы гражданскаго истца.

Обращаясь къ указаніямъ жалобщика на нарушенія, допущенныя предсѣдателемъ *въ руководящемъ напутствіи* присяжныхъ, я нахожу, что въ протоколѣ судебнаго засѣданія записано, что по произнесеніи предсѣдательствующимъ своего напутствія, согласно 801—806 ст. Уст. угол. суд., обвинительною стороною было, между прочимъ, предъявлено ходатайство о занесеніи въ протоколъ изъ рѣчи предсѣдателя указанія на то, что Акимовъ отрицаетъ фиктивность договоровъ съ Дмитряномъ, объясняя, что былъ вынужденъ ихъ дать для обезпеченія долга и что Титъ и Петръ Ковалевы отрицаютъ полученіе 69 мѣстъ мануфактурнаго товара, говоря, что онъ пересылался въ Бѣлую-Церковь и Черкасы. Эти указанія предсѣдателя, по мнѣнію гражданскаго истца, не соотвѣтствуютъ заявленіямъ, сдѣланнымъ на судѣ Акимовымъ и Ковалевыми, ибо по просьбѣ гражданскаго истца въ протоколъ засѣданія занесено, что Акимовъ сознался въ томъ, что продажа движимаго имущества въ арендуемомъ имъ имѣніи на 120,000 руб. и отдача этого имѣнія, въ количествѣ 5,000 десятинъ, въ аренду Дмитряну, есть фикція, такъ какъ на самомъ дѣлѣ имущества Дмитряну онъ не продавалъ и аренды не передавалъ, а сдѣлалъ это лишь въ обезпеченіе части стараго долга и новаго займа. Вмѣстѣ съ симъ въ тотъ же протоколъ занесено, что Ковалевы сознались въ полученіи магазиновъ съ товарами отъ Акимова и двухъ партій товара въ 69 и 65 мѣстъ,— хотя этотъ товаръ и продавали на уплату кредиторамъ, безденежно, передавъ часть его Брауну. Такимъ образомъ, между объясненіями предсѣдателя и записанными въ протоколъ показаніями обвиняемыхъ усматривается существенная разница. Эта разница, однако, отрицается въ постановленіи Окружного Суда по замѣчаніямъ на протоколъ, при чемъ записанное въ протоколъ сознаніе Ковалевыхъ излагается въ другой редакціи, чѣмъ та, въ которой оно занесено въ протоколъ и удостовѣряется, что объ Акимовѣ предсѣдатель говорилъ согласно съ его подробнымъ объясненіемъ. Отсюда возникаетъ вопросъ о значеніи, какое можетъ имѣть занесеніе въ протоколъ *во время судебнаго слѣдствія* и тотчасъ *послѣ произнесенія напутствія*, въ сравненіи съ *заключеніемъ суда* на замѣчанія на протоколъ. Правительствующій Сенатъ, по дѣлу Мироновича, № 5 за 1885 годъ, категорически разъяснилъ, что сторона, не озаботившаяся о своевременномъ внесеніи въ протоколъ того, что происходило на судѣ и тѣхъ объясненій предсѣдателя, которыя, по мнѣнію ея, неправильны, не имѣетъ основанія указывать на

нихъ въ замѣчаніяхъ на протоколъ и лишается права основывать на этихъ замѣчаніяхъ свое домогательство объ отмѣнѣ приговора. Только *своевременное* указаніе на нарушеніе въ то время, когда все происшедшее еще живо и свѣжо въ памяти и въ представленіи всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, можетъ возстановить для кассаціоннаго суда дѣйствительно происшедшее въ засѣданіи и дать ему возможность основать на этомъ свое рѣшеніе. Поэтому Сенатъ нашелъ всѣ заявленія о нарушеніяхъ при судебномъ разбирательствѣ, указанныя *впервые въ замѣчаніяхъ* на протоколъ, не удостовѣренными своевременно и лишенными законной силы по своему запоздалому появленію.

Справедливость, однако, требуетъ, чтобы этотъ взглядъ Правительствующаго Сената былъ въ равной мѣрѣ распространенъ и на судъ, удостовѣряющій или опровергающій то или другое обстоятельство, занесенное въ протоколъ. Въ случаяхъ заявленій сторонъ о какихъ либо нарушеніяхъ во время самого хода судебнаго слѣдствія, или, какъ того требуетъ Сенатъ, немедленно послѣ удаленія присяжныхъ въ комнату совѣщанія по выслушаніи руководящаго напутствія, суду вмѣняется въ обязанность удостовѣрить дѣйствительно совершившееся занесеніемъ въ протоколъ судебнаго засѣданія. Это удостовѣреніе, это закрѣпленіе происшедшаго не можетъ и не должно происходить механически, въ редакціи, предложенной стороною и согласно съ ея требованіями, а должно соотвѣтствовать дѣйствительности. Поэтому судъ можетъ возстановить постановленіемъ своимъ, такъ сказать по свѣжимъ слѣдамъ, то, что произошло въ дѣйствительности, занести о томъ въ протоколъ, помѣстивъ и признаніе имъ несогласными съ дѣйствительностью требованія стороны. Помѣщеніе же этого требованія безъ всякаго исправленія и выясненія его постановленіемъ суда, есть признаніе этого требованія справедливымъ и согласующимся съ дѣйствительностію.

Точно также долженъ дѣйствовать судъ и по отношенію къ замѣчаніямъ сторонъ на упущенія и ошибки, допущенныя предсѣдателемъ въ руководящемъ напутствіи. Если законъ, разъясненный Правительствующимъ Сенатомъ, требуетъ, чтобы эти ошибки и упущенія были указаны сторонами немедленно, то точно также необходимо требовать, чтобы и провѣрка этихъ заявленій и возстановленіе истиннаго смысла сдѣланныхъ въ нихъ указаній совершались немедленно. Только такимъ образомъ неправильное требованіе стороны можетъ, въ гласной обстановкѣ публичнаго засѣданія, быть пересѣчено въ самомъ своемъ источникѣ; только такимъ образомъ путемъ совѣщанія судей и—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—спросомъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ можетъ быть съ точностью установлено дѣйствительно ли, по усталости, забывчивости или по сложности обстоятельствъ дѣла, предсѣдателемъ упущено, или невѣрно изложено какое-либо обстоятельство, или же заявленіе сто-

роны объ этомъ есть заявленіе праздное и лживое. Только такимъ путемъ предсѣдатель будетъ поставленъ въ возможность, признавъ справедливость сдѣланныхъ замѣчаній, вернуть присяжныхъ засѣдателей для исправленія допущеннаго имъ упущенія. Занесеніе же въ протоколъ безъ критики и безъ оговорокъ того, что требуютъ стороны, равносильно удостовѣренію, что это въ дѣйствительности признано, а. опроверженіе правильности записаннаго въ протоколъ, по требованію стороны, по прошествіи одной или двухъ недѣль, при обсужденіи замѣчаній на протоколъ, является запоздалымъ и, согласно со смысломъ и цѣлью рѣшенія по дѣлу Мироновича, не можетъ быть признано имѣющимъ какую либо цѣну въ глазахъ кассаціоннаго суда. Правительствующій Сенатъ всегда былъ и нынѣ остается далекъ отъ недовѣрія къ удостовѣренію суда, но онъ не можетъ не требовать, чтобы удостовѣреніе суда дѣлалось *своевременно* и въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ дѣлаются замѣчанія сторонъ о нарушеніяхъ во время хода засѣданія. Поэтому *всякое отступленіе отъ своевременной провѣрки и опроверженія заявленія стороны, занесеннаго въ протоколъ, должно быть признано безусловно и безповоротно лишающимъ судъ права опровергать это заявленіе впослѣдствіи.*

Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу и считая возможнымъ обсуждать указанныя гражданскимъ истцомъ неточности, допущенныя въ руководящемъ напутствіи исключительно въ предѣлахъ этихъ соображеній, я нахожу, что обязанность предсѣдателя, согласно 1 п. 801 и 802 ст. Уст. угол. суд., напоминать присяжнымъ существенныя обстоятельства дѣла и возстановлять неправильно изложенныя сторонами обстоятельства имѣетъ огромное значеніе именно въ сложныхъ, длящихся нѣсколько дней дѣлахъ, гдѣ изъ пестраго и мелочнаго матеріала судебнаго слѣдствія постоянно слагается зданіе, истинные размѣры и конструкцію котораго должно опредѣлять руководящее напутствіе. Нерѣдко усталость и часто односторонность дѣятельности вызываютъ у стороны естественную забывчивость или ложный взглядъ на обстоятельства дѣла. Спокойный авторитетъ предсѣдателя, держащаго въ рукахъ руководящія нити для разрѣшенія постановленныхъ судомъ вопросовъ, несомнѣнно долженъ давать присяжнымъ засѣдателямъ способъ вновь, вкратцѣ и въ сжатыхъ чертахъ, провѣрить все существенно относящееся къ винѣ или невиновности подсудимаго. Именно въ изложеніи объясненій подсудимаго необходима особенная точность и осмотрительность со стороны предсѣдателя, потому что эти объясненія весьма часто идутъ совершенно въ разрѣзъ съ обвинительнымъ актомъ и съ тѣми признаніями, которыя были сдѣланы имъ на предварительномъ слѣдствіи. Сложность и долговременное разбирательство дѣла дѣлаютъ, однако, *теоретическую требовательность* въ этомъ отношеніи невозможною и всякій, кто былъ предсѣдателетъ на судѣ съ присяжными, знаетъ какое напряженіе

нервовъ и какое утомленіе испытываетъ руководитель дѣла въ обширныхъ и сложныхъ процессахъ, почему упущенія и неточности съ его стороны вполнѣ возможны. Но если *теоретическая требовательность* непогрѣшимости со стороны предсѣдателя и не имѣетъ мѣста, то съ другой стороны къ предсѣдателю можно всегда предъявлять *практическое требованіе* о своевременномъ исправленіи имъ указанныхъ ему ошибокъ и упущеній путемъ возвращенія присяжныхъ засѣдателей. Тамъ, гдѣ указанія на такія ошибки, въ связи съ занесенными въ протоколъ показаніями, сдѣланы своевременно и оставлены судомъ безъ опроверженія и гдѣ предсѣдателемъ не исполнено указанное практическое требованіе, тамъ есть наличность существеннаго нарушенія 801 и 802 ст. Уст. угол. суд. Въ данномъ же случаѣ эти нарушенія еще подтверждаются и тѣмъ, что судъ въ своихъ заключеніяхъ по замѣчаніямъ на протоколъ указываетъ, что «во все время производства по дѣлу Акимова всѣ обстоятельства записывались и записаны въ протоколъ правильно и своевременно, по требованіямъ сторонъ и по постановленіямъ суда, и все записанное происходило такъ, какъ это въ дѣйствительности было на судѣ».

Обращаясь къ указанію кассаціонной жалобы на заявленіе предсѣдателя по дѣлу Акимова присяжнымъ, въ коемъ онъ объяснилъ, что они не могутъ отвергнуть въ предложенныхъ вопросахъ и фактахъ цѣли договора, т. е. сокрытія имущества во вредъ дѣйствительнымъ кредиторамъ, такъ какъ тогда въ вопросѣ не будетъ признаковъ состава преступленія, я нахожу это указаніе не содержащимъ въ себѣ данныхъ для того, чтобы видѣть въ словахъ предсѣдателя нарушеніе. Въ сущности онъ былъ правъ, ибо по 1166 ст. Улож. о наказ. *цѣль* причиненія вреда заимодавцамъ, достигаемая разными способами, необходима для состава преступленія, предусмотрѣннаго этою статьею. Нельзя, однако, не пожалѣть, что объясненіе это дано столь кратко и что присяжнымъ не было точнѣе объяснено отсутствіе какихъ именно элементовъ судимаго дѣянія и при какихъ условіяхъ лишаетъ это дѣяніе преступнаго характера.

Перехожу, наконецъ, къ *гражданскому иску*. Самымъ важнымъ изъ вопросовъ, возбужденныхъ кассаціонною жалобою является, безспорно, вопросъ объ отказѣ въ присужденіи гражданскаго иска по признаннымъ присяжными засѣдателями фактическимъ обстоятельствамъ, представляющимъ собою разные виды осуществленія злостнаго банкротства, не вмѣненнаго, однако, подсудимымъ въ вину. Вопросъ этотъ важенъ потому, что касается одной изъ наиболѣе спорныхъ и наименѣе разработанныхъ частей нашего уголовнаго процесса. Участіе гражданскаго истца въ уголовномъ дѣлѣ давно уже останавливало на себѣ вниманіе Правительствующаго Сената, который, путемъ послѣдовательныхъ рѣшеній, постепенно выяснилъ—кто можетъ быть гражданскимъ истцомъ и въ какихъ пре-

дѣлахъ можетъ быть разсматриваемъ на судѣ уголовномъ искъ гражданскій. По отношенію къ лицу гражданскаго истца—во имя требованій справедливости и житейской правды—установлено весьма широкое понятіе о *потерпѣвшемъ,* подъ которое, между прочимъ, подошли не только ближайшіе нисходящіе, но и восходящіе родственники убитаго, изувѣченнаго или изнасилованной (рѣш. по дѣламъ Мироновича, нотаріуса Назарова и друг.), затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, оскорбленные, испытавшіе косвенные убытки и потери и, наконецъ, супруги, пострадавшіе вслѣдствіе лжесвидѣтельства по бракоразводному дѣлу. Наоборотъ—въ интересахъ цѣлостности уголовнаго производства — постановлены ограничительныя условія разсмотрѣнія гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ — и, въ рѣшеніи 1889 года по дѣлу Бачурина, отвергнута возможность регресса, встрѣчнаго иска и привлеченія третьихъ лицъ къ дѣлу. Нынѣ предстоитъ разрѣшить, наконецъ, и третій, окончательный вопросъ о гражданскомъ искѣ въ уголовномъ судѣ— вопросъ о существенныхъ условіяхъ *разрѣшенія* этого иска. Необходимо опредѣлительно и точно указать:—всегда ли требованіе гражданскаго истца, допущеннаго къ участію въ засѣданіи на судѣ уголовномъ—подлежатъ разрѣшенію этого суда? или же разрѣшеніе гражданскаго иска тѣсно связано съ вопросомъ о виновности подсудимаго и раздѣляетъ судьбу этого вопроса? Иными словами; можетъ ли уголовный судъ разрѣшать гражданскій искъ, если *событіе,* коимъ онъ вызванъ—признано, а *виновность* подсудимаго отвергнута?

Западно-европейское законодательство знаетъ двѣ системы постановки гражданскаго иска на судѣ уголовномъ — французскую и германскую. Онѣ существенно отличаются одна отъ другой. По Code d'instruction criminelle—гражданскій искъ предстоитъ предъ уголовнымъ судомъ и ждетъ своего разрѣшенія *по праву,* какъ равноправный обвиненію и идущій съ нимъ рядомъ. Въ нѣмецкомъ уголовномъ процессѣ — гражданскій искъ допускается *изъ милости,*—онъ терпимое зло, отъ котораго надо отдѣлаться при первой возможности. Будучи одною изъ движущихъ силъ французскаго уголовнаго процесса,—этотъ искъ является въ нѣмецкомъ процессѣ ненормальнымъ наростомъ, привѣскомъ, который желательно, если только есть какой нибудь поводъ—отрѣзать прочь, отбросить въ область суда гражданскаго посредствомъ такъ называемой Verweisung ad separatum. По силѣ 358, 359 и 366 ст. Code d'instruction criminelle, за непризнаніемъ въ дѣяніяхъ подсудимаго преступленія, въ нихъ остается еще *упущеніе,* за которое онъ отвѣтственъ въ гражданскомъ порядкѣ, но на судѣ уголовномъ. О такомъ вознагражденіи имѣетъ право ходатайствовать partie civile, заявившая о своемъ искѣ по ст. 57 avans la cloture des débats, несмотря на оправданіе подсудимаго. Наоборотъ—типическимъ выразителемъ господствовавшей въ германскомъ правѣ доктрины Adhaesionsprozess, Subsidiarpro-

zess—является § 444 обще-германскаго Устава уголовнаго судопроизводства, 1877 года, говорящій, между прочимъ, что «если подсудимый оправданъ, или производство прекращено, или дѣло окончено безъ приговора, то требованіе побочнымъ обвинителемъ присужденія денежнаго возмездія также считается оконченнымъ *безъ дальнѣйшаго рѣшенія»*. Составители нашихъ судебныхъ уставовъ, признавая, что во 2 части XV т. свода 1857 года не постановлено положительныхъ и ясныхъ правилъ ни о соединеніи гражданскаго иска съ уголовнымъ производствомъ, ни объ обращеніи его къ порядку гражданскому, взяли французское начало и въ ст. 6, 7, 301, 302 и 304 Уст. угол. суд. ввели точное понятіе о гражданскомъ истцѣ по уголовному дѣлу. Вмѣстѣ съ тѣмъ они указали въ соотвѣтствующихъ статьяхъ существенныя и независимыя отъ рода суда, свойства гражданскаго иска по отношенію къ обязанности истца доказать основанія и размѣръ иска (336 ст. Уст. гражд. суд. 302, 742, 743, 779, 785 и 821 ст. Уст. угол. суд.).

Съ введеніемъ гражданскаго истца въ уголовномъ дѣлѣ—самъ собою, въ силу условій уголовнаго процесса, создался и порядокъ разсмотрѣнія гражданскаго иска, совершенно отличный отъ такового же въ судѣ гражданскомъ. Достаточно указать, что судъ уголовный, разсматривая гражданскій искъ, не взыскиваетъ ни канцелярскихъ, ни судебныхъ пошлинъ; разрѣшеніе иска производится не по формальнымъ доказательствамъ, а по внутреннему убѣжденію, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вопроса о виновности, ибо отъ разрѣшенія этого послѣдняго зависитъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи гражданскаго истца; правила о доказательствахъ въ судѣ уголовномъ несравненно шире тѣхъ же въ судѣ гражданскомъ; права, предоставляемыя въ уголовномъ процессѣ гражданскому истцу по ст. 630 и 631 Уст. угол. суд., несравненно больше тѣхъ, которыми пользуется этотъ истецъ въ 409 и 411 ст. Уст. гражд. суд. по общимъ началамъ отсутствія предустановленныхъ доказательствъ въ судѣ уголовномъ. Достаточно припомнить права, принадлежащія гражданскому истцу не только на судѣ, но и на предварительномъ слѣдствіи и то, что уголовный судъ, при разрѣшеніи гражданскаго иска, не знаетъ исполнительнаго производства, а руководствуется лишь 785 ст. Уст. угол. суд. о разсчетѣ, обезпеченіе же иска по ст. 305 Уст. угол. суд. совершается внѣ состязательнаго порядка. Но, придерживаясь относительно допущенія гражданскаго иска французской системы, наши уставы не разработали ее въ подробностяхъ относительно случаевъ оправданія подсудимаго и не указали съ точностью — какой же судъ долженъ разрѣшить въ этомъ случаѣ гражданскій искъ. Отсюда явились противорѣчивыя рѣшенія Сената, указываемыя въ рѣчахъ сторонъ по настоящему дѣлу. — Поэтому практика не сказала по сему вопросу окончательнаго слова, тѣмъ болѣе, что и въ наукѣ до сихъ поръ существуютъ споры о значеніи и роли гражданскаго

иска въ уголовномъ процессѣ. Достаточно указать на сочиненіе профессора кіевскаго университета Тальберга о соединенномъ процессѣ и на возраженіе на его взгляды въ интереснѣйшей брошюрѣ профессора того же университета Цытовича «Кому и какъ судить гражданскій искъ», написанной по поводу сочиненія присяжнаго повѣреннаго Берлина о томъ же вопросѣ.

Ближайшее разсмотрѣніе и сопоставленіе ст. 29, 30 и 31 Уст. угол. суд. и ст. 7 Уст. гражд. суд. должно бы, казалось, приводить къ выводу, что въ случаѣ признанія подсудимаго невиновнымъ, во всѣхъ нихъ имѣется въ виду именно судъ *гражданскій*, а не *уголовный*. Когда гражданскія послѣдствія *дѣянія*, бывшаго предметомъ суда уголовнаго, разсматриваются судомъ гражданскимъ, говоритъ 30 ст., находящаяся въ полномъ соотвѣтствіи со ст. 29,— то окончательное рѣшеніе суда уголовнаго по вопросу о томъ, совершилось-ли событіе преступленія—обязательно для суда гражданскаго, при чемъ, какъ объясняетъ ст. 31 того же Устава, невмѣненіе подсудимому его дѣянія въ вину не устраняетъ гражданскаго иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ. Искъ этотъ предъявляется въ судѣ гражданскомъ, какъ видно изъ редакціи ст. 7 Уст. гражд. суд., которая опредѣлительно говоритъ, что хотя бы по приговору суда уголовнаго обвиняемый и не былъ признанъ виновнымъ—истецъ не лишается права на искъ въ *гражданскомъ судѣ*, если отъ дѣянія подсудимаго произошелъ для истца ущербъ или убытокъ. Ст. 27 первоначальнаго проекта Устан. угол. суд. излагала содержаніе этой статьи, а также 31 ст. Уст. угол. суд. еще болѣе ясно:—«гражданскій судъ можетъ присудить вознагражденіе *даже и въ томъ случаѣ*, когда дѣяніе, отъ котораго дѣйствительно послѣдовали вредъ и убытки, не вмѣнено въ вину подсудимаго». Очевидно, законъ, допуская признаніе событія преступленія, на ряду съ признаніемъ невиновности, предоставилъ право присужденія вознагражденія истцу исключительно суду гражданскому. Такому взгляду, повидимому, противорѣчитъ ст. 17 Уст. угол. суд., по силѣ которой, при прекращеніи судебнаго преслѣдованія вслѣдствіи одной изъ означенныхъ въ ст. 16 причинъ (въ сущности 1, 2 и 4 причины), начатые въ судахъ уголовныхъ гражданскіе иски разрѣшаются тѣми же уголовными судами. Но—противорѣчитъ—лишь повидимому, ибо ст. 31 предполагаетъ, что *нѣтъ* налицо виновнаго, ибо подсудимому дѣяніе его не вмѣнено въ вину, статья же 17 всегда предполагаетъ, что виновный *есть* или *былъ* и лишь время (давность), милосердіе Монарха (милостивый Манифестъ) или, наконецъ, окончаніе жизни обвиняемаго сдѣлали невозможнымъ приложеніе къ нему наказанія. Судъ уголовный не можетъ отказывать въ вознагражденіи потерпѣвшему, который иногда вмѣстѣ съ обвинительною властью собиралъ доказательства противъ обвиняемаго, только потому, что настала формальная причина, уничтожающая наказуемость, но не вмѣняемость и пре-

ступность. Существованіе ущерба, вреднаго дѣянія и виновника—налицо и оставленіе свободнымъ отъ суда далеко не то, что оправданіе по суду. Какъ примѣненіе, 31 ст. Уст. угол. суд. тѣсно связано съ разрѣшеніемъ одного или нѣсколькихъ изъ вопросовъ, указанныхъ въ ст. 30, такъ и правильное освѣщеніе обязанностей суда по гражданскому иску стоитъ въ зависимости отъ установленія твердыхъ правилъ о постановкѣ вопросовъ о событіи и о виновности. Покуда этихъ правилъ не было установлено и 754 ст. Уст. угол. суд. примѣнялась относительно раздѣленія и соединенія вопросовъ къ ней обозначенныхъ разнообразно, до тѣхъ поръ и въ кассаціонной практикѣ, по отношенію къ гражданскому иску, замѣчались колебанія и противорѣчія, примиряемыя лишь послѣ извѣстныхъ руководящихъ рѣшеній о 754 ст., послѣдовавшихъ въ 1884 году. Такъ, въ рѣшеніяхъ 1871 г., № 120, по дѣлу о пустошѣ Черноватой, 1875 г., № 608, о порубкѣ въ Куземкинской дачѣ и, въ особенности, въ рѣшеніи 1871 года, № 639, по дѣлу Перемежко-Галича—высказывается мысль, что и при признаніи подсудимаго невиновнымъ гражданскій искъ объ убыткахъ, причиненныхъ дѣяніемъ, не вмѣненнымъ ему въ вину, можетъ подлежать разрѣшенію суда уголовнаго. При допущеніи на практикѣ и въ толкованіи ст. 754 двухъ послѣдовательныхъ вопросовъ о томъ—«совершилъ ли» и «виновенъ ли»—и слѣдовательно при допущеніи утвердительнаго отвѣта на первый и отрицательнаго на второй вопросъ, взглядъ Сената находилъ себѣ объясненіе въ томъ, что предъ судомъ уголовнымъ было не только дѣяніе, причинившее ущербъ или вредъ, но и совершитель, т. е. причинившій этотъ вредъ отвѣтчикъ. Но уже и тогда возникало затрудненіе относительно суда, который долженъ разрѣшать гражданскій искъ, въ случаяхъ когда отрицательный отвѣтъ данъ на *коллективный* вопросъ о виновности, при чемъ неизвѣстно, *что именно* отвергли присяжные—виновность или событіе. Вслѣдствіе этого въ томъ же рѣшеніи о Перемежко-Галичѣ было указано, что при неизвѣстности, на какомъ основаніи подсудимый оправданъ, всегда есть возможность предположить, что основаніе это принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя выводятъ гражданскій искъ, присоединенный къ уголовному дѣлу, изъ вѣдомства уголовнаго суда, т. е. предположить, что присяжные не признали доказаннымъ или самаго дѣянія, указаннаго въ предположенномъ вопросѣ, или же того, что указанные имъ признаки преступленія были дѣломъ подсудимаго, хотя и не отвергали, что подсудимымъ совершено такое дѣяніе, которое, не будучи въ соотвѣтствіи съ уголовнымъ обвиненіемъ, тѣмъ не менѣе могло причинить вредъ и убытки (Зак. гражд. ст. 684). При возможности же сомнѣнія, какому суду—уголовному или гражданскому—принадлежитъ разрѣшеніе иска, предъявленнаго при производствѣ дѣла уголовнаго, сомнѣніе это должно быть толкуемо въ пользу общаго правила и порядка, т. е. въ пользу

суда гражданскаго, а не въ видахъ распространенія исключеній изъ него, которыя надлежитъ понимать всегда въ строго ограниченномъ смыслѣ.

Но постановка вопросовъ о «совершилъ ли» или «виновенъ ли», послѣдствіемъ которой былъ рядъ оправдательныхъ приговоровъ, постановленныхъ при отсутствіи законныхъ основаній невмѣненія и справедливо смущавшихъ общественную совѣсть своею непослѣдовательностью и произвольностью, вызвала коренной пересмотръ условій примѣненія ст. 754. И вотъ, прежде всего, въ рѣшеніи по д. Смирнова № 18 за 1877 г. Правительствующимъ Сенатомъ вмѣнено судамъ въ обязанность, по требованію гражданскаго истца, выдѣлять вопросъ о событіи преступленія изъ вопроса о виновности, хотя бы подсудимый не отрицалъ и даже признавалъ событіе совершившимся, но отвергалъ лишь свою виновность. Сенатъ призналъ, что интересъ гражданскаго истца на судѣ уголовномъ не всегда связанъ съ признаніемъ подсудимаго виновнымъ въ совершеніи преступленія, а зависитъ весьма часто отъ того только, призналъ ли судъ самое событіе преступленія совершившимся или нѣтъ. Въ подобнаго рода случаяхъ отказъ суда въ постановкѣ отдѣльнаго вопроса о событіи преступленія устраняетъ изъ приговора суда, безъ всякихъ слѣдовъ, обнаруженныя на судебномъ слѣдствіи обстоятельства относительно событія преступленія, которыя могли служить гражданскому истцу основаніемъ къ иску и удостовѣреніе коихъ судебнымъ приговоромъ было главнѣйшею цѣлью его участія въ процессѣ уголовномъ. Затѣмъ въ 1877 году, въ рѣшеніи по дѣлу московскаго коммерческаго банка, № 95, Правительствующій Сенатъ высказалъ, что уголовный судъ разрѣшаетъ гражданскіе иски *исключительно* при признаніи, что преступленіе *совершено* точно указаннымъ подсудимымъ, будетъ ли онъ признанъ виновнымъ, или же, дѣяніе его не будетъ вмѣнено ему въ вину.

Наконецъ извѣстными рѣшеніями по дѣламъ Свиридова и Мелницкихъ, въ 1884 году положенными «въ камень угла» постановки вопросовъ и имѣющими въ этомъ отношеніи не просто разъяснительный, но императивный характеръ—судамъ воспрещена постановка отдѣльно отъ вопроса виновности—такого вопроса о событіи преступленія, въ которомъ спрашивалось бы также и о совершителѣ этого преступленія. Судъ уполномоченъ, независимо отъ дополнительныхъ и побочныхъ вопросовъ, ставить, при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣненія лишь *два* вопроса—*безличный* «было-ли»? «доказано-ли»?—и *личный* «виновенъ-ли»?,—а въ случаѣ наличности причинъ невмѣненія—*три*—«доказано-ли»? «совершилъ-ли»? и «виновенъ-ли»? (т. е. «вмѣняемъ-ли?»). Поэтому въ случаяхъ правильной постановки *двухъ* указанныхъ вопросовъ—о событіи и о виновности—нынѣ невозможенъ отвѣтъ присяжныхъ, коимъ, при непризнаніи виновности, указывалось бы не только на то, что произошло событіе, могущее причинить или причинив-

шее матеріальный вредъ потерпѣвшему, но и указывался бы гражданскій *отвѣтчикъ* за этотъ вредъ.—Этими рѣшеніями, подтвержденными и рѣшеніемъ по д. Кетхудова въ 1888 году—укрѣплены положенія, высказанныя, впрочемъ, еще въ 1868 и 1871 годахъ по дѣлу Мясникова, № 120, и по дѣлу Ачкасова, № 955, и устранена, по моему мнѣнію, навсегда шаткость въ разрѣшеніи вопроса о гражданскомъ искѣ. Есть отвѣтъ на *оба* вопроса—о событіи и виновности — гражданскій искъ разрѣшаетъ судъ *уголовный*, съ примѣненіемъ, если нужно, 785 ст. Уст. угол. суд.—есть отвѣтъ лишь на *первый* вопросъ—гражданскій искъ подлежитъ разрѣшенію суда *гражданскаго*, для котораго, по силѣ 30 ст. Уст. угол. суд. признаніе уголовнымъ судомъ *событія* обязательно. Видѣть въ этомъ какое-либо умаленіе функцій суда уголовнаго или какое-либо съуженіе дѣятельности суда гражданскаго совершенно неосновательно. Судъ уголовный устроенъ для воздаянія кары преступнику. Онъ можетъ, при этомъ, обязать преступника вознаградить потерпѣвшаго. Но и приложить наказаніе и обязать вознаградить онъ имѣетъ право *только по отношенію къ преступнику*, а не всякому нарушителю чужихъ правъ или интересовъ. Иначе не зачѣмъ дѣлать различіе между судомъ гражданскимъ и уголовнымъ. Съ того момента, какъ произнесенъ оправдательный приговоръ, т. е. провозглашено, что обвиняемый не преступникъ — предъ судомъ уголовнымъ нѣтъ болѣе отвѣтственнаго лица и задача его кончена. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить чтобы судъ уголовный разрѣшалъ дѣло на основаніи безличнаго вопроса о событіи и установлялъ результаты гражданскаго правоотношенія, не допуская, въ то же время, ни встрѣчнаго иска, ни привлеченія, ни вступленія третьихъ лицъ,—ни замѣстительства отвѣтчика по 653 и 654 ст. 1 ч. X т. — Не даромъ же Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1877 года № 347 установилъ, что искъ о взысканіи съ родителей малолѣтняго убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ послѣдняго, можетъ быть предъявленъ въ *гражданскомъ* судѣ лишь по установленіи *событія* преступленія уголовнымъ судомъ. Поэтому здѣсь нѣтъ умаленія функцій уголовнаго суда, а лишь сохраненіе ихъ въ цѣлости и чистотѣ. Точно также нѣтъ и ограниченія дѣятельности суда гражданскаго тѣмъ, что для него обязательно признаніе судомъ уголовнымъ событія преступленія. Дѣятельность его вовсе не механическая — и необходимость опредѣленія отношеній къ этому событію истца и отвѣтчика, а также изслѣдованіе размѣра нарушенія и его матеріальныхъ результатовъ, оставляютъ обширное поле для самостоятельной и независимой работы суда гражданскаго. Притомъ—такая роль его относительно событія преступленія установлена самимъ закономъ, который предоставляетъ истцу *прямо* начинать дѣло въ судѣ гражданскомъ, вооружившись копіею приговора о событіи. Потерпѣвшій вовсе не обязанъ являться гражданскимъ

истцомъ въ уголовномъ дѣлѣ, особливо, гдѣ самое событіе преступленія представляется спорнымъ. Онъ можетъ выжидать исхода уголовнаго дѣла, гдѣ въ виду спорности вопроса о событіи, таковой будетъ поставленъ отдѣльно — и вооружившись утвердительнымъ отвѣтомъ на него—явится въ гражданскій судъ прямо, при чемъ для послѣдняго рѣшеніе о событіи будетъ, согласно 31 ст. Уст. угол. суд. и 7 ст. Уст. гражд. суд., обязательнымъ. Такъ напр., можетъ дѣйствовать страховое общество по дѣлу, гдѣ обвинительная власть утверждаетъ существованіе поджога, а обвиняемый не только отрицаетъ свою виновность въ поджогѣ, но и самое его существованіе, доказывая, что это пожаръ произошелъ отъ случайной или естественной причины.

Таковы соображенія въ пользу отрицательнаго разрѣшенія въ отношеніи неприсужденія Полтавскимъ Окружнымъ Судомъ гражданскаго иска, жалобы потерпѣвшихъ по дѣлу Акимова — и въ пользу признанія постановленія суда вполнѣ правильнымъ. Эти соображенія встрѣтили себѣ подтвержденіе въ рѣшеніи Сената по жалобѣ Кнопа на отказъ Московскаго Суда въ присужденіи ему 120,000 рублей съ Махровскаго и Панова, признанныхъ оправданными по дѣлу объ утайкѣ и о кражѣ постъ-пакета съ деньгами. Сенатъ нашелъ, что утвердительный отвѣтъ на вопросъ «было ли сданное Кнопомъ въ московскій почтамтъ письмо со вложеніемъ 180 облигацій — скрыто и по незнанію не отправлено?» давалъ Кнопу лишь право обратиться въ гражданскій судъ и освобождалъ судъ уголовный отъ разрѣшенія его исковыхъ требованій.

Нельзя считать такой постановки вопроса о разрѣшеніи гражданскаго иска идущею и въ разрѣзъ съ требованіями житейской правды. Эта правда взываетъ къ тому, чтобы пострадавшій отъ дѣйствій преступника не былъ вынужденъ обращаться съ сложному и стѣсненному формальностями гражданскому производству, а могъ бы присоединить свой голосъ къ доводамъ представителя обвинительной власти,—требуетъ, чтобы судъ, безъ дальнихъ проволочекъ, одновременно и въ одномъ актѣ правосудія удовлетворялъ и общество — карою виновнаго и пострадавшаго—возмѣщеніемъ его убытковъ,—требуетъ, чтобы государство не взыскивало судебныхъ пошлинъ и канцелярскихъ сборовъ съ человѣка и безъ того обиженнаго дѣяніемъ, преступно нарушающимъ условія правильнаго общежитія. Поэтому уголовный судъ и беретъ «безданно-безпошлинно» подъ свое покровительство потерпѣвшаго на все время покуда онъ имѣетъ дѣло съ преступникомъ и преслѣдуетъ цѣли уголовнаго правосудія.

Но если *наличность* преступника заставляетъ заботиться о законныхъ интересахъ потерпѣвшаго—истца, то *отсутствіе* преступника, придавая дѣлу чисто состязательный характеръ, вынуждаетъ подумать и объ отвѣтчикѣ, котораго было бы несправедливо

ставить въ такое положеніе, въ которомъ всѣ процессуальныя удобства на сторонѣ истца. Нѣтъ никакихъ основаній въ этомъ случаѣ лишать отвѣтчика двухъ инстанцій, возможности привлеченія третьихъ лицъ и права пользованія формальными доказательствами, а истца освобождать отъ судебныхъ расходовъ по производству дѣла. Истинная житейская правда состоитъ не въ чувствительномъ отношеніи къ положенію той или другой стороны въ спорѣ гражданскомъ, а въ отношеніи справедливомъ, т. е. равномѣрномъ и правомѣрномъ.

Оканчивая мое заключеніе, не могу не указать на то, что помимо приводимыхъ жалобщиками нарушеній, Полтавскимъ Судомъ по дѣлу Акимова, нарушены предписанія Сената о способѣ раздѣленія вопросовъ по 754 ст., преподанныя въ 1884 году, каковое нарушеніе уже неоднократно вызывало кассаціонный судъ, въ интересахъ жалующейся стороны и правильнаго отправленія правосудія, къ отмѣнѣ рѣшеній, хотя бы сторона своевременно на судѣ объ этомъ нарушеніи и не заявляла. Такъ въ вопросахъ 1 и 4 о доказанности безденежнаго совершенія договоровъ между повѣреннымъ Акимова Фонбергомъ и Дмитряномъ объ отчужденіи имущества на 120,000 руб. и о передачѣ аренды на 5,000 десятинъ и, въ вопросѣ 7 о передачѣ товара Акимова на 120,000 руб. купцу Зинделю Рѣзникову—тоже безденежно, — соединены вмѣстѣ вопросы о событіи и о содѣяніи опредѣленными обвиняемыми дѣйствій, вызвавшихъ это событіе, при чемъ далѣе, отдѣльно, поставлены вопросы о виновности этихъ же лицъ.

Поэтому и находя, что при производствѣ дѣла Акимова и его сообщниковъ по злостному банкротству—нарушены статьи 751 и 754, а также 801 и 802 Уст. угол. суд., я полагаю *отмѣнить* рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Полтавскаго Окружного Суда о *событіи преступленія* по вопросамъ 1, 4, 7 и 32 и о *виновности подсудимыхъ* по вопросамъ 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 33 и 34—относительно подсудимыхъ Акимова, Фонберга, Зинделя Рѣзникова, Тита Ковалева и Всеволожскаго, оставивъ въ остальномъ жалобу потерпѣвшихъ на рѣшеніе присяжныхъ и на приговоръ Суда по гражданскому иску безъ послѣдствій.

Резолюціею Правительствующаго Сената рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Полтавскаго Окружного Суда по дѣлу Акимова и его соучастниковъ, за нарушеніемъ 754, 801 и 802 ст. Уст. угол. суд. отмѣнены, съ передачею этого дѣла въ тотъ же Судъ для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усмотрѣвъ, что приговоръ по этому дѣлу не былъ своевременно опротестованъ прокурорскимъ надзоромъ, Правительствующій Сенатъ постановилъ сообщить о семъ г. Министру Юстиціи.

IX.

По дѣлу отставного поручика Вельяшева, обвиняемаго въ укрывательствѣ подлога векселей.

1889 года октября 26—29-го, Московскій Окружной Судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣлъ дѣло о потомственной дворянкѣ Екатеринѣ Олениной, бельгійскомъ подданномъ Северинѣ Коoненъ и отставномъ поручикѣ гвардіи Николаѣ Вельяшевѣ, обвиняемыхъ: 1-я—по 1160 ст., 2-й—по 13 и 1160 и 3-й—по 14 и 1160 ст. Улож. о наказ. На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей были предложены судомъ слѣдующіе пять вопросовъ: 1) Доказано-ли, что векселя на сумму 108,200 р. с., подписанные именемъ и фамилію Екатерины Олениной, какъ повѣренной мужа своего Ржевскаго помѣщика Григорія Оленина, на имя Бѣльскаго помѣщика отставнаго подпоручика Михаила Свистунова, на взысканіе денегъ по которымъ съ опеки умершаго Григорія Оленина выданъ исполнительный листъ Московскаго коммерческаго суда, составлены вымышленно въ 1884 г., по смерти его, Григорія Оленина, послѣдовавшей 22 апрѣля 1875 г,; 2) Если изложенное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновна-ли подсудимая, потомственная дворянка Екатерина Оленина въ томъ, что въ 1884 г. написала тексты указанныхъ векселей и подписала ихъ какъ-бы по довѣренности отъ мужа своего Григорія Оленина, завѣдомо для нея умершаго еще въ 1875 году? 3) Если изложенное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновенъ-ли подсудимый, Бельгійскій подданный Северинъ Коoненъ въ томъ, что, съ цѣлью дать возможность другому лицу составить указанные въ первомъ вопросѣ, завѣдомо для него, Коoнена, вымышленные векселя, пріобрѣлъ для сего вексельные бланки прежнихъ годовъ и передалъ ихъ означенному выше другому лицу, которымъ векселя тѣ и были въ дѣйствительности на означенныхъ бланкахъ написаны? 4) Если Коoненъ виновенъ, то содѣйствіе, оказанное имъ другому лицу къ написанію векселей, указанныхъ въ первомъ вопросѣ, было-ли необходимо для совершенія сего преступленія? и 5) Если изложенное въ первомъ вопросѣ доказано, то виновенъ-ли подсудимый, отставной гвардіи поручикъ Николай Вельяшевъ въ томъ, что, зная что указанные въ первомъ вопросѣ векселя составлены вымышленно,

по смерти Григорія Оленина, съ корыстною цѣлью, принялъ на себя ходатайство по исполнительному листу, коммерческаго суда на взысканіе денегъ по означеннымъ выше векселямъ, имѣвшее послѣдствіемъ своимъ продажу съ публичнаго торга сельца Талицы Ржевскаго уѣзда и другихъ имѣній, принадлежавшихъ покойному Григорію Оленину?—На эти вопросы присяжные засѣдатели отвѣтили: на 1-й—утвердительно, признавъ подложность каждаго изъ векселей доказанною, на 2-й и 3-й—отрицательно, 4-й, какъ условный оставленъ, безъ отвѣта и на 5-й—«да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». Сообразивъ изложенное рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей съ законами, Окружной Судъ, относительно обвиненія подсудимаго Вельяшева, нашелъ: 1) что преступное дѣяніе, въ совершеніи котораго признанъ виновнымъ подсудимый Вельяшевъ, оказывается, по признакамъ своимъ, укрывательствомъ завѣдомо подложно-составленныхъ векселей, предусмотрѣннымъ 14 и 1160 ст. Улож. о наказ.; 2) что виновные въ составленіи подложныхъ векселей подвергаются, на основаніи 1160 ст. Улож., наказанію по 2 степ. 20 ст., виновные же въ укрывательствѣ, на основаніи 124 и 121 ст. Улож., приговариваются къ наказанію, опредѣленному пособнику, въ преступленіи, содѣйствіе котораго не было необходимо для совершенія онаго, но лишь одною степенью ниже; 3) что, во вниманіе къ признанію Вельяшева присяжными засѣдателями заслуживающимъ снисхожденія и къ прежней его незапятнанной жизни, представляется справедливымъ понизить ему означенное выше наказаніе, на основаніи 828 ст. Уст. угол. суд., на двѣ степени, вслѣдствіе чего Вельяшевъ подлежитъ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье, въ виду состоянія, званія и степени образованія его, въ Томскую губернію.

На этотъ приговоръ Окружного Суда обвиняемымъ Вельяшевымъ была подана кассаціонная жалоба, въ коей онъ указывалъ на допущенныя, по мнѣнію его, судомъ существенныя нарушенія закона: 1) *Нарушеніе 265, 449, 575 и 576 ст. Уст. угол. суд.*, заключающееся въ нижеслѣдующемъ: поводами къ привлеченію его, Вельяшева, къ отвѣтственности были какъ заявленіе, поданное Олениной 1-го февраля 1888 г. прокурору Ржевскаго Окружного Суда, такъ и доставленныя симъ послѣднимъ прокурору Московской Судебной Палаты свѣдѣнія о томъ, что онъ Вельяшевъ, человѣкъ «съ грязнымъ прошлымъ, вполнѣ безнравственнымъ». Въ цѣляхъ опровергнуть взводимое на него, Вельяшева, обвиненіе, основывавшееся исключительно на степени довѣрія къ нравственнымъ качествамъ того или другого лица, онъ просилъ судебнаго слѣдователя допросить предсѣдателя Департамента С.-Петербургской Судебной Палаты Мальчевскаго, присяжнаго повѣреннаго Унковскаго, предсѣдателя С.-Петербургской Казенной Палаты Корсакова и другихъ лицъ, хорошо знавшихъ его личность, его прошлое и отношеніе его къ настоящему дѣлу, но судебный слѣдователь, постановленіемъ отъ 24-го декабря 1889 г., отказалъ въ допросѣ этихъ лицъ подъ предлогомъ, что слѣдствіе не имѣетъ въ виду разсмотрѣть вообще его, Вельяшева, адвокатскую дѣятельность. Затѣмъ, по поступленіи дѣла въ судъ онъ, Вельяшевъ, въ установленный 557 ст. Уст. угол. суд. срокъ, просилъ о вызовѣ тѣхъ же лицъ и, кромѣ того, прокурора Ржевскаго Окружного Суда—для выясненія даннаго имъ отзыва; но судъ постановленіемъ отъ 5-го сентября 1889 г. отказалъ въ его просьбѣ, находя, что показанія свидѣтелей этихъ «никакого значенія для дѣла не представляютъ». Въ новой просьбѣ его, Вельяшева, вызвать сказанныхъ свидѣтелей на его счетъ, судъ вновь отказалъ, предоставя ему право вызвать ихъ по добровольному соглашенію. Въ виду оффиціальнаго по-

ложенія нѣкоторыхъ свидѣтелей такое постановленіе суда являлось равносильнымъ полному отказу, такъ какъ свидѣтели эти безъ вызова ихъ повѣстками отъ суда не могли оставить службу по приглашенію частнаго человѣка, а потому онъ просилъ судъ, по крайней мѣрѣ, предсѣдателя Департамента С.-Петербургской Судебной Палаты Мальчевскаго допросить на мѣстѣ жительства, но и въ этомъ ему было отказано опредѣленіемъ суда отъ 14-го октября 1889 г. 2) *Нарушеніе 626 ст. Уст. угол. суд.*—отказомъ суда въ прочтеніи показанія свидѣтеля Корчица, вызваннаго судомъ и неявившагося, но имѣвшаго право не явиться въ силу 2 п. 642 ст. Уст. угол. суд. почему показаніе его подлежало въ силу 626 ст. Уст. угол. суд. и разъясненія рѣш. Угол. Кассац. Д-та 1875 г. № 410, прочтенію. 3) *Нарушеніе 760 ст. Уст. угол. суд.*—употребленіемъ въ вопросахъ 1 и 5-мъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, неточнаго и неопредѣленнаго выраженія «вымышленно» и кромѣ того, въ вопросѣ 5-мъ выраженія «ходатайство», представляющаго юридическое понятіе, которое не можетъ быть употреблено въ вопросахъ присяжнымъ засѣдателямъ. 4) *Нарушеніе 801 и 802 ст. Уст. угол. суд.*—неправильнымъ разъясненіемъ предсѣдательствующимъ присяжнымъ засѣдателямъ относительно того въ какомъ смыслѣ присяжные засѣдатели должны понимать указанный въ 5-мъ вопросѣ срокъ знанія имъ, Вельяшевымъ, о происхожденіи исполнительнаго листа; и 5) нарушеніе 1160 ст. Улож. о наказ.—неправильнымъ примѣненіемъ статьи этой къ даннымъ, установленнымъ отвѣтами присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ она предусматриваетъ спеціально преступленіе противъ вексельнаго права, онъ же, Вельяшевъ, производилъ взысканіе не по векселямъ, а по выданному уже коммерческимъ судомъ исполнительному листу.

Дѣло это слушалось въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *17-го апрѣля 1890 г.*

Не усматривая нарушенія 626 ст. Уст. угол. суд. и неправильности въ постановкѣ вопроса относительно прекращенія силы довѣренности, такъ какъ въ первомъ вопросѣ точно указано время смерти довѣрителя Олениной; съ котораго довѣренность, въ силу самаго закона, неизбѣжно прекращается, считаю возможнымъ прямо обратиться къ двумъ важнѣйшимъ въ дѣлѣ вопросамъ: о преступности дѣянія Вельяшева, признаннаго присяжными, и о нарушеніи правъ подсудимаго способомъ вывоза указанныхъ имъ свидѣтелей.

По *первому вопросу* не представляется возможнымъ согласиться со взглядомъ на чисто гражданскій характеръ дѣятельности подсудимаго въ томъ видѣ, какъ она установлена присяжными. Нельзя, конечно, требовать отъ повѣреннаго, чтобы онъ производилъ дознаніе объ источникѣ происхожденія судебнаго рѣшенія, которое онъ приводитъ въ исполненіе; сдѣлать такое дознаніе объ отсутствіи въ дѣлѣ лживыхъ свидѣтелей или подложныхъ доказательствъ повѣренный можетъ не имѣть никакой физической и нравственной возможности, и исполнительный листъ, выданный судомъ, является для него непререкаемымъ документомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что рѣшеніе, явившееся пло-

домъ переработки всѣхъ доказательствъ, не подлежитъ опорочиванію. Иначе, однако, слѣдуетъ смотрѣть на дѣйствія повѣреннаго, когда ему сдѣлалось извѣстнымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что рѣшеніе, по которому выданъ исполнительный листъ, явилось результатомъ подлога. Если и можно бы говорить о нѣкоторомъ снисхожденіи къ повѣренному, который берется приводить въ исполненіе рѣшеніе суда о взысканіи по завѣдомо для него, повѣреннаго, подложнымъ документамъ, въ виду заявленія о такомъ подлогѣ отвѣтчикомъ спора въ судѣ, отвергнутіи этого спора судомъ и разрѣшенія дѣла въ апелляціонной и кассаціонной инстанціяхъ при дѣятельномъ участіи отвѣтчика, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи въ дѣяніи, въ коемъ обвинялся и обвиненъ Вельяшевъ. Тутъ не было ни взаимной борьбы сторонъ, ни постановки вопроса о подлогѣ предъ судомъ, ни авторитетнаго, въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, постановленія суда о годности или негодности предъявленнаго ко взысканію документа, не было, однимъ словомъ, двухъ борющихся за право лицъ, спору которыхъ кладетъ конецъ судебное рѣшеніе. Наоборотъ, тутъ являлась стачка истца и отвѣтчика въ ущербъ третьяго лица и г-жа Оленина, выдавъ подложные векселя Свистунову, тѣмъ самымъ приняла на себя неизбѣжную обязанность не возражать противъ предъявленнаго Свистуновымъ къ ея обездоленнымъ дѣтямъ иска и тѣмъ лишила судъ законной возможности осуждать правильность основаній иска. Такое дѣяніе есть несомнѣнное преступленіе, и если дѣятельность Вельяшева, принявшаго ходатайство по исполнительному листу, выданному Свистунову, не можетъ быть подведена подъ несуществующее въ этомъ отношеніи спеціальное постановленіе Уложенія о наказаніяхъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣятельность эта тѣсно примыкаетъ къ преступному дѣлу, совершенному Олениной и Свистуновымъ.

Чѣмъ же, однако, представляется дѣяніе Вельяшева? Какъ примыкающее къ дѣяніямъ Олениной и Свистунова, а не самостоятельное преступленіе, оно не есть участіе въ преступленіи по 12 и 13 ст. Улож., въ виду того, что подлогъ совершенъ до обращенія къ Вельяшеву. Слѣдовательно, его надо искать въ предѣлахъ прикосновенности къ преступленію, при чемъ о попустительствѣ, согласно 14 ст. Улож. угол., не можетъ быть и рѣчи. Нельзя видѣть въ Вельяшевѣ и недоносителя по ст. 15 Улож., имѣющаго, такъ сказать, голое отношеніе къ преступленію, безъ всякаго съ нимъ или его послѣдствіями личнаго соприкосновенія, безъ всякаго фактическаго касательства къ тому, что совершено. Притомъ, подводя дѣяніе Вельяшева подъ недонесеніе, пришлось бы столкнуться съ непримиримымъ противорѣчіемъ, представляемымъ профессіональнымъ положеніемъ повѣреннаго, такъ какъ недонесеніе могло бы примѣняться лишь къ лицу, не принадлежащему къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, для которыхъ обязательна ст. 403 Учр. суд. уст., обя-

зывающая ихъ хранить въ тайнѣ сообщенія своихъ довѣрителей. Поэтому дѣяніе Вельяшева, какъ это совершенно правильно призналъ и Московскій Окружной Судъ, ближе всего подходитъ подъ *укрывательство* подлога векселей, состоящаго согласно рѣшеніямъ Правительствующаго Сената 1872 г. № 990 по дѣлу Горелина и 1874 г. № 245 по дѣлу Еремѣева, въ выдачѣ векселей по истеченіи срока довѣренности на это. Въ дѣйствительности, что такое исполнительный листъ Московскаго Коммерческаго Суда, выданный Свистунову, какъ не документъ, придающій практическую силу рѣшенію суда, составляющему плодъ преступной стачки Олениной и Свистунова въ ущербъ малолѣтнимъ? По закону же, укрывательство состоитъ въ способствованіи къ сокрытію преступленія, въ сокрытіи слѣдовъ и въ пользованіи плодами преступленія. Содѣйствіе въ послѣднемъ смыслѣ можетъ выражаться, въ виду рѣшеній Сената 1869 г. по дѣлу Авидонова, 1871 г. по дѣлу Спевакова, 1876 г. по дѣлу Дронка и 1885 г, по дѣлу Мироновича, не только въ сбытѣ и продажѣ пріобрѣтенныхъ преступленіемъ вещей, но и вообще во всякихъ дѣйствіяхъ, которыми преступнику облегчается возможность безнаказанно обратить въ свою матеріальную выгоду то, что имъ пріобрѣтено преступленіемъ. Чтобы подвергнуться отвѣтственности за укрывательство, виновный, безъ сомнѣнія, долженъ получить въ свои руки предметъ, представляющій плодъ преступленія, или вѣрнѣе, средство для пользованія плодами преступленія;—дѣятельность его должна имѣть активный характеръ, а отношеніе къ преступнику можетъ выражаться не только въ словесныхъ соглашеніяхъ, но и въ какой либо юридической сдѣлкѣ, въ силу которой средства для пользованія плодами преступленія поступаютъ въ его руки. Поэтому, дѣяніе Вельяшева,—въ виду рѣшенія присяжныхъ, что онъ съ корыстною цѣлью принялъ на себя ходатайство по исполнительному листу на взысканіе по векселямъ, зная отъ довѣрителя о подлогѣ послѣднихъ,—правильно признано содѣйствіемъ къ пользованію плодами преступленія, т. е. укрывательствомъ.

Разъясненіе предсѣдателя, не занесенное въ протоколъ по требованію сторонъ, но устанавливаемое объясненіями суда и состоящее въ томъ, что моментъ знанія подсудимымъ о подложности векселей одинаково относится и къ пріему исполнительнаго листа, и ко всему дальнѣйшему по немъ ходатайству, вполнѣ правильно, тѣмъ болѣе, что въ вопросѣ о подложности векселей, предложенномъ присяжнымъ засѣдателямъ, введенъ и признакъ, опредѣляющій окончаніе того времени, въ теченіи котораго знаніе о подлогѣ придавало дѣйствіямъ Вельяшева преступный характеръ. Этотъ признакъ есть совершеніе публичной продажи имѣнія покойнаго Оленина.

Переходя ко *второму* вопросу, надлежитъ прежде всего замѣтить что свидѣтельскія показанія являются однимъ изъ лучшихъ

и наиболѣе вѣскихъ доказательствъ въ нашемъ новомъ уголовномъ процессѣ. Въ противоположность старому порядку судопроизводства, въ новомъ свидѣтели ставятся на первый планъ, отодвигая назадъ собственное сознаніе, считавшееся «лучшимъ въ свѣтѣ доказательствомъ». Они не подлежатъ болѣе ограниченіямъ и условіямъ качества и количества, устанавливаемымъ 2 ч. XV т. Поэтому, представленіе свидѣтелей на судъ и ихъ перекрестный допросъ составляютъ ближайшую задачу при изслѣдованіи и оцѣнкѣ доказательствъ. Законъ знаетъ свидѣтелей, *относящихся къ дѣлу* и *неотносящихся* къ нему. Первые раздѣляются на *существенныхъ и несущественныхъ*. Существенными слѣдуетъ признавать тѣхъ, показанія которыхъ относятся къ составу преступленія, т. е. которыми удостовѣряются признаки преступнаго факта и связь съ этимъ фактомъ личности подсудимаго. Несущественными, но, однакоже, всегда имѣющими значеніе для вполнѣ правильнаго разрѣшенія вопроса о судьбѣ подсудимаго, могутъ быть признаны тѣ, которые, не показывая ничего о составѣ преступленія, свидѣтельствуютъ объ обстоятельствахъ, могущихъ послужить къ уменьшенію мѣры наказанія, о житейской обстановкѣ виновнаго и потерпѣвшаго и объ условіяхъ, въ которыхъ содѣяно преступленіе. Составители судебныхъ уставовъ, стремясь обезпечить правильное отправленіе правосудія, признавали, что свидѣтели о поведеніи обвиняемаго, о его связяхъ и образѣ жизни представляются необходимыми въ дѣлахъ, гдѣ существуютъ однѣ лишь улики, такъ какъ «разсуждая о степени виновности, невозможно обойтить безъ соображеній поступка подсудимаго съ его прошедшей жизнью, такъ какъ судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но его личность, насколько она проявилась въ противозаконномъ дѣйствіи,—и преступленіе, составляющее въ жизни подсудимаго изолированный фактъ, не можетъ имѣть предъ судомъ одинаковаго значенія съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся наклонности ко злу». Согласно этому и кассаціонная практика, въ рѣшеніяхъ по дѣлу Рыбаковской 1868 г., по дѣлу Умецкихъ и Насавина 1869 г. и по дѣлу Паскаля 1876 г., признавала свидѣтелей о поведеніи, личности и прошломъ подсудимаго—относящимися къ дѣлу. Отказъ подсудимому въ вызовѣ такихъ свидѣтелей являлся бы, кромѣ того, нарушающимъ равноправность сторонъ, такъ какъ по ст. 573 Уст. угол. суд., прокурору не можетъ быть отказано въ вызовѣ такихъ свидѣтелей, если онъ предъявитъ объ этомъ требованіе до дня судебнаго засѣданія, хотя бы эти свидѣтели и были вычеркнуты обвинительною камерою изъ списка. Но прокуроръ можетъ имѣть преимущество предъ обвиняемымъ въ случаяхъ ходатайства о вызовѣ свидѣтелей лишь *во времени* вызова, но не въ *существѣ* представляемыхъ имъ на судъ живыхъ доказательствъ. Всѣ свидѣтели, не подходящіе подъ только что указанную категорію, суть *не относящіеся къ дѣлу*, но законъ не знаетъ свидѣтелей,

«не представляющихъ никакого значенія для дѣла», какъ выразился Московскій Окружной Судъ, такъ какъ *значеніе* свидѣтельскихъ показаній можетъ быть опредѣлено лишь послѣ ихъ выслушанія, при чемъ каждое *дѣло* одинаково обнимаетъ какъ интересы общественные, такъ и задачи и интересы обѣихъ сторонъ въ уголовномъ процессѣ.

Въ прошеніяхъ поданныхъ въ судъ 28-го и 30-го іюля, Вельяшевъ просилъ о вызовѣ свидѣтелей четырехъ категорій. Къ *первой* категоріи относились 12 свидѣтелей, которые могли удостовѣрить, по словамъ обвиняемаго, что онъ не могъ знать и не зналъ о подложности векселей до начатія предварительнаго слѣдствія; ко *второй*—8 свидѣтелей о томъ, что подсудимый дѣйствовалъ не корыстолюбиво, а съ цѣлью огражденія интересовъ дѣтей Олениной; къ *третьей и четвертой* относились 9 свидѣтелей, имѣвшихъ показать, что Оленина «объявила ему войну» за отказъ укрѣпить имѣніе за Свистуновымъ, но говорила, что «ей его жаль». При обсужденіи этихъ ходатайствъ Вельяшева судомъ допущена неправильность, лишающая подсудимаго законныхъ способовъ защиты и нарушающая установленный судебными уставами и толкованіями Сената порядокъ.

Опредѣленіе суда объ отказѣ въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей по ст. 575 Уст. угол. суд. на основаніи рѣшенія 1873 г., № 292, по дѣлу Шпанскаго, должно заключать въ себѣ разсмотрѣніе вопроса объ основательности причинъ неуказанія свидѣтелей раньше и о важности обстоятельствъ, къ которымъ относятся ихъ показанія. Если такого рода соображенія въ опредѣленіи не приведены, это служитъ, согласно рѣшенію Сената 1888 г., № 21, по дѣлу Лысакъ и Минцесъ, поводомъ къ кассаціи. Такое опредѣленіе, какъ установлено Сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1873 г. по дѣлу Нѣмаго и 1875 г. по дѣлу Абдула-Гашишъ-Забарова, должно быть выражено не надписью на прошеніи, а особеннымъ мотивированнымъ постановленіемъ суда. Хотя Сенатъ, вообще, и не входитъ въ обсужденіе фактической основательности отказа, какъ относящагося къ существу дѣла, но однако же, рѣшеніями по дѣлу Петрова 1874 г. № 733 и по дѣлу Засуличъ 1878 г. № 34 признано, что устраненіе отказомъ суда ряда свидѣтелей, могущихъ показать объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, служитъ основаніемъ къ разсмотрѣнію этого вопроса въ кассаціонномъ порядкѣ. Возможность кассаціоннаго разсмотрѣнія несомнѣнно существуетъ и относительно отказа въ вызовѣ тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ, по удостовѣренію обвиняемаго, могутъ касаться существенныхъ признаковъ преступленія, напримѣръ, запальчивости и раздраженія при умышленномъ убійствѣ, участія подсудимаго въ тушеніи пожара при поджогѣ, отсутствія насилія при изнасилованіи и т. п. Отказывая въ вызовѣ такихъ свидѣтелей, судъ, подъ угрозою

отмѣны приговора, лишаетъ себя права вводить такіе признаки въ вопросы присяжнымъ.

Изъ производства по дѣлу Вельяшева усматривается, что слѣдствіе начато предложеніемъ прокурора Судебной Палаты съ препровожденіемъ заявленія съ сознаніемъ Олениной и рапорта прокурора Ржевскаго Окружного Суда Рагозина, въ которомъ прокуроръ, между прочимъ, удостовѣряетъ, что Вельяшевъ—человѣкъ «съ грязнымъ прошлымъ, вполнѣ безнравственнымъ». Послѣдствіемъ этого предложенія было постановленіе судебнаго слѣдователя о необходимости выяснить—что̀ за личность Вельяшевъ, чѣмъ онъ ранѣе занимался, гдѣ служилъ и каково его прошлое,—постановленіе, оставшееся, однако, въ этой своей части, безъ исполненія. Хотя свѣдѣнія эти и не были оглашены предъ присяжными, но они находились въ разсмотрѣніи суда и могли послужить матеріаломъ при обсужденіи подлежащаго разрѣшенію суда вопроса о мѣрѣ наказанія, при чемъ не надо забывать, что суду по отношенію къ подсудимому предоставлено огромное право—признавать его осужденіе неправильнымъ, по силѣ 818 ст. Уст. угол. суд. Кромѣ того, и въ обвинительномъ актѣ содержится указаніе на то, что послѣ отказа частнаго повѣреннаго Фаворскаго отъ ходатайства по исполнительному листу, какъ отъ дѣла нечестнаго, Оленина и Свистуновъ нашли себѣ «искомаго» человѣка въ лицѣ Вельяшева. Очевидно, что свидѣтели, которыхъ при слѣдствіи Вельяшевъ выставилъ, какъ имѣющихъ опровергнуть мнѣніе о немъ прокурора Ржевскаго Окружного Суда, и въ прошеніяхъ суду признавалъ могущими свидѣтельствовать о томъ, что онъ не зналъ и не могъ знать о преступности происхожденія исполнительнаго листа, не могутъ быть признаны *не имѣющими никакого значенія* для дѣла, если только подъ дѣломъ разумѣть не № обложки, а живую совокупность данныхъ для сужденія о судьбѣ человѣка. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1888 г. № 6 по дѣлу Кравцова выражено, что не могутъ быть признаны не имѣющими отношенія къ дѣлу показанія свидѣтелей, выставленныхъ въ опроверженіе указанія на предосудительныя занятія обвиняемаго и что признаніе таковыхъ свидѣтелей не имѣющими существеннаго для дѣла значенія не уполномочиваетъ еще признавать ихъ вовсе не относящимися къ дѣлу.

Между тѣмъ, обсуждая ходатайство Вельяшева о вызовѣ свидѣтелей, судъ отказалъ въ вызовѣ свидѣтелей первой и второй категоріи и допустилъ лишь свидѣтелей третьей и четвертой, а затѣмъ постановилъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросъ, въ который, какъ существенный признакъ, входило именно то, въ опроверженіе чего вызывались свидѣтели первой и второй категоріи, т. е. «зналъ-ли?» и «съ корыстной-ли цѣлью?». Такимъ образомъ, отнимая у подсудимаго возможность доказать представляемыми данными отсутствіе знанія подлога и корыстолюбія въ

дѣйствіяхъ его по исполнительному листу, Окружной Судъ потребовалъ отъ присяжныхъ рѣшенія, которымъ и корысть, и знаніе были признаны. Такое нарушеніе правъ подсудимаго должно быть признано существеннымъ,—тѣмъ болѣе, что оно выражено въ постановленіи, лишенномъ соображеній о мотивахъ къ отказу, и устранившемъ изъ дѣла даже и такихъ цѣнныхъ свидѣтелей о прошломъ подсудимаго, какъ прокуроръ Ржевскаго Окружного Суда Рагозинъ, указываемый, несмотря на сдѣланную имъ характеристику подсудимаго, имъ самимъ.

Не меньшее нарушеніе усматривается и въ опредѣленіи суда, состоявшемся по 576 статьѣ Уст. угол. суд., коимъ судъ, выводя на справку о рѣшенномъ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей, нашелъ болѣе соотвѣтсвующимъ предоставить Вельяшеву привлечь этихъ свидѣтелей на судъ отъ себя по добровольному соглашенію. Такимъ образомъ, судъ отмѣнилъ свое первое постановленіе о признаніи свидѣтелей не имѣющими никакого значенія для дѣла, не объяснивъ, почему, однако, онъ считаетъ возможнымъ выслушать ихъ въ судебномъ засѣданіи, если они явятся по приглашенію обвиняемаго. Въ рѣшеніи по дѣлу Мытарева 1877 года была уже высказана мысль о томъ, что приведенный подсудимымъ свидѣтель не подлежитъ допросу, если по 575 ст. Уст. угол. суд. было отказано въ его вызовѣ, а въ рѣшеніи по дѣлу Засуличъ—Сенатъ разрѣшилъ суду вызывать свидѣтелей на счетъ подсудимаго по 576 ст. Уст. угол. суд. въ тѣхъ лишь случаяхъ, если судъ найдетъ уважительныя основанія къ отмѣнѣ своего опредѣленія объ отказѣ въ ихъ вызовѣ на счетъ казны по 575 ст. Уст. угол. суд. Иными словами Сенатъ призналъ, что ходатайство подсудимаго о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ подлежитъ каждый разъ подробному и мотивированному обсужденію со стороны суда. Отсутствіе такого обсужденія есть поводъ къ кассаціи. Между тѣмъ, по дѣлу Вельяшева судъ, безъ всякаго основанія, выведя на справку о состоявшемся отказѣ въ вызовѣ просимыхъ имъ свидѣтелей, призналъ наиболѣе соотвѣтствующимъ допустить ихъ приглашеніе Вельяшевымъ, при чемъ осталось неизвѣстнымъ, какими соображеніями руководился судъ, фактически отмѣнивъ свое первое опредѣленіе.

Такое распоряженіе суда представляетъ еще и другую существенную неправильность, устраненіе которой составляетъ одну изъ задачъ руководящей дѣятельности Правительствующаго Сената. Сенатская практика за послѣдніе годы стремится постоянно поставить дѣятельность суда въ условія житейской цѣлесообразности. Поэтому, оцѣнивъ содержаніе различныхъ постановленій и опредѣленій суда по вопросамъ производства дѣла, кассаціонная практика старается устранить изъ нихъ элементы произвольнаго усмотрѣнія, замѣнивъ ихъ закономѣрной дѣятельностью, влекущею за собою подробную мотивировку основаній рѣшенія, принятаго судомъ. Въ этомъ направленіи нашему кассаціонному суду предсто-

итъ сдѣлать еще одинъ весьма важный шагъ, необходимость котораго вызывается требованіемъ правосуднаго разсмотрѣнія дѣлъ. 576 ст. Уст. угол. суд. указываетъ на вызовъ свидѣтелей по просьбѣ подсудимаго или повѣстками отъ суда на его счетъ, или же предоставленіемъ ему права представить свидѣтелей по личному съ ними соглашенію. Сенатъ по дѣлу Жбана и Захарова въ 1868 г. призналъ, что избраніе того или другого способа зависитъ отъ суда, но обязалъ, однако, принимать въ соображеніе наибольшее удобство каждаго способа въ данномъ дѣлѣ. Принятіе въ соображеніе этого удобства и должно выражаться въ мотивированномъ опредѣленіи, въ которомъ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о *доступности* способа, объ *удобствѣ* пользованія имъ и объ его *примѣнимости* вообще къ взаимнымъ отношеніямъ подсудимаго и свидѣтелей и къ отношенію послѣднихъ къ дѣлу.

Подъ *доступностью* способа надо разумѣть, прежде всего, матеріальныя средства подсудимаго, такъ какъ вызовъ по соглашенію, въ большинствѣ случаевъ, неизбѣжно влечетъ гораздо большіе расходы, чѣмъ вызовъ отъ суда, при чемъ обвиняемый представляетъ лишь установленные закономъ прогоны и суточныя для свидѣтелей. Поэтому для обвиняемаго, не обладающаго достаточными средствами небезразлично, какимъ изъ двухъ способовъ судъ признаетъ возможнымъ удовлетворить его ходатайство. При отдаленности разстоянія и извѣстномъ общественномъ положеніи свидѣтеля, для человѣка недостаточнаго приглашеніе по соглашенію можетъ оказаться вовсе неисполнимымъ.

Подъ *удобствомъ* пользованія однимъ изъ указанныхъ въ 576 ст. Уст. угол. суд. способовъ необходимо разумѣть возможность и удобство личныхъ сношеній подсудимаго съ приглашаемыми свидѣтелями, при чемъ, напр., содержаніе подъ стражей лишаетъ подсудимаго возможности пользованія вторымъ изъ этихъ способовъ и эта невозможность не устраняется и наличностью защитника, назначаемаго отъ суда, ибо въ обязанности послѣдняго не входитъ сношеніе съ свидѣтелями, имѣющими явиться на судъ, да и такое сношеніе можетъ подать поводъ къ заподозрѣнію со стороны присяжныхъ предварительныхъ переговоръ между защитникомъ и свидѣтелями, какъ это, напр., и было заявлено присяжными засѣдателями при разсмотрѣніи въ Москвѣ извѣстнаго Мясниковскаго дѣла въ видѣ вопроса о томъ—не находились ли свидѣтели «на иждивеніи» повѣреннаго одной изъ сторонъ?

Примѣнимость одного изъ указанныхъ въ 576 ст. Уст. угол. суд. способовъ зависитъ не только отъ общественнаго положенія свидѣтелей, но и отъ нравственнаго характера самого способа. Существуетъ большая разница между авторитетнымъ призывомъ суда, не входящаго въ личныя отношенія со свидѣтелями и между личнымъ съ ними соглашеніемъ, сопровождаемымъ просьбами, уговорами и различными хлопотами;—существуетъ большая разница

между вызовомъ суда, всегда одинаковымъ по формѣ и, при извѣстныхъ условіяхъ, обязательнымъ для исполненія—и неясной и негласной для суда просьбою, предшествующей явкѣ свидѣтеля по соглашенію въ судъ. Наконецъ, для щекотливости свидѣтеля, приходящаго сказать доброе слово о подсудимомъ небезразлично, получилъ ли онъ равные со всѣми другими свидѣтелями прогоны, установленные закономъ, или же неопредѣленную, зависящую отъ щедрости обвиняемаго, сумму, могущую для слишкомъ подозрительныхъ глазъ заключать въ себѣ и награду за будущее показаніе. Достаточно представить себѣ неловкость положенія подобнаго свидѣтеля въ дѣлѣ, гдѣ подсудимый обвиняется въ подкупѣ лжесвидѣтелей. Поэтому есть случаи, гдѣ свидѣтель, съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ и живущій въ большомъ отдаленіи отъ суда, можетъ быть крайне затрудненъ въ удовлетвореніи желанія подсудимаго привлечь его къ дачѣ показаній. Это затрудненіе усложняется еще служебнымъ положеніемъ, а иногда и семейными отношеніями вызываемаго. Должностное лицо можетъ быть крайне затруднено оставить свой постъ для продолжительной отлучки, не обусловленной требованіемъ судебной власти и могущей имѣть въ глазахъ начальства характеръ не предусмотрѣннаго закономъ отпуска. Поэтому, судъ обязанъ вдуматься въ осуществимость того разрѣшенія, которое онъ даетъ обвиняемому, и выяснить основанія, по которымъ онъ останавливается на второмъ изъ способовъ, не рискуя этимъ самымъ обратить свое разрѣшеніе въ фактическое воспрепятствованіе выслушанію свидѣтеля, въ ничто...

Примѣняя эти соображенія къ настоящему дѣлу и имѣя въ виду, что Вельяшеву было предоставлено пригласить, по соглашенію, 20 человѣкъ свидѣтелей, между которыми находились проживающіе въ Петербургѣ—предсѣдатель Департамента Судебной Палаты и управляющій придворною конюшней, въ Ржевѣ—прокуроръ Окружного Суда, въ Твери—нотаріусъ и т. д., нельзя не признать основательной жалобу подсудимаго на избраніе этого способа, тѣмъ болѣе, что для провѣрки соображеній суда въ опредѣленіи его нѣтъ никакого матеріала. Поэтому я полагаю, что Сенату необходимо настойчиво высказаться въ смыслѣ устраненія указываемаго пробѣла въ постановленіяхъ судовъ о вызовѣ свидѣтелей по 576 ст. Уст. угол. суд. Судебная дѣятельность по отношенію къ собиранію доказательствъ должна представлять какъ можно менѣе случаевъ примѣненія латинскаго изрѣченія: «sic volo, sic jubeo: stat pro ratione voluntas!» Старый порядокъ суда не содержалъ указаній на предѣлы изслѣдованія преступнаго дѣянія,—онъ повидимому, дозволялъ доказывать въ дѣлѣ *все, но не всѣми способами*, ограничивая послѣдніе разными условіями. Новый порядокъ, установивъ точную формулировку обвиненія на судѣ, дозволилъ доказывать *не все, а лишь то, что входитъ въ область изслѣдуемаго дѣянія обвиняемаго, но допускаетъ доказывать*

это всьми способами. Поэтому, всякое преграждение доступности доказательствъ, могущихъ имѣть значеніе для оправданія обвиняемаго, представляется неправильнымъ и заставляетъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ указаніямъ подсудимаго на судопроизводственныя нарушенія, допущенныя противъ него по дѣлу объ укрывательствѣ имъ преступленія, сознавшіеся въ коемъ виновные оправданы. Въ виду всего этого, по мнѣнію моему, слѣдуетъ, за нарушеніемъ 575 и 576 ст. Уст. угол. суд., рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Московскаго Окружного Суда относительно Вельяшева отмѣнить въ установленномъ порядкѣ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Московскаго Окружного суда, за нарушеніемъ 575 и 576 ст. Уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло для новаго разсмотрѣнія передать въ тотъ же Судъ при новомъ составѣ.

X.

По дѣлу о Кетхудовѣ, Махровскомъ и Пановѣ, обвиняемыхъ въ похищеніи постъ-пакета на сумму 120.000 рублей.

Сортировщики Московскаго почтамта—сынъ прапорщика Кетхудовъ, губернскій секретарь Махровскій и домашній учитель Пановъ, были преданы суду Московскаго Окружного Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію: первые двое въ томъ, что, состоя сортировщиками почтамта, они, а) по предварительному между собою уговору, сданное въ почтамтъ, 15-го марта 1886 года, купцомъ Андреемъ Кнопомъ, рекомендованное письмо съ цѣнностями на 120.000 руб. утаили и заключавшимися въ немъ цѣнностями воспользовались, и б) что, съ цѣлью сокрытія похищенія, составили, подписали и представили своему начальству протоколъ, въ коемъ помѣстили завѣдомо ложное свѣдѣніе о нахожденіи письма Кнопа въ постъ-пакетѣ, адресованномъ въ Берлинъ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 13, 1098, 3 ч. 354 и 359 ст. Улож. о наказ., а послѣдній—въ томъ что, послѣ совершенія Кетхудовымъ и Махровскимъ помянутыхъ преступленій, онъ принялъ отъ одного изъ нихъ и скрылъ часть утаенныхъ ими цѣнностей на сумму свыше 300 руб., зная, гдѣ и при какихъ условіяхъ таковыя утаены, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 14 и 1681 ст. Улож. о наказ.

По окончаніи судебнаго слѣдствія, производившагося въ теченіе 29-го, 30-го и 31-го января 1888 года, на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено шесть вопросовъ: *первый*—о томъ—было ли сданное, 15-го марта 1886 года, въ Московскомъ почтамтѣ потомственнымъ дворяниномъ Кнопомъ заказное письмо со вложеніемъ въ него ста восьмидесяти облигацій 3-го выпуска восточнаго займа на сумму въ сто двадцать тысячъ рублей, адресованное въ Берлинъ, на имя Роберта Варшауэра, скрыто и по назначенію не отправлено, при чемъ вложенныя въ него цѣнности, съ цѣлью ихъ похищенія, изъ письма вынуты? *Второй* и *третій*—о томъ—если описанное въ пер-

вомъ вопросѣ дѣяніе совершилось, то виновны ли Махровскій и Кетхудовъ, въ томъ, что принявъ, по должности сортировщиковъ Московскаго почтамта, отъ чиновника Глухова сданное Кнопомъ, подъ квитанцію, рекомендованное для отправленія въ Берлинъ, на имя Варшауэра, письмо со вложеніемъ въ него облигацій восточнаго займа на сто двадцать тысячъ рублей, они дѣйствуя по предварительному соглашенію, означеннаго письма въ Берлинъ не отправили, а оставили его у себя и скрыли, при чемъ вложенными въ него цѣнностями воспользовались? *Четвертый* и *пятый* — о томъ — если Махровскій или Кетхудовъ виновны въ дѣяніи, означенномъ во второмъ вопросѣ, то, съ цѣлью сокрытія и удержанія ими пакета Кнопа, составили ли они, 15-го марта 1886 года, по предварительному уговору, протоколъ-карту, включивъ въ этотъ протоколъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія о нахожденіи письма Кнопа въ постъ-пакетѣ, адресованномъ въ Берлинъ, каковой протоколъ, удостовѣривъ своею подписью, представили затѣмъ своему начальству? *Шестой* — о томъ — виновенъ ли Пановъ въ томъ, что, не принимая никакого участія въ дѣяніи, означенномъ во второмъ вопросѣ, принялъ и скрылъ часть заключавшихся въ письмѣ Кнопа цѣнностей, всего на сумму болѣе 300 рублей, зная, что эти цѣнности находились въ письмѣ, адресованномъ въ Берлинъ на имя Варшауэра, а также и то, кѣмъ именно, съ цѣлью воспользоваться цѣнностями, письмо было похищено и скрыто? Присяжные засѣдатели на *первый* вопросъ отвѣтили: «Да, было скрыто и по назначенію не отправлено». На *второй*, на *третій* и *шестой* — «нѣтъ, не виновенъ». *Четвертый* и *пятый* вопросы оставлены ими безъ отвѣтовъ. Въ силу этого рѣшенія присяжныхъ засѣдателей Окружной Судъ, признавъ подсудимыхъ, на основаніи 1 п. 771 ст. Уст. угол. суд., оправданными и обращаясь къ разрѣшенію предъявленнаго повѣреннымъ торговаго дома Кнопъ гражданскаго съ подсудимыхъ иска, нашелъ, что присяжными засѣдателями признанъ только фактъ преступленія, но подсудимые въ совершеніи его не признаны виновными, а потому, въ виду 1 ст. Уст. гражд. суд., не имѣя основанія разрѣшать гражданскій искъ торговаго дома Кнопъ въ порядкѣ уголовнаго производства, положилъ признать этотъ искъ не подлежащимъ своему разрѣшенію. Въ принесенномъ на этотъ приговоръ протестѣ прокуроръ Московскаго Окружного Суда указываетъ четыре повода для отмѣны рѣшенія присяжныхъ засѣдателей. *Во-первыхъ*, въ протоколѣ судебнаго засѣданія значится, что повѣренный гражданскаго истца, въ разъясненіе показанія свидѣтеля Де-Шамборанъ, представилъ два судебныхъ приговора, требуя оглашенія ихъ передъ присяжными засѣдателями въ видахъ установленія фактовъ похищенія цѣнныхъ пакетовъ, происходившихъ ранѣе настоящаго случая. Къ требованію этому, въ силу 629 ст., присоединился и товарищъ прокурора. Тѣмъ не менѣе, судъ отказалъ въ прочтеніи этихъ документовъ, какъ не имѣющихъ никакого отношенія ни къ разсматриваемому дѣлу, ни къ предметамъ показаній какъ обвиняемыхъ, такъ и свидѣтелей. Между тѣмъ, изъ протокола видно, что свидѣтелю графу Де-Шамборанъ были предлагаемы вопросы о томъ, бывали ли ранѣе случаи пропажи изъ почтамта цѣнныхъ пакетовъ, на что онъ отвѣтилъ, что ему такіе случаи неизвѣстны. Очевидно, что такой отвѣтъ свидѣтеля, состоящаго долгое время на службѣ въ почтамтѣ, въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей являлся прямымъ отрицаніемъ подобныхъ случаевъ. Представленные же документы должны были удостовѣрить, что случаи пропажи цѣнныхъ пакетовъ происходили и ранѣе, и такимъ образомъ, документы эти, всецѣло относясь къ предмету показанія свидѣтеля Де-Шамборанъ, подлежали оглашенію на судѣ. Отказавъ въ прочтеніи офиціальныхъ документовъ, представ-

ленныхъ въ опроверженіе показаній свидѣтелей, судъ тѣмъ самымъ нарушилъ какъ 687, такъ и 629 ст. Уст. угол. суд. *Во-вторыхъ,* въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ товарищемъ прокурора Саблинымъ на протоколъ судебнаго засѣданія, значится, что защитникъ подсудимаго въ своихъ рѣчахъ, вопреки 745 ст. Уст. угол. суд., не только допустилъ выраженія прямо оскорбительныя для прокурорскаго надзора, но и приводилъ такія обстоятельства, которыя не были предметомъ судебнаго слѣдствія и не имѣли никакого отношенія къ настоящему дѣлу. Такъ, защитникъ указывалъ на пошлины, налагаемыя германскимъ правительствомъ на ввозъ хлѣба изъ Россіи и на умышленное колебаніе курса русскихъ процентныхъ бумагъ на берлинской биржѣ, приглашая присяжныхъ засѣдателей отдать долю серьезнѣйшаго вниманія государственнымъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ защитникъ не былъ даже остановленъ предсѣдателемъ, несмотря на прямое требованіе закона, изложенное въ 611 ст. Уст. угол. суд. Нарушеніе этой статьи имѣло мѣсто въ теченіе всего судебнаго слѣдствія и всей рѣчи защитника. *Въ-третьихъ,* по редакціи перваго вопроса цѣль похищенія судомъ отнесена лишь къ вынутію цѣнностей изъ письма, а сокрытіе и неотправленіе письма по назначенію не были связаны съ цѣлью похищенія, тогда какъ сокрытіе письма является дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ 1098 ст. Улож. о наказ., лишь въ томъ случаѣ, когда оно было сдѣлано съ цѣлью похищенія. Посему для суда было обязательно, въ силу 754 и 760 ст. Уст. угол. суд., цѣль похищенія отнести не только къ вынутію цѣнностей изъ пакета, но и къ сокрытію его и неотправленію письма по назначенію. *Въ-четвертыхъ,* предлагая на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей вопросы о виновности подсудимыхъ Махровскаго и Кетхудова по обвиненію ихъ въ подлогѣ, судъ изложилъ ихъ въ редакціи, не содержащей, вопреки ст. 754 и 755 Уст. угол. суд., вовсе вопроса *о виновности,* а лишь *о совершеніи* подсудимыми извѣстнаго преступленія и, такимъ образомъ, даже въ случаѣ утвердительнаго по нимъ отвѣта, вопросъ о вмѣненіи подсудимымъ совершеннаго ими особаго служебнаго преступленія — подлога, остался бы неразрѣшеннымъ и открытымъ.

Въ свою очередь, повѣренный Кнопа, поддерживая указаніе протеста, объяснилъ, что судъ принялъ отъ присяжныхъ *неполный* отвѣтъ на вопросъ о событіи преступленія. Они отвѣтили только на вопросъ о сокрытіи пакета, но не дали никакого отвѣта на вопросъ о похищеніи изъ него облигацій, тогда какъ на эту самую существенную часть они должны были отвѣтить положительно или отрицательно. При отсутствіи отвѣта на вопросъ о похищеніи изъ пакета облигацій становится неяснымъ, признали ли они только фактъ сокрытія пакета или и то, что изъ него взяты были облигаціи съ цѣлью похищенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ не вошелъ въ разсмотрѣніе гражданскаго иска торговаго дома Кнопа о возвращеніи ему похищеннаго и въ обсужденіе доказательствъ того, что отобранное у обвиняемыхъ имущество является добытымъ чрезъ продажу похищенныхъ облигацій. Въ виду того, что присяжные признали доказаннымъ самый фактъ утайки въ почтамтѣ пакета съ облигаціями Кнопа, Окружной Судъ на основаніи 776 и 777 ст. Уст. угол. суд. обязанъ былъ разрѣшить гражданскій искъ Кнопа даже и при оправданіи обвиняемыхъ. Кромѣ того, во время заключительныхъ преній защитникъ главнаго обвиняемаго, прис. повѣр. Шубинскій, прося объ оправданіи Кетхудова, высказалъ, что главнымъ участникомъ преступленія и соблазнителемъ является потерпѣвшій Кнопъ, который, отправляя пакетъ заказнымъ письмомъ, застрахованнымъ въ обществѣ «Викторія», *обсчитывалъ русскую казну;* что настоящее дѣло имѣетъ государственное значеніе, такъ какъ обвиняемые, совершивъ преступленіе, несом-

нѣнно *оказали услугу русскимъ финансамъ* въ смыслѣ увеличенія страхового сбора, и что каждый заказной пакетъ съ цѣннымъ вложеніемъ безнаказанно можетъ быть утаенъ въ почтамтѣ, при чемъ для своего оправданія чиновники могутъ ограничиться подачей рапорта по начальству съ представленіемъ денегъ, причитающихся отправителю за потерю письма.

Какъ на протестъ, такъ и на жалобу повѣреннаго гражданскаго истца, подсудимый Кетхудовъ представилъ въ Правительствующій Сенатъ пространныя объясненія, въ которыхъ между прочимъ указывалъ на неправильное допущеніе Кнопа къ участію въ дѣлѣ, въ качествѣ гражданскаго истца, ибо посланныя Кнопомъ 15-го марта 1886 года облигаціи восточнаго займа въ Берлинъ на имя банкира «Варшауэра и К°» составляли собственность этого послѣдняго и были пріобрѣтены Кнопомъ въ Москвѣ на деньги «Варшауэра и К°», у него, Кнопа, на рукахъ находившіяся; почему гражданскій искъ предъявленъ Кнопомъ не въ своемъ интересѣ, а въ интересѣ «Варшауэра и К°» (отъ котораго тѣмъ не менѣе Кнопомъ никакихъ законныхъ полномочій не было представлено); посланныя облигаціи были застрахованы «Варшауэромъ и К°» отъ своего имени, какъ собственникомъ, въ берлинскомъ страховомъ обществѣ «Викторія»; значительная часть страховой преміи уже получена «Варшауэромъ и К°» отъ общества «Викторія» и недополученная «Варшауэромъ и К°» сумма съ «Викторіи» Кнопу не извѣстна, а потому Кетхудовъ не знаетъ въ какомъ размѣрѣ можетъ быть предъявленъ гражданскій искъ.

Въ замѣчаніяхъ на протоколъ судебнаго засѣданія товарищъ прокурора Саблинъ просилъ занести въ протоколъ слѣдующія выраженія присяжнаго повѣреннаго Шубинскаго, допущенныя имъ въ защитительныхъ рѣчахъ о подсудимомъ Кетхудовѣ: «Дѣянія подсудимыхъ являются прямымъ послѣдствіемъ поступковъ потерпѣвшихъ, неряшливо отнесшихся къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ. Горе міру отъ соблазна, говорятъ слова писанія, но двойное горе тому, кто внесетъ соблазнъ въ міръ». «Такимъ соблазномъ я считаю порядки, установившіеся въ конторѣ Кнопа». «Я приведу пословицу: держи надъ собою честь и берегись, чтобы другого въ бѣду не внесть. Ея мудрый смыслъ былъ забытъ отправителемъ письма». Передъ тѣмъ ущербомъ, какой несла русская казна отъ посылокъ въ заказныхъ письмахъ денежныхъ цѣнностей, меркнетъ денежный интересъ этого дѣла. Прямымъ послѣдствіемъ дѣянія подсудимыхъ было уменьшеніе числа отправленій цѣнностей заказною корреспонденціей и возвышеніе страховыхъ доходовъ, а прямымъ послѣдствіемъ дѣяній потерпѣвшихъ былъ ущербъ доходамъ русской казны. Задумайтесь серьезно надъ этой стороной дѣла, помните, что если иногда нужны обвинительные приговоры, чтобы сдержать корыстолюбивые порывы бѣдняковъ, то иногда также необходимы оправдательные приговоры, чтобы сдержать своекорыстныя стремленія богачей, чтобы напомнить имъ, что не весь міръ существуетъ для нихъ и для ихъ хищническихъ вожделѣній». «Подсудимые въ сущности простаки: теперь, при установившейся практикѣ отправки цѣнностей, при оцѣнкѣ ниже стоимости, почтамтскіе чиновники могутъ, изъявъ 100-тысячный пакетъ, заявить о нечаянной утратѣ его и при рапортѣ представить оцѣнку утраченнаго — 500 руб. Такое дѣяніе останется ненаказуемымъ, а экономистамъ по части страховой преміи придется удовольствоваться той суммою, въ которую они оцѣнили пакетъ». «Эту часть рѣчи прокурора я могу сравнить лишь съ тѣмъ, что ежедневно выметается изъ каждой, мало-мальски опрятной комнаты». «Г. прокуроръ меня не понялъ. Не знаю отчего это произошло: я ли говорилъ непонятно, или ужъ такъ устроенъ понимательный аппаратъ г. прокурора». «Г. проку-

роръ возстаетъ противъ мыслей, изложенныхъ мною въ первой рѣчи. Врядъ ли эти мысли таковы, какими кажутся онѣ прокурору. Вы помните, что онѣ нашли себѣ одобреніе, выразившееся въ аплодисментахъ, раздавшихся вчера послѣ моей рѣчи». Не пора ли возвыситься намъ до болѣе серьезной оцѣнки явленій, имѣющихъ государственный смыслъ. Въ то время, какъ ввозъ нашего хлѣба въ Германію обставленъ огромными на него пошлинами, дѣльцы берлинской биржи не хотятъ ничтожнымъ страховымъ сборомъ оплачивать вывозъ тѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ, которыя они выписываютъ въ Берлинъ для колебанія ихъ курса». «Не защищать лишь частные интересы вы собрались въ залѣ этого суда, но отдать долю серьезнаго вниманія и государственнымъ интересамъ, если таковые окажутся выдвинутыми передъ вами данными дѣла».

Въ постановленіи суда по замѣчаніямъ на протоколъ товарища прокурора Саблина и повѣреннаго гражданскаго истца, относительно словъ и выраженій, высказанныхъ въ защитительныхъ рѣчахъ защитникомъ Кетхудова, присяжнымъ повѣреннымъ Шубинскимъ, судъ прежде всего отмѣтилъ, что товарищъ прокурора и повѣренный гражданскаго истца слышали одни и тѣ же, сравнительно немногія, мѣста однѣхъ и тѣхъ же рѣчей одного и того же защитника, сказанныя защитникомъ разными словами и въ различныхъ выраженіяхъ. Принимая затѣмъ во вниманіе, что стороны обязаны своевременно, въ самомъ судебномъ засѣданіи, просить о внесеніи въ протоколъ мѣстъ рѣчи, а не тогда уже, когда произнесенъ приговоръ и когда упущенія, если они и были, не могутъ быть исправлены,—Окружной Судъ, тѣмъ не менѣе, «по памяти» нашелъ возможнымъ удостовѣрить, что значительное большинство словъ и выраженій представляютъ болѣе или менѣе близкій выводъ изъ приводившагося на судѣ стороною того или другого положенія, и если отмѣчаемыя слова и выраженія точно были сказаны, чего съ достовѣрностью судъ утверждать не можетъ, то сказаны были вскользь и во всякомъ случаѣ въ неразрывной связи съ другими положеніями и данными, прямо заимствованными изъ судебнаго слѣдствія.

Въ протестѣ и въ жалобѣ гражданскаго истца на оправдательный приговоръ по дѣлу Кетхудова, Махровскаго и Панова, обвиняемыхъ въ утайкѣ и похищеніи сданнаго на почту пакета Кнопа, со вложеніемъ облигацій восточнаго займа на 120.000 рублей — указывается на двоякій родъ главныхъ кассаціонныхъ нарушеній — по *толкованію закона,* выразившемуся въ неправильной квалификаціи дѣянія подсудимыхъ, и по производству *судебнаго состязанія.* Обвиняемый Кетхудовъ, въ двухъ подробныхъ объясненіяхъ, представленныхъ въ Правительствующій Сенатъ, опровергая доводы и указанія кассаторовъ, домогается оставленія жалобы гражданскаго истца *безъ разсмотрѣнія*, такъ какъ купецъ Кнопъ былъ допущенъ въ качествѣ истца неправильно, не будучи лично потерпѣвшимъ отъ дѣянія подсудимыхъ и не имѣя даже возможности въ точности опредѣлить размѣръ своего иска, въ виду разсчетовъ настоящаго собственника похищенныхъ облигацій Варшауэра съ берлинскимъ страховымъ обществомъ «Викторія».

Такимъ образомъ, прежде всего возникаетъ вопросъ объ объемѣ кассаціоннаго разсмотрѣнія настоящаго дѣла. Онъ не можетъ быть, однако, разрѣшенъ въ указываемомъ Кетхудовымъ смыслѣ. *Во-первыхъ,* Кнопъ допущенъ въ качествѣ гражданскаго истца не только судебнымъ слѣдователемъ, постановленіе котораго по этому предмету осталось не отмѣненнымъ, но и судомъ, по особому опредѣленію отъ 27-го октября 1887 года, которое послѣдній не нашелъ возможнымъ измѣнить и въ судебномъ засѣданіи, вслѣдствіе неуказанія защитникомъ Кетхудова какихъ либо новыхъ для этого основаній, еще не бывшихъ въ виду суда. *Во-вторыхъ,* Кнопъ, а не кто либо другой, сдалъ въ Московскій почтамтъ рекомендованный пакетъ со вложеніемъ похищенныхъ затѣмъ облигацій,—слѣдовательно онъ, въ моментъ сдачи пакета, былъ *хозяиномъ* цѣнностей. Уголовный судъ не входитъ въ разрѣшеніе вопроса объ объемѣ правъ на похищенную вещь у того, у кого совершена кража,—для него безразлично, на правѣ ли полной собственности она принадлежала этому лицу, или же его права по отношенію къ ней ограничивались правомъ владѣнія или распоряженія. Поэтому, всякій хозяинъ вещи, которая, вопреки данному имъ назначенію, перешла незаконнымъ и преступнымъ путемъ въ чужія руки—есть потерпѣвшій отъ преступленія. Недаромъ именно въ отношеніи отправленія грузовъ одинъ изъ послѣднихъ систематическихъ законодательныхъ трудовъ—*общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ*—говоритъ не о *собственникѣ* груза, а о *хозяинѣ,* т. е. о *распорядителѣ* груза, получившемъ накладную. Отношенія между Кнопомъ, Варшауэромъ и обществомъ «Викторія» вовсе не подлежатъ разсмотрѣнію уголовнаго суда, который не уполномоченъ разрѣшать вопросъ о допущеніи гражданскаго иска на основаніи непровѣренныхъ обязательствъ, существующихъ между третьими, не причастными къ дѣлу, лицами. *Въ-третьихъ,* если бы и стать на точку зрѣнія Кетхудова и принять его удостовѣреніе, что Варшауэръ получилъ отъ «Викторіи» вознагражденіе, соотвѣтствующее лишь части недоставленныхъ цѣнностей, похищенныхъ имъ, Кетхудовымъ, вмѣстѣ съ другими подсудимыми, то и тогда Кнопъ можетъ явиться предъ Варшауэромъ граждански-отвѣтственнымъ лицомъ въ недостающей части, не говоря уже о томъ, что съ момента заарестованія похищенныхъ цѣнностей у подсудимыхъ—нельзя отрицать и права «Викторіи» на обратное требованіе выданнаго ею Варшауэру вознагражденія за *утраченныя* цѣнности. Если не допустить гражданскаго иска со стороны Кнопа, то, идя послѣдовательно, необходимо признать, что арестованныя цѣнности должны быть отданы казнѣ или подсудимымъ. Но такого вида *конфискаціи* въ пользу казны похищенныхъ у третьяго лица цѣнностей законъ не знаетъ,—а оставленіе ихъ въ рукахъ подсудимыхъ было бы весьма выгодною *преміею* за совершеніе преступленія, облегчающею и услаждающею перенесеніе законнаго за

него взысканія. *Въ-четвертыхъ*, и съ точки зрѣнія формальной— Кнопъ имѣлъ полное основаніе предъявить свой искъ, ибо, согласно рѣшенію 1875 года, № 348, по дѣлу Капустина, статья 777 Уст. угол. суд. о возвращеніи хозяину вещей, добытыхъ преступнымъ дѣяніемъ, безъ всякаго иска со стороны его, имѣетъ въ виду лишь самыя вещи, но не распространяется на деньги и другія цѣнности, полученныя виновнымъ за означенныя вещи. Указаніе Кетхудова на необходимость отказа въ допущеніи гражданскаго иска Кнопа вслѣдствіе необозначенія имъ въ точности размѣра иска—не заслуживаетъ уваженія, ибо, въ виду зависимости производства о размѣрахъ присужденнаго вознагражденія отъ обстоятельствъ, признаваемыхъ присяжными, такое неопредѣленіе точнаго размѣра иска можетъ лишь влечь за собою, при признаніи по суду, на основаніи 366 ст. Уст. гражд. суд., права на вознагражденіе, примѣненіе статьи 785 Уст. угол. суд. объ особомъ разсчетѣ этого вознагражденія.

На основаніи всего сказаннаго, я нахожу, что ходатайство Кетхудова могло бы подлежать серьезному обсужденію лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если бы Кнопъ лишился отыскиваемыхъ имъ цѣнностей при совершеніи имъ самимъ преступнаго или противозаконнаго дѣянія. Но отправка имъ облигацій на 120.000 въ рекомендованномъ письмѣ вполнѣ согласна съ предоставленнымъ ему самимъ закономъ правомъ. На основаніи 236 ст. «Сборника постановленій и распоряженій по почтово-телеграфному вѣдомству», 59 и 64 ст. временныхъ постановленій по почтовой части и циркуляра начальника Главнаго Управленія почтъ, отъ 1870 года, «въ заказныхъ письмахъ могутъ пересылаться документы, *разныя цѣнныя бумаги*, штемпельные почтовые конверты, гербовыя и почтовыя марки, но за неявку вложеній почтово-телеграфное вѣдомство не отвѣтствуетъ». Въ противоположность этому, на основаніи 238 ст., «въ заказныхъ письмахъ, пересылаемыхъ внутри Россіи, воспрещается отправлять *деньги*, имѣющія обращеніе въ Имперіи, которыя, въ случаѣ обнаруженія, конфискуются въ пользу казны, за исключеніемъ четвертой части, отдаваемой по закону открывателю». При этомъ, какъ усматривается изъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ, Почтовый Департаментъ категорически разъяснилъ, что «воспрещается, подъ условіемъ конфискаціи, пересылка въ заказныхъ письмахъ *только денегъ*, имѣющихъ обращеніе въ Имперіи, но не *цѣнныхъ бумагъ*, которыя, при нежеланіи отправителя переслать ихъ страховымъ порядкомъ, могутъ быть пересланы и въ *простой корреспонденціи*, но, конечно, на страхъ самого отправителя, безъ всякой отвѣтственности почтоваго вѣдомства за цѣлость этихъ цѣнностей, которое вознаграждаетъ только за утрату самаго заказного письма, въ размѣрѣ 10 руб., безъ всякаго различія, что именно пересылалось въ этомъ письмѣ». Такимъ образомъ, купецъ Кнопъ дѣйствовалъ сообразуясь съ зако-

номъ, который, установляя два вида отправленія цѣнностей, лишь опредѣляетъ матеріальную отвѣтственность казны за утрату цѣнностей при пересылкѣ ихъ страховымъ или простымъ порядкомъ, но, конечно, вовсе не имѣетъ въ виду установлять безотвѣтственность виновныхъ въ томъ случаѣ, когда утрата произошла отъ совершеннаго ими преступленія.

Обращаюсь, поэтому, къ разсмотрѣнію жалобы и протеста по существу. Прежде всего—*неправильная квалификація дѣянія подсудимыхъ при преданіи суду*. По мнѣнію гражданскаго истца, дѣяніе ихъ предусмотрѣно 1100 и 1659 ст. Улож. о наказ., такъ какъ оно составляетъ утайку простого заказного письма и похищеніе на сумму свыше 300 рублей,—а не статьею 1098 того же Уложенія, говорящею объ утайкѣ и похищеніи пакетовъ съ деньгами. Мнѣніе это неправильно. Оно основывается на различіяхъ, установленныхъ спеціальными правилами между разными родами почтовыхъ отправленій, и сообразно съ этимъ рѣзко отличаетъ денежное письмо отъ заказного письма со вложеніемъ цѣнностей. Но карательный законъ, о примѣненіи котораго здѣсь идетъ рѣчь, долженъ быть устойчивъ и не можетъ опираться на зыблемость временныхъ правилъ. Онъ имѣетъ въ виду наказуемыя дѣйствія, въ которыхъ выразилось преступное намѣреніе,—почтовыя же правила имѣютъ въ виду установленіе техническихъ подраздѣленій въ отправленіяхъ, видоизмѣняющихся притомъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напр., временныя правила устанавливаютъ въ § 13 два вида корреспонденціи—*письменную* и *посылочную*, при чемъ къ послѣдней относятся, между прочимъ, денежные и цѣнные пакеты, но въ то же время, по отношенію къ странамъ, приступившимъ къ условію объ отмѣнѣ пакетовъ съ объявленною цѣнностью, эти же самыя денежныя и цѣнныя письма составляютъ уже не *посылочную*, а *пакетную* корреспонденцію. Поэтому для опредѣленія законныхъ признаковъ дѣянія подсудимыхъ необходимо обратиться къ постановленіямъ Уложенія о наказаніяхъ, а не къ почтовымъ правиламъ. Двѣ первыя статьи о нарушеніяхъ устава почтоваго (1098—1099) существенно отличаются отъ третьей (1100) тѣмъ, что говорятъ о дѣйствіяхъ, равносильныхъ *присвоенію чужого имущества*, тогда какъ третья говоритъ о *служебномъ нарушеніи довѣрія*, оказываемаго почтовому учрежденію. Въ ст. 1098—1099 имѣется въ виду утайка или похищеніе предмета, имѣющаго имущественную цѣнность—денегъ, посылокъ, векселей и документовъ; по ст. 1100, цѣнность похищеннаго или утаеннаго—идеальная, ибо когда письмо имѣетъ значеніе автографа, а бумага—значеніе авторской рукописи, то ихъ и отправляютъ въ видѣ посылки. Статьи 401, 402, 416 и 418 X т., ч. 1 св. Зак. гражд., перечисляя роды и виды наличныхъ и долговыхъ движимыхъ имуществъ съ особою подробностью, относятъ къ нимъ лишь предметы, перечисленные въ

ст. 1098—1099. Поэтому-то и наказаніе по этимъ статьямъ назначается то же самое, какъ и за растрату имущества—по 354 ст. Улож. о наказ., тогда какъ ст. 1100 грозитъ своимъ собственнымъ, спеціальнымъ, съ нею связаннымъ наказаніемъ. Наконецъ, поэтому же въ ст. 1098 и 1099 говорится о прямомъ вознагражденіи потерпѣвшаго возвращеніемъ ему утаеннаго или похищеннаго имущества, а въ ст. 1100 о такомъ вознагражденіи не упоминается, почему оно подлежитъ отыскиванію въ качествѣ убытковъ, по 59 ст. Улож. о наказ. и согласно 684 ст. X т., ч. 1. Отсюда несомнѣнно, что утайка или похищеніе письма съ облигаціями восточнаго займа предусмотрѣна не 1100, а 1098 или 1099 статьями Уложенія. Какою же изъ этихъ статей? Есть ли облигаціи государственнаго займа — векселя или документы, упоминаемые въ 1099 статьѣ? Нѣтъ,—ибо они не устанавливаютъ договорныхъ и срочныхъ отношеній между опредѣленными, отдѣльными лицами,—не представляютъ собою и укрѣпленія правъ на какое либо недвижимое имущество, и т. под., не являются также и тѣми оправдательными документами, о которыхъ, подъ именемъ документовъ, согласно алфавитному указателю къ своду законовъ, исключительно говоритъ только уставъ счетный,—ибо, наконецъ, поддѣлка ихъ предусматривается не среди подлоговъ въ актахъ и обязательствахъ, а въ ст. 571 и 577 Уложенія, говорящихъ именно о поддѣлкѣ билетовъ русскихъ и иностранныхъ кредитныхъ установленій. Облигаціи эти, по своимъ свойствамъ и по способу обращенія своего на денежномъ рынкѣ, ближе всего подходятъ къ деньгамъ, о которыхъ упоминаетъ 1098 ст., примѣненная, по моему мнѣнію, къ дѣянію подсудимыхъ вполнѣ правильно. Въ заключеніе нельзя не указать и на то, что высшее почтовое начальство всегда считаетъ необходимымъ примѣнять 1098 ст. Улож. во всѣхъ аналогичныхъ настоящему случаяхъ. Такъ, постановленіемъ главнаго начальника почтъ и телеграфовъ по дѣлу Полозова, сужденнаго въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 21-го октября 1883 года, похищеніе цѣннаго пакета со вложеніемъ билетовъ 2-го внутренняго займа признано равносильнымъ похищенію пакета съ *деньгами;* такимъ же постановленіемъ въ декабрѣ 1886 года по дѣлу Захарова признано подходящимъ подъ 1098 ст. Улож. о наказ. похищеніе *рекомендованнаго письма,* въ которомъ пересылались фирмѣ «Мирамъ и Смоліанъ» купоны на сумму 1053 фунта стерлинговъ. Такимъ образомъ, относительно квалификаціи дѣяній подсудимыхъ, изъ которой вытекала и постановка вопросовъ, жалоба гражданскаго истца не можетъ быть уважена.

Перехожу къ *постановкѣ вопросовъ и къ отвѣту на первый изъ нихъ.* Правительствующій Сенатъ всегда придавалъ постановкѣ вопросовъ особое значеніе и видѣлъ въ ней центральный моментъ процесса, ибо къ вопросамъ сводится все производство и отъ нихъ же отправляется предсѣдатель въ своихъ разъясне-

ніяхъ, а присяжные въ своихъ разсужденіяхъ. Поэтому рамки кассаціоннаго разсмотрѣнія правильности постановки вопросовъ, постановлены широко. Не только жалоба на неправильность постановки вопросовъ, хотя бы и неуказанную при ихъ постановкѣ (рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента за 1871 годъ по дѣлу Арсеньева, за 1873 годъ по дѣлу Кехрибарджи, за 1882 годъ по дѣлу Сулятицкаго, за 1884 г. по дѣлу Свиридова), служитъ поводомъ къ ихъ провѣркѣ, но даже и отсутствіе жалобы на редакцію вопросовъ не лишаетъ кассаціонный судъ права, въ интересахъ общаго охраненія порядка судопроизводства, войти въ ея обсужденіе (1869 года, № 771, рѣшеніе по дѣлу Госроева). Приступая по этимъ основаніямъ къ разсмотрѣнію редакціи обжалованныхъ нынѣ вопросовъ, — хотя лишь одинъ повѣренный гражданскаго истца дѣлалъ замѣчанія по вопросу о событіи преступленія, а представитель прокурорскаго надзора противъ вопросовъ не предъявилъ на судѣ никакихъ возраженій, — надлежитъ признать, что въ редакціи перваго вопроса не представляется такой «неполноты, неясности или неопредѣленности», которыя должны вызывать обладающій такими же свойствами отвѣтъ присяжныхъ. На вопросъ суда: «было ли сданное Кнопомъ 15-го марта 1886 года въ Московскомъ почтамтѣ заказное письмо со вложеніемъ 180 облигацій *скрыто и по назначенію не отправлено* при чемъ вложенныя въ него цѣнности, *съ цѣлью ихъ похищенія*, изъ письма вынуты?»—присяжные отвѣтили: *«да, было скрыто и по назначенію не отправлено»*. Статья 1098 Улож., по которой подсудимые преданы суду, говоритъ объ утайкѣ *или* похищеніи посылаемыхъ съ почтой пакетовъ, соединяя какъ похищеніе, такъ и утайку въ одномъ преступномъ фактѣ, не раздѣляя между собою дѣйствій, изъ которыхъ онъ слагается. Поэтому раздѣленіе дѣйствій, введенное въ вопросъ, представляется излишнимъ и не вполнѣ правильнымъ, ибо второй и третій вопросы—о виновности Кетхудова и Махровскаго—указываютъ на совершеніе одними и тѣми же лицами однихъ и тѣхъ же поступковъ, тогда какъ, по редакціи вопроса о событіи—каждый изъ этихъ поступковъ могъ быть совершенъ разными лицами, независимо одинъ отъ другого, причемъ скрытіе и неотправленіе пакета по назначенію само по себѣ еще уголовнаго характера не имѣетъ, если сдѣлано безъ злого умысла, о которомъ говорится въ ст. 1100 Уложенія. Почтовый чиновникъ, который вслѣдствіе какихъ либо личныхъ исключительныхъ обстоятельствъ или чрезмѣрнаго накопленія работы, не успѣвъ записать и отправить пакетъ своевременно, удержитъ его до слѣдующаго дня, безъ сомнѣнія, подлежитъ за нарушеніе общихъ обязанностей службы строгой отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ, но въ дѣйствіяхъ его еще нѣтъ преступнаго нарушенія почтоваго устава. Кассаторы указываютъ на то, что такая постановка вопроса о событіи вызвала неполный отвѣтъ присяжныхъ,

которымъ, однако, судъ удовлетворился. Правительствующимъ Сенатомъ выработаны опредѣленныя правила относительно значенія и характера отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей. Согласно этимъ правиламъ, *во-первыхъ*, главный вопросъ, т. е. вопросъ о событіи преступленія—не можетъ быть вовсе оставленъ безъ отвѣта (1872 г., № 673, по дѣлу Страхова), *во-вторыхъ*, лишнія части отвѣта, не вытекающія изъ содержанія вопроса или повторяющія лишь то, что вопросомъ уже предусмотрѣно, не составляютъ неправильности, могущей быть кассаціоннымъ поводомъ (1872 г., № 350, 1874 г., № 192 и 1875 г., № 20); *въ-третьихъ*, отвѣтъ, по формѣ своей неполный, т. е. не состоящій въ одномъ лишь утвердительномъ или отрицательномъ выраженіи, а представляющій повтореніе при словѣ «да» нѣкоторыхъ признаковъ преступленія—не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія, если имъ не возбуждалось основательнаго сомнѣнія (1877 г., № 31, по дѣлу Горбунова). Такое сомнѣніе возникаетъ при *противорѣчіи въ отвѣтахъ* между собою, которое должно быть явнымъ, а не только предполагаемымъ,—и при внутреннемъ противорѣчіи въ содержаніи отдѣльнаго *отвѣта*, при чемъ неточность, вызывающая такое противорѣчіе должна быть не *формальная* только, а *существенная*.

Съ какою же неточностью имѣлъ дѣло судъ по вопросу о событіи преступленія Кетхудова и Махровскаго? Правительствующій Сенатъ твердо установилъ, что признаки преступленія, *неотвергнутые* присяжными, признаются *утвержденными*—и что если присяжные присоединили къ своему отвѣту одинъ изъ признаковъ преступленія, указаннаго въ вопросѣ, *не отвергнувъ положительно* остальныхъ, они признали тѣмъ самымъ наличность всего преступленія въ составѣ всѣхъ его признаковъ. Практика Сената представляетъ въ этомъ отношеніи послѣдовательное и всестороннее проведеніе этого взгляда. Такъ, относительно отвѣта *о событіи преступленія* въ 1869 году, № 473, по дѣлу Меркулова и Коровина, признано, что отвѣтъ: «да, было нападеніе»—соотвѣтствуетъ всѣмъ признакамъ преступленія, обозначеннаго въ вопросѣ: «было ли сдѣлано нападеніе на потерпѣвшихъ, при чемъ открытою силою отнята у нихъ лошадь и нападеніе сопровождалось явною опасностью?» По отношенію къ *особо уменьшающимъ вину обстоятельствамъ*, въ 1870 году, № 413, по дѣлу Мократъ, указано, что, отвѣтивъ «да, по крайности»,—присяжные засѣдатели признали и другой необходимый для примѣненія ст. 1663 признакъ—неимѣніе никакихъ средствъ къ пропитанію,—о которомъ было упомянуто въ вопросѣ. По вопросу о *виновности*, рѣшеніе 1871 г., № 1754, разъясняетъ, что судъ правильно, согласно съ постановленнымъ вопросомъ, присудилъ Комарова по 1-й части 576 ст. Улож., за выпускъ фальшиваго кредитнаго билета, съ знаніемъ переводителей и поддѣлывателей, несмотря на то, что присяжные отвѣтили лишь «да, виновенъ въ сбытѣ фальшиваго билета», что само по себѣ соотвѣтствовало бы

лишь мошенничеству. Рѣшеніемъ 1878 года, № 21, слова: «да, купили завѣдомо краденое»—признаны отвѣчающими вполнѣ на вопросъ: «виновенъ ли Петровъ въ покупкѣ завѣдомо краденыхъ бочекъ съ масломъ съ затонувшаго судна Темераріо?» Наконецъ, относительно причинъ, по коимъ содѣянное *не вмѣняется* въ вину, Сенатъ въ 1875 году по дѣлу Ильина, № 21, нашелъ, что отвѣтомъ: «былъ вынужденъ, защищая себя», на вопросъ: «если виновенъ въ нанесеніи смертельной раны, то не былъ ли вынужденъ къ тому, защищая отъ нападенія свою жизнь и здоровье, не имѣя притомъ возможности прибѣгнуть къ защитѣ мѣстнаго начальства?»—присяжные признали всѣ требуемые закономъ признаки необходимой обороны. Въ виду всего сказаннаго, Московскій Окружной Судъ имѣлъ дѣло по вопросу о событіи преступленія съ неточностью отвѣта формальною, а не существенною, и никакого нарушенія, принявъ отвѣтъ присяжныхъ безусловно, не допустилъ. Поэтому жалобы по первому вопросу слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій.

Кончая съ вопросомъ о событіи преступленія, я позволяю себѣ теперь же сказать нѣсколько словъ по поводу жалобы гражданскаго истца на отказъ въ разрѣшеніи его иска уголовнымъ судомъ. Этотъ отказъ вполнѣ правиленъ. Судъ нашелъ, что по точному смыслу 6, 7, 17, 776 ст. Уст. угол. суд., 7 ст. Уст. гражд. суд., 689 ст. X т., ч. 1, св. зак. гражд. и рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по дѣлу о злоупотребленіяхъ Московскаго ссуднаго коммерческаго банка, уголовный судъ обязанъ разрѣшать гражданскіе иски только въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано присяжными засѣдателями преступленіе совершеннымъ тѣми подсудимыми, которые въ немъ обвинялись, хотя бы оно и не было вмѣнено имъ въ вину. По настоящему дѣлу признанъ присяжными засѣдателями только фактъ преступленія, но подсудимые въ совершеніи его не признаны виновными, а потому Московскій Судъ, не имѣя основанія разрѣшать гражданскій искъ торговаго дома Л. Кнопъ въ порядкѣ уголовнаго производства, нашелъ этотъ искъ не подлежащимъ своему разрѣшенію. Уголовному суду, разсматривающему гражданскій искъ, надлежитъ, подобно суду гражданскому, имѣть предъ собою не только исковыя требованія, но и опредѣленнаго отвѣтчика. Разъ указанный истцомъ отвѣтчикъ по существу рѣшенія присяжныхъ таковымъ не признается—уголовному суду не съ кого присуждать иска, и онъ не можетъ поступить иначе, какъ поступилъ Московскій Судъ. Отвѣтъ присяжныхъ на вопросъ о событіи преступленія можетъ служить въ данномъ случаѣ, лишь основаніемъ для предъявленія новаго иска, въ судѣ гражданскомъ, съ новымъ указаніемъ и отвѣтчиковъ.

Перехожу къ вопросу о виновности подсудимыхъ Кетхудова и Махровскаго *въ служебномъ подлогѣ,* съ цѣлью сокрытія произведеннаго ими присвоенія пакета, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 359 ст. Уст. улож. о наказ. Вопросы 4 и 5 поставлены

въ слѣдующей редакціи: «если подсудимый виновенъ въ дѣяніи, описанномъ выше (то есть въ сокрытіи письма Кнопа и взятіи изъ него цѣнностей), то составилъ ли онъ протоколъ-карту, включивъ въ него завѣдомо ложныя свѣдѣнія о нахожденіи письма Кнопа въ постъ-пакетѣ, адресованномъ въ Берлинъ, каковой протоколъ, удостовѣривъ своею подписью, представилъ затѣмъ своему начальству?» Такая редакція представляется вполнѣ и безусловно неправильною. Она неправильна, *во-первыхъ*, съ точки зрѣнія *матеріальнаго права.* Еще въ 1879 году Правительствующій Сенатъ, утверждая приговоръ Варшавской Судебной Палаты по дѣлу Кименскаго и Соколовскаго, призналъ правильнымъ взглядъ Палаты на статью 359 Улож., какъ на состоящую изъ статей 354 и 362, т. е. слагающуюся изъ отдѣльныхъ понятій служебной растраты и должностного подлога. Въ рѣшеніи по дѣлу Тушинскаго, 1882 г., № 50, Сенатъ категорически разъяснилъ, что лицо, обвиняемое по 359 ст. Улож., обвиняется въ двухъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ преступныхъ дѣяніяхъ—въ растратѣ и подлогѣ для ея сокрытія, и что соединеніе въ одинъ вопросъ обоихъ этихъ обвиненій не должно имѣть, въ нарушеніе 756 ст. Уст. угол. суд., мѣста, ибо одно изъ этихъ обвиненій можетъ быть разрѣшено утвердительно, а другое отрицательно. Присяжные могутъ признать присвоеніе и отвергнуть подлогъ, или наоборотъ; если же они признаютъ и то и другое во взаимной ихъ связи, то слѣдуетъ примѣнить, смотря по роду подложныхъ документовъ, или наказаніе по совокупности 354 и 362 ст. Улож., если документы эти не суть «оправдательные», или же наказаніе по 359 ст., если составленные документы суть именно оправдательные, т. е. квитанціи, росписки, и т. п. Но если нельзя соединять этихъ двухъ обвиненій въ одномъ вопросѣ, то, по тѣмъ же основаніямъ, нельзя и обусловливать одно другимъ въ одномъ вопросѣ, спрашивая присяжныхъ о виновности въ подлогѣ лишь *подъ условіемъ* виновности въ утайкѣ или присвоеніи («если виновенъ... то...»). Вопросы, поставленные Московскимъ Судомъ, вполнѣ уполномочивали, по своей редакціи, присяжныхъ вовсе не отвѣчать о подлогѣ послѣ того, какъ они отвергли виновность подсудимыхъ въ утайкѣ пакета, — что присяжные и сдѣлали. Правильная постановка вопросовъ по настоящему дѣлу требовала бы отдѣльныхъ вопросовъ объ утайкѣ, о подлогѣ и о томъ, былъ ли учиненъ подлогъ для сокрытія утайки, такъ какъ, согласно рѣшенію 1869 г., № 1094, по дѣлу Ванина, въ виду ст. 755 Уст. угол. суд., вопросы объ обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ виновность, къ которымъ относится и сокрытіе, упомянутое, въ ст. 359 Улож., должны быть предметомъ особаго вопроса. Объясненіе Кетхудова, что обвиненія въ подлогѣ противъ него никогда не возводилось, ибо его нѣтъ въ обвинительномъ актѣ, не заслуживаетъ уваженія и по существу преступленія, предусмотрѣннаго 359 ст. Улож., и потому, что въ служащемъ, по 1095 ст. Уст. угол. суд., основа-

ніемъ для обвинительнаго акта опредѣленіи губернскаго правленія, предавшаго сортировщиковъ суду, прямо упомянута и 362 ст. Улож. Точно также и заявленіе его, что независимая постановка вопросовъ объ утайкѣ и о подлогѣ есть *абсурдъ*, есть лишь выраженное въ совершенно неумѣстной формѣ самонадѣянное предрѣшеніе вопроса.

Неменьшую неправильность, *во-вторыхъ*, представляютъ, вопросы о подлогѣ съ *точки зрѣнія судопроизводственной*. Рѣшеніями по дѣламъ Мельницкихъ и Свиридова съ подробностью разъяснено существенное содержаніе и соотношеніе вопросовъ о событіи, о виновности и о вмѣненіи. Преподавъ рядъ примѣровъ постановки вопросовъ Правительствующій Сенатъ установилъ, что согласно 754 ст. Уст. угол. суд. вопросъ о *совершеніи* дѣянія выдѣляется изъ общаго вопроса о *виновности* исключительно при необходимости поставить отдѣльный вопросъ о законной *причинѣ невмѣняемости*,—во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ изъ вопроса о виновности можетъ быть выдѣляемъ лишь вопросъ о *событіи* преступленія. Эти рѣшенія Правительствующаго Сената представляютъ собою не простое толкованіе закона въ примѣненіи къ тому или другому частному случаю,—толкованіе, подъ которое новый частный случай можетъ и не подходить. Это *императивное указаніе*, вмѣняющее судамъ въ обязанность извѣстный, опредѣленно установленный порядокъ дѣйствій. Отъ исполненія такого указанія судебныя учрежденія не должны себѣ позволять уклоняться ни подъ какимъ предлогомъ. Иначе *упорядочивающая* дѣятельность Правительствующаго Сената потеряетъ всякій смыслъ и значеніе. Между тѣмъ, Московскій Окружной Судъ въ дѣлѣ Кетхудова прямо нарушилъ преподанныя Сенатомъ правила, редактировавъ 4-й и 5-й вопросы, такъ, что утвердительный отвѣтъ на нихъ—съ признаніемъ или безъ признанія утайки—долженъ содержать въ себѣ лишь удостовѣреніе, что подсудимые *составили* подложный протоколъ-карту. Но такое удостовѣреніе не есть отвѣтъ о виновности подсудимыхъ въ подлогѣ. *Сдѣлалъ* — еще не значитъ *виновенъ*, и примѣненіе карательной мѣры по такому отвѣту возможно лишь при полномъ смѣшеніи понятій о фактической сторонѣ дѣянія съ понятіемъ о вмѣненіи этого дѣянія въ вину. Эти нарушенія, допущенныя при постановкѣ 4-го и 5-го вопросовъ, настолько, по моему мнѣнію, существенны и явны, что едва ли нужны дальнѣйшія доказательства невозможности оставить въ силѣ приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ по обвиненію подсудимыхъ въ служебномъ подлогѣ.

Таковы нарушенія *первой категоріи*. Обращаюсь ко второй категоріи,—къ нарушеніямъ при судебномъ состязаніи, разумѣя подъ нимъ, согласно съ толкованіемъ Правительствующаго Сената, судебное слѣдствіе и пренія. *Первое* изъ нихъ, по мнѣнію кассаторовъ относится къ ст. 629 и 687 Уст. угол. суд. и выразилось, во-первыхъ, въ отказѣ въ прочтеніи копій приговоровъ, представленныхъ

повѣреннымъ гражданскаго истца, для опроверженія показанія графа де-Шамборана, что ему неизвѣстно о случаяхъ похищенія цѣнныхъ пакетовъ изъ почтовыхъ учрежденій и, во-вторыхъ, въ непрочтеніи находящагося въ дѣлѣ прошенія Кетхудова, отъ 17-го декабря 1887 года, коимъ онъ домогался получить деньги по заарестованнымъ у него векселямъ. Рѣшеніями по дѣламъ Чеботаревскаго, 1874 года, и Митрофанова, 1872 года — признано, что участвующему въ дѣлѣ лицу не можетъ быть возбранено прочтеніе находящихся у него документовъ, относящихся къ предмету показаній свидѣтелей, когда этими документами можетъ быть доказана неточность или несправедливость этихъ показаній относительно того или другого обстоятельства, подлежащаго изслѣдованію. Допустивъ, какъ *относящійся къ дѣлу*, вопросъ о существованіи того или другого обстоятельства, судъ, уже не имѣетъ основанія воспрещать доказательство этого существованія посредствомъ представленія находящихся у участвующихъ въ дѣлѣ документовъ. Если бы на вопросъ, предложенный графу де-Шамборану, онъ отвѣчалъ утвердительно,—этотъ отвѣтъ не могъ бы быть признанъ, въ виду разрѣшенія задать вопросъ, не относящимся къ дѣлу; нельзя признать, поэтому, правильнымъ и отказъ въ принятіи, на основаніи 629 и 687 статей, документальнаго дополненія къ этому отвѣту. Такой неправильности вовсе не усматривается въ отказѣ прочесть прошеніе Кетхудова. Изъ дѣла видно, что похищеніе денегъ Кнопа совершено 15-го марта 1886 года, — что 24-го марта о пропажѣ пакета заявлено почтамту, и что затѣмъ начато административное разслѣдованіе. 21-го іюля того же года сортировщикъ почтамта Кетхудовъ, получавшій 410 р. въ годъ жалованья, заключилъ съ присяжнымъ повѣреннымъ Нѣмчиновымъ договоръ, по коему, за ежегодную плату въ 1,500 р., вносимую впередъ по третямъ, послѣдній обязался, между прочимъ, вести гражданскія дѣла Кетхудова, къ коимъ относятся и взысканія Кетхудова по учтеннымъ имъ векселямъ, на сумму около 60,000 р. Во время слѣдствія Нѣмчиновъ представилъ 13 такихъ векселей на 56,900 р., учтенныхъ или полученныхъ, какъ оказалось, *послѣ 15-го марта 1886 года,* почему таковые и были пріобщены къ слѣдственному производству. Когда же до свѣдѣнія Кетхудова дошло, что векселедатель Княжевскій собирается продать свое имѣніе, то онъ, особымъ прошеніемъ отъ 19-го декабря, просилъ выдать векселя Княжевскаго на сумму 11,200 р. для предъявленія ко взысканію и наложенія запрещенія, повѣренному его, присяжному повѣренному Шубинскому, еще 9-го ноября назначенному ему защитникомъ отъ суда, съ тѣмъ, чтобы взысканная сумма была представлена въ кассу суда, за вычетомъ издержекъ взысканія и гонорара, условленнаго за взысканіе между истцомъ Кетхудовымъ и присяжнымъ повѣреннымъ Шубинскимъ. Въ прочтеніи этого прошенія судъ отказалъ, и совершенно основательно, ибо статья

620 относится лишь до документовъ, находящихся на рукахъ свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ, а не въ производствѣ; для прочтенія же послѣднихъ необходимо, чтобы они подходили подъ указанія 687 статьи Уст. угол. суд. и относились къ дѣлу, чего ни изъ формы, ни изъ содержанія изложеннаго мною прошенія не усматривается.

Второй поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ усматривается кассаторами въ допущеніи объясненій защитника въ такой формѣ и такого содержанія, что ими присяжные засѣдатели вводились въ заблужденіе относительно истинныхъ свойствъ дѣяній, какъ подсудимыхъ, такъ и потерпѣвшаго отъ преступленія. Обращаясь къ обсужденію степени уважительности этого повода, необходимо замѣтить, что изъ рѣшеній Правительствующаго Сената по дѣламъ игуменьи Митрофаніи, Мельницкихъ и Мироновича вытекаетъ общее правило, что жалоба сторонъ въ дѣлѣ на допущеніе противника къ высказыванію чего либо явно несогласнаго съ требованіями 745 ст. Уст. угол. суд., можетъ подлежать кассаціонной оцѣнкѣ лишь тогда, когда для сужденія о ея *фактической* основательности имѣется въ производствѣ суда *письменное доказательство*. Такимъ доказательствомъ—прежде и главнѣе всего—является протоколъ судебнаго засѣданія, долженствующій, согласно 835—837 ст. Уст. угол. суд., представлять точную и полную картину того, что происходило на судѣ. Протоколъ этотъ на основаніи 842—844 ст., можетъ быть дополняемъ *замѣчаніями* сторонъ о неточности его изложенія, которыя подлежатъ затѣмъ разсмотрѣнію суда, обязаннаго постановить по нимъ свое *заключеніе*. Поэтому, въ случаѣ сдѣланія такихъ замѣчаній на протоколѣ,—полная картина происходившаго на судѣ слагается изъ протокола и изъ заключенія суда по замѣчаніямъ: иными словами—протоколъ является окончательнымъ удостовѣреніемъ хода судебнаго засѣданія, лишь будучи дополненъ постановленіемъ суда, содержащимъ отвѣтъ на замѣчанія сторонъ. Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніяхъ 1876 года, № 69, по дѣлу Константинова, 1873 года, № 593, по дѣлу Хисамутдинова, и 1870 года, № 1506, по дѣлу Гайдукова—высказалъ, что безъ признанія судомъ справедливости замѣчаній на протоколъ — или, наоборотъ, отвергнутія ихъ — самый протоколъ не представляется *неоспоримымъ* доказательствомъ происходившаго на судѣ. Слѣдовательно, въ случаѣ сдѣланія сторонами замѣчаній на протоколъ, матеріаломъ для оцѣнки бывшаго на судѣ служитъ *протоколъ, дополненный постановленіемъ суда*. Насколько важное значеніе для такой оцѣнки имѣетъ эта совокупность протокола и заключеній суда,—съ очевидностью явствуетъ даже изъ настоящаго дѣла.—Обсуждая замѣчанія сторонъ на протоколъ, Московскій Окружной Судъ удостовѣряетъ, въ постановленіи своемъ отъ 23-го февраля сего года, что защитникъ Кетхудова былъ остановленъ предсѣдательствующимъ четыре раза — по поводу зая-

вленій его о пріемахъ обвинителя, о порядкахъ почтамта, о «понимательномъ аппаратѣ» товарища прокурора и о рукоплесканіяхъ публики, какъ отвѣтѣ на обвиненіе защитника товарищемъ прокурора въ проповѣди «непотребныхъ мыслей» вмѣсто сѣянія добра. Такого рода остановки, составляя осуществленіе предоставленнаго предсѣдателю статьею 611 Уст. угол. суд. права по управленію ходомъ дѣла, на основаніи п. 7 ст. 836, должны быть заносимы въ протоколъ обязательно, безъ ходатайства о томъ участвующихъ лицъ. Между тѣмъ, ни одна изъ этихъ остановокъ не внесена въ протоколъ, который, слѣдовательно, вопреки указаніямъ ст. 837 Уст. угол. суд., составленъ не такъ, «чтобы изъ него можно было видѣть весь ходъ дѣла на судѣ и удостовѣриться въ соблюденіи тѣхъ правилъ, нарушеніе коихъ можетъ быть поводомъ къ отмѣнѣ приговора». Такимъ образомъ, заключеніе суда, содержащееся въ постановленіи 23-го февраля, дополняетъ существеннымъ образомъ протоколъ, и лишь въ совокупности съ нимъ даетъ дѣйствительную картину того, что произошло въ судебномъ засѣданіи по настоящему дѣлу.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что сторона, не озаботившаяся своевременнымъ внесеніемъ въ протоколъ тѣхъ заявленій, на допущеніе которыхъ она жалуется,—не запасшись этимъ неоспоримымъ и такъ сказать историческимъ по дѣлу удостовѣреніемъ факта, которымъ нарушены ея права,—можетъ лишь указывать на заключеніе суда по замѣчаніямъ на протоколъ и въ этомъ заключеніи искать опоры своимъ доводамъ. Въ этомъ случаѣ возстановленіе того, что было — построенное исключительно въ предѣлахъ постановленія, на основаніи удостовѣренія суда, можетъ послѣдовать лишь послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ. Правительствующій Сенатъ, разсматривая вопросъ о невнесеніи въ протоколъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ руководящаго напутствія присяжнымъ, призналъ, по дѣлу Мироновича, что судьи, по истеченіи значительнаго времени, могутъ не сохранить въ памяти, со всею точностью, словъ предсѣдателя, для безошибочнаго удостовѣренія или опроверженія замѣчаній. То же самое, въ извѣстной степени, относится и къ судебнымъ преніямъ. И по отношенію къ нимъ судьямъ можетъ представляться затруднительнымъ вспомнить въ точности выраженія, которыя, не будучи указаны своевременно, не могли застыть на страницахъ протокола въ точной и непререкаемой формѣ. Я говорю, впрочемъ, объ *извѣстной степени* потому, что память судей должна невольно воспринимать и удерживать въ себѣ пренія сторонъ съ большею силою, чѣмъ слова предсѣдателя въ его руководящемъ напутствіи. Сторона, обращаясь и къ присяжнымъ, и къ судьямъ, говоритъ обыкновенно односторонне, выдвигаетъ и освѣщаетъ свои положенія рѣзко, употребляя острый рѣзецъ и кисть съ густыми и яркими красками. Напутственное слово предсѣдателя, обращенное исключительно къ

однимъ присяжнымъ, — спокойное и сдержанное, — на практикѣ иногда довольно безцвѣтное, не способно приковать къ полутонамъ своихъ уравновѣшанныхъ разсужденій вниманіе судей, которыхъ оно можетъ лишь въ единичныхъ случаяхъ интересовать своею техникою. Гораздо легче запомнить, *что* клалось на противоположныя чашки вѣсовъ, чѣмъ отмѣтить въ памяти, *какъ* удерживалъ взвѣшивающій коромысло отъ колебаній. Поэтому презумпція о «забывчивости» судей по отношенію къ преніямъ сторонъ гораздо слабѣе, чѣмъ по отношенію къ словамъ предсѣдателя.

Составляя заключеніе свое по замѣчаніямъ сторонъ о нарушеніяхъ во время преній, не опирающимся на содержаніе протокола, судъ можетъ пойти троякимъ путемъ. Онъ можетъ, примѣняясь къ разъясненію по дѣлу Мироновича, совершенно уклониться отъ удостовѣренія содержанія отдѣльныхъ мѣстъ въ судебныхъ рѣчахъ; можетъ, наоборотъ, подтвердить замѣчанія во всемъ, въ чемъ они касаются и *формы*, и *содержанія* сказаннаго; можетъ, наконецъ, не довѣряя своей памяти относительно *формы*, возстановить въ своемъ заключеніи *смыслъ* сказаннаго. Выборъ каждаго пути вполнѣ зависитъ, конечно, и отъ свойства и серьезности замѣчаній, и отъ взгляда суда на то, какое именно содержаніе его заключенія на замѣчанія наиболѣе соотвѣтствуетъ достоинству учрежденія, призваннаго отправлять значительную часть своей многосложной дѣятельности гласно и публично, т. е. въ условіяхъ, вызывающихъ иногда необходимость, признаніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, сказать «mea culpa!» При избраніи судомъ перваго пути кассатору остается лишь сѣтовать на собственную непредусмотрительность во время судебнаго состязанія; при готовности суда вступить на послѣдній путь, кассатору предстоитъ напомнить суду, хотя бы въ приблизительной формѣ, такія выраженія, которыя могутъ предоставить возможность возстановить смыслъ сказаннаго, такъ сказать, *палеонтологически*, возсоздавая постройку существенныхъ мѣстъ рѣчи по уцѣлѣвшимъ отъ нихъ частицамъ.

По настоящему дѣлу, повѣренный гражданскаго истца проявилъ во время судебнаго слѣдствія нѣкоторую бдительность, потребовавъ занесенія въ протоколъ словъ защитника Кетхудова: «Кнопъ обсчитывалъ русскую казну», но представитель обвинительной власти не можетъ упрекнуть себя въ чрезмѣрномъ вниманіи къ огражденію ввѣренныхъ ему интересовъ, не позаботясь о закрѣпленіи протоколомъ тѣхъ выраженій защитника, которыя потомъ, въ изобиліи и съ подробностью, приведены имъ же самимъ въ замѣчаніяхъ на протоколъ. Здѣсь произошло то явленіе, съ которымъ Правительствующему Сенату приходится, къ сожалѣнію, встрѣчаться при разсмотрѣніи дѣлъ чаще, чѣмъ бы слѣдовало, и которое состоитъ въ довольно беззаботномъ отношеніи къ возможности будущаго удостовѣренія нарушеній во время судебнаго состязанія, — повидимому, вслѣдствіе преждевременной увѣренности въ силѣ и

убѣдительности произнесенной обвинительной рѣчи. Такимъ образомъ единственнымъ матеріаломъ для разрѣшенія вопроса о нарушеніи 745 ст. Уст. угол. суд. служитъ заключеніе Московскаго Суда на замѣчанія. Въ этомъ заключеніи судъ избралъ средній путь, вполнѣ согласный съ задачею суда, которому и обвинитель и гражданскій истецъ настойчиво напоминаютъ объ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ процессѣ, получившемъ громкую печатную огласку, не ускользнувшую и отъ вниманія суда, какъ видно изъ ссылки въ его постановленіи на газеты «Русскій Курьеръ» и «Московскій Листокъ»—и выходящемъ, по своему предмету и результату, изъ ряда обыкновенныхъ. Удостовѣривъ четырехкратную остановку защитника и тѣмъ признавъ, въ существѣ, правильность замѣчаній обвинителя, судъ находитъ, что, по отношенію къ другимъ отмѣченнымъ въ замѣчаніяхъ словамъ и выраженіямъ сторонъ, онъ «можетъ, по памяти, удостовѣрить, что *значительное ихъ большинство представляютъ болѣе или менѣе близкій выводъ* изъ приводившагося на судѣ стороною того или другого *положенія*, и если отмѣчаемыя слова и выраженія точно были сказаны, чего съ достовѣрностью судъ утверждать не можетъ, то сказаны были вскользь, и во всякомъ случаѣ въ неразрывной связи съ другими положеніями и данными, прямо заимствованными изъ судебнаго слѣдствія».

Такимъ образомъ удостовѣреніе суда касается формы и содержанія обжалованныхъ заявленій защитника. Относительно *формы* ихъ судъ не можетъ утверждать съ достовѣрностью, чтобы заявленія эти были сдѣланы именно въ тѣхъ выраженіяхъ и словахъ, которыя приведены въ замѣчаніяхъ. Относительно *содержанія* и *смысла* этихъ заявленій судъ признаетъ, что отмѣчаемыя слова и выраженія представляютъ *выводъ*, и притомъ болѣе или менѣе близкій, изъ приводившагося защитникомъ *положенія*. Иными словами, судъ объясняетъ, что смыслъ указываемыхъ въ рѣчахъ защитника мѣстъ характеризуется приводимыми въ замѣчаніяхъ выраженіями и соотвѣтствуетъ имъ, хотя могъ быть высказанъ и не этими именно выраженіями. Этимъ судъ даетъ возможность судить о приводившихся на судѣ положеніяхъ. При такомъ сужденіи, конечно, не можетъ имѣть значенія ни то, что отдѣльныя слова и выраженія были сказаны *вскользь*, ни то, что они находились въ *неразрывной связи* съ другими положеніями, заимствованными изъ судебнаго слѣдствія. Нельзя прежде всего не замѣтить, что выраженіе, составляющее *выводъ* изъ *положенія* и находящееся притомъ въ неразрывной связи съ другимъ положеніемъ—едва ли можетъ быть сказано *вскользь;* притомъ же здѣсь дѣло идетъ, согласно заключенію суда, не о точности каждаго выраженія въ отдѣльности, а о понятіяхъ, связанныхъ съ общимъ смысломъ совокупности этихъ или однородныхъ съ ними выраженій. Если сторонѣ будетъ ставимо въ упрекъ рѣзкое обвиненіе

противника, напр., во лжи, при приведеніи какого нибудь закона, то для сужденія о томъ, *что* было сказано—безразлично—была ли мысль о лжи выражена словами «ложь», «неправда», «обманъ», «искаженіе истины», и т. п. Точно также и связь вывода изъ неправильнаго положенія съ положеніемъ вполнѣ правильнымъ не измѣняетъ характера перваго положенія. Неправильный и безнравственный выводъ о ненаказуемости обольстителя торжественнымъ обѣщаніемъ жениться, можетъ находиться въ связи съ основаннымъ на данныхъ судебнаго слѣдствія выводомъ о томъ, что обвиняемый и потерпѣвшая оказались столь несходными характеромъ, что ихъ семейная жизнь не обѣщала быть счастливою; положеніе о полезности клеветы можетъ быть связано съ обнаруженною на слѣдствіи заботою потерпѣвшаго объ особой осторожности въ словахъ и поступкахъ, чтобы избѣгать на будущее время ложнаго обвиненія, и т. д.

Какія же положенія приводились, между прочимъ, въ рѣчи защитника Кетхудова сверхъ тѣхъ выраженій, которыя были признаны самимъ предсѣдательствующимъ вызывающими необходимость остановить защитника? Мы имѣемъ указаніе на «болѣе или менѣе близкіе выводы» изъ нихъ въ замѣчаніяхъ сторонъ на протоколъ, и если выраженія, записанныя товарищемъ прокурора и гражданскимъ истцомъ, быть можетъ, не вполнѣ согласны и тождественны съ произнесенными на судѣ, то положенія, изъ которыхъ они составляютъ, по удостовѣренію суда, *выводъ*—обрисовываются съ достаточною ясностью и опредѣленностью. Предъ нами слагается рядъ положеній, изъ которыхъ каждаго достаточно, чтобы признать, что въ рѣчь защитника Кетхудова былъ внесенъ элементъ, идущій въ разрѣзъ съ тѣми понятіями, на которыхъ зиждется нравственный и правовой строй благоустроеннаго общества. Преступныя дѣянія подсудимыхъ, сознавшихся въ похищеніи чужихъ цѣнныхъ бумагъ и сокрытіи этого похищенія путемъ подлога, а слѣдовъ его посредствомъ зарытія бумагъ въ землю въ окрестностяхъ Москвы, выставляются какъ прямое послѣдствіе дѣйствій потерпѣвшаго, состоявшихъ въ осуществленіи права, предоставленнаго ему закономъ, основаннымъ на международномъ почтовомъ соглашеніи. Потерпѣвшій есть настоящій виновникъ всего, ибо, поступая согласно съ почтовыми правилами, онъ долженъ былъ, однако, заботиться о томъ, чтобы не вводить въ соблазнъ чиновниковъ, памятуя не только пословицы, но и святое Евангеліе, изъ котораго, согласно тождественному замѣчанію кассаторовъ на протоколъ, приводится, совершенно неумѣстно, текстъ, возвышенный и глубокій смыслъ котораго толкуется въ самомъ извращенномъ смыслѣ. Денежный интересъ дѣла, — проводится во второмъ положеніи, — меркнетъ предъ тѣмъ ущербомъ, который несла русская казна отъ посылокъ денежныхъ цѣнностей въ заказныхъ письмахъ. Надъ этою стороною дѣла рекомендуется присяжнымъ серьезно задуматься, памятуя, что если

иногда нужны обвинительные приговоры, чтобы сдержать корыстолюбивые порывы бѣдняковъ, то иногда также необходимы оправдательные приговоры, чтобы сдержать своекорыстныя стремленія богачей и напомнить имъ, что не весь міръ существуетъ для нихъ и для ихъ хищническихъ вожделѣній. Кассаторы утверждаютъ, что, развивая эти положенія, защита указывала и на то, что подсудимые своимъ преступнымъ дѣломъ оказали услугу русскимъ финансамъ, такъ какъ послѣ похищенія пакета съ 120.000 р. число страховыхъ отправленій увеличилось на счетъ числа заказныхъ. Судъ, въ своемъ второмъ опредѣленіи отъ 23-го февраля, по поводу содержанія кассаціонной жалобы и протеста — объясняетъ, что не помнитъ, чтобы защитникъ говорилъ объ услугахъ русскимъ финансамъ, а удостовѣряетъ лишь ссылку защитника на показаніе почтоваго пріемщика Нурко о значительномъ увеличеніи числа и суммы денежныхъ поступленій послѣ 15-го марта, т. е. послѣ похищенія пакета Кнопа. Поэтому положенія объ услугахъ финансамъ можно и не касаться, хотя нельзя не замѣтить, что положеніе о меркнущемъ денежномъ интересѣ, въ виду ущерба русской казны, въ связи съ указаніемъ на увеличеніе денежныхъ поступленій послѣ того дня, когда Кнопъ «соблазнилъ» подсудимыхъ,—и съ занесенными въ протоколъ словами «Кнопъ обсчитывалъ казну», даютъ нѣкокорое основаніе думать, что и въ этомъ отношеніи замѣчанія кассаторовъ не особенно расходятся съ дѣйствительностью. Но и безъ указанія на услуги финансамъ приведенныя положенія идутъ въ прямой разрѣзъ съ понятіемъ о правильномъ и закономѣрномъ отправленіи уголовнаго правосудія. Съ этой точки зрѣнія необходимо обратиться и къ дальнѣйшему положенію, въ которомъ указывается на то, что настала пора «возвыситься до болѣе серьезной оцѣнки явленій, имѣющихъ государственный смыслъ», и послѣ сопоставленія высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи съ колебаніемъ курса русскихъ бумагъ на берлинской биржѣ — объясняется присяжнымъ, что они «собрались въ залъ суда не защищать лишь частные интересы, но и отдать долю серьезнаго вниманія и государственнымъ интересамъ, если таковые окажутся выдвинутыми предъ ними данными дѣла». Придавая такимъ толкованіемъ обвиненію подсудимыхъ совершенно ложное значеніе защиты денежныхъ интересовъ частнаго лица, а не защиты нарушеннаго преступленіемъ общественнаго порядка, присяжный повѣренный Шубинскій, выходя изъ принадлежащей ему, по смыслу судебныхъ уставовъ, роли, вторгается въ область предсѣдателя, которому одному принадлежитъ, на осн. 801 и 804 ст. Уст. угол. суд., право разъяснять и истолковывать присяжнымъ засѣдателямъ ихъ задачи и обязанности, согласно принятой ими, по 666 ст. Уст. угол. суд., присягѣ.

Приглашеніе стать на высоту государственной точки зрѣнія, будто бы уполномочивающей присяжныхъ, въ виду ущерба, несомаго

казною отъ установленныхъ самимъ же государствомъ правилъ, признать *необходимость* произнесенія оправдательнаго приговора, который, противорѣча даже собственному сознанію подсудимыхъ, сдержалъ бы своекорыстныя стремленія богачей—есть приглашеніе присяжныхъ къ явному забвенію ихъ долга, какъ судей, призванныхъ различать виновныхъ отъ невиновныхъ, а небогатыхъ отъ бѣдныхъ, и обязанныхъ заботиться не о томъ, какой приговоръ въ данномъ случаѣ, по ихъ личнымъ вкусамъ, нуженъ или полезенъ, а о томъ, какой приговоръ наиболѣе соотвѣтствуетъ правдѣ, раскрытой судомъ. Внесеніе въ матеріалъ, подлежащій обсужденію присяжныхъ изображенія казны, какъ заслоняющей и даже оправдывающей своими ущербами преступныя дѣянія подсудимыхъ, и указаніе присяжнымъ, что отвѣтомъ на натянутыя экономическія отношенія двухъ странъ можетъ быть постановленный *въ государственномъ интересѣ* оправдательный приговоръ—представляютъ собою полное извращеніе элементарныхъ понятій о настоящемъ государственномъ интересѣ и о государственномъ достоинствѣ, которое обязанъ, въ сферѣ своихъ дѣйствій, охранять и всемѣрно поддерживать и судъ. Международное право допускаетъ разные виды реторсій и репрессалій въ отношеніяхъ государствъ между собою, но несомнѣнно, что покуда не разрушилась современная умственная и нравственная культура, такія своеобразныя репрессаліи,—состоящія въ отвѣтѣ на непріязненное экономическое настроеніе сосѣда оправданіемъ сознавшихся и вмѣняемыхъ собственныхъ похитителей,—никогда не найдутъ себѣ примѣненія.

Русская казна бывала въ трудномъ положеніи,—она переживала годины тяжкаго оскудѣнія и крайняго напряженія. Она испытала послѣдствія 1812 года; въ самый разгаръ шведской войны, въ роковой борьбѣ съ «надменнымъ сосѣдомъ» за будущее величіе Россіи—Великому Основателю Сената пришлось переливать церковные колокола въ пушки и деньги,—но никогда, ни разу, самые горячіе «радѣтели» казеннаго интереса не высказывали мысли, что ущербы казны и трудное экономическое положеніе страны могутъ имѣть какое либо, хотя бы самое отдаленное, вліяніе на освобожденіе отъ наказанія «лихихъ людей» и что безнаказанность виновныхъ въ назиданіе потерпѣвшихъ можетъ служить подспорьемъ къ уменьшенію убытковъ казны. Наконецъ, послѣднее положеніе защитника, тождественно устанавливаемое кассаторами и косвенно подтверждаемое замѣчаніями самого защитника о рѣзкихъ выраженіяхъ товарища прокурора по поводу его рѣчи,—представляетъ собою указаніе на лучшій и безопаснѣйшій способъ совершенія злоупотребленія при отправкѣ цѣнностей по оцѣнкѣ ниже ихъ стоимости,—чѣмъ тотъ простѣйшій, къ которому прибѣгли подсудимые. Изъ общаго и неопредѣленнаго выраженія постановленія суда отъ 23-го февраля объ остановкѣ предсѣдателемъ защитника, когда онъ сталъ говорить о порядкахъ московскаго поч-

тамта, нельзя вывести — къ удобству ли подачи рапорта о пропажѣ пакета въ 500 руб. при утайкѣ остальныхъ 95.500 руб. относилась эта остановка? Поэтому нельзя не пожалѣть, что въ заключеніи суда нѣтъ ясныхъ и безспорныхъ указаній на то, что такой предосудительный и совершенно не цѣлесообразный пріемъ защиты — въ дѣйствительности не былъ употребленъ или, будучи употребленъ, былъ немедленно обезсиленъ авторитетнымъ словомъ предсѣдателя.

Въ постановленіяхъ своихъ отъ 23-го февраля Окружной Судъ, между прочимъ, указываетъ, что кассаторы не просили о внесеніи въ протоколъ выраженій, сказанныхъ защитникомъ, и что, ссылаясь на нарушеніе 611 ст. Уст. угол. суд., они не отмѣчаютъ нарушенія 801 — 815 ст. того же Устава, изъ чего можно заключить, что, довольствуясь рѣчью предсѣдательствовавшаго, они не считали рѣчь защитника неправильною. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ — не только о случаяхъ, въ которыхъ, по содержанію рѣчей сторонъ, на предсѣдателѣ лежитъ обязанность остановить говорящаго и обратить его къ надлежащему исполненію его обязанностей, — но и о томъ, можетъ ли такая остановка быть замѣнена, безъ ущерба для правильнаго отправленія правосудія, опроверженіемъ неправильныхъ толкованій въ руководящемъ напутствіи присяжнымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что второй изъ этихъ вопросовъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Въ случаяхъ нарушенія 745 ст. Уст. угол. суд. не только произнесеніемъ оскорбительныхъ для противника словъ, но и проведеніемъ взглядовъ и положеній, противорѣчащихъ уваженію къ закону, сторона, дозволившая себѣ такое отступленіе, должна быть признана, на основаніи 611 ст., къ порядку *немедленно*. Присяжные засѣдатели представляютъ собою воспріимчивый организмъ — и превратныя толкованія имъ общихъ вопросовъ права или извращеніе передъ ними истиннаго смысла и цѣлей закона, оставленное безъ опроверженія, можетъ быть принято ими съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда невольно внушаетъ къ себѣ энергическое слово, — можетъ пустить въ ихъ представленіи о дѣлѣ свои корни и дать ростки. Руководящее наставленіе, инода даваемое послѣ преній, длящихся цѣлые дни, — стоитъ припомнить большіе банковые и фискальные процессы, — уже не въ силахъ и по времени и, нерѣдко, по содержанію — вырвать эти корни и насадить вмѣсто нихъ здравый взглядъ на дѣло, сужденіе о которомъ слагается шагъ за шагомъ. Поэтому, если умственные шаги присяжныхъ направляются усиліями стороны на неправильный путь, предсѣдатель долженъ тотчасъ остановить такого руководителя указаніемъ на недопустимость его пріемовъ, а не совѣтовать присяжнымъ обратиться назадъ впослѣдствіи, предоставивъ имъ пройти по такому неправильному пути болѣе или менѣе длинное пространство. Кромѣ того, отсутствіе въ такихъ случаяхъ немедленной остановки и отсрочка ука-

занія на неправильность и незаконность теорій, проводимыхъ передъ присяжными—до руководящаго напутствія, можетъ вынудить сторону, противъ которой все это направлено, прибѣгать къ полемикѣ, вмѣсто разбора уликъ и доказательствъ.

Мы видимъ примѣръ этому и въ настоящемъ дѣлѣ. Присяжный повѣренный Шубинскій въ своихъ замѣчаніяхъ на протоколъ заявляетъ, что товарищъ прокурора Саблинъ во второй своей рѣчи неоднократно называлъ всю его рѣчь «рядомъ непотребныхъ мыслей» и упрекалъ его въ проповѣди «противу — божескихъ теорій» и въ «открытіи Америки». Судъ удостовѣряетъ прямо выраженіе «непотребныя мысли» и косвенно—два другихъ выраженія, какъ выводъ изъ положеній, приводившихся товарищемъ прокурора. Нельзя ни при какихъ условіяхъ признать умѣстнымъ употребленіе представителемъ обвинительной власти по дѣлу такихъ рѣзкихъ и вносящихъ личное раздраженіе въ пренія выраженій, долженствовавшихъ, при правильномъ веденіи засѣданія, вызвать приглашеніе предсѣдателемъ къ большей сдержанности, но нельзя не видѣть, что они явились въ данномъ случаѣ результатомъ необходимости возражать на разсмотрѣнныя уже нами *положенія* защитника, оставшіяся безъ своевременныхъ замѣчаній со стороны предсѣдателя. Наконецъ, положеніе и значеніе суда въ общемъ строѣ государственныхъ учрежденій не дозволяетъ, чтобы въ стѣнахъ его раздавались выраженія и проводились теоріи, противорѣчащія порядку, охраняемому этимъ строемъ, и оставались бы, въ теченіе извѣстнаго времени, внѣ осужденія и опроверженія со стороны главы суда. Не надо забывать, что судъ есть установленіе публичное, что онъ призванъ воздѣйствовать на общество не только справедливостью своихъ рѣшеній, но и серьезнымъ благочиніемъ своей внѣшней дѣятельности, впечатлѣніе котораго должно быть выносимо изъ залы суда въ каждый моментъ и каждымъ, хотя бы случайнымъ и кратковременнымъ ея посѣтителемъ. Поэтому я полагаю, что разъяснять нарушенія ст. 745 Уст. угол. суд. необходимо немедленно, а не въ руководящемъ напутствіи, ибо нецѣлесообразно объявлять въ этомъ случаѣ «тебѣ не слѣдовало говорить того или другого», когда можно и должно сказать «не говори этого!» Правительствующій Сенатъ призналъ уже, 1-го декабря прошлаго года, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ, что запоздалое указаніе въ руководящемъ напутствіи на нарушеніе сторонами во время преній 745 ст. Уст. угол. суд. — не снимаетъ съ предсѣдателя упрека въ неисполненіи имъ обязанности, возложенной на него 611 ст. Уст. угол. суд., и указываетъ на существенный кассаціонный поводъ въ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого ссылку Московскаго Окружного Суда на то, что кассаторы, удовольствовавшись руководящимъ разъясненіемъ товарища предсѣдателя, тѣмъ самымъ не признали нарушенія имъ 611 ст. Уст. угол. суд.—надлежитъ признать не-

заслуживающею уваженія. Въ связи съ вопросомъ о времени пресѣченія нарушеній 745 ст. находится и вопросъ о томъ, можно ли считать нарушеніемъ 611 ст. Уст. угол. суд. со стороны предсѣдателя отсутствіе такого пресѣченія, если стороны не занесли въ протоколъ поводовъ къ нему? Думаю, что просьбы сторонъ о занесеніи въ протоколъ тѣхъ или другихъ эпизодовъ изъ судебныхъ преній никакого значенія для выполненія предсѣдателемъ обязанности, налагаемой на него ст. 611 и даже ст. 801—804 Уст. угол. суд.—не имѣетъ. Починъ остановки стороны и разъясненія ей неправильности ея положеній — долженъ всецѣло принадлежать предсѣдателю — главному распорядителю дѣла и руководителю присяжныхъ. Отъ него, внѣ указаній сторонъ и независимо отъ нихъ, — зависитъ усмотрѣть необходимость примѣненія 611 ст., при чемъ всякая сдѣланная имъ остановка должна быть занесена въ протоколъ. Предсѣдатель такъ поставленъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ и вооруженъ такими правами во время судебнаго засѣданія, что участвующіе въ дѣлѣ могутъ, не безъ основанія, считать неумѣстнымъ напоминать ему своими заявленіями о нарушеніяхъ порядка въ преніяхъ, которыя слѣдуетъ или слѣдовало пресѣчь. Наконецъ, въ дѣлахъ, производимыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, стороны могутъ стоять на такой степени воспитанія, что имъ самимъ употребляемыя ими грубыя или несоотвѣтственныя достоинству мѣста выраженія не будутъ казаться подлежащими прекращенію, по пословицѣ — «брань на вороту не виснетъ».

Остается разсмотрѣть послѣдній весьма важный вопросъ, возбужденный настоящимъ дѣломъ. Это вопросъ о томъ, *что именно* въ защитительной рѣчи, помимо употребленія лично оскорбительныхъ выраженій и приведенія обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія—можетъ вызывать немедленное пользованіе предсѣдателемъ предоставленнымъ ему правомъ остановить защитника. Судебные уставы начертали стройное зданіе судебныхъ преній. Въ отвлеченную постройку его составители уставовъ внесли глубокое пониманіе истинной цѣли состязанія сторонъ, допускаемыхъ къ высказыванію своихъ положеній для того, чтобы помочь огражденію общества отъ двоякой опасности—осужденія невиннаго и безнаказанности виновнаго. Они указали въ общихъ, но твердыхъ и рельефныхъ чертахъ, содержаніе рѣчей сторонъ,—и отъ точнаго примѣненія этихъ указаній на практикѣ правосудіе ничего и никогда не теряетъ, а достоинство его отправленія многое выигрываетъ. Судебное слѣдствіе завершается, говоритъ 735 ст. Уст. угол. суд., преніями по существу разсмотрѣнныхъ и повѣренныхъ доказательствъ. Таковъ объемъ и содержаніе преній, такова ихъ основа:—*существо доказательствъ*. Эти доказательства—прямыя и косвенныя, т. е. улики—разрабатываются, группируются и поясняются двумя равноправными сторонами. Законъ указываетъ въ

ст. 739 и 740 прокурору его задачи быть безпристрастнымъ и спокойнымъ изслѣдователемъ виновности. Предостерегая его отъ односторонности, онъ предписываетъ ему не извлекать изъ дѣла только обстоятельства, уличающія подсудимаго, и не преувеличивать значенія доказательствъ. Не требуя осужденія во чтобы то ни стало, законъ обязываетъ прокурора заявлять суду, по совѣсти, объ отказѣ отъ обвиненія въ случаѣ уважительности оправданій подсудимаго. Однимъ словомъ—не ослѣпленнаго односторонностью своего положенія обвинителя, а *«говорящаго судью»* создаетъ законъ изъ прокурора. Защитникъ подсудимаго, на основаніи 744 ст. Уст. угол. суд., объясняетъ всѣ тѣ обстоятельства и доводы, которыми *опровергается* или *ослабляется* выведенное противъ подсудимаго обвиненіе. Вотъ его задача: опровергать и ослаблять обвиненіе, построенное прокуроромъ на оцѣнкѣ всѣхъ, а не исключительно только направленныхъ противъ подсудимаго, доказательствъ.

Когда эта задача выполнена, когда поставлены вытекающіе изъ дѣла вопросы—предсѣдатель говоритъ свое руководящее напутствіе, въ которомъ преподаетъ присяжнымъ, согласно 801 ст. Уст. угол. суд., общія юридическія основанія къ сужденію о *силѣ доказательствъ,* приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимыхъ. Этимъ напутствіемъ завершаются судебныя пренія,—оно уравниваетъ ихъ невольную односторонность и какъ въ готическомъ сводѣ совокупляетъ въ одномъ clet de voûte развѣтвленія параллельно поднявшихся столбовъ обвиненія и защиты. Полагая разработку *доказательствъ* въ основу преній и возлагая на предсѣдателя въ концѣ процесса опредѣленіе ихъ относительно силы—законъ тѣмъ самымъ устраняетъ его отъ вмѣшательства въ толкованіе и оцѣнку этихъ доказательствъ сторонами во время преній. Этимъ опредѣляется и отношеніе предсѣдателя къ содержанію рѣчи защитника, опровергающаго или ослабляющаго доводы обвинителя. *Опровергая,*—т. е. указывая слабость и непрочность доказательствъ, приведенныхъ прокуроромъ, разбивая ихъ связь между собою или выставляя свои доказательства, свидѣтельствующіе о невиновности подсудимаго или даже объ отсутствіи самаго событія преступленія,—защитникъ можетъ быть слишкомъ одностороненъ, можетъ невѣрно обозначать удѣльный вѣсъ доказательствъ, освѣщать ихъ ненадлежащимъ свѣтомъ, разбирать пристрастно и неравномѣрно. Предсѣдатель въ руководящемъ напутствіи можетъ и долженъ, съ безпристрастіемъ и опытностью, освѣтить доказательства съ настоящей стороны, возстановить ихъ дѣйствительную связь и указать на слабость связи искусственной... *Ослабляя* доводы, защитникъ можетъ или возбуждать *сомнѣніе* въ виновности—или говорить о *снисхожденіи* къ подсудимому. Сомнѣніе можетъ быть построено на произвольныхъ и шаткихъ предположеніяхъ, на оставленіи нѣкоторыхъ сторонъ дѣла въ тѣни, или вовсе безъ обсужденія: въ руководящемъ напутствіи

будутъ указаны условія для законнаго сомнѣнія, какъ результата безплодныхъ, хотя и настойчивыхъ усилій ума и совѣсти къ совершенному уясненію намѣреній подсудимаго или приписываемаго ему дѣянія,—будетъ объяснено, что лишь такое, не мимолетное, а добросовѣстное сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу обвиняемаго... Говоря о *снисхожденіи* «по обстоятельствамъ дѣла», изъ коихъ, конечно, одно изъ главнѣйшихъ—самъ подсудимый,—защитникъ, ссылаясь на личныя его свойства, на его житейскую обстановку и прошлое—можетъ рисовать ихъ сгущенными красками, преувеличивать страданія и достоинства подсудимаго и говорить о безвыходности положенія тамъ, гдѣ была лишь простая затруднительность. Въ его словахъ о снисхожденіи можетъ слышаться призывъ къ полному прощенію... Вмѣшательство въ эти соображенія защиты не будетъ умѣстно. Говоря о снисхожденіи, защитникъ исполняетъ свою обязанность,—свою завидную обязанность,—вызывать наряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступленія, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному. Въ руководящемъ напутствіи предсѣдатель всегда можетъ указать на преувеличенія въ оцѣнкѣ неблагопріятно сложившихся для подсудимаго обстоятельствъ, всегда долженъ указать присяжнымъ границу, до которой идетъ снисхожденіе и за которою начинается помилованіе, право на которое принадлежитъ одной Верховной власти. Однимъ словомъ—понятная, почти неизбѣжная односторонность и законное волненіе защиты—должны находить себѣ смягченіе и уравновѣшеніе исключительно въ законномъ спокойствіи и безпристрастіи руководящаго напутствія. Всякое вторженіе въ рѣчь защитника, иначе какъ въ случаяхъ, точно опредѣленныхъ въ ст. 745 Уст. угол. суд., не имѣющихъ, въ сущности, прямого отношенія къ оцѣнкѣ доказательствъ—не желательно. Оно вноситъ напрасное смущеніе, развлекаетъ вниманіе присяжныхъ, дѣлая ихъ безъ особой нужды молчаливыми судьями между предсѣдателемъ и стороною и, наконецъ, съуживаетъ область дѣйствій прокурора, который въ дѣлѣ оцѣнки доказательствъ долженъ самъ умѣть и защищаться, и возражать.

Иначе, однако, становится вопросъ о дѣйствіяхъ предсѣдателя, когда защитникъ вмѣсто того, чтобы, согласно съ приносимой имъ, по ст. 381 Учр. суд. уст., присягой «охранять интересы лица, дѣло котораго на него возложено»—допускаетъ въ своей рѣчи разсужденія, противорѣчащія торжественному обѣщанію «не говорить на судѣ ничего, чтобы могло клониться къ ослабленію церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности». Въ подобныхъ случаяхъ предъ судомъ излагаетъ свои доводы уже не лицо, признанное самимъ закономъ къ опроверженію и ослабленію доводовъ обвиненія, а лицо, которое, пользуясь званіемъ защитника, направляетъ свое слово—въ суетныхъ цѣляхъ временнаго успѣха—не только на колебаніе взысканнаго предъ судомъ мнѣнія

обвинителя о виновности подсудимаго, а на колебаніе тѣхъ началъ, которыя, связывая и поддерживая общество, мѣшаютъ развиться между людьми тому, что вѣрно названо «bellum omnium contra omnes». Нельзя допускать замѣны доводовъ о фактической невинности или невмѣняемости обвиняемаго доводами о томъ, что дѣяніе, признаваемое со стороны закона—преступленіемъ, со стороны заповѣдей—грѣхомъ и со стороны общественнаго сознанія—безнравственнымъ или вреднымъ, не только не заслуживаетъ порицанія, но даже можетъ вызвать оправданіе съ той «государственной точки зрѣнія», до которой не умѣло, однако, возвыситься само государство, издающее карательныя постановленія. Приведеніе такихъ доводовъ должно быть оставлено—рѣшительно и бесусловно. Предсѣдателю слѣдуетъ въ этомъ случаѣ пригласить говорящаго къ правильному пониманію и исполненію обязанностей защитника, какъ того требуетъ уваженіе къ истинной задачѣ суда,—скажу болѣе—какъ того требуетъ любовь къ судебнымъ учрежденіямъ по судебнымъ уставамъ не на словахъ только, а на дѣлѣ! Эти чувства были сильны и проявлялись благотворно въ незабвенные первые годы судебной реформы. Имъ нѣтъ основанія изсякнуть и теперь...

На защитникѣ, на предсѣдателѣ и на каждомъ судебномъ дѣятелѣ, въ кругѣ его дѣйствій, лежитъ нравственная обязанность охранять судебныя учрежденія отъ извращенія ихъ исключительной—и достаточно высокой, чтобы быть исключительною—цѣли служить отправленію уголовнаго правосудія въ странѣ. Исполненіе этой обязанности особенно важно на судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, для которыхъ судебныя рѣчи не представляютъ, какъ для судей коронныхъ, обычнаго и привычнаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, явленія, и предъ которыми иногда, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ и бездѣйствіи предсѣдателя, блестящая и энергическая оболочка сказаннаго можетъ, на время, заслонить не здоровое существо сказаннаго. Вотъ почему предсѣдателю на судѣ съ присяжными вручена статьями отъ 611 до 616 Уст. угол. суд. большая власть по охраненію присяжныхъ отъ всего, что можетъ ихъ смутить или повліять на спокойное и безпристрастное отношеніе ихъ къ дѣлу. Въ лицѣ присяжныхъ къ отправленію правосудія призванъ живой, чуждый рутины и предвзятыхъ мнѣній, разнообразный общественный элементъ,—и чтобы регулировать его дѣйствія сообразно съ цѣлью этого призыва—поставленъ предсѣдатель, которому рекомендуется закономъ спокойная бдительность. Примѣняя къ нему древнее правило римскаго государственнаго строя—можно сказать, что онъ поставленъ ut caveat ne quit detrimenti *justitia* capiat, ибо всегда и повсюду—justitia est fundamentum regnorum.

Такой бдительности по отношнеію къ неправильнымъ дѣйствіямъ защитника по дѣлу Кетхудова, Махровскаго и Панова я не усма-

триваю, а потому нахожу, что рѣшеніе, постановленное при подобныхъ условіяхъ—не можетъ остаться въ своей силѣ.

На основаніи всего сказаннаго мною я полагалъ бы рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Московскаго Окружного Суда по настоящему дѣлу отмѣнить за нарушеніемъ 611, 219, 745, 754 и 755 ст. Уст. угол. суд. и 362 и 359 ст. Улож. о наказ.

Правительствующій Сенатъ *опредѣлилъ*: 1) Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Окружного Суда по настоящему дѣлу, за нарушеніемъ 611, 629, 687, 745, 751, 755 и 760 ст. Уст. угол. суд.—отмѣнить, передавъ это дѣло для новаго разсмотрѣнія въ другое отдѣленіе того же суда, и 2) Московскому Окружному Суду, въ составѣ присутствія разсматривавшаго настоящее дѣло, согласно 265 ст. Учр. суд. уст.—сдѣлать замѣчаніе, о дѣйствіяхъ товарища прокурора довести до свѣдѣнія Министра Юстиціи, а о дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго Шубинскаго, бывшаго защитникомъ подсудимаго Кетхудова—предписать Окружному Суду сообщить на постановленіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ при Московской Судебной Палатѣ.

XI.

По дѣлу крестьянина Хлѣбникова, обвиняемаго въ нанесеніи смертельныхъ поврежденій женѣ своей.

По обвинительному акту товарища прокурора Харьковской Судебной Палаты были преданы суду, *съ участіемъ сословныхъ представителей*, крестьянинъ Хлѣбниковъ по обвиненію въ томъ, что вечеромъ 13-го сентября 1891 г. онъ умышленно, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, а въ запальчивости и раздраженіи, съ цѣлью лишить жизни, нанесъ женѣ своей Агафьѣ тяжкія, безусловно смертельныя поврежденія, причинивъ переломъ 16 реберъ въ 22 мѣстахъ и переломъ грудной кости, отъ которыхъ она вскорѣ и умерла; крестьянка Хлѣбникова и мѣщанка Мусорина—въ томъ, что, не принимая никакого участія въ убійствѣ, уже по совершеніи его, завѣдомо участвовали въ сокрытіи слѣдовъ этого убійства и, наконецъ,—священникъ Іоаннъ Гришинъ въ томъ, что, не принимая непосредственнаго участія въ убійствѣ, но зная о немъ, принималъ мѣры къ его сокрытію, для чего не только похоронилъ Агафью Хлѣбникову безъ разрѣшенія надлежащаго начальства, но научилъ Хлѣбникова и его сестеръ говорить, а затѣмъ и самъ подтвердилъ становому приставу, что онъ покойную Агафью засталъ передъ смертью живою и пріобщилъ ее Св. Тайнъ, а впослѣдствіи разслѣдовалъ черезъ разныхъ лицъ о томъ, нельзя ли посредствомъ подкупа полиціи замять дѣло объ убійствѣ Хлѣбниковой, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ относительно Хлѣбникова 1445, относительно Мусориной и Хлѣбниковой—14 и 1455 ст., а относительно священника Гришина—860 ст. Улож. о наказ.

По открытіи засѣданія, предсѣдатель Палаты распорядился ввести подсудимыхъ и затѣмъ приказалъ очистить зало отъ публики, такъ какъ дѣло должно слушаться при закрытыхъ дверяхъ. Защита сдѣлала заявленіе о неподсудности настоящаго дѣла суду Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, находя, что оно должно быть передано въ Окружной Судъ, для разсмотрѣнія *съ присяжными засѣдателями* на точномъ основаніи 231, 234, 1 и 4 п. 1000, 1017, 1019 ст. Уст. угол. суд. и 860 ст. Уст. о наказ. и рѣшеніи

общаго собранія Перваго и Кассаціоннаго Департаментовъ Правительствующаго Сената за 1891 г. № 9. Палата, ссылаясь на свое опредѣленіе отъ 24-го іюня 1892 г., которымъ дѣло это признано неподсуднымъ суду Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, постановила продолжать судебное слѣдствіе, оставивъ заявленіе защиты безъ уваженія. По существу дѣла Палата признала Хлѣбникова виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1487 и 1490 ст. Улож. о наказ. и на основаніи 1492, 1451, 5 ст. 19, 4 и 5 п. 134 и 135 ст. Улож. о наказ. приговорила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Остальные подсудимые по недоказанности уликъ оправданы.

Въ кассаціонной жалобѣ указывается на нарушеніе 201 ст. Уст. угол. суд., такъ какъ настоящее дѣло, по которому одни изъ подсудимыхъ обвинялись по 1455 ст., а священникъ Гришинъ по 860 ст., должно подлежать суду Окружного Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, изъятія-же изъ общаго начала не должны подлежать распространительному толкованію. Далѣе указывается на неправильное примѣненіе къ установленнымъ Палатою признакамъ дѣянія Хлѣбникова 1489 и 1490 ст. Улож. о наказ. вмѣсто 2 ч. 1484 ст. того-же Уст. и на нарушеніе 620, 6202 и 621 ст. Уст. угол. суд. тѣмъ, что предсѣдатель собственною властью распорядился о закрытіи дверей судебнаго засѣданія, тогда какъ судебные уставы это закрытіе считаютъ мѣрою чрезвычайною и допускаютъ только при явной въ томъ необходимости и не иначе, какъ по мотивированному постановленію суда, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ.

Въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента *20 апрѣля 1893 г.*, защитникъ Хлѣбникова остановился, какъ на главномъ поводѣ кассаціи, на нарушеніи законовъ о подсудности разсмотрѣніемъ дѣла особымъ присутствіемъ Судебной Палаты съ сословными представителями вмѣсто Окружного Суда съ присяжными засѣдателями. Это измѣненіе подсудности произошло вслѣдствіе того, что Палата признала дѣяніе священника Гришина нарушеніемъ должности, подлежащимъ, согласно ст. 1105 Уст. угол. суд. по прод. 1890 г. сужденію особаго присутствія, что представляется совершенно неправильнымъ. Помимо вопроса о томъ, можетъ ли дѣяніе, предусмотрѣнное 2 ч. 860 ст. Улож., считаться преступленіемъ должности, защитникъ полагаетъ, что вообще, духовныя лица, даже и за дѣянія, имѣющія характеръ служебныхъ преступленій, не могутъ подлежать исключительному суду, установленному для разсмотрѣнія дѣлъ по преступленіямъ должности. По точному смыслу ст. 1071 и послѣдующихъ Уст. угол. суд., исключительная подсудность устанавляется только для дѣлъ по преступленіямъ должности *гражданской* службы, къ которой нельзя отнести службу священниковъ. Кромѣ того,—и это особенно важно — въ законѣ не существуетъ никакихъ правилъ для преданія духовныхъ лицъ суду. Нельзя допустить и мысли, чтобы духовныя лица подлежали исключительной подсудности, безъ предоставленія имъ той гарантіи, которую для всѣхъ чиновъ гражданской службы предоставляетъ обрядъ преданія суду, зависящаго всецѣло отъ ихъ начальства, помимо согласія котораго не можетъ быть судебнаго преслѣдованія. Что касается правилъ извѣщенія духовнаго начальства о начатіи уголовнаго преслѣдованія духовныхъ лицъ, то они имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ правило о преданіи суду, такъ какъ, во 1-хъ, они установлены для всѣхъ, вообще, уголовныхъ дѣлъ духовныхъ лицъ, а не для однихъ служебныхъ преступленій; во 2-хъ, духовное начальство не рѣшаетъ вопроса о преданіи суду, а даетъ только свое ни для кого не обязательное мнѣніе, а въ 3-хъ, этотъ порядокъ, какъ видно изъ мотивовъ Государственной канцеляріи

къ судебнымъ уставамъ, былъ принятъ лишь какъ нѣкоторый коррективъ въ виду того обстоятельства, что духовныя лица, судимыя общимъ судомъ, не встрѣчаютъ въ числѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ своей среды, своего состоянія. Наконецъ, ст. 1019 Уст. угол. суд. прямо постановляетъ, что по дѣламъ, подлежащимъ уголовному суду, лица, принадлежащія къ духовному состоянію, судятся *общимъ* порядкомъ уголовнаго судопроизводства, т. е. тѣмъ порядкомъ, изъ котораго правила раздѣла III о производствѣ къ преступленіямъ должности составляютъ исключеніе. Упомянувъ въ заключеніе о новѣйшихъ иностранныхъ уголовныхъ кодексахъ и о проектѣ Высочайше утвержденной комиссіи по составленіи новаго уложенія, по содержанію которыхъ преступленія духовныхъ чиновъ не признаются преступленіями должности, защитникъ просилъ объ отмѣнѣ приговора Палаты и передачѣ дѣла для новаго разсмотрѣнія въ Окружной Судъ съ присяжными засѣдателями.

Разсматривая возникающій по дѣлу вопросъ о подсудности, надо признать, что въ виду 207 ст. Уст. угол. суд. и рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента за 1875 г. по дѣлу Теръ-Аконовыхъ, № 275, сужденіе Хлѣбникова и его соучастниковъ Судебною Палатою съ участіемъ сословныхъ представителей только въ томъ случаѣ могло бы быть признано не нарушающимъ правъ этихъ подсудимыхъ, если бы священникъ Гришинъ обвинялся въ такихъ преступленіяхъ, которыя, по роду своему или по исключительно служебному характеру дѣйствій Гришина, предусмотрѣнному IV раздѣломъ Уложенія, были бы подсудны на основаніи 201[1] ст. Уст. угол. суд. суду сословныхъ представителей. Разсмотрѣніе обстоятельствъ падающаго на Гришина обвиненія приводитъ, однако, къ выводу, что дѣяніе, за которое онъ былъ преданъ суду, не принадлежитъ къ тѣмъ преступленіямъ, которыя подсудны на основаніи 201[1] ст. Уст. угол. суд. послѣднему суду, такъ какъ во 1-хъ, въ 201[1] ст. Уст. угол. суд., гдѣ перечисляются преступныя дѣянія, влекущія за собою этотъ особенный судъ, ст. 860 Уложенія не упомянута, а во 2-хъ нарушеніе правилъ, упоминаемыхъ въ 860 ст. Улож. не можетъ считаться спеціально служебнымъ нарушеніемъ, предусмотрѣннымъ IV раздѣломъ. Статья эта помѣщена въ раздѣлѣ VIII, говорящемъ о преступленіяхъ противъ благоустройства и благочинія. Первая ея часть, безъ сомнѣнія, относится ко всѣмъ, безъ изъятія лицамъ, которыя такъ или иначе, похоронятъ умершаго прежде судебно-медицинскаго осмотра его тѣла тамъ, гдѣ это требуется, независимо отъ служебнаго или общественнаго положенія виновнаго, такъ какъ законъ преслѣдуетъ въ данномъ случаѣ не нарушеніе тѣхъ или другихъ служебныхъ обязанностей, а нарушеніе общественнаго порядка и ограждающихъ отъ преступной безнаказанности правилъ, допущеніе которой можетъ обусловливать — какъ это видно изъ 2 ч. 860 ст. Улож.—укрывательство смертоубійства. Не только священникъ, похоронившій кого-либо, зная, что тѣло его не было подвергнуто судебно-медицинскому осмотру, или врачъ,

давшій разрѣшеніе на погребеніе, зная, что въ данномъ случаѣ слѣдовало произвести осмотръ, но и родственники, близкіе знакомые, домохозяева, старшіе дворники и т. п. которые *завѣдомо* допустятъ совершеніе погребенія или устроятъ таковое прежде судебно-медицинскаго осмотра являются въ равной мѣрѣ нарушителями 860 ст., такъ какъ дѣйствія ихъ одинаково угрожаютъ общественному благоустройству и отнимаютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ у судебной власти возможность преслѣдованія и изобличенія виновныхъ въ смертоубійствѣ или въ пособничествѣ и побужденіи къ самоубійству. Несомнѣнно, что лица духовнаго званія могутъ подлежать отвѣтственности за преступленія должности, упомянутыя въ IV раздѣлѣ, но, конечно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ преступныя дѣйствія соотвѣтствуютъ карательнымъ опредѣленіямъ этого раздѣла или упоминаются въ уставѣ духовныхъ консисторій со ссылкою на эти постановленія. Поэтому лицо духовнаго званія можетъ,—какъ признано неоднократными рѣшеніями Сената,—являться отвѣтственнымъ за служебную растрату по 354 ст. или быть обвиняемымъ въ противозаконныхъ дѣяніяхъ при отправленіи своей должности, предусмотрѣнныхъ 344, 345, 347, 350, 362, 372—378 ст. Улож., при чемъ, однако, превышеніе и бездѣйствіе власти, по существу лежащихъ на духовныхъ лицахъ обязанностей, возможно лишь по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые не занимаютъ низшихъ должностей духовной іерархіи, какъ не сопряженныхъ съ властью; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, въ коихъ лицо духовнаго сана является виновнымъ въ совершеніи общихъ преступленій, хотя бы и связанныхъ съ отправленіемъ обязанностей, свойственныхъ сему сану, оно подлежитъ сужденію въ общемъ порядкѣ, не какъ за служебное преступленіе.

Уголовный законъ знаетъ рядъ преступленій, совершаемыхъ лицами, пользующимися своимъ служебнымъ положеніемъ, при чемъ ихъ дѣянія не составляютъ, однако, преступленій по должности, а самое ихъ званіе служитъ лишь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину. Такимъ образомъ, напримѣръ, учителя, воспитатели и опекуны являются отвѣтственными по 1532 и 1000 ст. Улож. въ общемъ порядкѣ за злоупотребленія правами своего надзора или своею властью надъ несовершеннолѣтними при развращеніи ихъ нравственности, сводничествѣ и обольщеніи или обезчещеніи ихъ—и по 1476 ст. Улож. за побужденіе ихъ тѣмъ же путемъ къ самоубійству. Въ Уложеніи указаны даже случаи, въ коихъ дѣянія, имѣющія, несомнѣнно, характеръ служебныхъ преступленій, не отнесены къ IV-му раздѣлу, а судятся въ общемъ порядкѣ, какъ, напримѣръ, 1565 ст. карающая за вступленіе въ бракъ безъ разрѣшенія начальства — что, однако, очевидно составляетъ нарушеніе долга подчиненности. Спеціально, по отношенію къ лицамъ духовнаго званія, 1552 ст. Улож. указываетъ на отвѣтственность православныхъ священниковъ въ общемъ по-

рядкѣ за завѣдомое соучастіе въ совершеніи браковъ по насилію или по обману, не говоря уже о томъ, что всѣ не подсудныя духовному суду преступныя дѣянія по совершенію браковъ, таинствъ и обрядовъ вѣры со стороны духовныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій отнесены къ общимъ преступленіямъ, подлежащимъ преслѣдованію и сужденію въ обыкновенномъ порядкѣ, несмотря на то, что лица эти имѣютъ свою собственную духовную іерархію и особое начальство и несомнѣнно имѣютъ характеръ должностныхъ лицъ. Вторая часть 860 ст. Уложенія, упоминая безразлично о всѣхъ допустившихъ учиненіе погребенія съ цѣлью сокрытія слѣдовъ смертоубійства, отсылаетъ къ ст. 121 п. 124 того же Уложенія, подвергая виновныхъ наказанію какъ пособниковъ и укрывателей убійства. Поэтому и такъ какъ преступное совершеніе убійства ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть признаваемо исключительно дѣяніемъ по службѣ, то и лицо духовнаго званія обвиняемое по 2 ч. 860 ст. должно быть судимо не какъ должностное лицо, а какъ обыкновенный преступникъ.

Правительствующій Сенатъ со времени введенія судебной реформы, въ рядѣ послѣдовательныхъ рѣшеній, расширялъ понятіе о преступленіи по должности, но всегда лишь въ одномъ направленіи, а именно, распространяя кругъ *лицъ,* которыя могутъ быть признаны исполняющими обязанности службы, но не расширяя, однако, круга служебныхъ *дѣяній*. Такимъ образомъ, считая служебными преступленіями исключительно предусмотрѣнныя въ IV раздѣлѣ Уложенія, Сенатъ призналъ цѣлый рядъ лицъ не пользующихся правами государственной службы по III т. Уст. о службѣ гражданской, несущими однако фактически служебныя обязанности и отвѣчающими по IV раздѣлу Улож.; къ числу такихъ отвѣтственныхъ лицъ отнесены лица служащія по найму, по выборамъ, въ частныхъ банкахъ, чины лѣсной стражи, начальники станцій, предсѣдатели конкурсовъ, лица, служащія въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ, и т. п. Въ рѣшеніи общаго собранія за 1891 г. № 9 высказаны общія соображенія о томъ, что для опредѣленія наличности служебнаго преступленія слѣдуетъ руководиться не соображеніями о свойствѣ виновныхъ въономъ лицъ, а о свойствѣ самого ихъ дѣйствія, почему состояніе того или другого лица на государственной службѣ само по себѣ еще не можетъ за всякое совершенное имъ въ это время преступное дѣйствіе влечь за него отвѣтственность, какъ за преступленіе должности, а дѣйствія его будутъ таковыми лишь тогда, когда дѣяніе это находится въ *существенной* связи съ его службою и вытекаетъ изъ самыхъ ея условій. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю, что сужденіе дѣла о Хлѣбниковѣ, Гришинѣ и др., Харьковскою Судебною Палатою съ участіемъ сословныхъ представителей составляетъ прямое нарушеніе закона о подсудности по роду преступленія и нахожу необходимымъ, на основаніи 201 и 1105 ст. Улож. отмѣнить все производство Судебной Палаты съ самаго

преданія суду, предписавъ Палатѣ обратить дѣло къ обыкновенному порядку, въ смыслѣ направленія дѣла согласно 201 ст. Уст. угол. суд. передачею его на судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не указать, что, независимо отъ нарушенія подсудности, какъ приговоръ Судебной Палаты, такъ и самое производство судебнаго слѣдствія по дѣлу Хлѣбникова и др. представляютъ существенныя нарушенія. Такъ Палата примѣнила по отношенію къ Хлѣбникову 1490 ст. Улож., говорящую объ истязаніяхъ и мученіяхъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, тогда какъ, по содержанію вопроса о виновности Хлѣбникова, къ нему могла быть примѣнена, согласно рѣшеніямъ Сената за 1874 г. по дѣлу Эюбъ-Каиба, 1876 г. по дѣлу Константинова и 1874 г. по дѣлу Алексѣева, 2 ч. 1484 ст. Улож. существенный признакъ которой есть именно та самая запальчивость и раздраженіе, которыя признаны Судебною Палатою, при чемъ, какъ совершенно вѣрно съ юридической и психологической точки зрѣнія разъяснилъ защитникъ подсудимаго въ Сенатѣ, нанесеніе умышленное тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности, побоевъ и причиненіе истязаній и мученій, предполагая обдуманную настойчивость въ учиненіи злого дѣянія, существенно отличается отъ того взрыва жестокости, которымъ сопровождается ослѣпленіе гнѣва и раздраженія. Хлѣбниковъ былъ преданъ суду по 1455 ст. Улож. за убійство въ запальчивости и раздраженіи, при чемъ судъ имѣлъ возможность примѣнить къ нему не только каторжныя работы на 4 года, но и ссылку на поселеніе съ законными смягченіями по 744 ст. Уст. угол. суд. Отвергнувъ умыселъ на убійство и примѣнивъ въ то же время 1490 ст. Улож., устанавливающую каторгу на время отъ 8 до 10 лѣтъ, Судебная Палата подвергла Хлѣбникова, безъ усиленія обвиненія со стороны прокурорскаго надзора, наказанію, значительно превышающему то, которому онъ могъ бы подлежать при признаніи его виновнымъ въ дѣяніи, за которое онъ преданъ суду.

Наконецъ, при производствѣ дѣла въ судебномъ засѣданіи предсѣдателемъ Уголовнаго Департамента Харьковской Судебной Палаты допущено существенное и явное нарушеніе одного изъ главныхъ условій процесса по судебнымъ уставамъ, а именно, гласности производства, такъ какъ изъ протокола судебнаго засѣданія усматривается, что предсѣдатель безъ оглашенія постановленія суда, требуемаго ст. 620 и 621 Уст. угол. суд., распорядился о закрытіи дверей засѣданія, тогда какъ ему принадлежитъ только право собственною властью удалять изъ засѣданія лишь несовершеннолѣтнихъ и лицъ женскаго пола. Закрытіе дверей составляетъ такое рѣзкое отступленіе отъ гласности производства, что законъ безусловно требуетъ въ каждомъ случаѣ, кромѣ тѣхъ, когда судимое преступленіе предусмотрѣно однимъ изъ четырехъ пунктовъ 620[1] ст. Уст. угол. суд., особаго постановленія суда, въ которомъ должна

быть точно указана причина, по которой признано необходимымъ прибѣгнуть къ этой *чрезвычайной*, какъ сказано въ законѣ, мѣрѣ. Хотя обсужденіе основаній для закрытія дверей, по ст. 621, происходитъ не публично, но несомнѣнно, что ему должно предшествовать заключеніе прокурора, какъ блюстителя закона. Охраненіе гласности засѣданій суда, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ 620 и 621[1] ст. Уст. суд., отъ напрасныхъ стѣсненій возможно лишь при наличности соображеній, коими руководился въ каждомъ данномъ случаѣ судъ. Предоставленіе предсѣдателю присваивать себѣ единолично право, по собственнымъ, не мотивированнымъ и не оглашеннымъ соображеніямъ, закрывать двери засѣданія, внесло бы въ жизненную и благотворную сторону нашего уголовнаго процесса начало не установленнаго закономъ личнаго вкуса и усмотрѣнія. Поэтому даже и при признаніи дѣла подсуднымъ Харьковской Судебной Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей — приговоръ Палаты не можетъ остаться въ силѣ, какъ основанный на обстоятельствахъ, гласное обсужденіе коихъ устранено способомъ, не предусмотрѣннымъ въ законѣ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Харьковской Судебной Палаты по настоящему дѣлу и все производство онаго въ порядкѣ, установленномъ для разсмотрѣнія дѣлъ въ Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, за нарушеніемъ 1105 ст. Уст. угол. суд. по прод. 1890 г., а равно и 621 ст. того же Устава по означенному продолженію, отмѣнить, предписавъ Палатѣ дать сему дѣлу направленіе, указанное въ 201 ст. Уст. угол. суд.

XII.

По дѣлу крестьянина Петра Бачурина, обвиняемаго по 2 ч. 1085 ст. Улож.

(ОБРАТНЫЙ ИСКЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДѢ).

Одесскій Окружной Судъ въ судебномъ засѣданіи 29 ноября 1888 года разсматривалъ дѣло о крестьянинѣ Петрѣ Михайловѣ Бачуринѣ 22 лѣтъ, обвиняемомъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1085 ст. Улож. о наказ., а именно, въ томъ, что будучи барьернымъ сторожемъ при линіи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и дежурнымъ у переѣзда чрезъ эту линію, между станціями «Одесса—Застава» и «Одесса—товарная», въ ночь на 18 іюня 1888 года предъ проходомъ поѣзда № 67, по небрежности, не исполнилъ возложенной на него обязанности, а именно, не закрылъ пути чрезъ линію дороги установленнымъ въ томъ мѣстѣ барьеромъ, вслѣдствіе чего на въѣхавшаго на переѣздъ поселянина Франца Фердинандова Коха налетѣлъ поѣздъ № 67, который причинилъ Коху тяжкія поврежденія въ здоровьѣ, а ѣхавшей съ нимъ дочери Филоменѣ легкія поврежденія въ здоровьѣ. Окружной Судъ: 1) призналъ Бачурина виновнымъ и приговорилъ его къ 6-ти мѣсячному тюремному заключенію; 2) искъ, предъявленный потерпѣвшимъ Кохомъ къ Обществу юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ о выдачѣ ему единовременнаго вознагражденія призналъ подлежащимъ удовлетворенію, въ размѣрѣ 10.000 р., каковая сумма, дѣйствительно, необходима ему для обезпеченія хозяйства отъ полнаго разстройства, и опредѣлилъ взыскать съ Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ пользу потерпѣвшаго Коха 10.292 р., считая цѣнность уничтоженнаго при несчастіи имущества Коха равной 292 р.; 3) ходатайство повѣреннаго Общества о присужденіи въ его пользу издержекъ за веденіе дѣла сообразно той суммѣ, на которую уменьшено будетъ судомъ исковое требованіе гражданскаго истца, призналъ лишеннымъ законнаго основанія; 4) судебныя издержки возложилъ на Бачурина.

На этотъ приговоръ принесены были апелляціонные отзывы всѣми участвовавшими въ процессѣ лицами, при чемъ подсудимый ходатайствовалъ объ

оправданіи или смягченіи наказанія; повѣренный гражданскаго истца Коха—объ увеличеніи присужденнаго въ пользу его довѣрителя вознагражденія до 30.000 рублей; повѣренный гражданскаго по дѣлу отвѣтчика (Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ),—объ отказѣ Коху въ его искѣ или, въ случаѣ его удовлетворенія въ чемъ либо, о постановленіи приговора о взысканіи присужденной въ пользу Коха съ его вѣрителей суммы, обратно въ ихъ пользу съ крестьянина Петра Бачурина. Въ судебномъ засѣданіи Одесской Судебной Палаты 11 марта 1889 года защитникъ подсудимаго возразилъ на это требованіе, что оно должно быть предметомъ отдѣльнаго иска и въ настоящемъ процессѣ разсматриваться не можетъ. Разсмотрѣвъ дѣло, Судебная Палата опредѣлила: приговоръ Окружного Суда оставить въ силѣ съ тѣмъ измѣненіемъ, чтобы подсудимаго Петра Бачурина заключить въ тюрьму на 3 мѣсяца вмѣсто 6-ти. Въ ходатайствѣ повѣреннаго Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ о присужденіи въ его пользу издержекъ за веденіе дѣла сообразно той суммѣ, на которую уменьшено будетъ судомъ исковое требованіе гражданскаго истца, Палата отказала ему на томъ основаніи, что гражданскій истецъ самъ не требуетъ съ Общества желѣзныхъ дорогъ вознагражденія за веденіе дѣла; что 860 и 906 ст. Уст. угол. суд., опредѣляющія права третьяго лица, отвѣчающаго за ущербъ, причиненный преступленіемъ другого лица, не даютъ основанія къ удовлетворенію этого ходатайства; что, наконецъ, рядъ рѣшеній Правительствующаго Сената установилъ, что въ порядкѣ суда уголовнаго вознагражденія за веденіе дѣла сторонамъ не полагается. Палата оставила также безъ уваженія и второе ходатайство повѣреннаго Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ объ обратномъ присужденіи въ пользу его довѣрителя всей той суммы, въ коей искъ Коха будетъ удовлетворенъ, по тѣмъ соображеніямъ: 1) что Общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ является по дѣлу лицомъ не потерпѣвшимъ, а отвѣтственнымъ за убытки, причиненные его агентомъ, и 2) что указанное повѣреннымъ Общества основаніе къ обратному присужденію въ его пользу убытковъ, а именно, признанія Бачурина по суду виновнымъ, а Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ обязаннымъ вознаградить потерпѣвшаго, можетъ обнаружиться не прежде, какъ когда настоящій приговоръ получитъ законную силу судебнаго рѣшенія.

На этотъ приговоръ Одесской Судебной Палаты повѣреннымъ Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ принесена была Правительствующему Сенату кассаціонная жалоба, въ которой онъ проситъ объ отмѣнѣ той части приговора, которая касается присужденія съ вѣрителей его 10.292 р. въ пользу Коха. Въ жалобѣ выставлены слѣдующіе поводы кассаціи: 1) Судебная Палата уклонилась отъ обсужденія представленнаго апелляторомъ довода, что къ гражданскому иску Коха не были примѣнены Окружнымъ Судомъ правила гражданскаго судопроизводства; такъ, исковое прошеніе Коха принято было судомъ, несмотря на то, что не было означено въ немъ чего истецъ проситъ, и не опредѣлена была цѣна иска; самъ искъ не подлежалъ разсмотрѣнію въ порядкѣ уголовнаго производства, а тѣмъ болѣе удовлетворенію. Въ этомъ обстоятельствѣ кассаторъ усматриваетъ нарушеніе 265, 706, 711 ст. Уст. граж. суд. и 6, 7, 12, 766, 797 ст. Уст. угол. суд. 2) Соображеніе, на которомъ Судебная Палата основала свой отказъ въ обратномъ присужденіи съ Бачурина 10.293 р., нельзя признать правильнымъ, такъ какъ искъ Коха долженъ былъ слѣдовать правиламъ гражданскаго судопроизводства, по которымъ Общество могло привлечь Бачурина къ дѣлу въ качествѣ третьяго лица (653 ст. Уст. граж. суд.); гражданская же отвѣтственность его предъ Обществомъ вытекаетъ изъ 8 п.

583 ст. X т., ч. 1; вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется никакихъ основаній, въ пользу того мнѣнія, что владѣльцу желѣзнодорожнаго предпріятія нельзя присудить, въ предѣлахъ того же процесса, съ виновнаго агента обратнаго требованія понесенныхъ по его винѣ убытковъ. 3) Неправильнымъ представляется, наконецъ, и отказъ Палаты въ возложеніи на Коха издержекъ за веденіе дѣла въ отказанной ему части иска, такъ какъ Общество является гражданскимъ отвѣтчикомъ и, какъ таковое, имѣетъ право на полученіе вознагражденія за веденіе дѣла, въ виду выигрыша части иска. Кассаторъ видитъ здѣсь нарушеніе 6, 779, 868, 906 ст. Уст. угол. суд. и 868, 870 и 871 ст. Уст. гражд. суд.

Засѣданіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента по этому дѣлу происходило *12-го декабря 1889 года.*

По дѣлу Бачурина возбуждается существенный важный вопросъ о предѣлахъ допущенія гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ. Нашъ старый сводъ, дѣйствовавшій до введенія судебныхъ уставовъ, нигдѣ точно не опредѣлялъ условій предъявленія этого иска въ уголовномъ судѣ, а самое понятіе о субсидіарномъ процессѣ по законамъ о судопроизводствѣ уголовномъ, содержащимся во 2 ч. XV тома, представляется совершенно необработаннымъ. Судебные уставы, въ статьяхъ 6 и 7 Уст. угол. суд. впервые установили точныя правила о такомъ искѣ, намѣтивъ въ соотвѣтствующихъ статьяхъ существенныя и независимыя отъ рода суда свойства этого иска по отношенію къ обязанности истца доказать основанія своего иска, а также и размѣръ его (366 ст. Уст. гражд. суд.). Но порядокъ разсмотрѣнія гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ, однако, совершенно отличенъ отъ таковаго же въ судѣ гражданскомъ. Достаточно указать, что судъ уголовный, разсматривая гражданскій искъ, не взыскиваетъ ни канцелярскихъ, ни судебныхъ пошлинъ; что разрѣшеніе иска производится не по формальнымъ доказательствамъ, а по внутреннему убѣжденію, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вопроса о виновности, ибо отъ разрѣшенія этого послѣдняго зависитъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи гражданскаго истца; что правила о доказательствахъ въ судѣ уголовномъ несравненно шире тѣхъ же въ судѣ гражданскомъ; что права, представляемыя въ уголовномъ процессѣ гражданскому истцу по ст. 630 и 631 Уст. угол. суд., несравненно больше тѣхъ, котырыми пользуется этотъ истецъ въ судѣ гражданскомъ. Достаточно сравнить ст. 409—411 Уст. гражд. съ общимъ началомъ отсутствія предъустановленныхъ доказательствъ въ судѣ уголовномъ и припомнить права, принадлежащія гражданскому истцу, не только на судѣ, но и на предварительномъ слѣдствіи, при чемъ по каждому дѣйствію суда онъ имѣетъ право дѣлать свои заявленія и замѣчанія. Наконецъ уголовный судъ, при разрѣшеніи гражданскаго иска, не знаетъ исполнительнаго производства, а руководствуется

лишь 785 ст. Уст. угол. суд. о разсчетѣ, а обезпеченіе иска по ст. 305 Уст. угол. суд. совершается внѣ состязательнаго порядка. Такимъ образомъ искъ на судѣ уголовномъ существенно отличается отъ иска въ судѣ гражданскомъ какъ пріемами своего разсмотрѣнія и условіями своего предъявленія, такъ и размѣрами дѣятельности сторонъ и суда. Поэтому первый вопросъ, возбуждаемый кассаціонною жалобою объ обязательности для гражданскихъ истцовъ въ уголовномъ дѣлѣ исполненія всѣхъ требованій, указанныхъ въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, долженъ быть разрѣшенъ отрицательно.

Точно такъ же должно быть разрѣшено и вытекающее изъ этого вопроса требованіе отказа въ разсмотрѣніи иска по 265 ст. Уст. гражд. суд. вслѣдствіе неопредѣленія его цѣны. Не говоря уже о томъ, что ст. 303 Уст. угол. суд., говорящая лишь о приблизительномъ исчисленіи убытковъ, тѣмъ самымъ устраняетъ необходимость точнаго опредѣленія цѣны иска, вся практика Правительствующаго Сената по этому вопросу направлена къ устраненію обязанности гражданскаго истца непремѣнно опредѣлять цѣну иска при предъявленіи его въ уголовномъ судѣ. Въ рѣшеніи по дѣлу Назарова, обвинявшагося въ изнасилованіи, а въ особенности въ рѣшеніи по дѣлу Махровскаго и Кетхудова за 1888 г. № 16, Сенатомъ высказано, что неопредѣленіе цѣны иска не уполномочиваетъ судъ оставить безъ разсмотрѣнія его основанія, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ дѣлъ, разрѣшаемыхъ съ присяжными засѣдателями, опредѣленіе количества понесенныхъ убытковъ зависитъ отъ квалификаціи дѣянія обвиняемаго, которая можетъ быть опредѣлена лишь по полученіи отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей на предложенные эвентуальные вопросы. Этому взгляду соотвѣтствуетъ и роль потерпѣвшаго отъ преступленія, объясняющаго суду о понесенныхъ имъ убыткахъ согласно 743, 821 и 822 ст. Уст. угол. суд. лишь послѣ произнесенія присяжными засѣдателями ихъ рѣшенія. Наконецъ, не надо упускать изъ виду и того, что могутъ быть иски въ судѣ уголовномъ, гдѣ ущербъ не можетъ быть опредѣленъ никакими цифровыми размѣрами и вообще не подчиняется матеріальной оцѣнкѣ. Сенатъ допустилъ—да и кто бы изъ понимающихъ сущность цѣлей уголовнаго правосудія рѣшился бы не допустить?—искъ отца дочери, лишившей себя жизни вслѣдствіе отчаянія за свою поруганную честь. Сенатъ призналъ по дѣлу Залѣвскаго и Грохольскаго (1873 г. № 623) и по дѣлу Гусева (1876 г. № 14) вполнѣ правомѣрнымъ искъ жены, отыскивающей возстановленіе своей чести путемъ признанія свидѣтелей по бракоразводному дѣлу лжесвидѣтелями. Наконецъ въ руководящемъ рѣшеніи за 1868 г. № 575 по дѣлу Салтыкова, Сенатъ высказалъ, что гражданскій искъ можетъ быть и противъ подсудимаго, дѣйствія котораго, будучи признаны не преступными, грозили бы вредомъ и убытками въ будущемъ, размѣръ каковыхъ, по этому самому, въ

моментъ предъявленія иска опредѣлить невозможно и не призналъ нарушеніемъ допущеніе такого иска безъ опредѣленія его цѣны.

Обращаясь ко второму вопросу, возбужденному кассаціонной жалобой, о допущеніи обратнаго требованія на основаніи 8 п. 683 ст. X т. ч. 1 съ присужденной Желѣзнодорожнаго Общества по гражданскому иску суммы съ обвиненнаго въ желѣзнодорожномъ несчастіи, надо имѣть въ виду, что рѣшеніемъ общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ за 1883 г. № 32 въ уголовныя дѣла, возникающія изъ желѣзнодорожныхъ несчастій введены Гражданскіе отвѣтчики въ лицѣ Обществъ желѣзныхъ дорогъ, такъ что въ такихъ дѣлахъ участвуютъ: обвинитель—прокуроръ, гражданскій истецъ — потерпѣвшій, подсудимый и гражданскій отвѣтчикъ. Въ установленіи понятія о гражданскомъ отвѣтчикѣ по желѣзнодорожному дѣлу, нельзя видѣть какого либо произвольнаго нововведенія въ уголовный процесъ, такъ какъ 15 ст. Уст. угол. суд., а также и 860 ст. по сравненіи ея съ 856 ст. того же Устава говорятъ именно о такомъ отвѣтчикѣ по уголовному дѣлу. По ст. 15 въ вознагражденіе вреда, причиненнаго преступленіемъ, за подсудимаго могутъ отвѣчать и другія лица, въ указанныхъ закономъ случаяхъ. Такими лицами несомнѣнно могутъ являться родственники и опекуны малолѣтнихъ, лица, наблюдающія за безумными и душевнобольными, господа и хозяева въ тѣхъ случаяхъ, когда по 1 ч. X т. они несутъ имущественную отвѣтственность за своихъ слугъ и приказчиковъ, наслѣдники подсудимаго, не отказавшіеся отъ принятія наслѣдства въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый умеръ послѣ преданія его суду и т. п.

Въ ст. 860 указывается на одинаковое съ гражданскимъ истцомъ право отзыва тѣхъ, на кого обращено взысканіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Это не суть подсудимые, ибо таковые, по ст. 856, имѣютъ право отзыва по всѣмъ предметамъ дѣла, до нихъ относящихся, а слѣдовательно это гражданскіе отвѣтчики по уголовному дѣлу, это имущественные отвѣтчики, независимые отъ подсудимаго, несущаго личную отвѣтственность. Законъ 25-го января 1878 года, послѣдствіемъ коего является 683 ст. 1 ч. X т., называемый кассаторомъ продуктомъ государственнаго соціализма, дѣйствительно построенъ не исключительно на юридическихъ, но и на политическихъ и экономическихъ основаніяхъ. Монопольное существованіе громадныхъ способовъ передвиженія, могущихъ разнообразно и тяжко нарушать интересы частныхъ лицъ, заставило государство принять эти интересы подъ свое особое покровительство и стремиться къ возможному устраненію послѣдствій ихъ нарушенія—и притомъ къ устраненію не фиктивному, или не исполнимому на практикѣ, а дѣйствительному и осязательному. Поэтому новый законъ распредѣлилъ и личную, и имущественную отвѣтственность по желѣзнодорожнымъ

несчастіямъ такъ, что *личную* отвѣтственность предъ *государствомъ* несетъ физическое лицо — агентъ желѣзной дороги, а предъ *потерпѣвшимъ имущественную* отвѣтственность несетъ юридическое лицо — Общество желѣзной дороги, такъ какъ возложить такую отвѣтственность на физически виновнаго въ огромномъ большинствѣ случаевъ значило бы предоставить искалѣченному потерпѣвшему не дѣйствительное обезпеченіе въ его несчастіи, а неосуществимое на практикѣ голое право—nudum jus.

Точно также новый законъ установилъ, въ виду неизмѣримости средствъ для судебной борьбы между агентами и хозяевами огромной движущей силы и потерпѣвшимъ—единичнымъ лицомъ—особое распредѣленіе тягости доказыванія — onus probandi. Вслѣдствіе этого статьи 683 и 684, говорящія объ ущербахъ и убыткахъ, существенно отличаются по устанавливаемому ими onus probandi, при чемъ въ первой статьѣ этотъ onus лежитъ на отвѣтчикѣ — желѣзной дорогѣ, а во-второй на истцѣ — потерпѣвшемъ убытокъ. Такъ оно и должно быть въ виду свойствъ желѣзнодорожнаго дѣла и согласно взгляду всѣхъ новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ. Съ точки зрѣнія кассатора, всякое желѣзнодорожное несчастіе вызываетъ къ жизни, повидимому, только гражданскія отношенія между пассивными и активными участниками этого несчастія. Но не надо забывать, что подъ широкимъ терминомъ желѣзнодорожнаго несчастія кроется понятіе и объ уголовномъ преступленіи, которое предусматривается 1083, 1085 ст. Улож. о наказ. и соотвѣтственными статьями Устава о наказ., налаг. мир. суд., при чемъ нѣкоторыя изъ видовъ этихъ желѣзнодорожныхъ несчастій влекутъ за собою тяжкую уголовную кару въ видѣ личной отвѣтственности, а потому къ гражданскому понятію о casus, примѣнимому къ отвѣтчику, присоединяется въ большинствѣ случаевъ и понятіе о небреженіи, плохомъ надзорѣ, корысти или эксплоатаціи силъ служащихъ со стороны хозяевъ. Установленіе обратнаго требованія или регресса на судѣ уголовномъ побудило бы судъ къ разсмотрѣнію отношеній желѣзнодорожнаго Общества къ подчиненнымъ ему лицамъ и заставило бы уголовный судъ, отвлекаясь отъ главнаго предмета дѣла, входить въ обсужденіе наставленій о дисциплинарныхъ пріемахъ, преподанныхъ и установленныхъ Обществомъ по отношенію къ своимъ агентамъ. Все это можетъ быть предметомъ обсужденія суда гражданскаго, который, на основаніи 8 п. 683 ст. X т. ч. I и разсмотритъ, насколько Общество имѣетъ право требовать обратно съ своего агента уплаченныя, вслѣдствіе его дѣйствій, деньги и насколько служебное положеніе этого агента и предъявляемыя къ нему требованія начальствомъ давали ему возможность избѣжать такихъ невыгодныхъ для Общества дѣйствій. Рѣшеніе общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ о гражданскомъ отвѣтчикѣ основано на смыслѣ и цѣли закона 25-го января 1878 года, а не на одних лишь сообра-

женіяхъ гуманности, какъ полагаетъ кассаторъ. Но если бы даже эти соображенія и лежали исключительно въ основаніи рѣшенія общаго собранія, то и тогда они не могли бы быть примѣнимы къ разрѣшенію обратнаго требованія. Положеніе потерпѣвшаго отъ преступленія, который вслѣдствіе увѣчья, изъ работника и кормильца обратился въ тяжкое бремя для своей семьи и долженъ былъ до обнародованія рѣшенія общаго собранія обращаться въ двѣ инстанціи суда гражданскаго съ платежемъ пошлинъ и канцелярскихъ сборовъ и ждать въ теченіе движенія дѣла по этимъ инстанціямъ, при нищетѣ и невозможности заработка, рѣшенія дѣла—не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ большого акціонернаго Общества, многомилліоннымъ оборотомъ котораго причиненъ ущербъ дѣйствіями его агента и по отношенію къ которому вопросъ о скорѣйшемъ полученіи куска насущнаго хлѣба не имѣетъ мѣста.

Наконецъ, такое допущеніе обратнаго требованія въ судѣ уголовномъ являлось бы въ сущности привлеченіемъ къ гражданскому спору между потерпѣвшимъ и Обществомъ желѣзной дороги третьяго лица—виновнаго агента—на основаніи 653 ст. Уст. гражд. суд. Не говоря уже о томъ, что на возможность такого привлеченія нѣтъ никакихъ указаній въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства примѣненіе къ нему правилъ 653 и 658 ст. Уст. гражд. суд., до крайности усложнило бы разрѣшеніе гражданскаго иска, связаннаго съ уголовнымъ дѣломъ. При этомъ нельзя не имѣть въ виду, что привлеченіе третьяго лица къ дѣлу соотвѣтствуетъ вступленію третьяго лица въ дѣло на основаніи 663 ст. Уст. гражд. суд. Всякое лицо, интересы коего зависятъ отъ рѣшенія дѣла въ пользу одной изъ сторонъ, можетъ заявить свое желаніе о принятіи въ дѣлѣ участія совокупно съ истцомъ или отвѣтчикомъ. Можно привести рядъ примѣровъ, гдѣ третье лицо можетъ быть заинтересовано существеннымъ образомъ въ томъ, чтобы искъ, предъявленный Обществомъ желѣзной дороги объ обратномъ требованіи съ подсудимаго, былъ разрѣшенъ въ пользу подсудимаго и въ этомъ случаѣ такое третье лицо должно быть допущено до участія въ дѣлѣ. Напримѣръ: жена, не живущая съ мужемъ-подсудимымъ по желѣзнодорожному дѣлу—и получающая отъ него, по судебному опредѣленію, согласно 106 ст. X т. ч. I, содержаніе по состоянію и возможности, могла бы явиться дѣйствующимъ въ уголовномъ процессѣ лицомъ, затягивая дѣло и отклоняя его теченіе отъ законнаго уголовнаго русла.

Въ заключеніе, нельзя не признать, что и соображенія Судебной Палаты о томъ, что основаніе къ обратному присужденію въ пользу желѣзной дороги убытковъ можетъ обнаружиться не прежде, какъ по вступленіи въ законную силу судебнаго рѣшенія о личной отвѣтственности агента и имущественной отвѣтственности Общества — представляются вполнѣ правильными.

Обращаясь затѣмъ къ требованію кассатора о признаніи Общества желѣзной дороги имѣющимъ право на взысканіе съ гражданскаго истца издержекъ за веденіе дѣла, я нахожу, что требованія о вознагражденіи за веденіе дѣла въ Уставѣ угол. суд. не установлено, и что если таковаго права не предоставлено гражданскому истцу, то не можетъ его быть предоставлено и гражданскому отвѣтчику.

Въ виду всего вышеизложеннаго я полагалъ бы жалобу Общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ оставить безъ послѣдствій.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: жалобу кассатора, на основаніи 912 ст. Уст. угол. суд., оставить безъ послѣдствій.

XIII.

По дѣлу персидскаго принца Кейкубата-Мирзы.

10-го марта 1887 г. слѣдователь г. Шуши Шафрановскій, совмѣстно съ полицейскимъ приставомъ Меликовымъ, низшими полицейскими агентами и понятыми, явился въ 9 ч. в. въ домъ Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и по обыску нашелъ у него фальшивыя монеты: одну двадцатикопѣечную, 26 пятнадцатикопѣечнаго достоинства, три мелкія персидскія монеты и машинку для выдѣлки этихъ монетъ; монеты эти оказались грубо сдѣланныя изъ олова. Кромѣ хозяина дома, тамъ застали еще Мовсумъ-Машади-Микаилъ-Оглы и молодого персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзу, который на вопросъ слѣдователя заявилъ, что пришелъ къ Гасанъ-Али за заказанной ему папахой. Гасанъ-Али и Мовсумъ были заключены подъ стражу, а относительно Кейкубата-Мирзы никакого матеріала для обвиненія не было обнаружено. Затѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ одинъ изъ свидѣтелей заявилъ, что жена Гасана-Али говорила ему, что монета чеканится въ ихъ домѣ, что это дѣлается, обыкновенно, въ холодную и темную ночь, когда слѣдователь и полицейскій обходъ бездѣйствуютъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ принимаютъ Мовсумъ и принцъ Кейкубатъ-Мирза, который доставляетъ настоящія персидскія монеты для образца при отливкѣ персидскихъ монетъ и чистое серебро для дачи звонкости монетамъ. Но такъ какъ никакихъ настоящихъ монетъ ни русскихъ, ни персидскихъ у Гасана-Али не было найдено и монеты отлиты были изъ чистаго олова безъ примѣси серебра, то слѣдователь не нашелъ основанія для привлеченія принца Кейкубата-Мирзы не только въ качествѣ обвиняемаго, но и свидѣтеля. Въ такомъ положеніи было дѣло до 19-го октября, когда состоялось постановленіе слѣдователя о привлеченіи Кейкубата-Мирзы въ качествѣ обвиняемаго и онъ въ тотъ-же день былъ взятъ изъ реальнаго училища и заключенъ въ тюрьму. Настоящее дѣло было разсмотрѣно 16-го іюня 1888 г. въ Елизаветпольскомъ Окружномъ Судѣ и судъ, переходя къ обсужденію вопроса о виновности принца Кейкубатъ-Мирзы нашелъ, что 1) въ обвинительномъ актѣ къ обвиненію его приведены слѣ-

дующія основанія: объясненія свидѣтелей Саадаты—на предварительномъ слѣдствіи,—Алифа и др., а также объясненіе подсудимаго Гасанъ-Али, которые говорили, будто принцъ ходилъ къ Гасанъ-Али не за папахою, а для фабрикаціи денегъ; 2) прокурорская власть, по логическимъ соображеніямъ, находитъ, что хотя Гасанъ-Али шапочникъ по ремеслу, но далеко не изъ лучшихъ и далеко не единственный въ городѣ и къ тому давно бросившій это занятіе; принцу же, какъ члену семьи, весьма достаточной въ матеріальномъ отношеніи, и ученику реальнаго училища, не зачѣмъ было носить папаху и таковую заказывать какому-то бродячему шапочнику Гасанъ-Али, когда въ городѣ масса другихъ болѣе искусныхъ въ этомъ дѣлѣ мастеровъ. Затѣмъ прокурорская власть находитъ, что если даже допустить, что принцемъ была заказана папаха, то все же въ такую скверную погоду, поздно вечеромъ, не зачѣмъ было ему лично приходить за папахою, когда у него, принца, въ домѣ нѣсколько кучеровъ и не зачѣмъ было ему, принцу, приходить за папахою послѣ праздника Новрузъ байрама (9-го марта). Въ заключеніе же къ обвиненію принца приводится то обстоятельство, что при обыскѣ въ домѣ Гасанъ-Али были обнаружены свѣже-отлитыя монеты, что ясно доказываетъ, по мнѣнію обвинительной власти, что Кейкубатъ-Мирза присутствовалъ при самой фабрикаціи монетъ. Разбирая приведенныя въ обвинительномъ актѣ данныя къ обвиненію Кейкубатъ-Мирзы и выслушавъ судебное слѣдствіе, судъ нашелъ, что виновность его въ этомъ дѣлѣ является ничѣмъ недоказанною.

На приговоръ Окружного Суда товарищъ прокурора подалъ апелляціонный протестъ, а подсудимые Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и Мовсумъ Машади — апелляціонные отзывы и дѣло слушалось въ Тифлисской Судебной Палатѣ 27-го апрѣля 1889 года. Судебная Палата опредѣлила: приговоръ Елизаветпольскаго Окружного Суда по отношенію къ Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и Мовсума-Машида-Микаилъ-Оглы утвердить, апелляціонные отзывы ихъ оставить безъ послѣдствій, персидскаго принца Кейкубатъ-Мирзу признать виновнымъ въ выдѣлкѣ совмѣстно съ другими лицами фальшивыхъ монетъ русскаго и персидскаго чекановъ и подвергнуть Кейкубатъ-Мирзу, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на 5 лѣтъ и 4 мѣсяца.

На приговоръ Палаты принесены были кассаціонныя жалобы подсудимымъ Гасанъ-Али-Мамедъ-Оглы и защитникомъ принца Кейкубатъ-Мирзы присяжнымъ повѣреннымъ Карабеговымъ.

Дѣло слушалось въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ *20 ноября 1889 года.*

Судебные уставы установили новый порядокъ разсмотрѣнія вопроса о виновности: на мѣсто формальныхъ доказательствъ они поставили внутреннее убѣжденіе, источникомъ котораго должны быть данныя дѣла—улики и доказательства,—а вмѣсто господствовавшей въ старомъ судѣ безжизненной бумаги, вездѣ, гдѣ можно, выставили живого человѣка съ его объясненіями. Судебные уставы требовали, чтобъ весь матеріалъ дѣла прошелъ предъ глазами судей и былъ предметомъ провѣрки сторонъ; они не стѣсняли судей, въ выборѣ доказательствъ, старой формальной теоріей, но требовали, однако, оцѣнки каждаго изъ приведенныхъ доказательствъ и провѣрки ихъ строго установленнымъ въ законѣ способомъ.

Чтобы опредѣлить, исполнены ли эти требованія закона въ дѣлѣ Кейкубатъ-Мирзы, слѣдуетъ обратиться къ *содержанію* приговора и *основаніямъ* его. По отношенію къ *содержанію* приговора судебные уставы заключаютъ два правила: общее для всѣхъ инстанцій и специальное для апелляціонной инстанціи. Всякій уголовный судъ, согласно пун. 2 ст. 797 Уст. угол. суд., обязанъ сообразить въ своемъ приговорѣ обвиненіе съ представленными по дѣлу доказательствами и уликами, т. е. оцѣнить каждый изъ доводовъ обвиненія, сопоставляя его съ доказательствами за и противъ. Эту задачу исполнилъ вполнѣ Елисаветпольскій Окружной Судъ, пройдя за обвиненіемъ шагъ за шагомъ и оцѣнивъ не только улики и доказательства, но и логическія предположенія обвинителя, но этого не сдѣлала Судебная Палата, оставивъ цѣлый рядъ оправдательныхъ доказательствъ безъ обсужденія. Кромѣ того, апелляціонная инстанція, на основаніи специальнаго правила, постановленнаго въ ст. 892 Уст. угол. суд., обязана точно и положительно указать по какимъ основаніямъ она отмѣняетъ или утверждаетъ приговоръ первой инстанціи. Эти основанія, принимаемыя апелляціонной инстанціей, могутъ сливаться съ основаніями первой инстанціи,—какъ то бываетъ при утвержденіи приговора Окружного Суда — и тогда повтореніе ихъ излишне, подъ условіемъ, однако, приведенія приговора Окружного Суда, съ которымъ соглашается Судебная Палата. Такъ разъяснилъ Сенатъ въ рѣшеніяхъ 1871 года № 715 по дѣлу Шайтанъ-бекъ-Оглы и № 559 за 1871 г. по дѣлу Жуковскаго. Но апелляціонная инстанція можетъ расходиться съ первой инстанціей, и въ послѣднемъ случаѣ, какъ общее, незыблемое правило, должно быть выставлено требованіе обязательнаго разбора второй инстанціею всѣхъ доводовъ первой инстанціи, съ которыми она не соглашается. Этого требуетъ справедливость по отношенію и къ обвиняемому, и къ обвинителю, изъ которыхъ тотъ или другой не можетъ представить второй инстанціи своихъ доводовъ въ защиту рѣшенія Окружного Суда, состоявшагося въ его пользу или согласно съ его требованіями. Этого требуетъ судебная осторожность, такъ какъ такимъ образомъ предъ окончательнымъ рѣшеніемъ судьбы человѣка вспоминаются и провѣряются вновь всѣ данныя дѣла. Этого требуетъ и нравственная сторона дѣла, такъ какъ судъ имѣетъ право ждать отъ высшей инстанціи равнаго вниманія ко всѣмъ частямъ своего труда, а подсудимый долженъ знать, что приговоръ, отмѣняющій его оправданіе, основанъ на всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла. Онъ можетъ находить, что вторая инстанція невѣрно обсудила то или другое доказательство его невиновности, но ему не слѣдуетъ давать права утверждать, что Судебная Палата нѣкоторыхъ изъ этихъ доказательствъ не обсудила вовсе. Поэтому кассаціонная практика признала, что даже при отмѣнѣ обвинительнаго приговора Окружного Суда, Судебная Палата можетъ не обсуждать всѣхъ доводовъ Окружного Суда, лишь подъ

условіемъ подробнаго обсужденія всѣхъ доводовъ обвиняемаго (Рѣш. 1872 г. № 1272 по дѣлу Машади-Искандеръ-Гусейнъ-Оглы). Тѣмъ болѣе обязанность обсудить всѣ доводы Окружного Суда лежитъ на Палатѣ, когда отмѣняется оправдательный приговоръ и на мѣстѣ его строится тяжкое обвиненіе. Допущеніе высшей инстанціи обсуждать не всѣ доводы низшей инстанціи исказило бы архитектонику судебнаго производства по уставамъ. Въ смыслѣ объема и ширины разсмотрѣнія доказательствъ и низшая, и высшая инстанціи должны представлять изъ себя *цилиндръ*, каждое поперечное сѣченіе котораго одинаково по объему, а не *пирамиду*, причемъ, чѣмъ выше восходитъ дѣло, тѣмъ уже становится основаніе для его разрѣшенія, такъ какъ такимъ образомъ можно бы дойти до того, что на вершинѣ судебныхъ учрежденій, т. е. въ кассаціонномъ судѣ, дѣло уже рѣшалось бы въ двухъ словахъ, съ примѣненіемъ латинскаго изреченія: «stat pro ratione voluntas».

Обращаясь съ этой стороны къ приговорамъ Окружного Суда и Палаты по дѣлу Кейкубатъ-Мирзы, нельзя не видѣть, что Окружной Судъ основалъ свой приговоръ на слѣдующихъ общихъ данныхъ при обсужденіи всякаго преступленія: — на отсутствіи мотива, на отсутствіи указанія на связь между личностью обвиняемаго и преступнымъ фактомъ, и на житейскую основательность и правдоподобность объясненій обвиняемаго, въ связи съ противорѣчіями въ показаніяхъ свидѣтелей обвиненія. Палата же ни по одному изъ этихъ трехъ основаній не высказала ничего, оставивъ ихъ совершенно безъ обсужденія, хотя, безспорно, имѣла полное право ихъ отвергнуть, но лишь по подробномъ ихъ разсмотрѣніи. Судъ, какъ видно, изъ его приговора, анализировалъ внутреннюю сторону показаній, имѣющихся въ дѣлѣ,—Судебная же Палата касалась одной ихъ внѣшней оболочки.

Переходя къ основаніямъ приговора Судебной Палаты, я нахожу, что протестъ товарища прокурора Окружного Суда, признанный заслуживающимъ уваженія, самъ по себѣ не соотвѣтствуетъ задачамъ обвиненія по судебнымъ уставамъ, такъ какъ прокуроръ, этотъ «говорящій судья», имѣющій право даже отказаться отъ обвиненія, если оно опровергнуто на судѣ, не долженъ ссылаться на такія обстоятельства предварительнаго слѣдствія, которыя не подтверждены, или опровергнуты на судебномъ слѣдствіи, такъ какъ иначе живой, перекрестный разборъ дѣла замѣнился бы канцелярскимъ производствомъ по протоколамъ предварительнаго слѣдствія. Между тѣмъ, изъ протоколовъ судебныхъ засѣданій видно, что оговоръ Кейкубатъ-Мирзы Гасаномъ-Али, явившійся лишь въ концѣ слѣдствія, не былъ повторенъ и подтвержденъ на судѣ, а показанія жены Гассана-Али, Садаты, на которое опирается апелляціонный протестъ, на судѣ даваемо вовсе не было, по предоставленному ей 705 ст. Уст. угол. праву и вслѣдствіе возраженія товарища прокурора, а при предварительномъ слѣдствіи дано дважды,

при чемъ второе изъ нихъ существенно опровергаетъ первое. Правительствующій Сенатъ призналъ въ рѣшеніи своемъ за 1870 г. № 634 по дѣлу Флорова неправильнымъ принятіе во вниманіе показанія, не даннаго на судебномъ слѣдствіи, а по дѣлу Арабелидзе 1874 г. № 369 высказался, что показаніе, данное при предварительномъ слѣдствіи и отмѣненное на судѣ, никоимъ образомъ основаніемъ къ обвиненію служить не можетъ, въ рѣшеніяхъ же по дѣлу Мясникова 1872 г. и Айзенберга и Маріи Лысакъ 1888 г. категорически установилъ положительную невозможность ссылокъ на показанія родственниковъ, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, когда эти родственники на судѣ воспользовались правомъ, представленнымъ имъ 705 ст., поставивъ, такимъ образомъ, въ этомъ исключительномъ случаѣ интересы родственнаго чувства и голосъ сердца выше интересовъ полноты изслѣдованія.

Поэтому приговоръ Судебной Палаты по дѣлу Кейкубатъ-Мирзы представляется неполнымъ и неудовлетворяющимъ требованіямъ Уст. угол. суд. по отношенію къ юридической правдѣ судебнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя признать правильнымъ и приложенія къ дѣлу письменнаго оговора противъ Кейкубатъ-Мирзы, поданнаго осужденнымъ Мовсумомъ-Машади-Микаилъ-Оглы съ отмѣткою «пріобщить къ дѣлу, для имѣнія въ виду при его разсмотрѣніи», и не бывшаго оглашеннымъ при производствѣ въ Палатѣ, какъ можно судить по протоколу засѣданія. Такой оговоръ, являясь новымъ доказательствомъ въ пользу обвиненія, требовалъ безусловно оглашенія для того, чтобы, на основаніи ст. 624 и 734 Уст. угол. суд., дать противной сторонѣ возможность приготовиться къ опроверженію или потребовать отсрочки засѣданія. Еще правильнѣе было бы возвратить такой документъ на распоряженіе прокурорскаго надзора, отъ коего и зависѣло воспользоваться этимъ новымъ доказательствомъ, послѣ его предварительной провѣрки, въ условіяхъ гласнаго состязанія.

Правительствующій Сенатъ постановилъ: приговоръ Тифлисской Судебной Палаты относительно принца Кейкубатъ-Мирзы за нарушеніемъ 766, 797 и 892 отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой Департаментъ Палаты, жалобы остальныхъ подсудимыхъ оставить, на основаніи 92 ст. Уст. угол. суд., безъ послѣдствій; копію съ жалобы Карабегова, какъ заключающей выраженія прямо оскорбительныя для Судебной Палаты и прокурорскаго надзора, передать г. оберъ-прокурору для зависящаго распоряженія; сообщить о немедленномъ освобожденіи Кейкубатъ-Мирзы изъ-подъ стражи.

XIV.

По дѣлу о Мултанскомъ жертвоприношеніи.

Суду Сарапульскаго Окружного Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей были преданы по обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ, предусмотрѣнномъ 1454 ст. Улож. о наказ. крестьяне села Старый Мултанъ—Андреевъ, Степановъ, Александровъ, Самсоновъ, Кондратьевъ, Ивановъ, Кузнецовъ, Григорьевъ, Ефимовъ, Тимофей и Максимъ Гавриловы. По обвинительному акту убійство было совершено ими по предварительному между собою соглашенію съ цѣлью приношенія въ жертву языческимъ богамъ крестьянина-нищаго Конона Матюнина, у котораго они, по совершеніи убійства, отрѣзали голову вмѣстѣ съ шеею и вынули грудныя внутренности и сердце.

При разсмотрѣніи этого дѣла Александровъ, Тимофей и Максимъ Гавриловы оправданы, а остальные, за исключеніемъ умершаго Ефимова, приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на различные сроки. На приговоръ этотъ была принесена защитникомъ подсудимыхъ кассаціонная жалоба, по которой Правительствующій Сенатъ нашелъ, что по разсмотрѣніи протокола засѣданія суда по дѣлу, замѣчаній, сдѣланныхъ на этотъ протоколъ защитою, и постановленія суда на означечныя замѣчанія видно, что 630 ст. Уст. угол. суд. была нарушена, во 1-хъ, тѣмъ, что защита была стѣснена при допросѣ свидѣтеля (Пивоварова), такъ какъ защитѣ было предложено допрашивать этого свидѣтеля не по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а только по тѣмъ, для удостовѣренія которыхъ свидѣтель былъ вызванъ; во 2-хъ, тѣмъ, что защитникъ былъ лишенъ права предъявить присяжнымъ засѣдателямъ, во время судебнаго слѣдствія, тѣ указанія и разъясненія, какія онъ считалъ нужнымъ сдѣлать по поводу вещественныхъ доказательствъ, ибо защитнику было предложено сдѣлать это во время преній сторонъ и, въ 3-хъ, тѣмъ, что просьба защитника о разъясненіи присяжнымъ вопроса, откуда взяты были пріобщенные къ дѣлу сѣдые волосы, осталась безъ удовлетворенія. Между тѣмъ, разъясненіе сего вопроса о значеніи волосъ было особенно важно въ виду того, что волосы были находимы при обыскахъ въ разное время и притомъ весьма отдаленное отъ дня смерти Матюнина. Нарушено требованіе 718 ст.

Уст. угол. суд., и это не опровергается ни протоколомъ засѣданія суда, ни постановленіемъ его на замѣчанія защиты. Нарушеніе сего закона заключалось въ томъ, что многіе свидѣтели давали на судѣ показанія свои по слухамъ. Допущеніе этого нарушенія, признаваемаго Правительствующимъ Сенатомъ существеннымъ (рѣш. Правит. Сен. 1870 г. № 147; 1872 г. № 926 и мн. др.), подтверждается также и сущностью показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, записанныхъ въ обвинительный актъ. Независимо отъ этого не опровергается указаніе защитника на то, что не всегда предсѣдавшій въ судѣ руководилъ засѣданіемъ по дѣлу и, что неоднократно товарищъ прокурора прерывалъ защитника при допросѣ свидѣтелей и при представленіи объясненій присяжнымъ засѣдателямъ. Между тѣмъ, настоящее дѣло требовало, чтобы со стороны предсѣдателя были приняты всѣ мѣры для возможнаго разъясненія дѣла и для правильнаго и спокойнаго разрѣшенія онаго, такъ какъ нельзя не признать, что и въ обвинительномъ актѣ не было ясно и точно установлено самое существованіе между вотяками человѣческихъ жертвоприношеній и не были указаны съ достаточною полнотою фактическія основанія для обвиненія каждаго изъ 11 подсудимыхъ въ тяжкомъ, влекущемъ за собою уголовное наказаніе, преступленіи. Въ виду вышеизложеннаго, не усматривая другихъ указанныхъ въ жалобѣ нарушеній, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Окружного Суда, по сему дѣлу въ отношеніи обвиненныхъ лицъ отмѣнить, предписавъ суду указомъ разсмотрѣть дѣло вновь, въ другомъ составѣ присутствія, въ другомъ ближайшемъ отъ мѣста нахожденія подсудимыхъ и свидѣтелей въ городѣ, наприм., Елабугѣ.

При вторичномъ слушаніи дѣла въ Елабугѣ, вновь постановленъ былъ обвинительный приговоръ, на который частный повѣренный Дрягинъ принесъ жалобу, въ которой указалъ на различныя нарушенія правъ подсудимыхъ, выразившіяся между прочимъ, въ томъ, что по вступленіи дѣла изъ Правительствующаго Сената въ Сарапульскій Окружной Судъ во время приготовительныхъ въ судѣ по сему дѣлу распоряженій, онъ Дрягинъ, обратился въ этотъ Судъ съ ходатайствомъ о вызовѣ: а) новыхъ экспертовъ, при содѣйствія которыхъ защита надѣялась выяснить на судѣ, что среди вотяковъ нѣтъ обычая приносить языческимъ богамъ въ жертву людей; б) экспертовъ-врачей для опредѣленія недостаточно, по мнѣнію защиты, выясненныхъ на слѣдствіи и судѣ, данныхъ о прижизненности поврежденій, оказавшихся при осмотрѣ и вскрытіи трупа Матюнина; в) свидѣтелей, долженствовавшихъ представить Суду новыя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ не бывшихъ въ разсмотрѣніи Суда и исключающихъ, по мнѣнію защиты; возможность признанія обвиняемыхъ нынѣ лицъ виновными въ убійствѣ крестьянина Матюнина и г) двухъ соподсудимыхъ, оправданныхъ приговоромъ Окружного Суда 10/11-го декабря 1894 года. Это прошеніе разсмотрѣно въ распорядительномъ засѣданіи 19-го августа 1895 г., при чемъ судъ опредѣлилъ: отказать въ вызовѣ всѣхъ просимыхъ свидѣтелей, такъ какъ обстоятельства, о которыхъ они должны были свидѣтельствовать, не представляются вновь открывшимися, по поводу же вызова двухъ соподсудимыхъ, оправданныхъ судомъ, въ опредѣленіи суда не содержится никакого постановленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ, признавъ, что выясненіе причины смерти Матюнина, при жизненности или посмертности поврежденій, обнаруженныхъ на трупѣ, и послѣдовательности ихъ причиненія, представляется для дѣла существеннымъ, нашелъ возможнымъ вызвать изъ числа просимыхъ экспертовъ и врачей—эксперта Верещагина и врача Крылова. Это постановленіе Окружного Суда, основанное на разсмотрѣніи существа дѣла, состоялось въ распоря-

точно для того, чтобы отмѣнить приговоръ по настоящему дѣлу. Но независимо отъ этого существуетъ рядъ другихъ нарушеній по свойству самаго дѣла. *Первое* изъ нихъ выразилось въ постановленіи суда отъ 19-го августа 1895 года объ отказѣ жалобщикамъ въ вызовѣ оправданныхъ при первомъ разсмотрѣніи дѣла подсудимыхъ Александрова и Гаврилова. Рѣшеніями Правительствующаго Сената за 1871 г. № 450, за 1873 г. № 359, за 1877 г. № 29, за 1878 г. № 39 и другими, вызовъ такихъ оправданныхъ подсудимыхъ въ качествѣ свидѣтелей признанъ для суда обязательнымъ въ порядкѣ установленномъ 557 ст., и распространенъ не только на *оправданныхъ* подсудимыхъ, но даже и на *осужденныхъ*. Поэтому отказъ въ вызовѣ оправданныхъ подсудимыхъ по требованію обвиняемыхъ, подлежащихъ суду второй разъ, есть явное стѣсненіе правъ послѣднихъ, которое ни въ какомъ случаѣ и никогда не можетъ быть объяснено даже тѣмъ, что показанія этихъ свидѣтелей не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ дѣлу, ибо противъ этого свидѣтельствуетъ самая скамья подсудимыхъ, которая при первомъ разбирательствѣ дѣла одинаково пріютила на себѣ и оправданныхъ, и осужденныхъ. Идя последовательно, пришлось бы признать, что и объясненія этихъ лицъ, данныя въ первомъ засѣданіи, къ дѣлу не относятся. Несомнѣнно, что обвиняемый по одному и тому же преступленію есть и одинъ изъ важнѣйшихъ свидѣтелей, если только судъ, по внутренней оцѣнкѣ, не найдетъ необходимымъ отнестись къ нему съ недовѣріемъ. Объясненія, сдѣланныя по этому предмету судомъ, не представляются основательными. Въ нихъ говорится объ отсутствіи *основного закона*, который дѣлалъ бы такой вызовъ обязательнымъ. Но Уставъ уголовнаго судопроизводства дѣлаетъ обязательнымъ вызовъ всякаго лица, могущаго быть свидѣтелемъ по дѣлу, и въ статьяхъ 713, 714, и 721 опредѣлено, въ чемъ состоитъ то отношеніе человѣка къ дѣлу, которое придаетъ ему характеръ свидѣтеля. Поэтому и за невозможностью признать показанія оправданныхъ не относящимися къ дѣлу—они несомнѣнно имѣютъ право занять въ дѣлѣ положеніе свидѣтелей, при чемъ это ихъ право подтверждено и закрѣплено приведенными рѣшеніями. Объ отсутствіи какого-же основного закона говоритъ объясненіе суда? Едва ли можно предположить, чтобы оно имѣло въ виду законы основные, помѣщенные въ первой части перваго тома Свода Законовъ, ибо они по важности своей, конечно, не могутъ касаться такихъ вопросовъ, какъ вызовъ свидѣтелей. Поэтому говорить о примѣненіи ихъ къ настоящему дѣлу невозможно, да и ничего относящагося къ отправленію уголовнаго правосудія въ нихъ нѣтъ, если не считать ст. 65, обязывающей всѣ безъ изъятія мѣста, а слѣдовательно и судебныя, утверждать свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона—«не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій».

Во второй части объясненія судомъ указывается, какъ на основаніе къ отказу, на то, что послѣ отказа ходатайство о вызовѣ одного изъ оправданныхъ подсудимыхъ не было повторено и что защитникъ, по открытіи засѣданія, не просилъ объ его отсрочкѣ, за отсутствіемъ этихъ свидѣтелей, для вызова ихъ. Но обсужденію Сената подлежитъ отказъ суда въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ былъ сдѣланъ и внѣ зависимости отъ тѣхъ дѣйствій, которыми онъ сопровождался, при чемъ надлежитъ замѣтить, что отсутствіе требованія о вызовѣ свидѣтелей на счетъ подсудимыхъ, людей бѣдныхъ, темныхъ и давно уже содержащихся подъ стражею, ни въ какомъ случаѣ *имъ* въ вину поставлено быть не можетъ, суду же должно быть извѣстно, что требованіе защитника объ отсрочкѣ засѣданія для вызова свидѣтелей, въ которомъ судомъ уже было отказано, было бы требованіемъ тщетнымъ, не законнымъ и невыполнимымъ. Поэтому упрекъ въ томъ, что такое требованіе не было предъявлено по открытіи судебнаго засѣданія, несправедливъ и, въ виду обязанности суда оставить такое требованіе безъ послѣдствій, представляется болѣе чѣмъ страннымъ.

Второе нарушеніе выразилось *въ способѣ обсужденія* ходатайства защиты о вызовѣ неявившихся свидѣтелей. Законъ даетъ суду дискреціонное право отказывать въ вызовѣ новыхъ свидѣтелей, признавая ихъ не относящимися къ дѣлу, но законъ требуетъ, чтобы самое ходатайство о вызовѣ было обсужено во всѣхъ подробностяхъ. Судъ можетъ отказать, но у просителя должно остаться убѣжденіе, что, отказывая, судъ вошелъ въ оцѣнку всѣхъ его доводовъ. Къ суду въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ приложимо античное изреченіе «бей, но выслушай». Поэтому въ рядѣ кассаціонныхъ рѣшеній, между прочимъ, по извѣстнымъ дѣламъ Вельяшева 1890 г. и Минцесъ 1889 г. указано, что судъ обязанъ каждый разъ входить въ оцѣнку, какъ важности показаній указываемыхъ свидѣтелей, такъ и того, дѣйствительно ли ихъ показанія составляютъ новое въ дѣлѣ обстоятельство. При этомъ вся практика Правительствующаго Сената по 879[1] ст. Уст. угол. суд. основана именно на обязанности суда мотивировать подробно свои постановленія въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ постановленіе суда 19-го августа 1895 г. отказываетъ въ вызовѣ свидѣтелей, долженствующихъ показать о новыхъ обстоятельствахъ на томъ основаніи, что обстоятельства эти не представляются новыми, «такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ были извѣстны при производствѣ полицейскаго дознанія, другія при производствѣ слѣдствія, на что указываютъ не только протоколы того и другого, но частью и находящіяся въ производствѣ суда прошенія подсудимыхъ».

Но, прежде всего, прошенія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ устанавливать собою такихъ обстоятельствъ, которыя затѣмъ уже не признаются новыми, потому что прошенія эти разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей не подлежатъ.

Съ другой стороны обстоятельствомъ *не новымъ* не можетъ считаться такое, которое почему-либо сдѣлалось извѣстнымъ полиціи, но не было ни ею, ни слѣдственною властью провѣрено надлежащимъ образомъ. Вопросъ не въ томъ, зналъ ли тотъ или другой агентъ полицейской власти объ извѣстномъ обстоятельствѣ и даже не въ томъ, придавалъ ли онъ ему значеніе или нѣтъ, а въ томъ было ли это обстоятельство обслѣдовано тѣми способами и пріемами, которые указаны въ Уставѣ уголовнаго судопроизводства. Иначе пришлось бы допустить устраненіе изъ дѣла многихъ новыхъ обстоятельствъ, только потому, что было бы доказано, что слухи о нихъ доходили до свѣдѣнія полицейской власти, которая вслѣдствіе неопытности, поспѣшности, предвзятаго взгляда или односторонняго отношенія къ дѣлу, не придала имъ значенія. Инстанція, предающая суду—Судебная Палата обязана разрѣшать вопросъ о преданіи суду на основаніи актовъ предварительнаго слѣдствія, а потому обстоятельства, имѣющія существенное отношеніе къ дѣлу, не помѣщенныя въ актахъ предварительнаго слѣдствія, должны считаться новыми. Правительствующій Сенатъ не призналъ нарушеніемъ, въ рѣшеніи по дѣлу Мѣшкова 1871 г., отказъ въ вызовѣ свидѣтелей по обстоятельству, которое именовалось новымъ, но уже было предметомъ предварительнаго слѣдствія, и тѣмъ самымъ указалъ, что обстоятельства, *не бывшія* предметомъ предварительнаго слѣдствія, подлежатъ обслѣдованію путемъ свидѣтельскихъ показаній и иными законными способами, какъ новыя. Поэтому отказъ суда въ вызовѣ свидѣтелей о новомъ обстоятельствѣ безъ обсужденія его существенности, а потому лишь, что о немъ было *извѣстно* полицейской власти, представляется не законнымъ. При этомъ надо замѣтить, что и самое обсужденіе поводовъ къ отказу не представляется сдѣланнымъ съ надлежащей точностью и полнотою, ибо, напримѣръ, ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ актахъ предварительнаго слѣдствія нельзя найти указаній на то, чтобы становой приставъ, производя розыски, нашелъ за рѣкою Люгою не въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ трупъ Матюнина, слѣды крови; поэтому если подсудимымъ объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ разсмотрѣнія дѣла 11-го декабря 1894 г., то обстоятельство это, могущее по ихъ словамъ быть провѣреннымъ, должно быть признано судомъ вновь открывшимся.

Третье нарушеніе выразилось въ отказѣ защитнику въ отсрочкѣ засѣданія по 734 ст. Уст. угол. суд., дабы имѣть время приготовиться къ возраженіямъ противъ новыхъ доказательствъ, выставляемыхъ прокуроромъ въ лицѣ новыхъ свидѣтелей, вызванныхъ имъ по 573 ст. Ссылка суда на то, что прокуроръ имѣетъ право не указывать на обстоятельства, по которымъ вызываются свидѣтели, представляется несогласнымъ съ неоднократно высказаннымъ Сенатомъ взглядомъ, нашедшимъ свое окончательное закрѣпленіе въ рѣшеніи № 717 за 1886 г. Правительствующій Се-

натъ призналъ, что требованіе прокурора о вызовѣ новыхъ свидѣтелей не подчиняется *никакимъ срокамъ* и можетъ быть предъявлено суду до открытія судебнаго засѣданія; онъ призналъ также, что судъ не имѣетъ права входить въ обсужденіе *степени важности* подлежащаго разъясненію новыми свидѣтелями обстоятельства и обязанъ ихъ вызвать безусловно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рѣшеніи по дѣлу Скачкова № 77 за 1878 г. Сенатомъ высказано, что прокуроръ обязанъ выяснить суду тѣ основанія, по которымъ онъ призналъ показанія извѣстныхъ лицъ *относящимися къ дѣлу* и ихъ самихъ подлежащими вызову, несмотря на то, что они не были допрошены на предварительномъ слѣдствіи. Помимо этихъ указаній Правительствующаго Сената нельзя не признать, что ни достоинство прокурорскаго званія, ни польза дѣла не могутъ ничего утратить отъ открытаго заявленія прокурора противной сторонѣ о томъ оружіи, которымъ онъ намѣренъ противъ нея дѣйствовать. Подобный открытый образъ дѣйствія вызывается необходимостью судебнаго прямодушія, которое должно руководить дѣйствіями всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Прокурору не слѣдуетъ скрывать въ открытомъ бою для выясненія истины, который идетъ на судебномъ слѣдствіи,—зачѣмъ ему нуженъ тотъ или другой изъ вызываемыхъ свидѣтелей. Достоинство судебнаго засѣданія требуетъ всемѣрно избѣгать неожиданностей и сюрпризовъ, ожидающихъ противную сторону, какъ чуждыхъ цѣлямъ правосудія. Кромѣ того, съ практической точки зрѣнія незачѣмъ рисковать, что защита можетъ усмотрѣть въ показаніяхъ вызванныхъ прокуроромъ свидѣтелей новое доказательство и согласно 634 и 734 ст. Уст. угол. суд. потребовать отсрочки засѣданія для разъясненія и подготовленія къ возраженіямъ. По этимъ соображеніямъ судъ не имѣлъ права отказывать защитнику въ отсрочкѣ судебнаго засѣданія по 734 ст. Уст. угол. суд. и объяснять правильность своихъ дѣйствій тѣмъ, что защитникъ, выслушавъ отказъ въ отсрочкѣ, не просилъ вновь о таковой послѣ допроса свидѣтелей прокуроромъ. Просьба объ отсрочкѣ засѣданія послѣ допроса свидѣтелей въ большинствѣ случаевъ была бы нецѣлесообразной. Она влекла бы за собою напрасную трату времени судомъ въ случаѣ ея уваженія и лишала бы подсудимаго возможности представить надлежащій отводъ противъ допроса свидѣтелей. Сенатъ въ рядѣ рѣшеній 1888 г. № 199, 1871 г. № 939 и 1888 г. по дѣлу Умецкихъ и др. требуетъ, чтобы, при представленіи новыхъ доказательствъ, сторона, желающая отсрочки засѣданія, заявила объ этомъ суду *своевременно*.

Четвертое нарушеніе выразилось въ томъ, что предсѣдатель не разрѣшилъ защитнику предлагать становому приставу Шмелеву вопросы о приводѣ имъ обвиняемыхъ къ присягѣ предъ чучелою медвѣдя, для полученія у нихъ сознанія въ убійствѣ Матюнина. Товарищъ предсѣдателя Сарапульскаго Окружного Суда объяснилъ,

что запрещеніе это онъ счелъ нужнымъ сдѣлать не столько потому, что подобный допросъ клонился къ опороченію дѣйствій свидѣтеля Шмелева, какъ станового пристава, сколько въ виду того, что объ обстоятельствахъ этихъ *уже было дозволено* разсказывать и подсудимымъ и свидѣтелямъ, при чемъ недозволеніе спрашивать о томъ же Шмелева основывалось, согласно тому же объясненію, на томъ, что «обстоятельства эти *не имѣли прямого отношенія къ дѣлу*». Ни воспрещеніе, сдѣланное товарищемъ предсѣдателя, ни объясненія его не могутъ однако быть признаны правильными. Ст. 722 Уст. угол. суд. разрѣшаетъ свидѣтелю не отвѣчать на вопросы, клонящіеся къ изобличенію его въ какомъ-либо преступленіи;—по ст. 611 Уст. угол. суд. предсѣдатель устраняетъ въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, и не допускаетъ ни оскорбительныхъ для чьей-либо личности отзывовъ, ни нарушенія уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ. Но ст. 722 не безусловна. Она воспрещаетъ любопытствовать объ обстоятельствахъ, хотя бы и преступныхъ, но такихъ, которыя не имѣютъ отношенія къ изслѣдуемому дѣлу или могутъ подорвать довѣріе къ свидѣтелю выставленіемъ его порочныхъ наклонностей или преступныхъ свойствъ. Но тамъ, гдѣ то или другое обстоятельство, выясненное, раскрытое или установленное дѣйствіями свидѣтеля, послужило къ изобличенію подсудимаго или къ преданію его суду, тамъ свидѣтель не можетъ укрываться за ст. 722 Уст. угол. суд. Это въ особенности относится до дѣйствій должностныхъ лицъ. На судѣ изслѣдуется не только то, *что* добыто при предварительномъ изслѣдованіи, но и *какъ* оно добыто. Поэтому, *дозволеніе* лицу, участвовавшему въ такомъ изслѣдованіи, говорить, что оно услышало отъ обвиняемаго и какое именно сознаніе оно получило, и *воспрещеніе* въ то же время спрашивать это лицо о томъ, въ какой *обстановкѣ* и при какихъ *условіяхъ* оно добыло сознаніе,—есть нарушеніе основаній уголовнаго процесса.

Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Кронштадтскаго банка высказалъ, что Уставъ уголовнаго судопроизводства не воспрещаетъ предлагать свидѣтелю вопросы, касающіеся дѣйствій его по службѣ, коль скоро эти дѣйствія имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ дѣла. Стремленіе къ огражденію свидѣтеля отъ такихъ вопросовъ не только не соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія, но и не цѣлесообразно, ибо если о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновника при производствѣ дознанія и слѣдствія его самого не позволяютъ спрашивать, а въ то же время — какъ это было въ настоящемъ дѣлѣ — дозволяютъ говорить о томъ же другимъ свидѣтелямъ и подсудимымъ, то этимъ самымъ чиновника лишаютъ возможности не только оправдаться, но и разъяснить ложь или преувеличеніе въ томъ, что о немъ разсказывалось. При томъ судьею того — были ли преступны, неправильны или извинительны дѣйствія долж-

ностного лица—является не оно само, а согласно съ Уставомъ о службѣ гражданской и съ третьей книгою Уст. угол. суд. — его начальство.

Поэтому должностное лицо, допрашиваемое на судѣ, несомнѣнно имѣетъ право не отвѣчать на вопросъ о томъ, совершило ли оно общее, предусмотрѣнное не только уголовнымъ закономъ, но и заповѣдями, преступленіе, но не имѣетъ права на вопросъ о томъ, какимъ способомъ добыло оно то или другое доказательство по дѣлу,—доказательство, на достовѣрности и нравственной пригодности котораго строится уголовный приговоръ,—отвѣчать: «это мой секретъ» или ждать, что предсѣдатель скажетъ: «оставьте его, это его тайна», тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ умолчаніе должностного лица есть въ сущности косвенное признаніе неправильности и, по смыслу 722 ст., даже преступности своихъ дѣйствій. Наконецъ, гдѣ же предѣлъ въ разсмотрѣніи—на что отвѣчать должностному лицу по 722 ст. и на что не отвѣчать? Законъ признаетъ служебными преступленіями и медленность, и нерадѣніе, предусматривая ихъ въ 410 и 411 ст. Улож. о нак. По отношенію къ нимъ тоже слѣдуетъ допустить молчаніе? Но вѣдь фактами, за которыми можно предположить медленность или нерадѣніе, опредѣляется достоинство, сила и, что иногда весьма важно,—*хронологія* доказательствъ. Настоящее дѣло, напримѣръ, началось въ маѣ 1892 г., а вскрытіе трупа произведено лишь 4-го іюня, и въ этотъ промежутокъ не было произведено ни осмотра тѣла, ни осмотра мѣстности, гдѣ оно найдено; первый осмотръ въ шалашѣ Дмитріева, гдѣ предполагается совершеннымъ убійство Матюнина, произведенъ 17-го мая 1892 г., а второй, при которомъ найдены вещественныя доказательства, считаемыя по дѣлу весьма существенными, лишь 16-го августа 1892 г. Если должностныя лица, производившія эти дѣйствія, будучи вызваны на судъ, были бы допрошены о времени производства этихъ дѣйствій, то ужели они могли бы быть освобождены отъ отвѣтовъ только потому, что можетъ *показаться,* что ихъ спрашиваютъ о фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ медленности или нерадѣнію? Но тогда отчего же не пойти далѣе и не воспретить вообще всякія указанія на неправильности слѣдственныхъ дѣйствій или неточности въ изложеніи добытыхъ доказательствъ? О непримѣнимости къ настоящему случаю 611 ст. Уст. угол. суд. говорить излишне, ибо, допустивъ допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей о способѣ полученія сознанія первыхъ изъ нихъ приставомъ Шмелевымъ, предсѣдательствующій тѣмъ самымъ призналъ обстоятельство это относящимся къ дѣлу и его запоздалое объясненіе, не нашедшее себѣ притомъ мѣста въ мотивахъ отказа, записанныхъ въ протоколѣ судебнаго засѣданія,— о томъ, что вопросы объ этомъ сознаніи «не имѣютъ прямого отношенія къ дѣлу»,—не можетъ заслуживать уваженія, тѣмъ болѣе,

что та же 611 ст. вооружаетъ его достаточною властью для устраненія въ *формѣ* вопросовъ всякаго оскорбительнаго оттѣнка.

Хотя по закону и по кассаціонной практикѣ, объясненія суда и отдѣльныхъ его членовъ и не имѣютъ значенія заключеній суда по замѣчаніямъ на протоколъ, установленныхъ 844 ст. Уст. угол. суд., но за объясненіями этими нельзя не признавать цѣны, когда таковыя болѣе подробно и разносторонне излагаютъ соображенія, руководившія при принятіи той или другой мѣры, подлежащей разсмотрѣнію въ *кассаціонномъ порядкѣ*. Къ сожалѣнію, это кассаціонное условіе соблюдено далеко не во всѣхъ частяхъ объясненія товарища предсѣдателя Сарапульскаго Суда. Такъ, въ заключеніи этого объясненія удостовѣряется предъ Правительствующимъ Сенатомъ, что «крайне печально, что судомъ присяжныхъ дважды установлена виновность семи вотяковъ въ убійствѣ русскаго человѣка съ цѣлью принесенія его въ жертву ихъ языческимъ богамъ, но что же дѣлать! — обстановка убійства Матюнина и экспертиза, какъ врачебная, такъ и этнографическая, положительно установили, что Матюнинъ былъ зарѣзанъ съ означенной именно цѣлью и этому не желаютъ вѣрить лишь только бывшіе на судѣ—представитель прессы, корреспонденты, да г. защитникъ, домогающійся во что бы то ни стало полнаго оправданія всѣхъ подсудимыхъ, котораго онъ *быть можетъ когда нибудь и добьется»*. Но автору объясненія должно быть изъ 5 ст. Учр. суд. уст. извѣстно, что Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ не входитъ въ существо дѣла и что удостовѣренія въ виновности подсудимыхъ, съ какой бы компетентной стороны онѣ ни шли, не могутъ въ глазахъ его ослабить или устранить кассаціоннаго нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства, которыя одни только онъ и призванъ разсматривать. Поэтому излишне и вовлекать Сенатъ въ оцѣнку существа дѣла. Для него, въ предѣлахъ его вѣдомства, *печальнымъ* можетъ быть лишь то, что по судебному дѣлу огромной важности, имѣющему не только юридическій, но и бытовой интересъ, судомъ *дважды* допущены такія существенныя нарушенія, что совокупной работѣ суда и присяжныхъ должно, во имя нелицемѣрнаго соблюденія законовъ, вмѣненнаго Сенату въ обязанность, обратиться въ ничто. Печальными могутъ показаться и заключительныя слова объясненія, столь странно звучащія при существованіи въ судебныхъ уставахъ коренныхъ началъ гласности разбирательства и судебной защиты, и едва ли соотвѣтствующія спокойному достоинству того, кто писалъ объясненіе, и высотѣ того мѣста, куда оно предназначалось. По всѣмъ этимъ основаніямъ надлежитъ признать, что рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ Сарапульскаго Окружного Суда по настоящему дѣлу подлежатъ отмѣнѣ за нарушеніемъ 577, 722, 734 и 929 ст. Уст. угол. суд. и дѣло должно быть передано, для новаго разсмотрѣнія, въ Казанскій или Вятскій Окружной Судъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ Сарапульскаго Окружного Суда и рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, за нарушеніемъ 577, 612, 722, 734 и 929 ст. Уст. угол. суд. и рѣшеній Правительствующаго Сената 1877 г. № 29, 1878 г. № 39 и др. отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ Казанскій Окружной Судъ и 2) на основ. 265 ст. Уст. угол. суд. суду, въ составѣ присутствія, участвовавшаго въ распорядительныхъ засѣданіяхъ по сему дѣлу 19-го августа и 19-го сентября 1895 г., за нарушеніемъ 929 ст. Уст. угол. суд. сдѣлать замѣчаніе.

ЮРИДИЧЕСКІЯ

СООБЩЕНІЯ И ЗАМѢТКИ

I.

О НОВЫХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССѢ ИТАЛІИ И ГЕРМАНІИ.

(Сообщеніе въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 10 декабря 1894 г.).

Объединеніе Италіи подъ верховнымъ главенствомъ человѣка, котораго благодарные подданные называли королемъ между джентльменами и джентльменомъ между королями, вызвало и объединеніе кодексовъ вновь сложившагося государства. Въ 1865 году появился Codice di procedura penale. Но уже и тогда старое и печальное изреченіе пессимиста «ни одно доброе дѣло не остается безъ наказанія» стало выражаться скрытнымъ и смутнымъ недоброжелательствомъ къ Франціи, столь много сдѣлавшей для того, чтобы помочь Италіи сложиться въ единое національное цѣлое,— недоброжелательствомъ, перешедшимъ потомъ въ открытую непріязнь.

Уставъ 1865 года, дополненный въ 1874 и 1877 годахъ, вызвалъ противъ себя нареканія именно потому, что за образецъ ему послужилъ французскій Code d'instruction criminelle. Сначала эти нареканія ставились на почву національныхъ и этнографическихъ особенностей обоихъ родственныхъ, но столь часто враждебныхъ, романскихъ народовъ. Говорилось, что быстро воспламеняющійся и скороостывающій, впечатлительный и легкій характеръ французовъ существенно отличается отъ глубокой страстности и пламенной энергіи характера итальянскаго и что поэтому

тѣ пріемы и способы процесса, съ которыми мирится французскій терпѣливый и уравновѣшанный присяжный, невыносимы для подвижного итальянца. Доказывалось, что необходимо дать не только присяжнымъ, но и представителямъ сторонъ гораздо большую самостоятельность при разсмотрѣніи дѣлъ, не обрекая на бездѣйствіе—однихъ до судебныхъ преній, а другихъ—до постановленія приговора,—иначе накопившіяся и долго сдержанныя страсти выразятся съ чрезмѣрной рѣзкостью и односторонностью, искажающими дѣло правосудія. Надо создать отдушину для мыслей и чувствъ, волнующихъ слушателя и участника во время судебнаго слѣдствія, а не до крайности сдерживать ихъ для того, чтобы потомъ онѣ вырвались наружу съ разрушительнымъ трескомъ волканическаго изверженія. Изъ такихъ и имъ подобныхъ соображеній вытекъ въ 1880 году проектъ министра юстиціи Вилла; введшій перекрестный допросъ свидѣтелей, постановку вопросовъ присяжныхъ по почину и указаніямъ сторонъ и положившій на предсѣдателя обязанность предлагать присяжнымъ баллотировать, при каждомъ новомъ доказательствѣ, представляемомъ неожиданно стороною, вопросъ о необходимости его разсмотрѣнія. При этомъ предсѣдателя на судѣ присяжныхъ предполагалось освободить отъ соучастія членовъ коронной коллегіи, такъ какъ, по замѣчанію итальянскихъ юристовъ-практиковъ, такіе члены, въ силу мелкаго личнаго самолюбія, стараются всегда голосовать *противъ* предложеній и мнѣній предсѣдателя, оказывая ему не подспорье, а лишь создавая ненужныя, а иногда и прямо вредныя, затрудненія при веденіи дѣлъ.

Этотъ проектъ, предоставлявшій, между прочимъ, обвиняемому особую поддержку предсѣдателя въ смыслѣ разъясненія ему его правъ и положенія его на судѣ и доставленія ему способовъ оправданія, ту поддержку, о которой съ благородной справедливостью говоритъ ст. 612 нашего Устава уголовнаго судопроизводства, встрѣтилъ однако горячую критику, преимущественно со стороны извѣстнаго юриста Кривеллари, который возсталъ противъ такой роли предсѣдателя, не долженствующаго надѣвать, какъ онъ выразился, костюма защитника («assume le veste del defensore») и противъ перекрестнаго допроса, какъ не принятаго даже и германскимъ уставомъ. Проектъ Вилла остался безъ дальнѣйшаго движенія, хотя и обсуждался въ Палатѣ. Онъ былъ, въ свое время, подробно разобранъ профессоромъ Вульфертомъ.

Въ 1889 году сдѣланъ былъ новый шагъ къ освобожденію итальянскаго процесса отъ французскаго вліянія, выразившійся въ сильномъ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ, какъ «не національнаго учрежденія», въ соотвѣтствующей этому коррекціонализаціи преступленій, въ расширеніи области вѣдѣнія судьи первой инстанціи—претора и даже въ замѣнѣ названія tribunale correzionale названіемъ tribunale penale. На ряду съ этимъ законъ

8 ноября 1889 года объ организаціи общественной безопасности (legge e regolamento sulla publica sicurezza) далъ особое развитіе разнообразнымъ органамъ дознанія, которое сдѣлалось сильнымъ орудіемъ въ рукахъ не только прокуратуры и слѣдственныхъ судей, но и претора и даже предсѣдателя tribunale penale. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ установленъ единый уголовный кассаціонный судъ въ Римѣ, тогда какъ для гражданскихъ дѣлъ осталось по прежнему пять отдѣльныхъ кассаціонныхъ судовъ въ Ломбардіи, Тосканѣ, бывшей папской области, въ Неаполѣ и Палермо, въ виду особенностей гражданскихъ обычаевъ и мѣстнаго права этихъ частей Италіи, преимущественно въ области сервитутовъ, владѣнія и правъ на недвижимое имущество.

Впослѣдствіи при министерствѣ Рудини былъ намѣченъ новый проектъ Боначчи, переработанный нынѣ въ министерствѣ Криспи министромъ юстиціи Тавани ди Календа. И этотъ проектъ проникнутъ непріязнью къ французскимъ учрежденіямъ, при чемъ, вопреки очевидности, въ объясненіяхъ по поводу его, французамъ приписывается даже столь свойственная итальянцамъ страсть къ декламаторству и наклонность къ тяжбамъ. Основныя положенія этого проекта сводятся къ чрезвычайному ограниченію или даже почти къ уничтоженію апелляціи, которая допускается лишь на приговоръ единоличныхъ судей, да и то лишь въ случаяхъ если предварительно были сдѣланы возраженія противъ ихъ компетенціи.

Застарѣлые и коренные недостатки апелляціоннаго производства съ его безплоднымъ повтореніемъ одной и той же работы, при чемъ исчезаетъ элементъ непосредственности — и такимъ образомъ уменьшается объемъ обсуждаемыхъ доказательствъ — въ достаточной мѣрѣ оправдываютъ мысль проекта Боначчи. На ряду съ этимъ широко раздвигаются предѣлы и случаи возобновленія уголовныхъ дѣлъ, поводы къ коему насчитываются въ числѣ девяти; коррекціонализацію уголовныхъ преступленій предполагается повести еще дальше, изъявъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ всѣ дѣла, за исключеніемъ политическихъ, по преступленіямъ печати и такихъ, которыя составляютъ нарушенія не только уголовнаго закона, но и заповѣдей Моисея, при чемъ однако изъ послѣднихъ совершенно исключаются «не укради» и въ значительной мѣрѣ «не прелюбы сотвори». Такимъ образомъ проектъ устанавливаетъ преобладаніе, въ предѣлахъ весьма большой подсудности, короннаго суда, такъ называемыхъ judici togati. Особенное вниманіе обращено на улучшеніе веденія дѣла на судѣ. По отношенію къ судебнымъ засѣданіямъ проектъ требуетъ ограниченія защиты подсудимыхъ по избранію лишь *двумя лицами*, а въ случаѣ несогласія подсудимаго на это число предоставляетъ суду замѣнить ихъ однимъ, назначаемымъ отъ короны. Это ограниченіе вызвано крайнимъ злоупотребленіемъ правомъ имѣть неограниченное число защитниковъ, проявившимся съ особенною силою въ позорномъ про-

цессѣ Римскаго Банка, гдѣ напримѣръ одинъ лишь главный подсудимый директоръ банка Танлонго имѣлъ девять защитниковъ, выставивъ въ качествѣ таковыхъ вовсе не юристовъ, а своихъ политическихъ единомышленниковъ и кліентовъ, обѣлявшихъ своего щедраго на чужія деньги патрона пріемами, совершенно чуждыми судебному дѣлу. Вопросы присяжнымъ предполагается ставить *до начала судебныхъ преній*, чтобы этимъ, какъ объясняютъ составители проекта, оградить судъ отъ неожиданнаго, хотя и заранѣе подготовленнаго возбужденія рѣчами сторонъ вопроса о вмѣненіи, всегда смущающаго совѣсть присяжныхъ и вовсе не провѣреннаго на судебномъ слѣдствіи.

Стремленіе къ обобщенію отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ и къ построенію на этихъ обобщеніяхъ цѣлыхъ теорій, съ нервной поспѣшностью проводимыхъ въ законъ и практику, составляетъ характерный признакъ итальянской жизни и науки за послѣднее время. Стоитъ припомнить крайнія увлеченія послѣдователей ученія уголовно-антропологической школы. Такая поспѣшность въ проведеніи новыхъ теорій въ практику сказывается, между прочимъ, напримѣръ въ организаціи около Флоренціи дома умалишенныхъ въ Санъ Салти и уголовной больницы (manicomio penale) близъ Пизы, въ Монтелупо. Первый устроенъ превосходно, но въ немъ обособленъ цѣлый разрядъ больныхъ, *френастениковъ*, при чемъ въ него введены люди, страдающіе обычною неврастеніею и лишь потому отнесенные къ сумасшедшимъ, что они почему либо представляютъ воспріимчивую почву для посторонняго дурного воздѣйствія. Излишне говорить, къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ привести въ жизни объявленіе сумасшедшимъ, почерпнутое не изъ свойствъ страданій, а изъ внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ. Уголовная больница въ Монтелупо заслуживаетъ внимательнаго изученія. Она очень интересна, но и въ ней содержатся люди, въ сущности здоровые, но лишь совершившіе преступленіе «въ запальчивости и раздраженіи», столь свойственныхъ пылкой итальянской природѣ, или же обнаружившіе столь естественный упадокъ нервной силы тотчасъ же *послѣ совершенія* тяжкаго и кроваваго преступленія; при этомъ эти естественныя проявленія человѣческой природы, дающія законное право на снисхожденіе и на смягченіе наказанія, считаются основаніями для полнаго невмѣненія подъ громкимъ названіемъ «психической эпилепсіи» или подъ устарѣлымъ терминомъ «raptus melancholicus».

Наклонность къ поспѣшнымъ обобщеніямъ видна и въ пресловутомъ музеѣ профессора и сенатора Монтегацца во Флоренціи, который пріютился рядомъ съ богатыми правительственными антропологическими коллекціями и носитъ громкое названіе «Психологическаго музея», съ раздѣленіемъ на очень заманчивые по названіямъ разряды, имѣющіе цѣлью дать внѣшнюю картину душевныхъ движеній человѣка, на сколько они находятъ себѣ выраженіе

въ вещественномъ мірѣ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи музея оказывается, что отдѣлъ *религіознаго чувства* (sentimenta religiosa) составленъ, безъ всякой внутренней системы, изъ четокъ, лампадъ, буддійскихъ идоловъ, русскихъ иконъ и выдѣланныхъ татуированныхъ человѣческихъ кожъ, производящихъ своимъ видомъ крайне непріятное впечатлѣніе; отдѣлъ *ревности* (gelosia) представленъ нѣсколькими кинжалами неизвѣстнаго происхожденія; отдѣлъ *жестокости* (crudeltà) — плохими литографіями, которыя можно бы назвать итальянскими лубочными картинами, изображающими святыхъ католической церкви и орудія ихъ мученій; отдѣлъ *суетности* (vanita) дамскимъ тюрнюромъ, парою длинныхъ шведскихъ перчатокъ и кринолиномъ. Въ отдѣлѣ *различныхъ чувствъ* (sentimenta varia) почему то хранится пара русскихъ торжковскихъ шитыхъ рукавицъ, а объ отдѣлѣ *чувственности*, доступъ въ который особо затрудненъ—и говорить не стоитъ, до того онъ не серьезенъ.

Затѣмъ проектъ Боначчи, въ качествѣ желательнаго нововведенія, указываетъ на уже имѣющееся у насъ право присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ и устанавливаетъ расширеніе правъ предсѣдателя относительно объема его руководящаго напутствія присяжнымъ, вводя въ него объясненіе общихъ основаній для сужденія о силѣ доказательствъ, нынѣ существующее и притомъ только лишь отчасти, исключительно по дѣламъ о преступленіяхъ печати. Въ этихъ дѣлахъ, согласно Уставу 1865 года и его позднѣйшимъ модификаціямъ, предсѣдатели обязаны объяснять присяжнымъ тотъ пріемъ, котораго имъ слѣдуетъ держаться въ оцѣнкѣ произведенія, вызвавшаго судебное преслѣдованіе. «Законъ не требуетъ, — долженъ сказать присяжнымъ предсѣдатель, согласно ст. 498 Устава, — отъ васъ обсужденія *отдѣльныхъ выраженій* и ихъ оцѣнки, а также заключенія о томъ, какое значеніе *можетъ имѣть* каждое изъ нихъ, будучи понимаемо въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ, но обязываетъ васъ спросить себя въ *тихой сосредоточенности* (nel silenzio e nel raccoglimento) и по чистой совѣсти—(nella sincerita della loro coscienza), какое *общее впечатлѣніе* произвело на вашу душу подлежавшее вашему разсмотрѣнію печатное произведеніе *во всей его цѣлости»*. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ мотивахъ къ проекту настойчиво отвергается принятое въ женевскомъ кантонѣ, по закону 1 октября 1890 года участіе предсѣдателя въ совѣщаніяхъ присяжныхъ о виновности и голосованіе его съ ними вмѣстѣ по вопросу о наказаніи. Проектъ справедливо находитъ, что сомнительное качество такого участія обращаетъ присяжный судъ въ судъ шеффеновъ, которому даже и на родинѣ его не отданы дѣла, подсудныя присяжнымъ. Поэтому Боначчи рѣшительно возстаетъ противъ такого рода опеки надъ присяжными засѣдателями и съ этимъ нельзя не согласиться. Опекунскія дѣла вездѣ и всегда идутъ плохо.

Къ существеннымъ улучшеніямъ нынѣшняго итальянскаго процесса относится уничтоженіе существующаго по ст. 504 и 507 Устава—парламентскаго, но не судебнаго пріема подачи голосовъ присяжными, въ силу котораго имъ предоставляется не только отвѣчать утвердительно или отрицательно на вопросъ о виновности, но и класть въ урну бѣлые билетики, означающіе воздержаніе отъ подачи голоса. Такіе билетики считаются поданными въ пользу подсудимаго. Если же, однако, ихъ подано болѣе шести, то дѣло слушается вновь. Въ сущности, такимъ образомъ, вопросъ о невиновности можетъ быть рѣшаемъ тремя присяжными, о виновности—четырьмя. Возможностью воздерживаться отъ подачи голоса присяжные въ Италіи стали очень злоупотреблять, такъ что по заявленію итальянскаго министра юстиціи, бываютъ случаи, гдѣ число воздержавшихся отъ подачи голоса доходитъ до десяти. Это совершенно ненормальное и подрывающее отправленіе правосудія явленіе характеризуетъ собою то общее утомленіе и равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, которое замѣчается въ Италіи, истощенной громадными расходами на военныя издержки, необходимо требуемыя участіемъ въ тройственномъ союзѣ, — пошатнувшимся кредитомъ, благодаря которому серебряная монета ушла изъ Италіи и замѣнилась мѣдною, которую поставляетъ даже Аргентинская республика, и чрезмѣрными налогами, поражающими не менѣе 27% чистаго дохода по отношенію къ недвижимой собственности, а въ сѣверныхъ провинціяхъ Италіи доходящими до баснословнаго размѣра 74% чистаго дохода. При такомъ тяжкомъ напряженіи платежныхъ силъ страны, порождающемъ чрезвычайное развитіе нищенства даже въ благословенной Тосканѣ и частые случаи самоубійства изъ-за безвыходной нищеты, бюджетъ обремененъ платою массѣ совершенно ненужныхъ должностныхъ лицъ, двѣ трети которыхъ, по признанію компетентныхъ людей, могли бы быть уволены безъ вреда для дѣла, и чрезмѣрными тратами на университеты, число которыхъ—26—почти равняется числу университетовъ всей остальной Европы, при чемъ среднія и низшія училища далеко не удовлетворяютъ потребностямъ населенія, утопающаго, особенно на югѣ Италіи, въ глубокомъ невѣжествѣ и дикихъ суевѣріяхъ.

Наконецъ проектъ стремится къ осуществленію намѣреній Вилла объ уничтоженіи коллегіальности короннаго суда при присяжныхъ, къ передачѣ прекращенія предварительнаго слѣдствія самимъ слѣдователямъ, а преданія суду прокуратурѣ, съ особымъ, довольно неяснымъ, порядкомъ обжалованія дѣйствій послѣднихъ.

Особенности склада итальянской исторіи дѣлаютъ покуда затруднительнымъ учрежденіе одного гражданскаго кассаціоннаго суда, но проектъ предполагаетъ установить такой порядокъ, что при неподчиненіи низшаго суда разъясненію мѣстнаго кассаціоннаго суда, дѣла передаются не въ «corte sorella», какъ красиво вы-

ражаются итальянцы, не въ другой какой либо кассаціонный судъ, а исключительно въ римскій, который такимъ образомъ фактически становится единымъ кассаціоннымъ судомъ для всего королевства.

Трудно предсказать, какая судьба ожидаетъ этотъ проектъ при ненормальномъ состояніи настоящей законодательной жизни Италіи, столь плодотворной и блестящей во времена Кавура, Рикazоли и Ратацци. Общее нравственное утомленіе и потеря вѣры въ себя и въ свое дѣло, признаки которыхъ столь болѣзненно сказываются теперь во многихъ явленіяхъ итальянской жизни, отражаются и на работѣ римскаго парламента. Апатія однихъ и нервный пессимизмъ другихъ выражаются въ законодательномъ бездѣйствіи, при чемъ цѣлыя засѣданія посвящаются безплоднымъ и пустымъ по существу, но страстнымъ и проникнутымъ личнымъ характеромъ запросамъ. Большинство Палаты присутствуетъ, въ равнодушномъ бездѣйствіи, при горячихъ по формѣ и ничтожныхъ по значенію единоборствахъ гг. Имбріани, Каваллоти, Люцифера (есть и такой!) и др. съ Криспи и членами его кабинета, при чемъ, напримѣръ, Имбріани по вопросу о сицилійскихъ дѣлахъ восклицаетъ: «il vostro rigolamento è da briganti, e voi siete briganti dell'ordine — ma briganti», а Каваллоти заявляетъ: «vi sono marescialli die carabinieri, chè sono tigri!!» и т. п. А между тѣмъ проектъ Криспи о созданіи въ Сициліи, въ сущности принадлежащей лишь нѣсколькимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, мелкаго участковаго землевладѣнія посредствомъ выкупа земель при помощи государства и спасенія тѣмъ этой страны отъ «latifundia» которыя уже разъ, при великомъ переселеніи народовъ, имѣли такое пагубное вліяніе на Италію—все не можетъ пройти въ Палатѣ и едва ли вообще пройдетъ, несмотря на то, что ненормальныя поземельныя отношенія и непосильная тягость налоговъ скопляютъ у подножія Этны наружные волканическіе элементы и съ каждымъ днемъ увеличиваютъ представителей того, что Бисмаркъ назвалъ «Catilinarische existenz». Быть можетъ, какъ съ грустной ироніей высказался Тавани ди Календа, проектъ Боначчи, имъ переработываемый, составитъ еще «одну изъ римскихъ развалинъ», притомъ даже недоступныхъ туристамъ, тщетно ищущимъ нынѣ, среди широкихъ улицъ модернизированнаго Рима, съ его асфальтомъ, электричествомъ, конками и пятиэтажными магазинами, слѣдовъ стараго, безпощадно снесеннаго, средневѣкового Рима, съ его самобытною и производившею глубокое впечатлѣніе исторической физіономіею. Положеніе Криспи, поколебленное послѣдними событіями, едва ли дастъ ему время и средства заняться проведеніемъ этого проекта, а Палата, ушедшая въ свои внутреннія пререканія, едва ли имъ заинтересуется сама.

Сквозь прорытый Сенъ-Готардъ, по желѣзнодорожному туннелю, гулко и неустанно вливается въ Италію германская струя. Къ со-

жалѣнію она несетъ на себѣ не представителей великаго германскаго духа, а главнымъ образомъ представителей практической дѣловитости или наивнаго и шумливаго любопытства и не всегда высокихъ и разборчивыхъ вкусовъ, чрезвычайно понижающихъ требованія, предъявляемыя къ искусству обѣднѣвшаго и начинающаго уставать, но все-таки геніальнаго народа, давшаго міру такъ много и въ людяхъ, и въ мысляхъ. Если пойти въ вверхъ противъ этого теченія и перебраться на ту сторону Альпъ, то тамъ приходится встрѣтиться съ другою законодательно-судебною работой, въ которой преобладаетъ характеръ не жизненный, а канцелярскій.

Объединительное движеніе въ законодательствѣ германской имперіи, вызвавшее къ жизни судъ шеффеновъ, не было направлено въ сущности противъ суда присяжныхъ. Шеффены явились какъ результатъ стремленія отрѣшиться отъ иностранныхъ учрежденій въ правѣ и создать или же найти въ прошломъ что нибудь свое. Романскіе народы — говорилось въ семидесятыхъ годахъ — не имѣютъ нынѣ національныхъ судебныхъ учрежденій, ибо то немногое, что у нихъ было по этой части, давно смыто волнами революціи, заставившей принять иноземное устройство,—лишь Англія имѣетъ свои собственныя учрежденія,—пора и Германіи имѣть таковыя же. Въ объяснительной запискѣ по начертанію новыхъ законовъ въ 1873 г. говорилось: «германскій народъ, не уступающій нынѣ ни одному народу міра по своей силѣ и могуществу, не можетъ больше подражать, это не соотвѣтствовало бы его величію». Поэтому у Карла Великаго найденъ былъ институтъ шеффеновъ (scabini), которымъ онъ замѣнилъ рахинбурговъ древнихъ франковъ. Но взято было лишь названіе и судья изъ руководителя шеффеновъ обратился въ ихъ соучастника, слившагося съ ними, какъ выразился саксонскій министръ Шварце, называвшій себя «отцомъ шеффеновъ», химически. Однако, судъ присяжныхъ для важнѣйшихъ дѣлъ былъ удержанъ и лишь потомъ уже начался принципіальный походъ противъ него, въ которомъ приняли участіе Биндингъ и Іерингъ, при чемъ послѣдній, признавая присяжныхъ учрежденіемъ необходимымъ во время и тотчасъ послѣ политическихъ переворотовъ для огражденія подсудимыхъ отъ мщенія торжествующей партіи, находилъ, что въ мирное время имъ можно сказать словами Шиллера изъ «Фіеско»: «Мавръ сдѣлалъ свое дѣло — Мавръ можетъ убираться». Но въ дѣйствительности самъ «отецъ шеффеновъ», по отношенію къ которому одинъ изъ ученыхъ противниковъ суда шеффеновъ напомнилъ, не безъ ядовитой ироніи, слова Гейне о томъ, что «никогда нельзя быть достаточно осмотрительнымъ въ *выборѣ родителей*»,—самъ Шварце не проявилъ особеннаго довѣрія къ своему дѣтищу и хотя въ основаніе судебной пирамиды и поставленъ былъ этотъ судъ, но § 354 Устава уголовнаго судопроизводства и § 72 Учрежденія судебныхъ установленій германской имперіи сильно ограничили безусловное до-

вѣріе къ нему, установивъ право апелляціи на приговоры этого суда въ уголовную камеру Окружного Суда (Strafskammer des Landgerichts), т. е. суда короннаго. Такимъ образомъ все свелось, въ окончательномъ результатѣ, къ работѣ уголовной камеры и хотя шеффены вообще не вызываютъ противъ себя нареканій, но повидимому дѣятельность ихъ довольно пассивна и они охотно предоставляютъ коронному судьѣ ту работу мышленія, которую законъ хотѣлъ распредѣлить на троихъ. Недаромъ, съ добродушнымъ германскимъ юморомъ, къ нимъ примѣняютъ иногда названія — «Beischläfer» и «Jasager».

Тѣмъ не менѣе потребность пересмотра уголовнаго процесса въ Германіи стала назрѣвать. На нее указывали многія дѣла, привлекавшія общее вниманіе, о ней говорили на съѣздахъ германскихъ юристовъ въ Вюрцбургѣ, Гамбургѣ и Гейдельбергѣ, а въ особенности на XXII съѣздѣ въ Аугсбургѣ въ прошломъ 1893 году. Тамъ знаменитый Гнейстъ выступилъ горячимъ защитникомъ шеффеновъ и присоединился къ противникамъ присяжныхъ, доказывая, что на послѣднихъ вліяютъ обстоятельства и соображенія, почерпнутыя не исключительно изъ судебнаго слѣдствія, а изъ жизни внѣ стѣнъ суда, какъ будто, по отношенію къ житейской сторонѣ дѣла коронные судьи уже безусловно такіе, по выраженію Пушкина, «духомъ хладные скопцы», что ихъ умъ и чувство не переходятъ никогда за предѣлы обвинительнаго акта, какъ будто и самъ законъ не открываетъ послѣднимъ поля въ правѣ давать снисхожденіе и ходатайствованіе о милости монарха. Кромѣ того Гнейстъ заявилъ, что наставленіе предсѣдателя, такъ называемое Rechtsbelehrung, только путаетъ и сбиваетъ съ толку присяжныхъ. Поэтому онъ предложилъ замѣнить присяжныхъ повсюду шеффенами. Съ этимъ предложеніемъ, стремившимся вовсе уничтожить то, что можно исправить, съѣздъ однако не согласился, высказавъ лишь пожеланіе, чтобы средніе суды имѣли шеффеновъ, разумѣя подъ средними судами уголовную камеру Landgericht'a. Вмѣстѣ съ тѣмъ высказано было пожеланіе объ общемъ пересмотрѣ нѣмецкихъ судебныхъ уставовъ.

Казалось, однако, что этимъ заявленіямъ предстоитъ остаться въ области платоническихъ мечтаній далекихъ до практическаго осуществленія, какъ вдругъ, подобно Минервѣ изъ головы Юпитера, и притомъ, кажется вопреки мифу, безъ особой головной боли, явился выработанный бюрократическимъ путемъ, безъ надлежащихъ и всестороннихъ запросовъ и справокъ и безъ совѣщаній со свѣдущими людьми, обширный проектъ преобразованій по судебной части, внесенный прусскимъ министромъ юстиціи въ союзный совѣтъ, подъ длиннымъ названіемъ: «Entwurf eines Gesetzes betreffend Aenderungen und Ergaenzungen des Gerichtsverfassungsgesetzes und der Straffprozessordnung».

Баварія и Вюртембергъ, умѣвшія сохранить и при гегемоніи

Пруссіи нѣкоторую самостоятельность, сначала предъявили сильный протестъ противъ предположеній прусскаго министерства, но затѣмъ ихъ согласіе было куплено незначительными уступками и проектъ, пройдя благополучно Союзный Совѣтъ, внесенъ нынѣ въ Рейхстагъ, рѣшеніе котораго по этому поводу не можетъ не интересовать всякаго мыслящаго юриста, тѣмъ болѣе, что проектъ вызвалъ оживленные разборы и цѣлый рядъ очень интересныхъ по содержанію и по точкамъ зрѣнія монографій, между которыми особенно выдѣляются «Zur Reform unseres Strafverfahrens» Ауербаха, «Betrachtungen über die Novelle zum Gerichtsverfassungsgesez und Straffprozess ordnung» Шенемана,—«Die Gefahren der neuen Novelle—Bedenken aus der Praxis» Мамрота, «Wider die Berufung» Штенглейна и др.

Прежде чѣмъ перейти къ очерку этого проекта необходимо замѣтить, что главное и общее начало обновленнаго суда во второй половинѣ XIX столѣтія состоитъ въ постановкѣ живого человѣка на первомъ планѣ судебнаго разбирательства и признаніи его самого однимъ изъ главныхъ «обстоятельствъ дѣла», подлежащаго сужденію. Изъ этого жизненнаго начала, созданнаго долгимъ опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, вытекаютъ — непосредственность разбирательства, широкое пользованіе средствами оправданія и довѣріе къ приговору суда, постановленному подъ живымъ впечатлѣніемъ. Безусловнымъ слѣдствіемъ этого являются — значительное сокращеніе заочныхъ разбирательствъ, устность, широкая возможность возобновленія дѣлъ и рядъ гарантій, обезпечивающихъ общественный порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограждающихъ личность подсудимаго отъ поспѣшныхъ мѣръ и выводовъ. Но стоитъ отодвинуть назадъ этого живого человѣка, заслонивъ его бумагою, стоитъ замѣнить живое отношеніе между судомъ и подсудимымъ логическимъ процессомъ надъ безформенными, лишенными индивидуальности документами, чтобы въ судоустройствѣ вмѣсто *судебнаго организма* выступила *судебная машина*, которая не станетъ, подобно организму, отвергать все несвойственное своему назначенію, но будетъ болѣе или менѣе усердно перемалывать свой матеріалъ, не давая удовлетворенія чувству справедливости и не достигая доступной человѣческому пониманію внутренней правды дѣла. Приговоры такой машины, сколько бы труда въ нихъ ни было вложено, не будутъ имѣть нравственнаго вліянія на общественную жизнь и ея проявленія. «Le grain moulu en farine, говоритъ глубокій мыслитель Аміель, ne saurait plus ni germer, ni lever...» Оттѣнокъ именно такой машинообразности лежитъ на всемъ германскомъ проектѣ.

Основная мысль его состоитъ въ томъ, что цѣль правосудія лучше всего достигается возможно широкимъ введеніемъ начала апелляціоннаго обжалованія. Поэтому оно вводится въ большихъ размѣрахъ—въ ущербъ цѣлому ряду «такъ называемыхъ» (gogenant), какъ выражается проектъ, «гарантій», которыми былъ об-

ставленъ обвиняемый при существованіи одной инстанціи. Сюда относятся своевременное сообщеніе обвинительнаго акта, считаемое по § 137 проекта, вовсе не существеннымъ,—затѣмъ право отвода судей, право подсудимаго требовать предварительнаго изслѣдованія или слѣдствія, право представленія новыхъ доказательствъ и т. п. Оно связано, съ другой стороны, съ крайнимъ ограниченіемъ случаевъ кассаціи и въ особенности случаевъ возобновленія дѣлъ, изъ которыхъ совершенно исключается, напримѣръ, возобновленіе при наказаніи свыше мѣры содѣяннаго и т. п. Одновременно съ этимъ настойчиво преслѣдуются цѣли экономіи, въ забвеніи мудраго изреченія Бентама, что «дешевый судъ дорого обходится народу». Обязательный пятичленный составъ судовъ, по закону 1877 года (исключая шеффеновъ) обращается въ трехчленный съ правомъ участія при обсужденіи вопроса о винѣ и о наказаніи тѣхъ же членовъ, которые участвовали въ преданіи суду, при чемъ самые случаи необходимости обряда преданія суду сокращаются весьма значительно и вообще чрезъ весь проектъ проходитъ мысль, что *оправданіе* должно быть предпочитаемо *освобожденію отъ суда,* хотя бы послѣднее и спасало невинно привлеченнаго отъ ряда нравственныхъ страданій. Но къ судьямъ по существу, предававшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ суду, хотя бы они и не всѣ въ этомъ участвовали, возможно примѣненіе словъ защитника Людовика XVI de Cèza: «я ищу судей и вижу лишь обвинителей».

Вводя вновь заключительное слово предсѣдателя въ старомъ «французскомъ» объемѣ, т. е. съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, вмѣсто установленнаго въ 1877 году правоваго поученія (Rechtsbelehrung) и говоря въ § 300, что «der Vorsitzende giebt den Geschworenen mündlich eine Uebersicht über die Ergebnisse der Verhandlung und belehrt die Geschworenen über die rechtlichen Gesichtspunkte u. s. w.» проектъ расширяетъ случаи заочнаго разбирательства и, усиливая власть предсѣдателя на счетъ правъ судебной коллегіи, даетъ ему даже право довольно оскорбительнымъ образомъ освобождать свидѣтеля отъ присяги (которая по проекту приносится *послѣ* дачи показанія), если по его убѣжденію показаніе свидѣтеля представляется неправдоподобнымъ. Внутренняя самостоятельность судовъ совершенно устраняется новымъ проектомъ. Распредѣленіе занятій, порядокъ составленія присутствій, замѣщеніе однихъ судей другими, распредѣленіе ихъ по сенатамъ (отдѣленіямъ суда)—все это опредѣляется центральнымъ судебнымъ управленіемъ (Landesjustizverwaltung), а по отношенію къ кассаціонному суду (Reichsgericht) государственнымъ канцлеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по § 27 Устава въ измѣняемой проектомъ редакціи—подсудность суда шеффеновъ и по § 73 статьѣ—уголовной камеры ландгерихта—значительно расширяется. Достаточно сказать, что суду уголовной камеры становятся подсудными

не только случаи лжеприсяги, но и всѣ изнасилованія и растлѣнія, подлогъ офиціальныхъ бумагъ, служебный подлогъ и злостная несостоятельность, караемые цухтгаузомъ до 10 лѣтъ, не считая штрафа.

Объяснительная записка къ этому проекту (Allgemeine Begründung) не содержитъ никакого отвѣта на многіе невольно возникающіе вопросы и написана съ краткостью, къ которой примѣнимо нѣмецкое выраженіе kurz und bündig.

Такимъ образомъ весь центръ тяжести будущаго германскаго судоустройства переносится на коронный судъ и всеобщимъ лѣкарствомъ отъ поврежденій, вызываемыхъ упраздненіемъ многихъ существенныхъ гарантій личности и правильнаго отправленія правосудія, является апелляція, отодвигающая живого человѣка на задній планъ. Любовное отношеніе къ этому «данайскому дару», т. е. къ апелляціи, развивающееся въ Германіи и составляющее несомнѣнный шагъ назадъ, дѣйствуетъ заразительно, распространяясь и на Австро-Венгрію. Въ IV книжкѣ «Zeitschrift für gesammte Strafwissenschaft» за 1894 годъ помѣщена статья доктора Вамбери, въ которой излагается проектъ профессора Файера, который предлагаетъ новую организацію австро-венгерской уголовной юстиціи, въ силу которой на приговоръ присяжныхъ, какъ и суда первой инстанціи, допускается широкая апелляція въ судъ самой высшей степени, который или самъ оправдываетъ подсудимаго или смягчаетъ ему наказаніе, или же, признавая необходимость осужденія, а также усиленія наказанія, направляетъ дѣло въ подчиненный ему высшій судъ второй степени, который не находится въ одномъ рангѣ съ судомъ первой степени (nicht coordiniert), дѣйствующемъ съ присяжными и безъ присяжныхъ. Сюда же относится болѣе чѣмъ смѣлый проектъ организаціи обще-нѣмецкаго процесса, составленный судьею Замтеромъ подъ названіемъ «Изъ практики суда шеффеновъ» (Aus Schoeffengerichtlicher Praxis), въ коемъ, между прочимъ, предлагается оставлять въ силѣ состоявшееся безъ особенныхъ судопроизводственныхъ нарушеній рѣшеніе присяжныхъ *по вопросу о фактѣ*, предоставивъ кассаціонному суду исправлять, въ интересахъ закона и правосудія, рѣшеніе присяжныхъ *по вопросу о вмѣненіи*, т. е. въ сущности разрѣшать по бумагѣ вопросъ, который, болѣе чѣмъ что либо другое требуетъ судейскихъ наблюденій и отчета о научныхъ изслѣдованіяхъ надъ живымъ человѣкомъ.

Это направленіе вызвало впрочемъ чрезвычайно остроумное и всестороннее изслѣдованіе члена альтонскаго суда Томсена объ условіяхъ безапелляціоннаго производства («Das berufungslose Strafverfahren und seine natürlichen Functionsbedingungen Gerichtsaal 1894), которому онъ предпосылаетъ аллегорическій разсказъ. Знатный римлянинъ Aulus Agerius устроилъ въ своемъ домѣ двѣ печки, топя которыя послѣдовательно одну за другою, не могъ

добиться надлежащей температуры и страдая отъ холода, рѣшилъ бросить обѣ печки и устроить одну усовершенствованную и большую. Но и тутъ температура не поднялась, несмотря на прекрасное устройство новой печки. Тогда Aulus Agerius бросилъ съ негодованіемъ новую печку и снова обратился къ двумъ старымъ, несмотря на ихъ недостатки, имъ давно сознанные. «Онъ забылъ—замѣчаетъ авторъ—поискать причину неудовлетворительности новой печки, а она между тѣмъ была простая:—въ эту печку вкладывались сырыя и дурныя дрова и при томъ неумѣлыми руками».

Проекту новаго германскаго процесса нельзя однако отказать въ нѣкоторыхъ достоинствахъ. Сюда относится прекрасная разработка вопроса объ условіяхъ передачи дѣлъ изъ низшаго суда въ высшій при измѣнившейся подсудности и о быстромъ и цѣлесообразномъ производствѣ дѣлъ по преступленіямъ съ поличнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ проектъ почти цѣликомъ переноситъ на нѣмецкую почву французскій порядокъ преслѣдованія en flagrant délit, откровенно признавая его образцовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ устанавливаетъ право коронваго судьи при шеффенахъ постановлять приговоры безъ ихъ участія, если подсудимый не отрицаетъ фактической стороны своего дѣянія. Такимъ образомъ предсѣдатель шеффеновъ признается вполнѣ пригоднымъ судьею для единоличнаго сужденія о вмѣненіи, а разсмотрѣнію шеффеновъ этотъ вопросъ оказывается подлежащимъ лишь при отрицаніи подсудимымъ фактической обстановки. Едва ли однако это ограниченіе ихъ дѣятельности вяжется съ тѣмъ преклоненіемъ предъ ними, которое было высказано на XXII съѣздѣ въ Аугсбургѣ и надъ которымъ зло подсмѣивается Дернбургъ въ оригинальной брошюрѣ «Die Phantasie im Rechte».

Таковы въ общихъ чертахъ проекты Итальянскій и Германскій. Ихъ относительное достоинство болѣе или менѣе ясно. Если, несмотря на нѣкоторые недостатки, источникомъ которыхъ служатъ не юридическія соображенія, а обостренное чувство національнаго раздраженія, Итальянскій проектъ все-таки отличается жизненностью и проникнутъ искреннимъ желаньемъ улучшить условія уголовнаго процесса, — то это вовсе нельзя сказать про германскій проектъ въ которомъ безжизненное апелляціонное начало вытѣсняетъ собою «die sogenannten Garantien», а къ лишаемому внутренней самодѣятельности судебному сословію примѣнимо выраженіе профессора Фойницкаго о «магистратурѣ, тонущей въ бюрократіи». Не безъ гордости за начала нашихъ Судебныхъ Уставовъ можемъ мы взирать на эти судебно-законодательныя попытки. Стоитъ припомнить широкую постановку вопроса о правахъ подсудимаго по вызову свидѣтелей и по ознакомленію съ дѣломъ, — стоитъ взглянуть на 612 ст. Уст. угол. суд., предписывающую предсѣдателю предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства оправданія и на ст. 639, запрещающую прокурору представлять дѣло въ преуве-

личенномъ или одностороннемъ видѣ, стоитъ лишь отмѣтить, какъ чуждо нашимъ Уставамъ установленіе двусмысленныхъ положеній, въ родѣ разрѣшенія присяжнымъ воздерживаться отъ подачи голоса, и какъ спокойно, безъ всякихъ шумныхъ проектовъ, дано у насъ присяжнымъ право участія въ постановкѣ вопросовъ по 762 ст. Уст. угол. суд...

Предпринятый въ настоящее время пересмотръ этихъ Уставовъ не долженъ измѣнить и конечно не измѣнитъ въ чемъ либо общихъ началъ, заложенныхъ въ ихъ фундаментъ, и я кончаю мое сообщеніе въ увѣренности, что этотъ пересмотръ пойдетъ самостоятельнымъ и широкимъ путемъ—къ удовлетворенію потребности населенія въ доступномъ, скоромъ и справедливомъ судѣ, при соблюденіи уваженія и вниманія къ трудамъ и завѣтамъ предшественниковъ и при безусловномъ сохраненіи въ новыхъ начертаніяхъ основныхъ началъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности...

II.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА И СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

(Сообщеніе въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 28-го ноября 1880 года).

Происхожденіе и развитіе судебной реформы въ Россіи представляетъ и всегда будетъ представлять огромный интересъ. Этотъ интересъ будетъ существовать не для одного историка. Онъ существуетъ и для юриста и для изслѣдователя общественнаго самосознанія за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Юристъ найдетъ въ исторіи судебной реформы широкую и блистательную картину кореннаго измѣненія формъ и условій отправленія правосудія,—встрѣтится съ законодательною работою, которая по своей цѣльности и значенію достойна глубокаго изученія. Изслѣдователь внутренней жизни русскаго общества въ исторіи возникновенія и примѣненія къ жизни судебныхъ уставовъ усмотритъ яркое отраженіе надеждъ и колебаній, стремленій и настроеній, которыми полна была жизнь общества въ эпоху, послѣдовавшую за періодомъ преобразованій. Слѣдя за практическимъ развитіемъ основныхъ началъ, провозглашенныхъ уставами, за ихъ оцѣнкою въ разное время и за тѣми препятствіями, которыя возникали на пути этого развитія,—прислушиваясь къ нареканіямъ на то или другое начало и безпристрастно разсматривая поводы для этихъ нареканій,—изслѣдователь увидитъ, подъ вліяніемъ какихъ общихъ условій слагалась у насъ одна изъ важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни—отправленіе правосудія.

Судебная реформа была тѣсно связана съ освобожденіемъ крестьянъ. Она вытекала изъ него непосредственно. Уничтожался домашній, вотчинный судъ для многихъ милліоновъ дотолѣ безправныхъ людей. Они должны были явиться не только носителями гражданскихъ правъ, но и непосредственными защитниками этихъ своихъ правъ на судѣ. Судъ расширялся, терялъ свой сословный характеръ. Но расширяясь, онъ не могъ быть заключенъ въ прежнія, обветшалыя, узкія, лишенныя жизненной правды формы. Ихъ единодушно осуждало общественное мнѣніе, онѣ слишкомъ долго заслоняли и заглушали собою идею правосудія, ставя на мѣсто его условное и столь часто произвольное примѣненіе закона. Если по отношенію къ освобожденію крестьянъ, подъ внѣшнею готовностью, существовало большое внутреннее разногласіе,—если отдѣльныя группы, отдѣльные слои общества сомнѣвались еще въ своевременности и правовѣрности крестьянской реформы, въ томъ видѣ, въ какомъ она была намѣчена, то по отношенію къ суду всѣ были согласны между собою. Всѣ сословія, безъ различія, чувствовали на себѣ его недостатки и каждый, кому приходилось съ нимъ соприкасаться, выносилъ изъ него болѣе или менѣе удручающее впечатлѣніе. Обидчикъ и обиженный одинаково не вѣрили, чтобы по отношенію къ нимъ творилась не только *расправа*, но и *судъ*,—истецъ и отвѣтчикъ одинаково страдали отъ старой «московской волокиты», облеченной въ лишенныя внутренняго содержанія канцелярскія формы.

Необходимость измѣненія судебныхъ порядковъ чувствовалась всѣми, но не находила себѣ при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ опредѣленнаго внѣшняго выраженія. Въ законодательныя сферы сознаніе этой необходимости проникло однако довольно рано. Въ то время, когда въ нѣкоторыхъ университетахъ еще читались лекціи о совершенствахъ нашего судебнаго устройства и о превратности устройства французскаго, а ученая юридическая литература была вынуждена стоять на исключительной и притомъ узкой исторической почвѣ и заниматься изслѣдованіями о русской правдѣ и псковской судной грамотѣ—понемногу шли работы по судебному преобразованію и принимались мѣры къ улучшенію существующаго суда. Но—работы эти двигались медленно и въ узкихъ рамкахъ видоизмѣненія существующихъ учрежденій, не касаясь ихъ основныхъ началъ,—а мѣры были мѣрами палліативными. Главнѣйшая изъ нихъ—учрежденіе товарищей предсѣдателей Палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, назначаемыхъ отъ правительства,—не достигала своей цѣли. Товарищи предсѣдателя приносили съ собою энергію, любовь къ дѣлу и добросовѣстность. Но энергія гасла въ мертвящей обстановкѣ, гдѣ ей приходилось постоянно разбиваться о формальности, затруднявшія доступъ къ живому существу дѣла, а серьезная любовь къ дѣлу была каплею въ морѣ совершенно

противоположныхъ проявленій. Притомъ низшіе суды — стоявшіе ближе къ народу — не знали товарищей предсѣдателя. Несмотря на разрозненныя усилія отдѣльныхъ личностей, въ общемъ картина отправленія правосудія была тяжелая, и Хомяковъ, являясь краснорѣчивымъ выразителемъ общаго мнѣнія, имѣлъ право съ горечью указывать, что Русь «въ судахъ полна неправды черной».

Поэтому въ словахъ манифеста 1856 года: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ» — выразились не только desiderata общества, но и его насущная, неотложная потребность. Слова эти являлись какъ-бы отвѣтомъ на вырвавшійся у негодующаго поэта упрекъ своей отчизнѣ.

Законодательное оживленіе конца 50-хъ годовъ быстро двинуло работы по судебному преобразованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, старый судебный строй пошелъ на уступки. Въ немъ сдѣланы были пробоины, чрезъ которыя проникли въ него новыя, чуждыя ему дотолѣ, начала. Полицейскій розыскъ былъ отдѣленъ отъ судебнаго изслѣдованія. Вмѣсто прежнихъ полицейскихъ чиновъ, которые клали фундаментъ всякому уголовному дѣлу, явились судебные слѣдователи. Затѣмъ и двери стараго суда отворились для публики. На ряду съ просителемъ, который одинъ имѣлъ доступъ въ судъ, возникъ «слушатель и зритель» того, что дѣлается въ судѣ. Но и слѣдователи и гласность уже не удовлетворяли ясно выразившейся потребности въ новыхъ формахъ для отправленія правосудія. Примѣняя къ условіямъ стараго суда новыя начала приходилось ихъ ограничивать, подгонять, урѣзывать—и они не достигали цѣли. Новое вино вливалось въ старые мѣха и вливалось въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ. Слѣдователь не былъ достаточно самостоятеленъ. Подчиненный прямо уѣздному суду— и косвенно губернскому прокурору и губернатору—онъ былъ въ значительной степени связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не зналъ иногда въ чемъ найти опору. Уѣздный судъ не могъ ему помочь руководствомъ, не имѣлъ силы, да и умѣнья поддержать и защитить его своимъ авторитетомъ. Сознаніе того, что самымъ тщательнымъ образомъ произведенное слѣдствіе выцвѣтетъ и утратитъ свои живыя краски въ тискахъ формальныхъ доказательствъ, которыми исключительно жилъ и мыслилъ старый судъ—уничтожало интересъ дѣятельности слѣдователя,—а зависимость, въ связи съ слишкомъ ограниченнымъ содержаніемъ—не способна была создать единый по своему образованію и нравственному развитію персоналъ слѣдователей. Двери суда были открыты для публики только на половину. Присутствіе постороннихъ допускалось лишь при докладѣ дѣла,— а докладъ не давалъ возможности вглядѣться въ тотъ живой матеріалъ, о которомъ въ немъ говорилось, такъ какъ судъ и самъ не изучалъ этотъ матеріалъ, производя въ сущности не разборъ дѣла въ его реальной обстановкѣ, а лишь разборъ содер-

жанія бумагъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Канцелярская тайна понемногу уступала мѣсто гласности,—но, уходя, оставляла за собою, какъ надежный щитъ и охрану, письменность производства.

Составители судебныхъ уставовъ понимали, что необходима коренная реформа,—что какъ ни подпирать, чинить и штукатурить старое зданіе, а все-таки въ немъ долго прожить будетъ невозможно. Надо было совершенно изъ него выселиться—и на новомъ мѣстѣ строго размежеваться съ сосѣдями, заведя свое собственное независимое хозяйство. Лучшіе люди науки и практики, составители уставовъ, смѣло взглянули на предстоявшую имъ задачу. Ихъ не напугали ни ея сложность, ни ея совершенная новизна. Они прислушивались къ голосамъ, которые рекомендовали среднія мѣры въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ новыхъ вставокъ въ старый судъ, или которые пророчили, что для вводимыхъ «новшествъ» не найдется людей,—но они не поддавались вліянію этихъ голосовъ. Опытъ введенія крестьянской реформы, нашедшей для своего примѣненія безкорыстныхъ и знающихъ дѣятелей, опытъ западной Европы, путемъ долгихъ и тревожныхъ колебаній дошедшей до тѣхъ формъ суда, которыя у насъ могли явиться результатомъ спокойной законодательной дѣятельности—былъ за нихъ.

Для будущаго историка судебнаго дѣла въ Россіи будетъ чрезвычайно интересно прослѣдить по работамъ, подготовлявшимъ судебную реформу—какъ, по мѣрѣ критическаго анализа стараго суда во всѣхъ его проявленіяхъ, постепенно расширялся горизонтъ необходимыхъ преобразованій и какъ эти преобразованія, на которыя указывалось сначала лишь какъ на желательныя, мало-по-малу начинали казаться возможными и наконецъ представились неизбѣжными. Особую цѣнность имѣютъ въ этомъ отношеніи замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства на основныя положенія преобразованія судебной части. Изъ нихъ видно, какъ разнообразно относились къ предстоящей реформѣ представители стараго суда. Всѣ сходились въ признаніи непригодности устарѣвшихъ формъ и пріемовъ отправленія правосудія, но сходились только въ этомъ. Большинство предсѣдателей Палатъ, указывая иногда въ яркихъ чертахъ на существующіе недостатки—смотрѣло однако съ тревогою и недовѣріемъ на предположенія измѣненія *всего* судебнаго строя,—товарищи предсѣдателей горячо привѣтствовали эти измѣненія и настаивали на ихъ возможно широкомъ примѣненіи, а губернскіе прокуроры подвергали по большей части подробной критикѣ новыя начала, сомнѣваясь въ ихъ примѣнимости къ русской жизни. Иногда самое осуществленіе новыхъ началъ понималось ими крайне своеобразно. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ губернскихъ прокуроровъ давалъ свое согласіе на гласность судопроизводства, но съ тѣмъ однако, чтобы билеты для входа въ судъ продавались въ пользу богоугодныхъ заведеній по цѣнѣ, устанавливаемой по соглашенію предсѣдателя судебнаго мѣста съ губернаторомъ. Другой

находилъ возможнымъ введеніе присяжныхъ, но обязывалъ ихъ однако письменно мотивировать свое рѣшеніе, чтобы можно было убѣдиться, что они его постановили основательно и не могутъ подлежать взысканію.

Составители уставовъ исполнили свою задачу съ умѣньемъ и любовью. Въ огромномъ рядѣ постановленій, представляющихъ одно гармоническое цѣлое — они неуклонно провели основные принципы и провели такъ глубоко, связали между собою такими неразрывными нитями, что принципы эти безъ существенныхъ повреждепій просуществовали первое время, трудное время—и, будемъ надѣяться, просуществуютъ еще долго. Изъ «присутственнаго мѣста» они сдѣлали самостоятельное учрежденіе и призвали въ него общество не только въ качествѣ слушателя, но и въ качествѣ участника его дѣятельности. Они отмежевали суду его собственную область и въ ней заставили дѣйствовать независимаго судью, вмѣсто прежняго административно-судебнаго чиновника, довѣряя ему, опираясь на его совѣсть, а не связывая его путами формальныхъ доказательствъ, изъ-за которыхъ сквозило постоянное недовѣріе. Живой человѣкъ вызванъ ими во всѣхъ стадіяхъ процесса предъ лицо суда и въ рѣшительные моменты окончательнаго обсужденія его вины поставленъ въ условія свободнаго состязанія.

Судебная реформа встрѣчена была единодушнымъ сочувствіемъ. По отношенію къ ней сначала почти ни въ комъ не было чувства горечи или утраты; — по поводу ея почти некому было жаловаться на свои нарушенные интересы. Она дала просторъ и достойный исходъ многимъ молодымъ силамъ — и прочитала отходную только надъ небольшою группою приказныхъ людей, которые давно уже ожидали своей служебной кончины и готовились къ ней. Сословное начало, на которомъ были построены старые суды, помогло совершить упраздненіе ихъ безъ особой ломки личныхъ положеній. Сословные представители оставили свою судебную дѣятельность, ушли назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получили возможность вернуться въ судъ въ качествѣ присяжныхъ, въ качествѣ мировыхъ судей. Общественному сочувствію отвѣчало и отношеніе новыхъ судебныхъ дѣятелей къ своей задачѣ. Исполненные увѣренности въ успѣхѣ своего дѣла, искренно его любя, — они стремились поставить его на подобающую высоту. А высота эта, по мнѣнію большинства изъ нихъ, была большая. Знаніе и способности, отсутствіе которыхъ пророчили скептическіе голоса, выдвинулись въ размѣрахъ, превзошедшихъ ожиданія, и новыя учрежденія скоро, безъ колебаній и особыхъ приспособленій, вошли въ свою роль. Нѣкоторыя изъ нихъ сразу сдѣлались популярными, хотя съ первыхъ же шаговъ столкнулись съ массою самыхъ разнообразныхъ, мелочныхъ, мѣстныхъ интересовъ. Такимъ, въ особенности, оказался «мировой», съ которымъ народъ срод-

нился очень быстро—и не только въ уѣздахъ, гдѣ онъ уже привыкъ къ мировому посреднику, но и въ городахъ и въ столицахъ.

Съ тѣхъ поръ прошло четырнадцать лѣтъ... Введенной спокойно и почти безъ всякой внутренней борьбы судебной реформѣ пришлось въ этотъ періодъ пережить много испытаній. Реакція противъ судебныхъ уставовъ проявилась не сразу, не въ видѣ систематическаго противъ нихъ похода. Началась партизанская война—не менѣе, если не болѣе утомительная, чѣмъ бой въ открытомъ полѣ. У судебныхъ уставовъ не «объявлялось» никогда безусловныхъ и прямыхъ противниковъ; — никто, повидимому, не порицалъ и не отрицалъ принциповъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Никто не желалъ возвращенія къ старымъ судебнымъ порядкамъ. Но примѣненіе основныхъ началъ реформы, приложеніе ихъ къ окружающему быту, придача имъ плоти и крови въ практической жизни—вызывали рѣзкія и горячія нападенія и воззванія къ мѣропріятіямъ, которыя, направляясь на кажущееся неправильнымъ примѣненіе принципа, въ сущности разрушали бы и самый принципъ. Всѣ стороны новыхъ судебныхъ учрежденій испытали эти нападенія по очереди. Мировой институтъ, судебные слѣдователи, прокуратура, адвокатура и присяжные засѣдатели были подвергаемы безпощадной и, по большей части, крайне односторонней критикѣ.

Первымъ по очереди вызвалъ противъ себя нареканія мировой институтъ—и замѣчательно, что вызвалъ ихъ въ то время, когда стоялъ особенно хорошо и дѣйствовалъ особенно правильно, т. е. въ первые годы реформы, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ немъ не замѣчалось еще, въ особенности въ провинціи, нѣкотораго упадка, отрицать который нынѣ, каковы бы ни были его причины, значило бы закрывать глаза предъ дѣйствительностью. Мировой судъ коснулся одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ общественнаго быта шестидесятыхъ годовъ. Крѣпостное право создавало не только спеціальныя отношенія между двумя слоями общества, но и прививало къ жизни спеціальныя привычки, которыя неуловимо проникали во всю окружающую жизнь и придавали нѣкоторымъ ея явленіямъ особую окраску. Съ освобожденіемъ крестьянъ—крѣпостныя отношенія исчезли,—но крѣпостныя привычки остались. Съ ними-то прежде всего пришлось столкнуться мировымъ судьямъ, ближайшимъ представителямъ равнаго для всѣхъ суда. Inde irae...

Крайнія нападенія на адвокатуру еще у всѣхъ въ памяти—и односторонность ихъ невозможно отрицать. Ѣдкость прозвищъ, придуманныхъ для нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности сравнительно немногихъ адвокатовъ—не можетъ искупить ни несправедливости огульныхъ обвиненій противъ представителей учрежденія, неразрывно связаннаго съ кореннымъ началомъ новаго суда—состязаніемъ сторонъ, ни забвенія той тяжелой и безкорыстной помощи,

которую оказывала адвокатура отправленію правосудія въ массѣ уголовныхъ, подчасъ очень долгихъ процессовъ. Но наиболѣе упорныя, почти непрерывающіяся, то ослабѣвающія, то усиливающіяся нареканія вызывалъ противъ себя судъ присяжныхъ. Нареканія эти принимали разнообразныя формы,—то выражаясь въ смутномъ недовольствѣ дѣятельностью присяжныхъ, то давая поводъ къ указанію и требованію практическихъ мѣръ противъ этого учрежденія.

Настало время разобраться во всѣхъ нареканіяхъ на порядки, созданные судебными уставами. Благодушное игнорированіе указаній на слабыя ихъ стороны, указаній хотя бы и преувеличенныхъ и неправильныхъ—недостойно той цѣли, которой призваны служить эти уставы. Имъ нечего бояться критики — и *добросовѣстная* критика не можетъ имъ повредить. Она никогда не коснется основныхъ началъ потому, что не можетъ же она опираться на другія начала, уже осужденныя и юридическимъ развитіемъ, и исторіею страны. Она можетъ только указать на неправильныя формы, въ которыя вылились эти начала. Но на этой почвѣ, при условіи безпристрастнаго разбора всѣхъ существующихъ данныхъ, споръ и изслѣдованіе могутъ быть только полезны. Судебные уставы выработаны не для пустого пространства. Жизнь ихъ вызвала—къ жизни они и примѣняются. Считать ихъ какою-то окаменѣлостью, застывшею въ своей неподвижности, — считать ихъ за нѣчто непогрѣшимое и стоящее на мѣстѣ, когда жизнь уходитъ впередъ—невозможно.

Періодъ нареканій противъ уставовъ выработалъ два крайнихъ типа:—къ одному принадлежатъ люди, готовые «съ легкимъ сердцемъ» и крайнею близорукостью перекроить уставы вдоль и поперекъ, не отличая и не умѣя отличать въ нихъ существеннаго отъ внѣшняго и не сознавая, что часто такъ называемое *измѣненіе* равносильно *уничтоженію;*—къ другому принадлежатъ *ортодоксы* уставовъ, полагающіе, что они дѣйствительно охраняютъ дорогія имъ учрежденія, защищая каждую запятую въ уставахъ, становясь на охрану чуть не ихъ опечатокъ и упорно отварачиваясь отъ реальныхъ проявленій примѣненія этихъ уставовъ, не желая ни слышать о нихъ, ни вглядываться въ нихъ. Если представители перваго типа далеко не безвредны по практическимъ результатамъ, которыми могутъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождаться опыты надъ «измѣненіемъ судебныхъ уставовъ», зато представители второго, несмотря на симпатичность своихъ побужденій,—болѣе чѣмъ плохіе защитники этихъ же уставовъ. Высокомѣрное отношеніе къ тому, чѣмъ можетъ быть иногда силенъ противникъ и нежеланіе сознать и изучить свои, легко исправимыя, слабыя стороны—всегда и во всякой борьбѣ оказывали вредныя услуги.

Нельзя отрицать, что по прошествіи многихъ лѣтъ судебныя учрежденія наши не совсѣмъ то̀, что ожидалось отъ нихъ при

введеніи уставовъ. Кое-что въ нихъ слишкомъ скоро обветшало, а иное приняло совсѣмъ нежеланныя формы. Личный составъ ихъ—уже не тотъ, исполненной энергіи и горделивой вѣры въ свое дѣло, составъ шестидесятыхъ годовъ. Кое-гдѣ въ новыя формы просочилось старое содержаніе,—многіе устали, утратили свѣжесть взглядовъ,— органическая связь между отдѣльными учрежденіями ослабѣла,—рутина понемногу усаживается на мѣстѣ живого дѣла и образъ *судебнаго дѣятеля* начинаетъ мало-по-малу затемняться образомъ *судейскаго чиновника*. Этихъ явленій отрицать нельзя и съ ними необходимо считаться...

Съ другой стороны, съ теченіемъ времени оказалось, что обстановка, въ которой должны дѣйствовать новые суды, часто не согласуется съ началами, которыя они должны примѣнять, — что существуютъ условія дѣятельности, не предусмотрѣнныя составителями уставовъ, но отражающіяся на ней весьма рельефно,—что многое намѣчено въ слишкомъ общихъ чертахъ, а иногда проведено черезчуръ теоретично и рѣзко, вопреки требованіямъ жизни,— что, наконецъ, мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ придана слишкомъ большая свобода воздѣйствія на практическое примѣненіе судебныхъ уставовъ. Обнаруженіе небольшихъ недостатковъ и недосмотровъ вполнѣ естественно въ громадномъ зданіи, созданномъ судебною реформою. Самая незначительность ихъ блестящимъ образомъ доказываетъ, какъ хороша, какъ прочна вся работа въ цѣломъ...

Четырнадцать лѣтъ существованія учрежденія — достаточный періодъ времени, чтобы дать поводы и матеріалы для оцѣнки дѣятельности, организаціи и жизнеспособности учрежденія. Первый шагъ на этомъ пути долженъ состоять въ разсмотрѣніи упрековъ, которые ему дѣлаются.

Такихъ упрековъ нашему суду дѣлается много. Самые настойчивые изъ нихъ направляются противъ присяжныхъ засѣдателей. Поэтому изслѣдованіе практическихъ условій ихъ дѣятельности является и своевременнымъ и даже необходимымъ. Пусть это будетъ лишь слабый опытъ, пусть вопросъ будетъ затронутъ не вполнѣ и не глубоко. Если этотъ опытъ вызоветъ болѣе обширныя и подробныя изслѣдованія—цѣль его будетъ достигнута.

Введеніе у насъ суда присяжныхъ было рѣшительнымъ шагомъ со стороны составителей судебныхъ уставовъ. — Ни организація до-реформенныхъ судебныхъ мѣстъ въ Россіи, ни исторія русскихъ судебныхъ учрежденій не представляли готовыхъ формъ для этого суда,— не давали ему точки опоры ни въ прошломъ уголовнаго судопроизводства, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ.

Существовавшіе въ эпоху судебниковъ судебные мужи и цѣло-

вальники не могутъ въ строгомъ смыслѣ считаться прототипомъ русскихъ присяжныхъ засѣдателей. Они не были судьями въ настоящемъ смыслѣ слова. Между ними и судьею была проведена граница. Судья—воевода, намѣстникъ, тіунъ—творилъ судъ, т. е. разбиралъ дѣло и постановлялъ приговоръ, а судные мужи и цѣловальники «сидѣли» съ нимъ, чтобы «беречи правду, по крестному цѣлованію, безъ всякой хитрости». Беречь правду — значило наблюдать, чтобы судъ творился, согласно установившемуся обычаю, чтобы все, что записывается въ судный списокъ, происходило въ дѣйствительности. Свидѣтели всего происходящаго на судѣ—они удостовѣряли своею подписью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и показаніемъ, достовѣрность содержанія суднаго списка и получали съ него копію. Такимъ образомъ цѣловальники входили въ составъ лицъ, которыя содѣйствовали, по смыслу царскаго судебника, правильному производству суда, но ихъ функціи были ограничены и по существу дѣла они не высказывались. Притомъ цѣловальники существовали не повсемѣстно, не при всѣхъ судахъ. Съ первой половины XVII столѣтія общины, которыя въ XVI столѣтіи горячо испрашиваютъ себѣ право имѣть своихъ цѣловальниковъ при судѣ воеводъ и намѣстниковъ, перестаютъ заботиться объ этомъ правѣ,— цѣловальники утрачиваютъ свой первоначальный характеръ и къ половинѣ XVII вѣка совершенно исчезаютъ.

Не въ этомъ исчезнувшемъ и позабытомъ учрежденіи могли найти составители уставовъ основы для устройства суда присяжныхъ. Современный судъ не нуждается болѣе въ присутствіи выборныхъ исключительно для надзора за правильностью дѣйствій, за исполненіемъ обрядовъ. Наука и практика выработали болѣе простыя и опредѣленныя средства гарантировать участвующихъ въ дѣлѣ, и цѣловальники XVI вѣка представляли не многимъ бо̀льшій матеріалъ для организаціи суда присяжныхъ, чѣмъ понятые и добросовѣстные отжившихъ судебныхъ порядковъ. Учрежденіе цѣловальниковъ указывало лишь на то, что правительство, въ періодъ наибольшаго развитія земской жизни въ древней Руси, признавало возможнымъ призывать выборныхъ отъ мѣстнаго общества для присутствованія при отправленіи уголовнаго суда. Но задача суда присяжныхъ—и выше, и шире. Воскрешенное изъ мертвыхъ, учрежденіе цѣловальниковъ нисколько не подвинуло бы до-реформеннаго судоустройства. Дѣло шло о передачѣ самаго суда, самаго произнесенія приговора въ другія руки,—о призывѣ въ судъ представителей общества не для присутствія, въ качествѣ наблюдателей и достовѣрныхъ свидѣтелей происходящаго, а объ обязанности ихъ являться выразителями общественной совѣсти въ произносимомъ ими приговорѣ.

Сословная организація старыхъ судовъ представляла участіе выборнаго элемента въ самомъ разрѣшеніи дѣла. Сословные засѣдатели при постановленіи приговора подавали голоса наравнѣ съ

выборнымъ предсѣдателемъ и коронныхъ товарищемъ предсѣдателя. Есть мнѣніе, что они были своего рода присяжными засѣдателями. Нѣкоторые юристы-практики, дѣйствовавшіе при старыхъ судахъ, утверждаютъ, что сословные засѣдатели и даже сенаторы въ старыхъ Департаментахъ Сената являлись только судьями фактической стороны дѣла—и, разрѣшая вопросъ о виновности, предоставляли представителямъ короннаго элемента, т. е. канцеляріи, разрѣшеніе и разработку вопроса о наказаніи. Дѣятельность ихъ была дѣятельностью присяжныхъ—и лишь со введеніемъ судебныхъ уставовъ явились у насъ настоящіе судьи. Поэтому составители уставовъ нашли готовую почву для суда присяжныхъ, нашли организацію, въ которой этотъ судъ уже дѣйствовалъ много лѣтъ, но только въ другой формѣ. Задача ихъ сводилась не къ созданію чего либо новаго, не къ заимствованію чего либо чужого, а лишь къ видоизмѣненію существующаго.

Съ этимъ взглядомъ нѣтъ возможности согласиться. Между сословными засѣдателями и присяжными—цѣлая пропасть. Они существенно разнятся не только по своему происхожденію, по условіямъ своего появленія въ судѣ—но и по объему своей дѣятельности. Одни представители сословій, другіе представители общества во всей его совокупности, — одни пассивные дѣятели суда, дѣйствующаго на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ,— другіе активные судьи по совѣсти, не стѣсняемые формальными предписаніями закона, не вдвинутые въ узкія рамки предустановленныхъ доказательствъ.

Устанавливая органическую связь и преемство между засѣдателями стараго суда и присяжными, забываютъ одно—теорію формальныхъ доказательствъ. Эта теорія одна изъ первыхъ пала подъ ударами надвигавшейся реформы. Отмѣна ея — основное начало новаго судопроизводства. Гласность и устность суда, самостоятельность судей—все это было бы сдѣлано на половину, все это не достигало бы своей цѣли—если бы осталась теорія формальныхъ доказательствъ. Она опутывала бы судей и связывала ихъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ живое существо дѣла не укладывается въ заранѣе отмѣренныя и взвѣшенныя формы, гдѣ механическая, внѣшняя оцѣнка доказательствъ идетъ въ разрѣзъ съ ихъ содержаніемъ и дѣйствительною силою.

Сословные засѣдатели дѣйствительно могли разрѣшать только вопросъ о виновности, — предоставляя предсѣдателю или секретарю позаботиться о «приличныхъ дѣлу законахъ» по вопросу о наказаніи. Но развѣ, разрѣшая вопросъ о виновности, они были свободны? Развѣ не стояла предъ ними цѣлая система обязательныхъ правилъ, въ которыхъ было опредѣлительно указано, *что* они имѣютъ право считать доказательствомъ и *какой* итогъ должны они подводить тѣмъ или другимъ даннымъ дѣла? Развѣ они могли, проникнувшись твердымъ убѣжденіемъ, сказать «виновенъ» и знать,

что ихъ приговоръ останется въ силѣ, не распадется при формальной провѣркѣ и не замѣнится «оставленіемъ въ подозрѣніи», которое никого не удовлетворяло и ничего не разрѣшало?

Присяжные засѣдатели рѣшають дѣла по внутреннему убѣжденію, которое складывается свободно и независимо, согласно съ тѣмъ, что они видятъ и слышатъ на судѣ. Это коренное свойство суда присяжныхъ. Отъ нихъ не ожидается и не можетъ быть требуема мотивировка ихъ рѣшенія. Оно слагается подъ вліяніемъ внутренней переработки той массы разнородныхъ впечатлѣній, которыя производитъ на нихъ разбирательство дѣла. Довѣріе или недовѣріе къ тѣмъ или другимъ доказательствамъ — есть дѣло ихъ совѣсти.

Не въ такомъ положеніи находился засѣдатель стараго суда. Законъ требовалъ отъ него признанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Когда онъ обращался къ главному доказательству—къ показаніямъ свидѣтелей, ему говорилось, что эти показанія не имѣютъ силы, буде не даны подъ присягою и притомъ двумя свидѣтелями, если только одинъ изъ нихъ не мать или отецъ, показывающіе противъ своихъ дѣтей... Когда онъ встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, ему говорилось, что оно не идетъ въ счетъ, такъ какъ свидѣтель въ качествѣ «явнаго прелюбодѣя», или «портившаго тайно межевые знаки», или «иностранца, поведеніе котораго не извѣстно»—не можетъ принимать присяги... Когда онъ обращался къ различнымъ показаніямъ, даннымъ подъ присягою, законъ рекомендовалъ ему давать предпочтеніе знатному предъ незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, ученому предъ неученымъ... Если, наконецъ, сословный засѣдатель находилъ, что, несмотря на отсутствіе «совершенныхъ» доказательствъ, есть масса уликъ, которыя приводятъ его къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду,—и заявлялъ, что надо постановить обвинительный приговоръ, то секретарь имѣлъ право представить ему «съ должною благопристойностью» о томъ, что его разсужденія несогласны съ законами. Секретарь могъ въ подобномъ случаѣ указать сословному засѣдателю на необходимость оставленія подсудимаго только въ подозрѣніи или на возможность дать ему для «очищенія подозрѣнія» присягу, въ которой, между тѣмъ, отказывалось, по тому же дѣлу, иностранцу, «поведеніе котораго неизвѣстно»...

Итакъ—не въ исторіи русскаго права и не въ старомъ судѣ пришлось составителямъ судебныхъ уставовъ искать опоры для своей рѣшимости внести судъ присяжныхъ. Имъ пришлось обратиться къ нравственнымъ свойствамъ русскаго народа,—опереться на вѣру въ его способности и въ духовныя силы своей страны.

Теперь, когда судъ присяжныхъ введенъ и много лѣтъ уже

дѣйствуетъ у насъ, — когда пригодность его для русскаго народа въ глазахъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя не можетъ подлежать сомнѣнію, вопросъ о введеніи этой формы у насъ представляется, повидимому, естественнымъ и простымъ. Но не такимъ представлялся онъ тогда, когда обсуждались и писались основныя положенія преобразованія судебной части. Тогда раздавались голоса, предрекавшіе этому суду полную неудачу, — указывавшіе, что необдуманно и неосторожно призывать творить судъ людей, гражданское развитіе которыхъ было такъ долго задержано и которые привыкли лишь къ крѣпостному труду или къ всепоглощающимъ заботамъ о насущныхъ потребностяхъ. Опасенія эти исходили не отъ однихъ противниковъ реформы. Сомнѣніе въ пригодности этого суда для Россіи высказывалось людьми, желавшими новому суду вообще преуспѣянія и видѣвшими въ немъ одно изъ средствъ дальнѣйшаго развитія гражданственности. Между ними вставилъ и свое вѣское слово высокоталантливый ученый юристъ, лекціи котораго «о судебно-уголовныхъ доказательствахъ», читанныя въ 1860 году, оканчивались заявленіемъ о невозможности суда присяжныхъ для Россіи. Тамъ, говорилъ онъ, гдѣ народъ до того *нравственно простъ*, что часто не разумѣетъ преступности большинства преступленій,—гдѣ онъ до того *политически простъ*, что считаетъ судъ страшилищемъ, а осужденныхъ несчастными,—гдѣ мѣсто уваженія предъ закономъ занимаетъ страхъ предъ начальствомъ и самый законъ разсматривается какъ начальственный приказъ—тамъ не можетъ быть и рѣчи о судѣ присяжныхъ.

Тревожныя предсказанія и сомнѣнія не поколебали однако составителей уставовъ. Ихъ не устрашило сострадательное отношеніе простого русскаго человѣка къ *осужденному*, къ «несчастному», и они смѣло положились на здравый смыслъ и нравственную чуткость народа.

Въ этомъ довѣріи къ своему народу, въ уваженіи къ его уму и воспріимчивости—великая заслуга составителей судебныхъ уставовъ. Она не забудется исторіею и — несмотря ни на какіе временные, преходящіе и частичные недостатки суда присяжныхъ—даетъ этимъ составителямъ право стоять на ряду съ дѣятелями великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Судъ присяжныхъ слишкомъ глубоко затрогиваетъ многія стороны общественной жизни и устройства. Поэтому онъ всегда и почти повсюду вызывалъ въ первые годы своего существованія нападенія на свою дѣятельность и переживалъ періодъ сначала глухого недовольства со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, а потомъ и открытой, рѣзкой критики и сомнѣній въ его цѣлесообразности и даже разумности. Для живого учрежденія борьба неизбѣжна. Ею покупается настоящая прочность.

Изъ главнѣйшихъ странъ западной Европы одна лишь Англія не представляетъ такихъ нападеній на судъ присяжныхъ. Тамъ

онъ сложился исторически, постепенно,—выработался путемъ обычая и опыта—и составилъ неразрывную принадлежность всего общественнаго строя. Нападенія на его существо почти немыслимы въ англійскомъ обществѣ,—онѣ были бы равносильны отрицанію всей правовой исторіи страны. Даже и въ тревожное время конца XVIII столѣтія,—когда нѣкоторые приговоры присяжныхъ могли раздражать и пугать тѣхъ, кто боялся вліянія событій, происходившихъ во Франціи—нельзя найти въ Англіи слѣдовъ сомнѣнія въ судѣ присяжныхъ, какъ въ учрежденіи. Бывали нареканія и даже проявленія негодованія на *извѣстныхъ* присяжныхъ, по *извѣстному* дѣлу,—но лишь только это. То же повторяется и теперь по отношенію къ Ирландіи.

Во Франціи было время сильныхъ и горячихъ нападеній на судъ присяжныхъ. При обсужденіи code d'instruction criminelle было сдѣлано много указаній на разныя уклоненія этого суда въ предшествовавшіе годы подъ вліяніемъ разгара политическихъ страстей,—было весьма эксплуатировано впервые всплывшее на поверхность дѣло Лезюрка и самъ Наполеонъ упорно и настойчиво ратовалъ противъ суда присяжныхъ. Но законодатели тогдашней Франціи сумѣли придать настоящую цѣну временнымъ уклоненіямъ молодого учрежденія въ бурную революціонную эпоху—и, отнеся его ошибки и недостатки съ полною справедливостью не къ нему самому, а къ этой эпохѣ — удержали судъ присяжныхъ во французскомъ судоустройствѣ. Общество сознало, что между этимъ судомъ и возвращеніемъ къ судебнымъ порядкамъ стараго режима самою исторіею вырыта цѣлая пропасть—и нападенія на институтъ присяжныхъ замѣнились нареканіями на ихъ практическую дѣятельность, которая выражалась въ слишкомъ малой уголовной репрессіи.

Упреки суду присяжныхъ за слишкомъ большой °/о оправдательныхъ приговоровъ особенно сильно стали раздаваться послѣ 1830 года и побудили законодательную власть тщательно и безъ предубѣжденія противъ присяжныхъ присмотрѣться къ причинѣ этого явленія. Причина нашлась въ томъ затрудненіи, въ которое ставились присяжные невозможностью смягчать иногда суровое наказаніе, когда они видѣли, что подсудимый, по своимъ личнымъ свойствамъ или обстоятельствамъ дѣла, не заслуживалъ такой безпощадности. Колеблясь между безусловнымъ обвиненіемъ и оправданіемъ, находя первое жестокимъ, а второе несправедливымъ—присяжные, во многихъ случаяхъ, не мирились съ знаменитымъ изреченіемъ «dura lex—sed lex!» и предпочитая несправедливость жестокости,—выносили оправдательный приговоръ. Въ 1836 году имъ дано было право признавать въ дѣяніи подсудимаго circonstances attenuantes — и число неосновательныхъ приговоровъ значительно уменьшилось. Съ этимъ уменьшеніемъ замолкли и нападенія на судъ присяжныхъ и онъ окончательно

твердо установился во Франціи. Теперь, когда присяжные произносятъ оправдательные приговоры, несмотря на очевидную наличность преступленія и на сознаніе подсудимаго—уже не раздается прежнихъ обвиненій. Законодательная власть относится къ этому суду съ довѣріемъ, а общественное мнѣніе старается найти причины такихъ приговоровъ не въ присяжныхъ, а въ условіяхъ общественнаго быта, въ нравахъ и, наконецъ, въ отживающихъ свой вѣкъ обязательныхъ нормахъ. Недавнее литературное оживленіе по поводу дѣлъ Маріи Бьеръ, Тилли и др.—и выводы, къ которымъ, отыскивая причины оправданій, пришли большія литературныя имена Франціи—служатъ лучшимъ доказательствомъ, что время близорукихъ и одностороннихъ нареканій на присяжныхъ во Франціи проходитъ.

Германія впервые приняла судъ присяжныхъ какъ нововведеніе, слѣдовавшее за наполеоновскими орлами. Освободительно-національное движеніе заставило этотъ судъ отступить назадъ и заперло его исключительно въ рейнскихъ провинціяхъ,—но 1848 г. снова вызвалъ его къ жизни въ Германіи. И въ ней онъ не миновалъ нападеній. Только они шли другимъ путемъ, чѣмъ во Франціи. Представители науки раздѣлились на два лагеря—и противники суда присяжныхъ, съ Гіе-Глунекомъ во главѣ, стали упорно доказывать, что судъ этотъ не представляетъ достаточныхъ гарантій для правильнаго отправленія правосудія. Сначала распря шла лишь въ области юридической литературы, но война 1870—1871 г. расширила поле борьбы. Реакція противъ всего французскаго отразилась на судѣ присяжныхъ. Это *французское* учрежденіе стало признаваться негоднымъ для Германіи. Счастливая война съ «исконнымъ врагомъ» доказала, по мнѣнію многихъ нѣмецкихъ юристовъ, что Германія должна во всемъ—и даже въ судебной организаціи—опираться на свои національныя учрежденія. Юристы обратились къ далекому прошлому Германіи и къ нѣкоторымъ его видоизмѣненнымъ остаткамъ въ ея недавнемъ прошломъ. Былъ указанъ судъ шеффеновъ,—выборныхъ засѣдателей, которые должны вмѣстѣ съ судьями составлять одну коллегію—равно разрѣшая и вопросъ о виновности, и вопросъ объ уголовной карѣ. Законодательство пришло на помощь къ этимъ взглядамъ и отчасти воспринявъ ихъ—создало судъ шеффеновъ при участковомъ судѣ (Amtsgericht) новой имперіи. Но судъ присяжныхъ не сошелъ со сцены въ Германіи. Его не рѣшились ни упразднить, ни подвергнуть значительнымъ урѣзкамъ. Онъ функціонируетъ на ряду съ шеффенами, введенными съ 1 октября новаго стиля 1879 года—и будущее еще должно показать, насколько послѣдній достигаетъ своей цѣли и можно ли предпочитать такую форму смѣшаннаго суда—чистому суду представителей общественной совѣсти.

Рѣзкая ученая критика суда присяжныхъ, впрочемъ, не умолкаетъ въ Германіи. Извѣстный криминалистъ Биндингъ и знаме-

нитый Игерингъ («Zweck im Recht») выступаетъ въ послѣднее время противъ этого суда. Первый доказываетъ, что судъ присяжныхъ не выдерживаетъ критики какъ учрежденіе юридическое,—второй со свойственной ему оригинальностью взгляда, утверждаетъ, что судъ присяжныхъ есть только одна изъ стадій, изъ переходныхъ формъ судебной организаціи. Форма эта полезна, быть можетъ даже необходима, для установленія правильныхъ отношеній власти и гражданъ, для постановленія новыхъ общественныхъ учрежденій подъ охрану общественной совѣсти. Но разъ это достигнуто и учрежденія упрочились,—вошли въ свою колею,—дѣятельность суда присяжныхъ должна прекратиться, потому, что она имѣетъ задачи политическія, а не юридическія. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan», говоритъ Игерингъ словами Шиллера, «der Mohr kann gehen!...»

У насъ судъ присяжныхъ не вызвалъ противъ себя нареканій лишь самые первые годы своего существованія. Но теперь и въ обществѣ, и въ литературѣ такія нареканія раздаются весьма часто.—Отдѣльные случаи чрезвычайно обобщаются, каждый предполагаемый промахъ присяжныхъ по отдѣльному дѣлу приписывается свойствамъ самаго учрежденія—и все это заносится въ грозный обвинительный актъ противъ суда присяжныхъ. На ихъ счетъ безъ дальнихъ разсужденій заносится и шаткость обвиненія, и ошибки суда при веденіи дѣла и недостатки уголовнаго закона...

Вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднее десятилѣтіе законодательство наше, судя по нѣкоторымъ признакамъ, стало по отношенію къ суду присяжныхъ какъ бы въ выжидательное положеніе,—стало на него смотрѣть не какъ на прочное учрежденіе, которое надо развивать, а какъ на опытъ, которымъ еще не сказано послѣдняго слова въ дѣлѣ нашего современнаго судоустройства. Приговоры присяжныхъ, вызывающіе противъ себя особенныя нареканія, подаютъ обыкновенно поводъ и къ слухамъ о возможности значительныхъ ограниченій этого суда и всякаго рода изъ него изъятій. Къ счастію, слухи эти не имѣютъ по бо́льшей части прочныхъ основаній, но съ другой стороны до сихъ поръ не было предпринято и серьезныхъ законодательныхъ попытокъ къ изученію и устраненію причинъ, которыми обусловливаются приговоры, идущіе въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Вся законодательная дѣятельность относительно присяжныхъ за послѣднія десять лѣтъ ограничилась изъятіемъ изъ ихъ вѣдомства дѣлъ по преступленіямъ противъ порядка управленія и призывомъ въ составъ присяжныхъ весьма ограниченнаго числа военныхъ чиновъ. Если сюда же отнести отдѣльныя мѣры—воспрещеніе земству давать нуждающимся присяжнымъ изъ крестьянъ денежную помощь на время пребыванія ихъ на сессіяхъ суда и возбужденіе вопроса о лучшемъ составленіи списковъ присяжныхъ—то этимъ исчерпается почти все, что сдѣлано по отношенію къ этому суду. Но

этого очень мало для учрежденія, противъ котораго раздаются почти непрерывающіяся обвиненія и которое поставлено, очевидно, въ неблагопріятныя условія дѣятельности. Если смотрѣть на него, какъ на учрежденіе, имѣющее право на долгое и прочное существованіе, то нельзя оставаться въ бездѣйствіи относительно этихъ условій. Постоянныя нападенія съ одной стороны и отсутствіе всесторонняго изученія и сочувственныхъ улучшеній—съ другой, не могутъ не поселять справедливой тревоги во всѣхъ, кому дорогъ институтъ присяжныхъ и кто сознаетъ ее огромное нравственное значеніе для страны.

Судъ присяжныхъ въ Россіи похожъ на дорогое и полезное растеніе. Опытный и знающій садоводъ, въ лицѣ составителей судебныхъ уставовъ, перенесъ его изъ чужихъ краевъ на нашу почву, вполнѣ для него пригодную,—и затѣмъ уступилъ другимъ возращеніе этого растенія. Пока оно не пуститъ глубокихъ корней и не распустится во всей своей силѣ—необходимо не оставлять его на произволъ судьбы, а заботливо слѣдить за нимъ, охранять его отъ непогоды, защищать отъ дурныхъ внѣшнихъ вліяній, окопать и оградить такимъ образомъ, чтобы не было поводовъ и возможности срѣзать съ него кору или обламывать его вѣтви.

Принявъ съ довѣріемъ къ народнымъ силамъ учрежденіе, ранѣе созданное другими странами, не достаточно относиться къ нему съ теоретическимъ сочувствіемъ. Необходимо, чтобы всѣ, кто любитъ и цѣнитъ это учрежденіе поддерживали его ростъ и здоровое развитіе прямодушнымъ изученіемъ и посильнымъ устраненіемъ условій, препятствующихъ этому развитію.

Нападенія на дѣятельность присяжныхъ отличаются у насъ двоякимъ характеромъ. Обыкновенно они возникаютъ вдругъ, по какому-нибудь отдѣльному случаю... Въ томъ или другомъ судѣ назначается къ слушанію такъ называемое «громкое» дѣло. Задолго до его разбирательства оглашаются главнѣйшія подробности преступленія и коментируются самымъ различнымъ образомъ;—оно начинаетъ интересовать, а иногда даже и волновать общественное мнѣніе,—на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній предсказывается съ большею увѣренностію тотъ приговоръ, который долженъ быть произнесенъ, и исходъ процесса рисуется большинству въ видѣ несомнѣннаго и опредѣлительнаго вывода о виновности подсудимаго или въ очень рѣдкихъ случаяхъ, о его невиновности. Но когда наступаетъ давно жданный день приговора—присяжные выносятъ рѣшеніе, идущее въ разрѣзъ съ общими ожиданіями. Тогда поднимается цѣлая буря упрековъ и нареканій. Присяжные оказываются тупыми, неразвитыми, лишенными нравственнаго чутья, запуганными людьми, неспособными къ критикѣ, безсильно утопающаго въ потокахъ судебнаго краснорѣчія. Являются намеки на ихъ тенденціозность и даже подкупность. Судъ присяжныхъ признается учрежденіемъ вреднымъ,—а право-

судіе навсегда погибшимъ на Руси. Потомъ, мало-по-малу, негодованіе стихаетъ, начинаютъ раздаваться успокоительные голоса— и вскорѣ дѣло, вызвавшее иногда столько шуму, сдается въ архивъ общественной жизни.

Нападенія этого рода возникаютъ по временамъ и не продолжаются постоянно,—это, такъ сказать, нападенія *спорадическія*. Страстность ихъ не соотвѣтствуетъ ихъ основательности—и въ этомъ ихъ внутренняя слабость.

По большинству «громкихъ» дѣлъ, противъ самыхъ горячихъ нападеній могутъ быть спокойно выставлены доводы о томъ, что нельзя судить объ исходѣ, который долженъ былъ получить процессъ — по газетнымъ отчетамъ и одностороннимъ, написаннымъ подъ вліяніемъ «злобы дня», корреспонденціямъ. На основаніи этихъ свѣдѣній и «судовъ и пересудовъ» людей, слышавшихъ о дѣлѣ «что-то» по среди пустой салонной болтовни—можно получить лишь мимолетное впечатлѣніе и построить на немъ непрочное мнѣніе, отъ котораго, безъ особаго труда, можно впослѣдствіи и отступить. Но присяжные произносятъ не *мнѣніе*, а *приговоръ*, который, по большей части, безповоротно и окончательно рѣшаетъ судьбу подсудимаго. Для нихъ важно не то, что *говорятъ* о дѣлѣ, а то, что будетъ *сказано* предъ ними, въ той залѣ суда, входя въ которую они торжественно клянутся судить на основаніи того, что увидятъ и услышатъ въ ней—*въ ней одной*. Предъ ними съ торжественною медлительностью развивается процессъ и проходитъ, во всѣхъ подробностяхъ, житейская драма, вылившаяся въ суровыя формы уголовнаго преступленія,—они иногда въ теченіе многихъ дней видятъ предъ собою живыхъ людей и испытываютъ на себѣ неуловимыя на бумагѣ впечатлѣнія, производимыя личностью, манерою, голосомъ, способомъ выраженія свидѣтелей подсудимаго и потерпѣвшаго—и тою неосязаемою правдивостью или ложью, которая слышится въ показаніяхъ и объясненіяхъ, независимо отъ ихъ содержанія. Присяжныхъ спрашиваютъ не о томъ, *совершилъ ли* подсудимый преступное дѣяніе, а *виновенъ ли* онъ въ томъ что совершилъ его;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію. Своимъ вопросомъ о виновности судъ установляетъ особый промежутокъ между фактомъ и виною—и требуетъ, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убѣжденіи своей совѣсти» и памятуя свою великую нравственную отвѣтственность, наполнили этотъ промежутокъ соображеніями, въ силу которыхъ подсудимый оказывается человѣкомъ виновнымъ или невиновнымъ. Въ первомъ случаѣ своимъ приговоромъ присяжные признаютъ подсудимаго человѣкомъ, который могъ властно и твердо бороться съ возможностью факта преступленія и вырваться изъ-подъ ига причинъ и побужденій, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ—

который имѣлъ для этого на столько же нравственной силы, насколько ея чувствують въ себѣ сами присяжные.

Въ тоже время законъ открываетъ предъ ними широкій горизонтъ милосердія, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія «по обстоятельствамъ дѣла». Изъ всѣхъ «обстоятельствъ дѣла» самое важное, безъ сомнѣнія: личность подсудимаго, съ его добрыми и дурными свойствами, съ его бѣдствіями, нравственными страданіями и матеріальными испытаніями. Но гдѣ возникаетъ вопросъ о перенесенномъ страданіи, тамъ рядомъ съ нимъ является и вопросъ объ искупленіи вины. Зачерпнутые изъ глубины общественнаго моря и уходящіе снова, послѣ дѣла, въ эту глубину, ничего не ищущіе и, по бо̀льшей части, остающіеся безвѣстными, обязанные хранить тайну своихъ совѣщаній, присяжные не имѣютъ соблазна рисоваться своимъ рѣшеніемъ и выставлять себя защитниками той или другой теоріи. Осуждать ихъ за приговоръ, сомнѣваясь въ его справедливости, можетъ лишь тотъ, кто, вмѣстѣ съ присяжными, самъ изучилъ и изслѣдовалъ обстоятельства дѣла и предъ лицомъ подсудимаго, свобода и честь котораго зависятъ отъ одного его слова, вопрошалъ свою совѣсть и въ ней, а не въ голосѣ страстнаго негодованія, нашелъ отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ приговоромъ. Такихъ осужденій слышать однако почти не приходится.

Гораздо серьезнѣе, глубже и, повидимому, основательнѣе нападенія другого рода, которыя можно назвать *хроническими*. Въ нихъ идетъ рѣчь не о приговорахъ присяжныхъ по отдѣльнымъ, исключительнымъ дѣламъ, а о постоянной дѣятельности ихъ по ряду однородныхъ дѣлъ, причемъ несмотря на полную доказанность преступленія и на несомнѣнную виновность подсудимаго—присяжные выносятъ въ большинствѣ случаевъ оправдательные приговоры. Преступленія, вызывающія эти приговоры,—обыкновенно просты и ясны, нарушеніе закона въ нихъ очевидно, сложныхъ мотивовъ они не представляютъ, и самъ подсудимый, въ большинствѣ случаевъ, покорно клонитъ свою повинную голову. Самые свидѣтели не могутъ быть заподозрѣны и показаніе ихъ не расшатывается и не разрушается строгимъ перекрестнымъ допросомъ, потому что свидѣтели эти своимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ, своимъ внѣшнимъ видомъ, всего громче говорятъ противъ подсудимаго. Это—документы, цифры, отчеты, виды на жительство и т. д. Казалось бы, говорятъ обыкновенно, что въ такихъ дѣлахъ все соединяется, чтобы доставить торжество карающему правосудію и поддержать нарушенный законъ, а между тѣмъ присяжные, сплошь да рядомъ, выносятъ оправдательные приговоры. Явный и сознательный нарушитель правилъ паспортной системы,—чиновникъ, совершившій подлогъ,—сельскій староста, растратившій общественныя деньги—выходитъ изъ суда, услышавъ отъ присяжныхъ, что они «невиновны» — и спасительный страхъ предъ закономъ въ нихъ и въ имъ подоб-

ныхъ замѣняется увѣренностью въ безнаказанности. При такихъ условіяхъ—паспортъ теряетъ свое значеніе и общество не гарантируется ни чѣмъ, что въ видѣ на жительство обозначено именно то лицо, которое его выдаетъ за свой,—а цѣлый строй служебныхъ отношеній и должностныхъ обязанностей потрясается въ своемъ основаніи. Вотъ почему, продолжаютъ критики нашего суда присяжныхъ,—постоянная повторяемость оправдательныхъ приговоровъ, далеко превышающихъ, въ процентномъ отношеніи, приговоры обвинительные, — произносимыхъ различнымъ составомъ присяжныхъ, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи по дѣламъ о преступленіяхъ по должности и противъ паспортныхъ правилъ—заставляетъ съ тревогою смотрѣть на упорство присяжныхъ въ этомъ отношеніи. Здѣсь уже не единичные промахи, ошибки или увлеченія въ приговорахъ, а неправильное отношеніе присяжныхъ къ своей задачѣ, къ своимъ обязанностямъ, возведенное въ систему, обратившееся въ своего рода обычай. Такое отношеніе идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями правосудія и указываетъ на непригодность и неподготовленность присяжныхъ для участія въ разсмотрѣніи цѣлаго ряда спеціальныхъ дѣлъ. Непригодность эта въ свою очередь вызываетъ вопросъ о томъ, можетъ ли государство вообще довѣрять безконтрольную судебную власть людямъ, которые оказываются ниже своей задачи въ такихъ несложныхъ, въ сущности, вопросахъ, какъ признаніе виновности лица, проживающаго съ чужимъ паспортомъ или растратившаго казенныя деньги—и не отрицающаго, очень часто, своей вины. Неспособные правильно судить въ дѣлѣ, гдѣ фактическая сторона ясна и почти не требуетъ доказательствъ, могутъ ли присяжные представлять гарантію правильности рѣшенія въ дѣлахъ, гдѣ самый фактъ еще не доказанъ и гдѣ нужна сложная работа логики, памяти и проницательности, чтобы признать самое событіе преступленія? Повидимому отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Такимъ образомъ, вооруженное цифрами большого количества оправданій по паспортнымъ и должностнымъ дѣламъ, возникаетъ настойчивое обвиненіе противъ суда присяжныхъ...

Поэтому ближайшее разсмотрѣніе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей прежде всего по преступленіямъ противъ паспортной системы, а за тѣмъ и по преступленіямъ должности вызывается практическою необходимостью. Надо вглядѣться въ эту дѣятельность поближе и тогда станетъ ясно, что не въ самихъ присяжныхъ кроется причина явленія, на которое указываютъ ихъ противники, опираясь на цифровыя данныя.

III.

СУДЪ И ПАСПОРТНАЯ СИСТЕМА.

(Сообщеніе въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ 28 ноября 1880 г.).

Три главныхъ вида преступленій противъ правилъ о паспортахъ, указываемыхъ нашими уголовными законами, состоятъ въ *поддѣлкѣ* паспорта, т. е. въ составленіи ложнаго паспорта или измѣненіи въ настоящемъ паспортѣ имени,—въ *переправкѣ* его, т. е. въ измѣненіи въ немъ указаннаго срока или мѣстопребыванія и, наконецъ, въ *проживательствѣ* по чужому паспорту или въ отдачѣ своего паспорта другому лицу для этой цѣли. Всѣ эти преступленія (Улож. о нак. ст. 975, 976 и 977) облагаются строгими исправительными наказаніями и влекутъ за собою—ссылку на житье и отдачу въ арестанскія отдѣленія и рабочій домъ. Такъ какъ наказанія эти сопряжены съ потерею всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ—то и обвиняемые въ преступленіяхъ противъ паспортной системы подлежатъ суду присяжныхъ засѣдателей.

Число оправдательныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ весьма значительно. Такъ, напримѣръ, изъ дѣлъ С.-Петербургскаго Окружного Суда оказывается, что въ періодъ времени съ мая 1866 года (время открытія судебныхъ засѣданій Окружного Суда въ С.-Петербургѣ) по май 1880 года—всего было въ разсмотрѣніи присяжныхъ 216 дѣлъ по паспортнымъ преступленіямъ, къ которымъ было, въ качествѣ обвиняемыхъ привлечено 281 лицо. Изъ этого числа—оправдательные приговоры произнесены по 135 дѣламъ,

при чемъ оправдано 170 человѣкъ, т. е. на 100 рѣшеній состоялось 62,5°/о оправдательныхъ относительно 60,5°/о всѣхъ привлеченныхъ къ дѣламъ подсудимыхъ. По отдѣльнымъ видамъ паспортныхъ преступленій числа эти располагались слѣдующимъ образомъ: о *проживательствѣ съ чужимъ видомъ* было 154 дѣла съ 204 подсудимыми—изъ послѣднихъ осуждено 69 человѣкъ по 52 дѣламъ, оправдано 135 человѣкъ по 102 дѣламъ;—о *подлогѣ паспорта* 38 дѣлъ съ 51 подсудимымъ:—изъ нихъ осуждено 35 человѣкъ по 23 дѣламъ и оправдано 16 по 15 дѣламъ, и наконецъ—о *переправкѣ* паспорта 24 дѣла съ 26 обвиняемыми, при чемъ осуждено 7 человѣкъ по 6 дѣламъ и оправдано 19 человѣкъ по 18 дѣламъ.

Эти цифры подають поводъ къ нападеніямъ на дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, о которыхъ я уже говорилъ. Нападенія эти, однако, несправедливы. Разсмотрѣніе дѣлъ о паспортныхъ преступленіяхъ и тѣхъ условій, въ которыя бываютъ поставлены присяжные, когда имъ приходится произносить свои приговоры о «лихихъ людяхъ», нарушающихъ стройное осуществленіе паспортной системы—приводитъ къ убѣжденію, что не въ присяжныхъ лежитъ причина чрезвычайнаго количества оправданій. Она кроется въ свойствѣ самыхъ преступленій—и въ томъ вліяніи, которое эти свойства оказываютъ на судебную процедуру относительно обвиняемаго.

Преступленія противъ паспортныхъ правилъ—преступленіе противъ системы. Въ нихъ нѣтъ непосредственно потерпѣвшаго, нѣтъ обиженнаго, притѣсненнаго подсудимымъ, лишеннаго своего права. Нѣтъ не только потерпѣвшаго человѣка, но нѣтъ и опредѣленнаго учрежденія—банка, присутственнаго мѣста, конторы и т. п., которое могло бы считаться потерпѣвшимъ. Здѣсь чистое нарушеніе системы правилъ, признанныхъ законодательствомъ необходимыми для поддержанія общественнаго порядка. Такихъ правилъ много относительно различныхъ сторонъ общественной жизни—и нарушеніе большей части изъ нихъ сопряжено съ причиненіемъ комулибо вреда или опасности. Таковы правила карантинныя, правила объ огражденіи личной безопасности и т. п. При обвиненіи коголибо въ ихъ нарушеніи всегда возможно и даже необходимо указаніе на то, что дѣйствіе подсудимаго грозило опасностью, напримѣръ, распространеніемъ повальной и заразительной болѣзни—цѣлому ряду лицъ, иногда цѣлому краю,—или что неисполненіе имъ постановленій, ограждающихъ личную безопасность, имѣло своимъ послѣдствіемъ чью-нибудь смерть, увѣчье, страданіе. Въ этихъ случаяхъ *возможное* зло такъ очевидно, *причиненное* зло такъ осязательно, что потерпѣвшаго искать не приходится. Онъ тутъ, подъ судомъ—или въ живомъ, реальномъ образѣ обиженнаго, пострадавшаго человѣка или въ образѣ, твердо рисуемомъ яснымъ сознаніемъ общей опасности.

Но ничего подобнаго нѣтъ въ паспортныхъ дѣлахъ. Обвинитель можетъ указывать суду лишь на нарушеніе закона, на преступное уклоненіе отъ правилъ, ограждающихъ цѣлую паспортную систему. На вопросы—кому причиненъ вредъ? кто пострадалъ? обвинитель можетъ только отвѣтить:—закону, системѣ... Но это вредъ отвлеченный, понятный для человѣка получившаго учено-юридическое образованіе, но совершенно недоказательный для лица, взятаго изъ общества, изъ народа, чтобы судить «вреднаго» человѣка. Нѣтъ потерпѣвшаго, нѣтъ явнаго вреда, нѣтъ нагляднаго насилія, нѣтъ слѣдовъ хитрости, коварства со стороны обвиняемаго—и присяжные невольно обращаются къ самому преступленію. Они стараются въ его внутренней сторонѣ найти данныя для того, чтобы по совѣсти признать преступникомъ подсудимаго. Быть можетъ, разсмотрѣніе внутренней стороны паспортнаго преступленія укажетъ на такое напряженіе порочныхъ побужденій, на такой умыселъ,—которые придаютъ этому преступленію особую опасность и важность—подобно тому, какъ въ отравленіи коварство средства, а въ поджогѣ—безграничность ускользающихъ отъ воли поджигателя послѣдствій дѣлаютъ эти преступленія особенно тяжкими. Но и съ этой стороны присяжные не встрѣчаютъ ничего, могущаго указать имъ на важность дѣянія подсудимаго или на его собственную испорченность. Преступленіе совершается просто и безъ особыхъ приготовленій, послѣдствія его скорѣе всего и даже почти исключительно отражаются на самомъ обвиняемомъ, а играющіе въ обвинительной рѣчи иногда такую большую роль «злая воля» и «преступный умыселъ» направляются не на какое-либо живое лицо, а на безжизненный документъ, связывающій человѣка по рукамъ и ногамъ. Ни мщенія, ни ненависти, ни корысти, не находятъ присяжные во внутренней сторонѣ паспортнаго преступленія,—нѣтъ и свободнаго выбора и обдумыванія средствъ, нѣтъ и пользованія плодами преступленія въ ущербъ другимъ, — нѣтъ, наконецъ, и подавленнаго въ себѣ обвиняемымъ голоса совѣсти, которая могла бы трепетать и отвращаться отъ замышляемаго недобраго, мрачнаго, вреднаго дѣла. Все, напротивъ, просто, несложно. Средства преступленія такъ сказать предуказаны самымъ содержаніемъ паспорта—и въ томъ, что содѣяно обвиняемымъ, вмѣсто внутренней борьбы съ совѣстью и внѣшняго, очевиднаго вреда—невольно усматривается родъ жалкой и по бо́льшей части неудачной самообороны противъ системы, опутавшей обвиняемаго, въ его житейской обстановкѣ, цѣлою сѣтью стѣснительныхъ и тяжелыхъ правилъ.

Не найдя особыхъ данныхъ для осужденія и во внутренней сторонѣ преступленія, присяжные обращаются невольно къ вопросу о томъ: что же сдѣлалъ въ дѣйствительности вреднаго и дурного подсудимый и за что его слѣдуетъ сурово покарать? Тогда-то на первый планъ выступаютъ, сами собою, *обстановка* этихъ преступленій и *бытовыя особенности,* ихъ вызывающія. Тогда-то

выступаетъ снова паспортная система—но не въ качествѣ потерпѣвшаго лица, а въ видѣ житейскаго явленія, испытаннаго и провѣреннаго присяжными на самихъ себѣ. Люди жизни, они совершенно законно обращаются къ жизни и въ ней ищутъ отвѣта на тревожащіе ихъ вопросы. Судьи по убѣжденію совѣсти, они знаютъ, что отъ нихъ ожидается приговоръ не *юридическій*, а *правосудный* въ настоящемъ смыслѣ слова. Не заглушая своихъ сомнѣній формальными указаніями закона, они безтрепетно вглядываются въ житейскія явленія и въ ихъ внутреннемъ смыслѣ ищутъ себѣ поддержки и указанія. Узкое юридическое пониманіе можетъ не мириться съ тѣмъ, что въ приговорахъ ихъ по такимъ дѣламъ «совершилъ» и «виновенъ»—очень часто вовсе не являются синонимами,—но широкое правовое чувство никогда не оскорбится этимъ. Строгій законникъ можетъ не соглашаться съ такими приговорами и даже негодовать на нихъ, но законодатель, который захочетъ быть живымъ выразителемъ потребностей своего народа, долженъ будетъ прислушаться къ такимъ приговорамъ и въ нихъ найти указаніе—куда должна быть направлена его дѣятельность.

Наша паспортная система представляетъ собраніе отжившихъ свой вѣкъ правилъ. Они давно осуждены и теоріею, и практикою. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не знаетъ такого развитія паспортныхъ правилъ, какъ Россія,—ни въ одномъ изъ нихъ паспортъ не соприкасается со столькими сторонами общественной и частной жизни, какъ у насъ, тормозя одну, затрудняя другую. Англія никогда, впрочемъ, не знала паспорта и всѣ ограниченія свободы передвиженія, которыя въ ней встрѣчаются, относятся исключительно къ бродягамъ (wagabonds) и обставлены притомъ рядомъ существенныхъ формальностей. Введенное во время наполеоновскихъ войнъ правило о предъявленіи иностранцами ихъ паспортовъ,—какъ мѣра временная и исключительная, давно уже вышло изъ употребленія и исполненіе его предоставлено вполнѣ на волю иностранцевъ.

На континентѣ паспортъ имѣлъ большее распространеніе, но и тамъ онъ никогда не имѣлъ иного значенія, какъ средства облегченія полицейскаго надзора. Уже съ начала нынѣшняго столѣтія паспортъ признается ненадежнымъ орудіемъ такого надзора. При господствѣ строгихъ паспортныхъ правилъ развитіе благосостоянія проигрываетъ болѣе, чѣмъ выигрываетъ безопасность. Поэтому мало-по-малу за паспортомъ остается лишь значеніе удостовѣренія личности, которое никакого отношенія къ свободѣ передвиженія имѣть не можетъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ Пруссія, въ 1817 году,—ея примѣру слѣдуютъ всѣ германскія государства и Австрія. Уже 1868 г. застаетъ во всей Германіи полное отсутствіе обязательныхъ паспортовъ, за исключеніемъ случаевъ войны или внутреннихъ смутъ, угрожающихъ опредѣленной территоріи, когда такія паспорты могутъ быть временно вводимы

(§ 9 сѣверо-германскаго закона о паспортахъ 12-го октября 1867 года). Франція сохраняетъ долѣе другихъ странъ западно-европейскаго континента довольно строгія паспортныя постановленія и законодательство ея задержалось въ облегченіи паспортныхъ правилъ войною 1870 и событіями 1871 года. Практика, однако, мало-помалу выводитъ изъ употребленія всѣ стѣснительныя мѣры по паспортному надзору, еще остающіяся въ законѣ, которыя, впрочемъ, даже и при самомъ строгомъ ихъ примѣненіи никогда бы не отражались такъ на народной жизни, какъ наши.

Изъ многихъ неудобствъ, усугубляющихъ тяжесть жизни простого русскаго человѣка—паспортъ есть одно изъ тягчайшихъ. Въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ у насъ, онъ прежде всего стѣсняетъ свободу передвиженія людей рабочаго класса, ограничивая кругъ ихъ промысловъ и заработковъ, затрудняя перенесеніе производительной силы туда, гдѣ въ ней чувствуется наибольшая нужда—и вообще являясь тормазомъ въ экономическомъ развитіи страны. Но не одну свободу передвиженія изъ одной мѣстности въ другую стѣсняетъ нашъ паспортъ,—онъ тяготѣетъ и надъ пользованіемъ свободою въ постоянномъ мѣстѣ жительства рабочаго русскаго человѣка. Если это послѣднее неудобство не даетъ себя особенно чувствовать, то лишь потому, что мѣстная административная власть не всегда желаетъ пользоваться правами, которыми вооружила ее паспортная система. Но она всегда, въ лицѣ того или другого своего представителя, можетъ пожелать пользоваться ими — и тогда паспортъ дастъ себя почувствовать и безъ предпринятія отдаленной отлучки. Общее правило о томъ, что никто не можетъ отлучиться изъ мѣста своего жительства безъ паспорта, стѣсняетъ каждый шагъ обязательнаго владѣльца этого документа, вводя его въ трату времени и денегъ для исполненія разныхъ формальностей. Людьми, знакомыми съ паспортною системою, еще при первомъ возникновеніи вопроса о ея преобразаваніи, было заявляемо, что если исполнять законъ въ точности—то безъ письменнаго вида крестьянинъ не можетъ отлучиться въ приходскую церковь, если она находится въ другомъ селеніи,—не можетъ отвезти продуктовъ своего хозяйства на сосѣдній базаръ. Постоянно, при каждомъ почти шагѣ за предѣлы своего села, онъ можетъ опасаться, что всякій представитель мѣстной полицейской власти арестуетъ его, какъ безпаспортнаго или подвергнетъ, смотря по своему темпераменту, другимъ болѣе или менѣе тягостнымъ стѣсненіямъ. Достаточно припомнить, что до сихъ поръ не отмѣненъ законъ (т. XIV, Уст. о пасп., ст. 601), который всякую отлучку съ мѣста жительства безъ паспорта признаетъ побѣгомъ и даже поимщику такого бѣглаго обѣщаетъ въ награду три рубля сер.

Но паспортъ вызываетъ не эти только неудобства въ нашей народной жизни. Онъ отдаетъ народъ на произволъ низшихъ административныхъ агентовъ, давая широкое поле для приложенія этого

произвола. Волостной писарь, старшина и сборщикъ податей держатъ въ своей власти отлучившагося на заработки крестьянина. Они опредѣляютъ размѣръ его недоимки и количество слѣдующаго съ него по раскладкѣ платежа; они же могутъ не соблаговолить выслать ему паспортъ, обыкновенно никому не отдавая въ этомъ отчета. Практика показываетъ, что иногда и общество, къ которому принадлежитъ отлучившійся на заработки, пользуется тѣмъ, что онъ *долженъ* находиться въ мѣстѣ своей отлучки, и облагаетъ его чрезмѣрными платежами, угрожая невыдачею новаго паспорта. А въ городахъ ждутъ владѣльца паспорта другого рода паспортные мытари, въ лицѣ письмоводителей полицейскихъ кварталовъ и разной другой мелкой канцелярской братіи, изобрѣтательной на фантастическіе сборы съ темнаго пришлаго люда.

Столь разумно приноровленная къ условіямъ народной жизни, паспортная система очевидно нуждается въ особой охранѣ и поддержкѣ со стороны законовъ—карательнаго и предупредительнаго. И поддержка оказывается, нерѣдко съ энергіею, достойною лучшаго дѣла. Паспортъ требуется настойчиво, отсрочки чрезвычайно ограничены въ числѣ—и потерявшій паспортъ или неполучившій его съ родины обращается очень скоро въ безпаспортнаго, въ подозрительнаго незнакомца, котораго никто не соглашается держать у себя и котораго полиція спѣшитъ выпроводить по этапу на родину или, усумнившись въ его объясненіяхъ, заключить подъ стражу, впредь до полученія свѣдѣній оттуда, откуда онъ себя «показываетъ». Въ лучшемъ случаѣ, т. е. когда нѣтъ подозрѣнія въ бродяжествѣ, ему приходится все-таки просидѣть въ пересыльной тюрьмѣ вплоть до этапнаго дня, и затѣмъ медленно влача срамъ и тяжесть своего положенія, явиться на родину, пройдя по этапу иногда сотни верстъ...

Пересыльныя тюрьмы нашихъ столицъ предъ наступленіемъ отправленія арестантскихъ партій представляютъ особенно тяжелое зрѣлище относительно безпаспортныхъ. Очень часто это люди дѣйствительно ни въ чемъ даже противъ паспортныхъ правилъ неповинные. Потерялъ паспортъ или засунулъ куда-нибудь, или долго не получалъ изъ волости,—а ежедневный всепоглощающій трудъ не далъ возникнуть мысли объ исполненіи нѣкоторыхъ формальностей, по большей части, впрочемъ, и невѣдомыхъ простому человѣку—и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, пришлось очутиться въ острогѣ. Вздыхаетъ человѣкъ, молчаливо скорбитъ или тихо и робко жалуется «начальству», посѣщающему острогъ и торопливо объясняющему, что таковъ, молъ, законъ,—а день отправки приближается... И вотъ этапъ и новыя встрѣчи съ людьми «бывалыми», которые шутятъ надъ горькимъ недоумѣніемъ безпаспортнаго. Сначала они кажутся чужды и непріязненны, но потомъ къ нимъ приходится привыкнуть,—идя съ нимъ рука объ руку, вмѣстѣ ночуя и питаясь изъ одного котла. — Притомъ они знаютъ такъ много

интереснаго, разсказывають такъ много новаго, такъ подшучивають надъ тѣмъ, что прежде казалось страшно, такъ весело смѣются надъ тѣмъ, что прежде казалось грѣшно... И когда предъ «безпаспортнымъ» мелькнетъ его деревушка, онъ, быть можетъ, посмотритъ на предстоящую въ ней жизнь другими глазами, чѣмъ посмотрѣлъ бы прежде, и вступитъ въ свою семью, хотя и съ пустыми руками вслѣдствіе прерванной острожнымъ сидѣніемъ и этапнымъ хожденіемъ работы, но съ иными, почерпнутыми у новыхъ знакомцевъ болѣе широкими и оригинальными взглядами на житейскія отношенія вообще — и на паспортъ въ особенности. Вредное, деморализующее вліяніе нашихъ тюремъ и способовъ пересылки слишкомъ общеизвѣстно, чтобы о немъ распространяться. Оно сознано вполнѣ и въ законодательныхъ сферахъ. Но тѣмъ не менѣе оно существуетъ и отражается несомнѣннымъ образомъ на «безпаспортныхъ»...

Положеніе, создаваемое существующими паспортными правилами для большинства тѣхъ, кто просрочитъ или потеряетъ паспортъ или почему-либо навлечетъ на себя неудовольствіе своего сельскаго начальства, почти безвыходное. Оно ставитъ во множествѣ случаевъ роковую альтернативу—или острогъ и этапъ, или преступленіе. Но первый выходъ сопряженъ съ прекращеніемъ работы, съ покинутіемъ насиженнаго гнѣзда, — второй даетъ возможность надѣяться сохранить и работу и обжитый уголъ. Одни покоряются и, махнувъ на все рукою, принимаютъ званіе безпаспортныхъ и идутъ на родину;—другіе борятся, пріобрѣтаютъ чужой или поддѣльный паспортъ и живутъ въ тяжеломъ ожиданіи дня, когда они обратятся въ обвиняемыхъ и подсудимыхъ.

Таковы свойства и практическія послѣдствія паспортной системы въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у насъ.

Что же однако покупается цѣною этой системы, со всѣми ея свойствами и послѣдствіями? Обезпечиваетъ ли ея приложеніе сохраненіе порядка и упроченіе общественной безопасности, — доставляетъ ли она полицейской власти могущественное орудіе для предупрежденія преступленій или, наконецъ, представляетъ ли источникъ государственнаго дохода неизбѣжный и незамѣнимый?

Отвѣтъ на эти вопросы—и отвѣтъ, исходящій изъ вполнѣ компетентной среды, вполнѣ отрицательный. Еще съ 1857 года правительство занялось вопросомъ объ улучшеніи паспортной системы. Въ этомъ году была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая паспортная комиссія для выработки болѣе правильныхъ основаній для нашей паспортной системы. Въ 1871 году была учреждена при государственной канцеляріи новая комиссія, облеченная весьма широкими правами. Ей было предоставлено обсудить проектъ, составленный на основаніи работъ комиссіи 1857 года, и выслушать доводы депутатовъ отъ различныхъ министерствъ, которые своими словесными объясненіями замѣняли въ

этомъ случаѣ письменныя заключенія, представляемыя, по заведенному порядку, министрами въ Государственный Совѣтъ. Въ комиссію были приглашены представители сословныхъ и общественныхъ учрежденій,—министерскіе депутаты были люди, близко стоявшіе къ дѣлу—и живые вопросы, возбуждаемые дѣйствительными потребностями жизни, нашли себѣ выраженіе и разработку въ трудахъ этой комиссіи. Многое существенное, хотя, конечно, не все, предположено было измѣнить и отмѣнить въ нашей паспортной системѣ,—много интересныхъ заявленій пришлось выслушать комиссіи по поводу этихъ измѣненій. Извѣстно, напримѣръ, что представителемъ полицейской власти въ Петербургѣ, бывшимъ с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Треповымъ и командированными имъ депутатами было разъяснено, что для успѣшности полицейскаго надзора паспортъ не только *не необходимъ*, но затрудняетъ полицію въ преслѣдованіи дѣйствительныхъ преступниковъ, обременяетъ ее множествомъ излишней работы и, ложась тяжелымъ бременемъ на людей ни въ чемъ неповинныхъ и даже побуждая ихъ къ нарушеніямъ закона, только помогаетъ нарушителямъ порядка ускользать отъ надзора полиціи. Извѣстно также, что бывшимъ министромъ финансовъ М. Х. Рейтерномъ была неоднократно высказываема мысль, что финансовое вѣдомство готово было бы отказаться отъ дохода съ паспортнаго сбора, простиравшагося до 2,400,000 рублей сер. въ годъ, если бы паспортная система могла быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы новыя правила существенно облегчали передвиженіе народа и этимъ давали бы возможность увеличиться народной производительности и благосостоянію. Временная потеря государства была бы при этомъ вознаграждена увеличеніемъ народнаго благосостоянія.

Итакъ, паспортъ не нуженъ для полиціи. Отъ него готовъ отказаться и фискъ. У полиціи будетъ, съ отмѣною паспорта, больше средствъ слѣдить за вредными людьми и меньше поводовъ смѣшивать съ ними людей безвредныхъ. Усиленное и свободное передвиженіе производительныхъ силъ подниметъ экономическій строй страны и, безъ сомнѣнія, косвенными налогами возвратитъ казнѣ съ излишкомъ то, что она утратитъ, отказавшись отъ паспортнаго сбора.

Почему же не отмѣняется паспортъ? Почему не замѣняется весь сложный паспортный аппаратъ введеніемъ какихъ-либо удостовѣреній о личности, получаемыхъ на безсрочное время, нигдѣ обязательно не прописываемыхъ и предъявляемыхъ лишь по спеціальному требованію полицейской и судебной власти? Отчего труды комиссіи 1871 года заглохли въ законодательныхъ инстанціяхъ и «поросли травой забвенья?» *)

---

*) Чрезъ 23 года послѣ трудовъ комиссіи 1871 года, 3 іюня 1894 года было обнародовано положеніе о видахъ на жительство въ извѣстной мѣрѣ устраняющее и смягчающее недостатки нашей паспортной системы.

Оттого, что, къ несчастію, у насъ паспортный вопросъ связанъ съ податнымъ, и наша устарѣлая, давно осужденная здравою финансовою наукою, податная система нуждается въ паспортѣ, какъ въ одномъ изъ орудій поддержанія своего существованія. Паспортъ привязываетъ платежную, податную единицу къ податному центру. Въ этомъ его настоящее значеніе, дающее ему жизненную силу, несмотря на логику фактовъ и на отказъ отъ него тѣхъ, дѣятельности которыхъ онъ, повидимому, долженъ бы былъ служить подспорьемъ. Невыдача паспорта, въ случаѣ неуплаты недоимки или впредь до взноса слѣдующихъ платежей, является тяжелымъ средствомъ въ рукахъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ. Когда такое общество начинаетъ пользоваться этимъ средствомъ въ широкихъ размѣрахъ, послѣднее пріобрѣтаетъ бѣдственный характеръ и, ограничивая отлучки для отработки недоимокъ, скорѣе ведетъ къ ихъ увеличенію и даже къ полному разоренію недоимщика. Поэтому общества не всегда широко пользуются своимъ правомъ не выдавать паспортъ. Но, къ сожалѣнію, при оцѣнкѣ способовъ практическаго осуществленія нашей податной системы, обыкновенно это право невыдачи паспорта принимается въ разсчетъ и служитъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу существующей паспортной системы. Поэтому, когда возникаетъ вопросъ объ уничтоженіи дѣйствующихъ паспортныхъ правилъ— обыкновенно говорится: «да! все это справедливо, но какъ же быть съ податями?—надо сперва измѣнить систему взиманія сборовъ и самый характеръ сборовъ, а это дѣло сложное, трудное, de longue haleine»... И такимъ образомъ устарѣлая податная система и нецѣлесообразная, тягостная система паспортная поддерживаютъ и обусловливаютъ одна другую. Abyssus abyssum invocat!..

Свойства паспортной системы отражаются и на судебномъ ходѣ дѣлъ, возникающихъ по нарушеніямъ паспортныхъ правилъ. Человѣкъ, имѣющій фальшивый, передѣланный или чужой видъ на жительство—не имѣетъ вида законнаго. Но безъ законнаго вида нельзя нигдѣ жить, нельзя имѣть опредѣленнаго мѣстожительства. Даже и гостепріимный домъ Вяземскаго неохотно растворяетъ свои двери безпаспортнымъ. Обвиняемый въ преступленіи, влекущемъ потерю правъ состоянія, подлежитъ содержанію подъ стражею. Онъ избавляется отъ этого обыкновенно лишь представленіемъ залога или поручительства. Но «безпаспортному» по большей части негдѣ взять потребной для него суммы или найти человѣка, который рискнулъ бы за него поручиться, принявъ на себя денежную отвѣтственность. Да и кромѣ того — «безпаспортный не имѣетъ осѣдлости, онъ *не можетъ* жить на свободѣ. И его заключаютъ подъ стражу. Начинаются справки, сношеніе съ мѣстомъ выдачи ему паспорта, производство экспертизы, допросы свидѣтелей для провѣрки правильности его показанія. Разстоянія на Руси большія, переписка ведется не торопливо, справки по запутаннымъ

общественнымъ книгамъ наводятся медленно — и обвиняемый сидитъ въ тюрьмѣ мѣсяцы, а иногда и болѣе года.

Наконецъ, онъ предстаетъ на судъ. Присяжные знаютъ, что такое паспортная система, — многіе изъ нихъ, быть можетъ, на себѣ или на близкихъ испытали ея тяжелую руку. Предъ ними подсудимый, о безупречномъ прошломъ котораго имѣются иногда самыя лучшія свѣдѣнія и дѣяніе котораго никому не причинило вреда. Онъ уже наказанъ долгимъ заключеніемъ за то нарушеніе, которое онъ сдѣлалъ. И присяжные произносятъ оправдательный приговоръ, потому что, будучи представителями суда по совѣсти, они не могутъ холодно и бездушно произнести слово осужденія въ большинствѣ дѣлъ о паспортныхъ преступленіяхъ.

Предварительное заключеніе обвиняемаго, длящееся долго, всегда вліяетъ на приговоръ присяжныхъ. Оно не можетъ не вліять,— и очень сильно вліять,—и по паспортнымъ дѣламъ, которыя почти неразрывно съ ними связаны.

На 16-ть оправданныхъ съ 1866 года по 1880 годъ присяжными въ Петербургѣ—по обвиненію въ *подлогѣ* паспорта 11 человѣкъ содержались подъ стражею до суда болѣе *трехъ мѣсяцевъ*, а именно: одинъ 4 мѣсяца, четыре—5 мѣсяцевъ, два—7 мѣсяцевъ, два—10 мѣсяцевъ, одинъ—годъ и одинъ—13 мѣсяцевъ;— изъ 19-ти оправданныхъ по обвиненію въ *передѣлкѣ паспорта*— 8 человѣкъ содержались болѣе *трехъ мѣсяцевъ*, а именно: по 4, 5, 6, 7, 9 и 11 мѣсяцевъ и по году и году и 2 мѣсяцамъ. Наконецъ, по обвиненію въ *проживательствѣ съ чужимъ паспортомъ*—болѣе трехъ мѣсяцевъ содержалось 49 оправданныхъ, и въ томъ числѣ 7 человѣкъ — по 5 мѣсяцевъ, 10 — по 8 мѣсяцевъ, 6—по 10 мѣсяцевъ, 6—по году, два—по полтора года, два—по году и 8 мѣсяцевъ и одинъ—два года и 8 мѣсяцевъ...

Всматриваясь въ приговоры присяжныхъ по паспортнымъ дѣламъ — никакъ нельзя сказать, чтобы оправданіе давалось ими безъ оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ дѣла—или подъ вліяніемъ тѣхъ свойственныхъ столичнымъ присяжнымъ гуманитарныхъ соображеній, которымъ обыкновенно любятъ противопоставлять «трезвую строгость» приговоровъ присяжныхъ въ уѣздахъ.

Присяжные города Петербурга и уѣздовъ Петербургской губерніи дѣйствительно разнятся строгостью своихъ приговоровъ. Это общій въ Россіи фактъ. Присяжные столицъ и губернскихъ городовъ относятся къ подсудимому мягче, чѣмъ присяжные въ уѣздныхъ городахъ. Какъ судъ общественный, судъ присяжныхъ отражаетъ на себѣ взглядъ мѣстнаго общества, во всей его совокупности, на преступленіе и на силу тѣхъ или другихъ доказательствъ. Но есть преступленія, къ которымъ повсюду присяжные относятся одинаково, безразлично отъ мѣстности, гдѣ происходитъ судъ. *Таковы преступленія по должности и паспортныя.* По отношенію къ нимъ городъ и уѣздъ дѣйствуютъ совершенно еди-

нодушно. Такъ, въ періодъ съ 1866 по 1880 годъ изъ 216 дѣлъ по паспортнымъ преступленіямъ—въ Петербургѣ разсмотрѣно 173, въ уѣздахъ Петербургской губерніи—43 дѣла; по нимъ всего состоялось оправдательныхъ приговоровъ—135 и изъ нихъ 108 въ Петербургѣ и 27 въ уѣздахъ, т. е. около $62^{1}/_{2}\%$ въ обоихъ случаяхъ.

Эти приговоры послѣдовали почти исключительно по чисто паспортнымъ преступленіямъ, т. е. такимъ, гдѣ нарушеніи паспортныхъ законовъ не служило средствомъ къ совершенію другого преступленія или не было съ нимъ соединено. Какъ только поддѣлка паспорта сдѣлана, чтобы удобнѣе совершить какое-либо похищеніе,—или чужой видъ пріобрѣтенъ, чтобы избѣжать наказанія или понести его подъ именемъ другого (такихъ случаевъ было въ практикѣ С.-Петербургскаго Окружного Суда два)—присяжные въ огромномъ большинствѣ случаевъ произносятъ обвинительный приговоръ. Изъ 216 дѣлъ, о которыхъ говорено выше,—*совокупность преступленій, т. е. соединеніе паспортнаго преступленія съ другимъ существовала въ 26 случаяхъ и только въ двухъ изъ нихъ послѣдовало оправданіе.*

Но не только строгое отношеніе къ употребленію паспорта, какъ средства для другого преступленія, замѣчается у присяжныхъ. Самое оправданіе по чисто-паспортнымъ дѣламъ они даютъ не равномѣрно по всѣмъ родамъ нарушеній карательнаго закона, ограждающаго паспортную систему. Они дѣлаютъ сознательный выборъ между нарушеніями, и чѣмъ важнѣе нарушеніе, тѣмъ скупѣе становятся они на оправданіе.

Самый легкій видъ паспортныхъ преступленій — *передѣлка паспорта*, т. е. измѣненіе въ немъ срока или мѣстопребыванія и предъявленіе такого измѣненнаго документа (ст. 976 Улож. о наказ.). По нему и больше всего оправдательныхъ приговоровъ. На 26 обвиняемыхъ по 24 дѣламъ—оправдано 19. Обыкновенно переправка паспорта или отсрочки, выданной изъ полиціи, дѣлается въ срокѣ, на который они выданы, когда у обвиняемаго не было средствъ обмѣнить паспортъ на новый,—нечего было послать въ деревню, или когда отсрочкѣ истекалъ срокъ, а изъ деревни или изъ мѣщанской управы отдаленнаго города не присылался давно и тщетно ожидаемый паспортъ. Иногда измѣненіе дѣлается въ обозначеніи возраста. Такъ въ 1873 году судился въ Петербургѣ оффиціантъ большой гостинницы, передѣлавшій свои лѣта на пастортѣ и прибавившій себѣ годъ, для того, чтобы имѣть узаконенный возрастъ для женитьбы на горничной той же гостинницы, которая готовилась быть матерью его ребенка. Онъ содержался до суда пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и былъ оправданъ. Въ 1872 году также былъ оправданъ мѣщанинъ г. Солигалича Дунинъ, измѣнившій срокъ на паспортѣ для того, чтобы не отсылать его въ теченіе

нѣкотораго времени на родину, такъ какъ безъ подлиннаго паспорта его не соглашались вѣнчать.

Болѣе серьезно преступленіе, предусмотрѣнное 977 ст. Уложенія—*проживательство съ чужимъ видомъ*, и по нему оправданія составляютъ лишь $^2/_3$ всего числа приговоровъ. Въ дѣлахъ этого рода предъ присяжными очень часто раскрывается во всей непригдядности картина тяжелаго, подчасъ невыносимаго семейнаго положенія простой русской женщины. Побои пьянаго мужа, растаскиванье имъ всего, что великимъ трудомъ накоплено въ хозяйствѣ, попреки, оскорбленія и вѣчная грызня со стороны свекрови—дѣлаютъ жизнь «вѣковѣчной печальницы» въ крестьянской семьѣ до того постылою, что иногда единственнымъ выходомъ является самоубійство или побѣгъ. Но побѣгъ грозитъ возвращеніемъ на новыя истязанія. Необходимъ паспортъ. Иногда, на счастье бѣглянки, находятся «добрые люди», которые снабжаютъ ее паспортомъ. «Вотъ, возьми мой,—говорила въ дѣлѣ крестьянки Мигриной вдова-солдатка Манухина,—мнѣ скоро умирать надо,—здѣсь въ деревнѣ его у меня никто не спрашиваетъ, авось и Господь Богъ не потребуетъ».—Въ практикѣ Петербургскаго Окружного Суда былъ рядъ подобныхъ дѣлъ. Когда у крестьянки есть дѣти, они ее удерживаютъ на мѣстѣ и заставляютъ страдать глухо и безнадежно,—но если ихъ нѣтъ—она уходитъ, живетъ гдѣнибудь въ большомъ городѣ многіе годы и только случайно раскрывается ея «преступленіе». Замѣчательно, что ни въ одномъ дѣлѣ о проживательствѣ въ Петербургѣ жены, ушедшей отъ побоевъ и притѣсненій мужа, не было указаній, чтобы у подсудимой были дѣти. Иногда смерть дитяти подаетъ поводъ женщинѣ къ уходу отъ мужа, чтобы стать кормилицею. Такъ возникло три дѣла о крестьянкахъ Ямбургскаго и Новоладожскаго уѣздовъ, которыя, потерявъ маленькаго ребенка, ушли противъ воли мужей—во всѣхъ трехъ случаяхъ пьяницъ и расточителей—въ Петербургъ и проживали въ немъ (двѣ въ воспитательномъ домѣ) по чужимъ паспортамъ въ качествѣ кормилицъ. Въ шести дѣлахъ о проживательствѣ крестьянокъ по чужимъ паспортамъ—побои и жестокое обращеніе мужей были доказаны несомнѣнными свидѣтельскими показаніями,—а подсудимыя, содержавшіяся отъ 5 до 9 мѣсяцевъ подъ стражею, оказались, по отзывамъ тѣхъ, у кого онѣ служили, честными, скромными и трудолюбивыми женщинами.

Между прочимъ, присяжнымъ пришлось разбирать въ 1870 году дѣло крестьянки Болдиной, которая явилась въ маѣ 1869 года въ полицію и заявила, что 20 лѣтъ уже живетъ по чужому виду, будучи въ дѣйствительности крестьянкою Порховского уѣзда, Зиновіею Кирилловой. Она 16-ти лѣтъ отъ роду была выдана замужъ за 69-ти-лѣтняго старика, который обращался съ ней жестоко и былъ ей «противенъ». Она рѣшилась бѣжать—и прожила въ двухъ мѣстахъ въ качествѣ горничной и няни все время. Мужъ

давно умеръ, но желаніе видѣть родину развилось въ ней съ такою силою, что она просила судить ее, но только дать возможность снова побывать у себя «дома».—Подобныя же дѣла возникли въ 1874 году относительно крестьянки Кирпиченковой, за 12 лѣтъ передъ тѣмъ ушедшей отъ мужа, вскорѣ затѣмъ умершаго, и 8 лѣтъ безпорочно прожившей въ няняхъ при дѣтяхъ предсѣдателя иностранной ремесленной управы, который явился на судъ горячо свидѣтельствовать въ ея пользу,—и въ 1879 году о крестьянкѣ Чебуриной, которая за 25 лѣтъ передъ тѣмъ ушла отъ побоевъ мужа и свекрови, но была возвращена по этапу и, запасшись чужимъ паспортомъ, снова бѣжала и безпорочно прожила въ Петербургѣ 17 лѣтъ, и изъ нихъ послѣднія 6 лѣтъ сидѣлкою въ больницѣ, откуда перешла прямо въ тюрьму, гдѣ и просидѣла до суда *десять* мѣсяцевъ. Приговоръ присяжныхъ по всѣмъ этимъ дѣламъ понятенъ. Они безусловно, безъ долгихъ совѣщаній, оправдали всѣхъ подсудимыхъ, несмотря на собственное сознаніе и наличность факта преступленія. Интересно было бы однако посмотрѣть на коронныхъ судей, у которыхъ хватило бы силы осудить этихъ женщинъ, не войдя вмѣстѣ съ тѣмъ съ ходатайствомъ объ ихъ помилованіи...

Затѣмъ, между дѣлами, вызвавшими оправданіе по проживательству по чужому виду — въ трехъ случаяхъ положительно доказана потеря обвиняемымъ своего паспорта и находка чужого, съ которымъ онъ и сталъ жить, и въ трехъ случаяхъ также доказанъ незавѣдомый обмѣнъ паспортовъ между неграмотными рабочими-судовщиками, жившими временно вмѣстѣ; въ 11 случаяхъ доказано несомнѣнное отсутствіе средствъ для полученія отсрочки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ непреодолимыя препятствія къ полученію паспорта, несмотря на крайнюю, гнетущую необходимость отлучиться. Въ послѣднемъ отношеніи характеристично дѣло 1877 г. о крестьянкѣ Гдовскаго уѣзда М. и ея дочери Д., которыя ушли въ Петербургъ, чтобы лѣчиться отъ наслѣдственнаго сифилиса, купивъ себѣ чужіе паспорты, такъ какъ общество не разрѣшало имъ, почему-то, отлучки. Наконецъ, оправданія безусловно произносились присяжными во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ обвиняемыми являлись близкіе родственники, обыкновенно братья, передавшіе одинъ другому паспортъ, впредь до полученія однимъ изъ нихъ отсрочки или новаго паспорта. Присяжные оправдали также, въ 1877 г., иностранца Гессе, давшаго свой паспортъ иностранцу Тидге для немедленной поѣздки за-границу къ тяжко-больной женѣ, при чемъ собственный паспортъ Тидге былъ самовольно удержанъ хозяиномъ, у котораго онъ служилъ мастеромъ, за 40 рублей долга.

Третье — и наиболѣе важное преступленіе противъ Устава о паспортахъ — *поддѣлка вида на жительство,* т. е. составленіе ложнаго паспорта или измѣненіе въ настоящемъ паспортѣ имени (Улож. о нак. ст. 975). Поддѣлка паспорта, особливо когда она выражается въ составленіи совершенно новаго документа, требуетъ

особыхъ приготовленій и является преступленіемъ гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ переправка паспорта или проживаніе по чужому виду. И присяжные это вполнѣ сознають. *По дѣламъ о поддѣлкѣ паспорта они оправдываютъ менѣе 25°/o всѣхъ обвиняемыхъ*, т. е. даютъ обвинительные приговоры въ размѣрѣ, превышающемъ средній нормальный °/o обвиненій по общимъ преступленіямъ, который колеблется въ послѣдніе годы между 68°/o—65°/o. Такъ, на 51 обвиняемаго въ поддѣлкѣ паспорта съ 1866 по 1880 годъ присяжные оправдали въ Петербургѣ лишь 16 человѣкъ.

Поддѣлка паспорта совершается иногда лишь для удовлетворенія внезапной, преходящей потребности. Но разъ поддѣлка сдѣлана—и не открыта тотчасъ—паспортъ принимается въ прописку и съ нимъ приходится поневолѣ жить. Всякое заявленіе о его потерѣ—будетъ и несвоевременно и опасно. И тянутся годы, въ теченіе которыхъ обвиняемый честно трудится, но не можетъ вырваться изъ-подъ гнета, наложеннаго на него поддѣльнымъ паспортомъ, пока случайно не открывается поддѣлка и онъ не попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Эта безвыходность положенія, въ связи съ хорошими свѣдѣніями о жизни подсудимаго и съ долгимъ содержаніемъ подъ стражею, вліяютъ безъ сомнѣнія на приговоръ присяжныхъ. Изъ оправданныхъ ими въ Петербургѣ подсудимыхъ всѣ сидѣли до суда по нѣскольку мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и, кромѣ того, трое изъ нихъ прожили безпорочно по 4 и по 5 лѣтъ по ложному паспорту,—двумъ было болѣе 70 лѣтъ отъ роду, когда они предстали на судъ, а одинъ, бывшій унтеръ-офицеръ, не получая отъ начальства разрѣшенія на бракъ, сдѣлалъ фальшивый паспортъ на имя отставного почтальона, съ этимъ паспортомъ женился и прослужилъ 4 года письмоводителемъ у становогo пристава до самаго открытія своего преступленія.

Таковы условія, въ которыя поставленъ судъ и присяжные по паспортнымъ дѣламъ. Требовать отъ нихъ иной дѣятельности, чѣмъ та, которую они проявляютъ, значитъ ждать отъ нихъ рѣшеній, которыя, никого не удовлетворяя, подъ ложною внѣшнею правильностью скрывали бы великую внутреннюю несправедливость. Русскій судъ присяжныхъ, произнося свои оправдательныя рѣшенія относительно обвиняемыхъ, преступленіе которыхъ обусловливается недостатками паспортной системы, является настоящимъ судомъ, въ приговорахъ котораго должна звучать не одна формальная правда, но громко вопіющая правда жизненная. Не порицать надо этотъ судъ за такіе приговоры, но прислушиваться къ нимъ и видѣть въ нихъ живыя указанія на тѣ стороны общественнаго устройства, въ которыхъ требованія жизни опередили остановившееся въ своемъ движеніи законодательство.

IV.

НОВЫЕ МѢХА И НОВОЕ ВИНО.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ПЕРВЫХЪ ДНЕЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ).

Рѣчь въ годовомъ собраніи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ 26-го января 1892 г.

Съ различныхъ точекъ зрѣнія можно смотрѣть на всякое выдающееся зданіе, особенно если оно предназначено служить осуществленію той или другой общественной потребности. Можно подходить къ нему съ требованіями практической техники и цѣлесообразности; можно искать въ немъ эстетическаго, художественнаго удовлетворенія—и съ этой точки зрѣнія вслушиваться въ эту «музыку камней». Можно искать въ немъ выраженія идеи, проникавшей и строителя, и общественную среду, выраженіемъ настроенія которой онъ явился. Въ этомъ отношеніи стóитъ вспомнить вліяніе религіознаго міросозерцанія на архитектуру храмовъ, вспомнить то, какъ идеи объ отношеніи къ Божеству и вліяніе природы на мистическія воззрѣнія человѣка отражались на постройкѣ зданій для культа. «Греческая религія низводила Олимпъ на землю, — христіано-германская поднимала землю до небесъ, говоритъ Шерръ,— греческій храмъ любовно льнулъ къ землѣ, германскій устремлялся своими острыми сводами въ небо, словно окаменѣвшее стремленіе въ высь, а башни его возвышались въ воздухѣ, будто каменные лучи благоговѣнія». Наконецъ можно искать въ такихъ зданіяхъ историческихъ воспоминаній, искать мертваго глагола изъ давно

прошедшаго времени. Въ этомъ именно смыслѣ называетъ Викторъ Гюго общественныя зданія и храмы «каменными страницами исторіи». Ихъ можно бы, пожалуй, назвать и путевыми столбами по дорогѣ человѣческой культуры и развитія. Достаточно сравнить хотя бы нашъ старинный острогъ, обнесенный частоколомъ, мрачный, грязный и пропитанный міазмами, съ домомъ предварительнаго заключенія или со срочною тюрьмою въ Петербургѣ, — или сопоставить зданіе московскихъ судебныхъ мѣстъ съ помѣщеніемъ старой управы благочинія или уголовной палаты, съ ихъ знаменитымъ, по арестантскимъ пѣснямъ, «губернскимъ калидоромъ» — чтобы увидѣть, какъ далеко шагнули, даже въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ, за послѣднія 30 лѣтъ и тюрьмы, и судъ. То-же можно сказать о больницахъ, школахъ.

Желаніе вглядѣться въ эти «каменныя страницы исторіи» давно вызываетъ особыя изслѣдованія. Нѣкоторыя изъ нихъ посвящаются и зданіямъ судебныхъ мѣстъ, затрогивая кстати и ихъ внутреннюю жизнь. Есть обстоятельныя историко-бытовыя описанія Вестминстера и судовъ, въ немъ помѣщенныхъ; появились въ послѣднее время такія же описанія Palais de Justice въ Парижѣ. Еще въ концѣ 70-хъ годовъ совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Парижѣ Charles Desmazes (авторъ замѣчательной исторіи судебной медицины во Франціи) издалъ рядъ сочиненій, въ которыхъ говоритъ объ исторіи Palais de Justice («La magistrature française», «Le baillage du Palais», «La Sainte Chapelle»), а въ послѣднее время вышелъ объемистый, роскошно изданный томъ — «Le Palais de Justice. Son monde et ses moeurs. Par la presse judiciaire parisienne».

По поводу этихъ изслѣдованій невольно приходитъ на мысль исторія нашихъ молодыхъ еще судовъ и связанныя съ ея возникновеніемъ воспоминанія. Я попробую ихъ коснуться въ бѣгломъ и отрывочномъ очеркѣ.

Достовѣрная исторія парижскаго Palais de Justice восходитъ къ самому началу среднихъ вѣковъ. Можно бы сказать, что она еще древнѣе, такъ какъ при раскопкахъ на мѣстѣ найденныхъ построекъ были находимы монеты и медали римскихъ императоровъ, отъ Августа до Константина, что даетъ поводъ предполагать нахожденіе въ этомъ мѣстѣ дворца проконсула Галліи, такъ что сохранившіеся донынѣ въ Парижѣ остатки термъ, быть можетъсоставляли лишь одну изъ отдѣльно выстроенныхъ принадлежностей этого дворца. Въ этомъ отношеніи, несмотря на многія изслѣдованія, ничего однако опредѣленнаго не выяснено и мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ стараго Парижа о томъ, что теперешняя «Святая Капелла» (La Sainte Chapelle) построена на мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то храмъ Меркурія, не находитъ себѣ фактическаго подтвержденія. Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что въ этомъ самомъ мѣстѣ, на островкѣ между рукавами Сены, обитали уже короли изъ династіи Меровин-

говъ. У Григорія Турскаго есть описаніе роскошныхъ, по тогдашнему времени, лавокъ и торговыхъ помѣщеній, обрамлявшихъ улицу, которая вела къ нынѣшнему входу въ Palais de Justice съ той стороны, гдѣ потомъ былъ воздвигнутъ соборъ Парижской Богоматери.

При Каролингахъ дворцовыя помѣщенія Меровинговъ были заброшены, и въ эту смутную и тревожную эпоху пришли въ запустѣніе,—но Капетинги снова прочно осѣли въ этомъ мѣстѣ, сдѣлавъ изъ него свою резиденцію. Съ тѣхъ поръ постройки, получившія названіе le Nouveau Palais, были возобновлены и расширены, сдѣлавшись на долго любимымъ мѣстопребываніемъ королей. Но старый французскій король былъ живымъ носителемъ правосудія и сначала онъ самъ лично, а потомъ, тутъ же, подъ его надзоромъ, возлѣ него, довѣренныя имъ лица—творили судъ.

При Людовикѣ Святомъ, въ 1248 г., Palais пріобрѣтаетъ свое лучшее украшеніе, представляющее одну изъ величайшихъ драгоцѣнностей чистѣйшей готической архитектуры—la Sainte Chapelle. Эта часовня, по мысли святого короля, была предназначена составлять собою нѣчто въ родѣ огромнаго каменнаго ковчега для храненія въ немъ сокровищницы съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя, который былъ поднесенъ французскому королю Болдуиномъ II, королемъ Кипра и Іерусалима, въ возмѣщеніе уплаченныхъ за него венеціанцамъ долговъ. Филиппъ Красивый расширилъ постройки дворца и устроилъ знаменитую большую залу громадныхъ размѣровъ съ огромнымъ мраморнымъ столомъ въ одномъ изъ ея концовъ, на которомъ совершались впослѣдствіи различныя торжества.

По мѣрѣ развитія значенія и вліянія парижскаго парламента, тоже имѣвшаго свое пребываніе въ зданіяхъ, совокупность которыхъ называлась le Palais, короли начали тяготиться этимъ сосѣдствомъ и стали уединяться во дворцы, построенные ими исключительно для ихъ собственнаго пребыванія. Поэтому, съ конца XIV вѣка, короли уже рѣдко, и то лишь временно, живутъ въ Palais. Послѣдній король, проживившій тамъ довольно долго, былъ Францискъ I, предъ походомъ въ Италію; послѣднее семейное торжество королевскаго дома, отпразднованное въ Palais, была свадьба Франциска II съ Маріей Стюартъ.

Затѣмъ парламентъ сдѣлался единственнымъ и могущественнымъ обладателемъ всего Palais, заведя и расширивъ въ немъ свое собственное, весьма разнообразное и оригинальное хозяйство. Цѣлый маленькій городокъ выросъ вокругъ и между старыми зданіями Palais. Магазины, которымъ удивлялся Григорій Турскій, постепенно вторглись внутрь ограды и завладѣли, за исключеніемъ нѣсколькихъ площадокъ, всѣми оставшимися свободными мѣстами. Тутъ же помѣстились и различные поставщики для парламента, который имѣлъ своихъ каретниковъ, слесарей, столяровъ, маляровъ

и т. п. Между ними находился и поставщикъ свѣжей травы, такъ какъ, по старому обычаю, съ весны до осени полъ помѣщеній парламента долженъ былъ быть усыпанъ свѣжею травою. Судебная власть, принадлежавшая парламенту, вызвала иное чѣмъ прежде назначеніе для нѣкоторыхъ изъ дворцовыхъ построекъ: такимъ образомъ, одна изъ башень сдѣлалась тюрьмою для важныхъ государственныхъ преступниковъ, а старые дворцовыя кухни были обращены въ мѣсто содержанія обвиняемыхъ, число которыхъ иногда было очень велико. Нижняя площадка лѣстницы дворца, со стороны Notre Dame de Paris, сдѣлалась мѣстомъ клейменія осужденныхъ преступниковъ и истребленія разнообразныхъ и многочисленныхъ еретическихъ и зловредныхъ сочиненій, осужденныхъ парламентомъ на сожженіе рукою палача.

Судебная, законодательная и торговая жизнь кипѣла внутри ограды, построенной старыми французскими королями. Къ теченію этой жизни по временамъ примѣшивалась дѣятельность своеобразной корпораціи судейскихъ клерковъ, носившей названіе la Basoche. Учрежденная въ 1303 г., эта корпорація присвоила себѣ особыя права и власть, съ которыми приходилось считаться даже самому парламенту. Les basochiens представляли пестрое сборище, связанное оригинальнымъ регламентомъ, издавшее свои эдикты, избиравшее своего короля и оказывавшее иногда на нѣкоторые вопросы внутренняго и судебнаго управленія чувствительное вліяніе. Излюбленное дѣтище парижанъ, эта корпорація, несмотря на разныя стѣснительныя противъ нея мѣры, принимаемыя королями и парламентомъ, просуществовало до самой революціи. Въ первое воскресенье каждаго мая она, становясь полнымъ хозяиномъ Palais de Justice, сажала на майскомъ дворѣ традиціонное деревцо, выкопанное въ лѣсу Бонди, и давала въ большой залѣ, на мраморномъ столѣ, представленіе, во время котораго въ юмористической формѣ изображались и осмѣивались дѣйствія парламента, а иногда и короля.

Съ 1618 года Palais de Justice сталъ опустошаться частыми пожарами, среди которыхъ погибла большая зала и былъ раздробленъ въ куски знаменитый мраморный столъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка начались внутреннія перестройки въ Palais de Justice и освобожденіе его отъ постороннихъ дѣлу юстиціи и законодательства наростовъ. Предпринятая по плану архитектора Демезона перестройки заставили изгнать торжниковъ изъ храма правосудія, и Palais de Justice былъ освобожденъ отъ многочисленныхъ магазиновъ, прогулка среди которыхъ въ опредѣленные часы составляла одно изъ модныхъ удовольствій тогдашней знати. Были пощажены однѣ лишь книжныя лавки, просуществовавшія до 1831 г.

Революція пощадила зданіе Palais de Justice и ни въ чемъ не коснулась его устройства, замѣнивши лишь въ пріемной залѣ для публики бюстъ Людовика XV бюстомъ Марата. Иначе, однако,

отнеслась она къ несравненному памятнику готики, заключенному въ стѣнахъ Palais be Justice. La Sainte Chapelle была объявлена національною собственностью и назначена въ продажу. За неявкою покупателей, директорія устроила въ ней складъ муки, а консульство приказало помѣстить въ ней старые судебные архивы, при чемъ для того, чтобы было виднѣе внутри, были сняты въ окнахъ и пропали за тѣмъ нижніе ряды драгоцѣннѣйшихъ росписныхъ стеколъ XIII вѣка.

Въ 1835 г., по проекту архитектора Гюо, была предпринята коренная перестройка и реставрація Palais de Justice. Смѣта была исчислена въ 3,600,000 франковъ, но когда было преступлено къ колоссальнымъ работамъ сломки и сноса всѣхъ мелкихъ зданій и частныхъ построекъ, облѣплявшихъ Palais de Justice изнутри и снаружи, какъ грибы могучее дерево,—тогда эту смѣту постигла обычная участь почти всѣхъ предварительныхъ смѣтъ, и въ 1870 году, когда подъ руководствомъ знаменитаго Віолье ле-Дюка завершилась реставрація всего зданія, расходъ составлялъ уже 35,000,000 франковъ. При этихъ работахъ пришлось расширить и дать другое отчасти направленіе улицамъ Іерусалимской и Назаретской и для этого пожертвовать домами, въ которыхъ родились Буало и Вольтеръ. Новому суду, очищающемуся даже отъ внѣшнихъ остатковъ стараго порядка, пришлось принести въ жертву мѣсто рожденія того, кто такъ горячо съ такою ѣдкою логикою и убійственною ироніею наносилъ отжившимъ судебнымъ порядкамъ могущественные и разрушительные удары.

Но вслѣдъ за обновленіемъ, зданіе Palais de Justice постигло новое несчастіе: его задѣли въ 1871 г. предсмертныя конвульсіи коммуны, и безумно-лаконическій приказъ ея прокурора Рауля Риго: «Faites flamber Finances!» былъ распространенъ и на Palais de Justice. Значительная часть его, а въ особенности обширная и прекрасная Salle des pas perdus обратились въ обгорѣлыя развалины. Пришлось начать постройку снова и только недавно она доведена до полнаго конца.

Бѣглый обзоръ современныхъ помѣщеній Palais de Justice тотчасъ же указываетъ, что это мѣсто имѣетъ старую и громкую исторію. Эта исторія не заслоняется новѣйшими перестройками и приспособленіями, она смотритъ изо всѣхъ угловъ и заявляетъ о себѣ на каждомъ шагу старинными произведеніями искусства и то грозными, то трогательными воспоминаніями. Когда начинается дѣловой день въ Palais de Justice, судебный приставъ провозглашаетъ, вмѣсто нашего: «Судъ идетъ! приглашаю встать»—«Le tribunal, messieurs,—chapeaux bas!» Одинъ изъ изслѣдователей французской судебной старины говоритъ, что посѣтителю, вступающему впервые въ зданіе Palais de Justice можно сказать, подражая этому возгласу: «L'histoire, monsieur,—chapeau bas!» Да, можно сказать—и съ полнымъ основаніемъ.

Современный Palais de Justice имѣетъ два входа: одинъ подъ красивымъ портикомъ со стороны Place Dofine, другой со стороны Boulevard du Palais, съ превосходною темною чугунною рѣшеткою, увѣнчанною роскошными золотыми украшеніями. Войдя въ нее и поднявшись по старой парламентской лѣстницѣ, посѣтитель попадаетъ въ огромную Salle des pas perdus, цѣлый день наполненную пестрою, озабоченною и дѣловитою толпой, среди которой выдѣляются адвокаты своимъ своеобразнымъ чернымъ костюмомъ. Въ этой залѣ стоятъ двѣ статуи—Малерба и Беррье. Мужественный, самоотверженный и краснорѣчивый защитникъ Людовика XVI изваянъ въ томъ возрастѣ, когда, послѣ долгой, судебной службы, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, онъ призирая опасность, явился «faire son héroique debut au barreau» въ защиту подсудимаго «Людовика Капета». Статуя Беррье полна жизни и движенія. Опершись лѣвой рукой на рѣшетку, прижимая правую къ сердцу и приподнявъ изящную голову съ благороднымъ и одушевленнымъ лицомъ, великій ораторъ говоритъ ему изъ тѣхъ рѣчей, въ которыхъ не знаешъ чему больше удивляться: глубинѣ ли содержанія, красотѣ ли формы.

Еще нѣтъ вѣка какъ Малербъ и Беррье отошли въ область исторіи, но тутъ же, въ одномъ изъ угловъ Salle qes pas perdus, есть живое напоминаніе о гораздо болѣе отдаленныхъ временахъ. Небольшая витая лѣстница ведетъ въ старинную залу Людовика IX, отъ тяжелыхъ сводовъ и переплетающихся аркадъ которой, теряющихся въ таинственномъ полусвѣтѣ, такъ и вѣетъ XIII вѣкомъ. Вообще искусство сильно и достойно представлено въ Palais de Justice. Такъ, галлерея, ведущая въ кассаціонный судъ, называемая галлереей Людовика Святого, отдѣлана во вкусѣ XIII столѣтія и ея росписныя окна проливаютъ разнородный свѣтъ на раскрашенную статую короля, изображеннаго творящимъ судъ подъ сѣнью дуба,—а въ роскошной залѣ этого суда находится огромная аллегорическая картина извѣстнаго Поля Бодри «Прославленіе закона». Въ преддверіи залы суда присяжныхъ поставлены мраморные бюсты законодателей—Карла Великаго, Людовика Святого, Филиппа-Августа и Наполеона I. Въ самомъ залѣ, украшенномъ рѣзьбою по дереву и дорогой лѣпною работою, на потолкѣ, кистью Бонна изображена юстиція между преступленіемъ и невинностью, а за кресломъ предсѣдателя помѣщается большое Распятіе, нарисованное тѣмъ же художникомъ. Но наибольшую художественную драгоцѣнность Palais de Justice составляетъ старинная картина, находящаяся за кресломъ предсѣдателя въ залѣ апелляціоннаго суда и называемая le retable du Palais de Justice. Она была заказана Людовикомъ XI въ 1476 г. и приписывается Ванъ-Дейку или Мемлингу, основателямъ голландской школы. По бокамъ изображеннаго на ней Распятія нарисованы: Богоматерь, св. Анна, Іоаннъ Креститель, св. Людовикъ—слѣва и св. Діонисій, Карлъ Великій,

Іоаннъ Богословъ — справа; сзади нихъ пейзажъ изображаетъ Іерусалимъ, Лувръ въ концѣ XV вѣка и Palais de Justice того же времени. Съ этой картины исторія заглядываетъ въ современность и сливается съ нею въ томъ, что осталось неизмѣннымъ.

Едва ли нужно описывать удобство и цѣлесообразность настоящихъ помѣщеній для судовъ разныхъ наименованій, заключающихся въ Palais de Justice, вмѣстѣ съ различными другими служебными помѣщеніями, библіотеками, комнатами совѣщаній и т. п. Почтительное уваженіе, которымъ во Франціи всегда и при всякомъ образѣ правленія было окружено отправленіе правосудія, сказывается здѣсь воочію. Можно только выразить нѣкоторое сомнѣніе въ томъ — находится ли излишекъ позолоты и лѣпныхъ украшеній въ соотвѣтствіи со строгою, внушительною простотою, которою должна отличаться внѣшняя обстановка суда?

Обходя зданіе Palais de Justice вокругъ, выйдя противъ Notre-Dame на берегъ Сены, приходится встрѣтить старинную башню, la tour de l'Horloge, построенную Людовикомъ Святымъ. На ней находятся первые общественные часы Парижа, устроенные Филиппомъ Красивымъ и реставрированные Генрихомъ III, увѣнчавшимъ ихъ французскимъ и польскимъ гербами. Милосердіе и юстиція поддерживаютъ циферблатъ, подъ которымъ сдѣлана подпись: «Machina quae bis sex tam juste dividit horas, Justitiam servare monet legesque tueri». Далѣе, по берегу Сены, идутъ: la tour de Cesar и la tour d'Argent, а между ними, въ фасадѣ стариннаго трехъ-этажнаго зданія, открывается входъ въ знаменитую Консьержери. Внутри эта тюрьма представляетъ собою двѣ части: старую и новую, при чемъ новая, т. е. рядъ одиночныхъ келій, построенныхъ по новѣйшей системѣ, постепенно и неотвратимо поглощаетъ старую часть, переполненную историческими воспоминаніями. И какими трагическими воспоминаніями! Вступая въ уцѣлѣвшую, хотя и очень видоизмѣненную часть старой Консьержери, невольно хочется сказать съ поэтомъ:

«О сколько здѣсь надеждъ разбитыхъ
И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
И темныхъ пронеслося дѣлъ!..»

Новая тюрьма поглотила уже кельи, въ которыхъ содержались жирондисты и Дантонъ; лишь въ женскомъ отдѣленіи ея сохранились комнаты, гдѣ были заключены m-me Elisabeth и Шарлота Корде. Церковь взяла подъ свою защиту келью многострадальной Маріи-Антуанеты, но въ ней почти ничего не осталось, напоминающаго несчастную дочь Маріи-Терезіи, кромѣ маленькаго Распятія, помѣщеннаго надъ окномъ. Въ комнатѣ этой устроена въ настоящее время скромная часовня, стѣны которой пришлось выкрасить темной масляной краской, во избѣжаніе тѣхъ надписей, которыми туристы хотятъ связать свои ничтожныя имена

съ мѣстами, гдѣ разыгрывались историческія событія. Пришлось унести изъ этой комнаты и кресло королевы, чтобы спасти его остатки отъ тѣхъ же туристовъ, безсмысленно вырѣзавшихъ изъ него кусочки себѣ на память. По многознаменательной ироніи судьбы, рядомъ съ комнатою Маріи-Антуанеты, находится келья Робеспьера, гдѣ онъ содержался въ короткій промежутокъ между тою казнью, которой ему не удалось себя подвергнуть самому, и тою, которую произвела такъ недавно еще столь послушная ему гильотина. Тутъ же рядомъ большая комната, тоже обращенная въ часовню, гдѣ содержались жирондисты въ ночь предъ казнью, съ 29-го на 30-е октября 1793 года. Изъ нея выходъ во дворъ, на которомъ собирались приговоренные революціоннымъ трибуналомъ предъ отправленіемъ на эшафотъ и гдѣ были соединены въ послѣдній разъ вмѣстѣ жирондисты. Въ послѣднее время этому двору, бывшему свидѣтелемъ предсмертныхъ прощаній многихъ замѣчательныхъ людей, выпала совсѣмъ иная роль: на немъ содержались извозчики, приговоренные, за грубое обращеніе съ сѣдоками, къ аресту на двадцать четыре часа...

Консьержери сообщается съ одной стороны съ мѣстомъ временнаго содержанія арестованныхъ въ Департаментѣ Сены преступниковъ, называемомъ *депо,* въ которомъ помѣщается особое учрежденіе—le petit parquet, устроенное для первоначальнаго изслѣдованія и сортировки преступленій по подсудности, а также помѣщеніе Service antropométrique, распадающееся на Service d'identification, antropométrie et photographie judiciaires. Низкій и мрачный коридоръ, сдавленный тяжелыми сводами, ведетъ изъ депо въ помѣщеніе судовъ и въ маленькую временную тюрьму, куда переводятся обвиняемые къ часу разбирательства ихъ дѣла, носящую характеристическое названіе мышеловки, la souricière.

Таково зданіе Palais de Justice и его краткая исторія. Этой вѣковой исторіи соотвѣтствуетъ и постепенное наслоеніе правъ собственности, а слѣдовательно и обязанности производить расходы на содержаніе Palais de Justice. Въ этомъ отношеніи смѣта на содержаніе зданія представляетъ весьма пеструю картину. Достаточно сказать, что не только отдѣльныя зданія, но даже и отдѣльные этажи принадлежатъ различнымъ владѣльцамъ — городу Парижу, Управленію Государственныхъ Имуществъ и Департаменту Сены. Такъ, Консьержери принадлежитъ городу Парижу и имъ содержится, а Depôt составляетъ предметъ расходовъ и управленія для Сенской префектуры и т. д.

Въ этихъ стѣнахъ прошла и проходитъ долгая и содержательная исторія французской магистратуры; здѣсь дѣйствовали виднѣйшіе ея представители. Имена Дагессо, Малерба, Турè, Бонжана невольно приходятъ на память, когда находишься въ зданіи, гдѣ протекла ихъ обильная трудомъ, знаніемъ и живымъ чувствомъ долга жизнь. Эти люди, такъ сказать, срослись со своимъ дѣломъ

и не покидали его, несмотря ни на что. Давая гордый отвѣтъ: «la cour rend des arrets et pas des services...», они умѣли являться стойкими стражами и слугами тѣхъ учрежденій, которымъ отдана была ихъ глубокая мысль и краснорѣчивое слово. Они служили этимъ учрежденіямъ до конца, — нерѣдко вопреки чувству самосохраненія. Достаточно припомнить президента кассаціоннаго суда Бонжана, этого premier magistrat de France, который отказался удалиться въ Версаль, когда, въ маѣ 1871 года, вспыхнуло возстаніе коммуны, и остался на своемъ посту, покуда не былъ взятъ коммунарами въ качествѣ заложника и разстрѣлянъ при наступленіи на Парижъ правительственныхъ войскъ.

Французская магистратура, хотя и не замкнутая, но тѣсно сплоченная, сложилась вѣками и не имѣла ничего подобнаго себѣ въ остальной Европѣ. «En Europe il y avait des juges, en France seulement il y avait des magistrats», говоритъ Фюстель де-Куланжъ. Судейское званіе составляло не должность, а нравственное наслѣдіе послѣдовательныхъ поколѣній французской магистратуры. Оно переходило отъ отца къ сыну и связывало общими традиціями, преданіями и сознаніемъ своего общественнаго достоинства прадѣда съ правнукомъ. На ряду съ родовымъ дворянствомъ возникло и развилось другое, имѣвшее свою исторію и свои завѣты. Noblesse de robe считало въ своихъ рядахъ семьи, почти всѣ члены которыхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, посвящали себя судебной службѣ. Одна фамилія Мопу дала, съ 1626 года, судебному сословію пятьдесятъ человѣкъ судей разныхъ наименованій.

Несмотря на всѣ политическія перемѣны, судебное сословіе во Франціи и до сихъ поръ представляетъ нѣчто цѣльное, устойчивое и авторитетное. Поэтому и ежегодное начало своей обычной дѣятельности послѣ лѣтняго отдыха оно обставляетъ особою торжественностью. Предъ открытіемъ осеннихъ засѣданій члены всѣхъ судовъ, отправляющихъ правосудіе въ Palais de Justice, прокурорскій надзоръ и адвокатура идутъ церемоніально, въ своихъ красныхъ (у членовъ кассаціоннаго суда—съ горнастаемъ) и черныхъ мантіяхъ и шапкахъ (беретахъ) въ «святую капеллу». Архіепископъ парижскій служитъ обѣдню, la messe rouge, подъ пѣніе изысканнаго хора и музыку органа, и даетъ свое благословеніе на наступающій судебный годъ. Въ томъ же торжественномъ, іерархическомъ порядкѣ, со старшими по званію судьями впереди, шествіе направляется въ залу кассаціоннаго суда, гдѣ, въ присутствіи «хранителя печати» (министра юстиціи), открывается особое засѣданіе, l'audience solenelle de rentrée. Президентъ кассаціоннаго суда предоставляетъ слово оберъ-прокурору, а тотъ проситъ разрѣшенія передать его прокурору палаты (Avocat général), который и говоритъ обыкновенно рѣчь о комъ-нибудь изъ славныхъ предшественниковъ нынѣшнихъ судей, поминаетъ въ краткомъ некрологѣ умершихъ за годъ членовъ судебной корпораціи и оканчиваетъ

бѣглымъ обзоромъ дѣятельности судовъ и адвокатуры. При этомъ кресла умершихъ за годъ членовъ кассаціоннаго суда остаются незанятыми; трогательный обычай заставляетъ считать этихъ умершихъ еще нѣкоторое время присутствующими среди товарищей и дѣлящими ихъ постоянный трудъ и рѣдкія радости... Засѣданіе оканчивается присягою членовъ совѣта адвокатовъ, грандіозная зала пустѣетъ — и ежедневная рабочая жизнь Palais de Justice вступаетъ въ свои права.

Исторія нашихъ судебныхъ мѣстъ въ столицахъ не представляетъ подобія только-что разсказанной. Она отрывочнѣе, короче, блѣднѣе. Отъ допетровскихъ приказовъ не осталось и слѣда; ничего достопамятнаго не представляютъ и зданія присутственныхъ мѣстъ стараго устройства. Въ Петербургѣ красивое, хотя и неудобное по внутреннему расположенію зданіе присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади съ половины семидесятыхъ годовъ отдано подъ помѣщеніе квартиры и управленія градоначальника, а въ Москвѣ безобразное, тяжелой безвкусной архитектуры такое-же зданіе у Воскресенскихъ воротъ, при которомъ одно время помѣщалась и долговая тюрьма, называемая въ просторѣчіи «ямою», сломано и на его мѣстѣ красуется оконченное вчернѣ, великолѣпное, выдержанное въ старомъ русскомъ стилѣ, зданіе думы. Притомъ въ этихъ зданіяхъ помѣщались не одни судебныя мѣста. Поэтому исторія судебныхъ зданій начинается у насъ собственно со введеніемъ судебной реформы въ 1866 году. Многіе изъ насъ помнятъ, какъ эти зданія получили свое настоящее назначеніе, какъ зародилась въ нихъ внутренняя судебная жизнь, молчаливыми свидѣтелями которой сдѣлались эти старыя стѣны.

Вопросъ о помѣщеніи для новыхъ судовъ (Судебной Палаты и Окружного Суда) въ Москвѣ разрѣшился безъ особыхъ затрудненій. Громадное, величественное сенатское зданіе, возвышающееся въ Кремлѣ и смотрящее чрезъ его зубчатыя стѣны на Красную площадь, заключало въ себѣ 6-й, 7-й и 8-й Департаменты Сената и давало пріютъ нѣсколькимъ учрежденіямъ придворно-хозяйственнаго характера. Но старые судебные Департаменты Сената были обречены на постепенное и притомъ довольно скорое упраздненіе. Ихъ права, въ ряду высшихъ государственныхъ учрежденій, должны были перейти къ Кассаціоннымъ Департаментамъ: ихъ функціи, какъ высшей апелляціонной инстанціи—къ Судебнымъ Палатамъ. Прежнее право ревизіи приговоровъ высшихъ судебныхъ мѣстъ умирало и вмѣсто него являлась невѣдомая дотолѣ, чуждая нашему законодательству кассація. Чѣмъ шире разливалась судебная реформа по Руси, тѣмъ слабѣе становилось біеніе самого сердца стараго судебнаго строя—судебныхъ Департаментовъ Сената, тѣмъ болѣе съуживался районъ, въ которомъ чувствовалось это біеніе. По-

этому именно въ этомъ зданіи, какъ законные и полные жизни наслѣдники, и должны были помѣститься новые суды, тѣмъ болѣе, что придворное вѣдомство охотно очищало занимаемыя имъ въ немъ помѣщенія.

Московское сенатское зданіе было выстроено по чертежамъ архитектора Козакова, человѣка чрезвычайно талантливаго. Оно было заложено 7-го іюня 1776 года, именно съ цѣлью помѣстить въ немъ Сенатъ, который ютился до тѣхъ поръ въ особомъ отдѣленіи Потѣшнаго дворца. Постройка обошлась въ 760 тысячъ р. с., какъ видно изъ мраморныхъ досокъ, поставленныхъ по бокамъ входныхъ воротъ и изготовленныхъ въ 1790 году «человѣкомъ цесарской націи» Іоганомъ Лиме. Къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній о ходѣ работъ по сооруженію этого зданія, соединяющаго монументальное величіе съ изяществомъ, болѣе не существуетъ. Документы, заключавшіе ихъ, сгорѣли во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Достовѣрно, однако, что для постройки сенатскаго зданія были снесены многія строенія, хранившія на себѣ слѣды сѣдой старины. Еще въ началѣ XVIII вѣка, на мѣстѣ, надъ которымъ теперь гордо высится легкій и смѣлый куполъ знаменитой круглой залы или ротонды, находились: конюшенный дворъ Чудова монастыря, церковь Космы и Даміана, церковь св. Петра митрополита, сооруженная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, дома бояръ князей Трубецкихъ и Родіона Стрѣшнева и, наконецъ, подворье Симонова монастыря, на которомъ «ставили» пріѣзжихъ лицъ духовнаго званія, коимъ приходилось видѣться съ царемъ. На этомъ подворьѣ былъ въ теченіе нѣкотораго времени поставленъ и знаменитый протопопъ Аввакумъ, возвращенный изъ первой своей ссылки. Онъ самъ повѣствуетъ присущимъ ему яркимъ, своеобразнымъ языкомъ, въ своемъ «житіи» объ этомъ краткомъ періодѣ возвращенія къ нему милости «тишайшаго царя».—«Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово-ли де протопопъ живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ...» И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ-же миленькой вздохнулъ да и пошелъ куда ему надобѣ; и иное кое-что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ, и въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тогда и вси бояре послѣ него—челомъ да челомъ...»

Главнымъ украшеніемъ сенатскаго зданія служитъ, безъ сомнѣнія, круглая зала, съ двойнымъ кольцомъ оконъ и величественнымъ, гармонически сведеннымъ, смѣлымъ куполомъ. Преданіе говоритъ, что куполъ этотъ, при его окончаніи, возбуждалъ тревожныя

сомнѣнія въ помощникахъ Козакова. Но увѣренный въ себѣ, преданный дѣлу и знающій его, строитель приказалъ наложить на вершину купола (гдѣ затѣмъ была помѣщена бронзовая статуя Георгія Побѣдоносца, а нынѣ стоитъ традиціонное изображеніе закона) особую тяжесть и, ставъ на нее велѣлъ отнять лѣса, подпиравшіе сводъ... Внутренность залы, съ ея рядомъ изящныхъ колоннъ коринѳскаго ордена, съ горельефами, изображающими важнѣйшія событія изъ царствованія Екатерины II, съ бѣлыми лѣпными украшеніями на свѣтло-голубомъ фонѣ производятъ превосходное впечатлѣніе. Чѣмъ-то могучимъ и вмѣстѣ радостнымъ вѣетъ отъ этихъ строгихъ линій и тонкихъ закругленій, залитыхъ свѣтомъ...

Круглой залѣ пришлось, однако, испытать въ свое время тяжелую участь. И съ нею произошло то-же, что съ la Sainte Chapelle въ Парижѣ, только въ роли конвента и директоріи здѣсь выступилъ графъ Аракчеевъ. По его докладу, красивѣйшая зала Москвы была отдана подъ помѣщеніе архива инспекторскаго департамента военнаго министерства. Архивъ этотъ «въѣхалъ» въ залу въ 1819 г. и загромоздилъ ее шкапами и тюками старыхъ дѣлъ. Когда въ 1865 г. вспомнили о томъ, что большая зала могла-бы имѣть другое назначеніе, она оказалась въ самомъ печальномъ видѣ. Сырость пестрила стѣны, покрытыя пылью и плѣсенью, оконныя рамы разсохлись, многія лѣпныя украшенія были повреждены, во всѣхъ углахъ валялась затканная паутиною масса всякой дряни и рвани, веревокъ, поломанной мебели и т. п.—и однѣ лишь горы слежавшихся и затхлыхъ дѣлъ о прохожденіи безвѣстными дѣятелями ихъ безвѣстной службы гордо возвышались среди коринѳскихъ колоннъ, заслоняя собою скульптурныя изображенія, напоминавшія «Екатерининскую славу...»

Для приведенія залы въ порядокъ и для приданія ей соотвѣтствующаго ея назначенію вида, пришлось образовать особую комиссію. Когда было рѣшено приспособить сенатское зданіе для новыхъ судовъ, товарищъ министра юстиціи Н. И. Стояновскій выѣхалъ, 17-го февраля 1866 г., въ Москву, чтобы установить планъ работъ—и ко времени открытія новыхъ судовъ въ концѣ апрѣля сенатское зданіе уже представляло рядъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ помѣщеній, въ которыхъ удобно размѣстились Судебная Палата и Окружной Судъ съ принадлежащими къ нимъ учрежденіями. Реставрированная большая зала (или, какъ ее первое время называли,—ротонда) не получила особаго назначенія; она представляетъ нѣчто въ родѣ Парижской Salle des pas perdus, но въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ въ ней устраиваются приспособленія для открытія засѣданій съ присяжными по сложнымъ и многолюднымъ, въ смыслѣ свидѣтелей и подсудимыхъ, дѣламъ. Въ первый разъ она была обращена въ залу судебныхъ засѣданій въ 1868 году, когда въ ней разбиралось съ 17 по 28 марта обширное дѣло крестьянина Матова и 28 его сообщниковъ,

обвинявшихся въ устройствѣ, въ Гуслицахъ, фабрики для поддѣлки ассигнацій,—по которому было назначено 19 защитниковъ и вызвано очень много свидѣтелей.

Гораздо труднѣе было устроить помѣщеніе для судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ. Министръ юстиціи Замятнинъ, на долю котораго выпала завидная, но вмѣстѣ и чрезвычайно трудная задача введенія и открытія первыхъ судовъ по Уставамъ 20 ноября 1864 г., былъ въ большомъ затрудненіи въ этомъ отношеніи. Надо было нетолько найти подходящее по объему, мѣсту и расположенію зданіе,—но необходимо было преодолѣть различныя финансовыя затрудненія. Изъ всеподданнѣйшаго доклада его 7 апрѣля 1865 г., видно, что при поискахъ зданія для судебныхъ мѣстъ одно предположеніе смѣняло другое. Думали воспользоваться зданіемъ Святѣйшаго Синода, пріискавъ для него другое помѣщеніе и помѣстивъ новые суды въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Сенатомъ; предполагали занять часть адмиралтейства; было, наконецъ, предположеніе войти въ соглашеніе съ военнымъ вѣдомствомъ объ уступкѣ Михайловскаго инженернаго замка. Но всѣ эти планы оказывались неудобоисполнимыми по многимъ причинамъ. Наконецъ, министерство юстиціи остановилось на мысли устроить судебныя мѣста въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади. При ближайшемъ изученіи этого вопроса однако оказалось, что устройство — тѣсное и неудобное — въ этомъ зданіи Окружного Суда въ два (!?) отдѣленія и одного Департамента Судебной Палаты потребовало бы, при покупкѣ или долгосрочномъ наймѣ помѣщенія для прокуратуры, для старыхъ судовъ и нотаріата,— безвозвратнаго расхода не менѣе 291 тысячи руб. Это было бы убыточно, да и кромѣ того, повидимому, самая мысль водворить новый судъ въ зданіи, съ которымъ у населенія соединялось воспоминаніе и представленіе о Надворномъ судѣ и уголовной Палатѣ, — не особенно улыбалась Замятнину, который съ горячею настойчивостью стремился ввести новый *во всѣхъ отношеніяхъ* судъ. Не находя подходящихъ помѣщеній, онъ рѣшился на героическій, въ своемъ родѣ, шагъ. Онъ рѣшился пожертвовать зданіемъ министерства юстиціи и генералъ-прокурорскимъ домомъ, въ которомъ самъ жилъ. Примѣрная смѣта передѣлокъ, однако, вскорѣ убѣдила его, что для приспособленія этихъ зданій и на наемъ помѣщенія для министерства юстиціи потребуется громадный расходъ, на который, конечно, не согласится чуждый увлеченіямъ и крѣпко сидѣвшій на казенномъ сундукѣ М. X. Рейтернъ. Тогда явилась новая комбинація. Военное министерство уступало зданіе стараго арсенала со всѣми къ нему пристройками за 375 тысячъ, но соглашалось вмѣстѣ съ тѣмъ, оставить эти пристройки за собою въ суммѣ 160 тысячъ, если бы онѣ не понадобились судебному вѣдомству. По смѣтѣ архитектора Шмидта, перестройка арсенала подъ новые суды должна была обойтись въ 200 тысячъ р., да отъ про-

дажи дома присутственныхъ мѣстъ можно было выручить 300 тысячъ. Такимъ образомъ безвозвратный расходъ составлялъ всего 115 тысячъ р. с. Военный министръ Д. А. Милютинъ, относившійся съ большимъ сочувствіемъ къ реформѣ суда, согласился разсрочить платежъ этой суммы на десять лѣтъ — и со стороны Рейтерна возраженій не предвидѣлось. На этомъ Замятнинъ и остановился.

Старый арсеналъ,—довольно мрачное зданіе, съ толстыми стѣнами, глубокими амбразурами оконъ и обширными, непріютными, подъ сводами, комнатами и залами, отъ которыхъ немного вѣяло холодомъ,—выстроенъ на мѣстѣ, гдѣ при Петрѣ Великомъ стояли пороховыя мельницы, а затѣмъ былъ устроенъ пушечный дворъ. Постройки петровскаго времени къ царствованію Екатерины II пришли въ разрушеніе и были разобраны. Образовавшійся пустырь императрица подарила въ 1768 году Григорію Орлову, который выстроилъ въ 1775 году на этомъ мѣстѣ арсеналъ, пожертвованный имъ государству и получившій современемъ названіе Стараго. Зданіе было освящено въ 1776 году. Тогда же въ главной его залѣ поставлена изваянная въ Римѣ, по заказу князя Потемкина, мраморная статуя императрицы и вдѣлана въ стѣну на лѣстницѣ доска темнаго мрамора съ надписью: «Въ пользу артиллеріи арсеналъ сей соорудилъ собственнымъ иждевеніемъ генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Орловъ, лѣта 1776».

Старый арсеналъ былъ содержимъ въ образцовомъ порядкѣ, а военное вѣдомство очистило его очень быстро. Но все-таки перестройка потребовалась громадная и притомъ капитальная. Достаточно замѣтить, что арсеналъ не отапливался и не имѣлъ печей. Неустанная работа, однако, закипѣла, поощряемая министромъ и руководимая съ большою энергіею и любовью къ дѣлу архитекторомъ Шмидтомъ. Въ немъ судебная реформа нашла *своего* человѣка. Изучивъ устройство судебныхъ мѣстъ на западѣ, онъ умѣло и скоро преобразилъ все внутреннее расположеніе арсенала, пристроивъ двѣ залы для засѣданій, сдѣлавъ значительныя сбереженія противъ первоначальной смѣты и потребовавъ за планы и за труды скромное вознагражденіе въ 1,900 р. с.

Къ веснѣ 1866 года, въ концѣ Литейной улицы, среди группы зданій военнаго характера, съ грознымъ рядомъ старинныхъ пушекъ предъ однимъ изъ нихъ, оказалось зданіе мирнаго, гражданскаго назначенія, готовое принять въ свои нѣдра давно возвѣщенный и жданный новый судъ. Старинныя пушки грозно уставили на него, съ противоположной стороны улицы, свои жерла, но общій сочувственный интересъ виталъ надъ нимъ. Первое изъ вѣдомствъ, оффиціально признавшее новое назначеніе храмины, сооруженной «въ пользу артиллеріи», было министерство почтъ и телеграфовъ. Управляющій этимъ министерствомъ уже 16 іюля 1865 г. просилъ Замятнина объ уступкѣ въ зданіи будущихъ судебныхъ установленій по-

мѣщенія для устройства станціи городского (тогда только что вводимаго) телеграфа, что было бы «сообразно съ требованіями новой реформы гражданскаго суда» и за что телеграфное управленіе принимало на себя устройство, въ одномъ изъ оконъ, выходящихъ на Литейную, изохроническихъ часовъ съ пулковскимъ регуляторомъ, существующихъ и понынѣ. Заботясь объ украшеніи зданія, Замятнинъ просилъ Государя разрѣшить оставить во владѣніи новаго суда статую Екатерины, а 1 декабря 1865 года поднесъ на Высочайшее утвержденіе рисунокъ горельефа надъ воротами зданія судебныхъ установленій, изображающаго судъ Соломона, съ надписью: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Расширеніе дѣятельности суда и Палаты, увеличеніе округа послѣдней присоединеніемъ Витебской и Прибалтійскихъ губерній вызвали многія внутреннія передѣлки въ этомъ зданіи, но общее расположеніе помѣщеній осталось почти неизмѣннымъ; лишь возлѣ и въ непосредственномъ сообщеніи съ нимъ воздвиглось громадное зданіе дома предварительнаго заключенія, да на пустынномъ внутреннемъ дворѣ выросъ, насаженный по мысли прокурора Палаты Э. Я. Фукса, тѣнистый садъ...

Вообще, во внутреннемъ видѣ московскихъ и петербургскихъ судебныхъ установленій измѣнилось за послѣднія 25 лѣтъ немногое. Лишь въ московской круглой залѣ и въ петербургской залѣ для публики — изъ глубины полутемныхъ нишъ выдѣлился, въ своей величавой простотѣ, образъ Создателя новаго суда, изваянный изъ мрамора, на средства тѣхъ, кому Онъ указалъ новые пути для служенія правосудію. И когда утихаетъ трудовой и суетливый судебный день, зданіе суда пустѣетъ и замолкаетъ,—этотъ незабвенный образъ еще сильнѣе выдѣляется своею бѣлизною въ надвигающемся мракѣ, подобно молчаливому стражу учрежденій, созданныхъ по Его великодушному почину...

Таковы были, со своей внѣшней стороны, тѣ *новые мѣха*, въ которые должно было быть влито *вино новое*. Съ тѣхъ поръ, какъ оно влито, прошло четверть вѣка. Новое оказалось нынѣ испытаннымъ и приспособленнымъ къ условіямъ жизни; теоретическія положенія воплотились въ практическіе пріемы, невольныя ошибки и промахи—это броженіе молодого вина—подверглись строгой и безпощадной критикѣ. Для новыхъ поколѣній судъ пересталъ быть *новымъ*, и съ представленіемъ о немъ не соединяется живого, пережитаго воспоминанія о другихъ формахъ и способахъ отправленія правосудія. Настаетъ уже пора свести нѣкоторые итоги и вдуматься въ вопросы о томъ, какія части судебныхъ уставовъ оказались особенно жизнеспособными по прошествіи 25 лѣтъ, въ чемъ и какъ повліяли онѣ на общественный бытъ и, наконецъ,

какіе типы судебныхъ дѣятелей обрисовались и начали вырабатываться за это время?

Послѣдній вопросъ представляется особенно интереснымъ. Судебные уставы давали общія условія дѣятельности обвинителей, защитниковъ, судей и нотаріусовъ; въ статьяхъ уставовъ, какъ «сквозь магическій кристаллъ» взглядъ «еще неясно различалъ» будущіе живые образы этихъ дѣятелей. Теперь эти образы окрѣпли и пустили корни въ общемъ сознаніи. Что-же, соотвѣтствуютъ ли они тому, что отъ нихъ ожидалось составителями уставовъ, что требовалось задачами судебнаго дѣла? Или же развитіе этихъ образовъ, этихъ типовъ пошло по ложной линіи, отклоняемое отъ прямого гармоническаго развитія различными вліяніями подобно девіаціи стрѣлки компаса? Изслѣдованіе этого вопроса должно быть довольно поучительно и весьма не безполезно. Быть можетъ, я представлю попытку такого изслѣдованія въ недалекомъ будущемъ, но теперь позволяю себѣ обратиться къ первымъ днямъ осуществленія судебной реформы.

То были радостные, полные жизни дни! Но радость эта была куплена цѣною большого и тяжелаго труда. Съ обнародованіемъ, 20-го ноября 1864 г., судебныхъ уставовъ, замолкли на время возраженія противъ началъ, въ нихъ вложенныхъ, и всѣ стали ждать, что выйдетъ на практикѣ и какъ сумѣетъ справиться министерство юстиціи съ лежавшею на немъ задачею. А задача была огромная и самая многосторонняя. Она требовала неустанной энергіи и теплой, твердой вѣры въ необходимость скорѣйшаго и коренного обновленія нашего судебнаго строя. Предстояло принять самыя разнообразныя мѣры, разрѣшить массу недоумѣній, согласить противорѣчія и практически осуществить реформу въ великомъ и въ маломъ. Приходилось одновременно заботиться о стульяхъ и столахъ для новыхъ судовъ—и о выборѣ тѣхъ, кто на нихъ и за ними будетъ засѣдать; нужно было обратить вниманіе на отопленіе и вентиляцію—и въ то же время выработать правила внутренняго дѣлопроизводства. Все это было сопряжено притомъ съ потерею времени и труда на «безполезное треніе», отъ котораго не свободна ни одна машина, а бюрократическая и тѣмъ болѣе. Судебная реформа рождалась на свѣтъ не сразу, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а съ болью и потугами. Она являлась какъ «insula in flumine nata» римскаго права, и быстротекущая рѣка общественной жизни, съ ея разнообразными и противорѣчивыми интересами, подчасъ грозила размыть еще слабые берега этого островка, такъ что надо было торопиться ихъ укрѣпить и засадить растительностью. Рядомъ съ этимъ умиралъ старый судебный строй: закрывались управы благочинія, уѣздные, надворные и совѣстные суды, а также комиссіи разныхъ наименованій, имѣвшія судебные атрибуты. Умиравшій не оставлялъ по себѣ доброй памяти, но надо было однако соблюсти порядокъ и приличіе—и по-

хоронить его съ честью, безъ непристойной суеты, но и безъ остатка...

Но особенно важною и трудною заботою министерства юстиціи было избраніе должностныхъ лицъ вновь открываемыхъ судовъ. Нечего и говорить, въ какой степени зависѣлъ успѣхъ новаго дѣла отъ обдуманнаго выбора предсѣдателей, прокуроровъ и судей. «Судебные уставы изданы, — говорили искренніе и притворные пессимисты, — все выходитъ очень хорошо и интересно на бумагѣ,—но вѣдь людей нѣтъ и не откуда ихъ взять, не было для нихъ ни школы, ни подготовки. О какихъ судебныхъ *преніяхъ* можно говорить, когда мы, сугубо промолчавъ многіе годы, едва умѣемъ лепетать? Это вѣдь не застольныя рѣчи, да и тѣ у насъ, по большей части, представляютъ несвязное и чувствительное, подъ вліяніемъ вина, бормотаніе... А веденіе дѣла со всѣми сложными формами и обрядами, подъ угрозою какой-то загадочной кассаціи приговора? Гдѣ взять для него умѣлыхъ, находчивыхъ людей?» и т. д. и т. д. Зловѣщія предсказанія Кассандры особенно усилились въ послѣдній годъ предъ открытіемъ судовъ. Наше излюбленное выраженіе, которымъ мы имѣемъ привычку оправдывать всякія неудачи и подрывать всякія начинанія: *«людей нѣтъ»*— было въ особомъ ходу и относительно судебной реформы. Оно не могло не заставить призадуматься тѣхъ, на комъ лежала обязанность позаботиться о «людяхъ». Нужно было, въ первые же мѣсяцы открытія московскаго и петербургскаго судебныхъ округовъ, назначить 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей и ихъ товарищей, 144 члена Судебныхъ Палатъ и Окружныхъ Судовъ, 190 слѣдователей и 120 чиновъ прокурорскаго надзора.

Со времени изданія судебныхъ уставовъ было сдѣлано возможное, чтобы создать контингентъ этихъ лицъ. Законодательство, кружки юристовъ и литература дѣйствовали въ этомъ отношеніи дружно и въ одномъ направленіи. Усиленіе окладовъ и штатовъ, а также измѣненіе условій судебной службы должны были привлечь въ судебное вѣдомство новыя силы и вернуть въ него ушедшія. Богатое анекдотическими воспоминаніями управленіе министерствомъ юстиціи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ мало-по-малу заставило покинуть это министерство многихъ полезныхъ дѣятелей. Значительная часть ихъ перешла въ вѣдомство, въ которомъ, несмотря на его спеціальный характеръ, раньше всѣхъ пробудилась жизнь, вызванная разгромомъ въ крымскую войну. Они пріютились подъ крыломъ недавно усопшаго Великаго Князя, въ морскомъ министерствѣ. Учрежденіе Судебныхъ Установленій гарантировало этихъ отщепенцевъ отъ случайныхъ настроеній начальства и отъ внезапныхъ служебныхъ перемѣщеній «отъ финскихъ хладныхъ скалъ» въ «пламенную Колхиду» и наоборотъ, а новые штаты давали возможность жить въ скромномъ довольствѣ. Потому-то министръ юстиціи такъ и настаивалъ на удержа-

нiи проектированныхъ комиссiею окладовъ. Онъ не безъ основанiя боялся, что лучшiе изъ тѣхъ, кого застанетъ въ судебномъ вѣдомствѣ реформа, при условiи сохраненiя старыхъ, скудныхъ окладовъ, уйдутъ въ присяжные повѣренные.

Необходимость увеличить содержанiе была, по мнѣнiю Д. Н. Замятнина и его совѣтниковъ, такъ настоятельна, что если, какъ писалъ онъ, по какимъ-либо соображенiямъ, признано будетъ необходимымъ, уменьшить оклады и отмѣнить прибавки, *то лучше отказаться отъ судебной реформы*, лучше остановиться приведенiемъ ея въ исполненiе, чѣмъ съ самаго начала дать ей ложное направленiе, поставить ее въ невыгодныя условiя и отказаться отъ тѣхъ благихъ послѣдствiй, которыхъ по справедливости можно ожидать отъ предначертанныхъ уставовъ. Его крайне озабочивала необходимость поддержанiя и соблюденiя равновѣсiя между судебнымъ сословiемъ и нарождавшеюся адвокатурою. «Если оклады содержанiя будутъ уменьшены, заявлялъ онъ, то равновѣсiе это нарушится; большая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ, у насъ весьма скоро образуется обширное сословiе присяжныхъ повѣренныхъ и станетъ сильнымъ, *но сильнымъ насчетъ судебнаго сословiя и въ ущербъ ему*. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другiя вѣдомства и въ присяжные повѣренные. При ежедневныхъ столкновенiяхъ въ судебныхъ пренiяхъ по дѣламъ, часто сопряженнымъ съ весьма важными государственными интересами, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не только не вполнѣ опытныхъ, но иногда и бездарныхъ представителей».

Даже и въ самой несмѣняемости судей видѣлъ онъ опасность, если съ нею не будетъ соединено нѣкоторое обезпеченiе матерiальнаго положенiя судьи. «Если судебное вѣдомство—заключаетъ онъ свои соображенiя, представленныя государственному совѣту,—не будетъ въ состоянiи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненiе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ лучшихъ мѣстъ».

Но мало было привлечь способныхъ людей. Однѣ способности—безъ знанiя, безъ пониманiя существа новой дѣятельности—были недостаточны. Нужна была усиленная подготовка. И она явилась въ дѣятельности юридическихъ обществъ и юридической литературы. Еще въ 1863 году учреждено было въ Москвѣ, при университетѣ, по мысли профессоровъ Лешкова и Баршева, юридическое общество, раздѣленное на два отдѣленiя—уголовное и гражданское. Оно горячо и дѣятельно принялось учиться и учить въ

смыслѣ практической подготовки своихъ членовъ въ будущей судебной дѣятельности. Съ 1864 г. въ большой залѣ университета стали происходить примѣрныя засѣданія по правиламъ Устава Уголовнаго Судопроизводства. Матеріаломъ служили сенатскія дѣла; роли обвинителей, судей, защитниковъ распредѣлялись между членами общества; присяжными, свидѣтелями и подсудимыми были студенты старшихъ курсовъ юридическаго факультета, относившіеся къ своей задачѣ очень добросовѣстно и вполнѣ серьезно. Публика, посѣщавшая эти примѣрныя засѣданія, вела себя очень сдержанно, и характеръ «представленія», который онѣ легко могли принять, совершенно отсутствовалъ. Съ молчаливымъ и серьезнымъ вниманіемъ, безъ всякой улыбки, выслушивалось какъ какой-нибудь бородатый студентъ, на долю котораго выпала роль подсудимой или свидѣтельницы, говорилъ на перекрестномъ допросѣ легкимъ басомъ: «я пришла», «я увидѣла», «я въ это время стирала бѣлье» и т. д. Приговоръ импровизированныхъ присяжныхъ ожидался не безъ волненія... Эти засѣданія, впрочемъ, продолжались не очень долго. Матеріалъ для нихъ перестали доставлять послѣ того, какъ «присяжные юридическаго общества» рѣшили, выслушавъ горячія пренія сторонъ, дѣло подлежавшее пересмотру въ общемъ собраніи Сената, совсѣмъ иначе, чѣмъ оно было рѣшено въ Департаментѣ...

Петербургское Юридическое Общество образовалось гораздо позже, въ концѣ семидесятыхъ годовъ,—но ему предшествовали частные кружки, особенно много работавшіе въ ближайшее ко введенію судебной реформы время. Одинъ собирался въ управленіи петербургскаго генералъ-губернатора, при дѣятельномъ участіи покойнаго С. Ф. Христіановича, другой группировался около В. Д. Спасовича. Этотъ послѣдній послужилъ ядромъ и непосредственнымъ предшественникомъ настоящаго юридическаго общества. И тутъ, въ этихъ кружкахъ, шла живая подготовка къ практической дѣятельности, разбирались процессы, дѣлались «пробы пера» будущихъ судебныхъ ораторовъ.

Юридическая литература тоже много поработала по подготовкѣ будущихъ судебныхъ дѣятелей. Съ 1865 года «Журналъ Министерства Юстиціи», талантливо и съ любовью редактируемый покойнымъ профессоромъ А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ и П. А. Марковымъ, сталъ наполняться статьями и изслѣдованіями по живымъ вопросамъ будущей судебной практики. Можно сказать безъ преувеличенія, что за 1865 и 1866 годы журналъ этотъ далъ по части судопроизводства и судоустройства такую массу полезнаго научнаго матеріала и серьезныхъ изслѣдованій, что эти два года, по цѣнности своего литературно-юридическаго вклада, превосходятъ всѣ предшествовавшіе годы существованія журнала, взятые вмѣстѣ. Это было время необычнаго оживленія юридической литературы. Она перестала довольствоваться безплодными и безцѣльными для правосудія экскурсіями въ безобидную историко-право-

вую старину—и мѣсто изслѣдованій «о Ярославлѣ сребрѣ», «о кунахъ по древнѣйшему списку русской правды» и т. п. заняли работы Таганцева—о повтореніи преступленій и о гражданскомъ искѣ въ уголовномъ процессѣ, Андреевскаго и Градовскаго—по русскому государственному праву, Маркова—по гражданскому судопроизводству Англіи. Въ это же время появился замѣчательный трудъ Буцковскаго о кассаціонномъ производствѣ и чрезвычайно интересныя «юридическія замѣтки и вопросы» Побѣдоносцева (въ «Журналѣ Министерства Юстиціи»), вышло первое изданіе книги Квачевскаго о дознаніи и слѣдствіи и двѣ «Настольныя книги для мировыхъ судей»—Л. И. Ланге и Желѣзникова.

Это же время богато и переводами. Спасовичъ перевелъ «Уголовное право Англіи» Стифена, книгу глубокаго содержанія; Таганцевъ напечаталъ «Вопросы факта и права на судѣ присяжныхъ» Гуго-Майера; Неклюдовъ издалъ «Учебникъ уголовнаго права» Бернера, со своими замѣчаніями и дополненіями; Ламанскій перевелъ сочиненіе Митермайера о судѣ присяжныхъ. Все это, вмѣстѣ съ недавними переводами, подъ редакціею Унковскаго, сочиненій того же Митермайера (о судебной защитѣ и объ англійскомъ судопроизводствѣ) и Уильса (о косвенныхъ уликахъ), составляло цѣнный и необходимый багажъ для всякаго юриста-практика. Нельзя не упомянуть, наконецъ, и о сборникахъ процессовъ Любавскаго, въ которыхъ цѣлою вереницею тянулись, какъ предметы изученія — лучшіе иностранные процессы, и какъ предметы полезнаго раздумья—процессы, веденные при условіяхъ стараго, дореформенаго суда...

Все это давало возможность надѣяться, что подходящіе «люди» найдутся и что ихъ первые шаги на новомъ поприщѣ не будутъ сопряжены съ особыми ошибками. Нашлись же мировые посредники перваго призыва, съ честью выполнившіе свою новую миссію,—должны были найтись и люди для суда, тѣмъ болѣе, что у насъ часто жалуются, что «нѣтъ людей», когда въ сущности нѣтъ не людей, а *условій* для ихъ дѣятельности. Являются условія—появляются невѣдомо откуда, изъ безвѣстной тьмы предполагаемаго безличья, и дѣятели бодрые и добрые... Въ области нравственныхъ требованій есть тоже свой законъ спроса и предложенія. Исторія нашей общественной жизни не разъ доказывала его существованіе.

Но каковы бы ни были основанія для *надежды* на успѣхъ реформы, одной ея было мало для осуществителей великаго государственнаго дѣла. Нужна была *вѣра* въ этотъ успѣхъ. Только она могла придать настоящую и прочную энергію и помочь довести дѣло до конца. Составители судебныхъ уставовъ были проникнуты вѣрою въ способность русскаго народа принять судебную реформу и разумно ею пользоваться. Представители министерства юстиціи были полны тою же вѣрою. Ее укрѣпляла и поддерживала верховная воля, твердая и проникнутая теплымъ

участіемъ къ осуществленію великаго дѣла, возвѣщеннаго съ высоты престола въ самомъ началѣ новаго царствованія. Еще въ концѣ 1865 года, на отчетѣ министра юстиціи о подготовительныхъ распоряженіяхъ къ осуществленію судебной реформы въ 1866 году, рукою незабвеннаго Государя было начертано: «*Искренно благодарю за все, что уже исполнено. Да будетъ благословеніе Божіе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинаніяхъ для благоденствія и славы Россіи*». Слова эти окрыляли работу, лежавшую на министерствѣ. Центромъ и душою ея былъ человѣкъ, котораго Петербургское Юридическое Общество съ гордостью считаетъ своимъ предсѣдателемъ. Нисколько не умаляя заслуги Замятнина, состоявшей, главнымъ образомъ, въ вѣрности, доходившей подчасъ до упорства, разъ принятому направленію, будущій историкъ судебной реформы отведетъ равно почетное мѣсто въ дѣлѣ ея организаціи неутомимому и благородному товарищу Замятнина—Николаю Ивановичу Стояновскому.

Время, назначенное для открытія судовъ, приближалось. 14-го апрѣля 1866 года Императоръ Александръ II посѣтилъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ зданіи стараго арсенала. Послѣ подробнаго осмотра, Государь, обращаясь къ провожавшимъ его вновь назначеннымъ чинамъ судебнаго вѣдомства, выразилъ надежду, что они оправдаютъ оказанное имъ довѣріе,—и на горячія и разстроганныя увѣренія ихъ, что всѣ силы ихъ будутъ къ этому направлены, сказалъ: «*И такъ въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!*»

Дѣло, которое самъ верховный устроитель его называлъ благимъ, было начато 16-го апрѣля. Въ этотъ день помѣщеніе Суда и Судебной Палаты было освящено и тогда же въ большой залѣ для засѣданій съ присяжными былъ установленъ образъ съ лампадою, пожертвованный воспитанниками училища Правовѣдѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ въ зданіи Сената было открыто первое общее собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ. Но настоящее торжество происходило на другой день, 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя. Около часу дня съ горельефа надъ воротами стараго арсенала была снята завѣса, и слова «правда и милость да царствуютъ въ судахъ» впервые заблистали своими золотыми буквами надъ входомъ въ новый судъ. Въ ворота съ этой надписью проѣхали и прошли—покойный принцъ Ольденбургскій-этотъ просвѣщенный дѣятель на подкладкѣ неисчерпаемой доброты, —митрополитъ, всевозможные сановники, послы англійскій и французскій и всѣ тѣ, кому служебное положеніе или принадлежность къ составу новыхъ судовъ давали возможность попасть на открытіе. Всѣ были оживлены,—все блистало новизною. Новизна слышалась и въ рѣчи Замятнина, обращенной къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ. Это не была обыкновенная, казенная рѣчь, реторическія фигуры которой, звучно разсѣкая воздухъ, не тро-

гаютъ сердца, не шевелятъ мысли. Въ ней чувствовалось сознаніе значенія переживаемой минуты и слышалось ясное опредѣленіе обязанностей, создаваемыхъ новымъ положеніемъ. Упомянувъ, что Царь-Освободитель, даровавшій крестьянамъ свободу отъ крепостной зависимости и сливній затѣмъ отдѣльныя сословія въ одну общую земскую семью, совершаетъ новый подвигъ своей благотворной дѣятельности, даруя судебнымъ установленіямъ полную самостоятельность, министръ указывалъ на великія обязанности и отвѣтственность, возлагаемыя этимъ на судебное вѣдомство. «Никому уже,—говорилъ онъ,—не будетъ права ссылаться, въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній, ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство новые уставы, составляющіе послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставляется голосу совѣсти». Рѣчь кончалась мольбою—да даруетъ Господь каждому, въ предѣлахъ возлагаемыхъ на него обязанностей, силу неуклонно, въ чистотѣ помысловъ и дѣйствій, съ пользою для отечества стремиться къ выполненію великихъ предначертаній Монарха и ожиданій Россіи. Въ ней были не только прочувствованныя, но и красивыя мѣста. «*Завязывая свои глаза*, сказалъ Замятнинъ судьямъ, предъ всякими посторонними и внѣшними вліяніями, вы тѣмъ полнѣе *раскроете внутреннія очи совѣсти* и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній».

Былъ прохладный, но свѣтлый весенній день. Вечеромъ въ Петербургѣ зажглась необычайная по своей роскоши иллюминація—и современники, конечно, не забудутъ умиленнаго восторга публики, привѣтствовавшей Государя на пути въ театръ. Всѣ находились еще подъ свѣжимъ, недавно испытаннымъ чувствомъ, которое было вызвано спасеніемъ Царя, 4-го апрѣля, при выходѣ изъ Лѣтняго сада. Тихая, душевная радость тѣхъ, кто сознавалъ, что въ этотъ день, благодаря Ему, старый судъ отошелъ въ область невозвратнаго прошлаго, что стихъ Хомякова о Руси, полный въ судахъ «неправды черной», сталъ лишь историческою справкою, а ни горькою дѣйствительностью, — сливалась съ всенароднымъ торжествомъ въ одномъ благодарномъ сердечномъ порывѣ...

Въ Москвѣ открытіе новыхъ судебныхъ установленій произошло 23-го апрѣля. Рѣчь Замятнина была на этотъ разъ преимущественно обращена къ впервые избраннымъ мировымъ судьямъ.

Вотъ какъ и при какой обстановкѣ было влито въ новые судебные мѣха новое судебное вино. Тѣ, кто пережилъ это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ представляется образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ,—одушевляло всѣхъ

первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе лучшія и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены Палаты, губернаторы — въ предсѣдатели Окружного Суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей какъ на обычную, рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была *первая любовь*. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ, и тамъ она, войдя *первою* въ сердце, *послѣднею* выходитъ изъ памяти... Это была первая общественная любовь для многихъ... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впослѣдствіи жизнь — чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, невѣданной и отвѣтственной судебной службѣ, — навѣрное не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее...

Современное молодое поколѣніе не извѣдало этого чувства; для него «судебное вѣдомство» есть одно изъ ряда вѣдомствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь, — и только. То горделивое увлеченіе, съ которымъ относились тогда новые судебные дѣятели къ своему дѣлу, то иногда преувеличенное мнѣніе, которое они имѣли о значеніи своего служебнаго положенія, вызываютъ теперь, когда яркая пестрота первоначальныхъ красокъ смѣнилась сѣрымъ колоритомъ будничной жизни, невольную улыбку. Но не иронія видится въ ней, а грустное сожалѣніе о томъ, что «тьмы низкихъ истинъ» такъ скоро и прочно смѣнили «насъ возвышающій обманъ»...

Нечего и говорить, какъ интересовали всѣхъ первые шаги новыхъ судовъ. Ихъ ждали съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Первый уголовный процессъ въ Петербургѣ, разбиравшійся 14 іюня, безъ присяжныхъ, привлекъ массу публики. Дѣло было не сложное. Молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, недовольный рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ одного изъ судебныхъ слѣдователей города Петербурга въ предъявленіи ему слѣдственнаго производства, — написалъ ему письмо, въ которомъ, совѣтуя быть болѣе вѣжливымъ съ приходящими, прибавлялъ: «времена чиновниковъ-громовержцевъ прошли». Обвинителемъ по дѣлу выступилъ прокуроръ Окружного Суда Шрейберъ, одинъ изъ ревностныхъ молодыхъ сотрудниковъ Замятнина, заявившихъ себя изученіемъ практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ открытіемъ новаго суда. *Первая* обвинительная рѣчь, сказанная на Руси, отличалась большою сдержанностью и дѣловитостью. Въ ней не было напускного пафоса французскихъ обвиненій — и это было хорошимъ признакомъ, такъ какъ съ этой стороны нашему зарождающемуся судебному краснорѣчію

могла грозить серьезная опасность. Взятая въ самомъ началѣ невѣрная нота могла затѣмъ вызвать цѣлый рядъ фальшивыхъ созвучій. Дѣло прошло очень гладко и стройно. Были, конечно, нѣкоторыя, на теперешній, умудренный опытомъ и изученіемъ, взглядъ, странности. Судъ поставилъ на свое разрѣшеніе между прочимъ отдѣльный вопросъ (!) о томъ, есть ли въ дѣлѣ увеличивающія или уменьшающія вину подсудимаго обстоятельства. Горячій судебный слѣдователь, много и усердно послуживъ на разныхъ должностяхъ судебному дѣлу, скончался въ прошломъ году внезапно, въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности, у гроба безвременно угасшаго товарища министра; а почтенный предсѣдатель совѣта Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, на головѣ котораго уже обильно бѣлѣютъ серебряныя нити, вѣроятно съ незлобивою улыбкою вспоминаетъ то время, когда явившись *первымъ подсудимымъ* по судебнымъ уставамъ, онъ такъ волновался, что просилъ разрѣшенія *читать* свою защитительную рѣчь...

Засѣданія съ присяжными открылись 27 и 28 іюля, дѣломъ Родіонова, обвинявшагося въ кражѣ со взломомъ,—и дѣломъ Маркова, обвинявшагося, какъ значилось въ объявленіи о дѣлѣ,—«въ способствованіи неизвѣстному человѣку въ снятіи полости съ саней». Защитникомъ по второму выступилъ В. Д. Спасовичъ. Предсѣдательствующій товарищъ предсѣдателя не совладѣлъ, однако, со своей задачею. Засѣданіе тянулось долго, съ томительными перерывами и остановками, носившими характеръ нѣкоторой суетливой безпомощности и растерянности. Общее впечатлѣніе получалось неудовлетворительное и грозило повториться въ рядѣ дѣлъ, такъ какъ, въ виду вакантнаго времени, предсѣдательство по дѣламъ съ присяжными должно было оставаться въ однѣхъ и тѣхъ же неумѣлыхъ рукахъ. По закону, одинъ предсѣдатель могъ замѣстить своего товарища, но предсѣдатель этотъ былъ въ отпуску, больной, внѣ Петербурга. Едва, однако, разнеслась вѣсть, что дѣла съ присяжными ведутся безъ надлежащаго склада и лада, Мотовиловъ бросилъ все и появился въ судѣ. Занимавшись прежде постоянно гражданскою частью (онъ былъ до своего новаго назначенія предсѣдателемъ Петербургской Гражданской Палаты), онъ сѣлъ въ уголовное отдѣленіе и взялъ колеблющееся дѣло въ свои энергичныя руки. Природный ясный умъ, упорный трудъ и — главное—горячая любовь къ дѣлу помогли ему. Засѣданія съ присяжными пошли правильно, съ необходимою для судебнаго механизма точностью.

Имя Георгія Николаевича Мотовилова не должно быть забыто историкомъ судебной реформы. Послѣдній можетъ съ глубокимъ уваженіемъ остановиться предъ его портретомъ, повѣшеннымъ послѣ его ранней смерти въ залѣ общихъ собраній Окружного Суда. Человѣкъ еще молодой, съ энергичнымъ и красивымъ лицомъ, холерикъ по темпераменту, онъ всецѣло отдался новой своей дѣя-

тельности. Задача на первомъ предсѣдателѣ перваго по мѣсту и по времени Окружного Суда въ Россіи—лежала громадная. Она была трудна не только по своей сложности, но и по своей новизнѣ. Надо было установить правильныя личныя отношенія въ судѣ и внѣ суда, надо было внести уваженіе къ авторитету судебной власти въ чуждыя суду сферы, надо было неустанно работать. Установленіе главныхъ началъ внутренней администраціи суда, устройство и регламентація обширной и чрезвычайно отвѣтственной кассовой части, составленіе знающаго и способнаго персонала канцеляріи и судебныхъ приставовъ — все это лежало на предсѣдателѣ. А рядомъ съ этимъ—въ дѣлахъ приходилось примѣнять рядъ новыхъ пріемовъ. Однимъ словомъ, надо было нетолько созидать новое, но и вырабатывать и отыскивать для него матеріалъ,—быть одновременно и строителемъ, и чернорабочимъ. Необходимы были большой тактъ, самообладаніе и вѣра въ свое дѣло, чтобы не устрашиться осложненій, не поколебаться духомъ и не поступиться чѣмъ нибудь существеннымъ при первомъ приложеніи къ жизни основъ новой судебной дѣятельности. Эту задачу Мотовиловъ выполнилъ вполнѣ.

Въ Москвѣ первое засѣданіе суда открылось 21-го іюня, по дѣламъ о бродягахъ. Наплывъ публики былъ такъ силенъ, что пришлось установить билеты для посѣщенія залы судебныхъ засѣданій. Засѣданіе прошло хорошо, хотя не безъ нѣкоторыхъ странныхъ для современнаго юриста-практика особенностей. Предсѣдательствующій требовалъ отъ «непомнящихъ родства» объясненій, были ли онѣ и гдѣ у исповѣди, и вступалъ въ длинныя и неоднократныя пренія съ защитникомъ одного изъ бродягъ по вопросу о томъ, что такое бродяжничество и въ чемъ именно заключается составъ этого преступленія. Первое засѣданіе съ присяжными, 24-го августа, по дѣлу Тимофѣева, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ, прошло гораздо лучше петербургскаго. Судебныя пренія, и здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, были свободны отъ громкихъ фразъ и стремленія разжалобить или ожесточить присяжныхъ, онѣ отличались простотою и дѣловитостью, но страдали чрезмѣрными отступленіями въ область судопроизводства и различныхъ теоретическихъ соображеній. Это придавало имъ нѣкоторый педагогическій характеръ. Такъ, присяжнымъ объясняли ходъ и значеніе разныхъ слѣдственныхъ дѣйствій или пространно говорили имъ о значеніи права собственности и необходимости его огражденія, а также о «величайшемъ на свѣтѣ благѣ»—жизни, которую никто не имѣетъ права отнимать, и т. п.

Но если засѣданія съ присяжными начались въ московскомъ судѣ успѣшнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, зато вскорѣ въ одномъ изъ такихъ засѣданій произошла ошибка, которая долго потомъ приводила въ смущеніе участвовавшихъ въ ней и многочисленныхъ присутствовавшихъ, которые сначала находили, что все произошло

именно такъ, какъ надлежитъ. По дѣлу о предумышленномъ убійствѣ, товарищъ прокурора впервые въ новой судебной практикѣ воспользовался своимъ правомъ отказаться отъ обвиненія, заявивъ о томъ, на основаніи 740 ст. Уст. угол. суд., суду «по совѣсти». Судъ выслушалъ этотъ отказъ и—объявилъ, безъ дальнихъ околичностей, подсудимыхъ отъ суда свободными!

Говоря о московскихъ судебныхъ установленіяхъ перваго времени реформы, нельзя не вспомнить и о типической личности перваго предсѣдателя Московскаго Окружного Суда. Высокій, плотный, съ массивными чертами лица и насупленными бровями, говорившій громкимъ голосомъ, покойный Елисѣй Елисѣевичъ Люминарскій былъ настоящій судья, «судья отъ головы до ногъ», всецѣло преданный дѣлу (и какъ истый москвичъ—своей Москвѣ), безпристрастный, независимый, недоступный ни ласкѣ, ни давленію, и несмотря на свою суровую наружность—добрый и сострадательный. Общее уваженіе и довѣріе окружали его при жизни, облегчая ему его трудную задачу устроителя новаго суда, — общее сожалѣніе проводило его въ могилу.

Въ наибо́льшее, въ непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ приходилъ мировой судъ. Онъ сталъ сразу популяренъ, и черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы, сокращенное названіе «мировой» стало звучать въ народѣ какъ нѣчто давно знакомое. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителей. Сюда приходили знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцеляріи квартала и отъ управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію мирового судьи—былъ слишкомъ осязателенъ. Здѣсь въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личности первыхъ мировыхъ судей, среди которыхъ встрѣчаются носители именъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи почетъ на болѣе широкомъ поприщѣ, служили ручательствомъ, что это судъ не только скорый, но и правый, и милостивый.

Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи и увлеченія. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ; смущали преюдиціальные вопросы; наконецъ, вино новой власти бросалось нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, въ голову. Случаи послѣдняго рода имѣли свою комическую сторону, и во всякомъ случаѣ, не обнаруживали дурного намѣренія. Es war nicht bös' gemeint! Такъ, въ Петербургѣ, одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у мировыхъ судей строгой простотѣ обстановки, въ своей камерѣ, для судейскаго мѣста, драпированное краснымъ сукномъ возвышеніе, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ пожарнымъ тактикомъ и стратегомъ — и явился, въ цѣпи, распоряжаться на пожарѣ, вспыхнувшемъ въ его участкѣ; а другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь съ острововъ и найдя мостъ разведеннымъ, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія. Судебная

Палата, однако, тотчасъ-же охладила этихъ пылкихъ надѣвателей мировой цѣпи не кстати. Но на-ряду съ этими единичными явленіями—общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Веденіе дѣла у нѣкоторыхъ судей достигло виртуозности. Особенно выдѣлялся въ Петербургѣ покойный Оскаръ Ильичъ Квистъ. Его камера была мѣстомъ, куда ходили учиться и смотрѣть—*какъ* надо разбирать дѣла. Этотъ маленькій, живой, глубоко-просвѣщенный человѣкъ, съ умнымъ и проницательнымъ взглядомъ и лукавою усмѣшкою, заложилъ, въ качествѣ предсѣдателя, подобно Мотовилову и Люминарскому,—нравственный и дѣловой фундаментъ Мирового Съѣзда, устройство котораго не разъ потомъ признавалось образцовымъ. Многіе изъ первыхъ дѣятелей мирового суда въ Петербургѣ достигли впослѣдствіи высокихъ степеней въ судебной іерархіи, но нѣтъ сомнѣнія, что время ихъ службы въ 1866 году въ скромной должности «мирового» должно представляться имъ по полнотѣ сопряженной съ нею дѣятельности и по сознанію приносимой наглядно и ежедневно пользы — счастливымъ временемъ. Между ними находился и мировой судья труднѣйшаго участка, на Сѣнной, отдавшійся новому дѣлу со свойственнымъ ему страстнымъ трудовымъ увлеченіемъ и почерпнувшій въ немъ интереснѣйшій практическій и бытовой матеріалъ для живыхъ примѣровъ въ своемъ превосходномъ «Руководствѣ для мировыхъ судей».

На вершинѣ новой судебной пирамиды былъ учрежденъ кассаціонный судъ. Далекая отъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью дѣятельность его интересовала исключительно юристовъ, изъ которыхъ многимъ было однако трудно, въ представленіяхъ своихъ объ ней, «совлечь съ себя ветхаго Адама», т. е. устранить мысль о существѣ дѣла, совершенно чуждую идеѣ кассаціоннаго производства. Поэтому юристами первыя рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Нужно-ли говорить, какъ успѣшна, назидательна и содержательна была именно первоначальная дѣятельность нашего кассаціоннаго суда? Для этого стоитъ лишь просмотрѣть рѣшенія за 1866 годъ. Особенно богаты были различными важными разъясненіями новаго судопроизводственнаго порядка рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Пройдя чрезъ коллегію, гдѣ засѣдалъ Н. А. Буцковскій, такъ много поработавшій надъ судебными уставами, и гдѣ предсѣдательствовалъ В. А. Арцимовичъ, почтеннымъ сѣдинамъ котораго еще недавно была отдана дань уваженія всѣми, кому дороги представители широкаго и стойкаго правосудія,—рѣшенія эти устанавливали и закрѣпляли начало новаго процесса. Тогда, въ первое время своего существованія, кассаціонный судъ нашъ уподоблялся римскому претору: онъ не только jus dixit, но и jus fecit. Осо-

бенно трудная роль выпала на долю первыхъ оберъ-прокуроровъ. Имъ приходилось, учась самимъ въ совершенно новомъ дѣлѣ, учить другихъ, и учить притомъ авторитетно. Одного изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ.

Смерть застигла Михаила Евграфовича Ковалевскаго среди широкой и разносторонней государственной дѣятельности, и быть можетъ, на порогѣ къ дальнѣйшему расширенію сферы его дѣйствій и вліянія; но несомнѣнно, что наиболѣе блестящею, плодотворною и отрадною для него самого была его работа въ качествѣ оберъ-прокурора. Онъ внесъ въ нее весь свой систематическій умъ и способность ясно, просто и доступно распутывать самые сложные юридическіе вопросы. Его первыя заключенія глубоки по содержанію, богаты настоящимъ знаніемъ и превосходны по изложенію. Почти всѣ главнѣйшіе вопросы новаго судебнаго производства, всѣ недоразумѣнія по разграниченію областей уголовнаго и гражданскаго права разработаны и разрѣшены въ нихъ. Не надо забывать, что у насъ создали совсѣмъ новое судебное учрежденіе, не имѣвшее никакихъ корней въ старомъ порядкѣ, и дали этому учрежденію задачу, требующую и громаднаго отвлеченія мысли въ область коренныхъ юридическихъ понятій, и большой вдумчивости. Но нашлись, однако, дѣятели, оказавшіеся «настоящими людьми на настоящемъ мѣстѣ», какъ говоритъ англійская поговорка.

Лучшимъ примѣромъ этого послужилъ и первый первоприсутствующій Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента—сенаторъ Михаилъ Матвѣевичъ Карніолинъ-Пинскій. Суровый и прямолинейный юристъ, родившійся въ 1794 году, онъ недовѣрчиво относился ко многимъ сторонамъ судебной реформы, когда она еще была «im werden». Особенно не нравились ему присяжные засѣдатели. «Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ!» вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще больше подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣть другому?! Разсудительные люди не кричатъ,—они увѣрены, что все доброе и полезное насъ не минуетъ; а блестящаго, но сомнительнаго—хотя-бы и не бывало. Наконецъ и мы будемъ имѣть присяжныхъ...» и т. д. Такъ писалъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ на Уставъ уголовнаго судопроизводства. Назначеніе на самый высшій постъ судебной іерархіи (онъ былъ и первоприсутствующимъ общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ) застало Карніолинъ-Пинскаго на краю могилы. Трудовая и исполненная тревогъ личнаго характера жизнь его догорала. Красивая, несмотря на годы, фигура его согнулась, прекрасное, точно изваянное, хотя и немного жесткое лицо, обрамленное сѣдыми кудрями, осунулось и поблѣднѣло—и онъ уже не въ силахъ былъ участвовать въ засѣданіяхъ Сената, замѣняемый постоянно В. А. Арцимовичемъ. Но въ сентябрѣ въ Уголовномъ Департаментѣ должно было слушаться, въ

качествѣ первой инстанціи и притомъ съ присяжными засѣдателями, дѣло бывшаго директора хозяйственнаго департамента при Святѣйшемъ Синодѣ тайнаго совѣтника Гаевскаго и его сообщника Яковлева, обвинявшихся въ растратахъ и подлогахъ. Дѣло это имѣло по отношенію къ Сенату огромное значеніе. Оно должно было быть проведено образцово, «безъ сучка и задоринки», однимъ словомъ такъ, чтобы суды, наставлять и направлять которые призванъ кассаціонный судъ, не имѣли повода ему сказать: «врачу—исцѣлися самъ!». Карніолинъ-Пинскій въ буквальномъ смыслѣ взялъ одръ свой и пошелъ на новую дѣятельность, куда его призывалъ служебный долгъ. Снѣдаемый болѣзнью, онъ былъ привезенъ 15-го сентября въ Сенатъ и подъ-руки введенъ на лѣстницу. Но въ залѣ засѣданій въ немъ проснулся опытный юристъ, понявшій—и, быть можетъ, въ душѣ полюбившій—новую, неизвѣданную еще форму суда. Засѣданіе длилось 12 часовъ, съ небольшими перерывами и было ведено во всѣхъ отношеніяхъ образцово. Обвинялъ Ковалевскій. Руководящее напутствіе присяжнымъ, сказанное Пинскимъ, было исполнено безъ пристрастія и въ то же время чуждо той безцвѣтности, которую думаютъ у насъ иногда замѣнить объективность изложенія. «Помните,—сказалъ онъ въ заключеніе присяжнымъ,—что вы призваны творить судъ, а не угнетать...» Когда въ своей рѣчи защитникъ одного изъ подсудимыхъ, увлекшись характеристикою другого изъ нихъ, началъ говорить, что свидѣтельскія показанія, рисующія его человѣкомъ честнымъ и порядочнымъ, не соотвѣтствуютъ тому, что было на самомъ дѣлѣ, Пинскій остановилъ его, сказавъ: «Едва-ли прилично укорять подсудимаго... Говоря о немъ какъ о человѣкѣ осужденномъ, вы забываете, что судъ еще не произнесъ своего приговора»... Чтеніе отчета о засѣданіи по дѣлу Гаевскаго производитъ даже и теперь, несмотря на выработавшуюся технику судебнаго производства, впечатлѣніе живаго и достойнаго веденія дѣла. Нельзя, однако, не отмѣнить одного серьезнаго отступленія отъ уставовъ, хотя и правильнаго по мысли и вполнѣ соотвѣтствующаго западному, болѣе старому и выработанному процессу,—но все-таки отступленія. При той роли, которую игралъ Ковалевскій въ Сенатѣ, и при отсутствіи съ его стороны какихъ-либо заявленій, надо думать, что это было безсознательное отступленіе, основанное на воспоминаніи о томъ, что *предполагалось* сдѣлать при составленіи уставовъ. Вопросы были поставлены Сенатомъ, подвергнуты обсужденію сторонъ и вручены присяжнымъ—*послѣ* заключительнаго слова первоприсутствующаго.

Нѣкоторые недосмотры оказались, въ первое время, и въ законодательно-инструкціонныхъ распоряженіяхъ относительно новыхъ судебныхъ учрежденій. Такъ пришлось уже 14 іюня 1866 г. предложить Сенату, по I Департаменту, издать дополненіе къ только-что изданнымъ временнымъ правиламъ внутренняго устройства. Обна-

ружилось, что въ этихъ правилахъ было упущено упомянуть, что въ Мировыхъ Съѣздахъ должно быть зерцало, что мировые судьи должны засѣдать въ Съѣздахъ въ мундирахъ, а у себя въ камерѣ— въ мундирныхъ фракахъ или сюртукахъ. Послѣднія указанія, впрочемъ, остались безъ исполненія. Жизнь ихъ отвергла и потребовала уступокъ. Мировые судьи повсюду производили разбирательство не въ форменной одеждѣ, а лишь въ цѣпи, которая въ глазахъ народа имѣла гораздо большее значеніе,—а во многихъ Мировыхъ Съѣздахъ обязательною одеждою сталъ фракъ, а не мундиръ. Но жаль, что другое указаніе этихъ правилъ (§ 14) осталось тоже безъ исполненія. Оно имѣло весьма полезную цѣль и могло служить провѣркою юридической самодѣятельности судебныхъ учрежденій. Оно предписывало въ каждомъ судѣ вести указатель *юридическихъ вопросовъ*, имъ разрѣшенныхъ. Увы! Книги этихъ указателей—если онѣ гдѣ-либо и сохранились (а заведены онѣ были)— и донынѣ представляются чистыми, какъ дѣвственный снѣгъ альпійскихъ вершинъ...

Въ первыхъ шагахъ новыхъ судовъ была сторона, которая не только интересовала, но и немного тревожила всѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе судебныхъ уставовъ на практикѣ. Кромѣ чувства долга, трудолюбія и добросовѣстности, отъ людей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль,—требовались еще особыя способности съ одной стороны и извѣстное, стоявшее въ виду недавнихъ общественныхъ условій подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія съ другой стороны. Какъ пойдутъ судебныя пренія? Появятся ли люди способные къ сдержанному жару словесной борьбы, къ тому, чтобы «словомъ твердо править», и вообще даже къ тому, чтобы владѣть этимъ словомъ? Еще болѣе тревожные вопросы возникали относительно присяжныхъ. Ихъ желали—ихъ ждали... Это вѣрно, хотя и рѣзко, изобразилъ Карніолинъ-Пинскій. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще не появившемуся на сцену присяжному: «не зримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ реальный образъ простолюдина, всего пять лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости,—въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ громкихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ»...

И что же? Теперь, чрезъ 25 лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго

народа. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ современемъ, въ какія, тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что по отношенію къ этому суду у насъ велась своеобразная бухгалтерія, при чемъ на страницѣ кредита умышленно ничего не писалось, а на страницѣ дебета вписывался каждый промахъ крупнымъ, каллиграфическимъ почеркомъ. Онъ признаетъ, этотъ историкъ, что между большинствомъ приговоровъ, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, котораго, зная данное дѣло, нельзя бы было понять и объяснить себѣ...

Едва ли нужно напоминать о томъ, какъ быстро и съ какимъ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ, въ первые же мѣсяцы реформы, судебные ораторы. Безъ всякой школы, безъ организованной подготовки, со всѣхъ сторонъ выступили на судебную арену люди не только умѣвшіе владѣть словомъ, но и въ большинствѣ талантливые.

Стараго губернскаго прокурора, за немногими блестящими исключеніями, пассивнаго, могущаго ничего не дѣлать, ибо дѣлать все, что онъ долженъ, невозможно,—дѣятельность котораго иногда не оставляла никакого слѣда или воспоминанія («а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло,—говоритъ Чичиковъ, встрѣтивъ похороны прокурора,—такъ на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови!»), замѣнила, со введеніемъ судебныхъ уставовъ, прокуратура дѣятельная. Районъ ея дѣйствій сдѣлался меньше, но она стала играть роль махового колеса въ машинѣ уголовнаго суда. Для этого надо было не только работать, но и умѣть отстоять свою работу, а это вызывало появленіе способныхъ обвинителей.

Введеніе реформы отразилось и на сословіи повѣренныхъ. Старая протоpенная дорожка съ задняго крыльца должна была «порости травой забвенья» и двери суда широко раскрывались лишь предъ адвокатомъ новой формаціи. Въ эти двери вошли немедленно люди ума и знаній и не только съ чистымъ, но иногда и съ завиднымъ прошлымъ. Въ нихъ вошли и молодые оберъ-секретари Сената, и профессора, и лучшіе представители эмбріональной адвокатуры, состоявшей уже при коммерческихъ судахъ, и почтенные дѣятели крестьянскаго освобожденія и т. д.

Въ томъ же 1866 году въ Москвѣ проявились два судебныхъ оратора большой силы. Одинъ, назначенный въ прокуратуру изъ провинціальныхъ губернскихъ стряпчихъ, скромный, блѣднолицій, молчаливый, съ непокорными волосами и бородой,—вдругъ выросъ на обвинительной трибунѣ и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная съ непревзойденною съ тѣхъ поръ суровою красотою. Кто

слышалъ, въ свое время, этотъ ровный, металлическій голосъ, кто додумался въ эти неотразимые и въ то же время простые, повидимому, доводы, обнимавшіе другъ друга, какъ звенья неразрывной цѣпи, тотъ не забудетъ обвинителя по всѣмъ большимъ дѣламъ первыхъ лѣтъ Московскаго Суда. Недаромъ на огромномъ процессѣ Матова и другихъ фальшивыхъ монетчиковъ, присяжные, выслушавъ его рѣчь и возраженія 19-ти защитниковъ, просили его, чрезъ своего старшину, не утруждать себя отвѣтомъ...

Посѣтитель Московскаго Суда того времени, конечно не забылъ также и начинающаго кандидата съ родовитымъ именемъ и блестящимъ образованіемъ, котораго природа щедро одарила дарами, необходимыми для защитника; онъ вспомнитъ, быть можетъ, неслыханный восторгъ присутствующихъ послѣ защитительной рѣчи по дѣлу Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа,—рѣчи, сломившей силою чувства и тонкостью разбора уликъ, тяжкое и серьезное обвиненіе... Но не одни таланты проявила тогда, при самомъ своемъ возникновеніи, московская адвокатура. Ея организація въ духѣ порядка и дисциплины была въ значительной степени дѣломъ памятнаго Москвѣ покойнаго М. И. Доброхотова, и съ первыхъ дней въ ея рядахъ засіялъ кроткимъ свѣтомъ человѣчный, глубоко ученый и благороднѣйшій—тоже нынѣ умершій—Яковъ Ивановичъ Любимцевъ.

Нужно ли говорить о сразу выдѣлившихся въ то время корифеяхъ петербургской адвокатуры? Кто изъ близкихъ судебному дѣлу не знаетъ ихъ, не помнитъ ихъ на расцвѣтѣ и въ расцвѣтѣ ихъ дѣятельности,—*одного*—съ его глубокими знаніями, изяществомъ пріемовъ и поучительною чистотою въ исполненіи своихъ обязанностей,—талантливое и быстрое слово котораго лилось какъ рѣка, блистая прозрачностью своихъ струй и неслышно ломая въ своемъ неотвратимомъ теченіи преграды противника,—и *другого*—съ рѣзкимъ, угловатымъ жестомъ, не правильными удареніями надъ непослушными, но вѣскими словами, съ сочностью красокъ и всегда оригинальнымъ, вдумчивымъ освѣщеніемъ предмета,—однимъ словомъ, того, придя слушать котораго неопытный посѣтитель сначала спрашивалъ себя: «какъ? неужели это... тотъ извѣстный...», потомъ, по прошествіи десяти минутъ, говорилъ себѣ: «а вѣдь, пожалуй, это и онъ...» и захваченный глубиною содержанія и своеобразною формою только-что оконченной рѣчи, восклицалъ: «онъ! онъ! это именно онъ!»

Двадцать пять лѣтъ! Много воды утекло съ тѣхъ поръ, многое измѣнилось. Но старому судебному дѣятелю, пережившему начало этихъ лѣтъ, должно быть великодушно прощено, если онъ слишкомъ долго остановился на воспоминаніяхъ объ этомъ незабвенномъ для него времени, объ этомъ *медовомъ мѣсяцѣ* новаго суда...

V.

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ И О СУДѢ СЪ СОСЛОВНЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ.

(Вступительное и заключительное сообщенія при руководствѣ совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ 29-го—31-го декабря 1894 года).

I.

Милостивые государи! Принявъ—какъ особую честь—возложенное на меня руководство совѣщаніями вашими по вопросамъ о дѣятельности суда присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями, считаю необходимымъ намѣтить, въ общихъ чертахъ, ходъ нашихъ занятій и пріемы, которыми намъ слѣдовало бы при нихъ руководиться. Мнѣ не зачѣмъ напоминать вамъ порядокъ возникновенія у насъ суда присяжныхъ и указывать въ нашей правовой исторіи слѣды подобныхъ этому суду учрежденій. Порядокъ этотъ вамъ извѣстенъ,—а слѣды теряются въ туманѣ слишкомъ отдаленнаго времени и притомъ еще подлежатъ сильному оспариванію. Несомнѣнно одно: введеніе суда присяжныхъ въ странѣ, только-что освобожденной отъ крѣпостного права,—было весьма смѣлымъ шагомъ. Крѣпостныя отношенія во всякомъ случаѣ, по существу своему, не могли быть школою для чувства законности ни для крестьянъ, ни для ихъ собственниковъ. А между тѣмъ и тѣ, и другіе,—особливо первые, вчерашніе безправные люди,—призывались въ большомъ количествѣ, чтобы творить судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Можно было отступить въ

смущеніи предъ возможностью полнаго непониманія ими своей задачи и ограничиться какими-либо полумѣрами, въ видѣ частичныхъ улучшеній стараго суда. Но составители судебныхъ уставовъ съ довѣріемъ отнеслись къ духовнымъ силамъ и къ здравому смыслу своего народа. Они рѣшились къ только-что даннымъ людямъ сельскаго сословія гражданскимъ правамъ присоединить и высокую обязанность быть судьею. Это довѣріе нашло себѣ отзывъ въ великодушномъ сердцѣ Законодателя и смѣлый шагъ былъ сдѣланъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ и судъ присяжныхъ столь глубоко вошелъ въ русскую жизнь, что, несмотря на единичные и временные случаи, вызывавшіе противъ него нареканія, едва ли можетъ,—серьезно и безпристрастно,—быть возбуждаемъ вопросъ объ его отмѣнѣ. Вамъ извѣстно, что въ разнообразныя схемы предполагаемаго видоизмѣненія судоустройства,—подлежавшія уже вашему обсужденію—судъ присяжныхъ входитъ какъ неизбѣжный элементъ, — и нынѣ вашему разрѣшенію предлагается общій вопросъ не о возможности отмѣны этой формы отправленія уголовнаго правосудія, а лишь о *дѣятельности присяжныхъ* и о томъ, *нужны ли* и *какія именно измѣненія въ этомъ учрежденіи*. Поэтому я буду просить васъ, мм. гг., прежде всего высказать общій взглядъ вашъ на степень *удовлетворительности* дѣятельности присяжныхъ по исполненію лежащей на нихъ задачи. Если эта дѣятельность окажется удовлетворительною вообще, но имѣющею однако недостатки въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ или въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ, то несомнѣнно, что недостатки эти могутъ корениться или въ *условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ*—или же въ *неправильной его организаціи*. Отсюда вытекаютъ и два слѣдующихъ главныхъ вопроса.

Обращаясь къ первому изъ нихъ—*объ условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ* — мы, прежде всего, встрѣчаемся съ *составомъ присяжныхъ засѣдателей*. Онъ зависитъ отъ ценза, личнаго и имущественнаго, лицъ, призываемыхъ въ качествѣ присяжныхъ и отъ организаціи и дѣятельности комиссій, составляющихъ списки этихъ лицъ. Первоначальный цензъ присяжныхъ представлялъ большую неуравнительность. Между цензомъ по движимому и недвижимому имуществу было значительное житейское неравенство. Достаточно было получать 200 руб. валового дохода или жалованья въ большомъ губернскомъ городѣ, чтобы быть вносимымъ въ списки присяжныхъ засѣдателей. Но 16 р. 66 к. заработка въ мѣсяцъ—для жителя большого города—есть признакъ крайней бѣдности, а на службѣ такой размѣръ вознагражденія указываетъ на самыя низшія канцелярскія должности, занимающія которыя лица должны находиться почти въ нуждѣ. Между тѣмъ всякій судъ, не исключая и суда присяжныхъ, долженъ состоять изъ людей независимыхъ отъ нужды и отъ страстей, ею нарож-

даемыхъ. Закономъ 1887 г. цензъ поднятъ и въ значительной степени уравненъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ состава присяжныхъ исключены люди, впавшіе въ крайнюю бѣдность, и домашняя прислуга. Но все ли необходимое въ этомъ отношеніи сдѣлано? Нѣтъ ли въ составѣ присяжныхъ, въ ущербъ его правильной дѣятельности, такихъ представителей служебныхъ профессій, которые, будучи надломлены въ своей жизни и искажены въ трезвости своихъ взглядовъ непрерывнымъ механическимъ трудомъ за кусокъ хлѣба, приносятъ затѣмъ на скамью присяжныхъ болѣзненную односторонность? Затѣмъ, всѣ ли полезные и здоровые элементы населенія введены закономъ въ составъ присяжныхъ!

Главный контингентъ присяжныхъ составляютъ крестьяне. Противники суда присяжныхъ иногда съ черезчуръ поспѣшнымъ торжествомъ указываютъ на «подкупъ» и «лихоимство» между присяжными изъ крестьянъ. Вы, конечно, дадите, господа, вѣскія свѣдѣнія изъ вашего богатаго и многолѣтняго опыта для правильной оцѣнки размѣровъ и значенія этого явленія, но уже и теперь необходимо вывести на справку—*во первыхъ,* что съ 1879 года по 1892 годъ суду Судебныхъ Палатъ было предано Правительствующимъ Сенатомъ, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 372, 373, 377 и 378 ст. Улож. Наказ.—80 лицъ, по 20 дѣламъ, изъ коихъ Палатами признаны виновными и осуждены 29, при чемъ 28 изъ нихъ были крестьяне и одинъ дворянинъ, и *во вторыхъ,* что въ теченіе этого времени въ Россіи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разрѣшено около 208,000 дѣлъ (принимая минимальное количество дѣлъ въ годъ — за 16,000, хотя, напр., въ 1889 году было разрѣшено—19,380 дѣлъ, а въ 1891 году—20,100), т. е. дѣйствовало 208,000 составовъ присутствія комплектныхъ присяжныхъ. При обсужденіи значенія приведеннаго мною отступленія 28 присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ отъ своего судейскаго долга, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тѣ условія, въ которыя довольно часто бываютъ поставлены присяжные изъ крестьянъ. Я разумѣю крайнюю нужду, въ которой находятся подчасъ такіе присяжные, будучи отвлечены отъ своего хозяйства и осѣдлости въ уѣздный или губернскій городъ, гдѣ приходится проживать по долгу и за все расплачиваться наличными деньгами. Извѣстны случаи, когда присяжные изъ крестьянъ вынуждены бывали, проѣвъ въ городѣ свои послѣднія крохи, наниматься колоть и пилить дрова или просить милостыню. На эту необезпеченность оторваннаго отъ своего гнѣзда крестьянина еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обратили вниманіе многія земства и стали выдавать крестьянамъ-присяжнымъ небольшое денежное пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но, къ сожалѣнію, въ 1872 году состоялось опредѣленіе I Департамента Правительствующаго Сената о воспрещеніи земствамъ такихъ выдачъ, ибо земства могутъ заботиться исключительно о «хозяйственныхъ нуждахъ и пользахъ».

Это формалистическое толкованіе, неправильное и по существу, ибо на земствѣ лежатъ расходы и на народное образованіе, и на народное здравіе, и выдача содержанія мировымъ судьямъ,—оставилю присяжныхъ изъ крестьянъ на произволъ ихъ бѣдности и сопряженныхъ съ нею лишеній и искушеній. Поэтому вамъ нужно будетъ вглядѣться въ значеніе тяжелыхъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ подчасъ находятся крестьяне присяжные и обсудить вопросъ о томъ—не слѣдуетъ ли разрѣшить выдачу имъ небольшихъ пособій, отрѣшившись отъ теоретическаго взгляда, по которому, вопреки изреченію «буква умерщвляетъ—духъ животворитъ», на основаніи чуждыхъ русской жизни соображеній и побужденій, тяжелая *повинность* присяжныхъ признается ихъ *безвозмезднымъ правомъ*.

Переходя къ дѣятельности комиссій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, надо замѣтить, что первоначальная организація этихъ комиссій была однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ учрежденія суда присяжныхъ въ нашемъ отечествѣ. Теоретическіе взгляды законодателя на неизбѣжную гармонію во взаимномъ отношеніи разныхъ группъ нашего общества въ дѣлѣ обезпеченія правильнаго состава судей по большинству серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ—столкнулись, на практикѣ, съ апатіею и равнодушіемъ этихъ самыхъ группъ ко всему, что не касается непосредственно ихъ матеріальныхъ интересовъ. Отсюда, къ сожалѣнію, столь частое стремленіе уклониться отъ обязанностей присяжнаго со стороны лицъ привиллегированныхъ сословій и въ особенности со стороны чиновниковъ. Отсюда обиліе фиктивныхъ свидѣтельствъ о болѣзни и не менѣе фиктивныхъ заявленій начальства о командировкахъ на судѣ,—и крайняя небрежность и умышленная неполнота, сопутствовавшія составленію списковъ присяжныхъ—до суда. Благодаря этому явленію вмѣсто *единенія* представителей общества въ дѣлѣ фактическаго образованія суда присяжныхъ—пришлось встрѣтиться съ полнымъ *разбродомъ* этихъ представителей, такъ что судъ этотъ, по отношенію къ своему личному составу, одно время обратился вмѣсто тщательно оберегаемаго общественнаго *дѣтища* въ какого-то *подкидыша*, отъ котораго отворачиваются его случайные воспитатели. Послѣдствіемъ такого положенія было образованіе въ 1880 году, при общемъ собраніи I и Кассаціонныхъ Департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго М. Н. Любощинскаго, особой комиссіи по вопросу о неисполненіи правилъ избранія присяжныхъ засѣдателей и внесенія ихъ въ списки. Она собрала обширный и чрезвычайно интересный матеріалъ, изъ котораго оказалось, что въ весьма многихъ мѣстностяхъ *Имперіи*, комиссіи по составленію списковъ вовсе не повѣряютъ и не дополняютъ общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, или же исполняютъ возложенную на нихъ обязанность столь небрежно, что въ списки оказываются внесенными лица, кои уже потеряли право

быть присяжными засѣдателями или давно уже — иногда задолго до введенія суда присяжныхъ—умерли. Равнымъ образомъ комиссіи въ усиленномъ составѣ, о которыхъ говорится въ ст. 99 Учр. суд. уст., относились къ своимъ обязанностямъ столь невнимательно и недобросовѣстно, что сдѣлались возможными такія явленія, какъ—призывъ въ присяжные засѣдатели, по нѣскольку лѣтъ сряду, однихъ и тѣхъ же лицъ изъ числа весьма недостаточныхъ крестьянъ, тогда какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ много лицъ дворянскаго и купеческаго сословія, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ для избранія ихъ въ присяжные засѣдатели, оставалось, вслѣдствіе хлопотъ предъ членами комиссій, свободными отъ исполненія этихъ обязанностей; какъ—появленіе въ числѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ, лишенныхъ правъ состоянія, или одержимыхъ тяжкими недугами и даже признанныхъ установленнымъ порядкомъ сумасшедшими, или же внесеніе въ списки лицъ, далеко перешедшихъ за опредѣленный закономъ семидесятилѣтній возрастъ и, наконецъ, неимѣніе въ комплектѣ присяжныхъ засѣдателей ни одного грамотнаго лица. Предложенныя Сенатскою Комиссіею временныя мѣры имѣли не достаточно успѣшный характеръ. Пришлось приступить къ пересмотру самаго закона объ организаціи комиссій и въ тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ *очередные списки,* ввести представителей судебнаго вѣдомства. Благія послѣдствія болѣе внимательнаго отношенія къ своей задачѣ этихъ комиссій, кажется, стоятъ внѣ сомнѣній, но законъ 1887 года не коснулся составленія *общихъ списковъ,* совершаемаго, повидимому, и донынѣ безъ надлежащей всесторонности и вниманія къ равномѣрному призыву всѣхъ, обязанныхъ быть присяжными засѣдателями.

Такимъ образомъ *первый вопросъ,* подлежащій обсужденію совѣщанія, сводится къ тому—необходимы ли дальнѣйшія улучшенія въ составленіи общихъ и очередныхъ списковъ и возможно ли дальнѣйшее поднятіе уровня состава присяжныхъ засѣдателей привлеченіемъ въ него новыхъ лицъ, ограниченіемъ случаевъ уклоненія отъ участія въ засѣданіяхъ чиновниковъ, подъ предлогомъ служебныхъ командировокъ или болѣзни, и устраненіемъ матеріальныхъ затрудненій, испытываемыхъ нѣкоторыми присяжными засѣдателями при исполненіи ими ихъ обязанностей внѣ постояннаго ихъ мѣста жительства?

Второй вопросъ изъ области условій дѣятельности присяжныхъ касается *подсудности.* Первые годы существованія этого суда — онъ былъ заваленъ дѣлами о кражахъ, изъятыхъ затѣмъ изъ его вѣдѣнія закономъ 1882 года. Эти дѣла обременяли и судебныхъ слѣдователей. Отсюда медленность въ ихъ производствѣ и, какъ результатъ его, долгое содержаніе подъ стражею обвиняемыхъ. Поставленное на судъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ совершенія преступленія, дѣло выцвѣтало въ своей живой обстановкѣ,—при-

сяжные находили, что въ сущности слѣдователь уже достаточно «наказалъ» подсудимаго и часто оправдывали послѣдняго. Необходимо было серьезно и трезво взглянуть на дилемму: или строгая кара, которою угрожаетъ не всегда прилагаемый законъ, или дѣйствительная репрессія, хотя и съ меньшею карою. Изъятіе у присяжныхъ дѣлъ о нѣкоторыхъ кражахъ, совершенное закономъ 1882 года, принесло несомнѣнно полезные результаты и значительно сократило число оправдательныхъ приговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ долгій опытъ обнаружилъ, что присяжнымъ чуждо понятіе о преступленіяхъ противъ *системы*, въ которыхъ, съ одной стороны, совершенно отсутствуетъ лично, прямо или косвенно потерпѣвшій, а съ другой—бытовыя условія, вызвавшія очень часто нарушенія установленныхъ правилъ возбуждаютъ живое состраданіе къ обвиняемому. Поэтому, по преступленіямъ противъ паспортной системы, сознаніе устарѣлости и напрасной тягости которой выразилось въ образованіи ряда комиссій, завершившемся новымъ закономъ о паспортахъ, присяжные почти всегда выносили оправдательные приговоры. «Коррекціонализація» этихъ преступленій, совершенная въ 1885 году, освободила присяжныхъ отъ дѣлъ, смущавшихъ ихъ совѣсть. Нынѣ возникаетъ вопросъ—не слѣдуетъ ли путемъ коррекціонализаціи изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ еще какія либо дѣла, характеръ коихъ не соотвѣтствуетъ сложному аппарату этого суда и его отношенію къ понятію о преступленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется ли желательнымъ вернуть на разсмотрѣніе этого суда нѣкоторыя изъ дѣяній, изъятыхъ изъ него въ 1889 году при окончательномъ начертаніи ст. 201[1] Уст. угол. суд. съ ея широкою и пестрою по своимъ основаніямъ безприсяжною подсудностью?

Затѣмъ, видное мѣсто среди условій дѣятельности присяжныхъ, играетъ самое *производство дѣла на судѣ*. Въ немъ встрѣчаются процессуальныя, бытовыя и практическія неудобства, давно уже обращавшія на себя вниманіе юристовъ, относившихся къ этой формѣ суда прямодушно и безъ предвзятой односторонности. Сюда относится прежде всего сокрытіе отъ присяжныхъ того, что не только можетъ но, казалось бы, должно быть имъ извѣстно для облегченія всесторонняго и сознательнаго исполненія ими своей задачи. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь воспрещеніе сторонамъ и даже предсѣдателю упоминать о нормальномъ наказаніи, слѣдующемъ подсудимому по закону. Выводимое изъ смысла 746 ст. Уст. угол. суд., запрещеніе это считалось долгое время столь существеннымъ, что нарушеніе его всегда влекло за собою безусловную отмѣну приговора, если только, какъ выразился Сенатъ въ рѣшеніи 1876 года, по дѣлу Меринова, протоколомъ суда не было удостовѣрено, что предсѣдатель принялъ дѣйствительно мѣры для устраненія вреднаго вліянія на присяжныхъ сдѣланнаго предъ ними заявленія о наказаніи. Въ послѣдніе годы Сенатъ такія заявленія

перестал считать существенным поводом для отмѣны рѣшенія, но тѣмъ не менѣе все таки долженъ считать ихъ нарушеніемъ. Французская кассаціонная практика относительно 335, 342 и 363 ст. Code d'instruction criminelle признаетъ, по рѣшеніямъ 1840 и 1846 годовъ, что обвинитель «peut faire connaitre aux jurés les conséquences légales de leur décision» и что невоспрепятствованіе предсѣдателемъ защитнику говорить о наказаніи не влечетъ кассаціи приговора. По мнѣнію виднѣйшихъ французскихъ процессуалистовъ, въ дѣлѣ французскаго судоговоренія ссылка на наказаніе дозволительна, а подлежитъ пресѣченію лишь критика карательныхъ опредѣленій закона. Германскій Уставъ угол. суд. хранитъ въ этомъ отношеніи молчаніе.

Практическія послѣдствія умолчанія о могущей ожидать подсудимаго карѣ однако болѣе, чѣмъ не желательны. По обычнымъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію присяжныхъ,—они узнаютъ о наказаніи въ самомъ началѣ сессіи, выслушавъ одну или двѣ резолюціи суда, — а по дѣламъ сравнительно рѣдкимъ они вводятся въ заблужденіе или неожиданными и неопредѣленными намеками сторонъ «на тундры сѣвера», «ледяную сибирскую ночь», «многолѣтнюю тяжкую работу» и т. п., приберегаемыми къ концу рѣчи, при чемъ на остановку со стороны предсѣдателя отвѣчаютъ обыкновенно «я кончилъ!»—или же неправильными объясненіями самозванныхъ законовѣдовъ, попавшихъ въ составъ комплекта присяжныхъ. Практика указываетъ на дѣла, гдѣ подсудимый обвинялся въ преступленіи не совсѣмъ обычномъ, хотя и влекущемъ далеко не суровое наказаніе (напр. шантажъ, подводимый при настоящемъ безпомощномъ состояніи уложенія подъ покушеніе на мошенничество) и, несмотря на явныя доказательства виновности и даже собственное сознаніе, выслушивалъ, не безъ удивленія, оправдательный приговоръ, явившійся слѣдствіемъ ошибочнаго убѣжденія присяжныхъ, что ему, вмѣсто умѣреннаго исправительнаго — грозитъ тяжкое уголовное наказаніе, убѣжденія, предусмотрѣть и устранить которое предсѣдатель—и самъ не имѣющій права говорить о наказаніи—былъ лишенъ возможности. Такое положеніе не можетъ быть признано удовлетворяющимъ требованіямъ правосудія и едва ли можно найти серьезныя основанія для удержанія въ законѣ запрещенія упоминать о наказаніи особливо безъ критики налагающаго его закона.

Излишне перечислять *всѣ* другія неудобства, вызываемыя напрасною условностью производства дѣла. Часть ихъ уже устранена. Сокращенъ чрезмѣрный отводъ присяжныхъ, дававшій поводъ къ искусственному подбору состава—то преимущественно интеллигентнаго, то простого и непосредственнаго, смотря по интересамъ и цѣлямъ отводящаго; поставлена въ настоящіе, свойственные ея святому значенію размѣры присяга засѣдателей. Наконецъ, всего мѣсяцъ назадъ состоялось руководящее рѣшеніе Угол. Касс. Деп. по дѣлу Никитина,

коимъ Сенатъ окончательно и уже безъ всякихъ колебаній высказался за право сторонъ ссылаться на объясненія подсудимаго, данныя на предварительномъ слѣдствіи и занесенныя затѣмъ въ обвинительный актъ. Желательно было бы знать мнѣніе участниковъ настоящаго совѣщанія: слѣдуетъ ли ограничиться этимъ или возможно идти далѣе и противопоставить праву подсудимаго не давать объясненій на судѣ — право читать его показанія, данныя добровольно и непринужденно при предварительномъ слѣдствіи, при допросѣ его въ качествѣ обвиняемаго? Нельзя не указать также на то, что при точномъ выполненіи указаній 626, 627 и 687 ст. Уст. угол. суд. широкое начало устности, выраженное въ 625 ст. того же Устава, въ сильной степени умаляется необходимостью читать, въ каждомъ сложномъ по обстановкѣ или по преступленію дѣлу, массу документовъ, сущность содержанія коихъ тонетъ для присяжныхъ въ монотонномъ и не всегда достаточно оттѣненномъ чтеніи. Практика допускаетъ иногда—и то не вездѣ— изложеніе сторонами того, что подлежало бы прочтенію при условіи взаимнаго согласія и взаимныхъ поправокъ возможныхъ погрѣшностей. Но это лишь терпимо, а не узаконено—и достаточно незнанія одною изъ сторонъ дѣла во всей подробности, чтобы она потребовала болѣе для нея удобнаго и менѣе отвѣтственнаго чтенія протоколовъ. То же самое относится и до ссылокъ на обширныя письменныя и вещественныя доказательства. Не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ началомъ устности, чтобы всѣ эти протоколы читались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда сторона, требующая прочтенія, не признаетъ себя готовой и умѣлой для словеснаго изложенія сущности приводимаго ею оформленнаго доказательства или когда судъ или присяжные потребуютъ прочтенія?

Скрывая отъ присяжныхъ такія данныя, которыя могутъ однако тревожить ихъ мысль, направленную на знаніе всей правды о дѣлѣ и по дѣлу, и утомляя ихъ безплоднымъ напряженіемъ вниманія для уловленія смысла читаемаго, мы не даемъ имъ въ руки никакихъ документовъ изъ производства и требуемъ, чтобы внѣшнее очертаніе нѣкоторыхъ предметовъ запечатлѣлось съ особою силою въ ихъ памяти. На основаніи 805 ст. Уст. угол. суд. имъ не даются, при уходѣ ихъ въ совѣщательную комнату, ни планы мѣстности, ни вещественныя доказательства, ни признаваемые подложными документы и т. д., хотя ихъ и предупреждаютъ о правѣ вернуться въ залу въ случаѣ необходимости выясненія какого-либо обстоятельства въ дѣлѣ. Но это возвращеніе встрѣчаетъ много затрудненій и на практикѣ рѣдко осуществляется. Поэтому возникаетъ самъ собою вопросъ о томъ, не было ли бы полезнѣе и проще давать присяжнымъ съ собою всѣ акты изъ дѣла, упоминаемые въ 687 ст., и тѣ вещественныя доказательства, которыя они пожелаютъ имѣть при своихъ совѣщаніяхъ и относительно которыхъ

они уже выслушали надлежащія разъясненія сторонъ, свѣдущихъ людей и суда.

Статья 675 Уст. угол. суд. получила чрезвычайное развитіе на практикѣ, вслѣдствіе чего засѣдатели, призываемые къ разрѣшенію, по свободному внутреннему убѣжденію, вопроса о винѣ и невиновности подсудимаго, опутаны массою тягостныхъ и подчасъ ненужныхъ житейскихъ стѣсненій, проникнутыхъ извѣстною долею недовѣрія къ нимъ и даже къ судебному персоналу, входящему съ ними въ соприкосновеніе, и не имѣющихъ прочной основы въ практикѣ. Сенатъ, пробовавшій урегулировать пребываніе присяжныхъ засѣдателей въ судѣ, самъ не былъ достаточно устойчивъ въ своихъ взглядахъ. Сначала для безусловнаго пребыванія присяжныхъ въ судѣ, безъ всякаго увольненія домой, было провозглашено начало *важности обстоятельства дѣла*,—потомъ принятъ былъ внѣшній признакъ—*уголовное наказаніе*, грозящее подсудимому,—затѣмъ была признана, безотносительно къ роду наказанія, допустимость отпуска присяжныхъ домой при полной для нихъ невозможности оставаться въ зданіи суда и, наконецъ, въ циркулярномъ указѣ 1878 г. «ни подъ какимъ видомъ» не дозволено отпускать присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Одно время нарушеніемъ 675 ст. Уст. угол. суд. считались даже прогулки присяжныхъ вокругъ зданія суда, при чемъ имъ предоставлялось *для отдыха* зала засѣданій, тогда какъ они послѣ долгаго сидѣнья въ плохо вентилируемыхъ и наполненныхъ народомъ помѣщеніяхъ нуждались, конечно, не въ физическомъ отдыхѣ, а въ движеніи. Въ виду всего этого получился рядъ условій, конечно дурно отражающихся на присяжныхъ, особливо въ большихъ и продолжительныхъ процессахъ, гдѣ душевное спокойствіе ихъ нарушается тревожною заботою о томъ, что дѣлается «дома», или на заводѣ, въ лавкѣ, въ мастерской... и гдѣ плохія гигіеническія и дорогія кулинарныя условія соединяются съ неудобствами ночлега въ насильственномъ сообществѣ чуждыхъ лицъ и съ отсутствіемъ освѣжающихъ впечатлѣній,—при чемъ всякій разговоръ предсѣдателя съ присяжными, хотя бы только относительно ихъ обѣда, можетъ, согласно рѣшенію 1876 г. по дѣлу Фридмана, влечь за собою ломку всего ихъ напряженнаго и многодневнаго труда. Поэтому представляется необходимымъ обсудить, допустима ли и нужна ли въ этомъ отношеніи какая либо регламентація со стороны закона и его толкователя, Сената,—или же разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ пребываніемъ присяжныхъ въ зданіи суда, должно быть предоставлено исключительно усмотрѣнію, опыту и такту пользующагося полнымъ довѣріемъ закона предсѣдателя?

Къ той же области условій дѣятельности присяжныхъ на судѣ относятся указанія на нѣкоторыя отступленія въ преніяхъ сторонъ отъ правилъ и границъ, установленныхъ 611, 739 и 745 ст. Уст.

угол. суд. и на неправильность предъявляемыхъ предъ ними, обвиненій. Въ первомъ отношеніи кассаціонная практика послѣдняго десятилѣтія дала столько внушительныхъ и всесторонних разъясненій обязанностей предсѣдателя по пресѣченію злоупотребленій формою и содержаніемъ судоговорѣнія, что едва ли нужно идти далѣе по этому пути, тѣмъ болѣе что выходъ за предѣлы, намѣченные проведенными статьями, встрѣчается все рѣже и рѣже. Во второмъ отношеніи нельзя не отмѣтить *постановку однихъ обвиненій вмѣсто другихъ* и придачу даннымъ, долженствующимъ служить предметомъ *отдѣльныхъ самостоятельныхъ обвиненій*,—значеніе простыхъ уликъ или доказательствъ по другому обвиненію. Неудовлетворительность опредѣленій нашего Уложенія, отставшаго отъ новыхъ проявленій преступности, не предусматривающаго прямо цѣлаго ряда ставшихъ обычными преступныхъ дѣяній (шантажъ, многія преступленія противъ нравственности, разные виды фальсификаціи и т. п.) и дающаго разнородныя опредѣленія одному и тому же по существу дѣянію (напр. по подлогу частному и служебному),—слишкомъ общеизвѣстна. Но Уложеніе о наказаніяхъ доживаетъ свои дни и грядущее на его смѣну Уголовное Уложеніе безъ сомнѣнія уврачуетъ въ этомъ отношеніи дѣятельность присяжныхъ, которымъ нынѣ не всегда понятна причина, почему имъ приходится имѣть дѣло повидимому не съ тѣмъ преступленіемъ, въ которомъ виновенъ подсудимый. Правильная и вдумчивая дѣятельность прокурорскаго надзора можетъ и должна безъ сомнѣнія устранить употребленіе обвиненій какъ доказательствъ, по большей части вредно по своимъ результатамъ для правосудія, какъ тому не мало представляетъ примѣровъ наша практика. Достаточно указать, напр., на извѣстное дѣло Маргариты Жюжанъ, обвинявшейся въ отравленіи своего воспитанника, 15-лѣтняго гимназиста. Несомнѣнно и систематическое половое развращеніе ею этого отрока было выставлено не какъ самостоятельное преступленіе, а лишь какъ мотивъ къ совершенно недоказанному предумышленному отравленію и, несмотря на талантливыя усилія обвинителя, присяжные вынесли оправдательный приговоръ, не имѣя возможности сказать неизбѣжное слово осужденія по вполнѣ доказанному преступленію, предусмотрѣнному въ 993 ст. Уложенія.

Рядомъ со всѣми вопросами, вытекающими изъ изложенныхъ мною бѣглыхъ замѣчаній, возникаютъ два существенныхъ вопроса объ условіяхъ *постановленія присяжными своего рѣшенія*. Къ этимъ условіямъ относятся; постановка вопросовъ и участіе въ ней присяжныхъ,—содержаніе и мѣсто руководящаго напутствія предсѣдателя присяжнымъ,—способъ подачи и счета голосовъ при постановленіи присяжными своего рѣшенія и, наконецъ, образъ дѣйствій суда при единогласномъ несогласіи его присутствія съ состоявшимся рѣшеніемъ присяжныхъ.

Постановка вопросовъ является одною изъ труднѣйшихъ задачъ

суда, усложненною не всегда послѣдовательною и удачною кассаціонною практикою относительно разграниченія «юридическихъ опредѣленій» отъ «общепринятыхъ выраженій» и требованіемъ фактическаго описанія состава преступленія, вслѣдствіе чего нерѣдко суды, *не имѣя времени* ставить вопросы кратко, излагаютъ ихъ съ чрезвычайною подробностью, въ которой присяжнымъ становится трудно отдѣлить существенное отъ несущественнаго. Не разъ уже заявлялось о желательности упрощенія постановки вопросовъ— о допущеніи большей широты и свободы въ ихъ редакціи. Не разъ указывалось и на англійскій порядокъ, въ силу котораго присяжные лишь отвѣчаютъ утвердительно или отрицательно на заключительный пунктъ обвинительнаго акта, безъ всякой постановки вопросовъ, созданной и развитой французскимъ процессомъ. Совѣщаніе ваше конечно обратитъ вниманіе на эту важную сторону процесса и выскажется также о практическихъ результатахъ недавно установленнаго права присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ и о томъ, вездѣ ли они пользуются этимъ правомъ и, главное, поставляются ли объ немъ въ извѣстность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ, не должно ли руководящее напутствіе предсѣдателя предшествовать, по старому французскому образцу, постановкѣ вопросовъ для того, чтобы они являлись его логическимъ и прямымъ послѣдствіемъ. Въ этомъ отношеніи представляетъ значительную особенность новый, еще далекій впрочемъ отъ осуществленія проектъ реформы итальянскаго судопроизводства, по которому вопросы должны ставиться даже до преній сторонъ, создавая этимъ самымъ твердыя границы и строго очерченную тему для этихъ преній. И содержаніе напуствія подаетъ поводъ къ разнымъ мнѣніямъ. Хотя въ рѣшеніяхъ по дѣламъ—Саратовско-Симбирскаго банка и почтоваго чиновника Кетхудова Правительствующій Сенатъ и далъ уже весьма подробныя указанія на содержаніе и значеніе напутствія, но тѣмъ не менѣе не излишне напомнить, что Германія знаетъ напутствіе лишь какъ объясненіе правой стороны дѣла (Rechtshalegrung), Италія исключительно какъ сжатое изложеніе и оцѣнку фактической стороны его, а Франція допускала и то и другое,—и что при единогласіи въ томъ отношеніи, что предсѣдатель не долженъ обнаруживать своего мнѣнія о винѣ или невиновности подсудимаго, юристы-практики существенно расходятся во взглядахъ на признаніе за предсѣдателями права и даже обязанности оцѣнивать отдѣльныя доказательства и цѣлыя группы ихъ и, слѣдовательно, высказывать свое о нихъ мнѣніе.

И западно-европейская, и наша жизнь не разъ выдвигали вопросъ о *числѣ присяжныхъ*, нужномъ для рѣшенія уголовнаго дѣла. Являлось предположеніе сократить ихъ до 9 и даже до семи, но старое, привычное и традиціонное число 12 осталось до сихъ поръ непоколебимымъ. Быть можетъ и въ вашемъ совѣщаніи воз-

никнетъ такой вопросъ, особливо если вы остановитесь на возможности учрежденія спеціальныхъ присяжныхъ съ повышеннымъ цензомъ. Съ числомъ присяжныхъ связано и исчисленіе ихъ голосовъ для признанія рѣшенія состоявшимся въ томъ или другомъ смыслѣ. Для признанія виновности въ Англіи требуется единогласіе, въ Германіи $^2/_3$ голосовъ, у насъ абсолютное большинство, противъ котораго въ пользу $^2/_3$ раздавались иногда возраженія въ печати. Совѣщаніе укажетъ, представляется ли практическая необходимость въ чемъ либо измѣнять нашу систему. Въ послѣднее время и въ практикѣ, и въ литературѣ нашей (напр., въ статьѣ г. А. Думкасова «Судъ и Жизнь») былъ затронутъ весьма важный вопросъ о введеніи при совѣщаніи присяжныхъ засѣдателей открытой подачи голосовъ въ видѣ отмѣтки каждымъ присяжнымъ или старшиною ихъ поданныхъ ими голосовъ на пріобщаемомъ къ дѣлу спискѣ засѣдателей. Открытая подача голосовъ въ силу необходимости единогласія существуетъ въ Англіи;—во Франціи она существовала до 1835 года, когда была отмѣнена изъ опасенія нравственнаго давленія на присяжныхъ и мщенія имъ по политическимъ дѣламъ. Противникомъ тайны совѣщанія присяжныхъ выступилъ, между прочимъ, знаменитый Миттермайеръ, находившій, что сознаніе присяжными того, что мнѣніе каждаго изъ нихъ будетъ извѣстно, должно служить школою нравственной ихъ отвѣтственности предъ собою и предъ обществомъ—и придавать особую глубину и жизненность ихъ совѣщаніямъ. Возможность безслѣдной подачи голоса въ связи съ абсолютнымъ большинствомъ обращаетъ приговоры присяжныхъ, по ироническому замѣчанію одного изъ нашихъ криминалистовъ, въ результатъ не обсужденія дѣла, а баллотировки.

Вамъ придется вглядѣться въ этотъ серьезный вопросъ поближе, въ связи съ весьма важными по отношенію къ нему бытовыми и общественными условіями нашими, въ которыхъ надо почерпнуть указанія на то, утратили ли нынѣ свои основанія соображенія составителей судебныхъ уставовъ, побудившія ихъ начертать 677 ст. Уст. угол. суд. и ввести взысканіе за оглашеніе присяжными тайны ихъ совѣщаній.

Наконецъ, въ прошломъ году былъ выдвинутъ оффиціальнымъ путемъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ качествѣ корректива для представляющихся неправильными оправдательныхъ приговоровъ, установить по отношенію къ нимъ за судьями то же право, которое они имѣютъ по 818 ст. Уст. угол. суд. относительно приговоровъ обвинительныхъ. Вопросъ этотъ обсуждался въ особыхъ совѣщаніяхъ при Государственномъ Совѣтѣ и въ Угол. Касс. Деп. Сената, но окончательнаго разрѣшенія не получилъ. По существу своему порядокъ этотъ, вводящій совершенно новое начало въ нашъ уголовный процессъ, заслуживаетъ особо внимательнаго разсмотрѣнія. Сторонники его утверждаютъ, что если судьи могутъ

по единогласному убѣжденію совѣсти вмѣнить въ ничто обвинительное рѣшеніе присяжныхъ, представляющееся имъ неправосуднымъ, то нѣтъ никакихъ логическихъ основаній отрицать за ними такое же право и по отношенію къ оправдательному приговору. Противники этого порядка, признавая, что во всѣ времена осужденіе невиновнаго представлялось явленіемъ, допускающимъ для своего исправленія исключительныя мѣры, находятъ, что предоставленіе суду права, указаннаго въ 818 ст. Уст. угол. суд. по отношенію къ приговорамъ обоего рода,—въ сущности вынудитъ, по соображеніямъ многообразнаго свойства, судъ коронный постоянно становиться на мѣсто суда присяжныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вопреки формальнымъ даннымъ для обвиненія послѣдними будетъ произнесенъ оправдательный приговоръ. По ихъ мнѣнію отъ такого, всегда замедляющаго производство вторженія одного суда въ область другого—устойчивость суда вообще потеряетъ, а истинное правосудіе едва ли многое выиграетъ. Давнее знакомство гг. членовъ настоящаго совѣщанія съ дѣятельностью суда присяжныхъ дастъ, безъ сомнѣнія, прочный матеріалъ для сужденія о цѣлесообразности и практическихъ послѣдствіяхъ такого примѣненія ст. 818 *наоборотъ*.

Наконецъ, быть можетъ, совѣщаніе найдетъ необходимымъ высказаться—*во-первыхъ,* относительно продолжительности сессій съ присяжными засѣдателями и *во-вторыхъ,* относительно желательности и удобства примѣненія у насъ порядка, изображеннаго въ § 286 Устава угол. судопр. Германской имперіи, въ силу коего, если въ одинъ и тотъ же день подлежатъ производству нѣсколько дѣлъ, то избранный для одного изъ нихъ составъ присяжныхъ остается и для слѣдующихъ дѣлъ, если подсудимые и прокуратура, до приведенія засѣдателей къ присягѣ, заявятъ свое на это согласіе.

Переходя ко второму основному вопросу—*о недостаткахъ въ организаціи суда присяжныхъ*—надлежитъ замѣтить, что имъ обыкновенно приписывается та слабая уголовная репрессія, которая проявляется въ очень частыхъ, будто бы, оправдательныхъ приговорахъ. Быть можетъ внимательное разсмотрѣніе условій дѣятельности этого суда укажетъ, что въ нихъ, а не въ организаціи кроются хотя и слабыя, но поправимыя стороны этого учрежденія,—но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду, что заявленія о слабой репрессіи суда присяжныхъ представляются въ значительной мѣрѣ преувеличенными. Съ 1883 года начинается постепенное, но неуклонное *увеличеніе* количества обвинительныхъ приговоровъ, постановляемыхъ *присяжными*. Въ 1883 году для всей Россіи приговоры эти представляли 56% всего числа,—въ 1889 г. они уже составляли 63%, въ 1890 г.—66% и въ 1891 году (послѣднемъ, за который обнародованъ сводъ статистическихъ свѣдѣній) тоже 66%. Обвинительные приговоры *Окружныхъ Су-*

довъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей обнаруживаютъ, напротивъ, наклонность къ уменьшенію въ своемъ количествѣ на счетъ приговоровъ оправдательныхъ. Эта наклонность начала проявляться съ 1886 года, когда число обвинительныхъ приговоровъ выразилось цифрою 76%,—въ 1889 году ихъ было уже 74½%, въ 1890 году—тоже 74½%, а въ 1891 году лишь 73%. Дѣятельность *Судебныхъ Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей* являетъ бо́льшія колебанія. Такъ въ 1889 году общее число обвинительныхъ приговоровъ въ этой области суда выразилось цифрою 66%, въ 1890 году—70%, а въ 1891 году 68%. Такимъ образомъ среднему числу такихъ приговоровъ въ Палатахъ, опредѣляемому 68% въ годъ, соотвѣтствуетъ 65% въ судѣ присяжныхъ. Разница не особенно велика, особливо если принять во вниманіе спеціальный характеръ и важность подсудныхъ Палатѣ дѣлъ. Окружные Суды безъ присяжныхъ отличаются несомнѣнно большею репрессіею, имѣющею однако наклонность къ уменьшенію, при чемъ не надо упускать изъ виду, что преступленія, подсудныя этимъ судамъ по большей части формальнаго свойства, т. е. такія, гдѣ ни о событіи преступленія, ни о внутренней его сторонѣ почти не возникаетъ ни спора, ни сомнѣнія.

Въ связи съ этими двумя главными вопросами—*объ условіяхъ* и объ *организаціи*—находится и вопросъ о правильности и цѣлесообразности устройства нынѣ существующихъ *присутствій Судебныхъ Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей.* Учрежденіе сословныхъ представителей, введенное судебными уставами 20-го ноября 1864 года лишь для государственныхъ преступленій, подлежащихъ суду Палаты (ст. 1032, 1051 и 1052 Уст. угол. суд.), при чемъ эти представители наименованы закономъ *временными членами,* было затѣмъ, въ 1878 году, *временно* распространено на рядъ дѣлъ по преступленіямъ противъ порядка управленія и окончательно упрочено по отношенію какъ къ этимъ преступленіямъ, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ, перечисленнымъ въ 201[1] ст. Уст. угол. суд., законами 1889 и 1890 годовъ, коими суду Палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей подчинены также и дѣла о преступленіяхъ должности, влекущихъ за собою лишеніе правъ состоянія (ст. 1105 Уст. угол. суд.).

Такимъ образомъ судъ съ сословными представителями имѣетъ за собою, съ 1878 года, богатую опытомъ исторію. Совѣщаніе ваше конечно укажетъ на существенныя стороны этой исторіи. Оно выяснитъ также, по личнымъ наблюденіямъ высшихъ представителей судебнаго вѣдомства въ округахъ, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ этою формою суда, соотвѣтствуютъ ли наглядные результаты дѣятельности этого суда тѣмъ цѣлямъ, съ которыми онъ установленъ, и искупаютъ ли онѣ тѣ большія издержки для Государства и ту особую трату рабочихъ силъ и времени для суда и свидѣтелей, съ которыми сопряжены выѣзды

Судебныхъ Палатъ и вообще установленная подсудность имъ всѣхъ особыхъ дѣлъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 201[1] и 1105 Уст. угол. суд.

Соображеніе всѣхъ приведенныхъ мною вопросовъ, въ связи съ указаніями практической жизни, должно повлечь, по моему мнѣнію, разрѣшеніе слѣдующихъ коренныхъ вопросовъ:

I) Слѣдуетъ ли удержать и на будущее время по какимъ либо дѣламъ, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ (по соображеніямъ, принятымъ составителями судебныхъ уставовъ) учрежденіе «временныхъ судей» въ лицѣ сословныхъ представителей, присоединяемыхъ къ составу судовъ—и какихъ именно судовъ—Окружныхъ или Судебныхъ Палатъ?

II) Представляется ли цѣлесообразнымъ и правильнымъ ввести въ нынѣ существующее учрежденіе суда присяжныхъ начало совмѣстнаго участія коронаго суда и присяжныхъ засѣдателей въ разрѣшеніи вопросовъ о винѣ и невиновности и вопроса о наказаніи, создавъ нѣчто сходное съ Германскимъ судомъ шёффеновъ, но съ увеличеніемъ объема и расширенною подсудностью?

III) Если это видоизмѣненіе суда присяжныхъ представляется нежелательнымъ, то не представляется ли полезнымъ примѣненіе и къ нашему суду этого рода—указаній и правилъ Женевскаго закона 1-го октября 1890 года, въ силу коихъ предсѣдатель принимаетъ на себя руководительное участіе въ совѣщаніяхъ присяжныхъ о виновности и подаетъ, вмѣстѣ съ ними, голосъ по вопросу о наказаніи?

IV) Если представляется желательнымъ удержать организацію суда присяжныхъ въ нынѣ существующемъ видѣ, то слѣдуетъ ли: а) установить для засѣдателей новый, повышенный цензъ и б) предоставить сознающемуся въ своей винѣ подсудимому заявлять суду: желаетъ ли онъ, чтобы его дѣло разбиралось съ участіемъ присяжныхъ или же предпочитаетъ, чтобы вопросъ объ его отвѣтственности былъ разобранъ судомъ коронымъ, которому, въ этихъ случаяхъ, должно бы быть предоставлено постановлять приговоры, выходящіе, по размѣру наказанія, изъ предѣловъ его обыкновенной компетенціи.

II.

Наши трехдневныя совѣщанія о судѣ присяжныхъ и о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей окончены. Позвольте подвести имъ краткій итогъ.

По вопросу объ *удовлетворительности дѣятельности присяжныхъ засѣдателей* большинство членовъ совѣщанія (18) пришло къ выводу, что по дѣятельности своей этотъ судъ не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще пред-

ставляетъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости. Въ этомъ отношеніи замѣчательны заявленія двухъ изъ гг. прокуроровъ Судебныхъ Палатъ о томъ, что такое дѣло, какъ знаменитое дѣло Мельницкихъ (и, прибавлю я отъ себя—такое, какъ дѣло Овсянникова) могло быть рѣшено въ обвинительномъ смыслѣ только присяжными и что по послѣднему дѣлу Мценскаго банка судьи, сомнѣваясь въ томъ, совладаютъ ли присяжные со своею задачею, сами, во время ихъ долгаго совѣщанія, проектировали отвѣты на многочисленные вопросы и таковые вполнѣ совпали затѣмъ съ провозглашенными присяжными.

Обвиненіе присяжныхъ въ *малой репрессіи* неосновательно. Оно не только не подтверждается цифровыми данными, но въ дѣйствительности оказывается, что судъ присяжныхъ, при сравненіи съ судомъ коронньмъ, *болѣе репрессивенъ и устойчивъ*. Въ одномъ изъ судебныхъ округовъ, гдѣ дѣла вѣдаются безъ участія присяжныхъ, даже сложилось хоть и шутливое по формѣ, но однако правдивое по существу указаніе, что Судебная Палата состоитъ изъ двухъ камеръ—*обвинительной и оправдательной*, а процентъ оправдательныхъ приговоровъ въ Палатахъ вообще колеблется между 20% и 50%, каковыхъ рѣзкихъ колебаній вовсе не усматривается въ такихъ же приговорахъ присяжныхъ. Оцѣнивая взаимную силу репрессіи въ судѣ присяжномъ и безприсяжномъ, надо имѣть въ виду, что присяжные судятъ наиболѣе тяжкія преступленія, гдѣ зачастую не только для доказательства виновности, но даже для установленія состава преступленія нужны особыя и не всегда успѣшныя усилія со стороны слѣдственной власти, и вовсе не разсматриваютъ дѣлъ о формальныхъ преступленіяхъ, гдѣ и событіе, и виновность никакого вопроса возбуждать не могутъ. Не слѣдуетъ забывать, что на разсмотрѣніе присяжныхъ восходятъ по 511 ст. Уст. угол. суд. дѣла частнаго обвиненія, въ коихъ обвиненіе это, вообще слабо и неумѣло поддержанное, очень часто является на судебномъ слѣдствіи вполнѣ неосновательнымъ, при чемъ предполагаемый преступникъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ, часто оказывается самъ жертвою семейнаго самодурства или домашней имущественной распри.

Наконецъ *обвинительные* приговоры безприсяжнаго суда, особенно тѣ, которые постановлены въ апелляціонной инстанціи, увеличивая собою цифру, выражающую внѣшнюю силу уголовной репрессіи, въ сущности очень часто этой репрессіи вовсе не содѣйствуютъ, ибо, при затруднительности мотивированнаго оправданія, влекутъ за собою такія минимальныя, мало ощутимыя наказанія, которыя почти граничатъ съ полною безнаказанностью. *Оправдательные* приговоры присяжныхъ, въ кото-

рыхъ всегда почти можно отыскать житейскую правду, расходящуюся съ правдою формальною, стремящеюся втиснуть жизнь въ узкія и устарѣлыя рамки вмѣненія по Уложенію о наказаніяхъ, объясняются нерѣдко неумѣніемъ лицъ, ведущихъ дѣло и его разработывающихъ на судѣ, и присутствіемъ въ составѣ присяжныхъ ненадежнаго элемента, въ лицѣ мелкихъ чиновниковъ, или значительнаго числа мелочныхъ торгашей. Устраненіе этихъ элементовъ тамъ, гдѣ оно такъ или иначе произошло, всегда влекло за собою уменьшеніе поспѣшныхъ оправданій. По удостовѣренію бывшаго прокурора Виленской Судебной Палаты — дѣятельность присяжныхъ въ сѣверо-западномъ краѣ нынѣ вполнѣ удовлетворительна, и онъ не могъ бы указать ни одного явно неправильнаго оправданія приговоромъ присяжныхъ.

Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ, отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ исходитъ, но внимательное разсмотрѣніе оправдательныхъ приговоровъ не съ одной лишь внѣшней стороны, а съ знаніемъ обстоятельствъ и обстановки дѣла приводитъ къ признанію того, что, какъ выразился одинъ изъ членовъ совѣщанія, «слово — одно, а совѣсть — другое», почему оправдательные приговоры тамъ, гдѣ въ дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ ни нравственнаго, ни матеріальнаго вреда, не должны быть провозглашаемы, какъ это иногда у насъ дѣлается «возмутительными». Простой русскій человѣкъ, поставляющій главный контингентъ присяжныхъ, вноситъ въ свою дѣятельность глубокое религіозное чувство. Оно нерѣдко проявляется и въ оправдательныхъ приговорахъ. Такъ, было указано два случая изъ практики, гдѣ присяжные оправдали подсудимыхъ, послѣднее слово которыхъ и мольбы о прощеніи совпали съ благовѣстомъ ко всенощной подъ Благовѣщеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указано было и на то, что простые присяжные, разрѣшивъ въ Миргородѣ безусловно обвинительнымъ приговоромъ громадное дѣло о разбойничьей шайкѣ изъ 56 человѣкъ, отправились изъ суда въ церковь служить благодарственный молебенъ по поводу благополучнаго окончанія ими своего тяжелаго, многодневнаго труда, направленнаго къ охраненію безопасности цѣлой мѣстности. Проявленіе глубокаго христіанскаго чувства въ присяжныхъ при отправленіи ими своихъ обязанностей есть такое нравственное благо, которое вполнѣ искупаетъ, во всякомъ случаѣ небольшое число оправдательныхъ приговоровъ, подсказанныхъ этимъ чувствомъ, хотя и идущихъ въ разрѣзъ съ формальными требованіями закона.

Наконецъ, замѣчено, что даже по преступленіямъ противъ *системы,* гдѣ нѣтъ прямо потерпѣвшихъ, какъ напримѣръ по дѣламъ о паспортныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ оправданія бывали особенно часто, присяжные никогда не оправдывали тѣхъ, кто своею преступною дѣятельностью подводилъ другихъ подъ уголовную от-

вѣтственность, т. е. поддѣлывателей паспортовъ по 975 и въ особенности по 976 ст. Улож. наказ. При этомъ было указано, что многими изъ своихъ оправдательныхъ, систематически повторявшихся, приговоровъ присяжные сослужили службу законодательству, указавъ ему на противорѣчіе жизни съ требованіями закона. Такъ было съ паспортами, такъ было съ нѣкоторыми видами кражъ. Такъ дѣлается и теперь по наболѣвшему вопросу о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. По отношенію къ случаямъ *подкупа присяжныхъ* было высказано, что число ихъ, представляя каплю въ морѣ вполнѣ безупречной дѣятельности этого суда, скорѣе служитъ подтвержденіемъ такого ея характера, тѣмъ болѣе цѣннаго, что большинство сельскихъ присяжныхъ, стоя въ тяжкихъ матеріальныхъ условіяхъ, должны проявлять особую стойкость, чтобы не принять дарового угощенія и не поддаться его вліянію.

Меньшинство совѣщанія (два лица) не раздѣлили такого взгляда на дѣятельность присяжныхъ. Смотря съ практической точки зрѣнія, одинъ изъ членовъ совѣщанія указывалъ на неумѣлое обращеніе присяжныхъ со слѣдственнымъ матеріаломъ, на стремленіе ихъ вторгаться въ область примѣненія закона, на неоднообразіе рѣшеній ихъ по однимъ и тѣмъ же преступленіямъ, совершеннымъ почти въ одинаковыхъ по существу обстоятельствахъ, на зависимость этого явленія отъ мѣстности, гдѣ разсматривается дѣло, и отъ разности взглядовъ присяжныхъ того или другого состава на важность и преступность дѣянія, подходящаго подъ опредѣленія Улож. о наказ. Исходя изъ теоретическихъ соображеній, другой членъ совѣщанія, не имѣвшій лично никогда дѣла съ судомъ присяжныхъ, указывалъ на то, что нельзя признать удовлетворительнымъ тотъ судъ, который нуждается въ постоянныхъ разъясненіяхъ, напоминаніяхъ и руководствѣ со стороны предсѣдателя, такъ что его постоянно нужно «водить на помочахъ», при чемъ его дѣятельность обставляется многими формальностями процессуальныхъ усложненій, въ видѣ напр., постановки вопросовъ, пріобрѣтающихъ въ немъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ судѣ безприсяжномъ.

По поводу указаній на неоднородность приговоровъ присяжныхъ, нѣкоторыми изъ членовъ большинства замѣчено, что безусловно одинаковыхъ дѣлъ не бываетъ и что разность взглядовъ бываетъ и у суда коронная, но она менѣе замѣтна, ибо выражается обыкновенно въ опредѣленіяхъ обвинительныхъ камеръ, у которыхъ въ разное время и при разномъ личномъ составѣ создаются разные взгляды на нѣкоторыя, преимущественно бытовыя преступленія—и это не недостатокъ, а достоинство суда, который не есть слѣпой механизмъ.

Въ общемъ, однако, общій выводъ безусловно на пользу присяжныхъ. Судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣ-

питься въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій, по замѣчанію В. А. Аристова, призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа,* — честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель. Выходя на минуту изъ роли руководителя совѣщанія, я позволю себѣ, на основаніи долголѣтняго моего судебнаго служенія на разныхъ ступеняхъ судебной лѣстницы, вполнѣ и всецѣло присоединиться къ мнѣнію большинства и считаю необходимымъ при этомъ припомнить заявленія двухъ прокуроровъ Палатъ, изъ которыхъ у одного разсѣялись всѣ сомнѣнія въ высокой пригодности суда присяжныхъ послѣ долголѣтняго знакомства со свойствомъ работы безприсяжнаго суда, а другому вспомнилось здѣсь то чувство нравственнаго удовлетворенія, которое, въ своей практической дѣятельности, онъ выносилъ изъ приговоровъ присяжныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ продуктъ совѣстливаго и внимательнаго отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія жизненной правды, даже и тогда, когда приговоры эти бывали несогласны съ предъявленнымъ обвиненіемъ.

Къ этому надо еще добавить, что къ практической дѣятельности присяжныхъ можно, не становясь на почву мимолетныхъ и часто дурно освѣдомленныхъ печатныхъ отзывовъ, относиться трояко: снизу, сверху и сбоку. *Снизу*—это отношеніе подсудимаго, который въ глубинѣ души лучше всѣхъ сознаетъ конечно, *гдѣ* и въ *чемъ* правда состоявшаго о немъ рѣшенія; *сверху*—это отношеніе судебныхъ чиновъ, дѣйствующихъ совмѣстно съ этимъ судомъ; *сбоку*—это отношеніе тѣхъ, кто примыкалъ къ присяжнымъ какъ участникъ, какъ сотрудникъ въ одной общей работѣ ума и совѣсти. Мы знакомы съ отношеніемъ къ суду присяжныхъ подавляющаго большинства высшихъ представителей судебныхъ округовъ. Но мы выслушали и заявленія лица, неоднократно отбывавшаго обязанности засѣдателя и бывавшаго много разъ старшиною. На мою просьбу высказать свой взглядъ на присяжныхъ, предсѣдатель III отдѣла Комиссіи, Сенаторъ Н. С. Таганцевъ, заявилъ, что время, проведенное имъ въ средѣ присяжныхъ засѣдателей, составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній его судебной жизни.

По вопросу *о составѣ присяжныхъ засѣдателей* совѣщаніе единогласно высказалось за установленіе участія лицъ судебнаго вѣдомства въ составленіи и провѣркѣ *общихъ списковъ* засѣдателей по 89 и 91 ст. Учр. суд. уст., — за привлеченіе къ участію въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей изъ поименованныхъ во 2 п. 85 ст. того же Учрежденія тѣхъ, кои занимаютъ должности IV и III классовъ;—за принятіе мѣръ къ воспрепятствованію должностнымъ лицамъ уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей путемъ предварительнаго и заблаговременнаго извѣщенія начальства о внесенныхъ на основаніи 98 и 99 ст. Уст. сл.

въ очередные списки чиновникахъ и требованія точнаго обозначенія предмета и срока указанныхъ въ 1 п. 650 ст. Уст. угол. суд., командировокъ и особыхъ порученій по службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указано на необходимость усиленія штрафовъ за неявку, съ предоставленіемъ суду слагать таковые по силѣ 653 ст. Уст. угол. суд., но съ уничтоженіемъ права обжалованія постановленій суда о наложеніи штрафа, при чемъ долженъ быть въ ст. 651 установленъ срокъ, въ теченіе коего примѣняется эта статья, ибо если считать неявкой по вызыву—неявку на сессію, то примѣненіе третьей части этой статьи — объ отвѣтственности по уложенію — никогда не можетъ имѣть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется необходимымъ, чтобы прокурорскій надзоръ серьезно вступилъ въ борьбу съ лживыми и фиктивными медицинскими свидѣтельствами о болѣзни, возбуждая во всѣхъ подобныхъ случаяхъ обвиненіе по 364 ст. Улож. наказ.

При условіи фактическаго осуществленія всѣхъ этихъ указаній, *повышеніе ценза* для присяжныхъ представляется излишнимъ, при чемъ нѣкоторыми было даже высказано, что требованіе 3 п. 81 ст. Учр. суд. уст. объ обязательности для каждаго присяжнаго умѣть читать по-русски является ненужнымъ, такъ какъ между присяжными, чему и были представлены примѣры, часто встрѣчаются почти неграмотныя лица, умѣющія, и то съ трудомъ, читать лишь «по печатному», но здравый смыслъ ихъ, способность пониманія и врожденное чувство справедливости дѣлаютъ ихъ присутствіе въ составѣ присяжныхъ чрезвычайно цѣннымъ для правильнаго отправленія правосудія. Улучшеніе состава присяжныхъ было бы существеннымъ образомъ достигнуто исключеніемъ изъ ихъ числа мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, получающихъ, согласно закону, содержаніе «по трудамъ и заслугамъ» и представляющихъ ненадежный нравственно, неразвитый и въ тоже время тенденціозный элементъ въ составѣ присяжныхъ. Это признано единогласно, но голоса очень раздѣлились по отношенію къ мелкимъ торговцамъ, при чемъ всѣми признано однако необходимымъ недопущеніе въ составъ присяжныхъ засѣдателей содержателей и арендаторовъ питейныхъ заведеній.

Относительно *матеріальнаго обезпеченія* присяжныхъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, были приведены указанія, что и нынѣ нѣкоторыя земства, побуждаемыя насущною необходимостью, оказываютъ пособіе присяжнымъ подъ видомъ расходовъ на благотворительность и что рѣшеніе Сената, лишившее въ 1872 г. земство права и возможности нелицемѣрно облегчать нужду присяжныхъ, идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями составителей судебныхъ уставовъ, которые, какъ напомнилъ предсѣдатель II отдѣла Комиссіи, Сенаторъ Н. Н. Шрейберъ, признавая, что засѣдатели должны получать вознагражденіе изъ земскихъ сборовъ, лишь потому не ввели правила о порядкѣ опредѣленія сего вознагражденія въ Учрежде-

ніе судебныхъ установленій, что приведеніе этихъ опредѣленій въ дѣйствіе относится къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ собраній. Поэтому совѣщаніе единогласно признало настоятельную необходимость въ осуществленіи этой благой для достоинства отправленія правосудія первоначальной мысли законодателя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ многими были высказаны желанія — *во первыхъ*, чтобы пребываніе присяжныхъ въ зданіи суда, — условія котораго по мнѣнію всѣхъ членовъ совѣщанія должны быть безусловно предоставлены усмотрѣнію предсѣдателя, не стѣсняемому никакою предварительною регламентаціею,—было по возможности обставлено лучше, чѣмъ теперь;—*во вторыхъ*, чтобы продолжительность сессій была сокращена,—и *въ третьихъ*, чтобы лица, избранныя въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, пріобрѣтали тѣмъ самымъ право на освобожденіе отъ унизительнаго и несовмѣстнаго съ достоинствомъ лица, призваннаго къ судейской дѣятельности, тѣлеснаго наказанія.

По вопросу *о подсудности* дѣлъ суду присяжныхъ засѣдателей *большинство* совѣщанія (14 лицъ) высказалось противъ всякаго дальнѣйшаго ея ограниченія, при чемъ часть этого большинства (5 лицъ) находили, что подсудность эту слѣдовало бы, противъ существующей, значительно расширить. *Меньшинство* (6 лицъ) высказалось за уменьшеніе подсудности въ разныхъ видахъ. Такъ одно лицо находило, что у присяжныхъ должны быть изъяты всѣ дѣла о подсудимыхъ непривилегированныхъ сословій, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ по 31 ст. Улож. о наказ. лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, несмотря даже на послѣдствія по 48 ст. Уложенія — и о всѣхъ обвиняемыхъ въ третьей кражѣ; два лица—за изъятіе дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ, на коихъ, вопреки мнѣнію большинства, оправданіе ихъ присяжными имѣетъ пагубное нравственное вліяніе; одно лицо за изъятіе дѣлъ о лишенныхъ уже особыхъ правъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ такое же пораженіе правъ,—и два лица за предоставленіе подсудимому, сознавшемуся при предварительномъ слѣдствіи, судиться безъ участія присяжныхъ, если онъ самъ заявитъ суду о такомъ своемъ желаніи.

Установленіе права сторонъ и предсѣдателя оглашать предъ присяжными свѣдѣнія о *грозящемъ подсудимому по закону наказаніи* было признано огромнымъ большинствомъ (19 голосами противъ 1) въ высокой степени желательнымъ, такъ какъ по выраженію одного изъ членовъ совѣщанія это устранило бы вредную для судебнаго прямодушія «игру въ прятки». Точно также и по отношенію къ *различнымъ формальностямъ* при производствѣ судебнаго слѣдствія — совѣщаніемъ было найдено полезнымъ, при будущемъ начертаніи правилъ уголовнаго процесса, «снять покровъ тайны» со всего того, что, будучи оглашено предъ присяжными, можетъ быть затѣмъ провѣрено на судѣ установленными закономъ спосо-

бами. Поэтому желательно предоставить сторонамъ дѣлать ссылки на протоколы, упоминаемые въ 687 ст. Уст. угол. суд. при соблюденіи притомъ условій, о которыхъ я упоминалъ во вступительномъ моемъ сообщеніи. Но по вопросу о передачѣ присяжнымъ въ совѣщательную комнату плановъ и документовъ изъ дѣла, четыре лица высказались отрицательно, признавая таковую опасною, въ виду возможности лжетолкованія значенія плановъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ, не могущаго тотчасъ же быть опровергнутымъ. Затѣмъ совѣщаніе пошло дальше рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣлу Никитина, рѣшивъ большинствомъ 14 голосовъ противъ 6, что слѣдуетъ допустить и прочтеніе показаній подсудимаго, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, въ случаѣ несогласія ихъ съ даваемыми имъ на судѣ объясненіями, — что, по мнѣнію шести лицъ, шло бы въ разрѣзъ съ принятымъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ началомъ о правѣ подсудимаго не давать никакихъ объясненій (ст. 685 Уст. угол. суд.).

По вопросу о примѣненіи германскаго порядка объ *одномъ составѣ присяжныхъ для нѣсколькихъ дѣлъ*, подлежащихъ слушанію въ одинъ и тотъ же день, мнѣнія раздѣлились поровну, при чемъ половина членовъ совѣщанія признавала этотъ порядокъ нецѣлесообразнымъ, по сопряженнымъ съ нимъ неудобствамъ и въ виду возможности недоразумѣній относительно пользованія сторонами правомъ отвода.

Постановка вопросовъ, установленная нынѣ ст. 750—764 Уст. угол. суд. представляется совѣщанію не требующею какихъ-либо измѣненій по существу, но нуждающеюся лишь въ нѣкоторомъ упрощеніи. Желательно вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы о правѣ присяжныхъ участвовать въ постановкѣ вопросовъ согласно ст. 762 Уст. угол. суд. было напоминаемо имъ при самомъ чтеніи вопросовъ вслухъ, а не только при объясненіи имъ, на осн. 671 ст. Уст. угол. суд., ихъ правъ и обязанностей,—и чтобы старшинѣ присяжныхъ, тотчасъ по его избраніи, вручалась выписка изъ заключительнаго пункта обвинительнаго акта, дабы онъ, и чрезъ него остальные присяжные, постоянно имѣли предъ глазами указаніе на сущность обвиненія, взводимаго на подсудимаго. Руководящее напутствіе предсѣдателя должно остаться на своемъ мѣстѣ. За открытую подачу голосовъ присяжными высказались три лица.

Наконецъ вопросъ *о примѣненіи 818 ст. Уст. угол. суд. наоборотъ*, т. е. о распространеніи порядка, начертаннаго въ ней, и на оправдательные приговоры присяжныхъ разрѣшенъ значительнымъ большинствомъ (18 голосовъ противъ двухъ) *отрицательно*. Я долженъ къ этому, въ видѣ справки и для выясненія мотивовъ этого большинства, присовокупить, что точно также рѣшенъ этотъ вопросъ и Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ, при обсужденіи предположеній о предоставленіи судамъ права ходатайствовать предъ Сенатомъ о передачѣ другому составу присяжныхъ дѣлъ,

по которымъ оправданы виновные, по единогласному мнѣнію суда, подсудимые. При разсмотрѣніи этого вопроса въ Правительствующемъ Сенатѣ я имѣлъ честь, въ качествѣ Оберъ-Прокурора, высказать, что, установляя судъ присяжныхъ на ряду съ коллегіею коронныхъ судей и возлагая на первыхъ разрѣшеніе не только вопроса о совершеніи преступленія обвиняемыхъ, но и вопроса о его виновности, законъ строго разграничилъ дѣятельность тѣхъ и другихъ, допустивъ лишь одно, обставленное исключительными условіями и притомъ только въ пользу, а не во вредъ подсудимому, отступленіе въ ст. 818 Уст. угол. суд. Примѣненіе этой статьи въ обратномъ смыслѣ, замѣняя внутреннее убѣжденіе присяжныхъ убѣжденіемъ судей, которое нуждается во внѣшней мотивировкѣ, было бы въ сущности, въ весьма большомъ количествѣ дѣлъ замѣною суда представителей общественной совѣсти судомъ профессіональныхъ юристовъ, задача коихъ только понапрасну усложняется прибавкою этихъ представителей. Для коллегіи профессіональныхъ судей въ большинствѣ дѣлъ найдутся данныя, предустановляющія виновность подсудимаго. Таково напримѣръ и главнымъ образомъ собственное сознаніе подсудимаго, не опровергаемое обстоятельствами дѣла. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго сознанія увѣренность судей въ виновности подсудимаго должна неминуемо побудить ихъ къ признанію оправдательнаго приговора присяжныхъ явно неправильнымъ и къ передачѣ дѣла другому ихъ составу. Но среднее число сознавшихся въ своей винѣ подсудимыхъ на все число обвиняемыхъ составляетъ за послѣдніе годы около 35% — 36%. Такъ, напримѣръ въ 1887 году на 39,000 подсудимыхъ было 14,000 сознавшихся, при 19,000 оправдательныхъ приговоровъ. Послѣдніе, какъ указываетъ практика, далеко не обнимаютъ собою только несознавшихся подсудимыхъ,—и можно почти съ достовѣрностью утверждать, что не менѣе половины всего числа сознавшихся были оправданы по тѣмъ соображеніямъ, относящимся до ихъ личности, свойствъ и послѣдствій дѣянія, условій его совершенія и т. д., благодаря коимъ на судѣ по внутреннему убѣжденію совѣсти слова «совершилъ» и «виновенъ» вовсе не являются синонимами. Но если бы даже къ числу оправданныхъ отнести не половину вышеупомянутаго числа сознавшихся обвиняемыхъ, т. е. 7,000, а лишь одну четверть, то и тогда коронный судъ въ трехъ съ половиною тысячахъ случаевъ оказался бы лицомъ къ лицу съ такимъ обстоятельствомъ, которое обязывало бы его постановлять о передачѣ дѣла другому составу присяжныхъ. Съ внѣшней, формальной стороны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оправданія сознавшагося подсудимаго, особенно при утвердительномъ отвѣтѣ присяжныхъ на вопросъ о событіи преступленія, выдѣленный по требованію гражданскаго истца, *не передача* судомъ дѣла другому составу присяжныхъ означала бы признаніе со стороны суда того, что преданіе суду, основанное на

собственномъ сознаніи обвиняемаго, и самое это сознаніе, подтвержденное затѣмъ при судебномъ разбирательствѣ—не имѣють никакого значенія. Но такое признаніе со стороны суда профессіональныхъ юристовъ, обязанныхъ мотивировать свое мнѣніе, едва ли мыслимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ *передача* каждаго такого дѣла новому составу присяжныхъ представится весьма удобною для судей. Поддерживая солидарность между ними и Судебною Палатою по обвинительной камерѣ и основываясь на простомъ внѣшнемъ пріемѣ, состоящемъ въ сопоставленіи преданія суду и собственнаго сознанія съ послѣдовавшимъ затѣмъ приговоромъ, передача такого рода освободитъ судей отъ опасенія нареканій за то, что, въ интересахъ порядка, они не воспользовались своимъ правомъ передачи. Указаніе именно на эти интересы и на нравственную отвѣтственность, несомую судьями, не желающими противодѣйствовать «неправосудію», послужитъ могущественнымъ средствомъ для образованія въ средѣ судей единогласія, а вышеупомянутый внѣшній пріемъ сопоставленія вызоветъ весьма простую, неотяготительную и однообразную формулу мотивировки передачи дѣла другому составу, безъ всякаго,—всегда, впрочемъ, гадательнаго—анализа соображеній присяжныхъ, положенныхъ ими въ основаніе оправданія. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что составъ присяжныхъ засѣдателей при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла будетъ всегда находиться подъ болѣе или менѣе сильнымъ давленіемъ состоявшагося постановленія о передачѣ, о коемъ они могутъ быть освѣдомлены разнообразными и неотвратимыми способами. Имѣя предъ собою опредѣленіе того же суда о томъ, что подсудимый «несомнѣнно виновенъ», — присяжные засѣдатели приступятъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ надлежащей свободы мышленія, при чемъ столь важное для правосудія требованіе закона, какъ вмѣненіе предсѣдателю въ обязанность не обнаруживать своего мнѣнія о винѣ и невиновности подсудимаго (Уст. угол. суд. ст. 804), обратится въ лишенную всякаго значенія и даже лицемѣрную формальность. Такимъ образомъ преданіе суду по значительному числу дѣлъ станетъ равносильнымъ осужденію подсудимаго—и судъ присяжныхъ обратится въ этихъ случаяхъ въ простое орудіе суда коронваго, неудобное по своей сложности, излишнее по своей задачѣ и безплодно отяготительное для мѣстнаго населенія, призываемаго къ участію въ немъ.

Эти соображенія мои были всецѣло раздѣлены Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ.

Обращаясь къ *суду съ участіемъ сословныхъ представителей*, совѣщаніе высказалось объ общихъ свойствахъ этого суда въ настоящее время. Свойства эти не могутъ быть признаны отрадными и во многихъ отношеніяхъ идутъ въ разрѣзъ съ тѣми требованіями, которымъ долженъ удовлетворять правильно устроенный судъ. Такъ, прежде всего, пріобщаемые къ составу Палатъ

«временные члены» почти никогда не вносять въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій. Въ многолѣтней практикѣ бывшаго Старшаго Предсѣдателя Кіевской, а нынѣ Московской Судебной палаты—на массу дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей пришлось лишь одно дѣло, въ которомъ эти представители образовали, стойкою защитою и единствомъ своихъ мнѣній, большинство. По заявленію Старшаго Предсѣдателя одной изъ другихъ Палатъ «временные члены» относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и во всякомъ случаѣ не вносятъ въ обсужденіе дѣла той строгости, въ разсчетѣ на которую была создана подсудность по 201[1] и 1105 ст. Уст. угол. суд. Напримѣръ, по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ, обыкновенно, по входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла,—представители дворянства справляются о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе и съ размѣромъ его сообразуютъ и выводъ свой о виновности,—представители города спрашиваютъ у предсѣдателя—нельзя ли оправдать подсудимаго? Волостные же старшины на вопросъ о ихъ мнѣніи обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: «какъ прикажите?» Поэтому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорное тенденціозное и, слѣдовательно, неправосудное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываетъ практика Палатъ (подтверждаемая и кассаціонными рѣшеніями) *надлежащіе* сословные представители отъ дворянства и городовъ всемѣрно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно не подходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею и т. п.—Между тѣмъ участіе сословныхъ представителей дѣлаетъ этотъ судъ чрезвычайно громоздкимъ, неудобнымъ для сторонъ и свидѣтелей и очень дорого стоющимъ. Въ послѣднемъ отношеніи были указаны примѣры, гдѣ по одному изъ дѣлъ, подсудныхъ этому суду, въ Казанскомъ округѣ, судебныя издержки дошли до 1,600 руб. сер., а по другому, въ Московскомъ округѣ, даже до 6,000 руб, сер.—Хотя и были, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказаны мнѣнія, что сословныя представители, при болѣе самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, могли бы принести свою долю пользы, сообщая цѣнныя для судей мѣстныя и бытовыя свѣдѣнія,—но большинство признало, что этою гадательною пользою не искупаются приведенные выше недостатки, вызываемые ст. 201[1] и 1105 Уст. угол. суд.

Переходя къ вытекающему изъ такого вывода вопросу о томъ, чѣмъ же возможно было бы замѣнить такой судъ, члены совѣщанія раздѣлились во взглядахъ. *Шесть лицъ* нашли, что сословные представители могли бы, съ пользою для правильнаго отправ-

ленія правосудія по особымъ дѣламъ, предусмотрѣннымъ только-что упомянутыми статьями Уст. угол. суд., быть замѣнены *спеціальными присяжными засѣдателями* исполняющими всѣ обязанности обыкновенныхъ засѣдателей, но засѣдающими въ уменьшенномъ количествѣ—до 9-ти и даже до 6-ти и съ повышеннымъ имущественнымъ, образовательнымъ и профессіональнымъ цензомъ.—*Восемь лицъ*, находя затруднительнымъ найти достаточное число такихъ спеціальныхъ присяжныхъ и опасаясь, что возможность такого состава лишь въ губернскихъ городахъ приведетъ къ сосредоточенію въ нихъ всѣхъ особыхъ дѣлъ въ ущербъ населенію, полагали болѣе цѣлесообразнымъ прямо передать всѣ эти дѣла Окружнымъ Судамъ безъ участія присяжныхъ въ нѣсколько усиленномъ, быть можетъ, составѣ,—на случай, если бы апелляціонная инстанція была упразднена. *Два лица*, со своей стороны, находили возможнымъ вновь передать всѣ эти дѣла обыкновеннымъ присяжнымъ, возрастающая за послѣднее время репрессія приговоровъ коихъ служитъ, повидимому, ручательствомъ, что и по этимъ дѣламъ рѣшенія присяжныхъ будутъ отличаться надлежащею и справедливою строгостью. Затѣмъ *два лица* высказались за учрежденіе по особымъ дѣламъ (201^1 и 1105 ст. Уст. угол. суд.) новой формы суда—въ видѣ засѣдателей отъ сословій, избираемыхъ изъ лицъ, обладающихъ высокимъ цензомъ, самими сословіями и входящихъ, по мнѣнію одного лица, въ составъ Судебной Палаты въ числѣ трехъ,—а по мнѣнію другаго, въ составъ Окружного Суда въ числѣ отъ 4 до 6-ти.

Наконецъ, *два лица* высказали по отношенію къ организаціи суда присяжныхъ такія предположенія, которыя, по существу своему, устраняютъ и самый вопросъ о выдѣленіи какихъ-либо дѣлъ изъ общей подсудности присяжныхъ засѣдателей, однимъ изъ нихъ предложено соединеніе суда общественныхъ представителей (присяжныхъ засѣдателей) съ судомъ короннымъ безъ раздѣленій ихъ главнѣйшихъ функцій, а напротивъ со сліяніемъ ихъ въ одной общей работѣ, подобно тому, какъ это изложено въ проектѣ Гальперта для Женевскаго кантона. При такомъ соединеніи предполагается, что присяжные внесутъ независимость сужденія, непосредственность живого воспріятія впечатлѣній и пониманіе житейской стороны дѣла, а судьи, находящіеся въ меньшинствѣ, не подавляя ихъ своими голосами, внесутъ чувство законности и юридическій опытъ. Такой судъ долженъ бы состоять изъ трехъ коронныхъ судей и девяти присяжныхъ засѣдателей, составляющихъ одну коллегію и рѣшающихъ сообща вопросы о винѣ и о наказаніи, причемъ вопросы процессуальнаго свойства разрѣшаются однимъ лишь коронным судомъ. Эта смѣшанная коллегія, по условіямъ своей дѣятельности, устранила бы необходимость руководящаго напутствія и примѣненія 818 ст. Уст. угол. суд. и, конечно, была бы компетентна для разрѣшенія всякаго рода дѣлъ,

нынѣ изъятыхъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей, сверхъ дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ. — Другое изъ лицъ, примыкающихъ къ такому взгляду на организацію суда присяжныхъ и находящее, что судъ этотъ долженъ состоять изъ одного судьи и шести присяжныхъ, предложило обязать предсѣдателя суда участвовать въ разрѣшеніи присяжными вопроса о виновности и о размѣрѣ наказанія съ правомъ рѣшительнаго голоса, съ тѣмъ, чтобы процессуальные вопросы, возникающіе по дѣлу, разрѣшались исключительно судомъ короннымъ единолично или коллегіально.

Примѣненіе *Женевскаго закона 1890 года,* о совѣщательномъ участіи предсѣдателя при обсужденіи присяжными вопроса о виновности подсудимаго и объ участіи присяжныхъ въ назначеніи наказанія, отвергнуто совѣщаніемъ большинствомъ 19 голосовъ противъ одного, при чемъ однако нѣкоторыми высказана мысль о необходимости предоставить присяжнымъ право, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій при разрѣшеніи дѣла, приглашать къ себѣ въ совѣщательную комнату для помощи и разъясненій предсѣдателя суда.

Наконецъ, прокуроры безприсяжныхъ округовъ высказали — Варшавскій, что лавники гминныхъ судовъ, подобные шёффенамъ германскаго права, оказываются довольно несостоятельными для судейской дѣятельности и что введеніе суда присяжныхъ и въ Царствѣ Польскомъ представляется желательнымъ, — и Тифлисскій, что на Сѣверномъ Кавказѣ возможно было бы, съ пользою для дѣла правосудія, допустить участіе въ судѣ общественнаго элемента во всякомъ видѣ съ нѣкоторыми лишь условіями въ виду примѣси къ русскому населенію инородческаго элемента.

Таковы выводы, къ коимъ пришло совѣщаніе по главнѣйшимъ изъ подлежащихъ его обсужденію вопросовъ. Мнѣ остается просить снисхожденія за невольныя; быть можетъ упущенія въ моемъ сжатомъ изложеніи этихъ выводовъ. Мнѣ не приходится его просить за сложность и разнообразіе вопросовъ, вызвавшихъ напряженный трехдневный трудъ вашъ, милостивые государи, ибо глубокая важность предмета, занимавшаго насъ эти дни, для дѣла правосудія въ отечествѣ нашемъ — служитъ мнѣ достаточнымъ оправданіемъ.

VI.

ПРЕДѢЛЬНЫЙ ВОЗРАСТЪ ДЛЯ СУДЕЙ.

(Сообщеніе въ общемъ совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ 4 января 1895 года).

Вопросъ объ установленіи предѣльнаго возраста для судей, т. е. такого, по достиженіи котораго не допускалась бы дальнѣйшая служба въ должностяхъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ судейскихъ обязанностей,—возникъ у насъ впервые еще при составленіи судебныхъ уставовъ. Комиссія для начертанія проекта преобразованія судебной части, обсуждая правила объ увольненіи должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства отъ службы, считала нужнымъ, въ статьяхъ 195 и 196 Учрежденія судебныхъ установленій, указать, что лица эти, по достиженіи 75 лѣтъ, обязаны оставить службу по судебной части,—равно какъ обязаны сдѣлать это и тѣ, хотя бы и не достигшіе 75 лѣтъ судьи, которые, по слабости здоровья или инымъ причинамъ, въ теченіе двухъ лѣтъ сряду являлись къ должности не болѣе половины всего, въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ, числа присутственныхъ дней.

Постановляя, что должностныя лица судебнаго вѣдомства, достигшія этого возраста, обязаны оставлять службу по судебному вѣдомству, комиссія имѣла въ виду, что хотя бываютъ случаи, въ коихъ люди и старѣе 75-ти лѣтъ сохраняютъ и физическія и умственныя силы, но эти случаи относительно весьма рѣдки,—вообще же человѣкъ въ такомъ возрастѣ подверженъ разнымъ недугамъ, препятствующимъ трудиться съ тою энергіею и непрерывною дѣ-

ятельностью, какія необходимы для исполненія трудныхъ на судебномъ поприщѣ обязанностей. Достигшіе на службѣ столь глубокой старости имѣютъ полное право на отдохновеніе, а притомъ желательно, чтобы, для поддержанія самого суда, ослабѣвающіе дѣятели его были замѣняемы свѣжими силами.

Въ развитіе этихъ правилъ предполагалось постановить, что въ случаѣ котораго либо изъ указанныхъ въ ст. 195 и 196 препятствій къ продолженію службы, должностное лицо обязано само просить объ увольненіи, а буде сего не исполнитъ, то надлежитъ письменно напомнить ему объ этой обязанности. Если же и затѣмъ, въ продолженіе опредѣленнаго двухъ-недѣльнаго срока, просьба объ увольненіи отъ службы не будетъ подана, то судебное мѣсто, къ которому принадлежитъ это должностное лицо, въ общемъ собраніи своихъ отдѣленій или Департаментовъ, постановляетъ объ увольненіи его отъ службы, не иначе однакожъ, какъ по истребованіи отъ него объясненій и по выслушаніи заключенія лица прокурорскаго надзора. Такое постановленіе суда можетъ быть обжаловано и подлежитъ разсмотрѣнію высшаго суда, также въ общемъ собраніи и, въ случаѣ утвержденія, поступаетъ на усмотрѣніе власти, опредѣлившей увольняемое лицо къ должности (ст. 197, 198).

При разсмотрѣніи проекта Учрежденія судебныхъ установленій въ Сенатѣ, куда онъ былъ посланъ на заключеніе, *семнадцать сенаторовъ,* въ числѣ которыхъ были Корніолинъ-Пинскій, Матюнинъ, Любощинскій и др., высказались безусловно противъ предѣльнаго возраста и порядка увольненія судей по 196 ст. Они нашли, что помѣщать въ законѣ въ числѣ условій, препятствующихъ продолжать службу, 75-лѣтній возрастъ не представляется удобнымъ. Правительство, награждая заслуги должностныхъ лицъ и назначая ихъ на мѣста, имѣющія высшее значеніе, всегда принимало, въ числѣ уваженій, долговременную службу и многолѣтнюю опытность; если же оно и убѣждалось, что нѣкоторые изъ судей, достигнувъ на службѣ преклонныхъ лѣтъ, не могли уже быть точными исполнителями лежащихъ на нихъ обязанностей, то для отклоненія ихъ отъ дальнѣйшаго служенія, употребляло обыкновенно мѣры, которыя въ общепринятыхъ понятіяхъ не носили въ себѣ никакого оттѣнка оскорбленія. При такомъ взглядѣ еще менѣе было бы удобно постановлять въ законѣ обязательное требованіе подачи просьбы объ отставкѣ, ибо просьба есть всегда выраженіе собственнаго желанія и не можетъ быть вынуждаема, такъ какъ это составляло бы нравственное насиліе, несовмѣстное съ достоинствомъ закона, особенно въ сопровожденіи угрозы, какъ предположено статьею 197 проекта. Эта угроза не оправдывается даже необходимостью: въ ст. 195 уже постановлено, что при данныхъ условіяхъ служащій *обязанъ* удалиться отъ службы, а потому нѣтъ надобности въ особыхъ о томъ предупрежденіяхъ, такъ какъ по-

слѣдствія неисполненной обязанности сами собою разумѣются. Справедливѣе было бы постановить, что достиженіе на службѣ 75-лѣтняго возраста даетъ право на званіе неприсутствующаго члена судебнаго мѣста, съ сохраненіемъ полнаго штатнаго оклада. Такимъ образомъ, безъ оскорбленія, справедливымъ путемъ, была бы достигнута предположенная комиссіею цѣль. Расходъ же Государственнаго Казначейства на производство содержанія лицамъ столь глубокой старости былъ бы однимъ изъ наименѣе обременительныхъ, продолжаясь немногіе годы.

Это мнѣніе было раздѣлено соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта, которые нашли, что подлежащее исключенію изъ проекта правило, установляемое 195 статьею Учр. суд. уст.—въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ видъ какъ бы наказанія за то, что должностное лицо достигло извѣстныхъ лѣтъ на службѣ. Равнымъ образомъ соединенные Департаменты сочли неудобными и постановленія ст. 196 и 197 проекта объ увольненіи отъ службы безъ прошенія лицъ, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ являлись въ должности не болѣе половины всего, въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ, числа присутственныхъ дней,—между прочимъ и потому, что при этомъ счетѣ дней легко возможны ошибки, тогда какъ отъ одного лишняго дня зависитъ оставленіе или увольненіе должностного лица...

Черезъ двадцать четыре года вопросъ этотъ былъ возбужденъ вновь. Представленіемъ въ Государственный Совѣтъ по Министерству Юстиціи, отъ 26 октября 1888 года, предположено, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить слѣдующія правила:

1) Должностныя лица судебнаго вѣдомства, на коихъ распространяется дѣйствіе ст. 243 Учр. суд. уст., обязаны оставить службу по сему вѣдомству по достиженіи ими слѣдующихъ возрастовъ: предсѣдатели судебныхъ мѣстъ—*шестидесяти пяти лѣтъ,* члены Судебныхъ Палатъ, товарищи предсѣдателей и члены Окружныхъ Судовъ, а также старшіе нотаріусы—*шестидесяти лѣтъ,* и судебные слѣдователи—*пятидесяти пяти лѣтъ.*

2) Министръ Юстиціи имѣетъ право испрашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе на продолженіе службы тѣмъ изъ достигшихъ предѣльнаго возраста должностнымъ лицамъ, относительно которыхъ онъ признаетъ это для пользы службы необходимымъ. Такое разрѣшеніе можетъ быть испрошено каждый разъ только на *три года.*

3) Если въ теченіе двухъ недѣль по наступленіи указанныхъ въ ст. 1 предѣльныхъ сроковъ службы должностное лицо не подастъ просьбы объ увольненіи, то оно увольняется отъ службы безъ прошенія, порядкомъ въ ст. 230 Учр. суд. уст. указаннымъ, и съ соблюденіемъ правила слѣдующей 231 статьи.

Приведеніе въ дѣйствіе этихъ правилъ относительно лицъ,

подлежащихъ увольненію по случаю достиженія ими предѣльнаго возраста и еще не выслужившихъ права на установленную пенсію, предполагалось связать съ испрошеніемъ имъ усиленныхъ пенсій изъ Государственнаго Казначейства, противъ чего, однако, представлялъ спеціальныя и весьма настойчивыя возраженія бывшій Министръ Финансовъ.

Представленіе это не получило еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, и на обсужденіе общаго совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ поставленъ между прочимъ и вопросъ о томъ, представляется ли необходимымъ или по крайней мѣрѣ полезнымъ установленіе для службы лицъ судебнаго вѣдомства предѣльнаго возраста между 65 и 55 годами съ увольненіемъ въ силу закона лицъ, достигшихъ этого возраста, на пенсію или съ оставленіемъ ихъ на службѣ по особому каждый разъ Высочайшему соизволенію?

Такимъ образомъ этотъ важный для судебнаго вѣдомства въ бытовомъ, матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ—вопросъ является открытымъ и вызывающимъ всякаго, сроднившагося съ судебнымъ вѣдомствомъ, на новыя и разнообразныя размышленія.

Не входя пока въ обсужденіе существенныхъ соображеній, приводимыхъ въ пользу введенія предѣльнаго возраста, нельзя не остановиться на внѣшнихъ условіяхъ, коими должно, по приведеннымъ выше предположеніямъ, опредѣляться и видоизмѣняться приложеніе самаго начала о предѣльномъ возрастѣ.

Для предсѣдателей судебныхъ мѣстъ—этотъ возрастъ на 5 лѣтъ выше чѣмъ для членовъ Судовъ и Палатъ. Почему? Развѣ дѣятельность предсѣдателя судебнаго мѣста, завершающая для многихъ долгіе годы непрерывныхъ тревогъ на должности прокурора, усиленной и отвѣтственной службы товарищемъ предсѣдателя, или усидчиваго и кропотливаго труда члена Палаты, связана съ успокоивающею нравственныя и физическія силы безмятежностью? Въ окружныхъ судахъ II, III и IV разряда предсѣдатель несетъ въ сущности всѣ обязанности товарища предсѣдателя, дополненныя необходимостью руководить общимъ собраніемъ, надзирать за судебными приставами и вѣчно безпокоиться о нахожденіи въ должномъ порядкѣ денежной отчетности и наличности, поручаемыхъ обыкновенно и по необходимости помощнику секретаря. Кромѣ того онъ вынужденъ имѣть дѣло съ одною изъ наиболѣе тягостныхъ на службѣ вещей—съ мелочными самолюбіями и преувеличенными самомнѣніями. О дѣятельности старшаго предсѣдателя Палаты и говорить нечего. У него столько разнообразныхъ обязанностей по періодическому засѣданію въ избранномъ имъ Департаментѣ Палаты, по надзору за округомъ, по общимъ собраніямъ

Палаты, по распредѣленію права предсѣдательствованія съ присяжными между членами судовъ, по веденію дѣлъ по 201[1] и 1005 ст. Уст. угол. суд. съ сословными представителями, что должность его, въ томъ видѣ, какъ она поставлена у насъ въ послѣднее время, одна изъ труднѣйшихъ и требующихъ чрезвычайнаго и непрерывнаго напряженія силъ. Поэтому предсѣдатель Суда и старшій предсѣдатель Палаты, правильно понимающіе свои обязанности, должны сильнѣе «сгорать» въ своей разнообразной работѣ и во всякомъ случаѣ «изнашиваться» физически и нравственно отнюдь не позже регулярно трудящихся членовъ цивилистовъ и тоскующихъ въ засѣданіяхъ съ присяжными криминалистовъ. Однако, назначить *имъ* 60 лѣтній возрастный предѣлъ судебной дѣятельности, установивъ 65 лѣтній для членовъ судебныхъ мѣстъ, было бы несправедливо и походило бы на своего рода privillegium odiosum за успѣшное прохожденіе службы. Во всякомъ случаѣ и тѣхъ, и другихъ слѣдовало бы сравнять въ этомъ отношеніи.

Затѣмъ, почему взяты такія цифры для разныхъ видовъ предѣльнаго возраста? Почему 65 лѣтъ, а не 70 и 75 лѣтъ французскаго и бельгійскаго закона или не 75 лѣтъ, намѣченные составителями судебныхъ уставовъ? Для человѣка, ведшаго трудовую и скромную жизнь, 55—60 лѣтъ далеко не всегда соединены съ умственнымъ угасаніемъ или физическими немощами. Все зависитъ отъ индивидуальности, отъ образа жизни, отъ житейски-пережитаго, отъ способности жить отзывчиво на общіе интересы, не замыкаясь въ узкіе, профессіональные и лично эгоистическіе взгляды, подготовляющіе почву для преждевременной ипохондрической дряхлости. Наконецъ—оставленіе судьи еще на три года службы по достиженіи предѣльнаго срока каждый разъ по Высочайшему разрѣшенію, испрошенному Министромъ Юстиціи, не подорветъ ли оно, въ самомъ принципѣ, идею установленія предѣльнаго возраста и не создастъ ли цѣлый рядъ нежелательныхъ явленій въ судебномъ вѣдомствѣ? Судья, близящійся къ роковому для него предѣлу, вмѣсто спокойнаго взиранія на свое личное и служебное будущее, не будетъ ли вынужденъ задумываться о необходимости искательства у своихъ предпоставленныхъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть отзывъ о немъ въ центральное управленіе Министерства Юстиціи? Развѣ мысль объ этомъ и тревога предъ возможностью быть, на склонѣ дней, высаженнымъ за бортъ судебнаго корабля, а также дурно понятые или избранные способы *показаться энергичнымъ, полезнымъ* и даже *нужнымъ* для службы не отразятся на достоинствѣ дѣятельности стараго судьи и на результатѣ ея—на его приговорахъ и рѣшеніяхъ? Развѣ не придется бояться, чтобы необходимая самостоятельность судьи и его свободная отъ личной зависимости спокойная объективность не стали прямо пропорціональны постоянно уменьшающемуся разстоянію, отдѣляющему его отъ грознаго предѣльнаго срока? Наконецъ, почему именно *три года,* а

не пять лѣтъ, какъ въ Университетахъ и Военно-Медицинской Академіи? Эти три года напоминаютъ самую слабую сторону выборнаго мирового института... И тамъ только первый годъ проходитъ въ полномъ спокойствіи и отсутствіи заботы о своемъ положеніи,— на второй годъ чаще и чаще рисуется образъ недовольнаго избирателя или его вліятельнаго вдохновителя,—а на третій—служебное «memento mori» должно отравлять уравновѣшенность духа и вызывать стремленіе возстановить ее, иногда путемъ печальныхъ и даже унизительныхъ заискиваній предъ избирателями. Всѣ мы знаемъ, что это такъ или почти такъ. Къ чему же это начало тревоги и неувѣренности вноситъ и въ область общихъ судовъ, заставляя стариковъ, прослужившихъ многіе годы на судебной работѣ, въ понятномъ бозпокойствѣ, при приближеніи предѣльнаго возраста, стремиться въ Петербургъ, чтобы держать въ просительской осадѣ пріемную Министра и Департаментъ личнаго состава, напуская на себя внѣшнее спокойствіе и выдавая себя пытливымъ, встревоженнымъ и подернутымъ затаенною грустью и обидою взоромъ?

Установленіе предѣльнаго возраста по судебному вѣдомству есть отрицаніе за старостью вообще пригодности для исполненія работы, требующей неослабной энергіи и напряженія душевныхъ силъ и способностей. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли старость уже такъ безпомощна сама по себѣ и безполезна для окружающихъ? Развѣ «охлажденны лѣта» безусловно обрекаютъ человѣка на жизнь въ прошломъ, въ области воспоминаній, дѣлая его въ дѣятельной и быстро бѣгущей жизни настоящаго лишь докучнымъ гостемъ, запоздавшимъ уйти? Ужели старику только и остается, что перебирать безполезными руками засохшіе цвѣты съ забытыхъ могилъ и взирать мертвенными и безучастными взорами на то, какъ вокругъ него, окруженнаго нетерпѣливымъ внѣшнимъ почтеніемъ, кипитъ молодая кровь и прилагается къ живому дѣлу избытокъ бодрыхъ силъ?

Жизнь говоритъ намъ другое. Западъ, гдѣ дѣятельность болѣе яркая и напряженная, гдѣ борьба за личное и матеріальное существованіе гораздо острѣе, чѣмъ у насъ, — этотъ Западъ блеститъ въ послѣднюю четверть вѣка именами старцевъ, которымъ могли бы позавидовать многіе молодые. Стоитъ вспомнить Тьера и его сподвижниковъ, стоитъ подумать, что лишь недавно сложили трудовыя руки—да еще и сложили ли окончательно—Бисмаркъ и Гладстонъ и что почти всѣ свѣтила умственной и научной дѣятельности Запада, въ ея разнообразныхъ отрасляхъ, сошли съ житейской сцены, давно перешагнувъ чрезъ то, что мы думаемъ обозначить словомъ «предѣльный возрастъ». Но и у насъ, даже въ туманномъ Петербургѣ, при всей неравномѣрности распредѣленія

умственнаго труда, при тяжелыхъ условіяхъ физической жизни, вызываемыхъ дурнымъ климатомъ, отсутствіемъ свѣта и тепла, при скудости яркихъ, оживляющихъ впечатлѣній, живутъ и дѣйствуютъ старцы, у которыхъ молодежь можетъ научиться энергіи и «дѣятельной любви» къ своему труду. Первыми шагами вновь образованнаго въ 1866 году Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента руководилъ глубокій старикъ Корніолинъ-Пинскій. Его знанія, умъ и способность необыкновенно быстро и глубоко усвоить себѣ основные пріемы новаго уголовнаго процесса — оставили свои слѣды на первыхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и блестяще проявились на первомъ, образцово имъ веденномъ, въ Сенатѣ дѣлѣ съ участіемъ присяжныхъ. А физически онъ былъ такъ слабъ, что его приходилось приносить въ засѣданія въ креслѣ. Два года назадъ скончался сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Ему было 75 лѣтъ, но всякій, кто встрѣчалъ его въ жизни или на службѣ, знаетъ, какая масса духовныхъ силъ таилась въ его свѣжей, впечатлительной и богатой душѣ и неудержимо рвалась изъ нея, выражаясь въ стойкой работѣ, въ словѣ, въ дѣлѣ, въ величавомъ и энергическомъ жестѣ. И не только въ званіи Сенаторовъ, но и въ должностяхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Палатъ въ первое двадцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ прошелъ предъ нами рядъ бодрыхъ духомъ и неустанныхъ въ безупречно выполняемой работѣ людей, которые или перешли за 60 лѣтній возрастъ или стояли на его порогѣ. И въ возрастѣ гораздо большемъ, чѣмъ самый предѣльный изъ предѣльныхъ, въ возрастѣ 80 лѣтъ, мы съ гордостью могли бы указать дѣятелей, приносимая которыми польза оцѣнена всѣми и признана съ высоты Престола. Достаточно указать на двухъ братьевъ Гротъ. Одинъ — Яковъ Карловичъ, умершій въ 1893 году, на 81 году жизни, до конца своихъ дней несъ, неутомимо и плодотворно, разностороннія обязанности вице-президента Академіи наукъ, — отзывчивый на все живое въ области умственнаго труда и предъ смертью еще, бодро взирая впередъ, собиравшій матеріалы для біографіи Пушкина и затѣявшій изданіе академическаго словаря русскаго языка; другой — Константинъ Карловичъ, тоже достигшій 80 лѣтъ, вложилъ, въ эти послѣдніе годы, въ организацію по всей Россіи учрежденій для призрѣнія и лѣченія слѣпыхъ неутомимую энергію дѣятельности, названной въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя «любвеобильною». Но будь носители этихъ глубоко почтенныхъ именъ на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ при дѣйствіи закона о предѣльномъ возрастѣ, имъ пришлось бы уже 15 лѣтъ назадъ быть обреченными на вынужденное бездѣйствіе. Они должны бы были быть признаны неспособными быть предсѣдательствующими судьями. А между тѣмъ одновременно съ К. К. Гротомъ воздано Высочайшее признаніе заслугъ Н. Х. Бунге, тоже перешедшему уже нѣсколько лѣтъ за нашъ предполагаемый предѣльный возрастъ, — при чемъ въ рескриптѣ на его имя именно указано на исполненное вы-

сокой полезности и умѣнья предсѣдательствованіе его въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, стоящихъ, неизмѣримо выше всякаго Окружного Суда или Палаты по своимъ задачамъ и по объему своей дѣятельности.

Поэтому лишь въ индивидуальныхъ свойствахъ судьи, въ его случайныхъ физическихъ немощахъ, въ его непредвидѣнномъ моральномъ ослабленіи, можетъ лежать нѣкоторая непригодность его для званія судьи, — а не въ возрастѣ, для всѣхъ равномъ, независимо отъ личныхъ свойствъ. Это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что, напримѣръ, изъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената, гдѣ требуется усиленная и постоянная дѣятельность, переводятся въ Судебные Департаменты Сената прежняго устройства и въ общія ихъ собранія преимущественно не старшіе изъ кассаціонныхъ Сенаторовъ по лѣтамъ и назначенію, а гораздо болѣе молодые, которымъ, въ силу разныхъ личныхъ, или исключительныхъ причинъ, становится тяжела трудная кассаціонная служба.

Напрасно указывается нѣкоторыми на то, что предѣльный возрастъ существуетъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ, что онъ желателенъ для врачей и техниковъ разнаго рода и что поэтому нѣтъ основаній не распространить его и на чиновъ судебнаго вѣдомства. Въ этомъ отождествленіи кроется большая ошибка. Лицамъ, упомянутымъ мною, должны всегда вѣрно и неизмѣнно служить ихъ внѣшнія чувства и ихъ физическая выносливость. Военная служба, въ главныхъ своихъ отправленіяхъ, немыслима при неспособности сѣсть на лошадь, при ослабленіи зрѣнія, препятствующемъ правильному прицѣлу, при болѣзненной старческой чувствительности къ перемѣнамъ температуры и т. п. То же примѣнимо и къ моряку, судьбою отданному на борьбу со стихіями. Машинистъ, телеграфистъ, начальникъ желѣзнодорожной станціи — должны находиться въ полномъ обладаніи всѣхъ внѣшнихъ способностей, должны быть постоянно на сторожѣ, на чеку. Отъ ошибочнаго впечатлѣнія воспринятаго ихъ внѣшними чувствами въ ихъ поспѣшной, непрерывной работѣ могутъ произойти большія несчастія. То же можно сказать и о врачѣ—его правильный діагнозъ требуетъ употребленія способовъ и пріемовъ, обусловленныхъ тонкимъ развитіемъ воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ.

Но у судьи развитіе этихъ чувствъ не представляется еще существенно важнымъ. Онъ не долженъ быть, конечно, глухъ и слѣпъ, но его дѣятельность состоитъ, главнымъ образомъ, въ нравственной и юридической комбинаціи полученныхъ имъ и провѣренныхъ его сотоварищами данныхъ. Въ доказательствахъ «чувственный опытъ судьи» играетъ, какъ извѣстно, далеко не первую роль, да и непосредственность этого опыта почти никогда не выпадаетъ на долю исключительно одного лица. Центръ тяжести—тяжести и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ—лежитъ у судьи въ работѣ *шестого чувства,* — чувства совѣсти, — въ работѣ, гдѣ участвуетъ

внутренній взоръ, устремленный въ глубь сознанія, и *внутренній слухъ*, чуткій, къ голосу этой совѣсти, которая, вмѣстѣ со звѣзднымъ небомъ, убѣждала Канта въ существованіи Бога... Поэтому объ отождествленіи профессій здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Нельзя сравнивать предѣльный возрастъ судьи *съ предѣльными годами службы* профессоровъ, установленными въ ученомъ и учебномъ вѣдомствахъ. Профессоръ подлежитъ увольненію послѣ выслуги опредѣленнаго числа лѣтъ — 25-ти въ стѣнахъ и на кафедрѣ Университета или Военно-Медицинской Академіи; его предоставляется оставлять еще на льготный, дополнительный срокъ, пятилѣтній, — итого онъ остается на службѣ обыкновенно тридцать лѣтъ. Можно очень сомнѣваться въ основательности такого правила. Съ одной стороны примѣръ ученыхъ, какъ Гнейстъ, Моммзенъ, Миттермайеръ или какъ нашъ Рѣдкинъ, достигшихъ на кафедрѣ глубокой и плодотворной, окруженной любовью и уваженіемъ благодарныхъ слушателей, старости. а съ другой постоянныя нарушенія этого правила приглашеніемъ выслужившихъ срокъ профессоровъ въ качествѣ частныхъ преподавателей—даютъ полное право на такое сомнѣніе. Но, во всякомъ случаѣ, характеръ дѣятельности профессора и судьи разный. Первый долженъ вѣчно слѣдить за движеніемъ своей науки, идти за нею или, вѣрнѣе, съ нею шагъ за шагомъ. Одинаковое напряженіе въ этомъ отношеніи въ теченіе тридцати лѣтъ почти невозможно и, во всякомъ случаѣ, должно составлять исключительное явленіе. Не надо забывать, что область научныхъ наблюденій и выводовъ все растетъ и въ ширину, и въ глубину. Она требуетъ молодыхъ силъ, новыхъ точекъ зрѣнія, новыхъ горизонтовъ и неизвѣданныхъ путей. Поэтому смѣна поколѣній здѣсь можетъ играть немаловажную роль. Традиціи, преданія, незыблемость пріемовъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ иногда могутъ быть вредны, тормозя свободу научнаго мышленія. Но то, что не полезно для работы ученаго, необходимо и неизбѣжно въ дѣятельности судьи. Въ ней особенно цѣнны профессіональныя традиціи, создающія обязательный образъ поведенія и отношенія къ своему дѣлу въ рядѣ практическихъ случаевъ; въ ней должны соблюдаться преданія, установляющія преемственность взглядовъ на нравственныя обязанности судьи. Въ ней пріемы и способы изслѣдованія должны видоизмѣняться медленно и осторожно, лишь подъ давленіемъ насущныхъ потребностей жизни—и быстрая ихъ смѣна зачастую была бы признакомъ внутренней несправедливости тѣхъ или другихъ изъ нихъ. По существу своему наука прогрессивна, судебная дѣятельность — консервативна; взоръ ученаго устремленъ впередъ, къ новому, къ отысканію законовъ того или другого явленія; взоръ судьи обращенъ назадъ, къ отправнымъ точкамъ правосудія, къ освященнымъ вѣками началамъ общежитія, къ народному правосознанію, выраженному въ твердомъ словѣ закона, къ урокамъ собственнаго житейскаго опыта. Чѣмъ больше

этого опыта, чѣмъ больше знанія жизни и чѣмъ дольше приходилось имѣть дѣло съ толкованіемъ и приложеніемъ закона, тѣмъ глубже и, слѣдовательно, полезнѣе дѣятельность судьи. А многое изъ этого достигается годами этой дѣятельности, и накопляясь въ зрѣломъ возрастѣ, образуетъ опредѣленное цѣлое къ годамъ такъ называемой старости, той старости, которая, по выраженію великаго поэта, «ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ». Но эта осторожность и осмотрительность въ работѣ, касающейся судьбы человѣка, его имущества, его чести — суть главныя, необходимыя свойства судьи, внутренняя гарантія правильности его рѣшеній. Поэтому старость, если только она не сопровождается маразмомъ, не только не недостатокъ въ судьѣ, а скорѣе достоинство. Недаромъ вездѣ и во всѣ времена народъ избиралъ своими вожаками и въ особенности судьями «стариковъ» и «старшихъ», полагаясь на ихъ житейскую мудрость и самообладаніе.

Дѣятельность судьи гораздо ближе подходитъ къ дѣятельности пастыря церкви, чѣмъ къ педагогическому труду и изысканіямъ ученаго. И судья, и священникъ являются служителями отвлеченныхъ началъ, проникновеніе которыхъ въ общество поднимаетъ его, облагораживаетъ и даетъ нравственные устои собранію людей, обреченныхъ по физической своей природѣ на «bellum omnium contra omnes». Служеніе правосудію и религіи—есть прежде всего служеніе общественной нравственности. Область той и другой различна, пріемы служенія не сходны; судья сводитъ доступное человѣку въ условіяхъ мѣста и времени великое начало справедливости въ земныя людскія отношенія,—пастырь церкви, понимающій свою высокую задачу, поднимаетъ человѣка отъ мелочныхъ житейскихъ тревогъ и несчастій въ сферы вѣчныхъ началъ нравственности, надежды и любви къ ближнему,—но и тотъ, и другой служатъ, каждый по своему, сокровенной и непреходящей духовной жаждѣ вѣры и справедливости. Однако старость никогда не служитъ преградою для духовнаго лица въ его служеніи. Она украшаетъ это лицо, она придаетъ ему особый авторитетъ. Знаменитые церковные проповѣдники были стариками—и представленіе о лицѣ, подающемъ духовное утѣшеніе и изрекающемъ ободряющее слово прощенія, всегда невольно связывается съ почтенными сѣдинами старца, давно перешедшаго за грань животныхъ страстей. По отношенію къ духовнымъ лицамъ «предѣльный возрастъ» звучалъ бы болѣе чѣмъ странно, а между тѣмъ и они нуждаются въ полнотѣ умственныхъ и въ бодрости физическихъ силъ,—въ выносливости и въ способности къ серьезному выполненію всѣхъ своихъ обязанностей не менѣе, чѣмъ судьи. Между тѣмъ нельзя себѣ даже и представить возможности увольненія на покой, безъ ихъ собственной просьбы, такихъ пастырей, какъ напр. Иннокентій Харьковскій, Филаретъ Московскій, Платонъ Кіевскій, Макарій и др.—только потому, что они достигли «предѣльнаго возраста».

Увольненіе судей по «предѣльному возрасту» обрекаетъ ихъ на скудныя средства къ существованію, указанныя въ уставѣ о пенсіяхъ. Ничто не даетъ основанія расчитывать на скорый пересмотръ этого устава въ законодательномъ порядкѣ и на устраненіе изъ него механическаго дѣленія пенсіонеровъ на прослужившихъ до 25 лѣтъ и прослужившихъ до 35 лѣтъ, благодаря которому не годы дѣйствительнаго труда, а совершенно случайный и произвольный признакъ является мѣриломъ размѣра пенсіи, при чемъ девять съ половиною лѣтъ службы (отъ 25 до 34½ лѣтъ) вмѣняется ни во что. Трудно ожидать и широкаго примѣненія начала усиленныхъ пенсій, о которыхъ говорится въ представленіи Государственному Совѣту о предѣльномъ возрастѣ. Притомъ эти усиленныя пенсіи, противъ которыхъ, даже какъ противъ временной мѣры, настойчиво и категорически возражало финансовое вѣдомство, предположено выдавать въ теченіе 25 лѣтъ послѣ изданія закона о возрастномъ цензѣ лишь тѣмъ судьямъ, которые вступили въ судебное вѣдомство до изданія этого закона и не имѣли еще возможности выслужить какія либо права на пенсію или же выслужили недостаточный пенсіонный окладъ. А затѣмъ для будущихъ судей, да вѣроятно и для настоящихъ, остается заманчивая перспектива увольненія по предѣльному возрасту съ пенсіею въ установленномъ законами размѣрѣ. Размѣръ этихъ пенсій извѣстенъ. На немъ, вѣроятно, не разъ останавливалась тревожная мысль каждаго судьи, не обладающаго личными доходами, независимыми отъ службы. Это для члена Палаты или Окружного Суда—за 35 лѣтъ службы—572 руб. и за 25 лѣтъ—256 руб. сер., а для судебнаго слѣдователя—429 руб.—за 35 лѣтъ и 214½ руб.—за 25 лѣтъ, при чемъ надо замѣтить, что при предѣльномъ возрастѣ въ 55 лѣтъ—судебные слѣдователи *никогда* не будутъ выслуживать *полнаго* оклада, т. е. 429 руб. сер., ибо для этого слѣдовало бы поступить на службу 20½ лѣтъ, что, при необходимыхъ для существующаго *образовательнаго ценза* годахъ ученія,—представляется невозможнымъ.

Могутъ возразить, что есть и *эмеритальная пенсія*. Да, есть! Но, не говоря уже о томъ, что она въ извѣстной степени составляетъ возвращеніе судьѣ многолѣтнихъ вычетовъ изъ имъ же заработаннаго содержанія, размѣры ея вовсе не представляютъ такого обезпеченія, на которое судья могъ бы взирать безъ всякой тревоги за свое матеріальное положеніе. Члены Палаты и суда за 35 лѣтъ службы—получаютъ 900 руб. эмеритальной пенсіи, за 34 года уже только 660, а за 25 лѣтъ лишь 450 руб. Итакъ всей пенсіи—эмеритальной и казенной—они получаютъ за 35-лѣтнюю службу 1,472 руб., за 34-лѣтнюю службу—1,232 руб. и за 25-лѣтнюю—736 руб. Этотъ размѣръ впрочемъ иногда подлежитъ увеличенію, но для этого надо, чтобы судьба такого судьи, озабочиваясь лучшимъ устройствомъ его матеріальнаго положенія, сдѣ-

лала надлежащія распоряженія, предусмотрѣнныя статьями устава о пенсіяхъ и устава эмеритальной кассы, въ коихъ говорится о совершенно разстроенномъ здоровьѣ, о приключившейся тяжкой неизлечимой болѣзни, о разбитіи параличемъ, потерѣ разсудка, тяжкомъ увѣчьѣ и совершенной потерѣ зрѣнія или слуха.

И такъ вотъ при какихъ условіяхъ долженъ наступать предѣльный возрастъ для судей...

Таково довольно безотрадное положеніе судьи, достигшаго предѣльнаго возраста. Послѣ многихъ лѣтъ усиленнаго труда, добросовѣстное исполненіе котораго почти уничтожаетъ всякую возможность личной жизни и посторонняго заработка въ области науки, искусства и литературы, — онъ долженъ до крайности ограничить свои и безъ того скромныя потребности и въ безвѣстной бѣдности встрѣтить старость, которая имѣетъ законное право на нѣкоторый уходъ и скромныя житейскія удобства, вытекающія изъ склада всей предшествующей жизни. Но еще съ этимъ можно, скрѣпя сердце, помириться. Сначала, конечно, будетъ трудно втиснуть себя въ новыя, сжатыя и ограниченныя рамки жизни, но потомъ, подъ вліяніемъ привычки и свойственной человѣку приспособляемости къ внѣшнимъ условіямъ, все мало-по-малу устроится и, быть можетъ, скудная удобствами и новыми впечатлѣніями, жизнь сложится хотя безцвѣтно, но сносно. Это возможно однако лишь для одинокаго человѣка. Но много ли такихъ? Благо судьѣ, если у него есть престарѣлая мать, братья, сестры, въ заботѣ о которыхъ смягчается сердце, но по общему правилу судьѣ надо быть женатымъ. Ему надлежитъ не только видѣть и наблюдать, но и испытать на себѣ эту сторону жизни. Въ тихихъ радостяхъ семьи — для него главный источникъ поддержки и ободренія на трудовомъ пути; въ семейныхъ скорбяхъ, тревогахъ и даже разногласіяхъ—школа самообладанія и терпимости, столь необходимыхъ для внутренней стороны его судейской дѣятельности. Семейная жизнь ограждаетъ судью отъ несовмѣстимыхъ съ его званіемъ легкомысленныхъ увлеченій и вызываемаго ими ложнаго положенія, она избавляетъ его отъ щемящей тоски одиночества, заставляющей бѣжать изъ дому и «убивать время», пригрѣваясь около чужой семьи или проводя длинные вечера за картами. Семья, чрезъ дѣтей, связываетъ его съ послѣдующими поколѣніями и придаетъ взглядамъ, проводимымъ имъ въ его дѣятельности, мудрую и предусмотрительную заботу о нравственномъ будущемъ того общества, въ которомъ будутъ жить его дѣти. Его дѣти... но при этомъ словѣ— представленіе о предѣльномъ возрастѣ пріобрѣтаетъ особенно печальный колоритъ. Повидимому при составленіи проекта о предѣльномъ возрастѣ упущенъ изъ виду весьма важный элементъ для сужденія о справедливости и цѣлесообразности этого нововведенія. Этотъ элементъ — *брачный возрастъ*.

При существующей у насъ системѣ средняго образованія и

при дѣйствіи устава о воинской повинности, получающая высшее образованіе молодежь имѣетъ возможность вступать въ бракъ довольно поздно. За норму окончанія курса въ университетѣ можно принять, при благопріятныхъ притомъ условіяхъ, возрастъ отъ 22 до 23 лѣтъ, хотя не рѣдки случаи окончанія курса въ 24 и даже 25 лѣтъ. Потомъ слѣдуетъ годъ отбыванія воинской повинности и лишь затѣмъ уже наступаетъ для посвящающаго себя судебной дѣятельности служба. Но какая это служба? Кандидатство на судебныя должности и занятіе мѣстъ помощниковъ секретаря или, въ лучшемъ случаѣ, секретаря въ судебныхъ мѣстахъ. При строго и совершенно справедливо примѣняемомъ Министерствомъ Юстиціи четырехлѣтнемъ срокѣ для занятія должностей, сопряженныхъ съ самостоятельною дѣятельностью, указанномъ 205 и 210 ст. Учр. суд. уст., и при сравнительно медленномъ открытіи вакансій, кандидатъ на судебныя должности лишь подъ тридцать лѣтъ можетъ занять мѣсто товарища прокурора Окружного Суда или судебнаго слѣдователя, т. е. получить возможность обезпеченнаго, хотя и крайне скромнаго, въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ, существованія. Съ новымъ назначеніемъ обыкновенно сопряжено переселеніе въ совершенно новую мѣстность. Надо въ ней оглядѣться, устроиться, войти въ мѣстное общество, укрѣпиться въ своемъ служебномъ положеніи. Поэтому вопросъ о бракѣ въ большинствѣ случаевъ возникаетъ у лицъ судебнаго вѣдомства уже перешедшихъ 30 лѣтній возрастъ, и если только этотъ бракъ совершается не въ ослѣпленіи страсти, а съ сознаніемъ обязанностей, налагаемыхъ вновь учреждаемою семьею, и съ мыслью о дѣтяхъ, то можно сказать, не боясь погрѣшить противъ истины, что онъ заключается послѣ 35 лѣтъ, когда судебный дѣятель болѣе или менѣе приблизился къ скромному въ смыслѣ обезпеченія, но прочному положенію члена Окружного Суда. Итакъ, время отъ 35 до 40 лѣтъ — есть нормальное, хотя и довольно позднее время для вступленія въ бракъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Но при такомъ *брачномъ возрастѣ* судья, достигшій *предѣльнаго возраста*, будетъ имѣть старшихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 19 до 24 лѣтъ, т. е. — если это сыновья — окажется уволеннымъ отъ службы именно въ то время, когда имъ надо оканчивать курсъ и когда они, именно для этого, нуждаются въ напряженной матеріальной поддержкѣ со стороны родителей, которую придется болѣе или менѣе затѣмъ продолжать еще года три послѣ окончанія курса. И вотъ, въ это важное для судьбы дѣтей время, когда нельзя отказать сыну въ необходимыхъ расходахъ для успѣшнаго окончанія курса и первыхъ шаговъ жизни, когда «заневѣстившуюся», по живописному народному выраженію, дочь нельзя держать въ отчужденіи отъ умственной и общественной жизни ея сверстницъ, — въ это то именно время бюджетъ судьи сокращается почти на половину и тѣ скромные расходы, которые еще вчера казались возможными, становятся непозволительною и

неосуществимою роскошью. Тутъ уже не одно личное положеніе, но и самыя святыя чувства отца подвигнуть его на паломничество въ Петербургъ, на «осаду» Министерства, на проведеніе въ его стѣнахъ докучливыхъ для другихъ и тягостныхъ для себя минутъ «просительской тоски» и на исканіе чьего либо безплоднаго и деморализирующаго покровительства. Конечно, *вина* такого судьи большая: онъ достигъ предѣльнаго возраста! Но не будетъ ли уже слишкомъ строгимъ наказаніемъ ставить его въ такое положеніе, что онъ окажется вынужденнымъ сказать каждому изъ учащихся сыновей своихъ: твой дѣдъ былъ скромный труженикъ, ничего не оставившій мнѣ въ наслѣдство, — я женился на твоей матери по чувству, а не по разсчету, и не имѣлъ случая, вкуса и возможности заняться какимъ-нибудь выгоднымъ предпріятіемъ, но вотъ нынѣ наступилъ «предѣльный возрастъ»—и тебѣ надо оставить спокойное занятіе наукою и чтеніемъ по предметамъ твоей спеціальности. Иди просить пособія у своего учебнаго начальства, иди—или нѣтъ! пойдемъ вмѣстѣ — искать уроковъ, занятій корректора и т. п..... Прости ты меня, старика, не могущаго поставить тебя на ноги своимъ трудомъ.....

Но, быть можетъ, скажутъ намъ — судья, уволенный по предѣльному возрасту, не лишенъ возможности заниматься на другихъ поприщахъ службы или частной дѣятельности и возмѣстить такимъ образомъ постигшую его матеріальную утрату. Дозволительно однако спросить—какія же это поприща и какія это частныя занятія? Добросовѣстная судебная дѣятельность требуетъ усидчивыхъ занятій въ предѣлахъ одной и той же профессіи; она поглощаетъ человѣка, одареннаго обыкновенными, средними способностями, всецѣло, и оставляемый ею досугъ неизбѣжно и по праву долженъ принадлежать отдыху въ той или другой формѣ. Поэтому— предѣльный возрастъ будетъ заставать судью совершенно не приготовленнымъ не только къ какой либо службѣ, требующей техническихъ знаній и опыта (каковы напримѣръ акцизная, податная, желѣзнодорожная и т. п. службы), но и къ частной профессіи ремесленнаго или промышленнаго характера. Трудно, чтобы не сказать невозможно, себѣ представить отставного судью во главѣ типографіи, фотографическаго заведенія, переплетной или столярной мастерской и т. п. Да и тѣ вѣдомства, гдѣ нужны или полезны юридическое образованіе и навыкъ, едва ли возьмутъ къ себѣ такого судью. Шестидесяти или шестидесятипятилѣтнему, пришлому изъ другого вѣдомства, человѣку нельзя поручить прямо отвѣтственной и требующей спеціальнаго опыта должности вице-директора или даже старшаго дѣлопроизводителя, на которую притомъ масса «своихъ» заслуженныхъ кандидатовъ.

О частной службѣ и говорить нечего. Въ провинціи ея нѣтъ или почти нѣтъ. Въ большихъ городахъ и въ столицахъ, при современной «борьбѣ за существованіе» у старика всегда окажется масса болѣе

молодыхъ, предпріимчивыхъ и, быть можетъ, болѣе покладистыхъ конкурентовъ, за плечами которыхъ не стоятъ годы окруженнаго уваженіемъ самостоятельнаго труда и которымъ, поэтому, легче приноровляться къ личнымъ взглядамъ и капризамъ хозяина или къ высокомѣрному снисхожденію собственника какого нибудь «интеллигентнаго» предпріятія. Банки, заводскія и фабричныя конторы, правленія акціонерныхъ обществъ, редакціи газетъ и т. п. завалены предложеніями труда и едва ли нуждаются для своихъ обыденныхъ функцій въ старикахъ съ юридическимъ образованіемъ и неудобною привычкою къ самостоятельности... Остается служба частному человѣку въ его частныхъ, личныхъ дѣлахъ. Но — изъ уваженія къ судейскому званію лучше не заглядывать въ эту область... То, что возможно для большинства отставныхъ чиновниковъ—нравственно невозможно для судьи. Они идутъ, напримѣръ, часто, иногда и во время состоянія на службѣ, въ управляющіе домами богатыхъ людей — и даже весьма цѣнятся въ этомъ званіи, оплачиваемомъ обыкновенно квартирою въ натурѣ. Но развѣ возможно, чтобы бывшій судья, который еще вчера, при молчаніи почтительно вставшей публики, провозглашалъ рѣшенія и приговоры отъ имени Императорскаго Величества—являлся сегодня у мирового судьи съ ходатайствомъ о выселеніи неисправнаго въ платежѣ жильца, или вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ описывалъ его имущество, или же выступалъ повѣреннымъ домовладѣльца по предъявленному полиціею обвиненію въ несвоевременной очисткѣ выгребныхъ ямъ?! Нѣтъ, лучше крайняя бѣдность, чѣмъ такая несовмѣстимая со всѣмъ прошлымъ роль....

Было бы, однако, несправедливо смотрѣть на «предѣльный возрастъ» лишь съ точки зрѣнія матеріальнаго обезпеченія судьи. Если положеніе дѣлъ таково, что отсутствіе смѣняемости по достиженіи опредѣленнаго возраста, отражается пагубно на судебной работѣ, то затрудненія, вызываемыя тягостною матеріальною обстановкою увольняемыхъ судей, не должны останавливать законодателя. Интересы населенія требуютъ правильнаго и успѣшнаго отправленія правосудія — и имъ можно принести въ жертву интересы отдѣльныхъ лицъ. Salus populi suprema lex!—Но таково ли дѣйствительное положеніе дѣла?—При возникновеніи послѣднихъ предположеній о введеніи предѣльнаго возраста выяснено, что число лицъ, имѣющихъ достигнуть этого возраста въ періодъ съ 1889 г. по 1900 г. включительно равняется, считая въ томъ числѣ и предсѣдателей, 342 (т. е. въ среднемъ около 29 человѣкъ въ годъ), изъ коихъ только 30 выслуживаютъ государственную и эмеритальную пенсію въ полномъ размѣрѣ. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ сборника статистическихъ свѣдѣній Министерства Юсти-

ціи за 1891 г.—въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ членовъ Палатъ было 167, членовъ Окружныхъ Судовъ—926 и судебныхъ слѣдователей—1,334, а всего—2,427 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ еще открыты—одинъ новый Департаментъ Палаты и четыре Окружныхъ Суда. Принимая во вниманіе добровольный выходъ въ отставку усталыхъ судей и слѣдователей,—повышеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ по службѣ и наконецъ смертность, столь сильную, по природѣ вещей, между людьми, перешедшихъ грань 55-ти лѣтъ, можно смѣло взять половину вышеприведенной цифры, такъ что въ нѣдрахъ судебнаго сословія окажется около 160 стариковъ, достигшихъ предѣльнаго возраста, т. е. менѣе чѣмъ $^1/_{15}$ часть или около 6°/o всего числа судей и слѣдователей. Но и между ними далеко не всѣ, конечно, должны находиться въ томъ состояніи физическаго ослабленія, противъ котораго направлено установленіе предѣльнаго возраста. Ихъ можетъ оказаться никакъ не болѣе половины, т. е. около 3°/o всего числа. Ужели такое количество «усталыхъ» судебныхъ чиновъ можетъ существенно повліять на отправленіе правосудія? Ужели ради нихъ надо повѣсить надъ головою всего судебнаго вѣдомства Дамокловъ мечъ предѣльнаго возраста и внѣдрить въ него начало тревоги, растущее съ каждымъ годомъ отбытаго труда, съ каждымъ годомъ труда предстоящаго? Если возрастъ слѣдователя и сопряженные съ нимъ немощи пойдутъ въ разрѣзъ съ его разъѣздами и вообще хлопотливою дѣятельностью, онъ самъ не въ силахъ будетъ продолжать свою работу или недостатки ея и вызываемыя ими взысканія укажутъ ему краснорѣчиво его дальнѣйшую непригодность. Но можно ли, по совершенно внѣшнему и въ высшей степени индивидуально-измѣнчивому признаку пресѣкать полезную дѣятельность человѣка, уменьшенная стремительность работы котораго съ избыткомъ искупается житейскимъ опытомъ и наростающимъ съ годами знаніемъ преступной стороны человѣческой природы? И развѣ судебная служба по существу своему такова, что для нея имѣютъ одинаковую цѣну и неофитъ, и ветеранъ школы жизни и наблюденія? Зачѣмъ же мы, въ такомъ случаѣ, вздыхаемъ по судебномъ слѣдователѣ западно-европейскаго образца, этомъ слѣдственномъ судьѣ, который есть *старшій членъ суда*. Недолго пришлось бы намъ пользоваться услугами такихъ старшихъ членовъ при предѣльномъ возрастѣ!—Еще менѣе основаній видѣть серьезное препятствіе для хода правосудія отъ пребыванія стариковъ въ составѣ судебныхъ коллегій.

Да будетъ мнѣ дозволено обратиться къ личнымъ воспоминаніямъ. Во время службы моей въ судебномъ вѣдомствѣ, съ самаго введенія въ 1866 году судебной реформы—я видѣлъ стариковъ въ должностяхъ членовъ Суда и Палаты,—видѣлъ ихъ въ званіи выборныхъ мировыхъ судей, къ числу коихъ и самъ имѣлъ честь долгое время принадлежать въ качествѣ столичнаго и уѣзднаго почетнаго мирового судьи. Тщетно ищу я въ памяти моей случаевъ,

когда ихъ участіе вредно отражалось бы на дѣлѣ или когда они составляли бы безполезный и отяготительный привѣсокъ къ судебной коллегіи. Здѣсь неумѣстно называть имена, но я съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю моихъ товарищей, перешедшихъ за предѣльный возрастъ. Ихъ стариковское упорство во взглядахъ лишь заставляло глубже вдумываться въ дѣло и вызывало пренія, всегда желательныя;—ихъ житейская опытность и многолѣтняя служба дѣлали ихъ живыми хранилищами полезныхъ свѣдѣній и указаній;—ихъ умудреный годами взглядъ помогалъ нерѣдко проникать въ сердцевину вопроса, не останавливаясь надъ раскопками подробностей. Могутъ сказать, что присутствіе стариковъ въ коллегіи затягиваетъ обсужденіе дѣла, что они плохіе докладчики и что имъ трудно бываетъ писать рѣшенія по слабости усталаго зрѣнія. Да! все это такъ,—но продленія совѣщанія о судьбѣ или имуществѣ человѣка никогда не можетъ считаться *недостаткомъ* судебной работы;—для замѣны докладчика всегда, къ чести судебной корпораціи, найдутся и постоянно находятся болѣе молодые товарищи, а письменная, хотя и трудно дающаяся, работа стариковъ до сихъ поръ выдѣляется лучшею редакціею, сохраняющею сжатый стиль и точный языкъ былыхъ судебныхъ опредѣленій. Поэтому, если старикъ и задерживаетъ иногда быстроту работы коллегіи, если онъ въ своемъ трудѣ и нуждается подчасъ въ помощи и содѣйствіи болѣе молодыхъ товарищей, то зато онъ вноситъ обыкновенно въ коллегію полезный нравственный элементъ. Старикъ менѣе отзывчивъ на «злобу дня», болѣе объективенъ и очень часто болѣе принципіаленъ. Смѣняющіяся краски мимолетныхъ явленій жизни уже не развлекаютъ и не волнуютъ его; для его много пережившей души не существуетъ *неизвѣданныхъ* впечатлѣній, а внутренній взоръ его таинственно обращенъ за предѣлъ его уже короткой жизни. Поэтому и въ настоящемъ онъ дорожитъ не тѣмъ, что временно и преходяще, а тѣмъ, что въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, вѣчно и прочно, т. е. основными и коренными началами, на которыхъ строится правосудіе. Сверхъ того онъ вноситъ въ коллегію своимъ присутствіемъ элементъ достоинства отношеній. Подобно тому, какъ пребываніе женщины въ томъ или другомъ обществѣ незамѣтно налагаетъ на всѣхъ присутствующихъ извѣстную сдержанность, присутствіе въ составѣ коллегіи стараго лѣтами судьи устраняетъ запальчивые споры и рѣзкіе по формѣ доводы. Старикъ, независимо отъ своей воли, создаетъ обыкновенно вокругъ себя необходимое для правосудія, чуждое личныхъ пререканій, спокойствіе. Старческій возрастъ внушаетъ къ себѣ невольное уваженіе и въ разгарѣ несогласій и споровъ напоминаетъ о словахъ Апостола: «предъ лицомъ сѣдаго возстани и почти лицо старче». Наконецъ, какъ уже было мною сказано, старики—хранители преданій, они же и главные страдальцы за нихъ. «Пока живо преданіе, говоритъ Кантъ, подъ знаменемъ его могутъ работать разныя поколѣнія, но

разъ оно умерло—первыми бѣгутъ молодые, потомъ средніе, а на стариковъ сыплются насмѣшки». За эти свойства старику можно извинить и медлительность работы, и его физическія немощи. Помощь или поддержка со стороны товарищей облагороживаетъ ихъ самихъ. Она указываетъ на сознаніе ими того, что судьба соединила ихъ на службѣ общему дѣлу, на стремленіи къ одной нравственной цѣли, по дорогѣ къ которой постыдно тяготиться своими ранеными и покидать усталыхъ. Товарищеская поддержка и снисхожденіе къ утомленному дѣятелю есть лучшее проявленіе существованія *судебной семьи*, солидарной въ трудѣ, въ нравственной отвѣтственности и въ перенесеніи житейскихъ испытаній.

Трудна судебная служба. Быть можетъ ни одна служба не даетъ такъ мало неотравленныхъ чѣмъ нибудь радостей и не сопровождается такими внутренними скорбями и испытаніями, лежащими притомъ не *внѣ ея*, а въ *ней самой*. На низшихъ и среднихъ ступеняхъ она не даетъ матеріальнаго достатка взамѣнъ упорнаго невиднаго толпѣ труда, требующаго нерѣдко напряженія всѣхъ силъ, а иногда и самоотверженія во имя *отвлеченнаго идеала* справедливости. Ни въ одной дѣятельности не приходится такъ часто тревожить свою совѣсть, то призывая ее въ судьи, то требуя отъ нея указаній, то отыскивая въ ней и въ ней одной, поддержки и утѣшенія. Притомъ общіе результаты дѣятельности судьи не осязаемы. Они несомнѣнно существуютъ, они важны — но уловить ихъ отдѣльному человѣку не удается и счастія сказать: «я сдѣлалъ то-то», «я содѣйствовалъ тому-то»—судьѣ по большей части не дано, за исключеніемъ развѣ отдѣльныхъ случаевъ правосуднаго участія въ судьбѣ какого либо изъ «алчущихъ и жаждущихъ правды». Есть однако въ упорномъ, но незамѣтномъ извнѣ, служеніи вѣчному началу справедливости свое глубокое нравственное наслажденіе. Только покупается оно дорогою цѣною нравственнаго и физическаго утомленія и требуетъ, прежде всего, большаго равнодушія къ земнымъ благамъ, извѣстнаго «sursum corda» и глубокой, непоколебимой любви къ своему народу, несмотря на то, что приходится встрѣчаться въ своемъ дѣлѣ почти исключительно съ отрицательными и темными сторонами этого народа. Немудрено, что эта дѣятельность утомляетъ человѣка,—что, по отзыву компетентныхъ психіатровъ и врачей нервныхъ болѣзней, значительную долю обращающихся къ нимъ за совѣтомъ, вслѣдствіе крайняго переутомленія или сильнаго нервнаго разстройства, составляютъ чины судебнаго вѣдомства. Въ этомъ напряженіи всѣхъ силъ ея тягость, но въ этомъ же и ея нравственная привлекательность. Судебная служба есть *служеніе* въ настоящемъ и глубокомъ смыслѣ слова. Вступая въ судебную семью, приходится отрѣшиться отъ многихъ житейскихъ вожделѣній и обречь себя на упорный трудъ въ самой скромной обстановкѣ. Чтобы сдѣлать это легко и безъ малодушнаго раскаянія въ будущемъ надо сознавать, что этому

труду можетъ быть посвящена *вся жизнь*, что подъ кровомъ этой семьи пройдутъ и тихо догорятъ всѣ «судьбой отсчитанные дни». Безъ поддержанія этого сознанія легко получить вмѣсто судей— чиновниковъ, избравшихъ судебную службу случайно, потому лишь, что въ данный моментъ имъ не представилось другого мѣста, болѣе выгоднаго въ смыслѣ карьеры или обезпеченія. «Предѣльный возрастъ» можетъ убить это сознаніе и создать для судей, вмѣсто спокойнаго и самостоятельнаго *служенія правосудію*, обыкновенную зауряднную службу, имѣющую характеръ *личнаго найма на срокъ* для писанія рѣшеній и приговоровъ, за установленную по штатамъ плату.

VII.

ИЗЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ БЕСѢДЪ.

1.

О НЕВМѢНЯЕМОСТИ ПО ПРОЕКТУ УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ.

(Въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ.)

5 марта 1884 г. въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества происходилъ обмѣнъ мнѣній между членами Общества психіатровъ (гг. Бехтеревымъ, Дрознесомъ, Дюковымъ, Кандинскимъ, Маакомъ, Мержеевскимъ, Никифоровымъ, Нижегородцевымъ, Розенбахомъ, Рагозинымъ, Томашевскимъ, Фреемъ, Черемшанскимъ, Чечоттомъ и Эрлицкомъ) и членами Юридическаго Общества по поводу редакціи статьи 36 проекта Уголовнаго Уложенія. Статья эта была изложена въ слѣдующей редакціи:'

36. Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое, по недостаточности умственныхъ способностей, или по болѣзненному разстройству душевной дѣятельности, или по безсознательному состоянію, не могло, во время учиненія дѣянія, понимать свойства и значеніе совершаемаго, или руководить своими поступками.

Въ сихъ случаяхъ судъ, буде признаетъ необходимымъ, можетъ: или отдать такое лицо подъ отвѣтственный надзоръ родственниковъ или другихъ лицъ, пожелавшихъ принять его на свое попеченіе, или же помѣстить его во врачебное заведеніе, впредь до выздоровленія, удостовѣреннаго установленнымъ порядкомъ.

Послѣдующая статья, на которую указывалось въ преніяхъ была изложена такъ:

37. Не вмѣняется въ вину дѣяніе малолѣтняго, не достигшаго десяти лѣтъ, а равно и дѣяніе учиненное малолѣтнимъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ, признаннымъ дѣйствовавшимъ безъ разумѣнія.

Въ сихъ случаяхъ малолѣтніе могутъ быть, въ особо установленномъ порядкѣ или по приговору суда, помѣщены въ воспитательное заведеніе или отданы подъ отвѣтственный надзоръ родителей, опекуновъ или и другихъ лицъ, пожелавшихъ принять ихъ на свое попеченіе.

При обсужденіи статьи 36-й было предложено пять новыхъ редакцій,— большинствомъ 10 психіатровъ—меньшинствомъ 6,—членомъ Юридическаго Общества Слонимскимъ,—докторомъ Кандинскимъ—и членомъ Юридическаго Общества Кони.

Статья 36-я представляетъ одно изъ важнѣйшихъ постановленій новаго Уложенія. До настоящаго времени, статьи Уложенія о вмѣненіи являются весьма неудовлетворительными. Нашъ законъ знаетъ въ настоящее время лишь сумасшествіе, безуміе и припадки болѣзни, приводящей въ умоизступленіе и безпамятство. Но наука опредѣлила и выяснила рядъ другихъ болѣзненныхъ состояній духовнаго строя человѣка. Понятіе о больной душѣ охватило множество ненормальныхъ явленій изъ жизни человѣка и каждый шагъ культуры и науки открываетъ, въ этомъ отношеніи, новые печальные горизонты. Отсюда, въ высшей степени тяжелое положеніе суда, стѣсненнаго въ узкихъ рамкахъ постановленныхъ законами о вмѣненіи. По цѣлому ряду безусловныхъ и безспорныхъ болѣзненныхъ душевныхъ состояній, несомнѣнно уничтожающихъ вмѣняемость,—судъ не можетъ принять заключенія экспертовъ, заявляющихъ въ порядкѣ, указанномъ ст. 353—355 Уст. угол. суд.,—о томъ. что обвиняемый боленъ, и это потому лишь, что эксперты не признаютъ въ его состояніи признаковъ *сумасшествія* или *безумія*. Дѣло идетъ въ обвинительную камеру, которая предаетъ суду, и предъ судомъ по существу, является дилемма: или продѣлывать совершенно напрасно судебную процедуру, при неизбѣжномъ оправданіи *явно* сумасшедшаго, или же рисковать возможностью грубой судебной ошибки, при коллизіи *такъ называемаго* здраваго смысла съ наблюденіями и выводами представителей науки.

Поэтому предстоитъ настоятельная необходимость расширить понятіе о душевной болѣзни, избѣгая притомъ сложной терминологіи. Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать расширенія понятія объ умственномъ разстройствѣ въ проектѣ уложенія и устраненія узкихъ понятій о сумасшествіи, безуміи и болѣзненныхъ припад-

кахъ. Можно лишь сдѣлать нѣкоторыя редакціонныя замѣчанія. *Во первыхъ,* «недостаточность умственныхъ способностей» предусматриваетъ въ сущности *идіотизмъ.* Но идіотизмъ можетъ, какъ признаютъ и составители проекта, выражаться или въ полномъ отсутствіи познавательныхъ способностей (въ безсмысліи и тупоуміи), или же въ извѣстной степени легкомыслія и глупости. Въ первомъ случаѣ, это будетъ идіотизмъ полный, во второмъ — неполный. Только идіотизмъ полный можетъ влечь невмѣненіе, идіотизмъ же неполный является лишь основаніемъ для смягченія наказанія, для снисхожденія къ виновному. Между тѣмъ, понятіе о недостаточности умственныхъ способностей столь широко, что въ него входитъ оба вида идіотизма. Практическое примѣненіе ст. 36 проекта можетъ, въ этомъ отношеніи, вызвать недоразумѣніе. Притомъ, по содержанію ст. 36-й, основаніями вмѣненія служатъ пораженія не одной умственной, но и всей душевной дѣятельности, т. е. и болѣзненныя функціи воли, при ясномъ сознаніи свойствъ и значенія дѣянія. Извѣстно, что идіоты, долго живущіе въ близкой и внимательной къ нимъ средѣ, мало по малу пріобрѣтаютъ извѣстный навыкъ къ обхожденію и въ ихъ убогомъ мозгу начинаетъ скупо блестѣть блѣдный свѣтъ разумѣнія. Но они сохраняютъ все-таки большую раздражительность и при непріятныхъ внѣшнихъ возбужденіяхъ приходятъ въ слѣпую, животную ярость. Инстинктъ, опытъ, нѣкоторое разумѣніе, научаютъ ихъ, что напр. наносить удары *не надо,* но гнѣвъ такъ быстро и по такимъ ничтожнымъ поводамъ ослѣпляетъ ихъ, что они рвутъ, и бьютъ, и разрушаютъ. Очевидно, что здѣсь имѣется дѣло нестолько съ недостаткомъ умственныхъ способностей, сколько съ невозможностью владѣть собою, быть хозяиномъ своей воли. Иными словами, здѣсь недостаточность *душевной дѣятельности.* Этотъ терминъ, казалось бы, болѣе подходитъ къ понятію идіотизма и притомъ совпадаетъ и съ другимъ, которымъ охарактеризованы въ ст. 36 собственно душевныя болѣзни. — Поэтому, первую половину первой части ст. 37 слѣдовало бы изложить такъ: «не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое по недостаточности или болѣзненному разстройству душевной дѣятельности или по безсознательному состоянію и т. д.»

Во вторыхъ, вторая часть ст. 36-й говоритъ о пониманіи свойства и значенія совершаемаго, при чемъ подъ свойствомъ разумѣется его физическая природа, а подъ значеніемъ его юридическій характеръ. Но физическая природа совершаемаго, поскольку она составляетъ предметъ уголовнаго права, выражается въ послѣдствіяхъ, ближайшихъ и непосредственныхъ совершаемаго, а юридическій характеръ въ его воспрещенности. Свойство и значеніе суть опредѣленія слишкомъ отвлеченныя и дающія поводъ къ произвольнымъ толкованіямъ. Въ особенности подъ слово «значеніе» могутъ быть подставлены различныя понятія изъ области нравственности

и религіи, которыя придадутъ совсѣмъ другой характеръ этому слову, чѣмъ тотъ, который указанъ въ объяснительной запискѣ. Поэтому правильнѣе было бы помѣстить, вмѣсто этихъ словъ, ихъ дѣйствительное содержаніе, и сказать: «не могло понимать ближайшихъ послѣдствій и преступности (или наказуемости) совершаемаго».

Такимъ образомъ, редакція ст. 36, въ цѣломъ ея составѣ, должна бы выразиться въ слѣдующей формѣ:

«Не вмѣняется въ вину дѣяніе, учиненное лицомъ, которое по недостаточности или болѣзненному разстройству душевной дѣятельности или по безсознательному состоянію, не могло, во время учиненія преступленія, понимать ближайшія послѣдствія и наказуемость (или преступность) совершаемаго или руководить своими поступками».

Но помимо изложенныхъ редакціонныхъ замѣчаній, могутъ быть сдѣланы и возраженія по существу ст. 36-й проекта. Статья 36 опредѣляетъ не только тѣ состоянія, которыми обусловливается невмѣняемость: недостаточность умственныхъ способностей, болѣзненное разстройство душевной дѣятельности и т. д., но и указываетъ въ чемъ именно должны выражаться эти состоянія, характеризуя ихъ не научными, а общежитейскими признаками. Отсюда необходимость, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разбирать, есть ли на лицо тѣ признаки, которыми опредѣляется по 36 ст. душевное разстройство, влекущее за собою невмѣненіе. Иными словами, въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ долженъ ставиться не о томъ, страдаетъ ли подсудимый или обвиняемый душевною болѣзнью, уничтожающею способность понимать свойство и значеніе совершаемаго или управлять своими дѣйствіями, а о томъ, понималъ ли онъ, во время учиненія дѣянія, эти свойства и значеніе, и могъ ли руководить своими поступками.—Такимъ образомъ, суду придется разрѣшить постановленный въ тѣсныя фактическія рамки вопросъ, для уразумѣнія котораго дается не строго научный и спеціальный, а метафизическій критерій. Не говоря уже о томъ, что отвѣтъ на вопросъ о пониманіи свойства и значенія дѣянія, въ самый моментъ его учиненія, является крайне труднымъ и чрезвычайно гадательнымъ, могутъ быть состоянія, гдѣ долженъ получиться отвѣтъ прямо противуположенный истинѣ, потому, что вопросъ предлагается не по общей картинѣ душевнаго страданія, а по отдѣльному его проявленію, въ ограниченный періодъ времени. Возможенъ совершенно добросовѣстный положительный отвѣтъ на вопросъ: «понималъ ли Иванъ Петровъ, въ ночь съ 5 на 6 марта, свойство и значеніе совершаемаго имъ преступленія?»—и, въ то же время, отрицательный отвѣтъ на вопросъ: «былъ ли Иванъ Петровъ психически здоровъ *до* 5 марта и *послѣ* 6 марта?»

Есть рядъ болѣзненныхъ душевныхъ состояній, несомнѣнно признанныхъ наукою, въ которыхъ человѣкъ понимаетъ свойство и зна-

ченіе своихъ поступковъ и даже можетъ руководить своими дѣйствіями, обдумывая хитро свое преступленіе, выжидая и избирая удобный моментъ. Въ глубинѣ всего этого лежитъ его безумный, болѣзненный взглядъ на свои отношенія къ окружающему міру, но только изученіе соматическаго состоянія, въ теченіи цѣлаго періода времени, даетъ возможность увидѣть въ немъ больного. На вопросъ о пониманіи, экспертъ отвѣтитъ положительно,—даже на вопросъ о способности управлять своими дѣйствіями въ данный моментъ, отъ него можно будетъ добиться положительнаго отвѣта,—но на вопросъ былъ ли психически боленъ этотъ обвиняемый и *до* и *по* совершеніи своего дѣянія, экспертъ представитъ яркую, научно провѣренную и разработанную картину его душевной болѣзни. Есть состоянія, въ которыхъ человѣкъ, будучи умственно здоровъ, не имѣетъ силъ принудить себя, не имѣетъ возможности овладѣть своею волею и поэтому, съ извѣстной точки зрѣнія, не управляетъ своими дѣйствіями. Достаточно указать на многоразличные виды Neurastenia американскихъ врачей и преимущественно Бирда. Въ виду этого, едва ли желательно съуживать вопросъ о невмѣненіи тѣсными предѣлами одностороннихъ, шаткихъ признаковъ, замѣняя ими возможность широкаго обсужденія состоянія всего душевнаго строя обвиняемаго, однимъ изъ болѣзненныхъ проявленій котораго могло быть преступленіе. Ставя вопросъ въ эти узкія рамки, мы отодвигаемъ на задній планъ психіатрическій отвѣтъ и науку, предписывая ей видѣть душевную болѣзнь лишь тамъ, гдѣ и для насъ существуютъ ея признаки. Но гдѣ основанія ставить экспертовъ-психіатровъ ниже экспертовъ-спеціалистовъ по другимъ спеціальностямъ, отъ которыхъ мы требуемъ научнаго вывода о всей совокупности ихъ наблюденій? Вѣдь не говоримъ же мы судебнымъ врачамъ: «вы признаете смерть отъ отравленія, если будутъ такіе-то и такіе-то признаки у отравленнаго, а иначе мы вамъ не повѣримъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выдвигаемъ на первый планъ понятіе о lucida intervalla, ибо, если будетъ признано, что обвиняемый понималъ *свойство и значеніе,* то мы должны признать его вмѣняемымъ, хотя бы экспертъ и говорилъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ душевно-больнымъ. На такое выдвиганіе впередъ вопроса о lucida intervalla и переносъ центра тяжести вопроса о вмѣненіи съ заключенія представителей науки на фактическую оцѣнку односторонняго признака, составляло бы шагъ назадъ даже противъ дѣйствующаго уложенія. Послѣднее не допускаетъ опасной для правосудія теоріи о lucida intervalla, т. е. о такихъ промежуткахъ, которые могутъ быть при длящемся болѣзненномъ состояніи; оно ставитъ науку, въ вопросѣ о душевныхъ болѣзняхъ, какъ причинѣ невмѣненія, на подобающее ей мѣсто.

Притомъ, нужно ли столь подробное опредѣленіе, какъ то, которое содержится въ 36 ст. проекта. Вопросъ о душевномъ разстройствѣ и вообще о причинахъ невмѣненія, указанныхъ въ ст. 36, будетъ воз-

никать при расширеніи понятій 92 и 95 ст. Улож. о наказ., главнымъ образомъ, при послѣдовательной работѣ судебнаго слѣдователя, Окружного Суда и наконецъ обвинительной камеры. Лишь немногія рѣдкія дѣла, по которымъ обвинительная камера не приметъ заключенія экспертовъ психіатровъ, даннаго по 353—356 ст. Уст. угол. суд., будутъ предметомъ обсужденія присяжныхъ. Но коронные юристы должны быть настолько образованными людьми, чтобы смыслъ научнаго заключенія экспертовъ, указывающихъ на общую картину душевнаго разстройства, былъ имъ понятенъ и безъ той подробной редакціи, которая содержится въ 36 ст. Отвѣтъ представителей науки, основанный на личномъ наблюденіи и изслѣдованіи обвиняемаго въ присутствіи суда: «находился въ состояніи умственнаго разстройства» или «страдалъ душевною болѣзнью» — будетъ для судей юристовъ содержать и несомнѣнное указаніе, что дѣянія, совершенныя въ такомъ состояніи, невмѣняемы. И теперь, на практикѣ, главная трудность состоитъ не въ томъ, чтобы понять смыслъ техническихъ терминовъ, которыми психіатры характеризуютъ разновидности душевныхъ болѣзней, а въ томъ, чтобы подвести ихъ подъ узкія опредѣленія современнаго Уложенія. Что касается до тѣхъ немногихъ дѣлъ, которыя дойдутъ до суда присяжныхъ, то новая редакція ст. 36, требуя отъ нихъ отвѣта не на вопросъ о томъ, страдалъ ли обвиняемый душевною болѣзнью, а на вопросъ, понималъ ли онъ свойство и значеніе своего дѣянія, будетъ ставить ихъ въ затруднительное положеніе, послѣдствіемъ котораго могутъ быть неправильные приговоры. При нѣкоторой неразвитости присяжныхъ, односторонности и страстности обвиненія и отсутствіи толковаго руководящаго напутствія, разъясняющаго естественную, логическую посылку, которую можно сдѣлать отъ общаго душевнаго разстройства, къ возможности непониманія свойства и значенія дѣянія, приговоръ присяжныхъ можетъ оказаться неправосуднымъ и пойти явно въ разрѣзъ съ выводами представителя науки объ общемъ состояніи обвиняемаго. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не отдать преимущества той редакціи, въ которой ставится этотъ вопросъ на судѣ въ настоящее время.

Поэтому надлежало бы откинуть всю вторую половину первой части ст. 36, указавъ состоянія невмѣняемости въ точныхъ, но возможно широкихъ терминахъ, и откинувъ введенный въ статью критерій вмѣняемости.

Обращаясь къ редакціи ст. 36 въ такомъ видѣ, я нахожу, что ею предусматриваются два, существенно отличныхъ другъ отъ друга состоянія, обусловливающія невмѣняемость. Одно—состояніе болѣзни, другое—состояніе здоровья, но однако такого, при которомъ отсутствуетъ умъ или сознаніе. Къ первому относится болѣзненное разстройство душевной дѣятельности. Казалось бы, что состояніе это удобнѣе называть болѣе кратко и привычно — *«ду-*

шевною болѣзнью». Подъ это опредѣленіе, освященное долгою практикою и авторитетомъ ученыхъ (Маудсли и друг.), подойдутъ всѣ разнообразныя разстройства душевной дѣятельности, вытекающія изъ болѣзненнаго состоянія организма. Идіотизмъ (недостаточность умственныхъ способностей) и безсознательное состояніе, отчего бы оно ни происходило, имѣютъ одинъ общій признакъ: и идіотъ, и впавшій въ безсознательность человѣкъ, дѣйствуютъ безъ сознанія самихъ себя, внѣшняго міра и своихъ правъ и обязанностей, — ихъ мысли, ощущенія и впечатлѣнія выражаются у нихъ совершенно особеннымъ образомъ. Они не разумѣютъ истиннаго значенія окружающихъ предметовъ и своего къ нимъ отношенія. Короче, они дѣйствуютъ *безъ разумѣнія* и въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличаются отъ ребенка, у котораго на ряду съ полнымъ несознаніемъ условій внѣшняго міра, существуетъ особый, ребяческій міръ, съ особымъ преломленіемъ всѣхъ ощущеній и впечатлѣній.

Поэтому, дѣйствія идіота и впавшаго въ безсознательность, можно отнести къ дѣйствіямъ, совершеннымъ *безъ разумѣнія.*

Такимъ образомъ, ст. 36 могла бы быть редактирована такъ: «не вмѣняются въ вину дѣянія, совершенныя въ душевной болѣзни или безъ разумѣнія».

Противъ такой редакціи можетъ быть замѣчено, что она даетъ возможность въ каждомъ дѣлѣ обсуждать вопросъ о невмѣняемости, но во 1-хъ, обязательная постановка по ст. 759 Уст. угол. суд. вопроса о разумѣніи относительно малолѣтняго, указываетъ на необязательность постановки такого вопроса въ другихъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, когда вопросъ объ этомъ будетъ возбужденъ на предварительномъ слѣдствіи (Рѣш. Угол. Кас. Деп. 1877 г. № 14 по д. Гвоздева) и во 2-хъ, въ случаяхъ возбужденія вопроса о ненормальности умственныхъ способностей во время судебнаго слѣдствія и выслушанія экспертовъ — судъ и нынѣ долженъ ставить вопросъ по 763 ст. Уст. угол. суд. (1868 г. № 830 Манченковой). Поэтому, въ судебную практику такая статья не внесетъ ничего новаго.

Вcматриваясь въ статьи современныхъ кодексовъ о вмѣненіи, надо признать, что наибольшею сжатостью и отсутствіемъ неопредѣленности отличаются—все тотъ же незамѣнимый code Napoleon и итальянское уложеніе. Первый изъ нихъ говоритъ о démence, чему соотвѣтствуетъ предлагаемый терминъ — душевная болѣзнь, второе говоритъ о дѣяніяхъ, совершенныхъ «in tale stato da non aver la coscienza di delinquere», чему соотвѣтствуетъ—дѣяніе, безъ разумѣнія того, что совершается.

2.

ПО ПОВОДУ ПРЕСТУПЛЕНІЙ ПЕЧАТИ.

(Въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ).

20 января 1893 года въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ дѣйствительнымъ членомъ Сліозбергомъ былъ сдѣланъ докладъ «о преступленіяхъ печати», послужившій предметемъ юридической бесѣды, въ которой приняли участіе И. Я. Фойницкій, Н. С. Таганцевъ, А. Ѳ. Кони и другіе. Сущность доклада г. Сліозберга заключается въ слѣдующемъ:

Право печати раздѣляется на 3 части: нормы, устанавливаемыя административнымъ режимомъ; нормы гражданскаго свойства (права авторовъ, издателей и т. п.) и нормы карательныя для нарушеній постановленій о печати. Докладчикъ касается только послѣднихъ нормъ. На законы о печати опредѣлился взглядъ, какъ на нормы, ограничивающія свободу печати. Для преступленій печати во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ установленъ особый порядокъ отвѣтственности лицъ, участвующихъ въ преступленіи печати. Порядокъ этотъ, основанный на легальныхъ презумпціяхъ, случайныхъ признакахъ, безусловно не примѣняемыхъ въ уголовномъ правѣ вообще, не совсѣмъ вѣренъ. Онъ объясняется тѣмъ, что законодатель, опасаясь свободы печати съ уничтоженіемъ офиціальной цензуры, особыми формами уголовной отвѣтственности (а не установленіемъ новыхъ видовъ преступленія), старается въ скрытомъ видѣ создать новую цензуру неофиціальнаго характера. Само понятіе о преступленіи печати установлено недостаточно. Точное опредѣленіе понятія заключается только въ ст. II «Деклараціи правъ человѣка и гражданина» 1789 г. Каждый гражданинъ имѣетъ право свободно сообщать свои мысли во всѣхъ видахъ, за исключеніемъ случаевъ злоупотребленія этимъ правомъ, особо указанныхъ въ законѣ. Итакъ, преступленія печати суть злоупотребленія ея правомъ. Эти злоупотребленія раздѣляются на три категоріи. Къ первой относятся случаи, когда печатное произведеніе воспроизводитъ мысль, которою выражается преступный умыселъ на совершеніе преступленія въ будущемъ и когда сама мысль осуществляетъ собою составъ преступленія. Ко второй категоріи принадлежатъ случаи, когда мысль, хотя бы и высказанная, не преступна, но воспроизведенная въ печати для распространенія, признается вредною и подлежащею преслѣдованію. Третью категорію составляютъ случаи, когда является преступнымъ несоотвѣтствіе мысли тѣмъ или другимъ условіямъ, въ законѣ установленнымъ.

Указавъ на противорѣчіе и послѣдовательность нашего Уложенія по отношенію къ распредѣленію отвѣтственности между нарушителями законовъ о печати, докладчикъ находилъ, что по первой группѣ виновникомъ долженъ быть всегда авторъ. Отвѣтственность редактора опредѣлится условіями напечатанія даннаго произведенія. Во второй группѣ виновникомъ является исключительно редакторъ или издатель, распространившіе мысль саму по себѣ не преступную, но неодобряемую властью, среди большого круга чита-

телей. Въ третьей группѣ виновникомъ долженъ считаться авторъ, искажающій дѣйствительность или нарушающій законы о печати, хотя отвѣтственности можетъ подлежать и редакторъ, какъ соучастникъ въ послѣднемъ случаѣ. Въ преступленіяхъ второй категоріи громадную роль играетъ *тенденція* произведенія, *цѣль* его напечатанія. Для разрѣшенія такихъ тонкостей, недоступныхъ каждому пониманію, должна служить литературно-художественная экспертиза. Литературно-художественный и научный міръ—міръ обособленный и понятный далеко не всѣмъ. О тенденціи произведенія искусства можетъ судить только художникъ, о тенденціи научнаго сочиненія—только ученый. Отсюда—необходимость спеціальной экспертизы въ такихъ случаяхъ ясна сама по себѣ. Что касается прессы, то, въ виду ея громадной роли при осуществленіи общественныхъ и частныхъ интересовъ, она требуетъ и особаго кодекса правилъ этики. Эти правила могутъ быть выработаны только корпоративными традиціями, подобно правиламъ этики адвокатуры и врачей. Поэтому крайне желательно, чтобы сознаніе могущественной роли, присущей печати, побудило ея представителей установить дисциплинарно-товарищескій судъ чести. Легко можетъ быть, что подобное установленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ дастъ возможность обиженнымъ частнымъ лицамъ обращаться къ суду чести и избѣгать тяжелыхъ и неудобныхъ условій уголовнаго судебнаго разбирательства.

Въ возникшей непосредственно за докладомъ бесѣдѣ было высказано, что преступленія печати, строго говоря, нѣтъ, такъ какъ печать, въ узкомъ смыслѣ этого слова, есть просто механическій способъ изложенія мысли. Преступленіемъ является разглашеніе и распространеніе мысли. Отсюда печать можно разсматривать, какъ моментъ, отягощающій обыкновенное преступленіе, увеличивающій отвѣтственность и вліяющій на мѣру наказанія. Мысль сама по себѣ, какъ объективное понятіе, не можетъ быть преступна, но практическое примѣненіе ея можетъ вызвать вредныя послѣдствія и въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа преступленіемъ печати. Что касается до нашего законодательства о печати, то, взятое изъ давно умершаго законодательства французскаго, оно далеко не отвѣчаетъ требованіямъ жизни и криминалистики и измѣненіе его, понятно, желательно. Теорія соучастія, приведенная въ законахъ о печати, не имѣетъ ничего общаго съ классическимъ опредѣленіемъ вопроса о соучастіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда печать является моментомъ, отягощающимъ обыкновенное преступленіе, какъ напримѣръ, угроза, оскорбленіе, клевета и т. п., отвѣтственнымъ долженъ быть исключительно авторъ. Въ случаяхъ, когда печать служитъ средствомъ вреднаго практическаго примѣненія мысли—отвѣтственъ всегда редакторъ, какъ человѣкъ, поставленный спеціально для недопущенія мысли, преступной въ практическомъ примѣненіи.

Отдавая справедливость почтенному труду докладчика, и я, со своей стороны, думаю что преступленія печати не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто обособленное, а составляютъ общія преступленія, лишь совершаемыя путемъ печатнаго станка. Отвѣтственность авторовъ, издателей и редакторовъ должна опредѣляться общими правилами о соучастіи по ст. 12—14 Уложенія о наказ., такъ что выраженіе закона о редакторѣ, какъ о «главномъ виновномъ во всякомъ случаѣ», лишено юридическаго значенія и не соотвѣт-

ствуетъ принятой въ законъ терминологіи по отношенію къ соучастникамъ преступленія, совершаемаго по предварительному соглашенію.

Что касается до предлагаемой экспертизы специально-литературной, то если къ этой экспертизѣ, какъ къ одному изъ доказательствъ *событія* преступленія, надо относиться съ осторожностью, то къ той же экспертизѣ относительно *состава* преступленія необходимо отнестись отрицательно. Предлагаемая докладчикомъ экспертиза оправдывается тѣмъ, что міръ художника не доступенъ пониманію простыхъ смертныхъ, для которыхъ художникъ приподнимаетъ лишь кончикъ занавѣсы, скрывающей таинственную область творчества, имѣющую свои законы, независимые отъ правовыхъ и этическихъ понятій общества, — и гдѣ главнымъ и единственнымъ мѣриломъ дѣятельности должна быть художественная правда. Но «міръ артиста», «художественная правда» и т. п. выраженія слишкомъ неопредѣленны, растяжимы и понимаются иногда, въ практическихъ проявленіяхъ артистической жизни, очень своеобразно. Существуетъ мнѣніе, что художникъ есть исключительная натура, для которой «законъ не писанъ». Изъ воспоминаній современниковъ мы знаемъ, сколько талантовъ увяло и сколько не развернулось во всю ширь, благодаря этой теоріи титаническихъ страстей, потребностей и порывовъ, выражавшихся по большей части очень прозаически, а иногда даже и постыдно. Практическое приложеніе такой теоріи къ современнымъ условіямъ жизни изобразилъ въ яркихъ образахъ Зудерманъ въ своей драмѣ «Конецъ Содома».

Притомъ—какъ бы великъ ни былъ художникъ—во внѣшнихъ проявленіяхъ своей натуры онъ долженъ сообразоваться съ законами общежитія, хотя бы уже потому, что оно гарантируетъ ему спокойное и безопасное служеніе искусству. Если онъ будетъ *совершать* безстыдные, соединенные съ соблазномъ *поступки*, если онъ будетъ развращать «малыхъ сихъ»—то, какія бы этому оправданія ни находилъ онъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ,—судъ обязанъ будетъ примѣнить къ нему соотвѣтствующія статьи Мирового Устава или Уложенія о наказаніяхъ и противъ этого, конечно, никто ничего не возразитъ. Но если онъ продѣлаетъ все это при посредствѣ печатнаго станка, кисти или рѣзца,—этотъ самый внутренній міръ фантазіи, нерѣдко наполненный чувственными образами, долженъ служить ему оправданіемъ или, по крайней мѣрѣ, влечь за собою изъятіе его изъ дѣйствія обыкновеннаго суда. Почему? Въ своемъ внутреннемъ мірѣ онъ владыка и повелитель, онъ свободенъ у себя, на высотахъ Парнаса,—но когда онъ снисходитъ до насъ, простыхъ смертныхъ, толпящихся лишь у подошвы Парнаса, и вращается въ нашей безцвѣтной жизни—онъ не можетъ оскорблять *наши* нравы и нарушать *наши* законы. Для того же, чтобы

судить о томъ, совершено ли оскорбленіе и нарушеніе *этихъ* правовъ и законовъ, не нужна никакая спеціальная экспертиза.

Въ частности, въ виду указанія докладчика на 1001 ст. Улож. о наказаніяхъ надо замѣтить, что основаніемъ для сужденія о вредномъ умыслѣ произведенія, развращающаго нравы и противнаго благопристойности, можетъ прежде всего служить *способъ его распространенія*. Такимъ образомъ едва ли можно преслѣдовать тѣхъ издателей-библіомановъ, которые, иногда съ ущербомъ для себя, издаютъ эротическія произведенія античной и средне-вѣковой литературы и безнравственные романы XVIII вѣка—по возможности въ точныхъ копіяхъ, назначая имъ, по спеціальному каталогу, громадную цѣну, доступную лишь для библіофиловъ,—или тѣхъ художниковъ, которые издаютъ въ очень ограниченномъ числѣ и по особо высокой цѣнѣ альбомы произведеній своей нескромной кисти и карандаша. Здѣсь нѣтъ опасности для общества, для молодого поколѣнія, ибо нѣтъ *доступности всѣмъ* и, такъ сказать, всенародности.

Затѣмъ, критеріемъ является *цѣль*, всегда доступная пониманію здравомыслящаго судьи. Такой судья, конечно, признаетъ, что ученыя сочиненія въ родѣ «Половыхъ извращеній» профессора Тарновскаго или «Судебной гинекологіи» Мержеевскаго, предназначенныя «для врачей и юристовъ», никогда не могутъ быть подведены подъ 1001 ст. Улож., ибо преслѣдуютъ научную цѣль—и въ рукахъ свѣдущихъ лицъ служатъ на пользу общества, среди котораго, въ мрачныхъ углахъ человѣческаго паденія и безумія, гнѣздятся описываемые въ этихъ книгахъ пороки. Этому судьѣ, съ другой стороны, вовсе не нужно выслушивать экспертовъ, чтобы видѣть, что какая нибудь «Физіологія и гигіена брака» доктора Дебе или прославленная безчестными парижскими рекламами «Кама-Сутра—индійскихъ браминовъ» суть ничто иное, какъ грязнѣйшая порнографія, прикрытая флагомъ якобы научныхъ пріемовъ. Простой здравый смыслъ и впечатлѣніе обыкновеннаго читателя, на котораго именно и расчитывается при изданіи большинства произведеній, подскажутъ съ достаточною ясностью судьѣ, имѣетъ ли печатная вещь, содержащая въ себѣ рядъ картинъ, могущихъ оскорбить или распатать нравственность, научную цѣль, для достиженія которой эти картины нужны,—или онѣ *сами себѣ являются цѣлью*. Трудно представить себѣ судъ, который могли бы эксперты убѣдить, что гнойныя страницы маркиза де-Сада имѣютъ цѣлью служить искусству или что похожденія кавалера Казановы суть ученое изслѣдованіе по исторіи вообще и по исторіи тюремъ въ особенности.

Иногда приходится встрѣчать мысль, что за правдивое изображеніе жизни и проявленій природы, каковы бы они ни были, художникъ не можетъ быть отвѣтственъ. Поэтому во многихъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 1001 ст. Улож., задача экспертовъ сво-

дилась бы лишь къ доказательству, что инкриминируемое произведеніе «съ подлиннымъ вѣрно». Но задача суда и шире, и глубже. Природа имѣетъ проявленія, вызываетъ отправленія, описанію которыхъ мѣсто въ физіологіи и судебной медицинѣ. Въ жизни эти проявленія природы нуждаются въ прикрытіи. Нельзя позволить совершать всѣ отправленія природы публично, какое бы значеніе въ экономіи человѣческаго организма и даже въ жизни цѣлаго человѣчества они не имѣли. На стражѣ этого запрещенія стоитъ уголовный законъ, подчасъ весьма суровый. Но если нельзя *осуществлять*, то почему же можно *описывать?* Почему осуществляемая картина должна вызывать стыдъ и отвращеніе, а представляемая или описываемая лишь удивленіе предъ «художественною правдою?» Беллетристическое произведеніе имѣетъ обыкновенно предметомъ описаніе развитія и проявленія чувства. Въ развитіи своемъ это чувство часто соприкасается и роковымъ образомъ сливается съ чувственностью. Но всѣ знаменитые мастера наши умѣли останавливаться предъ изображеніемъ проявленія чувственности, касаясь лишь иногда его результатовъ. Стоитъ припомнить «Анну Каренину», на которую сослался докладчикъ,— «Вешнія воды», «Наканунѣ», «Дворянское гнѣздо», «Обрывъ». Есть житейскія стороны развитія чувства, описаніе которыхъ не входитъ въ задачу истиннаго художника, какъ бы реаленъ онъ ни былъ. Но даже и при отступленіи отъ этого, судъ (и притомъ—по условіямъ процесса—въ двухъ инстанціяхъ) всегда самъ можетъ вывести—входятъ ли оцѣниваемыя изображенія и положенія, какъ неизбѣжный кусокъ мозаики, въ полноту и цѣлость общей картины, въ которой авторъ, подобно Золя, желаетъ представить патологическое состояніе цѣлаго общества, развращеннаго во всѣхъ своихъ слояхъ и неудержимо идущаго къ разложенію—или же эти изображенія разсчитаны лишь на возбужденіе нездороваго любопытства, которымъ, обезпечивается самый успѣхъ произведенія, въ родѣ надѣлавшей когда-то шуму «Mademoiselle Girot».

Экспертиза *научности направленія*, предлагаемая докладчикомъ для случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ 1035 и 1057 ст. Улож., т. е. для случаевъ оскорбительнаго колебанія довѣрія къ законамъ и учрежденіямъ и прямого оспариванія началъ собственности и семейнаго союза — едва ли представляется цѣлесообразною, ибо центръ тяжести этихъ преступленій лежитъ въ ихъ формѣ и способѣ обнародованія, такъ какъ законъ требуетъ «оскорбленія» и «прямого порицанія», чего не можетъ быть въ серьезномъ научномъ трудѣ по государственному праву, соціологіи или политической экономіи. При томъ выборъ экспертовъ—а затѣмъ и ихъ заключеніе въ этой сферѣ всегда будутъ произвольными и односторонними. Кто именно представитель *настоящаго* «научнаго направленія», чтобы съ точностью дать отзывъ о *ненастоящемъ* научномъ направленіи? Все зависитъ отъ господствующихъ въ данное время

вѣяній и взглядовъ. Стоитъ представить себѣ экспертизу *аллопата* о *гомеопатическомъ* сочиненіи. При томъ самая оцѣнка научнаго достоинства тѣхъ или другихъ положеній измѣняется съ теченіемъ времени. Двадцать лѣтъ назадъ теорія Дарвина о происхожденіи человѣка не подвергалась никакому сомнѣнію,—голосъ Агассиза заглушался хвалебнымъ хоромъ великому открытію и «ненаучность направленія» была заранѣе написана надъ всѣми возраженіями. Но взгляды измѣнились и въ прошломъ году Вирховъ торжественно заявилъ, что «въ вопросѣ о первоначальномъ человѣкѣ дарвинисты отброшены по всей линіи, непрерывность восходящаго развитія потерпѣла крушеніе, *проантропоса* не существуетъ и недостающее звено остается фантомомъ». Всякій кому приходилось присутствовать при судебно-медицинской экспертизѣ, гдѣ дѣло шло не о фактахъ, но о теоріяхъ—знаетъ, какіе ожесточенные споры о ненаучности пріемовъ или направленій возникаютъ у новѣйшихъ послѣдователей древнихъ противниковъ—Гиппократа и Галліена. Не поставитъ ли такая экспертиза судъ въ запутанное положеніе, не затруднитъ ли еще болѣе его задачу? Не вводить новыя, не вызываемыя техническими условіями дѣла экспертизы надо, а надо стремиться къ поднятію образовательнаго уровня судей, къ доставленію имъ возможности слѣдить за общимъ развитіемъ и отзываться сознательно и самостоятельно на всѣ явленія жизни, подлежащія ихъ разсмотрѣнію и не имѣющія спеціальнаго характера...

Въ заключеніе, относясь съ большимъ сочувствіемъ къ идеѣ дисциплинарно-товарищескаго суда чести, я полагаю, что этотъ судъ едва ли компетентенъ разбирать дѣла о клеветѣ и диффамаціи—и что рѣшенія его не будутъ имѣть удовлетворяющаго и успокоивающаго результата. Въ газетѣ, среди массы разнообразнаго матеріала, напечатано извѣстіе, представляющее клевету на частное лицо и явившееся послѣдствіемъ легкомысленной торопливости или личнаго мщенія автора. Въ кругу личной жизни оклеветаннаго это извѣстіе можетъ произвести самое тяжкое впечатлѣніе. Клевета вонзится ему въ сердце какъ отравленная стрѣла, каждое прикосновеніе къ которой усугубляетъ страданіе,—клевета наложитъ печать на его расположеніе духа, энергію, дѣятельность, отношеніе къ окружающимъ. Она заставитъ его семью и стыдиться, и негодовать. Она разрушитъ спокойствіе цѣлаго кружка и будетъ храниться *про запасъ* недругами и лживыми друзьями. Но редакторъ напечатавшій это извѣстіе, съ своей стороны могъ преслѣдовать общественныя цѣли, могъ думать, что борется со зломъ и исполняетъ высокую миссію печати. Извѣстіе могло появиться какъ иллюстрація для оправданія цѣлаго похода, предпринятаго въ пользу хорошаго дѣла, съ доброю цѣлью. При этомъ задѣло частнаго человѣка,—жаль! но что дѣлать: «лѣсъ рубятъ—щепки летятъ!» Кто же разберетъ споръ между дровосѣкомъ и

щепкою? Каждый изъ нихъ, по своему правъ,—а стоятъ они — въ оцѣнкѣ того, что случилось, на разныхъ полюсахъ. Судъ товарищей, какъ бы безпристрастенъ онъ ни былъ, всегда оставитъ въ обиженномъ сомнѣніе, вызванное предположеніемъ корпоративности взглядовъ и извѣстной партійности. Да и нельзя составлять судъ изъ профессіональныхъ представителей одной стороны. Поэтому и здѣсь, несмотря на возможныя несовершенства, безстрастный коронный судъ, независимый въ своей дѣятельности отъ взглядовъ сторонъ, болѣе будетъ соотвѣтствовать цѣли.

3.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ.

(Въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ).

---

14 апрѣля 1890 г. въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ былъ сдѣланъ членомъ Общества Г. Б. Слiозбергомъ докладъ «о классическомъ и позитивномъ направленiяхъ въ наукѣ уголовнаго права». По поводу этого доклада возникла юридическая бесѣда, въ которой приняли участiе Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкiй и А. Ѳ. Кони, при чемъ первый, отстаивая серьезность и прочность трудовъ классической школы, сказалъ, между прочимъ: «Мы выслушали, такъ сказать, отходную классической доктринѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ намъ возвѣщается наступленiе новой весны въ наукѣ уголовнаго права, а съ нею и появленiе новыхъ птицъ, новыхъ пѣсенъ... Приходится поневолѣ задуматься надъ вопросомъ, не пора ли и въ самомъ дѣлѣ отказаться отъ построенiй, выработанныхъ старою доктриною, отказаться отъ многаго изъ того, что̀ досталось потомъ и кровью и до послѣдняго времени считалось прочнымъ и незыблемымъ, вспоминая слова нашего маститаго поэта, вложенныя въ уста послѣдняго представителя классическаго мiра:

«Быть можетъ истина не съ нами,
Нашъ умъ ее уже неймetъ,
И охладѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ»...

Намъ былъ здѣсь картинно описанъ бой между двумя далеко не равными по своей численности армiями, изъ представителей науки уголовнаго права. Съ одной стороны несмѣтныя полчища классической школы, начиная съ ея творца Фейербаха и кончая новѣйшими криминалистами—Биндингомъ и даже Листомъ, а съ другой—небольшая кучка позитивистовъ, считающихъ своимъ родоначальникомъ Ломброзо; бой былъ данъ по всей линiи и, несмотря на мало-

численность кучки реформаторовъ, побѣда, какъ говорятъ, осталась за нею, ибо за нею будущее. Правда, что, какъ это бываетъ и въ жизни, побѣдитель, послѣ побѣды, сталъ снисходительнѣе къ побѣжденному, онъ уже не желаетъ истребить противника, стереть его съ лица юридической науки, онъ допускаетъ, что и изъ работъ классической школы по уголовному праву можетъ быть взято кое-что для новой науки, подобно тому, какъ новый владѣлецъ старинной усадьбы, полный кредита и предпріимчивости, снеся старыя хоромы, вырубивъ ненужныя кленовыя аллеи и тополя, заложивъ прочный фундаментъ винокуреннаго завода и салотопни, милостиво разрѣшаетъ воспользоваться кирпичемъ, скобами и желѣзомъ старой усадьбы и для новаго зданія...

Практическая важность вопроса о преступномъ состояніи, въ основаніе къ разрѣшенію котораго итальянскими антропологокриминалистами кладется такъ называемый *преступный типъ*, не подлежитъ никакому сомнѣнію, но надо замѣтить, что все серьезное и научно-провѣренное въ ученіи антропологической школы составляетъ ничто иное, какъ многостороннее и весьма желательное развитіе тѣхъ началъ вмѣняемости и тѣхъ основаній для сужденія о мотивахъ и условіяхъ къ содѣянію преступленія и объ обстоятельствахъ, смягчающихъ вину, которыя никогда не были чужды и классической школѣ уголовнаго права. Дѣло слѣдовательно идетъ о дальнѣйшемъ, согласномъ съ выводами современной науки развитіи права, а не о коренной реформѣ, при которой на развалинахъ метафизической работы классиковъ было бы построено нѣчто совершенно новое, даже не носящее и прежняго имени.

Большое участіе личности подсудимаго, въ качествѣ матеріала для сужденія о его винѣ, явилось при улучшеніи формъ процесса. Эта личность все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ почву и привлекаетъ къ себѣ взоръ судьи и изслѣдователя. Но—въ благородномъ стремленіи оградить ея права и избѣжать осужденія больного и недоразвитаго подъ видомъ преступнаго—представители положительной науки иногда доходятъ до крайнихъ предѣловъ, противъ которыхъ протестуетъ не только логика жизни, но подчасъ и требованія нравственности.

Пинель и Эскироль первые установили понятіе о mania sine delirio. Ихъ послѣдователи въ предѣлахъ этого состоянія намѣтили кромѣ mania intellectualis, собственно душевной болѣзни,—еще mania affectiva т. е. болѣзнь характера—mania instinctiva т. е. болѣзнь воли. Изъ понятія о *болѣзни* воли создалось новѣйшее ученіе о нейрастеніи, которое, захватывало множество случаевъ проявленія слабости воли, доведено Бирдомъ и его послѣдователями до установленія совершенно немыслимыхъ проявленій невмѣняемости, въ родѣ, напримѣръ, folie du doute, belanofobia (боязнь булавокъ), антививисекціонизма и болѣзненной наклонности къ опрятности. *Болѣзни характера* вызвали сначала ученіе англійскихъ врачей о

moral insanity, а потомъ явилась психопатія, которая разлилась такою безбрежною рѣкою, что сами психіатры силятся теперь направить ее въ русло опредѣленныхъ душевныхъ болѣзней и, такъ сказать, регурилировать ея разливъ. Наслѣдственность, несомнѣнно существующая, но вь большинствѣ случаевъ лишь какъ почва для дурныхъ вліяній среды и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, лишь какъ эвентуальный факторъ преступленія, разсматриваемая съ предвзятою односторонностью и съ чрезвычайными обобщеніями, привела къ мысли объ атавизмѣ, въ силу котораго современное общество, по мнѣнію итальянскихъ антрополого-криминалистовъ, заключаетъ въ себѣ огромное количество людей (до 40% всѣхъ обвиняемыхъ), представляющихъ запоздалое одичаніе, свойственное ихъ прародителямъ первобытной эпохи. Эти человѣко-звѣри, эти Калибаны современнаго общества и суть главные представители преступнаго типа,—съ Морелевскими ушами, Гутчинсоновскими зубами, сѣдлообразнымъ нёбомъ, длинными руками, малою головою, особою нервною возбудимостью, не чувствительностью къ внѣшнимъ страданіямъ, татуировкою, оригинальнымъ почеркомъ, страннымъ способомъ выраженій и т. д.

По мнѣнію Ломброзо, Гарофало и др., незачѣмъ вторгаться въ изслѣдованіе внутренняго міра этихъ существъ,—съ ними слѣдуетъ бороться какъ съ вредными звѣрями, какъ съ бактеріями въ общественномъ организмѣ. Прежде эшафотъ служилъ хорошимъ средствомъ, чтобы пресѣкать ихъ опасную для общества прогенитуру. Тардъ приводитъ слова Ломброзо: «Смертная казнь очистила породу и тѣмъ облагородила сердца». Нынѣ рекомендуется судъ врачей—спеціалистовъ, безъ гласности, безъ защиты, обжалованія и права помилованія. Судъ, разсматривая преступное дѣяніе въ сущности какъ *поводъ* для опредѣленія опасности преступника вообще, будетъ назначать ему срочное или пожизненное заключеніе, или же навсегда «устранять» его изъ жизни. Установивъ такимъ образомъ, произвольный по совокупности далеко не точно изслѣдованныхъ признаковъ, типъ человѣко-звѣря (въ дѣйствительности и физически, и нравственно отличающагося отъ дикаря, возвращеніе къ которому въ немъ хотятъ видѣть), итальянскіе антропологи-криминалисты подвели подъ него въ отношеніи карательной дѣятельности государства и всѣхъ прочихъ преступниковъ—и отправясь отъ заботы о слабомъ и больномъ человѣкѣ, пришли къ результатамъ, практическое осуществленіе которыхъ ужаснуло бы ихъ самихъ!

Въ этомъ ученіи надо брать цѣнныя практическія открытія; но юристы, которымъ дороги нравственные идеалы государства и человѣческое достоинство, должны вооружиться противъ выводовъ и даже противъ основныхъ положеній этого ученія, низводящихъ отправленіе правосудія къ какой-то охотѣ на человѣка съ примѣненіемъ антропометріи. Нельзя, опираясь на возможность наслѣд-

ственнаго вырожденія *нѣкоторыхъ*, ставить *всѣхъ* виновныхъ въ положеніе стихійной силы, которой совершенно чужды и нравственныя начала, и голосъ совѣсти. Ученіе итальянскихъ криминалистовъ очень заманчиво своими интересными подробностями. Но оно полно поспѣшныхъ выводовъ и наука права обязана строго профильтровать его, тѣмъ болѣе, что популяризація этого ученія путемъ образовъ и картинъ, какъ напримѣръ, у Золя, оставляетъ тягостное и, быть можетъ, по отношенію къ нѣкоторымъ даже вредное впечатлѣніе. «La bête humaine»—блестящая иллюстрація къ трудамъ Ломброзо — содержитъ, въ предѣлахъ малаго времени и пространства, рядъ убійствъ, при чемъ наслѣдственности и атавизму отведено почетное мѣсто. Изъ толпы этихъ разнородныхъ убійцъ, совершающихъ со спокойствіемъ стихійной силы и съ равнодушіемъ управомоченнаго самою природою существа, рядъ звѣрскихъ дѣлъ, не слышится ни вздоха сожалѣнія, ни стона раскаянія. Но тѣ изъ насъ, кто имѣлъ дѣйствительное дѣло съ преступниками, знаютъ, что въ преступномъ дѣяніи духовная сторона играетъ не меньшую роль, чѣмъ физическая и что она освѣщаетъ его внутреннимъ свѣтомъ, который доступенъ изслѣдованію внимательнаго наблюдателя.

4.

ВЛАСТЬ СУДА ВЪ ПРИМѢНЕНІИ НАКАЗАНІЯ.

(Въ Кавказскомъ Юридическомъ Обществѣ).

30-го апрѣля 1895 года въ засѣданіи Кавказскаго Юридическаго Общества въ гор. Тифлисѣ, членъ общества А. А. Красовскій сдѣлалъ подробный докладъ *«о дискреціонной власти суда по проекту Уложенія о наказаніяхъ»*, въ которомъ, между прочимъ, доказывалъ, что проектъ новаго Уложенія даетъ слишкомъ большую власть суду при избраніи имъ наказанія за совершенное преступленіе. Между опредѣленнымъ въ проектѣ наименьшимъ и наибольшимъ наказаніемъ за извѣстное преступленіе существуетъ громадная разница, вслѣдствіе чего судейскому произволу открывается широкій просторъ. Исключая такихъ недробныхъ наказаній, какъ смертная казнь и поселеніе, по всѣмъ остальнымъ наказаніямъ, какъ напр. каторга, тюрьма и заточеніе, судья за одно и то же преступленіе будетъ во власти назначить наказаніе отъ 2 мѣсяцевъ тюрьмы до 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. Мотивами такой реформы для проекта Уложенія служили составителямъ его: а) пропорціональность между преступленіемъ и наказаніемъ; б) довѣріе законодателя къ судьѣ, и в) примѣръ западныхъ государствъ. Но ни одно изъ этихъ положеній не выдерживаетъ кри-

тики и приводитъ къ убѣжденію, что проектъ представляетъ слишкомъ большой и опасный просторъ для произвола судьи. Весьма трудно опредѣлить соразмѣрность субъективную между наказаніемъ и преступленіемъ. Если предоставить такой произволъ судьѣ, то онъ внесетъ въ дѣло свои впечатлѣнія, свой взглядъ, свою культуру, а не взглядъ и намѣренія законодателя; судья будетъ высказывать свою волю, онъ станетъ назначать, напримѣръ, за сопротивленіе властямъ или за кражу такія ничтожныя наказанія, что тѣмъ самымъ какъ бы упразднитъ дѣйствіе закона и въ рукахъ судьи законодатель явится побѣжденнымъ. Получивши такую громадную власть, судья уже не будетъ обращаться къ Высочайшему помилованію, такъ какъ въ его распоряженіи будетъ примѣненіе самыхъ минимальныхъ наказаній. При этихъ же условіяхъ и присяжные засѣдатели перестанутъ осуждать виновныхъ, въ виду того, что судья можетъ назначать уменьшенныя фиктивныя наказанія. Не надо упускать изъ виду, что судья способенъ слишкомъ субъективно относиться къ дѣлу. Ему трудно соразмѣрить данное дѣяніе съ личностью преступника и установить справедливое наказаніе за преступленіе. Судья, погружаясь въ мелкія подробности процесса, часто упускаетъ изъ виду интересы общества, охраняемые законодателемъ, а потому при широкой свободѣ, способенъ идти въ разрѣзъ съ намѣреніями законодателя и взглядами общества и вызвать негодованіе послѣдняго. Между тѣмъ онъ не долженъ забывать, что онъ только повѣренный общества. Предоставленіе полной свободы судьямъ не можетъ вообще привести къ желательнымъ результатамъ. Какъ бы ни былъ стѣснителенъ законъ, его надо исполнять по неизмѣнному правилу: dura lex—sed lex, ибо взглядъ законодателя объемлетъ болѣе широкіе горизонты, чѣмъ взглядъ судьи. Поэтому законодатель часто не довѣряетъ судьѣ. Если же онъ вынужденъ вообще допустить власть судьи при опредѣленіи наказанія, то это съ его стороны рискъ, въ виду того, что трудно все регламентировать,—и въ предположеніи, что судья не будетъ злоупотреблять. Это доказывается тѣмъ, что законъ изъ недовѣрія къ судьямъ гарантируетъ лицъ, обращающихся къ нимъ, отъ нихъ какъ отъ враговъ; устанавливаетъ для этого коллегію изъ 3 судей, допускаетъ въ судѣ стороны, апелляцію и т. д.—Ссылаются, что гарантіею правильнаго примѣненія судьей закона служитъ его «судейская совѣсть». Она не служитъ гарантіею для законодателя, ибо не создаетъ гарантій тому, что дѣятельность судьи не будетъ расходиться съ намѣреніями законодателя, который съ высоты своего положенія болѣе компетентенъ въ опредѣленіи соотвѣтствія между преступленіемъ и наказаніемъ вообще. Что же касается главнаго аргумента, приводимаго комиссіей по составленію Уголовнаго Уложенія, именно примѣра западныхъ судовъ, то надо замѣтить, что на Западѣ нѣтъ общихъ жалобъ на суды, всѣ ими довольны; тамъ судебное сословіе имѣетъ свое прошлое; тамъ дѣятельность судовъ регулируется общественнымъ мнѣніемъ; тамъ судьи воспитаны въ уваженіи къ закону. Въ Россіи же судебное сословіе не имѣетъ традицій, оно не получило воспитанія, присущаго западному судьѣ; въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія, которое, какъ сила, могла бы сдержать судейское усмотрѣніе. У насъ имѣются лишь газетныя статьи, критикующія дѣйствія судовъ; но это не общественное мнѣніе. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ общественнаго давленія, ведущаго судью какъ бы на помочахъ и принуждающаго его смотрѣть на преступленіе глазами общества; у самого судьи нѣтъ и не можетъ быть твердаго критерія, которымъ онъ могъ бы руководиться.

Поэтому нельзя ожидать пользы для уголовной репрессіи отъ осуществленія проекта Уголовнаго Уложенія.

Въ виду обращенной ко мнѣ просьбы высказать свое мнѣніе о выслушанномъ докладѣ, я долженъ сознаться, что затрудняюсь прибавить что либо новое къ выраженному уже оппонентами и также, какъ и они—не могу согласиться съ докладомъ. Величайшая награда для всякой умственной работы—есть серьезная критика. Такую награду труду Комиссіи по начертанію новаго Уложенія вѣроятно хотѣлъ доставить и докладчикъ своимъ обстоятельнымъ и интереснымъ докладомъ. Но трудно согласиться и съ его оптимизмомъ, и съ его пессимизмомъ. Комиссія, конечно, никогда не задавалась непосильною задачею «искоренить гидру преступности» или «создать крѣпость, за которою должна укрыться отъ преступленія вся Россія», какъ выразился докладчикъ. Она знаетъ, что преступленіе есть явленіе столь же старое и столь же вѣчное, какъ и само общежитіе, и что задача законодателя сводится лишь къ наиболѣе успѣшной и справедливой борьбѣ съ этимъ печальнымъ, но едва ли совершенно устранимымъ явленіемъ. Съ другой стороны Комиссія была, безъ сомнѣнія, далека отъ мысли, что расширеніе ею правъ судьи по опредѣленію размѣра наказанія есть поощреніе судейскаго произвола, представляющее, какъ полагаетъ докладчикъ, двойную угрозу:—вытѣсненія изъ сферы правосудія начала верховной милости и вліянія общественнаго мнѣнія. Прежде всего дѣло идетъ вовсе не о предоставленіи судьѣ права карать или освобождать по усмотрѣнію или личному взгляду на преступленіе, не стѣсняясь указаніями законодателя. Эти указанія для него обязательны, но внутри ихъ общихъ очертаній ему должна быть предоставлена свобода выбора.

Законодатель, руководясь общественными и нравственными идеалами, потребностями государства и цѣлями общежитія, изъ ряда похожихъ житейскихъ явленій выводитъ одно *типическое* понятіе, которое и называетъ преступленіемъ, обладая опредѣленнымъ въ своихъ крайнихъ границахъ наказаніемъ. Судья это типическое понятіе прилагаетъ къ отдѣльнымъ случаямъ жизни, облеченнымъ въ плоть и кровь. Законодатель дѣйствуетъ какъ художникъ, который изъ ряда сопоставленныхъ одинъ съ другимъ портретовъ выводитъ одно типическое лицо, общее со всѣми и не похожее въ частности ни на одно; судья дѣйствуетъ какъ фотографъ, дѣлающій снимокъ съ одной, конкретной, оживленной присущими ей движеніями, физіономіи. Первый *выводитъ*, второй *примѣняетъ выводъ*. Первому нужны долгія указанія опыта, медлительная и тяжелая поступь осторожнаго ума; второму нужна наблюдательность, умѣнье оцѣнивать подробности и способность прислушиваться не только къ голосу разума, но и къ предстательству сердца. Наказаніе есть не только правовое, но и бытовое явленіе и его нельзя прилагать механически ко всякому однородному преступленію одинаково. Карая нарушителя закона, судъ имѣетъ дѣло не съ однообразною формулою отношенія дѣятеля къ дѣянію, а обсуждаетъ, такъ-называе-

мое, «преступное состояніе», представляющее собою, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, своего рода кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ обвиняемый, отъ котораго къ окружности идутъ радіусы, выражающіе болѣе или менѣе всѣ стороны его личности и житейскаго положенія—психологическую, экономическую, антропологическую, общественную, бытовую, этнографическую и патологическую. Для правильной ихъ оцѣнки не можетъ быть общаго мѣрила и смотрѣть на отдѣльное преступное состояніе только съ законодательной высоты невозможно. Будутъ роковыя и неизбѣжныя ошибки. Надо подойти поближе къ картинѣ преступленія и если и не вооружаться, по мнѣнію докладчика, микроскопомъ, то все-таки вглядѣться въ нее такъ, чтобы постигнуть тѣ краски, коими она нарисована. Тогда станутъ ясны движущія силы, приведшія въ своей совокупности—по старому схоластическому правилу: «vires unite agunt»—къ преступленію и справедливая мѣра наказанія за него. Широта этой мѣры, установляемая въ проектѣ новаго закона, вовсе не вытѣсняетъ верховной милости, а лишь не призываетъ ее слишкомъ часто, въ каждомъ случаѣ, гдѣ тиски узкихъ рамокъ нынѣшняго закона давятъ на совѣсть судьи и заставляютъ его просить объ облегченіи, какъ участи подсудимаго, такъ и своихъ сомнѣній.

Верховная милость, по смыслу 775 ст. Уст. угол. суд., будетъ существовать при новомъ Уложеніи такъ же, какъ и теперь, т. е. внѣ предѣловъ установленнаго закономъ наказанія.

Нельзя не признать ошибочнымъ и взгляда на присяжныхъ, какъ на представителей общественнаго мнѣнія по дѣлу. Было бы печально, если бы они приносили съ собою въ судъ это, уже заранѣе сложившееся, мнѣніе,—мнѣніе, которое чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бываетъ игрушкою въ рукахъ ловкихъ агитаторовъ, сегодня топчетъ въ грязь то, что вчера превозносило и, будучи справедливымъ въ своихъ *вкусахъ,* часто бываетъ жестоко несправедливо въ *оцѣнкѣ* фактовъ и побужденій. Не даромъ законъ предписываетъ предостерегать присяжныхъ отъ мнѣній, сложившихся внѣ стѣнъ суда и вноситъ это предостереженіе даже въ текстъ присяги. Тѣ, кто трудныя судейскія обязанности имѣлъ счастье раздѣлять съ присяжными, знаютъ, что присяжные служатъ представителями не мимолетнаго мнѣнія впечатлительной толпы, а являются выразителями *общественной совѣсти,* велѣнія которой коренятся въ глубинѣ нравственнаго міросозерцанія народа. Эта совѣсть не мирится иногда съ неизбѣжностью кары за дѣянія, до отмѣны которыхъ еще не добрался въ своемъ неторопливомъ шествіи законодатель. Таковы были преступленія противъ паспортной системы, таковы преступленія малолѣтнихъ и т. п. Здѣсь знаніе объ отсутствіи у судей широкаго простора въ выборѣ наказанія зачастую является причиной полнаго оправданія со стороны присяжныхъ. Поэтому ужъ присяжныхъ то расширеніе права при-

мѣненія мѣры наказанія никогда не огорчитъ и не поставитъ, какъ предполагаетъ докладчикъ, въ коллизію съ судомъ.

Отрицая въ нашихъ судьяхъ элементы, оправдывающіе намѣреніе Комиссіи ввѣрить имъ широкую власть примѣненія уголовной кары, докладчикъ считаетъ это рискомъ и иронически относится къ пустымъ, истертымъ отъ частаго обращенія словамъ—«судейская совѣсть». Но судья не стоитъ къ законодателю въ положеніи приказчика, со стороны котораго можно опасаться растраты хозяйскаго добра; онъ живой и самостоятельный выразитель цѣлей законодателя въ приложеніи ихъ къ явленіямъ повседневной жизни, а *судейская совѣсть*—не лишенный значенія звукъ, но сила, поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смыслъ, въ творимое имъ дѣло. Условія проявленія этой совѣсти прекрасно изображены въ присягѣ судей и присяжныхъ засѣдателей и, быть можетъ, самъ докладчикъ, пройдя многотрудный путь судьи и оглянувшись на него черезъ много лѣтъ, убѣдится, что служба этой совѣсти вещь не легкая и что совѣсть эта есть дѣйствительная величина, съ которою надо считаться подъ угрозою глубокаго душевнаго разлада съ самимъ собою. Съ непосредственнымъ приложеніемъ ея голоса связаны и трудныя, и сладкія минуты. Послѣднія бываютъ тогда, когда, вспоминая отдѣльные эпизоды своей дѣятельности, судья имѣетъ возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ и гулъ общественнаго возбужденія не заглушили сокровеннаго въ немъ голоса, не измѣнили его искренняго убѣжденія и не свели его съ намѣченнаго судейскимъ долгомъ пути.

Рискъ судейскаго усмотрѣнія въ избраніи мѣры наказанія представляется докладчику тѣмъ болѣе опаснымъ, что у насъ судья не стоитъ, какъ на западѣ, подъ строгимъ контролемъ общественнаго мнѣнія и не испытываетъ на себѣ его вліянія. Но приводимые имъ примѣры самовольной расправы толпы, недовольной приговоромъ, какъ это было по дѣлу «Маффіи» въ Новомъ Орлеанѣ, ничего общаго съ вліяніемъ общественнаго мнѣнія не имѣютъ. Взрывы народной ярости, слѣпой и грозной, суть явленія ненормальныя и никогда ни чему коррективомъ служить не могутъ. То же, что называется общественнымъ мнѣніемъ, вовсе не имѣетъ особаго, подавляющаго вліянія на западную, вѣками сложившуюся магистратуру. Не входя въ оцѣнку правильности судебныхъ рѣшеній, напр., по дѣламъ Панамы во Франціи, Джіолитти и Римскаго банка въ Италіи и т. п., нельзя не отмѣтить, что судьи по нимъ не очень-то прислушивались къ настойчивому голосу общественнаго мнѣнія, жадно требовавшему строжайшей кары. Въ той же Франціи, несмотря на давно и прочно сложившееся общественное мнѣніе о томъ, что въ лицѣ извѣстнаго Лезюрка осужденъ невинный, было настойчиво и неоднократно отвергнуто требованіе объ отмѣнѣ приговора о немъ. Въ этой неподчиняемости судей страстнымъ требо-

ваніямъ общественнаго мнѣнія, часто плохо и односторонне освѣдомленнаго, лежитъ большая гарантія дѣйствительнаго правосудія. Не даромъ глубокій мыслитель и юристъ Бентамъ рекомендуетъ судьѣ латинское изреченіе — «populus me sibilat, at ego mihi plaudo!». Если допустить давленіе общественнаго мнѣнія на избраніе рода и мѣры наказанія, то, идя послѣдовательно, придется допустить это давленіе и на существо дѣла. Къ чему это приводитъ—извѣстно изъ процесса несчастнаго Каласа. Боясь общаго неудовольствія, опасаясь утратить популярность или въ указаніяхъ большинства видя легкую замѣну работы собственнаго ума и совѣсти, судья будетъ охотно уступать общественному мнѣнію и умывать руки предъ ревомъ толпы. Такіе судьи бывали и имена нѣкоторыхъ пріобрѣли безсмертіе. Въ одной старой книгѣ, пережившей вѣка, разсказанъ процессъ, произведенный *такимъ* судьею и подъ *такимъ* контролемъ. Это было 1862 года назадъ. Судью звали Понтій Пилатъ.

Проектъ Уложенія неразрывно связанъ съ Судебными Уставами. Послѣдніе были проникнуты довѣріемъ къ русскому народу, установляя судъ по убѣжденію совѣсти, свободный отъ предустановленныхъ формальныхъ доказательствъ. Но старое Уложеніе не довѣряло судьѣ и его усмотрѣніе въ мѣрѣ наказанія стѣсняло узкими предѣлами. Пора сдѣлать дальнѣйшій шагъ впередъ и приложить къ наказанію ту же свободу сужденія, которая уже приложена къ преступленію. Сливая въ этомъ отношеніи Уложеніе съ Судебными Уставами, законодатель сниметъ съ судьи коронпаго тѣсный юридическій корсетъ и, оказавъ ему заслуженное довѣріе, дастъ ему вздохнуть полной грудью...

VIII.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ.

(Практическая замѣтка).

Судебная дѣятельность государства должна отличаться возможнымъ отсутствіемъ колебанія вошедшихъ въ силу судебныхъ рѣшеній. Уголовное законодательство всѣхъ странъ стремится упрочить незыблемость окончательныхъ уголовныхъ приговоровъ. По тому же пути идетъ и нашъ Уставъ уголовнаго судопроизводства. Поэтому оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда, а также и присужденный такимъ приговоромъ къ наказанію не могутъ вторично предстать предъ судомъ по тому же самому дѣлу, если бы даже впослѣдствіи открылись новыя обстоятельства, изобличающія перваго или увеличивающія вину втораго. Это общее правило не распространяется однако на случаи, когда судомъ будетъ признано, что вошедшій въ законную силу приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа или какого либо другого преступленія, или же когда откроются доказательства невиновности осужденнаго или понесенія имъ наказанія, по судебной ошибкѣ, свыше мѣры содѣяннаго. Наличность послѣдняго случая составляетъ всегда законный поводъ къ возобновленію дѣла на предметъ возстановленія чести и правъ невинно-осужденнаго. На такое возстановленіе не имѣютъ вліянія ни давность, ни даже самая смерть осужденнаго.

Въ развитіе этихъ основныхъ положеній, изложенныхъ въ 21—23, 25 и 26 ст. Уст. угол. суд., въ послѣднемъ помѣщены статьи

180 и 934—940, коими установляется особый, точно-опредѣленный порядокъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ, разработанный, въ своихъ подробностяхъ, рядомъ рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Въ силу этого порядка, просьбы и представленія о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ могутъ быть обращаемы въ Уголовный Кассаціонный Департаментъ (ст. 934 Уст. суд., по прод. 1886 г.) только по вступленіи приговоровъ въ законную силу, т. е. только тогда, когда установленные въ законѣ способы апелляціоннаго или кассаціоннаго обжалованія приговоровъ исчерпаны, или ими не представляется возможности воспользоваться по отсутствію основаній или поводовъ для нихъ (Рѣш. Угол. Касс. Д-та, 1867 г. № 339, 1868 г. №№ 871, 920, 1869 г. №№ 363, 721, 1870 г. № 405 и др.). Ходатайство о возобновленіи, для того чтобы быть признаннымъ заслуживающимъ уваженія, должно имѣть своимъ основаніемъ обстоятельства *дѣйствительныя* (ст. 936 Уст. угол. суд.), т. е. не предположенія, а несомнѣнные факты, удостовѣренные опредѣленными способами и служащіе доказательствомъ ошибочности состоявшаго приговора (Рѣш. Угол. Кассац. Д-та, 1867 г. № 364, 1868 г. № 333, 1869 года № 640, 1871 г. № 876 и др.) настолько сильнымъ, чтобы оно если не совершенно исключало всякое предположеніе о виновности осужденнаго, то во всякомъ случаѣ заключало бы въ себѣ полную вѣроятность, что при новомъ разрѣшеніи дѣла обвиненный будетъ оправданъ (1871 г. № 161 и 1872 г. № 896).

Способы удостовѣренія дѣйствительности обстоятельствъ, могущихъ послужить основаніемъ для возобновленія дѣла, различаются, смотря по роду установленныхъ въ законѣ причинъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ (ст. 935 Уст. угол. суд.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда такою причиною является осужденіе кого либо за преступленіе, которое не совершилось, или вообще открытіе доказательствъ невинности осужденнаго или понесенія имъ наказанія, по судебной ошибкѣ, вслѣдствіе неполноты или искаженія обстоятельствъ дѣла, (рѣш. Угол. Касс. Д-та, 1867 г. № 303 и 1868 г. № 634), свыше мѣры содѣяннаго (ст. 935 п. 2), способомъ вышеупомянутаго удостовѣренія, кромѣ относящихся къ данному случаю судебныхъ приговоровъ или протоколовъ (рѣш. Угол. Касс. Д-та, 1866 г. №№ 66 и 408 и др.), служатъ дознанія, производимыя по распоряженію прокурорскаго надзора, для чего послѣдній даже уполномоченъ не ожидать разрѣшенія Правительствующаго Сената (рѣш. Угол. Касс. Д-та, 1872 г. № 1393); въ случаяхъ же, предусмотрѣнныхъ 1, 3 и 4 пунктами 935 ст. Уст. угол. суд., такимъ удостовѣреніемъ считается исключительно вошедшій въ законную силу приговоръ суда, который прямо и въ существенной своей части противорѣчитъ другому, прежде состоявшемуся по обвиненію въ томъ же самомъ преступленіи другого лица, такъ что виновность одного исключаетъ виновность другого (рѣш. Угол. Касс. Д-та, 1870 г. № 1208 и 1872 г.

№ 895), или которымъ установляются подложность документовъ или лживость свидѣтельскихъ показаній, легшихъ въ основаніе опороченнаго приговора, или же, наконецъ, корыстные или иные личные виды судей (рѣш. Угол. Касс. Д-та, 1869 г. №№ 475 и 810, 1870 г. №№ 141 и 951 и др.). Сообразно этому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, просьбы и представленія о возобновленіи поступаютъ въ Правительствующій Сенатъ уже послѣ того, какъ вошедшій въ законную силу приговоръ обращенъ къ исполненію и дѣйствіе его по отношенію къ осужденному уже началось. Согласно ст. 938 Уст. угол. суд., при возобновленіи дѣла по доказательствамъ, представленнымъ въ пользу осужденнаго, дальнѣйшее дѣйствіе приговора немедленно пріостанавливается и участь осужденнаго облегчается во всемъ, что̀ не препятствуетъ принятію мѣръ къ явкѣ его въ судъ. Въ противоположность этому, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда доказательства ошибочности состоявшагося приговора, при полной своей очевидности и неопровержимости, могли бы быть тотчасъ же, по вступленіи таковаго въ законную силу, разсмотрѣны Сенатомъ и вызвать отмѣну приговора, который еще не успѣлъ быть обращенъ къ исполненію, исполненіе, на основаніи 937 ст. Уст. угол. суд., останавливается впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла съ принятіемъ лишь мѣръ къ воспрепятствованію осужденнымъ скрыться отъ слѣдствія и суда.

Такой порядокъ, въ точности соотвѣтствуя основному началу, состоящему въ томъ, что возобновленію подлежатъ лишь дѣла, по коимъ приговоры вошли въ законную силу, построенъ на вполнѣ оправдываемомъ судебною практикою предположеніи, что обстоятельства, служащія основаніемъ для ходатайствъ о возобновленіи, почти всегда обнаруживаются и выясняются уже послѣ вступленія приговора въ силу, такъ какъ если бы они обнаруживались до постановленія приговора, то, согласно ст. 549, 634 и 734 Уст. угол. суд., эти обстоятельства несомнѣнно вошли бы, какъ матеріалъ, въ сужденіе не только о винѣ или невиновности подсудимаго, подвергаясь установленной закономъ провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи, но даже и въ сужденіе объ основательности данныхъ для преданія его суду (Уст. угол. суд., ст. 549). Если же такія обстоятельства не обнаружились до постановленія приговора, то они могутъ по естественному ходу вещей, выясниться лишь по вступленіи приговора въ силу. Поэтому составители Судебныхъ Уставовъ, вводя въ наше Уголовное судопроизводство рядъ правилъ о возобновленіи дѣлъ, совершенно отличныхъ отъ существовавшихъ въ судопроизводствѣ по 2 ч. XV т. Св. Зак. способовъ возстановленія чести и правъ неправильно осужденныхъ, — имѣли въ виду двѣ строго различаемыя стадіи обсужденія доказательствъ, представляемыхъ въ пользу лица, навлекшаго на себя уголовное преслѣдованіе и преданіе суду: *до* постановленія приговора о *подсудимомъ* — и *послѣ* вступленія въ законную силу приговора объ

осужденномъ (ст. 934 Уст. угол. суд.), пріурочивая разсмотрѣніе доказательствъ на предметъ возобновленія дѣла исключительно ко второй изъ упомянутыхъ стадій. Вслѣдствіе этого возможность открытія доказательствъ невиновности обвиняемаго въ промежутокъ между признаніемъ судомъ (или присяжными засѣдателями) его виновности въ установленной закономъ формѣ и вступленіемъ приговора въ законную силу оставлено было, при начертаніи ст. 934—938, безъ обсужденія. Между тѣмъ, такая возможность, хотя и въ рѣдкихъ относительно случаяхъ существуетъ, и разрѣшенное Харьковскою Судебною Палатою, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣло почтоваго чиновника Пономарева, обвиненнаго въ кражѣ, въ совершеніи коей на другой день по провозглашеніи резолюціи повинился почталіонъ Скрипко, обратившее на себя общее оживленное вниманіе, служитъ наилучшимъ тому доказательствомъ. Въ виду этой возможности вопросы, *во-первыхъ* о томъ, какъ долженъ поступать судъ, когда послѣ признанія подсудимаго присяжными засѣдателями виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи, но до постановленія резолюціи о наказаніи, обнаружатся обстоятельства, предусмотрѣнныя 2 п. 935 ст. Уст. угол. суд. и служащія доказательствомъ невиновности осужденнаго присяжными? *во-вторыхъ*, о томъ, какъ долженъ поступать судъ, когда такія обстоятельства обнаружатся послѣ провозглашенія резолюціи, присуждающей подсудимаго къ наказанію, но до объявленія приговора въ окончательной формѣ? и *въ-третьихъ*, о томъ, подлежитъ ли обращенію къ исполненію, объявленный въ окончательной формѣ, приговоръ въ томъ случаѣ, если вышеупомянутыя обстоятельства откроются послѣ его объявленія, но до вступленія его въ дѣйствіе порядкомъ, указаннымъ въ ст. 947—949 Уст. угол. суд.?

Вопросы эти касаются приговоровъ обвинительныхъ, они не возбуждаются по приговорамъ оправдательнымъ, какъ по краткости промежутка между оправданіемъ подсудимаго и объявленіемъ оправдательнаго приговора въ окончательной формѣ, такъ и потому, что таковые приговоры обращенію къ исполненію не подлежатъ.

Обращаясь къ намѣченнымъ выше вопросамъ—нельзя не признать, что *первый* изъ нихъ въ значительной степени предрѣшается постановленіемъ, изображеннымъ въ 818 ст. Уст. угол. суд., по которому судъ, единогласно признавъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей осужденъ невинный, постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, рѣшеніе которыхъ почитается уже во всякомъ случаѣ окончательнымъ. Если тотчасъ по провозглашеніи рѣшенія присяжныхъ засѣдателей—подсудимымъ или его защитникомъ или даже прокуроромъ, какъ блюстителемъ закона, будутъ представлены доказательства невиновности подсудимаго столь вѣскія, что могутъ вызвать основательное сомнѣніе въ его виновности въ судьяхъ, предъ коими

только что заключилось разбирательство дѣла по существу, то примѣненіе 818 ст. Уст. угол. суд., при условіи единогласія на этотъ предметъ судей, не только будетъ цѣлесообразно и правильно, но и облегчитъ совѣсть присяжныхъ засѣдателей, смущенную наличностью обстоятельства, котораго они не могли имѣть въ виду, рѣшая вопросъ объ участи подсудимаго.

Болѣе сложнымъ представляется *второй* вопросъ. Существуетъ мнѣніе, что въ подобномъ случаѣ судъ долженъ ограничиться одною резолюціею и, примѣняясь къ ст. 549 Уст. угол. суд., предоставить о вновь открывшемся обстоятельствѣ инстанціи или учрежденію, исполняющему обязанности обвинительной камеры, предоставивъ имъ дѣйствовать въ порядкѣ, вытекающемъ изъ смысла 549 ст. Такое мнѣніе можетъ имѣть основаніе съ точки зрѣнія достиженія скорѣйшаго успокоенія подсудимаго сознающаго свою невиновность, и умиротворенія окружающей его среды, но оно не находитъ себѣ опоры въ законѣ, который точно намѣчаетъ послѣдовательный ходъ обжалованія приговоровъ и въ дѣлѣ о возобновленіи рекомендуетъ нѣкоторую медлительную осторожность, избѣгая неустойчивой, хотя бы и симпатичной, быстроты. Не говоря уже о томъ, что судъ вообще не имѣетъ права пріостанавливать на неопредѣленное время свои резолюціи по существу дѣла,—пріостановленіе резолюціи могло бы на практикѣ повести къ чрезвычайнымъ затрудненіямъ. Разсматривая взаимное отношеніе резолюціи и приговора, и обязанности суда по отношенію къ нимъ, надлежитъ признать, что всякая резолюція о винѣ или невиновности подсудимаго имѣетъ неизбѣжнымъ, неотвратимымъ послѣдствіемъ своимъ приговоръ въ окончательной формѣ. Законъ даже въ сущности всегда говоритъ только о приговорѣ, упоминая о сущности приговора при провозглашеніи резолюціи въ ст. 788—790 и устанавливая затѣмъ въ ст. 792 и 793 порядокъ, въ которомъ объявляется, и условія, въ которыхъ изготовляется подробный приговоръ въ окончательной формѣ. Этотъ послѣдній приговоръ не представляетъ собою въ сущности ничего новаго въ дѣлѣ—онъ естественно вытекаетъ изъ резолюціи, содержа въ себѣ, согласно 3 п. 797 ст. Уст. угол. суд., подробное положеніе, согласно съ разумомъ и словами закона, сущности приговора, т. е. резолюціи, при чемъ этому изложенію предпосылается соображеніе обвиненія съ представленными уликами и доказательствами. Въ этомъ подробномъ приговорѣ, судъ отдаетъ самому себѣ и всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ отчетъ въ тѣхъ основаніяхъ, которыя повліяли на убѣжденіе судей въ виновности подсудимаго, и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ для разбора при обжалованіи по существу,—для сужденія о правильности примѣненія закона, при кассаціонномъ разбирательствѣ. Никакое обстоятельство, открывшееся послѣ объявленія резолюціи, не можетъ и не должно вліять на естественное и законное, въ теченіе опредѣленнаго 793 ст. Уст. угол.

суд. срока, созрѣваніе мотивированнаго приговора, ибо онъ долженъ быть основанъ *исключительно на уликахъ и доказательствахъ, бывшихъ предметомъ судебнаго слѣдствія и состязанія сторонъ.* Никакое новое, добытое внѣ суда и послѣ суда доказательство за или противъ подсудимаго, какъ бы оно, повидимому, убѣдительно ни было, не должно останавливать судъ въ исполненіи его обязанности подробно изложить: почему онъ, до открытія новаго доказательства, пришелъ къ убѣжденію что можетъ сказать подсудимому: «ты виновенъ».

Судъ—учрежденіе человѣческое. Ему свойственно ошибаться, ему возможно имѣть дѣло съ неполнымъ матеріаломъ. Для исправленія этого установлены опредѣленные способы, но судъ поступилъ бы несогласно съ своимъ достоинствомъ, если бы, встрѣтивъ обстоятельство, которое ему было извѣстно при постановленіи приговора о судьбѣ человѣка, уклонился отъ подробнаго изложенія соображеній, которыя, при неизвѣстности этого обстоятельства, привели его къ выводу, оказывающемуся, быть можетъ, ошибочнымъ. Такое собственное признаніе своего безсилія доказать обдуманность и основательность приговора, постановленнаго въ наличныхъ условіяхъ мѣста и времени, несравненно болѣе колебало бы довѣріе къ правосудію, чѣмъ возможность случайно обнаружившейся ошибки, для исправленія которой, притомъ, указаны въ законѣ опредѣленные пути. Наконецъ, уклоненіе суда отъ изложенія приговора въ окончательной формѣ преграждало бы возможность возобновленія, ибо по точному смыслу ст. 938 Уст. угол. суд., при возобновленіи дѣла дальнѣйшее дѣйствіе приговора немедленно пріостанавливается и т. д., а дѣйствіемъ этимъ несомнѣнно должно считаться приведеніе приговора въ исполненіе, но не его мотивировка. Объ отмѣнѣ же судомъ своей резолюціи, въ виду вновь открывшагося обстоятельства, говорить едва ли возможно уже потому, что суду не предоставлено права отмѣны своихъ рѣшеній по существу дѣла, а такое право, и то съ извѣстными ограниченіями, предоставлено ему лишь по отношенію къ частнымъ опредѣленіямъ о порядкѣ производства дѣла.

Сверхъ того, необходимо замѣтить, что такое пріостановленіе резолюціи суда представляется неудобоисполнимымъ еще и потому, что оно предполагаетъ, какъ естественное свое послѣдствіе, въ случаѣ признанія новыхъ обстоятельствъ могущими имѣть вліяніе на направленіе дѣла, отмѣну этой резолюціи со стороны учрежденія, въ которое послѣдовало представленіе суда по 549 ст. Уст. угол. суд. Но такимъ учрежденіемъ не всегда будетъ высшая надъ судомъ инстанція—Судебная Палата или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по отношенію къ Палатѣ—Правительствующій Сенатъ, а таковымъ, по преступленіямъ должности лицъ не судебнаго вѣдомства, является ихъ единоличное или коллегіальное начальство, коему принадлежитъ, по ст. 1088 Уст. угол. суд., право преданія суду. Со-

гласно закону 7-го іюля 1889 г., суду Палаты предаются, за преступленія по должности, въ предѣлахъ ея вѣдомства совершенныя, административныя должностныя лица, поименованныя въ ст. 1072 и 1073 Уст. угол. суд., а именно, чины губернскихъ и государственныхъ учрежденій, занимающіе должность отъ восьмого до пятаго класса включительно, а также чины всѣхъ вѣдомствъ, занимающіе должность отъ четырнадцатаго до девятаго класса включительно, если они обвиняются въ преступленіяхъ, за которыя закономъ положены наказанія съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. На основаніи 1 п. 1088 ст. Уст. угол. суд., должностныя лица административныхъ вѣдомствъ, опредѣляемыя къ должностямъ губернскими и равными имъ властями, предаются суду за преступленія должности по постановленіямъ губернскихъ правленій. Поэтому во многихъ дѣлахъ, судимыхъ Судебными Палатами съ участіемъ сословныхъ представителей (ст. 1105 Уст. угол. суд.) съ представленіемъ по 549 ст. Уст. угол. суд. послѣ пріостановки резолюціи, вслѣдствіе открывшихся послѣ ея провозглашенія обстоятельствъ, Судебной Палатѣ приходилось бы входить въ губернское правленіе и отъ него ожидать отмѣны этой пріостановленной резолюціи. Едва ли нужно доказывать полную непримѣнимость подобнаго порядка и несогласіе его съ основнымъ началомъ невмѣшательства административной власти въ постановленіе, отмѣну или измѣненіе судебныхъ рѣшеній.

Наконецъ, нельзя не упомянуть и о томъ затруднительномъ положеніи, въ которое были бы поставлены суды нерѣдко на практикѣ, если бы имъ, въ случаѣ, указываемомъ *во второмъ* изъ возникающихъ вопросовъ, было разрѣшено пріостанавливать резолюцію и направлять все производство по 549 ст. Уст. угол. суд. Наиболѣе рѣзкимъ случаемъ обнаруженія обстоятельствъ, могущихъ служить доказательствомъ невиновности осужденнаго и ошибочности состоявшагося о немъ приговора,—бываетъ явка съ повинною другого лица, заявляющаго о совершеніи имъ преступленія, повлекшаго неправильное осужденіе. Какъ бы убѣдительно, повидимому, ни было собственное сознаніе преступника, оно уже давно не признается уголовно — судебною теоріею и практикою за «лучшее свидѣтельство всего свѣта» (т. XV, ч. 2) и всегда требуетъ тщательной провѣрки (3 п. 297 и 310 ст. Уст. угол. суд.), ибо оно можетъ быть результатомъ не только могущественнаго требованія проснувшейся совѣсти, но и результатомъ великодушнаго порыва, заставляющаго, во имя привязанности, принимать на себя вину близкаго, родного, любимаго человѣка, — или проявленіемъ душевнаго разстройства, въ видѣ маніакальнаго бреда преслѣдованія,—или осуществленіемъ изувѣрнаго стремленія «принять страданіе», свойственнаго нѣкоторымъ сектантамъ,—или попыткою спасти выдающагося дѣятеля тайной организаціи, пожертвовавъ вмѣсто него простымъ «рядовымъ»,—или, какъ то бываетъ

въ скопческихъ дѣлахъ, систематическимъ принятіемъ на себя однимъ лицомъ всѣхъ оскопленій, совершенныхъ въ извѣстный періодъ времени, — или же, наконецъ, послѣдствіемъ подкупа или иной преступной сдѣлки. Эта тщательная провѣрка выражается въ формѣ предварительнаго слѣдствія, обязательнаго, по ст. 310 Уст. угол. суд., во всѣхъ случаяхъ, когда признаніе явившагося прямо не опровергается имѣющими у слѣдователя свѣдѣніями. Очевидно, что въ случаѣ производства слѣдствія, судъ былъ бы вынужденъ, пріостановивъ свою резолюцію, выждать окончанія не только предварительнаго, но и судебнаго слѣдствія и лишь имѣя въ наличности обвинительный приговоръ о повинившемся, могъ бы войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ по 549 ст. Уст. угол. суд. Допустить иной исходъ значило бы дать полную возможность повинившемуся играть съ правосудіемъ и сознавшись при слѣдствіи, отказаться отъ своего сознанія на судѣ, послѣ того, какъ цѣль его — прекращеніе дѣла о дѣйствительно виновномъ и уже единожды осужденномъ—достигнута. Но поставить судьбу пріостановленной резолюціи въ зависимость отъ окончанія слѣдствія и суда надъ повинившимся—значило бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, фактически отмѣнить состоявшійся приговоръ, въ сущности безъ всякихъ данныхъ, уважительность коихъ была бы точно доказана. Такъ было бы, напримѣръ, въ случаѣ явки съ повинною человѣка, который затѣмъ скрылся — и въ теченіе шестимѣсячнаго срока, указаннаго 852 ст. Уст. угол. суд., не розысканъ, такъ что дѣло о немъ, согласно ст. 518 Уст. угол. суд., должно быть пріостановлено, при чемъ возникалъ бы вопросъ, что же будетъ дѣлать судъ съ своею пріостановленною резолюціею, въ виду такого пріостановленнаго слѣдствія? и какимъ образомъ разрѣшитъ онъ дѣло, по коему, за отсутствіемъ приговора въ окончательной формѣ, обвиненному преграждена возможность прибѣгнуть къ законнымъ способамъ обжалованія, а потерпѣвшему, предъявившему гражданскій искъ—возможность удовлетворенія!

Такимъ образомъ приходится признать, что при обнаруженіи обстоятельствъ, могущихъ послужить доказательствомъ невиновности обвиненнаго, послѣ провозглашенія резолюціи, но до объявленія приговора въ окончательной формѣ, судъ обязанъ изложить этотъ приговоръ и объявить его установленнымъ порядкомъ, предоставивъ сторонамъ обжаловать его или, отказавшись отъ обжалованія, за отсутствіемъ къ тому поводовъ, дать ему вступить въ законную силу и затѣмъ прибѣгнуть къ ходатайству о возобновленіи.

Третій вопросъ, возникающій изъ возможности обнаруженія обстоятельствъ, могущихъ служить доказательствомъ невиновности обвиненнаго — послѣ постановленія приговора, но до обращенія его къ исполненію, сводится, въ сущности къ тому, подлежитъ ли обращенію къ исполненію приговоръ, когда въ виду суда имѣются

данныя служащія, или послужившія основаніемъ для ходатайства о возобновленіи дѣла? По свойству своему, обстоятельства этого рода могутъ требовать иногда продолжительнаго судебнаго производства или повѣрочнаго дознанія, да и самое удостовѣреніе со стороны Сената въ ихъ дѣйствительности (ст. 936 Уст. угол суд.), безусловно требуемое закономъ и предшествующее, во всякомъ случаѣ, возобновленію дѣла, можетъ продолжаться болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени. Съ другой стороны, эти обстоятельства могутъ быть, съ момента обнаруженія ихъ, настолько ясны и несомнѣнны, что должны рождать въ судѣ основательное убѣжденіе въ ошибочности состоявшагося приговора, т.-е. или совершенно исключать всякое предположеніе о виновности осужденнаго или, по крайней мѣрѣ, давать полную вѣроятность предположенію, что при новомъ разсмотрѣніи дѣла обвиненный будетъ оправданъ (1870 г. № 161 и 1872 г. № 896). Между тѣмъ, вошедшій въ силу приговоръ обращается немедленно къ исполненію, хотя бы судъ и пришелъ къ убѣжденію въ его ошибочности и удостовѣрился въ его неправильности (Уст. угол. суд. ст. 941. Рѣш, Угол. Касс. Д-та 1871 г. № 1727, 1880 г. №№ 17 и 24), при чемъ такая неправильность можетъ быть вызвана даже и не ошибками въ оцѣнкѣ представленныхъ по дѣлу доказательствъ, но отсутстіемъ существенныхъ доказательствъ невиновности подсудимаго, обнаруженныхъ лишь послѣ постановленія обвинительнаго о немъ приговора. *Обращеніе въ этомъ случаѣ приговора къ исполненію представляется однако не имѣющимъ ни практическаго, ни нравственнаго основанія.* Отправленіе правосудія не должно быть совершаемо механически, по формальнымъ поводамъ, и поддержаніе общественнаго порядка, которому служитъ, между прочимъ, и уголовная репрессія, не должно сводиться къ напрасному и безцѣльному причиненію страданій отдѣльнымъ лицамъ. Нельзя поэтому не признать, что такому взгляду вполнѣ противорѣчитъ приведеніе въ дѣйствіе органовъ прокурорскаго надзора и администраціи для исполненія уголовной, а иногда весьма тяжкой, кары надъ человѣкомъ, дѣло о которомъ, вслѣдствіе ошибки, признаваемой самимъ судомъ, постановившимъ приговоръ, подлежитъ, почти съ достовѣрностью, пересмотру. Не говоря уже о совершенно напрасныхъ расходахъ казны по осуществленію приговора, сопряженнаго съ лишеніемъ правъ, такое осуществленіе является причиненіемъ осужденному, во всякомъ случаѣ, преждевременнаго и, быть можетъ, вовсе незаслуженнаго страданія, что не можетъ не возбуждать въ обществѣ тягостнаго недоумѣнія и сомнѣнія въ правомѣрности существующихъ на предметъ возобновленія дѣлъ законовъ. Статьи 937 и 938 Уст. угол. суд., говорящія объ остановкѣ исполненія неисполненнаго еще приговора, въ случаѣ отмѣны его Сенатомъ и о немедленномъ пріостановленіи дѣйствія исполненнаго уже приговора, при возобновленіи дѣла

по доказательствамъ, представленнымъ въ пользу осужденнаго— проникнуты мыслью о необходимости избавить осужденнаго, дѣло о которомъ возобновляется, отъ напраснаго отягощенія его участи. Но статьи эти имѣютъ въ виду уже состоявшееся распоряженіе о возобновленіи дѣла. Необходимо распространить ихъ смыслъ и на случаи самаго возбужденія ходатайства о возобновленіи дѣлъ, когда приговоръ не обращенъ еще къ исполненію.

Такая мѣра, справедливая сама по себѣ и согласная съ духомъ ст. 937 и 948 Уст. угол. суд., находится въ связи съ весьма желательнымъ расширеніемъ содержанія 934 ст. Уст. угол. суд. На основаніи послѣдней статьи ходатайства о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ поступаютъ въ Сенатъ или въ видѣ представленій лицъ прокурорскаго надзора, или же въ видѣ просьбъ самихъ осужденныхъ, ихъ родственниковъ и свойственниковъ. Хотя лица прокурорскаго надзора, ходатайствуя о вовобновленіи, и могутъ дѣйствовать не только какъ сторона, но и какъ представители закона, тѣмъ не менѣе нѣкоторая односторонность цѣлей и положенія на судѣ какъ представителей прокуратуры, такъ и осужденнаго вмѣстѣ съ близкими ему лицами, вызываетъ крайнюю желательность и необходимость предоставленія права такого ходатайства и суду, разсматривавшему дѣло. Принявъ на свою совѣсть рѣшеніе участи подсудимаго и высказавъ свое рѣшительное мнѣніе о его винѣ, судьи нравственно заинтересованы, чтобы Сенатомъ были даны способы къ уясненію и, буде возможно, исправленію сознаваемой ими ошибки. Лишать судъ этого права несправедливо уже потому, что онъ не можетъ быть ставимъ, въ удовлетвореніе своей нравственной надобности видѣть исправленіе своей ошибки, выразившейся въ неправильномъ приговорѣ, въ зависимость отъ усмотрѣнія, досуга или умѣнія сторонъ.

Право суда входить съ представленіемъ о возобновленіи дѣла въ Сенатъ, не существующее для общихъ судебныхъ мѣстъ, установлено однако ст. 180 Уст. угол. суд., по отношенію къ органамъ мировой юстиціи, такъ какъ, согласно многочисленнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената, просьбы о возобнов леніи дѣлъ, рѣшенныхъ этими учрежденіями, должны быть подаваемы мировому судьѣ или въ съѣздъ, постановившіе приговоръ, при чемъ послѣдніе, произведя надлежащее разслѣдованіе о дѣйствительности указываемыхъ къ возобновленію поводовъ, обязаны, въ случаѣ признанія просьбы уважительною, составить о томъ опредѣленіе и сдѣлать представленіе въ Сенатъ о возобновленіи дѣла. Такой же порядокъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть соблюдаемъ, по отношенію къ Соединенному Присутствію Перваго и Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента,—земскими начальниками, городскими судьями и уѣздными Съѣздами, по ст. 243 Высочайше утвержденныхъ правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что указанныя въ ст. 934 Уст. угол. суд. представленія лицъ прокурорскаго надзора, основанныя на данныхъ, почерпнутыхъ не только изъ просьбъ осужденныхъ, но и непосредственно усмотрѣнныхъ или добытыхъ прокуратурою, замѣняются представленіями въ Сенатъ органовъ мировой юстиціи, нельзя не признать, что мировой судья или Съѣздъ (а также лица и учрежденія, упомянутыя въ вышеприведенной 253 ст. правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ), освѣдомясь о достовѣрныхъ данныхъ, могущихъ служить основаніемъ для возобновленія дѣла и провѣривъ ихъ надлежащимъ разслѣдованіемъ, имѣютъ право составить объ этомъ опредѣленіе и представить въ Сенатъ о возобновленіи.

Поэтому слѣдуетъ предоставить общимъ судебнымъ учрежденіямъ право—*во-первыхъ*, входить наравнѣ съ осужденными и лицами прокурорскаго надзора въ Сенатъ съ ходатайствомъ о возобновленіи дѣлъ, указанныхъ въ 934 ст. Уст. угол. суд., основаннымъ на опредѣленіи суда о дѣйствительности и уважительности имѣющихся въ виду его обстоятельствъ, могущихъ послужить законною, по ст. 935 Уст. угол. суд., причиною для возобновленія дѣла; и *во вторыхъ*, въ случаяхъ признаваемой судомъ уважительности основаній для возобновленія дѣла, выраженной въ особомъ опредѣленіи, не обращать, по непосредственному своему усмотрѣнію или по предложенію прокурора, вошедшаго въ законную силу приговора къ исполненію впредь до полученія разрѣшенія Сената на предъявленное ему ходатайство о возобновленіи, при чемъ это послѣднее право должно, въ силу 118 ст. Уст. угол. суд., распространяться и на мировыя судебныя учрежденія, а также на учрежденія, замѣнившія ихъ въ губерніяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе Высочайше утвержденное 12 іюля 1889 г. положеніе о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій.

Дополненіе въ вышеизложенномъ смыслѣ ст. 934 Уст. угол. суд. и введеніе въ главу пятую V раздѣла Уст. угол. суд. новаго постановленія о правѣ суда по предложеніямъ прокурорскаго надзора и по собственному усмотрѣнію, не обращать къ исполненію приговора, вошедшаго въ законную силу по дѣлу, по которому судъ или прокуроръ ходатайствуютъ предъ Сенатомъ о возобновленіи, послужило бы существеннымъ средствомъ для устраненія обнаруживаемаго жизнью и судебною практикою пробѣла въ правилахъ о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ. Оно облегчило бы затрудненія, въ которыя впадаетъ практика. Оно удовлетворило бы и справедливому требованію жизни, устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ по вопросамъ о возобновленіи и поводы къ нареканіямъ на судебные органы,— нареканіямъ, поспѣшность коихъ далеко превышаетъ ихъ основательность.

IX.

ОСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЕ СУМАСШЕДШИХЪ ВЪ ОСОБОМЪ ПРИСУТСТВІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

(Практическая замѣтка).

Освидѣтельствованіе сумасшедшихъ и безумныхъ, производимое въ настоящее время въ особыхъ присутствіяхъ губернскихъ правленій, имѣетъ весьма важное значеніе и по отношенію къ огражденію общественнаго порядка и безопасности, и по отношенію къ своимъ результатамъ, выражающимся, въ большинствѣ случаевъ, въ ограниченіи личныхъ и имущественныхъ правъ частнаго лица и въ лишеніи его свободы. Между тѣмъ *порядокъ* этого освидѣтельствованія не находитъ себѣ почти никакихъ опредѣленныхъ указаній въ законѣ, а на практикѣ осуществляется губернскими правленіями крайне разнообразно, безъ твердыхъ руководящихъ началъ и единства, нерѣдко по разъ установившемуся обычаю, не находящему себѣ оправданія ни въ цѣляхъ закона, ни въ правильномъ распредѣленіи призываемыхъ къ участію въ освидѣтельствованіи силъ.—Предлагаемая замѣтка содержитъ въ себѣ изложенный въ сжатой формѣ опытъ очерка этого порядка по отношенію къ двумъ главнымъ, возникающимъ при освидѣтельствованіи вопросамъ: кто именно и по какому поводу подлежитъ освидѣтельствованію? какъ таковое должно производиться?

Ближайшія указанія закона на установленіе освидѣтельствованія душевно-больныхъ содержатся въ изложеніи правъ, обязанностей и круга вѣдомства начальника губерніи. Къ этимъ обязанностямъ, на осн. ч. 1. II т. Общ. Губ. Учр. относятся *распоряженія по опекамъ* и *по общественному призрѣнію* (Кн. II, VII). Распоряженія эти, по смыслу ст. 565 и 566 касаются двухъ категорій лицъ: а) слабоумныхъ и умалишенныхъ, подлежащихъ опекѣ и б) слабоумныхъ и умалишенныхъ, относительно коихъ не возникаетъ вопроса о назначеніи опеки и которые въ то же время не совершили преступленія.

По отношенію къ первой категоріи распоряженія эти состоятъ въ томъ, что Губернаторъ назначаетъ освидѣтельствованіе умалишенныхъ, по матеріальному своему положенію нуждающихся въ обезпеченіи, представляемомъ опекою — въ двухъ случаяхъ, а именно когда послѣдуетъ просьба отъ семейства умалишеннаго или когда, по имѣющимся у Губернатора достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, окажется, что предполагаемый умалишеннымъ опасенъ для общежитія или, по крайней мѣрѣ, не можетъ управлять своимъ имѣніемъ.

Слѣдовательно для освидѣтельствованія въ порядкѣ учрежденія опеки необходимы: во 1-хъ, принадлежность больному имущества, подлежащаго опекунскому управленію (Томъ X. ч. I Зак. Гражд. ст. 376) и во 2-хъ, просьба родственниковъ и притомъ принадлежащихъ къ семейству, въ коемъ находится больной, или же предложеніе Губернатора, основанное на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ объ опасности больного для общежитія или о неспособности его управлять своимъ имѣніемъ.

Такимъ образомъ, на практикѣ, освидѣтельствованію въ *порядкѣ наложенія опеки* подвергаются лица, имѣющія капиталы, подлежащіе обороту, или недвижимое имѣніе, или же движимое, составляющее предметъ промысла, торговли или производства. Поводомъ къ ихъ освидѣтельствованію должны служить главнымъ образомъ просьба семейства больного,—буде же таковой нѣтъ,—то предложеніе Губернатора, основанное на достовѣрно изслѣдованномъ желаніи родственниковъ воспользоваться имуществомъ больного, злоупотребляя его болѣзненнымъ состояніемъ и скрывая таковое отъ надлежащей власти,—или же на очевидной безпомощности лишеннаго родныхъ больного, который можетъ причинить вредъ окружающимъ или сдѣлаться предметомъ личныхъ или имущественныхъ злоупотребленій съ ихъ стороны.

На тѣхъ же основаніяхъ не подлежатъ освидѣтельствованію въ порядкѣ наложенія опеки: лица, владѣющія имуществомъ, нуждающимся не въ *управленіи*, а лишь въ *храненіи*, а равно малолѣтніе и такіе, относительно коихъ нѣтъ ни просьбы семейства, ни свѣдѣній о злоупотребленіяхъ окружающихъ, направленныхъ на вовлеченіе ихъ въ невыгодныя по имуществу сдѣлки.

По отношенію ко второй категоріи, т.-е. къ общественному

призрѣнію—распоряженія Губернатора состоятъ въ собираніи, по его порученію, частнымъ образомъ и безъ излишней огласки, свѣдѣній о томъ, не было ли злоупотребленій власти надъ больными, помѣщенными въ частныя лѣчебныя заведенія безъ предварительнаго формальнаго ихъ освидѣтельствованія, и въ сообщеніи мѣстному Предводителю Дворянства или Городскому Головѣ о послѣдовавшемъ помѣщеніи больного въ частную лѣчебницу (ст. 566 1 ч. II Т. О. Г. Учр.).—Если обнаружатся обстоятельства, указывающія на злоупотребленіе власти—или же на необходимость учрежденія управленія имѣніемъ больного, (ст. 565)—то Губернаторъ распоряжается объ его освидѣтельствованіи порядкомъ, указаннымъ въ ст. 368 и 373 1 ч. X т. С. З. Гр.

Такимъ образомъ по отношенію къ призрѣнію душевно больныхъ въ частныхъ лѣчебницахъ — законъ очевидно возлагаетъ обязанность заботиться о лѣченіи больныхъ на ихъ родственниковъ, близкихъ и, надо думать, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, на ихъ начальство по мѣсту ихъ служенія. Дѣятельность Губернатора ограничивается сосредоточеніемъ у себя свѣдѣній о помѣщаемыхъ въ такія больницы лицахъ — и надзоромъ, негласнымъ путемъ, за недопущеніемъ злоупотребленій власти надъ ними, при помѣщеніи ихъ въ больницы изъ личныхъ или корыстныхъ видовъ.—По закону освидѣтельствованіе ихъ вовсе не представляется необходимымъ при помѣщеніи ихъ въ частныя лѣчебницы. На основаніи 367 ст. 1 ч. X т. семейству больного лишь *предоставляется* заявить о томъ мѣстному начальству, — слѣдовательно помѣщеніе въ частную лѣчебницу можетъ быть осуществлено прямымъ сношеніемъ и непосредственнымъ соглашеніемъ съ управленіемъ частной лѣчебницы. Примѣчаніе 1-е къ ст. 367 1 ч. X т. (по продолженію) еще болѣе расширяетъ въ этомъ отношеніи права семейства, въ коемъ находится больной, и ограждаетъ самого больного отъ тягостной и иногда вредной для спокойнаго теченія болѣзни тревожной процедуры освидѣтельствованія. На основаніи этого примѣчанія безумные и сумасшедшіе, отдаваемые въ частныя лѣчебныя заведенія могутъ быть свидѣтельствуемы установленнымъ порядкомъ только по *требованію* о томъ ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечителей или наслѣдниковъ.

Поэтому, *въ порядкѣ призрѣнія,* больные, отдаваемые въ частныя лѣчебницы могутъ быть подвергнуты формальному освидѣтельствованію—или по *требованію* родственниковъ и замѣняющихъ ихъ лицъ — или же по *предложенію Губернатора,* основанному на изложенныхъ выше свѣдѣніяхъ.

Порядокъ полученія этихъ свѣдѣній съ опредѣлительностью указанъ въ законѣ. По смыслу ст. 566 1 ч. II т. О. Г. Учр., а также примѣч. къ ст. 367 1 ч. X т. содержатели частныхъ лѣчебныхъ заведеній обязаны немедленно по поступленіи всякаго новаго больного, еще не освидѣтельствованнаго формальнымъ порядкомъ,

увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство. Со стороны послѣдняго затѣмъ осуществляется двоякій способъ контроля надъ правильностью пріема въ частную лѣчебницу больного: *непосредственный*—согласно подлежащимъ статьямъ т. XIII С. З. Устава Врачебнаго—и въ *порядкѣ подчиненности*, посредствомъ безотлагательнаго донесенія Губернатору о поступившемъ увѣдомленіи содержателя больницы.—Отъ Губернатора затѣмъ зависитъ, чрезъ мѣстное медицинское начальство или инымъ способомъ, удостовѣриться не было ли злоупотребленій власти при помѣщеніи того или другого лица и затѣмъ, въ случаѣ необходимости, предложить особому Присутствію Губернскаго Правленія объ освидѣтельствованіи способомъ, указаннымъ въ ст. 368 1 ч. X т. С. Зак. Гражд. Такимъ же порядкомъ поступаетъ Губернаторъ, если, послѣ увѣдомленія имъ, на осн. ст. 566 1 ч. II т. Предводителя Дворянства и Городского Головы, отъ сихъ послѣднихъ, въ качествѣ охранителей правъ лицъ, принадлежащихъ къ одному съ ними сословію, поступятъ заявленія объ учиненномъ по отношенію къ помѣщенному въ частную лѣчебницу злоупотребленіи власти. Вышеприведенный взглядъ на отсутствіе безусловнаго требованія закона объ освидѣтельствованіи всѣхъ вообще душевно-больныхъ, поступающихъ въ частныя лѣчебницы или находящихся въ семействахъ, на попеченіи родныхъ, подтверждается и рѣш. Гражд. Касс. Деп. Сената отъ 1868 г. за № 331, по дѣлу мѣщанки Анны Карасевой, коимъ признано, что законъ не обязываетъ непремѣнно представлять къ освидѣтельствованію всякаго безумнаго, сумасшедшаго или умалишеннаго, а напротивъ, по 367 ст. 1 ч. X т. представленіе безумныхъ и умалишенныхъ начальству для освидѣтельствованія въ законно указанномъ порядкѣ оставлено на волю семейства больныхъ, вслѣдствіе чего многіе изъ безумныхъ и сумасшедшихъ могутъ не быть представляемы и дѣйствительно не представляются къ освидѣтельствованію.

Въ законѣ прямо не предусмотрѣна дѣятельность Губернатора по отношенію къ призрѣнію больныхъ въ казенныхъ (правительственныхъ) лѣчебницахъ для умалишенныхъ, но, обращаясь къ внутреннему смыслу нашего законодательства объ умалишенныхъ, надлежитъ признать, что въ случаѣ полученія свѣдѣній о злоупотребленіяхъ власти при помѣщеніи кого-либо въ эти заведенія, Губернаторъ (а въ С.-Петербургѣ Градоначальникъ) имѣетъ право распорядиться объ освидѣтельствованіи больного въ Особомъ Присутствіи Губернскаго Правленія, согласно указаніямъ ст. 566 1 ч. II т. Об. Губ. Учр. Безъ сомнѣнія всѣ части ст. 566 могутъ имѣть примѣненіе и къ казеннымъ лѣчебнымъ заведеніямъ. Губернаторъ, какъ гласитъ ст. 564, «по долгу своему обязанъ обращать постоянное вниманіе на существующія во ввѣренной ему губерніи заведенія для призрѣнія страждущихъ», а на основаніи ст. 563 1 ч. II т. онъ «наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ городскихъ

больницъ, окружныхъ лѣчебницъ и прочихъ подобныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства и *повѣряетъ* дѣйствія оныхъ, поручая осмотръ сихъ заведеній, въ отношеніи медицинскомъ, Губернскимъ Врачебнымъ Инспекторамъ и ихъ Помощникамъ». Слѣдовательно Губернаторъ имѣетъ возможность установить обязательное сообщеніе ему свѣдѣній непосредственно, или же чрезъ Губ. Врач. Инспектора обо всѣхъ поступающихъ въ казенныя лѣчебницы для душевнобольныхъ и чрезъ того же Губ. Врачебнаго Инспектора наблюдать, не было ли злоупотребленій власти при помѣщеніи больныхъ въ эти лѣчебницы. Въ С.-Петербургѣ права Губернатора по отношенію къ столичнымъ казеннымъ лѣчебницамъ принадлежатъ Градоначальнику (473—465 ст. и 1512 ч. 1), при коемъ состоитъ особое Врачебно-Полицейское Управленіе (ст. 481 1 ч. 2 т.). На него распространяются, на осн. ст. 475 1 ч. II т., и правила, изложенныя въ ст. 566 и, слѣдовательно, освидѣтельствованію въ С.-Петербургскомъ Губернскомъ Правленіи подлежатъ лишь тѣ изъ поступившихъ въ казенныя лѣчебницы больныхъ, о злоупотребленіи власти относительно коихъ Губернатору будетъ сдѣлано надлежащее сообщеніе Градоначальника. Такіе случаи, по существу своему, могутъ быть крайне рѣдки, ибо, при постоянномъ надзорѣ Губ. Врачебнаго Инспектора въ губерніи и Инспектора Столичнаго Врачебнаго Управленія Градоначальника въ столицѣ— принятіе въ казенную больницу лица, не страждущаго душевнымъ разстройствомъ, можетъ быть всегда отмѣнено предложеніемъ со стороны начальства, при чемъ родственникамъ помѣщеннаго предоставляется или ходатайствовать, на осн. 367 ст. 1 ч. X т., о формальномъ его освидѣтельствованіи, или взять его обратно. Посему освидѣтельствованіе въ Губ. Правленіи лицъ, поступающихъ въ казенныя лѣчебницы, можетъ имѣть мѣсто лишь при явныхъ признакахъ умышленнаго преступнаго лишенія свободы (Улож. о нак. ст. 1540—1541) или въ томъ случаѣ, когда есть основаніе подозрѣвать злоупотребленіе власти, но когда однако мѣстное врачебное начальство не беретъ на себя рѣшить вопросъ о состояніи душевнаго здоровья помѣщеннаго въ больницу.

На основаніи вышеизложеннаго надлежитъ признать, что 1) Особое присутствіе Губ. Правленія для освидѣтельствованія умалишенныхъ, образуемое на осн. 368 ст. 1 ч. X т. приступаетъ къ таковому по предложеніямъ Губернатора. 2) Губернаторъ предлагаетъ объ освидѣтельствованіи въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда поступила просьба о томъ отъ семейства больного, опекуновъ, попечителей или наслѣдниковъ его—съ ходатайствомъ объ установленіи опеки или съ заявленіемъ о поступленіи больного въ частную лѣчебницу; б) когда, таковой просьбы хотя и не поступало, но по имѣющимся у Губернатора достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, учрежденіе опеки представляется необходимымъ, ибо больной опасенъ для общежитія и подлежитъ взятію въ лѣчебное заведеніе, или же, не

имѣя взрослыхъ родственниковъ, не можетъ самъ управлять имѣніемъ; в) когда по отношенію къ лицу, помѣщенному въ частную лѣчебницу Губернаторъ получитъ достовѣрныя свѣдѣнія, что таковое помѣщеніе было послѣдствіемъ злоупотребленія власти и совершено изъ корыстныхъ и личныхъ видовъ и г) когда Губернатору будетъ сообщено о лицѣ, подвергшемся таковому же злоупотребленію при принятіи въ больницу, состоящую въ казенномъ управленіи. 3) Къ предложенію Губернатора прилагаются письменныя свѣдѣнія мѣстной полицейской или врачебной власти объ имущественномъ и личномъ положеніи лица, подлежащаго освидѣтельствованію.

Освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ настоящее время въ особомъ присутствіи Губернскаго Правленія (368 ст. 1 ч. X т. и 565 1 ч. II т.) и въ распорядительныхъ засѣданіяхъ Окружного Суда, на предметъ опредѣленія вмѣняемости обвиняемаго (ст. 353—356 Уст. угол. суд.), а также въ случаяхъ когда осужденный впадетъ въ умственное разстройство до обращенія къ исполненію постановленнаго о немъ приговора (Уст. угол. суд. ст. 692. Прилож.). Цѣль того и другого—одна и та же. Она состоитъ въ разрѣшеніи вопроса о состояніи умственныхъ способностей свидѣтельствуемаго. Въ одномъ случаѣ разрѣшеніе этого вопроса служитъ средствомъ для учрежденія опеки или установленія мѣръ призрѣнія, въ другомъ—поводомъ для преданія суду, или для прекращенія слѣдствія, а также поводомъ къ пріостановленію исполненія приговора. Отсюда вытекаетъ и внутренняя одинаковость порядка, установляемаго при освидѣтельствованіи въ томъ и въ другомъ случаѣ. На основаніи 355 ст. Уст. угол. суд., «освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ *присутствіи* Окружного Суда *чрезъ* Врачебнаго Инспектора и двухъ врачей; по назначенію врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія», — на основаніи же ст. 368 1. ч. X т. «освидѣтельствованіе совершается *чрезъ* Врачебную Управу *въ присутствіи* Губернатора, вице-губернатора и другихъ лицъ».

Такимъ образомъ законъ въ обоихъ случаяхъ раздѣляетъ участвующихъ въ освидѣтельствованіи лицъ на двѣ группы — одну, состоящую изъ представителей врачебной науки и другую, состоящую изъ представителей разныхъ вѣдомствъ или изъ представителей судебной власти.—Вторая группа, по словамъ закона, присутствуетъ *при* освидѣтельствованіи, которое производится *чрезъ* посредство первой группы. Такое видимое различіе функцій лицъ, участвующихъ въ освидѣтельствованіи обусловливается и разностью тѣхъ цѣлей, для коихъ призываются эти лица. Предсѣдатель и члены суда, при освидѣтельствованіи въ Окружномъ Судѣ, замѣняютъ собою судебнаго слѣдователя, который, по смыслу 315, 331,

333, 343 и 351 ст. Уст. угол. суд. *присутствуетъ* при освидѣтельствованіи безумныхъ и сумасшедшихъ при предварительномъ слѣдствіи, производимомъ *чрезъ* судебнаго врача; слѣдитъ за выполненіемъ законныхъ формальностей и составляетъ о происшедшемъ протоколъ, который вмѣстѣ съ протоколомъ разспроса обвиняемаго и тѣхъ лицъ, коимъ ближе извѣстенъ образъ его дѣйствій и сужденій — передаетъ затѣмъ прокурору. Тоже долженъ дѣлать и составъ судей, представляющій собою такъ-сказать коллегіальнаго слѣдователя. Онъ долженъ предлагать вопросы врачамъ и ихъ письменныя отвѣты пріобщать къ дѣлу, которое и идетъ затѣмъ, съ мнѣніемъ прокурора, на разрѣшеніе надлежащей инстанціи, уполномоченной на признаніе обвиняемаго вмѣняемымъ или невмѣняемымъ и на прекращеніе, на этомъ основаніи, слѣдствія о немъ.— Тоже, очевидно, примѣнимо и къ Особому Присутствію Губернскаго Правленія. И въ немъ освидѣтельствованіе производится чрезъ Врачебную Управу, а представители различныхъ вѣдомствъ присутствуютъ при таковомъ, удостовѣряя своею бытностью, что всѣ формальности, предписанныя закономъ и гарантирующія правильность освидѣтельствованія, соблюдены—и что чины врачебнаго вѣдомства не отступили отъ тѣхъ пріемовъ, которые признаются необходимыми для точнаго удостовѣренія состоянія умственныхъ способностей свидѣтельствуемаго. Допустить иное истолкованіе обязанностей участвующихъ при освидѣтельствованіи возможно было бы двоякимъ образомъ: или предоставивъ рѣшеніе вопроса о душевномъ разстройствѣ однимъ лишь представителямъ различныхъ вѣдомствъ, разсматривая членовъ Врачебной Управы, какъ простыхъ экспертовъ,—или же считая и ихъ членами присутствія, имѣющими при разрѣшеніи вопроса о душевномъ разстройствѣ равносильный голосъ съ прочими. Но считать ихъ экспертами невозможно, такъ какъ, во 1-хъ, эксперты должны быть выбираемы особо на каждый случай, а не могутъ быть назначаемы предварительно разъ навсегда, какъ это дѣлается въ законѣ относительно членовъ Врачебной Управы, которые состоятъ членами присутствія по самому своему званію, и во 2-хъ, Правительствующій Сенатъ въ циркулярномъ указѣ Уголовнаго Касс. Д-та отъ 7-го іюня 1873 года призналъ, что врачи, призываемые къ освидѣтельствованію сумасшедшихъ въ Окружномъ Судѣ на осн. 355 ст. Уст. угол. суд., являются въ оный не какъ свѣдущія лица, подлежащія свободному выбору Суда, а какъ лица должностныя, которыя на вызовъ къ суду, не получаютъ особаго вознагражденія. Тѣмъ болѣе не могутъ они считаться спеціально на данный случай приглашенными экспертами въ составѣ Особаго Присутствія Губернскаго Правленія. Съ другой стороны вводить членовъ Врачебной Управы въ общій составъ присутствія съ правомъ равносильнаго голоса, значило бы въ каждомъ данномъ случаѣ давать возможность подавленія мнѣнія спеціалистовъ, мнѣніемъ не спеціалистовъ, подавленія меньшинства

голосовъ, основанныхъ на научной подготовкѣ и практическомъ опытѣ — большинствомъ голосовъ, принадлежащихъ людямъ, по своей профессіи болѣе или менѣе чуждымъ врачебной наукѣ и ея практическому приложенію.

Надо при этомъ замѣтить, что «не-врачебные члены» Присутствія, за исключеніемъ губернатора и вице-губернатора, постоянно смѣняются въ засѣданіяхъ. Предсѣдателя суда замѣщаютъ члены суда, прокурора—его товарищи, мировые судьи присутствуютъ по извѣстной очереди,—наконецъ, въ каждомъ почти засѣданіи Особаго Присутствія является, между прочими, совершенно случайный и пришлый элементъ въ лицѣ депутатовъ отъ военнаго, морского и духовнаго вѣдомствъ. Эта перемѣнчивость «не-врачебнаго» состава лишаетъ его драгоцѣннаго свойства для сужденія—опыта и практическаго навыка, отсутствіе коихъ не искупается даже и отдаленнымъ знакомствомъ съ главнѣйшими типами душевныхъ страданій, выработанными психіатрическою наукою.

Если, такимъ образомъ, освидѣтельствованіе должны производить члены Врачебной Управы, то, очевидно, имъ должны принадлежать рѣшающій голосъ и окончательное заключеніе по вопросу о состояніи умственныхъ способностей больного. Остальные же члено Особаго Присутствія должны лишь присутствовать при дачѣ этогы заключенія и при выработкѣ и разборѣ того матеріала, на которомъ оно основывается.

Но какъ въ судѣ, такъ и въ Особомъ Присутствіи могутъ однако быть случаи, когда члены присутствія или суда найдутъ невозможнымъ согласиться съ заключеніемъ представителей врачебной науки, по непримиримому разнорѣчію, высказанному въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ членовъ врачебной группы присутствія, или же по явному несогласію этого заключенія съ логикою фактовъ и обстановкою событія, подлежащаго разсмотрѣнію. Сдѣлать членовъ присутствія или составъ суда въ этомъ случаѣ пассивнымъ и безучастнымъ зрителемъ происходящаго и слушателемъ высказываемаго—значило бы лишить его главнаго гарантирующаго значенія для правосудія и для личной свободы гражданъ. Въ этихъ случаяхъ существуетъ однако вполнѣ нормальный исходъ. Какъ слѣдователь имѣетъ право, по ст. 345 Уст. угол. суд. — «въ случаѣ противорѣчія свидѣтельства судебнаго врача съ обстоятельствами слѣдствія или разногласія во мнѣніи врачей или сомнѣнія въ правильности истолкованія найденныхъ признаковъ»—обратиться во Врачебное Отдѣленіе Губернскаго Правленія для разрѣшенія сомнѣнія или назначенія переосвидѣтельствованія, такъ и судъ можетъ обратиться въ Медицинскій Совѣтъ за тѣмъ же самымъ (указъ Общаго Собранія 14 марта 1880 г.). Такое же право должно, безъ сомнѣнія, принадлежать и группѣ представителей различныхъ вѣдомствъ, приглашаемыхъ въ составъ Особаго Присутствія Губернскаго Правленія.

Способъ осуществленія въ этомъ отношеніи дѣятельности Медицинскаго Совѣта еще подлежалъ бы выработкѣ, но несомнѣнно, что по составу своему, правамъ и кругу дѣятельности Медицинскій Совѣтъ можетъ разрѣшать возникшее сомнѣніе съ гораздо большимъ основаніемъ и, въ особенности, съ гораздо большимъ знаніемъ, чѣмъ напримѣръ, вѣдающій коммерческія дѣла IV Департаментъ Сената, разрѣшающій возникшія въ Губернскомъ Правленіи разногласія, не видя свидѣтельствуемаго и не имѣя въ своемъ составѣ ни одного представителя врачебныхъ свѣдѣній и опыта. Предлагаемому порядку повидимому противорѣчитъ циркулярный указъ Общаго Собранія Кассаціонныхъ и 1-го Д-та отъ 18-го сентября 1874 года, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что въ освидѣтельствованіи умалишенныхъ по ст. 355—356 Уст. угол. суд. особое смѣшанное присутствіе изъ врачей и судей должно принимать прямое участіе, а участіе въ освидѣтельствованіи одниxъ только врачей не можетъ быть признаваемо достаточнымъ основаніемъ къ признанію законнаго повода къ прекращенію слѣдствія. Но ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ положеній этого указа приводитъ однако къ выводу, что Общее Собраніе считаетъ неправильнымъ лишь механическое, безъ всякой критики и провѣрки, принятіе мнѣнія врачей, но вовсе не требуетъ общаго съ врачами голосованія членовъ судебнаго присутствія по существу подлежащаго обсужденію вопроса о состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго. Никто не станетъ отрицать ни того, что по дѣлу, дошедшему до суда по 354 ст. Уст. угол. суд., судъ имѣетъ въ своемъ судебномъ составѣ право и основаніе соглашаться или не соглашаться съ мнѣніемъ врачей,—ни того, что принимая мнѣніе врачей и раздѣляя его, судебное присутствіе должно выразить свое убѣжденіе о дѣйствительномъ существованіи законнаго повода для прекращенія дѣла—въ особомъ постановленіи. Но этимъ не исключается раздѣленіе функцій обѣихъ группъ, присутствующихъ при освидѣтельствованіи. Это раздѣленіе необходимо—и въ интересахъ дѣла, и въ интересахъ достоинства науки. Предоставленіе судебному присутствію—единогласно или по большинству голосовъ (почти всегда это большинство будетъ образовываться всего изъ двухъ голосовъ)—не соглашаться съ мнѣніемъ врачей и постановлять о переосвидѣтельствованіи или о представленіи дѣла на заключеніе Медицинскаго Совѣта—должно быть крайнею границею противуположенія судебнаго присутствія врачамъ. Иначе судебное присутствіе будетъ всегда подавлять коллегію врачей, ибо во главѣ его стоитъ предсѣдатель съ превалирующимъ голосомъ,—а предъ ничѣмъ не стѣсняемымъ и вполнѣ субъективнымъ голосомъ такъ-называемаго «здраваго смысла» долженъ будетъ всегда умолкать голосъ спеціальной науки или обращаться въ «vox clamantis in deserto»...

Наша судебная практика очень мало занималась вопросомъ о порядкѣ свидѣтельствованія безумныхъ и сумасшедшихъ въ Окружныхъ

Судахъ, по типу котораго, до пересмотра устава объ опекахъ, надлежало бы организовать свидѣтельствованіе и въ Особыхъ Присутствіяхъ Губернскихъ Правленій. Во всякомъ случаѣ указъ Общаго Собранія 1874 года не можетъ считаться ни послѣднимъ, ни всестороннимъ разъясненіемъ вопроса, хотя бы уже потому, что онъ предписываетъ производить освидѣтельствованіе въ судебныхъ (?), а не въ распорядительныхъ засѣданіяхъ суда и, не признавая судебнаго слѣдователя лицомъ, облеченнымъ судейскою властью, въ тоже время предписываетъ участіе въ *судебномъ опредѣленіи* депутатовъ отъ «вѣдомствъ», т. е. лицъ, не только чуждыхъ дѣлу суда, но и не приносившихъ ни судейской, ни факультетской присяги. Надо надѣяться, что предстоящій пересмотръ устава Судебной Медицины и совершающееся начертаніе новаго гражданскаго Уложенія поставятъ вопросъ объ освидѣтельствованіи умалишенныхъ на надлежащую почву.

Самое освидѣтельствованіе слѣдовало бы начинать съ изложенія повода къ оному и основаній, которыя дѣлаютъ его необходимымъ; затѣмъ долженъ слѣдовать докладъ, производимый однимъ изъ лицъ, входящихъ въ составъ присутствія или Врачебнаго Управленія. Въ докладѣ должны быть приведены всѣ данныя, добытыя медицинскимъ наблюденіемъ или дознаніемъ, или тѣмъ или другимъ вмѣстѣ, и заключеніе наблюдавшаго врача. Затѣмъ, Предсѣдателемъ Особаго Присутствія и членами Врачебной Управы (отдѣленія) предлагаются вопросы, указанные въ ст. 373 1 ч. X т. Вопросы эти могутъ быть, съ разрѣшенія Предсѣдателя, дополняемы представителями различныхъ вѣдомствъ, которые могутъ затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, просить и о производствѣ физическаго освидѣтельствованія изслѣдуемаго. По окончаніи разспроса члены Врачебнаго Отдѣленія и другіе приглашенные врачи, если таковые участвовали въ освидѣтельствованіи, обсуждаютъ данные больнымъ отвѣты и, по соображеніи ихъ съ физическимъ состояніемъ свидѣтельствуемаго и съ предварительными о немъ данными, даютъ отвѣтъ на вопросъ «въ какомъ состояніи находятся умственныя способности N. N.?» Какъ на листѣ съ этимъ заключеніемъ, такъ и на подробномъ актѣ, составляемомъ въ силу 373 ст. 1 ч. X т., заключеніе подписываютъ члены Врачебнаго Отдѣленія, а члены присутствія, т. е. представители различныхъ вѣдомствъ удостовѣряютъ личное присутствованіе при освидѣтельствованіи своими подписями.

Въ случаѣ невозможности принять заключеніе Врачебнаго Отдѣленія какъ окончательное, члены Присутствія должны имѣть право постановить о *пріостановленіи* освидѣтельствованія и сообщить о встрѣченныхъ затрудненіяхъ Медицинскому Совѣту. Постановленіе этого рода должно дѣлаться по простому большинству голосовъ, при чемъ члены Врачебнаго Отдѣленія въ подачѣ голосовъ не участвуютъ.

Рѣшеніями Особаго Присутствія свидѣтельствуемые могутъ быть признаваемы во-1-хъ здоровыми, во-2-хъ *безумными*, въ 3-хъ *слабоумными* (Сборн. рѣш. Общаго Собранія Сената, т. II, № 1096), въ 4-хъ *сумасшедшими*, подъ каковой терминъ подходятъ всѣ случаи частнаго помѣшательства ума и общаго разстройства умственныхъ способностей (Сборн. рѣш. Общаго Собранія Сената, т. I. № 508). Въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо предварительно окончательнаго заключенія произвести наблюденія надъ испытуемымъ, Особому Присутствію должно принадлежать право, согласно съ заключеніемъ Врачебнаго Отдѣленія, отдавать больного *на испытаніе* на точно опредѣленный срокъ.

Въ виду всего сказаннаго слѣдуетъ признать, что при освидѣтельствованіи сумасшедшихъ въ Губернскомъ Правленіи должны быть соблюдаемы слѣдующія правила: 1) дѣла объ освидѣтельствованіи умалишенныхъ вѣдаются, на основ. § III, п. 23 ст. 667 1 ч. II т. О. Губ. Учр., во Врачебномъ Отдѣленіи Губернскаго Правленія. 2) При освидѣтельствованіи члены Врачебнаго Отдѣл. Губ. Правленія занимаютъ мѣста отдѣльно отъ прочихъ присутствующихъ лицъ. 3) Освидѣтельствованію предшествуетъ, по предложенію Губернатора, докладъ дѣла однимъ изъ членовъ Врачебнаго Отдѣленія или изъ членовъ Присутствія, образованнаго по 368 ст. 1 ч. X т.—Докладъ этотъ начинается изложеніемъ повода къ освидѣтельствованію, при чемъ, въ случаѣ возникновенія вопросовъ опеки, докладываются свѣдѣнія о родѣ, свойствахъ и размѣрѣ имущества свидѣтельствуемаго. Затѣмъ излагаются съ подробностію всѣ находящіяся въ дѣлѣ предварительныя свѣдѣнія о лицѣ, подлежащемъ освидѣтельствованію, и читается заключеніе врача, буде таковое было дано. 4) Освидѣтельствованіе производится посредствомъ предложенія Губернаторомъ и членами Врач. Отдѣленія вопросовъ, указанныхъ въ ст. 373 1 ч. X т. Дополнительные вопросы предлагаются съ разрѣшенія Губернатора и представителями различныхъ вѣдомствъ. Въ случаѣ надобности производится физическое изслѣдованіе свидѣтельствуемаго, съ примѣненіемъ правила, изложеннаго въ 351 ст. Уст. Угол. суд. 5) По удаленіи свидѣтельствуемаго членамъ Врач. Отдѣленія предлагается вопросъ о состояніи умственныхъ его способностей,—отвѣтъ на который провозглашается ими вслухъ, съ указаніемъ, единогласно ли выведено ими содержащееся въ отвѣтѣ заключеніе. 6) Въ случаѣ разногласія членовъ Врач. Отдѣленія между собою и съ приглашаемыми, въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, по распоряженію Губернатора, спеціалистами-психіатрами, а ровно и при явномъ противорѣчіи заключенія ихъ съ данными, вытекающими изъ дѣла и обнаруженными при освидѣтельствованіи, Члены Присутствія, по большинству голосовъ, могутъ постановить передать возникшее недоумѣніе на разсмотрѣніе Медицинскаго Совѣта на предметъ разъясненія таковаго. Въ этомъ случаѣ освидѣтельствованіе считается

пріостановленнымъ, а относительно личности и имущества свидѣтельствуемаго принимаются соотвѣтственныя мѣры. 7) Заключеніе объ умственномъ состояніи свидѣтельствуемаго можетъ быть выражено словами: «здоровъ», «страждетъ безуміемъ» или «слабоуміемъ», или «сумасшествіемъ», или «подлежитъ испытанію въ теченіе... недѣль». Въ дальнѣйшемъ теченіи дѣла поступается на точномъ основаніи ст. 373, 374 и 378 1 ч. X т.

Возникающій иногда на практикѣ вопросъ о томъ, кѣмъ и какія именно мѣры принимаются для охраненія имущества освидѣтельствованнаго лица съ момента признанія его Губернскимъ Правленіемъ умалишеннымъ и до утвержденія таковаго признанія Сенатомъ—разрѣшается какъ ст. 374 1 ч. X т., такъ и правилами о судопроизводствѣ охранительномъ (Выс. Утвержд. 14 апрѣля 1866 г. мнѣніе Госуд. Сов.).

Примѣняясь къ этимъ правиламъ, по признаніи свидѣтельствуемаго умалишеннымъ, Губернаторъ можетъ предписать мѣстной полиціи войти въ сношеніе съ мѣстнымъ мировымъ судьею или уѣзднымъ членомъ Окр. Суда объ охраненіи имущества лица, подвергшагося освидѣтельствованію, согласно существующимъ правиламъ, впредь до учрежденія, по указу Сената, опеки или до выздоровленія признаннаго подлежащимъ испытанію.

X.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГОЛОСОВЪ ПО ДѢЛАМЪ УГОЛОВНЫМЪ.

(Практическая замѣтка).

Въ судебной практикѣ нерѣдко возникаетъ вопросъ о порядкѣ и способѣ счета голосовъ, подаваемыхъ по уголовному дѣлу, при постановленіи приговора. Уставъ уголовнаго судопроизводства въ ст. 769 указываетъ, что, при раздѣленіи голосовъ на два или болѣе мнѣнія, за основаніе рѣшенія принимается то изъ нихъ, которое соединяетъ въ себѣ наиболѣе голосовъ; при равенствѣ ихъ отдается предпочтеніе мнѣнію, принятому предсѣдателемъ суда, а если мнѣнія раздѣлились такъ, что голосъ предсѣдателя не можетъ дать перевѣса, то тому изъ равносильныхъ по числу голосовъ мнѣній, которое снисходительнѣе къ участи подсудимаго. Въ виду нѣкоторыхъ практическихъ затрудненій, вызываемыхъ примѣненіемъ этой статьи, среди процессуалистовъ иногда высказывается мнѣніе о необходимости измѣненія ст. 769 Уст. угол. суд. въ смыслѣ правила, установленнаго въ ст. 699 Уст. гражд. суд., при примѣненіи коего уголовные судьи, оставшіеся въ меньшинствѣ при раздѣленіи голосовъ на три или болѣе мнѣній, изъ которыхъ ни одно не представляетъ собою абсолютнаго большинства, должны будутъ присоединяться къ одному изъ мнѣній, принятыхъ бо̀льшимъ числомъ членовъ. Едва ли, однако, такая необходимость существуетъ. Осуществленіе этого предположенія могло бы вызываться или кореннымъ несоотвѣтствіемъ ст. 769 Уст. угол. суд. существеннымъ условіямъ правильнаго отправленія уголовнаго правосудія или же та-

кими практическими затрудненіями при ея примѣненіи, которыя могутъ быть устранены лишь путемъ законодательнаго ея пересмотра.

Разсматривая ст. 699 Уст. гражд. суд. и 769 Уст. угол. суд. съ точки зрѣнія общихъ началъ отправленія правосудія по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, нельзя не признать, что ст. 699 Уст. гражд. суд. имѣетъ въ виду не общее правило исчисленія голосовъ при рѣшеніи, а лишь исключительный, рѣдкій случай второстепеннаго значенія. По коренному смыслу гражданскаго процесса—при рѣшеніи существеннаго вопроса въ каждомъ гражданскомъ дѣлѣ не можетъ быть болѣе двухъ мнѣній. Правило—«ne eat judex ultra petitia», строго проведенное и въ нашемъ Уставѣ гражданскаго судопроизводства (ст. 406) и воспрещающее судьямъ самимъ возбуждать даже такіе очевидные и рѣшительные для дѣла вопросы, какъ вопросъ о давности,—ставитъ предъ судьями одинъ лишь вопросъ: исполнилъ ли истецъ требованіе ст. 366 того же Устава, то есть доказалъ-ли онъ свой искъ? При этомъ въ словѣ «доказалъ» содержится не только признаніе фактическихъ обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ иску и легшихъ въ его основаніе, но и признаніе, что юридическія отношенія, выводимыя истцомъ изъ этихъ обстоятельствъ, опредѣлены имъ вѣрно и названы, согласно терминологіи законовъ гражданскихъ, правильно. Поэтому судъ, связанный требованіями истца и не имѣющій права ни присудить больше, чѣмъ онъ требуетъ, ни свободно и независимо отъ доводовъ сторонъ опредѣлить родъ и свойства возникшихъ между ними юридическихъ отношеній, поставленъ въ тѣсныя рамки отрицательнаго или положительнаго отвѣта на вопросъ о доказанности иска. Слѣдовательно, здѣсь трехъ мнѣній быть не можетъ, и какъ при четномъ, такъ и при нечетномъ составѣ судебной коллегіи вполнѣ примѣнимо простое и ясное правило, изложенное въ 698 ст. Уст. гражд. суд. Три или болѣе мнѣнія могутъ возникать лишь при исчисленіи размѣра присуждаемой истцу суммы или при частныхъ опредѣленіяхъ о количествѣ вознагражденія свѣдущимъ людямъ и т. п. Но на практикѣ, за разрѣшеніемъ главнаго вопроса, въ большинствѣ случаевъ, въ послѣднемъ отношеніи не можетъ возникать существеннаго троегласія, и случаевъ формальнаго примѣненія ст. 699 Уст. гражд. суд. въ практикѣ судебныхъ учрежденій почти вовсе не встрѣчается. Поэтому за ст. 699 Уст. гражд. суд. не можетъ быть признано первенствующаго и принципіальнаго значенія для руководства при разрѣшеніи существенныхъ вопросовъ гражданской юрисдикціи.

Иное—и именно руководящее—значеніе имѣетъ ст. 769 Уст. угол. суд. Если по сложности и разнообразію матеріала, подлежащаго обсужденію, гражданскія дѣла и вызываютъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе затруднительную работу, чѣмъ дѣла уго-

ловныя, то, съ другой стороны, окончательные вопросы при разрѣшеніи многихъ уголовныхъ дѣлъ являются болѣе сложными, чѣмъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ что большій объемъ труда у судьи гражданскаго при изученіи дѣла—уравновѣшивается большею глубиною изслѣдованія со стороны судьи уголовнаго при постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ. Не говоря уже о большей самодѣятельности судей уголовныхъ при опредѣленіи фактической обстановки и при юридической оцѣнкѣ ея, вызываемой тѣмъ, что судъ гражданскій по своей задачѣ преслѣдуетъ истину формальную, а судъ уголовный добивается истины матеріальной, вопросъ о доказанности событія преступленія не исчерпываетъ содержанія уголовнаго рѣшенія и, для связи своей съ карательными результатами, составляющими сущность уголовной респрессіи, требуетъ разрѣшенія еще и вопросовъ о фактической виновности (то есть было ли дѣяніе, признаваемое преступнымъ, совершено подсудимымъ?), о вмѣненіи и о точной квалификаціи событія. Въ каждомъ изъ этихъ вопросовъ возможно многоразличное разногласіе. Поэтому ст. 769 Уст. угол. суд., будучи единою для опредѣленія способа исчисленія голосовъ коронныхъ судей, получаетъ примѣненіе ко всѣмъ подобнымъ случаямъ, и потому, въ принципіальномъ отношеніи имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ ст. 699 Уст. гражд. суд. Соотвѣтствуетъ-ли она коренным условіямъ уголовнаго правосудія? Содержаніе ея вызываетъ отвѣтъ утвердительный. Она соотвѣтствуетъ понятію о роли уголовнаго судьи, не стѣсненнаго формальными доказательствами и рѣшающаго вопросы фактическаго характера по внутреннему убѣжденію. Она соотвѣтствуетъ и тому общему, давно внѣдрившемуся въ общественное сознаніе, началу, въ силу котораго сомнѣніе всегда толкуется въ пользу подсудимаго. А разногласіе есть одинъ изъ видовъ проявленія сомнѣнія.

Статья 769 Уст. угол. суд. обезпечиваетъ судьѣ свободное, согласно съ указаніями совѣсти, выраженіе своего мнѣнія о всей фактической сторонѣ дѣла; она обезпечиваетъ подсудимому неуклонное, во всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ судейскихъ голосовъ, толкованіе сомнѣнія въ его пользу. Въ силу этой статьи, вопросы фактическіе всегда будутъ разрѣшены большинствомъ; вопросы о квалификаціи дѣянія и размѣры кары всегда будутъ разрѣшаемы согласно съ мнѣніемъ судьи, который усматриваетъ наименѣе отягощающій характеръ въ свойствахъ дѣянія подсудимаго и удовлетворяется меньшимъ уголовнымъ взысканіемъ. Въ дѣйствительности вопросы о фактическихъ данныхъ, образующихъ въ своей совокупности событіе преступленія, о вмѣненіи, о фактической виновности по каждому отдѣльному изъ предъявленныхъ на судѣ или выработанныхъ судебнымъ изслѣдованіемъ обвиненій могутъ быть, подобно вопросу о доказанности гражданскаго иска, разрѣшены лишь путемъ положительнаго или отрицательнаго отвѣта. Болѣе двухъ мнѣній здѣсь быть не можетъ.

Многогласіе можетъ возникнуть лишь при вопросахъ о квалификаціи дѣянія подсудимаго и о мѣрѣ наказанія. Нѣтъ сомнѣнія что принуждать судью, оставшагося въ меньшинствѣ по вопросамъ перваго рода (фактическимъ) и не признавшаго подсудимаго виновнымъ или вмѣняемымъ, участвовать въ обсужденіи вопросовъ о томъ, какое именно преступленіе совершилъ этотъ, невиновный по его мнѣнію, человѣкъ и какъ именно его наказать, значило бы принуждать его дѣйствовать противъ убѣжденія. Поэтому такой судья не долженъ подавать голоса въ вопросахъ о квалификаціи дѣянія и о мѣрѣ наказанія — и въ предѣлахъ этихъ вопросовъ, при заявленіи *равносильныхъ* по числу голосовъ мнѣній, самособою образуется мнѣніе, наиболѣе снисходительное къ участи подсудимаго, и сообразно съ нимъ и должна быть рѣшена эта участь. Такимъ образомъ, по точному смыслу ст. 769 Уст. угол. суд., во всѣхъ случаяхъ разногласія вопросы рѣшаются по большинству; въ вопросахъ факта — по большинству всѣхъ членовъ коллегіи; въ вопросахъ права — по большинству голосовъ, разрѣшившихъ вопросы факта утвердительно.

Единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ такого примѣненія ст. 769 Уст. угол. суд., состоитъ въ томъ, что во второмъ рядѣ вопросовъ (вопросовъ права) участвуютъ не всѣ члены коллегіи, такъ что, при наличномъ составѣ трехъ судей, будетъ нарушено стародавнее правило: «tres taciunt collegium» и *одинъ* болѣе снисходительный судья изъ *двухъ,* составляющихъ большинство по вопросамъ факта, рѣшитъ окончательно дѣло. Но сущность коллегіальнаго устройства суда состоитъ не въ томъ, чтобы въ окончательномъ рѣшеніи находили себѣ выраженіе непремѣнно мнѣнія трехъ членовъ коллегіи, а въ томъ, что въ обсужденіи дѣла участвуютъ не менѣе трехъ членовъ, вырабатывая, путемъ уступокъ или противуположеній, выводъ, признаваемый по закону окончательнымъ. Даже и при самомъ простѣйшемъ раздѣленіи голосовъ на абсолютное большинство и меньшинство — въ коллегіи изъ трехъ членовъ — окончательное рѣшеніе постановляется лишь двумя, а въ коллегіи изъ четырехъ членовъ—предсѣдатель, подающій голосъ послѣ всѣхъ, своимъ присоединеніемъ къ меньшинству — въ сущности одинъ рѣшаетъ дѣло.

Переходя къ практическимъ затрудненіямъ, могущимъ оказываться при примѣненіи 769 ст. Уст. угол. суд. въ виду вышеизложеннаго, надо замѣтить, что таковыя должны являться послѣдствіемъ неумѣлой или необдуманной постановки вопросовъ по дѣлу въ связи съ отсутствіемъ выработанныхъ судебною практикою правилъ и традицій, касающихся отношеній мнѣнія меньшинства къ большинству, объ обязательности разъ принятыхъ общихъ рѣшеній, объ юридическомъ значеніи особыхъ мнѣній и т. д. Если бы, при обсужденіи уголовнаго дѣла, даже въ весьма многочисленной коллегіи, прежде всего ставился и разрѣшался цѣликомъ (вино-

венъ ли?) или раздѣльно (совершилось ли? было ли дѣяніемъ подсудимаго? вмѣняемъ ли?) вопросъ факта, то примѣненіе 769 ст. Уст. угол. суд. къ вопросамъ права не представляло бы никакихъ затрудненій. Если изъ 15 членовъ коллегіи 9 признаютъ подсудимаго виновнымъ и затѣмъ изъ этихъ 9 при подачѣ голосовъ о квалификаціи дѣянія признаютъ—трое разбой, трое—грабежъ и трое—самоуправство съ употребленіемъ насилія и, наконецъ, изъ трехъ подавшихъ голоса за самоуправство, одинъ полагаетъ подвергнуть виновнаго аресту на 3 мѣсяца, другой—на два и третій—на одинъ, то подсудимый долженъ быть, въ окончательномъ выводѣ, приговоренъ за самоуправство къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Такой выводъ будетъ вполнѣ согласенъ и съ указаніями 769 ст. Уст. угол. суд., и съ основными началами уголовнаго правосудія. Очевидно, что выводъ будетъ иной—неудовлетворительный и весьма часто неожиданный—при постановкѣ, какъ это иногда практикуется, лишь вопроса: «подлежитъ ли и какому именно наказанію подсудимый?» при чемъ голоса, оправдывающіе подсудимаго, идутъ въ общій счетъ съ голосами, расходящимися относительно квалификаціи и мѣры наказанія. Поэтому упорядоченіе способа исчисленія голосовъ въ духѣ 769 ст. Уст. угол. суд. въ значительной степени зависитъ отъ единства въ дѣйствіяхъ судебныхъ коллегій и отъ строгаго отдѣленія, при счетѣ голосовъ, вопросовъ факта отъ вопросовъ права. Ближайшее и подробное развитіе правила, преподанныхъ въ ст. 769 Уст. угол. суд., можетъ, въ свое время, найти себѣ мѣсто въ общемъ наказѣ; но къ отмѣнѣ, замѣнѣ или измѣненію этой статьи въ порядкѣ законодательномъ основаній не представляется.

ВОСПОМИНАНІЯ

И

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

I.

ПАМЯТИ В. А. АРЦИМОВИЧА.

(2-е—5-е марта 1893 г.).

Развертывая утромъ свою газету, житель большого города невольно ищетъ, съ болѣзненнымъ и, быть можетъ, втайнѣ радостнымъ—за самого себя—любопытствомъ, черныхъ рамокъ съ объявленіями о кончинѣ, объявленіями, которыя говорятъ скупымъ и условнымъ языкомъ о только что оконченномъ страданіи отшедшихъ, объ остромъ горѣ или тихой печали оставшихся. Внѣшнее однообразіе этихъ рамокъ сглаживаетъ глубокое внутреннее разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Изъ-за него не слышится «надгробное рыданіе», не видится живой образъ того, кто нашелъ, наконецъ, недостижимый на землѣ, вѣчный покой. Вѣсть о новой смерти является для всѣхъ, не принадлежащихъ къ небольшому кружку близкихъ умершаго, исходящею «изъ равнодушныхъ устъ» и ей «внимаютъ равнодушно», спѣша обратиться къ другимъ новостямъ и къ «злобамъ дня».

По временамъ, однако, въ черныхъ рамкахъ стоитъ имя, громко и горестно звучащее для большого круга людей, близкихъ и далекихъ, знающихъ усопшаго лично или только по наслышкѣ. Тогда не хочется вѣрить глазамъ,— хочется думать что это *не томъ*, а кто-нибудь другой, однофамилецъ можетъ быть,—и сжатое скорбью, взволнованное сердце, вызывая съ особою яркостью представленіе и воспоминаніе о *живомъ*, лишь усугубляетъ этимъ силу и значеніе сознанія, что онъ мертвъ, что онъ утраченъ навсегда...

Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя *Виктора Антоновича Арцимовича*, скончавшагося 2-го марта настоящаго года.

На оффиціальномъ языкѣ обычныхъ некрологовъ въ его лицѣ опочилъ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Владиміра 1-й степени, заслуженный и опытный, по разнообразному прохожденію службы, сановникъ. Но для тѣхъ, кто его зналъ,—а знали его многіе,—такой характеристики недостаточно. Она ничего не говоритъ объ его яркой, самобытной, выдающейся личности. «Человѣкъ онъ былъ?»—и этого «званія» онъ достоинъ прежде всего и независимо отъ своего служебнаго положенія. Человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ слова, человѣкъ въ трудѣ и въ отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ и горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ...

Онъ зналъ Россію съ разныхъ сторонъ,—знаніемъ живымъ, а не кабинетнымъ. Будучи правовѣдомъ второго выпуска (1841 г.), онъ шелъ по торной дорогѣ службы въ канцеляріяхъ Сената лишь малое время, да и то съ промежутками, и скоро сдѣлался энергическимъ участникомъ сенаторскихъ ревизій. Эти ревизіи были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и, повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя попраннаго закона, метали служебныя молніи въ «рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ« и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола... Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизующихъ сенаторовъ, онѣ были лучшею практическою школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости и условій осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа. Впечатлительная горячность молодежи и житейскій опытъ сенатора соединились въ одномъ общемъ трудѣ, результаты котораго всегда оставляли благодарное воспоминаніе въ населеніи. Съ 1842 по 1845 годъ Арцимовичъ участвовалъ въ сенаторскихъ ревизіяхъ орловской и калужской губерній и таганрогскаго градоначальства, завѣдуя разнообразными отраслями дѣлъ, а въ 1851 году уѣхалъ, сопровождая генералъ-адъютанта Анненкова въ западную Сибирь для надѣлавшей въ свое время много благотворнаго шума ревизіи управленія нашимъ «золотымъ дномъ», во тьмѣ и молчаніи котораго ютилось не одно золото... Съ 1854 года онъ дѣлается тобольскимъ губернаторомъ. Служба въ далекомъ краѣ, при безлюдьѣ и громадныхъ пространствахъ, была трудная и—въ виду значенія Тобольска, какъ узла, связывавшаго въ то время въ себѣ всѣ нити и пути ссылки—очень отвѣтственная. Но Арцимовичъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ людей и выбирать себѣ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ не только знаніемъ *людей* вообще, но что весьма важно для государственнаго человѣка—знаніемъ *личностей* и умѣніемъ призывать ихъ къ совмѣстному труду. Это особенно сильно сказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда, оставивъ

Тобольскъ, сопровождаемый общимъ сочувствіемъ, отголоски котораго радовали его до самой смерти, и поработавъ въ подготовительныхъ по крестьянской реформѣ коммиссіяхъ — онъ, въ качествѣ калужскаго губернатора, долженъ былъ вводить освобожденіе крестьянъ.

Новое дѣло потребовало самоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій. На зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ приходилось переживать многое — отъ «вольнаго и невольнаго» непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, отъ глухой вражды и отъ явныхъ клеветъ, — но двери, сердце и глубокія думы губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренно указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемаго по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорою всѣмъ своимъ авторитетомъ и личнымъ починомъ. Онъ самъ любилъ вспоминать это время,—время когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ,—какъ лучшее въ своей жизни. Несомнѣнно, что скорбная вѣсть о его кончинѣ, дойдя до живущихъ въ провинціальной глуши или, напротивъ, высоко ушедшихъ по служебной лѣстницѣ калужскихъ соратниковъ его, не одного изъ нихъ заставитъ понурить голову и умилиться при воспоминаніи о годахъ благороднѣйшей работы, когда приходилось дѣлить съ усопшимъ надежды и укоры, радости и недоброжелательное отчужденіе... Короткое сенаторство въ Москвѣ, замѣнившее калужское губернаторство, вскорѣ было прервано призывомъ къ труднѣйшей и сложной задачѣ участія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства Польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія, вызваннаго возстаніемъ.

Открытіе новыхъ судовъ связано съ новымъ родомъ дѣятельности Арцимовича. Все, что было и есть въ новыхъ судебныхъ порядкахъ живого и жизненнаго, нашло горячій отголосокъ въ душѣ покойнаго. Никогда не любившій канцелярскаго производства и даже относившійся къ нему съ нѣкоторою брезгливостью, новый кассаціонный сенаторъ привѣтствовалъ *живого человѣка*, который въ лицѣ тяжущагося или подсудимаго, поднимался изъ-подъ вороха бумагъ, подъ которыми его погребалъ старый судъ, и становился лицомъ къ лицу предъ судьею, руководящимся не безжизненною формальною схемою для сужденія, а свободнымъ убѣжденіемъ совѣсти. Но новые порядки нуждались въ упроченіи, въ разъясненіи, а новые дѣятели — въ руководительствѣ. Въ этомъ состояла первоначальная и чрезвычайно трудная задача кассаціоннаго суда. Ее выполнили первые сенаторы и первые оберъ-прокуроры—и въ исторіи реформъ Александра II-го почтенныя имена Буцковскаго, Ковалевскаго и др. не должны умереть. Не можетъ быть забыто и имя Арцимовича, несшаго на себѣ такъ часто и подолгу трудъ пред-

сѣдателя нашего уголовнаго кассаціоннаго суда и оставившаго слѣдъ своихъ широкихъ взглядовъ, справедливости и уваженія къ личности человѣка на массѣ рѣшеній, въ коихъ онъ участвовалъ въ теченіе 16-ти лѣтъ.

Его не удовлетворяла, однако, дѣятельность кассаціоннаго судьи, особливо когда работа вошла въ болѣе узкія, обыденныя рамки, когда приходилось уже не строить новое, а разъяснять лишь насколько въ томъ или другомъ дѣлѣ отступлено отъ установленныхъ уже правилъ. Знаніе внутренняго строя и быта Россіи въ ихъ дѣйствительномъ осуществленіи и окраскѣ, воспоминанія объ осязательной по результатамъ и оставившей добрую память дѣятельности въ Калугѣ, глубокая вдумчивость въ государственные вопросы, любовь обращаться мыслью къ общему и цѣльному, а не къ детальному, мѣстному и условному—влекли его къ другой работѣ. Это былъ человѣкъ, не умѣвшій съ удобствомъ помѣщать свои чувства и мышленіе въ узкія рамки конкретнаго случая. Онъ сейчасъ же восходилъ отъ этого случая къ общимъ положеніямъ, къ основнымъ условіямъ общежитія, къ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы, «tailler en plein drap». Мелкая, мозаичная работа, — съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ,—не находила въ немъ живого сочувствія. Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья;—и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ началъ и принципіальныхъ взглядовъ.

Разносторонняя и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента Сената, которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. Двѣнадцать лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденія, будучи въ немъ старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою

безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: «etiamsi omnes—ego non!» Но годы брали свое, здоровье умалялось, подтачиваемыя давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли — и въ началѣ настоящаго года Арцимовичъ стоялъ на порогѣ къ отдыху въ менѣе трудовой и болѣе спокойной обстановкѣ общаго собранія Сената. Но онъ его не переступилъ. Смерть стала на этомъ порогѣ и замѣнила для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно съ увѣренностью, впрочемъ, сказать, что едва ли бы онъ сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхаютъ. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и «роптанья вѣчнаго души».—Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже, повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышались ноты глубокаго чувства— и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами.—Эти сѣдые волосы, эти «остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури», придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому «Монблану судебнаго вѣдомства», какъ его назвалъ кто-то... Но не въ нихъ однихъ была его внѣшняя привлекательность. Давно уже кѣмъ-то сказано, что лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ, живыхъ глазахъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то проницательнымъ взглядомъ, свѣтилась теплота всепонимающей и прощающей души, а въ улыбкѣ крупнаго рта сквозила добродушная иронія или привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старый, — увы! теперь забываемый, ладъ.

Онъ бывалъ, говорятъ, тяжелъ и угловатъ въ спорахъ; у нѣкоторыхъ по его адресу проскальзывалъ, быть можетъ, упрекъ въ односторонности, въ тенденціозности. Но это упрекъ вовсе не заслуженный. Односторонность дурна, когда она умышленная,—тенденціозность возмущаетъ, когда она не вытекаетъ изъ убѣжденія. Человѣкъ цѣльный, смѣлый и прямой, Арцимовичъ, увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и найдя справедливое, по его искреннему убѣжденію, примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, уже не сворачивалъ съ дороги, а шумно, громкимъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ заявлялъ о томъ, что, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно. Тѣ, кто видалъ его часто и близко, въ частномъ быту, знаютъ, что въ его мнѣніяхъ съ оттѣнкомъ шутливаго пессимизма не было

мѣста узкимъ партійнымъ, ритуальнымъ, племеннымъ или мѣстнымъ взглядамъ, и что если бы, подъ вліяніемъ какихъ нибудь мимолетныхъ причинъ, въ немъ и шевельнулись на мгновеніе такіе взгляды — они сейчасъ же потонули бы въ широкоразлитомъ въ его душѣ чувствѣ любви и состраданія къ людямъ *вообще*. безъ всякихъ заслонокъ и перегородокъ. Быть можетъ, упрекъ въ угловатости, при той живости, которую онъ вносилъ въ споры, — отчасти и справедливъ. Но эта черта покойнаго только можетъ дорисовывать его образъ, ибо его—такимъ, какимъ онъ былъ и живетъ въ памяти его знавшихъ,—нельзя представить себѣ вкрадчивымъ и мягкимъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Да и недостатокъ ли такая угловатость? «Крупная скала, смѣло выдвинувшаяся въ море, — говоритъ румынская королева (Карменъ Сильва), — становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе,—зато булыжникъ все закругляется».

Въ частной жизни Арцимовичъ отличался чрезвычайною привлекательностью. Его отношенія къ людямъ были отмѣчены всегда утонченною любезностью; когда онъ бывалъ въ духѣ, въ средѣ симпатичныхъ ему людей, онъ вносилъ въ разговоръ особое оживленіе своими безобидными шутками и простодушнымъ юморомъ. Житейскія испытанія, неизбѣжныя разочарованія и надвинувшаяся старость—онъ умеръ 73-хъ лѣтъ отъ роду—нисколько не отражались на его нравственномъ складѣ. Онъ до конца остался молодъ душою, ясенъ и свѣтелъ умомъ, терпимъ и снисходителенъ къ людямъ. Нужны были особенно рѣзкіе факты душевной неприглядности, непонятные даже его многоизвѣдавшимъ уму и сердцу, чтобы въ его добрыхъ глазахъ промелькнула тѣнь суровости и съ устъ сорвалось его обычное, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное слово: «людишки!..» Интересуясь всѣмъ, на все отзываясь, онъ много читалъ, преимущественно по исторіи, и любилъ литературную бесѣду. Почва для этой любви была подготовлена издавна, ибо онъ былъ женатъ на А. М. Жемчужниковой, сестрѣ извѣстнаго поэта, участвовавшаго когда-то, вмѣстѣ со своими братьями и графомъ Алексѣемъ Толстымъ, въ созданіи «Кузьмы Пруткова». Не играя въ карты, рѣдко бывая въ обществѣ и почти никогда въ театрѣ, Арцимовичъ имѣлъ, однако, мало свободнаго времени. Онъ отдавалъ его заботамъ о близкихъ и о нуждающихся. Послѣднимъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Съ особою чуткостью отзывался онъ тѣмъ, кому былъ нуженъ его совѣтъ, участіе, нравственная поддержка. Всѣ трогательныя свойства души его сказывались тогда съ особою силою. «Когда темнѣетъ во дворѣ—усиливаютъ свѣтъ въ домѣ»,—сказалъ кому-то удрученному знаменитый русскій духовный ораторъ. Если кто нибудь изъ знавшихъ Арцимовича, тревожимый сгустившеюся вокругъ него житейской тьмою, стучался въ дверь его душевнаго дома — онъ тотчасъ же, радостно и заботливо, усиливалъ внутри его огонь, чтобы отогрѣть, ободрить, направить...

Не хочется вѣрить, что красивая, мощная фигура этого человѣка исчезла изъ нашего небогатаго цѣльными людьми обихода, что она не появится болѣе и въ любимомъ имъ уголкѣ, въ имѣніи близь Люцина—Рунтортѣ, гдѣ все насаждено и взлелѣяно его руками. Безъ него, на этотъ разъ, одѣнется весеннимъ цвѣтомъ описанная Жемчужниковымъ («Цвѣтущая старость») его любимая старая яблоня:

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ...

Недуги взяли, однако, верхъ и изможенное ими тѣло успокоилось послѣ тяжкихъ страданій, среди цвѣтовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лицѣ. Но «запасъ духовныхъ силъ» не истощился. Онъ долженъ отразиться во всемъ, къ чему покойный приложилъ свою мысль и свою руку,—на всѣхъ, кого онъ любилъ, кто имѣлъ счастіе встрѣтить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ можетъ послужить примѣромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба и каждый изъ многочисленныхъ вѣнковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, *что* потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и цѣлыя служебныя и общественныя группы. «*Человѣколюбивому стражу закона*» — гласила надпись на роскошномъ серебряномъ вѣнкѣ отъ сенаторовъ; «*Отцу сиротъ*»—говорилось въ надписи на лентахъ вѣнка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ—весь смыслъ его служебной и частной дѣятельности! Лица всякаго званія—отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы до безвѣстныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое нибудь лишь имъ однимъ извѣстное доброе его дѣло,—сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки «Dies irae, dies illa»... и проводили затѣмъ останки, его на далекое Выборгское кладбище... Тамъ въ торжественномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ рѣчей, съ увлаженными глазами, въ виду осиротѣлой семьи покойнаго, долго стояли подъ свѣжимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой осиротѣлые друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Послѣдній зимній вѣтеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко свѣтили и грѣли... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умѣлъ свѣтить окружавшимъ его и грѣть ихъ, несмотря на шумъ и холодъ неизбѣжныхъ житейскихъ непогодъ...

II.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГРАДОВСКІЙ.

Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества посвященномъ чествованію памяти А. Д. Градовскаго 18 ноября 1889 года.

Милостивые Государи! — мы выслушали рядъ рѣчей, посвященныхъ дѣятельности *Александра Дмитріевича Градовскаго*. Онъ освѣщенъ предъ нами и какъ ученый, и какъ учитель, — учитель молодежи въ качествѣ профессора, — учитель общества въ качествѣ публициста. Всѣ стороны его плодовитой трудовой жизни разсмотрѣны. Остается соединиться въ одномъ общемъ чувствѣ къ усопшему и разойтись, унося съ собою вновь освѣженное представленіе объ его заслугахъ. Но желаніе вызвать еще разъ предъ вами его привлекательный образъ, — желаніе еще хоть немного побыть съ нимъ и продлить настоящее *послѣднее* разставаніе — слишкомъ соблазнительно! Да послужитъ оно мнѣ извиненіемъ, если я задержу васъ еще на нѣсколько минутъ.

Мнѣ хочется сказать о немъ не какъ объ ученомъ и спеціалистѣ, а какъ о человѣкѣ вообще, — какимъ онъ представлялся тѣмъ, кто имѣлъ честь знать его лично, кто имѣлъ радость пользоваться его дружбою. Отрывая отъ его безвременной могилы невольно прикованный къ ней мысленный взоръ и переносясь за немного лѣтъ назадъ, я вижу его бодраго, высокаго, хотя нѣсколько сгорбленнаго, съ живыми темными глазами на выразитель-

номъ, смугломъ лицѣ, съ мягкою улыбкою подъ большими украинскими усами; я слышу его прерывистую, горячую рѣчь и его добродушный, тихій смѣхъ... и невольно вспоминается мнѣ стихъ напрасно забываемаго поэта, обращенный къ памяти перваго русскаго критика: «упорствуя, волнуясь и спѣша!..» Эти слова такъ примѣнимы и къ Градовскому... Да! упорствуя, волнуясь и спѣша прожилъ онъ свой недолгій вѣкъ,—упорствуя и волнуясь поспѣшилъ онъ пройти путь до своей ранней могилы. И личная его жизнь, и общественная его дѣятельность характеризуются этими словами. При первой встрѣчѣ, при первой бесѣдѣ съ нимъ было видно, что это человѣкъ не только умный, очень умный,—но человѣкъ, выдающійся въ смыслѣ духовнаго развитія. Мы слишкомъ часто раздаемъ эпитеты *умныхъ* людей, мы такъ щедры на нихъ, что одной ссылки на умъ становится уже мало для опредѣленія личности. Да и что такое умъ самъ по себѣ? Оружіе, средство, одинаково пригодное для достиженія всякихъ цѣлей—и высокихъ, и низменныхъ, — хорошо отточенный ножъ, нужный чтобы рѣзать хлѣбъ среди мирной семейной трапезы, и необходимый для успѣха разбоя на глухой лѣсной дорогѣ. Поэтому *умный* человѣкъ значитъ лишь—человѣкъ *хорошо вооруженный*. Въ сущности, такой человѣкъ—величина неопредѣленная, загадочная, до тѣхъ поръ, пока не дано уразумѣть тѣхъ внутреннихъ стремленій, которымъ служитъ его умъ.

Градовскій всегда былъ доступенъ изученію съ этой стороны, и его больное, сведшее его въ могилу, сердце было чуждо мелочныхъ и узкихъ интересовъ. Оно билось въ груди неизмѣннаго идеалиста, душевныя силы котораго до конца были направлены на служеніе началамъ нравственнаго развитія и справедливости. Его идеализмъ не былъ безпочвеннымъ и отвлеченнымъ, хотя и возвышеннымъ, идеализмомъ сороковыхъ годовъ. Идеализмъ Градовскаго черпалъ силы и опору для своего существованія и для предъявленія нравственныхъ требованій въ реальныхъ условіяхъ и задачахъ той жизни, въ которую онъ вступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Это время было ознаменовано великими реформами, обновившими нашъ общественный бытъ. Въ основѣ ихъ лежало глубокое довѣріе къ духовнымъ силамъ русскаго народа, къ его воспріимчивой способности къ совершенствованію. Оно свѣтитъ и грѣетъ изъ этихъ реформъ чистымъ и благотворнымъ лучемъ. Этому чувству довѣрія остался до конца своей жизни вѣренъ Градовскій. Онъ не закрывалъ глазъ на нѣкоторыя частичныя неудачи или погрѣшности обширныхъ преобразованій, но онъ упорно вѣрилъ въ жизненность началъ, положенныхъ въ «камень угла» ихъ. Онъ ясно сознавалъ и неоднократно, въ разныхъ формахъ, настойчиво выражалъ, что преобразованія эти наложили на образованное русское общество великія и отвѣтственныя нравственныя обязанности. Только усерднымъ служеніемъ родинѣ «въ великомъ государевомъ дѣлѣ», какъ выражались въ старину, только прине-

сеніемъ личныхъ выгодъ въ жертву нуждамъ государства, только искреннимъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, уваженіемъ къ закону и къ человѣческому достоинству можно было оправдать довѣріе, которымъ были проникнуты преобразованія, можно было дать на него требуемый отвѣтъ. Но нельзя обладать свойствами, необходимыми для такого служенія, не имѣя идеаловъ, не имѣя «sursum corda!» Такого «sursum corda» требовалъ Градовскій и отъ цѣлаго общества, и отъ отдѣльныхъ дѣятелей.

Знатокъ народнаго быта, вдумавшійся во внутренній смыслъ кажущейся безформенности народной жизни, Градовскій глубоко вѣрилъ въ массу русскаго народа, въ его корень, походя въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, на Кавелина. Его тревожилъ всякій упадокъ или отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, которое должно просвѣщать и непосредственно руководить народъ. Онъ часто выражалъ желаніе, чтобы государственная власть, держа «честно и грозно» знамя національнаго достоинства и неуклонно ведя народъ къ цѣлямъ его историческаго призванія, могла опираться въ своемъ трудѣ на такое общество, которое не погрязаетъ въ тинѣ ежедневныхъ мелочей, не отдается своекорыстно и близоруко злобѣ дня нынѣшняго,—ничтожной выгодѣ дня завтрашняго. И онъ упорно проповѣдывалъ необходимость идеаловъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни. Увлекающійся и впечатлительный, онъ горячо привѣтствовалъ все, что намекало на ихъ существованіе. Въ этомъ отношеніи онъ высказался и проявилъ себя особенно ярко въ срединѣ семидесятыхъ годовъ. Когда въ нашемъ обществѣ съ особою силою пробудились симпатіи къ угнетеннымъ славянскимъ народностямъ, Градовскій съ жаромъ примкнулъ къ движенію общественнаго чувства и прочелъ двѣ лекціи въ пользу славянъ балканскаго полуострова, привлекшія многочисленную публику. Лекціи имѣли предметомъ значеніе идеала въ общественной жизни и были посвящены памяти Юрія Ѳедоровича Самарина. Оканчивая послѣднюю изъ нихъ и съ грустью озираясь на громкія фразы, прикрывавшія скудное нравственное содержаніе общественной мысли въ предшедствовавшія пять-шесть лѣтъ, Градовскій говорилъ: «Наше время принято называть переходнымъ. Это слово для значительной части русскаго общества является источникомъ всяческихъ утѣшеній и, что самое главное, средствомъ объясненія многихъ современныхъ явленій. Нужно ли объяснить путаницу понятій, отсутствіе строго опредѣленной системы, упадокъ литературы, апатію, страсть къ матеріальнымъ утѣхамъ—объясненіе готово: мы живемъ въ переходное время. Умъ колеблется между тѣмъ, что проходитъ, и другимъ, что еще виднѣется вдали. Негдѣ образоваться твердому убѣжденію, негдѣ сложиться непреклонному характеру».—Но оживленіе, охватившее общество предъ восточною войною, восхищало его. Онъ видѣлъ въ немъ симптомъ здороваго состоянія общества и возрожденія въ немъ идеаловъ. «Стану ли говорить — заключилъ

онъ послѣднюю лекцію — о мотивахъ, вызвавшихъ это движеніе? Стану ли говорить объ этомъ взрывѣ всѣхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, о негодованіи на вѣковую неправду, о самоотверженіи о крови нашихъ соотечественниковъ, пролитой въ защиту праваго дѣла, о добровольномъ налогѣ въ пользу славянъ, принятомъ на себя нашимъ обществомъ, о пожертвованіяхъ, гдѣ сотенныя бумажки богатыхъ сходились съ грошами крестьянскими, объ этомъ единодушіи, обратившемъ дѣло славянское въ русское, земское дѣло? Хвалить народовъ нельзя—они сами знаютъ себѣ цѣну, но нельзя не придти къ убѣжденію, что въ этомъ движеніи—залогъ нашего внутренняго развитія. Кто разъ принималъ участіе въ великихъ національныхъ движеніяхъ, кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратился къ своей «злобѣ дня» не прежнимъ человѣкомъ, а человѣкомъ просвѣтленнымъ и нравственно обновленнымъ». Градовскому казалось, что «закоснѣлое безпутство» и «бездушная суета» громаднаго города, о которыхъ упоминается въ цитированныхъ на этихъ лекціяхъ стихахъ Полонскаго, миновали надолго, смѣнившись лучшими явленіями высшаго порядка...

Въ бесѣдахъ и въ письмахъ этого времени Градовскій былъ крайне оживленъ. Позвольте прочесть вамъ отрывки изъ его писемъ къ одному изъ друзей, въ которыхъ такъ сказывается и его настроеніе того времени, и оригинальность его взглядовъ и способовъ выраженія. «Я перевожу здѣсь духъ, — пишетъ онъ изъ Вильны въ началѣ іюня 1877 года, — за постройками и за изученіемъ разныхъ философій. Переходъ отъ воздвигающагося балкона къ системѣ Локка вовсе не такъ труденъ и даже пріятенъ. Мнѣ уже виднѣются очертанія новаго курса, который и намѣренъ читать въ университетѣ по иному плану. Въ нынѣшнее время стоитъ работать:—опытъ показываетъ, что двадцать лѣтъ нашей внутренней работы не пропали даромъ. Всѣ общественныя и личныя печальныя явленія, о коихъ приходилось грустить, оказались не нашимъ «существомъ», а наростомъ, которому суждено с[illegible]ся послѣ развитія живыхъ силъ. А вотъ онѣ гдѣ—эти живыя силы! Вчера я присутствовалъ при отправленіи большой партіи безсрочно отпускныхъ. Какое спокойствіе, какая увѣренность въ своихъ силахъ! Хвастовства никакого, но полное убѣжденіе, что турка *нельзя* не побѣдить. Иной кичится или потому, что обманывается въ своихъ собственныхъ силахъ, или потому что хочетъ надуть другихъ. Тутъ ни того, ни другого. Нашъ солдатъ просто вѣритъ въ нѣкоторое разъ установленное отношеніе вещей, а по этому «отношенію» выходитъ, что турокъ будетъ побитъ потому что «невозможно». Солдаты разсѣлись въ вагоны очень чинно и аккуратно, поѣздъ тихо тронулся, а изъ вагоннаго окна раздались звуки гармоники. Точно на работу отправляется этотъ народъ, на работу мирную и безопасную, а не на убійственную войну. Нѣкоторые сол-

даты говорили, правда: — «прощайте, Богъ знаетъ, свидимся ли». Но вѣдь русскій человѣкъ, особенно рабочій, всегда говоритъ это «Богъ знаетъ». Привыкъ онъ ко всякой напасти. Идетъ ли строить желѣзную дорогу—Богъ знаетъ, вернется ли; отправляется ли на косовицу въ далекія степи — Богъ знаетъ, не умретъ ли отъ холеры или отъ тифа; мостъ ли строить — Богъ знаетъ, не утонетъ ли, благодаря находчивости инженеровъ. Такой неувѣренности въ своей *личной* судьбѣ вы не найдете ни въ одномъ народѣ. Англичанинъ или нѣмецъ вѣритъ въ будущее своего народа потому, что прежде всего вѣритъ въ себя. Русскій человѣкъ себя ставитъ ни во что. Всѣ подъ Богомъ ходимъ и каждаго ежечасно пришибить можетъ. Но всю свою вѣру и надежду онъ переноситъ *на міръ* и *на государство*. Чего уже міръ захочетъ, да Государь прикажетъ, тому нельзя не быть. Этимъ и объясняется сочетаніе двухъ противуположныхъ, повидимому, явленій. Съ одной стороны, простой русскій человѣкъ считаетъ свой народъ первымъ въ свѣтѣ и серьезно полагаетъ, что всякій народъ, противящійся его государству и «мірскому приговору», бунтуетъ и пропадетъ, какъ бунтовщикъ. Но затѣмъ, взятый отдѣльно, онъ удивительно мягко относится къ иноземцамъ и, предоставляя право быть гордымъ своему государству, остается *человѣкомъ* во всѣхъ человѣческихъ, т. е. во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ».

Вѣра въ нравственное улучшеніе общества, выразившееся, по мнѣнію Александра Дмитріевича, въ подъемѣ духа по поводу войны, не покидала его. «Живется пока и холодно, и тоскливо,—пишетъ онъ 14-го іюня того же года,—холодно, потому что вездѣ холодно, а тоскливо, потому что политическое (т. е. военное) затишье съ нашей стороны и гибель черногорцевъ съ другой просто спать не даютъ. Когда отвлечемъ мы турецкія полчища отъ несчастной Черногоріи? Вѣдь черногорцы намъ родные братья, а не двоюродные! Одно утѣшеніе — общество наше не то, что было въ Крымскую войну. Сколько энтузіазма, доблести и честности! Боюсь только, чтобы дипломатія не подточила этого движенія!..» Тяжкія минуты плевненскихъ неудачъ не смутили Градовскаго въ его вѣрѣ въ силу русскаго народа. «Плевна и груда нашихъ труповъ, — пишетъ онъ 1-го августа 1877 г., вещь — прескверная, но не только не рѣшающая дѣла, но даже и не опасная. Вся эта исторія нисколько не говоритъ ни противъ общаго плана кампаніи, ни противъ достоинства арміи. Османъ-паша — отличный тактикъ и совершилъ блистательную, въ тактическомъ отношеніи, штуку. Но тактика, сама по себѣ взятая, не рѣшаетъ судьбы государства и историческихъ вопросовъ. Мы добьемся своего, потому что за насъ исторія и наша нравственная сила, которая не рухнула же и не можетъ рухнуть подъ Плевной. Вотъ что подсказываетъ мнѣ холодное разсужденіе сквозь всѣ слезы и вздохи по поводу убитыхъ, по поводу дорогихъ страдальцевъ нашихъ. Разумъ беретъ свое.

Не *надежда*, замѣтьте, а именно разумъ,—ясное, безусловное пониманіе истиннаго положенія вещей. Скажу больше. Пораженіе подъ Плевной (abstraction faite отъ убитыхъ, для которыхъ нѣтъ достаточно слезъ) имѣетъ хорошую сторону. Рядъ дешевыхъ и быстрыхъ побѣдъ привелъ бы насъ, быть можетъ, къ дешевому, легкомысленному и поверхностному миру. А теперь нужно забирать поглубже и не уходить изъ Турціи, пока *все* не будетъ кончено, какъ слѣдуетъ. Это не оптимизмъ, а простая логика»...

Таковъ былъ Градовскій во время наибольшаго увлеченія своего восточною войною. Каковъ онъ былъ во время и послѣ берлинскаго конгресса, можетъ себѣ представить всякій, кто хоть немного его зналъ... Его умъ, живой и чуткій, не могъ примириться съ своеобразнымъ судомъ надъ побѣдителемъ, съ превращеніемъ знаменитаго «vae victis!» въ злорадное «vae victoribus!» Его сердце возставало противъ холодной дипломатической перекройки того, что заработано было рѣками крови и трудового пота русскаго человѣка. Въ это именно время, если я не ошибаюсь, онъ горячо отдался идеѣ добровольнаго флота и участвовалъ въ Москвѣ въ первыхъ попыткахъ провести ее въ жизнь. Хотя несоотвѣтствіе внѣшнихъ результатовъ войны съ принесенными жертвами и быстрое обращеніе общества къ прежнимъ мелочнымъ и эгоистическимъ интересамъ и оставили въ Градовскомъ чувство глубокаго разочарованія, но его вѣра въ призваніе, въ нравственную силу народа—только окрѣпла отъ созерцанія того, *что* пережилъ, вынесъ и совершилъ русскій человѣкъ въ эти мѣсяцы борьбы, за которой съ трепетомъ слѣдила вся Россія. Среди насмѣшливаго скептицизма и равнодушія, смѣнившихъ недавній энтузіазмъ, онъ остался упорнымъ консерваторомъ, который, порицая, иногда очень горячо, отдѣльную личность, отдѣльное общественное или бытовое явленіе, — никогда не колебался въ томъ, во что онъ увѣровалъ по отношенію къ свойствамъ цѣлаго народа.

Отвлеченные вопросы науки, разрѣшаемые внѣ условій мѣста и времени, вопросы чистаго искусства — мало занимали его, по крайней мѣрѣ, въ частной бесѣдѣ. Эта бесѣда — веселая, остроумная и живая — всегда была направлена на практическіе вопросы народной и общественной жизни, всегда отражала въ себѣ горячую заботу и тревогу о счастьи родины. Къ родинѣ Градовскій приросъ всѣми корнями души, о ней говорилъ онъ постоянно, то серьезнымъ тономъ мыслителя, то съ любящимъ юморомъ, слегка задыхаясь и смѣясь глазами. — Я посѣтилъ его четыре мѣсяца назадъ въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга. Тяжкій недугъ приковалъ его къ креслу; грудь истомленная долгими страданіями, дышала трудно и прерывисто, — вокругъ него чуялось вѣяніе смерти,—она уже коснулась его концомъ крыла и погасила блескъ умныхъ глазъ. Предъ нимъ разстилалась чудная прирейнская равнина, залитая солнцемъ, но мысли его неудержимо уносились въ

далекую Русь и любовно воскрешали ея сѣрыя картины, заставляя его то переживать прошлое, то пытливо заглядывать въ будущее. Все, для него лично близкое и дорогое,— было съ нимъ, окружало его, но самъ онъ стремился всѣми силами домой, туда, гдѣ витали его думы, гдѣ осталось его дѣло...

Онъ жилъ волнуясь, —онъ никогда не былъ спокоенъ. Тихое, подчасъ сонное равновѣсіе впечатлѣній и ощущеній было ему совершенно чуждо. Постоянно увлекаясь чѣмъ или кѣмъ нибудь, тревожно отзываясь на вопросы общественные, онъ не умѣлъ равнодушно и объективно относиться ни къ чему яркому, цѣльному или живому. Эти увлеченія ставились ему нерѣдко въ вину. Иныхъ поражали порывы Градовскаго, его «влюбчивость» въ людей иногда совершенно различныхъ лагерей. «Можно ли, говорили они, быть поклонникомъ Петра и его преобразованій и въ то же время любить Аксакова и восторгаться Юріемъ Самаринымъ? — быть знатокомъ и толкователемъ западно-европейской науки и «носиться» съ статьями Н. Я. Данилевскаго, вошедшими впослѣдствіи въ книгу «Россія и Европа»? и т. д. — Они забывали, что для воспріимчивой и умственно-широкой природы покойнаго содержаніе человѣка, его искренность, его оригинальность шли далеко впереди того ярлыка, который часто произвольно и непродуманно наклеенъ на него молвою или односторонними противниками. Градовскій сознавалъ справедливость словъ Фауста, что «Gefühl ist Alles,—Name ist Schall und Rauch» и тепло относился ко всякой личности безъ различія лагерей; — если только ему казалось, въ данный моментъ, что она проводитъ въ жизнь то, что «есть на потребу». Всякій оттѣнокъ идеализма подкупалъ его и иногда вводилъ въ заблужденіе относительно цѣлесообразности той или другой системы, того или другого взгляда на общественныя отношенія. Но чистые и строгіе принципы Градовскаго оставались нетронутыми и при этомъ изысканіи для нихъ наиболѣе жизненнаго примѣненія. Онъ измѣнялъ взглядъ на пути, но отправная точка и идеальная цѣль всегда оставались у него неизмѣнными. Эти колебанія, эти увлеченія свѣтлыми сторонами въ чуждыхъ другъ другу явленіяхъ и въ людяхъ разныхъ направленій были проявленіемъ его волнующейся души. Простой, прозаическій человѣкъ легче и скорѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ человѣкъ съ большими способностями, — ему и легче дается поверхностное дѣленіе другихъ на «эллиновъ и іудеевъ».

Но въ не однихъ увлеченіяхъ упрекали и, быть можетъ, еще упрекнутъ Градовскаго. Въ его сдержанности съ малознакомыми людьми, въ его строгости на экзаменахъ — склонны были видѣть отсутствіе искренности и сердечности. Простой и откровенный въ бесѣдахъ съ тѣми, кого онъ зналъ, онъ дѣйствительно бывалъ замкнутъ въ себѣ съ людьми новыми или чужими. Но не былъ ли онъ правъ, не пуская къ себѣ въ душу всякаго мимо идущаго?

Внутренній міръ человѣка, — «святая святыхъ» его души — не можетъ, не долженъ быть отверстъ для всякаго, кому изъ празднаго любопытства захочется туда заглянуть, съ тѣмъ, быть можетъ, чтобы затѣмъ съ глупымъ или злораднымъ смѣхомъ потѣшать другихъ разсказами о затаенныхъ страданіяхъ, о дѣтскихъ вѣрованіяхъ, о трепетныхъ надеждахъ, найденныхъ тамъ... въ глубинѣ... Для тѣхъ, кто близко зналъ Градовскаго упрекъ въ отсутствіи сердечности покажется смѣшнымъ. Это былъ человѣкъ несомнѣнно добрый, но чуждый сентиментальности. У насъ же обыкновенно за доброту принимаютъ именно сентиментальность, относящуюся часто черство къ дѣйствительному страданію, имѣющему полное право на участіе, и слезливо къ тому, что нравственно—уродливо и болѣзненно. По этой причинѣ онъ не былъ «сердеченъ» и на экзаменахъ и, видя въ экзаменующемся будущаго дѣятеля жизни, за котораго онъ, какъ учитель, нравственно отвѣтственъ передъ родиной,—требовалъ отъ него строго и настойчиво необходимыхъ для этого знаній... Онъ былъ какъ говорятъ, даже *очень* требователенъ на экзаменахъ, — но многочисленные ученики его могутъ засвидѣтельствовать громче моего о полномъ участія отношеніи его къ ихъ дальнѣйшимъ шагамъ на ученомъ и жизненномъ поприщѣ, объ его готовности научить, помочь, облегчить...

Я говорю, что Градовскій *спѣшилъ* жить, спѣшилъ наполнить свои дни содержаніемъ и трудомъ въ ущербъ ихъ продолжительности. Обширные томы его ученыхъ работъ, непрерывные годы труда на каѳедрѣ въ Университетѣ и Лицеѣ свидѣтельствуютъ объ упорномъ напряженіи его физическихъ и умственныхъ силъ. Другіе сказали вамъ, милостивые государи, вѣское и краснорѣчивое слово о достоинствѣ того, что сдѣлалъ Градовскій для науки, о глубинѣ его самостоятельныхъ изслѣдованій, объ оригинальной разработкѣ имъ и систематизаціи накопленнаго другими ученаго матеріала. Еще Беконъ замѣтилъ, что есть два рода ученыхъ: одни набираютъ матеріалъ, какъ муравьи, другіе распредѣляютъ его, какъ пчелы. Но покойный былъ одновременно и муравьемъ, и пчелою, и то, что набралъ и распредѣлилъ онъ, навсегда займетъ почетное мѣсто въ русской наукѣ.

Человѣкъ живой, онъ не могъ, однако, не умѣлъ и не хотѣлъ замкнуться въ рамки своей ученой дѣятельности. Его манила другая арена, гдѣ возможно немедленное обсужденіе животрепещущихъ вопросовъ и запросовъ жизни, его манило волнующееся море журнальной дѣятельности. Каѳедра публициста представлялась ему не менѣе важною, чѣмъ та, на которую поставили его научныя заслуги. Онъ горячо отдавался возможности говорить съ обществомъ объ обществѣ и дѣлалъ это въ разнообразной формѣ, внося въ нее не только глубину мысли, всегда направленной къ нравственному идеалу, но и выдающійся талантъ. Кто слѣдилъ за его статьями, за его бесѣдами «Виленскаго жителя»,

за его полемикою, тотъ, конечно, помнитъ сколько ума и остроты, знанія и образованности, сколько взятыхъ изъ сердца живыхъ красокъ и сравненій было разсѣяно въ этихъ строкахъ, написанныхъ красивымъ, мужественнымъ языкомъ. Но удовольствіе читать *самого себя* по всѣмъ выдающимся вопросамъ быстро текущей жизни — не дается даромъ. Это удовольствіе ядовитое. «Читатели, — говоритъ Н. Н. Страховъ,—любующіеся хорошими писаніями, едва ли имѣютъ понятіе о томъ, какою дорогою цѣною нерѣдко покупаются всѣ эти мѣткіе взгляды, живыя и тонкія замѣчанія, весь этотъ пламень мысли, бѣгущій по строчкамъ». Этотъ «пламень мысли» поддерживалъ и согрѣвалъ Градовскаго, но онъ же незамѣтно сожигалъ его и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже, въ послѣдніе годы его жизни, ему приходилось вырываться наружу. Не одна публицистическая дѣятельность еще занимала Градовскаго и выводила его изъ рамокъ регулярнаго научнаго труда. Ему пришлось быть призваннымъ къ разнымъ законодательнымъ работамъ. Участіе его въ нихъ доставитъ интересный матеріалъ для будущаго его біографа. Мнѣ лично знакомы его интересные труды по разработкѣ вопросовъ желѣзно-дорожной политики въ извѣстной коммиссіи графа Баранова, призванной къ упорядоченію нашего желѣзнодорожнаго дѣла начертаніемъ Общаго Устава желѣзныхъ дорогъ.

Вся эта разнообразная дѣятельность требовала большой траты силъ. Силъ у Градовскаго, съ его физически больнымъ сердцемъ, было немного, а способность страстно вкладывать въ каждое дѣло всю свою душу, конечно, не способствовала ихъ накопленію. Да и жизнь не щадила его и наносила ему не всегда видные для постороннихъ, но тяжкіе удары. Впечатлительный, нервный и гордый, онъ съ трудомъ оправлялся отъ нихъ, хотя старался примириться съ ихъ неизбѣжными результатами и сохранить наружное спокойствіе. Но оно не обманывало дружескій глазъ, который видѣлъ, что въ немъ «vivit sub pectore vulnus!» Стародавній недугъ сердца шелъ быстрыми шагами и «судьбой отсчитанные дни» оказывались отпущенными съ жестокою скупостью. Послѣдній годъ жизни Градовскаго былъ сплошною агоніею, безнадежною для окружающихъ борьбою его душевныхъ силъ съ грозно надвигавшеюся смертью. Пришлось оставить университетъ и, послѣ безплодныхъ и отяготительныхъ странствованій по Германіи, слечь въ Петербургѣ, чтобы уже больше не вставать. Печаленъ закатъ человѣка въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, готовыхъ на плодотворную дѣятельность! Но на этотъ «закатъ печальный» блеснула, выражаясь словами поэта, «любовь улыбкою прощальной» и смягчила его горечь, и облегчила его боль... Пусть проститъ мнѣ это напоминаніе та, чье сердце растерзано его безвременною кончиною и истомлено годами заботъ и неумолкающихъ тревогъ, когда приходилось, безъ устали, съ нѣмымъ достоинствомъ скрываемой печали,

заслонять его отъ смерти чуткимъ и нѣжнымъ уходомъ! Если сознаніе свято исполненнаго долга можетъ когда либо послужить ей утѣшительнымъ воспоминаніемъ, что это утѣшеніе будетъ ей дано по выраженію Писанія «мѣрою полною, утрясенною»...

Многіе изъ насъ слышали на дняхъ возглашеніе «вѣчной памяти» Александру Дмитріевичу. Но вѣчная память о физической оболочкѣ человѣка не переживаетъ его современниковъ, а человѣчество проноситъ чрезъ вѣка память о личности лишь тѣхъ, кто поразилъ мысль современниковъ и потомства колоссальностью своихъ дѣлъ, глубиною своихъ благодѣяній или ужасомъ своихъ злодѣйствъ. Для остальныхъ вѣчная память олицетворяется въ живучести, въ прочной высотѣ тѣхъ идей, тѣхъ началъ, которыми была проникнута ихъ дѣятельность. «Wer für die Besten seiner Zeit gelebt—der hat gelebt für alle Zeiten» говоритъ великій германскій поэтъ. Сегодня весь вечеръ говорилось о томъ, чему былъ вѣренъ во всю свою жизнь Градовскій, чему служилъ онъ всѣмъ сердцемъ, и можно быть увѣреннымъ, что «вѣчная память» о немъ не изсякнетъ, пока въ русскомъ обществѣ сохранится уваженіе къ наукѣ и человѣческому достоинству, и любовь къ родинѣ и справедливости.

Пора кончить мои отрывочныя воспоминанія... Мнѣ приходятъ въ голову слова одного нѣмецкаго писателя, который, описывая Петербургъ, восклицаетъ: «Какъ можно жить въ городѣ, гдѣ улицы всегда мокры, а сердца—всегда сухи!?» Этотъ писатель не правъ... Былъ сѣрый, сырой, унылый день, когда мы провожали къ мѣсту послѣдняго упокоенія Александра Дмитріевича. Моросилъ дождикъ и туманъ окутывалъ насъ, застилая намъ глаза. Да! улицы были мокры... Но мы отнесли въ могилу не сухое сердце! Мы положили въ нее сердце благородное и любящее... и не одинъ лишь туманъ застилалъ многимъ изъ насъ глаза. И не сухость сердца привела сегодня всѣхъ васъ, господа, на нашу словесную тризну по усопшемъ...

III.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ

КАВЕЛИНЪ.

(7 мая 1887 г.).

Бываютъ люди уважаемые и въ свое время полезные. Они честно осуществляли въ жизни все, что имъ было «дано», но затѣмъ, по праву усталости и возраста, сложили поработавшія руки и остановились среди быстро бѣгущихъ явленій жизни, какъ пограничные столбы былого труда и былого нравственнаго вліянія. Новыя поколѣнія проходятъ мимо, глядя на нихъ, какъ на почтенные остатки чуждой имъ старины, — живая связь между ихъ замолкнувшею личностью и вопросами и потребностями дня утрачена или не чувствуется—и сердце ихъ, когда-то горячее и отзывчивое, бьется инымъ ритмомъ, безучастное къ явленіямъ окружающей дѣйствительности. Холодное уваженіе провожаетъ ихъ въ могилу, и больное чувство незамѣнимой потери, незамѣстимаго пробѣла — не преслѣдуетъ тѣхъ, кто возвращается съ этой могилы, такъ какъ имъ пришлось засыпать въ ней усопшаго, который уже давно не былъ живымъ отголоскомъ ихъ нравственныхъ тревогъ и упованій.

Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ житейской битвѣ они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, покуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и, уже чувствуя дыханіе смерти,

холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ—и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и спокойствія, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но зато — ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ. Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не «переживаютъ» себя, ибо жить для нихъ не значитъ только существовать, да порою обращаться къ своимъ, нерѣдко богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ разсчетовъ внутренній взоръ съ тревожною надеждою всегда устремленъ въ будущее, и въ ихъ *многогранной* душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества.

Однимъ изъ такихъ людей былъ *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ,* опущенный сегодня въ могилу.

Еще недавно можно было надѣяться, что его здоровый въ существѣ своемъ и крѣпкій организмъ осилитъ и побѣдитъ недугъ. Но этого не случилось, и несмотря на старанія лучшихъ врачей и нѣжный уходъ близкихъ, однимъ изъ благороднѣйшихъ и глубоко просвѣщенныхъ русскихъ людей стало меньше. Жизнь, полная труда, безупречная по своей чистотѣ, богатая по своему вліянію, прекратилась, и нравственный обликъ усопшаго, привлекательный въ своей неизмѣнности, возстаетъ вполнѣ законченный надъ его только что засыпанною могилою. На край ея сошлись представители разнообразныхъ слоевъ общества, люди разныхъ положеній и, что главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ, поколѣній. И старый, быть можетъ близкій въ свою очередь къ концу «человѣкъ сороковыхъ годовъ», и бывшій петербургскій студентъ начала «шестидесятыхъ годовъ», и мировой посредникъ «перваго призыва», и военный юристъ «восьмидесятыхъ годовъ», и писатель, и ученый, и художникъ, и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода — пришли посреди внушительной процессіи, пестрой по составнымъ частямъ, единой по чувству, проводить его прахъ. И въ томъ, что каждый изъ нихъ, независимо отъ сознанія *общей* утраты, могъ по своему, *лично* скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ — выразилась особенность его дорогой и незабвенной для знавшихъ его личности.

Его кончина еще слишкомъ близка и горечь ея еще слишкомъ чувствительна, чтобы говорить о его жизни, о его работахъ, чтобы представить въ связной картинѣ каждый трудовой годъ этого пахаря на нивѣ русскаго просвѣщенія и развитія. Современемъ чья нибудь талантливая рука начертитъ его образъ во всѣхъ подроб-

ностяхъ и передастъ читателю о его юныхъ годахъ, озаренныхъ уроками Бѣлинскаго, о его первыхъ шагахъ на ученомъ поприщѣ, о его вступленіи въ кружокъ — единственный въ своемъ родѣ — кружокъ Грановскаго, Кудрявцева и Бѣлинскаго, куда недавній ученикъ и восторженный поклонникъ вошелъ какъ равный по праву ума, таланта и знанія. Будущій біографъ разскажетъ, какъ не будучи, по старому русскому выраженію, «духомъ перегибателенъ», Кавелинъ не остался въ сторонѣ, замкнувшись въ себя и въ свое офиціальное дѣло, при одной домашней исторіи московскихъ профессоровъ, но возставъ на несогласную съ его убѣжденіями терпимость къ неприглядному житейскому явленію, вышелъ въ отставку. Онъ остановится съ любовью и уваженіемъ на 1857 годѣ, который снова призвалъ Кавелина на каѳедру въ Петербургъ и далъ ему, кромѣ слушателей-студентовъ еще одного, юнаго, надъ царственною головою котораго вились самыя свѣтлыя надежды. Обратясь къ носившемуся тогда надъ Россіею—какъ благовѣсть съ высоты престола — призыву совлечь съ себя «иго рабства» онъ съ благодарнымъ чувствомъ укажетъ на горячую и благородную дѣятельность Кавелина по отношенію къ вопросу освобожденія крестьянъ,—укажетъ на его рѣчь на извѣстномъ московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 г., въ которой такъ ясно и возвышенно опредѣлена культурно-историческая роль дворянства, и на его знаменитую записку, гдѣ, безъ колебаній и недомолвокъ, съ трезвою рѣшительностью, была впервые категорически выражена мысль о необходимости свободы *съ надѣломъ*,—мысль, возбудившая многихъ противъ автора и осуществленная, однако, чрезъ два года, какъ неизбѣжный исходъ... И долгіе годы со времени вторичнаго оставленія каѳедры до самой кончины дадутъ богатый матеріалъ біографу для изображенія того, какъ этотъ выдающійся человѣкъ, поставленный въ самую скромную служебную обстановку, умѣлъ всецѣло, словомъ и дѣломъ, служить родинѣ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ обновленія ея внутренняго строя и сѣять «разумное, доброе, вѣчное», то какъ изслѣдователь народнаго быта, то какъ юристъ, то какъ мыслитель и тонкій мастеръ слова. Глубина его знаній, блескъ его ума и способность отдаваться всякому предпринятому труду всѣмъ своимъ существомъ будутъ ярко блистать при разборѣ его сочиненій, изъ которыхъ послѣднее,—плодъ долгихъ думъ и сложной внутренней работы,—появилось лишь за три мѣсяца до смерти автора...

Но теперь еще не настало для этого время, и глазъ, отуманенный чувствомъ безвозвратной разлуки, не можетъ еще обнять картины дѣятельности Кавелина во всю ея ширину. Личность общественнаго дѣятеля еще заслоняется личностью дорогого человѣка въ его частной жизни, пріемахъ, привычкахъ. Въ умѣ знавшихъ его лично возстаетъ его не отвлеченный, но живой образъ. Не хочется вѣрить, что онъ умеръ, — кажется, что вотъ-вотъ въ

среду дружескаго кружка войдетъ онъ обычными большими шагами, слегка сгорбивъ широкія плечи, и заговоритъ симпатичнымъ, негромкимъ, но яснымъ голосомъ, весело и умно смотря проницательными, темными глазами, въ которыхъ горѣлъ юношескій огонь, не ослабленный 66-ю годами жизни, усѣявшей серебромъ его бороду и виски... «Однажды вечеромъ я возвращался съ Бѣлинскимъ откуда-то домой»,—разсказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 1839 годѣ — «на Арбатской площади попался намъ навстрѣчу молодой человѣкъ небольшого роста, полный, румяный, очень пріятной наружности, съ вьющимися темными волосами, въ очкахъ; на немъ былъ студенческій сюртукъ. Увидѣвъ Бѣлинскаго, студентъ бросился съ юношескимъ, неудержимымъ увлеченіемъ къ нему и съ жаромъ схватилъ его руку...» Къ концу жизни эти вьющіеся волосы порѣдѣли и посѣдѣли, долго сохранявшійся здоровый румянецъ пропалъ подъ вліяніемъ тяжелой, изнурительной болѣзни, перенесенной года три тому назадъ, но до послѣднихъ дней бодрый видъ не покидалъ Кавелина,—онъ свободно несъ бремя своихъ лѣтъ и старческая хилость не смѣла къ нему подступиться. Только руки его въ послѣдніе годы начинали сильно дрожать, особенно подъ вліяніемъ какого либо волненія. Но почеркъ его былъ твердъ до конца, разборчивъ и такъ же простъ, безъ всякихъ украшеній и завитковъ, какъ простъ и чуждъ всякой реторики былъ его изящный и образный языкъ.

Человѣкъ «сороковыхъ годовъ» по образу мыслей и идеаламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—или, лучше сказать, потому—одинъ изъ лучшихъ людей всѣхъ послѣдующихъ годовъ, Кавелинъ вынесъ изъ своей молодости пріемы общежитія и привычки, рѣдкій, къ сожалѣнію, въ наше время. Онъ не былъ блестящимъ разсказчикомъ и его умъ былъ настроенъ не на повѣствованіе, а на бесѣду. Онъ любилъ и, что рѣдко, умѣлъ спорить. Выслушивая съ неизмѣннымъ вниманіемъ противника, онъ становился съ каждымъ возраженіемъ все сильнѣй и оживленнѣй. Глаза его загорались и сверкали, какъ будто становясь больше, голосъ начиналъ вибрировать, и образы, сравненія, теоретическія положенія и быстрые, неожиданные, подъ-часъ неотразимые практическіе выводы быстро смѣняли другъ друга, озаряя на мгновеніе, какъ вспышки зарницы, ту глубину и богатство разнообразныхъ знаній, откуда они были почерпнуты. Присутствовать при его спорахъ было истиннымъ наслажденіемъ. Поучительные и интересные по содержанію, они никогда не рѣзали уха своею формою. Это были не обычные русскіе споры—шумные и безцѣльные, въ которыхъ беретъ обыкновенно верхъ развязность и умышленное нежеланіе понимать своего противника. Кавелинъ не давилъ своею богатою аргументаціею, не слѣпилъ глаза парадоксами; онъ въ живой, блестящей формѣ дѣлился своимъ богатствомъ, онъ *убѣждалъ* и всегда заключалъ споръ милою, остроумною шуткою. Бывали, впрочемъ, случаи, когда рѣчь его пріобрѣтала особую

страстность и хотя вѣжливую, но весьма большую ѣдкость; это случалось, когда при немъ затрогивали какія нибудь дорогія для него нравственныя начала или его любимыя историческія лица и событія или, наконецъ, пытались оправдывать кого либо изъ неуважаемыхъ имъ людей. Тутъ онъ закипалъ внутренно, краснѣлъ и, рѣзко сказавъ: «извините меня!»—въ немногихъ горячихъ и негодующихъ словахъ ставилъ вопросъ на надлежащую, по его мнѣнію, почву.

Кавелина упрекали иногда въ крайней *исключительности*. Упрекъ этотъ основанъ на незнаніи, на непониманіи этой многосторонней личности. Это былъ человѣкъ строгій къ себѣ, требовательный и суровый, когда дѣло шло о томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Отдавъ всю жизнь свою труду на службу развитію русскаго общества и предаваясь этой службѣ до постояннаго забвенія собственныхъ интересовъ, онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на своекорыстіе, надѣвавшее личину служенія общему благу и его нельзя было подкупить ни громкими фразами, ни искусно созданными миражами. Онъ не скрывалъ своего негодованія при видѣ различнаго рода хищниковъ, волновался при мысли о формалистическомъ бездушіи, которое мертвитъ у насъ такъ много добрыхъ и даже великихъ начинаній, и говорилъ объ этомъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Но, нападая на фарисеевъ и на «повапленные гробы», Кавелинъ никогда не становился на почву исключительности, никогда не раздѣлялъ мысленно людей на лагери, не окрашивалъ ихъ въ однообразный цвѣтъ и не распредѣлялъ, сообразно съ этимъ, свои симпатіи и антипатіи. Такая узкая исключительность была совсѣмъ чужда его широкому сердцу. Онъ никогда не сочувствовалъ стремленію прилѣплять къ людямъ разъ навсегда установленные ярлыки и по нимъ ихъ уже и оцѣнивать, не заглядывая глубже и притягивая ихъ взгляды и убѣжденія къ заранѣе установленному инвентарю. Въ каждомъ онъ прежде всего искалъ искренности и отсутствія личныхъ видовъ и радовался, когда могъ найти въ человѣкѣ, чуждомъ ему по развитію и взглядамъ, стороны, заслуживающія уваженія. Обширный кругъ его знакомыхъ никогда не былъ однообразенъ, и люди *честные*, хотя бы и противоположныхъ наблюденій, встрѣчали въ немъ не *врага*, а лишь привѣтливаго, хотя и стойкаго *противника*.

Но онъ отличался нетерпимостью по отношенію къ тѣмъ, кто прочно и по большей части безповоротно упалъ въ его глазахъ, обманувъ довѣріе, съ которымъ Кавелинъ смотрѣлъ на него или проявивъ душевную низость тамъ, гдѣ это оказалось выгоднѣе исполненія долга. Онъ, всю жизнь шедшій неуклонно и любя «куда звалъ голосъ сокровенный», не понималъ, чтобы можно было «propter vitam—vivendi perdere causas» и рѣзко выражалъ свое отчужденіе отъ людей, не утруждающихъ себя нравственными вопро-

сами ради достиженія земныхъ благъ. Ему было при этомъ все равно, къ какому изъ такъ называемыхъ лагерей принадлежатъ подобные люди по общему складу своихъ предвзятыхъ взглядовъ. Это была благородная нетерпимость,—отсутствіе способности къ сдѣлкамъ, къ приспособленію себя,—но это не была исключительность. Человѣкъ *цѣльный* въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый—«aus einem Gusz» какъ говорятъ нѣмцы,—Кавелинъ всею своей личностью являлъ настоящій *характеръ*, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было разсчитывать на какія либо уступки и уклоненія подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія, столь чуждаго дѣйствительной добротѣ. Въ немъ не было той *уравновѣшенности*, которая порою ставится почти въ заслугу современному человѣку, обезцвѣчивая и обезличивая его до крайности. Кавелинъ при серьезныхъ житейскихъ встрѣчахъ не умѣлъ «сожалѣть», «не сочувствовать», «симпатизировать», «огорчаться» и вообще довольствоваться неопредѣленными ощущеніями, неясными по своему источнику, безплодными по своему исходу. Онъ умѣлъ *любить*—горячо и широко, довѣрчиво и открыто,—но умѣлъ и *ненавидѣть*, не скрывая своего чувства, съ прямотою честнаго человѣка, сознающаго и уважающаго свою правоту. Въ его душѣ не было мѣста вялымъ, колеблющимся чувствамъ, въ ней звучалъ «категорическій императивъ»—властно и безповоротно, никогда не грозя мелочною, недостойною враждою, но и отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ, по большей части, надежду на возможность примиренія. И эта неподкупность сужденій Кавелина, эта ихъ категоричность, являвшаяся результатомъ совокупной работы высокихъ душевныхъ требованій и тонкаго, проницательнаго, аналитическаго ума, привлекала къ нему и заставляла прислушиваться къ его отзывамъ, страшиться ихъ. Это былъ нравственный судья, оправдательный приговоръ котораго дѣйствительно облегчалъ смущеннаго и сомнѣвающагося въ себѣ, а слово осужденія ложилось тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ чище былъ самъ его произносившій. Вотъ почему многіе, въ минуты какихъ либо житейскихъ усложненій, обращались мысленно къ его суду и спрашивали: «что скажетъ К. Д.?», «какъ смотритъ на это Кавелинъ?» Мысль ихъ невольно летѣла въ далекій уголокъ Васильевскаго острова, гдѣ среди самой скромной обстановки жилъ человѣкъ, одобреніе котораго поднимало и радовало, а осужденіе жгло и тяготило, проникая сквозь броню формальныхъ отличій. И въ то же время—каждое истинное горе, каждая личная скорбь находили въ немъ сочувственный откликъ. Онъ умѣлъ сказать деликатное по формѣ, но мужественное и твердое по существу своему слово одобренія, умѣлъ указать сломившемуся подъ гнетомъ *личной* скорби *общія* цѣли и задачи жизни, мягко пристыдить, утѣшить, обративъ боль-

ную мысль отъ временнаго и случайнаго къ вѣчнымъ, поднимающимъ духъ, вопросамъ.

О его личной добротѣ и разумной благотворительности едва ли нужно распространяться. Школы и крестьянскій банкъ на его «землицѣ» въ Тульской губерніи—и вѣнокъ приходскаго попечительства «другу бѣдныхъ и страждущихъ» говорятъ сами за себя...

Кавелинъ былъ *труженикъ* въ лучшемъ смыслѣ слова. Трудъ живой, неустанный, вдумчивый и энергичный былъ его стихіею, наполнялъ всю его жизнь. «Ohne Hast, ohne Rast» могло бы быть его девизомъ. Незадолго до смерти мечталъ онъ еще о переселеніи въ Царское Село, гдѣ въ тиши уединенія, вдали отъ неизбѣжныхъ тревогъ столичной жизни, хотѣлъ всецѣло отдаться работѣ надъ новымъ, большимъ философскимъ изслѣдованіемъ. Онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на обязанность предъ обществомъ, освободить отъ которой должна лишь смерть, одна могущая заставить изсякнуть источникъ мысли, знанія и «роптанья вѣчнаго души»; онъ смотрѣлъ на него какъ на утѣшеніе, какъ на друга, на примирителя... Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, тяжкій ударъ поразилъ его, отнявъ у него «delicium et decus» его существованія—его замѣчательную дочь—онъ былъ тяжко раненъ въ самое сердце на всю послѣдующую жизнь. Но онъ не опустилъ рукъ, не погрузился въ нѣмое бездѣйствіе печали, а сказалъ: я буду жить, буду работать, я весь уйду въ трудъ! И результатомъ этого рѣшенія явился рядъ работъ по гражданскому праву и «Задачи этики», посвященныя молодому поколѣнію, которое онъ предостерегаетъ отъ «губящей насъ лѣни ума».

Русскій человѣкъ до мозга костей, знатокъ быта и глубокій изслѣдователь явленій исторіи своего народа, Кавелинъ нѣжно и беззавѣтно любилъ этотъ народъ. Онъ свѣтло смотрѣлъ впередъ, не смущаясь за призваніе, за будущую роль своего отечества. Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ. «Да, я оптимистъ,—говаривалъ онъ съ тихою и увѣренною радостью во взорѣ,—я вѣрю, что какія бы уродливыя и болѣзненныя явленія ни представляло русское общество—простой русскій человѣкъ пойметъ свои задачи, разовьетъ свои богатыя духовныя силы и вынесетъ на своихъ плечахъ Россію». Онъ не отрицалъ нѣкоторыхъ темныхъ и грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія,—но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній. «Эти недостатки—недостатки молодости, не перебродившаго переходнаго положенія, наносная и поверхностная плѣсень, говаривалъ онъ,—сердцевина здорова и ея живительные соки залечатъ больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учрежденій и не заключая его въ бюрократическіе тиски... Надо вѣрить въ русскій народъ, надо его любить—безъ этого жить нельзя!»

Онъ часто доказывалъ, что о народѣ слѣдуетъ судить не по его нравамъ и привычкамъ, а по его идеаламъ, по его стремленіямъ. Онъ съ удовольствіемъ повторялъ процитированное предъ нимъ однажды изреченіе Монтескье: «Le peuple est honnète dans ses gouts, sans l'etre dans ses moeurs...»

Его называли чуждые ему люди *узкимъ западникомъ*. Но близкіе, въ дружеской бесѣдѣ, иногда въ шутку говорили ему, что онъ *отъявленный славянофилъ*. А онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ былъ самимъ собою. Если уваженіе къ западной культурѣ и къ развитому на западѣ чувству законности считать западничествомъ, то, безъ сомнѣнія, онъ заслуживалъ первый упрекъ, такъ какъ умѣлъ и желалъ, выражаясь словами Пушкина, «свободною душой законъ боготворить» и всегда былъ чуждъ китайской замкнутости и ограниченнаго національнаго самодовольства. Его идеалъ былъ Петръ Великій. О немъ онъ говорилъ съ умиленіемъ, восхищался всюду встрѣчаемыми слѣдами его въ русской культурѣ и преклонялся предъ его геніальною энергіею, основанною на вѣрѣ въ способности, въ призваніе своего народа. Онъ былъ неисчерпаемъ въ разговорахъ о Петрѣ и каждое воспоминаніе объ оригинальномъ поступкѣ или словѣ «вѣчнаго работника на тронѣ» оживляло его... «А! каковъ мой Петруханъ!» восклицалъ онъ, называя своего героя ласковымъ мужицкимъ прозвищемъ и радостно заливаясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ. «Когда на меня тяжело дѣйствуетъ какое нибудь безотрадное явленіе въ русской жизни, когда на сердцѣ становится горько и грозитъ уныніе,—говорилъ онъ,—я вспоминаю Петра—и ободряюсь, или читаю великую книгу о Христѣ—и мнѣ становится легче и спокойствіе сходитъ въ мою душу...»

Съ чуткою тревогою прислушивался онъ ко всему, что касалось Россіи въ вопросахъ экономическихъ и политическихъ, и зорко слѣдилъ за уклоненіями отъ того, что считалъ ей полезнымъ. Его дѣятельность въ различныхъ ученыхъ обществахъ, его готовность работать въ развитіе и разъясненіе мѣръ, касавшихся улучшенія народнаго благосостоянія, слишкомъ извѣстны. И въ предсмертномъ бреду его осаждали представленія общественнаго свойства, а приходя въ себя, онъ спрашивалъ: «что политика?» и возвращался къ тревожившей его мысли о выходѣ Россіи изъ англо-русскаго конфликта безъ ущерба для ея національнаго достоинства.

Какъ преподаватель, онъ имѣлъ огромное вліяніе на слушателей. Слезы, пролитыя его послѣдними учениками—людьми взрослыми и уже познавшими жизнь—на могилѣ «учителя правды и права», какъ они сами его назвали, были имъ вполнѣ заслужены... Онъ умѣлъ привязывать къ себѣ молодое поколѣніе, не льстя ему, стараясь оградить его отъ увлеченій и предостеречь отъ ложныхъ путей, но вѣря, твердо и сознательно, что въ молодежи всегда таятся хорошіе задатки. Онъ жадно ждалъ нарожденія

въ этомъ поколѣніи нравственныхъ характеровъ и радостно привѣтствовалъ всякій намекъ на этотъ поворотъ къ лучшему среди общества, которое пугало его тѣмъ приниженіемъ нравственнаго характера лица, которое онъ такъ сильно и правдиво очертилъ въ своихъ «Задачахъ психологіи», въ поучительной книгѣ, изъ каждой страницы которой сквозитъ свѣтлая личность автора... Проповѣдь *личности*, работающей въ обществѣ и для общества, но не поглощаемой имъ, — проповѣдь нравственнаго возрожденія и обращенія къ вѣчнымъ вопросамъ самопознанія отъ суетныхъ заботъ житейской прозы, «въ которой нѣтъ мѣста ни для трагедіи, ни для драмы и скоро не будетъ мѣста даже и для водевиля» — эта проповѣдь составляла постоянную цѣль всѣхъ послѣднихъ трудовъ Кавелина.

Кавелинъ—историкъ, публицистъ и общественный дѣятель нѣсколько заслоняетъ цивилиста, изслѣдователя и знатока гражданскаго права. Но почтенные, полные оригинальной мысли, труды его на этомъ поприщѣ найдутъ себѣ, безъ сомнѣнія, заслуженную и благодарную оцѣнку на страницахъ спеціальныхъ изданій. Въ послѣдніе годы онъ издалъ «Права и обязанности по имуществамъ и договорамъ». «Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія» и «Очеркъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго права». Онъ готовился выступить горячимъ борцомъ противъ того, что онъ называлъ «приказнымъ» складомъ нашихъ новыхъ судовъ, — противъ безжизненной формалистики, которая закрадывается въ нашу мировую практику... И уголовный процессъ обратилъ на себя его разностороннее вниманіе. Отбывъ тягостную сессію въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, онъ написалъ предсѣдателю суда письмо, содержащее въ себѣ много цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній о недостаткахъ нашего уголовнаго закона, вставленнаго въ чуждыя жизни, условныя рамки. Послѣднимъ трудомъ его, какъ юриста, была записка «о вотчинныхъ правахъ», представленная въ комиссію по начертанію новаго гражданскаго уложенія, оконченная за двѣ недѣли до смерти.

Эта смерть причинила невознаградимую потерю всему русскому обществу. Въ полномъ обладаніи умственныхъ и нравственныхъ силъ сошелъ въ могилу одинъ изъ его лучшихъ представителей. Онъ разстался съ жизнью въ то время, когда его вѣское слово и цѣльный характеръ еще могли бы не разъ послужить и благотворнымъ примѣромъ, и высокимъ нравственнымъ поученіемъ...Но еще большій ударъ нанесенъ его отходомъ кругу его старыхъ друзей. Этотъ осиротѣлый кругъ давно уже считаетъ однѣ утраты. Замолкла въ немъ навсегда живая рѣчь и задушевный смѣхъ Кавелина,—прекратились оживленные споры и дружескія шутливыя пререканія... У тѣхъ, кто встрѣчалъ Кавелина въ послѣдніе годы его жизни въ средѣ его друзей, никогда не изгладится въ сердцѣ симпатичный образъ старика, полнаго юношеской энергіи, свѣ-

жести мысли и молодости чувства. И въ настоящую минуту мнѣ невольно вспоминается Кавелинъ вечеромъ, въ день похоронъ Некрасова. Большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его «за каплю крови, общую съ народомъ», онъ умѣлъ такъ настроить и направить довольно многочисленный кружокъ, что весь вечеръ всецѣло былъ посвященъ усопшему — и всѣ, въ растроганномъ настроеніи, внимали, какъ Кавелинъ, съ влажными глазами и слегка дрожащимъ голосомъ, читалъ «Тишину» и «Несчастныхъ». Это были двѣ любимыя его вещи. Въ нихъ говорилось о просторѣ родной стороны, о великомъ Петрѣ... Или вспоминается одинъ споръ,—горячій споръ о любимыхъ поэтахъ—между нимъ и Тургеневымъ въ послѣдній пріѣздъ того въ Россію. Тургеневъ преклонялся предъ Пушкинымъ, какъ Кавелинъ предъ Петромъ, и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ поставленія наравнѣ съ Лермонтовымъ, котораго, въ свою очередь, чрезвычайно любилъ и ставилъ выше Кавелинъ. Давно ожиданный и отчасти даже подготовленный споръ возгорѣлся и доставилъ слушателямъ высокое, неповторяемое наслажденіе... Оба противника остались при своемъ — и разошлись усталые, взволнованные, пожавъ другъ другу руку въ послѣдній разъ...

Теперь они встрѣтились за одною общею могильною оградою, въ сыромъ и уныломъ пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, именуемомъ Волковымъ кладбищемъ. Рядомъ съ великимъ художникомъ, всю жизнь проводившимъ просвѣтительныя идеи, успокоился неустанный боецъ за эти же идеи, до конца не сложившій оружія живого слова и науки. Миръ его благородному праху! Оба они много послужили своей родинѣ,—оба горячо вѣрили въ ея свѣтлое, великое будущее... Пускай же поскорѣе наступитъ то время, когда представитель будущихъ поколѣній, придя поклониться ихъ дорогимъ могиламъ, будетъ имѣть право сказать: ваша вѣра не обманула васъ!

IV.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

(6-го февраля 1885 г.).

Нѣсколько дней тому назадъ, въ ежедневныхъ петербургскихъ газетахъ, среди траурныхъ рамокъ,—появилось объявленіе о смерти *Михаила Александровича Языкова.* Отсутствіе хотя бы нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ его памяти, служитъ лучшимъ доказательствомъ забывчивости нашей пишущей братіи и того, что если мы и обуреваемы «злобою дня», зато «вчерашняго дня», для насъ почти не существуетъ. А между тѣмъ стоитъ развернуть «Литературныя воспоминанія» Панаева—и личность Языкова, всему хорошему и живому сочувствующая, увлекающаяся и безкорыстно-добрая, личность близкаго пріятеля Бѣлинскаго и «друга дома» въ кружкѣ выдающихся писателей 40-хъ и 50-хъ годовъ—обрисуется довольно ярко.

Вся исторія русской литературы, съ начала сороковыхъ годовъ, прошла въ живыхъ образахъ ея лучшихъ представителей предъ глазами М. А. Языкова; въ личной жизни многихъ изъ нихъ онъ игралъ разнообразную, но всегда симпатичную роль—и воспоминанія о знаменитомъ русскомъ критикѣ, о молодой редакціи «Современника», о первыхъ литературныхъ опытахъ людей съ громкими впослѣдствіи именами—сливаются съ памятью о немъ. Во-

сторженный поклонникъ таланта, услужливый другъ, практическій совѣтникъ, занимательный и остроумный разсказчикъ, безъ всякаго оттѣнка самохвальства или лицемѣрной преданности, изъ прорѣхъ которой сквозитъ иногда худо-скрытая зависть. Языковъ тѣсно слился съ интересами литературы и оставался имъ вѣренъ до конца. Описывая кружокъ людей, близкихъ къ Бѣлинскому, Панаевъ говоритъ: «Бѣлинскій высоко цѣнилъ въ Языковѣ кроткость его характера, нѣжность сердца, безконечную преданность друзьямъ и отсутствіе эгоизма, доходившее до пренебреженія собственныхъ выгодъ».

Но современники Языкова почти всѣ сошли въ землю, новое поколѣніе не заглядываетъ въ анналы интимной жизни русской литературы, — и лишь небольшая группа людей пришла проводить симпатичнаго и отзывчиваго старца на мѣсто вѣчнаго упокоенія, да въ разныхъ уголкахъ Россіи, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ покойный, быть можетъ не одинъ человѣкъ имъ поставленный на ноги и на дорогу пролилъ о немъ искреннія слезы. Онъ былъ человѣкъ добрый въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Доброта его была не тѣмъ апатическимъ недѣланіемъ зла и сентиментальничаньемъ, которымъ даютъ у насъ неправильно кличку доброты,—нѣтъ это была любовь дѣятельная, тревожная, приходившая на помощь, въ формахъ деликатной настойчивости, вездѣ гдѣ только было возможно,—искавшая поводовъ придти на помощь и умѣвшая ее оказывать широко, послѣдовательно и разумно. Сколькимъ падавшимъ духомъ, опускавшимъ руки въ борьбѣ съ нуждою, съ горькими обстоятельствами, съ собственнымъ неумѣніемъ, приходилось услышать отъ него *слово* ободренія и испытать на себѣ и *дѣло* ободренія, дѣло рукъ его! Иной уже совсѣмъ ослабѣвалъ, рискуя махнуть на все рукой и пожалуй найти утѣшеніе въ источникѣ, который регулируется вѣдомствомъ, гдѣ по волѣ судьбы, служилъ покойный послѣдніе годы своей жизни,—но приходилъ колеблющеюся походкою своихъ коротенькихъ ножекъ Языковъ, говорилъ растроганнымъ голосомъ, смотрѣлъ влажными, умными и добрыми глазами— и вмѣстѣ съ нимъ приходили помощь, обученіе, заработокъ, служба, огласка затертаго или невѣдомаго еще таланта...

И къ общественному интересу не охладѣвалъ онъ до конца. Вездѣ, гдѣ ни служилъ онъ, группировался около него кружокъ образованныхъ людей, сознательно интересующихся литературою и искусствомъ, — вездѣ хлопоталъ онъ о поддержкѣ, объ устройствѣ учрежденій, разливающихъ просвѣщеніе. Общественныя библіотеки въ Калугѣ и въ Новгородѣ ему обязаны своимъ существованіемъ. Уже въ очень преклонномъ возрастѣ занялся онъ основаніемъ и устройствомъ послѣдней изъ нихъ, и много потребовалось безкорыстныхъ и тягостныхъ хлопотъ, просьбъ, переписки и личныхъ объясненій, много затратъ и личнаго труда—прежде чѣмъ внутри старыхъ кремлевскихъ стѣнъ «господина великаго Новгорода» прію-

30*

тился домикъ съ прекрасной библіотекой, собранной по крохамъ Языковымъ и отданной имъ на общую пользу.

Дѣлу развитія русскаго искусства онъ тоже былъ не чуждъ и къ нему тоже приложилъ свою руку, организовавъ мозаическія работы въ бытность свою директоромъ Императорскаго стекляннаго завода. Дѣятельная жизнь, заботы о другихъ, служба — не дали ему, кажется, возможности написать свои воспоминанія — и это огромная потеря для исторіи литературы. Какую блестящую галлерею интереснѣйшихъ лицъ могъ бы изобразить онъ, со свойственною ему образностью языка, добродушнымъ юморомъ и остроуміемъ! Но ужъ такова судьба большинства русскихъ людей, которымъ *есть чѣмъ* подѣлиться съ публикою. Ежедневная житейская суета забираетъ ихъ въ свои лапы, — время уходитъ, — все откладывается до тѣхъ дней, когда настанетъ свобода отъ неотступнаго труда и можно будетъ отдаться прошлому... Дни эти настаютъ, — но обыкновенно, къ несчастію, слишкомъ поздно. Настали они и для М. А. Языкова. Онъ оставилъ службу, переселился съ семьею въ укромный уголокъ Петербурга — и жизнь пошла спокойно и тихо. Но также тихо подошла и смерть. Покойный перешелъ въ ея холодныя объятія почти безъ страданій, угаснувъ безъ шума и тревоги, какъ лампада, ровный, примирительный свѣтъ который потухъ какъ-то незамѣтно. Незадолго до смерти добрый старикъ сказалъ: «Жизнь моя прошла какъ облако и растаяла какъ облако». Онъ былъ, быть можетъ безсознательно, правъ. Его жизнь дѣствительно прошла какъ легкое облако, безъ грома и молній грозовой тучи, безъ ея давящей свинцовой пелены, — не застилая собою неба, въ которомъ ищетъ утѣшенія взоръ придавленнаго судьбою человѣка,—и падая на землю добрымъ, плодотворнымъ дождемъ.

V.

ГЕОРГІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МОТОВИЛОВЪ.

Рѣчь въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Окружного Суда 5-го ноября 1880 года.

Милостивые государи! 28-го октября, русское судебное вѣдомство, недавно лишившееся одного изъ своихъ достойнѣйшихъ дѣятелей въ лицѣ сенатора В. Н. Карамзина, вновь понесло тяжкую и неожиданную утрату. Въ этотъ день, въ Подольской губерніи, скончался, на 46 году отъ рожденія, сенаторъ Георгій Николаевичъ Мотовиловъ, отъ сложнаго страданія сердца и легкихъ. Онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, когда его многолѣтняя опытность, его знанія и испытанная, неизмѣнная любовь къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, дѣлали изъ него особенно дорогого для нихъ друга, потеря котораго болѣзненно отозвалась въ сердцѣ всѣхъ, кому близки лучшія надежды и лучшія воспоминанія новаго судебнаго дѣла.

Происходя изъ старинной дворянской фамиліи, владѣвшей небольшимъ имѣніемъ въ Симбирской губерніи, Мотовиловъ воспитывался сначала дома, а потомъ поступилъ въ училище Правовѣдѣнія. По окончаніи, въ 1853 году курса, онъ вступилъ на службу въ 4-й Департаментъ Сената — и въ этой практической школѣ многихъ нашихъ цивилистовъ пробылъ въ разныхъ долж-

ностяхъ, до 1858 года, когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра. Чрезъ годъ, въ 1859 г., онъ сдѣлался товарищемъ предсѣдателя 1-го Департамента С.-Петербургской Гражданской Палаты, въ 1862 году временно исправлялъ должность товарища предсѣдателя Коммерческаго Суда, а въ 1863 году по выборамъ дворянства утвержденъ предсѣдателемъ Гражданской Палаты.

Въ 1866 году, 17-го апрѣля, были открыты новыя судебныя учрежденія въ Петербургѣ и предсѣдателемъ Окружного Суда былъ назначенъ Мотовиловъ. Выборъ этотъ былъ весьма удаченъ. Во главѣ *перваго* Окружного Суда въ Россіи ставился человѣкъ полный силъ и энергіи, опытный юристъ и, главное, одинъ изъ участниковъ въ составленіи судебныхъ уставовъ, къ трудамъ по которымъ онъ нерѣдко призывался въ предшествующіе годы. Работа, которая предстояла, была трудна и по своей сложности, и по своей новизнѣ. Устройство обширнаго Окружного Суда, предназначеннаго къ отправленію правосудія на новыхъ, необычныхъ началахъ, требовало многихъ усилій и труда упорнаго. Нужно было установить главныя начала внутренней администраціи суда, устроить и регламентировать обширную кассовую часть, составить знающій и способный примѣнять правильно новые порядки служебный персоналъ и, наконецъ, дать толчекъ дѣламъ, въ разсмотрѣніе которыхъ вносилось множество новыхъ пріемовъ. Все это, главнымъ образомъ, лежало на обязанности предсѣдателя. Мотовиловъ вышелъ изъ этого труднаго положенія съ честью, заложивъ нравственный и матеріальный фундаментъ того зданія, которое было потомъ достроено его ближайшимъ преемникомъ.

Ему приходилось работать и подавать практическіе примѣры не только въ знакомой и близкой ему сферѣ гражданскаго суда, но и въ сферѣ совершенно новой для него дѣятельности по дѣламъ уголовнымъ, приходилось учиться самому. Когда открылись первыя засѣданія съ присяжными, на нихъ съ особою яркостью отразились—новость дѣла, своеобразность пріемовъ обвинительно-состязательнаго процесса и отсутствіе практически-подготовленныхъ дѣятелей. Засѣданія эти были неудачны, тянулись долго и вяло и велись безъ твердо установленнаго плана. Это производило неблагопріятное впечатленіе. Тогда Мотовиловъ, цивилистъ по спеціальности, принялъ веденіе этихъ дѣлъ на себя. Цѣлый мѣсяцъ предсѣдательствовалъ онъ съ присяжными, въ глубокомъ сознаніи того, что отъ первыхъ шаговъ суда присяжныхъ зависитъ многое въ прочности этого учрежденія и выказалъ столько умѣнія, пониманія существа новыхъ порядковъ и знанія, что поставилъ дѣло сразу на правильный путь.

Мотовиловъ оставался предсѣдателемъ суда около двухъ лѣтъ. Въ мартѣ 1868 г., онъ былъ назначенъ прокуроромъ Судебной Палаты въ Москву. По складу ума и характера, его болѣе привлекала

спокойная дѣятельность гражданскаго судьи, а привычка жить въ Петербургѣ привязывала его къ этому городу, но, несмотря на это, онъ съ особою энергію принялся за новую дѣятельность, сознавая какъ нужны были въ это время созиданія судебныхъ порядковъ, во всѣхъ отрасляхъ судебной дѣятельности стойкіе и упорные работники, добрые сердцемъ и сильные трудомъ служилые люди. Въ іюлѣ 1870 г. Мотовиловъ былъ переведенъ прокуроромъ Судебной Палаты въ Петербургъ, а въ ноябрѣ назначенъ предсѣдателемъ Департамента Судебной Палаты, гдѣ онъ могъ снова вернуться къ занятіямъ гражданскими дѣлами, въ которыя онъ всегда вносилъ непререкаемый авторитетъ глубокаго знанія. Въ мартѣ 1872 года, онъ былъ назначенъ сенаторомъ гражданскаго департамента, а съ 1878 г. членомъ соединеннаго присутствія 1-го и Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената. Высокому назначенію этого учрежденія быть высшею инстанціею для надзора за правильностью дѣйствій судебныхъ учрежденій вполнѣ соотвѣтствовало присутствіе въ немъ Г. Н. Мотовилова. Ему на практикѣ, по личному опыту и личному труду, было извѣстно положеніе нашихъ судовъ, прокуратуры и слѣдственнаго института, и, оцѣнивая ихъ дѣятельность, онъ могъ являться и являлся не примѣнителемъ закона съ формальной его стороны, а лицомъ, знакомымъ съ живыми условіями дѣятельности этихъ учрежденій, на практикѣ. Горячій сторонникъ новыхъ судебныхъ учрежденій, онъ ревниво оберегалъ ихъ прочность, и достоинство и отъ мѣръ, которыя могли бы поколебать, эту прочность и отъ людей, которые своими неправильными служебными дѣйствіями могли уронить это достоинство. Принявъ участіе въ зарожденіе новыхъ учрежденій, отдавъ на служеніе имъ много лѣтъ своей жизни, онъ, въ послѣдніе свои годы, былъ призванъ охранять эти, дорогія ему, учрежденія отъ порчи и ошибокъ и вносилъ въ эту дѣятельность ту душевную теплоту и ту стойкость взглядовъ, которые животворятъ и укрѣпляютъ всякое дѣло.

Смерть похитила его слишкомъ рано! Вѣсть о его кончинѣ была встрѣчена общимъ, неподдѣльнымъ сожалѣніемъ. Всѣ, кто зналъ о его дѣятельности, почувствовали, что однимъ благороднымъ дѣятелемъ стало меньше,—всѣ кто зналъ его лично, почувствовали, сверхъ того, что стало меньше однимъ истинно добрымъ, безупречнымъ человѣкомъ.

Потеря Мотовилова—есть наша личная потеря. Онъ принадлежалъ, до послѣднихъ дней жизни, нашему суду не менѣе, чѣмъ мѣсту своей окончательной дѣятельности. Есть люди, для которыхъ учрежденіе, съ коимъ связана ихъ дѣятельность, есть не болѣе, какъ станція на пути дальнѣйшаго служебнаго движенія. Оставлено учрежденіе—покинута эта станція—и его нерѣдко забываютъ или относятся къ нему равнодушно, какъ къ чему-то далекому и чужому... Но не всѣ таковы. Есть и такіе, для которыхъ

учрежденіе, которому отданы лучшія силы и лучшіе годы является дорогимъ и незабвеннымъ, является мѣстомъ роднымъ, съ которымъ невольно дѣлятся его радости, и его тревоги,—которое не выходитъ изъ памяти, потому что не выходитъ изъ разъ принадлежавшаго ему сердца. Образуется взаимная связь—прочная и сознательная, не разрушаемая, а укрѣпляемая временемъ. Такую связь, такое участіе мы встрѣчаемъ обыкновенно у профессоровъ и большинства слушателей, по отношенію къ мѣсту ихъ высшаго образованія, къ ихъ alma mater. Тоже должно существовать и между судьею и судомъ, которому онъ служилъ сознательно и честно.

Покойный Мотовиловъ принадлежалъ къ людямъ послѣдняго рода. Вотъ почему, въ наше холодное и равнодушное время, намъ тяжела и скорбна его утрата. Онъ никогда не разрывалъ и не ослаблялъ своей связи съ судомъ, въ который вступилъ въ трудныя и серьозныя времена. Ему приходилось имѣть дѣлъ съ «мѣхами новыми и виномъ новымъ», — приходилось не только созидать, но и создавать, вырабатывать матеріалъ. Онъ, въ дѣлѣ устройства перваго Окружного Суда въ Россіи, былъ не только строителемъ, но и чернорабочимъ. Эту трудную работу приходилось совершать еще въ обстановкѣ недоброжелательства стороны отживавшихъ формъ общественной и судебной жизни. Внѣшнія затрудненія возникали постоянно, на каждомъ шагу. Нужно было много такта, самообладанія, вѣры въ свое дѣло и любви къ своему призванію, чтобы не устрашиться осложненій и безъ того не легкой задачи, чтобы не поколебаться духомъ и не поступиться чѣмъ-нибудь существеннымъ, при первомъ приложеніи къ жизни основъ новой судебной дѣятельности.

Это было трудное время. Но это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хорошее время. Хорошее—внутри суда. Многимъ памятна та вѣра въ будущее судебныхъ учрежденій, то сознаніе высокой общественной задачи новаго суда, та любовь къ дѣлу и та строгость къ самимъ себѣ, которыми отличались первые дѣятели новыхъ учрежденій. И этотъ внутренній складъ установился въ нашемъ судѣ, на первыхъ порахъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ Мотовилова, который поддерживалъ и развивалъ его своимъ словомъ и своимъ дѣломъ, своимъ примѣромъ и своимъ горячимъ участіемъ въ новой дѣятельности.

Говорить ли объ умѣ, знаніяхъ, трудолюбіи Мотовилова? Всякій, кто зналъ его хотя немного, имѣлъ случай оцѣнить эти его свойства. Это былъ человѣкъ рѣдкаго прямодушія, имѣвшій полное право избрать девизомъ слова знаменитаго германскаго поэта: «Wahrheit gegen Feind und Freund!» Говорить ли о его добромъ, сознательно добромъ сердцѣ? Его подчасъ суровый видъ, не обманывалъ никого изъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Изъ-за него сквозили—глубокая любовь къ дѣлу и нѣжное участіе къ его работникамъ. И сколько людей, къ которымъ иногда Георгій Нико-

лаевичъ относился съ строгою требовательностью — бывало впослѣдствіи тронуто, вспоминая его участіе къ ихъ горю, къ ихъ житейскимъ скорбямъ... вспоминая широкую помощь, которую оказывалъ имъ въ тяжелыя минуты этотъ суровый по внѣшности человѣкъ.

Память о немъ не должна умереть—покуда будетъ существовать нашъ судъ. Лѣтописецъ новаго судебнаго дѣла въ Россіи, обратясь къ исторіи перваго русскаго Окружного Суда, неизбѣжно встрѣтится съ привлекательнымъ и чистымъ нравственнымъ образомъ его перваго предсѣдателя. Мы могли бы лишь помочь этому лѣтописцу, сохранивъ черты и физическаго образа Мотовилова, помѣстивъ въ комнатѣ засѣданій общаго собранія его портретъ...

VI.

ФЕДОРЪ МИХАИЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

(Рѣчь въ годовомъ собраніи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ 2-го февраля 1881 года).

Милостивые государи! Я просилъ нашего предсѣдателя разрѣшить мнѣ выйти изъ программы сегодняшняго засѣданія юридическаго общества, чтобы сказать нѣсколько словъ въ память человѣка, предъ гробомъ котораго въ эти послѣдніе дни пролито столько искреннихъ слезъ и чей прахъ былъ предметомъ такого величаваго выраженія скорби. Я не опасаюсь, что меня спросятъ: какое отношеніе можетъ имѣть *Федоръ Михайловичъ Достоевскій* къ собранію юристовъ?—и не думаю, поэтому, что слово мое будетъ сочтено неумѣстнымъ... Слово о великомъ художникѣ, который умѣлъ властно и глубоко затрогивать затаенныя и нерѣдко подолгу молчаливыя струны души—не можетъ бытѣ неумѣстнымъ въ средѣ дѣятелей, посвятившихъ себя изученію нормъ, отражающихъ на себѣ душевную потребность людей въ справедливости и исканіе наилучшаго ея осуществленія. Наше общество не должно составлять замкнутую корпорацію, чуждую всему выходящему изъ предѣловъ узкой спеціальности, — мы соединились здѣсь не съ тѣмъ, чтобы, уединившись отъ жизни и тщательно закрывъ уши на шумъ и вѣчное движеніе волнъ живой дѣйствительности, тол-

ковать лишь о нашихъ техническихъ вопросахъ. Тѣ темы, которыя мы разрабатываемъ за послѣднее время, тѣ вопросы, о которыхъ говорятъ нѣкоторые изъ насъ предъ вами, служили бы лучшимъ опроверженіемъ противоположнаго взгляда, если бы онъ могъ найти себѣ мѣсто между нами... И когда за стѣнами нашего собранія происходитъ явленіе, возбуждающее общее вниманіе и скорбь, когда послѣ обильной трудомъ и душевными тревогами жизни, закрываетъ глаза человѣкъ, подходившій къ вопросамъ, составляющимъ нашу спеціальность, со своей собственной, особой, оригинальной художественно-психологической стороны—мы имѣемъ право—нѣтъ! болѣе чѣмъ право—мы *обязаны* помянуть его и хоть въ немногихъ словахъ вспомнить, *какъ* относился онъ къ этимъ вопросамъ.

Три вопроса—неравныхъ по объему, но равносильныхъ по значенію — возникаютъ предъ человѣкомъ, который, познакомясь въ теоріи съ уголовнымъ правомъ, впервые касается на практикѣ обширной и темной области дѣйствій, называемыхъ преступленіемъ. Прежде всего является вопросъ о *живомъ содержаніи* преступленія — не какъ отвлеченнаго понятія о нарушеніи нормъ, а какъ конкретнаго, осязательнаго явленія. Теорія даетъ общія положенія, указываетъ руководящія начала, опредѣляетъ составъ каждаго преступленія, — но его сокровенное содержаніе не вмѣщается въ ея рамки. Совокупность вліяній, порождающихъ преступленіе, и та внутренняя борьба, которая должна происходить въ человѣкѣ между волею и страстью, между совѣстью и влеченіемъ, прежде чѣмъ онъ рѣшится на роковой шагъ,—ускользаютъ отъ теоріи. Она можетъ намѣтить лишь стадіи въ развитіи преступленія, указать станціи на его пути, опредѣлить самый путь—можетъ сказать: «это приготовленіе», «а это ужъ покушеніе», «а вотъ это совершеніе» — но она не въ силахъ развернуть предъ нами картину внутренней движущей силы преступленія и того сцѣпленія нравственныхъ частицъ, въ которыхъ эта сила встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе. И вопросъ о внутреннемъ содержаніи преступленія, о томъ—какимъ образомъ порочная наклонность, ложная идея, страсть—побѣдили и страхъ наказанія, и привычку подчиняться условіямъ общественнаго быта—остается открытымъ предъ юристомъ, въ помощь которому является одна теорія права. Она указываетъ ему на преступленіе, какъ на проявленіе вражды противъ общественнаго порядка, описываетъ подробно свойства и вооруженіе врага и по большей части оставляетъ его лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ жизненнымъ вопросомъ о томъ, *какъ* дошелъ этотъ врагъ до того, чтобы сдѣлаться таковымъ.

Затѣмъ выростаетъ вопросъ о *наказаніи* въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ *дѣйствительности*,—вопросъ не о той указанной въ кодексѣ *poena*, которая не можетъ быть *sine lege*, а о настоящей карѣ, обусловленной исторіею и бытомъ страны. Тео-

рія даетъ точныя указанія, какъ *должно быть* организовано наказаніе, и рисуетъ цѣлую схему карательныхъ мѣръ и учрежденій, существующихъ въ странѣ, но жизнь наполняетъ отдѣльныя клѣточки этой схемы *своимъ* содержаніемъ, и безъ знакомства съ этимъ содержаніемъ мыслящій юристъ обойтись не можетъ.

Наконецъ, когда онъ познакомится съ практическимъ осуществленіемъ теоретически изображеннаго наказанія, у него невольно рождается новый вопросъ,—важный по нравственному свойству своему, по свѣту, который бросаетъ онъ на всю уголовную дѣятельность. Человѣкъ, совершившій преступленіе, наказанъ, буйная воля внѣшнимъ образомъ сломлена и придавлена уголовною карою—но этимъ далеко не все исчерпано. Онъ не хотѣлъ подчиняться условіямъ общежитія, совершая преступленіе,—гдѣ же доказательства, что онъ захочетъ сознательно, а не насильственно, со злобою или презрѣніемъ, подчиняться и послѣдствіямъ нарушенія этихъ условій? Отрицая общественный порядокъ, онъ можетъ, въ самомъ себѣ, не признавать никакого значенія и, по возможности, вліянія за уголовною карою, налагаемою обществомъ. Какъ причина этой кары—преступленіе, было совершено вопреки требованіямъ общества, такъ и вызванный имъ результатъ внутренней работы въ душѣ виновника можетъ произойти независимо отъ этой кары, даже вопреки ей... У него, у этого виновника, можетъ оказаться *свое* наказаніе. Постановленное неумолимымъ и непрерывающимся внутреннимъ судомъ, это *свое наказаніе* можетъ явиться гораздо раньше законной кары и существовать еще долго послѣ отбытія ея. Окончаніе его, примиреніе съ собою, можетъ наступить внѣ всякой зависимости отъ срока или отъ давности. И предъ вопросомъ о томъ, какъ слагается и какъ, и въ какихъ проявленіяхъ, осуществляется это *свое* наказаніе, невольно остановится юристъ. Для него будетъ ясно, что чѣмъ болѣе гармоніи, соотвѣтствія между этими poena scripta и poena nata, тѣмъ жизненнѣе и цѣлесообразнѣе система наказаній, тѣмъ лучше исполняетъ она свою задачу—вкладывать исправительное содержаніе въ карательную форму. Для него станетъ несомнѣнною непригодность такого наказанія, между обветшалымъ существомъ котораго и внутреннимъ міромъ наказуемаго вырыта цѣлая пропасть...

Наша старая уголовная система давала недостаточные отвѣты на эти вопросы. Не въ ней можно было найти средства для ихъ, хотя бы и отдаленнаго, разрѣшенія. Эта система не умѣла или не хотѣла—или, вѣрнѣе, то и другое вмѣстѣ—изслѣдовать преступное дѣяніе не какъ внѣшній фактъ только, но и какъ *душевное проявленіе*. Живой человѣкъ, со своею индивидуальностью, былъ ей чуждъ. Она не хотѣла его знать и всемѣрно избѣгала встрѣчи съ нимъ. Вамъ извѣстенъ, милостивые государи, нашъ старый уголовный порядокъ. Не довѣряя судьѣ, связывая его цѣлою сѣтью формальныхъ предписаній о предустановленной силѣ

доказательствъ, нашъ прежній процессъ отдавалъ важнѣйшее изслѣдованіе дѣла, ту его часть, гдѣ и онъ не могъ обойтись безъ живого человѣка, въ руки людей мало развитыхъ, одностороннихъ, узкихъ и подчасъ грубыхъ. Затѣмъ—и только затѣмъ—являлся на сцену элементъ судебный. Но въ какомъ стѣсненномъ, ограниченномъ видѣ! Устраняя судью, по возможности, отъ самодѣятельности, нашъ процессъ рекомендовалъ ему имѣть дѣло преимущественно съ грубыми фактами, съ наглядностью—съ *доказательствами*—и, косясь на *улики*, указывалъ на собственное сознаніе какъ на «лучшее доказательство всего міра». Во всемъ ходѣ судьбища, во всемъ механическомъ измѣриваніи и взвѣшиваніи вины—живой человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, стоялъ на заднемъ планѣ и былъ лишь *нумеромъ* дѣла. Онъ всплывалъ наружу, въ самомъ концѣ, не для того, чтобы защищаться, чтобы проявить свою живую, конкретную личность, а лишь для подписки подъ постановленнымъ уже приговоромъ. Онъ былъ чѣмъ-то отвлеченнымъ, неимѣющимъ плоти и крови.

Этому *отвлеченному* подсудимому соотвѣтствовало и *отвлеченное* наказаніе. Ибо что́ знали мы о главнѣйшемъ нашемъ наказаніи—Сибири, кромѣ того, что изображено въ XIV и XV томахъ свода законовъ и въ учебникахъ? Долгое время, для большинства русскихъ юристовъ, Сибирь представлялась чѣмъ-то въ родѣ «погибельнаго» Кавказа для нашего простолюдина. Предъ ихъ умственнымъ взоромъ не возникало никакихъ реальныхъ представленій о томъ, какъ именно живется тамъ, въ насильственномъ сообществѣ, среди суровыхъ условій и суровой природы; жизнь каторжника, поселенца за Ураломъ, была почти невѣдома и не давала о себѣ знать ни яркими картинами, ни скорбными звуками. И эти люди, и учрежденія, ихъ вмѣстившія и ими управлявшія, ускользали отъ практическаго изученія. Рудники Сибири, точно исполняя завѣтъ Пушкина, «хранили гордое молчанье»...

Необходимо было обновленіе. Въ одной сферѣ—въ судѣ, оно и свершилось вполнѣ. Въ другой—въ наказаніи и его организаціи въ тюрьмѣ и ссылкѣ—оно начинаетъ свершаться. Но для плодотворности этого обновленія необходимъ былъ отвѣтъ на указанные мною вопросы, отвѣтъ, почерпнутый изъ жизни, данный опытомъ, явившійся плодомъ глубокой думы и истекавшій изъ неменѣе глубокаго сердца...

Судьба благоволила къ нашему развитію въ этомъ отношеніи. Она нашла человѣка, который сумѣлъ дать именно такой отвѣтъ,—она дала намъ *Федора Михайловича Достоевскаго*. Кто изъ образованныхъ русскихъ людей не знакомъ съ капитальными произведеніями его: «*Записки изъ мертваго дома*» и «*Преступленіе и наказаніе*»? Кто не почувствовалъ на себѣ вліянія этихъ страницъ, которыя однѣ, сами по себѣ, давали бы своему автору право на мѣсто въ русскомъ вестминстерскомъ аббатствѣ—если бы

мы умѣли его устроить для людей, составляющихъ нашу гордость...

Вамъ памятны, безъ сомнѣнія, всѣ подробности «Преступленія и наказанія»—этой трогательной эпопеи, гдѣ художникъ ведетъ читателя по ступенямъ всякаго рода «паденій», и заставивъ его перестрадать ихъ въ душѣ, миритъ его, въ концѣ концовъ, съ падшими, въ которыхъ, сквозь преходящую оболочку порочнаго, преступнаго человѣка, сквозятъ нарисованныя съ любовью и горячею вѣрою вѣчныя черты несчастнаго «брата». Созданные имъ въ этомъ романѣ образы не умрутъ, по художественной силѣ своей. Они не умрутъ и какъ примѣръ благороднаго, высокаго умѣнья находить «душу живу» подъ самой грубой, мрачной, обезображенной формой—и, раскрывъ ее, съ состраданіемъ и трепетомъ, показывать въ ней то тихо тлѣющую, то ярко горящую примирительнымъ свѣтомъ—искру Божію...

Но я хочу указать на другую сторону этого произведенія, придающую ему въ нашихъ глазахъ еще особую цѣну. Въ немъ затронуты всѣ или почти всѣ вопросы уголовнаго изслѣдованія. И какъ вдумчиво и всесторонне затронуты! Вы имѣете въ немъ полную картину *внутренняго развитія преступленія*, сложнаго по замыслу, страшнаго по выполненію,—отъ самаго зарожденія мысли о немъ до пролитія крови, которымъ заключился ея роковой ростъ. Картина написана незабываемыми чертами и съ самымъ широкимъ взглядомъ на предстоящую задачу. Вездѣ, въ этой картинѣ, *мысль* о преступленіи, какъ зерно, тѣсно связана съ *почвою*, на которую падаетъ. Она не развивается сама изъ себя, путемъ логическаго процесса,—она вездѣ находитъ приготовленную жизнью почву, которая воспринимаетъ и возращаетъ ее. Эта жизненная связь проходитъ чрезъ весь романъ и придаетъ ему такую поразительную правдивость. Можно прослѣдить, какъ начинаетъ замирать и ослабѣвать мысль о преступленіи—и какъ, получивъ новый толчокъ, новое питаніе въ житейской обстановкѣ, она возрождается съ еще бо́льшею силою и стремительностью.

Задавленный бѣдностью, оскорбленный и раздраженный неудачами, болѣзненно чуткій, нѣжный и впечатлительный студентъ Раскольниковъ видитъ какъ все болѣе и болѣе сжимается кругъ тѣснящей его нужды, за предѣлами котораго тщетно выбивается изъ силъ скорбная фигура его любящей матери. Молодыя силы напрасно ищутъ исхода. Почти неизбѣжный въ страдающей душѣ затеряннаго въ огромномъ и чуждомъ городѣ человѣка, вопросъ о правѣ сытыхъ, спокойныхъ, способныхъ жить только для себя, безплодно и бездушно,—возникаетъ у Раскольникова. Случайно подслушанный разговоръ о злобной закладчицѣ, сидящей «сторожевою тѣнью» на сундукахъ, гдѣ безполезно лежатъ средства для развитія однихъ, для спасенія отъ гибели другихъ—порождаетъ мысль о правѣ этой «вши» на существованіе. И тутъ въ первый

разъ, какъ змѣйка, мелькаетъ мысль объ отнятіи этого права. Она еще неопредѣленна, — еще она не коснулась практическихъ вопросовъ, еще *какъ* и *какимъ образомъ* не существуютъ,—но она упала на подготовленную голодомъ, нуждою, уныніемъ почву. Это зерно не склюютъ придорожныя щебетуньи, а мрачныя птицы отчаянія, летающія надъ душою Раскольникова, для зерна этого не опасны. Въ долгіе дни сумрачной думы больная фантазія рисуетъ мало-по-малу картины практическаго осуществленія; въ обдумываніи его, безъ всякой вѣры въ его серьезность и возможность, но и безъ освѣжающихъ умъ картинъ, проходитъ время. И вотъ «проба» — и вдругъ встаетъ съ ясностью эта возможность, осуществимость предпріятія. Будущая *удобная* обстановка съ назойливою очевидностью бросается въ глаза. Зерно всходитъ на поверхность молодымъ побѣгомъ. Змѣйка, свившая себѣ гнѣздо въ душѣ Раскольникова, приходитъ въ движеніе. Вы знаете, какъ она будетъ расти, и скользить, и извиваться въ борьбѣ съ добрыми порывами и свѣтлыми мыслями. У ней есть точка опоры: — то, что *предполагалось*, оказалось *возможнымъ*. Но возможность эта такъ отвратительна, что все, кажется, можетъ кончиться презрительнымъ смѣхомъ надъ собою и омерзѣніемъ при мысли «на какую гадость способно, однако, *мое* сердце!» Нѣтъ! этимъ не кончится... Жизнь иногда не знаетъ пощады — и противъ измученной души Раскольникова, послѣдовательно, одинъ за другимъ, пойдутъ безсознательнымъ, но побѣдоносным походомъ—и кающійся пьяница Мармеладовъ, и «худенькая, блѣдненькая, съ кроткимъ голоскомъ» Соня, продавшая себя чужимъ дѣтямъ и «мачихѣ, злой и чахоточной», и сама эта глубоко несчастная мачиха «съ красными пятнами на щекахъ», и голодныя дѣти, и весь ужасъ безвыходнаго страданія и ежечасныхъ толчковъ нищеты. А затѣмъ, среди вихря скорбныхъ и озлобленныхъ думъ, раздастся одна, все покрывающая нота, звучащая изъ смоченнаго слезами Раскольникова письма его матери. Она подавитъ все—и, вызывая въ немъ горькое сопоставленіе Сони, которая «чистоту наблюдать должна», съ сестрою, выходящею за «*кажется* добраго» человѣка—вновь, съ ужасающею силою, заставитъ вырасти мысль объ убійствѣ. То, что было *мечта* вчера, что казалось *возможнымъ* сегодня утромъ—созрѣетъ въ *необходимое* къ вечеру. Не обойдется однако безъ послѣдней борьбы. Волнуемое негодованіемъ, подавленное мыслью объ убійствѣ, сердце не въ силахъ бороться съ умомъ, болѣзненно бодрствующимъ и ревниво оберегающимъ свою мечту, готовую перейти въ дѣйствительность. Но когда сонъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ усталую голову Раскольникова, на сырой землѣ Александровскаго парка, со дна души его поднимаются видѣнія — и вся звѣрская, дикая сторона убійства встаетъ съ ужасающею правдою въ образахъ, связанныхъ съ чистѣйшими воспоминаніями дѣтства... Смерть несчастной савраски, не шедшей

«вскачь», — послѣдній протестъ здоровыхъ началъ въ душѣ Раскольникова — протестъ потрясающе-краснорѣчивый, но безплодный, ибо мысль объ убійствѣ уже созрѣла вполнѣ и всецѣло завладѣла имъ. Нуженъ лишь толчокъ — пустой, слабый, но имѣющій непосредственную связь съ этою мыслью — и все окрѣпнетъ, и рѣшимость поведетъ Раскольникова «не своими ногами» на убійство... Такъ, поставленный подъ ночное тропическое небо, сосудъ съ водою, утратившею свой лучистый теплородъ, ждетъ лишь толчка, чтобы находящаяся въ немъ влага мгновенно отвердѣла и обратилась въ ледъ. — «Семой часъ давно!» кричитъ кто-то на дворѣ, т. е. часъ, когда закладчица дома одна, — и этотъ толчокъ данъ, и предъ нами потрясающая картина двухъ преступленій. Одно — задумано и обдумано заранѣе и приведено въ исполненіе съ рѣдкою послѣдовательностью; другое — неожиданное, роковое, внезапное...

Нужно ли говорить о реализмѣ этихъ картинъ, — подавляющемъ реализмѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, когда извѣстные громкіе процессы Данилова и Ландсберга придали этимъ картинамъ и подробностямъ характеръ какого-то мрачнаго и чуткаго предсказанія? Нужно ли говорить о художественномъ и тонкомъ изображеніи рядомъ двухъ видовъ убійства — предумышленнаго и умышленнаго, — столь близкихъ по формѣ, столь различныхъ по внутренней структурѣ, по происхожденію?! Но позвольте обратить ваше вниманіе на то, что *такое* ясное, безспорное, рельефное разграниченіе этихъ видовъ явилось подъ перомъ Достоевскаго за *пять* лѣтъ до того, какъ оно нашло себѣ, наконецъ, законное выраженіе въ вышедшемъ на время изъ своей летаргіи уложеніи о наказаніяхъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ Раскольниковѣ изображенъ исключительный, рѣдкій случай, — что нищета, оскорбленная гордость, ожесточеніе, выработавшія въ немъ странную и больную теорію, положившія ее въ основаніе преступленія, гораздо рѣже толкаютъ на этотъ путь, чѣмъ страсть. Пусть изобразятъ человѣка въ болѣе хорошихъ условіяхъ жизни, пусть изобразятъ сытаго и хладнаго сердцемъ и укажутъ, какъ закрадывается къ нему страсть и ведетъ его на преступленіе... Достоевскій отвѣтилъ и на такое требованіе. Онъ создалъ, рядомъ съ ложно направленнымъ умомъ и «бунтующимъ» сердцемъ Раскольникова, мрачную, чувственную, возбуждающую болѣзненное любопытство фигуру Свидригайлова, сытаго и обезпеченнаго человѣка, подъ внѣшнимъ спокойствіемъ и порядочностью котораго бьется снѣдающая страсть физическаго обладанія, готовая на все, чтобы только вырваться на свободу... Утонченный развратникъ, убійца «купившей» его жены и въ свою очередь собирающійся «купить» себѣ у разслабленнаго отца и «разсудительной мамаши» «неразвернувшійся бутончикъ» — Свидригайловъ представляетъ такую полную картину наростанія страсти

къ Дунечкѣ, что сердце невольно замираетъ и ждетъ,—сжившись съ героями романа, какъ съ живыми лицами,—чего-то недобраго, когда онъ ведетъ къ себѣ чистую въ своемъ гордомъ довѣріи дѣвушку. И трудно себѣ представить болѣе глубокое, болѣе поразительное изображеніе борьбы страсти съ остаткомъ, со слабымъ свѣтомъ чести, который неожиданно и въ послѣдній разъ вспыхиваетъ въ немъ, когда онъ отпускаетъ Дунечку изъ глухой засады, послѣ того какъ она истощила всѣ средства защиты... Какую картину *необходимой обороны*, какой яркій, лихорадочно развивающійся образъ человѣка, *останавливающагося по собственной волѣ въ насильственномъ покушеніи* на цѣломудріе дѣвушки—найдетъ здѣсь юристъ! Какой анализъ этой *остановки* въ преступномъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ окрѣпшей на минуту въ неравной борьбѣ воли, которую вотъ-вотъ—если только не успѣетъ ускользнуть обреченная жертва—раздавитъ страсть, торжествуя свою животную побѣду!

Но не одно внутреннее содержаніе преступленія нашло себѣ выраженіе въ знаменитомъ романѣ. Способы изслѣдованія истины въ уголовномъ дѣлѣ, пріемы отысканія и оцѣнки фактовъ, изъ которыхъ слагается вѣрная картина, которыми освѣщается та или другая сторона,—все это затронуто Достоевскимъ съ глубокимъ пониманіемъ и прочнымъ знаніемъ. Современная уголовная практика выдвигаетъ на первый планъ *улику*, т. е. безразличный самъ по себѣ фактъ, имѣющій значеніе только по отношенію къ нему заподозрѣннаго въ преступленіи человѣка. Изученіе—внимательное и всестороннее—этого *отношенія* и составляетъ главную задачу изслѣдователя. Такимъ изслѣдователемъ является умный, тонкій, лукаво-простодушный, но добрый и благородный въ душѣ Порфирій Петровичъ. Черезъ весь романъ проходитъ его борьба съ Раскольниковымъ—и въ ней постоянно слышится отрицаніе всѣхъ устарѣлыхъ и негодныхъ сторонъ существовавшаго въ то время порядка судопроизводства. Вся она состоитъ изъ медленнаго, исполненнаго законной осторожности и недовѣрія къ первому впечатлѣнію, собиранія уликъ, которыя, слагаясь въ различныя сочетанія, то падая и разрушаясь, то пріобрѣтая неожиданную окраску, приводятъ, наконецъ, слѣдователя къ умственному итогу—убѣжденію въ виновности Раскольникова. Въ этой постоянной сложной и безпристрастной работѣ соображенія и опыта, анализа и воображенія, состоитъ и заслуга, и задача человѣка, приступающаго къ изслѣдованію преступленія. Въ ней, а не въ грубомъ выдвиганіи матеріальныхъ доказательствъ—дѣло. Что такое могутъ быть эти доказательства, какое роковое для правосудія значеніе могутъ они получить при одной лишь внѣшней оцѣнкѣ—показываетъ мастерски изображенный эпизодъ съ несчастною Сонею въ день похоронъ ея отца, когда и ея «желтый билетъ», и два свидѣтеля, и *поличное*, найденное у нея въ карманѣ, такъ несомнѣнно *до-*

казываютъ виновность этого самоотверженнаго созданія въ кражѣ. Взгляните затѣмъ на внутреннюю силу «лучшаго въ мірѣ доказательства» — собственнаго сознанія, въ заявленіи *Миколки,* настойчивомъ и повидимому *согласномъ съ обстоятельствами дѣла,*—продиктованномъ ему страхомъ предъ тѣмъ, что его, во всякомъ случаѣ «засудятъ» и особымъ психологическимъ процессомъ, возникшимъ въ душѣ жаждущей очищенія. Обратитесь къ такому спеціальному вопросу какъ принятіе *мѣръ пресѣченія*—и вы найдете въ разговорахъ Порфирія съ Раскольниковымъ о томъ почему *онъ* не убѣжитъ, глубокую, житейски-вѣрную мысль объ *индивидуализаціи* этихъ мѣръ, нашедшую себѣ затѣмъ выраженіе къ ст. 421 Устава угол. суд.

Но рисуя широкою кистью примѣненіе психологическихъ пріемовъ при изслѣдованіи преступленія, Достоевскій, устами своего слѣдователя, остерегаетъ и отъ злоупотребленія ими. Психологія «о двухъ концахъ», — это оружіе острое и опасное, для него нужна прочная рукоять, нужна «черточка», хоть «самая махонькая», хоть одна, но только такая «чтобы ужъ этакъ руками взять можно, чтобы уже вещь была, а не то, что одна эта психологія»... Драгоцѣнное правило, живучее и нужное и теперь для судебныхъ дѣятелей, чтобы напомнить имъ о фактической точкѣ опоры, неизбѣжной для того, чтобы психологическія построенія ихъ были орудіемъ правосудія, а не проявленіемъ лишь находчиваго ума, работающаго in anima vili.

Было бы лишнимъ указывать, затѣмъ, на изображеніе того внутренняго процесса своего *собственнаго* наказанія, который такъ нерѣдко, быть можетъ невидимо для окружающихъ, происходитъ въ душѣ преступника, когда къ нему приходитъ «нежданный гость, докучный собесѣдникъ, заимодавецъ жадный» — совѣсть. Всякій, кто читалъ «Преступленіе и наказаніе», выстрадалъ это изображеніе и истомился муками Раскольникова. Это наказаніе, эта пестрая игра тревогъ, надеждъ, отвращенія къ себѣ и ужаса, подымаетъ его изъ паденія. Идучи принимать внѣшнее наказаніе, онъ уже очищенъ внутреннимъ страданіемъ, и тотъ затаенный судъ, который Богъ вложилъ въ душу человѣка, уже свершилъ свое дѣло и открылъ скорбному и разбитому сердцу новые, болѣе широкіе горизонты... И внѣшнее наказаніе является желаннымъ концомъ предъ началомъ новой жизни. Этого наказанія также ищетъ дрогнувшая, но не порочная душа Раскольникова, истомленная сознаніемъ безплодности совершеннаго злодѣянія и отсутствіемъ малѣйшаго намека на нравственное удовлетвореніе, — какъ ищетъ смерти Свидригайловъ, тяготящійся пустотою и ничтожествомъ опозоренной развратомъ жизни.

Мы знаемъ, мм. гг., изъ судебнаго опыта, какимъ важнымъ элементомъ въ изученіи преступленія являются различныя типическія болѣзненныя состоянія. Больныхъ, слабыхъ и искаженныхъ

умственно—много въ жизни, много и предъ судомъ,—больше, чѣмъ это можно бы предполагать. Законъ ставитъ твердыя рамки для оцѣнки ихъ состоянія,—но юристъ не можетъ закрывать глаза на вліяніе этого состоянія какъ на пріемы изслѣдованія, такъ и на его конечные результаты. Три рода больныхъ, въ широкомъ и въ техническомъ смыслѣ слова, представляетъ намъ судебная практика; это—*больные волею, больные разсудкомъ* и больные, если можно такъ выразиться, отъ *неудовлетвореннаго духовнаго голода.* И о каждомъ изъ этихъ больныхъ сказалъ Достоевскій свое гуманное, вѣское слово, въ высоко-художественныхъ образахъ.

Къ первому типу принадлежатъ, по большей части, горькіе пьяницы, жертвы горя, топимаго въ винѣ, и отсутствія здоровыхъ удовольствій, отыскиваемыхъ въ немъ же. Предъ нами Мармеладовъ «образа звѣринаго и печати его», сознающій, что губитъ семью, что довелъ дочь до торговли собою, что отнимаетъ у нея послѣдній грошъ, нужные ей «на сію чистоту», и немогущій оторваться отъ штофа, который одновременно и будитъ, и губитъ въ немъ лучшіе порывы добраго сердца и кроткой, вѣрующей души,—губитъ нещадно, *«ибо черта его наступила»*. Мы знаемъ, какъ и послѣ какой неслышной борьбы и испытаній наступила для него роковая черта, столь часто, горестно-часто играющая роль въ уголовныхъ дѣлахъ...

Представители второго типа—*душевно больные.* Судебные уставы, въ статьяхъ 353—356 Уст. угол. суд. выдвинули на надлежащее мѣсто и поставили на должную высоту *освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемаго*, нравственно обязавъ юриста-практика изучать общія основанія науки о патологическихъ состояніяхъ души. Но едва ли найдется много научныхъ изображеній этихъ состояній, которыя могли бы затмить глубоко вѣрныя картины душевныхъ разстройствъ, самыхъ сложныхъ, самыхъ тонкихъ, разсыпанныя въ такомъ множествѣ по всѣмъ сочиненіямъ Достоевскаго. Въ особенности разработаны имъ отдѣльныя проявленія элементарныхъ разстройствъ психической сферы—преимущественно чувственныя аномаліи: галлюцинаціи и иллюзіи. Стоитъ указать на *галлюцинаціи,* на ложныя представленія у Раскольникова, когда, весь отдавшись преслѣдующимъ его видѣніямъ, онъ идетъ ночью въ квартиру убитой закладчицы,—или когда онъ, въ полузабытьи, видитъ, что бьетъ ее по головѣ, а она все наклоняется, все хохочетъ неслышно и язвительно, а на лѣстницѣ шумитъ цѣлое море голосовъ все поднимающейся, все прибывающей толпы... Стоитъ припомнить мучительныя *иллюзіи* и бредъ, и ложныя представленія Свидригайлова—въ холодной комнаткѣ грязнаго трактира въ паркѣ, когда загубленное имъ непорочное дитя то лежитъ предъ нимъ въ святой тишинѣ смерти, то вдругъ раскрываетъ ему, въ другомъ образѣ, сладострастныя объятія. Изображеніе острыхъ, рѣзкихъ, бы-

стро надвигающихся душевныхъ разстройствъ такъ же глубоко у Достоевскаго, какъ изображеніе постепеннаго развитія меланхоліи, со смѣшанною идеею преслѣдованія и величія, у Гоголя, въ его безсмертномъ «Фердинандѣ VII»... Въ обоихъ случаяхъ, провидѣніе художника и великая сила творчества создали картины, столь подтверждаемыя научными наблюденіями, что ни одинъ психіатръ не отказался бы подписать подъ ними свое имя. вмѣсто имени поэта скорбныхъ сторонъ человѣческой жизни. Достоевскій придавалъ огромное значеніе изученію болѣзненныхъ состояній души. Мысль о возможности осужденія *дѣйствительно* больного умственно человѣка тревожила и волновала его до крайности. «Дневникъ Писателя» за 1876 годъ содержитъ въ себѣ пламенныя страницы, посвященныя защитѣ Корниловой, обвинявшейся въ выкинутіи изъ окна своей маленькой падчерицы. Цѣлымъ рядомъ доводовъ о вліяніи беременности на умственное разстройство, о томъ извращенномъ процессѣ мыслей, который вызывается беременностью, онъ доказывалъ неправильность приговора и заявлялъ, что судъ и присяжные ошиблись, что Корнилова не должна, не можетъ быть наказана. Строки, которыми онъ привѣтствовалъ оправданіе ея, послѣ вторичнаго, вызваннаго кассаціею, разсмотрѣнія дѣла, дышатъ самою горячею, захватывающею радостью и справедливою гордостью человѣка, одиноко поднявшаго голосъ противъ совершившейся ошибки.

Многихъ людей объемлетъ собою третій типъ—страждущихъ духовнымъ голодомъ. Къ нему относятся всѣ, кто не находитъ отвѣта на выставляемые смущенною душою «вѣчные» вопросы, которыхъ не можетъ заглушить ни суета жизни, ни злоба дня,—всѣ, кто тщетно ждетъ наставленія и руководительства для разъясненія недремлющихъ тревогъ своихъ и сомнѣній,—всѣ, кто проситъ хлѣба и получаетъ камень... Ихъ рисовалъ Достоевскій съ особою любовью и знаніемъ,—имъ старался онъ откликнуться въ произведеніяхъ своихъ послѣднихъ годовъ. Недостатокъ времени и трудность задачи не даютъ мнѣ возможности очертить предъ вами, мм. гг., съ надлежащею полнотою глубокое значеніе представителей этого типа для вдумчиваго юриста. Но я позволю себѣ указать на тѣхъ изъ этихъ представителей,—одностороннихъ и нерѣдко дикихъ въ своихъ взглядахъ и проявленіяхъ, но живыхъ и цѣльныхъ по натурѣ,—которыхъ касался Достоевскій и съ которыми юристу-практику приходится встрѣчаться въ своей дѣятельности. Я говорю о сектантахъ. Они мелькаютъ въ «Мертвомъ домѣ», они выступаютъ въ лицѣ *Миколки* въ «Преступленіи и наказаніи». Отсутствіе живого общенія съ церковью, отсутствіе дѣятельнаго указанія на пути къ познанію, къ развитію,—вѣковѣчный трудъ и унылая, сѣрая, суровая природа—сказались и на ученіи, и на обрядахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сектантовъ. За этими обрядами, на которыхъ лежитъ нерѣдко отпечатокъ мрач-

наго отношенія къ жизни, иногда скрывается особое стремленіе — необычное и, во всякомъ случаѣ, возвышенное. Это — стремленіе «принять страданіе»... Наше уголовное законодательство не принимаетъ въ разсчетъ этого стремленія и односторонне обрушивается своими уголовными карами, своими стѣсненіями на обряды, на «оказательство», видя въ нихъ цѣль и центръ тяжести дѣятельности разныхъ сектантовъ. Но не эти обряды, а принятіе страданія, котораго ищетъ, какъ исхода, бродящая во тьмѣ и жаждущая истины душа, — вотъ что составляетъ главную внутреннюю силу этихъ сектантовъ, силу, предъ которой уголовная кара, по мнѣнію Достоевскаго, не только обращается въ ничто, но является какъ горячо ожиданная помощь на пути къ вѣчному спасенію. На эту сторону постоянно указывалъ онъ, и это стремленіе олицетворилъ въ своемъ Миколкѣ, въ которомъ просыпается жажда страданія, толкающая его на сознаніе въ убійствѣ, въ которомъ онъ неповиненъ.

Милостивые государи! Когда вы окинете умственнымъ взоромъ время перехода нашего суда отъ отжившихъ старыхъ формъ къ новымъ, — окинете его во всей широтѣ различныхъ его проявленій, — вы увидите, что на границахъ этого перехода, какъ выразитель его необходимости, какъ нравственный наставникъ, стоитъ Достоевскій... Заступникъ за униженныхъ и оскорбленныхъ, другъ падшихъ и слабыхъ — онъ выдвигаетъ ихъ впередъ, онъ является борцомъ за *живого человѣка*, котораго такъ недоставало старому судебному порядку и котораго онъ намъ *такъ* изобразилъ во всѣхъ его душевныхъ движеніяхъ, подлежавшихъ изученію подготовлявшагося тогда новаго суда. И въ этомъ его великая заслуга предъ русскимъ судебнымъ дѣломъ, предъ русскими юристами!

Таковъ Достоевскій, какъ художникъ и мыслитель, относительно *преступленія*. Еще больше, быть можетъ, его заслуга по отношенію къ *наказанію*. Онъ первый познакомилъ насъ съ русскою каторгою, съ *дѣйствительною* Сибирью и напомнилъ живымъ, пробуждающимъ мысль, берущимъ за сердце содержаніемъ клѣточки карательной схемы, которую чертила намъ теорія. Онъ повелъ читателя въ гробницу живыхъ людей, скученныхъ вмѣстѣ, но страдающихъ одиноко и разно, и на вратахъ ея написалъ свое lasciate ogni speranza — «человѣкъ есть существо ко *всему* привыкающее». Онъ показалъ это *все* безъ злобы, безъ ироніи, безъ идеализаціи и преувеличенія. Живою картиною встаютъ подъ его перомъ стѣны каторжнаго острога, а въ этихъ стѣнахъ каторжные порядки, а въ порядкахъ этихъ сдавленные, приниженные, надломленные люди. Надломленные — да! но не *обезличенные*. У каждаго сохранена и подмѣчена его личность, въ каждомъ указаны характеристическія черты и общія человѣческія чувства, пробивающіяся сквозь арестантскій зипунъ. Не сѣрой

массою, надъ которою безучастно и точно продѣлываются карательныя предписанія, а живымъ организмомъ, съ тревогами и радостями, ненавистью и надеждами, съ разнообразными личными оттѣнками, является населеніе «Мертваго Дома». Представители его длинною вереницею проходятъ предъ нами. Тутъ и настоящіе, мрачно молодечествующіе злодѣи, бредящіе по ночамъ о крови и о ножахъ, и незлобивые, простые люди, и угрюмые изувѣры, и молчаливо страдающіе поляки, и дѣтски довѣрчивые Аллей и Нурра—эти горные орлы, тоскующіе по своимъ роднымъ вершинамъ,—и всѣ они согрѣты любовью автора, всѣ облечены въ плоть и кровь, на всѣхъ брошенъ лучъ примиренія, всѣмъ сказано слово искренняго, христіанскаго участія. Вся жизнь каторжной тюрьмы постепенно развертывается предъ нами, и новый міръ, ужасный извнѣ, оригинальный изнутри, любопытный въ началѣ, трогательный въ концѣ, возникаетъ въ освѣщеніи трезвой правды. Арестантскія ссоры и похвальбы, работы и отдыхъ, арестантская поэзія и театръ,—все, до каторжныхъ животныхъ включительно, встаетъ какъ живое.

Посмотрите, сколько среди этого разбросано глубокихъ мыслей объ организаціи наказанія, о его вліяніи. Достоевскій, въ самомъ началѣ, становится на новую точку зрѣнія, глубоко психологическую, относительно пребыванія въ общей тюрьмѣ, со всѣми. Не необходимость жить съ людьми другого развитія и быта страшитъ его при вступленіи въ мертвый домъ,—нѣтъ, онъ сумѣетъ найти въ своей душѣ общія съ ними точки соприкосновенія для мирнаго сожительства, — но страшна мысль, что никогда, никогда не придется быть *одному!* Въ этомъ принудительномъ сообществѣ заключается, по его опыту, особая тяжесть тюрьмы, и къ этой мысли онъ не разъ возвращается, доказывая, что у человѣка никогда не слѣдуетъ отнимать возможности быть хоть нѣкоторое время одному, — что ему это также необходимо, какъ необходимо для каждаго человѣка — будь то Мармеладовъ или Карамазовскій капитанъ съ «мочалкою» — имѣть хоть одно такое мѣсто «куда можно пойти», хоть одно существо, которое и «его рода человѣка любить». — Но онъ вовсе не склоняется къ другой крайности, къ столь сильному въ послѣднее время увлеченію одиночною системою заключенія. Эта система полна, по его мнѣнію, ложныхъ и обманчивыхъ достоинствъ. «Она высасываетъ сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее—и потомъ, нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго, представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія...» Пусть тюрьма не усугубляетъ наказанія человѣка, отнимая у него возможность *уединенія*, но пусть она и не разрушаетъ его нравственно и физически, навязывая ему *одиночество*. Таковъ выводъ, который невольно вытекаетъ изъ взглядовъ Достоевскаго на внутреннюю организацію тюрьмы. «Нельзя живого человѣка сдѣлать

трупомъ», восклицаетъ онъ — и постоянно, настойчиво, не словами только, а цѣлыми образами протестуетъ противъ ненужнаго униженія, противъ обезличенія арестанта, рисуя во многихъ мѣстахъ яркія картины вспышекъ придавленной личности, не могущей не заявлять о своихъ человѣческихъ, неотнятыхъ наказаніемъ правахъ. Говоритъ ли онъ о необходимости индивидуализировать наказаніе, чтобы избѣжать его жестокой неравновѣрности, — указываетъ ли онъ на тягость каторжныхъ работъ, состоящую не въ ихъ трудности, а въ ихъ безплодности въ глазахъ арестанта, оскорбляющей его и отнимающей у него энергію, — высказываетъ ли предположеніе, что совершенная *безсмысленность* принудительной работы могла бы вызвать рядъ самоубійствъ, — дѣлаетъ ли увлекательный очеркъ вліянія первыхъ признаковъ весны на зарожденіе у каторжныхъ тоски по «волѣ» и мысли о побѣгѣ, во всемъ звучитъ гуманный призывъ видѣть въ обитателѣ мертваго дома прежде всего живую личность и уважать ея человѣческое достоинство, ни въ комъ совершенно не заглохшее. Въ этомъ призывѣ—величайшее достоинство «Записокъ изъ мертваго дома»!

Но Достоевскій не остановился на аналитическомъ изображеніи каторги. Есть наказаніе выше—и споры о немъ, о его цѣлесообразности и справедливости давно уже раздѣляютъ юристовъ и политиковъ на два неравныхъ лагеря. Это вѣчный вопросъ—eine ewige Frage уголовнаго права—смертная казнь. И по отношенію къ ней Достоевскій высказался прямо и безповоротно. Нельзя не прислушаться къ тому, что скажетъ объ отнятіи жизни у отдѣльнаго лица цѣлымъ обществомъ писатель, который такъ умѣлъ описать весь ужасъ, все безчеловѣчіе убійства, какъ преступленія. Въ горячихъ словахъ своего «Идіота» онъ строго осудилъ смертную казнь, какъ нѣчто еще болѣе жестокое, чѣмъ преступленіе. Какъ бы продолжая потрясающій разсказъ Виктора Гюго о послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти, обрывающійся въ виду эшафота, — Достоевскій пошелъ съ преступникомъ на этотъ эшафотъ и описалъ, въ негодующихъ выраженіяхъ, ту «четверть секунды», когда «склизнетъ надъ головою ножъ...» Это описаніе, чрезвычайно сильное въ своей краткости, эта защита «надежды» въ человѣкѣ—не могутъ не укрѣплять противника, не могутъ не заставить еще разъ строго провѣрить свои взгляды серьезнаго защитника смертной казни. И въ этомъ новая заслуга мыслителя-художника.

Мнѣ хочется сказать еще объ одной особенности Достоевскаго. Онъ былъ вѣчный заступникъ, вѣчный защитникъ слабыхъ. Онъ отдалъ поэтому свое сердце, со всѣми звуками и слезами, которые таились въ немъ,—дѣтямъ. На страницахъ его сочиненій всегда звучитъ призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, приходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни. Эта черта его, общая съ великимъ англійскимъ романистомъ, съ Диккенсомъ, всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія.

Только художникъ съ нѣжно-любящею, отзывчивою душою могъ такъ просто, правдиво и задушевно описать, какъ «входитъ горькая правда жизни» въ ребенка, какъ негодуетъ, страдаетъ и плачетъ сердце его при несправедливости или жестокости. Онъ безгранично любилъ дѣтей и старался своимъ словомъ и нерѣдко дѣломъ ограждать ихъ и отъ насилія, и отъ дурного примѣра. «Дневникъ Писателя» переполненъ самыми сердечными страницами о дѣтяхъ. Но съ дѣтьми — для юриста связанъ, помимо святой задачи ихъ защиты отъ насилія и нравственной порчи, еще одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ тюрьмовѣдѣнія — вопросъ о примѣненіи къ нимъ уголовной кары. Для уясненія, для правильной постановки этого вопроса, Достоевскій сдѣлалъ немало, и всякій, кто захочетъ вдумчиво подвергать дѣтей карательному исправленію, не разъ долженъ будетъ искать совѣта, разъясненія, поученія на страницахъ, написанныхъ ихъ усопшимъ другомъ и заступникомъ. Онъ зналъ ихъ. Они вѣрили ему, шли къ нему съ любовью, слушали его съ серьезнымъ, искреннимъ вниманіемъ. Надо было видѣть его, окруженнаго дѣтьми, — какъ видѣлъ его я, — въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и въ камерахъ Литовскаго замка, — слышать его безыскусственный разговоръ безъ чуждо-звучащаго для дѣтей «вы», и ихъ горячія просьбы «поговорить еще» или «пріѣхать опять», чтобы понять, какая сила внутренняго сродства съ душою «малыхъ сихъ» жила въ его многолюбящей душѣ... Не въ тюремной дисциплинѣ, не въ правильно организованномъ трудѣ даже, видѣлъ онъ *главное* средство исправленія малолѣтнихъ преступниковъ. «Эти дѣтскія души видѣли мрачныя картины и привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ, — говорилъ онъ, — эти картины и впечатлѣнія останутся при нихъ навѣки и будутъ сниться имъ всю жизнь въ страшныхъ снахъ. Съ *этими ужасными впечатлѣніями* надобно войти въ борьбу исправителямъ и воспитателямъ дѣтей, искоренить ихъ и насадить новыя...» Таковъ его завѣтъ. Онъ труденъ, онъ не укладывается въ ординарныя рамки — но вѣдь и цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, не ординарна по своей высотѣ.

Милостивые государи! Далеко не все успѣлъ я сказать вамъ о Достоевскомъ, желая помянуть благодарнымъ словомъ его память. Но и сказаннаго, мнѣ думается, достаточно...

На широкомъ поприщѣ творческой дѣятельности онъ дѣлалъ то же, къ чему стремимся мы въ нашей узкой, спеціальной сферѣ. Онъ стоялъ всегда за нарушенное, за попранное право, ибо стоялъ за личность человѣка, за его достоинство, которыя находятъ себѣ выраженіе въ этомъ правѣ. Изъ явленій матеріальной и духовной жизни, проходящихъ предъ нашими глазами отрывками, представляющихъ какъ бы кусочки мозаики, — онъ, силою своего великаго таланта, создалъ цѣлую картину, скрѣпивъ ея части одною внутреннею связью. На вратахъ дорогого намъ зданія, назы-

ваемаго судебными уставами, написаны слова, которыя никогда не утратять своего глубокаго смысла. Ими должна опредѣляться наша дѣятельность. Но не онъ ли, такъ жадно искалъ *правды*, всю свою жизнь и такъ ревностно служилъ ей?.. Не у него ли, чрезъ все, что творилъ онъ, какъ красная нить, политая слезами, проходитъ идея о *милости*, призывъ къ снисхожденію, къ пониманію падшихъ и несчастныхъ?.. Изъ тяжелыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Сибири онъ вынесъ любящее и прощающее сердце и озарилъ свѣтомъ, исходящимъ изъ него, «темныя пропасти земли». Почтимъ же память того, кто старался освѣтить намъ вѣрный путь и въ темной сферѣ уголовнаго изслѣдованія, — гдѣ, по невѣдѣнію, такъ легко отойти въ сторону отъ правды и, по невниманію, не увидать иногда основанія для милости! Почтимъ память того, кто высоко держалъ предъ нами свой свѣточъ и, указывая, гдѣ правда и какъ находить ее, настойчиво указывалъ на необходимость милости!

VII.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВНИНЪ.

4-го ноября 1886 г.

Съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ ряды оставшихся въ живыхъ дѣятелей прошедшаго царствованія. И эпоха и ея представители отходятъ въ область исторіи. Изъ ея нѣдръ, со временемъ предстанутъ они предъ просвѣтленными очами потомства, свободные отъ ложныхъ красокъ, которыя накладывали на нихъ близорукіе или недоброжелательные современники.

Сегодня, въ пятомъ часу дня, объятія вѣчнаго покоя раскрылись предъ однимъ изъ такихъ дѣятелей. Отслуживъ многолѣтнюю, въ свое время очень тревожную и исполненную неустаннаго труда, службу государству, опочилъ, пораженный параличемъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, почетный членъ Акедеміи Наукъ, статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, *Александръ Васильевичъ Головнинъ*.

Близкій сотрудникъ великаго князя Константина Николаевича и дѣятелей освобожденія крестьянъ, призванный управлять Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ трудную и смутную эпоху университетскихъ броженій, Головнинъ былъ творцомъ университетскаго устава 1863 года и широкою рукою старался водворить у насъ пріемы и способы западнаго просвѣщенія, для чего въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ организовалъ отправку заграницу молодыхъ ученыхъ, поставивъ главою надъ ними Н. И. Пи-

рогова. Опытъ двадцати лѣтъ показалъ нѣкоторыя слабыя стороны этого устава, — не всѣ безъ исключенія отправленные заграницу оправдали возложенныя на нихъ ожиданія,—но едва ли кто-нибудь рѣшится отрицать въ дѣйствіяхъ покойнаго искреннее желаніе добра и успѣховъ русскому просвѣщенію, какъ никто, конечно, изъ знавшихъ его не откажется отдать справедливости тому живому, серьезному и неустанному интересу, съ которымъ онъ относился ко всему, что касалось горячо имъ любимой Россіи,—до самыхъ послѣднихъ дней своихъ...

Теперь, у его отверстой могилы, еще не время разбирать его государственную дѣятельность, но будущій историкъ, быть можетъ, подмѣтитъ, что знаменитое литературное дѣленіе на западниковъ и славянофиловъ незамѣтно проникло и въ среду нашихъ государственныхъ дѣятелей послѣднихъ тридцати-сорока лѣтъ—и что между западниками этого рода покойный былъ однимъ изъ самыхъ цѣльныхъ и искреннихъ. Но личныя качества его подлежатъ суду уже теперь и онъ имъ не страшенъ. Несомнѣнно, что у всякаго, кто встрѣчался съ Головнинымъ, при извѣстіи о его смерти, наряду съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія возникнетъ воспоминаніе объ аккуратномъ, очень сутуловатомъ старичкѣ небольшого роста, который умѣлъ соединять утонченную, чрезвычайно рѣдкую и даже вовсе забытую въ наше время вѣжливость съ твердостью взглядовъ и математическою точностью выраженій. Старый лицеистъ начала сороковыхъ годовъ предстанетъ предъ нимъ со своими привѣтливыми пріемами свѣтскаго человѣка, сквозь которые всегда проглядывали и рѣдкое, по своей многосторонней солидности, образованіе,—и глубина взглядовъ, дававшая чувствовать біеніе теплаго сердца, не умѣвшаго старѣть и успокоиваться въ сознаніи своего личнаго довольства и почета...

VIII.

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ ШУМАХЕРЪ.

1 января 1898 г.

Въ ночь на 1-е января смерть смѣстила съ своего поста одного изъ благороднѣйшихъ трудолюбцевъ, еще остававшихся отъ преобразовательнаго царствованія Александра II. Скончался *Александръ Даниловичъ Шумахеръ*, старшій изъ сенаторовъ I департамента, на 78 году жизни. Неустанный и настойчивый труженикъ, вѣрный своему долгу и упованіямъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, онъ принадлежалъ къ тѣмъ — все рѣже встрѣчающимся — людямъ, которые смотрятъ на смыслъ и задачу своей дѣятельности, какъ на исключительное служеніе благу родины, отдавая ей всѣ свои силы, безъ отдыха и срока, пока усталыя и даже изнуренныя жизнью очи не закроются на вѣчный покой.

Воспитанникъ Московскаго университета, онъ вступилъ на службу въ 1841 году. Въ общихъ чертахъ эта служба не была разнообразна: 38 лѣтъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, преимущественно въ хозяйственномъ департаментѣ, и 19 лѣтъ въ Сенатѣ. Но внутреннее ея содержаніе богато и плодотворно. Когда Шумахеръ вступилъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ, — не только не было помину о земской жизни, но и городское управленіе представляло изъ себя жалкую картину безсвязныхъ исполнительныхъ дѣйствій, безъ системы и ясно сознанной цѣли, сжа-

тыхъ узкими канцелярскими правилами и придавленныхъ бюрократическою ферулою. Сознаваемая правительствомъ безжизненность организацiи городского управленiя не могла улучшиться ни отъ частичныхъ мѣстныхъ мѣръ, ни отъ общаго руководства административно-хозяйственными распоряженiями. Даже энергiя Николая Алексѣевича Милютина — директора хозяйственнаго департамента въ пятидесятыхъ годахъ — не была въ силахъ, несмотря на усердное сотрудничество Шумахера, вдохнуть животворную силу въ мертвый механизмъ нашего тогдашняго городского хозяйства. Преобразованiе города было притомъ тѣсно связано съ преобразованiемъ губернiи и всего губернскаго хозяйства. Результатомъ этой потребности была записка Шумахера, составленная въ 1859 г. Въ ней впервые вполнѣ опредѣлительно и систематически были намѣчены тѣ преобразованiя, которыя впослѣдствiи осуществились въ Положенiи о земскихъ учрежденiяхъ 1864 года и въ Городовомъ Положенiи 1870 года. Назначенный, съ уходомъ своего учителя и друга Милютина, директоромъ хозяйственнаго департамента, Шумахеръ горячо принялся за подготовительныя работы къ будущему Городовому Положенiю, организовавъ ихъ по тому же началу обращенiя къ мѣстнымъ силамъ, которое сослужило такую вѣскую службу въ крестьянской и судебной реформахъ. Мѣстные комитеты дали богатый матерiалъ для общихъ основанiй новаго городского устройства, переработанныхъ и развитыхъ при самомъ дѣятельномъ и зоркомъ участiи Шумахера, въ особой комиссiи, въ составъ которой вошли многiе городскiе головы. Подъ его же предсѣдательствомъ составлена и окончательная редакцiя его любимаго дѣтища—Городового Положенiя 16-го iюня 1870 года.

Едва ли нужно говорить о влiянiи этого положенiя на жизнь нашихъ городовъ. Каждый внимательный наблюдатель, каждый участникъ городскихъ присутствiй того времени помнитъ, какъ закипѣла дѣятельность въ новыхъ думахъ и какое поле для полезной и насущной дѣятельности открыто было новымъ закономъ для бездѣйствовавшихъ общественныхъ силъ, призванныхъ заботиться о народномъ образованiи, о здравiи обывателя, о благоустройствѣ его жилища, о его удобствахъ и о помощи бѣднымъ. Но и за предѣлами городского хозяйства въ собственномъ смыслѣ, такъ сказать наряду съ нимъ, Шумахеръ старался насадить и развить общеполезныя учрежденiя. Его настойчивому труду обязаны своимъ происхожденiемъ Общества взаимнаго отъ огня страхованiя и учрежденiя краткосрочнаго кредита,—при его дѣятельномъ участiи составленъ проектъ нормальнаго положенiя о городскихъ общественныхъ банкахъ. На ряду съ участiемъ въ работахъ, вызванныхъ освобожденiемъ крестьянъ и земской реформой, почти ни одинъ изъ серьезныхъ вопросовъ городской жизни не былъ разработанъ и рѣшенъ безъ его авторитетнаго содѣйствiя. Онъ приложилъ свой трудъ къ образованiю петербургскаго градоначальства,

къ устройству исправительныхъ тюремъ, къ упорядоченію городскихъ кладбищъ и во время поѣздки заграницу собралъ обширнѣйшіе матеріалы о положеніи городского хозяйства на Западѣ.

Восточная война вызвала обращеніе къ административному опыту и отзывчивому сердцу Шумахера—и онъ явился горячимъ работникомъ по вопросамъ о военно-санитарныхъ поѣздахъ, объ организаціи эвакуаціи раненыхъ въ города внутренней Россіи, о порядкѣ и средствахъ обезпеченія семействъ увѣчныхъ и убитыхъ воиновъ. Вопросы этого рода никогда не были ему чужды и человѣческія страданія заставляли его всегда къ себѣ чутко прислушиваться и отыскивать средства облегченія. Незабвенная по своей вдумчивой и дѣятельной любви къ людямъ великая княгиня Елена Павловна оцѣнила въ этомъ отношеніи покойнаго и поставила его во главѣ Максимиліановской лѣчебницы. По смерти этой замѣчательной женщины, еще ожидающей своего біографа, Шумахеръ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ Совѣта, объединившаго управленіе разнообразными общеполезными—учебными и врачебными—заведеніями, созданными великою княгинею, и непрерывно проработалъ въ немъ 19 лѣтъ, будучи съ 1882 года, послѣ К. К. Грота, его предсѣдателемъ. Дѣламъ этихъ учрежденій онъ отдавался съ особою любовью, стараясь поддержать ихъ на высотѣ началъ, вложенныхъ въ нихъ ихъ основательницею. Когда скончалась въ 1894 г. покровительница этихъ учрежденій, дочь великой княгини Елены Павловны,—не нашлось твердой и любящей руки, которая поддержала бы объединеніе ихъ въ одномъ цѣломъ. Они были распредѣлены по разнымъ вѣдомствамъ, утративъ общую связь и названіе, а Совѣтъ даже не былъ закрытъ, а просто, ipso facto, пересталъ существовать. Это распаденіе Совѣта и учрежденій и молчаливое прекращеніе многолѣтней полезной дѣятельности до крайности огорчили Шумахера и онъ не разъ, съ душевною болью, возвращался къ нему.

Въ 1879 году онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Вся его предшествовавшая служба указывала ему мѣсто въ 1-мъ департаментѣ Сената съ его широкою областью административнаго вѣдѣнія. Здѣсь пришлось ему вскорѣ встрѣтиться съ такими дѣятелями, какъ В. А. Арцимовичъ, А. А. Сабуровъ, Д. Г. фонъ-Дервизъ, Н. С. Абаза и друг. и приложить къ многочисленнымъ вопросамъ земскаго и городского хозяйства свое безпристрастное изученіе и глубокое знаніе дѣла не только въ его современномъ положеніи, но и въ его источникахъ. Строгій блюститель закона и противникъ всякихъ усмотрѣній, идущихъ съ нимъ въ разрѣзъ, покойный способствовалъ своими авторитетными разъясненіями и чуждыми какихъ либо постороннихъ соображеній мнѣніями законному разрѣшенію вопросовъ о *дѣйствіяхъ учрежденій*, правомѣрному взгляду на *отношенія къ нимъ* соприкасающихся съ ними лицъ и право-

судному толкованію *правъ отдѣльныхъ личностей,* внѣ какихъ-либо исключительныхъ симпатій или антипатій.

По смерти В. А. Арцимовича, онъ, по праву старшинства, сдѣлался исполняющимъ обязанности руководителя засѣданій (въ первомъ департаментѣ, по закону, первоприсутствующаго нѣтъ) и всецѣло погрузился въ свое дѣло. Но годы брали свое,—цѣлая жизнь, отданная безкорыстному и благородному труду, сказывалась большимъ упадкомъ физическихъ силъ, которыхъ не могъ вполнѣ возстановить и кратковременный отдыхъ... и вотъ уже рука, столько лѣтъ работавшая, застыла и не можетъ болѣе писать своимъ бисернымъ, мелкимъ почеркомъ замѣтокъ на дѣлахъ, свидѣтельствовавшихъ о гармоніи ума и сердца, одинаково направленныхъ къ правдѣ и законности. Многое, выработанное имъ въ лучшіе годы жизни, подверглось измѣненію, многіе старые друзья и соратники ушли, выросли въ обществѣ другіе идеалы, — а подчасъ стало проявляться и полное отсутствіе ихъ,—и въ глубинѣ души покойный переживалъ нерѣдко тяжелыя минуты. Но въ частной жизни, но въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, но на товарищескихъ студенческихъ собраніяхъ 12-го января (онъ былъ почетнымъ членомъ благотворительнаго общества бывшихъ московскихъ студентовъ) онъ молодѣлъ душою, и всякій, встрѣчавшійся съ нимъ и слушавшій его содержательную бесѣду, не забудетъ, конечно, «сѣдину и мудрость его, кротость же и тихость, и свѣтлость честнаго лица его», какъ говорится въ одной старинной книгѣ. Да будетъ ему легка родная земля!..

IX.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОМИНКИ.

Сообщеніе въ годовомъ собраніи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 10-го декабря 1894 года.

Милостивые государи! Приступая къ сообщенію Юридическому Обществу «о новѣйшихъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи», я не могу отрѣшиться отъ двойного смущенія. Быть можетъ многочисленное собраніе ждетъ отъ меня серьезнаго научнаго труда, имѣющаго строго и исключительно юридическій характеръ, и не будетъ удовлетворено моей работою, которая есть ничто иное какъ бѣглый отчетъ туриста о сдѣланныхъ имъ по пути справкахъ и замѣткахъ. Я не могъ не прислушиваться къ біенію пульса судебно-законодательной жизни на чужбинѣ уже потому, что и у насъ, на родинѣ, этотъ пульсъ забился въ послѣднее время съ особою силою и полнотою, такъ какъ возвѣщена и организована большая, богатая по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ и по вліянію на весь правовой народный бытъ, работа.

Предпринятъ капитальный ремонтъ судебной постройки, вызванный необходимостью положить предѣлъ пестротѣ и разнообразію несогласованныхъ между собою загородокъ, пристроекъ и надстроекъ разныхъ стилей. Онъ долженъ дать всему зданію необходимое и цѣлесообразное единство, которое послужитъ къ его устойчивости и нѣкоторой свободѣ отъ нареканій, часто весьма неосновательныхъ и крайне поспѣшныхъ. Такой же ремонтъ задуманъ и идетъ на западѣ, и присмотрѣться къ его задачамъ не

только полезно, но и необходимо. Быть можетъ въ предположеніяхъ западныхъ юристовъ и законодателей найдутся цѣнныя указанія и для насъ; быть можетъ въ методѣ, которымъ они ихъ проводятъ въ жизнь окажутся разумныя предостереженія.

Но есть и другая причина смущенія, чисто личная. Служебныя занятія и продолжительное нездоровье мѣшали мнѣ принимать активное участіе въ работахъ общества почти полтора года, и теперь, когда я снова говорю въ уважаемой средѣ его, я тщетно ищу привычнымъ взоромъ многихъ изъ его членовъ. Смерть пронеслась въ эти полтора года надъ нами и вырвала изъ этой среды людей, участіе которыхъ въ трудахъ общества и сочувствіе его цѣлямъ составляли то, что выражается трудно переводимымъ итальянскимъ словомъ «ambiente», обозначающимъ одновременно и обстановку, и условія, и свойства житейскаго явленія или положенія. Они—эти умершіе—съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія составляли то ambiente, которое необходимо для успѣшности безкорыстной работы юридическаго мышленія по теоретическимъ и практическимъ вопросамъ права, разработка которыхъ составляетъ задачу нашего общества.

Такіе люди становятся особенно дороги, когда усталая жизнь клонится къ закату и когда въ лицѣ ихъ, одинъ за другимъ уходятъ соучастники свѣтлыхъ надеждъ, трудовъ и любви къ тому, съ чѣмъ связаны были лучшіе годы жизни. Воспоминаніе о нихъ должно имѣть мѣсто въ засѣданіяхъ ученаго собранія, которому не слѣдуетъ оправдывать слова Пушкина о томъ, что «мы лѣнивы и не любопытны»,—хотя къ сожалѣнію это такъ бываетъ въ дѣйствительности и наша жизнь, чрезвычайно впечатлительная въ первыя минуты потерь, затѣмъ быстро навѣваетъ на насъ холодъ забвенія и даже неблагодарности. Мы такъ торопимся забыть нашихъ товарищей и предшественниковъ, какъ будто, несмотря на вялость нашей умственной жизни, все куда-то неудержимо стремимся, не имѣя даже времени, чтобъ оглянуться на вышедшихъ изъ строя, на покинувшихъ насъ навсегда. Я думаю, что г. предсѣдатель не будетъ имѣть что либо противъ разрѣшенія мнѣ помянуть въ короткихъ словахъ скончавшихся съ весны 1893 года членовъ общества.

Въ этотъ періодъ общество понесло громадную потерю въ лицѣ *Виктора Антоновича Арцимовича* и *Алексѣя Михайловича Унковскаго,* которые еще ждутъ своей полной и всесторонней оцѣнки въ одномъ изъ общихъ собраній общества. Но и теперь уже можно сказать, что это—имена, въ самихъ себѣ заключающія свою общепризнанную оцѣнку и потому стоящія выше обычныхъ похвалъ. Оба усопшіе всѣми силами сердца и разумѣнія послужили великому дѣлу освобожденія крестьянъ и отдали затѣмъ свой опытъ и душевный подъемъ на службу судебной реформѣ, связанной ближайшими и кровными узами съ крестьянскою.

Унковскій явился глашатаемъ новаго судебнаго строя и провозвѣстникомъ его основныхъ началъ въ рядѣ ученыхъ трудовъ, изданныхъ подъ его руководствомъ; его почтенное имя, какъ издателя или редактора стояло подъ книгами, безъ которыхъ не могъ обойтись въ то время ни одинъ, сознающій свои новыя обязанности, юристъ. Это были сочиненія Митермайера «О судѣ присяжныхъ въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ» и «Руководство къ судебной защитѣ», «Теорія косвенныхъ уликъ» Уильза и превосходный учебникъ судебной медицины Шауенштейна. Занявъ затѣмъ мѣсто въ рядахъ адвокатуры, А. М. Унковскій былъ примѣромъ той нравственной высоты, на которой можетъ и долженъ стоять присяжный повѣренный, и всею совокупностью своей жизни далъ право обращаясь къ его памяти перефразировать извѣстный стихъ великаго поэта «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ» словами «чистѣйшей честности чистѣйшій образецъ». Онъ умеръ 20-го декабря прошлаго года.

Еще раньше его, 2-го марта сошелъ въ могилу Арцимовичъ, глубокій и безтрепетный толкователь, въ качествѣ калужскаго губернатора,—началъ, положенныхъ въ основу освобожденія крестьянъ, и приложенія ихъ къ практическимъ условіямъ быта,—сразу занявшій затѣмъ въ судебномъ вѣдомствѣ положеніе столь же величавое, какъ величава была его наружность. Надпись на сенатскомъ вѣнкѣ у его гроба «Человѣколюбивому стражу закона» и на вѣнкѣ отъ неизвѣстныхъ «Отцу сиротъ» опредѣляютъ собою тѣ полюсы, между которыми, съ неостывающей энергіей и жаждой справедливости, двигалась его широкая мысль и билось его благородное сердце. Его голова блестѣла умомъ и добротою въ засѣданіяхъ совѣта и общихъ собраній Юридическаго Общества; ея бѣлоснѣжныя сѣдины, подъ которыми скрывалась житейская теплота, напоминали собою снѣжную вершину вулкановъ далекаго, льдистаго и мглистаго сѣвера, внутри которыхъ однако горитъ вѣчное пламя и, выбиваясь наружу, свѣтитъ издалека...

Но уголовное отдѣленіе Юридическаго Общества понесло еще не малыя потери и въ ряду своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Не говоря уже о *Петрѣ Акимовичѣ Александровѣ*, умершемъ 11-го марта 1893 года, быстрая кончина котораго вызвала въ печати многостороннюю его оцѣнку и который, скрывая подъ формою холодной ироніи страстное существо, не мало послужилъ нашему обществу въ трудахъ по пересмотру проекта новаго уголовнаго уложенія и въ разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ—о раздѣленіи голосовъ при постановкѣ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ,—общество потеряло 3-го января настоящаго года *Павла Яковлевича Левенсона*, своего члена съ самаго своего основанія. Прибывши въ Петербургъ въ 1864 году изъ глухой провинціи съ глубокою жаждою знаній и долгіе годы существуя уроками и мелкой литературной работой у покойнаго В. Ѳ. Корша въ

«С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ», онъ кончилъ курсъ Петербургскаго университета лишь въ 1871 году, пробившись въ юридически образованную среду въ возрастѣ уже болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Но время тяжелой житейской борьбы не прошло для него даромъ: раннее и долгое знакомство съ нею научило его отзывчиво относиться къ серьезнымъ запросамъ жизни и понимать ихъ не только умомъ, но и сердцемъ. Отсюда тотъ оттѣнокъ гуманной грусти, которымъ отзывалась его бесѣда, отсюда можетъ быть и болѣзнь сердца, сведшая его въ могилу. Внимательный и усердный посѣтитель засѣданій Юридическаго Общества, онъ служилъ развитію правовыхъ началъ съ перомъ въ рукахъ. Лучшіе годы «Судебнаго Вѣстника», особенно 1876 годъ, наполнены его интересными и живыми иностранными юридическими хрониками, которыхъ насчитывается до восемнадцати. Въ то же время онъ напечаталъ статьи объ устройствѣ французско-бельгійской адвокатуры и о жизни французской магистратуры, въ которыхъ очертилъ, между прочимъ, привлекательный образъ знаменитаго адвоката Сенара. Въ это же время Левенсонъ познакомилъ публику съ новымъ законодательствомъ о печати во Франціи, а его статья о «школѣ присяжной адвокатуры», въ которой онъ старался разработать больной до сихъ поръ вопросъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, вызвала живой обмѣнъ мыслей съ К. К. Арсеньевымъ и В. М. Бобрищевымъ-Пушкинымъ. Его уголовныя хроники въ журналѣ гражданскаго и уголовнаго права въ концѣ 80-хъ годовъ, указывали настойчивымъ образомъ на опасное увлеченіе своею властью нѣмецкихъ предсѣдателей, особенно въ извѣстномъ процессѣ профессора Грефа. Оставшіяся послѣ него воспоминанія защитника, подъ названіемъ: «Съ глазу на глазъ» и «Дневникъ убійцы» ждутъ своего появленія въ печати.

Февраля 6-го скончался отъ разрыва сердца *Алексѣй Васильевичъ Бѣлостоцкій*, принадлежавшій къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые, по порученію министра юстиціи Замятнина изучали практическую постановку судебнаго дѣла заграницей, предъ введеніемъ у насъ Судебныхъ Уставовъ. Въ это время впиталъ онъ въ себя любовь и безкорыстную преданность къ послѣднимъ. Человѣкъ всесторонне образованный, мягкій и любезный въ обращеніи и стойкій въ своихъ всегда благородныхъ взглядахъ, Бѣлостоцкій принималъ активное участіе въ работахъ общества при разсмотрѣніи проекта уголовнаго уложенія и былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ въ трудахъ комиссіи сенатора Петерса по изслѣдованію въ 1868 году недостатковъ слѣдственной части, въ работахъ которой содержится и до настоящаго времени множество поучительныхъ указаній на больные вопросы нашей слѣдственной процедуры. Вполнѣ обезпеченный и высокопоставленный на службѣ человѣкъ, онъ былъ однако чуждъ самодовольнаго квіетизма, но настойчиво желая быть полезнымъ, много и разнообразно

работалъ по улучшенію тюремнаго дѣла въ 70-хъ годахъ, и причину его преждевременной смерти отъ разрыва сердца слѣдуетъ искать въ глубокихъ огорченіяхъ, вызванныхъ въ немъ недоразумѣніями и безпорядками въ Петербургскомъ Обществѣ Трезвости, дѣлу котораго онъ въ послѣдній годъ жизни отдался всей душой, мечтая поставить его на широкихъ и прочныхъ основаніяхъ.

Въ ночь на 9-е августа, вдали отъ Петербурга и тоже отъ страданія сердца, окончилъ свое жизненное поприще *Евгеній Исаковичъ Утинъ*, могущій быть названнымъ «просвѣщеннымъ человѣкомъ» во всѣхъ отношеніяхъ. Было бы неумѣстно перечислять его разносторонніе и обширные литературные и публицистическіе труды. Отзывчивый къ вопросамъ искусства, исторіи и политики, онъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій, написанныхъ талантливой рукой. Достаточно упомянуть «О практической философіи XIX столѣтія», представляющей тонкій разборъ рѣчей Бисмарка, о біографіи Берне, о блестящей біографіи и характеристикѣ Рабле, о послѣдней книгѣ «Князь Бисмаркъ и Императоръ Вильгельмъ». Подвижная натура и воспріимчивый умъ не разъ призывали его туда, гдѣ розыгрывались историческія драмы, и плодомъ такихъ его публицистическихъ поѣздокъ явились «Письма изъ Болгаріи» и письма изъ подавленной несчастіями, всѣми оставленной Франціи въ 1871 году, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы». Дѣятельное участіе Утина въ трудахъ общества по разсмотрѣнію проекта уложенія дало ему возможность, при памятныхъ многимъ изъ насъ преніяхъ по вопросу о постановкѣ въ новомъ уложеніи понятія и условій вмѣненія съ участіемъ приглашенныхъ психіатровъ, выказать большія знанія въ области душевныхъ болѣзней, лекціи о которыхъ онъ спеціально слушалъ. Его защитительныя рѣчи подвергались нѣкоторыми критикѣ за свой нѣсколько приподнятый тонъ; но всякій, кто зналъ его близко, не сомнѣвался, что этотъ тонъ служилъ выразителемъ искренняго убѣжденія и теплаго отношенія къ судьбѣ подсудимаго.

Утинъ былъ образцомъ образованнаго юриста, т. е. именно такого человѣка, въ которомъ общее образованіе идетъ впереди спеціальнаго, окрашивая и расширяя послѣднее.

Сухія научныя изслѣдованія или отчетливое знаніе статей закона и кассаціонныхъ рѣшеній не создаютъ еще юриста въ настоящемъ и желательномъ смыслѣ слова. Въ первомъ случаѣ, онъ становится глухъ къ требованіямъ жизни, неумѣщающимся въ теоретическія схемы,—во второмъ онъ становится тѣмъ, что высшій сановникъ судебнаго вѣдомства въ семидесятыхъ годахъ остроумно назвалъ «*статистомъ*», производя это слово отъ «статьи», но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеризуя ту роль, которую такіе люди играютъ въ отправленіи правосудія. Широкое и глубокое образованіе, знакомство съ исторіею искусства и литературою необходимы для человѣка, посвятившаго себя служенію правосудію. Только

благодаря имъ можно не опасаться обратить своего «служенія» въ ремесло. Этими знаніями надо запасаться въ возможно широкихъ размѣрахъ, иначе обыденная рядовая дѣятельность заставитъ забыть въ дальнѣйшіе годы жизни то, въ чемъ служеніе должно искать себѣ опору и основаніе—живой общественный организмъ,—иначе высшій предметъ правосудія—живой человѣкъ съ его несчастіями, паденіями, преступленіями, но и съ Божьей искрой, которая ва всякомъ теплится—исчезнетъ изъ виду и замретъ подъ мертвыми формулами, которыя тѣмъ болѣе несправедливы, чѣмъ болѣе приложимы ко всѣмъ безъ всякаго различія. Молодымъ юристамъ, входящимъ въ жизнь, такъ хочется сказать словами Гоголя: «забирайте съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія — не оставляйте на дорогѣ, не подымете потомъ!» А къ этимъ движеніямъ, конечно, относятся и пытливость ума, и жажда новыхъ знаній. Всякій, знавшій Утина, не забудетъ его безупречную адвокатскую дѣятельность, его сочувствіе къ начинающей жизненный путь молодежи, его «влюбчивость» въ новыхъ для него людей, стоившую ему многихъ разочарованій, но не очерствившую его сердце. Эти его свойства особенно почувствовались послѣ его смерти, когда невольно осталось болѣзненное сознаніе, что изъ нашей среды ушелъ не только просвѣщенный, но и добрый человѣкъ.

Наконецъ, 14-го іюля прошлаго года скончался *Алексѣй Алексѣевичъ Марковъ,* не достигшій еще 45 лѣтъ. Его дѣятельность по Юридическому Обществу должна быть у многихъ въ памяти. Не говоря о прекрасныхъ работахъ его по проекту уложенія, нельзя забыть ни его доклада въ 1883 году о нашемъ безприсяжномъ судѣ, ни доклада его въ 1890 году объ обжалованіи приговоровъ оправданными подсудимыми. Первый изъ нихъ былъ вызванъ пристрастными и односторонними нападеніями на дорогой ему судъ присяжныхъ. Защищая его, Марковъ пошелъ по новому пути: не споря противъ непродуманныхъ и поспѣшныхъ укоровъ, онъ обратился къ разсмотрѣнію того, чѣмъ хотѣли противники этого суда его замѣнить. «Хорошо, сказалъ онъ, пусть этотъ судъ присяжныхъ, столь хулимый, дѣйствительно плохъ; но посмотримъ поближе на то, чѣмъ можете похвастать вы, въ области суда безъ присяжныхъ», и пошелъ въ станъ противниковъ суда присяжныхъ для изученія и выводовъ. Уже раньше въ 1881 году въ интересномъ докладѣ тогдашняго прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты о приговорахъ Палатъ съ сословными представителями было указано на то, что эта форма суда почти не достигаетъ, несмотря на свою дороговизну, цѣли увеличенія уголовной репрессіи. Марковъ обратился къ простому коронному суду безъ всякихъ представителей и показалъ, какою плохою замѣною суда присяжныхъ былъ бы онъ; — не закрывая глазъ на

недостатки послѣдняго и не преувеличивая его достоинствъ, онъ настаивалъ, прежде всего, на томъ, чтобы этотъ судъ былъ поставленъ въ надлежащія условія дѣятельности и чтобы простые, изъ крестьянскаго сословія, присяжные, свято отправляющіе свои обязанности въ провинціи, часто голодая, холодая и нанимаясь въ промежутки между днями засѣданій на поденныя работы для пропитанія себя, получали хоть то маленькое обезпеченіе, которое имъ предлагалось многими земствами и которое было, на почвѣ холодныхъ разсужденій формальнаго свойства, отвергнуто Первымъ Департаментомъ Сената. Марковъ указывалъ на ту рутину, въ которую впадаетъ обыкновенно безприсяжный судъ, не придающій значенія формамъ, имѣющимъ значеніе гарантій правильности отправленія правосудія, судъ который не призывается руководящимъ напутствіемъ предсѣдателя къ отдачѣ себѣ яснаго отчета о предлежащей ему по каждому дѣлу задачѣ и не представляетъ, по своему равнодушному отношенію къ работѣ сторонъ, какой либо школы для выработки полезныхъ для правосудія условій и пріемовъ судебнаго состязанія.

Во второмъ своемъ обширномъ докладѣ Марковъ разработалъ совершенно новый и очень жизненный вопросъ. Исходя изъ столь часто присущей подсудимому необходимости и послѣ оправданія очиститься отъ тѣни, отъ пятна, брошенныхъ въ него самымъ фактомъ преданія суду, или отъ очень тягостныхъ мотивовъ оправданія, Марковъ, подробно разобравъ всѣ возможные случаи допустимости обжалованія оправдательныхъ приговоровъ, указалъ на необходимость послѣдовательныхъ измѣненій самой формулы оправдательныхъ приговоровъ. Оба доклада въ свое время были напечатаны и составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу.

Не менѣе полезна была его практическая дѣятельность. Отдавшись ей тотчасъ по окончаніи курса училища правовѣдѣнія, въ свѣтлую эпоху первыхъ годовъ судебной реформы, Марковъ не зналъ въ ней ни утомленія, ни спокойствія—и умѣлъ своимъ добросовѣстнымъ трудомъ и знаніемъ дѣла занять почтенное мѣсто между выдающимися дѣятелями петербургской прокуратуры въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, когда замѣчательные по своему ораторскому таланту товарищи прокурора, имена которыхъ извѣстны и блестятъ нынѣ въ рядахъ адвокатуры и оберъ-прокуратуры, выступали по зауряднымъ дѣламъ и когда заключенія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ Окружного Суда предъявлялъ юристъ такой силы, какъ Боровиковскій. Въ особенности важна была дѣятельность Маркова по производству прокурорскихъ дознаній, которыми по смыслу уставовъ и согласно установившейся тогда практикѣ, прокуратура лично провѣряла обстоятельства важнѣйшихъ дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдѣнію. Такимъ образомъ Маркову пришлось играть весьма важную роль въ знаменитомъ процессѣ о поджогѣ паровой мельницы Овсянниковымъ. Это дѣло, вызвав-

шее особенное и страстное вниманіе общества, вмѣстѣ съ дѣломъ игуменьи Митрофаніи было нагляднымъ доказательствомъ стойкаго исполненія чинами судебнаго вѣдомства высокаго завѣта «творить судъ равный для всѣхъ». Въ половинѣ 70-хъ годовъ, несмотря на близившееся десятилѣтіе судебной реформы, для многихъ это послѣднее свойство суда представлялось чѣмъ-то не только не нормальнымъ, но и прямо необычайнымъ и вызывало обидное и насмѣшливое недовѣріе заграницей. Наши западные сосѣди, лукаво поглядывая въ нашу сторону, отказывались вѣрить, чтобы въ «подкупной» (bestechbare) странѣ видное общественное положеніе или большое богатство не служили прочной и непреборимой защитой противъ уголовнаго правосудія, примѣнимаго только къ бѣднякамъ. «Изъ Петербурга пишутъ, иронически восклицалъ «Кладеррадачъ», что *двѣнадцатикратный* (zwoelffache) милліонеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 милліоновъ, или же мы на дняхъ услышимъ, что *одиннадцатикратный* милліонеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія!..» Горечь этой оскорбительной ироніи какъ будто усиливалась тѣмъ, что въ прошломъ за Овсянниковымъ было свыше десяти судимостей низшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, несмотря на то, что между этими дѣлами находились и дѣла о побояхъ, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ. Судъ и присяжные свершили тяжелый трудъ по этому дѣлу съ честью и хотя раздавались отдѣльные голоса, утверждавшіе, что Овсянниковъ осужденъ за свои прошлыя прегрѣшенія, а не за настоящее преступленіе, но если припомнить, что дѣла о такихъ, совершаемыхъ втайнѣ и съ оглядкою преступленіяхъ, какъ поджогъ, не даютъ прямыхъ доказательствъ, особливо, когда обвиненіе сводится къ подстрекательству на поджогъ третьяго лица,—и что въ разборѣ дѣла участвовали самыя блестящія силы защиты и обвиненія, то можно сказать, что въ предѣлахъ доступнаго человѣческому правосудію разумѣнія было совершено все возможное. Недаромъ извѣстный глубиною своего ораторскаго таланта, повѣренный гражданскаго истца по дѣлу отвѣтилъ на обращенный къ нему упрекъ въ неприведеніи прямыхъ доказательствъ, а лишь косвенныхъ уликъ: «ну да, у насъ лишь черточки и штрихи, но изъ нихъ составляются очертанія, а изъ очертаній буквы и слоги, а изъ слоговъ слово и слово это *поджогъ!*»... Но когда этотъ поджогъ произошелъ, озаривъ громаднымъ заревомъ петербургское небо, то въ вызванномъ имъ пожарѣ было усмотрѣно полиціею лишь простое «происшествіе», подлежавшее, согласно ея сообщенію слѣдователю, погребенію подъ покровомъ 309 ст. Уст. угол. суд. Тогдашній прокуроръ, задумавшись надъ причинами громаднаго пожара, поручилъ Маркову произвести на мѣстѣ личное дознаніе. Оно продолжалось нѣсколько дней. Марковъ отдался ему всецѣло и ре-

зультатомъ его добросовѣстнѣйшаго и кропотливаго труда было возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ Овсянникова, при чемъ въ основаніе дальнѣйшей слѣдственной работы легло именно это дознаніе.

У всѣхъ сослуживцевъ въ памяти труды Маркова въ Кассаціонномъ Сенатѣ и его усиленная работа въ Варшавѣ, подорвавшая въ значительной мѣрѣ его силы. О трудолюбіи его и желаніи работать упорно на пользу судебнаго дѣла говоритъ и огромный, почти оконченный имъ трудъ выдѣленія изъ океана кассаціонныхъ рѣшеній тѣхъ, въ которыхъ сказано Сенатомъ окончательное слово по вопросамъ права и судопроизводства. Какъ человѣкъ настойчиваго труда, какъ постоянный труженикъ юридической мысли, какъ добрый товарищъ и неоцѣненный сотрудникъ, скромный и привѣтливый собесѣдникъ, всегда *повидимому*, бодрый, какъ тонкій знатокъ искусства и сознательный, вдумчивый любитель природы, Марковъ заслуживалъ бы доброй памяти уже и въ томъ случаѣ, если бы только этимъ исчерпывалась его нравственная личность. Но смерть его раскрыла такія стороны въ его духовномъ существѣ, которыя показали, что онъ любилъ всѣмъ сердцемъ нѣчто большее, чѣмъ ежедневный служебный трудъ и что нерѣдкія грустныя ноты въ его наружной веселости были вызваны тѣмъ, что эту свою любовь онъ принесъ въ жертву дѣлу, на службу которому онъ пошелъ, какъ безкорыстный, простой и непритязательный, но вѣрный своему долгу воинъ. Марковъ, въ немногія минуты свободнаго распоряженія временемъ, занимался, такъ сказать урывками, живописью, но послѣ его смерти изъ его разбросанныхъ и недоконченныхъ произведеній и этюдовъ составилась цѣлая выставка, открытая для публики и вызвавшая со стороны знатоковъ признаніе въ покойномъ несомнѣннаго таланта и большихъ способностей къ живописи, не дошедшихъ до своего высшаго развитія лишь по недостатку времени для систематическихъ занятій. Оказалось, что подъ обличіемъ судебнаго работника таился горячій художникъ, понимавшій чуткою душою таинственное созвучіе красокъ. При жизни его, строгая и разборчивая редакція одного изъ большихъ нашихъ журналовъ помѣстила нѣсколько мелкихъ его стихотвореній и удачныхъ переводовъ изъ Гейне, составлявшихъ, повидимому оставленную затѣмъ «пробу пера». Но когда онъ умеръ, то въ портфелѣ его оказалось свыше 300 стихотвореній, въ изящной формѣ которыхъ звучатъ меланхолическія ноты истинной поэзіи, такъ что все его художественное наслѣдіе рисуетъ его въ широкомъ и трогательномъ свѣтѣ.

Онъ является типическимъ образцомъ тѣхъ людей, которые, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, безповоротно и не боясь личныхъ жертвъ пошли на службу новому судебному дѣлу, въ которомъ они видѣли залогъ развитія дорогой имъ родины и удовлетвореніе своей душевной потребности въ справедливости. Входя

въ храмъ, гдѣ былъ алтарь той богини, которой они посвятили безропотно и довѣрчиво свою жизнь, не одинъ изъ нихъ сложилъ у его вратъ перо писателя, кисти художника, инструменты опытнаго изслѣдователя. Избранницѣ ихъ пришлось вести жизнь не особенно спокойную,—она успѣла сильно постарѣть, морщины покрыли ея лицо и свѣтлый взглядъ ея подчасъ затуманивается, но они остались вѣрны своему первому чувству, какъ остался ему вѣренъ Марковъ, хотя быть можетъ у многихъ дѣло не обошлось порою безъ невольнаго и подавленнаго вздоха о возможности иного склада своей жизни. Въ тѣхъ 300 стихотвореніяхъ, которыя самимъ Марковымъ, едва ли предназначались для печати, встрѣчаются мѣста, ярко рисующія его душевное состояніе и ту, невидимую для большинства жертву, которую онъ приносилъ судебному дѣлу сознательно и съ любовью. Искусство и поэзія манили его, вторгались въ его служебныя занятія...

«Лѣнивыя рифмы не идутъ порой,
Но вдругъ какъ осадятъ толпами,
Не знаю, что дѣлать съ своей головой
Пишу «отношенье» стихами...
Пишу «обвинительный актъ»
Про «третію кражу безъ взлома...»
А грезятся — море, и небо, и садъ
Душой овладѣетъ истома...

Такъ писалъ онъ въ 1875 году; въ 1881 онъ говоритъ въ одномъ изъ стихотвореній:

«О! помню я... были мгновенья
Порывовъ впередъ, вдохновенья
И гордыхъ мечтаній, и сновъ...
Міръ свѣтлый — искусства созданья,
Я чуялъ, я слышалъ твой зовъ!
Въ твой храмъ заповѣдный и чудный
Вошелъ я какъ послушникъ блудный,
Былъ труденъ мой путь и суровъ...
Смиренно съ душой умиленной
Надеждой святой окрыленный
Я шелъ, не жалѣя трудовъ...
. . . .
. . . .
Но нѣтъ! не простится измѣны,
Тотъ міръ промѣнялъ я на стѣны
И мрачные своды судовъ
. . . .
Разсудкомъ живу боязливо,
Трудяся весь день кропотливо
Работой невидной кротовъ.
Могучъ океанъ ледовитый,
Въ немъ тонетъ такъ въ щепы разбитый
Корабль, затерявшись средь льдовъ...

Обращаюсь къ предмету моего сообщенія (см. Юридическія сообщенія и замѣтки, I).

X.

ФЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ

ГААЗЪ.

Публичное чтеніе въ пользу голодающихъ, 5-го января и 7-го марта 1892 г., въ Соляномъ городкѣ, въ С.-Петербургѣ[1]).

I.

3-го іюня 1890 года, въ Петербургѣ, съ особою торжественностью, былъ открытъ четвертый международный тюремный конгрессъ.

Вступительная рѣчь В. Д. Спасовича была посвящена Говарду. Въ ней заслуги «великаго человѣколюбца» и его права на безсмертную славу были очерчены ярко и выпукло—и, безъ сомнѣнія, все многочисленное и блестящее собраніе ученыхъ тюрьмовѣдовъ и государственныхъ людей мысленно преклонилось предъ образомъ человѣка, который, по выраженію Бентама, нѣсколько видоизмѣненному ораторомъ, «he lived an apostle and died á hêro»—жилъ какъ апостолъ и умеръ какъ герой.

И дѣйствительно, Говардъ вполнѣ достоинъ этой славы и возданной ему чести. Онъ завѣщалъ потомству свое имя и свое дѣло. Написанное на скромномъ памятникѣ въ Херсони, гдѣ внезапно окончилъ свои дни этотъ подвижникъ добра и справедли-

---

[1]) Въ настоящемъ изложеніи содержаніе этого чтенія пополнено нѣкоторыми свѣдѣніями, помѣщенными преимущественно во главѣ III.

вости, это имя имѣетъ право быть начертаннымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, знакомаго съ исторіею европейской культуры и гражданственности. Дѣло Говарда — было дѣло великое, богатое благотворными послѣдствіями. Онъ положилъ начало *тюремному знанію;* онъ первый—и въ печати, и въ законодательствѣ своей родины—потребовалъ, настойчиво и убѣжденно, на ряду со справедливою суровостью закона по отношенію къ преступленію—состраданія къ человѣку, указывая на строгое отличіе кары отъ муки. Съ порога XIX-го вѣка, его личность и труды проливаютъ чистый свѣтъ разумной и глубокой критики тюремныхъ порядковъ, и въ этой критикѣ лежитъ корень всѣхъ дальнѣйшихъ тюремныхъ преобразованій.

«Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—но дѣла великаго человѣка суть памятникъ, поставленный имъ своему народу». Есть, однако, такіе избранники судьбы, которые своею дѣятельностью ставятъ памятникъ не одному какому-либо народу, а всему человѣчеству. Къ числу такихъ—отмѣченныхъ Богомъ людей — принадлежалъ и Говардъ. Но отдавая ему всю справедливость, преклоняясь предъ его трудомъ, одушевленнымъ одною идеею и наполнившимъ, «ohne Hast, ohne Rast», всю его жизнь, надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что онъ былъ, въ своей работѣ, поставленъ въ благопріятныя условія... Въ его распоряженіи была свободная печать его родины, сослужившая ему вѣрную и честную службу;—парламентъ съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивалъ доклады, основанные на его выводахъ и наблюденіяхъ; — европейскія правительства давали ему всѣ средства для собиранія матеріаловъ,—и за исключеніемъ короткаго времени, проведеннаго во французскомъ плѣну, онъ былъ всюду уважаемымъ гостемъ, предъ которымъ гостепріимно были открыты двери дворцовъ и предупредительно распахивались ворота тюремъ. Наконецъ, самая почва для его дѣятельности была отчасти подготовлена. Правительство и общественное мнѣніе Англіи давно уже интересовались состояніемъ тюремъ. Еще въ 1701—1702, по порученію парламента, докторъ Брай, предсѣдатель комитета распространенія христіанскаго ученія, произвелъ подробное изслѣдованіе тюремныхъ помѣщеній въ Ньюгетѣ. Описаніе того, что онъ нашелъ, поражаетъ возмутительными подробностями. Не говоря уже о колодкахъ, орудіяхъ пытки и о мореніи голодомъ, какъ довольно обычныхъ средствахъ «вразумленія» арестантовъ, достаточно указать, что для «смиренія» строптивыхъ, ихъ запирали въ тѣсное и душное помѣщеніе вмѣстѣ съ трупами умершихъ и оставляли ихъ въ такомъ сосѣдствѣ по шести и болѣе дней... Въ 1728—29 годахъ парламентъ назначилъ особую коммиссію для изученія состоянія тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ. Такимъ образомъ, несмотря на случайность этихъ изслѣдованій, узкость ихъ

задачи и ограниченность ихъ района, почва для болѣе широкой дѣятельности Говарда подготовлялась само собою.

Но главное условіе успѣшности трудовъ Говарда и ихъ широкаго приложенія состояло въ томъ, что его поддерживала волна общественнаго настроенія. Она несла и поднимала его на своемъ хребтѣ—и въ своей проповѣди сострраданія и уваженія къ человѣку онъ не былъ одинокъ... Время, когда жилъ и дѣйствовалъ Говардъ, было ознаменовано особымъ подъемомъ духа. Христіанство, требовавшее, чтобы каждый «узналъ подобнаго себѣ—въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ».. выдвинуло на первый планъ человѣческую личность, независимо отъ нея бытовыхъ и племенныхъ свойствъ. Эта личность явилась разлагающимъ элементомъ всего строя древняго міра, въ которомъ группа полноправныхъ гражданъ господствовала надъ массою безправныхъ рабовъ, полу-людей, полу-вещей. Средніе вѣка снова опутали эту личность, втиснули ее въ различные союзы, придавили гнетущимъ авторитетомъ западной церкви. Реформація была отвѣтомъ на послѣдній гнетъ, пробившимъ путь ко внутренней свободѣ духа. Но достоинство человѣка, права его личности, все, принадлежащее, независимо отъ внѣшнихъ условій, человѣку, какъ таковому, все, что можно было бы назвать das ewig «Menschliche»—часто ставилось ни во что и подвергалось грубому и ненужному поруганію.

Въ защиту человѣческой личности, въ осуществленіе истинно-христіанскаго отношенія къ падшему, больному, неопытному и беззащитному — выступилъ въ половинѣ XVIII в. цѣлый рядъ практическихъ мыслителей. Дружно, съ разныхъ сторонъ, но одушевленные однимъ чувствомъ, принялись они за работу — живописуя, взывая, указывая и поучая. Общество, а затѣмъ и законодательство прислушались къ ихъ проповѣди, уразумѣли ее и тронулись ею. И теперь во многихъ областяхъ дѣятельности и знанія, гдѣ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, изученіе лучшихъ сторонъ этихъ знаній и дѣятельности заставляетъ обратиться съ благодарнымъ чувствомъ къ ихъ первоисточнику,—къ великимъ именамъ половины XVIII-го столѣтія. Въ это именно время занималась яркая заря новаго отношенія къ человѣку и къ его нравственному достоинству. Достаточно вспомнить, что въ одинъ и тотъ же краткій періодъ времени — Беккарія, въ своей удивительной книгѣ «о преступленіяхъ и наказаніяхъ», образнымъ, страстнымъ и вмѣстѣ изящнымъ языкомъ клеймилъ жестокость и мучительство, въѣвшіяся, какъ ржавчина, въ желѣзо уголовнаго закона;—Филанджіери въ восьми томахъ своей «Scienza della legislatione», со всѣмъ блескомъ молодого и богатаго знаніемъ ума, рисовалъ недостатки уголовнаго правосудія и указывалъ необходимые для ихъ исправленія въ духѣ человѣчности пути и способы;—Песталоцци своими глубокими и вдумчивыми наблюденіями, проникнутыми вѣрою въ духовныя силы человѣка, клалъ основа-

ніе началамъ педагогіи, какъ науки, а не искусства дрессировки,— и, наконецъ, Пинель, незабвенный Пинель, въ мрачныхъ стѣнахъ Бисетра и Сальпетріера снималъ кандалы и колодки съ несчастныхъ сумасшедшихъ и доказывалъ, въ своемъ чудесномъ трактатѣ «Sur l'aliénation mentale», какое широкое поле для изученія и для милосердія представляетъ та область, гдѣ дотолѣ слышались лишь вызываемые побоями вопли «одержимыхъ бѣсомъ» и бряцанье цѣпей «буйныхъ». Вмѣстѣ съ этими людьми дѣйствовалъ и Говардъ, какъ застрѣльщикъ въ общей, широко раскинувшейся передовой цѣпи воиновъ...

Есть, однако, менѣе счастливо обставленные дѣятели. Они проходятъ безшумно по тернистой дорогѣ своей жизни, сѣя направо и налѣво добро и не ожидая, среди общаго равнодушія и всевозможныхъ препятствій, не только сочувствія своему труду, но даже и справедливаго къ нему отношенія. Внутренній, сокровенный голосъ направляетъ ихъ шаги, а глубоко коренящееся въ душѣ чувство наполняетъ и поддерживаетъ ихъ, давая имъ нужную силу, чтобы бодро смотрѣть въ глаза прижизненной неправдѣ и посмертному забвенію.

Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ докторъ *Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.* Не уступая въ своемъ родѣ и на своемъ мѣстѣ Говарду, человѣкъ цѣльный и страстно-дѣятельный, восторженный представитель коренныхъ началъ человѣколюбія, онъ былъ поставленъ далеко не въ такія условія, какъ знаменитый англійскій филантропъ. *Послѣднему* достаточно было встрѣтить, провѣрить и указать зло, чтобы знать, что данный толчокъ взволнуетъ частный починъ и приведетъ въ движеніе законодательство. Ему достаточно было вспахать почву и онъ могъ быть спокоенъ за судьбу своихъ усилій: сѣятели и жнецы найдутся. Но *Гааза* окружали косность личнаго равнодушія, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и цѣлый общественный бытъ, во многомъ противоположный его великодушному взгляду на человѣка. Одинъ, очень часто безъ всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодѣйствіями, онъ долженъ былъ ежедневно стоять на стражѣ слабыхъ ростковъ своего благороднаго, требовавшаго тяжкаго и неустаннаго труда, посѣва. Умирая *Говардъ* оставлялъ рядъ печатныхъ, всѣми признанныхъ и оцѣненныхъ трудовъ, служившихъ для него залогомъ земного безсмертія;—выпуская изъ ослабленныхъ смертельною болѣзнью рукъ дѣло всей своей жизни, *Гаазъ* не видѣлъ ни продолжателей впереди, ни прочныхъ, остающихся слѣдовъ—назади. Съ нимъ, среди равнодушнаго и преданнаго личнымъ «злобамъ дня» общества, грозило умереть и то отношеніе къ «несчастнымъ», которому были всецѣло отданы лучшія силы его души. Вотъ почему для насъ, русскихъ, его личность представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ личность Говарда.

Она намъ ближе, понятнѣе... Скажемъ болѣе—отъ нея вѣетъ большимъ сердечнымъ тепломъ.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о жизни и дѣятельности Гааза, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе русскихъ тюремъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Какъ извѣстно, въ это время русская жизнь не отличалась здоровымъ характеромъ. Отклоненіе отъ нормы шло въ обѣ стороны. Съ одной стороны, существовало искусственное отвлеченіе отъ дѣйствительныхъ потребностей и запросовъ жизни,—развивалось безсодержательное и ничѣмъ въ живой дѣйствительности не выражавшееся масонство,—истинная религіозность смѣнялась грубымъ и подчасъ весьма подозрительнымъ, по своему источнику, мистицизмомъ,—изувѣрскія скопческія радѣнія переплетались съ «духовными восхищеніями» г-жи Крюднеръ и чувственными сходками у Татариновой,—въ литературѣ, съ ея безцѣльными забавами «Арзамаса», господствовало, послѣ зрѣлой сатиры Фонвизина, сантиментальное направленіе, и читатель продолжалъ проливать слезы надъ судьбою «бѣдной Лизы»... А съ другой стороны—мрачная фигура Аракчеева бросала свою зловѣщую тѣнь почти на всѣ сферы жизни,—военныя поселенія расползались по лицу русской земли, судъ былъ сборищемъ «купующихъ и куплюдѣющихъ», осуществленіе крѣпостного права съ его настоящими «бѣдными Лизами», пріобрѣтало особую устойчивость и безконтрольность, а тюрьмы были въ ужасающемъ состояніи.

Тюремное дѣло, особливо, если оно находится въ связи со ссылкою, можетъ быть, подобно механикѣ, раздѣляемо на статику и динамику. *Статика*—тюрьма неподвижная, съ ея общими порядками, устройствомъ и осѣдлымъ населеніемъ. *Динамика*—тюрьма подвижная, со своими исключительными порядками, съ населеніемъ, постоянно смѣняющимся, съ особыми пріемами учета людей и способами дисциплины среди этого подвижнаго населенія. У насъ статика всегда была лучше организована, чѣмъ динамика—и городская тюрьма въ то время, о которомъ мы говоримъ представляла все-таки менѣе тяжелую картину, чѣмъ пересыльныя тюрьмы и этапныя зданія. Но эта меньшая тяжесть все-таки весьма относительна. Есть краснорѣчивое въ своей мрачности описаніе тюремъ въ Петербургѣ, сдѣланное англичаниномъ Венингомъ, осматривавшимъ ихъ по порученію императора Александра I. Изъ него, прочимъ, видно, что неоднократныя законодательныя распоряженія Екатерины II и Александра I объ улучшеніи тюремъ оставались лишь на бумагѣ, не проникая въ жизнь даже въ столицѣ и резиденціи. Только съ восшествія на престолъ Николая Павловича эти мѣры мало-по-малу пріобрѣтаютъ реальное значеніе.

Тюрьмы Петербурга въ описываемое время—мрачныя, сырыя комнаты со сводами, почти совершенно лишенныя чистаго воздуха, очень часто съ землянымъ или гнилымъ деревяннымъ поломъ, ниже уровня земли. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ сквозь уз-

кія, наравнѣ съ поверхностью почвы, покрытыя грязью и плѣсенью и никогда не отворяющіяся окна,—если же стекло въ оконной рамѣ случайно выбито, оно по годамъ не вставляется и чрезъ него вторгаются непогода и морозъ, а иногда стекаетъ и уличная грязь. Нѣтъ ни отхожихъ мѣстъ, ни устройствъ для умыванія лица и рукъ, ни кроватей, ни даже наръ. Всѣ спятъ въ повалку на полу, подстилая свои кишащія насѣкомыми лохмотья, и вездѣ ставится на ночь традиціонная «параша». Эти помѣщенія биткомъ набиты народомъ. Въ двухъ обыкновеннаго размѣра комнатахъ тюрьмы при управѣ благочинія содержится сто человѣкъ, такъ что только небольшая ихъ часть, послѣ понятныхъ ссоръ и пререканій, можетъ ночью прилечь въ невообразимой тѣснотѣ; въ одной изъ комнатъ рабочаго дома, находящейся почти въ землѣ, длиною въ 6 саженъ, а шириною въ 3, Венингъ нашелъ 107 человѣкъ всякаго возраста, безъ какой-либо работы. Число это постоянно пополнялось, такъ какъ вслѣдствіе отравленнаго воздуха еженедѣльно приходилось уносить въ больницу болѣе десяти человѣкъ, освобождая мѣста для новыхъ сидѣльцевъ. Не лучше было и въ кордегардіи при губернскомъ правленіи, гдѣ въ комнатахъ, устроенныхъ для тѣснаго помѣщенія 50 человѣкъ, содержалось до 200 человѣкъ, не имѣвшихъ никакой возможности лечь. Въ этихъ мѣстахъ, предназначенныхъ, при ихъ учрежденіи, для возможнаго исправленія и смягченія нравовъ нарушителей закона, широко и невозбранно царили: развратъ, нагота, холодъ, голодъ и мучительство.

Развратъ — потому, что въ съѣзжихъ домахъ женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ, да и въ другихъ тюрьмахъ никакихъ серьезныхъ преградъ между мѣстами содержанія мужчинъ и женщинъ не существовало, а надзоръ за тѣми и другими возлагался на голодныхъ горнизонныхъ солдатъ и продажныхъ надсмотрщиковъ, получавшихъ ни съ чѣмъ несообразное грошевое содержаніе. Люди одного пола содержались вмѣстѣ, несмотря ни на различіе возраста, ни разность повода, по которому они лишены свободы. Дѣти, взрослые и старики сидѣли вмѣстѣ; заподозрѣнные въ преступленіи или виновные въ полицейскихъ нарушеніяхъ— вмѣстѣ съ отъявленными злодѣями, которые по годамъ, вслѣдствіе судебной волокиты, заражали нравственно все молодое и воспріимчивое, что̀ ихъ окружало. При посѣщеніи Венинга, въ рабочемъ домѣ оказались сидящими *вмѣстѣ* дѣти 11 и 12 лѣтъ, разбойники, окованные цѣпями и 72-лѣтній Тимофей Чеоровъ, содержащійся уже 22 года...

Въ женскихъ отдѣленіяхъ городской тюрьмы и рабочаго дома— тоже самое. Распутныя женщины, нерѣдко заразительно больныя, содержались вмѣстѣ съ лишенными свободы за долги. «Бѣдная дѣвушка, — говоритъ Венингъ,—которая попадетъ въ сіе мѣсто хотя на одну ночь, должна необходимо потерять всякое чувство

добродѣтели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную, по точномъ разсмотрѣніи сихъ мѣстъ, я могу назвать ихъ истиннымъ разсадникомъ порока». Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ заболѣвшихъ арестантовъ переводили въ лазаретъ, мало чѣмъ отличавшійся отъ мѣста ихъ обыденнаго содержанія. Притомъ, за совершеннымъ недостаткомъ мѣста, туда сажались и здоровые. Такъ Венингъ нашелъ въ подвальномъ мужскомъ лазаретѣ при рабочемъ домѣ тридцать шесть человѣкъ, помѣщенныхъ «за тѣснотою», съ больными; князь Голицынъ, ревизовавшій московскую пересыльную тюрьму уже въ 1828 году, видѣлъ заразныхъ больныхъ, а также привезенныхъ послѣ «торговой казни» и приготовляющихся идти въ ссылку, ночующими въ одной общей комнатѣ, а сенаторъ Озеровъ, осматривавшій въ то же время губернскій замокъ, нашелъ больныхъ «горячками и сыпью» по трое на одной постели. Чѣмъ и какъ лечили арестантовъ, можно себѣ представить хотя бы отмѣтивъ, что въ 1827 г. въ больницѣ московскаго губернскаго замка, для «утишенія» крика сошедшей съума арестантки, ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку...

Всѣ содержатся *впроголодь*. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ отпускается на руки дежурнаго нидзирателя по 15 коп. ассигнаціями на каждаго изъ заключенныхъ съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ продовольствовалъ. Контроля нѣтъ, наблюденія тоже, и арестанты съѣзжихъ домовъ жалуются Венингу на крайній недостатокъ даваемаго имъ черстваго хлѣба. Эти 15 коп., при выпускѣ арестанта, согласно установившемуся обычаю, взыскиваются съ него за каждый день содержанія. Несостоятельный къ уплатѣ задерживается въ тюрьмѣ, какъ несостоятельный должникъ. Но далеко не вездѣ существуетъ и такой способъ содержанія. Его замѣняютъ подаянія. Особенно это практикуется для арестованныхъ при полиціи. Удовлетвореніе ихъ пищею часто зависитъ отъ случая, отъ сердоболія горожанъ. Поэтому, въ тюрьмахъ XIX вѣка оказывается возможною смерть отъ обычной въ XVI вѣкѣ «гладной нужи». Такъ, въ 1810 году начальникъ полтавскаго «секвестра» доноситъ по начальству, что за малыми подаяніями, колодники очень отощали, а «одинъ съ приключившейся отъ голода пухлости умре, да и остальнымъ тридцати тоже слѣдовать можетъ».

Плохо прикрыто и *тѣло* «колодниковъ». Казеннаго платья не полагается, а свои лохмотья скоро отказываются служить,—и тотъ же сенаторъ Озеровъ находитъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ девяносто двухъ человѣкъ *безъ всякой одежды и обуви*. А прикрыть тѣло слѣдовало бы уже потому, что въ дурно и даже вовсе не отапливаемыхъ тюремныхъ помѣщеніяхъ въ суровыя зимы *очень холодно*. Князь Голицынъ заявляетъ въ 1829 году, что московскій пересыльный замокъ въ невозможномъ состояніи, что въ немъ чрезвычайно холодно, при чемъ холодъ этотъ на женской половинѣ, гдѣ меньше скученности, доходитъ до того, что матери, упро-

сивъ надзирателей, посылаютъ по ночамъ своихъ дѣтей, безъ различія пола и возраста, отогрѣваться на мужскую половину... Въ Тамбовѣ, въ 1815 году, всѣ колодники помѣщены въ двухъ тѣсныхъ и сырыхъ казармахъ: тутъ и варятъ пищу, тутъ и валяются заразительные больные, тутъ же, на глазахъ всей этой нищеты и порока, родятъ женщины. Не лучше смирительный и рабочій дома, помѣщающіеся въ одной казармѣ. «Въ больницѣ,—какъ доноситъ въ 1815 году операторъ Стриневскій, — нѣтъ необходимѣйшихъ медикаментовъ; бѣлье не мыто съ открытія больницы, т. е. *съ прошлаго столѣтія*; трудно-больные не имѣютъ отхожихъ мѣстъ» и т. д. Тотъ же князь Голицынъ, въ запискѣ, представленной въ 1829 г. генералъ-губернатору, называетъ состояніе московскихъ тюремъ «наводящимъ ужасъ» и подробнымъ описаніемъ подтверждаетъ справедливость своего вывода...

Наконецъ, вотъ что записалъ въ 1816 году въ своемъ «журналѣ по гражданской части» великій князь Николай Павловичъ, описывая свое путешествіе по Россіи. — Въ Порховѣ «арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ ономъ; ветхая деревянная изба, состоящая изъ трехъ низкихъ чулановъ, почти безъ оконъ и отдушинъ, въ коихъ посреди 22 человѣка инвалидъ, безсмѣнно-караульныхъ и 66 арестантовъ въ двухъ остальныхъ, безъ пищи, безъ одежды, въ спертомъ, гниломъ воздухѣ, безъ различія ни родовъ преступленія, ни возраста, одни на другихъ;—старая, разваливающаяся деревянная караульня, въ которой прилипчивыми болѣзнями одерживаемые больные арестанты въ одной комнатѣ съ стерегущими инвалидами, на однихъ нарахъ, безъ одежды, безъ лѣкарствъ, безъ суммы на содержаніе, кромѣ отъ милостынь собираемой, — вотъ самое вѣрное и очевидное описаніе здѣшняго острога».

Содержимое въ такихъ условіяхъ разнородное тюремное населеніе, пользуясь плохимъ надзоромъ, пьянствуетъ, когда есть средства, буйствуетъ, стремится къ побѣгу, безжалостно уродуетъ себя, чтобы стереть позорныя клейма на лицѣ, вытравляя ихъ шпанскими мухами и сѣрною кислотою. При отсутствіи системы въ содержаніи и распредѣленіи арестантовъ, начальство считаетъ нужнымъ дѣйствовать на нихъ исключительно страхомъ и отягощеніемъ ихъ участи. Отсюда всякія напрасныя мучительства. Въ тѣсныя, темныя и загаженныя «секретныя» сажаютъ, въ Москвѣ, по три арестанта сразу и держатъ ихъ тамъ въ невозможной тѣснотѣ, по недѣлямъ, въ наказаніе, «какъ будто,—замѣчаетъ князь Голицынъ, — такимъ сближеніемъ съ убійцами и разбойниками можно исправить человѣка». Венингъ видѣлъ въ петербургскомъ рабочемъ домѣ колодниковъ, прикованныхъ за шею и женщинъ въ желѣзныхъ на шеѣ рогаткахъ, на которыхъ было по три острыхъ спицы, длиною до 8 дюймовъ, сдѣланныхъ такъ, что носительницы рогатокъ не могли ложиться ни днемъ, ни ночью,

хотя бы содержаніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль. «Я основательныя причины имѣю думать,—замѣчаетъ Венингъ, что нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ мучатся единственно изъ угожденія тѣмъ, кто ихъ отдаетъ въ сіе мѣсто». Въ одномъ изъ съѣзжихъ домовъ Петербурга онъ нашелъ пять очень тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ арестанты приковывались за шею цѣпью, принужденные таскать ихъ постоянно за собою.

Провинція, конечно, не отставала въ этомъ отношеніи отъ столицъ и даже превосходила ихъ. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ до государственнаго совѣта доходило дѣло о ярославскомъ частномъ приставѣ Болотовѣ, который въ сильную стужу держалъ арестанта Срамченко на съѣзжемъ дворѣ, прикованнымъ цѣпью къ чрезвычайно тяжелому стулу; въ то же время разсматривалось дѣло сотника Левицкаго, забившаго въ усть-медвѣдицкой тюрьмѣ арестанта Климова въ неподвижную колодку, въ коей онъ и умеръ.

Таковы были общія черты нашей тогдашней тюремной «статики». Едва ли онѣ нуждаются въ дальнѣйшей характеристикѣ. Достаточно вспомнить слова доклада Венинга: «невозможно безъ отвращенія даже и помыслить о скверныхъ слѣдствіяхъ такихъ непристойныхъ учрежденій: здоровье и нравственность равно должны гибнуть здѣсь, какъ ни кратко будетъ время заточенія»...

Если такова была статика, то легко себѣ вообразить *динамику*. Народное представленіе, сказавшееся въ пѣсняхъ и поговоркахъ, не даромъ рисовало «владимірку», т. е. главный путь изъ Москвы въ Сибирь — какъ нѣчто мрачное и безнадежное, какъ путь горькой печали и тяжкихъ воздыханій. Низкія, сырыя, тѣсныя этапныя помѣщенія, пропитанныя грязью и испареніями десятковъ тысячъ людей, принимали въ себя на ночь партіи ссыльныхъ лишь для того, главнымъ образомъ, чтобы устранить ихъ побѣги во время отдыха, необходимаго для дальнѣйшаго продолженія безконечнаго пути. Объ этомъ только и была серьезная забота. По дорогѣ между этапными пунктами двигались, звеня цѣпями, сопровождаемыя пѣшкомъ и на повозкахъ обезсилѣвшими семьями, группы ссыльныхъ и каторжныхъ, подъ сильнымъ карауломъ, возможное сокращеніе численности котораго составляло всегда одну изъ серьезныхъ заботъ разныхъ вѣдомствъ. Перо наблюдателя и бытописателя, стихъ поэта и кисть живописца столько разъ рисовали эту тяжкую дорогу подъ сѣрымъ небомъ, посылающимъ вьюгу и холодъ, столько разъ заставляли невольно вспоминать слова Данта: «per me si va nella città dolente; per me si va nel' eterno dolore; per me si va tra la perduta gente», — что на подробностяхъ тюремной динамики двадцатыхъ годовъ останавливаться нечего. Ихъ можно себѣ представить, не боясь впасть въ преувеличеніе. Но двѣ изъ нихъ заслуживаютъ, однако, упоминанія. Обѣ онѣ относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ царствованія Александра I.

29-го января 1825 года установлено, по представленію командира отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, въ предупрежденіе побѣговъ, бритье половины головы всѣмъ идущимъ по этапу, безъ различія между ссыльными и каторжными, безпаспортными и пересылаемыми административно, закованными и незакованными. Подводя въ этомъ отношеніи разнообразную виновность и прикосновенность къ этапному пути подъ одну внѣшнюю мѣрку, это распоряженіе не допускало исключеній. Поэтому стали брить головы не только ссылаемымъ административно на родину или на водвореніе, но даже и идущимъ изъ западныхъ губерній арестантамъ, страдавшимъ своеобразною болѣзнью волосъ — колтуномъ. Нарушеніе свято соблюдаемаго на мѣстѣ обычая не срѣзывать колтунъ, простуда при этомъ головы, привыкшей къ болѣзненному теплу и, быть можетъ, какія-то неизслѣдованныя еще свойства этой болѣзни вызывали у обриваемыхъ сильнѣйшіе нервные припадки. Но ножницы и бритва были неумолимы, несмотря на то, что такихъ больныхъ ждали ледяные поцѣлуи сибирской стужи.

4-го апрѣля 1824 года, по распоряженію начальника главнаго штаба Дибича, введены были, въ видѣ опыта, легкіе ручные прутья для ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь чрезъ Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи, а 12 мая слѣдующаго года, вслѣдствіе представленія командира внутренней стражи графа Комаровскаго, прутъ былъ признанъ общимъ способомъ для препровожденія арестантовъ всѣхъ наименованій, кромѣ каторжныхъ, по этапу. На толстый аршинный желѣзный прутъ съ ушкомъ надѣвалось отъ восьми до десяти запястьевъ (наручней) и затѣмъ въ ушко вдѣвался замокъ, а въ каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключъ отъ замка клался, вмѣстѣ съ другими, въ висѣвшую на груди конвойнаго унтеръ-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальникомъ этапнаго пункта. Распечатывать ее въ дорогѣ не дозволялось. Нанизанные на прутъ люди—ссыльные, пересылаемые помѣщиками, утратившіе паспортъ и т. д., связанные такимъ образомъ вмѣстѣ, отправлялись въ путь рядомъ съ каторжными, которые шли въ одиночку, ибо были закованы въ ручные и ножные кандалы... Прутъ соединялъ людей, совершенно иногда различныхъ по возрасту (бывали дряхлые старики, бывали дѣти), росту, походкѣ, здоровью и силамъ. Не менѣе различны бывали эти соединяемые между собою и по своему нравственному складу и по тому, что̀ привело ихъ къ общему пруту. Прутъ убивалъ всякую индивидуальность, возможную даже въ условіяхъ этапнаго пути; онъ насильственно связывалъ людей, обыкновенно другъ другу чуждыхъ, часто ненавистныхъ. Онъ отнималъ у нихъ слабое утѣшеніе одиночества, то утѣшеніе, отсутствіе котораго такъ испугало Достоевскаго, когда, оглядѣвшись въ «Мертвомъ домѣ», онъ воскликнулъ съ отчаяніемъ: «Я никогда не буду одинъ!» Неизбѣжные свидѣтели и слушатели всего, что̀

дѣлаютъ и говорятъ случайные товарищи, нанизанные на прутъ ссыльные сбивались съ ноги, не поспѣвали другъ за другомъ, слабые тяготили сильныхъ, крѣпкіе негодовали на немощныхъ. Топочась около прута, наступая другъ на друга, натирая затекавшія руки наручнями, желѣзо которыхъ невыносимо накалялось подъ лучами степного солнца и леденило зимою, причиняя раны и отмороженія, ссыльные не были спускаемы съ прута и на этапномъ пунктѣ, безъ крайней въ томъ нужды. Эта нужда наступала лишь если товарищи по пруту приволокли съ собою умирающаго или тяжко больного, на котораго брань, проклятія и даже побои спутниковъ уже не дѣйствуютъ ободряющимъ образомъ. Иначе всѣ остаются на прутѣ, спятъ прикованные къ нему и при отправленіи естественной нужды каждаго присутствуютъ всѣ остальные... Можно себѣ представить, сколько поводовъ для ссоръ, для дракъ даже, подавало такое насильственное сообщество. И такъ двигались на прутѣ по Россіи и по безконечному сибирскому тракту много лѣтъ тысячи людей, разъединенныхъ своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся въ одномъ общемъ чувствѣ безсильнаго озлобленія и отчаянія...

II.

Картины русскаго тюремнаго быта, поражавшія Венинга и изображенныя имъ въ особой запискѣ, написанной съ твердостью и краснорѣчіемъ прямодушнаго и свободнаго человѣка, имѣли сильное вліяніе на императора Александра I. Онъ съ сочувствіемъ принялъ предложенный Венингомъ въ 1818 г. проектъ образованія въ Россіи попечительнаго о тюрьмахъ общества, и 19 іюля 1819 г. такое общество было учреждено по всеподданнѣйшему докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына. Въ уставѣ общества,—первымъ президентомъ котораго былъ назначенъ тотъ же князь Голицынъ,—цѣль и содержаніе дѣятельности общества были опредѣлены какъ нравственное исправленіе преступниковъ и улучшеніе положенія заключенныхъ. Для этого общество должно было заботиться о введеніи и устройствѣ «по удобности»—ближайшаго и постояннаго надзора надъ заключенными, размѣщенія ихъ по роду преступленій, наставленія ихъ въ правилахъ благочестія и доброй нравственности, занятія ихъ приличными упражненіями и заключенія буйствующихъ въ уединенное мѣсто. Задача эта могла, однако, достигаться лишь отчасти и, по большей части, неудовлетворительно. Широкія и цѣлесообразныя начертанія Екатерины II, изложенныя въ собственноручно ею написанномъ въ 1787 году уставѣ о тюрьмахъ, не получили осуществленія и, подобно знаменитому Наказу, остались въ области благихъ пожеланій. Александръ I, сочувствуя Венингу, тщательно

исключилъ однако, во время пребыванія на Ахенскомъ конгрессѣ, изъ его проекта все, что касалось власти попечительнаго общества по внутреннему устройству тюремъ, оставивъ ихъ по прежнему въ вѣдѣніи министерства полиціи, отъ котораго вполнѣ зависѣла дальнѣйшая судьба представленій общества «о всемъ замѣченномъ». Поэтому, обществу, обреченному первоначально на чисто благотворительную дѣятельность, приходилось отказываться отъ исполненія большинства своихъ задачъ, встрѣчая постоянное противодѣйствіе въ загрубѣлой рутинѣ начальства мрачныхъ и безобразно устроенныхъ остроговъ. Да и въ лицѣ своихъ президентовъ общество не всегда встрѣчало сочувственное къ себѣ отношеніе: государственный контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, замѣнившій въ 1822 г. Голицына,— писавшій 19-го сентября 1822 года въ Грузино Аракчееву: «дозвольте, мой милостивецъ, чтобъ я васъ могъ съ чистаго сердца поздравить съ наступающей именинницей вашей (Настасьею Минкиною)»,— говоритъ объ обществѣ:—«мнѣ теперь новыя хлопоты чрезъ тюремное общество, не потому, чтобы дѣла онаго были столь трудны, но потому, что трудно согласить пестрое сборище высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и людей простодушныхъ, такъ что иногда рѣшаешься, дабы съ ними только не совсѣмъ разладить, подписать и что-нибудь уродное...»

Чисто благотворительный характеръ комитетовъ попечительнаго общества не могъ, однако, удержаться долго. Самое понятіе о попеченіи требовало не только надзора, но и заботы объ улучшеніи,—т. е. дѣятельности созидающей. При невмѣшательствѣ комитетовъ во внутреннюю жизнь тюрьмы, благотвореніе обратилось бы въ Сизифову работу. Моральные и даже матеріальные результаты благотворительности уничтожались бы въ самомъ корнѣ подъ вліяніемъ тюремныхъ порядковъ, представлявшихъ въ сущности организованный и растлѣвающій безпорядокъ. Правительство вскорѣ это сознало. Уже въ 1827 г., на комитеты попечительнаго общества возложенъ сначала надзоръ, а потомъ и вся забота о продовольствіи арестантовъ. Это былъ лишь первый шагъ въ дѣлѣ приданія дѣятельности комитетовъ управляющаго характера, чему не мало способствовало и то, что первое время не только во главѣ, но и въ составѣ комитетовъ, стояли люди, занимавшіе высокое и вліятельное служебное положеніе, которое не пріучило ихъ къ пассивной роли соболѣзнующихъ созерцателей. Они стремились осязательно проявить свою личность—и туманный обликъ благотворительнаго общества сталъ быстро принимать ясныя очертанія живого учрежденія съ опредѣленнымъ и весьма широкимъ кругомъ практической дѣятельности. Благодаря такому направленію, попечительное о тюрьмахъ общество выполнило свою задачу съ несомнѣнною пользою. Если условія тюремной жизни, вызывавшія негодующія слова у Венинга, отошли въ область не-

возвратнаго прошлаго,—если наша тюрьма, изъ мѣста напраснаго мучительства и разврата, путемъ постепенныхъ, хотя и медленныхъ улучшеній, обратилась въ свое настоящее состояніе, соотвѣтствуещее тѣмъ скромнымъ средствамъ, которыми располагаетъ по отношенію къ ней государственный бюджетъ, то этому она, конечно, прежде всего обязана постоянной и цѣлесообразной работѣ тюремныхъ комитетовъ. Въ послѣдніе годы дѣятельность попечительнаго общества подвергалась у насъ частой и суровой критикѣ. Общество признавалось отжившимъ свой вѣкъ учрежденіемъ, въ жизнь котораго вторглись элементы бюрократическаго производства и канцелярской отписки. Все это—особливо же послѣднее—вѣрно, и упреки, дѣлаемые обществу, въ значительной мѣрѣ справедливы. Но все-таки не надо забывать и его заслугъ. Оно—въ той формѣ, которую представляло въ послѣдніе годы своего существованія—отжило, но оно *жило*.

Въ Москвѣ учрежденіе губернскаго тюремнаго комитета было разрѣшено 24 января 1828 года, по представленію и настоянію генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Люди разныхъ партій и во всемъ противоположныхъ мнѣній сходятся въ высокой оцѣнкѣ ума и душевныхъ качествъ этого человѣка. Правнукъ воспитателя Петра Великаго, сынъ замѣчательной по своему образованію и характеру дочери графа Чернышева («la princesse Moustache»), проведшій свою юность въ Парижѣ, среди избраннаго французскаго общества, блиставшаго тѣмъ возбужденіемъ, которое предшествовало началу революціи, слушатель въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, отважный въ бояхъ,—независимый и ненуждавшійся ни въ средствахъ, ни въ службѣ,—прямодушный преданный безъ искательства, — властный безъ ненужнаго проявленія власти,—неизмѣнно вѣжливый, привѣтливый и снисходительный, екатериненскій вельможа по пріемамъ, передовой человѣкъ своего времени по идеямъ,—князь Д. В. Голицынъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора Николая и нѣжною любовью москвичей. Онъ не могъ не откликнуться на человѣколюбивые планы Венинга, и вся первоначальная организація московскаго комитета есть дѣло его рукъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Рядъ постановленій и инструкцій написанъ имъ лично; на множествѣ журналовъ комитета и на разнымъ запискахъ, туда представленныхъ, есть масса его помѣтокъ, разсужденій, резолюцій. Онъ входилъ во все, во всѣ мелочи, излагая свои мнѣнія, предположенія и сомнѣнія прекраснымъ, точнымъ языкомъ,—красивымъ, бѣглымъ, немного женскимъ, почеркомъ. Нельзя не удивляться энергіи и умѣнью находить время для занятія новымъ дѣломъ человѣка, по условіямъ своего званія державшаго въ рукахъ бразды правленія «сердцемъ Россіи», которое въ это время, воспрянувъ послѣ наполеоновскаго погрома, билось со всею полнотою и силою обновленной жизни.

Назначенный вице-президентомъ московскаго комитета вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, Голицынъ былъ очень озабоченъ личнымъ составомъ комитета. Въ дѣлахъ послѣдняго сохранился рядъ его собственноручныхъ списковъ съ именами тѣхъ, кто, по его мнѣнію, съ пользою могъ послужить дѣлу тюремнаго преобразованія въ званіи директора. Списки эти передѣлывались, провѣрялись. Изъ врачей въ нихъ предположено было внести—знаменитаго анатома Лодера, профессоровъ Мудрова и Рейса, докторовъ Поля и *Гааза*. Послѣдній фигурировалъ во всѣхъ проектахъ и одинъ остался въ окончательномъ спискѣ. Замѣчательно, что московскій городской голова, Алексѣй Мазуринъ, «принося совершеннѣйшую благодарность за милостивое къ нему вниманіе», категорически отказался отъ званія директора и что то же самое сдѣлали купцы Лепешкинъ и Куманинъ.

29 декабря 1828 года комитетъ былъ торжественно открытъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Составленная имъ рѣчь лучше всего рисуетъ его отношеніе къ новой задачѣ и пониманіе имъ ея размѣровъ. «Давно чувствовалъ я, милостивые государи,—сказалъ онъ,—необходимость лучшаго устройства тюремныхъ заведеній въ здѣшней столицѣ посредствомъ попечительнаго комитета, уже существующаго въ Петербургѣ, но разныя обстоятельства не дозволяли мнѣ того исполнить... Съ помощью Божьею приступая нынѣ къ открытію сего комитета, я въ душѣ моей увѣренъ, что отъ соединенія взаимныхъ трудовъ и усилій нашихъ произойдутъ плоды вожделѣннѣйшіе, не только въ отношеніи къ обществу и нравственности, но и въ отношеніи къ самой религіи, и что, можетъ быть, мы будемъ столько счастливы, что найдемъ между заключенными въ тюрьмахъ и такихъ, которые оправдаютъ нашимъ попеченіемъ объ нихъ ту великую истину, *что и злѣйшіе изъ преступниковъ никогда не безнадежны къ исправленію*»...

Но какъ бы широко ни были проникнуты человѣчностью взгляды Голицына на дѣятельность комитета, онъ одинъ, самъ по себѣ, не могъ бы еще многаго сдѣлать уже потому, что предсѣдательство въ тюремномъ комитетѣ составляло лишь одну изъ частицъ, и притомъ весьма некрупныхъ, всей совокупности его сложныхъ обязанностей. Несмотря на теплое отношеніе къ задачамъ комитета, онъ не могъ даже предсѣдательствовать во всѣхъ его засѣданіяхъ, и его часто замѣнялъ митрополитъ Филаретъ.

Голицынымъ былъ лишь данъ толчокъ, была указана возвышенная задача,—но задача эта могла оказаться неисполнимою и тщетною, еслибы не нашелся человѣкъ, посвятившій ей свою жизнь, начавшій биться какъ сердце новаго учрежденія, давая чувствовать свои толчки во всѣхъ артеріяхъ его сложнаго организма.

Человѣкъ этотъ былъ—Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

III.

Фридрихъ Іосифъ (Θедоръ Петровичъ — какъ называли его всѣ въ Москвѣ) Гаазъ (Haas) родился 24 августа 1780 года близъ Кёльна, въ старинномъ живописномъ городкѣ Мюнстерейфелѣ, гдѣ его отецъ былъ аптекаремъ и гдѣ поселился, переѣхавъ изъ Кёльна, его дѣдъ, докторъ медицины. Семья, въ которой провелъ свое дѣтство Гаазъ, была довольно многочисленная, состоя изъ пяти братьевъ и трехъ сестеръ, но, несмотря на скромныя средства его отца, всѣ его братья получили солидное образованіе. Двое старшихъ, окончивъ курсъ богословскихъ наукъ, приняли духовный санъ, двое младшихъ пошли на службу по судебной части. Двѣ сестры вышли замужъ, а третья — Вильгельмина, прожившая въ Москвѣ десять лѣтъ (1822—1832) съ братомъ, вернулась въ Кёльнъ, гдѣ замѣнила осиротѣлымъ дѣтямъ одного изъ братьевъ — ихъ умершую мать. Она умерла въ 1866 году, а въ 1876 году умеръ, въ возрастѣ 86 лѣтъ, и послѣдній, младшій изъ братьевъ Гааза, занимавшій должность члена въ кёльнскомъ апелляціонномъ судѣ, какъ писала намъ Анна Гаазъ, отъ 2 ноября 1891 г. Воспитанникъ мѣстной католической церковной школы, потомъ усердный слушатель курсовъ философіи и математики въ Іенскомъ университетѣ, Фридрихъ Гаазъ окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ особенности занимался глазными болѣзнями подъ руководствомъ пользовавшагося тогда большою извѣстностью офтальмолога, профессора Адама Шмидта. Призванный случайно къ заболѣвшему русскому вельможѣ Репнину и съ успѣхомъ его вылѣчившій, онъ, вслѣдствіе уговоровъ своего благодарнаго паціента, отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Россію и поселился, съ 1802 года, въ Москвѣ.

Любознательный, энергическій и способный молодой врачъ скоро освоился съ русскою столицею и пріобрѣлъ въ ней большую практику. Его приглашали на консультаціи, ему были открыты московскія больницы и богоугодныя заведенія. Обозрѣвая ихъ въ 1806 году, онъ нашелъ въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ множество совершенно безпомощныхъ больныхъ, страждущихъ глазами, и принялся, съ разрѣшенія губернатора Ланского, за ихъ безвозмездное лѣченіе. Успѣхъ этого врачеванія былъ огромный и всѣми признанный, послѣдствіемъ чего явилось настойчивое желаніе привлечь молодого и искуснаго доктора на дѣйствительную службу, такъ что уже 4 іюня 1807 г. контора Павловской больницы въ Москвѣ получила приказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «по отличному одобренію знанія и искусства доктора медицины Гааза, какъ въ лѣченіи разныхъ болѣзней, такъ и въ операціяхъ, Ея Императорское Величество (императрица Марія Θеодоровна) находитъ его достойнымъ быть опредѣлену въ Пав-

ловской больницѣ надъ медицинскою частью главнымъ докторомъ... и Высочайше соизволяетъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе, а его, Гааза, *заставить вступить въ сію должность немедленно*... что же касается до того, что онъ россійскаго языка не умѣетъ, то онъ можетъ онаго выучить скоро, столько, сколько нужно будетъ по его должности, а между тѣмъ съ нашими штабълѣкарями онъ можетъ изъясняться по-латынѣ»...

Вступивъ въ должность старшаго врача, Гаазъ не оставилъ своихъ заботъ о страдающихъ глазами и постоянно посѣщалъ ихъ въ различныхъ заведеніяхъ Москвы. Особенно многихъ пришлось ему лѣчить въ Екатерининскомъ богадѣленномъ домѣ, за что, по представленію Ланского, ему былъ данъ Владимірскій крестъ 4-й степени, который онъ очень впослѣдствіи цѣнилъ, какъ воспоминаніе о первыхъ годахъ его дѣятельности въ Россіи.

Въ 1809 и 1810 годахъ, Гаазъ совершилъ двѣ поѣздки на Кавказъ, для ознакомленія съ тамошними минеральными водами. Выхлопотать себѣ право на эти поѣздки стоило ему не малаго труда. Вторая поѣздка была ему разрѣшена лишь въ видѣ исключенія и съ тѣмъ, что, какъ сказано въ приказѣ по больницѣ 31-го мая 1810 года, онъ «сей просьбы впредь повторять не будетъ». Но польза, принесенная этими поѣздками, была все-таки сознана и притомъ скоро, такъ какъ уже 22-го февраля 1811 г. статсъ-секретарь Молчановъ увѣдомлялъ министра полиціи о производствѣ Гааза въ надворные совѣтники, вслѣдствіе обращенія государемъ особаго вниманія на отличные способности, усердіе и труды доктора Гааза «не токмо въ исправленіи должности въ Павловской больницѣ, но и неоднократно имъ оказанные во время пребыванія при кавказскихъ цѣлительныхъ водахъ».

Описаніе своего пребыванія на Кавказѣ и предпринятыхъ тамъ работъ Гаазъ изложилъ въ превосходно изданной имъ въ 1811 году книгѣ: «Ma visite aux eaux d'Alexandre» (большой in 4°,365 страницъ), составляющей нынѣ большую рѣдкость, ибо большая часть ея экземпляровъ погибла при пожарѣ Москвы. Пребываніе Гааза на Кавказѣ было весьма плодотворно. Драгоцѣннѣйшіе источники, пользованіе которыми и до сихъ поръ, благодаря бюрократической инерціи, не поставлено въ надлежащія культурныя условія, въ началѣ нынѣшняго столѣтія находились въ полномъ забросѣ и пренебреженіи. Когда, въ ноябрѣ 1800 года, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ доносилъ о мѣрахъ, которыя предприняты имъ для охраненія и огражденія отъ горцевъ теплыхъ и кислыхъ водъ около Константиногорска, полезныхъ для излѣченія «отъ ломотныхъ и скорбутныхъ болѣзней», то онъ получилъ въ отвѣтъ рескриптъ императора Павла отъ 15-го декабря 1800 г., въ которомъ говорилось, что «издержки и вспомоществованіе со стороны войскъ, для содержанія сихъ колодцевъ надобныя, не соотвѣтствуютъ той пользѣ, которую отъ нихъ ожидать можно, тѣмъ паче, что

въ государствѣ разные таковые колодцы мы имѣемъ; все сіе рѣшило меня вамъ предписать оставить сіе предпріятіе впредь до удобнаго времени»...

Труды Гааза по изслѣдованію и изученію этихъ водъ были столь обильны результатами, что знатокъ исторіи этихъ водъ, докторъ Святловскій, предлагаетъ даже назвать первый періодъ этой исторіи, съ 1717 по 1810 гг., *Петровско-Гаазовскимъ*, такъ какъ еще Петръ, каждый слѣдъ котораго, по выраженію поэта, «для сердца русскаго есть памятникъ священный», во время персидскаго похода приказалъ лейбъ-медику Шоберу обратить вниманіе на горячіе «бештаугорскіе ключи». Достаточно сказать, что Гаазъ не только впервые систематически и научно изслѣдовалъ и описалъ одно изъ богатыхъ природныхъ достояній Россіи, но и лично открылъ сѣрно-щелочный источникъ въ Ессентукахъ, обозначенный въ 1823 г. № 23,—и рядъ цѣлебныхъ ключей въ Желѣзноводскѣ. Профессоръ Нелюбинъ, авторъ обширнаго труда «Полное описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ» (1825 г.), считающагося доселѣ однимъ изъ выдающихся, говоритъ: «Докторъ Гаазъ, во время пребыванія своего на кавказскихъ водахъ, произвелъ въ Константиногорскѣ (нынѣ Желѣзноводскъ) химическое изслѣдованіе надъ тремя сѣрными источниками Машука... Да дозволено мнѣ будетъ съ особеннымъ уваженіемъ и признательностью упомянуть о трудахъ доктора Гааза и профессора Рейса: оба они, по всей справедливости, оказали большую услугу минеральнымъ водамъ—первый своими врачебными наблюденіями, а послѣдній—химическимъ разложеніемъ водъ; въ особенности же должно быть благодарнымъ Гаазу за принятый имъ на себя трудъ изслѣдовать, кромѣ главнаго источника, еще два сѣрныхъ ключа на Машукѣ и одинъ на Желѣзной горѣ, которые до того времени еще никѣмъ не были испытаны. Сочиненіе, изданное Гаазомъ по сему предмету, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ первымъ и лучшимъ въ своемъ родѣ».

Сдѣланное Гаазомъ описаніе водъ, содержа въ себѣ массу химическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ наблюденій, изобилуетъ живыми изображеніями природы и условій жизни на Кавказѣ. Глубокое уваженіе къ наукѣ и негодованіе на ея недостойныхъ служителей звучатъ въ книгѣ Гааза наравнѣ съ отголосками его обширнаго философскаго образованія. Частыя цитаты изъ Шеллинга и Бэкона и разнообразныя историческія ссылки свидѣтельствуютъ, что авторъ не односторонній знатокъ только своего спеціальнаго дѣла, что онъ къ тридцатымъ годамъ жизни уже много передумалъ и перечувствовалъ. «Aucune chose n'est mèdicament en elle même; toute chose peut le devenir par la manière de l'appliquer à l'organisme; tout médicament peut devenir poison dans certains états de l'organisme—et par certaines manières de l'employer»,—говорилъ онъ. «La médicine,—продолжалъ онъ далѣе,—

est la science, qui recherche le rapport qui existe entre les différentes substances de la nature et entre les différents états du corps humain. La mèdecine est *la reine des sciences*. Elle l'est non parce que la vie, qu'elle soigne, est une chose si charmante et si chère aux hommes; elle l'est parce que la santé de l'homme est la condition sans laquelle rien ne se fait de grand et de beau dans le monde; parce que la vie en général, que la médecine contemple, est la source, la fin et la règle de tout; parce que la vie, dont la médecine est la science, est l'essence même, dont toutes les autres sciences sont des attributs, des émanations, des différents raflets».

Ставя чрезвычайно высоко дѣятельность врача, Гаазъ тутъ же прибавляетъ: «mais nous répudions comme membres de cet art sacré, les personnes mercenaires, qui par une prévarication ignoble, sacrifient également le salut des malades à leur orgueil et à leur cupidité—et leur propre honneur aux caprices humiliants des malades bienportans». Свое высокое мнѣніе о званіи врача Гаазъ выразилъ, впрочемъ, еще раньше, написавъ, въ 1806 году, въ альбомъ своего товарища по университету, Эрлевейна: «Was der Mensch unter den Producten der Natur ist, das ist der Arzt unter den Gelehrten».

Не имѣя возможности, даже и въ краткомъ очеркѣ, изложить интереснѣйшее содержаніе книги Гааза, мы приведемъ лишь одно мѣсто изъ нея, пріобрѣтающее особое значеніе въ виду дальнѣйшей дѣятельности автора, наполнившей всю вторую половину его жизни. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—рѣдко думаетъ и дѣйствуетъ въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ занятъ; образъ его мыслей и дѣйствій обыкновенно опредѣляется совокупностью обстоятельствъ, отношеніе коихъ между собою и вліяніе на то, что̀ онъ называетъ своимъ рѣшеніемъ или своею волею, ему не только извѣстны, но и вовсе имъ не сознаются. Признавать эту зависимость человѣка отъ обстоятельствъ—не значитъ отрицать въ немъ способность правильно судить о вещахъ, сообразно ихъ существу—или считать за ничто вообще волю человѣка. Это было бы равносильно признанію человѣка—этого чуднаго творенія—несчастнымъ автоматомъ. Но указывать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, какъ рѣдки между людьми настоящіе люди. Эта зависимость требуетъ снисходительнаго отношенія къ человѣческимъ заблужденіямъ и слабостямъ. Въ этомъ снисхожденіи, конечно, мало лестнаго для человѣчества,—но упреки и порицанія по поводу такой зависимости были бы и несправедливы, и жестоки».

Оставивши службу 1-го іюня 1812 года, онъ вновь вступилъ въ нее въ 1814 году и, будучи зачисленъ въ началѣ въ дѣйствующую армію, былъ подъ Парижемъ, а затѣмъ, выйдя по окончаніи войны въ отставку, отправился въ Мюнстерейфель, гдѣ, какъ сообщаетъ намъ племянница его, Анна Гаазъ, въ письмѣ отъ 22-го

марта 1891 г., засталъ всю семью въ сборѣ у постели умирающаго отца. Старикъ былъ радостно тронутъ неожиданнымъ свиданіемъ. «Нынѣ отпущаеши, Господи, раба Твоего съ миромъ»,— повторялъ онъ, благославляя сына, на рукахъ котораго и умеръ. Пребываніе на родинѣ продолжалось, однако, не долго. Гааза неудержимо тянуло въ страну, гдѣ онъ ужъ началъ работать на общую пользу. Онъ вернулся въ Россію—и, вполнѣ овладѣвъ русскимъ языкомъ, слился душою съ русскимъ народомъ, понявъ и полюбивъ его. Первое время онъ не поступалъ на службу, а занимался частною практикою, которая вскорѣ приняла обширные размѣры. Гаазъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ врачей Москвы. Несмотря на полное отсутствіе корысти, онъ, въ силу своего положенія, явился обладателемъ весьма хорошихъ средствъ. Его постоянно приглашали на консультаціи, съ нимъ пріѣзжали совѣтоваться издалека. Въ 1821 году, Сабанѣевъ пишетъ на Кавказъ, Ермолову, уговаривая послѣдняго пріѣхать въ Москву, чтобы посовѣтоваться о своихъ недугахъ съ Гаазомъ.

Вскорѣ, однако, Гаазу снова пришлось поступить на службу. Въ вѣдѣніи московской медицинской конторы находилась запасная аптека, снабжавшая медикаментами армію въ 300 т. человѣкъ и 30 госпиталей и больницъ. Вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій въ ея управленіи и содержаніи, штадтъ-физикъ былъ смѣщенъ и министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ генералъ-губернатору избрать на эту должность «достойнаго». Князь Голицынъ обратился къ Гаазу, который долго отказывался, «будучи удерживаемъ мыслью о своихъ несовершенствахъ», но, наконецъ, принялъ званіе штадтъ-физика 14-го августа 1825 года, тотчасъ же дѣятельно принялся за вопросы о различныхъ преобразованіяхъ по медицинской части столицы и повелъ горячую войну съ мертвящею апатіею, которую встрѣтилъ въ своихъ сослуживцахъ по медицинской конторѣ. Новое, живое отношеніе его къ задачамъ медицинской администраціи столицы непріятно тревожило ихъ спокойствіе и колебало прочность ихъ взглядовъ и пріемовъ. Пошли пререканія, жалобы, доносы. Въ нихъ Гаазъ выставлялся, неспокойнымъ, неуживчивымъ человѣкомъ, утруждающимъ начальство разными вздорными проектами. По благородной привычкѣ, незабытой и до сихъ поръ, припѣвомъ ко всѣмъ на него нареканіямъ явилось его не-русское происхожденіе и то, что за нимъ не было долгихъ непрерывныхъ лѣтъ «хожденія въ присутствіе». Повторилась обычная исторія. Сплотившіяся въ общемъ чувствѣ ненависти и зависти къ новатору, да еще и «нѣмцу»—ничтожества одолѣли, въ концѣ концовъ, Гааза. Отстаивая свои планы и предположенія, оправдываясь съ достоинствомъ и твердостью сознаваемой правоты, штадтъ-физикъ, однако, чрезъ годъ долженъ былъ признать, что не въ силахъ ничего сдѣлать съ бюрократическою рутиною и недоброжелательствомъ.

Онъ предлагалъ, напримѣръ, упорядочить продажу «секретныхъ» средствъ и облегчить русскимъ изобрѣтателямъ возможность примѣненія и сбыта придуманныхъ или найденныхъ ими полезныхъ средствъ. Ему отвѣчали, что *на сей предметъ уже существуютъ надлежащія и достаточныя законоположенія.* Представляя полицейскія свѣдѣнія о скоропостижно умершихъ въ 1825 г. въ Москвѣ (всего въ теченіе года 176, въ томъ числѣ отъ «апоплексическаго кровомокротнаго удара вслѣдствіе грудной водяной болѣзни» два) и совершенно основательно, въ виду ряда приводимыхъ имъ примѣровъ, предполагая, что большинство изъ нихъ умерло отъ несвоевременно поданной помощи и даже отъ полнаго ея отсутствія, онъ предлагалъ просить объ учрежденіи въ Москвѣ особаго врача, для наблюденія за организаціею попеченія о внезапно заболѣвшихъ, нуждающихся въ немедленной помощи,—по примѣру Гамбурга, гдѣ въ продолженіе 18 лѣтъ, начиная съ 1808 года, спасено изъ 1.794, близкихъ къ скоропостижной смерти, 1.677 человѣкъ. Контора отвѣчала ему постановленіемъ о томъ, что мѣра эта *излишня и безполезна,* ибо при каждой части города Москвы есть уже *положенный по штату лѣкарь.* Указывая, что въ 1815 году было упразднено въ Екатерининской больницѣ 50 кроватей для крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, вслѣдствіе отказа установить плату съ владѣльцевъ такихъ больныхъ по 5 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ, и что вслѣдствіе этого съ 1822 по 1825 годъ отказано въ пріемѣ 2.774 больнымъ, нѣкоторые изъ коихъ были брошены на улицѣ и тамъ скончались, онъ, ссылаясь на увеличеніе средствъ приказа общественнаго здравія, просилъ контору хлопотать о возстановленіи упраздненныхъ кроватей, «будучи далекъ отъ безнадежности хотя бы и чрезъ сіе малое пособіе предуготовить помощь нѣкоторымъ изъ великаго числа страждущихъ». Ему отвѣчали лаконическою отпискою, что о представленіи его будетъ *доведено до свѣдѣнія* по принадлежности. Испуганный результатомъ оспеннаго зараженія въ Москвѣ, онъ входилъ въ контору съ подробною запискою о рядѣ практическихъ мѣръ и необходимыхъ средствъ къ успѣшному введенію оспопрививанія, встрѣчавшаго постоянныя препятствія въ апатическомъ и недобросовѣстномъ отношеніи къ нему мѣстныхъ врачей и иныхъ начальствъ и въ «предразсудкахъ многихъ людей, будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаясь отъ сего какого-то поврежденія въ здоровьѣ и даже нѣкотораго худого вліянія на самую нравственность». Записка сопровождалась «прожектомъ» и различными, потребовавшими усидчиваго труда табелями и реестрами. Ему отвѣчали постановленіемъ объ отсылкѣ записки «по принадлежности», съ присовокупленіемъ мнѣнія, что по предмету оспопрививанія *уже существуютъ надлежащія законныя постановленія.* Наконецъ, его тревожилъ нецѣлесообразный и противорѣчащій элементарнымъ понятіямъ о ду-

шевныхъ болѣзняхъ порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ, къ сожалѣнію сохранившій многія свои ненормальныя стороны и до сихъ поръ. Нужно требовать, утверждалъ онъ, предварительныхъ свѣдѣній отъ родныхъ, повѣствующихъ о жизни свидѣтельствуемаго, характерѣ и признакахъ болѣзни, нужно подвергать его предварительному испытыню чрезъ врачей,—а нельзя прямо, внезапно, безъ всякихъ свѣдѣній о прошломъ, ставить человѣка «подчиненнаго или меньшаго званія», предъ «первѣйшими лицами губернскаго правительства», не рискуя смутить его, принудить къ молчанію и вообще лишить возможности сохранять свое умственное спокойствіе, тѣмъ болѣе, что и члены физиката, люди подчиненные губернатору, «сами часто бываютъ объяты къ послѣднему чувствомъ, мѣшающимъ заняться съ полнымъ вниманіемъ и свободою больнымъ, которому они, поэтому же, не внушаютъ и довѣрія». Предлагая рядъ правилъ, быть можетъ не лишнихъ и теперь, чрезъ семьдесять-пять лѣтъ, и гарантирующихъ научность и независимость въ изслѣдованіи состоянія предполагаемыхъ сумасшедшихъ, Гаазъ просилъ медицинскую контору взять его мнѣніе въ разсужденіе. Контора не нашла, однако, представленіе это достойнымъ «взятія въ разсужденіе», а ограничилась препровожденіемъ его гражданскому генералъ-штабъ-доктору.

Такимъ образомъ, канцелярская трясина засасывала почти каждое мнѣніе или начинаніе «безпокойнаго» штадтъ-физика, отвѣчая на нихъ своего рода указаніями — въ родѣ занесеннаго въ протоколъ замѣчанія инспектора медицинской конторы Добронравова о томъ, что «конторѣ неизвѣстно, *какими путями* достигъ, будучи *иноземцемъ*, докторъ Гаазъ чиновъ». Объяснивъ, въ офиціальномъ письмѣ на имя инспектора, что еще 1-го марта 1811 года императрица Марія Θеодоровна увѣдомила рескриптомъ главнаго директора Павловской больницы, что, «уважая искусство и рвеніе доктора Гааза, она испросила у Императора, Любезнѣйшаго своего Сына, пожалованіе ему чина надворнаго совѣтника, въ ожиданіи, что онъ тѣмъ поощрится къ усугубленію ревностнаго своего старанія»,—Гаазъ прибавляетъ: «съ тѣхъ поръ, уже 16 лѣтъ, я посвятилъ всѣ свои силы на служеніе страждущему человѣчеству въ Россіи, и если чрезъ сіе не пріобрѣлъ нѣкоторымъ образомъ права на усыновленіе, какъ предполагаетъ г. инспекторъ, говоря, что я иноземецъ, то я буду весьма несчастливъ»...—27-го іюля 1826 года — своеобразное патріотическое чувство г. Добронравова получило полное удовлетвореніе. Иноземецъ оставилъ должность штадтъ-физика. Но его недругамъ этого было мало. Они хотѣли оставить ему прочное о себѣ воспоминаніе. Въ виду того, что въ запасной аптекѣ оказался испорченнымъ отъ сырости огромный запасъ ревеня (медикамента очень цѣннаго), Гаазъ предпринялъ, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, ремонтъ зданія, стоившій 1.502 р. и устроилъ при этомъ, сверхъ смѣты, блокъ для

поднятія ревеня въ верхніе этажи и чуланчики при помѣщеніи служащихъ. Это послужило къ возбужденію переписки «о незаконномъ израсходованіи бывшимъ штадтъ-физикомъ Гаазомъ 1.502 р.», которая, несмотря на письменное обязательство его уплатить эту сумму изъ собственныхъ денегъ, еслибы выдача не была утверждена начальствомъ, длилась, причиняя ему много волненій и непріятностей, *девятнадцать лѣтъ* и окончилась признаніемъ его дѣйствій вполнѣ правильными. Цѣль отомстить честному человѣку, уязвивъ его въ самое больное мѣсто, была достигнута.

Оставя медицинскую контору, Гаазъ снова предался частной практикѣ, отзываясь на всякую нужду въ немъ, какъ въ медикѣ. Такъ, еще въ концѣ 1826 года московскій комендантъ доносилъ генералъ-губернатору, что развившаяся съ чрезвычайною силою въ московскомъ отдѣленіи для кантонистовъ эпидемическая глазная болѣзнь прекращена, лишь благодаря энергіи и знаніямъ нарочито приглашеннаго извѣстнаго специалиста доктора Гааза.

Въ это время ему было 47 лѣтъ; онъ постоянно носилъ костюмъ своихъ молодыхъ лѣтъ, напоминавшій прошлое столѣтіе—фракъ, бѣлое жабо и манжеты,—короткіе, до колѣнъ, панталоны, черные шелковые чулки, башмаки съ пряжками; пудрилъ волосы и собиралъ ихъ, сначала сзади въ широкую косу съ чернымъ бантомъ, а затѣмъ, начавъ сильно терять волосы, сталъ носить небольшой рыжеватый парикъ:—ѣздилъ, по тогдашней модѣ, цугомъ, въ каретѣ, на четырехъ бѣлыхъ лошадяхъ. Обладая въ Москвѣ домомъ и подмосковнымъ имѣніемъ въ селѣ Тишкахъ, гдѣ онъ устроилъ суконную фабрику, Гаазъ велъ жизнь серьезнаго, обезпеченнаго и пользующагося общественнымъ уваженіемъ человѣка. Онъ много читалъ, любилъ дружескую бесѣду и состоялъ въ оживленной перепискѣ съ знаменитымъ Шеллингомъ.

Къ этому-то человѣку обратился князь Д. В. Голицынъ, набирая первый составъ московскаго попечительства о тюрьмахъ комитета. Гаазъ отвѣтилъ на приглашеніе горячимъ письмомъ, кончая его словами: «Simplement et pleinement je me rends à la vocation de membre du comité des prisons». И дѣйствительно, понявъ свое новое призваніе, онъ отдался ему вполнѣ, начавъ съ новою дѣятельностью и новую жизнь. Назначенный членомъ комитета и главнымъ врачемъ московскихъ тюремъ, и занимая съ 1830 по 1835 г. должность секретаря комитета, онъ приступилъ къ участію въ дѣйствіяхъ комитета съ убѣжденіемъ, что между *преступленіемъ, несчастіемъ* и *болѣзнью* есть тѣсная связь,—что трудно, а иногда и совершенно невозможно отграничить одно отъ другого и что отсюда вытекаетъ и трояхаго рода отношеніе къ лишенному свободы. Необходимо *справедливое,* безъ напрасной жестокости, отношеніе къ *виновному,* дѣятельное *состраданіе* къ *несчастному* и *призрѣніе больного.* Выше было указано, что положеніе вещей при открытіи тюремныхъ комитетовъ было совер-

шенно противоположное. За виновнымъ отрицались почти всѣ человѣческія права и потребности, больному отказывалось въ дѣйствительной помощи, несчастному—въ участіи.

Съ этимъ положеніемъ вещей вступилъ въ открытую борьбу Гаазъ и велъ ее всю жизнь. Его ничто не останавливало, не охлаждало,—ни канцелярскія придирки, затрудненія и путы, ни косые взгляды и ироническое отношеніе нѣкоторыхъ изъ предсѣдателей комитета, ни столкновенія съ сильными міра, ни гнѣвъ всемогущаго графа Закревскаго, ни даже частыя и горькія разочарованія въ людяхъ... Изъ книги, изданной послѣ его смерти (Appel aux femmes), онъ вѣщаетъ: «*торопитесь дѣлать добро!*» слова эти были лозунгомъ всей его дальнѣйшей жизни, каждый день который былъ живымъ ихъ подтвержденіемъ и осуществленіемъ. Увидавъ во-очію положеніе тюремнаго дѣла, войдя въ соприкосновеніе съ арестантами, Өедоръ Петровичъ очевидно испыталъ сильное душевное потрясеніе. Мужественная душа его не убоялась, однако, горькаго однообразія представившихся ему картинъ, не отвернулась отъ нихъ съ трепетомъ и безплоднымъ соболѣзнованіемъ. Съ непоколебимою любовью къ людямъ и къ правдѣ вглядѣлся онъ въ эти картины и съ упорною горячностью сталъ трудиться надъ смягченіемъ ихъ темныхъ сторонъ. Этому труду и этой любви отдалъ онъ все свое время, постепенно переставъ жить для себя. Съ открытія комитета до кончины Өедора Петровича, въ теченіе почти 25 лѣтъ, было всего 293 засѣданія комитета—и въ нихъ онъ отсутствовалъ только одинъ разъ, да и то мы увидимъ, по какому поводу. И въ журналѣ каждаго засѣданія, какъ въ зеркалѣ, отражается его неустанная, полная энергіи и забвенія о себѣ дѣятельность. Чѣмъ далѣе шли годы, чѣмъ больше накоплялось этихъ журналовъ, тѣмъ рѣзче измѣнялись образъ и условія жизни Гааза. Быстро исчезли бѣлыя лошади и карета, съ молотка пошла оставленная безъ «хозяйскаго глаза» и заброшенная суконная фабрика, безслѣдно продана была недвижимость, обветшалъ оригинальный костюмъ, и когда, въ 1853 году, пришлось хоронить нѣкогда виднаго и извѣстнаго московскаго врача, обратившагося, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ смѣшного одинокаго чудака, то оказалось необходимымъ сдѣлать это на счетъ полиціи...

IV.

Обязанный по должности своей сразу имѣть дѣло и съ тюремной статикой и съ тюремной динамикой, Гаазъ тотчасъ же прозрѣлъ, сквозь загрубѣлыя черты арестанта, нестираемый преступленіемъ образъ человѣка, образъ существа, представляющаго физическій и нравственный организмъ, которому доступно страданіе. На уменьшеніе этого двоякаго страданія онъ и направилъ свою дѣятельность.

Каждую недѣлю разъ, а иногда и два, отправлялась изъ Москвы партія ссылаемыхъ въ Сибирь. Пересыльная тюрьма была устроена въ странномъ мѣстѣ. На правомъ берегу Москвы рѣки, противъ Дѣвичьяго поля и знаменитаго монастыря, холмистою грядою возвышаются такъ называемыя Воробьевы горы. Почти вся Москва видна съ нихъ, со своими многочисленными церковными главами, башнями и монументальными постройками. На нихъ то хотѣлъ императоръ Александръ I воздвигнуть храмъ Спасителю по обѣту, данному въ манифестѣ, возвѣстившимъ въ 1812 году русскому народу, что «послѣдній непріятельскій солдатъ переступилъ границу». Громадный храмъ, по проекту молодого, мистически настроеннаго художника Витберга, долженъ былъ состоять изъ трехъ частей, связанныхъ между собою одною общею глубокою идеею. Начинаясь колоннадами отъ рѣки, храмъ образовывалъ сначала нѣчто въ родѣ полутемной колоссальной гробницы, изсѣченной въ горѣ и хранящей въ своихъ нѣдрахъ останки героевъ двѣнадцатаго года,—затѣмъ отъ этого царства смерти онъ переходилъ въ свѣтлый и богато украшенный храмъ жизни, увѣнчанный, въ свою очередь, храмомъ духа, строгимъ и прозрачнымъ, покрытымъ колоссальнымъ куполомъ. Неопытный въ жизни, довѣрчивый и непрактичный Витбергъ сдѣлался жертвою злоупотребленій и хищничества окружавшихъ его техниковъ-строителей и подрядчиковъ. Постройка храма стала обходиться такъ дорого, что проектъ показался невыполнимымъ. Витбергъ былъ отданъ подъ судъ, работа на Воробьевыхъ горахъ брошена и храмъ Спасителя возникъ гораздо позже на своемъ теперешнемъ мѣстѣ. Но отъ обширнаго предпріятія остались различныя постройки, начатыя стѣны, мастерскія, казармы для рабочихъ, кузницы и т. п. Ихъ рѣшено было утилизировать и приспособить къ устройству пересыльной тюрьмы. Такъ возникла та тюрьма на Воробьевыхъ горахъ, съ которою неразрывно связалъ свое имя Гаазъ.

Черезъ московскую пересыльную тюрьму шли арестанты, ссылаемые изъ 24 губерній и число ихъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ никогда не было менѣе 6.000 человѣкъ въ годъ. Такъ напр., въ 1846 г. прошло черезъ московскую пересыльную тюрьму, въ Сибирь и въ другія губерніи, арестантовъ военныхъ и гражданскихъ, не считая слѣдовавшихъ «подъ присмотромъ»—6.760 человѣкъ, въ 1848 году—7.714, въ 1850 году—8,205. Въ нѣкоторые годы число пересылаемыхъ, подъ вліяніемъ особыхъ временныхъ обстоятельствъ, очень увеличивалось и этапу приходилось работать усиленно. Такъ изъ отчета штабъ-лѣкаря Гофмана о числѣ задержанныхъ для справокъ и по болѣзнямъ въ московской пересыльной тюрьмѣ въ 1833 году видно, что всѣхъ пересылаемыхъ въ этомъ году было 18.147 человѣкъ, изъ которыхъ *арестантовъ* 11.149 (мужчинъ—10.423, женщинъ—726) и пересылаемыхъ *«не въ родѣ арестантовъ»*—6.998 (мужчинъ 6.971,

женщинъ—27). Вообще съ 1827 года по 1846 г. въ одну Сибирь изъ Россіи препровождено черезъ Москву 159.755 человѣкъ, не считая дѣтей, слѣдовавшихъ за родителями.

Принявшись горячо за исполненіе обязанностей директора комитета и получивъ подъ свое наблюденіе, между прочимъ, и пересыльную тюрьму, Гаазъ сразу пришелъ въ соприкосновеніе со всею массою пересылаемыхъ, и картина ихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, далеко выходившихъ за предѣлы установленной закономъ даже и для осужденныхъ кары, предстала ему во всей своей яркости. Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, его поразило *препровожденіе ссыльныхъ на прутѣ*. Онъ увидѣлъ, что тягости пути обратно пропорціональны признанной судомъ винѣ ссылаемыхъ, ибо въ то время, когда важнѣйшіе преступники, отправляемые на каторгу, свободно шли въ ножныхъ кандалахъ, подвѣшивая ихъ къ поясу за среднее кольцо, соединявшее ножныя обоймы цѣпи, — менѣе важные, шедшіе на поселеніе, нанизанные на прутъ, стѣсненные во всѣхъ своихъ движеніяхъ и естественныхъ потребностяхъ, претерпѣвали въ пути всевозможныя муки и были лишены всякаго отдыха при остановкѣ на полуэтапахъ, вслѣдствіе лишенія единственнаго утѣшенія узника — спокойнаго сна. Онъ услышалъ слезныя мольбы *ссыльно-поселенцевъ*, просившихъ, какъ благодѣянія, обращенія съ ними, какъ съ *каторжными*. Онъ нашелъ также прикованными къ пруту не однихъ осужденныхъ, но, на основаніи ст. 120 уст. о ссыльныхъ, т. XIV (изд. 1842 г.), и препровождаемыхъ «подъ присмотромъ», т.-е. пересылаемыхъ административно на мѣсто приписки или жительства, просрочившихъ паспорты, плѣнныхъ горцевъ и заложниковъ, отправляемыхъ на водвореніе въ сѣверныя губерніи (журналы комитета за 1842 г.), бѣглыхъ кантонистовъ, женщинъ и малолѣтнихъ, и вообще массу людей, шедшихъ, согласно оригинальному народному выраженію, «по невродіи» (т.-е., говоря словами закона, «не въ родѣ арестантовъ»). Онъ нашелъ также между ними не только ссылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, но даже и препровождаемыхъ на счетъ владѣльцевъ, принадлежащихъ имъ людей изъ столицъ и другихъ городовъ до ихъ имѣній, т.-е., вѣрнѣе, до уѣздныхъ городовъ, гдѣ состояли имѣнія, причемъ внутренняя стража вела и ихъ «въ ручныхъ укрѣпленіяхъ».

«Я открылъ,—писалъ онъ комитету въ 1833 году,—въ діалектикѣ начальниковъ внутренней стражи изреченіе «имѣть присмотръ», которое въ переводѣ на простой языкъ конвойныхъ значитъ: «ковать и содержать, какъ послѣднихъ арестантовъ», а по толкованію самихъ арестантовъ—значитъ: «заковывать еще строже, чѣмъ каторжныхъ»... Съ тревогой и негодованіемъ созналъ онъ, что по «владиміркѣ» постоянно, со стономъ и скрежетомъ, направляются, непрерывно возобновляясь, эти подвижныя ланкастерскія школы взаимнаго обученія ненависти другъ къ другу, пре-

зрѣнію къ чужимъ страданіямъ, забвенію всякаго стыда и разврату въ словѣ и въ дѣлѣ!..

Но Гаазъ не принадлежалъ къ людямъ, которые принимаютъ совѣтъ «отойти отъ зла и сотворить благо», въ смыслѣ простого неучастія въ творимомъ другими злѣ, — его воспріимчивая душа слѣдовала словамъ поэта: «не иди во станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можешь быть». Онъ тотчасъ же забилъ тревогу по поводу прута, начавъ противъ этого орудія пытки борьбу, длившуюся съ настойчивою и неостывающею ненавистью съ октября 1829 многіе годы подъ рядъ. Онъ нашелъ себѣ союзника и вліятельнаго истолкователя въ князѣ Д. М. Голицынѣ. Представленія и разсказы Гааза подѣйствовали рѣшительнымъ образомъ на этого благороднаго и доступнаго голосу житейскихъ нуждъ человѣка.

Уже 27-го апрѣля 1829 года въ предложеніи комитету по поводу различныхъ заявленій Гааза, Голицынъ высказалъ полное сочувствіе его мысли объ отмѣнѣ пересылки на прутѣ и выразилъ твердое намѣреніе войти объ этомъ въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ походѣ, предпринятомъ затѣмъ по почину Гааза, князю Голицыну пришлось встрѣтиться и съ личнымъ недоброжелательствомъ, и съ медлительностью канцелярской рутины, и съ противопоставленіемъ ложныхъ интересовъ и самолюбиваго упорства отдѣльныхъ *вѣдомствъ* требованіямъ общественной пользы, справедливости и человѣколюбія. Нужно было много энергіи и любви къ правдѣ, чтобы — во время долгой и томительной переписки о прутѣ—на мѣстѣ Гааза не впасть въ уныніе, на мѣстѣ князя Голицына—не махнуть на весь вопросъ рукою.

Сообщеніе московскаго генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому о невозможности примѣнять прутъ къ препровожденію арестантовъ, ибо «сей образъ пересылки крайне изнурителенъ для сихъ несчастныхъ, такъ что превосходитъ самую мѣру возможнаго терпѣнія», сразу оскорбило нѣсколько самолюбій. Закревскому не могло нравиться, что московскій генералъ-губернаторъ возбуждаетъ *общій вопросъ*, не имѣющій прямого отношенія къ Москвѣ, и такимъ образомъ какъ бы указываетъ министру внутреннихъ дѣлъ на недосмотры и непорядки въ области его исключительнаго вѣдѣнія. Съ другой стороны, завѣдываніе арестантами во время пути лежало на чинахъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, находившагося подъ высшимъ начальствомъ военнаго министра, графа Чернышева, которому не по душѣ были не только вмѣшательство князя Голицына въ дѣйствія этапныхъ командъ при пересылкѣ арестантовъ, но и самъ князь Голицынъ, представлявшій, какъ личность, такъ мало съ нимъ сходства. Наконецъ, былъ еще человѣкъ, выступившій передовымъ и упорнымъ бойцомъ противъ Голицына и Гааза. Это былъ генералъ Капцевичъ, командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней

стражи. Оригинальная личность его, оставившая глубокій слѣдъ на русской тюремной динамикѣ, заслуживала бы подробнаго изученія, хотя бы съ точки зрѣнія противоположностей, могущихъ уживаться въ душѣ русскаго человѣка, вокругъ добрыхъ и даже трогательныхъ свойствъ которой постепенно наростаетъ кора упорнаго служебнаго бездушія. Сослуживецъ Аракчеева при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и заботливый до нѣжности начальникъ солдатъ, — суровый и рѣзкій въ обращеніи съ подчиненными и теплый, отзывчивый и человѣчный первоначальный стражъ декабристовъ въ Сибири, — ходатай и заступникъ за ссыльныхъ, какъ западно-сибирскій генералъ-губернаторъ и черствый формалистъ по отношенію къ нимъ же въ качествѣ командира внутренней стражи, Капцевичъ съ мрачною подозрительностью относился, въ концѣ 20-хъ годовъ, къ дѣятельности и задачамъ тюремныхъ комитетовъ и встрѣтилъ «затѣю» Голицына, за которымъ, какъ ему было извѣстно. стоялъ Гаазъ, вполнѣ враждебно. Но прямо отвергнуть все, что писалъ Голицынъ о прутѣ, и сказать ему, въ формѣ «оставленія безъ послѣдствій»: не мѣшайся не въ свое дѣло! — было невозможно. Онъ былъ слишкомъ сильный человѣкъ и могъ перенести свою распрю на рѣшительный и безповоротный судъ императора Николая, который вѣрилъ ему и въ него... Но можно было затянуть дѣло, направивъ его въ русло канцелярской переписки, и на краснорѣчивыя строки Голицына, проникнутыя великодушнымъ нетерпѣніемъ,—отвѣтствовать бюрократическимъ измоморомъ.

Такъ было и сдѣлано. У Закревскаго въ распоряженіи могли быть живые и независимые свидѣтели того, что такое на практикѣ «легкій» прутъ генерала Дибича. Но не къ нимъ обратился онъ съ запросомъ. Взглядъ московскаго генералъ-губернатора былъ подвергнутъ критикѣ этапныхъ начальниковъ. Они, для которыхъ прутъ во всякомъ случаѣ не представлялъ ничего стѣснительнаго, были спрошены о томъ, удобны ли прутья и правду ли пишетъ князь Голицынъ объ ихъ изнурительности? Капцевичъ, которому было подчинено этапное начальство, получивши коварные вопросы Закревскаго, добавилъ къ нимъ еще одну подробность. Онъ спрашивалъ уже не о томъ, бывали ли въ дѣйствительности случаи, описанные въ сообщеніи Голицына, но и томъ, почему же, если только случаи эти существовали, не было о томъ доносимо главному начальству? При этомъ, поставивъ предъ вопрошаемыми альтернативу — или отрицать случаи неудобства прута, или признать себя виновными въ умолчаніи о нихъ,—онъ интересовался знать, какія по мнѣнію этапнаго начальства могутъ быть приняты мѣры къ облегченію препровождаемыхъ арестантовъ. Ему отвѣчали не торопясь. По отзывамъ начальниковъ этапныхъ командъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что все обстоитъ благополучно и никакихъ неудобствъ отъ заковки на прутъ не представляется.

При этомъ, однако, проскальзывали замѣчанія о томъ, что у арестантовъ отъ прута *большихъ* ранъ не замѣчено, но что отъ кольца при прутѣ тѣло можетъ ознобиться, отчего дѣлаются раны и знаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились и предложенія замѣны прута. Предложено было придѣлать къ пруту короткія цѣпи съ ошейниками или замѣнить прутъ цѣпью въ семь вершковъ, съ прикрѣпленными къ ней малыми цѣпями по три вершка, съ наручниками. Такъ прошелъ почти годъ... Тогда князь Голицынъ вновь выступилъ противъ прута въ особой запискѣ, поднесенной имъ уже самому государю и содержащей сжатое, но сильное описаніе всѣхъ тяжелыхъ сторонъ этого способа пересылки, безъ сомнѣній неоднократно описанныхъ ему Гаазомъ, вглядѣвшимся на Воробьевыхъ горахъ во всѣ его свойства и послѣдствія. Но и эта записка, переданная Капцевичу, не подѣйствовала на него. Единственная уступка, на которую уже въ 1831 году согласился онъ, состояла лишь въ признаніи возможнымъ замѣнить прутъ семивершковою цѣпью съ наручниками... Такимъ образомъ все дѣло сводилось къ тому, чтобы *неподвижный прутъ* замѣнить *подвижною цѣпью*, оставивъ на ней по прежнему нѣсколькихъ человѣкъ во всей тяжкой обстановкѣ ихъ насильственнаго сцѣпленія другъ съ другомъ. Взглядъ его былъ раздѣленъ Военнымъ совѣтомъ и для опыта съ предлагаемыми имъ цѣпями разослано по этапамъ 47 цѣпей, каждая на три пары арестантовъ. Опытъ, по заявленіямъ этапныхъ начальниковъ, оказался удачнымъ, и въ 1832 году, по постановленію комитета министровъ, разсмотрѣвшаго представленіе Закревскаго о введеніи предложенной Капцевичемъ цѣпи, эти цѣпи были введены въ повсемѣстное употребленіе, для чего немедленно было изготовлено 4,702 цѣпи, каждая на три пары... Прутъ измѣнилъ лишь свое имя, и хотя Голицынъ еще нѣсколько разъ заявлялъ о его вредѣ, онъ продолжалъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока, благодаря энергическимъ трудамъ Милютина и графа Гейдена, введеніе перевозки арестантскихъ партій по желѣзнымъ дорогамъ и водою не измѣнило кореннымъ образомъ и самыхъ пріемовъ препровожденія ссыльныхъ.

Общій вопросъ, поднятый Голицынымъ и Гаазомъ, былъ похороненъ и достоинство вѣдомства, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ ссыльнымъ, сохранено во всей своей печальной неприкосновенности... Но этотъ общій вопросъ былъ въ то же время и *мѣстнымъ* вопросомъ для Воробьевской тюрьмы. Тамъ дѣйствовалъ и чувствовалъ Гаазъ, продолжавшій, не взирая ни на что, «гнать свою линію».

Убѣжденный въ правильности своего взгляда и не желая дожидаться окончанія переписки о прутѣ, которая казалась ему одною лишь формальностью, Гаазъ, въ 1829 году, принялся за опыты надъ такою замѣною прута, которая устраняла бы обычныя нареканія въ облегченіи возможности побѣга. Прежде всего

надо было освободить руки арестантамъ и ссыльнымъ и сравнять ихъ въ этомъ отношенiи съ приговоренными къ каторжнымъ работамъ, которые шли въ ножныхъ кандалахъ. Но ихъ кандалы были тяжелы. Они были разнаго размѣра, длиною отъ 11 вершковъ до 1 арш. и $4^1/_2$ верш., и вѣсомъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ фунтовъ (списки ссыльныхъ арестантовъ 17-го и 24-го iюня 1829 года). Гаазъ занялся наблюденiями за изготовленiемъ кандаловъ, облегченныхъ до крайней возможности не въ ущербъ своей прочности. Послѣ ряда руководимыхъ имъ опытовъ удалось изготовить кандалы съ цѣпью длиною въ аршинъ и вѣсомъ 3 фунта, получившiе затѣмъ въ тюремной практикѣ и въ устахъ арестантовъ названiе *газовскихъ*. Въ этихъ кандалахъ можно было пройти большое пространство, не уставая и поддѣвъ ихъ къ поясу. Когда кандалы были готовы и испытаны самимъ Гаазомъ, онъ обратился къ комитету съ горячимъ ходатайствомъ о разрѣшенiи заковывать въ эти кандалы всѣхъ, проходящихъ чрезъ Москву на прутѣ. Онъ въ патетическихъ выраженiяхъ рисовалъ положенiе прикованныхъ, указывалъ на самоволiе конвойныхъ солдатъ, на жалкую участь «идущихъ подъ присмотромъ» и безъ вины караемыхъ препровожденiемъ на прутѣ, представлялъ средства для заказа на первый разъ новыхъ кандаловъ, обѣщалъ, именемъ «добродѣтельныхъ людей», доставленiе этихъ средствъ и на будущее время и объяснялъ, что для изготовленiя облегченныхъ кандаловъ можно приспособить кузницу, оставшуюся на Воробьевыхъ горахъ отъ построекъ Витберга. Слова Гааза, подтверждаемыя, самымъ вопiющимъ образомъ, видомъ каждой этапной партiи, встрѣтили сочувственный отголосокъ въ кн. Голицынѣ, который рѣшилъ «у себя» не стѣсняться болѣе петербургскими проволочками. Въ декабрѣ 1831 г. онъ предложилъ комитету принять немедленно мѣры къ приспособленiю кузницы, оставшейся отъ Витберга, для перековки арестантовъ по указанiямъ доктора Гааза, и о передѣлкѣ кандаловъ по новому образцу, представленному тѣмъ же Гаазомъ. Комитетъ, въ засѣданiи 22-го декабря, принявъ къ исполненiю предложенiе генералъ-губернатора, просилъ его, въ свою очередь, предписать командующему внутреннимъ гарнизономъ въ Москвѣ и приказать начальникамъ мѣстныхъ этапныхъ командъ не препятствовать исправленiю кандаловъ подъ руководствомъ доктора Гааза и наложенiю ихъ на пришедшихъ въ Москву на прутѣ арестантовъ.

Такимъ образомъ, безъ шума, безъ всякой переписки по инстанцiямъ, прутъ оказался фактически уничтоженнымъ въ Москвѣ, благодаря смѣлому почину влiятельнаго генералъ-губернатора, умѣвшаго, среди окружавшей его роскоши и обаянiя власти, найти время, чтобы серьезно задуматься надъ страданiями людей, за которыхъ, среди общаго жестокаго равнодушiя, предстательствовалъ уроженецъ чужой страны, чутко привлеченный имъ къ дѣлу тюремнаго благотворенiя.

Пересылаемые встрѣтили нововведеніе Гааза съ восторгомъ, но для того, чтобы оно могло удержаться, чтобы вызванная кн. Голицынымъ готовность содѣйствовать ему не охладѣла и, по нашей всегдашней привычкѣ, не перешла въ апатію и въ то, что князь В. Ѳ. Одоевскій характеризовалъ въ своей записной книжкѣ словомъ *«рукавоспустіе»*, нужно было энергически слѣдить за дѣломъ на мѣстѣ, не уставая и не отставая. Это и дѣлалъ Гаазъ. Цѣлые дни проводилъ онъ на Воробьевыхъ горахъ, наблюдая за устройствомъ кузницы, и затѣмъ, въ теченіе всей своей жизни, за исключеніемъ послѣднихъ ея дней, не пропускалъ ни одной партіи, не снявъ, кого только возможно, съ прута и съ цѣпи Капцевича и не приказавъ перековать при себѣ въ свои кандалы. Ни возрастъ, ни упадокъ физическихъ силъ, ни постоянныя столкновенія съ этапнымъ начальствомъ, ни недостатокъ средствъ не могли охладить его къ этой «службѣ» и удержать отъ исполненія ея тягостныхъ обязанностей. Въ столкновеніяхъ онъ побѣждалъ упорствомъ, настойчивымъ отстаиваніемъ введеннаго имъ обычая, просьбами и иногда угрозами жаловаться, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Недостатку средствъ на заготовку «газовскихъ» кандаловъ онъ помогалъ своими щедрыми пожертвованіями, пока имѣлъ хоть какія-нибудь деньги, а затѣмъ приношеніями своихъ знакомыхъ и богатыхъ людей, которые были не въ силахъ отказать старику, никогда ничего не просившему... для себя.

Не теряя, подъ вліяніемъ просьбъ и убѣжденій Гааза, надежды согласить Капцевича на замѣну прута, Голицынъ послалъ ему, при особой подробной запискѣ, образчикъ газовскихъ кандаловъ. Но Капцевичъ отвѣчалъ ему и тѣмъ, кто могъ раздѣлить его мнѣніе, въ особомъ докладѣ, гдѣ въ защиту прута приводились самыя странныя соображенія. Оказывалось, что «кованіе въ кандалы» равняется тѣлесному наказанію и допущеніе его взамѣнъ прута относительно маловажныхъ преступниковъ было бы, по отношенію къ нимъ, несправедливостью; оказывалось, затѣмъ, что именно этихъ-то маловажныхъ преступниковъ и слѣдуетъ, въ виду ихъ закоренѣлости въ злодѣяніяхъ, лишать тѣлесной силы, которая заключается не въ ногахъ, а въ рукахъ, и потому водить ихъ, въ отличіе отъ каторжниковъ, на прутѣ и т. д. Тогда, уже въ 1833 году, послѣ отставки Закревскаго, князь Голицынъ послалъ газовскіе кандалы и объяснительную къ нимъ записку новому министру внутреннихъ дѣлъ, прося его содѣйствія. Содѣйствіе было оказано, но въ результатѣ, вслѣдствіе различныхъ вліяній, вопросъ о кандалахъ не былъ разрѣшенъ категорически. Въ 1833 году послѣдовало временное разрѣшеніе вмѣсто приковыванія къ пруту арестованныхъ за *легкіе проступки* надѣвать имъ ножные кандалы, если они сами того пожелаютъ и будутъ просить у начальства, какъ особаго снисхожденія и милости. Это распоряженіе страдало рядомъ недомолвокъ, обратившихъ его повсюду, гдѣ не было Гаа-

зовъ, въ мертвую букву. Чтó значатъ *легкіе проступки?* Кто опредѣляетъ ихъ удѣльный вѣсъ? гдѣ средства для пріобрѣтенія кандаловъ? и какіе это кандалы—стараго образца или гаазовскіе? Наконецъ, замѣна *права* арестанта быть снятымъ съ прута снисхожденіемъ и *милостью* начальства и притомъ неизвѣстно какого — уничтожала всякій дѣйствительный характеръ у этой мѣры.

Но для Москвы и этого было довольно. Тамъ неусыпно сторожилъ партіи ссыльныхъ Гаазъ и чрезъ него всѣ пришедшіе на прутѣ, незавѣдомо для себя, выражали *желаніе* и просили *милости*, настойчиво и рѣшительно, въ случаѣ противодѣйствія прибѣгая къ разрѣшенію генералъ-губернатора. Начальники мѣстныхъ этапныхъ командъ роптали, сердились, удивлялись охотѣ Гааза хлопотать и «распинаться» за арестантовъ, но въ концѣ концовъ мирились съ странными обычаями тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ. Только въ концѣ тридцатыхъ годовъ, во время частыхъ поѣздокъ серьезно больного князя Голицына заграницу, когда Гаазъ подолгу бывалъ лишенъ возможности опереться въ этапныхъ спорахъ на его разрѣшеніе, эти начальники стали иногда рѣзко отказывать въ просьбахъ о перековкѣ арестантовъ, ссылаясь на категорическія распоряженія Капцевича. Но Гаазъ не унывалъ. Онъ не только требовалъ, въ декабрѣ 1837 года, въ особой запискѣ отъ временно исполнявшаго обязанности московскаго генералъ-губернатора Нейдгардта защиты противъ дѣйствій чиновъ внутренней стражи, но даже домогался освобожденія навсегда отъ заковыванія дряхлыхъ и увѣчныхъ арестантовъ, находя, что «съ настоящей волею правительства не можетъ быть сообразно, чтобы люди, лишенные ноги, все-таки, какъ это нынѣ водится, получали кандалы и, не имѣя возможности ихъ надѣвать, носили ихъ съ собою въ мѣшкѣ».

Эта записка переполнила чашу терпѣнія генерала Капцевича. Называя Гааза «утрированнымъ филантропомъ», заводящимъ пререканія и «затѣйливости», затрудняющимъ начальство перепискою и соблазняющимъ арестантовъ, онъ писалъ: «мое мнѣніе удалить сего доктора отъ его обязанности». Казалось бы, что дни «безразсудной филантропіи доктора Гааза», какъ выражался Капцевичъ въ отвѣтѣ Нейдгардту—были сочтены, тѣмъ болѣе, что въ 1844 году скончался, искренно оплаканный москвичами, князь Д. В. Голицынъ. Но чуждая личныхъ разсчетовъ доброта, движущая общественною дѣятельностью человѣка, есть сила, сломить которую не такъ-то легко. Упорно настаивая на перековкѣ, Гаазъ рѣшился даже искать пути, чтобы непосредственно, помимо офиціальной іерархической дороги, обратить вниманіе императора Николая Павловича на «прутъ». Онъ написалъ горячее письмо прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, въ которомъ, рисуя картину препровожденія на прутѣ, умолялъ короля сообщить объ

этомъ своей сестрѣ, русской государынѣ, которая могла бы объ этомъ разсказать своему царственному супругу...

Преемникъ Голицына, князь Щербатовъ, вскорѣ понялъ и оцѣнилъ «утрированнаго филантропа» и молчаливо, не вступая уже ни въ какую переписку, а стоя на почвѣ установившагося обычая, сталъ поддерживать Гааза въ его «сторожевой службѣ» на Воробьевыхъ горахъ, не давая хода никакимъ на него жалобамъ по перековкѣ арестантовъ. Быть можетъ, Гаазу только приходилось чаще просить и уговаривать, чѣмъ прежде, но зато каждый годъ его работы въ поресыльной тюрьмѣ придавалъ этимъ просьбамъ все большій нравственный вѣсъ. Этому содѣйствовала и упрочившаяся слава *его* кандаловъ, которые пріобрѣли новое значеніе съ назначеніемъ командиромъ внутренней стражи генерала фонъ-деръ-Лауница, сходнаго съ Капцевичемъ лишь своими отрицательными сторонами. Лауницъ приказалъ укоротить цѣпь при кандалахъ на 1/4 аршина, и обоймы, упираясь при ходьбѣ въ кость голени, стали причинять тяжкія мученія арестантамъ, не позволяя имъ при этомъ идти полнымъ шагомъ. Гаазъ не допускалъ и мысли объ укороченіи *своей* цѣпи. Она оставалась прежней длины въ аршинъ и принималась арестантами съ радостью и нетерпѣніемъ. Послѣднія оправданія Гааза противъ жалобъ этапныхъ начальниковъ относятся, какъ видно изъ дѣлъ тюремнаго комитета, къ 1840 году. Затѣмъ наступилъ періодъ мира и молчаливаго соглашенія. Гаазъ сдѣлался неизбѣжнымъ зломъ, бороться съ которымъ было безполезно и скучно. Такъ продолжалось до 1848 г. Тутъ произошла сразу перемѣна фронта въ отношеніяхъ генералъ-губернатора къ Гаазу. Начальникомъ Москвы былъ назначенъ старый недоброжелатель князя Голицына, самовластный и узкій графъ Закревскій. Съ назначеніемъ его въ качествѣ, какъ онъ самъ выражался, «надежнаго оплота противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ съ Запада», въ Москвѣ повѣяло другимъ духомъ. Это отразилось и на Воробьевыхъ горахъ. Опять начались столкновенія по поводу «газовскихъ кандаловъ». Гаазъ былъ вынужденъ войти въ комитетъ съ просьбою о возобновленіи распоряженія о «выдачѣ пересылаемымъ арестантамъ ножныхъ кандаловъ, вмѣсто ручныхъ, если они о томъ просить будутъ». Когда комитетъ представилъ объ этомъ графу Закревскому, послѣдній, 18-го ноября 1848 г., приказалъ дать ему знать, что «его сіятельство, принимая въ уваженіе, что удовлетвореніе подобныхъ просьбъ арестантовъ зависитъ отъ снисхожденія того начальства, которое отвѣтствуетъ за цѣлость препровождаемыхъ арестантовъ, находитъ предположеніе г. Гааза *незаслуживающимъ вниманія*, потому болѣе, что его сіятельство заботится не столько о предоставленіи арестантамъ незаслуженныхъ ими удобствъ, сколько о способахъ облегченія этапныхъ командъ въ надзорѣ за арестантами».

«Пріобщить къ дѣлу» постановилъ комитетъ, и на этотъ разъ «утрированный филантропъ» былъ, повидимому, окончательно разбитъ и придавленъ краткою и властною элоквенціею новаго «хозяина» Москвы. Но... только повидимому. Эта резолюція обратила лишь *просьбы* глубоко огорченнаго старика въ *мольбы* и присоединила къ его уговорамъ трогательныя старческія слезы. Семидесятилѣтній Гаазъ пріѣзжалъ на Воробьевы горы къ приходу и отправленію партій по прежнему и своимъ почтеннымъ видомъ и шедшими отъ сердца словами призывалъ къ возможному смягченію страданій, названному графомъ Закревскимъ «незаслуженными удобствами». «Между сими людьми, — писалъ онъ въ объясненіи по поводу поступившей на него жалобы, — были выздоравливающіе и по-истинѣ весьма слабые, которые, видя меня посреди арестантовъ, просили, чтобы я избавилъ ихъ отъ сихъ мукъ. Мое ходатайство было тщетно и я принужденъ былъ снести взглядъ какъ бы презрѣнія, съ которымъ арестанты отправились, ибо знали, что просьба ихъ законна и я нахожусь тутъ по силѣ же закона. Не имѣя довольно власти помочь сей бѣдѣ, я дѣйствительно позволилъ себѣ сказать конвойному чиновнику, чтобы онъ вспомнилъ, что судьею его несправедливыхъ дѣйствій есть Богъ!» Но не всѣ бывали равнодушны къ его призыву. Арестантовъ всетаки продолжали перековывать, не всегда, но часто. Это видно между прочимъ изъ того, что въ сентябрѣ 1853 года кузнецъ при витберговской кузницѣ на Воробьевыхъ горахъ обращался въ комитетъ съ просьбою уплатить ему за послѣднюю партію въ 120 облегченныхъ кандаловъ, сдѣланныхъ лѣтомъ того же года по заказу доктора Гааза, умершаго въ августѣ.

Лично человѣколюбивое отношеніе къ арестантамъ и его послѣдствія въ Москвѣ не удовлетворяли однако Гааза и не давали покоя его мысли. Сознаніе того, что до прихода партій въ Москву и въ тѣхъ, которыя не проходятъ чрезъ Москву, прутъ и цѣпь Капцевича продолжаютъ примѣняться невозбранно, мучило его. Онъ видѣлъ арестантовъ съ отмороженными руками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ нимъ прикасались желѣзныя кольца наручниковъ; онъ ясно представлялъ себѣ страданія людей, не могущихъ положить прикованную къ пруту или короткой цѣпи руку за пазуху, для согрѣванія въ то время, когда жестокій морозъ при вѣтрѣ остужаетъ желѣзо, обжигающее и мертвящее своимъ оприкосновеніемъ руку. Единственнымъ средствомъ, по его мнѣнію, чтобы предотвратить эти мученія, было обшиваніе кожею наручной (гаекъ). Онъ говорилъ объ этомъ неоднократно въ комитетѣ, подавалъ о томъ же записки князю Голицыну въ 1832 и 1833 годахъ. Но и тутъ Капцевичъ возражалъ, въ упорномъ ослѣпленіи служебнаго самолюбія. Онъ указывалъ, что обшивка наручниковъ кожею или сукномъ ослабитъ ихъ и создастъ пустоту, удобную для сня-

тія ихъ, и сомнѣвался, чтобы наручникъ могъ производить холодъ, ибо желѣзо, согрѣваясь отъ голой руки и отъ рукава кафтана, не должно мерзнуть. Насколько соотвѣтствовало дѣйствительности такое представленіе о наручникахъ, видно изъ характернаго разсказа, записаннаго С. В. Максимовымъ, со словъ арестанта: «лѣтомъ цѣпь суставы ломаетъ, зимой отъ нея всѣ кости ноютъ; въ нашей партіи цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала и чего-чего мы на переходѣ не напринимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, таково было маятно и больно, *и не въ людскую силу, и не въ лошадиную!..»* — Гаазъ, конечно, не убѣдился доводами Капцевича и не унимался. Представленный имъ, въ 1836 году, въ комитетъ списокъ арестантовъ съ отмороженными отъ гаекъ руками, такъ взволновалъ Голицына, что онъ немедленно и въ самой настойчивой формѣ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о необходимости осуществить мысль «затѣйливаго доктора». На этотъ разъ послѣдовавшій въ томъ же 1836 г. указъ о повсемѣстномъ въ Россіи обшитіи гаекъ у цѣпей кожею, далъ Гаазу полное и ясное удовлетвореніе, не допускавшее никакихъ недоразумѣній.

Но не одинъ видъ закованныхъ, безъ всякаго между ними различія по поводамъ ихъ пересылки, смущалъ Гааза. Во избѣжаніе побѣговъ и для облегченія поимки, законъ 29-го января 1825 г. предписывалъ, какъ мы уже видѣли, брить половину головы пересылаемымъ по этапу. Бритье шло поголовное. Съ бритою половиною головы оказывались, какъ видно изъ записки Гааза, представленной комитету, пересылаемые на родину для водворенія послѣ суда, *коимъ они оправданы,* — просрочившіе паспортъ и просто отправляемые по требованію обществъ, опекуновъ и наслѣдниковъ населенныхъ имѣній, — высылаемые изъ столицы за нищенство и т. п. Гаазъ указываетъ случаи обритія половины головы крестьянину, не имѣвшему средствъ возвратиться къ своему господину съ заработковъ изъ Барнаула и 13-лѣтнему еврейскому мальчику, возвращаемому въ Гродно для обращенія въ первобытное состояніе *вслѣдствіе неправильной отдачи его въ военную службу.* Ярко и образно описывая несправедливость и жестокость такого бритья, Гаазъ 23-го ноября 1845 г. просилъ комитетъ хлопотать объ его отмѣнѣ для нелишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. О томъ же просилъ онъ и генералъ-губернатора кн. Щербатова съ особой докладной запискѣ. Усилія его увѣнчались успѣхомъ, и 11-го марта 1846 года, вслѣдствіе представленія тюремнаго комитета, поголовное бритье головы было отмѣнено государственнымъ совѣтомъ, будучи удержано лишь для каторжныхъ.

Наконецъ, и продовольствіе ссыльныхъ вызывало заботу Гааза. Когда, въ 1847 и 1848 гг., послѣдовало временное распоряженіе объ уменьшеніи на одну пятую пищевого довольства заключен-

ныхъ (повторенное во время неурожая 1891 года), Θедоръ Петровичъ внесъ въ комитетъ, въ разное время, до 11.000 р. сер. отъ «неизвѣстной благотворительной особы» для улучшенія пищи содержащихся въ пересыльномъ замкѣ.

V.

Заботясь о перековкѣ арестантовъ и, какъ мы увидимъ далѣе, объ ихъ обиходѣ, дѣлахъ и т. п., Гаазъ дѣйствовалъ въ качествѣ директора тюремнаго комитета, наложившаго на себя исключительныя обязанности. Не свойство только, не характеръ и объемъ этихъ обязанностей отличали его отъ большинства его сотоварищей и выдвигали, противъ его воли, его симпатичную личность: на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежала печать постоянной сердечной тревоги о ходѣ взятаго на себя дѣла и отсутствія всякой заботы о самомъ себѣ, отражался тотъ особый взглядъ его на развертывавшуюся передъ нимъ картину человѣческихъ немощей, паденій и несчастій, который Достоевскій назвалъ бы «проникновеннымъ».

Была у него, однако, другая область дѣятельности, гдѣ онъ былъ, въ особенности первое время, почти полнымъ хозяиномъ,— дѣйствуя непосредственно, не нуждаясь въ чьемъ-либо согласіи или поддержкѣ. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Мы знаемъ, какъ поразило его препровожденіе на прутѣ. Но не менѣе поразило его и небрежное, бездушное отношеніе къ недугамъ пересылаемыхъ и къ ихъ человѣческимъ, душевнымъ потребностямъ. Онъ увидѣлъ, что на здоровье пересылаемыхъ не обращается никакого серьезнаго вниманія и что отъ нихъ спѣшатъ какъ можно скорѣе отдѣлаться, не допуская и мысли о существованіи такихъ у нихъ нуждъ, не удовлетворить которымъ по возможности—было бы всегда жестоко, а иногда и прямо безнравственно. Когда онъ началъ просить иного къ нимъ отношенія, ему отвѣчали уклончиво и подсмѣиваясь... Когда онъ сталъ требовать—въ качествѣ члена тюремнаго комитета — ему рѣзко дали понять, что это до него не касается, что это—дѣло полицейскихъ врачей, свидѣтельствующихъ приходящихъ въ пересыльную тюрьму, и ихъ прямого начальства.

Но Гаазъ не понималъ, что̀ значитъ «уступчивость», когда требованіе предъявляется не во имя своего *личнаго* дѣла. Еще 2-го апрѣля 1829 года, ссылаясь на свое званіе доктора медецины, онъ настойчиво просилъ князя Голицына уполномочить его свидѣтельствовать состояніе здоровья всѣхъ находящихся въ Москвѣ арестантовъ и подчинить ему, въ этомъ отношеніи, полицейскихъ врачей, съ негодованіемъ излагая въ особой запискѣ нравственную тягость своего положенія въ пересыльной тюрьмѣ. Онъ разсказывалъ, какъ былъ отправленъ съ партіею «старикъ-американецъ,

имѣющій видъ весьма добраго человѣка», привезенный нѣкогда въ Одессу дюкомъ де-Ришелье, и задержанный въ Радзивилловѣ «за безписьменность», такъ какъ онъ не могъ доказать своего званія,— отправленъ съ отмороженною ногою, отъ которой отвалились пальцы, при полномъ невниманіи къ просьбамъ Гааза задержать его на нѣкоторое время для излѣченія ноги и собранія о немъ справокъ. «Мнѣ оставалось лишь,—пишетъ онъ,—постараться истолковать ему причину его ссылки и ободрить его насчетъ его болѣзни, при чемъ я имѣлъ счастіе нѣсколько его утѣшить и помирить съ нерадивымъ о немъ попеченіемъ». Онъ разсказывалъ далѣе, какъ, несмотря на всѣ его просьбы и даже на данное полицейскимъ врачемъ обѣщаніе, писаря внутренней стражи «сыграли съ нимъ штуку» и устроили отправку въ Сибирь арестанта, зараженнаго венерическою болѣзнью. «И такъ,—пишетъ Гаазъ,—сей несчастный отправился распространять свой ужасный недугъ въ отдаленные края, а я и полицейскій врачъ вернулись домой, имѣя видъ внутренняго спокойствія, какъ будто мы исполнили нашъ долгъ, и не болѣе боимся Бога, какъ сихъ несчастныхъ невольниковъ, но всѣ бѣды, которыя будетъ распространять сей жалкій больной, *будутъ вписаны—на счетъ московскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества — въ книгу, по коей будетъ судиться міръ!»*— Записка Гааза была предложена на разсмотрѣніе комитета—и онъ писалъ туда: «всѣ говорятъ не объ устраненіи *зла*, а только о необходимости соблюдать *формы;* но сіи формы совершенно уничтожили бы самую вещь. Тюремный комитетъ войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, если, взирая на рыданія ссылаемыхъ и слыша ихъ плачъ, не будетъ имѣть хотя бы косвенной власти доставлять утѣшеніе ихъ страданіямъ въ послѣднія, такъ сказать, минуты». Просьба Гааза была уважена, и князь Голицинъ предписалъ, кому слѣдуетъ, предоставить доктору Гаазу, какъ медицинскому члену тюремнаго комитета, свидѣтельствовать здоровье пересылаемыхъ арестантовъ, безъ участія полицейскихъ врачей, и больныхъ оставлять до излеченія въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, на ряду съ заботою о перековкѣ ссыльныхъ Гаазу открылось обширное поприще и для другой о нихъ заботы. Онъ сталъ осуществлять ее самымъ широкимъ образомъ, устраняя зло, понимаемое имъ глубоко, и совсѣмъ не стѣсняясь формами, въ которыя была заключена современная ему тюремная *динамика.* Можно безъ преувеличенія сказать, что полжизни проведено имъ въ посѣщеніяхъ пересыльной тюрьмы, въ мысляхъ и въ перепискѣ о ней. Чуждый ремесленному взгляду на свою врачебную дѣятельность, отзывчивый на всѣ стороны жизни, умѣвшій распознавать въ оболочкѣ больного или немощнаго тѣла страждущую душу, онъ никогда не ограничивалъ своей задачи, какъ это дѣлалось многими при немъ и почти всѣми послѣ него, однимъ лѣченіемъ несомнѣнно больныхъ арестантовъ. Лѣкарство стояло у него на

второмъ планѣ. Забота, сердечное участіе и, въ случаѣ надобности, горячая защита—вотъ были его главныя средства врачеванія. «Врачъ,—говорилось въ составленной имъ инструкціи для врача при пересыльной тюрьмѣ,—долженъ помнить, что довѣренность, съ каковою больные передаются, такъ сказать, на его произволъ, требуетъ, чтобы онъ относился къ нимъ чистосердечно, съ полнымъ самоотверженіемъ, съ дружескою заботою о ихъ нуждахъ, съ тѣмъ расположеніемъ, которое отецъ имѣетъ къ дѣтямъ, попечитель къ питомцамъ».—«Комитетъ требуетъ,—говорится далѣе въ той же инструкціи,—чтобы врачъ пользовался всякимъ случаемъ повліять на улучшеніе нравственнаго состоянія ссыльныхъ; этого достигнуть легко, надо только быть просто добрымъ христіаниномъ,— т.-е. заботливымъ, справедливымъ и благочестивымъ. *Заботливость* должна выразиться во всемъ, что̀ относится къ здоровью ссыльныхъ, къ ихъ кормленію, одеждѣ, обуви и къ тому, *какъ ихъ сковываютъ,—справедливость* въ благосклонномъ вниманіи къ просьбамъ ссыльныхъ, въ осторожномъ и дружескомъ успокоеніи ихъ насчетъ ихъ жалобъ и желаній и въ содѣйствіи удовлетворенію ихъ,—*благочестіе* въ сознаніи своихъ обязанностей къ Богу и въ заботѣ о томъ, чтобы всѣ ссыльные, проходящіе чрезъ Москву, пользовались духовною помощью. Необходимо съ увѣренностью надѣяться, что врачъ при попеченіи о здоровьи ссыльныхъ въ Москвѣ—не оставитъ ничего желать и будетъ поступать такъ, чтобы по крайней мѣрѣ никто изъ страждущихъ ссыльныхъ не оставлялъ Москвы, не нашедши въ оной помощи и утѣшеній, какихъ онъ имѣетъ право ожидать и по своей болѣзни, и по лежащему на тюремномъ комитетѣ долгу, и по мнѣнію, которое русскій человѣкъ привыкъ имѣть о великодушіи и благотворительности матушки-Москвы». Первымъ врачомъ, которому приходилось исполнять столь своеобразно опредѣленныя Гаазомъ обязанности, былъ рекомендованный имъ штабъ-лѣкарь Гофманъ. Но на практикѣ ему пришлось играть совершенно второстепенную роль и участвовать первое время лишь въ предварительномъ осмотрѣ пересылаемыхъ. Окончательное же освидѣтельствованіе и рѣшающее слово оставилъ за собою Гаазъ.

При всей своей преданности *идеямъ* добра и человѣчности, онъ не былъ только идеалистомъ, чуждымъ знакомства̀ съ жизнью и съ тѣми искаженіями, которымъ она подвергаетъ идеалы на практикѣ. Вѣря въ хорошія свойства человѣческой природы, онъ не скрывалъ отъ себя ея слабостей и низменныхъ сторонъ. Онъ зналъ поэтому, что «всуе законы писать, если ихъ не исполнять», и что въ русской жизни исполнитель самаго прекраснаго правила почти всегда быстро остываетъ, замѣняя не всегда удобное чувство долга сладкою нѣгою лѣни. Живая натура Гааза и безпокойство о томъ, что не всѣ части широкой программы, начертанной имъ, будутъ выполнены, заставили его, такъ сказать, «впречься

въ корень» и нести на себѣ, съ любовью и неутомимостью, всю тяжесть освидѣтельствованія. Въ 1832 году, по его ходатайству, комитетъ выхлопоталъ средства для устройства отдѣленія тюремной больницы на Воробьевыхъ горахъ на 120 кроватей—и оно поступило въ непосредственное завѣдываніе Гааза. Здѣсь онъ могъ, оставляя ссылаемыхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ «по болѣзни», снимать съ нихъ оковы и обращаться съ ними какъ съ людьми, прежде всего, несчастными...

Ссыльные приходили въ Москву по субботамъ. Отправленіе ихъ дальше совершалось, до 1829 года немедленно по составленіи статейныхъ списковъ и полученіи отъ губернскаго правленія оказавшейся необходимою обуви и одежды. Это требовало отъ двухъ до трехъ дней времени. Гаазъ сталъ настаивать, чтобы пребываніе пересыльныхъ въ Москвѣ продолжалось не менѣе недѣли, не считая дня ихъ прихода. Это было необходимо, чтобы ознакомиться съ ихъ нуждами и недугами, чтобы дать имъ возможность собраться съ силами для предстоящаго пути. Требованія его были удовлетворены въ началѣ 1830 года. Но ему казалось недостаточнымъ заботиться о пересылаемыхъ только въ Москвѣ. Его мысль еще нѣкоторое время по уходѣ ихъ сопутствовала имъ, бѣжала впереди нихъ. Ему хотѣлось продлить попеченіе о нихъ за предѣлы пересыльнаго замка, и по его просьбѣ князь Голицынъ предписалъ городничему города Богородска доносить, съ представленіемъ свидѣтельства мѣстнаго лѣкаря, комитету—т. е. Гаазу — здоровы ли дошедшіе въ Богородскъ изъ Москвы пересыльные, и не обнаружено ли у кого-либо изъ нихъ болѣзни, требующей возвращенія въ Москву для пользованія. Въ теченіе недѣли пребыванія ссыльныхъ въ Москвѣ, Гаазъ посѣщалъ каждую партію на менѣе четырехъ разъ: — по субботамъ, тотчасъ по приходѣ, въ срединѣ слѣдующей недѣли, въ слѣдующую субботу наканунѣ отправленія и въ воскресенье предъ самымъ отправленіемъ. Каждый разъ обходилъ онъ всѣ помѣщенія пересылаемыхъ, говорилъ съ послѣдними, разспрашивая ихъ и, такъ сказать, дифференцируя съ виду безличную, закованную и однообразно-одѣтую массу. Не изъ празднаго или болѣзненнаго любопытства вызывалъ онъ ихъ на разсказы своей печальной или мрачной повѣсти и на просьбы. Ссылки на болѣзнь, на слабость, на какую-нибудь поправимую нужду, встрѣчали въ немъ внимательнаго и дѣятельнаго слушателя. Вновь захворалъ или не окрѣпъ послѣ прежняго недуга ссылаемый, — слабы его силы для длиннаго и тяжкаго пути,—упалъ онъ внезапно духомъ предъ «владимiркой»,—смертельно затосковалъ, «распростившись съ отцомъ, съ матерью, со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ», какъ поется въ арестантской пѣснѣ «Милосердной», — или ярко затеплилась въ немъ искра раскаянія, которую искреннее слово утѣшенія и назиданія можетъ раздуть въ спасительный нравственно пожаръ—

Гаазъ уже тутъ, зоркій и добрый. Надо дать укрѣпиться, отойти, согрѣться душевно, — рѣшаетъ онъ, и оставляетъ такихъ, какъ подлежащихъ врачебному попеченію, на недѣлю, двѣ, а иногда и болѣе.

Какъ и слѣдовало ожидать, эти распоряженія вызывали противъ него массу нареканій. Къ генералъ-губернатору и въ комитетъ постоянно съ разныхъ сторонъ поступали жалобы на произвольныя его дѣйствія, какъ врача, слишкомъ смѣло шагавшаго за рамки устава о ссыльныхъ и слишкомъ горячо и настойчиво отстаивавшаго присвоенныя имъ себѣ права. Ранѣе всѣхъ и, пожалуй, сильнѣе всѣхъ ополчился на него генералъ Капцевичъ. «Арестантъ проситъ не отправлять его съ партіею, ибо онъ ожидаетъ жену или брата, съ которыми хочетъ проститься—и г. Гаазъ оставляетъ его, — а между тѣмъ баталіоннымъ командиромъ уже бумаги о семъ арестантѣ изготовлены; оставляя при осмотрѣ многихъ отправляющихся ссыльныхъ по просьбамъ весьма неуважительнымъ, докторъ Гаазъ заставляетъ конвойныхъ, въ полной походной аммуниціи, ожидать сего осмотра или разбора просьбъ, или прощаній его съ отсылающимися преступниками; начальникъ же команды, сдѣлавшій разсчетъ кормовымъ деньгамъ и составившій списокъ отправляемымъ, вынужденъ все это передѣлывать... и конвойные и арестанты собравшіеся уже къ походу, теряютъ напрасно время на Воробьевыхъ горахъ и прибываютъ на ночлегъ поздно, изнуренные ожиданіемъ и переходомъ». Такъ писалъ негодующій Капцевичъ, доказывая, что именно *Гаазъ-то и изнуряетъ* арестантовъ, и заявляя, что «онъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, возбуждая своею неумѣстною филантропіей развращенныхъ арестантовъ къ ропоту»... Съ своей стороны штабъ-лѣкарь Гофманъ, вѣроятно тяготясь второстепенною ролью при Гаазѣ, вовсе не раздѣлялъ взглядовъ его на выводы къ задержанію пересылаемыхъ. Тамъ, напримѣръ, гдѣ послѣдній оставлялъ въ 1834 году изъ партіи въ 132 человѣка—пятьдесятъ, и изъ партіи въ 134 человѣка—пятьдесятъ четыре, Гофманъ считалъ возможнымъ, на точномъ основаніи устава о ссыльныхъ, говорившаго объ оставленіи лишь «тяжко больныхъ или совершившихъ новое преступленіе», удержать въ Москвѣ лишь одиннадцать и тринадцать. При спорахъ Гааза съ начальствомъ, возникавшихъ по поводу оставляемыхъ, Гофманъ всегда держалъ сторону послѣдняго, а впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда Гаазъ былъ въ опалѣ у комитета, рѣшался даже прямо отмѣнять его распоряженія, находя, что признаваемые имъ больными арестанты, притворяются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полиціймейстеры Москвы и плацъ-адъютанты, командируемые для наблюденія за порядкомъ при отправленіи партіи, тоже раздражались на производимую Гаазомъ «неурядицу». Особенно усилились всѣ эти жалобы въ 1834 году. Недовольное

Гаазомъ губернское правленіе, чрезъ гражданскаго губернатора жаловалось на причиняемыя имъ затрудненія въ составленіи статейныхъ списковъ. Голицынъ приказалъ потребовать отъ него объясненія. Въ сознаніи своей нравственной правоты, Гаазъ въ своихъ объясненіяхъ признавалъ себя формально-виновнымъ въ нарушеніяхъ узкаго смысла устава о ссыльныхъ. Да! онъ задерживалъ не однихъ только тяжко больныхъ. Такъ, онъ задержалъ, въ качествѣ больного, на недѣлю, ссыльнаго, слѣдовавшая за которымъ жена была по дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Москвы, задержана родами; такъ, онъ дозволилъ тремъ арестантамъ, шедшимъ въ каторгу, изъ коихъ одинъ слегка занемогъ, дожидаться, въ теченіе недѣли, пришедшихъ съ ними проститься жены, дочери и сестры, при чемъ «встрѣчи сихъ людей нельзя было видѣть безъ соболѣзнованія»;—такъ, въ виду просьбы шестерыхъ арестантовъ, шедшихъ въ Сибирь за «непокорство» управляющему своего помѣщика, «не дать имъ плакаться и дозволить идти изъ Москвы вмѣстѣ»,—онъ оставилъ ихъ на недѣлю, пока не поправилась жена одного изъ нихъ и ребенокъ другого. Такъ, онъ оставилъ 19-ти-лѣтняго Степанова на двѣ недѣли вслѣдствіе «тяжелой усталости» сопровождающей его старухи-матери,—дважды оставлялъ арестанта Гарфункеля по его убѣдительной просьбѣ, основанной на увѣренности, что за нимъ непремѣнно идетъ жена, при чемъ оказалось, что жена дѣйствительно пришла, но уже черезъ два дня послѣ его ухода,—оставилъ двухъ ссылаемыхъ помѣщикомъ крестьянъ, вслѣдствіе сообщенія крестьянскаго общества, что оно покупаетъ для сопровождающихъ ихъ женъ съ младенцами лошадь—и т. д., и т. д. «Въ чемъ вредъ моихъ дѣйствій?—спрашиваетъ онъ:—въ томъ ли, что нѣкоторые изъ оставленныхъ арестантовъ умерли въ тюремной больницѣ, а не въ дорогѣ,—что здоровье другихъ сохранено? что душевные недуги нѣкоторыхъ по возможности исправлены? Арестанты выходятъ изъ Москвы, не слыша говоримаго въ другихъ мѣстахъ: «идите дальше, тамъ можете просить». Материнское попеченіе о нихъ можетъ отогрѣть ихъ оледенѣвшее сердце и вызвать въ нихъ теплую признательность!»

На упреки въ нарушеніи устава о ссыльныхъ онъ отвѣчаетъ, между прочимъ: «Обязанность руководствоваться уставомъ о ссыльныхъ можетъ быть уподоблена закону святить субботу. Господь, изрекши, что Онъ пришелъ не разрушать законъ, самъ истолковалъ книжникамъ и фарисеямъ, порицавшимъ Его за нарушеніе субботы пособіемъ страждущимъ, что не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота установлена для человѣка. Такъ и уставъ изданъ въ пользу пересыльныхъ, а не пересыльные созданы для устава. Число арестантовъ, содержимыхъ въ губернскомъ замкѣ и сѣтующихъ на долговременное и неправильное ихъ содержаніе гораздо больше того, какое, по убѣдительнымъ просьбамъ ихъ,

для успокоенія тяготящихъ сердца ихъ надобностей, удерживается на краткое время въ пересыльномъ замкѣ».

Энергическая защита Гаазомъ своихъ дѣйствій и воззрѣній, повидимому, произвела свое дѣйствіе, хотя ему пришлось испытать, какъ видно изъ его заявленій въ комитетѣ, неудовольствіе искренно имъ любимаго Голицына и даже, вслѣдствіе столкновеній съ членами комитета, оставить должность секретаря, которую онъ исполнялъ съ 1829 года, но его права по пересыльному замку не были ограничены и онъ по прежнему усердно и рѣшительно отправлялъ въ больницу на Воробьевыхъ горахъ не только слабыхъ, усталыхъ и больныхъ, но и такихъ «душевные недуги которыхъ надо было «исправить».

Такъ продолжалось до 1839 года. Въ этомъ году исправлявшій должность генералъ-губернатора московскій комендантъ Стааль, «признавая совершенное самоотверженіе г. Гааза, но удерживая, однако-же, мысль, что и въ самомъ добрѣ излишество вредно, если оно останавливаетъ ходъ дѣлъ, закономъ учрежденный», просилъ комитетъ «ограничить распоряженія лица, удерживающаго въ пересыльномъ замкѣ арестантовъ». Это послужило сигналомъ для новыхъ нападеній на Гааза со всѣхъ сторонъ. Со стороны полиціи пошли жалобы, а командированный комитетомъ для повѣрки его дѣйствій при отправленіи партій директоръ Розенштраухъ и секретарь комитета Померанцевъ стали рѣзко осуждать его. Наконецъ, и самъ князь Голицынъ, уже больной, началъ приходить въ раздраженіе отъ постоянныхъ жалобъ на «утрированнаго филантропа» и въ 1839 году предписалъ ему представлять для провѣрки въ комитетъ и въ губернское правленіе списки оставляемыхъ имъ въ Москвѣ, съ точнымъ обозначеніемъ ихъ *болѣзни*, которая вынудила его на эту мѣру, а комитетъ потребовалъ, чтобы вмѣстѣ съ этими списками представлялись о томъ же и списки Гофмана. Въ довершеніе всего, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, основанному, вѣроятно, на жалобахъ Капцевича, о неправильныхъ дѣйствіяхъ Гааза и о его столкновеніяхъ съ властями было начато гражданскимъ губернаторомъ дознаніе и, съ согласія князя Голицына, 22 ноября 1839 года, Гаазъ совершенно устраненъ отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ пересыльныхъ. Послѣднее распоряженіе до крайности оскорбило старика. Его объясненіе комитету и докладная записка Голицыну носятъ слѣды глубокой горечи и негодованія. «Я призываю небо въ свидѣтели,— пишетъ онъ,—что ни губернское правленіе, ни какое-либо другое лицо не будутъ въ состояніи указать на какой-нибудь поступокъ съ моей стороны, который сдѣлалъ бы меня недостойнымъ довѣрія, которымъ я до сего времени пользовался». «Я не разъ,— продолжаетъ онъ со скорбью,—высказывалъ въ комитетѣ увѣренность, что и другіе его члены, если захотятъ, лучше выполнятъ мое дѣло и что единственное мое преимущество — это неимѣніе

другихъ занятій, которыя могли бы меня отвлечь отъ любимаго мною занятія — заботы о больныхъ и арестантахъ. Теперь же никто не занялъ моего мѣста въ пересыльной тюрьмѣ и вотъ уже четыре недѣли никто не посѣтилъ ссылаемыхъ!» Указывая, что онъ не считалъ возможнымъ заботиться только о тѣлесныхъ нуждахъ арестантовъ, онъ заявляетъ князю Голицыну, что ждалъ присутствованія при отправленіи партій, какъ награды за свой трудъ. «C'était le prix de mes peines et il consistait dans quatre demandes, que je pouvais adresser à ces malheureux un moment avant leur départ: est-ce que vous vous portez bien? est-ce que ceux, qui savent lire, ont reçu un livre? est-ce que vous n'avez aucun besoin? est-ce que vous êtes contents?» Мы увидимъ, что въ его устахъ были не праздные вопросы... По поводу сдѣланнаго ему замѣчанія, что онъ возвелъ милость въ обязанность, Гаазъ пишетъ Голицыну: «Oui! j'ai même fait recevoir comme règle par mes subordonnés, employés du Comité, que le mot de *grâce* ne doit pas être prononcé parmi nous. D'autres visitent les prisoniers par grâce, leur font des aumônes par grâce, s'emploient pour eux auprès de chefs et auprès des parents par grâce, — nous autres, membres et employés du Comité, apres avoir accepté cette charge, nous faisons tout cela par *devoir*».

Мысль о томъ, что съ удаленіемъ его исчезло дѣйствительное попеченіе о пересыльныхъ, что тамъ, гдѣ еще такъ недавно на ихъ нужды отзывалось его сердце, начались злоупотребленія, неизбѣжныя при полномъ безправіи арестантовъ и формальномъ отношеніи къ нимъ властей, мучила его и порождала рядъ просьбъ и заявленій, писанныхъ почеркомъ, обличающимъ нервную и нетерпѣливую руку. «Позвольте мнѣ,— пишетъ онъ 24-го декабря 1839 г. гражданскому губернатору,— выразить мое предчувствіе, что если жалобамъ на оставленіе ссыльныхъ въ Москвѣ не будетъ дано справедливаго разъясненія, то снова настанетъ то время—чему уже есть примѣры — когда людей, просящихъ со скромностію о своихъ нуждахъ, дерутъ за волосы, бранятъ всячески напрасно, таскаютъ ихъ и совершаютъ такія дѣйствія, при видѣ коихъ должно полагать себя болѣе на берегахъ Сенегальскихъ, нежели на мѣстѣ, гдѣ опредѣлительно велѣно учить людей благочестію и доброй нравственности, такъ, чтобы содержаніе ихъ служило болѣе къ исправленію, нежели къ ихъ ожесточенію». Въ другомъ письмѣ, къ тому же лицу, онъ приводитъ случаи, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ и которые особенно взволновали его. Это были—отправленіе 21-го декабря 1839 года двухъ совершенно больныхъ арестантовъ, которые пошли только потому, что «могли держаться на ногахъ», и происшествіе съ двумя молодыми дѣвушками, которое онъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ тотъ же день двѣ сестры-дѣвушки со слезами просили ихъ не разлучать; одну, по осмотру штабъ-лѣкаря Гофмана, назначено было

остановить, но другой, младшей, отказано въ ея просьбѣ по той причинѣ, что она уже два раза была останавливаема изъ-за болѣзни своей сестры, при чемъ объявлено имъ, что если желаютъ быть неразлучны, то пусть больная переможетъ себя и идетъ; сестры согласились, предпочитая, надо полагать, лучше умереть вмѣстѣ, нежели быть разлученными. Обходя людей, стоявшихъ уже на дворѣ, я нашелъ означенную дѣвушку до того больною, что вынужденнымъ нашелъ объявить полицiймейстеру, полковнику Миллеру, что ее нельзя отправить, хотя бы она того и желала, на что г. Миллеръ отвѣтствовалъ согласiемъ, но съ тѣмъ, чтобы сестра ея все-таки была отправлена. Тогда я убѣдительнѣйше его просилъ ради любви сихъ сестеръ другъ къ другу оставить обѣихъ и напомнилъ ему, что ходатайства тюремнаго комитета, буде окажутся приличными, должны быть уважаемы и что рѣдкiе случаи могутъ быть столь достойны уваженiя, какъ просьба сихъ дѣвушекъ, кои, будучи довольно молоды, могутъ лучше другъ друга, нежели одна по себѣ, беречь отъ зла и подкрѣплять къ добру». Но Миллеръ остался непреклоненъ, давъ понять бѣдному Гаазу, что онъ уже «какъ при изъясненiи о состоянiи здоровья сихъ людей, такъ и при изъясненiи свойствъ тюремнаго комитета—нынѣ считается ничѣмъ»... Это заявленiе окончательно взволновало старика. «Говоря съ г. Миллеромъ,—пишетъ онъ,—на языкѣ, который окружающiе не разумѣли (т.-е. на иностранномъ), я сказалъ, ему, что считаю себя обязаннымъ о таковомъ происшествiи довести до свѣдѣнiя Государя, но и симъ не успѣвъ преклонить волю г. Миллера къ снисхожденiю, дошелъ до того, что напомнилъ ему о высшемъ еще Судѣ, предъ которымъ мы оба не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ тихихъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями. Г. Миллеръ, сказалъ мнѣ, что тутъ не мѣсто дѣлать катехизмъ,—кончилъ, однакоже, тѣмъ, что велѣлъ остановить обѣихъ сестеръ»...

Еще въ 1834 году, въ ряду обвиненiй противъ «утрированнаго филантропа» было выставлено Капцевичемъ и обвиненiе въ томъ, что онъ постоянно утруждаетъ начальство «неосновательными» просьбами за «развращенныхъ» арестантовъ. Оно было повторено съ особою силою и въ 1839 году. Оправдываясь, Гаазъ въ горячихъ выраженiяхъ указываетъ на всеобщее равнодушное отношенiе къ нуждамъ ссыльныхъ, на торопливость, съ которою для каждой партiи составляется статейный списокъ, на нежеланiе выслушивать ихъ просьбы, чтобы не измѣнять и не передѣлывать этого списка, ограждая тѣмъ конвойныхъ отъ ожиданiя и писарей отъ излишняго труда. «Когда партiя отправляется и не получившiе справедливости арестанты смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ какъ бы видомъ презрѣнiя, то я думаю,—восклицаетъ онъ,—что Ангелъ Господень ведетъ *свой статейный списокъ* и въ немъ записаны—начальство сихъ несчастныхъ и я»...

Сознаніе невозможности продолжать освидѣтельствованіе, не давая ему покоя, безъ сомнѣнія, побуждало его къ ряду личныхъ просьбъ и протестовъ. Слѣдовъ ихъ не сохранилось, но уцѣлѣли его письменныя обращенія, въ которыхъ чувствуется глубоко убѣжденный и страдающій человѣкъ. «Учрежденіе тюремнаго комитета,—пишетъ онъ генералъ-губернатору,—обращается какъ бы въ фантомъ и обязанность, порученная вашему сіятельству какъ бы въ качествѣ *душеприкащика* Основателя общества, остается безъ послѣдствій; до послѣдней степени оскорбительно видѣть, сколь много старанія прилагается держаться буквы закона, когда хотятъ отказать въ справедливости!»—«Сегодня,—пишетъ онъ 29-го декабря 1839 года гражданскому губернатору Олсуфьеву,—исполнилось десять лѣтъ со дня открытія въ Москвѣ тюремнаго комитета; мнѣ хочется сей день, который слѣдовало бы праздновать высокоторжественнымъ образомъ, провести въ глубокомъ трауръ. Это самый печальный день, который имѣлъ я во все время существованія комитета, видя нарушеніе достигнутаго десятилѣтними трудами облегченія ввѣренныхъ намъ людей. Ваше превосходительство сами можете постигнуть, какія должны быть мои чувства, когда даже въ васъ не могу еще замѣтить состраданія къ несправедливымъ поступкамъ, кои я претерпѣваю отъ всюду отъ того единственно, что я старался всѣмъ сердцемъ и всѣми способами о соблюденіи тѣхъ правилъ, которыя должны были быть соблюдаемы касательно сихъ людей».

Не дождавшись немедленнаго возстановленія своихъ правъ, Гаазъ не сложилъ, однако, оружія. Онъ считался директоромъ тюремнаго комитета и крѣпко держался за это званіе. Оно давало ему возможность ѣздить въ пересыльную тюрьму и на этапъ, видѣть «своихъ» арестантовъ, просить за нихъ и заступаться, несмотря на то, что директоръ Розенштраухъ, командированный комитетомъ, погрозилъ ему однажды даже тѣмъ, что если онъ будетъ продолжать «нарушать порядокъ», то будетъ «удаленъ силою». «Несмотря на униженія, коимъ я подверженъ, несмотря на обхожденіе со мною, лишающее меня уваженія даже моихъ подчиненныхъ, и, чувствуя, что я остался одинъ безъ всякой пріятельской связи или подкрѣпленія,—пишетъ онъ въ мартѣ 1840 года комитету,—я тѣмъ не менѣе считаю, что покуда я состою членомъ комитета, уполномоченнымъ по этому званію волею Государя посѣщать всѣ тюрьмы Москвы,—мнѣ никто не можетъ воспретить отправляться въ пересыльный замокъ въ моментъ отсылки арестантовъ, и я продолжаю и буду продолжать тамъ бывать всякій разъ, какъ и прежде»... Долго ли продолжалось это тягостное для него положеніе—опредѣлить въ точности не представляется возможнымъ,—но уже съ 1842 г. въ журналахъ комитета начинаютъ встрѣчаться заявленія самого Гааза о содѣйствіи тѣмъ или другимъ нуждамъ арестантовъ, *оставленныхъ имъ* въ больницѣ пе-

ресыльнаго замка, а извѣстія конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, несмотря на суровое генералъ-губернаторство Закревскаго, рисуютъ его энергически распоряжающимся въ любимой сферѣ. Очевидно, что противники его, видя упорство старика, устали и—махнули на него рукою. Притомъ за этимъ его упорствомъ чувствовалась великая, покоряющая нравственная сила, предъ которою блѣднѣли и теряли значеніе *такіе* важные безпорядки и затрудненія, какъ необходимость переписывать кондуитные списки или измѣнять разсчетъ кормовыхъ денегъ... Быть можетъ, нѣкоторымъ его противникамъ изъ-за сѣрой массы «развращенныхъ арестантовъ», съ упованіемъ и благодарностью смотрѣвшихъ на оскорбляемаго, но настойчиваго чудака,—сталъ видѣться тотъ Ангелъ Господень, на котораго онъ съ такою увѣренностью ссылался—и у котораго былъ «свой статейный списокъ»...

Но, какъ бы то ни было, поѣздки на Воробьевы горы и на Рогожскій полуэтапъ продолжались до самой смерти Гааза. «Я встрѣчалъ иногда въ нѣкоторыхъ домахъ Москвы доктора Гааза,—писалъ намъ въ 1893 г. покойный Е. А. Матисенъ (старѣйшій членъ петербургской судебной палаты);—онъ энергическою своею осанкою напоминалъ Лютера; я засталъ его въ 1850 году при человѣколюбивой дѣятельности его въ качествѣ врача при пересыльномъ арестантскомъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ. Въ одно воскресенье поѣхалъ я туда для присутствованія при тяжкомъ зрѣлищѣ отправленія этихъ несчастныхъ въ Сибирь; въ числѣ ихъ была одна женщина—присужденная къ каторжнымъ работамъ; она уже поставлена была въ общій строй, для шествія пѣшкомъ, когда пріѣхалъ гражданскій губернаторъ; на просьбу этой арестантки дозволить ей сѣсть на одну изъ телѣгъ, всегда сопровождающихъ конвой и назначенныхъ для дѣтей и слабосильныхъ, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отказалъ, тогда приблизился къ ней докторъ Гаазъ и, удостовѣрившись въ крайнемъ истощеніи ея, обратился къ губернатору съ заявленіемъ, что онъ не можетъ дозволить отправленія ея пѣшкомъ; губернаторъ возражалъ и упрекалъ его въ излишнемъ добродушіи къ преступницѣ, но Гаазъ настаивалъ и, отозвавшись, что за больныхъ отвѣчаетъ онъ, приказалъ принять эту женщину на телѣгу; губернаторъ хотѣлъ отмѣнить это распоряженіе, но Гаазъ горячо сказалъ, что онъ не имѣетъ на это права, и что онъ тотчасъ донесетъ объ этомъ генералъ-губернатору Закревскому; тогда только губернаторъ уступилъ, и женщина отправлена была въ телѣгѣ. Въ тотъ же день я былъ очевидцемъ, какъ одного каторжника заковали и такъ неумѣло, что нога его оказалась въ крови, и онъ отъ боли не могъ встать—тогда Гаазъ велѣлъ его расковать, принявъ на себя отвѣтственность за возможный побѣгъ. Возвратившись въ Москву, я поѣхалъ къ Рогожской заставѣ, чрезъ которую проходилъ конвой арестантовъ, и здѣсь опять встрѣтилъ доктора Гааза, желав-

шаго удостовѣриться, не отмѣнены ли его приказанія относительно слабосильныхъ арестантовъ, и вновь подошедшаго съ ободреніемъ и теплыми словами къ женщинѣ, сидѣвшей на телѣгѣ и освобожденной имъ отъ пѣшаго хожденія по этапамъ».

Воспоминанія людей, помнящихъ Гааза и служившихъ съ нимъ, даютъ возможность представить довольно живо его воскресные пріѣзды на Воробьевы горы. Онъ являлся къ обѣднѣ и внимательно слушалъ проповѣдь, которая, вслѣдствіе его просьбы, уваженной митрополитомъ Филаретомъ, всегда неизбѣжно говорилась въ этотъ день для арестантовъ. Затѣмъ онъ обходилъ камеры арестантовъ, задавая тѣ вопросы, въ правѣ предложить которые видѣлъ себѣ—какъ онъ писалъ князю Голицыну—награду. Арестанты ждали его посѣщенія, какъ праздника, любили его, «какъ Бога»—вѣрили въ него и даже сложили про него поговорку: «у Газа—нѣтъ отказа». Самые тяжкіе и закоренѣлые преступники относились къ нему съ чрезвычайнымъ почтеніемъ. Онъ входилъ всегда одинъ въ камеры «опасныхъ» арестантовъ — съ клеймами на лицѣ, наказанныхъ плетьми и приговоренныхъ въ рудники безъ срока, — оставался тамъ подолгу наединѣ съ ними — и не было ни одного случая, чтобы мало-мальски грубое слово вырвалось у ожесточеннаго и «пропащаго» человѣка противъ «Ѳедора Петровича». Вопросъ о томъ: не имѣетъ кто какой-нибудь нужды?— вызывалъ всегда множество заявленій, часто неосновательныхъ,— и просьбъ, удовлетвореніе которыхъ было иногда невозможно. Гаазъ все выслушивалъ терпѣливо и благодушно. На его исполненномъ спокойствія и доброты лицѣ не было и тѣни неудовольствія на подчасъ вздорныя или даже вымышленныя претензіи. Онъ понималъ, въ глубокомъ состраданіи своемъ въ слабой душѣ человѣческой, что узникъ и самъ часто знаетъ, какъ нелѣпа его просьба или несправедлива жалоба, но ему надо дать высказаться, выговориться, надо дать почувствовать, что между нимъ—отверженцемъ общества—и внѣшнимъ, свободнымъ міромъ есть все-таки связь, и что этотъ міръ преклоняетъ ухо, чтобы выслушать его... Терпѣливое вниманіе, безъ оттѣнка докуки или раздраженія, два-три слова сожалѣнія о томъ, что нельзя помочь, или разъясненіе, что для помощи нѣтъ повода—и узникъ успокоенъ, ободренъ, утѣшенъ. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ арестантами и относился къ нимъ не съ надменной чиновничьей высоты — знаетъ, что это такъ...

Но если жалобы и просьбы арестанта переходили во вздорную словоохотливость, Ѳедоръ Петровичъ, улыбаясь, переходилъ къ слѣдующему, говоря сопровождавшему его тюремному служителю: «Скажи ему, милый мой, что онъ не дѣло говоритъ»... Затѣмъ начиналось освидѣтельствованіе арестантовъ въ извѣстномъ уже объемѣ. Въ 1851 г. для нѣкотораго контроля надъ широкимъ

примѣненіемъ Гаазомъ понятія о нездоровьѣ—губернское правленіе стало командировать къ отправкѣ пересыльныхъ партій члена врачебной управы. Выборъ лица для этого надзора былъ сдѣланъ весьма своеобразно. Сдерживать Гааза былъ назначенъ другъ Грановскаго и Щепкина, «перевозчикъ» на русскій языкъ Шекспира, небрежный въ костюмѣ, косматый, жизнерадостный, злой на языкъ и добрый на дѣлѣ, оглушающій громовыми раскатами смѣха—Николай Яковлевичъ Кетчеръ. Имена арестантовъ, про которыхъ было извѣстно, что Ѳедору Петровичу хотѣлось бы ихъ оставить до слѣдующаго этапнаго дня, писались карандашомъ на записочкѣ,—и она передавалась Кетчеру, на подобіе докторскаго гонорара при рукопожатіи, людьми, сочувствовавшими Гаазу между тюремнымъ персоналомъ. Подойдя къ обозначенному въ запискѣ, Кетчеръ обыкновенно находилъ, что *онъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ*. Гаазъ краснѣлъ отъ удовольствія и немедленно восклицалъ: «оставить его! оставить... въ больницу!»...

«Мы были,—пишетъ 27-го сентября 1847 года жена англійскаго посла, лэди Блумфильдъ (Reminiscences of court and diplomatic life, by Georgina Baroness Bloomfield. London. 1882),—въ пересыльной тюрьмѣ на Воробьевыхъ горахъ... Тюрьма, жалкая постройка, состоящая изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домовъ, построенныхъ въ 1831 г., во время холеры, чтобы не пускать преступниковъ въ зараженный городъ. Мы вошли въ комнату, гдѣ ихъ осматривалъ докторъ Гаазъ. Этотъ чудесный человѣкъ посвятилъ себя имъ уже семнадцать лѣтъ и пріобрѣлъ среди нихъ большое вліяніе и авторитетъ. Онъ разговаривалъ съ ними, утѣшалъ ихъ, увѣщевалъ, выслушивалъ ихъ жалобы и внушалъ имъ упованіе на милость Бога—многимъ раздавая книги. Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Тексты писанія о томъ, «кому много дано» и о «первыхъ, которые будутъ послѣдними», никогда не представлялись такъ живо моему уму. Всѣхъ арестантовъ было 80 человѣкъ—мужчинъ и женщинъ; 28 изъ нихъ шли въ пожизненную каторгу. Послѣдніе, съ обритою на половину головою, имѣли видъ призраковъ; видъ большей части былъ скорѣе апатичный, чѣмъ злой. Когда я вошла въ тюрьму, одинъ арестантъ стоялъ на колѣняхъ передъ Гаазомъ и, не желая встать, рыдалъ надрывающимъ душу образомъ. Его исторія очень любопытна. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь за убійство, и жена отказалась слѣдовать за нимъ. Бѣжавъ изъ Сибири, онъ нашелъ на родинѣ, въ Бѣлоруссіи, жену замужемъ за другимъ. Его поймали, жестоко наказали и опять сослали. Съ отчаяніемъ умолялъ онъ отдать ему жену. Несчастье было написано на лицѣ его. Сколько ни уговаривалъ его Гаазъ, сколько ни образумлялъ съ лаской и участіемъ—онъ оставался неутѣшенъ и плакалъ горько. Предъ отходомъ партіи была перекличка. Арестанты начали строиться,

креститься на церковь; нѣкоторые поклонились ей до земли, потомъ стали подходить къ Гаазу, благословляли его, цѣловали ему руки и благодарили за все доброе, имъ сдѣланное. Онъ прощался съ каждымъ, нѣкоторыхъ цѣлуя, давая каждому совѣтъ и говоря ободряющія слова. Потомъ Гаазъ сказалъ мнѣ, что всегда молится, чтобы, когда всѣ соберутся предъ Богомъ, начальство не было осуждено этими самыми преступниками и не понесло въ свою очередь тяжелаго наказанія. Къ тюрьмѣ былъ пристроенъ госпиталь, состоявшій подъ его наблюденіемъ. Въ немъ онъ удерживалъ больныхъ или тѣхъ, кто былъ слабъ для пяти съ половиною мѣсячнаго пути. Тяжелое, но неизгладимое впечатлѣніе!»

Приготовленная къ отправкѣ партія ссыльныхъ не тотчасъ же направилась по «владимiркѣ«. Первый переходъ отъ Москвы до Богородска былъ очень длиненъ. Онъ до крайности утомлялъ и конвой и арестантовъ, которымъ приходилось выступать изъ пересыльной тюрьмы довольно поздно между 2 и 3 часами пополудни. По мысли и настояніямъ Гааза рѣшено было устроить на другомъ концѣ Москвы, за Рогожскою заставою, полуэтапъ, гдѣ партія могла бы переночевать и уже утромъ выйти окончательно въ путь. Гаазъ нашелъ средства, отыскалъ благотворителей, между которыми выдающееся мѣсто занималъ купецъ Рахмановъ,—и зданіе Рогожскаго полуэтапа стало давать послѣдній въ предѣлахъ Москвы пріютъ ссыльнымъ и ихъ семействамъ. Сюда стекались пожертвованія, иногда очень щедрыя, натурою (преимущественно калачами, яйцами и ситцемъ на рубаху), и деньгами отъ благотворителей, которыми всегда была изобильна Москва; сюда же приходили нѣкоторые изъ нихъ лично, чтобы раздавать подаяніе арестантамъ. Здѣсь можно было видѣть то «умилительное,—по словамъ Гоголя,—зрѣлище, которое представляетъ посѣщеніе народомъ ссыльныхъ, отправляемыхъ въ Сибирь, при чемъ нѣтъ ни ненависти къ преступнику, ни донкихотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирая его факсимиле и портреты—или желанія смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается на западѣ,—есть что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упавшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата» (Переписка съ друзьями). Съ устройствомъ Рогожскаго полуэтапа мѣстное начальство внутренней стражи распорядилось было водить партіи съ Воробьевыхъ горъ по окраинамъ Москвы, минуя ея оживленныя и населенныя улицы и не тревожа спокойствіе ихъ обитателей и посѣтителей видомъ ссылаемыхъ и звономъ кандаловъ. Но мысль объ ограждeніи «счастливыхъ» отъ напоминанія о «несчастныхъ» была непонятна Гаазу и казалась ему идущею наперекоръ съ добрыми свойствами русскаго человѣка, не хранящаго злобы противъ наказаннаго преступника и создавшаго поговорку «отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся». Этотъ ино-

странецъ глубже чѣмъ офиціальные представители московскаго благочинія, понималъ высокое нравственное значеніе отношенія русскаго человѣка къ «несчастному», нашедшее себѣ впослѣдствіи вдумчиваго истолкователя въ Д. А. Ровинскомъ. Кромѣ того, съ точки зрѣнія практической, проводъ ссыльныхъ по окраинамъ лишалъ ихъ обильныхъ подаяній, отовсюду сыпавшихся имъ на пути чрезъ Замоскворѣчье, Таганку и Рогожскую часть. Защитникъ арестантскихъ интересовъ, Гаазъ сталъ тотчасъ же домогаться отмѣны этого распоряженія чрезъ комитетъ, и, не дожидаясь разрѣшенія этого вопроса канцелярскимъ путемъ, обратился въ 1835 году къ коменданту Москвы генералу Стаалю, съ горячимъ письмомъ, умоляя его о «великомъ облегченіи симъ людямъ». Распоряженіе было отмѣнено.

Къ этому-то полуэтапу подъѣзжала утромъ, въ понедѣльникъ, извѣстная всей Москвѣ пролетка Ѳедора Петровича и выгружала его самого и корзины съ припасами, собранными имъ за недѣлю для пересыльныхъ. Онъ обходилъ ихъ, освѣдомлялся, получили ли они по второй рубашкѣ, выхлопотанной имъ у комитета въ 1839 году, ободрялъ ихъ снова,—къ нѣкоторымъ, въ которыхъ успѣлъ подмѣтить «душу живу», обращался со словами: «поцѣлуй меня, голубчикъ» («Прощанье г. Гааза даже сопровождалось цѣлованьемъ съ преступниками»—писалъ негодующій Капцевичъ въ 1838 г.), и долго провожалъ глазами тронувшуюся партію, медленно двигавшуюся, звеня цѣпями, по Владимірской дорогѣ... Иногда встрѣчные съ партіею москвичи, торопливо вынимая подаяніе, замѣчали, что вмѣстѣ съ партіею шелъ,—нерѣдко много верстъ,—старикъ во фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ чулкахъ, а если это было зимою, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и въ старой волчьей шубѣ. Но москвичей не удивляла такая встрѣча. Они знали, что это «Ѳедоръ Петровичъ», что это «святой докторъ» и «Божій человѣкъ», какъ привыкъ его звать народъ. Они догадывались, что ему вѣрно нужно еще продлить свою бесѣду съ ссыльными и, быть можетъ, какое-нибудь свое пререкаміе съ ихъ начальствомъ. Они знали, что нужды этихъ людей и предстоящія имъ на долгомъ пути трудности не были ему чужды ни въ какомъ отношеніи. Недаромъ же въ Москвѣ разсказывали, что однажды, въ 1830 году, губернаторъ Сенявинъ, пріѣхавъ къ нему по дѣлу, засталъ его непрерывно ходящимъ, подъ акомпаниментъ какого-то лязга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои «облегченные» кандалы и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково *имъ* идти въ такихъ кандалахъ.

VI.

Отношеніе Гааза къ вопросамъ *тюремной статики* было менѣе боевое, чѣмъ—къ вопросамъ *динамики*. Сравнительная неподвижность осѣдлаго тюремнаго населенія давала возможность вести дѣло улучшенія его положенія болѣе сдержанно и спокойно. То, чего нельзя было достигнуть *сегодня*, могло—и притомъ по отношенію къ тѣмъ же самымъ людямъ—было сдѣлано *завтра*. Все сводилось лишь къ настойчивости и выдержкѣ. Арестантъ не мелькалъ здѣсь предъ опечаленнымъ взоромъ «утрированнаго филантропа», какъ въ калейдоскопѣ, гдѣ каждый поворотъ измѣняетъ личный составъ нуждающихся въ помощи и защитѣ.

Но и въ области «статики» Гаазъ работалъ много и плодотворно. Онъ засталъ московскій губернскій замокъ, про который арестантская пѣсня говорила:—«Межъ Бутырской и Тверской,—тамъ стоятъ четыре башни,—въ серединѣ большой домъ,—гдѣ крестъ-на-крестъ калидоры»,—въ ужасномъ состояніи. Если въ 1873 году, чрезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, въ матеріалахъ, собранныхъ Соллогубовскою комиссіею для тюремнаго преобразованія, про этотъ замокъ было, быть можетъ не безъ нѣкотораго преувеличенія, сказано, что онъ представляетъ «образецъ всѣхъ безобразій», и что первымъ приступомъ къ тюремной реформѣ должно быть «уничтоженіе этого вертепа» (Записка о карательныхъ учрежденіяхъ Россіи, № 2, стр. 12), то можно себѣ представить, что̀ такое онъ представлялъ собою при открытіи тюремнаго комитета. Изъ тѣхъ улучшеній,—очень скромныхъ вслѣдствіе скудости средствъ,—которыя въ немъ осуществилъ Гаазъ,—можно составить себѣ приблизительную картину бросавшихся въ глаза недостатковъ этого мѣста заключенія огромнаго количества людей. Въ маленькихъ, скупо дававшихъ свѣтъ окнахъ не было форточекъ; печи дымили; вода получалась изъ грязныхъ притоковъ Москвырѣки; въ мужскихъ камерахъ не было наръ, на ночь въ нихъ ставилась протекавшая и подтекавшая «параша»; не было никакихъ приспособленій для умыванія; кухни поражали своею нечистотою; распредѣленіе по возрасту и роду преступленій не соблюдалось; слабый вообще надзоръ ограничивался лишь по временамъ крутыми мѣрами насильственнаго принужденія; пища была плохая и скудная, но зато въ углахъ камеръ, у стѣнъ съ облупленною штукатуркою, покрытыхъ плесенью и пропитанныхъ сыростью, выростали грибы...

Въ 1832 году Гаазъ рѣшительно принялся за дѣло улучшенія хотя бы части этой, какъ онъ выражался «несносной неопрятности». Дважды въ теченіи августа 1832 года, былъ онъ у кн. Д. В. Голицына, рисуя ему эту «неопрятность», и убѣдилъ его лично въ ней удостовѣриться. Результатомъ этого было разрѣше-

ніе комитетомъ Гаазу устроить въ видѣ опыта одинъ изъ корридоровъ замка—*сѣверный*—хозяйственнымъ способомъ. Гаазъ принялся за дѣло ретиво, по нѣскольку разъ въ день пріѣзжалъ на работы, платилъ рабочимъ свои деньги, чтобы они не бросали нѣкоторыхъ работъ и въ праздники, послѣ обѣдни; лазилъ по лѣсамъ, рисовалъ, разсчитывалъ, спорилъ,—и въ половинѣ 1833 года часть тюремнаго замка приняла не только приличный, но и образцовый по тому времени видъ. Чистыя, свѣтлыя камеры съ нарами, которыя поднимались днемъ, съ окнами втрое шире прежнихъ, были выкрашены масляною краскою; были устроены ночныя ретирады и умывальники, вырытъ на дворѣ собственный колодезь и внутри двора посажены сибирскіе тополи, по два въ рядъ, «для освѣженія воздуха».

Такъ образовался, къ негодованію генерала Капцевича, устроенный Гаазомъ «пріютъ, не только изобильный, но даже роскошный и съ прихотями, избыточно филантропіей преступникамъ доставляемыми». Въ довершеніе «роскоши» этого пріюта, при немъ были устроены Гаазомъ, принявшимъ на себя званіе директора работъ, мастерскія, и въ нихъ, при его посредствѣ, постепенно, къ іюню 1834 года, заведены для арестантовъ переплетныя, столярныя, сапожныя и портняжныя работы, а также плетеніе лаптей. Въ 1836 году, по мысли Гааза и Львова, главнымъ образомъ на пожертвованія, собранныя первымъ, устроена при пересыльной тюрьмѣ, за неимѣніемъ мѣста въ губернскомъ замкѣ, школа для арестантскихъ дѣтей. Гаазъ часто посѣщалъ ее, разспрашивалъ и ласкалъ дѣтей и нерѣдко экзаменовалъ ихъ. Онъ любилъ исполненіе ими церковныхъ гимновъ, причемъ, къ изумленію мѣстнаго священника, совершенно правильно поправлялъ ихъ ошибки въ славянскомъ текстѣ. Въ этой школѣ хотѣлъ онъ, по словамъ Жизневскаго, повѣсить часы съ большимъ маятникомъ и съ очень нравившеюся ему звукоподражательною надписью: «Какъ здѣсь, такъ и тамъ; какъ здѣсь, такъ и тамъ!..»

Постоянно бывая въ тюремномъ замкѣ, Гаазъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ служащихъ и требовалъ отъ нихъ той любви къ дѣлу, примѣръ которой подавалъ самъ. Но это было трудно исполнимо, и при его довѣрчивости къ людямъ онъ часто дѣлался, въ этомъ отношеніи, жертвою грубаго лицемѣрія, покуда сердце не подсказывало ему или какой-нибудь вопіющій фактъ не доказывалъ ему, что дѣло идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Въ этихъ случаяхъ онъ волновался чрезвычайно,—сыпалъ горячими упреками, штрафовалъ, увольнялъ. Но тюремный персоналъ не создается сразу.

Не менѣе волновали Гааза матеріальные слѣды крутыхъ и безгласныхъ расправъ съ арестантами. Въ записахъ и трудахъ Д. А. Ровинскаго содержатся указанія на то, что еще въ сороковыхъ годахъ бывали случаи кормленія подслѣдственныхъ арестан-

товъ селедками и подвѣшиванья ихъ со связанными назадъ руками; онъ самъ долженъ былъ заняться уничтоженіемъ подвальныхъ темницъ при Басманной части и упразднить «клоповникъ» при одной изъ другихъ частей. Въ возможность подобныхъ явленій въ московскихъ тюрьмахъ зорко вглядывался Гаазъ. Въ 1843 году онъ былъ глубоко возмущенъ, узрѣвъ въ замкѣ «особую машину—такъ называемый *крестъ* (sic!), на который привязывается человѣкъ для наказанія на тѣлѣ, устроенный, какъ говорятъ, на подобіе тѣхъ, какіе есть, какъ сказываютъ, во всѣхъ частныхъ домахъ города». Требуя отъ комитета немедленнаго уничтоженія этой машины, Гаазъ высказалъ и свой взглядъ на отношеніе тюремныхъ служителей къ своимъ обязанностямъ.

«Если приставники, — пишетъ онъ,—будутъ смотрѣть за собою, чтобы самимъ не впадать въ прегрѣшеніе, то рѣдки будутъ и случаи взысканія съ заключенныхъ. Въ управленіи больничномъ я нахожу чрезвычайно полезнымъ начинать взысканіе со старшихъ приставниковъ, кои, при справедливомъ разбирательствѣ, почти всегда оказываются виновными въ непріятностяхъ, учиненныхъ ихъ подчиненными. То же полагалъ бы примѣнять и въ замкѣ, а не противныя закону истязанія...» Въ одномъ случаѣ, коснувшемся орудія наказанія не въ настоящемъ, а въ прошломъ, онъ столкнулся даже съ глубоко чтившимъ его Ровинскимъ. Въ губернскомъ замкѣ, въ одномъ изъ корридоровъ хранилась желѣзная клѣтка, въ которой содержался предъ казнью Пугачевъ, наводившій ужасъ своимъ видомъ на любопытныхъ женщинъ и смущавшій многихъ загадочными словами: «Воронъ-то взятъ, а вороненокъ-то еще летаетъ». Для любителя старины и археолога, какимъ былъ Ровинскій, клѣтка эта была предметомъ особаго историческаго интереса, и онъ все собирался ее изучить подробно, измѣрить, описать и т. д. Но не такъ относился къ ней Гаазъ, давно сурово на нее косившійся. Воспользовавшись какимъ-то междуцарствіемъ въ замкѣ, онъ рѣшился убрать отъ всякихъ взоровъ ненавистную ему клѣтку и приказалъ ее замуравить въ нишу, имѣвшуюся въ стѣнѣ, гдѣ она и находилась, во всякомъ случаѣ, до его смерти.

Ревнитель улучшеній въ тюремномъ быту, Гаазъ не былъ, однако, поклонникомъ такихъ нововведеній, которыя, по его мнѣнію, шли въ разрѣзъ не только съ особенностями русскаго простолюдина, но и со свойствами человѣческой природы вообще. Когда стало входить въ моду одиночное тюремное заключеніе, на началахъ пенитенціарной системы, въ комитетѣ раздались сочувствующіе ему голоса. Нѣкоторымъ изъ членовъ комитета сдѣлалось симпатичнымъ представленіе объ огромномъ зданіи, раздѣленномъ на ячейки и погруженномъ въ гробовое молчаніе, причемъ предполагается, что отданный на жертву тоскѣ, страстнымъ помысламъ и мрачному одиночеству, человѣкъ, лишенный искус-

ственно возможности употребленія того, чѣмъ онъ прежде всего отличается отъ животнаго—членораздѣльной рѣчи—очищается покаяніемъ и исправляется нравственно. Но Гаазъ постигъ всѣ темныя и обманчивыя стороны этой системы и понялъ ея жестокость. То, что въ шестидесятыхъ годахъ ученый Гольцендорфъ называлъ «eine raffinierte quaelerei», отталкивало отъ себя Гааза еще въ тридцатыхъ. «Насчетъ похвалы сей системы,—пишетъ онъ комитету въ октябрѣ 1832 года,—я не менѣе мнителенъ, какъ и на похвалу новыхъ средствъ и методовъ въ пользованіи больныхъ. Учрежденіе домовъ покаянія сходствуетъ съ учрежденіемъ монастырей. Сколь ни превосходенъ будетъ одинъ монастырь, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы правила его были распространены на всѣ другіе монастыри. Есть монастыри, въ коихъ находящіеся ничего не говорятъ, кромѣ: «memento mori». Хотя сіе есть важное и для многихъ даже приличнѣйшее изреченіе, однакожъ оно не вездѣ употребляется. Дозволительно поэтому спросить, почему въ Россіи обрекать арестантовъ на одиночество? почему лишать ихъ тихаго и добраго между собою разговора, а не удерживать только отъ шумнаго и неблагопристойнаго? Я уповаю, что не сими стѣсненіями и ожесточеніями, а устройствомъ труда и соединеніемъ арестантовъ на общую молитву можно благо дѣйствовать на исправленіе ихъ нравственности...»

Забота о правильномъ содержаніи арестанта въ стѣнахъ тюрьмы не исчерпывала однако всей полноты задачи тюремнаго комитета въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Гаазъ. За стѣнами тюрьмы былъ цѣлый міръ, къ которому еще недавно арестантъ былъ прикрѣпленъ всѣми корнями своего существованія. Не всѣ они обрывались съ того момента, какъ за нимъ захлопывались ворота тюрьмы. За стѣнами ея оставалась семья, близкіе, хозяйство, имущество,—за стѣнами пребывалъ судъ, пославшій въ тюрьму, опредѣлившій ея видъ и назначившій ея срокъ,—надъ этимъ судомъ былъ другой судъ, къ справедливости котораго можно было въ нѣкоторыхъ случаяхъ взывать; наконецъ, надо всѣмъ этимъ виднѣлся въ отдаленіи высшій въ государствѣ источникъ милости и милосердія. Но арестантъ былъ отрѣзанъ отъ этого міра. Между нимъ и этимъ міромъ стояли не только каменныя стѣны замка, но и живая стѣна тюремнаго начальства, занятаго прямыми своими обязанностями, подчасъ черстваго, почти всегда равнодушнаго. Для него *все* было въ поддержаніи и соблюденіи порядка между *всѣми* арестантами, а нужда, тревога или интересъ отдѣльной личности—ничто или почти ничто...

Нуженъ былъ посредникъ между арестантомъ и внѣшнимъ міромъ, — не казенный, не замкнутый въ холодныя начальственныя формы, — выслушивающій каждаго безъ досады, нетерпѣнія или предвзятаго недовѣрія, не прибѣгающій къ поспѣшной и безотрадной ссылкѣ на недопускающій возраженій законъ...

Уже вскорѣ по открытіи комитета, въ 1829 году, Гаазъ писалъ князю Голицыну о необходимости «prêter aux exilés et détenus une oreille amicale dans tout ce qu'ils auront à communiquer»... и внесъ, въ 1832 году, въ свой проектъ обязанностей секретаря комитета пунктъ шестой, въ силу котораго «онъ въ особенности долженъ исполнять обязанности стряпчаго, по воззванію арестантовъ, если бы кто изъ нихъ сталъ требовать изложенія письменной просьбы по дѣламъ своимъ». Мысль о необходимости быть посредникомъ или, какъ выражался онъ, «справщикомъ» для арестантовъ не покидала его. Осуществляя ее на практикѣ, онъ стремился къ тому, чтобы упорядочить эту обязанность и возложить ее на опредѣленныхъ лицъ. Въ 1834 г. онъ представилъ въ комитетъ подробный проектъ объ учрежденіи должности справщика. Покуда проектъ этотъ крайне медлительно разсматривался комитетомъ, онъ и директоръ Львовъ, распредѣливъ между собою дни, объѣзжали арестантовъ, собирая свѣдѣнія и хлопотали *о* нихъ, *за* нихъ и *для* нихъ. Наконецъ, въ 1842 году, постановленіемъ комитета офиціально учреждена должность *справщика и ходатая по арестанскимъ дѣламъ*. На «справщика», независимо отъ обязанностей губернскаго стряпчаго, возложена была забота о томъ, «чтобы никто не былъ заключенъ въ тюрьму противно разуму законовъ и сущности того дѣла, по которому онъ судится или прикосновенъ; чтобы всякій зналъ, въ чемъ онъ обвиняется; чтобы не было опущено никакихъ справокъ и изысканій, требуемыхъ имъ къ своему оправданію; чтобы содержаніе въ тюрьмѣ не отягощалось медленностью, и чтобы тѣ, кого можно закономъ освободить — были освобождены». Этотъ справщикъ-ходатай имѣлъ право входить въ сношеніе съ канцеляріями присутственныхъ мѣстъ и представлять о всемъ заслуживающемъ вниманія и содѣйствія князю Голицыну, изъ личныхъ средствъ котораго давалась сумма для его канцеляріи. Первымъ ходатаемъ былъ назначенъ членъ комитета Павловъ, затѣмъ въ помощь ему поступилъ Коптевъ.

Такимъ образомъ, мысль Гааза была осуществлена въ значительной ея части, и онъ, казалось, могъ въ этомъ отношеніи сказать: «нынѣ отпущаеши», всецѣло отдавшись своей этапной дѣятельности. Но это лишь казалось...

Сначала все шло, повидимому, успѣшно, но затѣмъ умеръ великодушный князь Голицынъ и вступили въ силу наши обычныя апатія и равнодушіе къ дѣлу. Въ 1844 году Гаазъ уже входитъ въ комитетъ съ просьбою ассигновать 1.400 р. на канцелярію ходатая, а не на выкупъ должниковъ, какъ полагали нѣкоторые, такъ какъ «это назначеніе почитаетъ онъ важнѣйшимъ, ибо, дѣятельная часть ходатайства по дѣламъ заключенныхъ составляетъ прямую и неоспоримую обязанность комитета, члены котораго должны дружелюбно выслушивать жалобы ввѣренныхъ

имъ людей». Указывая затѣмъ на готовность губернатора и прокурора принимать извѣщенія и ходатайства членовъ комитета объ арестантахъ, онъ не безъ горечи прибавляетъ, что «всѣ нужды по сему предмету удовлетворялись бы, лишь бы члены комитета трудились выслушивать людей и жалобы ихъ доводить до начальства; если же они недовольно исполняютъ сего сами, то пусть отыщутъ лицо, которое замѣнило бы ихъ». Онъ даже вынужденъ былъ заявить, что «быть можетъ полезнѣе было бы имѣть для такихъ порученій чиновника, приглашеннаго на жалованье, такъ какъ ему смѣлѣе, нежели товарищу, предложить можно бы имѣть заботу объ исполненіи своей обязанности и избѣгнуть вмѣстѣ съ тѣмъ опасности, состоящей въ томъ, что, за исключительнымъ наименованіемъ двухъ членовъ комитета ходатаями, остальные охладѣваютъ и отклоняютъ отъ себя долгъ выслушивать просьбы арестантовъ, лежащій на каждомъ изъ нихъ по призванію»...

Съ этого времени журналы комитета наполняются ходатайствами Гааза по различнымъ арестантскимъ нуждамъ, по пересмотру дѣлъ «невинно осужденныхъ», по вопросамъ о помилованіи... Д. А. Ровинскій вспоминалъ, что почти не проходило дня, чтобы къ нему въ «прокурорскую камеру», гдѣ онъ пребывалъ съ 1848 года въ качествѣ губернскаго стряпчаго, и затѣмъ въ уголовную палату, не пріѣзжалъ Гаазъ за справками и съ просьбами по дѣламъ заключенныхъ. Не вѣря въ бумажную борьбу съ «отклонявшими отъ себя долгъ», онъ взялъ этотъ долгъ на себя и, какъ всегда и во всемъ, исполнялъ его свято по отношенію къ нуждавшимся, съ полнымъ забвеніемъ себя и съ надоѣдливымъ упорствомъ относительно судебнаго и иного начальства...

Такъ продолжалось до самой его смерти. Одинъ изъ почтенныхъ товарищей предсѣдателя московскаго окружного суда за первые годы его существованія, съ глубокимъ уваженіемъ вспоминая о дѣятельности Гааза въ этомъ отношеніи, разсказывалъ, что, будучи еще молодымъ человѣкомъ и служа въ управленіи московскаго оберъ-полицiймейстера, онъ былъ однажды, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, оторванъ отъ занятій старикомъ, назвавшимся членомъ тюремнаго комитета и просившимъ справки о положеніи дѣла о какомъ-то арестантѣ. Недовольный помѣхою и желая поскорѣе вернуться къ прерванному дѣлу, онъ рѣзко указалъ на какія-то формальныя неточности въ данныхъ, по которымъ просилась справка, и отказалъ въ ея выдачѣ. Старикъ торопливо поклонился и вышелъ. Между тѣмъ небо заволокло тучами и вскорѣ разразилась гроза, одна изъ тѣхъ, которыя обращаютъ на время московскія площади въ озера, въ которыя стремятся по крутымъ улицамъ и переулкамъ цѣлыя рѣки... Чрезъ два часа старикъ снова потревожилъ молодого чиновника. На немъ не было сухой нитки... Съ доброю улыбкою подалъ онъ самыя подробныя свѣдѣнія по предмету своей просьбы. Оказалось,

что онъ ѣздилъ за ними на край города, въ Хамовническую часть, несмотря на ливень и грозу... Это былъ, уже семидесятилѣтній, Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ — и трогательный урокъ, данный имъ, вызывалъ чрезъ много лѣтъ у разсказчика слезы умиленія...

Говоря о дѣятельности Гааза, какъ справщика и ходатая, необходимо остановиться и на его хлопотахъ о *помилованіи.* Зная всѣ недостатки современнаго ему судопроизводства, онъ относился недовѣрчиво къ уголовному правосудію, отправляемому русскими судами. Хотя онъ понималъ, конечно, что знаменитое «оставленіе въ подозрѣніи — какъ результатъ системы формальныхъ доказательствъ — обусловливаетъ безнаказанность многихъ, но онъ не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знать, что возможность этого же самаго оставленія въ подозрѣніи, при отсутствіи собственнаго сознанія и узаконеннаго числа свидѣтелей, вызывала часто пристрастныя дѣйствія полицейскихъ слѣдователей для полученія сознанія во что бы то ни стало. Слѣдователь того времени по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ никогда не велъ осады заподозрѣннаго, окружая его цѣпью отысканныхъ и связанныхъ между собою уликъ и косвенныхъ доказательствъ. Это было долго, скучно, ненадежно, да— при уровнѣ развитія большинства слѣдователей—и трудно. Осадѣ предпочитался штурмъ прямо на заподозрѣннаго, стремительность котораго бывала часто въ обратномъ отношеніи къ его законности и даже основательности. Не мудрено, что Гаазъ, котораго ни въ чемъ и никогда не удовлетворяла внѣшняя, формальная правда, сомнѣвался въ справедливости многихъ приговоровъ, на неправильность которыхъ жаловались ему осужденные. Въ этихъ случаяхъ пересмотръ дѣла представлялся ему, помимо соображеній объ исчерпанномъ уже апелляціонномъ и ревизіонномъ производствѣ, дѣломъ святымъ, о которомъ нравственно необходимо хлопотать. Онъ зналъ также, что современный ему уголовный судъ не знаетъ индивидуальной личности преступника, что при разбирательствѣ дѣла живой человѣкъ стоитъ позади всего, въ туманномъ отдаленіи, заслоненный кипами слѣдственныхъ актовъ и обезличенный однообразнымъ канцелярскимъ стилемъ слѣдователя. Поэтому, когда онъ становился лицомъ къ лицу съ осужденнымъ, стараясь вдуматься въ мысли, бродившія въ полуобритой головѣ, и вглядѣться въ сердце, бившееся подъ курткою съ желтымъ тузомъ на спинѣ,—предъ его, проникнутымъ жалостью къ людямъ, взоромъ возникалъ совсѣмъ не тотъ злодѣй и нарушитель законовъ божескихъ и человѣческихъ, о которомъ шла рѣчь въ приговорѣ. И въ этихъ случаяхъ онъ считалъ своею обязанностью просить о помилованіи, о смягченіи суровой кары.

Поэтому-то въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета съ 1829 по августъ 1853 года записано 142 предложенія Гааза съ ходатайствами о пересмотрѣ дѣлъ, о помилованіи осужденныхъ или о смягченіи имъ наказанія. Покойный Д. А. Ровинскій вспо-

миналъ эпизодъ, показывающій, съ какою горячею настойчивостью отстаивалъ Өедоръ Петровичъ свое заступничество. Въ 40-хъ годахъ, будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за «невинно осужденныхъ» арестантовъ. «Вы все говорите, Өедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ — значитъ, есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. «Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе — осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: «Нѣтъ, Өедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,— Христосъ меня позабылъ!..»—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Особенно вызывали сочувствіе Гааза ссылаемые раскольники. Его любвеобильное сердце тщетно силилось почувствовать, почему нѣкоторые изъ нихъ могли быть сопричислены къ уголовнымъ преступникамъ? «Трогательно для меня несчастіе сихъ людей,— писалъ онъ въ 1848 г. вице-президенту кн. С. М. Голицыну, ходатайствуя за прибывшихъ на Воробьевы-горы трехъ стариковъ безпоповцевъ посада Добрянки,—а истинное мое убѣжденіе, что люди сіи находятся просто въ глубочайшемъ невѣдѣніи о томъ, о чемъ спорятъ, почему не слѣдуетъ упорство ихъ почитать упрямствомъ, а прямо заблужденіемъ о томъ, чѣмъ угодить Господу Богу. А если это такъ, то всѣ безъ сомнѣнія раздѣлять будутъ чувство величайшаго объ нихъ сожалѣнія;—чрезъ помилованіе же и милосердіе къ нимъ полагаю возможнѣе ожидать, что сердца ихъ и умы больше смягчатся»... Такія ходатайства не всегда встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны митрополита Филарета, бывшаго послѣдовательнымъ и твердымъ противникомъ всякихъ послабленій расколу, а приведенное ходатайство получило рѣшительный и лаконическій отпоръ и со стороны графа Закревскаго. «Вашему сіятельству извѣстно,—писалъ Гаазъ предсѣдателю тюремнаго комитета,—сколько разъ въ подобныхъ случаяхъ испрашивалась и достигалась царская милость—не соизволите ли принять на себя трудъ довести о семъ новому начальнику нашему графу Арсенію Андреевичу и преподать ему чрезъ то случай при

первомъ среди насъ появленіи осчастливить нѣкоторыхъ сидящихъ въ темницѣ несчастныхъ примиреніемъ съ ними милосерднаго монарха и чрезъ то осчастливить и насъ, имѣющихъ назначеніе чрезъ христіанское обхожденіе съ заключенными внушать имъ о настоящемъ духѣ христіанства и о жизни по христіански»... Разсмотрѣвъ лишь чрезъ два мѣсяца это ходатайство, комитетъ, «имѣя въ виду, что люди сіи уже прослѣдовали по назначенію», постановилъ: «сужденіе о нихъ прекратить, а записку доктора Гааза, предметъ коей выходитъ изъ круга дѣйствій комитета, представить г. военному генералъ-губернатору», по резолюціи котораго комитету приказано такихъ записокъ впредь не представлять. Иногда ходатайства Гааза бывали основаны и на обстоятельствахъ, не находившихся въ связи съ дѣломъ осужденнаго. Въ 1840 году, онъ проситъ о помилованіи 64-лѣтняго старика Михайлова потому, что тотъ имѣетъ попеченіе о малоумномъ Егоровѣ, кормитъ его, лечитъ и т. д.; въ 1842 году проситъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи трехъ «аманатчиковъ», слѣдующихъ съ Кавказа въ Финляндію для водворенія, въ виду суроваго климата послѣдней страны, а также потому что одинъ изъ нихъ, Магометъ-Ази-Оглы, проявилъ, помогая тюремному фельдшеру, большую понятливость, что̀ вызвало со стороны его, Гааза, «привязанность къ бѣдному молодому человѣку».

Во многихъ случаяхъ отказа комитета «заступиться» за тѣхъ, о комъ онъ просилъ, Гаазъ шелъ дальше, обращался въ Петербургъ къ президенту попечительнаго о тюрьмахъ общества, а если и здѣсь не встрѣчалъ сочувствія — шелъ еще выше... Отказы, «оставленія безъ послѣдствій», обращенія къ «законному порядку» — мало смущали его. Исчерпавъ все, онъ не отказывался отъ ходатайствъ на будущее время и не дѣлалъ никакихъ ограничительныхъ выводовъ для себя на это будущее. Наступалъ снова случай, гдѣ надо было, по его мнѣнію, призывать милость къ падшимъ и правосудіе къ невиннымъ, и онъ снова, «ничтоже сумняся», шелъ туда, «куда звалъ голосъ сокровенный, и гдѣ такъ часто встрѣчали его съ насмѣшкой, нетерпѣніемъ и недовольствомъ. Въ маѣ 1839 года, онъ собралъ одиннадцать случаевъ неуваженныхъ комитетомъ ходатайствъ своихъ и писалъ о нихъ президенту общества, а не получивъ никакого отвѣта, послалъ въ январѣ 1840 года просьбу объ уваженіи ихъ императору Николаю Павловичу. Она была передана въ коммиссію прошеній, откуда, въ іюнѣ 1840 года, была возвращена при оригинальномъ объявленіи, что Гаазу слѣдуетъ обратиться куда слѣдуетъ, буде онъ находитъ сіе основательнымъ.—«Нахожу ли основательнымъ?—не безъ юмора пишетъ Гаазъ комитету—конечно, нахожу, ибо самое мое дѣйствіе показываетъ, что нахожу основательнымъ,—иначе, не утруждалъ бы самыхъ достопочтеннѣйшихъ особъ и конечно не осмѣлился бы доводить до высочайшаго престола. Я столько убѣжденъ въ осно-

вательности моего представленія, что, буде по одному изъ многочисленныхъ изъ упомянутыхъ въ ономъ дѣлъ будетъ доказана моя несправедливость, то оставляю всѣ другія. А затѣмъ, по наставленію комиссіи прошеній, прошу комитетъ подвергнуть сіи дѣла внимательному разсмотрѣнію». Комитетъ объявилъ ему, что такъ какъ въ бумагахъ, имъ представленныхъ, «изъясняются жалобы» на вице-президентовъ и на самый комитетъ, то комитетъ и не почитаетъ себя вправѣ ихъ разсматривать. Бѣдный Гаазъ увидѣлъ себя такимъ образомъ замкнутымъ въ безвыходный cercle vicieux канцеляризма... Что̀ онъ сдѣлалъ далѣе—неизвѣстно. Быть можетъ, прибѣгъ снова къ средству писать за-границу, какъ это онъ сдѣлалъ по поводу прута... Онъ не былъ человѣкомъ, который останавливался въ сознаніи своего безсилія предъ бюрократической паутиною. Къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ въ рѣшительныхъ случаяхъ, видно изъ разсказа И. А. Арсеньева, подтверждаемаго и другими лицами, о посѣщеніи императоромъ Николаемъ московскаго тюремнаго замка, при чемъ государю былъ указанъ «доброжелателями» Гааза старикъ 70 лѣтъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь и задерживаемый имъ въ теченіе долгаго срока въ Москвѣ по дряхлости (повидимому, это былъ мѣщанинъ Денисъ Королевъ, который былъ признанъ губернскимъ правленіемъ «худымъ и слабымъ, но къ отправкѣ способнымъ»). «Что̀ это значитъ?»—спросилъ государь Гааза, котораго зналъ лично. Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думая, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: «полно!—я не сержусь, Ѳедоръ Петровичъ, что это ты,—встань!»—«Не встану!»—рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. «Да я не сержусь, говорю тебѣ... чего же тебѣ надо?» — «Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его!—я не встану, пока вы его не помилуете»... Государь задумался... «На твоей совѣсти, Ѳедоръ Петровичъ»,—сказалъ онъ наконецъ, и изрекъ прощеніе. Тогда, счастливый и взволнованный, Гаазъ всталъ съ колѣнъ.

VII.

Мы видѣли, какими способами старался Гаазъ осуществлять справедливое отношеніе къ осужденному и проводить рѣзкую грань между отбываніемъ наказанія и напраснымъ отягощеніемъ и безъ того горькой участи виновнаго. Свято исполняя, не взирая ни на что, свой глубоко понимаемый нравственный долгъ, Ѳедоръ Петровичъ могъ бы приложить къ своей дѣятельности прекрасную мысль, высказанную впослѣдствіи Пастёромъ: «долгъ кончается тамъ, гдѣ начинается невозможность».

Но одного справедливаго и человѣчнаго отношенія къ виновному было мало. Нужно было дѣятельное состраданіе къ *несчастному,* нужно было призрѣніе *больного.* А несчастныхъ было много... Первый видъ несчастія составляла безпомощность въ духовномъ и житейскомъ отношеніи. Встрѣчаясь почти ежедневно съ практическимъ осуществленіемъ наказанія, Гаазъ, со свойственною ему серьезною вдумчивостью, не могъ не сознать, что если, съ одной стороны, отсутствіе настоящаго религіозно-нравственнаго развитія нерѣдко лишало человѣка, смущаемаго преступнымъ замысломъ, могущественнаго орудія для борьбы съ самимъ собою, то, съ другой стороны, отсутствіе такого же назиданія для совершившаго преступленіе отнимало почти всякое исправительное значеніе у наказанія и оставляло арестанта на жертву тлетворному вліянію тюрьмы и этапнаго хожденія. Это отсутствіе являлось своего рода несчастіемъ, къ отвращенію котораго со стороны «казны» ничего не предпринималось, а со стороны попечительнаго общества въ первое время его существованія предпринималось очень мало. Въ сущности все сводилось лишь къ чисто формальному отношенію духовенства къ арестантамъ, да и то лишь въ большихъ центрахъ. Между тѣмъ тюремнымъ комитетамъ въ этомъ отношеніи представлялась благодарная задача. Она достигалась раздачею книгъ священнаго писанія и духовно-нравственнаго содержанія. Арестанты принимали ихъ съ жадностью, читали съ любовью. Евангеліе являлось для многихъ изъ нихъ неразлучнымъ спутникомъ, утѣшителемъ и разрѣшителемъ душевныхъ недоумѣній; оно было свѣтлымъ лучомъ въ томъ мракѣ отчаянія и озлобленія, который грозилъ овладѣть ими изнутри, который окружалъ ихъ извнѣ.

Гаазъ принялся настойчиво заботиться о раздачѣ такихъ книгъ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности въ качествѣ директора комитета, онъ, еще 5 февраля 1829 года, выступилъ съ заявленіемъ о необходимости этой раздачи и о болѣе широкомъ примѣненіи случаевъ духовнаго напутствія арестованнымъ. Онъ фактически взялъ все дѣло въ свои руки и отдался заботѣ «о бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Богомъ» — со всѣмъ пыломъ своей энергической натуры, ибо, какъ выражался онъ далѣе, «нужно видѣть то усердіе, съ которымъ люди сіи книгъ просятъ, ту радость, съ которой они ихъ получаютъ, и то услажденіе, съ которымъ они ихъ читаютъ!..» Но дѣятельность его встрѣчала двоякія внѣшнія препятствія, не говоря уже о внутреннихъ, тормозившихъ невидимо, но осязательно его трудъ въ области непосредственнаго ознакомленія несчастныхъ и падшихъ со словомъ «упокоенія».

Первое препятствіе составлялъ недостатокъ средствъ комитета, значительная часть которыхъ уходила на чисто хозяйственныя нужды. Покупая на счетъ комитета исключительно священное писаніе, Гаазъ сталъ на собственныя средства пріобрѣтать для раз-

дачи книги духовнаго и нравоучительнаго содержанія, а когда ни комитетскихъ, ни личныхъ суммъ, въ виду увеличившейся потребности въ книгахъ, стало не хватать, онъ вошелъ въ офиціальныя сношенія съ богатымъ петербургскимъ купцомъ Арчибальдомъ Мерилизомъ. «Въ россійскомъ народѣ, — писалъ онъ ему, прося помощи, — есть предъ всѣми другими качествами блистательпая добродѣтель милосердія, готовность и привычка съ радостью помогать въ изобиліи ближнему во всемъ, въ чемъ онъ нуждается, но одна отрасль благодѣянія мало въ обычаѣ народномъ: сія недостаточная отрасль подаянія есть подаяніе книгами св. писанія и другими назидательными книгами». За офиціальнымъ обращеніемъ послѣдовалъ, какъ видно изъ подробныхъ отвѣтовъ Мерилиза, рядъ частныхъ писемъ, результатомъ которыхъ была, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, присылка Гаазу «англинскимъ негоціантомъ» книгъ, совершаемая, какъ онъ выразился въ своемъ представленіи комитету, «съ удивительною, неоцѣненною щедростью» (съ 1831 по 1846 годъ Мерилизомъ было доставлено разныхъ книгъ на 30 т. р., въ томъ числѣ однѣхъ азбукъ 54.823 и евангелій на разныхъ языкахъ 11.030). Изъ представленной Гаазомъ комитету вѣдомости видно, что въ первыя пятнадцать лѣтъ существованіи комитета имъ роздано — 71.190 азбукъ церковныхъ и гражданскихъ, 8.170 святцевъ и часослововъ, 20.350 книгъ священной исторіи, катехизисовъ и другихъ духовнаго содержанія, 5.479 евангелій на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, 1.830 евангелій на иностранныхъ языкахъ, 8.551 псалтирь на церковно-славянскомъ и русскомъ и 584 на иностранныхъ и т. д.

Но одною раздачею книгъ не ограничивался Гаазъ. Ему хотѣлось снабдить каждаго арестанта, идущаго въ путь, нравственнымъ руководствомъ, изложеннымъ систематически и направленнымъ на разныя неприглядныя стороны жизни той среды, которая, въ количественномъ отношеніи, поставляетъ наибольшее число нарушителей закона. Въ 1841 году, онъ издалъ на свой счетъ книжку, in-8°, напечатанную на плотной бумагѣ и заключающую въ довольно толстой папкѣ 44 страницы, подъ заглавіемъ «*А. Б. В. христіанскаго благонравія. Объ оставленіи бранныхъ и укоризненныхъ словъ и вообще неприличныхъ на счетъ ближняго выраженій или о начаткахъ любви къ ближнему*». Книжка, напечатанная въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, начинается 18 текстами изъ Евангелія и посланій апостольскихъ, проповѣдующими христіанскую любовь, миръ, тѣлесную чистоту, кротость и прощеніе. Затѣмъ идетъ развитіе этихъ текстовъ, подкрѣпляемое выписками изъ священнаго писанія, изъ трактата «о любви Господней» св. Франциска де-Саль, и рядомъ нравоучительныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ изъ исторіи и ежедневной жизни. Въ прочувствованныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ авторъ читателя не предаваться гнѣву, не злословить, не смѣяться надъ несчастіями

ближняго и не глумиться надъ его уродствами, а главное — не лгать. Книжка, проникнутая чувствомъ искренней любви къ людямъ, чуждая громкихъ фразъ, изложенная вполнѣ удобопонятно и просто, но безъ всякой искусственной поддѣлки подъ народное пониманіе,—высокомѣріе которой обыкновенно бываетъ равносильно незнанію народа, который берутся поучать, — заключается, какъ общимъ выводомъ и вмѣстѣ завѣтомъ, словами Апостола въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ (V. 14): «умоляю васъ, братія, вразумляйте безпорядочныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ — терпѣливы будьте ко всѣмъ»...

Эту книжку раздавалъ Гаазъ всѣмъ уходившимъ изъ Москвы по этапу. Чтобы книжечка не затерялась въ пути и не стѣсняла арестанта, онъ «построилъ» для храненія ея особыя сумочки, которыя вѣшались владѣльцу книжечки на шнуркѣ на грудь. И сумочки, и книжки онъ привозилъ съ собою на этапъ и тамъ надѣлялъ ими всѣхъ.

Сроднившись съ простымъ русскимъ человѣкомъ, извѣдавъ его въ скорбяхъ и паденіяхъ, Гаазъ зналъ его хорошо. Онъ зналъ и про довѣріе его къ печатному слову, и про суевѣрное, боязливое отношеніе его къ слову писанному. «Гдѣ рука—тамъ и голова»,— говоритъ этотъ народъ. Этимъ его свойствомъ воспользовался Гаазъ. «А. Б. В. христіанскаго благонравія» оканчивается слѣдующими словами: «Итакъ, уповая на всемогущую помощь Божію, отъ души обѣщаюсь во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ ближнимъ памятовать, яко правило, наставленіе св. Апостола Павла: «братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, исправляйте его въ духѣ кротости, но смотрите и за собою, чтобы не впасть въ искушеніе; носите бремена одинъ отъ другого и такимъ образомъ исполняйте законъ Христовъ». Въ твердомъ намѣреніи исполнять сіи правила, т.-е.: 1) не употреблять бранныхъ словъ; 2) никого не осуждать; 3) не лгать и 4) соблюдать упомянутое наставленіе Апостола для сильнѣйшаго впечатлѣнія въ душѣ своей... *подписуюсь...*» Затѣмъ слѣдуетъ чистая полустраница, на которой, при раздачѣ книжекъ, по просьбѣ Гааза, умѣвшіе писать ставили свою фамилію, а умѣвшіе только читать ставили три креста, придавая этимъ всей книжкѣ таинственный и выразительный характеръ какого-то договора, нарушать который становилось и грѣшно и стыдно. Наивный способъ, придуманный Гаазомъ для огражденія и отвращенія арестантовъ отъ дурныхъ наклонностей, можетъ вызвать улыбку по адресу великодушнаго чудака... Но она едва ли будетъ основательна. За оригинальностью его выдумки кроется трогательная вѣра въ лучшія стороны человѣческой природы и довѣріе къ способности простого русскаго человѣка къ нравственному возрожденію.

Осуществленіе этого довѣрія совершалось однако не безъ препятствій и пререканій. Далеко не всѣ члены комитета сочувство-

вали Гаазу въ этомъ отношеніи. Въ средѣ ихъ, какъ видно изъ представленія его отъ 19 ноября 1835 г., высказывались мысли о томъ, что чтеніе Евангелія простымъ человѣкомъ безъ *постояннаго* руководительства, указанія и авторитетнаго объясненія со стороны духовныхъ особъ, можетъ вызвать въ немъ наклонность къ произвольнымъ, одностороннимъ и вреднымъ толкованіямъ,—что Евангеліе, читаемое безъ всякаго контроля, можетъ быть орудіемъ обоюдоострымъ,—что книги священнаго писанія должны выдаваться арестантамъ во всякомъ случаѣ лишь по ихъ просьбѣ, а не «навязываться» имъ, и что, наконецъ, раздающій подобныя книги долженъ дѣйствовать какъ врачъ, являющійся по приглашенію больного, но не вторгающійся къ нему безъ зова и т. д. Наконецъ, нѣкоторые высказывали (представленіе Гааза, отъ 14 сен. 1845 г.), что вообще раздача такихъ книгъ излишня, ибо не достигаетъ цѣли, а самыя книги попадаютъ иногда въ совершенно недостойныя руки. Гаазъ опровергалъ эти соображенія указаніемъ на III пунктъ правилъ, преподанныхъ обществу попечительному о тюрьмахъ, обязывающій его «наставлять заключенныхъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на ономъ основанной», и на XV пунктъ инструкціи тюремному комитету, возлагавшій на его попеченіе «снабженіе арестантовъ книгами св. писанія и другими духовнаго содержанія». Онъ ссылался на свой собственный опытъ, убѣдившій его, что и недостойныя руки съ благодарнымъ умиленіемъ, бережно развертываютъ «слово Божіе»,—и приводилъ изреченіе Екклезіаста (XI, 4) о томъ, что часто смотрящій на погоду—не соберется никогда сѣять, и часто смотрящій на облака—никогда не соберется жать,—сравнивая этихъ «часто смотрящихъ» съ тѣми, кто слишкомъ много разсуждаетъ о приличныхъ случаяхъ и надлежащихъ способахъ сѣянія слова Божія, забывая, въ своей мнительности, что, по словамъ Спасителя, это слово сѣется и на камнѣ. Послѣдніе аргументы его не встрѣтили, однако, сочувствія вице-президента комитета. «Отъ людей мнительныхъ и которые смотрятъ на погоду и на облака и отъ того не сѣютъ и не жнутъ,—писалъ митрополитъ Филаретъ,—безъ сомнѣнія надобно отличать людей *благоразумныхъ* и *осторожныхъ*, которые не сѣютъ во время морозной погоды и не жнутъ во время ненастной погоды; а Екклезіастово обличенье мнительности, безъ сомнѣнія, не отвергаетъ Христова правила объ осторожности и объ охраненіи святыни: не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями. Матѳ. VII. 6». (Письмо генералъ-губернатору кн. Щербатову, 18 декабря 1845 г.).

Второго рода внѣшнее препятствіе къ осуществленію во всей полнотѣ желанія Гааза относительно книгъ состояло въ фактическомъ недостаткѣ книгъ св. Писанія. «Удивительно и страшно будетъ слышать комитету,—писалъ онъ въ 1845 году,—что Новаго Завѣта на славянскомъ нарѣчіи, не говоря уже о Новомъ

Завѣтѣ на русскомъ языкѣ, продававшихся прежде по 2 р. 50 к. и по 4 рубля — ни за какія нынѣ деньги Мерилизъ достать въ Петербургѣ не можетъ. То же самое предвидится въ скоромъ времени и въ Москвѣ». Поэтому онъ настойчиво проситъ ходатайства комитета о Высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе необходимаго числа книгъ Новаго Завѣта на русскомъ и славянскомъ языкахъ въ синодальной типографіи на счетъ комитета. Поддержанная митрополитомъ Филаретомъ, просьба Гааза была принята къ исполненію комитетомъ 30-го декабря 1845 года, но лишь 26-го апрѣля 1847 года комитету сообщенъ указъ святѣйшаго синода о разрѣшеніи напечатать, на свой счетъ, въ московской синодальной типографіи три завода Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Гааза, благодаря его настояніямъ, снова оказалась книга, необходимая «для бѣдныхъ, Бога ищущихъ и нуждающихся познакомиться съ Нимъ». Повидимому, вскорѣ и въ Петербургѣ пересталъ ощущаться указанный Мерилизомъ недостатокъ, такъ какъ изъ письма его къ Гаазу, отъ 5 декабря 1851 года, видно, что *за послѣдніе годы* имъ было доставлено въ Москву снова значительное количество книгъ Новаго Завѣта.

Кромѣ духовнаго назиданія, имѣвшаго въ виду *будущее* арестанта, послѣдній часто и сильно нуждался въ умиротвореніи смущеннаго духа и въ религіозномъ утѣшеніи въ *настоящемъ*. Чрезъ Москву шли въ Сибирь въ большомъ количествѣ инородцы и иновѣрцы. Гаазъ не только раздавалъ имъ книги, но зная, что въ теченіе долгаго пути, да по большей части и на мѣстѣ, они не встрѣтятъ возможности услышать слово утѣшенія отъ духовнаго лица своей вѣры и сказать предъ нимъ слово покаянія, хлопоталъ о доставленіи имъ этого утѣшенія въ Москвѣ, иногда даже употребляя для этого стоившее ему стольких непріятностей оставленіе ихъ въ Москвѣ при отправленіи партій по этапу. Въ 1838 году онъ представлялъ комитету и настойчиво ходатайствовалъ предъ гражданскимъ губернаторомъ объ оставленіи всѣхъ ссылаемыхъ въ Сибирь поляковъ на одну недѣлю въ Москвѣ, для исповѣди и св. причащенія, «дабы они укрѣпились сердечно предъ вступленіемъ въ новую для нихъ жизнь».

Смущало его и душевное состояніе приговоренныхъ къ «торговой казни» (то-есть къ наказанію плетьми) предъ исполненіемъ ея, — упадокъ ихъ духа, ихъ отчаяніе и мрачное озлобленіе въ ожиданіи предстоящаго истязанія искусною и тяжкою рукою палача. Онъ выписалъ въ 1847 году, на отдѣльныхъ листкахъ, изъ Ѳомы Кемпійскаго («О подражаніи Христу», III, 29) молитву и далъ ее нѣсколькимъ арестантамъ, очень волновавшимся предъ предстоящею торговою казнью. По замѣчанію директора комитета Фонвизина, чтеніе этой молитвы благотворно и успокоительно подѣйствовало на трехъ изъ этихъ арестантовъ — и Гаазъ тотчасъ

же сталъ настаивать въ комитетѣ на томъ, чтобы эту молитву напечатать на особыхъ листахъ для раздачи въ губернскомъ тюремномъ замкѣ. Онъ встрѣтилъ возраженія со стороны митрополита Филарета. «Молитва эта, — объяснялъ московскій владыко, какъ записано въ журналахъ комитета; — есть изложеніе словъ Христовыхъ, читаемыхъ въ евангеліи отъ Іоанна (XII, 28), но прилично ли молитву Спасителя предъ крестнымъ страданіемъ приложить къ преступнику предъ наканіемъ его?» Впрочемъ, не отрицая, что «молитва сія могла оказать дѣйствіе по вѣрѣ и любви давшаго ее,—коего и надобно просить, чтобы онъ не прекращалъ своего христіанскаго дѣйствованія, — и по дѣйствію послушанія принявшихъ ее, въ чемъ также есть уже нѣкоторая степень вѣры»,—Филаретъ предложилъ замѣнить предложенную Гаазомъ молитву вновь составленною молитвою заключеннаго въ темницѣ, одобривъ также и молитву Ефрема Сирина, что и было принято комитетомъ, съ признательностью, къ исполненію. Обѣ молитвы были напечатаны на 600 листахъ для раздачи въ мѣстахъ заключенія, и добрая цѣль Гааза, который, конечно, не стоялъ безусловно за тотъ или другой текстъ молитвъ, была достигнута.

Но не въ одномъ непосредственномъ религіозномъ утѣшеніи нуждались заключенные и отправляемые въ Сибирь. Они страдали и отъ отсутствія *житейскихъ* утѣшеній, а иногда и прямой *матеріальной помощи*. Тяжесть разлуки съ родными и близкими или крайняя скупость свиданій съ ними усугублялись для многихъ отсутствіемъ всякихъ свѣдѣній съ родины; — на порогѣ отбытаго наказанія ихъ встрѣчала обыкновенно полная безпомощность, голоданіе и незнаніе куда преклонить голову, — лишеніе свободы дѣлало нерѣдкихъ изъ нихъ жертвами корысти своихъ насильственныхъ сотоварищей или злоупотребленія приставниковъ; — умирая, нѣкоторые оставляли сиротъ, для которыхъ прекращалось даже и мрачное гостепріиство тюрьмы, и, наконецъ, тотъ, кто попадалъ по судебной ошибкѣ въ Сибирь, не имѣлъ обыкновенно средствъ выбраться оттуда. Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ нужно было и своевременное утѣшеніе, и дѣятельная помощь. Тутъ-то и проявляло себя «святое безпокойство» Гааза. Журналы комитета переполнены указаніями на его многоразличныя хлопоты въ этомъ отношеніи. Такъ, въ 1833 г. онъ настаиваетъ о ходатайствѣ, въ законодательномъ порядкѣ, о разрѣшеніи *сестрамъ* ссылаемыхъ слѣдовать за одинокими *братьями;* въ 1835 году проситъ дозволить арестантамъ, сверхъ установленныхъ дней, имѣть свиданія съ родными въ день Новаго года — и вообще пользуется всякимъ поводомъ, чтобы увеличить дни свиданій. Заходитъ, напримѣръ, въ комитетѣ, въ 1839 году, рѣчь объ итогахъ десятилѣтней его съ основанія дѣятельности, Гаазъ предлагаетъ, въ ознаменованіе дня открытія комитета, разрѣшить ежегодно въ этотъ день свиданія арестантамъ; по поводу дней рожденія и кон-

чины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества Александра I, онъ предлагаетъ ознаменовать ихъ разрѣшеніемъ арестантамъ свиданій.

Почти каждый журналъ содержитъ въ себѣ заявленія Гааза о доставкѣ въ Сибирь писемъ и книгъ ссыльнымъ, о пересылкѣ имъ денегъ, о сообщеніи имъ разныхъ свѣдѣній по ихъ дѣламъ и ходатайствамъ. Все это требовало большихъ заботъ, хлопотъ и личныхъ расходовъ. Чтобы доставить кому-нибудь, вопіющему изъ Сибири, справку о положеніи его просьбы или свѣдѣніе о томъ, что дѣлается съ его семействомъ—нужно было подчасъ производить цѣлыя дознанія, просить, дожидаться, платить. Нужно было тратить время и трудъ не только на добычу всего этого, но и на сообщеніе о результатахъ. Приходилось торопливою рукою смягчать подчасъ горькую дѣйствительность, не скрывая истины, на что Гаазъ былъ совершенно неспособенъ, — приходилось писать слова ободренія, утѣшенія—и чуткою душою искать въ чуждомъ языкѣ словъ, которыя съ наименьшею болью вонзались бы въ истрадавшееся сердце и разрушали давно лелѣянныя надежды. Однимъ словомъ, нужно было, по прекрасному выраженію Мицкевича, «имѣть сердце и смотрѣть въ сердце». И все это надлежало дѣлать среди множества другихъ занятій, — между посѣщеніемъ больницы и этапа, острога и комитета, отписываясь и отчитываясь отъ начальства и не упуская приходить на помощь къ разнымъ, какъ ихъ называлъ Гаазъ, «приватнымъ» несчастливцамъ...

Трудно перечислить всѣ отдѣльныя проявленія этой дѣятельности «утрированнаго филантропа». То онъ систематически, чрезъ извѣстные сроки, требуетъ отъ комитета денегъ (обыкновенно по сту рублей) для помощи *семействамъ* арестантовъ и представляетъ съ нихъ отчетъ, — то распредѣляетъ испрошенные имъ у г-жи Сенявиной тысячу рублей между нуждающимися арестантками,—то беретъ на свое поручительство слабосильныхъ ссылаемыхъ и доставляетъ ихъ на свой счетъ въ мѣста водворенія (наприм. Прокофьева — въ 1841 году, Свинку въ 1847 году), — то пересылаетъ имъ вещи и книги (наприм., посылаетъ въ 1840 году въ Ялуторовскъ книги ссыльному Еремину и въ 1844 году въ Якутскъ ссыльному Прохору Перину «Потерянный рай» Мильтона), — то проситъ въ 1851 году комитетъ ходатайствовать объ обмѣнѣ ассигнацій стараго образца, «всученныхъ» кѣмъ-то, обманомъ, по истеченіи срока обмѣна, арестанту Доморацкому, возвращаемому изъ Сибири на родину, въ волынскую губернію,—то дѣятельно содѣйствуетъ въ 1843 году директору комитета, Львову, человѣку тоже сердечно служившему улучшенію быта арестантовъ, въ учрежденіи пріюта для выходящихъ изъ тюремъ,—то вноситъ для раздачи освобождаемымъ изъ мѣста заключенія собранные имъ у «благотворительныхъ особъ» 750 руб. сер., — то хлопочетъ о надзорѣ за воспитаніемъ двухъ круглыхъ сиротъ дѣвочекъ, отдан-

ныхъ тюремнымъ начальствомъ, по смерти ихъ матери-арестантки, какому-то поручику Сангушко,—то самъ доноситъ комитету, что убѣдилъ вдову купца Мануйлова взять на воспитаніе 3-хъ-лѣтняго сына умершей арестантки, «непомнящей родства», — то настаиваетъ на разслѣдованіи жалобъ арестантовъ пересыльной тюрьмы на неполное возвращеніе имъ отобранныхъ у нихъ вещей, — то, наконецъ, усомнясь въ справедливости осужденія за поджогъ нѣкоего шемахинскаго жителя Генерозова, проситъ комитетъ дать ему средства отправиться въ Сибирь съ семействомъ на поселеніе не по этапу — и, получивъ отказъ комитета, покупаетъ ему на свой счетъ лошадь, а затѣмъ, когда невиновность Генерозова дѣйствительно открылась, высылаетъ ему отъ «одной благотворительной особы» 200 руб. для возвращенія изъ Сибири— и т. д., и т. д.

Арестантовъ, приходившихъ въ Москву, встрѣчала и ободряла молва о тюремномъ докторѣ, который понимаетъ ихъ нужды и прислушивается къ ихъ скорбямъ; — уходившіе часто уносили о немъ прочное и благодарное, надолго неизгладимое воспоминаніе. И кто знаетъ!—быть можетъ не менѣе сильно, чѣмъ раздаваемыя имъ книги, дѣйствовала на нихъ въ далекой Сибири облагораживающимъ и умиротворяющимъ образомъ память о человѣкѣ, который такъ просто и вмѣстѣ горячо осуществлялъ на дѣлѣ то, что, какъ идеалъ, было начертано въ этихъ книгахъ? Могло ли не утѣшать и не укрѣплять многихъ изъ этихъ злополучныхъ, загнанныхъ судьбою въ пустыни и жалкія поселенія Восточной Сибири сознаніе, что въ далекой Москвѣ, какъ сонъ промелькнувшей на ихъ этапномъ пути, есть старикъ, который думаетъ о ихъ братѣ, скорбитъ и *старается* о немъ. А старикъ дѣйствительно думалъ непрестанно...

Покойный сенаторъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ разсказывалъ намъ, что, въ числѣ молодыхъ чиновниковъ, сопровождавшихъ ревизовавшаго въ 1851 году Западную Сибирь сенатора Анненкова, онъ проѣзжалъ чрезъ Москву и осматривалъ, вмѣстѣ съ другими спутниками послѣдняго, мѣстный тюремный замокъ. Ознакомить ихъ съ замкомъ было поручено молодому еще и блестящему чиновнику особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. При входѣ въ одну изъ камеръ, онъ объяснилъ идущимъ за нимъ, по-французски, что въ ней сидитъ человѣкъ, недавно осужденный за убійство, изъ ревности, при весьма романтическихъ условіяхъ, молодой жены, изобличенной имъ въ невѣрности—и, вызвавъ арестанта изъ строя впередъ, предложилъ ему разсказать, *какъ* и *за что* онъ лишилъ жизни жену. Тотъ потупился, понурилъ голову,— краска густо залила ему лицо, и, тяжело вздохнувъ, онъ началъ сдавленнымъ голосомъ свою исторію. Но не успѣлъ онъ сказать и десяти словъ, какъ отъ дверей камеры отдѣлился стоявшій въ нихъ старикъ съ энергическимъ лицомъ, одѣтый скромно и бѣдно,

въ костюмъ начала столѣтія. Шагнувъ впередъ, онъ гнѣвно взглянулъ на чиновника, любезно старавшагося «занять» петербургскихъ гостей, и рѣзко сказалъ ему: «какъ вамъ не совѣстно мучить этого несчастнаго такими вопросами?! и зачѣмъ этимъ господамъ знать о его семейной бѣдѣ?»—а, затѣмъ, повидимому даже не допуская возраженій, повелительно крикнулъ разсказчику: «не надо! не надо! не смѣй объ этомъ говорить!..» Чиновникъ особыхъ порученій сконфуженно улыбнулся, переглянулся со смотрителемъ и, презрительно пожавъ плечами, молча повелъ посѣтителей дальше. «Кто это?»—спросилъ Арцимовичъ смотрителя. «Это?—да развѣ вы не изволите знать?—Это Федоръ Петровичъ, — Федоръ Петровичъ, докторъ Гаазъ!..» — Когда чрезъ годъ Арцимовичъ возвращался назадъ, то остановился, торопясь въ Петербургъ, лишь на самый краткій срокъ въ Москвѣ. Вернувшись довольно поздно, далеко за полночь, отъ знакомыхъ, онъ уже ложился спать, когда къ нему постучали, и въ отворенную слугою дверь вошелъ запыхавшійся отъ высокой лѣстницы Ѳ. П. Гаазъ. Быстро покончивъ съ извиненіями въ томъ, что, послѣ цѣлаго дня поисковъ, потревожилъ своимъ приходомъ такъ поздно, пришедшій сѣлъ на край кровати удивленнаго Арцимовича, взялъ его за руку и, взглянувъ ему въ глаза довѣрчивымъ взглядомъ, сказалъ: «вы, вѣдь, видѣли *ихъ* въ разныхъ мѣстахъ,—ну, какъ *имъ* тамъ? не очень ли *имъ* тамъ тяжело? ну, что *имъ* тамъ особенно нужно?.. извините меня, но мнѣ *ихъ* такъ жалко!..» И растроганный Арцимовичъ почти до утра разсказывалъ своему необычному посѣтителю о *нихъ*—и отвѣчалъ на его распросы.

Тотъ же В. А. Арцимовичъ былъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. При объѣздѣ губерніи онъ остановился однажды въ одномъ изъ селеній въ избѣ у бывшаго ссыльно-поселенца, давно уже перешедшаго въ разрядъ водворенныхъ и жившаго съ многочисленною семьею широко и зажиточно. Когда Арцимовичъ, уѣзжая, сѣлъ уже въ экипажъ, вышедшій его провожать хозяинъ, степенный старикъ съ сѣдою, окладистою бородой, одѣтый въ синій кафтанъ тонкаго сукна, вдругъ упалъ на колѣни. Думая, что онъ хочетъ просить какихъ-либо льготъ или полнаго помилованія, губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ всталъ и объяснилъ, въ чемъ его просьба. «Никакой у меня просьбы, ваше превосходительство, нѣтъ, и я всѣмъ доволенъ,—отвѣчалъ, не поднимаясь, старикъ,—а только... и онъ заплакалъ отъ волненія—только скажите мнѣ хоть вы,—ни отъ кого я узнать толкомъ не могу, — скажите: *живъ ли* еще въ Москвѣ *Федоръ Петровичъ?!..*»

VIII.

Второй видъ *несчастія,*—тяготѣвшаго не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ всею Россіею, и вносившаго язву безправія и, во многихъ случаяхъ, безнравственности въ ея общественный бытъ,—представляло крѣпостное право. «Въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена!»—восклицалъ Хомяковъ, въ гнѣвномъ порывѣ сердца, горячо любящаго Россію и вѣрующаго въ ея великую будущность. Крѣпостное право давало себя чувствовать почти во всѣхъ отправленіяхъ государственнаго организма, нерѣдко извращая ихъ и придавая имъ своеобразный оттѣнокъ. Отражалось оно и на карательной дѣятельности, создавая, на ряду съ осуществленіемъ наказанія, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ, еще и наказаніе, налагаемое по усмотрѣнію владѣльца «душъ», къ услугамъ котораго были и тюрьма, и ссылка.

Исторія крѣпостного права въ Россіи показываетъ, что неоднократно возникавшее у императора Николая Павловича намѣреніе ограничить проявленія этого права и подготовить его упраздненіе, встрѣчало явное несочувствіе въ окружавшей его средѣ, и что статьи закона, опредѣлявшаго содержаніе крѣпостной власти, возбуждавшія сомнѣнія и требовавшія толкованія, послѣ долгихъ проволочекъ и откладываній, упорно и настойчиво разъяснялись мнѣніями государственнаго совѣта и изворотливыми рѣшеніями сената въ суровомъ смыслѣ, имѣвшемъ почти всегда въ виду исключительно интересы помѣщиковъ. Достаточно припомнить исторію предполагавшагося еще при Александрѣ I воспрещенія продажи людей по одиночкѣ и безъ земли, которое въ 1834 году было надолго похоронено Департаментомъ законовъ «въ ожиданіи времени, когда явятся обстоятельства, благопріятныя столь важной перемѣнѣ», причемъ еще ранѣе знаменитый Мордвиновъ, блистательно подтверждая слова Дениса Давыдова: «а глядишь, нашъ Лафайетъ, Брутъ или Фабрицій...»—доказывалъ благотворность продажи людей по одиночкѣ тѣмъ, что при ея посредствѣ «отъ лютаго помѣщика проданный рабъ можетъ переходить въ руки мягкосердаго господина».

Поэтому и карательная власть помѣщиковъ не только узаконялась въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, но и получала, въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ къ закону, едва ли предвидѣнное имъ дальнѣйшее расширеніе. Лишь въ случаѣ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, помѣщикъ долженъ былъ обращаться *непремѣнно* къ суду. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства или управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ, или даже и постороннихъ, но обратившихся къ заступничеству помѣщика или управляющаго,

крѣпостного наказывали домашнимъ образомъ, безъ суда, розгами или палками и арестомъ въ сельской тюрьмѣ. Контроля надъ числомъ розогъ или палокъ не было, да и быть не могло, а устройство сельской тюрьмы и ея «приспособленій» предоставлялось усмотрѣнію и изобрѣтательности владѣльцевъ, знакомство коихъ съ сочиненіями Говарда и докладами Венинга было болѣе чѣмъ сомнительно. Если вина представлялась особо важною или мѣры домашняго исправленія оказывались безуспѣшными, виновные отсылались, на основ. 335 и 337 ст. XIV т. с. з. (изд. 1843 г.), въ смирительные и рабочіе дома, а также въ арестантскія роты, на срокъ, «самимъ владѣльцемъ опредѣленный». Лишь въ 1846 году этотъ срокъ былъ установленъ закономъ, а именно: для смирительнаго и рабочаго дома до трехъ мѣсяцевъ, а для арестантскихъ ротъ до шести мѣсяцевъ. Но если этого, въ виду «продерзостныхъ поступковъ и нетерпимаго поведенія» провинившагося, казалось помѣщику или, до 1854 года, его управляющему — мало, то они имѣли право лишить виновнаго своего отеческаго попеченія и удалить его отъ себя навсегда, отдавъ въ зачетъ или безъ зачета въ рекруты, или предоставить его въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, на основаніи указа 1822 года, «не входя ни въ какое разысканіе о причинахъ негодованія помѣщика», свидѣтельствовало представленнаго — и, въ случаѣ годности къ военной службѣ, обращало въ оную, а въ случаѣ негодности — направляло на поселеніе въ Сибирь. Въ 1827 году альтернативность распоряженій губернскаго правленія была ограничена, и въ случаѣ, если помѣщикъ представлялъ для ссылаемаго одежду и кормовыя деньги до Тобольска и обязывался платить за него подати и повинности до ревизіи, послѣдній шелъ прямо на поселеніе въ Сибирь, если только не былъ дряхлъ, увѣченъ или старше 50 лѣтъ, при чемъ съ нимъ должны были слѣдовать — жена (хотя бы до замужества она и была свободнаго состоянія) и дѣти — мальчики до 5 лѣтъ отъ роду, дѣвочки до 10 лѣтъ и (т. XIV, изд. 1842 г., ст., 352). Наконецъ, помѣщикамъ было, въ 1847 году, разрѣшено удалять несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 л. возраста, за порочное поведеніе, отдачею ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое сдавало мальчиковъ въ кантонисты, а дѣвочекъ распредѣляло по казеннымъ селеніямъ. Это распоряженіе, допускавшее даже и въ восьмилѣтнихъ «продерзостные поступки и нетерпимое поведеніе» и дававшее возможность самаго мучительнаго произвола по отношенію къ ихъ родителямъ, сначала стыдливо скрывалось въ тиши безгласности, не будучи распубликовано во всеобщее свѣдѣніе, но въ 1857 г. оно подняло забрало и появилось на страницахъ свода въ 403 ст. т. XIV.

Какъ велико было количество ссылаемыхъ по распоряженію помѣщиковъ — нынѣ, за отсутствіемъ статистическихъ свѣдѣній, опредѣлить трудно, но что оно было значительно, видно уже изъ

того, что въ журналахъ московскаго тюремнаго комитета, съ 1829 года по 1853 г., имѣется 1.060 статей, относящихся къ разнымъ вопросамъ, возникавшимъ по поводу ссылаемыхъ помѣщиками крестьянъ и дворовыхъ. Въ этихъ статьяхъ содержатся указанія на 1.382 человѣка, подвергнутыхъ удаленію въ Сибирь, при коихъ слѣдовало свыше пятисотъ женъ и малолѣтнихъ дѣтей. Изъ представленной, напримѣръ, Гаазомъ, генералъ-губернатору вѣдомости о лицахъ (57), задержанныхъ имъ на этапѣ, при отправленіи 20-го августа 1834 года партіи въ 132 человѣка, видно, что въ числѣ этихъ 57 было 17 человѣкъ въ возрастѣ отъ 31 до 50 лѣтъ, ссылаемыхъ по распоряженію трехъ помѣщицъ и одного помѣщика, причемъ за ними слѣдовало добровольно 7 женъ и двое дѣтей— 6 мѣсяцевъ и 4 лѣтъ. Искать справедливости или правомѣрности въ карѣ, постигшей этихъ людей, было бы излишнимъ трудомъ. Безконтрольное усмотрѣніе, само опредѣляющее свои основанія, предоставленное помѣщикамъ, въ самомъ себѣ заключало и достаточный поводъ для сомнѣнія въ справедливости и человѣчности предпринятой карательной мѣры. Тамъ, гдѣ человѣку было присвоено, въ видѣ собственности, много душъ, дозволительно было сомнѣваться, ощущалъ ли онъ подчасъ, подъ вліяніемъ «негодованія», въ себѣ свою собственную. Эти соображенія вмѣстѣ съ разсказами и скорбью ссылаемыхъ, не могли не вліять на Гааза. Предъ нимъ не было «непокорныхъ рабовъ», уже искупившихъ въ его глазахъ, во всякомъ случаѣ, свою вину, если она и была, перенесенными нравственными страданіями и своевременными «домашними» мѣрами исправленія; предъ нимъ были *несчастные люди,* и онъ всѣми мѣрами старался смягчить ихъ несчастіе, дѣйствуя и на почвѣ юридической, и на почвѣ фактической.

Въ первомъ отношеніи онъ возбудилъ въ комитетѣ вопросъ о толкованіи 315 и 322 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест. тома XIV с. з. 1832 г. Пользованіе предоставленнымъ помѣщикамъ 315 статьею правомъ отсылать въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ не было безповоротнымъ, такъ какъ 322 ст. давала имъ право просить о возвращеніи этихъ людей, если еще не состоялось опредѣленія губернскаго правленія о ссылкѣ или когда оно не приведено еще на мѣстѣ въ исполненіе. Это послѣднее недостаточно опредѣленное выраженіе закона на практикѣ толковалось весьма различно. Одни—и между ними московское губернское правленіе, а также московскіе губернскіе прокуроры, до назначенія въ эту должность, уже послѣ смерти Гааза, Д. А. Ровинскаго—признавали, что слова *«на мѣстѣ»* обозначаютъ мѣстное губернское правленіе, по мѣсту жительства помѣщика, и что, поэтому, моментъ отправки ссылаемаго изъ губернскаго города закрываетъ всякую возможность ходатайства о его возвращеніи; другіе находили, что подъ *исполненіемъ* на мѣстѣ надо разумѣть доставленіе администраціею ссылаемаго на этапный пунктъ, гдѣ онъ посту-

паетъ въ вѣдѣніе чиновъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи и о немъ посылается увѣдомленіе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ. Наконецъ, третьи—и въ томъ числѣ прежде всѣхъ Гаазъ, опиравшійся въ своемъ толкованіи, какъ онъ выражался въ комитетѣ, на мнѣніе «одного чиновника правительствующаго сената», съ которымъ онъ ѣздилъ совѣтоваться—считали, что *мѣстомъ* приведенія въ исполненіе опредѣленія губернскаго правленія, состоявшагося по требованію помѣщика, слѣдуетъ признавать Сибирь, такъ что право возвратить крѣпостного должно принадлежать помѣщику до самаго водворенія сосланнаго въ назначенномъ для него мѣстѣ,—слѣдовательно, во все время пути по Россіи и Сибири. Вопросъ о примѣненіи такого толкованія былъ возбужденъ Гаазомъ при обсужденіи просьбы орловскаго помѣщика К. о возвращеніи ему изъ московской пересыльной тюрьмы сосланнаго имъ въ Сибирь двороваго,—но комитетъ съ нимъ не согласился и отказалъ помѣщику. Послѣдній, вѣроятно, сознавая поспѣшность и несправедливость принятой имъ мѣры и желая исправить послѣдствія своихъ дѣйствій, заявилъ комитету, что отказывается отъ всякихъ правъ на своего двороваго и проситъ лишь освободить его отъ слѣдованія въ Сибирь. Но комитетъ остался непреклоненъ. Тогда Гаазъ обратился съ ходатайствомъ къ генералъ-губернатору объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ распоряженія орловскаго губернскаго правленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ въ комитетъ съ представленіемъ, въ которомъ подробно развивалъ свой взглядъ. Онъ подкрѣплялъ его ссылками на законы о бродягахъ, указывая, что крѣпостные, задержанные какъ бродяги, по ихъ опознаніи, возвращаются владѣльцамъ даже и изъ Сибири, съ мѣста водворенія. Онъ прибѣгалъ къ грамматическимъ и логическимъ толкованіямъ 322 ст. XIV т. и къ ряду нравственныхъ соображеній—и требовалъ ходатайства комитета объ истолкованіи въ законодательномъ порядкѣ приведенной статьи въ изложенномъ имъ смыслѣ для одинаковаго повсюду ея примѣненія. Поддерживая свое представленіе въ комитетѣ и исходя изъ мысли о необходимости дать помѣщику возможность одуматься и, вырвавшись изъ подъ гнета гнѣва, исправить причиненное имъ въ ослѣпленіи раздраженія зло,—Гаазъ становился и на утилитарную почву, говоря: «симъ помѣщикъ можетъ предупреждать преступленія между крѣпостными людьми, а именно способомъ дѣйствія на нравственность своихъ людей правомъ помилованія». Великодушное домогательство его не было, однако, уважено комитетомъ, и на представленіи его, кромѣ помѣты: «читано 24 іюля 1842 года», никакой другой резолюціи нѣтъ...

Значительно успѣшнѣе боролся онъ противъ волновавшихъ его сердце крайнихъ проявленій крѣпостного права на почвѣ фактической, гдѣ вопросъ рѣдко принималъ принципіальный характеръ. Осуществленіе права ссылки крѣпостныхъ имѣло одну особенно

мрачную сторону. Воспрещая продавать отцовъ и матерей отдѣльно отъ дѣтей, законъ оставилъ безъ всякаго разрѣшенія вопросъ о судьбѣ дѣтей ссылаемыхъ помѣщиками крѣпостныхъ. Разлучить со ссылаемымъ мужемъ жену—помѣщики не имѣли права, но отдать или не отдать ссылаемому и слѣдовавшей за нимъ женѣ ихъ дѣтей, достигшихъ—мальчики 5-лѣтняго, а дѣвочки 10-лѣтняго возраста,—зависѣло вполнѣ отъ разсчета и благосклоннаго усмотрѣнія безапелляціонныхъ рѣшителей ихъ судьбы. Судя по дѣламъ московскаго тюремнаго комитета, дѣти отдавались родителямъ скупо и неохотно, за исключеніемъ совершенно малолѣтнихъ, не представлявшихъ изъ себя еще на долгое время какой-либо рабочей силы. Чѣмъ старше были дѣти, тѣмъ труднѣе было получить для нихъ увольненіе. Можно себѣ представить состояніе отцовъ и, въ особенности, матерей, которымъ приходилось, уходя въ Сибирь, оставлять сыновей и дочерей навсегда, безъ призора и ласки, зная, что ихъ судьба вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ отъ тѣхъ, кто безжалостною рукою разрывалъ связи, созданныя природою, освященныя Богомъ...

Гаазъ горячо хлопоталъ о смягченіи этого печальнаго положенія вещей. Журналы тюремнаго комитета полны его ходатайствами о сношеніи съ помѣщиками для разрѣшенія дѣтямъ ссылаемыхъ крѣпостныхъ слѣдовать въ Сибирь за родителями. Съ свойственнымъ ему своеобразнымъ краснорѣчіемъ рисуетъ онъ предъ комитетомъ тяжкое положеніе матерей, настойчиво взывая о заступничествѣ комитета за драгоцѣннѣйшія человѣческія права... «Nolite quirites hanc saevitiam!» слышится во всѣхъ его двухстахъ семнадцати ходатайствахъ этого рода. А «saevitia» была столь большая, что горячая просьба Гааза нерѣдко трогала комитетъ, побуждая его, чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ, входить въ сношенія съ помѣщиками или, вѣрнѣе, помѣщицами, ибо надо замѣтить, что по меньшей мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ всѣхъ случаевъ подобныхъ сношеній, оставившихъ свой слѣдъ въ журналахъ комитета, приходилось имѣть дѣло съ помѣщицами. Многія барышни, возросшія на крѣпостной почвѣ, почувствовавъ въ рукахъ власть, какъ видно быстро забывали и чувствительные романсы, и нравоучительные романы, и поспѣшно стирали съ себя невольный поэтическій налетъ молодости. Такъ напр., въ 1834 году чрезъ московскую пересыльную тюрьму проходятъ 8 человѣкъ женатыхъ крестьянъ московской помѣщицы А—вой въ сопровожденіи женъ, но при нихъ отпущено всего лишь двое дѣтей—дѣвочка 6 лѣтъ и мальчикъ 4-хъ мѣсяцевъ; въ томъ же году проходятъ семь мужчинъ, крѣпостныхъ г-жи Г—ой, изъ коихъ сопровождаются женами четыре—и при нихъ отпущена лишь одна малолѣтняя дѣвочка; въ 1836 году помѣщица Р—на ссылаетъ въ Сибирь крестьянина Семенова, за которымъ слѣдуетъ жена, четыре малолѣтнихъ сына и отпущенный съ согласія госпожи, для сбора подаяній, преста-

рѣлый отецъ Семенова, но на ходатайства комитета объ отпускѣ трехъ остальныхъ сыновей—13, 15 и 17 лѣтъ, Р—на сначала отвѣчаетъ отказомъ, а затѣмъ, послѣ долгой переписки, наконецъ, соглашается отпустить младшаго—Андрея, съ тѣмъ, однако, чтобы ей не нести никакихъ по препровожденію его въ Сибирь, въ догонку за родителями, расходовъ, въ чемъ комитетъ ее и успокоиваетъ. Въ 1843 году комитетъ, по настоянію Гааза, ходатайствуетъ предъ помѣщицею К—ой о разрѣшеніи слѣдующей за ссылаемымъ по ея распоряженію мужемъ крестьянкѣ Лукерьѣ Климовой взять съ собою трехлѣтнюю дочь, но К—ва согласія ни это, прямо даже вопреки закону, не изъявляетъ. Тогда, какъ записано вь журналѣ отъ 3-го августа, докторъ Ѳ. П. Гаазъ, очевидно опасаясь канцелярской волокиты при перепискѣ объ обязанности К—ой отпустить дочь Климовой, по окончаніи которой фактически окажется невозможнымъ отправить въ Сибирь 3-хъ-лѣтняго ребенка за ушедшей раньше матерью,—«изобразивъ отчаяніе матери при объявленіи ей таковаго отказа, проситъ комитетъ испытать послѣднее средство довести до свѣдѣнія помѣщицы чрезъ калужскій тюремный комитетъ, не склонится ли она на просьбу матери за нѣкоторое денежное пожертвованіе, предлагаемое *чрезъ него* однимъ *благотворительнымъ лицомъ*. Сокрушеніе Климовой тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что она не можетъ удовлетворить матерному чувству иначе, какъ оставить идущаго въ ссылку мужа».

Заявленія Гааза объ *одномъ благотворительномъ лицѣ*, желающемъ, оставаясь неизвѣстнымъ, облегчать чрезъ него Гааза, страданія родителей, разлучаемыхъ съ дѣтьми, — довольно часты, особливо въ тридцатыхъ годахъ, и, повидимому, находятся въ связи съ постепеннымъ исчезновеніемъ личныхъ средствъ, пріобрѣтенныхъ имъ когда-то обширною медицинскою практикою. Съ 1840 года ему приходитъ на помощь Ѳедоръ Васильевичъ Самаринъ (отецъ Юрія и Дмитрія Ѳедоровичей), который принимаетъ на себя пожизненное обязательство вносить ежегодно по 2,400 р. ассигнаціями въ комитетъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ производились пособія «женамъ съ дѣтьми, сопровождающимъ въ ссылку несчастныхъ мужей своихъ», а также тѣмъ изъ осужденныхъ «кои вовлечены въ преступленіе стеченіемъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ или пришли въ раскаяніе послѣ содѣяннаго преступленія». Изъ этого капитала оказывалась, по просьбамъ и указаніямъ Гааза, помощь и дѣтямъ крѣпостныхъ. Такъ, напр., въ 1842 году помѣщица В—ва ссылаетъ въ Сибирь своего крестьянина Михайлова и не разрѣшаетъ женѣ его взять съ собою никого изъ 6 человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Выслушавъ въ пересыльной тюрьмѣ печальную повѣсть Михайловой, Гаазъ поднимаетъ тревогу, и г-жа В—ва, послѣ неоднократныхъ просьбъ комитета, постепенно отпускаетъ съ родителями пять человѣкъ дѣтей, въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ, и наконецъ, уже въ 1844 году, послѣднюю, Ефимью,

16 лѣтъ отъ роду, за небольшое вознагражденіе со стороны «одной благотворительной особы». Но Ефимья, отправленная въ Сибирь на средства изъ «Самаринскаго капитала», не застаетъ уже родителей, умершихъ еще въ 1843 году въ Тюмени, и тогда ей посылается изъ того же капитала еще 200 р. на обратный путь, вмѣстѣ съ другими сиротами. Такъ, въ 1847 г. отпущена слѣдовать за мужемъ, ушедшимъ въ ссылку раньше, крестьянка Ѳедосья Ильина съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Въ виду неизвѣстности пребыванія мужа въ Сибири, по особому настоянію Гааза, ей разрѣшается идти не съ партіею, и изъ суммъ «Самаринскаго капитала» разсылается по мѣстнымъ тюремнымъ комитетамъ на большомъ сибирскомъ трактѣ 250 р. с., для выдачи, по частямъ, Ильиной.

Но не одинъ выкупъ крѣпостныхъ дѣтей, для возвращенія ихъ родителямъ, былъ, по почину Гааза, совершаемъ московскимъ тюремнымъ комитетомъ (всего съ 1829 по 1853 г. выкуплено на свободу на средства комитета и, главнымъ образомъ, на предоставленныя и собранныя Гаазомъ деньги семьдесятъ-четыре души).

Этотъ неутомимый заступникъ за несчастныхъ побуждалъ иногда комитетъ къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ въ виду устраненіе тяжелыхъ страданій, не только уже существующихъ въ настоящемъ, но и предполагаемыхъ въ будущемъ. Такъ, напр., въ 1838 году Гаазъ сообщалъ комитету, что содержащійся въ тюремномъ замкѣ «непомнящій родства» бродяга Алексѣевъ «случаемъ чтенія Новаго Завѣта, тронутый словомъ Божіимъ, смирился силою совѣсти и открылъ, что онъ—бѣглый дворовый помѣщика Д., къ которому и долженъ быть нынѣ отправленъ». Опасаясь, однако, что Алексѣевъ будетъ подвергнутъ своимъ владѣльцемъ суровымъ наказаніямъ, онъ убѣждалъ комитетъ принять мѣры «къ умягченію гнѣва помѣщика» и о томъ же, въ особой запискѣ, просилъ мѣстнаго губернатора, къ которому комитетъ, со своей стороны, постановилъ препроводить заявленіе Гааза. Такъ, въ 1847 году онъ принимаетъ теплое участіе въ судьбѣ крестьянина помѣщика К., Философа Кривобокова, возвращаемаго къ владѣльцу съ женою и маленькою дочерью; такъ, въ 1844 году онъ проситъ комитетъ войти въ несчастное положеніе двороваго мальчика помѣщика Р., Селиверста Осипова, у котораго отъ отмороженныхъ ногъ отпали стопы, и котораго желательно обучить грамотѣ и пристроить куда-нибудь, если Р. согласится дать ему свободу...

IX.

Была въ заключеніи еще одна категорія людей, по большей части тоже *несчастныхъ*, такъ какъ не однихъ провинившихся противъ уголовнаго закона или противъ помѣщиковъ принимала въ свои стѣны московская тюрьма разныхъ наименованій. Въ нее

вступали и виновные въ неисполненіи своихъ гражданскихъ обязательствъ. Внутри зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на Воскресенской площади, рядомъ съ Иверскою часовнею, на мѣстѣ нынѣшней городской думы, помѣщалась знаменитая «Яма». Такъ называлась долговая тюрьма, мѣсто содержанія неисправныхъ должниковъ, находившееся ниже уровня площади. Здѣсь, въ разлукѣ съ семьею, въ принудительномъ сообществѣ случайныхъ сотоварищей по заключенію, въ вынужденномъ бездѣйствіи, содержались неисправные должники, относительно которыхъ угроза кредиторовъ «посадить въ Яму» была фактически осуществляема представленіемъ «кормовыхъ денегъ». Населеніе «Ямы» было довольно пестрое: въ ней, какъ видно изъ замѣчаній сенатора Озерова, сдѣланныхъ еще въ 1829 году, содержались также дворовые люди, присланные помѣщиками «въ наказаніе», и очень стѣсняли другихъ жильцовъ «Ямы». Единство и равенство въ способахъ надзора и размѣрахъ ограниченія личной свободы существовало только на бумагѣ.

Среди этого населенія была группа совершенно своеобразныхъ должниковъ. Это были бывшіе арестанты, отбывшіе свои сроки наказанія въ тюрьмѣ, рабочемъ и смирительномъ домахъ, но имѣвшіе несчастіе заболѣть во время своего содержанія подъ стражею. Ихъ лѣчили въ старой Екатерининской больницѣ и стоимость лѣченія, по особому росписанію, вносили въ счетъ. Когда наступалъ день окончанія срока заключенія, освобождаемому предъявляли этотъ счетъ, иногда очень крупный, если тюрьма, при своихъ гигіеническихъ порядкахъ, наградила его недугами, требовавшими продолжительнаго лѣченія. Обыкновенно у освобождаемаго, который, почти при полномъ отсутствіи правильно организованныхъ работъ въ мѣстѣ заключенія, часто выходилъ изъ него «голъ какъ соколъ», не было средствъ уплатить по счету, и его переводили въ «Яму», зачисляя должникомъ казны. Срокъ пребыванія въ «Ямѣ» сообразовался съ размѣромъ недоимки... Несомнѣнно, что такіе «неисправные должники» чувствовали на себѣ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, тяжесть сидѣнья въ «Ямѣ»,— послѣ промелькнувшей предъ ними возможности свободы,— съ особою силою. Самое пребываніе ихъ въ ней звучало для нихъ горькою ироніею. Заслуживъ себѣ свободу иногда нѣсколькими годами заключенія за преступленіе, они лишались ее вновь за новую вину, избѣжать которой было не въ ихъ власти:— они дозволили себѣ быть больными!

На этого рода неисправныхъ должниковъ обратилъ Гаазъ особое вниманіе и уже въ 1830 году сталъ хлопотать объ организаціи «искупленія должниковъ». Онъ внесъ въ комитетъ небольшой капиталъ, увеличившійся затѣмъ доставленными имъ пожертвованіями (между прочимъ, отъ Скарятиной 200 р. и отъ Сенявиной 100 р.) и ежегоднымъ отпускомъ особой суммы со стороны коми-

тета, для выкупа несостоятельныхъ должниковъ, содержащихся въ московской долговой тюрьмѣ *за недоимки.* По предложенію его, комитетъ постановилъ ежегодно, въ день кончины основателя попечительнаго о тюрьмахъ общества, императора Александра I, производить выкупъ подобныхъ должниковъ. Гаазъ сталъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдить за точнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностью обозначеніемъ размѣровъ недоимки, числившейся за ними, не жалѣя времени и труда на справки и личныя провѣрки, сопряженныя съ разными непріятностями. Какъ видно изъ дѣлъ комитета, 1840-й годъ особенно богатъ въ жизни Гааза столкновеніями и препирательствами въ этомъ отношеніи съ тюремнымъ начальствомъ и присяжными попечителями. Затѣмъ переписка по этимъ вопросамъ уменьшается и прекращается вовсе. Повидимому, оппоненты неугомоннаго старика махнули на него рукой и стали ему уступать, не споря...

За стѣнами долговой тюрьмы оставалась *семья* должника. Она лишалась своего кормильца, а «кормовыхъ денегъ» не получала. Мысль и о ней тревожила Гааза. Въ мартѣ 1832 года, по его почину и при дѣятельномъ участіи одного изъ выдающихся директоровъ комитета, Львова, комитетъ постановилъ отдѣлить часть изъ своихъ суммъ *на помощь семействамъ*, содержащихся въ долговой тюрьмѣ, предоставивъ завѣдываніе этимъ дѣломъ Львову и Гаазу. Послѣдній, по словамъ А. К. Жизневскаго, часто посѣщалъ эту тюрьму и входилъ во всѣ подробности жизни содержащихся, помогая дѣйствительно несчастнымъ между ними—словомъ и дѣломъ, заступничествомъ и посредничествомъ.

X.

Дѣятельность Гааза по отношенію къ *больному* ничѣмъ не отличалась отъ его дѣятельности по отношенію къ *преступному* и къ *несчастному* человѣку. И въ области прямого призванія и служебныхъ обязанностей отзывчивое сердце Өедора Петровича, полное возвышеннаго безпокойства о людяхъ, давало себя чувствовать на каждомъ шагу.

Въ завѣдываніи Гааза, назначеннаго главнымъ врачомъ московскихъ тюремныхъ больницъ, находились: мужская больница на 72 кровати при тюремномъ замкѣ, устроенная на пожертвованія, по проекту его друга, доктора Поля, вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и недостаточныхъ палатъ, въ одномъ изъ коридоровъ замка; затѣмъ, отдѣленіе ея на Воробьевыхъ горахъ для пересыльныхъ и, наконецъ, помѣщеніе для больныхъ арестантовъ при старой Екатерининской больницѣ. Съ 1838 по 1854 г. въ тюремныхъ больницахъ числилось больныхъ 31,142 человѣка; въ лазаретѣ пересыльной тюрьмы — 12,673. Когда, въ 1839 и 1840 годахъ въ гу-

бернскомъ замкѣ съ чрезвычайною силою развился тифъ, послѣднее помѣщеніе было очень расширено и вмѣщало до 400 больныхъ обоего пола. По прекращеніи эпидеміи, Гаазъ сталъ хлопотать, чтобы число кроватей не было сокращаемо. Въ полицейскія части, для кратковременнаго содержанія или для «вытрезвленія», поступали часто больные чесоткою и, какъ выражался народъ, «французскою болѣзнью». Отпущенные домой, они грозили сообщеніемъ своихъ прилипчивыхъ недуговъ окружающимъ. Заботиться о лѣченіи большинства изъ нихъ было некому, а у самихъ больныхъ не было ни средствъ, ни охоты. Гаазъ выпросилъ у князя Голицына распоряженіе о присылкѣ такихъ больныхъ въ пустовавшій тюремный лазаретъ при Старо-Екатерининской больницѣ и о даровомъ ихъ пользованіи. Первоначально онъ и жилъ при этой больницѣ, въ маленькой квартирѣ.

Зная правила Гааза, излишне говорить о заботливости его о больныхъ и о вниманіи къ ихъ душевному состоянію, независимо отъ врачеванія ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Обходя палаты, онъ требовалъ, чтобы его сопровождали ординаторы, фельдшеры и впервые имъ введенныя сидѣлки мужскихъ больничныхъ палатъ. Онъ просилъ о томъ же и священниковъ при церквахъ тюремнаго и пересыльнаго замковъ. Часто, садясь на край кровати больного, онъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду о его семьѣ, объ оставленныхъ дома,—нерѣдко цѣловалъ больныхъ, приносилъ имъ крендели и лакомства. Въ первый день Пасхи онъ обходилъ всѣхъ больныхъ и христосовался со всѣми; — то же дѣлалъ онъ въ губернскомъ замкѣ и на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ обыкновенно бывалъ у заутрени. Въ большіе праздники и въ день своихъ именинъ, какъ разсказываетъ о немъ его крестникъ, докторъ Зедергольмъ, сынъ извѣстнаго въ Москвѣ пастора, — современника Гааза, — Ѳедоръ Петровичъ получалъ, вмѣстѣ съ поздравленіями, много сладкихъ пироговъ и тортовъ отъ знакомыхъ. Собравъ ихъ всѣ съ видимымъ удовольствіемъ, онъ рѣзалъ ихъ на куски и, сопровождаемый Зедергольмомъ или кѣмъ-нибудь другимъ, отправлялся къ больнымъ арестантамъ раздавать ихъ. Много разъ въ присутствіи своего крестника, Гаазъ участливо расспрашивалъ арестантовъ о здоровьѣ, называя ихъ ласковыми именами: «голубчикомъ», «милымъ» и т. д., справляясь, хорошо ли они спали и видѣли ли пріятные сны. Иногда, останавливаясь у постели какого-нибудь больного, онъ задумчиво глядѣлъ на него и говорилъ своему юному спутнику: «поцѣлуй его!» прибавляя со вздохомъ: «Er hat es nicht bös'gemeint!» или «Der wollte nichts Böses machen!»

Но не въ одномъ человѣчномъ отношеніи, даже не въ стремленіи дѣломъ или примѣромъ приложить къ больнымъ старинное правило искусства «tuto, cito et jucunde», какъ писалъ онъ въ «Инструкціи врачамъ»,—состояла его главная заслуга въ чисто-врачебной области дѣятельности. Онъ связалъ свое имя съ учре-

жденіемъ, созданнымъ его непрестанными и самоотверженными усиліями. Благодаря ему—и исключительно ему—выросла на Покровкѣ, въ Мало-Казенномъ переулкѣ, въ заброшенномъ и приходившемъ въ ветхость домѣ упраздненнаго Ортопедическаго института—*Полицейская больница для безпріютныхъ,* которую благодарное простонародье Москвы прочно и безъ колебаній окрестило именемъ «Газовской». «Пріѣхавъ въ 1852 году въ Москву и имѣя порученіе къ Өедору Петровичу, — пишетъ намъ А. К. Жизневскій,—я сказалъ первому попавшему извозчику: «вези въ Полицейскую больницу».—«Значитъ въ Газовскую»,—замѣтилъ тотъ, садясь на облучокъ.—«А ты развѣ знаешь доктора Гааза?»—«Да какъ же Өедора Петровича не знать: вся Москва его знаетъ. Онъ помогаетъ бѣднымъ и завѣдуетъ тюрьмами»...—«Ступай! сказалъ я—*и отправился въ особый міръ»...*

Въ 1844 году была учреждена въ Москвѣ больница для чернорабочихъ, захватившая и значительную часть арестантскихъ помѣщеній при Старо-Екатерининской больницѣ. На время производства необходимой поэтому пристройки къ лазарету губернскаго замка, болѣе ста пятидесяти больныхъ арестантовъ было переведено въ домъ Ортопедическаго института, приспособленный и исправленный на личныя средства Гааза и на добытыя имъ у разныхъ благотворителей. Постоянно разъѣзжая по Москвѣ, встрѣчаясь съ бѣдностью, недугами и несчастіями лицомъ къ лицу, онъ наталкивался иногда на обезсиленныхъ нуждою или болѣзнью, упавшихъ отъ изнеможенія гдѣ-нибудь на улицѣ и рискующихъ, подъ видомъ «мертвецки пьяныхъ», быть отправленными на «съѣзжую» ближайшей полицейской части, гдѣ средства для распознаванія и лѣченія болѣзней въ то время совершенно отсутствовали, а средства для «для вытрезвленія» отличались простотою и рѣшительностью. Онъ забиралъ такихъ несчастныхъ въ свою пролетку и везъ въ одну изъ немногочисленныхъ больницъ Москвы. Но тамъ часто не было мѣста, или больной почему-либо не подходилъ подъ спеціальное назначеніе той или другой больницы. Крайне тревожимый этими случаями, Гаазъ рядомъ письменныхъ представленій и личныхъ просьбъ добился отъ Голицына распоряженія о томъ, чтобы, въ случаѣ непринятія больницею заболѣвшихъ безпріютныхъ, полиція присылала ихъ для помѣщенія на свободныя отъ арестантовъ мѣста временной лѣчебницы въ Мало-Казенномъ переулкѣ. Здѣсь у Гааза мѣсто всегда находилось. При лѣчебницѣ этой была маленькая квартира изъ двухъ комнатъ, въ которой онъ поселился самъ,—и Е. А. Драшусова, знавшая его лично, свидѣтельствуетъ, говоря о немъ, что когда въ лѣчебницѣ не было мѣста, а поступали новые больные, онъ клалъ ихъ въ своей квартирѣ и ухаживалъ за ними неустанно...

Наконецъ, пристройка къ тюремному лазарету была окончена и освящена. Въ нее перевели арестантовъ изъ Мало-Казеннаго

переулка—и въ лѣчебницѣ оказались лишь безпріютные, не предусмотрѣнные ни въ какомъ уставѣ и не подлежащіе вѣдѣнію тюремнаго комитета. Въ комитетѣ начали подниматься голоса противъ этой лѣчебницы—и ей стало грозить уничтоженіе. Но Гаазъ рѣшился всѣми силами поддержать жизнь своего дѣтища. Получая, въ качествѣ старшаго врача больницы, всего 285 руб. 72 коп. въ годъ онъ добывалъ средства отъ богатыхъ купцовъ, чтобы ничего не требовать отъ казны на ремонтъ, сражался съ комитетомъ, переписывался съ оберъ-полиціймейстеромъ, подъ начальство котораго перешла лѣчебница, умолялъ новаго генералъ-губернатора, князя Щербатова, сохранить учрежденіе, которому симпатизировалъ его предшественникъ,—и добился того, что «полицейская больница» была признана постояннымъ учрежденіемъ для пріема больныхъ, поступающихъ на попеченіе полиціи «по внезапнымъ случаямъ, для пользованія и начальнаго поданія безплатной помощи». Къ такимъ больнымъ были отнесены люди, поднимаемые на улицѣ въ безчувственномъ видѣ, не имѣющіе узаконенныхъ видовъ, ушибленные, укушенные, отравленные, обожженные и т. д. Въ ней было положено 150 кроватей, и на каждаго изъ больныхъ и умершихъ стала отпускаться опредѣленная, очень небольшая сумма. Но населеніе Москвы росло, число безпріютныхъ больныхъ увеличивалось, слава «Гаазовской больницы» проникала въ народъ, отказывать въ пріемѣ Гаазъ былъ не въ силахъ, и вскорѣ число больныхъ, находившихъ себѣ кровъ и уходъ, тепло и помощь, стало превышать установленную норму чуть не вдвое. Началась тягостная переписка съ комитетомъ и разнымъ другимъ начальствомъ, требованіе объясненій и отчетовъ во всякой мелочи, пошло производство начетовъ... Снова стали раздаваться обычныя обвиненія противъ Ѳедора Петровича въ нарушеніи порядка и въ его переходящей здравыя и законныя границы «филантропіи», не желающей ничего знать, кромѣ своихъ излюбленныхъ больныхъ—босоногихъ бродягъ и оборванцевъ. Гаазъ старался отмалчиваться или давалъ объясненія, признаваемыя «явно неудовлетворительными», но числа больныхъ все-таки не сокращалъ. Между служившими при немъ и вскорѣ послѣ него въ полицейской больницѣ сохранился разсказъ о томъ, что выведенный изъ себя жалобами на постоянные переборы, дѣлаемые имъ противъ высшаго предѣла расходовъ на полный комплектъ больныхъ, князь Щербатовъ призвалъ его къ себѣ и, горячо упрекая, требовалъ сокращенія числа больныхъ до нормы. Старикъ молчалъ, поникнувъ головою... Но когда послѣдовало категорическое приказаніе не смѣть принимать новыхъ больныхъ, пока число ихъ не окажется менѣе 150-ти—онъ вдругъ тяжело опустился на колѣни и, ничего не говоря, заплакалъ горькими слезами. Князь Щербатовъ увидѣлъ, что его требованіе превышаетъ силы старика,—самъ растрогался и бросился подымать Ѳедора Петровича. Больше о больницѣ не было

и рѣчи до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашенію, всѣ, начиная съ генералъ-губернатора, стали смотрѣть на ея «безпорядки» сквозь пальцы. Гаазъ *выплакалъ* себѣ право неограниченнаго пріема больныхъ...

Къ числу этихъ больныхъ, по его настойчивымъ ходатайствамъ, были впослѣдствіи отнесены не только не нашедшіе себѣ пріюта въ другихъ больницахъ, но и подлежавшіе, по требованію господъ, тѣлесному наказанію при полиціи и заболѣвшіе до экзекуціи или послѣ нея...

Какъ широка была помощь, оказываемая Гаазовскою больницею, видно изъ того, что съ открытія ея до смерти Гааза въ ней перебывало до 30.000 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло около 21.000. Больница заботилась не объ одномъ излѣченіи больныхъ, но, по начертанной Гаазомъ программѣ, начальство больницы хлопотало о помѣщеніи престарѣлыхъ въ богадѣльни, объ отправленіи крестьянъ на родину, о снабженіи платьемъ съ умершихъ и деньгами—неимущихъ больныхъ иногородныхъ, объ истребованіи больнымъ паспортовъ, о помѣщеніи дѣтей, рожденныхъ въ больницѣ, на время или постоянно въ воспитательный домъ и о помѣщеніи осиротѣвшихъ дѣтей на воспитаніе къ людямъ, «извѣстнымъ своею честностью и благотворительностью».

Когда Гаазъ былъ практикующимъ врачемъ въ Москвѣ, онъ не любилъ начинять больныхъ лѣкарствами. Другъ знаменитаго въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ Москвѣ терапевта Овера, онъ имѣлъ, однако, свои собственные взгляды на средства лѣченія. Онъ придавалъ значеніе покою и теплу; изъ внѣшнихъ средствъ воздѣйствія на организмъ наиболѣе дѣйствительнымъ признавалъ нынѣ забытый фонтанель, а изъ внутреннихъ—нынѣ снова весьма цѣнимый—каломель. Зная его излюбленныя средства, москвичи добродушно острили надъ нимъ, говоря: «докторъ Гаазъ уложитъ въ *постель*, закутаетъ во *фланель*, поставитъ *фонтанель* и пропишетъ *каломель*»... Тѣ же средства, конечно, рекомендовались имъ, главнымъ образомъ, и въ «своихъ» больницахъ. Но не въ нихъ видѣлъ онъ силу. Участіе и доброе, человѣчное отношеніе къ больному, заставляющее его думать, что онъ не одинокъ на свѣтѣ, не брошенъ на произволъ судьбы—были въ его глазахъ наиболѣе дѣйствительными средствами. Читая изреченіе «mens sana in corpore sano» наоборотъ, онъ охотно предоставлялъ врачамъ тюремныхъ больницъ и своимъ ординаторамъ заботу о прописываніи и избраніи лѣкарства, оставляя за собою рѣшительный и всегда доброжелательный голосъ лишь по вопросу—подлежитъ ли арестантъ или безпріютный лѣченію.

Безтрепетный въ своемъ энергическомъ и искреннемъ словѣ, онъ былъ такимъ же и въ своей врачебной практикѣ. Въ 1848 году, когда свирѣпствовавшая въ Москвѣ холера наводила панику не только на населеніе, но и на врачей, и считалась заразитель-

ною даже отъ простого прикосновенія, онъ старался словомъ и дѣломъ разсѣять этотъ страхъ. «Проходя по одной изъ палатъ больницы,—пишетъ А. К. Жизневскій,—и подойдя къ больному, стонавшему въ кровати, Өедоръ Петровичъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ мнѣ: «а вотъ и первый холерный больной у насъ», и тутъ же нагнулся къ нему и поцѣловалъ его, не обращая вниманія на то, что меня очень смутила такая новинка, какъ холера». Чтобы доказать незаразительность холерныхъ своимъ товарищамъ, старикъ — по разсказу И. А. Арсеньева, — садился нѣсколько разъ въ ванну, изъ которой только-что вынутъ былъ холерный, и просиживалъ въ ней нѣкоторое время. Слухи объ этомъ, при его популярности въ простомъ народѣ, распространялись по Москвѣ и производили успокоительное дѣйствіе. Зная это, графъ Закревскій, вообще не долюбливавшій Гааза, обратился къ нему въ разгаръ холеры съ просьбою — при постоянныхъ разъѣздахъ по Москвѣ останавливаться въ мѣстахъ стеченія народа и успокаивать его. И въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы 1848 года на московскихъ площадяхъ и перекресткахъ можно было не разъ видѣть высокаго и бодраго старика въ оригинальномъ костюмѣ, вставшаго въ пролеткѣ и говорящаго собравшемуся вокругъ народу, который къ *его* словамъ, къ словамъ *своего* доктора, относился съ полнымъ довѣріемъ...

Порядки, заведенные Гаазомъ въ полицейской больницѣ, да и въ тюремныхъ госпиталяхъ—были тоже своеобразны. Простой, обходительный и деликатный съ подчиненными, онъ требовалъ отъ нихъ прежде всего правды. Всякая ложь приводила его въ негодованіе. Въ борьбѣ съ нею онъ прибѣгалъ къ необычайнымъ мѣрамъ. Такъ, въ полицейской больницѣ имъ была заведена кружка, въ которую, за всякую открывшуюся ложь, виновный служащій, кто бы онъ ни былъ, долженъ былъ класть свое дневное, по разсчету, жалованье. Это объявлялось Гаазомъ при принятіи на службу въ больницу и исполнялось строго и безусловно. Иногда это распространялось и на постороннихъ—и даже примѣнялось и въ тюремной больницѣ. Такъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ императора Николая Павловича въ Москву, въ концѣ сороковыхъ годовъ, эту больницу въ отсутствіи Гааза, посѣтилъ, по приказанію свыше, одинъ изъ лейбъ-медиковъ государя и донесъ, что нашелъ въ ней двухъ арестантовъ, недугъ которыхъ представляется сомнительнымъ. Узнавъ объ этомъ, Гаазъ явился къ нему и настойчиво потребовалъ новаго посѣщенія больницы, причемъ на больныхъ доказалъ чиновному и ученому посѣтителю, что выводы его о состояніи ихъ здоровья были поспѣшны и ошибочны, и что оба арестанта дѣйствительно нуждаются въ лѣченіи. Сконфуженный медицинскій сановникъ сталъ извиняться, но Гаазъ добродушно и любезно просилъ его не безпокоиться, и продолжалъ съ нимъ обходъ. Но, когда они приблизились къ выходу, Өедоръ Петровичъ

на минуту куда-то исчезъ, а затѣмъ выросъ въ дверяхъ съ кружкою въ рукахъ. «Ваше превосходительство изволили доложить государю императору *неправду* — извольте теперь положить десять рублей штрафу въ пользу бѣдныхъ!»

Наравнѣ съ ложью старался онъ искоренить и нетрезвое поведеніе между госпитальною прислугою. Сначала ему хотѣлось предъявлять въ этомъ отношеніи строгія требованія всѣмъ вообще подчиненнымъ тюремному комитету лицамъ. Въ 1835 году онъ предлагалъ комитету утвердить составленныя имъ правила о безусловномъ воспрещеніи всѣмъ этимъ лицамъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, подъ угрозою штрафомъ въ размѣрѣ дневного жалованья, въ случаѣ нарушенія подписки о воздержаніи отъ вина, но комитетъ предложилъ ему, въ видѣ опыта, самому ввести такое правило въ тюремныхъ больницахъ, а составленный имъ проектъ представилъ на разсмотрѣніе губернатора. Затѣмъ, уже въ 1838 году, комитетъ, имѣя у себя нѣсколько жалобъ на взысканіе Гаазомъ штрафовъ и принимая во вниманіе, что проектъ его не получилъ въ теченіе трехъ лѣтъ одобренія, и что, по газетнымъ извѣстіямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ статута общества умѣренности въ Ригѣ,—запретилъ впредь отобраніе введенныхъ Гаазомъ подписокъ. Но послѣдній, повидимому, продолжалъ настаивать на справедливости и осуществимости своего проекта, ибо уже въ 1845 году, на запросъ князя Щербатова, комитетъ доносилъ, что считаетъ отобраніе подписокъ, придуманныхъ докторомъ Гаазомъ, «мѣрою не аппробованною». Система штрафовъ— обыкновенно въ маленькихъ размѣрахъ — практиковалась имъ въ полицейской больницѣ широко. Они накладывались также за неаккуратность, небрежность, грубость — и отпускались въ кружку. Иногда, впрочемъ, собравъ нѣсколько такихъ штрафовъ, при обходѣ больныхъ, Гаазъ не опускалъ ихъ въ кружку, а тихонько клалъ подъ подушку какого-нибудь больного, которому предстояла скорая выписка и неразлучная съ нею насущная нужда. Изъ кружки собранная сумма высыпалась разъ въ мѣсяцъ и распредѣлялась, въ присутствіи ординаторовъ и надзирательницъ, между наиболѣе нуждавшимися выздоровѣвшими больными и семействами еще находившихся на излѣченіи или приходившими въ амбулаторію, гдѣ засѣдалъ Ѳедоръ Петровичъ, окончивъ обходъ больницы... Въ 1852 году Жизневскому пришлось присутствовать при взысканіи такихъ штрафовъ въ Гаазовской больницѣ во время оригинальнаго суда надъ сидѣлкою, заподозрѣнною въ кражѣ. Разбирательство происходило въ присутствіи всѣхъ служащихъ въ больницѣ. Гаазъ внимательно выслушивалъ оправданія, подробно разспрашивалъ свидѣтелей, попутно штрафовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—и, между прочимъ, самого себя, за отсутствіе надлежащей заботы объ огражденіи служащихъ отъ похищенія у нихъ вещей — и, пожелавъ узнать мнѣніе посторонняго человѣка, Жизневскаго, поста-

новилъ оправдательное рѣшеніе, разорвавъ заготовленное конторою отношеніе въ полицію съ препровожденіемъ заподозрѣнной...

Нужно ли говорить объ отношеніи къ нему больныхъ? А. К. Жизневскій, въ письмѣ о Гаазѣ, приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ о немъ, исполненныхъ восторженной благодарности со стороны самыхъ разнородныхъ по своему общественному положенію людей; врачуя ихъ тѣло, Гаазъ умѣлъ уврачевать и упавшій или озлобленный духъ, возродивъ въ нихъ вѣру въ возможность добра на землѣ. Описывая свое посѣщеніе Гаазовской больницы, Жизневскій говоритъ, что видѣлъ тамъ несчастную француженку-гувернантку, сошедшую съума отъ горя, вслѣдствіе павшаго на нее, безъ всякаго основанія, подозрѣнія въ домашней кражѣ. Она была постоянно неспокойна и часто впадала въ бѣшенство, сопровождаемое ужасными проклятіями. Но стоило ей увидѣть Ѳедора Петровича, какъ она тотчасъ утихала, становилась кроткою и радостно шла на его зовъ. Старикъ гладилъ ей волосы, говорилъ ей съ участіемъ нѣсколько ласковыхъ словъ—и на недавно еще мрачно-изступленномъ лицѣ злополучной жертвы клеветы начинала играть улыбка душевнаго спокойствія...

XI.

«Я, кажется, уже неоднократно высказывалъ вамъ свою мысль,—писалъ Гаазъ своему воспитаннику Норшину,—что самый вѣрный путь къ счастью не въ желаніи *быть счастливымъ,* а въ томъ, чтобы *дѣлать другихъ* счастливыми. Для этого нужно внимать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогая имъ совѣтомъ и дѣломъ, словомъ, *любить ихъ,* причемъ, чѣмъ чаще проявлять эту любовь, тѣмъ сильнѣе она будетъ становиться, подобно тому, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что она непрерывно находится въ дѣйствіи...»

Эту мысль, наполнявшую всю его душевную жизнь, осуществлялъ и примѣнялъ онъ, дѣйствуя въ тюрьмахъ. Мы видѣли, съ какими внѣшними препятствіями приходилось ему бороться. Но ими не исчерпывалась затруднительность его задачи. Были и внутреннія помѣхи его дѣятельности. Они часто связывали свободу его дѣйствій, огорчали, раздражали и даже оскорбляли его. Ему приходилось имѣть дѣло съ коллегіею, которой онъ самъ былъ членомъ, и испытывать на себѣ всю тяжесть того искусственнаго сопряженія во едино различныхъ, иногда прямо противоположныхъ темпераментовъ, побужденій и взглядовъ, которое характеризуетъ каждую коллегію. Несомнѣнно, что коллегія, особливо судебная или законодательная, имѣетъ свои достоинства. Ея коллективный опытъ оказываетъ безспорныя услуги, ея безличное спокойствіе исключаетъ элементъ индивидуальной страстности или опасной

поспѣшности. Но тамъ, гдѣ коллегіи приходится имѣть дѣло съ повседневными явленіяли жизни, съ животрепещущими запросами и потребностями насущной дѣйствительности, гдѣ требуется разумная смѣлость, скорая осуществимость, непосредственное проникновеніе въ сущность вопроса,—тамъ коллегія, нмчего не улучшая, многое можетъ портить и мертвить. Раздѣленіе труда дѣлаетъ его менѣе энергичнымъ, общая отвѣтственность ослабляетъ отвѣтственность каждаго, отсутствіе прямого соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ явленіемъ вытравляетъ его яркія краски и искажаетъ его живые контуры... Чувство личнаго негодованія, а, слѣдовательно, и любви, замираетъ въ коллегіи, ощущеніе стыда теряетъ свою благотворную ѣдкость,—трусливые, нерѣшительные, скудные умомъ оказываютъ принижающее дѣйствіе на сильныхъ умомъ, заставляя ихъ терять время на объясненіе азбучныхъ истинъ, торговаться и уступать во имя хотя бы и неполнаго достиженія цѣли;—лѣнивое мышленіе однихъ не хочетъ видѣть того, что выстрадано сердцемъ другихъ,—Молчалинъ часто стремится сжать въ своихъ объятіяхъ Чацкаго,—и по отношенію къ вопросу, о которомъ вопіетъ жизнь, образуется обыкновенно компромиссъ, всегда негодный по исходу, иногда мутный по своему источнику. Вотъ почему живыя и энергичныя натуры, особливо стремящіяся быть тѣмъ «магнитомъ», о которомъ писалъ Гаазъ Норшину, обыкновенно страдаютъ въ составѣ коллегіи и приходятъ съ нею въ безплодныя, по большей части, столкновенія.

Московскій тюремный комитетъ сдѣлалъ много полезнаго для тюремнаго дѣла въ Москвѣ, но, повидимому, за исключеніемъ Львова, Поля, Синявина, Капниста и еще двухъ-трехъ членовъ, засѣдавшихъ при томъ не одновременно, онъ обладалъ обычными свойствами административно-благотворительной коллегіи. Изъ переписокъ Гааза съ комитетомъ видно, что въ средѣ послѣдняго были и «охладѣлые», и «отклонявшіе себя отъ долга», были прямо враждебно или насмѣшливо относившіеся къ нему. Встрѣчались, конечно, какъ неизбѣжная внутренняя язва общественной благотворительности, и «акробаты благотворительности». Вице-президенты—генералъ-губернаторы кн. Голицынъ и кн. Щербатовъ—были люди большихъ достоинствъ, но у каждаго изъ нихъ была обширная область прямой дѣятельности, отвлекавшая ихъ отъ тюремнаго дѣла. Первые годы существованія комитета, наилучшіе въ его жизни, руль держалъ въ рукахъ самъ кн. Д. В. Голицынъ, поощряя и поучая всѣхъ своимъ примѣромъ, своимъ искреннимъ желаніемъ улучшеній, личнымъ трудомъ и свѣтлымъ свободнымъ отъ шоръ безплоднаго формализма, взглядомъ. Онъ понималъ Гааза прислушивался къ нему и за обличьемъ шумливаго и безпокойнаго члена коллегіи умѣлъ разсмотрѣть «роптанье вѣчное души», чистой и самоотверженной. Иногда, впрочемъ, настойчивость и страстность Гааза нарушали спокойное и уравновѣшенное

отношеніе къ нему князя Голицына. Однажды, въ 1840 году, послѣ шумныхъ протестовъ Гааза противъ какого-то изъ постановленій комитета, князь сказалъ ему съ раздраженіемъ: «M-r Haas! si vous continuez, je vous ferais sortir d'ici par les gendarmes!»—на что послѣдній отвѣтилъ, улыбаясь: «et vous n'y gagnerez rien, mon prince, car je rentrerai par la fenêtre...» Вѣроятно, подражая князю, уже въ концѣ сороковыхъ годовъ, одинъ изъ членовъ комитета позволилъ себѣ, какъ вспоминаютъ священники Орловъ и Бѣляниновъ, сказать «безпокойному» старику, что «онъ дождется того, что его не станутъ приглашать въ комитетъ».—«Я самъ пріѣду»,—спокойно замѣтилъ Гаазъ.—«Передъ вами запрутъ двери!»—«Ну чтожъ—я влѣзу въ окно...» Мимолетныя столкновенія съ кн. Голицинымъ проходили, однако безслѣдно. Просвѣщенный государственный дѣятель, сказавшій въ 1834 году совѣтнику губернскаго правленія, извѣстному А. И. Кошелеву, который, въ качествѣ московскаго дворянина, горячо настаивалъ на истребованіи отъ генералъ-губернатора для провѣрки отчета подорожной комиссіи: «сегодня утромъ, въ дворянскомъ собраніи, я вами любовался: вы хорошо поступили, и я на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое»,—не могъ сердиться на своего чистаго душою, хотя и строптиваго сотрудника...

Но не такъ относились къ Гаазу многіе изъ его сотоварищей. Его «выходки» нарушали спокойную безцвѣтность ихъ занятій, его «самовольныя распоряженія» оскорбляли цѣломудріе канцелярскихъ предначертаній. И по мѣрѣ того, какъ князь Голицынъ, давъ первые толчки и общее направленіе новому дѣлу, отдалялся отъ него, погруженный въ сложную работу «хозяина Москвы», противъ Гааза образовывалась оппозиція, то тѣсно сплоченная, то неуловимая, но все-таки чувствуемая.

«Утрированному филантропу», который говорилъ о *видѣнныхъ имъ* и сердечно раздѣленныхъ нуждахъ людей, коихъ онъ прежде всего считалъ несчастными,—который писалъ въ 1845 г., что члены тюремнаго общества «обязаны осуществлять намѣреніе жить *по-божески*, т.-е. чтобы правосудіе сочетовалось съ милосердіемъ и Богъ былъ бы виденъ во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ»,—отвѣчали ссылками на «буквальный смыслъ» статей закона и параграфы уставовъ. Его своеобразно-краснорѣчивыя предложенія «пріобщались кп дѣлу», какъ не заслуживающія вниманія, его просьбы и требованія встрѣчались оскорбительнымъ молчаніемъ. Особенно недовольно было имъ хозяйственное отдѣленіе комитета, стоявшее въ отношеніяхъ своихъ къ конторѣ тюремныхъ больницъ, гдѣ распоряжался Гаазъ, на чисто формальной почвѣ. Оно не желало, напримѣръ, сообщать конторѣ копій съ контрактовъ на поставку съѣстныхъ припасовъ, для провѣрки поставщиковъ, что было—какъ писалъ Гаазъ комитету въ 1840 году,—«причиною неимовѣрнаго безпорядка, отъ котораго сіи больницы страждутъ». Между

тѣмъ одно изъ засѣданій хозяйственнаго отдѣленія было открыто словами предсѣдателя: «такъ какъ г. Гаазъ многими поступками отступилъ отъ правилъ при управленіи тюремныхъ больницъ»... «Я взялъ смѣлость остановить его превосходительство,—пишетъ Гаазъ,—и спросить, какіе поступки долженъ я здѣсь разумѣть, но онъ, вмѣсто отвѣта, опять повторилъ тѣ же слова, а на мой вторичный вопросъ въ третій разъ изволилъ произнести тѣ же самыя нарѣчія. Я тогда принужденъ былъ встать съ мѣста и сказать: «если вы полагаете себя вправѣ такимъ образомъ на счетъ меня выразиться безъ всякаго объясненія, то я не могу оставаться въ семъ собраніи»,—на что его превосходительство адресовался къ секретарю комитета со словами: «не правда ли, вѣдь, были нѣкоторые случаи, въ которыхъ г. Гаазъ дѣйствовалъ неправильно по управленію больницами?»—на что сей отвѣчалъ: «*по другимъ предметамъ* были нѣкоторыя такія дѣйствія г. Гааза, *то и вѣроятно,* что такія же были и по управленію больницами»... И сей отвѣтъ былъ принятъ безъ всякаго примѣчанія!»

Когда неусыпными трудами Гааза былъ устроенъ сѣверный корридоръ тюремнаго замка, оказалось, что онъ сдѣлалъ на 40 рублей сверхсмѣтныхъ расходовъ противъ ассигнованныхъ ему 400 руб. с., вмѣсто просимыхъ имъ 500 руб. Объ этой передержкѣ была возбуждена обширная переписка, на 143 листахъ, продолжавшаяся два года. Отъ Гааза было потребовано объясненіе, и комитетъ посвятилъ не одно засѣданіе обсужденію его неправильнаго и незаконнаго поступка. Указывая, что комитетъ гораздо милостивѣе относился къ сверхсмѣтнымъ расходамъ, допущеннымъ другими членами, признавая, что деньги бывали израсходованы «на предметъ, достойный комитета», Гаазъ пишетъ въ объясненіи: «мнѣ поручено затруднительное дѣло, мнѣ отказываютъ въ нужныхъ средствахъ и въ то же время неумолимы въ обсуживаніи моихъ дѣйствій и упущеній. Меня спрашиваютъ, могу ли я *оправдать свой поступокъ?* Отвѣтствую: я признаю, что располагать такимъ образомъ суммами, кои не выданы—есть *родъ похищенія.* Съ сею же самою откровенностью признаюсь, что я одушевленъ былъ мыслью о сѣверномъ корридорѣ и мнѣ казалось, что дѣйствія мои заслуживаютъ признательности комитета. Оказывается, что я ошибся и въ томъ, что дѣлалъ, и въ томъ, что мыслилъ»... Кончилось тѣмъ, что онъ заплатилъ эти 40 р. изъ своихъ скудныхъ средствъ. То же самое повторилось и въ 1840 году, когда Гаазъ произвелъ нѣсколько необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательства работъ по расширенію помѣщеній Старо-Екатерининской больницы для пріема погибавшихъ отъ тифозной эпидеміи арестантовъ и просилъ комитетъ уплатить рабочимъ 290 руб. ассигнаціями. При обсужденіи переписки, продолжавшейся два года, комитетъ, въ 1842 г., послѣ разныхъ упрековъ по адресу Гааза, постановилъ: «отнынѣ на будущее время всякое распоряженіе въ

постройкахъ и починкахъ по больничнымъ зданіямъ г. Гааза воспретить», при чемъ оскорбленный старикъ, видя, что его объясненій не слушаютъ и смѣются надъ его словами, «всталъ, поднялъ руку къ небу, — какъ онъ самъ пишетъ,—и голосомъ, которымъ кричатъ *караулъ*, кричалъ: «объявляю, предъ небомъ и землею, что мною въ семъ дѣлѣ ничего противузаконнаго не сдѣлано!»

Но не одни расходы, производимые имъ, раздражали комитетъ. Архитекторъ, помогавшій Гаазу въ перестройкѣ сѣвернаго корридора, указалъ ему на возможность изъ двухъ небольшихъ и и полутемныхъ комнатъ около церкви образовать одну большую и свѣтлую, сдѣлавъ въ толстыхъ стѣнахъ между ними большія арки. Мысль дать больше простора заключеннымъ и собирать ихъ для общей молитвы возлѣ церкви плѣнила Гааза, и онъ немедленно, на свой счетъ, спѣша устроить окончательно *свой* корридоръ, привелъ ее въ исполненіе. Директоръ комиссіи строеній въ Москвѣ, посѣтивъ замокъ, указалъ Гаазу на это «самоволіе», объяснивъ, что онъ долженъ былъ испросить его разрѣшеніе на непредусмотрѣнную перестройку. Чуждый мелочного самолюбія, имѣвшій въ виду только пользу дѣла, Гаазъ «вмѣняя себѣ въ обязанность исправить дурной примѣръ нарушенія законнаго порядка, имъ поданный, при всѣхъ чиновникахъ и служителяхъ просилъ у г. директора прощенія». Но директору было мало униженія старика. Онъ сообщилъ о новомъ его проступкѣ комитету. Представляя комитету свою повинную, Гаазъ заявлялъ, что вынужденъ былъ вообще отступать отъ предначертаній комиссіи строеній относительно перестроекъ въ тюрьмѣ, ибо еслибы вполнѣ оныя соблюдать, то получилась бы квасная, въ которой нельзя дѣлать квасу, ибо въ ней вовсе не было положено русской печи,—комнаты остались бы безъ вентиляторовъ, наружныя двери безъ ступенекъ для всхода, чердаки безъ лѣстницъ и комната противъ «малолѣтнихъ» вовсе безъ двери, ибо печникъ, склавши уже болѣе половины печи, положенной на томъ мѣстѣ, гдѣ была дотолѣ дверь, перелѣзъ черезъ оную и спрашивалъ, гдѣ же ему выйти, когда онъ доведетъ печь до верху?.. Комитетъ не призналъ возможнымъ стать на почву совершившагося факта, и князь Голицынъ предложилъ ему, согласно его заключенію, сдѣлать Гаазу выговоръ въ «присутствіи онаго, подтвердивъ, чтобы на будущее время онъ ни мало не отступалъ отъ установленнаго порядка». Тяжело отозвался на старикѣ выговоръ, объявленный по распоряженію человѣка, котораго онъ глубоко чтилъ и которому однажды писалъ: «вы великій вельможа—князь, но и вы не въ состояніи сдѣлать двѣ вещи: чтобы въ журналѣ комитета было записано: «вице-президентъ князь Дмитрій Владимировичъ недоволенъ дѣйствіями доктора Гааза», и чтобы я не любилъ васъ всѣмъ своимъ сердцемъ!» Онъ не перенесъ огорченія и захворалъ. И вотъ причина, почему онъ,

не пропускавшій за всю свою многотрудную жизнь ни одного засѣданія комитета, все-таки не былъ въ одномъ изъ нихъ...

Столкновенія съ комитетомъ бывали у него по самымъ различнымъ поводамъ. То, убоясь переписки и возможности отказа, представляетъ онъ въ комитетъ счетъ цехового Завьялова на 45 руб. за 21 бандажъ, отданный освобожденнымъ изъ смирительнаго и рабочаго домовъ арестантамъ, страдающимъ грыжею,—и комитетъ разъясняетъ ему, что не считаетъ себя обязаннымъ покрывать такой расходъ, предоставляя ему самому изыскать средства къ удовлетворенію онаго изъ другихъ источниковъ, т. е. обрекаетъ его, за неимѣніемъ имъ собственныхъ средствъ, на необходимость просить кого нибудь быть «благодѣтелемъ». То, удрученный своимъ устраненіемъ отъ освидѣтельствованія пересыльныхъ арестантовъ и боясь, что они останутся вовсе безъ призора, онъ проситъ обязать членовъ комитета бывать, по очереди, на Воробьевыхъ горахъ четыре раза въ недѣлю, и комитетъ «не усматриваетъ для его домогательства законныхъ основаній»; то проситъ онъ комитетъ ходатайствовать у высшаго начальства, чтобы, кромѣ пересылаемыхъ слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ бродягъ въ губернскихъ городахъ оставлять, не отсылая въ Сибирь тѣхъ, «кои окажутся съ поврежденіемъ ума», и комитетъ, къ огорченію его, «не полагаетъ на сіе никакого рѣшенія»;—то въ 1845 г., подкрѣпляя свою просьбу словами Екклезіаста, онъ проситъ комитетъ внушить членамъ своимъ объ обязанности частаго посѣщенія мѣстъ заключенія вообще, чрезъ что «злоупотребленія, населяющія ихъ какъ насѣкомыя и паутина, будутъ исчезать сами собою, а добрыя дѣла мало-по-малу рождаться одно изъ другого»,—и получаетъ въ отвѣтъ, что комитетъ съ признательностью принимаетъ указаніе своего вице-президента, митрополита Филарета, между прочимъ и о томъ, что «можно не входить въ большое разбирательство разсужденія Ѳедора Петровича о постоянномъ посѣщеніи тюремъ,—довольно сказать, что это посѣщеніе, безъ сомнѣнія, весьма желательное, можетъ, по справедливости, быть требуемо, конечно, не отъ тѣхъ людей, у которыхъ съ утра до вечера полны руки должностныхъ дѣлъ и которымъ долгъ присяги не позволяетъ отъ сихъ необходимыхъ дѣлъ постоянно уклоняться къ дѣламъ произволенія, хотя и весьма добраго»... То, наконецъ, въ просьбѣ Гааза въ 1840 г. о разрѣшеніи оставить въ пересыльной тюрьмѣ крестьянина Лазарева, ссылаемаго помѣщикомъ въ Сибирь, несмотря на 63-хъ-лѣтній возрастъ (что было дозволено закономъ и сенатскимъ разъясненіемъ лишь до 1827 года) и о начатіи переписки о незаконности такой ссылки,—комитетъ постановляетъ отказать, ибо Лазаревъ *самъ* можетъ подать объ этомъ просьбу *по приходѣ въ Тобольскъ*. Такіе отказы раздражаютъ старика. Своеобразнымъ краснорѣчіемъ звучатъ вызываемыя ими записки его и заявленія. По поводу Лазарева онъ объясняетъ, что «будетъ изыскивать

способъ самъ довести о семъ несчастномъ до свѣдѣнія Высочайшей власти». Видя холодное отношеніе комитета къ нѣсколькимъ просьбамъ его за арестантовъ, онъ восклицаетъ въ 1838 г.: «если мы и впредь будемъ такъ дѣйствовать, то должны ожидать, что намъ будутъ сказаны слова Евангелія взывавшимъ къ Спасителю: «не во имя ли Твое мы проповѣдывали?» и коимъ было изречено: «по истинѣ не знаю васъ! отъидите отъ Меня вси, творящіе неправду!»

Тонъ обличенія и довольно злой ироніи часто слышится въ посланіяхъ его комитету. «Говорятъ, пишетъ онъ въ 1832 году, что арестанты уже въ теченіе долгаго времени слѣдуютъ сему непорядку и такъ сказать къ оному пріучены. Но сіе напоминаетъ мнѣ анекдотъ объ англійской кухаркѣ, которая содрала кожу съ живого угря. Одинъ, вошедшій въ это время въ кухню, сказалъ:—какъ, сударыня, вы безъ сожалѣнія это дѣлаете?—Ничего, сударь, отвѣчала кухарка, *они* къ этому привыкли!—на мѣсто того, чтобы сказать, *я* къ этому привыкла!» «Не скрою предъ комитетомъ,—говоритъ онъ, представляя свои оправданія по поводу арки въ сѣверномъ корридорѣ,—величайшаго отвращенія, какое имѣю я, входя въ столь подробное изъясненіе по обстоятельству столь ничтожному», и по поводу постоянныхъ неудовольствій и нареканій комитета напоминаетъ, что Тацитъ, говоря о Титѣ-Агриколѣ, сказалъ: «въ натурѣ человѣка ненавидѣть того, кому однажды нанесено оскорбленіе»... Говоря о раздачѣ книгъ священнаго писанія пересыльнымъ, онъ ядовито замѣчаетъ: «встрѣча священнаго писанія въ тюрьмѣ ссыльныхъ могла бы содѣлаться опасною для членовъ комитета тѣмъ осужденіемъ, которое сія святая книга произноситъ на слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ.

Такъ дѣйствовалъ, «упорствуя, волнуясь и спѣша», до конца своей многотрудной жизни Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Одинокій и въ общественной, и въ личной жизни, забывавшій все болѣе и болѣе о себѣ, съ чистою совѣстью взиравшій на приближающуюся смерть, онъ тѣмъ болѣе отдавался своему призванію, чѣмъ меньше оставалось ему жить, стараясь осуществить то «kurzen Wachen—rasches Thun», о которомъ говорится во второй части «Фауста»... Но жилось ему не легко. Лично видѣвшая его, старая москвичка, графиня Сальясъ (Евгенія Туръ) пишетъ о немъ: «борьба, кажется, приходилась ему не по силамъ; посреди возмущающихъ душу злоупотребленій всякаго рода, посреди равнодушія общества и враждебныхъ распоряженій, въ борьбѣ съ неправдой и ложью, силы его истощались. Чтò онъ долженъ былъ вынести, чтò испытать, пере жить, перестрадать!»

XII.

Остается бросить бѣглый взглядъ на послѣдніе годы Гааза. Чистая, одинокая и цѣломудренная жизнь его, постоянная подвижная дѣятельность, большая умѣренность въ пищѣ и питьѣ долго сохраняли ему цвѣтущее здоровье. Несмотря на седьмой десятокъ, онъ оставался бодръ и выносливъ, и хотя совсѣмъ не заботился о здоровьѣ—никогда не бывалъ серьезно боленъ. Разнообразныя личныя воспоминанія о немъ даютъ возможность представить себѣ его день и составить болѣе или менѣе полную картину его привычекъ, обычаевъ и образа жизни въ послѣдній ея періодъ,—періодъ, когда почти всѣ примирились со «странностями» и «чудачествами» Ѳедора Петровича, а многіе поняли, наконецъ, какой свѣтъ и теплоту заключаютъ въ себѣ эти его свойства.

Онъ вставалъ всегда въ шесть часовъ утра и немедленно одѣвшись въ свой традиціонный костюмъ, садился пить, вмѣсто чаю, который онъ считалъ для себя слишкомъ роскошнымъ напиткомъ, настой смородиннаго листа. Если не нужно было ѣхать на Воробьевы горы, онъ до восьми часовъ читалъ и часто самъ изготовлялъ лѣкарства для бѣдныхъ. Въ восемь начинался пріемъ больныхъ. Ихъ сходилось масса. Нечего и говорить, что совѣты были безвозмездны. О научномъ достоинствѣ этихъ совѣтовъ — судить трудно. Надо думать, что увлеченный своею филантропическою дѣятельностью, Ѳедоръ Петровичъ остался при знаніяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, между тѣмъ какъ наука ушла впередъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ очень склонялся къ гомеопатіи. Едва ли и три излюбленныхъ средства съ окончаніемъ на «ель» играли въ его совѣтахъ прежнюю первенствующую роль. Онъ продолжалъ не возлагать особыхъ надеждъ на лѣкарства, а болѣе вѣрилъ цѣлительному значенію условій жизни больного. Такъ, когда къ нему въ 1850 г. обратился за совѣтомъ А. К. Жизневскій, онъ, вмѣсто рецепта, написалъ на лоскуткѣ бумаги: «Si tibi deficiant medici, medici tibe fiant gaec tria: mens hilaris, requies, moberata dieta (schola saleritana)», т.-е., если тебѣ нужны врачи—да будутъ тебѣ таковыми три средства: веселое расположеніе духа, отдыхъ и умѣренная діэта».—Но несомнѣнна любовь бѣдныхъ больныхъ къ «ихъ» доктору, связанная съ безусловнымъ къ нему довѣріемъ. Простые, недостаточные люди видѣли въ немъ не только врача тѣлеснаго, но и духовнаго,—къ нему несли они и разсказъ о недугахъ, и горькую повѣсть о скорбныхъ и тяжкихъ сторонахъ жизни, отъ него получали они иногда лѣкарство или наставленіе, всегда—добрый совѣтъ или нравоученіе, и очень часто—помощь... Нерѣдко несчастливецъ, не столько больной, сколько загнанный жизнью, выходилъ послѣ бесѣды съ нимъ ободренный, съ влаж-

ными глазами, зажимая въ рукѣ данное лѣкарство... отпускаемое изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Въ двѣнадцатомъ часу Гаазъ уходилъ въ полицейскую больницу, а оттуда уѣзжалъ въ тюремный замокъ и въ пересыльную тюрьму. Его старинныя дрожки, облѣзлыя и дребезжащія, престарѣлый и немилосердно обиравшій хозяина кучеръ Егоръ, въ неладно скроенномъ выцвѣтшемъ кафтанѣ, и двѣ, обыкновенно разбитыя на ноги, разношерстныя лошади, были извѣстны всѣмъ москвичамъ. Сѣдокъ и экипажъ, упряжъ и кучеръ были для нихъ чѣмъ-то роднымъ, тѣсно связаннымъ съ тогдашнею внутреннею жизнью Москвы. Отъ всего, что̀ служило къ передвиженію неутомимаго старика, и отъ него самого вѣяло такимъ далекимъ прошлымъ, что москвичи утверждали шутя, будто доктору, кучеру и лошадямъ вмѣстѣ четыреста лѣтъ. Сколько ни старались, съ разныхъ сторонъ, «открыть глаза» Ѳедору Петровичу на продѣлки Егора, онъ ничего не хотѣлъ видѣть и слышать, и держалъ Егора у себя 20 лѣтъ, до самой своей смерти. Не хотѣлъ онъ ни за что разстаться и со старою, безобразною пролеткою. Онъ къ ней привыкъ — и притомъ подъ ея широкимъ кожанымъ фартукомъ было такъ помѣстительно для установки корзинъ со съѣдобнымъ для идущихъ по этапу! Н. Ѳ. Крузе, знавшій Гааза лично, разсказывалъ намъ, со словъ московскихъ старожиловъ, что когда какая-нибудь изъ дряхлыхъ клячъ, на которыхъ ѣздилъ Ѳедоръ Петровичъ, оказывалась вполнѣ негодною для своей службы и оставлялась спокойно доживать свой вѣкъ, онъ отправлялся на конную площадь, гдѣ непремѣнно покупалъ одну изъ лошадей, выведенныхъ на убой татарамъ, — и спасенное отъ ножа животное продолжало жить, неторопливо перебирая разбитыми ногами у истертаго дышла популярной пролетки... Концы по Москвѣ приходилось дѣлать большіе, и проголодавшійся Гаазъ, по словамъ Жизневскаго, иногда останавливался у какой-нибудь пекарни и покупалъ четыре калача — одинъ для себя, одинъ для кучера и два для лошадей. Въ 1850 году почитатели Ѳедора Петровича, желая облегчить ему разъѣзды по Москвѣ, послали ему въ подарокъ, при письмѣ безъ подписи, карету и пару лошадей, но Гаазъ немедленно отправилъ присланное къ извѣстному въ то время каретнику Мякишеву, прося купить все это, оцѣнивъ «по совѣсти», и полученныя затѣмъ деньги немедленно роздалъ бѣднымъ. Обѣдалъ Гаазъ въ пять часовъ, очень рѣдко внѣ дома, при чемъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и ничего не пилъ, но если въ гостяхъ подавали фрукты, то бралъ двойную порцію и клалъ въ карманъ, говоря съ доброю улыбкою: «для больныхъ!» Тотчасъ послѣ обѣда онъ отправлялся по знакомымъ и вліятельнымъ людямъ хлопотать и просить за бѣдныхъ и беззащитныхъ. Въ памяти нѣкоторыхъ изъ этихъ знакомыхъ его образъ запечатлѣлся ярко.

Высокій, широкоплечій, немного сутуловатый, съ крупными чертами широкаго сангвиническаго лица, Гаазъ съ перваго взгляда производилъ болѣе своеобразное, чѣмъ привлекательное впечатлѣніе. Но оно вскорѣ измѣнялось, потому что лицо его оживлялось мягкою, ласковою улыбкою, и изъ нѣжно-пытливыхъ голубыхъ глазъ свѣтилась сознательная и дѣятельная доброта. Всегда ровный въ обращеніи, рѣдко смѣющійся, часто углубленный въ себя, Ѳедоръ Петровичъ избѣгалъ большого общества и бывалъ, случайно въ него попавши, молчаливъ. Но въ обыкновенной бесѣдѣ, вдвоемъ или въ небольшомъ кружкѣ, онъ любилъ говорить... Усѣвшись глубоко въ кресло, положивъ, привычнымъ образомъ, руки на колѣни, немного склонивъ голову и устремивъ прямо предъ собою задумчивый и печальный взоръ, онъ подолгу разсказывалъ... но никогда *о себѣ*, а всегда *о нихъ*, о тѣхъ, по комъ болѣло его сердце. Онъ очень не любилъ разспросовъ лично о себѣ, сердился, когда при немъ упоминали о его дѣятельности, а въ сужденіяхъ о людяхъ былъ, по единогласному отзыву всѣхъ знавшихъ его, «чистъ какъ дитя». Раздавая все, что имѣлъ, никогда не просилъ онъ матеріальной помощи своимъ «несчастнымъ», но радовался, когда ее оказывали. Зная это, его московскіе друзья и знакомые, по словамъ Надежды Михайловны Еропкиной, не давали ему своихъ пожертвованій прямо въ руки, а клали ихъ въ задній карманъ его неизмѣннаго фрака. Старикъ добродушно улыбался и дѣлалъ видъ, что этого не замѣчаетъ. Въ послѣдніе годы, однако, онъ сталъ разсѣянъ и забывчивъ, такъ что подчасъ деньги, положенныя въ его фракъ, не доходили до цѣли, попадая въ ловкія и своекорыстныя руки. Тогда, по молчаливому общему соглашенію, ему стали класть свертки звонкой монеты (въ то время золото было въ обычномъ обращеніи, также какъ и серебряные рубли), которые, оттягивая его карманъ и ударяя по ногамъ, напоминали ему о себѣ.

Одѣвался онъ чисто, но бѣдно; фракъ былъ истертый, съ неизбѣжнымъ Владиміромъ въ петлицѣ; старые черные чулки, много разъ заштопанные, пестрѣли дырочками. Гаазу было тягостно всякое вниманіе лично къ нему. Поэтому онъ, несмотря на настойчивыя просьбы друзей и знакомыхъ, несмотря на письменную просьбу лондонскаго библейскаго общества, ни за что не дозволялъ снять съ себя портрета. Сохранившійся чрезвычайно рѣдкій портретъ его въ профиль нарисованъ тайно отъ него художникомъ, котораго спряталъ за ширмы князь Щербатовъ, усадившій предъ собою на долгую бесѣду ничего не подозрѣвавшаго Ѳедора Петровича. Одинокій, весь погруженный въ мысль о другихъ, онъ лично, по выраженію поэта, «не былъ любящей рукой ни охраненъ, ни обезпеченъ». Однажды, придя къ Н. М. Еропкиной, принявъ въ креслѣ свою любимую позу и начавъ говорить о видѣнномъ имъ при отправленіи послѣдней этапной партіи, онъ вынулъ

изъ кармана какую-то ветхую тряпицу, служившую ему платкомъ. Увидѣвъ это, слушательница, обойдя за спиною повѣствовавшаго старика, достала изъ комода хорошій батистовый платокъ и, молча взявъ изъ руки Гааза тряпицу, вложила взамѣнъ ея платокъ. Ѳедоръ Петровичъ улыбнулся, ласково взглянулъ на нее и сталъ продолжать свой разсказъ. «Однако одного платка ему мало, онъ его потеряетъ, забудетъ...»—подумала Еропкина, и, доставъ изъ комода еще одиннадцать платковъ, тихонько положила ихъ въ карманъ свѣсившейся съ кресла фалды его фрака. Но Ѳедоръ Петровичъ почувствовалъ это, обернулся, досталъ всѣ платки—и вдругъ глаза его наполнились слезами, онъ схватилъ Еропкину за руки и голосомъ, котораго она не могла позабыть, сказалъ: «Oh! merci, merci! *ils* sont si malheureux!» Онъ не могъ допустить, чтобы это могла быть забота о немъ, а не о *нихъ*, ради которыхъ такъ свѣтло и чисто догорала его жизнь!

Онъ очень любилъ дѣтей. И дѣти ему платили тѣмъ же, шли къ нему съ довѣріемъ, лѣзли на него, ласкали его и теребили. Между ними завязывались разговоры, прерываемые шутками старика и звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ сажалъ ихъ на колѣни, смотрѣлъ въ ихъ чистые, правдивые глаза и часто, съ умиленнымъ выраженіемъ лица, возлагалъ имъ на голову руки, какъ бы благословляя ихъ. По словамъ супруги нашего великаго писателя, графини С. А. Толстой, онъ любилъ продѣлывать съ дѣтьми шутливое перечисленіе «необходимыхъ добродѣтелей». Взявъ маленькую дѣтскую ручонку, растопыривъ ея пальчики, онъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ, загибая большой палецъ, говорилъ:—«благочестіе», загибая указательный — «благонравіе», «вѣжливость» и т. д., пока не доходилъ до мизинца. «Не лгать!» — восклицалъ онъ многозначительно:—«не лгать, не лгать, не лгать!» — повторялъ онъ, потрясая за мизинецъ руку смѣющагося дитяти...

Такъ дожилъ онъ до 1853 года—весь проникнутый дѣятельною любовью къ людямъ, осуществлять которую въ тогдашнее время, при развившейся до крайности формалистикѣ и суровой подозрительности, было не легко. Общество, наконецъ, поняло этого «чудака» и стало сознавать всю цѣну его личности и дѣятельности. «Когда я, въ началѣ 50-хъ годовъ,— пишетъ намъ авторъ «Года на Сѣверѣ» и «Крылатыхъ словъ»,— студенствовалъ въ университетѣ, намъ, медикамъ, имя Гааза было не только извѣстно, но мы искали случая взглянуть на эту знаменитую личность — и я хорошо помню его наружность, а также главнымъ образомъ и то, что онъ уже и тогда былъ причисленъ къ лику святыхъ и таковымъ разумѣлся во всѣхъ слояхъ московскаго населенія». Не такъ, однако, смотрѣлъ, стоявшій надъ этими слоями, графъ Закревскій, которому весьма не нравилась тревожная и хлопотливая дѣятельность «утрированнаго филантропа», посто-

янно нарушавшая пріятное сознаніе, что въ Москвѣ «все обстоитъ благополучно».

Богъ знаетъ, въ какой формѣ осуществился бы практически взглядъ гр. Закревскаго на Гааза, но судьбѣ угодно было избавить графа отъ докучныхъ хлопотъ о немъ. Общая освободительница—смерть—освободила его отъ «утрированнаго филантропа». Она подошла неожиданно. Въ началѣ августа 1853 г. Өедоръ Петровичъ заболѣлъ. У него сдѣлался громадный карбункулъ, и вскорѣ надежда на излѣченіе была потеряна. «Я засталъ его,— пишетъ А. К. Жизневскій,— не среди больныхъ, труждающихся и обремененныхъ; онъ самъ былъ боленъ и сидѣлъ въ своей комнатѣ, за ширмами, въ вольтеровскихъ креслахъ; на немъ былъ халатъ и его прекрасную голову не покрывалъ уже историческій парикъ. Его лицо, какъ и всегда, сіяло какимъ-то святымъ спокойствіемъ и добротою; благоговѣніе къ этому человѣку охватило меня, и я хотѣлъ поцѣловать его руку, но удержался, боясь его разстроить»... Онъ не могъ лежать, сидѣлъ постоянно въ креслѣ и очень страдалъ. «Несмотря на болѣзнь, благообразное старческое лицо его выражало по обыкновенію доброту и привѣтливость,— говоритъ его современница Е. А. Драшусова. Онъ не только не жаловался на страданія, но вообще ни слова не говорилъ ни о себѣ, ни о своей болѣзни, а безпрестанно занимался своими бѣдными больными, заключенными,—дѣлалъ распоряженія, какъ человѣкъ, который готовится въ далекій путь, чтобы остающимся послѣ него было какъ можно лучше. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ, забывая себя для другихъ. Онъ зналъ, что скоро умретъ, и былъ невозмутимо спокоенъ; ни одна жалоба, ни одно стенаніе, не вырвались изъ груди его; только разъ сказалъ онъ своему другу, доктору Полю: «я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ вынести столько страданій»... Но страданія эти были непродолжительны — и конецъ былъ тихъ... «Когда Өедоръ Петровичъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ перенести себя въ большую комнату своей скромной квартиры, открыть входныя двери и допускать къ себѣ всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, кто желалъ его видѣть, проститься съ нимъ и *отъ него* услышать слово утѣшенія...

Вѣсть о безнадежномъ состояніи Өедора Петровича подѣйствовала удручающимъ образомъ на служащихъ при пересыльной тюрьмѣ. Они обратились къ своему священнику, о. Орлову, съ просьбою отслужить, въ ихъ присутствіи, обѣдню о выздоровленіи больного. Не рѣшаясь это исполнить въ виду того, что Гаазъ не былъ православнымъ, о. Орловъ отправился заявить о своемъ затрудненіи митрополиту Филарету—и вспоминаетъ нынѣ, что Филаретъ молчалъ съ минуту, потомъ поднялъ руку для благословенія и восторженно сказалъ: «Богъ благословилъ молиться о всѣхъ живыхъ—и я тебя благословляю! Когда надѣешься ты быть у Өедора Петровича съ просфорой?» — и получивъ отвѣтъ, что въ

два часа, прибавилъ: — «отправляйся съ Богомъ, — мы съ тобой увидимся у Өедора Петровича»... И когда о. Орловъ, отслуживъ обѣдню и помолясь о Гаазѣ, «о которомъ не можетъ вспомнить безъ благодарныхъ слезъ», подъѣзжалъ къ его квартирѣ, карета московскаго владыки стояла уже у крыльца его стараго сотрудника и горячаго съ нимъ спорщика...

16-го августа Гааза не стало. Его не тотчасъ вынесли въ католическую церковь, а оставили въ квартирѣ, чтобы дать массѣ желающихъ возможность поклонитьси его праху въ той обстановкѣ, въ которой большинство приходившихъ получало его совѣты. Тлѣніе пощадило его до самыхъ похоронъ, — привычная добрая улыбка застыла на губахъ. На похороны стеклось до двадцати тысячъ человѣкъ и гробъ несли на рукахъ до кладбища на Введенскихъ-горахъ. Разсказываютъ, что, почему-то опасаясь «безпорядковъ», Закревскій прислалъ спеціально на похороны полиціймейстера Цинскаго съ казаками; но когда Цинскій увидѣлъ искреннія и горячія слезы собравшагося народа, то онъ понялъ, что трогательная простота этой церемоніи и возвышающее душу горе толпы служатъ лучшею гарантіею спокойствія. Онъ отпустилъ казаковъ и, вмѣшавшись въ толпу, пошелъ пѣшкомъ на Введенскія-горы.

На этихъ Введенскихъ-горахъ, въ V разрядѣ католическаго кладбища, было предано землѣ тѣло Өедора Петровича. На могилѣ его, оставшійся неизвѣстнымъ другъ поставилъ памятникъ въ видѣ гранитной глыбы съ отшлифованнымъ гранитнымъ же крестомъ, съ надписью на ней: Fredericus Josephus Haas, natus Augusti MDCCLXXX, denatus XVI Aug. MDCCCLIII — и съ написаннымъ по-латыни 37-мъ стихомъ XII главы отъ Луки (beati servi illi, quos etc...): «Блаженни раби тіи, ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ: аминь глаголю вамъ, яко препояшется и посадитъ ихъ и приступивъ послужитъ имъ». Памятникъ этотъ былъ въ концѣ 80-хъ годовъ очень запущенъ, но въ послѣднее время возобновленъ по распоряженію московскаго тюремнаго комитета. Скромная квартира Гааза опустѣла. Все оставшееся послѣ него имущество оказалось состоящимъ изъ нѣсколькихъ рублей и мелкихъ мѣдныхъ денегъ, изъ плохой мебели, поношенной одежды, книгъ и астрономическихъ инструментовъ. Отказывая себѣ во всемъ, старикъ имѣлъ одну слабость: онъ покупалъ, по случаю, телескопы и разные къ нимъ приборы — и, усталый отъ дневныхъ заботъ, любилъ, по ночамъ, смотрѣть на небо, столь близкое, столь понятное его младенчески-чистой душѣ.

Осталась также и рукопись сочиненія на французскомъ языкѣ: «Appel aux femmes». Мы уже упоминали о немъ. Изданное другомъ покойнаго, докторомъ Полемъ, оно составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Въ этомъ, своего рода духовномъ завѣщаніи, Гаазъ, въ формѣ обращенія къ русскимъ женщинамъ, излагаетъ тѣ нравственныя и религіозныя начала, кото-

рыми была проникнута его жизнь, и старается систематизировать проявленія любви къ людямъ и состраданія ихъ несчастію, составлявшія движущую силу, principium movens, его вседневной дѣятельности. «Вы призваны содѣйствовать перерожденію общества,—пишетъ Гаазъ, обращаясь къ женщинамъ, — и этого вы достигнете, дѣйствуя и мысля въ духѣ кротости, терпимости, справедливости, терпѣнія и любви. Поэтому, избѣгайте злословія, заступайтесь за отсутствующихъ и беззащитныхъ, оберегайте окружающихъ отъ вредныхъ увлеченій, вооружаясь твердо и мужественно противъ всего низкаго и порочнаго, не допускайте близкихъ до злоупотребленія виномъ, до увлеченія картами... Берегите свое здоровье. Оно необходимо, чтобы имѣть силы помогать ближнимъ, оно — даръ Божій, въ растратѣ котораго безъ пользы для людей придется дать отвѣтъ предъ своею совѣстью. Содѣйствуйте, по мѣрѣ силъ, учрежденію и поддержанію больницъ и пріютовъ для неимущихъ, для сиротъ и для людей въ преклонной старости, покинутыхъ, безпомощныхъ и безсильныхъ. Не останавливайтесь въ этомъ отношеніи предъ матеріальными жертвами, не задумывайтесь отказываться отъ роскошнаго и ненужнаго. Если нѣтъ собственныхъ средствъ для помощи, просите кротко, но настойчиво у тѣхъ, у кого они есть. Не смущайтесь пустыми условіями и суетными правилами свѣтской жизни. Пусть требованіе блага ближняго одно направляетъ ваши шаги! Не бойтесь возможности уничиженія, не пугайтесь отказа... *Торопитесь дѣлать добро!* Умѣйте прощать, желайте примиренія, побѣждайте зло добромъ. Не стѣсняйтесь малымъ размѣромъ помощи, которую вы можете оказать въ томъ или другомъ случаѣ. Пусть она выразится подачею стакана свѣжей воды, дружескимъ привѣтомъ, словомъ утѣшенія, сочувствія, состраданія,—и то хорошо... Старайтесь поднять упавшаго, смягчить озлобленнаго, исправить нравственно-разрушенное». Подкрѣпляя эти, разсыпанныя по всей книгѣ, наставленія житейскими примѣрами и ссылками на слова Христа, Гаазъ не можетъ отрѣшиться отъ глубокой вѣры въ хорошіе задатки нравственной природы человѣка. «Любовь и состраданіе живутъ въ сердцѣ каждаго!—восклицаетъ онъ:—зло есть результатъ лишь ослѣпленія. Я не хочу, я не могу вѣрить, чтобы можно сознательно и хладнокровно причинять людямъ терзанія, заставляющія иногда пережить тысячу смертей до наступленія настоящей... «Не вѣдаютъ чтò творятъ»—святыя и трогательныя слова, смягчающія вину однихъ, несущія утѣшеніе другимъ. Вотъ почему надо быть прежде всего снисходительнымъ... Способность къ такому снисхожденію не есть какая-либо добродѣтель, это—простая справедливость!» Во имя этой же справедливости онъ многократно возвращается къ вопросу объ отношеніяхъ хозяевъ и господъ къ тѣмъ, «кто у нихъ служитъ или отъ нихъ зависитъ», ссылаясь на посланіе ап. Павла къ Тимоѳею (I. V. 8.). «Дока-

зывайте словомъ и дѣломъ ваше расположеніе къ нимъ, — говорить онъ,—не отдавайте ихъ во власть или подъ надзоръ людей недостойныхъ, воспретите себѣ и всѣмъ въ домѣ вашемъ брань на служащихъ и презрительное отношеніе къ нимъ, читайте и разъясняйте имъ нравоучительныя книги, охраняйте нравственность ихъ, покровительствуйте ихъ браку, и пусть день воскресный будетъ посвящаемъ уже не вамъ—а Богу»...

Проповѣдь любви, уваженія къ человѣческому достоинству и серьезнаго отношенія къ жизни разлита по всей книгѣ, написанной сильнымъ, энергическимъ языкомъ, съ горячими и глубоко прочувствованными обращеніями къ читателю. Авторъ отразился въ ней какъ въ зеркалѣ, и то, что̀ сказано имъ по *смерти*, только освѣщаетъ и подкрѣпляетъ то, что̀ дѣлалъ онъ при *жизни*. Этимъ полнымъ, гармоническимъ согласіемъ слова и дѣла, — при чемъ слово пришло послѣ дѣла и лишь завершило его, — этимъ сочетаніемъ, столь рѣдкимъ въ дѣйствительности, такъ ярко характеризуется Гаазъ! Онъ умеръ съ твердой вѣрою «въ міръ иной и въ жизнь другую» и могъ, съ полнымъ правомъ, повторить слова Руссо: «пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда, я предстану съ этой книгою предъ Верховнаго Судію и скажу: вотъ что̀ я дѣлалъ, что̀ я думалъ и чѣмъ я былъ!»

Кончина Ѳедора Петровича и его внушительныя похороны произвели большое впечатлѣніе въ Москвѣ. Явились теплые некрологи, болѣе впрочемъ богатые фразами, чѣмъ фактами; было собрано чрезвычайное засѣданіе тюремнаго комитета, въ которомъ вице-президентъ, гражданскій губернаторъ Капнистъ, произнесъ рѣчь по поводу постигшей комитетъ утраты. «Убѣжденія и усилія Ѳедора Петровича, — сказалъ онъ, между прочимъ, — доходили часто до фанатизма, ѐсли такъ можно назвать благородныя его увлеченія; но это былъ фанатизмъ добра, фанатизмъ состраданія къ страждущимъ, фанатизмъ благотворенія — этого благодатнаго чувства, облагораживающаго природу человѣка»... Между сослуживцами Гааза была открыта подписка на образованіе капитала для выдачи, въ день кончины Ѳедора Петровича, процентовъ съ него бѣднымъ семействамъ арестантовъ; рѣшено было для этой же цѣли отчислить изъ суммъ комитета 1.000 руб. Это рѣшеніе было утверждено президентомъ попечительнаго общества, графомъ Орловымъ, изъявившимъ комитету свою благодарность за чувства, выраженныя имъ о христіанской дѣятельности покойнаго Гааза.

Наконецъ, въ «Москвитянинѣ» 1853 г. было напечатано стихотвореніе С. П. Шевырева «На могилу Ѳ. П. Гааза», помѣченное 19 августа:

«Въ темницѣ былъ—и посѣтили»—
Слова любви, слова Христа,
Отъ лѣтъ невинныхъ намъ вложили
Души наставники въ уста.

Блаженъ, кто, твердый, снесъ въ могилу
Святого разума ихъ силу,
И, сердце теплое свое
Открывъ Спасителя ученью,
Все—состраданьемъ къ преступленью
Наполнилъ жизни бытіе!»

Вскорѣ, однако, за этимъ подъемомъ чувства наступило обычное у насъ равнодушіе и забвеніе, и память «фанатика добра» стала блекнуть и исчезать. Никто своевременно не собралъ любящею рукою живыхъ воспоминаній о немъ, и объемъ ихъ сталъ съ каждымъ годомъ, съ каждою смертью людей, знавшихъ его, съуживаться. Не нашлось никого, кто бы тотчасъ, подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ, съ умиленіемъ предъ личностью «утрированнаго филантропа», набросалъ дрожащею отъ душевнаго порыва рукою его «житіе». *Знавшіе* его замкнулись въ область личныхъ воспоминаній и не почувствовали потребности повѣдать *не знавшимъ* о томъ, что такое былъ Гаазъ. Только Евгенія Туръ, чрезъ девять лѣтъ послѣ его смерти, въ нѣсколькихъ прочувствованныхъ словахъ помянула «Божія человѣка, который ждетъ своего біографа», — да, по прошествіи еще шести лѣтъ, П. А. Лебедевъ въ довольно большомъ очеркѣ, къ сожалѣнію страдающемъ нѣкоторыми фактическими неточностями, обрисовалъ главныя черты тюремно-благотворительной дѣятельности Ѳедора Петровича. Но и эти напоминанія прошли, повидимому, безслѣдно, ибо въ настоящее время въ нашемъ обществѣ имя Гааза звучитъ, какъ нѣчто совершенно-незнакомое, чуждое и не вызывающее никакихъ представленій. Даже среди образованныхъ людей, соприкасающихся съ тюремнымъ и судебнымъ дѣломъ, даже среди врачей, которымъ слѣдовало бы съ чувствомъ справедливой гордости помнить о главномъ врачѣ московскихъ тюремъ, имя его вызываетъ недоумѣвающій вопросъ: «Гаазъ?—кто такой Гаазъ?—что̀ такое Гаазъ?»

Таково, впрочемъ, свойство нашего образованнаго общества, нашей такъ-называемой «интеллигенціи». Мы мало умѣемъ поддерживать сочувствіемъ и уваженіемъ тѣхъ немногихъ дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, на которыхъ такъ скупа наша судьба. Мы смотримъ обыкновенно на ихъ усилія, трудъ и самоотверженіе съ безучастнымъ и лѣнивымъ любопытствомъ, «съ зловѣщимъ тактомъ,—какъ выразился Некрасовъ, — сторожа ихъ неудачу». Но когда такой человѣкъ внезапно сойдетъ со сцены, въ насъ вдругъ пробуждается чувствительность, проснувшаяся память ясно рисуетъ и пользу, принесенную усопшимъ, и его душевную красоту,—мы плачемъ поспѣшными, хотя и запоздалыми слезами, въ безплодномъ усердіи несемъ ненужные вѣнки... Каждое слово наше проникнуто чувствомъ нравственной осиротѣлости. Однако все это скоро, очень скоро проходитъ. Скорбь наша менѣе долговѣчна, чѣмъ башмаки матери Гамлета. На смѣну ея являются равнодушіе и, затѣмъ, забвеніе. Чрезъ годъ—другой

горячо оплаканный дѣятель забытъ, забытъ совершенно и прочно, и лишь въ немногія молчаливыя сердца память о немъ, «какъ нищій въ дверь — стучится боязливо». Затѣмъ и обладатели этихъ сердецъ уходятъ, и имя, которое должно бы служить ободряющимъ и поучительнымъ примѣромъ для каждаго новаго поколѣнія, уже произносится съ вопросительнымъ недоумѣніемъ: «какъ? кто это такой?» У насъ нѣтъ вчерашняго дня. Оттого и нашъ завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго или государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги... а затѣмъ все сомкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто...

Но если, вѣрное себѣ, наше общество не сохранило памяти о Гаазѣ, «темные люди», бѣдняки и даже отверженцы общества поступили иначе. Они не забыли. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ называетъ бывшую полицейскую больницу—«гаазовскою». Арестантъ, отправляемый по этапу, знаетъ, что надѣтые на него облегченные кандалы зовутся «гаазовскими», да въ отдаленномъ нерчинскомъ острогѣ, по свидѣтельству И. А. Арсеньева, теплится лампада предъ иконою св. Ѳеодора Тирона, сооруженною заключенными на свои скудные заработки по полученіи вѣсти о смерти «святого доктора»...

Не забытъ Гаазъ и въ тѣсной средѣ врачей «гаазовской», нынѣ Александровской больницы. На средства, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей, собранныя однимъ изъ преемниковъ его, докторомъ Шайкевичемъ, содержится въ ней кроват «имени Ѳ. П. Гааза», а бюстъ «утрированнаго филантропа» напоминаетъ о томъ, кому больница обязана своимъ существованіемъ. Будемъ, однако, надѣяться, что память о Ѳедорѣ Петровичѣ Гаазѣ не окончательно умретъ и въ широкомъ кругѣ образованнаго общества. Память о людяхъ, подобныхъ ему, должна быть поддерживаема, какъ свѣтильникъ, льющій кроткій, примирительный свѣтъ. Въ этой памяти—единственная награда безкорыстнаго, святого труда такихъ людей; въ ея живучести—утѣшеніе для тѣхъ, на кого могутъ нападать минуты малодушнаго невѣрія въ возможность и осуществимость добра и справедливости на землѣ. Люди, подобные Гаазу, должны быть близки и дороги обществу, если оно не хочетъ совершенно погрязнуть въ низменной суетѣ эгоистическихъ разсчетовъ. На одной изъ могилъ, окружающихъ крестъ надъ прахомъ Ѳ. П. Гааза, есть надпись: «Wer im Gedächtniss seinen Lieben lebt—ist ja nicht todt, er ist nur fern!—Todt ist nur der—der vergessen wird»... Хочется думать, что великодушному и чистому старику не будетъ дано умереть совсѣмъ, что его нравственный образъ не потускнѣетъ, что физическая смерть лишь удалила его, но не умертвила памяти о немъ.

Въ заключеніе нельзя не остановиться еще на одной поучительной сторонѣ жизни Өедора Петровича. У насъ встрѣчается, хотя и рѣдко высказываемое прямо, но раздѣляемое очень многими, убѣжденіе, что между созданіями художественнаго творчества и дѣствительностью существуетъ рѣзкое и непримиримое различіе. Книга, говорятъ приверженцы этого взгляда, содержитъ обыкновенно вымыселъ, не находящій себѣ подтвержденія въ *настоящей* жизни и очень часто сурово опровергаемый ею. Поэтому, книга, и жизнь—двѣ совершенно разныя вещи,—и горе тому идеалисту, который вздумаетъ жить по внушеніямъ книги! Надъ книжнымъ вымысломъ можно, пожалуй, поплакать праздными слезами, можно восторгаться имъ, задумываться надъ нимъ, уносясь отъ грѣшной земли въ сочиненныя поэтами сферы отвлеченныхъ чувствъ, но жизнь гораздо проще, грубѣе и зауряднѣе. Въ ней нѣтъ матеріала для подъема духа; все въ ней приноровлено къ потребностямъ средняго человѣка, и вся задача ея состоитъ въ отысканіи и примѣненіи способовъ для практическаго удовлетворенія этимъ потребностямъ. Поэтому, отчего не восхититься поэтическимъ образомъ, не воспылать мимолетнымъ негодованіемъ, не умилиться надъ хорошею книгою. Все это очень даже умѣстно, но... только покуда читается книга. А разъ она отложена въ сторону, начинается пѣсня «изъ другой оперы», и снова наступаетъ *настоящая* жизнь, низменная, практическая, эгоистическая, въ которой господствуетъ знаменитая апокрифическая, *одиннадцатая* заповѣдь: «не зѣвай»! Однимъ словомъ—книга сама по себѣ, жизнь—сама по себѣ...

Все это, однако, невѣрно. Между творческимъ созданіемъ и явленіями дѣйствительной жизни очень много общаго. Каждый пастырь церкви, достойный своего сана,—каждый внимательный и развитый врачъ,—каждый вдумчивый судья—безъ сомнѣнія знаютъ, что жизнь въ своихъ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ являетъ такія драмы, завязываетъ такіе гордіевы узлы, предъ которыми блѣднѣетъ иной смѣлый вымыселъ. Они знаютъ также, что въ ней встрѣчаются страницы, исполненныя истинной поэзіи и явнаго присутствія высшихъ проявленій человѣческаго духа,—страницы, подъ которыми подписался бы съ готовностью любой художникъ. Знающіе дѣйствительность не съ одной чувственно-своекорыстной стороны, должны указывать молодому поколѣнію, что книга жизни заключаетъ въ себѣ, только въ другихъ сочетаніяхъ, то же самое, что и книга, составляющая плодъ художественнаго творчества,—что обѣ одинаково даютъ матеріалъ и для сладкихъ слезъ, и для горькихъ сомнѣній, и для возвышающихъ душу порывовъ, и для будящихъ совѣсть тревогъ и откровеній.

Кто изъ читавшихъ знаменитый романъ Виктора Гюго: «Les misérables», не помнитъ трогательнаго разсказа объ епископѣ Миріелѣ, пріютившемъ и обогрѣвшемъ у себя отбывшаго каторгу

Жана Вальжана, котораго отовсюду гонятъ съ его «волчьимъ паспортомъ»? Переночевавъ, послѣдній потихоньку уходитъ и, искушенный видомъ серебряныхъ ложекъ, поданныхъ наканунѣ къ ужину, похищаетъ ихъ. Его встрѣчаютъ жандармы, заподозриваютъ и приводятъ съ поличнымъ къ епископу, — но, движимый глубокимъ милосердіемъ, Миріель привѣтливо идетъ къ нему на встрѣчу и съ ласковой улыбкою спрашиваетъ: «отчего же, другъ мой, вы не взяли и серебряныхъ подсвѣчниковъ, которые я вамъ тоже подарилъ?» Толчокъ для нравственнаго перерожденія данъ, и Вальжанъ, духовно поднятый и просвѣтленный, вступаетъ въ новую жизнь... Таковъ поэтическій вымыселъ, созданный талантомъ и глубокимъ чувствомъ французскаго поэта... Но вотъ что́, по словамъ двухъ современниковъ Гааза, случилось въ сороковыхъ годахъ, лѣтъ за двадцать до появленія въ свѣтъ «Les misérables», въ Москвѣ, въ Маломъ Казенномъ переулкѣ. Одинъ изъ пришедшихъ къ Гаазу, въ числѣ бѣдныхъ больныхъ, укралъ у него со стола часы, но былъ захваченъ съ поличнымъ, не успѣвъ выйти за ворота. Ѳедоръ Петровичъ, запретивъ посылать за полиціею, позвалъ похитителя къ себѣ, долго съ нимъ бесѣдовалъ о его поступкѣ, совѣтовалъ лучше обращаться къ добрымъ людямъ за помощью и въ заключеніе, взявъ съ него честное слово не воровать болѣе, отдалъ ему, къ великому негодованію своей домовитой и аккуратной сестры, свои наличныя деньги и съ теплыми пожеланіями отпустилъ его.

Многіе, конечно, знаютъ трогательную католическую легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ, мастерски разсказанную Флоберомъ, и переведенную на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. — Она оканчивается разсказомъ о томъ, какъ Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго отвратительною проказою. Худыя плечи, грудь и руки путника исчезаютъ подъ чешуйками гноевыхъ прыщей, и изъ зіяющаго, какъ у скелета, носа и синеватыхъ губъ его отдѣляется зловонное и густое какъ туманъ дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, послѣ чего столъ, ковшъ и ручка ножа покрываются подозрительными пятнами,—старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: «на твою постель!» и требуетъ, затѣмъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ него, а потомъ—чтобы онъ раздѣлся и грѣлъ его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается; «я умираю! — восклицаетъ онъ, — обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ твоимъ!» Юліанъ обнимаетъ его, цѣлуетъ въ смердящія уста... «Тогда, — повѣствуетъ Флоберъ,—прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ—и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладона, и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣснь. Неизъяснимый во-

сторгъ, нечеловѣческая радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его въ небо»...

Это — легенда, — это — трогательный поэтическій вымыселъ на религіозной подкладкѣ. А вотъ дѣйствительность... Директоръ госпитальной клиники московскаго университета, профессоръ Новацкій, пишетъ намъ 19 іюня 1891 года, о Ѳ. П. Гаазѣ: «Я принадлежу Москвѣ съ 1848 года. Во время моего студенчества я не имѣлъ чести не только знать, но и видѣть Ѳедора Петровича, а годъ моего поступленія на службу въ одну изъ клиникъ московскаго университета — 1853 — былъ, кажется, годомъ его смерти. Правда, въ это короткое время мнѣ, какъ дежурному по клиникѣ ассистенту, пришлось принять одинъ разъ въ Екатерининской больницѣ, гдѣ клиники находились, — Ѳедора Петровича и представить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную — крестьянскую дѣвочку. Одиннадцати-лѣтняя мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака* (Noma), который въ теченіе 4—5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица, вмѣстѣ со скелетомъ носа и однимъ глазомъ. Кромѣ быстроты теченія и жестокости испытываемыхъ дѣвочкою болей, случай этотъ отличался еще тѣмъ, что разрушенныя омертвѣніемъ ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоніе, подобнаго которому я не обонялъ затѣмъ въ теченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ *и нѣжно любившая ее мать*, не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а въ третій — дѣвочка скончалась...»

X.

ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ.

Рѣчь въ Юридическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ 23-го декабря 1895 года.

Наше время упрекаютъ—и не безъ основанія—въ измельчаніи личности и въ господствѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Оба эти явленія въ тѣсной связи между собою—и оба печально отражаются на духовномъ складѣ общественной жизни. Личность чаще и чаще умаляется, стушевывается, изъ сознательнаго и нравственно отвѣтственнаго «*я*» стремится укрыться подъ безличное «*мы*». Слабѣетъ воля, тускнѣютъ идеалы и все рѣже встрѣчаются такъ называемые характеры. Современный образованный человѣкъ можетъ, если хочетъ, обладать гораздо большимъ богатствомъ по части знанія чѣмъ его отцы и дѣды; онъ окруженъ и гораздо болѣе удобною внѣшнею обстановкою: масса техническихъ открытій облегчаетъ ему пользованіе матеріальной стороною жизни. Но на ряду съ этою возможностью широкаго знанія и съ этими удобствами въ немъ не рѣдко замѣчается недостатокъ нравственной силы и дѣятельнаго отношенія къ жизни во всемъ, что не касается узко-личныхъ, по большей части мелкихъ, интересовъ. Слова графа Уварова: «les circonstances sont infiniment grandes et les hommes enfiniment petits»—звучатъ подчасъ горькою правдою. Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ указываетъ на особое состояніе, называемое «равновѣсіемъ уменьшенныхъ силъ», при которомъ ни одна изъ способностей организма не уничтожена, но всѣ онѣ равномѣрно ослаблены и, такъ сказать, укорочены. Господство такого же равновѣсія уменьшенныхъ силъ въ области труда, энергіи, отзывчивости, дѣятельной

любви—замѣчается и во многихъ областяхъ нашей общественной жизни. Къ этому присоединяется замыканіе себя въ узкую спеціальность, которая сторонится отъ живого и многоструйнаго теченія жизни—и вырабатываетъ въ своемъ обладателѣ равнодушное и даже презрительное отношеніе ко всему, что лежитъ внѣ ея области. Подъ вліяніемъ всего этого часто утрачивается интересъ къ прошлому и вѣра въ будущее. «Вчерашній день» ничего не говоритъ забывчивому, одностороннему и лѣнивому мышленію,—а день грядущій представляется лишь какъ повтореніе мелкихъ и личныхъ житейскихъ приспособленій.

Тѣмъ болѣе цѣнны люди съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, чей многосторонній и безкорыстный трудъ не можетъ проходить безслѣдно для общества,—служенію интересамъ и развитію самосознанія котораго онъ былъ всецѣло отданъ. Чѣмъ шире и разнороднѣе дѣятельность такихъ людей, тѣмъ интереснѣе ихъ личность,—чѣмъ богаче духовными дарами эта личность, тѣмъ глубже и плодотворнѣе результаты ея дѣятельности.

Къ такимъ людямъ принадлежалъ почившій лѣтомъ истекшаго года—Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Ученый, глубокій знатокъ и работникъ въ области искусства, опытный законовѣдъ и судебный практикъ, писатель и блестяще образованный человѣкъ, почетный членъ академіи художествъ и наукъ и заслуженный членъ высшаго кассаціоннаго суда—Ровинскій былъ не только во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся, но и въ высшей степени своеобразнымъ, цѣльнымъ и интереснымъ человѣкомъ. Въ немъ жила неутолимая жажда дѣятельности и живого труда и онъ не зарылъ въ землю, какъ «рабъ лѣнивый и лукавый», талантъ своихъ обширныхъ знаній, проницательность ума и теплоту добраго сердца. Всю жизнь служа родинѣ и искусству, онъ сложилъ свои трудовыя руки лишь лицомъ къ лицу со смертью...

Личность и дѣятельность его не должны,—не могутъ быть забыты...

Его заслуги въ области исторіи искусства требуютъ—и, конечно, дождутся—особыхъ, подробныхъ изслѣдованій. Въ настоящемъ сообщеніи я лишь коснуся ихъ—настолько, насколько въ нихъ выразилась личность покойнаго, и остановлюсь преимущественно на его служебной дѣятельности и на посильной характеристикѣ, по своимъ воспоминаніямъ, его личности.

Государственная служба Ровинскаго началась, когда ему еще не было полныхъ двадцати лѣтъ. Родившійся 16-го августа 1824 года, онъ былъ опредѣленъ на службу въ седьмой Департаментъ Сената 13-го іюня 1844 г., тотчасъ по окончаніи курса, однимъ изъ первыхъ, въ училищѣ правовѣдѣнія. Седьмой Департаментъ, гдѣ

уже въ декабрѣ 1844 года Ровинскій занялъ должность помощника секретаря, находился въ Москвѣ. Въ «бѣлокаменную» влекли молодого юриста воспоминанія дѣтства и родственныя отношенія. Тамъ прожилъ до самой своей смерти, въ 1838 г., его отецъ, женатый на дочери лейбъ-медика Екатерины II—Мессинга, участникъ войнъ съ Наполеономъ и командиръ нижегородскаго ополченія въ 1812 году, бывшій затѣмъ, до 1830 года, вторымъ полиціймейстеромъ Москвы и дѣятельнымъ сотрудникомъ старшаго полиціймейстера генерала Шульгина по устройству городской пожарной команды. Къ изображенію Шульгина въ «Русскихъ гравированныхъ портретахъ» Ровинскаго приложенъ такой характерный отзывъ объ этомъ оригиналѣ графа Н. Н. Муравьева-Карскаго: «человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальнихъ соображеній, постоянно былъ употребляемъ въ должности полиціймейстера и къ ней имѣлъ особое призваніе—большой крикунъ, хлопотунъ, любившій разсказывать о своихъ подвигахъ, тушить пожары и иногда своеручно поколотить...» Эта любовь его къ тушенію пожаровъ, искусно направляемая отцомъ Д. А. Ровинскаго, имѣла своимъ послѣдствіемъ образцовую по тому времени организацію пожарной команды, которою москвичи гордились предъ иностранными гостями, а рѣзецъ народныхъ художниковъ запечатлѣлъ въ лубочныхъ листахъ подъ названіемъ: «Дѣйствіе московской Пожарной Команды во время Пожара», при чемъ Шульгинъ нарисованъ мчащимся, парою, стоя на «колиберѣ», въ сопровожденіи казака и жандарма.

Съ начала 1848 г., Ровинскій, оставивъ Сенатъ, исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго; съ лѣта 1850 г., въ теченіи почти трехъ лѣтъ—обязанности товарища предсѣдателя Московской Уголовной Палаты, а въ августѣ 1853 г. былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учрежденій, имѣли огромное значеніе въ нашемъ до-реформенномъ строѣ. Упраздненіе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ несудебныхъ дѣлъ слѣдуетъ признать большою ошибкою составителей судебныхъ уставовъ. Совершенное измѣненіе въ характерѣ дѣятельности прокурора, придавая ему «обвинительную» обособленность, быть можетъ и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поскорѣе расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ дубъ, стоявшій на стражѣ лѣса...

Губернскій прокуроръ съ губернскими стряпчими составлялъ

особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи учрежденіе, такъ называемую «прокурорскую камеру». Оно имѣло надзоръ за всѣми мѣстными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соотвѣтствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: «читалъ». Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія мѣста и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и стряпчіе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и, во многихъ случаяхъ, его обязательными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, обществъ и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *безгласныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ—интересы казны, участвуя въ пріемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—интересы и права частныхъ лицъ, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, людей подлежавшихъ опекѣ по безумію или сумашествію и требуя учрежденія слѣдственныхъ комиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ онъ охранялъ права арестантовъ, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія «безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ» и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной правительственной власти, выдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ, при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя «окомъ царевымъ».

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ представляетъ не мало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями. Борьба эта не всегда была успѣшна, но уже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія ревизіи, несшіяся, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою... Богъ знаетъ, сколько тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено, сколько окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій «поросло бы травой забвенія», еслибы въ широкіе рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864 г. влита энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое

стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесъ на эту должность всю свою молодую—ему было еще только 29 лѣтъ—жизненность и отзывчивость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принесъ и большой опытъ. Служба товарищемъ предсѣдателя Палаты и, главное, губернскимъ стряпчимъ, дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и, въ особенности, административной дѣятельности. Онъ горячо принялся за работу, настойчиво во все вникая и зорко ко всему приглядываясь. Задача московскаго губернскаго прокурора—именно московскаго—за его время была очень нелегкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда, въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское «читалъ» для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній, — область дѣятельности этого прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848 г. въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ 17-лѣтней опалы, какъ—по его собственнымъ словамъ—надежный оплотъ противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ придти съ Запада. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосолъ и нѣжный, слабый отецъ, — этотъ осанистый, полный старикъ, совершенно лысый, съ маленькими хитрыми глазками на кругломъ лицѣ («Русскіе гравированные портреты»), съ выдвинутою впередъ нижнею губою, творилъ судъ и быструю расправу по-своему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напримѣръ, арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. п. Вторженія Закревскаго во всякія дѣла и въ томъ числѣ въ судебныя, особливо гражданскія, были явленіемъ частымъ и безъ сомнѣнія составляли соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много такта и умной настойчивости, чтобы охранять законъ и исполнять свои обязанности, «не взирая на лица». Неслышное и по большей части незамѣтное для окружающаго общества, прямое и косвенное отстаиваніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Недаромъ онъ обращался, при своихъ работахъ по судебному преобразованію, съ суровыми укоризнами къ генералъ-губернаторской власти въ томъ видѣ, какъ ее понималъ и практиковалъ въ свое время графъ Закревскій.

Тяжела была и дѣятельность по чисто-судебной части. Права

губернскаго прокурора были большія, и онъ могъ, съ 1846 года останавливать своими протестами исполненіе приговоровъ Уголовныхъ Палатъ, но не слѣдуетъ забывать, что надъ судомъ и надъ прокуроромъ стояла теорія формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ, которая связывала и угнетала свободное приложеніе судейскаго разумѣнія къ даннымъ дѣла. Какое бы вниманіе, какую бы серьезность ни вносилъ прокуроръ въ оцѣнку опредѣленія Уголовной Палаты, онъ былъ безсиленъ отвратить эту Палату отъ того уклончиваго и ложнаго пути, который кончался знаменитымъ «оставленіемъ въ подозрѣніи», никого не удовлетворявшимъ, но прописываемымъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, указанныхъ въ судебной фармакопеѣ, носившей названіе второй части XV тома Свода Законовъ. Громкія уголовныя дѣла, волновавшія Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ, изъ-за формальной правильности и полнаго соотвѣтствія дѣйствовавшимъ правиламъ о доказательствахъ, ярко сквозило матеріальное неправосудіе, при чемъ во всей красѣ сказывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти, и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи Уложенія ума. Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона къ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою губернскимъ прокуроромъ... Дѣла о возмутительныхъ преступленіяхъ надъ личностью и о надругательствахъ сильнаго надъ слабымъ, полныя краснорѣчивыхъ косвенныхъ уликъ, попавъ въ русло, вырытое *присяжными* свидѣтелями, достовѣрность показанія которыхъ обусловливалась ихъ *общественнымъ положеніемъ* и другими *совершенными* и *несовершенными* доказательствами—быстро и почти безповоротно выцвѣтали, обростая тиною разныхъ крючкотворныхъ подходовъ и подьяческихъ подвоховъ, затемнявшихъ истину. Стоитъ припомнить хотя бы, напримѣръ, дѣло объ услышавшей—только отъ высшихъ судебныхъ учрежденій — должную оцѣнку своей виновности вдовѣ гвардіи капитана, судившейся за чудовищное обращеніе съ десятилѣтнимъ сыномъ, проводившимъ дни и ночи въ запертомъ шкафу— голоднымъ до полусмерти избитымъ, истерзаннымъ и завязаннымъ, со скрученными назадъ руками, въ чехолъ отъ дивана, при чемъ, подъ предлогомъ отъученія его отъ дурной привычки, обвиняемая, оставленная первоначально *въ подозрѣніи* и уже однажды судившаяся безплодно за безчеловѣчное обращеніе съ крестьянами, предавалась по отношенію къ нему манипуляціямъ, въ которыхъ жестокость переплеталась съ извращеннымъ сладострастіемъ... Сюда надо отнести такія дѣла, какъ, напримѣръ, дѣло помѣщика, нанесшаго своему больному, *девяностолѣтнему* слугѣ, — вымогая для себя у него его скудныя сбереженія—28 рубленыхъ сабельныхъ ранъ, отъ которыхъ тотъ на другой день умеръ,—и непри-

знаннаго виновнымъ въ убійствѣ; или дѣло надворнаго совѣтника, наглымъ образомъ надругавшагося надъ невинною и беззащитною дѣвушкою, въ обстановкѣ, чрезвычайно напоминающей сцену покушенія Свидригайлова на честь Дуни Раскольниковой въ «Преступленіи и Наказаніи»—и оставленнаго въ сильномъ подозрѣніи; или дѣло о покушеніи на жизнь калужскаго помѣщика посредствомъ адской машины, по которому Надворный Судъ призналъ возможнымъ оставить человѣка, принесшаго потерпѣвшему ящикъ, *зная*, что въ немъ заключена такая машина, въ сильномъ подозрѣніи, выславъ его въ то же время изъ Москвы; или, наконецъ, ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному молодому человѣку, который напоилъ ее возбуждающимъ растворомъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, окружавшіе его. Несчастная дѣвушка была возвращена домой лишь на третій день, съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ—и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскіе суды того времени нашли справедливымъ ограничиться отдачею главнаго виновника въ солдаты или военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ,—и присужденіемъ отца жертвы за потворство *разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы... А сколько, подъ прикрытіемъ строгаго соблюденія теоріи формальныхъ доказательствъ, разрѣшалось такимъ образомъ дѣлъ негромкихъ! Губернскій прокуроръ, обремененный массою другихъ обязанностей, долженъ былъ вчитываться и вдумываться въ каждое рѣшеніе, чтобы не покрыть иногда своимъ «читалъ» вопіющую, но правильно и искусно оформленную неправду.

Не меньше вниманія надо было отдавать и слѣдствію. Оно было въ грубыхъ и не всегда чистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но, въ сущности, единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ. Изъ рѣчи, сказанной Ровинскимъ въ 1860 г. («Вѣкъ», 1860 г., № 16) молодымъ людямъ, вновь назначеннымъ на должность слѣдователя, переходную уже къ новому порядку, видно, *что* такое были въ его время, въ Москвѣ, нѣкоторые производители слѣдствій и *какъ* они дѣйствовали. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характерными признаками производства слѣдствій чинами наружной полиціи. Въ подтвержденіе этого Ровинскій приводилъ примѣры:—отобранные у сознавшагося вора тулупъ и поддевка возвращены хозяевамъ безъ оцѣнки—*чрезъ годъ*; приставъ, замѣтивъ свое упущеніе, требуетъ хозяевъ изъ Рязанской губерніи въ Москву *по этапу* и обязываетъ ихъ подпискою представить тулупъ и поддевку;—трое крестьянъ жалуются на кражу у

нихъ четырехъ боченковъ сельдей, и послѣ года производства слѣдствія объ этомъ, приставъ начинаетъ слѣдствіе о томъ, откуда они взяли сельдей и имѣли ли право торговать ими;—мѣщанинъ Овечкинъ и извозчикъ, съ которымъ онъ ѣздилъ, сидятъ *мѣсяцъ* подъ стражею по обвиненію въ *праздной* ѣздѣ по улицамъ;—производя у нѣсколькихъ лицъ обыскъ по жалобѣ солдатки о кражѣ у нея бѣлья, приставъ обыскиваетъ кстати и *ее* и, найдя «кусокъ металлическаго свойства», заводитъ особое дѣло и вызываетъ эксперта для опредѣленія, какой это металлъ, и т. д., и т. д. «Главная причина всего этого,—говорилъ Ровинскій молодымъ слѣдователямъ,—кроется сколько въ неспособности полицейскихъ слѣдователей, столько и въ томъ, что многіе изъ нихъ, при ничтожномъ содержаніи и ежедневно возрастающихъ потребностяхъ, привыкли, по необходимости, смотрѣть на взятіе подъ стражу, освобожденіе арестанта, вызовъ, высылку, вообще на все слѣдствіе, какъ на средство къ своему существованію. Вотъ почему полицейскіе слѣдователи тянутъ свои слѣдствія цѣлые годы, оправдываясь медленностью высшихъ инстанцій и расчитывая на полную безнаказанность со стороны своего начальства. Вотъ почему трактиръ, полпивная и всякое заведеніе, при самомалѣйшей возможности притянуть ихъ, непремѣнно перебываютъ у слѣдователя со своимъ хозяиномъ, прислугою, чуть не со всею посудою». Но не одна неумѣлость, а иногда желаніе «покормиться» искажали производство слѣдствія. Это искаженіе шло гораздо дальше тамъ, гдѣ нужно было выслужиться или отличиться. Ровинскій приводилъ слѣдователямъ «всплывшіе изъ глубины канцелярской тайны» случаи — доведенія мѣщанина вывернутіемъ руки до «чистосердечнаго сознанія» въ убійствѣ, совершенномъ совсѣмъ другимъ лицомъ, и сѣченія невиновной, какъ то оказалось, въ кражѣ дѣвочки 16 лѣтъ *плетью по животу*, для полученія такого же сознанія... Въ объясненіяхъ къ «Народнымъ картинкамъ» онъ указываетъ на обычный даже въ его время въ глухихъ мѣстностяхъ пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ недаваніи пить заподозрѣнному, накормленному соленымъ сельдемъ и посаженному въ жарко-истопленную баню — и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи Московскихъ Департаментовъ Сената дѣло частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и затѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, «исправлявшій должность *дыбы*»...

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ и въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳедора Петровича Гааза, отдавшагося всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ, утѣшенію ихъ и заботѣ о нихъ, вызывалъ въ Ровин-

скомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ офиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: «торопитесь дѣлать добро»! Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій, постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ оригинальнаго столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ-за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за «невинно осужденныхъ» арестантовъ.—«Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ есть за нимъ вина»... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста... «Да вы о Христѣ позабыли, владыко!»—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго... Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ: «нѣтъ, Ѳедоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!..»—благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ—Уголовной Палаты, Магистрата и Надворнаго Суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы (батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе», говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ) пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и «видящаго насквозь», производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно ослушаться, да и «втереть ему очки»—нечего было и думать... Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ

продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутыхъ человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на «частные дома» съ ихъ такъ называемыми «съѣзжими». Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,— тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы, «сѣкуція». «Въ доброе старое время,—вспоминаетъ Ровинскій въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ»—«сѣкуція» производилась въ «частныхъ домахъ» по утрамъ; части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ вѐ-время барынину собачку,— всыплютъ сотню, а расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки—и той всыплютъ сотню,—барыня-де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ,—присланъ поучить, значитъ и виноватъ,—ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома,—да не одна, а цѣлые десятки».—Если Городская и Тверская части пріобрѣли свою особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличился въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь немедленно имъ уничтоженныхъ подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались «могилами» и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся «за приставомъ». Въ другой изъ московскихъ частей непрошенная любознательность губернскаго прокурора открыла «клоповникъ» для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Не мало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была «клеймена Россія», давило въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всей своею тяжестью и оказывало свое растлѣвающее вліяніе на все общественное зданіе. Въ Московской губерніи постоянно возникали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отноше-

ній. Кромѣ всесильнаго генералъ-губернатора, на безпощадной стражѣ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на основаніи ст. 1983 тома IX, крестьянъ, непокорныхъ не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть—наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, т. е. каторжной работѣ на очень длинные сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившіяся къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію онѣ подвергались, особливо если имѣть въ виду, что по ст. 221 второй части XV т. крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь за недостаткомъ другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ Закревскимъ, и въ Уголовной Палатѣ, спокойный и трезвый взглядъ на дѣло о «возстаніяхъ» крѣпостныхъ, и лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно и неохотно добытыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось «дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества»,—было подчасъ вопіющее злоупотребленіе власти надъ ближнимъ, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности «жертва» была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею,—и тѣмъ обратить его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону. Нужно было много выдержки, спокойствія, знанія и безупречной чистоты въ дѣйствіяхъ, чтобы выходить побѣдителемъ при разрѣшеніи подобныхъ задачъ. Хотя это и удавалось Ровинскому, но оставило горькій осадокъ въ его душѣ, отразившійся впослѣдствіи между прочимъ и на его представленныхъ въ Государственную Канцелярію, въ 1860 г., разсужденіяхъ о необходимости «различать безсвязныя волненія отъ того, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія...»

Когда, по выраженію А. П. Ермолова, въ 1856 г. «зардѣлась заря освобожденія крестьянъ», и Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь свои взгляды на крѣпостное право, онъ неожиданно чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли. По причинамъ, которыхъ теперь доискаться невозможно, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду натуры Ровинскаго это было тяжкимъ ударомъ. Жестокое по отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе—своего рода «сдача въ архивъ»—являлось лишеннымъ смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, о способѣ

производства которыхъ, въ министерствѣ юстиціи ходили цѣлыя легенды. Вообще на странность и бездушную иронію нѣкоторыхъ изъ распоряженій по личному составу въ министерствѣ юстиціи до судебной реформы можетъ указывать и приводимый Н. П. Собко въ прекрасной біографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ *Архангельскъ* отца Перова, губернскаго прокурора въ *Тобольскѣ*, просившагося въ болѣе умѣренный климатъ, потому что здоровье его не выносило суровой зимы... Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, несмотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за «своего» губернскаго прокурора, и благодаря его письму, отъ 19-го апрѣля 1857 г., послѣдній остался на мѣстѣ. Впрочемъ служебные дни самого гр. Закревскаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты престола, какъ святой благовѣстъ, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ глядѣть на Москву, какъ смотритъ рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину, представляя еще въ 1858 г. шефу жандармовъ «списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ»; въ которомъ, кромѣ Аксаковыхъ и Хомякова, вина которыхъ обозначалась словомъ «славянофилъ», значились, между прочимъ, М. Н. Катковъ, откупщикъ В. А. Кокоревъ («западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ»), К. Т. Солдатенковъ («раскольникъ и западникъ, желающій безпорядковъ и возмущеній»), академикъ М. П. Погодинъ («литераторъ, стремящійся къ возмущенію»), знаменитый артистъ Щепкинъ («желаетъ переворотовъ и на все готовый»), Юрій Симаринъ («славянофилъ, желающій безпорядковъ и на все готовый») и др. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому государемъ великому дѣлу,—повелительно указалъ Кокореву на дверь, когда тотъ позволилъ себѣ «заявить себя на сторонѣ петербургскихъ глупостей» (Русскій Архивъ, 1895 г.) и утверждалъ громогласно, что «въ Петербургѣ *одумаются* и все пойдетъ по старому».

Отношенія Ровинскаго съ замѣстителемъ Закревскаго были вполнѣ спокойныя, а въ ближайшіе затѣмъ годы онъ сразу испыталъ двѣ радости общественнаго характера. Избраніе въ депутаты звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ—дало ему возможность поработать по давно наболѣвшему у него вопросу и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ «безполезнаго само по себѣ орудія возмутительнаго произвола». Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ

Карлсруэ, 9-го сентября 1857 г.: «главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій;—о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать,—это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастію, не употребляются...»

Изданіе давно и страстно ожиданнаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей и обнародованіе «Наказа судебнымъ слѣдователямъ», было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ еще, не испорченнымъ рутиною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго сначала въ послѣднемъ недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе,—была своего рода разсчетомъ съ начинающими разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, тогда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: «Большая часть изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще не опытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога̀ ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни. Опытности вамъ научиться не долго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды:* добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ, — дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

«Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

«Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

«Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками»...

«Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна заря спѣшитъ смѣнить другую, — такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зарю отмѣны рабства смѣняла заря настоящаго, правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ, послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду...

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывалось иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа выработывалась «горестно и трудно», — горестно для любившихъ исключительно себя, трудно — для любившихъ русскій народъ, — то, наоборотъ, пересозданіе всего судебнаго строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признана всѣми. Могущественное слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи Государственнаго Совѣта по дѣлу Баташева, отъ 16-го ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, «ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства», по справедливости можетъ считаться первымъ лучомъ судебнаго преобразованія. Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ — и поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской, безгласной и бездушной расправы — какъ желательный и неприкосновенный или, прикрываясь лукавою осторожностью, рисовать «пагубныя послѣдствія» предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы — старый судъ не внушалъ привязанности никому, — отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь «въ судахъ полна неправды черной», было не празднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей, истиною. Наконецъ — въ работахъ по судебному преобразованію не выдѣлялся особенно никто, — всѣ трудились дружно, съ единомысліемъ о необходимости реформы, съ довѣріемъ къ близкому будущему и безъ затаенной и любовной оглядки на близкое прошлое, стараясь уврачевать въ своей родинѣ застарѣлый недугъ неправосудія. Поэтому не было среди этихъ работниковъ и человѣка, могущаго служить, подобно Ростовцеву, мишенью для недовольства, ненависти и клеветъ, плохо прикрываемыхъ умышленно близорукою и прозрачно недобросовѣстною критикою порученнаго

ему дѣла. Печать и общество съ спокойной увѣренностью ожидали результатовъ судебнаго преобразованія.

Но сами работники въ дѣлѣ этого преобразованія не подходили, однако, подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлаго. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣдѣніями, невольно внося въ свои предложенія и свои личныя свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. Первую составляли чистые *теоретики,* вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политико-юридическихъ принципахъ; ко второй принадлежали *подражатели,* стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями третьей группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Они находили себѣ сильную опору во вліятельныхъ мнѣніяхъ автора «Общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства», графа Д. Н. Блудова. Записка эта представляла, по богатству матеріала и своеобразному его освѣщенію, одинъ изъ интереснѣйшихъ трудовъ подготовительно-законодательнаго характера. Исходя изъ мысли, что внезапное введеніе новаго судебнаго устройства, безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, легко можетъ повести къ столкновеніямъ, запутанности и даже удалить отъ желаемой цѣли, графъ Блудовъ являлся поборникомъ *слѣдственнаго* начала и, относясь скептически къ началу *обвинительному,* предлагалъ улучшить существующее судопроизводство введеніемъ одиннадцати правилъ, «имѣющихъ цѣлью какъ огражденіе подсудимыхъ отъ напрасныхъ притѣсненій, такъ и доставленіе имъ дѣйствительныхъ и надежныхъ средствъ законной защиты». Правила эти сводились, главнымъ образомъ, къ улучшенію учрежденія «депутатовъ» при слѣдствіи; къ установленію права отвода слѣдователей; къ сообщенію обвиняемому матеріала, собраннаго противъ него по слѣдствію, съ окончательнымъ допросомъ его въ присутствіи родственниковъ, знакомыхъ, друзей или одного изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ; къ допущенію подсудимаго не только присутствовать при докладѣ дѣла, совершаемаго съ нѣкоторою публичностью, но и, защищаясь письменно чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, лично выслушивать объявленіе приговора съ правомъ подавать противъ него отзывы и

дополнительныя объясненія.—Наконецъ, четвертая группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя, для полнаго разрыва съ которымъ они черпали основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, но изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявленіяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства, довѣрія, чуждаго опасенію «запутанности». Къ этой группѣ принадлежало большинство «отцовъ судебныхъ уставовъ», т. е. членовъ Высочайше учрежденной комиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части.

Ровинскій, по высказываемымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ, уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго «за кулисами» отжившаго суда, примириться и съ мыслью о постепенномъ, медлительномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учрежденій и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, «заглушалъ плевелъ старинный — величья новаго посѣвъ».

Принадлежавшій Ровинскому экземпляръ общей объяснительной записки Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій ихъ смыслъ состоитъ въ томъ, чтобы предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существенномъ судопроизводства, не внесли бы въ него ничего такого, чего не всосали бы въ себя рутина и «приказное» отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было изношенное и негодное, не приращать случайными и внѣшними прививками существовавшій судебный строй, не трогая его главнѣйшихъ внутреннихъ началъ. Слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему, или, въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень короткій срокъ, мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его... Въ «Русскихъ народныхъ картинахъ» Ровинскій съ свойственною ему образностью выражаетъ мысль о безполезности всякихъ частичныхъ реформъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, разсказывая о тщетной борьбѣ крутыхъ царей — Ивана Васильевича и Петра Алексѣевича съ чиновничьимъ взяточничествомъ въ судебныхъ при-

казахъ, съ произволомъ и «кормленіемъ» воеводъ. Его не удовлетворяли и реформы Екатерины II по этой части, замѣнившія воеводу коллегіею, такъ какъ ими не измѣнялась сущность судебныхъ порядковъ и порочныя привычки судей. «Либеральныя декораціи, — говоритъ онъ, — не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностью, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія (судебныя коллегіи) мѣткою пословицею: «прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками»... По этому же поводу онъ приводитъ остроумный отзывъ князя А. С. Меньшикова, назвавшаго нерѣшительныя, отрывочныя и частичныя мѣры, предпринятыя въ 1838-39 гг. относительно государственныхъ крестьянъ, «улучшеннымъ бытомъ въ уменьшенномъ видѣ». Поэтому патетическо-комическія выраженія «Общей объяснительной записки», въ родѣ указанія на «естественную, драгоцѣнную для всякаго чувствительнаго человѣка мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполнѣ заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи», — не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудость предлагаемыхъ ею мѣръ. Врагъ условныхъ формъ, не соотвѣтствующихъ содержанію, поклонникъ простоты и искренности въ дѣловомъ языкѣ, онъ былъ глухъ къ тому, что самъ называлъ, въ различныхъ мѣстахъ «Народныхъ картинокъ», — «трескучими фразами» и «уголовными прибаутками», относя къ нимъ и знаменитыя слова Екатерины II: «лучше десять винныхъ освободить, нежели одного невиннаго наказать», сказанныя въ дѣйствительности впервые Петромъ Великимъ въ 1716 году, въ п. 9 главы V Устава воинскаго.

На приглашеніе о доставленіи соображеній о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину Государственнаго Совѣта и обращенное государственною канцеляріею къ юристъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ — объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовнаго, о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства, о производствѣ слѣдствія, обвинительномъ началѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и наконецъ — о порядкѣ введенія новаго судоустройства вообще и въ Московской губерніи въ особенности.

Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простого и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное зданіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ свое главное дѣло, введеніе уставныхъ грамотъ, преобразиться въ «мирового судью — не юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе говорится по со-

вѣсти». Дѣятельный мировой судья, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисовался практическому уму Ровинскаго—защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околотка; онъ—первое звено между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ подсудныя ему дѣла — по гражданскимъ спорамъ до 30 рублей, а въ уголовномъ отношеніи о всѣхъ маловажныхъ поступкахъ; но по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ вопросъ идетъ о завладѣніи или гдѣ замѣшаны *проѣзжіе*, онъ разбираетъ споры на всякую сумму съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ 1-й степени. Проектируя учрежденіе такого живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго, путемъ выборнаго начала, суда, Ровинскій, конечно, не могъ предвидѣть, что впослѣдствіи дѣятельность мирового судьи будетъ въ ея практическомъ осуществленіи, вслѣдствіе односторонняго направленія гражданскаго кассаціоннаго суда, обставлена рядомъ требованій формальнаго свойства и въ дѣлахъ гражданскихъ отчасти утратитъ тотъ живой и непосредственный характеръ, который онъ думалъ ей придать. Но его занималъ обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ: — гдѣ взять людей? Онъ отвѣчалъ, однако, на него успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіеся почти безвыѣздно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы—и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. «Конечно,—писалъ онъ,—дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразованіе настоящаго времени, и что каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльныя, а главное, живыя преобразованія по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьѣ будутъ сохранены — та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное—еще полезнѣе должности мирового посредника». Теплое, можно сказать благодарное, воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ нынѣ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безразсчетно пошли на эту должность, когда «насталъ великій мигъ — въ скрижаляхъ царства незабвенный»; — любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по Московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ...

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло, однако,

гораздо болѣе сложную задачу. Для него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да по мысли Ровинскаго и не должны были представлять, ничего пригоднаго для новой постройки. Задача созданія въ этой области новаго, неиспытаннаго и притомъ въ связи съ новыми же началами судопроизводства, стояла внѣ обычнаго канцелярско-бюрократическаго пути и неразлучнаго съ нимъ высокомѣрнаго взгляда на потребности общества, противъ котораго впослѣдствіи горячо высказывался Ровинскій въ своихъ «Народныхъ картинкахъ» (томъ IV, стр. 318). Поэтому здѣсь предстояла особо трудная и особо интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ—былъ вопросъ объ *основаніяхъ опредѣленія виновности*. Такихъ основаній, въ ихъ коренныхъ чертахъ, въ сущности два. Или вопросъ о виновности разрѣшается по заранѣе опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда обязательною оцѣнкою взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ, — или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и покоится исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила, подобныя тѣмъ, которыя начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ по второй части XV тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, прежде всего, собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, но правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло поэтому для стараго суда большой цѣны показаніе «явнаго прелюбодѣя», или «портившаго тайно межевые знаки», или «иностранца, поведеніе котораго неизвѣстно», да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ незнатнымъ, духовному передъ свѣтскимъ, мужчинѣ передъ женщиною, и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріею на первый планъ, какъ «лучшее доказательство всего свѣта», собственное сознаніе обвиняемаго — имѣло очень часто пагубное вліяніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ. На *ходъ* дѣла потому, что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подчасъ самыми противозаконными способами и пріемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ «упростить» дѣло;—на *исходъ* потому, что при массѣ косвенныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе

предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ, умѣвшій не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обѣленнымъ или — въ лучшемъ случаѣ — оставленнымъ «въ подозрѣніи» и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть «къ добру и злу постыдно равнодушнымъ», прежнее положеніе.

Притомъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возможность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой судья, съ желаніемъ, по возможности, добиться справедливости, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочныхъ обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его сознанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго *въ сильномъ подозрѣніи;* — судья, «въ приказахъ посѣдѣлый», привыкшій со скучающимъ равнодушіемъ «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ» — безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія. Вслѣдствіе этого и въ то же время несмотря на это, не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда на упомянутое уже дѣло фигурантки Аршининой, какъ напримѣръ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія ряда предшествовавшихъ по одному и тому же дѣлу приговоровъ. Очевидно, что основанія опредѣленія виновности, связанныя съ теоріею формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Но лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служитъ осуществленіе обвинительнаго начала; оно же связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболѣе яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовнаго правосудія съ «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта» въ рукахъ. Хотя въ литературѣ уже съ 1858 г. раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но среди многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и притомъ безпочвеннымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ сводѣ, ни даже въ полномъ собраніи законовъ, и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ большими политическими потрясеніями, — едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный пріемъ со стороны этихъ лицъ. Даже самое возбужденіе вопроса

о возможности такого суда въ чистомъ видѣ и безъ всякихъ искаженій представлялось гадательнымъ.

Ровинскій смотрѣлъ, однако, иначе на дѣло. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ *учрежденію суда присяжныхъ*. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжную альтернативу между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. «Надлежитъ ли,—спрашивалъ гр. Блудовъ,—для отвращенія недостатковъ дѣйствующаго суда, прямо перейти къ принятой въ западныхъ государствахъ системѣ обвинительной или, по крайней мѣрѣ, слѣдственно-обвинительной? Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ постепенныхъ преобразованій, однакожъ прежде нежели рѣшиться на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы, предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу. Несмотря на всѣ преимущества обвинительной системы, — она до такой степени различествуетъ отъ существующаго нынѣ порядка, что внезапное введеніе оной, безъ предварительнаго къ нему приготовленія — и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія сей части, повести къ столкновеніямъ, запутанности и удалить насъ отъ желанной цѣли». Изъ этихъ словъ самъ собою выясняется и взглядъ Блудова на судъ присяжныхъ. «Въ настоящее время,—писалъ онъ въ своей запискѣ,—едва ли полезно установлять у насъ судъ *чрезъ* присяжныхъ. Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія удальствомъ, а преступники — только *несчастными*. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно

труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго, не нужно особое образованіе и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ выходящихъ изъ его круга. Не трудно заключить о винѣ или невинности подсудимаго, когда для сего есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ, къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ: для сего уже одного здраваго смысла далеко недостаточно».

Высокое офиціальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе, придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ его взгляды на неподготовленность русскаго народа къ воспринятію суда присяжныхъ оказались во многомъ сходными съ тѣмъ, что высказывалъ въ университетѣ на своихъ публичныхъ лекціяхъ о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ молодой и глубоко-талантливый профессоръ уголовнаго права.

Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе.

«Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это, — писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

«Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами — это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы

и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны — и это правда.

«За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія»...

Эти прекрасныя строки, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, тридцать-пять лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится кстати въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его «Русскихъ народныхъ картинкахъ» есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще «къ заключенному». Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжко продолжительное *тюремное сидѣніе*, въ которомъ даже и виновный, — а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ, — съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до тяжкаго приговора, его постигавшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражею вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Екатерины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ, въ 1754 г., касается дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, при чемъ осужденные содержались въ тяжкомъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впослѣдствіи, — въ силу указа императрицы Елисаветы о непроизводствѣ *натуральной смертной казни* впредь до точнаго о томъ распоряженія, — ссылкою въ монастырь и на каторгу. Но и чрезъ сто лѣтъ Ровинскій въ «Свѣдѣніяхъ о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства» указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ уменьшенію *многолѣтняго* сидѣнія въ тюрьмахъ *подслѣдственныхъ* арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокатріо, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ болѣе 4-хъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ «за справками». Въ промежутокъ отъ Жуковыхъ до Вокатріо, Екатерина II написала, по словамъ Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменныхъ зàмковъ, но зàмки эти были каплею въ морѣ, и тюрьма попрежнему оставалась мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы — въ воздухѣ, свѣтѣ,

а въ первое время и въ пищѣ, вовсе не принимались въ разсчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени, съ надписью: «въ темницѣ бѣхъ». Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: «какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова: Thurm—башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свидѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками, или скованные желѣзами по рукамъ и ногамъ,—съ надѣтою имъ на шею рогаткою; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, т.-е. къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные кляпы (клинья), чтобы они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе наказанія»...

Но и въ первой четверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще положеніе арестантовъ было не лучше. Знаменитая записка англійскаго филантропа Венинга, поданная императору Александру I, данныя, относящіяся къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза и нѣкоторые офиціальные памятники изъ дѣлъ того времени — рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла предъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ столицахъ полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полунагое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія: колодки, прикованіе къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложиться, и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собой ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство

пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863 году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго Московскаго Судебнаго Округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія «безобразія». Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали настоящіе дѣятели, — а управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей...

Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ,—другое и притомъ, конечно, не меньшее состояло въ господствѣ произвола при заключеніи въ тюрьму и необычайной медленности въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 году было освобождено «по многомъ держаніи» 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но «ради взятокъ и бездѣльныхъ корыстей». Даже и во второй четверти нашего столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 и болѣе человѣкъ въ солдаты и въ арестантскія роты—*безъ суда,* сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской «Елизаветъ Воробей», и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи, ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, «только, за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ», въ рабочемъ домѣ. Онъ прибавляетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10—15 человѣкъ, а въ углу стоялъ ушатъ (параша) для испражненій,—воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности, арестанты, истощенные и блѣдные — «а вѣдь все это люди только лишь обвиняемые и быть можетъ вовсе и не виновные».

Представленіе объ арестантѣ какъ о *несчастномъ* слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго

сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767 г., но продолжали неофиціально существовать подъ именемъ допроса «съ пристрастіемъ» до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, «какъ стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее». Но народъ не могъ забывать о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ посылали «на связкахъ» каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. На народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ—и выраженія «согнуть въ три погибели», «выпытать всю подноготную» и т. п., съ несомнѣнностью указываютъ на пыточные пріемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди,—наши пытки были жестоки, но проще и менѣе утончены, чѣмъ, напр., подробно описанныя, съ тщательными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. Тѣмъ не менѣе нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ «Народныхъ картинкахъ» справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 г.), составленную для императрицы Екатерины II, съ описаніемъ «обряда, како обвиненный пытается», и съ подробнымъ описаніемъ, какъ пріемовъ мученія, отъ которыхъ «оный злодѣй весьма изумленнымъ бываетъ», такъ и способовъ усугубленія ихъ, «дабы оный болѣе истязанія чувствовалъ».

Можно ли послѣ всего этого не согласиться съ Ровинскимъ, когда онъ говоритъ, что народъ имѣлъ при такомъ положеніи вещей основаніе смотрѣть на колодниковъ какъ на *несчастныхъ*— и, не разбирая между ними виноватыхъ и невинныхъ, щедро нести голоднымъ и холоднымъ своимъ братьямъ посильныя подаянія? Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ *несчастнымъ,* указываетъ Ровинскій. Онъ говоритъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично и конечно пробуждавшихъ, на ряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ къ «Народнымъ картинкамъ» Ровинскій, съ обычною своею обстоятельностью и подробностью въ ссылкахъ, приводитъ описанія кнута, плетей, шпицрутеновъ—и способа наказанія ими. Не останавливаясь на отталкивающихъ частностяхъ этихъ описаній, нельзя не отмѣтить указываемой авторомъ своеобразной заботливости о техническомъ улучшеніи этой части. Такъ старинный козелъ, на которомъ били кнутомъ «нещадно», въ XVIII

вѣкѣ замѣненъ былъ помощникомъ палача, а въ 1788 г. человѣкъ былъ замѣненъ станкомъ, называемымъ кобылою. Двухвостая до 1839 г. плеть была замѣнена въ 1840 г., по положенію комитета министровъ, трехвостою;—въ 1847 г., установлены и разосланы по губернскимъ правленіямъ при особомъ циркулярѣ «образцовыя розги»; въ 1846 г., медицинскій совѣтъ преподалъ правила для изготовленія особаго состава на предметъ затиранія ранъ отъ наложенія клеймъ на лбу и щекахъ, для чего прежде употреблялся порохъ, и т. д. Но и при этомъ обычномъ господствѣ тѣлесныхъ наказаній сказались особенности русскаго народа. «Со стороны» никто не шелъ въ исполнители торговой казни. Изъ приводимыхъ Ровинскимъ интересныхъ свѣдѣній о палачахъ, видно, что у насъ никогда не было профессіональныхъ палачей, и господинъ во фракѣ, носящій титулъ Monsieur de Paris, пріѣзжающій къ мѣсту исполненія казни въ собственномъ экипажѣ, слѣдящій свысока за «туалетомъ» осужденнаго и брезгливо трогающій рукою въ бѣлой перчаткѣ пружинку гильотины—у насъ немыслимъ. До *этой* стороны западной культуры мы совершенно не доросли,—да, вѣроятно, никогда и не доростемъ... У насъ палачи набирались изъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Служба въ Москвѣ доставила Ровинскому возможность видѣть близко нѣсколькихъ типичныхъ палачей и между прочимъ знаменитаго семидесятилѣтняго «Алешку», разрѣзавшаго однимъ ударомъ плети толстый лубокъ пополамъ. Изъ времени этой службы, со словъ очевидцевъ, вынесъ онъ и картину наказанія плетьми, съ обычнымъ: «берегись, ожгу!» Свидѣтелемъ этой картины бывали и массы народа.

Бывалъ народъ свидѣтелемъ и другой страшной картины; въ живыхъ подробностяхъ ея описанія у Ровинскаго сквозитъ, что онъ и самъ имѣлъ несчастіе видѣть эту картину. Дѣло идетъ о проводкѣ сквозь строй, при чемъ уже 500 ударовъ шпицрутенами составляли, въ большей части случаевъ, замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь. «Что сказать о шпицрутенахъ сквозь тысячу, двѣнадцать разъ, безъ медика!»—восклицаетъ Ровинскій:—«надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы уже никогда не позабыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ-шпицрутенъ; живая «зеленая улица», только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго по поясъ и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ, раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами,

краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги... «Братцы, пощадите!..» прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить значитъ самому быть пороту, — и еще усерднѣе хлещетъ «зеленая улица». Скоро спина и бока представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями—и медленно двигается на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много,—живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны...»

Въ то время, когда гр. Блудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности потому, что у него существуетъ представленіе о «несчастномъ»,—картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыкновеннымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ;—были отправляемымъ съ полною публичностью проявленіемъ дѣятельности карательнаго механизма... Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ «несчастному», а нисколько не доказывать, что народу чужда идея справедливаго суда зз преступленіе, то съ другой стороны господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній поселяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣе увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, русскаго посланника въ Брюсселѣ, князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ офиціальныхъ сферахъ, въ 1861 году, вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Его благородное имя не должно — не будетъ забыто русской исторіей! Къ такимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода «caeterum censeo» всѣхъ его работъ по поводу судебнаго преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ въ слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новый путь, свободный отъ необходимости подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія; — въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы замѣны этого наказанія другими, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ робкимъ и бездушнымъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего Уложенія о наказаніяхъ, что̀ въ свою очередь не можетъ не представляться дѣломъ весьма сложнымъ и притомъ едва ли своевременнымъ, и т. д., и т. д. Тюрьмы переполнены

арестантами, сидящими по годамъ за справками о званіи:—«отмѣните тѣлесное наказаніе, и собраніе свѣдѣній о званіи будетъ излишне, ибо всѣмъ привилегированнымъ и непривилегированнымъ будетъ грозить одинаковое наказаніе»,—писалъ онъ за 35 лѣтъ до появленія проекта новаго уголовнаго Уложенія, который наконецъ уничтожаетъ это нелѣпое по отношенію къ преступленію и наказанію различіе. «Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію, указанному въ 19, 21 и 22 ст. Уложенія 1857 г., пишетъ онъ далѣе, — упраздните арестантскія роты и рабочіе дома, этотъ разсадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ и вырабатывающихъ отъ 4 до 5 р. въ годъ на человѣка,—организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи—и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступленія, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ растлѣвающей и развращенной тюремной средѣ»,

Отвращеніе Ровинскаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ и къ орудіямъ ихъ производства выразилось, между прочимъ, слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ:—въ пріемной комнатѣ Губернскаго Тюремнаго Замка, на стѣнѣ, были вывѣшены «образцовыя» плети, розги, кандалы и т. п.; вступивъ въ должность прокурора Ровинскій потребовалъ ихъ къ себѣ «для осмотра» — и, несмотря на напоминанія, никогда ихъ не возвратилъ назадъ. Онъ такъ сказать «зачиталъ» эти предметы, какъ зачитываютъ книги—и избавилъ такимъ образомъ приходящихъ въ Тюремный Замокъ отъ зрѣлища этого непристойнаго украшенія его пріемной комнаты.

Когда свершилась въ 1863 г. съ тревожною надеждою жданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ привѣтствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881 году, когда и другая его мечта, о судѣ присяжныхъ, была давно осуществлена, онъ, описавъ въ «Народныхъ картинкахъ» виды и способы выполненія наказаній «на тѣлѣ», говоритъ: «съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго «чистосердечнаго признанія»,—сознавайся не сознавайся, а если виноватъ, обвиненъ все-таки будешь, — а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню,—«что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ пору-

читься, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ»,—и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится... «Всуе смятошася и вотще прорѣкоша!»—Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ, шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ»... «И не забудетъ русскій народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его Дѣлателя!»—прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи о томъ, кого въ «Словарѣ гравированныхъ портретовъ» (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. Руская жизнь подтвердила его слова тридцать пять лѣтъ назадъ, подтверждаетъ ихъ, къ сожалѣнію, и теперь для всякаго, кто, минуя образцовыя тюрьмы столицъ, заглянетъ немного въ сторону отъ торнаго пути.

«Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ происходятъ между прочимъ отъ того,—писалъ онъ въ 1863 г.,—что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части, и въ ожиданіи ихъ не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей, а составляютъ обширные планы на возведеніе новыхъ тюремъ въ цѣлые милліоны рублей. Отовсюду слышатся разнообразныя требованія: одни требуютъ и при нынѣшнихъ средствахъ европейской чистоты и воздушной вентиляціи, забывая, что народъ нашъ ѣстъ постоянно кислое, квасъ, хлѣбъ, капусту;—что у насъ почти восемь мѣсяцевъ зимы, въ продолженіе которыхъ заключенные прикрыты одними полушерстяными халатами,—и что при такихъ условіяхъ устройство усиленной вентиляціи въ ихъ камерахъ можетъ повести къ плачевнымъ послѣдствіямъ для здоровья содержащихся; другіе весьма справедливо жалуются на то, что въ тюрьмахъ можно достать вино, но предлагаютъ для отвращенія этого зла усиленіе надзора и разныя стѣснительныя для арестантовъ мѣры, забывая, что именно лицами, приставленными для надзора, и приносится обыкновенно вино для продажи арестантамъ; третьи хотятъ заграничныхъ залъ и заведенія мастерскихъ въ большихъ размѣрахъ; четвертые требуютъ полнаго уединенія арестантовъ во время дня и ночи, забывая, что въ нашемъ суровомъ климатѣ содержаніе арестанта въ одиночной камерѣ обойдется не менѣе 300 рублей»... Въ 1881 году онъ возвращается въ «Народныхъ картинкахъ» снова къ вопросу о тюрьмахъ—и о «несчастномъ». Весь Ровинскій съ его теплотою, оригинальностью и близостью

къ простому русскому человѣку — на страницѣ 329-ой IV тома этого изданія. «Съ новымъ судопроизводствомъ дѣла пошли скорѣе и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче,—говоритъ, онъ,—и, кажется всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе и гдѣ его всѣ боятся: ну, возьмете ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа—военная служба; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, на *особыхъ конечно условіяхъ,* въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго, — спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ,—ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ испорченный до мозга костей видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя не лучше смертной казни»... «А сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала, — продолжаетъ онъ, защищая свое оригинальное мнѣніе, въ которомъ, быть можетъ, жизненная правда звучитъ въ ущербъ теоретической послѣдовательности, — матеріала, пропадающаго даромъ, прибавится къ арміи и пойдетъ въ дѣло. Дайте же провинившемуся собрату *настоящую возможность* исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа»... «Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ, — заключаетъ Ровинскій, какъ бы возобновляя свой старый споръ съ Блудовымъ,— но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не въ правѣ былъ смотрѣть на заключеннаго какъ на *несчастнаго!*»

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ «несчастнымъ» приводилось Блудовымъ какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого было невозможно, въ то время, спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ

важность и справедливость обвиненія народа въ томъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которой освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки,—зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ общей объяснительной запискѣ Блудова. «Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ,—писалъ Ровинскій въ 1861 г.,—то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро освоиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло».

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ровинскій, еще не видя суда присяжныхъ въ дѣйствіи, съ такою вѣрою въ его пригодность для Россіи и въ его цѣлесообразность ратовалъ за него. Возникшее затѣмъ существованіе у насъ этой формы суда нельзя назвать спокойнымъ и безмятежнымъ. За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подверглись самымъ разнообразнымъ нападкамъ, при чемъ призванные и непризванные витязи идеальнаго

правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмедный трудъ постановки свыше четырехъ съ половиною милліоновъ уголовныхъ приговоровъ. Можно сказать, что упованія Ровинскаго на судъ присяжныхъ сбылись. Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, созванное министромъ юстиціи въ декабрѣ 1894 г., своимъ авторитетнымъ и почерпнутымъ изъ многолѣтняго и многосторонняго опыта словомъ подтвердило благородныя надежды стараго губернскаго прокурора, придя въ общемъ выводѣ безусловно въ пользу суда присяжныхъ. Совѣщаніе признало, что это судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія,—долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Оно нашло, что русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя рѣшенія, *за образа*, честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Наконецъ, изъ всѣхъ соображеній Блудова противъ защищаемыхъ Ровинскимъ началъ вытекало и опасеніе суда присяжныхъ, какъ *новшества*, совершенно чуждаго нашему строю, быту и направленію правительства, будто бы всегда чуждавшагося общественнаго суда и находившаго его неудобнымъ и беззаконнымъ.

Въ запискѣ «Объ устройствѣ уголовнаго суда» эти опасенія были опровергнуты блистательно и съ глубокимъ знаніемъ дѣйствовавшаго законодательства. Анализомъ практическаго примѣненія Улож. о наказ. 1845 г. съ его «178 ступеньками лѣстницы наказаній, по коимъ съ математическою точностью распредѣлены кары — отъ 3 розогъ до 100 плетей», въ связи съ результатами теоріи формальныхъ доказательствъ и ея «оставленій въ подозрѣніи»,—Ровинскій доказывалъ, что правительство было *вынуждено* устроить рядомъ съ судомъ короннымъ судъ общественный. Такимъ образомъ, мѣщанскимъ обществамъ было предоставлено удалять изъ своей среды по приговорамъ — т. е. въ сущности ссылать въ Сибирь — мѣщанъ оставленныхъ въ подозрѣніи и опороченныхъ въ поведеніи при повальномъ обыскѣ, — возвращенныхъ въ общество для водворенія послѣ арестантскихъ ротъ и, наконецъ, трижды подвергнутыхъ по суду исправительнымъ наказаніямъ. Кромѣ того, мѣщанское общество имѣло право отдавать своихъ сочленовъ, по мірскимъ приговорамъ, въ казенныя и частныя работы на срокъ до шести мѣсяцевъ за порочное и развратное поведеніе. Такія же права были предоставлены и другимъ подобнымъ сословіямъ. Рядомъ съ этимъ на основаніи Устава

о рекрутской повинности, присяжное показаніе 12 человѣкъ изъ общества, къ которому принадлежитъ подозрѣваемый въ умышленномъ членовредительствѣ, о томъ, что увѣчье причинено имъ себѣ съ намѣреніемъ избѣжать рекрутства, безусловно влекло за собою установленное за это преступленіе наказаніе. Находя, что этотъ судъ *послѣ* суда и *безъ* суда есть тотъ же судъ-присяжныхъ, но въ самой его безобразной формѣ, Ровинскій указывалъ, что, не говоря уже о сельскихъ расправахъ, ремесленныхъ управахъ и въ особенности о только-что учрежденномъ для временно-обязанныхъ крестьянъ волостномъ судѣ, гдѣ исключительно господствуетъ общественный элементъ, — и въ нашихъ коронныхъ судахъ того времени общественное, выборное начало было преобладающимъ. Всѣ пять членовъ уѣзднаго суда были выборные, точно такъ же какъ шесть членовъ магистрата,—а изъ шести членовъ Уголовной Палаты только товарищъ предсѣдателя назначался правительствомъ. За исключеніемъ послѣдняго и, иногда предсѣдателя Палаты—всѣ эти члены разныхъ судовъ не имѣли обыкновенно никакого понятія о теоріи формальныхъ доказательствъ и, становясь ширмами для дѣятельнаго и ловкаго секретаря, во власти котораго находился дѣйствительный судъ и расправа надъ преступникомъ, по привычкѣ, безъ яснаго сознанія судейскаго долга, «прописывали» человѣку плети и каторгу.

Но пусть — предлагалъ Ровинскій — эти самые люди будутъ, безъ всякихъ сословныхъ различій, назначаться на краткій срокъ, дѣйствовать гласно и высказывать свое мнѣніе о винѣ и невиновности по убѣжденію совѣсти, предоставляя коронному судьѣ назначать наказаніе по Уложенію — и тогда станетъ видно, можетъ ли *такой* судъ угрожать «бо́льшимъ беззаконіемъ и бо́льшими неудобствами», чѣмъ судъ, принятый подъ свою защиту гр. Блудовымъ. Правда, этотъ судъ долженъ быть связанъ съ обвинительнымъ началомъ, а введеніе его, по мнѣнію автора «Общей объяснительной записки», тоже невозможно, ибо гдѣ взять достаточное число образованныхъ людей, способныхъ принять на себя званіе обвинителей,—а если они окажутся, то гдѣ взять надежныхъ защитниковъ, безъ которыхъ предлагаемое запискою устройство суда будетъ лишать подсудимаго и тѣхъ средствъ защиты (?) какія доставляетъ ему существующее судопроизводство? Ровинскій горячо возражалъ и противъ этого съ тѣмъ довѣріемъ къ духовнымъ силамъ и способностямъ русскихъ людей, которое его всегда характеризовало. Будутъ и прокуроры, будутъ и защитники;—они явятся тотчасъ же, въ этомъ нельзя сомнѣваться, утверждалъ онъ, предсказывая, что на первое время уголовные суды не услышатъ отъ защитниковъ трескучихъ рѣчей, съ желаніемъ оправдать во что бы то ни стало явнаго преступника,—да и самые прокуроры вѣроятно не будутъ поддерживать во что бы то ни стало, обвиненіе. Его слова оказались пророческими. Какъ

по мановенію волшебнаго жезла выросли съ первыхъ же дней судебной реформы обвинители и защитники,—умѣлые, талантливые и проникнутые сознаніемъ важности и святости новаго дѣла. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что наша судебная трибуна въ первые же годы существованія новыхъ судовъ стала въ уровень съ иностранною, не утративъ симпатическихъ національныхъ особенностей. У многихъ представителей ея въ то время можно, а нерѣдкимъ изъ современныхъ судебныхъ бойцовъ даже весьма полезно и назидательно, поучиться *порядочности* въ пріемахъ борьбы, *добросовѣстному* изученію дѣла и *уваженію* къ своему и чужому человѣческому достоинству при отправленіи уголовнаго правосудія.

Не ограничиваясь критикою взглядовъ гр. Блудова, Ровинскій предлагалъ *свои* основанія, на которыхъ долженъ былъ быть построенъ будущій судъ присяжныхъ. Особенности его, отличныя отъ того, что было создано впослѣдствіи, состояли въ правѣ подсудимаго требовать, чтобы половина присяжныхъ принадлежала къ одному съ нимъ сословію; въ единогласіи, какъ условіи приговора; въ правѣ предсѣдательствующаго съ присяжными члена губернскаго суда ходатайствовать предъ верховною властью о помилованіи осужденнаго и въ обязанности его говорить присяжнымъ объ ожидающемъ обвиненнаго наказаніи. Въ этихъ особенностяхъ, хотя и трудно выполнимыхъ по условіямъ нашей мѣстной жизни, сказывалось весьма справедливое желаніе наилучшимъ образомъ оградить участь подсудимаго, создавъ для него судъ, по возможности одинаковый съ нимъ по степени своего развитія и по взглядамъ на житейскія отношенія, не скрывая отъ этого суда послѣдствій его единогласнаго приговора. Послѣднее требованіе, не принятое составителями судебныхъ уставовъ, давно уже вопіетъ о своемъ осуществленіи. Отсутствіе предоставленія даже предсѣдателю суда права говорить о наказаніи составляетъ одну изъ рѣдкихъ, но крайне вредныхъ «условностей нашего уголовнаго процесса—и можно только удивляться близорукому упорству, съ которымъ нѣкоторые юристы защищали въ теченіе многихъ лѣтъ запрещеніе, идущее въ разрѣзъ съ требованіями житейской логики, зачастую дѣлающее присяжныхъ жертвою заблужденія и создающее вредныя для правосудія неожиданности.

Горячій проповѣдникъ новыхъ формъ суда, Ровинскій предлагалъ организовать коронный элементъ суда такъ, чтобы въ каждомъ губернскомъ городѣ находился губернскій судья, стоящій во главѣ мѣстнаго суда и облеченный особою властью. Утверждаемый Высочайшею волею и предаваемый суду лишь по Высочайшему повелѣнію, онъ долженъ былъ представлять на утвержденіе Сената—мировыхъ судей (они же и слѣдователи по маловажнымъ дѣламъ) и членовъ суда, и самъ назначать, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, судебныхъ слѣдователей, которые производятъ слѣд-

ствія лишь по важнымъ дѣламъ. Онъ получилъ право ревизовать всѣ судебныя и мировыя учрежденія и о найденныхъ безпорядкахъ доносить непосредственно Правительствующему Сенату,—и требовать, по каждому дѣлу, освобожденія обвиняемаго изъ-подъ стражи. Первоначальное назначеніе губернскаго судьи и членовъ суда должно было исходить отъ правительства, но затѣмъ Ровинскій проектировалъ самую широкую систему самовосполненія коллегіи путемъ выборовъ, при чемъ и самый губернскій судья подлежалъ бы выбору изъ среды членовъ суда ими самими. Точно также самими чинами судебныхъ канцелярій должны были избираться и замѣстители открывшихся вакансій. Особенно оригинально было проектированное имъ назначеніе мировыхъ судей. Составленный уѣзднымъ предводителемъ списокъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ желаніе и право быть мировыми судьями, долженъ былъ разсматриваться собраніемъ дворянства, собраніемъ городского общества и сельскимъ обществомъ, по волостямъ, при чемъ каждое изъ нихъ имѣло бы право большинствомъ $^2/_3$ голосовъ исключать по уважительнымъ причинамъ нѣкоторыхъ лицъ изъ списка, изъ котораго, затѣмъ, губернскій судья, по соглашенію съ прочими мировыми судьями уѣзда, назначалъ мировыхъ судей и кандидатовъ къ нимъ. Близкое вѣяніе будущихъ земскихъ учрежденій чувствуется въ этомъ проектѣ, замѣчательномъ особою, по самостоятельности и значенію, постановкою должности губернскаго судьи. Дальнѣйшая жизнь судебныхъ учрежденій показала, какъ трудно исполнимъ былъ бы въ этой своей части проектъ Ровинскаго во всѣхъ подробностяхъ, но онъ живо характеризуетъ взгляды составителя на необходимыя условія въ постановкѣ вновь учреждаемаго судейскаго званія въ судахъ «по внутреннему убѣжденію». Увѣренный, что сословія наши не видѣли особо цѣнной привелегіи въ правѣ выбора засѣдателей въ суды «не по внутреннему убѣжденію», Ровинскій, заканчивая свою записку о судебной службѣ, заявлялъ, что дворянству легко будетъ разстаться съ правомъ выбирать чиновниковъ на всевозможныя должности, ибо оно хорошо знаетъ, что истинное значеніе выборнаго начала зависитъ не отъ этого права. «Дворянству,—писалъ онъ,—какъ самому образованному сословію въ государствѣ, предстоитъ другая высокая обязанность: поддержать и развить *мировыя учрежденія,* сдѣлать изъ нихъ первую ступень для защиты дарованныхъ народу правъ и поддержанія общественной безопасности. Общія нужды и выгоды въ скоромъ времени сплотятъ его съ другими сословіями и свободнымъ путемъ отдадутъ въ его руки право общаго суда чрезъ присяжныхъ и мировыхъ судей, взамѣнъ тѣхъ непрочныхъ и непочтенныхъ правъ, которыми оно еще такъ недавно принуждено было пользоваться надъ половиною страны крѣпостнымъ порядкомъ».

Съ такими планами, взглядами и надеждами прибылъ Ровинскій въ началѣ 1863 г. въ Петербургъ для участія въ трудахъ ко-

миссіи по составленію судебныхъ уставовъ, для чего былъ 8 ноября 1862 г. прикомандированъ къ государственной канцеляріи. Здѣсь въ комиссіи, среди людей, оживленныхъ сознаніемъ плодотворности предпринятаго труда и тѣмъ подъемомъ духа, который проникалъ слова и дѣйствія крупныхъ и мелкихъ работниковъ по преобразованіямъ, наполнившимъ первое десятилѣтіе царствованія императора Александра Николаевича, Ровинскій нашелъ и благодарную почву для своихъ мнѣній, и разнообразную, оживленную ихъ критику. Многое видоизмѣнилось въ его взглядахъ на способы практическаго осуществленія судебнаго преобразованія, но въ существенномъ и главномъ онъ пребылъ неизмѣненъ, оставаясь зачастую въ меньшинствѣ, вѣрнымъ тому, что̀ подсказывали ему практическая складка его ума и знаніе русской жизни,—знаніе не книжное, а личное и непосредственное. Его мнѣнія, высказанныя въ комиссіи, очень цѣнны и въ настоящее время. Почти тридцати-лѣтняя практика указала на нѣкоторыя слабыя или черезчуръ сложныя, безъ пользы для правосудія, стороны уголовнаго процесса по судебнымъ уставамъ 1864 г., и по ряду вопросовъ приходится, путемъ живого опыта, возвращаться почти къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ, создавая судебные уставы, приходили нѣкоторые изъ ихъ составителей. Такъ, въ области уголовнаго судопроизводства Ровинскій былъ противъ безусловнаго *обряда преданія суду* обвинительною камерою, находя, что его слѣдуетъ установить лишь для случаевъ, гдѣ онъ по свойству дѣла и представленныхъ доказательствъ можетъ составлять существенное обезпеченіе для обвиняемаго, и отвергнуть какъ ненужную и замедляющую дѣло формальность, отяготительную для подсудимаго и обременительную для земской казны во всѣхъ случаяхъ, гдѣ къ обличенію виновнаго имѣются письменныя доказательства, поличное или собственное сознаніе. По вопросу о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей и вообще о ихъ положеніи на судѣ, Ровинскій былъ за широкое довѣріе къ этому учрежденію, чуждое оговорокъ и ограниченій, которыя отчасти внесены въ нашъ процессъ, ставя присяжнаго засѣдателя одновременно и въ положеніе безконтрольнаго и безотвѣтственнаго рѣшителя дѣла, и въ положеніе недозрѣлаго человѣка, которому нельзя *всего* сказать, котораго всегда можно подозрѣвать въ пристрастіи и легкомысліи, требующемъ непрестаннаго огражденія отъ внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій. Онъ горячо возставалъ противъ проектированной многими двойной системы отвода присяжныхъ и въ прекрасномъ, сильномъ и убѣдительномъ, но, къ сожалѣнію, одинокомъ мнѣніи, совершенно отрицалъ за прокуроромъ право отвода присяжныхъ безъ объясненія причинъ, боясь, что прокуроръ, исключая изъ состава присяжныхъ мягкихъ и сердечныхъ людей и оставляя исключительно крутыхъ и строгихъ, нарушитъ внутреннее равновѣсіе въ отношеніи присяжныхъ къ дѣлу и исказитъ тотъ спокойный и правдивый характеръ, который необходимо придать зва-

нію прокурора въ противоположность его французскому собрату, обвинителю quand même. Въ своей всегдашней заботѣ объ уменьшеніи народныхъ тягостей, онъ доказывалъ, что лишеніе прокурора права отвода 6 присяжныхъ составитъ уменьшеніе для 44 губерній Россіи въ 11,000 человѣкъ присяжныхъ, избавленныхъ отъ безполезной траты времени и расходовъ. Мнѣніе Ровинскаго осталось vox clamantis in deserto, несмотря на свою глубокую этическую связь съ сущностью суда присяжныхъ, въ коемъ сама судьба, путемъ жребія, указываетъ обвиняемому его судей.

Но въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ это начало, по настоянію тогдашняго прокурора, было примѣнено въ одномъ изъ столичныхъ судовъ. Ни прокуроръ, ни его товарищи не вычеркивали присяжныхъ изъ списка, предоставляя суду по совѣсти сложиться безъ вмѣшательства личныхъ взглядовъ, симпатій и антипатій представителя закона, которому въ его почтенной роли «говорящаго судьи» надлежало дѣйствовать правдивостью и вѣскостью своихъ доводовъ, а не краснымъ или синимъ карандашомъ. Сколько извѣстно — уголовное правосудіе въ столицѣ въ эти годы не пострадало отъ фактическаго упраздненія прокурорскихъ отводовъ...

По мнѣнію Ровинскаго, присутствіе присяжныхъ должно быть выбираемо на рядъ дѣлъ, съ правомъ подсудимаго или требовать новаго избранія по жребію, или же отводить отдѣльныхъ присяжныхъ, дополняемыхъ въ такомъ случаѣ запасными. Мнѣніе это, опиравшееся, между прочимъ, на рядъ серьезныхъ практическихъ соображеній, было, однако, отвергнуто; но вотъ теперь мы имѣемъ предъ собою § 256 германскаго Устава угол. суд. 1877 года, устанавливающій именно такое присутствіе—и къ тому же стремится италіанскій проектъ Тавани-ди-Календа. Довѣріемъ къ присяжнымъ проникнуты и тѣ мнѣнія Ровинскаго, гдѣ онъ высказывается противъ злоупотребленія слишкомъ частою присягою, противъ подкрѣпленія ею же обязанности не разглашать тайны совѣщаній и противъ введенія въ уставы разнообразныхъ дидактическихъ пріемовъ предсѣдателя относительно присяжныхъ. Не эти пріемы, совѣты и наставленія, а принятая присяга и призывъ судить своего ближняго напрягутъ душевныя силы русскаго присяжнаго и усугубятъ его вниманіе,—думалось ему. Что же касается до присяги не открывать тайну совѣщанія, то онъ предостерегалъ противъ опасности вызвать напрасныя клятвопреступленія въ странѣ, гдѣ для простолюдина пребываніе въ судѣ въ качествѣ присяжнаго будетъ такимъ необыкновеннымъ событіемъ въ жизни, что едва ли можно надѣяться, чтобы онъ, по возвращеніи къ домашнему очагу, не проронилъ лишняго словечка на нескромные вопросы домашнихъ. Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ, чего, однако, не случилось по отношенію къ единогласію присяжныхъ, какъ желательному для Ровинскаго началу, и къ воспрещенію передавать дѣла другому составу, если рѣшеніе присяжныхъ состоялось единогласно.

Затѣмъ Ровинскій настойчиво приводилъ свой старый взглядъ на предсѣдательство въ судѣ съ присяжными единоличнаго судьи. Двѣ коллегіи—коронная и выборная—на судѣ присяжныхъ всегда представлялись ему аномаліею. Его практическій умъ предвидѣлъ, что проблематическая польза участія членовъ коллегіи въ постановкѣ вопросовъ никогда не искупитъ расхода на этихъ членовъ, безплодной потери ими времени и вреднаго освобожденія, фактомъ ихъ присутствія, предсѣдателя отъ сознанія своей единоличной отвѣтственности и связанной съ тѣмъ бдительности и болѣе глубокой вдумчивости въ дѣло. Впослѣдствіи, будучи прокуроромъ Московской Судебной Палаты, онъ не разъ указывалъ на безполезность коронной коллегіи при присяжныхъ, зло подсмѣиваясь надъ тѣми изъ своихъ старыхъ сослуживцевъ, которымъ приходилось проводить цѣлыя недѣли въ бездѣятельномъ сидѣніи на большихъ процессахъ, ведомыхъ энергическими и самодѣятельными предсѣдателями. Впадая въ тонъ здоровой шутки автора «Народныхъ картинокъ», онъ предлагалъ *«намалевать»* такихъ членовъ по бокамъ у предсѣдателя или сдѣлать ихъ *для прочности* изъ фарфора...

Не мало сомнѣній и опасеній возбуждалъ въ членахъ комиссіи будущій *защитникъ*—невѣдомый дотолѣ и представлявшійся нуждающимся въ особой опекѣ и надзорѣ. И тутъ Ровинскій смотрѣлъ широко и безбоязненно. Въ комиссіи раздавались многочисленные голоса, предлагавшіе предоставить предсѣдателю устранять защитника, не имѣющаго надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты,—разрѣшать подсудимому, содержащемуся подъ стражею, свиданіе наединѣ съ защитникомъ лишь въ случаѣ *благонадежности* послѣдняго и отсутствія подозрѣнія, что онъ будетъ укрывать слѣды преступленія,—наконецъ, предлагавшіе установить цѣлую нравственно-педагогическую программу дѣйствій защитника, при чемъ предсѣдатель долженъ былъ, между прочимъ, внушать ему, если только онъ не принадлежалъ къ присяжнымъ повѣреннымъ, что онъ не долженъ ни самъ отвѣчать на вопросы, обращенные къ подсудимому, ни подсказывать ему отвѣтовъ. Противникъ всего излишняго и всякой напрасной регламентаціи того, что само собою разумѣется, Ровинскій участвовалъ въ остроумныхъ возраженіяхъ на эти предположенія, то указывая на ихъ практическую несообразность, то обращая вниманіе комиссіи на сущность задачъ уголовной защиты, требующей довѣрчиваго обмѣна мыслей и признаній между адвокатомъ и подсудимымъ. Онъ высказался также противъ точнаго обозначенія правъ, коими пользуются стороны на судебномъ состязаніи, полагая достаточнымъ лишь указать на *одинаковость* этихъ правъ и боясь, что перечисленіе ихъ въ особой статьѣ на практикѣ повлечетъ за собой лишеніе подсудимыхъ другихъ, вытекающихъ изъ состязанія, правъ, коихъ законодатель не предвидѣлъ и потому не опредѣлилъ. Какъ извѣстно, мнѣніе это не было принято—и масса кассаціонныхъ толкованій, силящихся втис-

нуть въ узкія и вмѣстѣ не точно очерченныя рамки 630 ст. Уст. угол. суд. разнообразнѣйшія проявленія судебнаго состязанія, служитъ лучшимъ указаніемъ на правоту Ровинскаго и по этому вопросу.

Въ отдѣленіи комиссіи по судоустройству Ровинскій принималъ менѣе участія, но и тутъ въ работахъ остался слѣдъ его мнѣній, клонившихся къ поднятію должности мирового судьи (которая въ столицахъ замѣщалась бы непремѣнно лицами, получившими высшее юридическое образованіе), придачею ей матеріальной (для чего предполагался довольно высокій подоходный цензъ) и нравственной независимости. Для достиженія послѣдней предполагалось поставить судью внѣ тѣхъ тревогъ, которыя неизбѣжно должны наставать для него каждые три года, при новыхъ выборахъ.—Люди, довольные дѣйствіями служащаго, у насъ рѣдко выступаютъ на его защиту,—недовольные, напротивъ, составляютъ партіи, и будутъ подбивать избирателей,—говорилось въ мнѣніи подписанномъ, между прочими, Зарудным, Ковалевскимъ, Рѣпинскимъ и Ровинскимъ,—и хорошій человѣкъ, привыкшій къ мѣсту и дѣлу, благодаря двумъ-тремъ лишнимъ шарамъ, долженъ будетъ уступить мѣсто другому, что будетъ особенно вредно въ столицахъ, гдѣ большое содержаніе неминуемо поведетъ къ многочисленнымъ искательствамъ». Поэтому Ровинскій «со товарищи», оставляя свой старый планъ избранія мировыхъ судей, предлагалъ предоставить I-му Департаменту Сената въ концѣ каждаго трехлѣтія повѣрять первоначально утвержденный Государемъ Императоромъ списокъ выбранныхъ всѣми сословіями судей, и составлять, по тщательной провѣркѣ имѣющихся у него свѣдѣній, новый, съ тѣмъ, чтобы для замѣщенія оставленныхъ имъ свободными вакансій производились установленнымъ порядкомъ новые выборы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій, Зарудный и Ковалевскій предлагали постановить, что почетными мировыми судьями считаются, во все всемя исправленія ими своихъ должностей:—министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, члены государственнаго совѣта и сенаторы—по всему государству; члены Судебной Палаты—по округу Палаты; члены суда, губернаторъ, губернскій предводитель и предсѣдатель Губернскаго Земскаго Собранія (управы)—по губерніи... Въ мотивахъ къ этому предложенію говорилось:

«Званіе почетныхъ мировыхъ судей учреждается для облегченія многочисленныхъ обязанностей мирового судьи, и для того, чтобы лица, заслуживающія полнаго уваженія и довѣрія, не лишались возможности оказывать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка и спокойствія, къ развитію мѣстнаго благосостоянія и къ поддержанію достоинства мировыхъ учрежденій. Охраненіе общественнаго порядка и спокойствія въ государствѣ составляетъ первую обязанность министра внутреннихъ дѣлъ; преслѣдованіе нарушителей этого порядка лежитъ на обязанности министра юстиціи; оба они должны внимательно слѣдить за ходомъ

мировыхъ учрежденій въ государствѣ, руководить ими, и съ этою цѣлью имѣть возможность сноситься съ ними непосредственно, *не въ формѣ начальниковъ*, а въ качествѣ старшихъ мировыхъ судей, хранителей тишины и порядка во всемъ государствѣ. Съ этою же цѣлію званіе почетныхъ мировыхъ судей должно быть предоставлено всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, какъ высшаго мѣста, устанавливающаго государственный порядокъ, и членамъ Сената, какъ главнаго судебнаго мѣста, наблюдающаго за отправленіемъ правосудія, поддерживающаго порядокъ въ государствѣ. Предоставленіе званія почетныхъ мировыхъ судей членамъ Судебной Палаты и Окружныхъ Судовъ должно ослабить разобщеніе судебнаго вѣдомства на коронное и мировое, возродивъ связь между коронными юристами и выборными судьями, постоянно обращающимися въ средѣ народа; участковые судьи будутъ имѣть въ лицѣ коронныхъ юристовъ товарищей по званію, готовыхъ и нравственно обязанныхъ толкователей закона и формъ дѣлопроизводства, — что *облегчитъ исполненіе многочисленныхъ занятій участковыхъ судей*, а короннымъ судьямъ доставитъ лестную возможность участвовать въ *общемъ дѣлѣ*, содѣйствуя *достиженію высокой цѣли мировыхъ учрежденій*. На возраженія, высказываемыя противъ предоставленія званія почетнаго мирового судьи губернатору, надлежитъ замѣтить, что губернаторъ будетъ имѣть постоянныя отношенія къ мировымъ учрежденіямъ. Предоставленіемъ ему званія почетнаго мирового судьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и члена мировыхъ съѣздовъ въ губерніи, нынѣшней дѣятельности его по отношенію къ судебнымъ мѣстамъ 1-й инстанціи дается *законное направленіе* и правильный выходъ. Такой выходъ составляетъ дѣйствительное средство поставить высшіе органы власти административной въ правильное отношеніе къ непосредственнымъ представителямъ судебной власти предъ большинствомъ народонаселенія, заставить обѣ власти идти рука объ руку, помогать другъ другу и не тратить большую часть времени на безплодную борьбу между собою и постоянныя пререканія о первенствѣ власти, что должно непремѣнно случиться, если власть губернаторская будетъ поставлена въ сторонѣ отъ мировыхъ учрежденій и безъ всякаго участія *въ общемъ мировомъ дѣлѣ*».

Этими соображеніями, такъ хорошо характеризующими широкій и предусмотрительный взглядъ Ровинскаго на постановку новаго судебнаго дѣла — и на его значеніе во внутреннемъ строѣ государства, приходится заключить обзоръ дѣятельности его по выработкѣ судебныхъ уставовъ.

Одновременно съ работами законодательнаго характера, наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ совлеченію съ себя «ветхаго Адама»—стараго судебнаго устройства, отъ порядковъ котораго такъ наболѣло сердце Ровинскаго. Еще 21-го ноября 1862 года ему было объявлено Высочайшее повелѣніе о

собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній для разрѣшенія вопроса объ условіяхъ и способахъ введенія новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей Московской Судебной Палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, планъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863 года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Данныя эти и соотвѣтствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto—въ 265 и 303 страницы, подъ названіемъ «Свѣдѣній а положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской». Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій не умѣлъ работать «какъ духомъ хладный скопецъ», онъ вносилъ во все живую струю и, благодаря этому, «Свѣдѣнія» представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей настоятельности созидаемаго на новыхъ началахъ. Любимое «caeterum censeo» Ровинскаго нашло и здѣсь свое мѣсто. Его постоянная забота о народѣ выражается въ настояніи, чтобы новая постройка не обошлась ему дорого и принесла бы дѣйствительную пользу. Опредѣляя непремѣнныя условія хорошаго суда, въ которомъ каждый членъ вполнѣ способенъ предсѣдательствовать съ присяжными засѣдателями, онъ замѣчаетъ: «Только при такихъ условіяхъ справедливо будетъ дать судьямъ доброе содержаніе, только при нихъ народъ убѣдится, что деньги, собранныя съ его труда, употреблены разсчетливо и сообразно съ его дѣйствительными нуждами, а не съ отвлеченными принципами, и что деньги эти купили для него тѣхъ судей знающихъ и справедливыхъ, которые обѣщаны ему Основными Положеніями».

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учрежденіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: «нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ» — было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало идти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій такъ и сдѣлалъ.

Подготовительныя работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, при единодушномъ содѣйствіи всѣхъ прикосновенныхъ къ этому вѣдомствъ, велись столь успѣшно, что на самомъ порогѣ 1866 года — 31 декабря 1865 г.—министръ юстиціи Замятнинъ счелъ возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на открытіе въ Петербургской и Московской губерніяхъ Окружныхъ Судовъ и Палатъ—въ первой 17-го, а во второй 23-го апрѣля 1866 г. На докладѣ его объ этомъ императоромъ Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: «*Искренно благодарю за все, что*

уже исполнено. Да будетъ благословенiе Божiе и на всѣхъ будущихъ нашихъ начинанiяхъ для благоденствiя и славы Россiи». Эти знаменательныя слова опредѣляли взглядъ монарха на предстоящее новое дѣло и, будучи, по ходатайству министра Замятнина, объявлены по вѣдомству министерства юстицiи, призывали судебныхъ дѣятелей не къ одному только исполненiю заурядгаго служебнаго долга, но и къ дружной, увѣренной и благотворной работѣ на пользу родины. Ими не только возлагались великiя обязанности, но и ставились высокiя задачи. Каждый, кто сознательно пережилъ это время, помнитъ то одушевленiе, иногда доходившее до жертвъ служебными выгодами и положенiемъ, которое охватило тогда всѣхъ, кто считалъ себя пригоднымъ или полезнымъ именно для новой судебной дѣятельности. Я подробно описалъ въ другой рѣчи это горячее стремленiе получить дѣятельность въ преобразованныхъ судахъ и все общественное настроенiе того времени по отношенiю къ судебной реформѣ *), и не буду, поэтому, повторять воспоминанiй своихъ о незабвенной эпохѣ «первой любви» къ судебнымъ уставамъ. Но если въ этомъ отношенiи было много *званныхъ,* то на первое время число *избранныхъ* было весьма ограниченно. Для того, чтобы попасть въ послѣднiе—нужно было проходить чрезъ серьезную и строгую провѣрку. Недаромъ имена первыхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ и предсѣдателей столичныхъ Окружныхъ Судовъ,—носители которыхъ, за исключенiемъ одного, уже давно сошли въ могилу,—пользуются заслуженнымъ уваженiемъ среди всѣхъ, кому пришлось хоть отчасти видѣть ихъ многотрудную созидательную дѣятельность. Будущему историку судебной реформы предстоитъ съ благодарнымъ чувствомъ встрѣтиться съ ихъ работою и нравственнымъ обликомъ.

Въ числѣ «избранныхъ» оказался и Ровинскiй, назначенный, приказомъ отъ 4 февраля 1866 года, прокуроромъ вновь образуемой Московской Судебной Палаты. Трудно было сдѣлать лучшiй и болѣе подходящiй выборъ. Вся его прежняя служба, вся его недавняя судебно-законодательная дѣятельность, наконецъ, самая личность бывшаго губернскаго прокурора—энергическая, близкая Москвѣ, исполненная пониманiя народной жизни и общественныхъ потребностей—все говорило за это назначенiе, подсказывало, предписывало его.

Ровинскiй бодро, горячо и съ видимымъ удовольствiемъ принялся за новую работу. Но онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организацiи прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губернiяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участiя въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленiй, помимо над-

*) «Новое вино и новые мѣха».

зора за правильнымъ ходомъ практическаго осуществленія мировой, выборной юстиціи, прокурору Палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между министерствомъ юстиціи и мѣстными административными мѣстами и лицами, устраняя и разъясняя многія недоразумѣнія и «недоумѣнія», принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое дается безъ труда и совершается съ *легкимъ* сердцемъ,— второе осуществляется съ болью, съ оглядкою назадъ, нерѣшительно и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вдвинулся въ русскій общественный обиходъ новый судъ, образовавшій своего рода «insula in flumine nata», теоретическія симпатіи стали нерѣдко смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ стороннихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, «не взирая на лица», обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго общественнаго равновѣсія, для другихъ оскорбительнымъ отрицаніемъ ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію всегда доброжелательнаго, усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права,— изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ судебными уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ—и все это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьею, которую объединило нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. Притомъ эти новые дѣятели, правда въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернскій прокуроръ, но зато болѣе настойчиво и безъ колебаній ссылались на законъ, написанный въ ихъ «слоеномъ пирогѣ» (какъ въ шутку были названы судебные уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это становилось подчасъ скучно, стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго свода и откликавшимся лишь когда требовалась его услужливая помощь, а начиналъ являться какъ Пушкинскій «незваный гость, докучный собесѣдникъ». Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ нареканій и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива министерства юстиціи за 1866—67 годы. Нужно было много ума, такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснять и распуты-

вать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебнаго устройства и въ то же время «не норовя своимъ», которые въ первое время впадали подчасъ въ крайности и дѣлали промахи, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе этого и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры пріобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣзкости, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для Московскаго округа требовалось 10 прокуровъ и около 70 товарищей прокурора Окружного Суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, неиспытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и притомъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Приходилось—уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія представлялись весною 1866 года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступившаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокуратуры всего судебнаго округа, прокурора Судебной Палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-нибудь чиновника V класса, судившагося въ Палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за важное преступленіе по должности.

Ровинскій первый годъ существованія новыхъ судовъ постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ Палаты, по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, какъ надо вести дѣло,—являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь—живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ—выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей и никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить другихъ во что бы то ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, на ряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ «безобразіе»—онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей спокойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но за то никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя «обращаться со словомъ честно».

Данное житейскимъ опытомъ знаніе людей и горячая любовь къ новому дѣлу руководили имъ въ выборѣ ближайшихъ сотрудниковъ. Онъ искалъ ихъ всюду, и имена многихъ изъ первыхъ прокуроровъ судовъ Московскаго округа съ честью звучали затѣмъ въ рядахъ высшихъ судебныхъ дѣятелей до Сената включительно. Имъ былъ избранъ въ товарищи прокурора Московскаго Суда и затѣмъ сдѣланъ калужскимъ прокуроромъ блестящій умомъ, страстный и одаренный громадною энергіею Н. А. Манасеинъ, онъ оцѣнилъ и быстро выдвинулъ приглашеннаго московскимъ прокуроромъ изъ воронежскихъ стряпчихъ М. Ѳ. Громницкаго, дѣятельность котораго неразрывно связана съ исторіею образованія и развитія русскаго судебнаго краснорѣчія.

Довольно равнодушный къ тому, что онъ называлъ на своемъ образномъ языкѣ «законодательнымъ зудомъ», и вслѣдствіе этого неохотно относившійся къ возбужденію разнаго рода *вопросовъ*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чутко прислушивался ко всему, что могло бы поколебать довѣріе или уваженіе къ молодымъ судебнымъ учрежденіямъ. Онъ охранялъ ихъ зорко и любовно, журилъ сослуживцевъ, прямодушно выговаривалъ товарищамъ по воспитанію, если они упускали изъ виду «ne quid detrimenti forum capiat», и быстро являлся на помощь со словомъ разумнаго примиренія и дѣлового юмора. Спокойный—онъ былъ, пока не окрѣпли новыя учрежденія, «toujours en vèdette»; добрый и невзыскательный—онъ непреклонно высадилъ на берегъ частной жизни двухъ, трехъ изъ своего прокурорскаго экипажа, которымъ вино новой власти слишкомъ сильно бросилось въ голову. Голова и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу.

Представленный Замятнинымъ 25-го декабря 1866 года императору Александру II отчетъ о дѣйствіяхъ новыхъ судовъ былъ по Высочайшему повелѣнію внесенъ въ комитетъ министровъ, который нашелъ, что «всѣ изложенныя въ немъ данныя и въ особенности выводы о ходѣ дѣлопроизводства во вновь открытыхъ судебныхъ мѣстахъ указываютъ на вполнѣ успѣшный ходъ судебнаго преобразованія» и, выразивъ пожеланіе, чтобы дѣло это и на будущее время велось съ тѣмъ же успѣхомъ, положилъ «напечатать изъ этого отчета все, что можетъ быть признано полезнымъ и любопытнымъ для всеобщаго свѣдѣнія». Существенныя части отчета были напечатаны въ № 64 «Судебнаго Вѣстника» за 1867 годъ. Въ нихъ говорилось между прочимъ о мировыхъ судьяхъ и о присяжныхъ засѣдателяхъ,—двухъ институтахъ, возбуждавшихъ—въ особенности второй—во многихъ опасенія и тревоги, и на которые, какъ я уже говорилъ, еще въ подготовительныхъ работахъ въ комиссіи Ровинскій возлагалъ довѣрчивыя надежды. Онѣ его и не обманули! «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—го-

ворилось въ отчетѣ,—простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять Верховнаго Законодателя за дарованіе Россіи суда, столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ, принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

«Участіе присяжныхъ засѣдателей,—говорится далѣе въ томъ же отчетѣ,—вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми слоями общества. Присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ, вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному* вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались, въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно».

Теперь наступила для Ровинскаго пора сознанія, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько физическихъ и духовныхъ силъ, взошли благополучно... Наступало и право почувствовать, наконецъ, утомленіе и обратиться къ другимъ менѣе тревожнымъ занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще годъ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, будучи назначенъ съ 1-го марта 1868 года на должность предсѣдателя Уголовнаго Департамента Московской Судебной Палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьею «по существу». Дѣятельность этого рода, особливо по обвинительной камерѣ, не видна и не замѣтна для публики. Апелляціонныя дѣла, подсудныя въ то время Судебнымъ Палатамъ, по свойству своему, тоже не могли останавливать на себѣ общественное вниманіе.— Но трудъ, выполняемый въ этихъ, по большей части не публичныхъ засѣданіяхъ, былъ большой и нравственно-отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и привлеченіе на скамью подсудимыхъ бы-

ваетъ въ нравственномъ отношеніи равносильно осужденію, да и наконецъ душевныя волненія, стыдъ и опасенія, сопряженныя съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не проходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и болѣзненныя борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ здоровьѣ, иногда помимо всего остального, подтачиваемомъ предварительнымъ, до суда, лишеніемъ свободы. Будущій авторъ «Русскихъ народныхъ картинокъ» отлично сознавалъ все это—и его руководящая дѣятельность по обвинительной камерѣ, его строгое, а подчасъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпѣвшими, служили здоровымъ противовѣсомъ тому, что Гете называетъ, въ «Фаустѣ», «die richtende gefühllose Menschheit».

2-го іюля 1870 года, Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Въ этомъ званіи онъ пробылъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подчасъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ «существа дѣла» кассаціонной работы, требующей и отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучной механической работы. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вѣроятно, не безъ сожалѣнія, отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и толкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, чтобы приняться за изслѣдованіе—какіе формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о мѣщанинѣ М., обругавшемъ «публичными словами» крестьянку Н.; или правильно ли примѣненъ карательный законъ къ нарушенію статей какого нибудь спеціальнаго—акцизнаго или таможеннаго устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ «широкихъ горизонтовъ» и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью—и онъ выполнялъ его свято. Онъ высоко ставилъ значеніе Сената въ правовой жизни народа. Созданный мощною рукою Петра Великаго, Сенатъ быстро пріобрѣлъ высокое значеніе въ народномъ представленіи, являясь въ глазахъ народа хотя и отдаленнымъ, но зато недоступнымъ мѣстнымъ дрязгамъ, вліяніямъ и давленіямъ учрежденіемъ. «Правительствующему Сенату,—говоритъ законъ (т. I, ч. II, ст. 2),—принадлежитъ высшій надзоръ въ порядкѣ управленія. Поэтому онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія,—надзираетъ за собираніемъ податей и расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣ-

стахъ». Исторія Сената показываетъ, что онъ не разъ выполнялъ эту свою задачу и коллегіально, и въ лицѣ своихъ членовъ, производившихъ сенаторскія ревизіи, всегда оставлявшія сильное и благотворное впечатлѣніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, населеніе которыхъ, вслѣдствіе частыхъ злоупотребленій или общихъ безпорядковъ въ управленіи, «алкало и жаждало правды»... Поэтому «дойти до Сената» часто представлялось панацеею отъ всѣхъ золъ,—поэтому народъ слагалъ иногда совершенно неправдоподобныя легенды о характерѣ дѣятельности «сенатóровъ» и твердо вѣрилъ въ то, что законъ называетъ «безпристрастнымъ и нелицемѣрнымъ Сената правосудіемъ». Какъ бы кропотлива и мелка въ отдѣльности ни была кассаціонная работа сенаторовъ — въ общемъ ею поддерживается, въ сферѣ судебной, историческая связь Сената съ населеніемъ, въ которомъ каждый знаетъ, что въ своихъ личныхъ обидахъ и убыткахъ онъ, не довольствуясь мѣстнымъ судомъ, можетъ, въ концѣ концовъ, обратиться въ высшее, далекое судилище, въ безпристрастіи котораго нельзя—именно въ виду этого отдаленія и высоты его — сомнѣваться...

Поэтому, когда въ 1871 и 1883 годахъ возбуждался вопросъ объ освобожденіи сенаторовъ отъ массы мелкихъ дѣлъ, между прочимъ, путемъ передачи ихъ въ Судебныя Палаты, Ровинскій горячо возражалъ противъ этого. «Нельзя забывать,—писалъ онъ,—что при громадности нашего государства, каждое центральное учрежденіе, если только въ немъ будетъ сосредоточенъ дѣйствительный и добросовѣстный надзоръ за какою-либо частью, должно готовиться къ сложной и тяжелой работѣ. Но необходимо ли сосредоточивать въ такомъ государствѣ дѣйствительный надзоръ за судебною частью въ одномъ центральномъ Верховномъ Судѣ и тѣмъ оградить правосудіе однимъ изъ самыхъ существенныхъ обезпеченій его — наблюденіемъ за точнымъ и единообразнымъ исполненіемъ закона во всемъ государствѣ—вопросъ этотъ есть вопросъ первой государственной важности; онъ былъ уже обсужденъ въ свое время Государственнымъ Совѣтомъ и разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ. Отъ этого рѣшенія отступать невозможно».

Трудъ, который несъ Ровинскій въ Сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, имъ *лично* разсмотрѣно, доложено и изложено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ, мотивированныхъ резолюцій, всего 7,825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассаціонная работа и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассаціонный поводъ,—пойметъ *что́* значитъ эта почтенная цыфра,—особливо если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человѣкъ съ надорванными силами, достигшій 70-ти лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оста-

вался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человѣколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія — были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ написанныя, носили шутливое названіе «коротышекъ», но въ направленіи, которое давалось этими «коротышками» дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человѣка, насколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассаціоннаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соотвѣтствій этихъ указаній тому или другому № рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ—глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Это часто тревожило и смущало его «кассаціонную безучастность» и заставляло его вспоминать, что qui n'est que juste — est cruel...» «Плохой кассаторъ,— говорили про него жрецы отвлеченнаго правосудія,—все смотритъ въ существо...» «Ровинскій!» — многозначительно отвѣчали знавшіе его близко — и въ этомъ имени заключалось и оправданіе, и объясненіе взглядовъ «плохого кассатора». Было бы однако ошибочно думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п., такъ что подъ вліяніемъ увлеченія чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость къ пострадавшему, при чемъ у послѣдняго къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще и обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за это никакого судебнаго порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злому и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія... Напротивъ корыстныя и обдуманно злыя, кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣлъ о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта,— ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или соблазномъ для другихъ, — Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассаціонные поводы, чтобы подвинуть его на отмѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Такъ, въ написанныхъ имъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ Нинбурговъ (1885 г.) и Звенигородскаго (1871 г.), вопросъ о злостной несостоятельности и о

пособничествѣ къ ней — одномъ изъ вреднѣйшихъ явленій нашего торговаго быта — разработанъ самымъ обстоятельнымъ образомъ и такъ, «дабы на то глядючи и другимъ впредь то неповадно было дѣлать...» Высоко ставя званіе мирового судьи, Ровинскій всегда ратовалъ противъ раздвоенія личности судьи — на частнаго человѣка, который можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ беззаконій, совершаемыхъ на его глазахъ, и на судью, остающагося такимъ только въ свои присутственные часы и у себя въ камерѣ. Когда среди общаго шума и насмѣшекъ по адресу мѣстнаго мирового судьи до Сената докатилось въ 1871 г. громкое дѣло шансонетныхъ пѣвицъ Бланшъ-Гандонъ и Филиппò, противъ которыхъ этимъ судьею, посѣтившимъ театръ «Буффъ», было возбуждено преслѣдованіе, по 43 ст. Устава о наказ. налаг. миров. судьями, за безстыдныя, во время представленія, тѣлодвиженія и непристойный костюмъ или, вѣрнѣе, отсутствіе его,—Ровинскій принялъ докладъ дѣла на себя и настоялъ на томъ, что мировой судья дѣйствовалъ вполнѣ согласно со своей нравственною и общественною задачею, приступивъ къ исполненію судейскихъ обязанностей въ виду зрѣлища, «въ которомъ мужчина и женщина низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ грубый инстинктъ половыхъ стремленій».

Наконецъ, онъ былъ всегдашнимъ противникомъ всего неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись, — не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, какую именно статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка отъ напрасныхъ недоумѣній и «волокиты» слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ опозореніи въ печати, твердо и рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ Сенатъ признать, что употребленіе словъ «говорятъ, что...» предшествующихъ иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что, будто бы, «говорятъ...»

Добрый товарищъ, всегда готовый на услугу сотрудникъ, Ровинскій высказывалъ свои мнѣнія твердо и опредѣленно, — не любя отступать отъ нихъ,—оттѣняя ихъ житейскую сторону, но никогда ихъ не навязывая и не выступая для защиты ихъ въ горячіе и упорные споры. Онъ раздѣлялъ взглядъ, что мнѣнія похожи на гвозди — чѣмъ болѣе по нимъ колотить, тѣмъ глубже они входятъ... Поэтому не громкой защитой правильности своего мнѣнія, а искренностью и безусловною независимостью, съ которою оно высказывалось, дѣйствовалъ онъ на слушателей и товарищей. И когда его безупречное, долгое служеніе въ Сенатѣ внезапно прервалось — эти товарищи почувствовали себя осиротѣвшими, и къ скорби объ утратѣ

у нихъ присоединилось сознанiе о ея незамѣнимости, объ оставленной ею нравственной пустотѣ...

Если сказать знатоку, любителю и изслѣдователю исторiи искусства, что Ровинскiй былъ *выдающимся дѣятелемъ*—онъ, конечно, съ этимъ безусловно согласится. Но если ему объяснить, что право на такое названiе прiобрѣтено имъ *общественными и служебными заслугами*—онъ будетъ, вѣроятно, не мало удивленъ. Люди близкiе къ исторiи графическихъ искусствъ, давно и безспорно считающiе Ровинскаго замѣчательнымъ человѣкомъ, оставившимъ по себѣ глубокiй и свѣтлый слѣдъ, конечно, далеки отъ мысли, что онъ столь много значилъ и сдѣлалъ въ другой, совершенно чуждой искусству области. Для нихъ болѣе чѣмъ достаточно его заслугъ именно въ области искусства. И они, со своей точки зрѣнiя, правы. Стоитъ припомнить, что Ровинскiй одинъ, собственными трудами и путемъ большихъ матерiальныхъ жертвъ собралъ и выпустилъ рядъ слѣдующихъ изданiй: «Исторiю русскихъ школъ иконописанiя»; «Русскiе граверы и ихъ произведенiя»; «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»; «Русскiй граверъ Чемесовъ», съ 17-ю портретами; «Русскiя народныя картины»; «Достовѣрные портреты московскихъ государей», съ 47-ю рисунками; «Н. Н. Уткинъ, его жизнь и произведенiя», съ 34-мя портретами и рисунками; «Виды Соловецкаго монастыря», съ 51 рисункомъ; «Матерiалы для русской иконографiи», 12 выпусковъ съ 480-ю рисунками; «Одиннадцать гравюръ Берсенева»; «Ѳ. И. Iорданъ»; «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенiя»; «Сборникъ сатирическихъ картинъ»; «Полное собранiе гравюръ Рембрандта», съ 1,000 фототипiй; «Полное собранiе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ», съ 478-ю фототипiями; «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ...» Сверхъ того, имъ сдѣланъ рядъ небольшихъ изданiй, какъ, напримѣръ—«Виды изъ привислянскихъ губернiй»; «Сатирическiя азбучныя картинки 1812 года»; «Посольство Сугорскаго» и т. п.

Всѣ эти труды его, своевременно оцѣненные и поставленные высоко компетентными лицами и учрежденiями, заслуживаютъ особаго разбора съ технической и образовательной стороны.

Одно изданiе гравюръ Рембрандта—монументальный, дорогой и ставшiй уже рѣдкостью, трудъ въ 4-хъ томахъ—могло бы составить задачу цѣлой жизни, посвященной исторiи искусства. Оно съ восторгомъ было встрѣчено за границею и можетъ составлять предметъ нашей нацiональной гордости. Русскiй человѣкъ, безъ чьей-либо поддержки, служившiй государству вѣрою и правдой, нашелъ время и обрѣлъ въ себѣ силу и неизсякающую энергiю, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ создать великому голландцу—«королю свѣто-тѣни»—памятникъ, котораго тотъ не дождался отъ преслѣдующихъ художественныя цѣли учрежденiй своей родины!

Желая познакомить читателей съ чертами духовной личности

Ровинскаго, насколько онѣ выразились въ его общественной и научно-художественной дѣятельности, я укажу лишь съ этой точки зрѣнія на нѣкоторыя его произведенія.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *«Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»*.

Онъ состоитъ изъ IV томовъ in quarto и представляетъ собою драгоцѣнный памятникъ для ознакомленія съ искусствомъ гравированія вообще и въ Россіи въ особенности, давая описаніе портретовъ 2,000 лицъ, въ какомъ-либо отношеніи привлекшихъ къ себѣ вниманіе современниковъ и потомства закрѣпленныхъ гравировальнымъ рѣзцомъ. Эти описанія, составляя отчетъ о каждомъ портретѣ съ массою точныхъ и мельчайшихъ техническихъ подробностей, потребовали, въ виду 10,000 снимковъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, поразительнаго по своей настойчивости и усидчивости труда. Но не для однихъ любителей гравюръ или ученыхъ изслѣдователей исторіи искусства даютъ эти четыре тома богатѣйшій матеріалъ... На 3,086 столбцахъ этой книги, составленіе которой одно могло бы наполнить жизнь человѣка, рядомъ съ разнообразными, всегда вполнѣ отчетливыми, а иногда и прямо прекрасными фотопипіями, идутъ біографическія замѣтки, разсказы и указанія современниковъ. Въ нихъ содержится въ высшей степени интересный историческій и бытовой матеріалъ, рисующій и освѣщающій со многихъ сторонъ русскую жизнь и ея судьбы. Пестро собраніе людей, изображенія которыхъ пріютились на страницахъ «Словаря»! Ровинскій терпѣть не могъ офиціальныхъ классификацій. Его интересовалъ прежде всего человѣкъ, а не представляемая имъ особа, и онъ скептически подсмѣивался надъ разными «Пантеонами» и «Румхаллями». Поэтому, какъ онъ самъ говоритъ, ему было все равно: «геній ты, или замѣчательный шутъ, великанъ или карликъ, разбойникъ, ученый, самодуръ-самоучка, сдѣлалъ ты что замѣчательное въ жизни или просто промытарилъ ее,—но есть съ тебя гравированный портретъ, ну и ступай въ Словарь, и ложись тамъ подъ свою букву».

И лежатъ подъ этими буквами, какъ на обширномъ кладбищѣ, самые разнообразные люди, а вмѣстѣ съ ними предъ глазами читателя лежитъ и прошлая русская жизнь, въ тѣхъ проявленіяхъ ея, которыя были такъ или иначе связаны съ ними. Замѣтки Ровинскаго не имѣютъ претензіи на полноту или на опредѣленную систему,—это, по большей части, краткія, живыя характеристики, блестящія умомъ, вооруженнымъ громадною начитанностью и знаніемъ. Сжатая форма ихъ придаетъ имъ особую силу и совершенно исключаетъ всякую условность и дѣланный паѳосъ. Вообще въ трудахъ Ровинскаго нѣтъ ни малѣйшаго слѣда историческаго прислужничества, и потому его отзывы и оцѣнки звучатъ полною искренностью, съ которою можно, пожалуй, подчасъ не согласиться, но къ которой нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ ува-

женіемъ. Впрочемъ, не всѣ замѣтки кратки. Есть подъ этимъ флагомъ цѣлые біографическіе очерки, выдѣленіе которыхъ изъ «Словаря» и собраніе вмѣстѣ могло бы составить полную интереса книгу. Таковы, напримѣръ, между прочимъ, очерки жизни и дѣятельности Александра I, Екатерины II, Дмитрія Самозванца и, въ особенности, Суворова. Этого рода очеркамъ можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ въ излишней подробности, выходящей за предѣлы цѣлей «Словаря». Ровинскій предвидѣлъ возможность подобнаго упрека. Отвѣтъ на него содержится въ его указаніи на отношеніе иконографіи къ исторіи. «Для насъ, *иконографовъ,*—говоритъ онъ,—интересно имѣть не изображеніе Екатерины въ высокоторжественной позѣ, а настоящую, живую Екатерину, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Мы хотимъ знать всякую мелочь, которою была окружена эта великая женщина; хотимъ знать, въ которомъ часу она вставала, когда садилась работать, что пила и ѣла за обѣдомъ, что дѣлала вечеромъ; какъ одѣвалась и куда ѣздила. Намъ до всего дѣло, мы хотимъ знать ея частную жизнь, даже прочесть ея интимныя записочки, хотимъ видѣть ее у себя дома—живую, умную, хитрую... можетъ быть и черезчуръ страстную. Изъ короткаго знакомства со всѣми мелочами ея обихода—мы болѣе, чѣмъ изъ всякой другой *Исторіи,* вынесемъ увѣренность, что легкія стороны ея домашней жизни не имѣли разслабляющаго вліянія на царственныя ея задачи, и еще болѣе полюбимъ эту великую женщину за ея безграничную любовь къ ея новому, русскому отечеству».

Портреты расположены безъ подраздѣленій на разряды, въ простомъ алфавитномъ порядкѣ, но IV-ый томъ, не считая двухъ подробныхъ алфавитовъ содержанія всего изданія, состоитъ, во-первыхъ, изъ восьми приложеній, заключающихъ въ себѣ исторію происхожденія гравированныхъ портретовъ и описаніе современнаго положенія этого дѣла у насъ, съ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ для собирателей свѣдѣній и наставленій и, во-вторыхъ,—изъ восьми главъ «Заключенія», въ которыхъ спеціальныя изслѣдованія, напр. о способахъ гравированія на мѣди и о механическихъ способахъ портретнаго производства и т. п., чередуются съ отдѣльными, полными живого интереса монографіями. Такъ, напримѣръ, глава V-ая содержитъ очеркъ нашей дипломатіи и военнаго дѣла въ ихъ «гравированныхъ» представителяхъ; глава VI-ая говоритъ о русской женщинѣ; глава VII-ая—о сатирическихъ картинкахъ... Богатое содержаніе «Словаря», по справедливости названнаго, въ одномъ изъ некрологовъ Ровинскаго, *настольною книгою* образованнаго русскаго человѣка, могло бы быть предметомъ особаго изслѣдованія. Но даже и упоминая о немъ мимоходомъ, нельзя не указать на оригинальные взгляды и поразительную массу свѣдѣній, щедрою рукою разсыпанные Ровинскимъ по столбцамъ его изданія и характеризующіе самого автора.

Онъ, этотъ авторъ, прежде всего горячій русскій патріотъ, которому дорого свое родное, и котораго волнуетъ и смущаетъ всякое принесеніе русскаго труда, интересовъ или крови въ жертву предметамъ или началамъ, ничего общаго съ благоденствіемъ Россіи не имѣющимъ. Вотъ почему въ замѣчаніяхъ къ многочисленнымъ портретамъ Александра I сказывается несочувствіе сентиментальной политикѣ и мистическому честолюбію «новаго Агамемнона» и почему такъ много страницъ съ нескрываемою любовью посвящено портретамъ Екатерины II и описанію наружности и обихода государыни, «домашніе недостатки которой не могутъ умалить ея великихъ заслугъ, ибо не помѣшали они ей держать высоко русское знамя и вѣрно *по-русски* понимать *кровные* интересы своей новой родины». Портреты Екатерины изслѣдованы и сравнены между собою Ровинскимъ съ чрезвычайною подробностью,—однѣхъ фототипій съ нихъ приложено къ «Словарю» 49, и неизмѣнная нота прямодушной нѣжности звучитъ во всѣхъ къ нимъ объясненіяхъ. «Разложивъ *профильные* портреты рядомъ,—пишетъ онъ,—можно прослѣдить шагъ за шагомъ превращеніе граціознаго и полнаго огня и жизни Ротаріевскаго профиля, сперва въ роскошный профиль Девейда, потомъ въ профили все еще оживленные 1776 и 1782 годовъ и, наконецъ, въ профиль 1790 года,—профиль шестидесятилѣтней, хорошо пожившей женщины, съ одутловатымъ и добродушнымъ лицомъ, съ двузначащею улыбкою на сжатыхъ губахъ, но въ которой, однако же, не трудно узнать усталую, но все еще *великую* Екатерину».

Съ этой же точки зрѣнія говоритъ Ровинскій и объ Елисаветѣ Петровнѣ, представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы и замѣчая, что рядомъ съ танцами, которыя она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета «за стѣнами своего дворца, вела настоящую русскую политику», результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій губернскій городъ, чеканка въ немъ русской монеты и даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова, причемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской Имперіи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: «быть по сему», оставивъ за собою право «удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обоихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе». Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это.

Еще больше собрано въ книгѣ портретовъ Петра Великаго и гравюръ, въ которыхъ, между другими, есть и его изображенія.

Всѣхъ ихъ 52—и наружность величайшаго русскаго человѣка проходитъ въ нихъ отъ юныхъ лѣтъ до его кончины. Мы видимъ его сначала мальчикомъ и юношей въ московскомъ одѣяніи,—въ высокой бобровой шапкѣ,—какъ Magnus dux Moscoviae, затѣмъ эти изображенія смѣняются,—окруженными аллегорическими картинками,—портретами въ условномъ костюмѣ великихъ людей начала XVIII вѣка, состоящемъ изъ латъ, порфиры и шлема и, наконецъ, идетъ, въ рядѣ снимковъ, могучій лучезарный ликъ Петра въ томъ видѣ, въ какомъ привыкло его представлять себѣ русское сознаніе,—съ вьющимися кудрями и коротко подбритыми усами,—«котскими», какъ съ негодованіемъ говорили его закоренѣлые враги раскольники. Это тотъ Петръ, голова котораго увѣковѣчена дѣвицею Калло на памятникѣ Фальконета,—тотъ, который восторженно воспѣтъ Пушкинымъ, тотъ, «чьи глаза сіяютъ», чей ликъ «ужасенъ» и «прекрасенъ», кто «весь какъ Божія гроза», кто «думъ великихъ полнъ»... Портретамъ Петра предшествуетъ сжатая, но весьма выразительная біографическая замѣтка, рисующая всю разностороннюю мощь его натуры, весь гигантскій трудъ, подъятый имъ—«только бы жила Россія». Въ живыхъ чертахъ, со словъ современниковъ, проходятъ наружность Петра, его манеры, одежда, домашняя жизнь. Ровинскій описываетъ его трудовой день, его простоту, непритязательность,—приводитъ выписки—то шутливыя, то озабоченныя—изъ переписки съ «Катеринушкою, другомъ сердешненькимъ».

Въ этихъ разнообразныхъ описаніяхъ, разбросанныхъ въ качествѣ примѣчаній къ различнымъ гравированнымъ портретамъ Петра, иногда содержатся малоизвѣстные факты, въ которыхъ ярко сквозитъ все величіе простоты человѣка, кому, по словамъ Некрасова, «въ царяхъ никто не равенъ». Такъ, напр., по поводу рѣдкой французской гравюры 1712 года, изображающей свиданіе Екатерины съ ея братомъ Карломъ Скавронскимъ и русской копіи съ нея, подъ заглавіемъ: «Усердіе Петра Перваго къ родству», Ровинскій приводитъ разсказъ Левека о томъ, что, увидѣвъ внезапно въ домѣ гофмейстера Шепелева своего брата и въ немъ узрѣвъ снова воочію свое незначительное прошлое, Екатерина чуть не упала въ обморокъ, но Петръ сказалъ ей: «нечего краснѣть! я признаю его моимъ шуриномъ,—а ты—цѣлуй руку императрицы, а потомъ обними свою сестру!»—Теплому сердцу Ровинскаго и его гуманнымъ взглядамъ были, однако, тяжелы нѣкоторыя стороны въ жизни Петра. Онъ не скрываетъ этого и скорбитъ, что преобразователь подчасъ дѣйствовалъ на свой народъ, по выраженію Фридриха Великаго, «какъ крѣпкая водка на желѣзо; но онъ умѣетъ стать на историческую точку зрѣнія, указывающую на необходимость въ извѣстные моменты народной жизни такой «крѣпкой водки», представляемой геніальнымъ дѣятелемъ—«первымъ человѣкомъ въ государствѣ и первымъ слугою своему народу». Ровинскій не умал-

чиваетъ о кровавомъ подавленіи бунта стрѣльцовъ,—о процессѣ и смерти царевича Алексѣя Петровича,—но онъ напоминаетъ, что зло, представляемое постоянно бунтующимъ и дерзкимъ войскомъ, служащимъ орудіемъ домашнихъ и придворныхъ интригъ, надо было для общаго спокойствія подрубить въ самомъ корнѣ,—и что непрестанное безгласное противодѣйствіе Алексѣя, опиравшагося на партію Лопухиныхъ, должно было возбуждать въ Петрѣ страхъ за будущность Россіи и всего, сдѣланнаго имъ съ такимъ крайнимъ напряженіемъ силъ. Поэтому, разсказывая о *всешутѣйшемъ и всепьянѣйшемъ соборѣ* и осуждая циническіе обряды и кощунственныя шутки, сопровождавшія его собранія, Ровинскій находитъ для этого извиненіе именно въ напряженіи силъ Петра. «Шутовство,—говоритъ онъ,—составляло для Петра необходимый роздыхъ отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ, и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія».

Было бы невозможно здѣсь перечислить и малую долю очерковъ Ровинскаго, относящихся къ выдающимся личностямъ. Они разсыпаны щедрою рукою по всему изданію, очень часто давая возможность сравнить двѣ крайности, столкнувшіяся на жизненномъ пути, и тѣмъ поясняя одну историческую личность другою. Такъ, напримѣръ, рядомъ съ Петромъ невольно ставятся изображенія царевича Алексѣя. Стоитъ вглядѣться въ совершенно безхарактерныя черты Алексѣя въ юности, на медальонѣ Гуена,—на его позднѣйшіе портреты съ глазами, въ которыхъ сквозитъ трусливое лукавство, съ острымъ подбородкомъ и тонкими, плотносжатыми губами, обличающими упрямство безъ разумной твердости,—чтобы понять неизбѣжность роковой судьбы этого человѣка, ставшаго на дорогѣ Петру, чтобы оцѣнить скорбный и гнѣвный возгласъ послѣдняго: «ограбилъ меня Господь сыномъ»! Стоитъ сопоставить лицо Петра—все исполненное жизни и страстной энергіи—съ блѣднымъ, продолговатымъ, безцвѣтнымъ обликомъ царевича, въ которомъ Петръ «не трудовъ, но охоты желалъ»,—чтобы видѣть, съ какою болью измученнаго и тщетно надѣющагося сердца писалъ ему «на тронѣ вѣчный работникъ» свой послѣдній «тестаментъ»,—заключая его словами: «ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный,—и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу; воистину исполню, ибо если за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь *чужой* добрый, неже *свой* негодный»...

Какъ, напримѣръ, характерны портреты Анны Іоанновны и правительницы Анны Леопольдовны и сами по себѣ, и по отноше-

нію къ нимъ издателей. Авторъ диссертаціи «De morbis infantum», прилагая портретъ первой изъ нихъ (типа Эллигера), изображенной женщиною огромнаго роста, съ мрачнымъ выраженіемъ грубаго лица, въ великолѣпномъ одѣяніи,—говоритъ: «въ образѣ семъ всѣ мнятъ Анну зрѣти, понеже зракъ весь женскій въ чертахъ разсуждаютъ, но вся дѣла слѣдуя по правдѣ имѣти Петра Перваго въ лицѣ тіи помышляютъ;—весьма мужескъ видъ отъ дѣлъ, хоть въ женской добротѣ; съ должнымъ рабу почтеньемъ приписалъ Панаіотъ Кондоиди»... Іоганъ Гафнеръ, отгравировавъ, по передѣланному портрету Караваккa, миловидную фигуру и оживленное лицо Анны Леопольдовны, не успѣлъ выпустить въ свѣтъ свои двѣ гравюры, такъ какъ надъ несчастною правительницею и ея семействомъ разразилась гроза. Гафнеръ, не смущаясь, передѣлалъ подпись и, не измѣнивъ даже словъ: «Impery Gubernatrix», изобразилъ подъ гравюрами: «Elisabetha. D. G. Magna Dux omnium Russorum». Такимъ образомъ, по ироніи судьбы, изображеніе бѣдной мимолетной властительницы «большей части свѣта» (Календарь 1741 г.), печально изнывавшей «за крѣпкимъ карауломъ» въ Холмогорахъ, распространилось по Россіи какъ портретъ «дщери Петра».

Давая рядъ портретовъ Дмитрія Іоанновича «*прозваннаго*» Гришкою Отрепьевымъ», Ровинскій предпосылаетъ имъ очень интересный очеркъ физическихъ и нравственныхъ свойствъ загадочнаго человѣка, раздѣлившаго историковъ въ вопросѣ о своемъ происхожденіи, при чемъ самъ авторъ склоняется, путемъ остроумныхъ соображеній, къ тому, что такъ называемый самозванецъ былъ въ дѣйствительности сыномъ Іоанна IV, но признавшіе его своимъ законнымъ владыкою бояре, почуявъ въ немъ нравъ и отцовскіе обычаи Грознаго, порѣшили *упразднить* его, какъ прежде пытались сдѣлать тоже съ самимъ Грознымъ. Разсмотрѣніе тѣхъ изображеній Дмитрія Іоанновича, за которыми Ровинскій признаетъ достовѣрность, не подтверждаетъ, однако, заключенія его о «подлинности» царя Димитрія, и самъ Ровинскій, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, приводитъ мнѣніе знатока портретной живописи, князя М. А. Оболенскаго, о томъ, что «портретъ Киліана — есть вѣрный историческій фактъ: кто только на него ни взглянетъ, тотъ сейчасъ убѣдится, что лже-Димитрій былъ не русскій; черты лица его явно говорятъ, что онъ былъ литвинъ».

«Великолѣпный князь Тавриды» рисуется въ блескѣ своей физической красоты, обширнаго образованія, свѣтлаго, полнаго широкихъ замысловъ ума и глубокаго нравственнаго вліянія на Екатерину. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ровинскій въ сжатомъ, но содержательномъ очеркѣ указываетъ на рѣзкія противоположности въ его странномъ, то привлекательномъ, то непріятномъ характерѣ, и на неряшливость, безпорядочность и крайнюю лѣнь его въ частной жизни, дѣлавшія изъ него «настоящаго азіата въ европейскомъ костюмѣ». Историческія гравюры, въ которыхъ фигурируетъ Потемкинъ, и

между ними превосходная большая гравюра Скородумова и Иванова, изображающая его смерть въ бессарабскихъ степяхъ, а также произведенія народнаго наивнаго рѣзца, посвященныя «славному объѣдалѣ и веселому подпивалѣ», служатъ доказательствомъ того громаднаго во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣнія, которое производилъ на современниковъ этотъ замѣчательный, до сихъ поръ не разъясненный во всей своей полнотѣ, русскій историческій дѣятель.

Съ особымъ тщаніемъ собраны и описаны у Ровинскаго портреты дѣятелей Екатерининскаго времени вообще, но съ самою большою подробностью объясняетъ Ровинскій портреты одного изъ своихъ любимыхъ героевъ—Суворова. Изъ замѣтокъ предъ ними и подъ нѣкоторыми изъ нихъ составляется цѣлый яркій очеркъ удивительной и характерной жизни замѣчательнаго и своеобразнаго человѣка, всѣмъ обязаннаго самому себѣ, скромнаго въ успѣхѣ и трогательнаго въ опалѣ, связаннаго глубокою духовною связью съ народомъ, — то чудака, то героя, сказавшаго про себя придворному живописцу курфюрста саксонскаго Шмидту: «вы собираетесь писать мое лицо; оно открыто вамъ, но мысли мои для васъ тайна; — скажу вамъ, что я проливалъ кровь потоками, и прихожу въ ужасъ отъ этого; но я люблю моего ближняго и никого не сдѣлалъ несчастнымъ,—я не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки; я былъ малъ и былъ великъ, — въ счастіи и несчастіи уповалъ на Бога и оставался непоколебимымъ; теперь призовите на помощь ваше искусство и начинайте!..» Поклонникъ Екатерины II, за ея умѣнье служить кровнымъ русскимъ интересамъ, Ровинскій не могъ не сочувствовать горячо и одному изъ геніальныхъ въ военномъ дѣлѣ исполнителей ея плановъ;—его влекли, кромѣ того, къ Суворову тѣ коренныя русскія черты въ личности и образѣ жизни, въ которыхъ много сходнаго съ такими же въ жизни Великаго Петра, но которыми Ровинскій могъ любоваться безъ щемящей его доброе сердце боли. Но и тутъ, вѣрный себѣ, авторъ не скрываетъ недостатковъ и несимпатичныхъ сторонъ въ своемъ любимцѣ, — хотя даетъ имъ примирительное освѣщеніе. «Суворова обвиняютъ, — пишетъ онъ, — въ презрѣніи къ равнымъ и къ высшимъ, въ оскорбительномъ нахальствѣ, въ безмѣрномъ честолюбіи. Самъ Суворовъ сознавался, что скромность не входила въ число его добродѣтелей, но онъ хорошо понималъ, что со скромностью можетъ попасть лишь въ одни угодники, а ему нужно было попасть въ фельдмаршалы, чтобы разбивать непріятеля и вести русское войско къ побѣдамъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ *мощь* и *силу* и надѣялся пробиться на торную тропу. Онъ все употребилъ въ дѣло при этомъ: лесть, нахальство, чудачество, шутовство, но не сдѣлалъ ничего вреднаго, или подлаго; достигнувъ цѣли, онъ весь отдался своему дѣлу, бѣгалъ отъ двора и, конечно, отъ него нельзя

было требовать никакого уваженія къ тогдашнимъ придворнымъ, получавшимъ громадное содержаніе за красивую наружность и умѣнье вести пустопорожніе разговоры». Эти господа платили Суворову соотвѣтственною монетою. Не даромъ же онъ говорилъ о себѣ: «у меня семь ранъ: двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, а пять, самыхъ мучительныхъ—при дворѣ». Не одни его портреты вошли въ описаніе Ровинскаго,—сюда же отнесены историческія гравированныя картинки, касающіяся Суворова, и каррикатуры на него. Всего описано 207 изображеній, относящихся къ Суворову, — и этотъ *«Рембрандтъ* тактики по выраженію лорда Кларендона, проходитъ, благодаря имъ, предъ глазами читателя, какъ живой.

«Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» даетъ многія черты и для портрета самого Ровинскаго и съ этой даже стороны стоилъ бы внимательнаго и подробнаго спеціальнаго разбора. Здѣсь же достаточно указать на самое разностороннее его образованіе, выражающееся въ обиліи разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ по поводу того или другого портрета, иногда чрезвычайно рѣдкаго, и свѣдѣній не сухихъ, въ видѣ цыфръ или хронологическихъ ссылокъ, а почерпнутыхъ прямо изъ жизни и освѣщающихъ разные ея моменты и закоулки. Таковы, напр., свѣдѣнія къ описанію портретовъ протоіерея Самборскаго, духовника великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны и законоучителя ихъ дѣтей, путешественника по славянскимъ землямъ и агронома, посланнаго Екатериною II въ Англію въ числѣ учениковъ кіевской духовной академіи для изученія агрикультуры и усовершенствованія ея, по посвященіи своемъ въ духовный санъ, между крестьянами. На рѣдкой гравюрѣ, сдѣланной во вкусѣ умной старины, Самборскій представленъ, согласно съ дѣйствительностью, пашущимъ на волахъ, при чемъ его ордена и наперсный крестъ повѣшены на вѣтви раскидистаго дерева. Таковъ же громадный богословскій тезисъ Кулябки, отпечатанный на атласѣ; такова обширная гравюра на деревѣ, на четырехъ листахъ, хранившаяся въ висбаденскомъ музеѣ, изображающая посольство князя Захара Ивановича Сугорскаго, посланнаго Грознымъ къ императору Максимиліану въ Регенсбургъ, вь 1576 г., при чемъ выгравированы не только костюмы посла и его многочисленной свиты, порядокъ шествія и подарки, посланные царемъ римскому императору, но и богослуженіе «московитовъ». По поводу послѣдняго пражскій издатель Петтерле, разсказавъ видѣнные художникомъ обряды предъ главнымъ образомъ «возлюбленнаго Господа нашего Іисуса Христа», въ молитвѣ, заканчивающей текстъ гравюры, проситъ Спасителя «обратить эти народы къ познанію Его имени и Святого Его слова», прибавляя, что искренно желаетъ этого московитамъ, очевидно не считая ихъ все-таки за христіанъ.

Вообще не однѣ особенности нашихъ нравовъ и обстоятельствъ

русской исторіи находятъ себѣ мѣсто въ объясненіяхъ и замѣткахъ Ровинскаго; нерѣдко приводятся имъ изображенія и свѣдѣнія, рисующія эпизоды изъ жизни и исторіи Запада, имѣющія связь съ политическими отношеніями его къ Россіи. Какъ напримѣръ можно указать на рѣдкія и очень характерныя, по откровенности содержанія и недвусмысленности подписей, многочисленныя каррикатуры, направленныя съ одной стороны на коалицію монарховъ противъ революціонной Франціи, а съ другой на якобинцевъ, національное собраніе и конвентъ,—и вообще на каррикатуры, касающіяся политическихъ событій въ Европѣ въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I. Такихъ сатирическихъ картинокъ, имѣющихъ отношеніе къ Екатеринѣ II, приведено у Ровинскаго семьдесятъ-семь, къ Александру I—124. Эти картинки, помимо своего содержанія, исполненнаго политическаго озлобленія, не знающаго предѣловъ, иногда открываютъ интересныя черты общественной жизни Запада. Такъ, напримѣръ, къ каррикатурѣ, озаглавленной: Ah! ça va mal! les puissances étrangeres faisant danser aux députés enragés et aux jacoquins (sic)—le même ballet que le sieur Nicolet faisait danser jadis à ses dindons»,—относится замѣчаніе Ровинскаго о томъ, что, «во время появленія этой каррикатуры, въ Парижѣ показывалъ балеты изъ индюшекъ нѣкій Nicolet; индюшки были заперты въ большую клѣтку съ металлическимъ поломъ, который накаливался снизу; впереди играла музыка; сперва индюшки мѣрно подпрыгивали по слегка нагрѣтому полу; потомъ полъ нагрѣвался все болѣе и болѣе, музыка шла crescendo, полъ накаливался, и несчастныя птицы съ крикомъ метались изъ стороны въ сторону, дѣлая отчаянные прыжки и приводя въ восторгъ парижскую публику».

Очень интересны, съ точки зрѣнія исторической превратности и псіхологіи народныхъ массъ, картины, изображающія, вмѣстѣ съ фигурою императора Александра I, въѣздъ союзниковъ въ Парижъ въ 1813 г., народныя ликованія и сверженіе статуи Наполеона съ Вандомской колонны,—а также портретъ донского казака Александра Землянухина, который привезъ, въ апрѣлѣ 1813 г., въ Лондонъ извѣстіе о взятіи Гамбурга. Англичане, такъ усердно и настойчиво распространявшіе, до и послѣ войнъ съ Наполеономъ, всякіе небылицы и ужасы про наше войско вообще и казаковъ въ особенности, встрѣтили тогда Землянухина съ восторгомъ, сдѣлали семь гравированныхъ портретовъ съ «the brave Russian Cossack of the Don regiment», сочинили въ честь его хвалебную пѣсню и угощали его за столомъ у лордъ-мэра, при чемъ, вѣроятно немного подгулявшій, объектъ ихъ лицемѣрнаго восторга на любознательные вопросы лордъ-мэра о томъ, скольскихъ онъ убилъ своею пикою, отвѣчалъ: «офицеровъ—трехъ, а сволочи—нѣсколько четвериковъ...»

Но, пріобрѣтая массу свѣдѣній, роясь въ архивной пыли и въ разныхъ коллекціяхъ, Ровинскій остается вѣренъ своему житей-

скому опыту и требованіямъ своей духовной природы. Ложный блескъ мимолетной славы не дѣйствуетъ не него,—ему гораздо дороже общечеловѣческое достоинство оригиналовъ собираемыхъ имъ «гравированныхъ портретовъ»; все дѣланное лицемѣрное, напускное—ему противно, всякая своекорыстная жестокость его возмущаетъ. Вотъ почему Радищевъ со своимъ знаменитымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», въ которомъ слышится громкій протестъ противъ крѣпостного права,—не подкупаетъ его, ибо «въ имѣніи своемъ, подъ Малымъ Ярославцемъ, самъ Радищевъ былъ жестокимъ помѣщикомъ»; поэтому же, отмѣчая курьезный трудъ Ѳедора Ивановича Дмитріева-Мамонова, издавшаго въ 1779 г., какъ «плодъ уединенной жизни дворянина-философа», новую систему «Сложенія свѣта», въ противоположность «Птоломеевой, Коперниковой, Тихобраговой и Декартовой» и вызвавшаго тѣмъ рядъ выспреннихъ прославленій подъ своими портретами,—Ровинскій не можетъ не отмѣтить, что дворянинъ-философъ былъ извѣстенъ жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными людьми. Зато онъ не упускаетъ случая указать на доброту и сердечную теплоту въ поступкахъ человѣка (напр. М. П. Погодина) или даже въ выраженіи его лица (напр. графа Платова); искренняя нѣжность проникаетъ его отзывы о людяхъ, оставившихъ по себѣ благодарное воспоминаніе. «Намъ всѣмъ еще памятенъ,—говоритъ онъ, напримѣръ, о покойномъ принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ,—намъ всѣмъ еще памятенъ симпатичный образъ этого истинно-хорошаго человѣка. Средняго роста, нѣсколько сутуловатый, застѣнчивый, довольно некрасивый собою, онъ представлялъ рѣзкую противоположность величавой фигурѣ Николая I, котораго онъ такъ часто сопровождалъ въ поѣздкахъ по учебнымъ заведеніямъ. Зато взглядъ его, полный неизмѣримой доброты, и простое, сердечное обхожденіе со всѣми раскрывали необычайную кротость души его; каждый шелъ къ нему безъ страха, расчитывая на вѣрную помощь и сочувствіе. Для воспитанниковъ своихъ онъ былъ настоящимъ отцомъ; заботился объ удобствахъ ихъ жизни, даже объ ихъ удовольствіяхъ; безпрестанно посѣщалъ классы, а въ рекреаціонное время даже принималъ участіе въ ихъ играхъ. Безъ всякой лести можно сказать: много добра сдѣлалъ этотъ человѣкъ, а главное—дѣлалъ онъ добро съ разумною цѣлью и оставилъ глубокіе слѣды своей полезной благотворительности».

Кроткимъ свѣтомъ сочувствія несчастію ближняго—безразлично отъ мѣста, гдѣ оно свило себѣ гнѣздо—проникнуты и краткія свѣдѣнія о портретахъ людей, которымъ тяжело жилось, иногда несмотря на ихъ внѣшнюю блестящую обстановку. Вотъ что предпосылаетъ, напримѣръ, Ровинскій многочисленнымъ портретамъ супруги Александра I—Елисаветы Алексѣевны: «Извѣстная портретистка Виже-Лебренъ, увидѣвшая Елисавету Алексѣевну въ первый разъ въ 1795 г., въ Царскомъ Селѣ, отзывается о ней съ восторгомъ: ея

было въ то время 16 лѣтъ, цвѣтъ лица ея былъ блѣдный, черты тонкія, выраженіе лица чисто ангельское; волосы пепельно-русые падали въ безпорядкѣ на ея лобъ и шею; станъ гибкій, какъ у нимфы. Я вскричала: это—Психея! А это была Елисавета, жена Александра». Скорое охлажденіе супруга и мелкія семейныя непріятности заставили ее искать уединенія и полной замкнутости въ обществѣ немногихъ близкихъ людей. Она сдѣлалась мечтательною, много читала и занималась дѣлами благотворительности; на эти дѣла она отдавала все свое содержаніе изъ кабинета, оставляя на свои личные расходы не болѣе 15,000 руб. въ годъ, Въ 45 лѣтъ она была средняго роста, хорошо сложена; въ лицѣ и станѣ ея видны были слѣды прежней красоты; голосъ у нея былъ мягкій, проникавшій въ душу, улыбка меланхолическая; взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея говорили, что она принадлежитъ не этому свѣту. Она отлично знала по-русски и была другомъ Карамзина». То же самое чувство сквозитъ и въ очеркѣ предъ перечисленіемъ портретовъ сына Бориса Годунова, злополучнаго Ѳедора Борисовича, и даже въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о московскомъ юродивомъ и прорицателѣ 50-хъ годовъ, сидѣвшемъ въ сумасшедшемъ домѣ «студентѣ холодныхъ водъ»—Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ.

Если прибавить ко всему сказанному массу техническихъ замѣчаній Ровинскаго, среди которыхъ встрѣчаются, напримѣръ, интересныя подробности въ родѣ порученія выписаннымъ изъ-за границы граверамъ росписывать декораціи для фейерверковъ,—и частыя ссылки на личныя наблюденія и воспоминанія, то едва ли можно не признать за «Словаремъ» большаго значенія, какъ богатаго матеріала не для одной тольно исторіи искусства, но и какъ памятника громаднаго труда, исполненнаго *однимъ* человѣкомъ, вложившимъ въ него свою отзывчивую личность.

«Словарь гравированныхъ портретовъ» изображалъ *русскихъ людей* на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и въ разныя историческія эпохи. Но для полноты картины нужно было изображеніе *русской жизни*,—нужно было собрать черты не *личныя*, а *бытовыя*, закрѣпленныя въ памяти народной тѣмъ или другимъ способомъ. Эту задачу выполнилъ Ровинскій въ другомъ своемъ классическомъ трудѣ, въ «*Русскихъ народныхъ картинахъ*», изданныхъ въ 1881 г., въ девяти томахъ, изъ которыхъ четыре заключаютъ въ себѣ 1,780 картинокъ, а пять представляютъ объяснительный къ нимъ текстъ на 2,880 страницахъ большого in—8°. Въ этомъ изданіи, требовавшемъ для собранія матеріаловъ необычайной любви къ дѣлу и настойчивости, а также знанія, сопряженнаго съ большими матеріальными жертвами, Ровинскій собралъ всѣ тѣ народныя картинки, которыя выходили въ

свѣтъ до 1839 г., т.-е. до того времени, когда свободное народное художественное творчество было вставлено въ рамки офиціальной цензуры.

Въ нихъ проходитъ самыми разнообразными сторонами бытовая и духовная жизнь народа съ начала XVII вѣка по средину XIX вѣка. Въ наивныхъ изображеніяхъ народнаго рѣзца мы видимъ русскаго человѣка въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ окружающему міру, къ ученью,—въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ представленіяхъ, въ его скорбяхъ и радостяхъ, въ подвигахъ и паденіи, въ болѣзняхъ и развлеченіяхъ. Онъ предъ нами живой, говорящій о себѣ самъ, своимъ «краснымъ словомъ», сказкою и легендою—своеобразный, мощный и простосердечный, терпѣливый и страшный въ гнѣвѣ, шутливый и въ то же время вдумчивый въ жизнь и ея сокровенный смыслъ, съ добродушною ироніею смотрящій на себя и на все окружающее и величаво-спокойный предъ лицомъ смерти. Это трудъ громадный, изъ каждой главы котораго свѣтится умъ, алчущій и жаждущій свѣдѣній о своемъ, родномъ. По поводу тѣхъ или другихъ народныхъ картинъ приведены въ немъ цѣлыя подробныя самостоятельныя изслѣдованія, обширныя извлеченія изъ памятниковъ народной литературы, стройныя, построенныя на богатыхъ источникахъ и личномъ опытѣ и изученіи бытовыя и этнографическія картины. Кто прочелъ со вниманіемъ пять томовъ текста къ народнымъ картинкамъ, тотъ можетъ сказать, что предъ его глазами прошла не офиціальная, не внѣшняя, но внутренняя русская жизнь болѣе чѣмъ за два вѣка со всѣмъ тѣмъ, что побуждаетъ ее любить, что заставляетъ грустить по поводу горькихъ сторонъ ея прошлаго.

Народныя картинки, называемыя также *лубочными* — отъ лубочныхъ (липовыхъ) досокъ, съ которыхъ онѣ печатались и отъ лубочныхъ коробовъ, въ которыхъ ихъ разносили для продажи офени,—долго были въ пренебреженіи у нашихъ старыхъ писателей и ученыхъ. Онѣ считались принадлежностью «подлаго» народа, какъ именовался онъ въ документахъ XVIII вѣка. Кантеміръ и даже Барковъ (!) называли ихъ негодными и гнусными, подобно тому, какъ пѣсни народа признаны были «подлыми Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Сатирикъ Кантеміръ не безъ гордости замѣчалъ, что творенія его не будутъ «гнусно лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою или Ершомъ!» «Эти чопорные господа,— говоритъ Ровинскій,—въ большинствѣ сами вышедшіе изъ «подлаго народа», никакъ не могли себѣ вообразить, что Ершъ, Бова и т. п. переживутъ ихъ *безсмертныя* творенія; но такимъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди, члены ученыхъ обществъ: такъ, напримѣръ, въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались, можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ об-

ществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ, рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней, — вмѣсто лубочныхъ картинокъ, сказать—простонародныя изображенія».

Не такъ смотрѣлъ на народныя картинки М. П. Погодинъ. Онъ, по словамъ академика К. О. Веселовскаго, указалъ молодому, полному силъ и любознательности Ровинскому, увлекавшемуся собираніемъ офортовъ, новое, почти непочатое поле для дѣятельности. «То, что вы собираете,—сказалъ онъ,—довольно собираютъ и другіе; — этимъ никого не удивишь, а вотъ собирайте-ка все русское, чего еще никто не собираетъ и что остается въ пренебреженіи и часто безслѣдно пропадаетъ, — такъ польза будетъ иная». Прошло много лѣтъ—и краснорѣчивымъ отвѣтомъ на совѣтъ Погодина служатъ «Русскія народныя картинки». Ими сохранены отъ забвенія, ограждены отъ истребленія и, такъ сказать, закрѣплены для будущаго всѣ виды этой отрасли народнаго творчества — начиная со сказокъ и забавныхъ листовъ, переходя къ историческимъ листамъ, букварямъ и календарямъ, и кончая притчами и листами духовными. Все это сопровождается тремя томами объяснительнаго текста, томомъ примѣчаній и дополненій и томомъ, содержащимъ въ себѣ въ высшей степени интересное «заключеніе» и алфавитные указатели. Въ этомъ заключеніи помѣщены изслѣдованія о народныхъ картинкахъ, рѣзанныхъ на деревѣ, гравированныхъ на мѣди и такъ называемою «черною манерою»,— о западныхъ источникахъ русскихъ картинъ, — о ихъ пошибѣ, стилѣ и раскраскѣ,—о народныхъ картинкахъ въ западной Европѣ и на Востокѣ—въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ,—наконецъ, о способахъ гравированія и печатанія и о продажѣ картинокъ, о надзорѣ за ихъ производствомъ и о *цензурѣ* ихъ. Послѣдняя взяла подъ свой присмотръ народныя картинки, какъ уже сказано, лишь съ 1839 года. До тѣхъ же поръ высокомѣрное отношеніе образованнаго общества къ этимъ картинкамъ и непониманіе ихъ значенія предоставляли полный безцензурный просторъ ихъ издателямъ, благодаря чему могъ сохраниться своеобразный ихъ характеръ. Даже суровыя мѣры, предпринятыя Павломъ I, 18-го апрѣля 1800 года, когда было опредѣлено запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ безъ изъятія, а равномѣрно и *музыки*, такъ какъ «чрезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благочестія», отразившіяся и на внутренней цензурѣ,—не повліяли на народныя картинки; не повліялъ на нихъ и цензурный уставъ Шишкова, изданный въ 1826 году. Поэтому въ тѣхъ собранныхъ Ровинскимъ народныхъ картинкахъ, которыя относятся ко времени до 1839 года, мы находимъ совершенно свободное выраженіе вкусовъ и мыслей какъ художника, такъ и окружавшей его среды—и уже въ одномъ сохраненіи ихъ для потомства большая заслуга Ровинскаго,

тѣмъ болѣе, что распоряженія пятидесятыхъ годовъ, а также взгляды и пріемы нѣкоторыхъ исполнителей этихъ распоряженій могли привести къ безслѣдной утратѣ «лубочной« литературы и художества. Ровинскій приводитъ постановленіе особаго комитета для провѣрки дѣйствій цензурныхъ комитетовъ, учрежденныхъ подъ предсѣдательствомъ Бутурлина въ 1850 году, объ обязаніи полиціи представить о тѣхъ изъ старыхъ картинокъ, изданныхъ безъ цензуры, которыя отличаются предосудительнымъ содержаніемъ, чрезъ губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Получивъ это постановленіе въ апрѣлѣ 1851 года, московскій генералъ-губернаторъ, графъ А. А. Закревскій, привелъ его въ исполненіе быстро и рѣшительно. *Всѣ* старинныя мѣдныя доски, съ которыхъ печатались народныя картинки, были вытребованы въ полицію, изрублены въ куски и возвращены въ видѣ лома. Такимъ простымъ способомъ было въ Москвѣ уничтожено разъ навсегда воспроизведеніе старинныхъ безцензурныхъ картинокъ, совершенно независимо отъ ихъ содержанія. Впрочемъ, многія изъ такихъ картинокъ относились къ древнему русскому эпосу, а взглядъ на него былъ весьма неблагопріятный. Еще въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ князю Петру Андреевичу Вяземскому приходилось, по должности товарища министра народнаго просвѣщенія, съ трудомъ отстаивать статью Константина Аксакова: «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ» противъ раздѣляемаго многими мнѣнія генералъ-лейтенанта Дубельта, находившаго, что сочиненіе Аксакова—«рукопись безполезная и отчасти безсмысленная, при чемъ общее направленіе ея состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности»...

Нѣтъ никакой возможности, въ очеркѣ, касающемся личности и дѣятельности Ровинскаго, передать хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ богатое и въ своемъ родѣ неисчерпаемое содержаніе текста «Народныхъ картинокъ». Говоря о судебной службѣ Ровинскаго, я уже приводилъ выписки изъ этого текста, относившіяся къ судебнымъ порядкамъ старой Руси. Изъ нихъ видна уже въ достаточной мѣрѣ разносторонняя полнота этого текста. Поэтому постараюсь ограничиться лишь нѣсколькими бѣглыми замѣтками.

Основаніе всякаго общественнаго быта—*семья*. Она не возможна безъ *женщины*, и потому прежде всего идутъ у Ровинскаго картины и изслѣдованія о женщинѣ по понятіямъ XVII и XVIII вѣка. Если пришедшіе къ намъ съ Запада забавные разсказы и давали поводъ изображать женщину лишь въ юмористическомъ и откровенномъ — иногда слишкомъ откровенномъ — видѣ, то русскіе источники — «Пчела» и духовныя поученія — относятся къ ней съ упорнымъ и аскетическимъ озлобленіемъ, видя въ ней виновницу «злыхъ помысловъ» и зачастую даже орудіе діавола. «Злая жена,—говоритъ авторъ *Пчелы*,—есть око дьявола, торгъ адовъ, воевода неправеднымъ, стрѣла сатанина и подобно есть перечесу:

всюду болитъ и всюду свербитъ, уязвляя сердца юныхъ и старыхъ». Отецъ описываетъ сыну кокетку XVII вѣка, отправляющуюся «устрѣлять» человѣческія сердца. «Сперва она прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандаліи обуваетъ, и лицо и выю себѣ вапами (бѣлилами) повапитъ, и черности себѣ въ очесѣхъ украситъ, — когда идетъ—ступаетъ тихо и шею слегка обращаетъ и зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкою отверзаетъ и всѣ составы въ прелести ухищряетъ» и т. д. Не лучше и жена лукавая и льстивая, обманывающая мужа ласками, которая въ то же время «въ оконце часто призираетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, головой киваетъ». Поэтому-то «Пчела» и заканчиваетъ свои поученія утвержденіемъ, что женщина вообще — ехидна, скорпія, левъ, аспидъ, василискъ, неправдамъ кузнецъ, грѣхамъ пастухъ и, въ заключеніе, «блудословія гостинница». Такіе отзывы находили себѣ сочувственный откликъ у нѣкоторыхъ, чья семейная жизнь сложилась не на радость—и Ровинскій указываетъ на рукопись, гдѣ противъ этихъ названій рукою удрученнаго супруга отмѣчено: «подобное оной заповѣди моя жена Пелагея во всемъ сходство имѣетъ», а противъ слова «скорпія» особливо сказано: «и сія подобна во всемъ».

Но большинство не смотрѣло такъ мрачно на женщину и относилось къ ея «ехидству и увёрткамъ» такъ же снисходительно, какъ и къ продѣлкамъ мужской братіи. Стоитъ припомнить похожденія богатырей нашихъ былинъ съ Апраксѣевной, Забавой Путятишной и другими. Кромѣ того, у народа были и другія изображенія женщинъ, рисовавшія ихъ въ образѣ великой нравственной чистоты, каково, напр., изображенія XVII вѣка Юліаніи Лазаревской. Наконецъ, по замѣчанію Ровинскаго, «проповѣдное озлобленіе «Пчелы» и бесѣдъ противъ женщины не имѣло значенія въ народномъ быту; народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его *глупому разуму*: родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, значитъ и слѣдуетъ ему семью завести, и работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, подвору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ поспѣлъ,—значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да къ тому же онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе это не настоящее, а напускное, и что на дѣлѣ иной отшельникъ, пожалуй, далеко не прочь залучить въ свое уединеніе повапленнаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ».

Съ реформою Петра Великаго женщина вышла изъ теремовъ и изъ-подъ постоянной опеки. Реакція была очень сильная, доходившая до крайностей въ поведеніи, въ питьѣ вина и т. п. Женщину стали учить танцамъ и «поступи нѣмецкихъ учтивствъ» (Семевскій) и ей подчасъ становилось тяжко отъ «куплиментовъ великихъ и отъ присѣданій хвоста» (Соловьевъ). Картинки отражаютъ на себѣ эту перемѣну, потомъ подпадаютъ вліянію французскихъ образ-

цовъ — и затѣмъ надолго впадаютъ въ насмѣшливый тонъ относительно браковъ неравныхъ и по разсчету, реестровъ приданому и обмановъ при бракосочетаніяхъ, практиковавшихся, главнымъ образомъ, впрочемъ, до Петра Великаго, приказавшаго женихамъ и невѣстамъ видѣться до свадьбы... Много ѣдкаго юмору слышится въ этого рода картинкахъ. Къ вопросу о женщинѣ Ровинскій обращался и въ «словарѣ гравированныхъ портретовъ». Тамъ, приведя свѣдѣнія о выдающихся русскихъ женщинахъ, указывая на тактичное и разумное президентство княгини Дашковой въ Академіи Наукъ, онъ замѣчаетъ: «какой разительный переходъ отъ домостройной женщинѣ попа Сильвестра къ женщинѣ-президенту высшаго въ государствѣ ученаго мѣста!—и это въ то время, когда въ Европѣ начали пережевывать *праздный* вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли допускать женщину къ высшему образованію и можетъ ли она серьезно заниматься науками?..» По этому вопросу онъ вполнѣ присоединялся къ приводимымъ имъ словамъ М. Н. Каткова: «женщина по существу своему не умалена отъ мужчины; ей не отказано ни въ какихъ дарахъ человѣческой природы, и нѣтъ высоты, которая должна остаться для нея недоступною. Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ такой же силѣ, какъ и для мужчинъ. Свѣтъ науки черезъ женщину можетъ проникать въ сферы менѣе доступныя для мужчины, и она можетъ своеобразно способствовать общему развитію народнаго образованія и человѣческому прогрессу. Но если мы хотимъ предоставить женщинѣ равный съ мужчиною удѣлъ въ наукѣ, то мы должны поставить и женское образованіе въ одинаковыя условія съ мужскимъ».

Плодомъ *семьи* являются *дѣти*, а ихъ надо учить. Отсюда вопросъ о взглядѣ на ученіе въ старые годы. Оно давалось не легко и корень его, конечно, былъ «горекъ».

По замѣчанію И. Е. Забѣлина, «старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и розгою въ другой. Первоначальные печатные буквари наши сопровождались изображеніемъ учителя съ розгою и увѣщаніями о пользы лозы». Ровинскій приводитъ картинку, гдѣ прославленіе розги оканчивается воззваніемъ: «о, вразуми, Боже, учителемъ и родителемъ, дабы малыхъ дѣтей лозою били, благослови Боже оные лѣса и на долгія времена, гдѣ родится лоза,—малымъ дѣтямъ ко вразумленію, а старымъ мужемъ въ подкрѣпленіе. По поводу этого особеннаго лѣсохранительнаго усердія, онъ замѣчаетъ, что при строгомъ господствѣ правила о томъ, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ, въ языкѣ нашемъ даже выработалось особое свойство, по которому можно выдѣлать боевой глаголъ изъ каждаго существительнаго имени:

«Ты что тамъ уронилъ?»—спрашиваетъ буфетчикъ.

«Стаканъ»,—отвѣчаетъ половой мальчикъ.

«Ужъ я-те отстаканю!» — грозитъ буфетчикъ.

«Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику!» — приказываетъ артельный староста.

«Нутка, припонтійстимъ-ка его, братцы!» — и всѣмъ этотъ краткій, но энергическій языкъ совершенно понятенъ.

Старинные буквари, и въ особенности посвященный «пречестнѣйшему господину Симеону Полоцкому», были весьма подробны и снабжены тщательно вырѣзанными картинками; позднѣйшіе были хуже и составлены менѣе рачительно, но зато къ нимъ прилагалось наставленіе о писаніи писемъ. Этого рода наставленія, называвшіяся *письмовниками* или *формулярниками*, были въ большомъ ходу въ XVII и XVIII вѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, какіе образцы начала писемъ изъ формулярника начала XVIII вѣка сообщаетъ А. Ѳ. Бычковъ: а) *Отъ вдовой матери сыну:* «Отъ пустынныя горлицы вдовства смиреннаго, заклепныя голубицы, отъ смутныя утробы, отъ присныя твоея матери, отъ единородныя твоея родительницы, отъ тѣснаго ума и языка неутомительнаго, сыну моему—имрекъ». б) *Ко учителю:* «Крѣпкоумному смыслу и непоколебимому разуму, художествомъ отъ Бога почтенному, риторскаго и философскаго любомудрія до конца навыкшему, учителю моему—имрекъ». в) *Къ возлюбленной:* «Сладостной гортани словесемъ медоточнымъ, красотѣ безмѣрной, привѣту нелицемѣрному, улыбанію и смѣху полезному, взору веселому, лицу прекрасному, паче же въ православіи сіяющей ластовицѣ моей златообразной—имрекъ». Въ «Народныхъ картинкахъ» помѣщенъ огромный листъ «Ариѳметики», сочиненный и выгравированный библіотекаремъ Кипріяновымъ съ ученикомъ его Петровымъ въ 1703 году, посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу, составляющій большую библіографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ I очень хлопоталъ относительно обученія средняго класса ариѳметикѣ, и съ этою цѣлью учредилъ въ маѣ 1714 г. ариѳметическія и геометрическія школы для дворянскихъ и приказныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія, свидѣтельства, безъ чего, нетерпѣливый въ своемъ желаніи видѣть свой народъ знающимъ, Петръ I запрещалъ имъ даже вступать въ бракъ.

За букварями, какъ средство къ познанію окружающаго міра въ физическомъ и политическомъ отношеніи, слѣдовали различныя космографіи. Свѣдѣнія, собранныя въ этихъ сборникахъ, чрезвычайно рельефно рисуютъ наивность взглядовъ старыхъ русскихъ людей на все, что находится за рубежемъ русской земли. Въ «Народныхъ картинкахъ» содержится подробное описаніе лицевой космографіи, гдѣ, между прочимъ, *королевство французское* характеризуется тѣмъ, что «прежде крещены были отъ св. апостола

Павла, нынѣ же заблудились,—люди въ немъ воинскіе храбрые, нанимаются биться по многимъ королевствамъ, зѣло невѣрны и въ обѣтахъ своихъ некрѣпки, а пьютъ много»;—про *королевство аглёнское* говорится, что они «нѣмцы купеческіе и богатые,— пьютъ же много», при чемъ, со словъ стараго нѣкоего мудреца, имъ приписываются совершенно немыслимые блудные обычаи гостепріимства, а въ *королевствѣ польскомъ* усматривается, что люди въ немъ «величавы, но всякимъ слабостямъ покорны,—вольность имѣютъ великую, паче всѣхъ земель, кралей же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ, пьютъ же зѣло много»... Въ той же космографіи и въ различныхъ картинкахъ помѣщены извѣстія о внѣевропейскихъ государствахъ,—краткія и весьма своеобразныя, напримѣръ: «Мазическое царство дѣвичье, а сходятся они съ Еѳіопами съ году на годъ; мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ». Далѣе, тамъ же поминаются три острова: на одномъ изъ нихъ живутъ «люди-великаны, главы у нихъ песьи»; на другомъ—«людіе, власы у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе», а на третьемъ живутъ змѣи, «лице у нихъ дѣвическое; до пупа человѣка, а отъ пупа у нихъ хоботъ зміевъ, крылати, а зовомы василиски». Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ «корбаты и зміи», до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій, и т. д.

Свѣдѣнія о всеобщей исторіи, сообщаемыя при старыхъ картинкахъ, были въ этомъ же родѣ, но родная исторія глубоко интересовала пріобрѣтателя картинокъ, вникавшаго сердцемъ въ значеніе изображенныхъ на нихъ событій. «Знаменитое Мамаево побоище, говоритъ Ровинскій, на ряду съ погромомъ 1812 года, глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ, въ разныхъ редакціяхъ и никогда не потеряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ, что это была не заурядная удѣльная рѣзня,—изъ-за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть,—за родную землю, за русскую свободу, за женъ и дѣтей, за все, что было русскому человѣку и свято, и дорого; вотъ почему слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокій интересъ, и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ видахъ, съ большимъ, пространнымъ текстомъ. Наши ученые обвиняютъ составителя слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ Слову о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно; отчасти это и правда: нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для народа оно не представляетъ особаго интереса, ни по описанному въ немъ событію, ни

по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда понятныхъ для неграмотнаго люда. Мамаево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіи въ немъ безхитростный и полный интереса и Верещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого *побоища* въ простонародьи; читаетъ полуграмотный парень чуть не по складамъ: братцы, по-сто-имъ за зем-лю рус-скую... ря-домъ ле-жатъ кня-зья Бѣ-ло-зер-скіе... у-битъ... у-битъ... — кажется, что тутъ за интересъ въ разсказѣ, а всѣ какъ одинъ, и старый и малый, навзрыдъ плачутъ...»

Послѣ «Мамаева побоища», картинки историческаго содержанія появляются при императрицѣ Елисаветѣ, побѣды которой надъ Пруссіею, очевидно сильно заинтересовали народъ, инстинктивно понимавшій ихъ возможное для будущаго значеніе. Затѣмъ уже народный рѣзецъ въ большей или меньшей степени отзывался во всѣ историческія событія и далъ, наконецъ, богатѣйшее собраніе лубочныхъ каррикатуръ на Наполеона и на его походъ 1812 г. Подробному разбору и описанію этихъ каррикатуръ посвящена Ровинскимъ цѣлая глава въ пятомъ томѣ его текста, представляющая чрезвычайно интересный и богатый по своимъ даннымъ этюдъ объ отечественной войнѣ, о главныхъ ея дѣятеляхъ, запечатлѣвшихся въ народныхъ воспоминаніяхъ, о взятіи и сожженіи Москвы, о партизанахъ Фигнерѣ, Сеславинѣ и Денисѣ Давыдовѣ. Въ этомъ этюдѣ Ровинскій живыми красками изображаетъ взглядъ народа на нашествіе Наполеона и подвергаетъ тонкому психологическому разбору настроеніе и чувства простого русскаго человѣка при извѣстіи о гибели Москвы, о поруганіи ея храмовъ. Глубокая любовь къ родинѣ слышится въ горячихъ строкахъ его.

Историческія событія волновали народную жизнь лишь по временамъ, — въ картинкахъ по поводу ихъ отражались его взгляды на цѣлость русской земли, на свойства и значеніе воинскихъ подвиговъ и успѣховъ, при чемъ эти картинки были, подчасъ, такъ сказать, подсказываемы внѣшними обстоятельствами, громомъ побѣдъ или радостью отъ прошедшей опасности, грозившей тому, что дорого и свято. Но вкусы народа, но его идеалы, его мечты и размахъ его фантазіи, сказывались не въ историческихъ листахъ, а въ картинкахъ, иллюстрировавшихъ житія, легенды, сказки и былины. Ихъ значеніе огромно, ибо народъ надо судить и понимать по его вкусамъ и идеаламъ, а не по измѣнчивымъ, часто созданнымъ независящими отъ него обстоятельствами, нравамъ его, памятуя слова Монтескьё: «le peuple est hônnete dans ses goûts, sans l'être dans ses moeurs». Ровинскій собралъ и изучилъ множество картинокъ, относящихся именно къ этому предмету. Почти два огромныхъ тома и значительная часть «заключенія» въ пятомъ томѣ посвящены имъ этого рода картинкамъ. Опираясь на выводы А. Н. Пыпина и В. В. Стасова, онъ даетъ цѣлое — сравнительно —

историческое изслѣдованіе о происхожденіи, пріемахъ и образахъ произведеній русскаго эпоса въ сравненіи съ западнымъ и восточнымъ, характеризуетъ животный эпосъ и народный взглядъ на силы природы. Въ рядѣ картинъ и подробныхъ къ нимъ объясненій проходятъ русскіе богатыри, родные и заимствованные изъ иноземныхъ повѣстей герои сказокъ, но почти всѣ, однако, со своею повадкою и особенностями, въ которыхъ «русскій духъ и Русью пахнетъ»; — проходитъ излюбленный русскими сказителями «Иванушка дурачокъ», который очень и очень «себѣ на умѣ»; — пролетаютъ фантастическія птицы — гарпія, съ лицомъ человѣка и крыльями летучей мыши, — райская птица Сиринъ, коей «гласъ въ пѣніи зѣло силенъ», и Алконостъ, которая «егда въ пѣніи гласъ испущаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ, а кто по близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ семъ забудетъ...»; — проѣзжаетъ баба-яга на крокодилѣ, представленномъ наивнымъ художникомъ съ людскимъ лицомъ, обезьяньими лапами и пушистымъ хвостомъ.

На народныхъ картинкахъ всѣ твари и даже растенія разговариваютъ съ человѣкомъ, и Ровинскій дѣлаетъ любопытныя замѣчанія, возражая Аѳанасьеву и другимъ приверженцамъ миѳической теоріи, по которой разговоръ этотъ и самыя похожденія героевъ и богатырей имѣютъ иносказательное миѳическое значеніе. «Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ,—говоритъ онъ,—и въ забавныхъ листахъ не видно и тѣни миѳическихъ или стихійныхъ значеній; наши картинки — поздняго происхожденія, и герои, изображенные въ нихъ, вполнѣ реальны; ходитъ ли, напримѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уноситъ ли ее драконъ, — сказка такъ и разумѣетъ дѣйствительнаго змѣя или дракона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой-либо стихіи. Точно такъ служитъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Иваномъ-царевичемъ сѣрый волкъ, а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмель. У человѣка, постоянно обращающагося съ природой, все составляющее его обиходъ живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака, напримѣръ, — и привычный хозяинъ понимаетъ, что сказывается въ ея лаѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается, мурлыча и бурча около него, Котофей Ивановичъ; зачѣмъ прилетѣли—сорока-воровка и воронъ-вороновичъ, и отчего реветъ лѣсной Михайло Ивановичъ и кричитъ домашняя коза его Машка; онъ олицетворяетъ ихъ какъ неизмѣнныхъ своихъ товарищей и переводитъ ихъ лай, ревъ и мурлыканье на свой человѣческій языкъ. Простой человѣкъ и видитъ, и думаетъ цѣлыми картинами; *гребнемъ* стоитъ передъ нимъ лѣсъ, *полотенцемъ* растянулась рѣка, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ великановъ, и все это и вчера, и сегодня, помимо всякаго до-историческаго развитія, а потому естественно, что онъ чутьемъ чуетъ, что около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аксакова дѣтскіе годы Баг-

рова, — вѣдь у него лѣсъ какъ живой человѣкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ».

Сказки даютъ ему поводъ коснуться самихъ сказочниковъ и привести интересныя личныя наблюденія и воспоминанія. Такъ, говоря о такъ называемыхъ *понукалкахъ* при царскихъ сказочникахъ, онъ замѣчаетъ, что видѣлъ такихъ же понукалокъ не разъ при бродячихъ пѣвицахъ-импровизаторшахъ въ Андалузіи, Египтѣ и Индіи, помогающихъ въ ней не остыть жару импровизаторства. Указывая на рѣдкость хорошихъ сказочниковъ, на необходимость для нихъ огромной памяти и искусства «крошить и перемѣшивать сказки, такъ, чтобы слушателю было невдомекъ, новую ли онъ слышитъ сказку, или только старую погудку на новый ладъ»,—Ровинскій вспоминаетъ, что у его родителей въ домѣ была такая сказочница Марья Максимовна. «У нея въ памяти держался огромный запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ она выдѣлывала сотни сказокъ, измѣняя имена собственныя и вставляя по временамъ присказки и прибаутки». Такой же процессъ происходитъ, по мнѣнію Ровинскаго, и при передачѣ былины: опытные сказители включаютъ въ былины свои не только новые, слышанные ими, разсказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ при этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы. «Въ долгіе зимніе вечера наши,—прибавляетъ онъ,—на бойкомъ постояломъ дворѣ за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ кабачкѣ на торномъ мѣстѣ, за стаканчикомъ зеленаго винца, такихъ сказочниковъ и нынче еще найти можно». Этимъ-то сказочникамъ и обязаны мы сохраненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя долгое время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ XVII вѣка начали онѣ заноситься въ рукописные сборники, а съ половины прошедшаго вѣка стали переходить въ печать. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, на картинкахъ, внѣшняго вліянія Запада на изображенія коренныхъ русскихъ богатырей, скопированныхъ прямо съ иностранныхъ и преимущественно французскихъ образцовъ. Такъ, напримѣръ, въ одной лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря; на отдѣльной картинкѣ Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ-разбойникомъ: оба они на коняхъ, въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ. Но свое, родное, брало все-таки верхъ, и въ этомъ отношеніи гораздо замѣчательнѣе изображеніе Соловья-разбойника верхомъ на пряничномъ конькѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафьѣ) съ перомъ.

Въ разнообразныхъ легендахъ особенно сильно выразилась добрая и склонная къ милосердію натура русскаго человѣка; въ нихъ отразилось ярко и образно также и его религіозное чувство. У Ровинскаго этотъ отдѣлъ чрезвычайно богатъ и такъ разносто-

роненъ, что можетъ быть предметомъ глубокаго изученія самъ по себѣ, независимо и отдѣльно отъ всего остальнаго въ книгѣ. Страшный судъ во всевозможныхъ видахъ, хожденіе св. Θеодоры по мытарствамъ, легенды о Георгіи Побѣдоносцѣ и Николаѣ Чудотворцѣ, смѣняютъ другъ друга, раскрывая не только поэтическія и простодушныя религіозныя представленія народа о загробной жизни, но и его взгляды на правильныя стези жизни земной, въ которой онъ такъ часто окруженъ искушеніями и наущеніями бѣсовъ, между которыми есть даже спеціальный, носящій названіе «Замкни-Калита» и мѣшающій творить милостыню. Особенно трогательны легенды о заступничествѣ Богородицы предъ Сыномъ за грѣшное человѣчество. Она всегда плачетъ о немъ и предстательствуетъ за него на страшномъ судѣ. На двухъ картинкахъ, между прочимъ, изображено и разсказано, какъ нѣкій разбойникъ, вздумавши помолиться предъ иконою Богородицы, вдругъ увидѣлъ, что икона движется, и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа истекаетъ кровь; тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить ее, чтобы заступилась за него предъ своимъ Сыномъ. Богородица начала просить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради болѣзней, которыя она претерпѣла, видя его страданія на крестѣ и т. д., но на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ на землю и хотѣла припасть къ ногамъ Его съ молитвой, но этого не допустилъ Христосъ и далъ свое прощеніе грѣшнику, который послѣ такого чуда «поживе богоугодно»...

Обширное собраніе изображеній грѣховнаго человѣка заключается картинками, названными «духовная аптека» и «быліе, врачующее отъ грѣховъ». Въ нихъ замысловато указывается, какъ излечить себя отъ скверны грѣха. «Старецъ нѣкій вниде во врачебницу,—гласитъ подпись подъ ними,—и рече ему врачъ: кую потребу, отче, имѣя вшелъ еси семо? Отвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе врачующее грѣхи? Глаголетъ ему врачъ: еще требуеши покажу ти его: возми корень нищеты духовныя на немъ же вѣтви молитвенныя процвѣтаютъ цвѣтомъ смиренія, изсуши его постомъ воздержанія, изотри его терпѣливымъ безмолвіемъ, просѣй ситомъ чистой совѣсти, посыпь въ котелъ послушанія, налей водою слезною, накрой покровомъ любви и подпали теплотою сердечною, и разжегши огнь молитвы, подмѣшай капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиренномудріемъ, влей на блюдо разсужденія, довольно простудивши братолюбіемъ, и часто прикладай на раны сердечныя и тако уврачуеши болѣзни душевныя отъ множества грѣховъ».

Гораздо менѣе разнообразенъ отдѣлъ *сатирическихъ* картинокъ. Замѣчательно, что къ нимъ прибѣгало иногда само правительство, съ цѣлью осмѣять упорство противъ какой либо своей уже принятой или только еще подготовлявшейся мѣры. Такъ, Ека-

терина II приказала пустить въ народъ картинку, изображавшую «челобитную калязинскихъ монаховъ», съ цѣлью подготовить его къ знаменитому указу объ отобраніи монастырскихъ земель и имуществъ,—картинку, заимствованную изъ рукописи XVII вѣка и представляющую ядовитую сатиру на несогласные съ монастырскою жизнью обычаи, которые хотѣла подчеркнуть императрица. Она, впрочемъ, прибѣгала къ народнымъ картинкамъ и не съ цѣлью сатиры. Такъ по ея распоряженію изданъ рядъ такихъ картинокъ для объясненія значенія прививки коровьей оспы и подготовленія народа къ этой санитарной мѣрѣ...Ко временамъ Петра Великаго относится сатирическая картинка: «цирульникъ хочетъ раскольнику бороду стричь». Она являлась дополненіемъ къ тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ крутого преобразователя, которыя вызывали въ раскольникахъ ожесточенное упорство, несмотря на трактатъ св. Димитрія Ростовскаго «объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣцѣ» и рядъ указовъ о брадобритіи. Картинка эта, по замѣчанію Ровинскаго, въ ходъ не пошла, раскольники бородъ себѣ не брили, а съ радостію записывались въ двойной окладъ и покупали себѣ «антихристово клеймо», избавлявшее ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. По этому поводу онъ, дѣлая обзоръ мѣръ, принятыхъ противъ раскольниковъ въ борьбѣ съ ними Петра I, высказываетъ свой широкій и свѣтлый взглядъ на вѣротерпимость.

Сурово и страстно гонимые Петромъ I, несогласно съ нимъ мыслящіе въ народѣ мстили ему по своему и въ области народныхъ картинокъ, пустивъ по лицу земли русской одну изъ популярнѣйшихъ и выдержавшихъ безчисленное множество изданій картинъ: «мыши кота погребаютъ», въ древнѣйшихъ экземплярахъ которой даже обозначенъ точно мѣсяцъ, день и часъ смерти великаго преобразователя и помѣщены прозрачные намеки на многія подробности изъ его домашней жизни.

Къ народнымъ сатирическимъ картинкамъ должны быть отнесены и изображенія нашихъ старыхъ, неправыхъ и произвольныхъ судебныхъ порядковъ, краснорѣчиво описанныхъ въ Шемякиномъ судѣ и въ повѣсти о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ. Объ этихъ порядкахъ я говорилъ подробно въ началѣ моей рѣчи.

Веселье народа, его развлеченія и праздники составили въ собраніи Ровинскаго особый отдѣлъ, богатый замѣчаніями по личнымъ наблюденіямъ автора. За описаніемъ и изображеніемъ «широкой масляницы» и «семика» слѣдуетъ подробный разсказъ о кулачныхъ бояхъ, о ихъ пріемахъ и правилахъ («лежачаго не бьютъ!») и объ уцѣлѣвшихъ въ народной памяти герояхъ этой почти уже исчезнувшей повсюду на Руси забавы. Точно также остается лишь въ воспоминаніяхъ приходъ вожака съ медвѣдемъ, еще недавно составлявшій, по словамъ Ровинскаго эпоху въ глухой деревенской жизни. «Все бѣжало къ нему на встрѣчу,—разсказываетъ авторъ,—списывая, какъ говорится въ выноскѣ, съ натуры — и

старый и малый; даже бабушка Онуфріевна, которая за немоготою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжитъ. «Ты куда это, старая хрычевка?» кричалъ ей вслѣдъ баринъ... «Ахъ батюшки, прихлебываетъ старуха, такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?» и сѣменитъ далѣе». Разскажу о томъ, какъ «Михайло Ивановичъ», по образному описанію Пушкина, «и тяжко пляшетъ, и реветъ, и цѣпи ржавыя грызетъ», Ровинскимъ посвящено нѣсколько живыхъ страницъ, взятыхъ изъ личныхъ наблюденій и записей, при чемъ изъ исторіи этого народнаго развлеченія онъ приводитъ, между прочимъ, оригинальный фактъ, что для любительницы медвѣжьей пляски, императрицы Елисаветы, мохнатыхъ танцоровъ обучалъ въ Александро-Невской лаврѣ келейникъ Карповъ, доносившій въ 1754 г., что одного медвѣдя онъ выучилъ ходить на заднихъ лапахъ даже и въ платьѣ, а «другой медвѣдёнокъ къ наукѣ *непонятенъ* и весьма сердитъ». Много личныхъ наблюденій внесено и въ передачу присказокъ раешниковъ, живой и самородный юморъ которыхъ подвергся почти полному ограниченію «въ видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности», какъ съ ироніей замѣчаетъ Ровинскій. Точно также полно личныхъ наблюденій автора и живое описаніе знаменитаго «Петрушки» и послѣдовательнаго хода представляемой имъ своеобразной и столь любезной народу трагикомедіи.

Народное развлеченіе, въ большинствѣ случаевъ, неразлучно съ зеленымъ виномъ. Даже отплясавшему медвѣдю, а не только его поводырю, подносили чарочку. Но, разбирая упреки, щедро раздаваемые иностранцами русскому человѣку за пьянство, и показывая ихъ лицемѣрную сторону, Ровинскій, вѣрный своей сострадательной любви къ народу, говоритъ: «почему жъ бы русскому человѣку и не выпить? По словамъ космографіи, въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, «мразы бываютъ великіе и нестерпимые»; ну и «моменты» бываютъ въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ,—до калѣчной старости; или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки въ бурлаки закабалится и т. п. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмелемъ: «пей, забудешь горе», поетъ пѣсня. «Азъ есмь хмель высокая голова, болѣе всѣхъ плодовъ земныхъ»,—говоритъ о себѣ хмель въ народной картинкѣ,—«силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу прожорливую; а руки мои обдержатъ всю землю». По замѣчанію Ровинскаго, въ сущности русскій человѣкъ пьетъ меньше иностранца—да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ иностраннаго. Притомъ, отрезвляющій голосъ церковныхъ поученій противъ пьянства не могъ никогда получить настоящей силы, такъ какъ откупная

система съ Ивана IV и Бориса Годунова вошла на долгіе годы въ дѣйствіе на Руси. Съ этого времени кабацкіе головы и цѣловальники выбирались для продажи вина и цѣловали крестъ «пріумножать кабацкіе доходы» и собирать за вино деньги «съ прибылью противъ прошлаго лѣта», при чемъ имъ было разрѣшено дѣйствовать безстрашно», за прибыль ожидать милости и «въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять»,—что они и исполняли въ точности...

Затѣмъ, и народная музыка, и пляска, изображенныя на лубочныхъ картинкахъ, нашли себѣ въ Ровинскомъ подробнаго описателя,—такъ же какъ и разные виды театральныхъ представленій, начиная съ комедій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ родѣ: «малой прохладной комедіи о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ», и кончая *интерлюдіями* XVIII вѣка—съ ихъ сюжетами весьма нескромнаго свойства. При этомъ онъ останавливается съ особою подробностью на цыганскомъ пѣніи и пляскѣ, издавна представлявшихъ особую, притягательную прелесть для русскаго человѣка всѣхъ слоевъ общества. «Цыгане—говоритъ онъ,—составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рощѣ, подъ Новинскимъ—они пѣли и плясали публично на эстрадѣ, какъ для благородныхъ особъ, такъ и для «подлаго народа». Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора,—приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гулякъ: знаменитая Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши; Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ. Что увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ,—это рѣзкіе и неожиданные переходы отъ самаго нѣжнаго піанисcимо къ самому разгульному гвалту. Выйдетъ, напримѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, мазнетъ разъ-два по струнамъ, да запоетъ какая-нибудь Стеша или Саша, въ сущности преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгою, такимъ чистымъ, груднымъ голосомъ,—такъ всѣ жилки переберетъ въ васъ. Тихо, едва слышнымъ, томнымъ голосомъ, замираетъ на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на ту же ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно вся тройка надъ вами рушится: взвизгиваетъ бойкая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголосая старуха Фроська... Но поведетъ глазами по хору Илья, щипнетъ аккордъ по струнамъ,—въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замиранія Стеши...»

«Въ пляскѣ та же манера,—продолжаетъ онъ:—если танцуютъ двое мужчинъ, то одинъ изъ нихъ, обыкновенно старый и толстый, стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пля-

шетъ, а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ рукѣ шляпу, изрѣдка притоптывая одною ногою, какъ будто подзадориваетъ своего молодого товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него мятелицей и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ; если пойдетъ плясать, напримѣръ, граціозная молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней вскакиваетъ, точно дикій звѣрь, старая растрепанная цыганка, съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срываетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ вкопанная, на послѣднемъ взрывѣ табора».

Наконецъ, обширный отдѣлъ посвященъ у Ровинскаго — шутамъ, шутихамъ и юродивымъ,—а въ заключеніе онъ, самъ горячій любитель странствовать, описываетъ народныя паломничества, дѣлая массу цѣнныхъ указаній изъ народнаго и церковнаго быта.

Таковы, въ самыхъ поверхностныхъ, отрывочныхъ и мимолетныхъ чертахъ «Русскія народныя картинки». Вглядываясь и вчитываясь въ нихъ, точно изслѣдуешь какую-то богатую руду, которая раскидывается все дальше и дальше въ глубь и въ ширь, обнаруживая въ Ровинскомъ громадное богатство,—богатство всевозможнаго знанія, опыта и постоянной, стойкой и нѣжной любви къ родинѣ и своему народу. Въ одномъ изъ сочиненій историка Соловьева выражена прекрасная мысль, что народъ любитъ ставить памятники своимъ замѣчательнымъ людямъ,—но жизнь и дѣятельность выдающихся людей есть памятникъ, поставленный ими своему народу. Можно безъ преувеличенія сказать, что трудомъ, положеннымъ въ «Словарь» и «Народныя картинки», Ровинскій поставилъ памятникъ своему народу, вложивъ въ постройку его и силу своего разносторонняго ума и теплоту своего, вѣрящаго въ народъ, сердца.

Личность Ровинскаго сказывается, наконецъ, и въ изданной имъ въ 1892 г. книгѣ — «*Василій Григорьевичъ Перовъ. Его жизнь и произведенія*», состоящей изъ прекрасной біографіи художника, написанной Н. П. Собко, и изъ 60 фототипій съ картинъ Перова. Для изданія произведеній какого-либо изъ выдающихся русскихъ художниковъ Ровинскому представлялся большой выборъ. Такое изданіе могло бы подавлять изображеніемъ тяжкихъ сценъ изъ боевой жизни;—могло бы ласкать глазъ изящною правдивостью въ передачѣ полотну переливовъ свѣта на мѣхахъ, матеріяхъ и украшеніяхъ;—могло бы представлять тѣ жанровыя сцены, гдѣ «сквозь видимый смѣхъ слышатся невидимыя слезы» и гдѣ глубоко-трагическое существо заключено въ рамки какого-нибудь оригинальнаго житейскаго явленія... Но онъ не останавливался на этихъ произведеніяхъ художественной кисти. Цѣнитель, знатокъ и изслѣдователь народной жизни, онъ не любилъ ничего кричащаго, бьющаго на эффектъ или исключительнаго. Простая русская жизнь,

въ ея обычномъ, скромномъ теченіи, болѣе привлекала его, ибо болѣе просто и правдиво отражала на себѣ натуру русскаго человѣка. Живописателемъ именно такой жизни былъ Перовъ. Его простая, безхитростная, полная стремленія къ самоусовершенствованію, натура, его скромная жизнь должны были привлечь къ себѣ чуткое вниманіе и симпатіи Ровинскаго. Еще большее вліяніе должны были имѣть на послѣдняго художественныя произведенія Перова. Въ нихъ, какъ въ живописномъ колейдоскопѣ, проходитъ повседневная, небогатая красками и впечатлѣніями, но близкая русскому сердцу — родная жизнь съ ея семейными радостями и горестями, неизбѣжными драмами, особенностями и увлеченіями.

Наивное торжество всей семьи чиновника, получившаго *первый чинъ*, съ восхищеніемъ созерцающей самого виновника этого торжества въ моментъ примѣриванія впервые надѣваемаго вицмундира;— добродушное самодовольство художника-любителя изъ «бурбоновъ»;— трогательная встрѣча слѣпымъ отцомъ вернувшейся домой дочери институтки — смѣняются *проводами покойника*, кормильца семьи, при чемъ отъ перевязаннаго веревками гроба на розвальняхъ, отъ беззаботныхъ дѣтскихъ фигуръ, пріютившихся по сторонамъ его, отъ всей сгорбленной нуждою и горемъ фигуры вдовы и отъ мрачнаго, грозящаго снѣжною бурею, неба — вѣетъ настоящею, глубокою печалью и сиротствомъ. Вотъ, затѣмъ, возвращеніе съ похоронъ цѣлой крестьянской семьи, по членамъ которой видно, что опустили въ землю молодую и надежную опору стариковъ;— вотъ пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ, гдѣ ее встрѣчаетъ *самъ*, облеченный въ халатъ, съ чадами и домочадцами, — и бѣдная дѣвушка стоитъ, вынимая дрожащими руками изъ ридикюля какое-то письмо, подъ перекрестнымъ огнемъ надменныхъ, черствыхъ, враждебныхъ и похотливыхъ взглядовъ, а гдѣ-то за предѣлами картины чуется безъисходная нужда и бѣдная больная мать, и братишка или сестренка, которыхъ надо воспитать... Вотъ, наконецъ, родители Базарова, вмѣстѣ, на могилѣ «страстнаго, бунтующаго сердца», пришедшіе, «поддерживая другъ друга, отяжелѣвшею походкой» — и затѣмъ они же, каждый въ отдѣльности, лицомъ къ зрителю, на колѣняхъ, полные «святой, преданной любви», «долго и горько плачущіе, долго и внимательно смотрящіе на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ»... Какъ выразительна затѣмъ обстановка двухъ арестантовъ въ «*Судѣ становаго*» и въ «*Отпѣтомъ*»,— какъ много говоритъ и обѣщаетъ въ будущемъ лицо послѣдняго, напоминающаго ястреба съ перешибленнымъ крыломъ,— какой эпилогъ изъ безвѣстной, таинственной повѣсти изображенъ въ фигурахъ утопленницы и городового, покуривающаго надъ нею раннимъ осеннимъ утромъ, скрывающимъ въ клубахъ тумана башни и церковныя главы Кремля!..

И тѣсно переплетенный съ жизнью народа бытъ духовенства далъ краснорѣчивый матеріалъ Перову,— начиная съ деревенскаго

крестнаго хода, монастырской трапезы, проповѣди въ сельской церкви, которую слушають, плохо понимая, крестьяне, и не слушають вовсе господа, отдаваясь сну или любовной болтовнѣ, — и кончая трогательною, несмотря на весь свой реализмъ, идилліею, названною имъ «Рыбаки», изображающею сельскаго священника и дьякона, по поясъ въ водѣ тянущихъ неводъ съ рыбою... Въ массѣ бытовыхъ картинокъ и чудесныхъ портретовъ — изобразилъ Перовъ русскую жизнь и многихъ ея выдающихся людей, — а его знаменитые — *Птицеловъ, Рыболовъ, Охотники на привалѣ*, вмѣстѣ съ *Голубятникомъ* и *Гитаристомъ*, представляють цѣлую серію страстныхъ увлеченій русскаго человѣка. Онъ далъ, наконецъ, въ трехъ различныхъ изображеніяхъ пугачевщины и картину русскаго бунта, «безсмысленнаго и безпощаднаго»... Истинный національный художникъ не только по своимъ сюжетамъ, но и по проникающему ихъ выполненіе чувству глубокой и нѣжной, хотя и чуждой всякой сентиментальности любви къ русскому человѣку, Перовъ имѣетъ душевное сродство съ Ровинскимъ. То, что именно Перова облюбовалъ Ровинскій для художественной пропаганды среди небогатой публики (превосходное изданіе «Перова» стоитъ всего 10 р.) дало возможность заглянуть и въ собственный внутренній міръ Ровинскаго, міръ его вкусовъ и привязанностей...

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго всегда и всюду выдвинула бы его изъ среды людей «обще-утвержденнаго» образца и создала бы ему особое, своеобразное и замѣтное мѣсто. Его оригинальная личность не могла не оставлять своего слѣда на всемъ, къ чему она ни прикасалась. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Ихъ нельзя было бы не видѣть... Но, быть можетъ, живыя проявленія этой натуры выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, если бы судьба не заставила Ровинскаго провести всю молодость и зрѣлые годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей современной практической окраски, въ которой такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія, въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ и народный бытъ со всѣми своими особенностями — охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами, — арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не фор-

мальномъ только общеніи, представлялъ передъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложившимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разностороннія занятія стряпчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ схемъ и указокъ.

Много лѣтъ подъ рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ всей центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и беззаботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще била ключомъ настоящая, безъ всякой «городской» примѣси, и неразвращенная фабрикою народная жизнь. Каждое такое путешествіе обогащало его свѣдѣніями и пополняло его собранія, такъ что онъ могъ, подобно нѣмецкому писателю и этнографу Рилю, съ полнымъ правомъ сказать: «Ich hade meine Bücher erwandert»,—я «выходилъ» мои книги. Сохранилось много разсказовъ о тѣхъ странныхъ, а иногда и комическихъ положеніяхъ, въ которыхъ оказывался извѣстный далеко за предѣлами Москвы губернскій прокуроръ, заподозрѣнный по поводу своихъ хожденій и разспросовъ мѣстными властями или вынужденный прибѣгать къ заимообразной помощи у недоумѣвающаго губернскаго начальства. Онъ самъ, впослѣдствіи, съ любовью вспоминалъ эти странствія и воскресныя путешествія съ Сѣтуни въ Бутырки, гдѣ помѣщался тюремный замокъ, говоря шутливо: «и я, въ свое время, занимался *хожденіемъ въ народъ*»...

Благодаря этому хожденію, онъ проницательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понялъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его юморъ, его удаль, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Онъ подмѣтилъ въ народѣ то, чего, по словамъ поэта «не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ иноплеменный». Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и изнѣженности свѣтской жизни—и «опростился» въ собственномъ образѣ жизни. Простая и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища,—стали обычною принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика,—только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую телѣжку. Простота и веселая непринужденность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой завѣтъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860 году: «будьте прежде

всего *людьми*, а потомъ уже *чиновниками*»—онъ осуществлялъ вполнѣ наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но даже тревожили его своимъ вліяніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе къ тѣмъ 25 членамъ комиссіи, которые, при начертаніи судебныхъ уставовъ, полагали уничтожить личныя представленія къ наградамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи наградъ, судебнаго персонала, что «если люди слишкомъ честолюбивые, гоняющіеся за знаками отличія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть»... Благодаря такому взгляду, онъ задалъ въ 1862 году немало хлопотъ своимъ домашнимъ, когда для одного изъ офиціальныхъ представленій его въ Петербургѣ необходимо понадобились ордена его—и ихъ пришлось, съ величайшимъ трудомъ, разыскивать по всей его квартирѣ въ Москвѣ и все-таки не найти нѣкоторыхъ. Поэтому же онъ былъ и самъ скупъ на награды. Когда московскій губернаторъ, желая, за устройство школы въ губернскомъ тюремномъ замкѣ, наградить одного изъ стряпчихъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, написалъ о томъ Ровинскому, послѣдній позвалъ стряпчаго къ себѣ и сказалъ ему: «батюшка! (это было его любимое обращеніе)—вы молодой еще человѣкъ и студентъ,—охота вамъ привыкать *обвѣшиваться;*—съ этихъ лѣтъ пріохотитесь—человѣкъ-то и *выдохнется* изъ васъ. Ужъ вы не сѣтуйте, а я васъ вычеркну. Лучше просите денежное пособіе,—вѣдь у васъ семья»...

Служебный карьеризмъ, стремленіе выслужиться и дѣловое верхоглядство—были ему всегда до крайности непріятны и встрѣчали въ немъ не только строгое, но иногда и ядовитое осужденіе. «Ну что, какъ поживаешь, какъ работаешь?»—сказалъ ему, уже предсѣдателю Судебной Палаты, покровительственнымъ тономъ его бывшій подчиненный, человѣкъ безсодержательный и очень искательный, съумѣвшій устроить такъ, чтобы почти въ одномъ и томъ же приказѣ получить сразу двѣ награды и два назначенія. Ровинскій улыбнулся. «Да вотъ все думаю,—отвѣчалъ онъ,—гдѣ бы поставить въ круглой Екатерининской залѣ (наполненной горельефами съ символическими надписями) горельефъ съ твоимъ изображеніемъ и надписью: «*малыми* средствами—*многаго* достигаетъ». Живой, подвижный, цвѣтущій здоровьемъ, онъ былъ быстръ и своеобразенъ во всей своей повадкѣ. Когда я былъ назначенъ—по выбору товарищей, согласно съ заведеннымъ Ровинскимъ обычаемъ, о которомъ онъ писалъ еще въ запискѣ: «о судебной службѣ»,—секретаремъ при прокурорѣ Московской Судебной Палаты и пріѣхавъ изъ Петербурга, пришелъ представляться новому начальнику, этотъ послѣдній былъ въ засѣданіи. Пришлось

ждать его прихода. Вдругъ дверь въ канцелярію отворилась и не вошелъ, а вбѣжалъ человѣкъ, совершенно не похожій на петербургскихъ судебныхъ сановниковъ ни по костюму, ни по манерамъ. Коренастый, съ огромною лысиною, обрамленною длинными рыжеватыми кудрями, безъ усовъ, съ пробритою на подбородкѣ окладистою бородою, съ умными, улыбающимися глазами подъ густыми бровями, Ровинскій былъ одѣтъ въ старый, толстаго сукна, поношенный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, въ обносившіяся снизу брюки надъ простыми, очевидно «готовыми» сапогами; изъ-за воротника сюртука виднѣлся отложной, мягкій воротъ рубашки, повязанный какою-то черною тесемкою. Выслушавъ офиціальную формулу представленія, онъ ласково протянулъ руку и мягко сказалъ: «*меня* зовутъ *Дмитрій Александровичъ*, — а вотъ пойдемте-ка въ кабинетъ, да потолкуемъ». Въ кабинетѣ, вытащивъ не изъ кармана истертаго и короткаго атласнаго жилета, а изъ кармана брюкъ серебряную луковицу и посмотрѣвъ, который часъ, онъ усѣлся съ ногами, по-турецки (его любимая поза), въ кресло и, сказавъ: «ну, батюшка, — кто вы? да что вы? разсказывайте-ка!» — началъ одну изъ тѣхъ непринужденныхъ и откровенныхъ бесѣдъ, которыя чрезъ тридцать лѣтъ заставляютъ вспоминать о службѣ съ нимъ какъ о свѣтломъ и дорогомъ времени...

Въ свой служебный кабинетъ, обставленный до крайности просто, безъ обычной канцелярской роскоши, приходилъ или, вѣрнѣе, прибѣгалъ онъ не регулярно, а по мѣрѣ надобности. «Ну-ка! давайте-ка, господа, что у васъ есть»,—говорилъ онъ еще на ходу и, усѣвшись въ свою любимую позу, немедленно приступалъ къ слушанію докладовъ, дѣлая, на словахъ, краткія, рѣшительныя и всегда «смотрѣвшія въ корень» резолюціи. Врагъ пустой переписки и всякаго формализма, онъ многія бумаги оставлялъ вовсе безъ отвѣта, кладя ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, подъ зеленое сукно своего стола и говоря: «пусть полежитъ! пусть они тамъ своимъ умомъ дойдутъ, что надо дѣлать; нечего ублажать этихъ «приказныхъ», имъ надо самимъ думать и учиться, а не ждать указки сверху»... Иногда, если бумага настоятельно взывала объ отвѣтѣ, онъ на поляхъ ея писалъ резолюцію въ два-три слова и посылалъ ее въ такомъ видѣ обратно. Не одна нелюбовь къ безплодной канцелярщинѣ руководила имъ при этомъ. Онъ боялся, чтобы въ новое, живое дѣло не закрались на первыхъ же порахъ порядки ненавистнаго ему приказнаго строя,—чтобы не ослабѣла необходимая самодѣятельность органовъ преобразованной прокуратуры. Притомъ, опытъ жизни научилъ его, что обиліе такъ называемыхъ «вопросовъ» обыкновенно обусловливается лѣнью ума и стремленіемъ ничего не принимать на свою сознательную отвѣтственность со стороны возбуждающихъ эти вопросы. Поэтому, когда кто-либо изъ мѣстныхъ дѣятелей возбуждалъ, въ обширномъ и красиво переписанномъ представленіи, какой-либо «важный и настоятельный»

вопросъ, въ сущности разрѣшаемый судебными уставами, въ которые лишь надлежало внимательно вдуматься, Ровинскій умышленно не отвѣчалъ на такое представленіе, или не давалъ ему хода, нисколько не смущаясь тревогою и нетерпѣніемъ писавшаго и напоминаніями своихъ секретарей, твердо увѣренный, подобно Матвѣю въ «Аннѣ Карениной», что все *«образуется»*. И дѣйствительно — смотришь, все образовалось, и притомъ не бюрократическимъ путемъ, а жизненнымъ...

Въ направленіи имъ дѣлъ, въ замѣчаніяхъ на обвинительные акты, во взглядахъ на взаимныя отношенія различныхъ судебныхъ органовъ между собою сказывалось у него глубокое знаніе и людей вообще, и истинныхъ общественныхъ потребностей, а также необыкновенная быстрота соображенія, всегда направленнаго на отысканіе живой, а не формальной только правды... Его трезвый, слегка скептическій умъ нельзя было отуманить ни громкими словами, ни трагическими картинами, ни напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго мелочнаго самолюбія. Ухватывая каждый вопросъ, по его собственному выраженію «за пупъ», онъ быстро шелъ къ правдѣ, нерѣдко скрытой подъ обманчивою скорлупою, и добирался до ядра, при чемъ все хитро задуманное представлялось иногда въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ. Здоровые нервы его были, однако, очень подвижны и воспріимчивы. Это выражалось даже въ томъ, какъ онъ слушалъ доклады или читалъ дѣла, обреченный хоть на время на нѣкоторое бездѣйствіе. Онъ не могъ сидѣть и слушать или читать спокойно, а двигался въ своемъ креслѣ, постоянно мѣняя позу,— ерошилъ себѣ волосы, теребилъ бороду, безсознательно бормоталъ отрывки изъ стиховъ или курныкалъ какой-нибудь мотивъ, при чемъ пальцы его нервно двигались, иногда мимически подбирая какіе-то аккорды, а глаза—если это былъ докладъ—мягко и разсѣянно блуждали по комнатѣ. Но вотъ докладъ, сдѣланный съ точностью и обстоятельностью, которыхъ онъ безусловно требовалъ, оконченъ—или дѣло имъ просмотрѣно, и лицо его принимаетъ сосредоточенное выраженіе, глаза смотрятъ пристально и серьезно—и вдумчивый выводъ, въ которомъ ничего не опущено и не забыто, смѣняетъ внѣшніе признаки нервной разсѣянности.

Всѣмъ интересующійся—меломанъ и театралъ, умѣвшій глубоко и сознательно наслаждаться искусствомъ,—вѣчно занятый пополненіемъ своихъ собраній, Ровинскій оставлялъ, однако, все это, если служебный долгъ требовалъ отъ него особаго напряженія въ одномъ направленіи. Тогда онъ спозаранку являлся къ себѣ въ прокурорскій кабинетъ, запирался въ немъ и лишь на минутку прерывалъ свою, всегда быструю и содержательную работу, чтобы съѣсть принесенный имъ съ собою, завернутый въ бумагѣ, простой завтракъ или послать сторожа въ знаменитый—увы! исчезнувшій нынѣ,— Сундучный рядъ за закуською или пирожками. Съ усталымъ лицомъ,

но бодрый и веселый выходилъ онъ, окончивъ свою задачу, въ канцелярію, и любилъ отдохнуть, усѣвшись на столъ и мѣрно качая ногою, въ болтовнѣ со своими молодыми сослуживцами «de rebus gestis et aliis», пересыпая свои разсказы и разспросы острыми словцами, мѣткими сравненіями и цѣлыми эпизодами комическаго свойства изъ пережитаго. «Ну, довольно,—прерывалъ онъ наконецъ свою бесѣду,—прощайте господа; посмотрите-ка, что я тамъ въ кабинетѣ на листочкахъ «наваракеалъ», да приведите это въ порядокъ,—кажется, выйдетъ ладно...»

Въ служебной работѣ, да, вѣроятно, и во всякой другой, у него не было систематической равномѣрности и усидчивости нашихъ западныхъ сосѣдей. Иногда на него находило утомленіе,—такъ сказать пресыщеніе однообразною работою. Его начинало тянуть въ деревенское уединеніе, поближе къ природѣ, которую онъ любилъ и умѣлъ чувствовать. Тогда онъ удалялся въ старый Сѣтунскій станъ, близъ Москвы, на берегъ рѣчки Сѣтуни, въ свой маленькій «хуторъ», хранившій для него освѣжающія и успокоивающія впечатлѣнія. Тамъ, запершись отъ всѣхъ, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, отдыхалъ онъ за своими, дорогими ему, гравюрами, слушалъ любимый имъ далекій звонъ московскихъ колоколовъ, сажалъ цвѣты или изготовлялъ фейерверки. И въ садоводствѣ, и въ пиротехникѣ, онъ былъ опытный знатокъ. Такой отдыхъ продолжался недѣлю, десять дней... Если необходимость разрѣшенія и подписи неотложныхъ бумагъ заставляли нарушить его уединеніе, то это приходилось дѣлать съ большимъ сожалѣніемъ. «Подписалъ?»—спрашивали въ канцеляріи у возратившагося съ Сѣтуни курьера, носившаго историческую фамилію Пугачева. «Подписали, да только бранятся...»—«А что онъ дѣлаетъ?»—«Да до обѣда цвѣты сажали,—а послѣ обѣда ракеты набивали... очень были все время заняты...» Но отдыхъ быстро проходилъ, освѣженныя и обновленныя силы возвращались съ прежнею и даже большею энергіею—и работа снова закипала.

Съ переходомъ въ Сенатъ, тревожныя впечатлѣнія отвѣтственной службы прошли для Ровинскаго—и временный отдыхъ на Сѣтуни оказалось возможнымъ замѣнить долговременными и дальними путешествіями. Обыкновенно уже съ Пасхи начиналъ онъ готовиться къ большому странствію и при первой возможности уѣзжалъ на поиски новаго матеріала для своихъ собраній и новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній для своего пытливаго, вѣчно молодого ума. Съ 1870 г. онъ объѣздилъ всю Европу, до отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ ея уголковъ, побывалъ въ Египтѣ, Марокко и Алжирѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, былъ въ Индіи, на Цейлонѣ и Явѣ, въ Китаѣ и Японіи. Послѣднее отдаленное его путешествіе, уже въ преклонномъ возрастѣ, совершено имъ въ Туркестанъ, Хиву и Бухару. Его «Народныя картинки» содержатъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ личныхъ замѣчаній, сравненій и указаній,

вынесенныхъ отовсюду, гдѣ онъ побывалъ. Сопряженный съ сенаторствомъ переѣздъ въ Петербургъ не измѣнилъ привычекъ стараго москвича. На вопросъ: какимъ образомъ освоится онъ съ холоднымъ, туманнымъ и прямолинейнымъ Петербургомъ послѣ своихъ любимыхъ московскихъ урочищъ и переулковъ, онъ отвѣчалъ: «да я и здѣсь себѣ Москву устрою»,—и дѣйствительно, поскитавшись по квартирамъ казармоподобныхъ домовъ Петровскаго «парадиза», онъ устроился въ отдаленномъ концѣ 4-й линіи Васильевскаго Острова, въ собственномъ домикѣ-особнякѣ, утонувшемъ въ глубинѣ небольшого сада, и здѣсь прожилъ, въ буквальномъ смыслѣ заваленный книгами и папками съ гравюрами, окруженный своими драгоцѣнными изданіями и лично взрощенными цвѣтами, до самой своей кончины.

Невидимый и недоступный для случайныхъ или офиціальныхъ посѣтителей, но радушный и привѣтливый хозяинъ для тѣхъ, кого онъ любилъ и кого приводилъ къ нему дѣйствительный интересъ къ его личности или трудамъ, Ровинскій оставался и у «Василія на Островѣ» тѣмъ же простымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ привыкли знать его сослуживцы, какимъ всегда знала его Москва. Постоянно работая, отдавая свой трудъ и время на службу, правосудію и искусству, онъ никогда не выдвигался впередъ и менѣе всего помышлялъ о своемъ санѣ и заслугахъ. Онъ скромно умалчивалъ о царственномъ вниманіи къ его работамъ по исторіи искусства, неоднократно и непосредственно, въ личной бесѣдѣ, проявленномъ императоромъ Александромъ III,—и никогда не хотѣлъ играть никакой офиціальной роли, скромно и безшумно исполняя свой служебный долгъ, но всегда и во всемъ упорно охраняя самостоятельность своей нравственной личности. Онъ осуществлялъ своимъ житейскимъ поведеніемъ глубокія слова Флобера (письма 1877 г.): «Quand on est *quelqu'un*—pourquoi vouloir être *quelque chose?*» Такъ достигъ онъ почтенной старости. Несмотря на этотъ возрастъ, сопряженный для многихъ съ развитіемъ суетнаго, почти ребяческаго тщеславія и съ нравственнымъ «склерозомъ» чувства и движеній сердца,—онъ могъ спокойно выдержать опытъ, предлагаемый Гейне, говорившимъ, что «человѣкъ въ разгарѣ дѣятельности, подобенъ солнцу: чтобы имѣть о немъ вѣрное понятіе, надо видѣть его при восходѣ и при закатѣ».

Когда этотъ закатъ сталъ быстро надвигаться, сослуживцы Ровинскаго,—сенаторы Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, въ которомъ онъ проработалъ 24 года, поднесли ему переплетенный въ старомъ русскомъ вкусѣ адресъ. Въ немъ, по поводу пятидесятилѣтія службы Ровинскаго, говорилось о неустанномъ его трудолюбіи, безграничной любви къ родинѣ и наукѣ, о тепломъ и свѣтломъ его взглядѣ на людей, на бѣдныхъ, несчастныхъ и даже впавшихъ въ преступленіе. И это были не обычныя юбилейныя фразы,—тѣмъ болѣе, что Ровинскій, предвидя возможность празд-

нованія своего юбилея, «убѣжалъ» за-границу и тщательно скрывалъ свое тамъ мѣстопребываніе,—не тѣ «приподнятыя» слова, которыя, по обычаю, говорятся «октавой выше» противъ истины всякому юбиляру, при чемъ ни онъ, ни говорящіе сами имъ не вѣрятъ. Въ словахъ, написанныхъ многолѣтними свидѣтелями его труда, заключалась истинная оцѣнка человѣка, котораго удобнѣе и точнѣе можно было разсмотрѣть именно «на закатѣ». Въ томъ же адресѣ выражалось Ровинскому его товарищами горячее пожеланіе еще многихъ лѣтъ жизни—«намъ и потомству въ назиданіе». Въ этомъ пожеланіи невольно сказывалось и тревожное опасеніе, Тяжелый недугъ уже два года держалъ его въ своихъ тискахъ, то усиливаясь, сопровождаемый мучительными болями, то «отпуская» на время. Онъ вынудилъ Ровинскаго прервать свои неутомимыя ежегодныя путешествія,—свелъ живыя краски здоровья съ его поблѣднѣвшаго и похудѣвшаго лица, окончательно засыпалъ сѣдиною его бороду и длинныя, порѣдѣвшія кудри, придававшія ему такой патріархальный видъ,—заставилъ потускнѣть полные ума и жизни прекрасные голубые глаза... Взглядъ этихъ глазъ чаще и чаще сталъ пріобрѣтать то особое выраженіе, которое бываетъ свойственно хорошимъ старикамъ, со спокойною совѣстью доживающимъ полезную жизнь. Онъ казался какъ будто устремленнымъ не на находящіеся предъ нимъ предметы, а куда-то вдаль, *туда*—на *тотъ берегъ*.

Ровинскій, очевидно, готовился вступить на этотъ берегъ. Это сказывалось не въ одной его наружности, но и въ меланхолическихъ нотахъ бесѣдъ, которыя онъ сталъ любить, по окончаніи засѣданія, вести съ наиболѣе близкими ему сослуживцами, отдаваясь преимущественно воспоминаніямъ прошлаго. Его уже давно тяготило пребываніе въ обществѣ, и онъ сокращалъ его до самой крайней возможности, сидя по цѣлымъ недѣлямъ дома. Узкая практичность многихъ изъ современныхъ, претендующихъ на развитіе и образованность, людей, отсутствіе твердыхъ убѣжденій и рисовка бездушными взглядами, искусственно воспринятыми ради житейскихъ удобствъ, и наконецъ такъ часто наблюдаемое исчезновеніе нравственныхъ идеаловъ въ туманной мглѣ современности,—пугали и огорчали старика, оскорбляя его лучшія упованія. Онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себя. «Да! все сижу дома,—сказалъ онъ зимою 1895 г. своему старому сослуживцу по губернской прокуратурѣ,—да и что ходить въ люди: вонъ ихъ сколько, хотя въ сажень складывай, а куда какъ трудно найти между ними *человѣка*»...

Напротивъ, сердце его лежало къ старымъ, пережитымъ годамъ. Оно на нихъ отдыхало. «Il faut, — говоритъ Гонкуръ, — que le passé nous revienne au coeur,—le passé, qui ne revient que dans l'esprit est un passé mort». Для Ровинскаго это прошлое не было мертвымъ, и въ своихъ разсказахъ онъ возвращался съ любовью

къ эпохѣ честной служебной борьбы и творческой работы, оживляясь и какъ бы молодѣя при этомъ. Когда я попытался, въ 1892 г., оживить предъ слушателями публичныхъ лекцій въ пользу голодающихъ забытую личность доктора Гааза, Ровинскій сказалъ мнѣ при первой затѣмъ встрѣчѣ: а знаете, батюшка, какъ вы меня на старости лѣтъ растревожили съ Ѳедоромъ Петровичемъ (Гаазомъ)? Прочелъ я отчетъ о лекціи въ газетѣ—и такъ живо вспомнилось мнѣ прошлое и всѣ эти люди, какъ живые... такая грусть взяла за душу, что я, сидя одинъ, даже заплакалъ»... Такъ же тепло вспоминалъ онъ время подготовки судебной реформы и первыхъ лѣтъ ея осуществленія. Когда одинъ изъ его сослуживцевъ этой эпохи затруднялся принять отъ него въ подарокъ драгоцѣнное изданіе фототипій съ офбртомъ Рембрандта и просилъ замѣнить его «Перовымъ», Ровинскій писалъ ему, 24-го декабря 1894 года: «Перова я подарю вамъ съ большимъ удовольствіемъ, но и Рембрандта назадъ не возьму. Отказомъ вашимъ вы меня просто обидите; кому же какъ не вамъ, дорогому и *неизмѣнившемуся* товарищу изъ давнихъ и *самыхъ свѣтлыхъ лѣтъ* нашей жизни подарить мнѣ такую вещь, тѣмъ болѣе, что вы оцѣните, сколько кропотливаго труда положено на нее»..,

Въ этихъ краткихъ словахъ—характеристика отношенія Ровинскаго къ настоящему и къ своему прошлому. Но, страдая физически и оглядываясь съ грустью назадъ, онъ не терялъ энергіи и никогда не уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей. Его привлекательная, невольно останавливавшая на себѣ вниманіе, фигура появлялась во всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ ему надлежало по службѣ присутствовать, и онъ продолжалъ вносить въ обсужденіе дѣлъ всю силу своего, богатаго опытомъ и знаніемъ жизни, ума. Ядовитое слово Бисмарка: «eine beurlaubte Leiche», столь вѣрное и нравственно, и физически по отношенію ко многимъ, было совершенно не примѣнимо къ нему. Даже добродушный юморъ не покидалъ его въ минуты свободы отъ болевыхъ ощущеній. Онъ заключилъ только что приведенное письмо милою шуткою въ формѣ кассаціонной резолюціи: «въ виду всѣхъ этихъ доводовъ и не усматривая въ дѣйствіяхъ моихъ нарушенія 130 и 170 ст. Уст. угол. суд., прошу позволить оставить вашъ отзывъ *безъ послѣдствій*, а мнѣ по-прежнему называться человѣкомъ сердечно вамъ преданнымъ...»

Между тѣмъ «тотъ берегъ» приближался. Ровинскій могъ вступить на него безмятежно. Онъ оставлялъ своей роднѣ богатое наслѣдство знанія и труда,—знавшимъ его свѣтлый, привлекательный образъ. Онъ и вступилъ на него 11-го іюня 1895 г., близь Франкфурта-на-Майнѣ, въ городкѣ Вильдунгенѣ, гдѣ ему сдѣлали операцію камнедробленія. Операція отлично удалась, но, снѣдаемый жаждою дѣятельности, торопясь ѣхать въ Парижъ чтобы заняться офбртами Ванъ-Остада, онъ не поберегся, простудился—

и болѣзнь быстро сдѣлала свое дѣло. Въ біографіи гравера Уткина, онъ самъ говоритъ: «Для Уткина трудъ составлялъ первую потребность въ жизни,—до послѣднихъ дней не выпускалъ онъ рѣзца изъ старческихъ рукъ своихъ; ровно за недѣлю предъ смертью, поработавъ надъ «Св. Семействомъ», онъ сошелъ внизъ къ ученику своему Лебедеву и, отирая потъ съ лица своего, радостно сказалъ ему: «Какъ хорошо отдохнуть поработавши»!—Эти же самыя слова вполнѣ можно примѣнить и къ нему самому. Пріѣхавъ въ маѣ въ Вильдунгенъ, онъ писалъ П. А. Ефремову незадолго до смерти: «О себѣ скажу, что совсѣмъ выправился, и потому не очень кручинюсь, что докторъ заболѣлъ. Можетъ быть и безъ его инструментовъ еще на годъ обойдусь. *Работа* моя съ Остадомъ идетъ успѣшно; отсюда въ Парижъ и Лондонъ на *работу*, и пробуду тамъ 18—26 дней».

«Работа; работа и работа!—восклицаетъ въ краткой замѣткѣ о Ровинскомъ П. А. Ефремовъ («Русскія Вѣдомости»):—и это въ 70 лѣтъ! Честный, неутомимый труженикъ! Невольно слеза дрожитъ на рѣсницѣ при мысли, что ты теперь успокоился такъ неожиданно и для дѣла, и для себя, и для всѣхъ знавшихъ и любившихъ тебя за твою добрую душу и отзывчивое сердце»!

Гробъ съ прахомъ усопшаго былъ отправленъ въ Москву для погребенія на погостѣ у Спаса-на-Сѣтуни, но по ироніи судьбы, такъ часто преслѣдующей не только живыхъ, но даже и умершихъ замѣчательныхъ людей русскихъ, его встрѣтилъ цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ, таможенныхъ и полицейскихъ недоразумѣній и формальностей, такъ что для Ровинскаго посмертное возвращеніе на горячо любимую имъ родину совершилось съ великими затрудненіями. А любовь эта выразилась и въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, которое онъ «пополнялъ въ теченіе всей своей жизни, и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями офортовъ этого великаго мастера», онъ просилъ Государя Императора принять для императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцевскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое русское собраніе портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; императорской Публичной библіотекѣ — оставилъ собраніе до 50,000 иностранныхъ портретовъ и полный (свой личный) экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; академіи художествъ — собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ; училищу правовѣдѣнія—всю свою научную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40,000 р. для выдачи, поперемѣнно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину, которая затѣмъ должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $^1/_3$ часть выдаваемой преміи — и оставилъ 26,000 р. на устройство и содержаніе первоначальныхъ народныхъ школъ.

Наконецъ, свой хуторъ на Сѣтуни онъ завѣщалъ московскому университету, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго употребленія...

Такъ богато одарилъ свою родину этотъ человѣкъ, лично себѣ во всемъ отказывавшій и мало заботившійся о томъ, *какъ жить*, потому что чуткою душою нашелъ и уразумѣлъ—*зачѣмъ жить*... Весь его трудъ и вся его дѣятельность были направлены на развитіе въ русскомъ обществѣ и народѣ правосознанія и историческаго самосознанія,—на служеніе искусству увѣковѣченіемъ произведеній великихъ его мастеровъ.

Пускай же почіетъ съ любовію прахъ этого выдающагося человѣка у Спаса-на-Сѣтуни, гдѣ издали привѣтно сіяютъ золотыя главы Москвы, той Москвы, въ которой бьется и переливается, какъ въ сердцѣ страны, коренная жизнь русская, столь любимая и понятая покойнымъ. Хочется думать, что эта жизнь будетъ становиться все свѣтлѣй и шире, — хочется, обратясь къ его могилѣ, сказать, въ благодарномъ воспоминаніи: «ты былъ прежде всего *человѣкомъ*, — ты послужилъ родинѣ всѣми силами души, — ты вѣрилъ горячо въ духовныя силы своего народа, ты умѣлъ даже въ падшемъ различать черты брата... Почивай же съ миромъ,— почивай,—*братъ нашъ!..*».

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

СПИНОЗА ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(«Этика Бенидикта Спиноза». Переводъ съ латинскаго подъ редакціей профессора В. И. Модестова. Спб. 1886 г.).

Лѣтъ двѣсти слишкомъ тому назадъ, 21-го февраля 1677 года, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города Гаги, въ семействѣ живописца ванъ-деръ-Спика случилось большое горе: придя съ женою отъ вечерни, скромный художникъ нашелъ мертвымъ своего давнишняго постояльца, человѣка тихаго и безобиднаго, болѣвшаго довольно давно, но еще въ этотъ день благодушно бесѣдовавшаго съ хозяевами по поводу проповѣди, слышанной ими утромъ. Постоялецъ этотъ — человѣкъ еще не старый, съ задумчивымъ лицомъ и внимательнымъ взоромъ,—совсѣмъ сроднился съ хозяевами, которые любили слушать его спокойныя и успокоительныя разсужденія о жизни. Но отъ тогдашней тревожной и бурной жизни онъ держался далеко. Да въ ней онъ никакой роли играть и не могъ, добывая скудныя средства шлифованьемъ оптическихъ стеколъ и сидя по цѣлымъ часамъ надъ рукописями, отъ которыхъ отвлекался лишь чтобы покурить трубку или устроить борьбу пауковъ, вызывавшую въ немъ дѣтски-задушевный смѣхъ. Незамѣтно, казалось, жилъ онъ, — безъ шума сошелъ онъ и въ могилу. Ей, конечно, скоро предстояло быть забытою, и самая память о постояльцѣ ванъ-деръ-Спиковъ должна была исчезнуть вмѣстѣ съ ними...

Но тихая могила не была забыта... Вскорѣ надъ нею загудѣла непогода ненависти и проклятій, потому что въ ней оказались кости

зловреднаго атеиста, на лицѣ котораго и при жизни лежалъ signum reprobationis, замѣченный благочестивыми людьми. Безобидный, повидимому, человѣкъ сѣялъ пагубное сѣмя! Онъ осмѣлился, принадлежа къ «избранному народу», трактовать не о мстительномъ и грозномъ библейскомъ Богѣ, а о вѣчной мудрости, которая избрала себѣ сосудомъ душу человѣка и проявилась съ небывалой силой и глубиной въ томъ, кого христіане именуютъ Сыномъ Божіимъ. Но въ тоже время онъ не сдѣлался сопричастникомъ господствующей церкви. Онъ осмѣлился утверждать, что вѣрѣ его отцовъ чуждо понятіе о будущей жизни, что эта вѣра обѣщаетъ *земную* награду пребывшимъ вѣрными до конца — и всей своею жизнью, отвергая выгодныя и почетныя предложенія университетовъ и государей, доказалъ что въ вѣчной жизни разума, а не въ бренномъ существованіи тѣла—цѣль и удовлетвореніе мыслящаго существа. Въ эпоху сильныхъ страстей, рѣзкихъ и неумолимыхъ враждованій,—когда въ области мысли авторитетной требовалъ безусловной покорности, а въ обыденной жизни господствовало начало «кто не за насъ, тотъ противъ насъ» — онъ съ гордымъ спокойствіемъ, не подчиняясь никакому предвзятому авторитету,—съ одинаковою критикою относился и къ Аристотелю, и къ синагогѣ, и къ церкви—и доказывалъ, что прежде, чѣмъ клеймить влеченія человѣческой природы, называя ихъ пороками, необходимо ихъ безпристрастно изслѣдовать, безъ гнѣва и злобы, какъ изслѣдуютъ проявленія стихій, не сердясь на нихъ, даже когда приходится отъ нихъ страдать. Одинаково отвергнутый и единовѣрцами, и иновѣрцами, испытавшій на себѣ грозную и мрачную «anathema marananata» разъяренной синагоги и едва не павшій, послѣ отказа продать ей свое молчаніе, подъ ударами тайныхъ убійцъ, молчаливый постоялецъ ванъ-деръ-Спиковъ не былъ пощаженъ загробною клеветою даже въ своей частной жизни, чистой, какъ тѣ стекла, которыя онъ шлифовалъ. И долгіе годы имя его произносилось съ злобнымъ чувствомъ и подвергалось поруганію.

Но «il tempo è galant'uomo»,—говорятъ итальянцы. Прошло сто лѣтъ и исторія вступила въ свои права. Для *Спинозы* она оправдала изреченіе Цицерона и оказалось не только «vita memoriae», но и «lux veritatis». А чрезъ сто лѣтъ еще—надъ могилою «атеиста» воздвигся памятникъ, и въ присутствіи избранной публики одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ мыслителей нашего времени—Ренанъ, резюмируя жизнь и значеніе того, кто успокоился въ этой могилѣ, сказалъ: «Est Deus in nobis! Есть Богъ, господа,—Онъ живетъ въ насъ! и пока не настанетъ день черстваго эгоизма, сердечной пошлости, презрѣнія къ разуму, наукѣ и правамъ человѣка,—пока забвеніе всего великаго и благороднаго не наполнитъ міръ—Богъ не оставитъ человѣчества! Горе тому, кто отнесется съ незаслуженнымъ упрекомъ къ задумчивому и доброму образу того, кто изображенъ на этомъ памятникѣ! Съ высоты сво-

его гранитнаго пьедестала указываетъ онъ путь истиннаго счастія, имъ найденный, и въ теченіе вѣковъ развитые люди, проходя мимо, будутъ признавать, что Богъ ему былъ, быть можетъ, ближе всего доступенъ и понятенъ»...

Кому изъ образованныхъ людей не знакомо и у насъ имя Спинозы, и кто не знаетъ, что онъ былъ одинъ изъ чистѣйшихъ свѣтильниковъ на благородномъ пути человѣческаго разума къ отысканію истины. Куно-Фишеръ и Льюсъ давно познакомили своихъ читателей, въ общихъ чертахъ, съ ученіемъ Спинозы и мѣстомъ, которое оно занимаетъ по отношенію къ развитію сопредѣльной съ нимъ картезіанской (Декарта) философіи. Лекціи Б. Н. Чичерина и П. Г. Рѣдкина выяснили русскимъ слушателямъ взгляды Спинозы на начала права и государственнаго устройства, которыя онъ изучалъ «съ такою же свободою души, какъ математику». Наконецъ, нѣкоторыя части ученія Спинозы изложены, по первоисточнику, въ разборѣ, которому харьковскій профессоръ Владиміровъ подвергъ, въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», за 1878 г., диссертацію К. Яроша: «Спиноза и его ученіе о правѣ».

Но едва ли, однако, даже и немногіе знакомы съ оригинальными сочиненіями великаго мыслителя, со стройною, математическою системою его изложенія. Есть философы, съ которыми читающій людъ знакомится одновременно и по произведеніямъ, и по біографическимъ даннымъ, имѣя возможность провѣрить по подлинному труду автора степень основательности удивленія и уваженія, внушаемаго этимъ трудомъ. Таковъ, напр., Шопенгауэръ. Слава о немъ пришла къ намъ почти одновременно съ его сочиненіями. Иначе было со Спинозою,—и, если можно такъ выразиться, его значеніе и глубина его твореній приняты большинствомъ образованныхъ русскихъ людей *въ кредитъ,* безъ провѣрки и даже безъ личнаго ознакомленія. А между тѣмъ никогда и никакое изложеніе своеобразнаго ученія не можетъ замѣнить собою подлинника, ибо для изученія мыслителя важно знать не только *что* онъ говоритъ, но и *какъ* онъ это говоритъ.

Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія на русскомъ языкѣ «Этики» Спинозы въ переводѣ съ латинскаго подлинника, предпринятомъ подъ редакціею профессора Модестова. Этотъ переводъ—безукоризненный и доведенный до крайней степени совершенства въ смыслѣ удобопонятности—представляетъ собою цѣнное пріобрѣтеніе для нашего образованнаго міра. Теперь мы имѣемъ *настоящаго,* подлиннаго Спинозу—и притомъ въ его лучшемъ, нетронутомъ опытомъ лѣтъ и политическихъ переворотовъ, трудѣ. «*Этика*», изложенная геометрическимъ методомъ и раздѣленная на пять частей, въ коихъ разсуждается о Богѣ, о природѣ и началѣ души, о началѣ и природѣ аффектовъ, о рабствѣ человѣческомъ или о силѣ аффектовъ, и о власти разума или о человѣческой свободѣ—таково подробное заглавіе труда Спинозы. Изъ этого загла-

вія видно и содержаніе труда, который требуетъ для знакомства съ собою спокойнаго и вдумчиваго чтенія. Геометрическій способъ изложенія придаетъ всей «Этикѣ» Спинозы необыкновенную стройность и строгость, — но этотъ же методъ можетъ и затруднить, на первыхъ порахъ, непривычнаго читателя, особенно если онъ захочетъ читать эту книгу между дѣломъ, урывками, отыскивая въ ней матеріалъ, который не требуетъ никакихъ напряженій ума и особаго вниманія. Каждый отдѣлъ книги начинается съ опредѣленій и аксіомъ. Затѣмъ идетъ рядъ *положеній* (теоремъ) и *доказательствъ*, сопровождаемыхъ *схоліями* (объясненіями) и *королларіями*, которые сведены съ математическою точностью, къ первоначальнымъ опредѣленіямъ и аксіомамъ.

Здѣсь не мѣсто намѣчать хотя, бы самыми слабыми штрихами, содержаніе трактата Спинозы. Это требовало бы особаго — и въ виду того, что подлинный Спиноза теперь на лицо — довольно безплоднаго труда. Но нельзя не порадоваться возможности для русскаго читателя въ подробности ознакомиться съ высокимъ ученіемъ, прежде всего рекомендующимъ развитіе разума, въ совершенствованіи котораго состоитъ «высшее счастье или блаженство человѣка, такъ какъ блаженство есть ни что иное, какъ довольство души, проистекающее изъ интуитивнаго познанія Бога, а это познаніе состоитъ въ пониманіи всѣхъ его аттрибутовъ и всѣхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ необходимости его природы». Вооруженный познаніемъ Бога, которое есть въ то же время познаніе природы, человѣкъ не долженъ смотрѣть на себя какъ на нѣчто независимое отъ законовъ этой природы, какъ на «государство въ государствѣ». «Напрасно думаютъ — говоритъ Спиноза, разбирая происхожденіе аффектовъ, — что человѣкъ скорѣе возмущаетъ порядокъ природы, чѣмъ слѣдуетъ ему, — что онъ имѣетъ въ своихъ дѣйствіяхъ неограниченную свободу и опредѣляется только самъ собою и ничѣмъ инымъ. Напрасно причину человѣческаго безсилія и непостоянства приписывать не общему свойству природы, а какому-то поврежденію спеціальной человѣческой природы, которую за это оплакиваютъ, осмѣиваютъ, презираютъ»...

Обращаясь къ людямъ, умѣющимъ возмущаться и негодовать, но не понимать и объяснять, Спиноза, начиная свое великолѣпное, вѣющее успокоительною мудростью, ученіе о страстяхъ, собирается, удивить этихъ людей тѣмъ, что будетъ трактовать о порокахъ и безразсудствахъ людей геометрическимъ способомъ, разсматривая человѣческія стремленія и дѣйствія такъ, какъ если бы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ или о тѣлахъ. «Въ природѣ, — говоритъ онъ, — нѣтъ ничего, что можно бы приписать ея несовершенству: она всегда и вездѣ одна и та же, и ея сила и способность дѣйствія вездѣ одинаковы. Поэтому существуетъ одинъ способъ понять природу всякихъ вещей, — именно, посредствомъ общихъ законовъ и правилъ природы. Такимъ образомъ, аффекты ненависти, гнѣва, зависти и пр., разсматриваемые сами въ себѣ, вытекаютъ

изъ такой же необходимости и силы природы, какъ и всѣ остальныя вещи. Они указываютъ на причины, при помощи которыхъ могутъ быть поняты, и имѣютъ извѣстныя свойства, столь же достойныя нашего познанія, какъ и свойства всякой другой вещи». Изученіе этихъ свойствъ и причинъ послѣдовательно приводитъ Спинозу къ выводу, что человѣкъ подчиняется дурному, т. е. *вредному* — только при отсутствіи духовной свободы, состоящей въ имѣніи обо всемъ адъэкватныхъ или полныхъ идей. Чѣмъ полнѣе, шире, глубже познаніе человѣкомъ окружающей его природы, тѣмъ болѣе онъ свободенъ отъ страстей, которыя подчиняются ясно-сознающему уму и затихаютъ въ могучихъ рукахъ знанія.

Вотъ почему, гдѣ идетъ дѣло о *силѣ аффектовъ*, мы имѣемъ дѣло съ *человѣческимъ рабствомъ*—и, наоборотъ, *человѣческая свобода* идетъ рука объ руку съ *властью разума*. Отдавшись этой власти, понявъ, что онъ составляетъ частицу единаго высшаго цѣлаго, сознавъ внутреннюю связь своей души со всѣмъ существующимъ въ мірѣ и съ самимъ міромъ, человѣкъ торжествуетъ надъ страстями и, ставъ свободнымъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, начинаетъ чувствовать любовь ко всему и къ причинѣ и существу этого всего, т.-е. къ Богу. Эта любовь разумная—amor Dei intellectualis, и составляетъ высшую и чистѣйшую душевную радость для мыслящаго существа. Съ нею, съ этимъ чувствомъ verum bonum et communicabile—ему легко отрѣшиться отъ трехъ обычныхъ житейскихъ стремленій: къ богатству, къ чести и къ наслажденію, понять ихъ тщету и взглянуть благодушно на причиненное ему лично кѣмъ-либо зло, какъ умѣлъ глядѣть на него и въ жизни, и въ трудахъ своихъ Спиноза. Слѣдуя его ученію, человѣкъ не долженъ забывать, что онъ есть лишь одинъ изъ «модусовъ» безконечно великой субстанціи божества. «Модусъ» измѣнчивъ, преходящъ,—субстанція вѣчна и неизмѣнна, какъ неизмѣнна по своему существу вода, одинъ изъ «модусовъ» которой составляетъ волна. Человѣкъ, какъ «модусъ», можетъ исчезнуть, но субстанція, его проникавшая, вѣчна и неизмѣнна и, какъ «модусъ» этой субстанціи, онъ безсмертенъ.

Натуралистическій пантеизмъ сказалъ въ ученіи Спинозы свое вполнѣ законченное слово — и сказалъ съ такою точностью и глубиною, что дальше идти въ этомъ направленіи было нечего. Вотъ почему Спиноза, затмившій въ этой области всѣхъ предшественниковъ своихъ, стоитъ съ тѣхъ поръ въ одинокомъ величіи. Его ученіе было окончательнымъ шагомъ впередъ и къ цѣли по тому пути, на который вступили въ древности элеаты, а въ началѣ новаго времени Джіордано Бруно, сожженный въ Римѣ, за 33 года до рожденія Спинозы, между прочимъ, за тотъ взглядъ на божество, который, только въ болѣе категорической и выработанной формѣ, проводилъ послѣдній. Вліяніе Спинозы на многіе лучшіе умы было громадно. Лессингъ, Шлейермахеръ и Шел-

лингъ находились подъ его обаяніемъ, и цѣлый періодъ жизни Гёте отмѣченъ несомнѣннымъ вліяніемъ на его геніальную натуру образа и философіи великаго мыслителя. Чтеніе злобнаго и пошлаго памфлета на Спинозу побудило Гёте прочесть его сочиненія и познакомиться съ его жизнью. Уравновѣшенное и невозмутимое спокойствіе Спинозы представило поразительный контрастъ съ неугомонными, порывистыми стремленіями самого Гёте,—математическій методъ изложенія былъ въ такомъ противорѣчіи съ его этическими пріемами, что Гёте, пораженный Спинозою, философію котораго находилъ столь же чистою, какъ и его жизнь, съ энтузіазмомъ принялся за изученіе «Tractatus teologo-politicus» и «Этики». Поэтъ и мыслитель несмотря на разность темпераментовъ и отношеній къ жизни, сошлись на оцѣнкѣ задачъ человѣка и на представленіи о божествѣ. Въ письмахъ Гёте къ Францу Якоби встрѣчаются мѣста, составляющія перифразы изъ «Этики», и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ то тутъ, то тамъ сказывается вліяніе взглядовъ Спинозы. Не говоря уже о «Фаустѣ», который не безъ основанія считается нѣкоторыми изслѣдователями поэтическимъ и образнымъ воспроизведеніемъ спинозизма (вышедшее въ 1887 году интересное и оригинальное изслѣдованіе Рувье о «Фаустѣ» Гёте, подъ названіемъ «Sphynx locuta est», снова указываетъ на отголоски спинозизма въ великой трагедіи), есть и отдѣльныя стихотворенія, проникнутыя тѣмъ же направленіемъ, напр. «Gott und Welt» «Eins und Alles»:

«Im grenzenlosen sich zu finden
Wird gern der Einzelne verschwinden.
Da löst sich aller Ueberdruss;
Statt heiszem Wünschen, wildem Wollen
Statt läst'gem Fordern, strengem Sollen
Sich anfzugeben ist Genuss».

Замѣчательно, что за нѣсколько лѣтъ до рожденія Спинозы, скончался одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, безъ сомнѣнія невѣдомый философу, воплощавшій въ живыхъ типахъ то, что было предметомъ теоремъ и схолій «Этики». Шекспиръ по справедливости можетъ быть названъ Спинозою поэтическаго творчества. Его герои — не типы и не нравоучительные примѣры, а живое, конкретное воплощеніе той или другой страсти. Ихъ судьба — не таинственное дѣйствіе невѣдомаго правосудія, — она и не поученіе «дабы другимъ, на то глядючи, неповадно было» — она неизбѣжный, неотвратимый результатъ страсти въ ея послѣдовательномъ, роковомъ развитіи. Одинъ изъ глубокихъ изслѣдователей шекспировскаго творчества, Крейзигъ, совершенно вѣрно говоритъ: «природа не тиранъ, но и не покровитель; ей равно чужды гнѣвъ, месть и милость; таковъ смыслъ трагедій Шекспира». «Seine Helden tragen ihr Schiksal in sich», — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Такой взглядъ Шекспира, безсознательно проникнутый тѣмъ,

что̀ получило названіе спинозизма, чувствуется во всѣхъ его главнѣйшихъ произведеніяхъ, но съ особою силою отражается въ «Бурѣ». Неудачная борьба представителя грубой чувственности, злобнаго раба Калибана — этого, по выраженію Зиллига, Thiermensch—съ представителемъ мудрости Просперо, которому покоренъ чистый и лучезарный Аріель — не есть ли, въ сущности, противоположеніе человѣческаго рабства подъ игомъ аффектовъ — человѣческой свободѣ подъ властью разума, о которыхъ говоритъ «Этика» Спинозы?..

1887 г. («Вѣстникъ Европы»).

II.

КОСМОГРАФІЯ ПЕТРОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Статья А. П. Мальшинскаго «Наша печать въ ея историко-экономическомъ развитіи» («Историческій Вѣстникъ» 1887 году №№ 5 и 6), исполненная живого интереса, рисуетъ тѣ усилія и заботы, которыми была проникнута дѣятельность «вѣчнаго работника на тронѣ», когда—«самодержавною рукой онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье».

Задачи и объемъ статьи г. Мальшинскаго не позволяли ему, однако, ознакомить публику съ содержаніемъ тѣхъ, главнымъ образомъ, переводныхъ сочиненій, путемъ распространенія которыхъ Великій Петръ хотѣлъ удовлетворить любознательности призванныхъ имъ къ болѣе широкому кругозору людей русскихъ.

Между тѣмъ это содержаніе, краткое указаніе на которое, встрѣчается лишь въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, по большей части мало доступныхъ публикѣ, являясь, интереснымъ само по себѣ, представляетъ собою характеристику взглядовъ современнаго Петру западно-европейскаго образованнаго общества на различныя историческія явленія и бытовыя стороны жизни.

Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особаго вниманія чрезвычайно рѣдкая и мало извѣстная книга подъ заглавіемъ «Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцикѣ напечатано, а нынѣ повелѣніемъ великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Перваго, всероссійскаго Императора, при наслѣдственномъ благороднѣйшемъ

Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ—на россійскомъ напечатано въ Москвѣ, въ 1719 году».

Книга эта представляетъ большой шагъ впередъ отъ тѣхъ космографическихъ и политико-географическихъ понятій, которыя были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о Меркаторѣ и о «космографіи, сирѣчь размѣрной всея земли». Тамъ трактовалось о «Мазическомъ царствѣ дѣвичьемъ»—жительницы котораго «сходятся съ Еѳіопами съ году на годъ: мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ»,—о великанахъ съ песьими головами, о змѣяхъ, у которыхъ «лицо дѣвическое; до пупа человѣкъ, а отъ пупа хоботъ зміевъ, крылаты, а зовомы василиски»; — «о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обѣихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучего, и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣсть у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ» — и о людяхъ «Монокуляхъ объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ, и они могутъ покрытися ногою какъ лапою» и т. п.

Въ этого рода сочиненіяхъ [1]) описанію сосѣдей нашихъ съ запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію «дивіихъ людей», да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большою краткостью. Такъ французы оказывались «зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ не крѣпки, а *пьютъ много*»,— жители «королевства агленскаго — нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и доктуроваты, а *пьютъ много*», а люди королевства польскаго «величавы и обманчивы,—*пьютъ зѣло много,* платья носятъ зѣло цвѣтно и всякимъ слабостямъ покорны, а вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель».

«*Описаніе земноводнаго круга*» отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, держащаго на раменахъ своихъ міръ; по борту ея надпись «несу всѣхъ носящо, старъ сый толь тяжкое бремя, се зрящь всякъ учися—не трать всуе время». Вторая, съ надписью «европы описаніе», изображаетъ женщину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано «сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣнница». Гравюра «описаніе Азіи», изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью «Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесь, при лучшихъ не столь стала явна», «Африки описаніе»—съ изображеніемъ негровъ, слоновъ, львовъ — сопровождается надписью

---

[1]) См. Изслѣдованія о древней космографіи и хронографахъ: Попова, Тихонравова, Пыпина, Ровинскаго.

«Аще и подъ солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ». Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой царя инковъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуя описанію Америки—повѣтствуетъ, «что пользуетъ симъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства».

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на «предъ—уготовленіе на географію» и на отдѣлы, называемые—ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава «о глобусѣ», содержащая главныя основанія математической географіи. По вопросу о вращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. «Солнце причиняетъ день, а понеже на свѣтѣ день и нощь мѣняются того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирмаментомъ, т. е. съ твердію небесною, или земля движутся. Ежели по человѣческому уму разсуждать, то, кажется имовѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищалъ и содержалъ Николай Коперникъ духовной человѣкъ въ Фрауенбурхѣ въ парусахъ, что и нынѣ многіе пріемлютъ и оному послѣдуютъ. Между тѣмъ понеже именно въ священной библіи написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный датскій математікъ Тихо Браге хранилъ, чему и до нынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы (глаголетъ авторъ книги сея) согласуемся мнѣнію Тихонскому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмаментъ непрестанно около земли обращается».

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросъ—какъ раздѣляется Италія? дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ сапога остаться, а сапогъ раздѣляется на три части: верхняя—гдѣ отвороты, средняя—голенища и нижняя—ступень.

Яганъ Гибнеръ, авторъ этого «Земноводнаго круга»—особенно интересуется нравами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отмежеваться отъ области «политики», «исторіи» и «генеалогіи», но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ пріобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, несмотря на заимствованіе чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристики отдѣльныхъ народовъ при чемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, нерѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и

рѣшительные приговоры — чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ настоящему времени.

Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ французовъ въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ, «какія жители обрѣтаются *во Франціи?*»—«сія жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ поспѣшны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны, — къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы, — въ платьѣ перемѣнны и замысловаты,—въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны *во всѣхъ дѣлахъ скорую имѣютъ резолюцію»*. Если отбросить стертую рукою исторіи «вѣрность своему королю» и не поставить насчетъ храбрости французовъ ихъ пораженій въ 1870—71 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокоумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію» — то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ, со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описаніе земноводнаго круга» относится съ большею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о *состояніи жителей гишпанскихъ»* указываетъ, что у «оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того хулятъ ихъ гордость и лѣнивство», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился» и что, наконецъ, «проѣзжія люди иностранныя—корчмами зѣло недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ:—«между гишпанцами и французами природная ли или обыклая антипатія состоитъ—о томъ еще и понынѣ диспутуется». Но что стоитъ внѣ спора—это экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (.... сія земля гораздо жарчае, нежели Германія, говорится въ другомъ мѣстѣ....), а отчасти за невременною любовію; также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являются»... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость; для того говоритца ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоимъ королевствамъ нужды не было». Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разъѣли организмъ богатой и когда-то вполнѣ культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучатъ въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи и звучатъ въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что̀ за нѣсколько

лѣтъ передъ тѣмъ, происходило среди народа «имѣющаго скорую резолюцію» по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 г., когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католицкую, чего ради нѣкоторыя отреклись вѣры, дабы избыть мученія, нѣкоторыя даже до смерти замучилися, а многія оставя имѣніе свое и пожитки поѣхали въ швейцары, въ голландію и англію, кромѣ тѣхъ, кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ калвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было».

Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религіозной терпимости, говоря объ Испаніи. «Гишпанцы» и «французы» служатъ мѣриломъ для оцѣнки *итальянцевъ*. «Не можно лучше итальянскаго нрава описать кромѣ, что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и французскою безпечальностію или веселостію». Разсаднику искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія, отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходятъ». Но несимпатичныя свойства народа, пустившаго, между прочимъ, въ свѣтъ поговорку «la vendetta é una meta che e bisogna mangiare a freddo» (мщеніе—кушанье, которое надо ѣсть холоднымъ), не ускользаютъ отъ автора. «Имъ (т. е. итальянцамъ) приписуется, говоритъ онъ, ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яво благочестіе, также и превеликое неприступное злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ «прежде сего отъ бандіотовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены».

Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взглядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи), пользуется излюбленная Петромъ *Голландія*. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ столько кораблей не обрѣтается сколько семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, бережень и саможелателенъ, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ не объятномъ купечествѣ не покидаютъ оныя и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ». Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами,

«кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи,— но также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо вельми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли». Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе Граубинденской земли (Граубюнденъ), гдѣ «зачинается рѣка Ренъ» и гдѣ «жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются яко бы изъ стараго свѣта остались»,—при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, «понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивыя побои». *Англіи* посвящено въ «Земноводномъ кругѣ» много отвѣтовъ, въ которыхъ по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, до нынѣ раздѣляемый большинствомъ «благонамѣренныхъ» англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи. «О жителяхъ Ирландіи мало добраго пишутъ,—говоритъ Гибнеръ,—кромѣ того, что они къ работѣ лѣнивы, къ тому же худыя и упрямыя люди и понеже аглічане усмотрѣли, что невозможно закоснѣлаго въ нихъ нрава премѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысячами ірляндцевъ другимъ потентатамъ поступились». Самый краткій и жестокій отзывъ дается о небольшомъ государствѣ на юго-восточной границѣ Азіи и Европы, при чемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители «не гораздо добры, ибо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаваются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обычайно нѣкоторые дѣти отъ отца воровать, а отъ матери бл.....ть научаются».

Вопросы вѣры и государственнаго устройства весьма интересуютъ составителя «Земноводнаго круга», хотя онъ и оговаривается неоднократно, что «состояніе правительства надлежитъ въ политику,—обстоятельства королевскаго дома въ генеалогію, а протчее— въ гисторію».

На вопросъ «кто государствуетъ во Франціи?»—онъ отвѣчаетъ: «Франція всегда особливаго своего короля имѣла; прежде сего королевская власть зѣло была принуждена, когда парламенты еще въ великой чести и славѣ жили, однако нынѣ то пресѣклось, ибо король французскій есть нынѣ самовластнѣйшій въ свѣтѣ потентатъ». Даже и въ сопредѣльныхъ земляхъ, напримѣръ, Лотрингенѣ (Лотарингіи) имѣетъ французскій король свободный проходъ чрезъ всю землю, «однако *безъ повреждения* жителей». Въ иныя условія поставлена королевская власть, напримѣръ, въ Польшѣ, странѣ— «которая довольно вездѣ многолюдна и шляхты въ ней есть неслыханное множество; которые къ германіи и прусамъ живутъ

суть учтивѣе, нежели тѣ, которыя позади на россійскихъ и татарскихъ границахъ обрѣтаются». Когда король польскій «Яганъ Третій для своей охоты веселое мѣсто, недалеко отъ Варшавы, Вилановъ построилъ, поляки сперва не хотѣли того видѣть, ибо по основательному ихъ закону и праву король не имѣетъ ничего собственнаго содержать». Еще болѣе стѣснено и тревожно положеніе королевской власти въ Шотландіи, ибо «шкоты не такъ обходительны, какъ агличане, а особливо горскія шкоты и которые по островамъ живутъ, понеже оныя такъ дики и нелюдимы, что обычайно они дикія шкоты называются; въ прочемъ къ бунту они склонняе англичанъ и едва не всѣхъ иныхъ народовъ охотняе; однакожъ ежели учинится бунтъ, то они предъ англичаны и едва не передъ всѣми другими націями гораздо жестоко въ томъ поступаютъ».

Обращаясь къ вопросамъ о вѣроисповѣданіяхъ, «Описаніе земноводнаго круга» указываетъ, что *Италія* «къ тому удостоена, что глава римскаго католицкаго сонмища, зовомый викарій или намѣстникъ Хрістовъ, непремѣнно тамо резиденцію свою имѣетъ; однако несмотря на то нигдѣ столько легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римской вѣрѣ поступокъ не бываетъ; удивительножъ и сіе, что въ самомъ Римѣ жиды вѣру свою отправлять могутъ, а реформатамъ того не дозволено». Отсутствіе терпимости въ католицизмѣ и его вредныя послѣдствія сказались съ особою силою въ *Гишпаніи*, гдѣ «всѣ сряду имѣютъ римскую католицкую вѣру», и гдѣ за 200 лѣтъ было «жидовъ и срацынъ много, но оныя миллыонами выгнаны оттоль». Кромѣ того, «незадолго предъ реформаціею и духовный судъ, по гишпански інквизиціонъ называется отъ Фердинанда католика въ ішпаніи зачался, отъ котораво щастливо или больше несчастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истины никогда въ Гишпаніи просіять не могъ».

Противоположность исключительному преобладанію католицизма представляютъ нѣкоторыя страны, въ которыхъ свобода вѣроисповѣданія и отправленія религіозныхъ обрядовъ вызываетъ у составителя «Земноводнаго круга», наряду съ сочувствіемъ и ироническія замѣчанія. Такъ въ *Голландіи* «начальная вѣра есть реформатская, однако при той и иныя вѣры всего свѣта отправлять свободно, хотя нѣкоторыя изъ того числа и гораздо глупы и удивительны находятся». Широкая вѣротерпимость въ *Польшѣ* охарактеризована такъ: «начальная вѣра есть римская, которую король и знатнѣйшія въ государствѣ исповѣдываютъ, однако и иныхъ причастники вѣръ, яко греки, соціани, реформаты, жиды, лютеры и турки не только тамо стерпимы бываютъ, но и подъ польскою обороною вѣры своя отправляютъ, а особливо жидамъ тамъ лучше удача, нежели въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ». «Удивительно,—говорится далѣе въ описаніи начальнаго города въ Литвѣ—Вилня,—что въ городѣономъ по вся недѣли три субботы празднуются, ибо хри-

стіяне празднують въ воскресенье, жиды въ субботу, а турки въ пятницу». Не осталась безъ отмѣты и узкая нетерпимость англичанъ къ католикамъ. «Хотя Англія вся калвинскую вѣру держитъ, однакожъ обрѣтаются между эпископскими, презвитерскими, пуританами — конформитаны, не конформитаны, сепараты, індепенденты и протчія неразрѣшимыя расколы; квакеровъ и прочихъ такихъ же сумазбродовъ полоумныхъ довольно, токмо однихъ католиковъ не терпятъ».

«Описаніе земноводнаго круга» въ разныхъ мѣстахъ отдаетъ справедливость религіозной пропагандѣ католиковъ среди нехристіанскихъ племенъ Азіи. Пальма первенства здѣсь принадлежитъ ордену, «зачинщикомъ и уставщикомъ» котораго былъ «Ігнаціусъ Лойола», проживавшій въ 1520 году въ Пампелонѣ («городъ стоитъ веселъ и добрѣ укрѣпленъ»), столь сильно израненный, что ему «удобнѣе было постричца, нежели женитца». Хотя Христосъ и апостолы его Евангеліе прежде въ Азіи благовѣствовали, однако «жители азіятскія не смотря на то благодати такой сподобитися сами себя недостойныхъ явили, но по нынѣ большая часть оныхъ въ махометанской слѣпотѣ и заблужденіи погрязли. Европейцы, а особливо езуиты зѣло до нынѣ трудились, дабы христіанскую вѣру тамо распространить, токмо, хотя посланныя ихъ много о обращеніи своемъ разглашаютъ, однако всюду тамо во утѣсненіи вѣры житъ и въ разныхъ мѣстѣхъ въ книги съ мученики вписыватися принуждены бываютъ». Поэтому — временные успѣхи христіанской пропаганды бываютъ въ Азіи непрочны. Такъ, напримѣръ, въ 1685 году французскіе іезуиты, поселившись въ Сіамѣ, «такъ у онаго короля себя въ кредитѣ поставили, что не только землю, но и самаго короля въ христіанскую обратить вѣру уповали, но какъ новый король вступилъ, тогда оныя тамо зѣло ненавидимы были». Въ свою очередь португальцы «близь ста лѣтъ (т. е. въ началѣ XVII в.) такъ зѣло въ Японѣ усилились, что и цесаря онаго въ христіанскую вѣру обратить уповали, но голанцы не дали себя усыпить пока на португальцовъ такъ японовъ озлобили, что въ 1626 году ихъ многія тысячи ужаснымъ образомъ за христіанскую вѣру тамо порублено, а иныя до смерти замучены, отчего христіанское имя и до нынѣ тамо противно и не терпимо...» Успѣшнѣе дѣйствуютъ духовно-рыцарскіе ордена и въ особенности орденъ «Яганскихъ кавалеровъ», которымъ принадлежитъ островъ Мальта, гдѣ «великій государь мальтійскій имѣетъ свою резиденцію и какъ достойной принцъ себя содержитъ». Вступающій въ орденъ, повѣствуетъ авторъ, не можетъ жениться, «при томъ же имѣетъ присягу учинять, что оной туркамъ всякій уронъ причинять тщатися будетъ; для того у сего острова всегда нѣсколько галеръ обрѣтается, отъ которыхъ туркамъ подлинно многія чинятся досады».

Сѣверъ Европы, Россія и внѣевропейскія страны описываются въ «Земноводномъ кругѣ» значительно короче западной Европы.—

Жители *Даніи* характеризуются какъ «учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ», а жители *Норвеіи*, какъ такіе «кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчаны не сходны». *Швеція* соприкасается съ Россіею чрезъ Лапландъ, сирѣчь Лаппія швецика, гдѣ жители «зѣло дикія и суровыя и варварскія люди», при чемъ «ради великія пустоты и не многихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикія звѣри, между которыми особливо елени знакомиты суть». Жители ближайшей къ россійскимъ границамъ Финляндіи могутъ «гораздо снести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оныя угодны въ войнѣ бываютъ». Не далеко отъ Финляндіи, въ Ингерманландіи, лежащей «между синусомъ финскимъ и Ладожскомъ озеромъ», находится и «Санктъ-Петерсбрукъ, крѣпость и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ». Хотя Москва и признается въ «Земноводномъ кругѣ» начальнымъ городомъ всей земли и столицею царскою и патріарха греческаго, но о «красотѣ и силѣ» ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ «во многихъ тысячахъ домовъ, которыя токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ згоритъ». Въ этомъ приниженіи Москвы — видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи «жители прежде сего не гораздо были искусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оныя ѣздили въ иныя страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и обучаяся навыкли».

Съ разныхъ сторонъ Русская земля окружена татарами, причемъ хотя русскія границы «отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вподлинно неразмѣрены,—но новѣйшія географы разсуждаютъ, что крайнія границы русскія весьма не такъ далече отдалены отъ Хины, нежели какъ оныя въ обычайныхъ ландкартахъ означены бываютъ». «Описаніе земноводнаго круга» перечисляетъ до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскихъ границахъ и, между прочимъ, «около рѣки Танаи, гдѣ живали древле храбрыя жены амазоны» и даже въ Украйнѣ, недалеко отъ Кіева... «толь далеко распространилась и разсѣялась сія гадина...» Государству Хинскому, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россіею, посвящено довольно подробное описаніе. «Оная земля не можетъ довольно описана быть ради своего плодоносія и богатства въ золотѣ и каменьяхъ драгоцѣнныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особливой государь, которой хинской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подъ власть свою привели и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть татаріи и го-

сударство хинское одному владѣтелю подвержены, которой хинской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣною и татаріей на 100 миль землю опустошать повелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамо питатися и можетъ быть для того, чтобы его другія татары иногда такимъ же образомъ въ Хинѣ не посѣтили, какъ онъ самъ учинилъ».

Африка — полна «незнаемыхъ земель» и «неудобопамятныхъ королевствъ», а также разныхъ звѣрей, какъ-то — долгихъ обязьянъ, драконовъ, т.-е. зміевъ великихъ, львовъ, слоновъ и «струсовъ» коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе «суть всюду дикія и неоходительныя люди; повыше къ медитеранскому морю еще оныя отъ части бѣляе, а которые пониже тамо живутъ, оныя суть черноoбразны; которыя живутъ въ верху признаваются въ махометанской вѣрѣ, но и христіанѣ между нихъ находятся, но оные больше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при еѳіопскомъ морѣ живутъ городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ; въ одной землѣ они немногимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человѣческое мясо жрутъ; въ землѣ свой называются они готентотенъ, а говорятъ языкомъ подобно какъ у насъ куры кричатъ». Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители Муріиской земли или Габесиніи, но только «оная вѣра отъ европской во многихъ вещахъ не сходна». Король этого государства «отъ африканъ именуетца великой негуцъ; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены».

Судьбы туземцевъ Америки даютъ поводъ автору очертить, въ отвѣтѣ на вопросъ — кому принадлежитъ Америка? — безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. «Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была имѣла оная въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оные умышлять какъ бы жителей тѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено. А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческія короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія».

«Земля оная не подобна другимъ, а наипаче богата золотомъ и серебромъ (— говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ впрочемъ высказываетъ мысль, что «мало тамъ какого прибитку ожидать (!) того ради о ней мало мы освѣдомы»), такъ что гишпанцы многія корабельныя флоты нагружены сребромъ оттоль получали и ежелибъ они съ людьми тоя земли пріятнѣе поступили,

то неисчетное бъ богатство получили, но понеже они многіе милліоны людей немилосерднымъ образомъ погубили, того ради сами жители многія рудовопныя заводы разорили. Жители оныя были острого ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ»...

Въ заключеніе надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всѣмъ «празднымъ и нарочитымъ вымысламъ» и тщательно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанныя съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства. Это его стремленіе доходитъ до того, что какъ указано выше, онъ рѣшается держаться «тихонскаго» ученія о вращеніи солнца изъ осторожности. Только въ одномъ мѣстѣ онъ измѣняетъ своему скептицизму. «Слоны на острову Цейлонѣ, говоритъ онъ, такую имѣютъ честь, что всѣ слоны на свѣтѣ онымъ поклоняются, когда гдѣ сойдутся»...

1887 г. («Историческій Вѣстникъ»).

III.

ЗАДАЧИ ТРУДОВОЙ ПОМОЩИ.

(Письмо къ редактору журнала «Трудовая помощь»).

Милостивый Государь!—Вы почтили меня приглашеніемъ принять участіе, въ качествѣ сотрудника, въ возникающемъ, подъ вашею редакціею, новомъ журналѣ «Трудовая Помощь». Не думаю, чтобы вами руководило при этомъ предположеніе о моемъ близкомъ знакомствѣ съ вопросами и учрежденіями, возникающими на почвѣ благотворительности, ибо, занятый долгіе годы судебною дѣятельностью, я имѣлъ возможность лишь изрѣдка и мимоходомъ сталкиваться съ первыми и приходить въ соприкосновеніе съ послѣдними. Вѣроятно мои занятія въ судебной области дали вамъ основаніе думать, что у меня, какъ и у всякаго юриста-практика, среди «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ», долженъ найтись нѣкоторый матеріалъ для выясненія тѣхъ темныхъ и печальныхъ сторонъ жизни, съ которыми должна и можетъ бороться разумная благотворительность. Вы, конечно, правы. Судья, смотрящій на себя не какъ на механическаго примѣнителя отвлеченныхъ формулъ закона, невольно обращаетъ взоры на жизненныя условія, благодаря которымъ слабость выростаетъ въ порокъ, нравственная шаткость переходитъ въ преступленіе, бѣдность обращается въ нищету и легкомысліе вырождается въ развратъ... Холодные лучи безстрастнаго закона преломляются въ сознаніи и совѣсти судьи, какъ въ призмѣ, и падая на роковую обстановку, въ которой совершено преступленіе, теряютъ свое

однообразіе и прямолинейность, вызывая къ жизни краски, наложенныя дѣйствительностью, очень часто жестокою и почти всегда печальною. Эта дѣйствительность возбуждаетъ не одно негодованіе, къ услугамъ котораго является карательный законъ,—она пробуждаетъ, иногда съ неотразимою силою, глубокую, щемящую сердце жалость. Она заставляетъ вспомнить слова короля Лира: «закуй злодѣя въ золото—стальное копье закона сломится безвредно; одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ онъ отъ пустой соломенки пигмея»—вспомнить въ томъ смыслѣ, что нищета—нравственная и матеріальная — дѣлаетъ постигнутаго ею или отданнаго въ ея руки человѣка безоружнымъ противъ «власти тьмы», противъ отравленной житейскимъ зломъ и соблазномъ «соломенки пигмея». Для того, чтобы закалить стальное копье закона, чтобы не дать ему ломаться безвредно нужна настойчивая и справедливая дѣятельность судебной власти. Но для того, чтобы обезвредить соломенку пигмея—нужно нѣчто иное, болѣе сложное и еще болѣе настойчивое. Нужно твердою и любящею рукою снять съ ближняго лохмотья и замѣнить ихъ, не боясь труда и вооружась терпѣніемъ, теплою и прочною одеждою. Это — дѣло общественной благотворительности, и чѣмъ шире и разумнѣе будетъ оно развиваться, на ряду съ другими общественными факторами, тѣмъ рѣже придется прибѣгать къ стальному копью, тѣмъ болѣе оно будетъ покрываться желанною паутиною бездѣйствія...

Позвольте, поэтому, вмѣстѣ съ благодарностью за приглашеніе къ сотрудничеству, выразить вамъ и мое сочувствіе задачамъ и постановкѣ новаго журнала.

«Трудовая помощь» является новымъ орудіемъ гласности въ дѣлѣ благотворенія, а гласность есть одно изъ необходимѣйшихъ, жизненныхъ условій этого дѣла. Великое правило о правой рукѣ, не вѣдающей о томъ, *какъ* и *кому* творить добро лѣвая, примѣнимо исключительно къ частной дѣятельности. Тамъ оно необходимо. Личная помощь требуетъ тайны. Между дѣлающимъ добро и принимающимъ его допустимъ, по свойствамъ человѣческой духовной природы, лишь одинъ свидѣтель—Богъ; всякій другой свидѣтель невольно растравляетъ язвы больной гордости, отсутствіе которой часто служитъ признакомъ наступившаго душевнаго равнодушія, уже близкаго къ нравственному паденію. Тайна нужна и для дѣлающаго добро, хотя бы для устраненія того, что Тургеневъ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» называетъ «безобразіемъ самодовольной, дешево доставшейся добродѣтели, которая едва ли не противнѣе откровеннаго безобразія порока...».

Но иначе обстоитъ дѣло въ благотворительности общественной. Здѣсь тайна благотворенія невозможна, по крайней мѣрѣ по отношенію къ *способу* и *пріемамъ* дѣятельности. Отсутствіе свѣта, обусловленное этою тайною, должно имѣть обычные результаты. Въ углахъ и на стѣнахъ зданія, куда не проникаетъ свѣтъ, заво-

дится плѣсень, сырость и выростаютъ зловредные грибы. Отсутствіе гласности—широкой, систематической и, что очень важно, способной заинтересовать—быстро охлаждаетъ добрые порывы въ обществѣ. Является сомнѣніе, недовѣріе — и коллективная «рука дающаго» — представляемая благотворительнымъ учрежденіемъ, оскудѣваетъ...

Это положеніе можно бы признать общимъ мѣстомъ, если бы практическая жизнь не показывала, что оно вовсе не такъ общепризнано, какъ это можетъ казаться. Достаточно вспомнить исторію гибели превосходнаго по замыслу и результатамъ своего осуществленія «Общества посѣщенія бѣдныхъ въ Петербургѣ», основаннаго княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ,—которое благополучно перенесло, опираясь на свои жизненныя силы и общее довѣріе, рядъ тяжелыхъ ударовъ — и распалось послѣ того, какъ, будучи привито къ бюрократическому учрежденію, потеряло право самостоятельно печатать во всеобщее свѣдѣніе свои отчеты, не обезцвѣченные мертвящею канцелярскою регламентаціею.

Но не однимъ проводникомъ свѣта въ область благотворенія долженъ явиться новый журналъ. Судя по пятому, шестому и седьмому пунктамъ программы, онъ будетъ органомъ объединенія различныхъ отраслей помощи трудомъ, во имя и ради труда, не ограничиваясь сравнительно узкою сферою «домовъ трудолюбія», а затрогивая всѣ вопросы, соприкасающіеся съ общественною благотворительностью. А вопросовъ этихъ много и расходятся они радіусами отъ одного общаго понятія о трудѣ. Сообразно своему отношенію къ нему люди, нуждающіеся въ общественной поддержкѣ, являются — *ищущими* труда, *бѣгущими* отъ него, *неспособными* къ нему и *испорченными* для него.

Для первой категоріи нужны «дома трудолюбія», со всѣми тѣми особенностями своего устройства, которыя должны давать возможность, при существующихъ экономическихъ условіяхъ, концентрировать въ нихъ *спросъ* на трудъ и широко, гостепріимно раскрывать двери *предложенію* труда. По отношенію ко второй категоріи — празднолюбцевъ, относящихся къ труду съ отвращеніемъ и составляющихъ одну изъ язвъ городской жизни, называемую нищенствомъ, общество должно настойчиво и систематически дѣйствовать принудительными мѣрами, не смущаясь тою жестокою чувствительностью, которая упорно не желаетъ видѣть глубоко растлѣвающаго вліянія нищенства и на просящихъ, и на подающихъ милостыню. Говоря о послѣднихъ, я не имѣю въ виду, конечно, простого русскаго человѣка, наивное и трогательное чувство котораго заслуживаетъ уваженія по своей душевной непосредственности, несмотря на свою близорукость по отношенію къ послѣдствіямъ. Я говорю о тѣхъ многихъ въ слоѣ болѣе развитомъ, которые, проходя холодно мимо недостатка и недохватокъ рабочаго человѣка, нѣсколькими копѣйками, поданными нищему, стараются

заглушить въ себѣ «роптаніе души», смущенной мыслью о нуждѣ и нищетѣ, и считають свой долгъ къ ближнимъ исполненнымъ тѣмъ, что увеличиваютъ среди нихъ тунеядство. Ради общественнаго порядка и нравственности, ради спасенія отъ дальнѣйшихъ паденій — бѣгущихъ отъ труда слѣдуетъ привязать къ нему, какъ къ спасительному якорю. Необходимость принудительныхъ работъ для профессіональныхъ нищихъ должна неминуемо вызвать вопросъ объ устройствѣ «рабочихъ домовъ» рядомъ съ «домами трудолюбія» и, быть можетъ, въ общемъ помѣщеніи съ ними, но съ неизбѣжнымъ раздѣленіемъ въ смыслѣ дисциплины, надзора и распредѣленія рабочаго дня. Нужно-ли говорить, сколько вопросовъ возникаетъ по организаціи призрѣнія людей *неспособныхъ* къ труду, немощныхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ и хронически-больныхъ. Вооруженная выводами опыта и практики Западной Европы, слѣдя за развитіемъ и разновидностями ея благотворительныхъ учрежденій, отзывчивая ко всему, что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Россіи, «Трудовая Помощь» можетъ давать на своихъ страницахъ цѣнныя указанія для цѣлесообразной общественной работы на пользу такихъ нуждающихся и направленія добрыхъ побужденій отдѣльныхъ лицъ на вѣрный, имъ очень часто совершенно невѣдомый, путь.

Остается послѣдняя категорія, о которой хотѣлось бы поговорить нѣсколько подробнѣе. Для успѣшнаго труда — нужна бодрая душа и здоровое тѣло. Гдѣ разбита, измучена или извращена первая, нѣтъ ни готовности, ни способности къ работѣ; — гдѣ изможено и заморено второе — нѣтъ силъ, нѣтъ необходимаго напряженія для работы. Поэтому люди, въ которыхъ тяжкія условія жизни, злоба однихъ и равнодушіе другихъ, выработали такую душу и такое тѣло, могутъ быть признаны *испорченными* для труда. Эта порча тѣмъ сильнѣе, чѣмъ раньше она началась, — а къ сожалѣнію обыкновенно она начинается рано, очень рано, — съ дѣтства.

Дѣти — вотъ тотъ мягкій матеріалъ, изъ котораго выработываются будущіе отверженцы здороваго труда. Давно уже сказано, что «ребенокъ — отецъ взрослаго». Впечатлѣнія, чувства, картины, вынесенныя изъ дѣтскихъ лѣтъ, невидимо дѣйствуютъ на взрослаго и часто даютъ безсознательное направленіе его рѣшеніямъ и поступкамъ. Онѣ производятъ въ волѣ, въ характерѣ — *девіацію*, подобную той, которая заставляетъ стрѣлку компаса отклоняться въ сторону отъ вѣрнаго направленія. Въ самой сокровенной глубинѣ души человѣка лежатъ вынесенныя изъ дѣтства симпатіи и антипатіи; въ туманной дали воспоминаній таятся поразившія его ужасомъ или отвращеніемъ картины, уязвившія его сердце слова или взгляды и первыя зерна горькаго житейскаго опыта, съ болью вошедшія въ безжалостно взбороненную, беззащитную ниву дѣтской души. И если въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ нѣтъ ничего свѣтлаго, теплаго, добраго, — если онѣ не даютъ мысли и чувству вырваться

изъ круга порочныхъ и тягостныхъ представленій, то и отъ взрослаго трудно ждать чистыхъ побужденій... А иногда — и это еще печальнѣе — въ сердцѣ заброшеннаго маленькаго существа совершенно нѣтъ мѣста для какихъ-либо воспоминаній, кромѣ чисто-животныхъ. Только животныя вожделѣнія и животный страхъ будутъ стимуломъ его дѣйствій въ качествѣ взрослаго.

Поэтому охрана дѣтей, защита ихъ отъ растлѣвающихъ душу и разрушающихъ тѣло воздѣйствій, есть одна изъ самыхъ святыхъ, изъ самыхъ важныхъ задачъ общества. Въ исполненіи ея никогда нельзя будетъ сдѣлать не только много, но даже достаточно, ибо проявленія зла, окружающаго дѣтей, слишкомъ разнообразны и многочисленны. Съ грустью надо сознаться, что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только въ *отсутствіи* семьи, но и въ ея *наличности*. Не одинъ безпріютный, безродный или брошенный, какъ говорятъ нѣмцы, «на четыре вѣтра» ребенокъ подвергается всѣмъ дурнымъ вліяніямъ, но и связанный, иногда, къ сожалѣнію, слишкомъ крѣпко, съ семьею. Это не всегда семья *дурная*, — часто это лишь семья *несчастная*. Постоянная жизнь впроголодь и въ холодѣ, неудачная и отупѣлая гоньба за кускомъ хлѣба, отсутствіе какихъ либо здоровыхъ впечатлѣній, бодрость и забвеніе, прежде всего забвеніе, находимыя только въ водкѣ — все это создаетъ условія, гибельно дѣйствующія на одичалаго, голоднаго ребенка. Брань пьянаго отца, вопли побитой матери, вѣчное взаимное раздраженіе, ожесточенныя проклятія, посылаемыя жизни и всему существующему, глубоко западаютъ во всегда воспріимчивый и боязливо, но упорно наблюдательный умъ ребенка, а откровенныя слова и картины изъ области сокровеннѣйшихъ людскихъ отношеній — въ самомъ нѣжномъ возрастѣ развертываютъ предъ нимъ одну лишь книгу животныхъ отношеній. Безъ Бога, безъ наивной дѣтской фантазіи, безъ свѣтлыхъ душевныхъ радостей возрастаетъ, подгоняемый пинками и колотушками, маленькій звѣрекъ — и не мудрено, что въ немъ malitia supplet aetatem, какъ говорили старые юристы.

Если таково бываетъ воздѣйствіе на ребенка семьи несчастной, то нужно ли говорить о томъ, какъ вліяетъ на него семья *дурная*. Просмотръ дѣлъ о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, объ умышленномъ развращеніи ихъ нравственности, о продажѣ ихъ въ своеобразное артистическое невольничество — даетъ незабываемыя, давящія какъ кошмаръ, картины.

Приступая къ судебно-медицинскому описанію пороковъ, извращающихъ человѣческую природу, знаменитый Тардье восклицаетъ: «c'est ici qu'on désèspere de l'humanité». Но съ одинаковымъ основаніемъ можно сказать то же по отношенію къ случаямъ истязанія дѣтей. Самое «окаменѣлое годами» сердце не можетъ не сжаться отъ справедливаго гнѣва и безконечной жалости при созерцаніи чудовищной противуположности: силы, злости

и иногда утонченной жестокости, съ одной стороны — и полной безпомощности, захватывающаго дѣтскую душу отчаянія, заглушенныхъ воплей и горячихъ слезъ, съ другой. И если первой семьѣ можно простить ея дурное вліяніе за ея невѣжество, темноту и несчастіе, то вторая не находитъ себѣ оправданія потому, что у истязателя или мучительницы есть всегда молчаливый, преступно-слабый, эгоистическій попуститель — и еще потому, что, къ стыду нашихъ дней, такая семья въ процентномъ отношеніи чаще встрѣчается въ кругу людей, участвующихъ въ «базарѣ житейской суеты». Самые вопіющіе случаи жестокаго обращенія, совершаемаго въ обстановкѣ, въ значительной мѣрѣ обезпечивающей молчаніе окружающихъ, происходятъ именно въ этой средѣ, гдѣ нерѣдко внѣшній лоскъ полуобразованія лишь прикрываетъ тонкимъ слоемъ распущенные и злобные инстинкты. Здѣсь надо отмѣтить еще и двѣ особенности. Изобличителями и заступниками въ большинствѣ такихъ случаевъ являются не лица, принадлежащія къ тому же «базару», которыя обыкновенно замыкаются въ неумѣстность «вмѣшательства» въ чужія частныя и семейныя дѣла, а простые люди — дворничихи, прислуга и т. п., у которыхъ «сердце изныло, слышамши — видѣмши», какъ расправляются «съ дитёю»... Вмѣстѣ съ тѣмъ медленный, но несомнѣнный приливъ человѣчности, который замѣчается съ теченіемъ времени въ разныхъ областяхъ жизни, повидимому совсѣмъ не проникаетъ за стѣны, гдѣ пріютилось истязаніе дѣтей. Между мрачнымъ Рижскимъ дѣломъ объ истязаніи въ 1778 г. маіоромъ Клодтомъ и его женою малолѣтней Трины, — дѣломъ извѣстной въ своемъ родѣ вдовы штабсъ-капитана Леонтьевой въ 1851 году и новѣйшими дѣлами о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми нѣтъ никакой разницы ни въ мотивахъ, ни, если можно такъ выразиться, въ методѣ этого обращенія. Таже жестокая потѣха надъ ужасомъ, объемлющимъ дѣтскую душу, то же наслажденіе замираніемъ маленькаго сердца, та же безчувственность къ страданіямъ отъ организованнаго голоданія и замораживанья, та же, почти чувственная, изобрѣтательность въ причиненіи ребенку боли и внутренняго разстройства.

Но чего же смотритъ законъ? невольно спрашиваютъ непосвященные. Законъ караетъ — приходится имъ отвѣтить. Но даетъ ли онъ возможность предупредить «hanc saevitiam»? Очень слабую, почти ничтожную, предоставляя раскрытіе случаевъ истязанія частной иниціативѣ и не вооружая ее для этого никакими опредѣленными правами. Существующія у насъ общества для защиты дѣтей, страдающихъ отъ дурного или жестокаго обращенія, отъ растлѣвающей семейной или ремесленной обстановки, устроенныя на подобіе французскаго «Союза въ защиту угнетаемаго дѣтства», еще не добились разрѣшенія для своихъ членовъ свободнаго входа во всѣ тѣ помѣщенія, гдѣ страдаютъ беззащитныя дѣти. Этотъ входъ могъ бы предупредить многое, ибо карательный за-

конъ приходитъ на мѣсто страданія своею тяжелою и медленною поступью нерѣдко тогда, когда уже *поздно*, и справедливое возмездіе виновнымъ уже не можетъ возвратить ни здоровья, ни жизни, ни душевной чистоты неповинному маленькому страдальцу. Да и кругозоръ уголовнаго закона у насъ очень еще узокъ. Цѣлый рядъ случаевъ, преимущественно изъ той области, которую французы называютъ dépravation des mineurs, не подходитъ подъ его опредѣленія и заставляетъ нетерпѣливо ждать новаго уложенія съ его болѣе жизненными взглядами.

Но убѣдившись въ виновности или оснавательно заподозрѣвъ ея существованіе — законъ ограждаетъ дѣтей въ дальнѣйшемъ? спросятъ насъ. Увы! приходится отвѣтить отрицательно. Дѣйствія закона замыкаются въ предѣлы 168—170 ст. 1 ч. X т., которыя, отрицая право родителей на жизнь дѣтей и на ихъ соучастіе въ своихъ преступленіяхъ, ограничиваютъ заботу мѣстныхъ начальствъ преданіемъ суду виновныхъ за дѣянія, подлежащія уголовной карѣ. Но обширная область такихъ дѣйствій, которыя не предусмотрѣны уложеніемъ, хотя могутъ быть прямо направлены противъ души и тѣла ребенка, остается не тронутою и огражденную отъ вмѣшательства этихъ мѣстныхъ начальствъ. Дѣти православныхъ родителей, воспитываемые ими по обрядамъ другаго христіанскаго же исповѣданія, согласно ст. 190 уложенія, отбираются отъ нихъ и отдаются православнымъ родственникамъ или правительственнымъ опекунамъ. Такъ зорко и строго охраняетъ законъ дѣтей отъ всякаго вліянія инославія... Но если родители впадаютъ въ развратъ, въ безпробудное пьянство, въ тунеядство, если они погрязаютъ въ порокѣ, если каждый день ихъ жизни сѣетъ плевелы порчи и нравственной гнили въ душѣ ребенка, если каждое дыханіе ихъ постыднаго существованія не «славитъ Господа», а отравляетъ умъ и сердце, память и воображеніе дитяти—мѣстнымъ начальствамъ дѣлать нечего, ибо законъ ихъ не только ни къ чему не обязываетъ, но и можетъ послужить имъ опорою для воспрещенія вмѣшательства частной дѣятельности добрыхъ людей.

Мы еще очень далеки отъ положенія, созданнаго англійскимъ Summary jurisdiction Act, по которому простой констебль можетъ арестовать лицо, совершившіе проступокъ противъ жизни, здоровья или *нравственности* дѣтей, отобравъ и помѣстивъ ихъ въ безопасное мѣсто,—или отъ бельгійскаго закона о лишеніи родителей и опекуновъ правъ на воспитаніе дѣтей, если они окажутся *недостойными* пользоваться этими правами. Когда возбуждается дѣло о развращеніи дѣтей или о жестокомъ съ ними обращеніи— они, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ энергическаго и притомъ не основаннаго на законѣ частнаго вмѣшательства, остаются у родителей и вообще лицъ, имѣющихъ надъ ними власть. И тогда начинается исторія дальнѣйшаго ихъ развращенія путемъ проявленій лицемѣрной доброты, обольщенія обѣщаніями, подговора

ко лжи, къ самообвиненіямъ, съ затаенною ненавистью и, быть можетъ, сладкою надеждою выместить все *потомъ*, когда минетъ бѣда, выместить *по другому*, безгласно и продуманно. Бывали дѣла—и ихъ не мало,—когда дѣти подвергнутыя разнымъ истязаніямъ и голоданію, и оставленныя у родителей или близкихъ имъ лицъ, пройдя подготовительный къ процессу курсъ, заявляли съ дѣловитою развязностью, что ихъ слѣдовало наказывать, ибо они были лжецами, воришками, лѣнтяями и вообще не умѣли цѣнить родительской заботы о себѣ. Обвинители съ близорукимъ вниманіемъ останавливались обыкновенно на рубцахъ и ссадинахъ на *тѣлѣ* дѣтей, забывая сказать о рубцахъ и ссадинахъ на ихъ несчастной *душѣ*, проведенной сквозь школу *дѣйствительной лжи* и нравственнаго растлѣнія... И бывали случаи, когда дѣтей отдавали назадъ для дальнѣйшаго исправленія пороковъ, въ которыхъ они такъ великодушно сознались... Но даже и тогда изъ-за обычныхъ размышленій о трудности отдѣлить педагогическія мѣры родительскаго исправленія отъ крутого обращенія, насиліе и жестокость выдвигаются слишкомъ ярко и взываютъ объ осужденіи,—даже и тогда осужденный, почти никогда не подлежащій лишенію всѣхъ правъ, не теряетъ своей власти надъ своимъ невольнымъ обвинителемъ и такъ или иначе можетъ свести съ нимъ счеты.

На ряду съ непосредственнымъ жестокимъ обращеніемъ есть еще не менѣе пагубная *отдача въ жестокое обращеніе*. Во многихъ случаяхъ такъ можно бы назвать, не боясь особаго преувеличенія, отдачу въ обученіе ремесламъ, при которомъ, къ обычнымъ немыслимымъ санитарнымъ условіямъ, присоединяется и дурное обращеніе, а иногда и развращающее вліяніе хозяина и его подмастерьевъ. Надо надѣяться, что законъ о регулированіи фабричнаго труда, съ его развѣтвленіями въ защиту дѣтей, найдетъ себѣ примѣнительное распространеніе и въ области труда ремесленнаго. Но наиболѣе ужасный видъ обращенія дѣтей въ невольничество—есть отдача ихъ нищимъ и разнаго рода бродячимъ артистамъ. Можно представить себѣ *что̀* переживаютъ несчастныя дѣти, отданныя на произволъ такихъ руководителей и учителей, какія мучительства совершаются надъ этими заморышами, которые назойливо и неотступно клянчатъ у прохожихъ, съ тѣмъ чтобы отнести полученное «предпринимателю», сидящему въ ближайшемъ кабакѣ. Что̀ продѣлывается надъ этими гимнастами, «каучуковыми людьми», маленькими клоунами и т. п., какія раны и синебагровыя полосы прикрываетъ ихъ трико тѣлеснаго цвѣта и пояса съ блестками! Къ какимъ слѣдамъ горькихъ и безнадежныхъ слезъ прилипли румяна и бѣлила ихъ отвратительной клоунской маски! Еще недавно въ Акмолинскомъ областномъ судѣ разбиралось дѣло о смерти *пятилѣтняго* мальчика, не вынесшаго слишкомъ сильнаго сгибанія назадъ позвоночнаго столба, что бы-

ло необходимо для того, чтобы, на глазахъ бездушной публики, схватиться руками за пятки и просунуть голову между ногъ... А развращеніе дѣтей, допускаемое иногда согласно афишѣ, носящей традиціонный провинціальный заголовокъ «съ дозволенія начальства»? Не такъ давно была перепечетана въ разныхъ изданіяхъ корреспонденція «Астраханскаго Листка» о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, вслѣдствіе ихъ малаго заработка, господъ Штанцеля и Кафранаха, содержавшихъ оркестръ изъ 20-ти маленькихъ дѣтей, увеселявшихъ пьяную и развратную публику «отдѣльныхъ кабинетовъ» игрою на арфахъ, и о приводящемъ публику въ экстазъ канканѣ, исполняемомъ на подмосткахъ мѣстнаго «Континенталя» четырехъ, пяти и шести-лѣтними дѣтьми(!!).

Читая «L'homme pui rit», хочется думать, что человѣколюбивая фантазія поэта перешла въ изображеніи *компрачикосовъ* и ихъ жертвъ за предѣлы дѣйствительности. Но жизнь лишь подтверждаетъ то, о чемъ вопіютъ образы Гюго.

По свѣдѣніямъ англійской газеты «Lancet», Австро-Венгрія занимаетъ первое мѣсто въ производствѣ уродовъ для прошенія милостыни. Несчастнымъ дѣтямъ дѣлаютъ искусственные переломы и увѣчья, вырываютъ глаза, растравляютъ раны... Недавно въ Прагѣ былъ привлеченъ къ суду человѣкъ, «выдѣлывавшій лилипутовъ» и за каждое обезображенное дитя получавшій по 300 флориновъ.

У насъ тоже часто стали обнаруживаться случаи отдачи дѣтей профессіональнымъ нищимъ. Нынѣшнее лѣто газеты огласили три такихъ, съ ужасающими подробностями. А сколько ихъ не доходитъ ни до чьего свѣдѣнія! Между оглашенными случаями особенно характерна исторія отобранія полиціею города Николаева семилѣтняго мальчика отъ нищенствующей четы дворянъ Коцюбинскихъ, выкручивавшихъ ему, съ профессіональными цѣлями, ноги и пальцы на рукахъ,—исторія, которая окончилась тѣмъ, что мальчикъ, водворенный въ человѣколюбивую семью купца Власенко, былъ, по требованію матери, отдавшей его Коцюбинскимъ, возвращенъ въ ея распоряженіе, несмотря на свое отчаяніе, крики и даже борьбу, несмотря на слезы и мольбы пріютившихъ его добрыхъ людей...

Такова обстановка надругательства надъ дѣтьми, которая создаетъ будущую физическую и нравственную негодность ихъ къ труду и нерѣдко ведетъ къ преступленію. Тюрьма является зачастую неизбѣжнымъ послѣдствіемъ порочно проведеннаго или порочно обставленнаго дѣтства и это потому, что для нравственнаго развитія ребенка среди обстановки, въ которой онъ живетъ или прозябаетъ, его дѣтское «ambiente», употребляя прекрасное итальянское слово, гораздо важнѣе предрасположенности его физической природы, а заразительность порока чрезъ общеніе съ порочными людьми гораздо сильнѣе, чѣмъ чрезъ наслѣдственность.

Международный Тюремный Конгрессъ 1890 года рѣшительно высказался противъ *типа* непоправимо-порочнаго человѣка. Надо умѣть развить въ подвергшейся дурному воздѣйствію среды душѣ ребенка или отрока безсознательно коренящіяся въ ней чувство и жажду справедливости, показать ея примѣры на практикѣ—и первый шагъ къ спасенію сдѣланъ! Надо умѣть въ самой испорченой душѣ, гдѣ все-таки всегда остаются здоровые островки, лишь покрытые наноснымъ иломъ и грязью, найти точку опоры для внѣшняго добраго на нее воздѣйствія. Въ этомъ, въ сущности, главное средство исправленія. Но дѣти, беззащитно предоставленныя воздѣйствію среды, гибнутъ или увеличиваютъ число тѣхъ, кого Бисмаркъ, со свойственною ему мѣткостью назвалъ «die Catilinarischen Existenzen».

Послѣднее явленіе начинаетъ принимать все болѣе и болѣе грозные размѣры. За истекшее десятилѣтіе число приговоренныхъ малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи возрасло съ 3 до 12½ тысячъ, т. е. увеличилось болѣе чѣмъ въ четыре раза,—а сколько еще ускользнуло отъ суда и преслѣдованія! Изъ числа находившихся къ 1 января 1895 г. въ русскихъ исправительныхъ пріютахъ—992 малолѣтнихъ преступниковъ — 480 имѣли въ живыхъ обоихъ родителей, 275 одну мать, 88 только отца и 126 были круглыми сиротами. Главное преступленіе, за которое они попали подъ судъ—была кража и вообще похищеніе чужой собственности, но между ними было однако и 15 поджигателей, 8 преступниковъ противъ нравственности и 3 убійцы. Цифры эти не требуютъ комментарій, а иллюстраціей къ нимъ являются фигурирующія на скамьѣ подсудимыхъ нашихъ столицъ шайки малолѣтнихъ воровъ и даже грабителей. Живое изображеніе пути, по которому ребенокъ толкается въ объятія порока и преступленія, представляетъ жизнь молодой дѣвушки, Авдотьи Сергѣевой, убитой въ пьяной свалкѣ, въ одной изъ трущобъ около Сѣнной площади, въ 1890 году. По разсказу ея матери—она, вмѣстѣ съ мужемъ, отдавала дочь, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ *«на прокатъ»* нищимъ,—пяти лѣтъ дѣвочка стала сама ходить за милостыней, въ восемь сдѣлалась привычною воровкою и по суду была отдана «на исправленіе» родителямъ, которые, когда ей минуло 13 лѣтъ, продали ее за 10 рублей «благородному человѣку»—и т. д., покуда пьяная рука, вооруженная ножемъ или пивною бутылкою, не прекратила ея жалкое существованіе, по поводу котораго, едва ли кто-нибудь отважится бросить камень *въ нее...*

Я не стану говорить о предметахъ купли или соблазна со стороны «благороднаго человѣка», о молодыхъ дѣвушкахъ,—жертвахъ невѣжества, легкомыслія или роковой обстановки большихъ городовъ. Это слишкомъ обширный и связанный со многими этическими и экономическими сторонами жизни предметъ. Укажу только, что выработка правилъ и устройство учрежденій, подры-

вающихъ то, что принято называть «la traite des blanches», составляло въ послѣдніе годы предметъ оживленныхъ занятій различныхъ научныхъ конгрессовъ по праву, соціологіи и нравственнымъ вопросамъ.

Этимъ несчастнымъ «жертвамъ общественнаго темперамента» нужно помогать не ложною чувствительностью моднаго аболиціонизма, а систематическимъ открытіемъ имъ пути къ честному труду. Вѣроятно, что и здѣсь соотвѣтствующее развѣтвленіе дома трудолюбія оказало бы громадную пользу, быть можетъ съ примѣненіемъ, въ началѣ, при извѣстныхъ условіяхъ дисциплины рабочаго дома. Не даромъ же программа новаго журнала говоритъ объ учрежденіяхъ, «возстановляющихъ трудоспособность», которая можетъ быть не только физическою, но и моральною.

Таковы разнородныя и обширныя перспективы, которыя слова «помощь и трудъ», написанныя на знамени, могутъ открывать тѣмъ, кто сплотится вокругъ этого знамени съ искреннимъ желаніемъ послужить бѣдному, несчастному и падшему брату своему. Здѣсь откроется и плодотворное поле для дѣятельности женщинъ. Не даромъ извѣстный Лоренцъ Штейнъ говоритъ: «мужчина разрабатываетъ соціальные вопросы въ теоріи, — женщина рѣшаетъ ихъ на практикѣ; мужчина вѣритъ въ свой умъ,—женщина чутко прислушивается къ голосу своего сердца и эта тихая безшумная работа женскаго сердца часто одерживаетъ побѣду тамъ, гдѣ мужской умъ чувствуетъ свое безсиліе».

Широкія рамки § 1 Примѣрнаго Устава Попечительныхъ Обществъ о домахъ трудолюбія даютъ возможность возложить на эти общества стремленіе къ указаннымъ выше задачамъ. Объединенные однимъ духомъ и направленіемъ, распадаясь на отдѣлы, дающіе работу ищущему, — властно привлекающіе къ ней бѣгущихъ отъ нея, — оберегающіе, зоркимъ и дѣятельнымъ надзоромъ, дѣтскія силы для будущаго труда и трудомъ же врачущіе потерю «нѣжной прелести стыда», — эти Общества, подъ однимъ общимъ руководствомъ могли бы осуществлять великую и плодотворную миссію... Расширеніе первоначально намѣченной дѣятельности этихъ обществъ уже сдѣлано. Статья вторая «Положенія объ Ольгинскомъ дѣтскомъ пріютѣ трудолюбія» указываетъ на задачу призрѣнія и пріученія къ труду остающихся въ столицѣ безъ присмотра или пристанища дѣтей обоего пола впредь до передачи ихъ на надежное попеченіе родственниковъ, благотворительныхъ учрежденій или частныхъ лицъ, или же до надлежащаго подготовленія ихъ къ трудовой жизни. Такимъ образомъ уже обращено вниманіе на несчастныхъ дѣтей и положено начало выполненію святого завѣта «о малыхъ сихъ».

Широта и разнообразіе возможныхъ задачъ общества обусловливаютъ и характеръ дѣятельности «Трудовой помощи», какъ толкователя, разъяснителя, возбудителя и объединителя всѣхъ вопро-

совъ трудовой помощи, понимаемой и принимаемой въ широкомъ и жизненномъ смыслѣ. Быть можетъ, viribus unitis, со временемъ удастся достигнуть того, что вокругъ центральныхъ учрежденій, въ неразрывной и органической съ ними связи, кристаллизируются всѣ аналогичныя общества, дѣйствующія нынѣ въ разсыпную и потому малосильныя,— и явится одно сложное въ частяхъ, единое по цѣли и идеѣ, учрежденіе, которое, со спокойною увѣренностью въ успѣхѣ, смѣло взглянетъ въ глаза пороку и нищетѣ, безволію и страданію... Пора однако кончить! Я взялся за перо, лишь чтобы благодарить васъ, сказать, что по недосугу лишенъ возможности войти въ гостепріимно раскрываемыя вами двери «Трудовой помощи» съ какимъ-нибудь цѣльнымъ и систематическимъ трудомъ, и просить извинить мой вынужденный отказъ... Но извиненіе вышло такъ длинно, что вы можете, пожалуй, припомнить слова Гейне: «не пишутъ такъ пространно — рѣшительный отказъ!» Вы будете и на этотъ разъ правы... Позвольте искренно пожелать успѣха «Трудовой помощи» и увѣрить васъ въ моемъ уваженіи...

1897 г. Октября 22.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕНІЙ И ССЫЛОКЪ.

Страницы обозначены крупными цифрами.

СТАТЬИ ЗАКОНА,

НА КОТОРЫЯ СДѢЛАНЫ ССЫЛКИ ВЪ КНИГѢ.

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій.

Уставъ Уголовнаго Судопроизводства.

Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями.

Уложеніе о наказаніяхъ.

Законы гражданскіе.

(1 ч. X. т. С. З.).

Уставъ торговый.

(Т. XII. С. З.).

Общее Губернское Управленіе.

(Т. II. ч. I. С. З.).

Законы Основные.

(Т. I. ч. 1. С. З.).

Сводъ Учрежденій Государственныхъ.

(Т. I. ч. 2. С. З.).

Уставъ о службѣ гражданской.

(Т. III. С. З.).

Законы о состояніяхъ.

(Т. IX. С. З.).

Уставъ о воинской повинности.

Наставленіе присутствіямъ по пріему новобранцевъ.

Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ 12 Іюля 1889 г.

Духовный Регламентъ.

Наставленіе о должностяхъ пресвитеровъ духовныхъ.

Уставъ Евангелическо-Лютеранской церкви.

Сборникъ постановленій по почтово-телеграфному вѣдомству.

Временныя постановленія по почтовой части.

Уставъ о паспортахъ.

(Т. XIV, Св. Зак., изд. 1857 г.),

